

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Челябинский государственный университет»

СЛОВО, ВЫСКАЗЫВАНИЕ, ТЕКСТ В КОГНИТИВНОМ, ПРАГМАТИЧЕСКОМ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

Материалы
VIII Международной научной конференции

*Челябинск
20–22 апреля 2016 года*

ТОМ 2

Челябинск
2016

УДК 331.881
ББК Ф72(235.55),2
С 48

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Челябинского государственного университета*

Редакционная коллегия

доктор филологических наук, профессор Л. А. Нефедова (отв. ред.)
кандидат филологических наук О.Р. Абдрахманова
кандидат филологических наук, доцент Т.А. Волкова
кандидат филологических наук Д.А. Миронова
кандидат филологических наук С.С. Краева
преподаватель кафедры теории и практики перевода М.Д. Балаев
преподаватель кафедры теории и практики перевода М.Ю. Дмитриева
преподаватель кафедры теории и практики перевода Е.С. Краснопеева

С48 Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах : материалы VIII Междунар. науч. конф., Челябинск, 20–22 апреля 2016 г. / отв. ред. Л. А. Нефедова. – Т. 2. – Челябинск : Энциклопедия, 2016. – 518 с.
ISBN 978-5-91274-294-1

В сборнике представлены статьи российских и зарубежных ученых, принявших участие в VIII международной научной конференции, посвященной актуальным проблемам, связанным с взаимоотношением языка, культуры и общества. В сборнике освещаются общетеоретические вопросы функциональных и прикладных проблем языкознания, перевода и методики преподавания иностранных языков, рассматриваются способы отражения языковой картины мира в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах.

Издание адресовано специалистам в области лингвистики, аспирантам и студентам лингвистических и филологических факультетов высших учебных заведений.

**УДК 331.881
ББК Ф72(235.55),2**

Сборник издается в авторской редакции

ISBN 978-5-91274-294-1

© Коллектив авторов, текст, 2016
© ООО «Энциклопедия», дизайн, 2016

ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ В ЛИНГВИСТИКЕ XXI ВЕКА

К. А. Андреева

Тюменский государственный университет
(Тюмень, Россия)ТЕХНОЛОГИИ КОГНИТИВНОЙ ПОЭТИКИ В ЭКСПЛИКАЦИИ
КОНСТРУИРОВАНИЯ ФАНТАСТИЧЕСКОГО МНОГОМИРИЯTECHNOLOGIES OF COGNITIVE POETICS IN THE PROCESS
OF CONSTRUAL OF FANTASTIC MANY WORLDS

В статье предпринята попытка представить ситуацию с проблемой определения, типологии и описания относительно нового явления: многомирия в отечественной и зарубежной лингвистике. Резюмирование и интеграция результатов обзора позволили сформулировать некоторые теоретические предпосылки выработки исходных процедур и приёмов экспликации процессов ментального конструирования многомирия литературного текста и его языковой репрезентации. Гипотеза частично апробирована на материале анализа первого романа Ст. Кинга из цикла «Тёмная Башня». Подтверждена на практике возможность «входа» исследователя (читателя) в текстовые миры с помощью дейктико-референтивных сигналов, базовое значение описаний как пространств вхождения в миры, ценность установленных приёмов и процедур анализа, накопленных лингвистикой предшествующего периода.

In the present article an attempt has been made to give a short survey of Russian and West European linguistic approaches to the new problems of defining, classification and characteristics of many-worlds' phenomenon. As a result, certain theoretical assumptions, initial technologies and tools of analysis of mental construal of text worlds were briefly outlined. Our tentative hypothesis was explored by its application to the analysis of Stephen King's novel "The Gunslinger". The possibility of the scholar's "immersion" into textual worlds with the help of deictic-referential signals has been proved, as well as the value of identifying descriptions as vital entities leading to this entrance, in complex with technologies of their detailed linguistic analysis taken from linguistics of the previous period.

Ключевые слова: многомирие, текстовые миры, конструирование, текст-описание, прототипы, пропозиции, нарративные ряды.

Keywords: many-worlds picture, text worlds, construal, text-description, prototypes, propositions, narrative sequence.

Настоящая статья посвящается теоретической проблеме обоснования целесообразности выделения многомирия в современной лингвистике, а также возможным технологиям его исследования. Тему выделения и описания текстовых миров отличает относительная новизна и недостаточная изученность, во всяком случае, в отечественной лингвистике. Постановка проблемы была заявлена уже в трудах ведущих отечественных лингвистов: Ю. Д. Апресяна, Ю. М. Лотмана, Ю. С. Степанова, Е. С. Кубряковой и др. Чаще всего к ней подходили как к некоему аналогу понятия «картина мира». Нам известно ограниченное количество специальных работ отечественных ученых, давших определения и попытавшихся представить со-

ответствующую типологию: Н. С. Новиковой, Н. В. Черемисиной, Е. С. Полянской и др. [7]. Е. С. Кубрякова уделила значительное внимание этому феномену в своей последней монографии, поставив в качестве одной из глобальных задач будущего когнитивной лингвистики проблему исследования конструирования мира [4]. Это и определяет актуальность избранной нами темы.

Гораздо большего внимания эта проблема удостоилась в зарубежных исследованиях, в частности, в области её применения к анализу материала литературных текстов в рамках когнитивной поэтики. Подобный путь исследований намечен в трудах М. Берка, П. Верта, Дж. Гэвинза, К. Оутли, П. Стоквелла, Е. Семино, М.

Фримэн, К. Эммот и других. Как было отмечено зарубежной когнитивной поэтикой, остов конструирования литературных текстовых миров определяется пятью (иногда сама номенклатура несколько меняется, как следует ниже) дейктико-референтивными сигналами, поддерживающими всю конструкцию текстового многомирия: 1) пространство, 2) время, 3) персонажи, 4) их социальный статус, 5) эмпатия. Именно эти сигналы обеспечивают «вход» и «выход» из миров читателя и исследователя [8].

Структурно-смысловая организация текста поддерживается поэтическими макрокатегориями: Голос, Точка Зрения и Перспектива, существенно влияющими на семантику и мультимодальность текста: его смысловое движение, его переходы, неоднозначность, игру смысловых оттенков в разных «переливах» мнений и личностных позициях актантов. В фантастических произведениях весьма значительна роль выделения и взаимодействия разных миров, макроблоков повествования.

Материалом практической части нашей статьи послужил анализ многомирия первой книги «самой длинной сказки-фэнтези» Стивена Кинга («Тёмной Башни»), под названием «Стрелок» [10]. Цикл повестей Ст. Кинга, объединяемых общим замыслом сюжета «Тёмной Башни», включает их более семи. Цикл создавался автором в течение 33 лет его жизни и представляет собой удивительное и чрезвычайно богатое для анализа текстового многомирия явление.

Главный герой эпопеи «Тёмная Башня» – Роналд Дискейн, стрелок, последний рыцарь, дальний потомок короля Артура, выросший в некогда прекрасном городе Гилеаде, в центре уже погибшей цивилизации, давно канувшем в Лету. Основная идея всего объёмного романа-фэнтези, развиваемая во всех семи книгах – идея поиска Роналдом могущественной и таинственной Тёмной Башни, средоточия Силы, краеугольного камня мироздания в условиях всё время смещаемой Ст. Кингом реальности. Талант Ст. Кинга, проявившийся в его искусстве создать столь сложную «архитектуру» многомирия, ставит несомненные трудности его эксплицирования для лингвиста-исследователя. Кинг немного облегчает эту задачу, давая сам в своих комментариях некоторые «подсказки», помогающие понять зашифрованные им секреты.

Автор мельком сам упоминает существование в романе, по меньшей мере, трёх миров: Мира детства (Ушедшего мира) Роналда (In-

World), Срединного Мира (Mid-World) и ещё одного, называемого Кингом «Наш мир». Уже в первом томе романа «The Gunslinger» («Стрелок» в русском переводе) читатель сталкивается со всеми тремя мирами. Более подробно описан Срединный Мир. Дадим краткое представление Срединного Мира с включением соответствующих Микромиров, естественно меняющихся в соответствии с постоянным сюжетным передвижением Стрелка к своей цели.

Текстовый мир, в понимании Поля Верта, отображающий авторский ментальный конструкт, создаётся в первую очередь, при помощи ориентационных маркеров, ситуативно обозначающих контуры этого мира через номинации времени, места и, собственно, действующих актантов (участников) происходящего. Этому этапу конструирования, с нашей точки зрения, в структуре целого текста реально соответствуют текстовые описания. Ещё в текстлингвистике описание было определено как особый тип текста, содержащий перечисление фиксированных признаков статичного объекта, существующих в определённом временном срезе [6]. В своё время ещё Женнет писал о возможности представления чисто описательных текстов, цель которых просто представить предметы в их пространственном существовании, вне какого-либо события и даже вне временного изменения [9]. Интересно, что Ю. М. Лотман утверждал, что даже некоторые бессюжетные описательные тексты могут обладать классификационными особенностями и утверждать некоторый мир и его устройство [5. С. 286]. В нашем же случае роль именно текстовых описаний, вводящих, как правило, в микромиры отдельных фрагментов многомирия текста, особенно значима. Именно поэтому в начале нашего анализа мы извлекли из текста первого романа «Тёмной Башни» около двадцати вполне объёмных текстов-описаний с разной степенью представленности вышеназванных ориентационных маркеров, ситуативно обозначающих контуры ментальных и текстовых миров. Данные описания были распределены нами по тематическим блокам и далее, более детально, по их роли введения в соответствующие Микромиры эпизодов и ситуаций романа. Перечислим текстовые тематические блоки с соответствующими Микромирами. Природа: Микромиры – «Пустыня», «Прерии», «Горы», «Предгорья», «Скалы», «Мир Казни», «Поляна жертвоприношений». Города: город Талл, город Гилеад, Нью-Йорк. Точечное (ограниченное пространство) Микромиры: по-

стройки (и части построек) – «Кухня», «Погреб», «Конюшня», «Древний алтарь», «Старая железная дорога», «Таверна», «Большой зал» в Гилеаде. Космос: «Звёздное небо», «Вселенная».

Кроме физического пространства Среднего Мира можно выделить Психологическое пространство персонажей, в том числе Внутренний Мир Стрелка: «Воспоминания о жизни в «Гилеаде», «Воспоминание о поваре и его казни», «Воспоминание о Сюзан», «Воспоминание о победе над Кортон»; Сны и видения: Многомирие (Видение Стрелка под воздействием мескалина, наркотика), «Нью-Йорк»: Воспоминание о прошлом Джейка (под гипнозом), «Пустая Вселенная» (Сон Стрелка). Пользуясь данными нашей предшествующей работы, мы сочли возможным также разделить все Микромиры (текстовые описания) на динамические, статические и импрессивные [1]. Однако в данной статье мы рассмотрели лишь первый этап конструирования текстовых миров, так как описания с помощью базовых компонентов их строения, очерчивающих их границы, ещё не объясняют развития событий. Эту роль, по словам П. Верта, обеспечивают функционально-двигающие «сюжет» (function-advancing) пропозиции, где ведущим лингвистическим маркером являются глаголы. Различные формы текстового движения, по определению функциональной грамматики, репрезентируют разные типы глаголов: акциональные, реляционные, ментальные, процессуальные, обозначающие действие, событие, состояния, ментальные процессы, а также введения речи [11].

Мы считаем, что существует и другая теория, вполне успешно объясняющая «заполнение» обозначенных Миров. Это теория прототипичного нарратива с её хорошо известной функциональной схемой продвижения действий, именуемая «бриллиантовой схемой», включающая шесть функций: Ориентация, Осложнение, Решение, Оценка, Резюме, Кода. Ядром схемы всегда выступают функции Осложнение – Решение. Наиболее типичные глаголы, реализующие эти функции: акциональные глаголы в прошедшем неопределённом времени в английском языке [2]. Поступательное движение текста, соответствующее заданному автором пути Стрелка к Тёмной Башне, включая «игры» Ст. Кинга с мультимодальностью: выбором речевых партий, временными сдвигами, фокализацией текстовых фрагментов не входит в непосредственные задачи детального

рассмотрения данной статьи. В ней рассматриваются лишь контуры, очертания многомирия и их лингвистическая репрезентация. Отметим ещё дополнительно классификационные особенности текстов, очерчивающих Микромиры, способствующие «входу» в них. Эта специфика была установлена отечественными учёными применительно к русскому языку. Базовые модели их выражения реализуются пропозициями разного рода, определяемыми разными семантико-грамматическими разрядами слов. В русском языке это бытийные предложения, выражающие существование с пропозициями, передающими экзистенцию, тождество, характеристику. В роли основного предиката, пропозиции передающего общий смысл «существования» выступают глаголы «быть», «иметь» (а одной из конструкций: У (него) есть...). Состав глагольных предикатов был далее несколько расширен за счёт выявления дополнительных сем глаголов, уточняющих разные способы существования [3].

Было выявлено, что сами описательные текстовые фрагменты неоднородны по своей семантике, они делятся на статические, динамические и импрессивные (экспрессивно субъективно-оценочные), в соответствии с формой выражения, различными языковыми средствами. Специфика английского языка детерминирует свои особые способы выражения пропозиции существования с использованием базовых структур с глаголами «be» и «have» в качестве глаголов-связок в полных предложениях, в то время как в русских предложениях связки чаще всего отсутствуют («У них... большой дом»). Расширение списка глаголов, передающих оттенки существования, также происходит. Проиллюстрируем «входы» в многомирие романа (с учётом приведённой структурно-семантической специфики их организации) на материале трёх примеров текстов-описаний различных типов.

Пример (1) статического описания. Микромир «Пустыня».

The man in black fled across the desert, and the gunslinger followed. The desert was the apotheosis of all deserts, huge, standing to the sky for what looked like eternity in all directions. It was white and blinding and waterless and without feature save for the faint, cloudy haze of the mountains which sketched themselves on the horizon and the devil-grass which brought sweet dreams, nightmares, death. An occasional tombstone sign pointed the way, for once the drifted track that cut

its way through the thick crust of alkali had been a highway. Coaches and buckas had followed it. The world had moved on since then. The world had emptied.

В первом предложении главы (Пример 1) говорится о вхождении Стрелка в пустыню. Время дано в прошлом. В тексте присутствуют прототипы описания: статичность, пропозиции экзистенции, характеристики: *The desert was the apotheosis...*; *It was white and blinding*. Используемые далее в тексте глаголы, входящие в словосочетания, расширяют базовое значение существования, выражая его оттенки: горизонтальное направление (*sketched themselves on the horizon*), направление (*pointed the way*), локализирующее значение (*cut the way through*). Значительную роль в передаче семантики описания, как обычно, играют имена существительные: *apotheosis of all deserts, eternity, the devil-grass, death, tombstone* с сопутствующими прилагательными, что создаёт мрачный тон.

Пример (2) динамического описания. Микромир «Видение Стрелка (под воздействием мескалина возле древнего алтаря жертвенника)».

A sign. A faint sound of weeping. The gunslinger's genitals felt drawn and hard. Over him and beyond the faces in the leaves, he could see the mountains – hard and brutal and full of teeth. The body moved against him, struggled with him. He felt his hands curl into fists. She had sent him a vision of Susan. It was Susan above him, lovely Susan Delgado, waiting for him in an abandoned drover's hut on the Drop with her hair spilled down her back and over her shoulders. He tossed his head, but her face followed.

Jasmine, rose, honeysuckle, old bay...the smell of love. Love me...

What she asked was dangerous, but also probably necessary. The gunslinger turned his eyes up to the faces in the leaves. A play was being enacted there for his amusement. Worlds rose and fell before him. Empires were built across shining sands where forever machines toiled in abstract electronic frenzies. Empires declined, fell, rose again. Wheels that had spun like silent liquid moved more slowly, began to squeak, began to scream, stopped. Sand choked the stainless steel gutters of concentric streets below dark skies full of stars like beds of cold jewels. And through it all, a dying wind of change blew, bringing with it the

cinnamon smell of late October. The gunslinger watched as the world moved on.

And half-slept.

Фрагмент представляет состояние Стрелка, пришедшего к алтарю за предсказанием, как текстовое описание, репрезентирующее паранормальное явление и галлюцинацию. Стрелок «видит» перед собой погибшую любимую девушку, а затем фантастическую сцену мелькания миров. Сценичность происходящего создаётся двукратной заменой Кингом прототипных двусоставных предложений-описаний на односоставные номинативные. (1) В самом начале: *A sign. A faint sound of weeping*. И (6) в середине фрагмента: *Jasmine, rose, honeysuckle, old bay...the smell of love...* Данный способ передачи пропозиции экзистенции не характерен для английского языка, он типичен скорее для авторских ремарок в пьесах. Далее в первой части передаются чувственные ощущения, выражаемые статичными глаголами *felt* и *see* (глаголами чувственного и зрительного восприятия). Во второй части галлюцинации описана динамика мгновенно меняющихся миров как картин в восприятии Стрелка. Эта сцена почти голографична, и время практически остановлено. Иллюзорность виденного подчёркивается последним предложением отрывка: *And half-slept*.

Пример (3) импрессивного (субъективно-оценочного описания). Микромир «Мальчик Джейк в состоянии лунатического сна».

There was a ring of black standing stones which looked like some sort of surreal animal-trap in the moonlight. In the center was a table of stone...an altar. Very old, rising out of the ground on a thick arm of basalt. The boy stood before it, trembling back and forth. His hands shook at his sides as if infused with static electricity. The gunslinger called his name sharply, and Jake responded with that inarticulate sound of negation. The faint smear of face, almost hidden by the boy's left shoulder, looked both terrified and exalted. And there was something else. The gunslinger stepped inside the ring and Jake screamed, recoiling and throwing up his arms. Now his face could be seen clearly. The gunslinger read fear and terror at war with some excruciating pleasure.

Текстовое описание дано на фоне ночной сцены возле древнего жертвенника, куда Джейк «попадает» во сне. Кинг даёт вначале вполне прототипное описание поляны с жертвен-

ником. Базовая пропозиция – существование (статика). Используются предложения экзистенции: *There was a ring...* и характеристики: *which looked like*. Для первичной номинации алтаря-жертвенника использована инверсия: *In the center was a table...* За ним следует односоставное эллиптическое предложение (без подлежащего): *Very old, rising out...* Находящийся в состоянии летаргического сна мальчик перед актом жертвоприношения описывается Ст. Кингом точно подобранными языковыми средствами, вызывающими эмпатию у Стрелка (и у реципиента текста): положение мальчика неустойчиво: *The boy stood before it, trembling back and forth. His hands shook ... as if infused with static electricity*. Он издаёт нечеткие (*inarticulate*) звуки. Далее следует пропозиция, характеризующая лицо мальчика: *The faint smear of face...looked both terrified and exalted*. Далее состояние мальчика описывается именами существительными: *fear, terror at war with some excruciating pleasure*, выражающими необычное сочетание ужаса и удовольствия.

Резюмируя всё вышесказанное, считаем возможным заключить следующее. Существенная роль в первоначальном представлении литературных миров принадлежит именно текстовым описаниям, в то время как текстовое движение всего произведения определяется различными вариантами нарративных рядов. Описания, так же как и повествования, строятся, в основном, на прототипическом уровне, отличаясь, естественно, жанрово-стилевой и идиоспецифической окраской. Многомирие первого романа «Тёмной Башни» отличается сложно-организованной особой «архитектурой», хотя в когнитивном плане оно представляет собой иерархию трёх базовых макромиров, включающих «Ушедший Мир», «Срединный Мир» и так называемый «Наш Мир», каждый из них представлен в форме серии микромиров, с построением которых автор всё время «играет», добиваясь различных эффектов.

Список литературы

1. Андреева, К. А. Грамматика и поэтика нарратива: монография. Печ. по решению УМО вузов РФ по педагогическому образованию. Тюмень, изд-во Тюменского государственного

университета, 1996. – Раздел 3. Литературный рассказ с описательной грамматической доминантой. – С. 102–125.

2. Андреева, К. А. Литературный нарратив: когнитивные аспекты текстовой семантики, грамматики, поэтики: монография. Тюмень: Вектор Бук, 2004. – С. 99–146.

3. Арутюнова, Н. Д., Ширяев, Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип. М. : Русский язык, 1983; Русский семантический словарь. Толковый словарь под ред. Н. Ю. Шведовой / РАН, Ин-т русского языка, М., 1998. Т. IV, 924 с. Также Андреева, К.А. Когнитивные аспекты литературного нарратива. Тюмень: изд-во Тюменского государственного университета, 2004. – С. 89–90, 101.

4. Кубрякова, Е. С. Язык и знание. М., Ин-т РАН. – 2004. – 555 с.

5. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста. М., 1970. – С. 286.

6. Нечаева, О. А. Функционально-смысловые типы речи: описание, повествование, рассуждение. – Улан-Удэ, 1974. – 261 с.

7. Новикова, Н. С. Многомирие в реалии и общая типология языковых картин мира // Филологические науки. – 2000. – № 1. – С. 40–49. Черемисина, Н. В. Семантика возможных миров и их семантическое взаимодействие. Материалы Международной научно-практической конференции. М. : МПГУ, 2002. – С. 12–23. Полянская, Е. С. Фантастическое многомирие (на мат-ле сопоставительного анализа): автореф. дис. ...канд. филол. наук. Тюмень, 2013. – С. 9.

8. Об этом в Андреева, К.А. Введение в когнитивную поэтику. Учебное пособие для студентов и аспирантов. Тюмень: Вектор Бук, 2009. – С. 56–90; 100–118; 142–149.

9. Genette, G. *Figures of Literary Discourse*. Translated by A. Sheridan. New York, Columbia University Press, 1982. – P. 133.

10. King, Stephen. *The Dark Tower I. The Gunslinger*. London, Hodder and Stoughton, 2012. – 238 p.

11. Werth, Paul. *Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse*. London: Longman, 1999; также об этом в N. Noorgard, R. Montoro, B. Busse. *Key Terms in Stylistics*. London: Continuum Books, 2010. – *Text world Theory*. P. 158–161.

С. В. Балакин

Уральский государственный университет путей сообщения
(Екатеринбург, Россия)**ФРАКТАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ПРОПОЗИЦИИ
ПРИ ДЕРИВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ****FRactal Nature of Proposition in Derivational Processes**

В настоящей статье раскрывается фрактальное свойство концептуальных структур, на примере пропозиции при деривационных процессах и дискурсивной организации. Основными проявлениями фрактальности являются сворачиваемость пропозиции, синкретизм, итерациональность и рекурсивность. В целом, как показывает исследование в частности французской и португальской лингвокультур, язык испытывает две противоположные тенденции: одновременное стремление к экономии своих средств и к информационной избыточности.

This article deals with such a property as fractal property of conceptual structures by the example of the proposition at derivational processes and discursive organization. Basic manifestations of fractality are contractibility of the proposition, syncretism, iterationality and recursiveness. In general, as the study shows a language of the French and Portuguese linguacultures in particular experiences two opposite trends: the simultaneous tendency to the economy of language means and the redundancy of information.

Ключевые слова: пропозиция, деривация, дискурс, фрактальность, экономия, избыточность.

Keywords: proposition, derivation, discourse, fractality, economy, redundancy.

Окружающий нас мир представляет собой упорядоченную систему взаимосвязей, усложненную прежде всего тем, что элементы находятся не в разрозненном положении, но в определенной иерархической зависимости с множеством типов связей. Ручей пополняет реку, река впадает в море, а последнее принадлежит тому или иному океанскому бассейну, а в экономике макропроцессы проявляются в микропроцессах и т.д. Данные процессы взаимодействия определены в 1970-х гг. Б. Мандельбротом посредством термина «фрактальность» в его труде «Фрактальная геометрия природы» [7]. Фрактальностью автор обозначил (прежде всего в геометрии тел) самоподобие малых форм в более крупных. Позже одними из самых важных характеристик фрактальности были определены французским философом Ж. Деррида. Это итерациональность и рекурсивность. Данные понятия философ экстраполирует и на философию языка. В русле теории речевых актов и дискурсивной теории Ж. Деррида определяет итерациональность как многократное повторение одного и того же алгоритма, рекурсивность же понимается как цикличность материи, то есть каждый цикл является начальным этапом другого. В итоге дискурсивная парадигма представляет собой язы-

ковой континуум дискретного/недискретного характера на основе концептуализации окружающего мира. Фрактален мир – фрактален и выражаемый им дискурс. В итоге концептуальные единицы также представляют собой фрактализированные зоны, в которых малые формы повторяются в более крупных.

Примером фрактальности концептуальных единиц могут служить разнообразные таксономии, когда высший уровень включает низшие, за счет того, что между ними существует генетическая связь посредством наследования различных концептуальных характеристик по вертикальной связи. При актуализации одной концептуальной характеристики могут задействоваться только концепты низших уровней, либо при недостаточности вербализованной информации включаются более большие участки, и даже весь концепт в целом, повторяя гомогенную информацию концептуальной характеристики.

Фрактальность, как показало исследование, может проявляться на словообразовательном, синтаксическом и дискурсивном уровнях. Данные области, с точки зрения концептологии, взаимосвязаны: синтаксические концепты могут не только быть выражены в предложении, но могут служить формированию новых язы-

ковых единиц, а дискурс представляет собой упорядоченную систему вербализованных как синтаксических концептов, так и вновь созданных единиц [2. С. 103]. В итоге формирование дискурса подчиненно двум разнонаправленным процессам: с одной стороны, оно (формирование) подчинено экономии языка и определенным дискурсивно-когнитивным моделям, с другой стороны, фрактальность данных моделей позволяет говорящему подойти к речевой деятельности творчески.

Как было сказано выше, в основе образования новых языковых единиц и лежат концепты в больше всего синтаксического типа. Ср. вербализацию синтаксического концепта: он пишет роман → он писатель. Синтаксические концепты категориально принадлежат пропозициональным структурам, то есть трех членным ментальным образованиям, в которых прослеживается взаимосвязь между субъектом и объектом посредством определенного предиката. В свою очередь пропозиция входит в более крупную концептуальную область – фрейм – и соотносится с последним как часть – целое. В соответствии с этим пропозициональная структура является фрактализированной частью большего фрейма, и при построении дискурса происходит моментальное построение концептуальных характеристик в особом порядке, выражающимся на языковом уровне словообразовательными, морфолого-синтаксическими и другими элементами.

Как показало наше исследование, помимо итерационности и рекурсивности, действующих уже на уровне самого дискурса, при фрактализации пропозициональных структур могут наблюдаться такие процессы, которые мы квалифицируем как положительная регрессия и отрицательная избыточность.

Положительная регрессия проявляется прежде всего при словообразовании синтетического типа, когда концептуальные характеристики вербализуются не лексическим, а морфологическим путем. При этом лежащая в основе словообразовательная пропозиция показывает свойства к сворачиваемости и синкретизма.

Под сворачиваемостью пропозиции мы понимаем «количество профилированных (вербализованных) элементов концептуальной структуры, необходимых для понимания языковых единиц разных уровней [1. С. 92]. На основе исследования словообразования мы выделили четыре типа сворачиваемости пропозиции: 1) свертывание до одного актанта с правой стороны пропозициональной структуры (например:

clope → **fumer des cigarettes (des clopes)* → *cloper*); 2) до объекта с дополнительным сирконстантом (например: *tousser* → *toussoter* → *tousser d'une petite toux peu bruyante*); 3) свертывание пропозиции до одного сирконстанта (например: *Brie* → **fromage de Brie* (регион во Франции)); 4) до объекта и предиката (например: *alarme-signal* → **cri pour appeler aux armes*) [1. С. 94–96].

В тесной взаимосвязи со сворачиваемостью находится и синкретизм; одна и та же характеристика может быть вербализована разными лексико-морфологическими средствами. Например, В.Г. Гак указывает, что для передачи информации на расстоянии во французском языке сначала использовался префикс *cogn-*, в настоящее время используется *télé-* [3]. Обе единицы вербализуют сирконстант «локативность». Синкретизм неразрывно связан с процессом пропозиционализации фрейма. Соответственно, пропозициональный фрейм состоит из элементов, которые генетически связаны с другими элементами концептуальной структуры, либо содержатся в другой части фрейма, т.е. если есть необходимость, то элементы задействуют соответствующую область для адекватной концептуализации внеязыкового мира.

В результате сворачиваемости пропозиции концептуальные характеристики получают свое выражение не в лексике, а в словообразовательных элементах, то есть наступает регрессия с положительным знаком, так как здесь проявляется тенденция языка к экономии. При недостаточной сворачиваемости, то есть при вербализации концептуальных характеристик, нарушается тенденция к экономии, в некоторых случаях наступает избыточность, что приводит к отрицательной избыточности. Однако свойство фрактальности в обоих случаях еще находится в неактуализированном виде: первый случай – сворачиваемость пропозиции – самодостаточно использует весь необходимый арсенал словообразовательных элементов, то во втором избыточные вербализованные языковые средства профилированы в одном участке фрейма, и пропозиция не актуализирует соответствующий более объемный фрейм с гомогенными элементами.

Фрактальность начинает проявляться тогда, когда наступает большая сворачиваемость, и возникают эффекты энтропии, псевдоинформации, имплицитности. Если энтропия и псевдо-информация есть процессы потери информации, то имплицитность призвана за счет

фрактальности восстановить истинное значение языковой единицы. При этом имплицитность представляет собой невыраженный концепт, информация которого порождает неоднозначность целого коммуникативного блока [4. С. 13], и понимается как «поиск и обнаружение фреймов, идентифицируемых как сходные в силу того, что их терминалы присоединяют объекты одних и тех же видов» [5. С. 31].

Фрактальность коррелирует с контекстуальным функционированием языковых единиц и их стремлением к экономии, причем смыслообразующие факторы действуют на всех уровнях языковой системы, что подчинено, в конечном счете, правильному оформлению речи и дискурса. Поэтому дискурс является самодостаточной системой с наивысшей степенью фрактальности, включающей множество гомогенных и гетерогенных словообразовательных и синтаксических подсистем. В пропозиционно-фреймовых структурах происходят процессы одновременной актуализации всех концептуальных характеристик. Однако далее происходит процесс актуализации по типу фигура – фон определенной концептуальной характеристики и приращения к предикату.

Разберем случаи сворачиваемости пропозиционно-фреймовых структур на уровне организации дискурса:

«J'ai fini par **revenir** pour de bon, j'ai **retrouvé** Paris, une chambre d'enfant qui ne me **ressemble** plus, j'ai demandé à mes parents de **m'inscrire** dans un lycée normal pour élèves normaux. Je voulais que la vie **reprenne** comme avant, quand tout semblait simple et **s'enchaînait sans qu'on y pense**, je voulais que plus rien ne nous distingue des autres familles où les parents prononcent plus de quatre mots par jour et où les enfants ne **passent** pas leur **temps** à **se** poser toutes les mauvaises questions» [8. С. 36].

В приведенном отрывке выделены свернутые на концептуальном уровне такие сирконстанты, как фазовость (**revenir**, **retrouvé**, **reprenne** и т.д.), контейнер (**s'enchaînait**, **m'inscrire**), реверсность (**s'enchaînait**, **m'inscrire**, **sans qu'on y pense**), и наступает процесс положительной регрессии. При этом фрактальность проявляется во фразе «**sans qu'on y pense**», так как профилированная характеристика «реверсность» в местоимении «у» задействована в другой части предложенного примера. Отрицательная избыточность проявляется в следующих частях текста: j'ai fini par revenir, une chambre d'enfant, prononcent plus de quatre mots par jour и т.д.

В следующем примере отрицательная избыточность проявляется не только в потребности наименовать предметы внеязыковой действительности (ср.: **sacs de couchage**, je **ne** sais rien, nous **n'en** parlons pas), но и во фразе «**des bouches de métro**» для большей выразительности предлагаемого текста. Положительная регрессия представлена как на словообразовательном уровне (**recoins**, **exclus**, **surprends**, **défile**), но и на синтаксическом уровне (**n'en** parlons pas, qu'elle y pense, le front collé à la vitre, dehors, je **la** **surprends**). Интересно отметить одновременную положительную регрессию и отрицательную избыточность: nous **n'en** parlons pas.

Представим текст в полном объеме: «Dehors des femmes et des hommes dorment enfouis dans des **sacs de couchage** ou sous des cartons vides, au-dessus **des bouches** de métro, sous les ponts, ou à même le sol, **dehors** des femmes et des hommes dorment dans les **recoins** d'une ville dont ils sont **exclus**. Je sais qu'elle y pense parfois, mais nous **n'en** parlons pas. Je **la** **surprends** le soir, **le front collé à la vitre**, elle regarde la nuit et je **ne** sais rien de ce qui **défile** dans sa tête, je **ne** sais rien» [7. С. 84].

Отрицательная избыточность может проявляться в различных частях дискурса. Так, например, в следующем португальском примере избыточным оказывается предикат. Ср.: **Ficou** surpresa com o peso do metal em suas mãos. Limpou-o, notou algumas marcas impressas, reparou em dois selos e uma série de algarismos gravados, tentou decifrá-los, e não conseguiu [6. С. 18]. При этом лексическая единица «surpresa» подверглась сворачиваемости пропозиции по второму типу, то есть с дополнительным сирконстантом. В целом сворачиваемости подверглись следующие части дискурса: **surpresa**, **reparou**, **decifrá-los**. Фрактальность свернутых пропозиций оказывается актуализированной в части «**decifrá-los**» для правильного понимания предглагольного личного окончания прямого дополнения «os».

Итак, любой дискурс представляет собой упорядоченную систему фрактализованных концептуальных конструкций пропозиционного типа, свернутых по определенному образцу. С точки зрения фрактальности, дискурс претерпевает положительную регрессию и подчиняется экономии языковой системы. При нормальной сворачиваемости пропозиции фрактальность не проявляется и практически не актуализируется при отрицательной избыточности.

Список литературы

1. Балакин С.В. Основные свойства пропозициональной структуры при деривационных процессах (на материале французского языка) / С. В. Балакин // Ученые записки Казанского университета. – 2014. – Т. 156, Кн. 5. Гуманитарные науки. – С. 90–99.
2. Балакин С.В. Фрактальная сущность языка / С.В. Балакин // Вестник УрГУПС. – 2015. – № 4 (28). – С. 99–112.
3. Гак В.Г. Языковые преобразования: монография / В.Г. Гак. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 678 с.
4. Нефедова, Л. А. Когнитивно-деятельностный аспект имплицативной коммуникации: на материале французских текстов и их переводов на русский язык : дис. ... д-ра филол. наук / Л.А. Нефедова. Челябинск, 2001. – 312 с.
5. Нефедова, Л. А. Когнитивные особенности представления имплицитности в художественном тексте / Л.А. Нефедова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2013. – № 24 (315). Вып. 82. – С.31–34.
6. Coelho, P. O demônio e a Srta. Prym / P. Coelho. Rio de Janeiro : Sextante, 2013. – 176 p.
7. Mandelbrot, B. B. The Fractal Geometry of Nature / B.B. Mandelbrot. N. Y. : W.H. Freeman and Company, 1982. – 460 p.
8. Vigan D. de. No et moi. Paris. JC Lattès, 2007. – 256 p.

О. А. Березина

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

ФАКТОР НАБЛЮДЕНИЯ КАК КРИТЕРИЙ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕНТЕНЦИОНАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ

PERCEPTIBILITY FACTOR AS SENTENCE SEMANTICS RESEARCH CRITERION

В исследовании различных языковых явлений все больше внимания уделяется фактору наблюдения как основе выбора говорящим той или иной конфигурации высказывания, в частности учет данного фактора позволил бы более адекватно описать особенности семантики безличных структур. Описание семантики безличных структур как представляющих описываемую ситуацию в более «объективном» ракурсе, нежели личные структуры, возможно только при понимании «объективности» как чувственной данности описываемого события.

The academic studies of various language phenomena focus on the perceptibility factor as the key for the speaker's choice of the utterance syntactic structure. The description of the impersonal sentence semantics would be more adequate if this factor were taken into consideration. The impersonal semantics is traditionally described as presenting the event in a more "objective" aspect than the so called personal semantics, which is only possible if "objectivity" is perceived as perceptibility of the event described.

Ключевые слова: наблюдаемость, наблюдатель, безличное предложение, личное предложение, пропозиция.

Keywords: perceptibility, perceiver, impersonal sentence, personal sentence, proposition.

Исследование средств языковой актуализации категории перцептивности, или наблюдаемости, а также категории «наблюдатель», в лингвистике имеет богатую традицию и получило освещение в работах ряда лингвистов, в частности, Н. Д. Арутюновой, Е. В. Падучевой,

Г. И. Кустовой, Ю. А. Пупынина, А. В. Бондарко, И. Ю. Колесова, Т. Л. Верхотуровой [1. С. 11–15, С. 413–428; 2. С. 23–28; 9; 7; 4; 5; 13. С. 36–51; 3. С. 26–27]. Когнитивно-прагматический фактор «наблюдатель» рассматривался как фундаментальный для формирования и

функционирования многих морфологических категорий (время, залог, вид) в исследованиях А.В. Кравченко [8] и его последователей, ибо: «В основе мысли, выраженной посредством языка, лежит «живое созерцание» объективной реальности, т.е. восприятие. Именно особенностями восприятия как свойства, присущего человеку, объясняются явления языкового антропоцентризма и антропоморфизма» [8. С. 68]. Как ясно демонстрирует исследование индексальности А. В. Кравченко, «... введение понятия «точка зрения» (или «наблюдатель») в интерпретативную модель высказывания позволяет объяснить некоторые грамматические явления, которые фиксируются исследователями, но последовательного объяснения не получают ... можно сказать, что указание на наблюдателя выполняет не столько коммуникативную функцию «живописания», сколько является одним из объективно обусловленных способов представления знаний в языке» [8. С. 83–85]. При анализе пропозициональных структур необходимо учитывать наличие как минимум трёх прагматических факторов: а) субъект пропозиции, б) наблюдатель, в) говорящий [8. С. 46], причём, «... субъект восприятия первичен по отношению к субъекту речи» [8. С. 90] ибо: «Всё сказанное сказано наблюдателем. Речь наблюдателя обращена к другому наблюдателю, в качестве которого может выступать он сам» [11]. Прагматическому фактору наблюдателя, независимо от того, выступает ли он в роли говорящего или нет, должна отводиться ключевая роль в исследованиях языковых фактов, т.к. способность человека воспринимать окружающую действительность посредством органов чувств является исключительным, в основе своей первичным по отношению к речи, свойством человека [8. С. 43–44]. Наблюдение в расширенном и теоретическом смысле должно пониматься как перцептивно-когнитивное взаимодействие наблюдателя с наблюдаемым, по определению ведущее к формированию знаний, а значит, к постоянному изменению наблюдателя [5. С. 167].

Справедливо это и в отношении проблематики «поиска субъекта» безличных структур. Семантика безличного предложения теснейшим образом связана с понятием (пресуппозицией) перцептора, или – наблюдателя, т.к. отражает актуальные состояния природы, окружающей среды, непосредственным образом воздействующие на органы восприятия человека (т.н. *impersonalia a verba meteorologica*), а также внутренние ощущения человека (т.н. *impersonalia a verba sentiendi*, а также с предикативами состо-

яния той же семантики)¹. Так, ещё в XIX веке философы, разрабатывавшие вопросы типологии суждения и решающие вопрос о том, существуют ли «безличные» суждения, выявляли в глубинной семантике имперсоналий перцептивную природу, в частности в работах Х. Зигварта, С. МакЛеннана, Ю. Гебеля, Ш. Серрюса отмечается, что безличные структуры отражают структуру суждения, но не канонического (дискурсивного), а т.н. «суждения-восприятия».

Процесс восприятия в теории Х. Зигварта имеет особое значение, в общем смысле это – основа всей речемыслительной деятельности и, как результат, – основа формирования суждения [6. С. 84]. То, что причиной или источником незнакомых звуков или запахов является некоторая вещь (в широком смысле) – это, несомненно, однако синтез, относящий признак к вещи, остается незавершённым [6. С. 85]. То, что дано, заключается лишь в имеющемся налицо чувствовании, которое не содержит в себе никакого указания на возбуждающую его вещь» [6. С. 88].

Высказывания, формулируемые как *impersonalia*, всегда связаны с актуально воспринимаемым событием-явлением, то есть они суть высказывания о действительном. Однако, строятся они не по модели суждений о существовании в обычном смысле, т.е. *Шумит* не высказывает о шуме предиката «быть действительным». Вектор здесь прямо противоположный – о действительном высказывается предикат «шуметь» (см. [6. С. 89]).

В своих рассуждениях о природе *impersonalia* С. МакЛеннан ближе всего подходит к концепции Х. Зигварта, в том, что субъектом безличных суждений является непосредственное, чувственное, впечатление (ощущение – *sense impression*), точнее, что действительные безличные пропозиции служат выражению феномена, доступного непосредственному восприятию окружающего мира, ибо в этом случае ни восприятие само по себе, ни воспоминание о нем не предоставляет осмыслению субъекта (см. [16. С. 14]). По С. МакЛеннану, *impersonalia* суть объективации «непосредственного узнавания» (*immediate recognition*) некоего объекта, явления, процесса, переживания (*experience*), данные в полноте своих характеристик и признаков, и в этом они близки номинативным высказываниям. С. МакЛеннан описывает категориальную семантику безличных суждений

¹ Теснейшую связь форм безличности с «миром человека в языке» отмечали также П.А. Лекант [10. С. 4–6] и С.А. Шубик [15. С. 326–345].

как “acquaintance with”, в то время как категориальная семантика дискурсивных, или канонических двусоставных, суждений описывается им как “knowledge about” [16. С. 27]. Таким образом, impersonalia оказываются теснейшим образом связанными с отражением в языке непосредственного взаимодействия человека и его «экологической ниши» на уровне перцептивных и когнитивных процессов.

Обращает на себя внимание тот факт, что все модели безличного предложения так или иначе включают в общий семантический рисунок сентенциональной конфигурации фигуру наблюдателя, как правило, имплицитно (об этом см. подробнее в [2]). Подтверждение этому факту обнаруживается в общем свойстве всех высказываний, которые могут быть описаны как безличные, – их истинности (ср. **It is raining, but I don't think so*, или *It is raining. – Why do you think so? – Just look into the window and you'll see / Because I hear the sound of rain on the roof / Because I see raindrops on the window etc.*), вытекающей из свойства верифицируемости: «В основе пропозиции, содержащейся в любом утвердительном высказывании, лежит некий источник информации, при этом если вопроса об истинности пропозиции не возникает, то это может означать лишь одно – что в препозитивном содержании отражено первичное (практическое) знание об описываемом фрагменте действительности, т.е. знание, основанное на непосредственном чувственном восприятии» [8. С. 147]. В философии позитивистского толка критерием реальности (объективности) существования теоретических сущностей так же была выдвинута наблюдаемость: «уверенность в существовании большинства объектов в обыденной жизни возникает благодаря непосредственному восприятию» [14. С. 78].

При сопоставительном анализе «личных» и «безличных» предложений, в которых актуализируется одна и та же глагольная лексема (т.н. функционально-безличные глаголы), становится ясно, что актуальная воспринимаемость определенных физических признаков объекта (в широком смысле) становится неотъемлемой частью общей сентенциональной семантики именно безличных структур: Cf.: 1) *I smell the roses, but can feel nothing – the roses are artificial*; 2) *It smells of roses, but no one feels anything as the roses are artificial* – второе предложение явно лишено смысла, поскольку в логической

структуре его комплементарной части (*but no one feels anything as the roses are artificial*) потенциально «закрита» любая логическая связь с первой частью (*It smells of roses*). Кроме этого, функционирование безличных предложений в художественном тексте при описании происходящих событий, как правило, включает прямое указание на источник знания (восприятие), при формулировании высказывания в виде такой структуры:

1. *Dwayne sneaked a look at his own watch. It was 11.14 a.m.* [17. С. 23].

2. *Lancer said, 'So you no longer want to know the time?' 'No,' said Camilla. 'I can see from the position of the sun that it's almost midday.' Dwayne pulled the cuff back from his right wrist, exposing his watch. Then pretended to shield his eyes from the wintry sun. Camilla said, 'Ah, I see it's eleven fifteen. Thank you, Constable.'* [17. С. 24].

В рассматриваемых примерах контекст эксплицитно указывает на источник знания – зрительную перцепцию (вербализуется посредством предикатов перцептивной семантики: *can see, sneaked a look, looks, see*). Однако не всегда указание на наблюдаемость описываемого события происходит в рамках семантики конкретных лексических единиц:

1. *'Beverley Threadgold told me you were having a tooth pulled by the pliers woman. Was it wretched?'* [17. С. 72].

2. *The Queen led him [Grice] into the front room; it was the closest she had ever been to Grice* [17. С. 73].

3. *'I'm dressed like this because it's cold <...> in here.'* [17. С. 81].

В примере 1 человек, задающий вопрос, интересуется тем, насколько пациентка, которой удаляли зуб щипцами в домашних условиях, испытывала физическую боль (*wretched*), пример 2 описывает восприятие пространственной близости (*the closest*) с позиции персонажа, являющегося источником описываемых ощущений. Пример 3 наиболее прозрачно демонстрирует «наблюдаемость» ситуации в двух перцептивных модусах: зрительном (пояснение говорящим *I am dressed like this* имплицитно подразумевает *you see what I am dressed like* – зрительное восприятие слушающим) и тактильном (*cold* – собственное восприятие температуры окружающей среды).

Итак, семантическая нормальность высказывания определяется характером взаимодействия двух прагматических факторов, говорящего и наблюдателя – при этом наблюдатель не всегда обязательно является говорящим. Говорящий, сообщая в высказывании какую-то

¹ В своих работах А.В. Кравченко для описания данного типа знания использует термин «феноменологическое знание» (см. [8. С. 68]).

информацию, оперирует знанием, полученным на двух уровнях когнитивной категоризации: на феноменологическом уровне (уровне компетенции наблюдателя) и на структуральном уровне (уровне компетенции говорящего) (см. в [8. С. 63–64]). По всей видимости, безличные предложения суть вербализация знания, полученного на уровне компетенции наблюдателя, т.е. на феноменологическом уровне. Теснейшая связь безличных предложений с восприятием как основой всей речемыслительной деятельности человека, таким образом, выдвигает безличные предложения в статус языковых (синтаксических) средств актуализации фундаментальных значений, основанных на непосредственной наблюдаемости событий, происходящих в перцептуальном поле человека, и учёт фактора наблюдения при описании семантики т.н. безличных структур позволяет более адекватно описать их особые свойства в ряду классов сентенциональных структур.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. М., 1999. – 896 с.
2. Березина, О. А. Классификация моделей безличного предложения в современном английском языке / О. А. Березина // Эмпирические исследования в области теоретического и прикладного языкознания. – Новосибирск, 2014. – С. 67–85.
3. Бондарко, А. В. Инварианты и прототипы в системе функциональной грамматики / А. В. Бондарко // Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность / вариативность. СПб., 2003. – С. 5–36.
4. Верхотурова, Т. Л. Аналитический комплекс «наблюдатель + наблюдаемое» в лексической семантике / Т. Л. Верхотурова // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. Т. 6, вып. 2. – С. 33–41. – URL: <http://elibrary.ru/download/19688241.pdf> (дата обращения : 24.02.2014).
5. Верхотурова, Т. Л. Статус наблюдаемого в когнитивной модели наблюдения / Т. Л. Верхотурова // Вестн. Иркут. гос. лингв. ун-та. 2009. №1. – С. 167–175. – URL: <http://elibrary.ru/download/11074960.pdf> (дата обращения : 24.02.2014).
6. Зигварт, Х. Логика. Т. 1. / Х. Зигварт. – М.: «Территория будущего» (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского») / Пер. с нем. И. А. Давыдова, 2008. – 464 с.
7. Колесов, И. Ю. Актуализация зрительного восприятия в языке: когнитивный аспект (на материале английского и русского языков) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / И. Ю. Колесов. – Барнаул, 2009. – 31 с.
8. Кравченко, А. В. Вопросы теории указательности: Эгоцентричность. Дейкитичность. Индексальность / А. В. Кравченко. – Иркутск, 1992. – 212 с.
9. Кустова, Г. И. Перцептивные события: Участники, наблюдатели, локусы / Г. И. Кустова // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. – М., 1999. – С. 229–238.
10. Лекант, П. А. Семантика эмоционального состояния – в форме безличности / П. А. Лекант // Объект исследования – безличность. – Архангельск, Поморский университет, 2004. – С. 4–6.
11. Матурана, У. Биология познания / У. Матурана // Язык и интеллект. Сб. / Пер. с англ. и нем. / Сост. и вступ. ст. В. В. Петрова. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. – 416 с. – URL: [berezkin.info > wp-content...2011/02/Maturana.doc](http://berezkin.info/wp-content/2011/02/Maturana.doc) (дата обращения : 26.05.2011)
12. Падучева, Е. В. Наблюдатель и его коммуникативные ранги (о семантике глаголов появиться и показаться) / Е. В. Падучева // Науч.-технич. информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. №12. 1998. – С. 23–28.
13. Пупынин, Ю. А. О роли перцептора в функционировании грамматических категорий вида, залога и времени в русском языке / Ю. А. Пупынин // Проблемы функциональной грамматики : Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. СПб., 2000. – С. 36–52.
14. Сторожук, А. Ю. Объективное и субъективное в восприятии пространства / А. Ю. Сторожук // Философия науки. 2008. № 4 (39). – С. 77–97. – URL: <http://elibrary.ru/download/62824685.pdf> (дата обращения : 24.02.2014).
15. Шубик, С. А. Функциональный потенциал безличных предложений в немецком языке / С. А. Шубик // Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность / вариативность. СПб.: Наука, 2003 – С. 326–345.
16. MacLennan, S. The Impersonal Judgement: its nature, origin, and significance / S. MacLennan. Vol. 2, Issue 10. Chicago: University of Chicago Press., 1897. – 49 p. – URL: <http://www.archive.org/details/impersonaljudgm00macigoog> (дата обращения : 07.04.2012)
17. Townsend, S. Queen Camilla / S. Townsend. – London: Penguin Books Ltd. 2007. – 443 p.

О. В. БронниковаТюменский государственный университет
(Тюмень, Россия)**СПОСОБЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ВРЕМЕНИ
В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ****MEANS OF TIME CONCEPTUALIZATION IN ENGLISH**

В статье представлены понятия концептуализации и категоризации как два взаимодополняющих процесса когниции. Концептуализация времени в английском языке происходит с помощью лексической и грамматической категоризации, лексических и грамматических категорий. Концептуализация на грамматическом уровне представлена с помощью грамматической категории видо-временных форм глагола. На лексическом уровне время может быть проанализировано с помощью идеализированных когнитивных моделей пространственного, метафорического и метонимического типа. Пространственные когнитивные модели являются базовыми по отношению к метафорическим и метонимическим при концептуализации времени в английском языке.

The article deals with the cooperation of such cognitive processes as conceptualization and categorization. Conceptualization of time in English is presented on lexical and grammatical levels. Grammatical categorization of time includes the usage of tense-aspect forms of the verbs. Lexical means of conceptualization include idealized cognitive models: space, metaphorical and metonymical ones. Space cognitive models are primary to metaphorical and metonymical ones.

Ключевые слова: концептуализация, категоризация, time, идеализированные когнитивные модели: пространственная, метафорическая, метонимическая

Keywords: conceptualization, categorization, time, idealized cognitive models: space, metaphorical and metonymical models.

Центральными понятиями при описании когниции и когнитивных способностей человека являются категоризация и концептуализация [3. С. 37]. Концептуализация – это переработка поступающих знаний, мысленное построение явлений и предметов, приводящее к формированию представлений о мире в виде зафиксированных в человеческом сознании смыслов, другими словами, в виде концептов [7. С. 10]. Н.Ф. Алефиренко и Н.Б. Корина считают, что «концепт представляет собой квант структурированного знания и в силу этого имеет определённую, хотя и не жёсткую, структуру. Он состоит из компонентов (концептуальных признаков), то есть отдельных признаков объективной и субъективной действительности». Эти признаки по-разному отражаются в содержании концепта, и их можно также различить по степени абстрактности [1. С. 28]. Категоризация – это процесс познания мира, при котором человек подразделяет предметы и явления окружающего мира на группы и категории, которые остаются в нашей памяти в виде концептов. Категоризация позволяет отнести реальные объекты действительности: веще-

ственные и мысленные к определенной категории с помощью языка. В основе появления категорий лежат концепты различного формата и структуры: например, фреймы, концепты, когнитивные модели. По мнению Н.Н. Болдырева «категоризация – это, с одной стороны, знание категорий объектов и явлений и их названий и, с другой стороны, сам процесс соотнесения тех или иных объектов к конкретной категории, включая присвоение им соответствующих названий» [3. С. 114–115]. Таким образом, можно утверждать, что категоризация – это средство языкового воплощения концептов и сам этот процесс.

Концептуальное языковое пространство является способом хранения и передачи двух форматов знания: неязыкового энциклопедического знания о мире и его категориях и собственно языкового знания, знания языковых значений и категорий. Это отражается в двух вариантах языковых значений: лексических и грамматических. Грамматические значения выступают в качестве следствия абстрагирования от лексических значений, отображения закономерностей и особенностей внутреннего

строения языка, целью выступает условный механизм передачи взаимоотношений и средств связи между объектами внешнего мира. *Лексические значения* служат средством отражения бытия мира и результатов его познания. Лексические значения и тематические классы слов, сгруппированные на их основе, формируют понятие об естественных объектах и категориях. Таким образом, объединения слов и их лексические значения проецируют категоризацию естественных объектов, тогда как грамматические значения и категории отражают категоризацию естественных для языка объектов. Данное различие может быть выражено в двух терминах: грамматическая категоризация и лексическая категоризация [2. С. 6-8]. Данные категории как формы языкового сознания служат средством проекции окружающего мира в сознании говорящих, создавая его идеальную, ментальную модель. В культуре того или иного народа значимыми в первую очередь оказываются именно категориальные сущности и их конкретные проявления, а не отдельные характеристики, связанные с названиями реалий в языке. Данные сущности относятся к числу констант той или иной культуры [2. С. 22].

Центральной константой англоязычной культуры является время «time». Слово time – самое частотное существительное английского языка [5. С. 200]. Мы также нашли подтверждение этому в корпусе современного английского языка (COCA): 719690 контекстных использований [10]. При этом временные значения чаще представляются более объективными, универсальными и менее зависимыми от позиции говорящего категориями, поскольку время в языке преимущественно ориентировано на момент речи. Соответственно, значения времени в языке в обязательном порядке репрезентируются морфологическими категориями. Это находит свое отражение, в первую очередь, в использовании глаголов различной семантики в их видо-временных формах, которые образуют «скелет», основу для функционирования лексических единиц в предложении. Основной механизм актуализации грамматических значений – это механизм первичной номинации. Концептуализация первичного осмысления репрезентирована системой морфологических и синтаксических категорий. Общий алгоритм ее осуществления включает в себя: 1) выбор концептуальной области, которая включает область предметного мира, область действия и область события; 2) определение основных параметров ее конфигурации; 3) формирование

базовых языковых моделей. Концептуальные области предметного мира и действия актуализируются на уровне морфологии, область события – на уровне синтаксиса [4. С. 10–12]. Если скажем на третьем этапе осуществления, происходит отклонение от базовых языковых моделей, это ведет к концептуализации индивидуального характера. Так, скажем ненормативное, с точки зрения классической грамматики, использование видо-временных глаголов, которое выражается в явлении транспозиции, ведет к смещению таких параметров, как предшествование, одновременность и т.д. и формирует индивидуальный концепт времени, где время – понятие относительное, временные пласты постоянно смещаются, отражая хаотичность сознания, например, в произведении Дж. Джойса «Улисс»: «*In a dream, silently, she had come to him, her wasted body within its loose grave clothes giving off an odour of wax and rosewood, her breath, bent over him with mute secret words, a faint odour of wetted ashes*» [11. С. 10]. В данном примере использование Past Perfect вместо Past Simple выражает переплетение различных временных планов (мысленное возвращение к смерти матери Стивена – одного из главных героев романа), вносит субъективно-эмоциональный аспект в высказывание. Автор использует технику потока сознания, транспозиция внутри грамматической категории видо-временных форм глагола создаёт отправную точку для формирования индивидуально-авторского концепта времени.

Лексическая концептуализация и категоризация входят в когнитивную деятельность вторичного осмысления (интерпретации и оценки) и связаны идеей о том, что знания организуются при помощи когнитивных моделей (или идеализированных когнитивных моделей – ИКМ, термин был предложен Дж. Лакоффом). Категориальные структуры – это следствие подобной организации человеческих знаний [13. С. 68]. На лексическом уровне концептуализации концепт time может быть представлен с помощью ИКМ пространственного, метафорического и метонимического типа. Использование пространственного и двигательного опыта при концептуализации времени не случайно. Время является абстрактным понятием и все те качества, которые мы ему приписываем, в первую очередь, соотносятся с кинестетическим опытом, который является первичным в жизни человека, открывая возможности своего тела, мы познаем мир вокруг себя. В основе тактильно-кинестетического опыта лежит

двигательная активность, которая происходит в определенном пространстве [9. С. 163–164]. Таким образом, время – это абстракция, извлекаемая человеческим сознанием из сравнения наблюдаемых событий. У него нет ничего своего из окружающего реального мира, кроме движущихся событий. Благодаря механизму когнитивных моделей время само начинает мыслиться как одно из таких событий. Пространственные когнитивные модели можно рассматривать с точки зрения различных пространственных элементов. Так М.Н. Коннова [6. С. 84], вслед за Г. Радденом (Radden 1997), предлагает выделять ряд пространственных элементов, которые отражаются в пространственных когнитивных моделях (пространственные элементы предложены М.Н. Конновой, когнитивные модели подобраны нами и указаны в скобках): 1) направление линии времени: горизонтальное (*вперед – назад*), вертикальное (*вверх – вниз*); 2) форма линии времени: циклическая модель (*круг, спираль*); 3) положение времени на линии времени (*прямая, пунктир, вектор, отрезок, точка*); 4) последовательность временных единиц (данная характеристика имеет отношение к *циклическим моделям*, в том числе модели *пунктир*). Также можно выделить пространственные когнитивные модели: *вместилище и часть – целое*. Когнитивные модели: *вместилище; часть – целое; циклическая: круг, спираль; прямая; пунктир; вектор; отрезок; точка* – были предложены Д.В. Маховиковой [8. С. 5]. Языковые факты однозначно указывают на то, что темпоральность широко использует семантику пространства, применяя структуру и выражения соответствующих концептуальных доменов [9. С. 165]. Подобный вывод можно сделать по отношению к движению. Довольно часто пространство и движение взаимодействуют. Так С.А. Чугунова [9. С. 186], вслед за В. Эвансом (Evans 2004), выделяет следующие когнитивные модели времени, отражающие связь движения и пространства: 1) модель движущегося времени (the Complex Moving Time model); 2) модель движущегося Эго (the Complex Moving Ego model); данная модель коррелирует с позицией М.Н. Конновой и Г. Раддена в плане направления времени; схема «вперед – назад» может использоваться для концептуализации времени как с позиции пространства, так и с позиции движения; следует отметить, что у В. Эванса не упоминается вертикальное направление движения, только горизонтальное; 3) модель временной последовательности (the

Complex Temporal Sequence model) соотносится с последовательностью временных единиц Г. Раддена. Первые две модели эгоцентричны, поскольку затрагивают человека. В модели движущегося времени время представляется как движущаяся сущность относительно неподвижного наблюдателя [9. С. 186]: *Thanks-giving is coming*. В модели движущегося Эго, наоборот, время представляется неподвижным центром, ассоциируясь с неподвижными вехами относительно которых субъект осуществляет движение: *They are getting close to the beginning of the year*. Модель временной последовательности не предполагает концептуализацию Эго. Точкой отсчета для первого временного события становится второе. Разные события получают оценку относительно друг друга: *Monday follows Sunday*. Пространство «впереди» транслируется в темпоральный концепт «раньше», а «позади» – в «позже»: *Sometimes time zones lag behind the scientific standard Time*. Языковое выражение данные модели находят в пространственных предлогах и предлогах движения (*in, within, after, ahead, at, in front of, behind, etc*); глаголах с семантикой движения (*fly, pass, go, go by, etc*), в сочетаниях прилагательных с пространственной семантикой и существительных с темпоральной семантикой (*a short period*) [9. С. 186–187].

Таким образом, концептуальные пространственные метафоры и базовые пространственные репрезентации играют важную роль в построении репрезентаций времени носителями английского языка [5. С. 201]. Исследования, проведенные Л. Бородинки и основанные в том числе на данных экспериментальных опытов зарубежных психологов и лингвистов, показали, что носители английского языка концептуализируют время чаще *горизонтально*, используя горизонтальные когнитивные схемы и метафоры типа «впереди – позади» [5. С. 202–203]. Подтверждение этому можно найти в работе М.Н. Конновой, где автор приводит результаты анализа Э.К. Трауготт (Traugott 1975) основных предлогов и частиц английского языка, являющихся наиболее частыми элементами пространственных метафор времени. Таковых было выявлено 35, из них только 7 относятся к метафорам типа «вверх – вниз» [6. С. 80–81]. Если уточнить движение во времени, то у носителей английского языка модель движущегося Эго (the Complex Moving Ego model) будет преобладать. Подтверждение этому является анализ, проведенный Л. Бородинки и В. Лай [12]. Модели движения времени

мы представили в виде обобщающей таблицы с примерами (преимущественно сочетания со словом *time*). Примеры взяты из СОСА [10], всего было отобрано 74 случая (приведены не все примеры):

Самыми многочисленными оказались примеры «движущегося Эго» (57 примеров из 74). Далее преобладали примеры «движущегося времени» (26 из 74). Третья модель представлена очень небольшим количеством (11 из 74).

Говоря о факторе направления хода времени, следует указать направление письма. В английском – слева на право, направление чтения влияет на концептуализацию и отражается в пространственных когнитивных моделях. В английском языке данные модели располагают прошлое за спиной человека, а будущее всегда впереди. Говоря о репрезентации длительности, носители английского языка чаще используют линейные обозначения (*short time*,

Модель	Примеры представлены лексической категорией глаголов движения с сочетаниями существительного <i>time</i> и других существительных с темпоральной семантикой
1) модель движущегося времени (the Complex Moving Time model);	<i>Time + pass, time + go, time + come, time + run, time (minutes) + run + out, time + fly, time + move, time + approach</i> 1. All the while, Mr. Hinton remained at a prison in south Alabama, awaiting his execution. «I witnessed other inmates' time run out,» he said. 2. TIME PASSED, months, years, and these lives took hold in the flats south of Goodnight. 3. Machines were not getting more intelligent as time went on; they had zero intelligence and no consciousness. 4. An idea whose time has come? # «It's an idea whose time should never have left,» said Robert Lynch.
2) модель движущегося Эго (the Complex Moving Ego model);	<i>Come + to/through/round/back to time; push + time; pace + time; speed + time; go + time: no examples found; go + through + time; get into + time: no usage found, but it is used with other temporal word: e.g. morning, Tuesday, etc.; get + beyond + time; move + within + time (period); advance + to + time; run + of + time; run + out of + time; pass over + time; take a walk + through + time; travel in/back in/far back in/back through/to/through/back to/forward in + time; approach + time; ride + through + time</i> 1. We're now being told in my ear that we've run out of time. 2. Until you ride with a group of 400, 500 bikes, 1,000 bikes, whatever, and you just ride through the time. 3. We're going to continue obviously to get more facts as we approach the time for trial 4. Visitors can take a walk through time, examining the state's changing environment, flora and fauna that evolved during the past 65 million years. 5. The Phantom of the Opera, starring Michael Crawford, generates Broadway's biggest box office advance to that time. 6. For the second time in 15 years, we have come through a difficult time, a time of great emotions. 7. A man's body can't pace time like a woman's. I pace your absence. 8. I'm coming up on my 17th birthday. By this time, I'm 16. 9. You can see it is going to take all week long by the time we get into Tuesday before it even comes close to minor flooding.
3) модель временной последовательности (the Complex Temporal Sequence model)	<i>Follow; come out; draw to a close; usher in a time; come into; run through</i> 1. It might also follow a time when I have been too busy or away. 2. Well, a lot of this started to come out around the time of the release of «War of the Worlds». 3. The Levant as the Ice Age was drawing to a close, ushering in a time when the region's climate became relatively warm and wet. 4. It was coming into the cold season, and at the time, they were staying in an abandoned school. We kept them in separate rooms.

long time), данные выводы нашли подтверждение в серии экспериментов Касасанто, упомянутые Л. Бородицки. На оценку длительности у англоговорящих представителей влияла информация о расстоянии: чем дальше – тем дольше по времени и наоборот [5. С. 201–206]. Таким образом, когнитивные модели (совместно с другими культурными факторами) оказывают непосредственное влияние на концептуализацию времени. Это зависит в том числе и от того, как описывает время английский язык. Для концептуализации времени, как абстрактного понятия в первую очередь используются объекты и понятия физического мира. А далее, двигаясь вверх по ступеням концептуализации и категоризации, формата тела, визуального восприятия, двигательного и пространственного опыта соотнесения их с концептуальной системой уже недостаточно, происходит заимствование «чужеродной» темпоральной лексики для отражения временных отношений [9. С. 177]. На данном этапе активизируются метафорические и метонимические модели. Все это напрямую отражает развитие человека и то, как он воспринимает окружающую действительность.

Список литературы

1. Алефиренко, Н.Ф. Проблемы когнитивной лингвистики. Научная монография / Н. Ф. Алефиренко, Н. Б. Корина. – Нитра: университет Константина Филозова в Нитре, 2011. – 216 с.
2. Болдырев, Н.Н. Языковые категории как формат знания / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 2–22.
3. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: Курс лекций. Изд. 4-е, переработанное и дополненное / Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – 236 с.
4. Болдырев, Н.Н. Языковая репрезентация основных уровней познания / Н.Н. Болдырев, О.В. Магировская // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 2. – С. 7–16.
5. Бородицки, Л. Как языки конструируют время / Л. Бородицки // Язык и Мысль: Современная когнитивная лингвистика / Сост. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев; ред. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев, А.В. Кравченко, Ю.В. Мазурова, О.В. Федорова. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – С. 199–212.
6. Коннова, М.Н. Концептуальные метафоры времени в современном английском языке: дис. на соискание учен. степ. канд. филолог. наук / М.Н. Коннова. – Калининград, 2007. – 393 с.
7. Кубрякова, Е.С. Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков / Е.С. Кубрякова // Вопросы филологии. – 2001. – № 1 (7). – С. 10–34.
8. Маховикова, Д.В. Лексические средства концептуализации времени в современном английском языке: автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. филолог. наук / Д.В. Маховикова. – Тамбов, 2012. – 24 с.
9. Чугунова, С.А. Концептуализация времени в разных культурах: дисс. на соискание учен. степ. докт. филолог. наук / С. А. Чугунова. – Тверь, 2009. – 393 с.
10. Corpus of Contemporary American English. – URL: <http://corpus.byu.edu/coca/>
11. Joice, J. Ulysses / J. Joice. – Oxford University Press, 2008. – 980 p.
12. Lai, V. Boroditsky, L. The immediate and chronic influence of spatio-temporal metaphors on the mental representations of time in English, Mandarin, and Mandarin-English speakers / V. Lai, L. Boroditsky // Frontiers in psychology, 2013. – № 4. – URL: <http://journal.frontiersin.org/article/10.3389/fpsyg.2013.00142/full>
13. Lakoff, George. Women, Fire, and Dangerous Things / George Lakoff. – The University of Chicago Press, 1990. – 631 p.

Т. А. Буркова, А. Т. Садретдинова
*Бакирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы
(Уфа, Россия)*

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

WORDPLAY IN SYNCHRONY AND DIACHRONY

В статье рассматривается эволюция становления феноменов «игра», «языковая игра» с позиции разных научных изысканий. Представлены дефиниции понятия «языковая игра» в философии, культурологии, литературоведении, лингвистике. На материале научных работ последних десятилетий отмечается неугасаемый интерес научного сообщества к языковой игре в современной лингвистике, в том числе и германистике.

The paper studies the evolutionary formation of the phenomena of play and wordplay from different scientific points of view. It presents some definitions of wordplay in Philosophy, Culturology, Literature and Linguistics.

It also underlines a great interest in the phenomenon of wordplay in scientific researches of the latest decades, especially in modern Linguistics and Germanistics.

Ключевые слова: игра, языковая игра, синхрония, диахрония, антропоцентризм, лингвокреативные способности, языковая личность.

Keywords: play, wordplay, synchrony, diachrony, anthropocentrism, linguistic and creative abilities, linguistic personality/identity.

На пороге XXI век, а феномен языковой игры остается в фокусе внимания как отечественных, так и зарубежных ученых, и не только в области лингвистики, но и психологии, социологии, философии, культурологии.

Понятие «языковая игра» неразрывно связано с понятием «игра». Поэтому в рамках данной статьи нам представляется целесообразным представить краткий обзор существующих концепций (теорий) игры в синхроническом срезе, что позволит нам логично перейти к языковой игре.

Проанализированный нами материал показал неоднозначность трактовок понятия «игра» в различных областях научного знания.

Биологический аспект игры представлен в работах Г. Спенсера, В. Вундта, К. Грооса в его теории упражнения, а также у В. Штерна, К. Бюллера. С точки зрения психоанализа игру изучали З. Фрейд, Ф. Бойтендайн, Ж. Пиаже, Э. Берн. Психологии игры посвящены исследования Л. С. Выготского, П. П. Блонского, Д. Б. Эльконина. Комплексным подходом к рассмотрению теорий игры в психологическом плане отличается работа Д. Б. Эльконина. Однако, на наш взгляд, наиболее интересными представляются исследования и идеи, связанные с изучением игры в

философском, культурологическом и эстетическом аспектах.

Эстетическая концепция игры восходит к учениям античных философов, таких как Платон и Аристотель. В философии немецкого философа И. Канта игра является источником удовольствия и неудовольствия. «Эстетическое чувство есть удовольствие, вызываемое состоянием гармонического соответствия двух способностей — воображения, которое свободно, и рассудка, вносящего закономерность. Если эти обычно противоположные моменты оказываются приведенными в соответствие, которое Кант называет их «игрой», то субъект ощущает это соответствие, эту «игру» как эстетическое наслаждение, а представление, вызывающее эстетическое наслаждение, как прекрасное» [7].

Фридрих Шиллер, взяв за основу идеи Э. Канта об игровой сущности эстетического суждения, разработал концепцию взаимосвязи культурного пространства и игры. В эстетической теории Шиллера, изложенной в «Письмах об эстетическом воспитании человека» (1793-94), игра является сущностью человека, поскольку «именно игра и только игра есть то, что человека делает цельным, сразу развивая его двойственную природу» [16].

Многие европейские мыслители (Эйген Финк, Хосе Ортега-и-Гассет, Герберт Маркузе, Йохан Хейзинга, и др.) пытались осмыслить человеческую культуру с помощью категорий игры. Э. Финк определяет игру как одну из основополагающих характеристик человеческого существования – наряду с трудом, властью, смертью и любовью. Х. Ортега-и-Гассет выделяет игровую сущность культуры [1. С. 57–59]. Г. Маркузе считает, что культура станет игровой и свободной только в будущем. Нидерландский историограф культуры XX века Йохан Хейзинга, последователь эстетической концепции игры, создатель философских трудов в области игры пишет о взаимосвязи игры и красоты: «Свойство быть прекрасным не имманентно игре как таковой, однако она обладает склонностью вступать в контакт со всевозможными элементами прекрасного <...> Узы, связывающие игру и красоту, тесны и многообразны» [14. С. 16–17].

Под игрой понимается свободная деятельность, «которая осознается как «невзаправду» и вне повседневной жизни выполняемое занятие, однако она может целиком овладевать играющим, не преследует при этом никакого прямого материального интереса, не ищет пользу, – свободной деятельностью, которая совершается внутри намеренно ограниченного пространства и времени, протекает упорядоченно, по определенным правилам и вызывает к жизни общественные группировки, предпочитающие окружать себя тайной либо подчеркивающие свое отличие от прочего мира всевозможной маскировкой» [14. С. 24]. В качестве основных признаков игры Й. Хейзинга называет свободный характер, духовность, ограничение во времени и пространстве, порядок и напряжение, таинственность и маскировка.

Для одного из самых значительных мыслителей второй половины XX в., основателя «философской герменевтики», Ганса Георга Гадамера, игра является «коммуникативным действием и в том смысле, что, собственно, не такая уж большая разница между тем, кто играет, и тем, кто наблюдает. Зритель явно больше, чем простой наблюдатель, следящий за тем, что разворачивается перед ним. В качестве участника он – составная часть самой игры... Произведение для воспринимающего – это как бы игровая площадка, на которую он должен выйти» [5. С. 289, 292].

В. Д. Шинкаренко рассматривает игру как «одно из самых серьезных занятий, на которые

способен человек, ибо она находится в самом основании человеческого бытия. С ее помощью человек обретает новые смыслы в жизни и расширяет свое жизненное пространство» [15. С. 2].

Согласно утверждению профессора С. Ж. Нухова, «игра является элементарной функцией человеческой жизни, и человеческая культура без нее просто немыслима. Игру можно рассматривать как некий инстинкт, приводящий в действие творческие способности человека» [9. С. 25].

Как мы видим из представленных выше точек зрения, игра выполняет важную функцию во всех сферах человеческой деятельности, и поскольку сама она многофункциональна и существует множество ее проявлений, то возникают трудности с определением данного явления, но все же в философии эстетическая концепция игры остается ведущей. И тому подтверждение дефиниция понятия, данная в современном философском словаре: игра – «одна из главных и древнейших форм эстетической деятельности, т.е. неутилитарной, совершаемой ради нее самой и доставляющей, как правило, ее участникам и зрителям эстетическое наслаждение, удовольствие, радость» [13. С. 457].

Игра, бесспорно, является универсальным механизмом психики и неотъемлемой частью жизнедеятельности, а в свою очередь, языковая игра – это одна из форм выражения склонности человека к игре, побуждающей к действию его креативные способности.

Говоря о языковой игре, следует отметить неоднозначность трактовок данного явления. Например, немецкие исследователи пользуются терминами «Sprachspielerei» (языковая игра), «Sprachwitz» (языковая шутка), «Sprachhumor» (языковой юмор), «Wortspiel» (игра слов) и т.д. Британские лингвисты обозначают данное понятие словом «pun» (игра слов, каламбур), а американцы используют такие термины, как «word play» (игра слов), «paronomasia» (парономазия, каламбур, игра слов), «quibble» (игра слов, каламбур). Отечественные же исследователи пользуются термином «языковая игра», впервые введенным в одноименной работе Е. А. Земской, М. В. Китайгородской, Н. Н. Розановой [6].

В лингвистических воззрениях представлено два основополагающих подхода к пониманию феномена языковой игры.

Л. Витгенштейн (Австрия) стал родоначальником широкого толкования термина. Он рассматривает языковую игру как нечто «целое,

состоящее из языка и тех видов деятельности, с которыми он сплетен» [4. С. 82].

Питер Фарб (США) в книге «Языковая игра: Что происходит, когда люди разговаривают» рассматривает речевое поведение человека как взаимодействие, как игру, в которой оба участника – как говорящий, так и слушающий – исходят из подсознательного следования правилам и стратегиям говорения, принятым в их языковой общности; при этом собеседники прибегают к языковой игре, чтобы достичь различных целей: лести или убеждения, демонстрации своей мудрости, достижения уважения и т.д. [19. Р. 4].

Иные трактовки «языковой игры», проанализированные нами в рамках поставленных в статье задач, представляют собой более узкий подход к пониманию языковой игры. Например,

- Б. Ю. Норман – «Языковая игра в самом широком смысле слова – это использование языка для достижения надъязыкового, эстетического, художественного (чаще всего – комического) эффекта» [8. С. 79];

- Ф. Хаусман «Языковая игра, как мыслительный трюк, обратно пропорциональна языковому выражению и по определению является загадкой, решение которой требует интеллектуальной работы на метаязыковом уровне» [21. С.126];

- Э. Пирайнен «Языковая игра – креативная метаязыковая деятельность, продуктом которой являются окказиональные, одноразовые образования, требующие декодирования реципиентом» [22. С. 264];

- Д. Кьяро «The term word play includes every conceivable way in which language is used with the intent to amuse» [18. Р. 2]; Термин языковая игра включает любой возможный способ использования языка с намерением развлечься/позабавиться (Перевод наш Садретдинова А. Т.)

- Т. Харрис Word play: 1) the witty use of words, especially in conversation, 2) punning, 3) in early language development, a child's manipulation of sounds and words, sometimes for pleasure or for purposes of language exploration and practice». [20]. Языковая игра: 1) остроумное использование слов, особенно в разговоре, 2) игра слов, каламбур, 3) манипуляция звуками, словами на раннем этапе развития речи у детей с целью получения удовольствия или с целью освоения языка и применения его на практике. (Перевод наш Садретдинова А. Т.)

Отдельные формулировки указывают на способы достижения языковой игры. Так, В. Виноградов полагает, что «языковая игра

создается благодаря умелому использованию в целях достижения комического эффекта различных созвучий, полных или частичных омономов, паронимов и таких языковых феноменов, как полисемия и изменение устойчивых лексических оборотов» [3. С. 202–203].

В лингвистических исследованиях XXI века также наблюдается неугасаемый интерес ученых к проявлениям творческой функции языка, одним из которых выступает языковая игра. При этом отмечают

- разноплановые подходы к анализу данного феномена: лингвокреативный – Е. И. Куманицина (2006), эмотивный – В. И. Шаховский (1988, 2003), Е. Ф. Болдарева (2002); психолингвистический и когнитивный аспекты (лингвосинергетический подход) – В. А. Пищальникова (2000); лингвокультурологический и гендерный аспекты – Ю. В. Попова (2013);

- широкая эмпирическая база: на материале публицистики на немецком и русском языках – О. П. Симутова (2008); в текстах нижегородской прессы – О. А. Шишкарёва (2009); в британских и североамериканских масс-медиа – Е. И. Куманицина (2006); на материале художественных текстов – Г. Ф. Рахимкулова (2000), Р. Ю. Шебалов (2004), Т. В. Устинова (2004); текстов комической направленности – О.Ю. Коновалова (2001), Т. И. Шатрова (2006), М. А. Евстафьева (2006), рекламных текстов – А. В. Коршунова (2007), Л. П. Амири (2007), Л. В. Исаева (2011), Г. В. Пономарева (2009), Ю. В. Попова (2013);

- разные языковые уровни: словообразовательный – С. В. Ильясова (2002), Т. И. Мурашев (2007), О. А. Шишкарёва (2009); фонетический – Е. А. Храмова (2015).

Существует ряд научных трудов отечественных лингвистов, посвященных отдельным приемам, способам создания языковой игры. Например, каламбур рассматривали А. А. Щербина (1958), Н. В. Якименко (1984), А. Ю. Шапурина (1988), Н. А. Штырхунова (2005), Г. В. Пономарева (2009); семантические парадоксы – А. Д. Бутакова (2015).

В частности, Е. Ф. Болдарева понимает под языковой игрой «варьирование языковых знаков (плана выражения и/или плана содержания) участниками акта коммуникации с целью самовыражения, эмоционального воздействия на адресата, а также с целью получения удовольствия» [2. С. 68].

Некоторые отечественные лингвисты (Л. П. Амири, Т. А. Гридина, Е. Б. Курганова, Ю. В. Попова) рассматривают языковую игру

как «реализацию творческих потребностей человека и понимают данный феномен как любое фонетическое или морфологическое экспериментирование со словом» [11. С. 8]. Основанием для данной точки зрения является то, что языковая игра включает в себя не только создание комического эффекта при помощи контраста между смыслом слов, звучащих одинаково, но также графические и фонетические искажения, неологизмы, морфологические игры и т.д.

Г. В. Пономарева, на основе комплексного подхода к понятию языковой игры, предлагает следующее определение языковой игры, ориентированное на цели и задачи исследования каламбура в текстах рекламы и в газетных заголовках: «Языковая игра есть феномен речемыслительной деятельности, основанный на креативном движении мысли, ориентированный на прагматическое воздействие на адресата, реализуемый посредством персуазивной лингвистической техники, задействующей неканонические способы соединения формы и значения в языковых структурах, нередко с использованием культурно-специфических концептов. Если раньше лингвокреативный потенциал языковой личности как создателя форм языковой игры проявлялся исключительно в целях усиления экспрессивности публичного общения и в художественно обусловленных намерениях, то в последующем приемы языковой игры стали активно использоваться как средство воздействия на социум через массмедиа и рекламу, провоцируя нетривиальное языковое поведение» [10. С. 7].

Под языковой игрой О. А. Шишкарёва понимает «хронологически ограниченную и прагматически обусловленную речевую деятельность человеческого коллектива, направленную на достижение определенного эстетического эффекта, реализующегося при оперировании языковыми единицами» [17. С. 10].

О. П. Симутова полагает, что «языковая игра – это форма речевого поведения человека, способ выражения личности средствами языка, в котором проявляется ее индивидуальный стиль и в котором языковая личность реализует свои лингвокреативные способности» [12. С. 8].

Таким образом, подводя итог вышесказанному, следует отметить, что в современной лингвистике ярко прослеживается тенденция к изучению феномена языковой игры с точки зрения антропоцентризма, поскольку ключевым моментом в языковой игре является человек, будь то автор текста или участник речевого акта коммуникации, его лингвокреативные способ-

ности, его речемыслительная деятельность. Но все же вопрос о системном, комплексном рассмотрении феномена языковой игры остается открытым.

Список литературы

1. Алакшин, А. Е. Смысл мировой культуры / А. Е. Алакшин // СПб. : Петрополис, 2012. – 239 с.
2. Болдарева, Е. Ф. Языковая игра как форма выражения эмоций: дис. ...канд. филол. наук / Е. Ф. Болдарева. – Волгоград, 2002. – 160 с.
3. Виноградов, В. С. Перевод: Общие и лексические вопросы / В. С. Виноградов. – М.: КДУ, 2004. – 240 с.
4. Витгенштейн, Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. – Вып. 16 – С. 79–128.
5. Гадамер, Г. Г. Актуальность прекрасного / Г. Г. Гадамер. – М., 1991. – 367 с.
6. Земская, Е. А. Языковая игра / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. – М., 1983. – 347 с.
7. Кант, И. Сочинения в 6 т. / И. Кант. – М.: Мысль, 1965. – 540 с.
8. Норман, Б. Ю. Грамматика говорящего / Б. Ю. Норман. – СПб., 1994. – 228 с.
9. Нухов, С. Ж. Языковая игра в английском словообразовании: имя существительное. Монография – Уфа: Башк. пед. ин-т, 1997. – 178 с.
10. Пономарева, Г. В. Каламбур как форма реализации языковой игры в англоязычной персуазивной коммуникации в аспекте перевода: дис. ... канд. филол. наук / Г. В. Пономарева. – Краснодар, 2009. – 151 с.
11. Попова, Ю. В. Феномен языковой игры в рекламном дискурсе: лингвокультурологический и гендерный аспекты (на материале английского, немецкого, русского языков): автореф. дис... канд. филол. наук / Ю. В. Попова. – Ростов н/Д., 2014. – 25 с.
12. Симутова, О. П. Языковая игра в словообразовании (на материале немецкого и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. П. Симутова. – Уфа, 2008. – 17 с.
13. Философский словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
14. Хейзинга, Й. Homo ludens. В тени заштрихованного дня / Й. Хейзинга. – М.: Прогресс, 1992. – 464 с.
15. Шинкаренко, В. Д. Игра и культура // Социально-гуманитарные знания. СПб., 2003. – Вып. 4 – С. 2–12.

16. Шиллер, Ф. Собрание сочинений в семи томах / Ф. Шиллер. – Т.6. – М., 1957.
17. Шишкарёва, О. А. Новообразования как проявление языковой игры: структурно-функциональный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. А. Шишкарёва. – Нижний Новгород, 2009. – 26 с.
18. Chiaro, D. The language of jokes: Analyzing verbal play / D. Chiaro. – L. – N.Y.: Routledge, 1992. – 129 p.
19. Farb, P. Word Play: What Happens When People Talk / P. Farb. – N.Y., 1976. – 421 p.
20. Harris, T.L., Hodges R.E. The Literacy Dictionary: the Vocabulary of Reading and Writing. – 1995. URL: http://www.nde.state.ne.us/READ/FRAMEWORK/glossary/general_u-z.html
21. Hausmann, F. J. Studien zur einer Linguistik des Wortspiels. Das Wortspiel im “Canard enchaîné”. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1974. – 166 S.
22. Piirainen, E. Usualisiertes Wortspiel in der deutschen Phraseologie, in: Wörter in Bildern Bilder in Wörtern: Beiträge zur Phraseologie und Sprichwortforschung aus dem Westfälischen Arbeitskreis. Hrsg. Von Rupprecht S. Baur-Christoph Chlosta-Elisabeth Piirainen. Essen: Schneider Verlag Hohengarten GmbH, 1999. – 455 S.

Е. Н. Важина

*Оренбургский государственный педагогический университет
(Оренбург, Россия)*

ПРЕДИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОЖНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С ПРИЗНАКОВЫМ КОМПОНЕНТОМ

PREDICTIVE POTENTIAL COMPOUND NOUNS WITH INDICATIVE COMPONENT

В статье устанавливается функциональный потенциал сложных слитных существительных, образованных по разным словообразовательным моделям (в аспекте осуществления номинации и предикации в структуре высказывания); определяется соотношение функциональных возможностей сложных существительных.

The article establishes the functional potential of complex fused nouns formed by various word-formation models (in terms of nomination and predication in the structure of statements); it is determined by the ratio of the functionality of complex nouns.

Ключевые слова: сложные слитные существительные, пропозиция, потенциальная предикация.

Keywords: complex fused nouns, proposition, potential predication.

Наблюдения показывают, что в русском языке существуют структурно простые, но семантически сложные предложения, в которых семантическое осложнение происходит, в частности, при функционировании в них определенного типа сложных существительных с признаковым компонентом. В этих монопредикативных (но полипропозитивных) предложениях содержится объем информации, которая способна передаваться сложным предложением (См. [1]).

На наш взгляд, сложные слитные существительные с признаковым компонентом, репре-

зентирующие отдельную пропозицию в предложении, осложняют семантическую структуру предложения вследствие их гибридности: сложные слитные существительные с признаковым компонентом выполняют в предложении номинативную функцию и одновременно выражают латентную предикацию. Употребление в предложениях сложных слитных существительных с признаковым компонентом (вместо тождественных в семантическом плане синтаксических единиц) – это экономный способ конденсации смысла в высказывании. Рассмотрим некоторые примеры функционирова-

ния сложных слитных имен существительных в предложениях.

Им оказался русский белоэмигрант, бывший капитан второго ранга российского флота Николай Рагозин (Л. Василевский «По следам случайной встречи») [3].

Сложное слитное существительное *белоэмигрант*, содержащее признаковый компонент, образовано по модели «Сл. = О прил. + интерфикс + сущ.». Сложное слитное существительное разворачивается в атрибутивное словосочетание *белый эмигрант*, которым оно мотивировано. Заменим в данном предложении сложное слитное существительное тождественным ему в семантическом плане словосочетанием: *Им оказался русский белый эмигрант, бывший капитан второго ранга российского флота Николай Рагозин*. Полученное предложение отличается от исходного формально. С точки зрения смысловой стороны, в предложении можно выделить, помимо общей, основной пропозиции (*эмигрант оказался*), ещё один знак семантической ситуации (*эмигрант – белый*). Семантическая структура предложения осложняется добавочной пропозицией, которая представляет предмет (лицо) с присущим ему признаком. Словосочетание *белый эмигрант* трансформируется в простое предложение со связочным именным предикатом (*Эмигрант был белым*). Способность сложного слитного существительного *белоэмигрант* трансформироваться в предикативную конструкцию отражает приспособленность этого существительного к потенциальной предикации.

По возможности трансформироваться в синтаксическую единицу описываемые существительные делятся на три группы: 1) сложные существительные, которые разворачиваются в эквивалентные по значению синтаксические единицы (*долготерпение – долгое терпение*); 2) сложные существительные, которые разворачиваются при помощи присоединения дополнительных слов предикатной лексики (*малоежка – тот, кто мало ест*); 3) сложные существительные, которые не разворачиваются, т.к. при трансформации разрушается их лексическое значение (*горлохват*).

Сложные слитные существительные с признаковым компонентом являются компрессией синтаксических единиц: словосочетаний, полупредикативных и предикативных единиц. Так, возможность развертывания сложных слитных существительных, мотивированных субстантивными словосочетаниями со связью согласования и построенных по моделям

«(О + Инт. + О) + Фл.» (*крутогор, трубказуб, кривоцвет, суходол, пустоцвет*) и «О + Инт. + Сл.» (*новопоселенец, первооснователь, рабовладелец, зерноотходы, долгожительство*), в соответствующие словосочетания, а словосочетаний – в предложения можно объяснить тем, что сами сложные существительные являются результатом синтаксической компрессии соответствующих словосочетаний. В этом случае выражение «сложное слитное существительное мотивируется атрибутивным словосочетанием» является, по сути дела, условным, т.к. сложные слитные существительные – результат компрессии.

Савва – первооснователь лавр, особого типа, общежительных монастырей (А. Балдин «Московские праздные дни») [3].

Сложное слитное существительное *первооснователь* является предикативным членом предложения (сказуемым). Сказуемое *первооснователь* участвует в оформлении основной пропозиции предложения (*Савва – первооснователь*). Семантика сложного слитного существительного тождественна семантике мотивирующего атрибутивного словосочетания *первый основатель*. В данном предложении сложное существительное *первооснователь* является результатом синтаксической компрессии словосочетания *первый основатель*. Данное словосочетание разворачивается в предикативную конструкцию (*Основатель был первым*). Таким образом, существительное *первооснователь* с оценочным компонентом осложняет смысловую структуру предложения, вносит в высказывание дополнительную смысловую нагрузку (помимо основной пропозиции «Савва – основатель» появляется еще один знак ситуации – «основатель первый») и выражает скрытую субъективную модальность. Носителем потенциальной предикации и имплицитной пропозиции является существительное *первооснователь*.

Существительные, мотивированные субстантивными словосочетаниями со связью согласования и построенные по модели «(О + Инт. + О + Суффикс) + Фл.» (*белолистка, глубокоснежье, глухолесье*), также являются результатом компрессии тождественных по смыслу выражений. Однако в этом случае семантика сложного слитного существительного не тождественна значению мотивирующего словосочетания: участие в деривационном процессе суффикса формирует у сложного слова дополнительное значение (например, предметное значение или значение абстрактности).

Наконец, наступает первозимье: снег покрывает землю, ложатся пороши, испещряется степь русачьими маликами, лисьими нарысками, волчьими следами и следами мелких зверьков (С. Т. Аксаков «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии») [3].

Существительное *первозимье* образовано по модели «Сл. = (О прил. + интерфикс + О сущ. + суффикс) + фл.». Существительное мотивируется атрибутивным словосочетанием *первая зима*, однако не тождественно ему (*первозимье* – «первый зимний путь» [2. С. 654]). В семантической структуре сложного существительного содержится отношение «предмет – признак». Заменим в данном предложении существительное *первозимье* выражением «первый зимний путь»: *Наконец, наступает первый зимний путь: снег покрывает землю, ложатся пороши, испещряется степь русачьими маликами, лисьими нарысками, волчьими следами и следами мелких зверьков*. Данные трансформации позволяют рассматривать сложное слитное существительное *первозимье* в предложении как выразителя имплицитной пропозиции (*был первый зимний путь*), в которой отражается оценка говорящего, как носителя потенциальной предикации.

В таком чернолесье живут, более или менее постоянно, медведи, волки, зайцы, куницы и белки (С. Т. Аксаков «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии») [3].

Сложное существительное *чернолесье* («лиственный лес» [2. С. 869], антонимом выступает существительное *краснолесье* («хвойный лес» [2. С. 297]) является второстепенным членом предложения. Семантика сложного существительного включает в себя значение мотивирующего словосочетания (*черный лес* – «лиственный лес») и значение абстрактности (носителем выступает суффикс [j]). В рассматриваемом предложении сложное существительное можно заменить словосочетанием *черный лес* (*В таком черном лесу живут, более или менее постоянно, медведи, волки, зайцы, куницы и белки*). В предложении наряду со слитной предикацией (*медведи живут, волки живут, зайцы живут, куницы живут, белки живут*), которая оформляет основную пропозицию, существует потенциальная предикация (*лес черный*), оформляющая имплицитный знак ситуации. Таким образом, сложное слитное существительное *чернолесье* выполняет в предложении номинативную функцию (именует предмет с присущим ему признаком) и является носителем потенциальной предикации.

В девятнадцатом веке с мещанством воевало свободомыслие (С. Липкин «Записки жильца») [3].

Сложное существительное *свободомыслие* является в предложении подлежащим и участвует в оформлении основной предикации (*свободомыслие воевало*). Существительное *свободомыслие* (книжн. «независимый и свободный образ мыслей» [2. С. 693]) не тождественно мотивирующему словосочетанию (*свободно мыслить*), оно трансформируется в выражение «свободный образ мыслей». Сложное существительное вносит в предложение сообщение о ситуации, которая не является главной («Это свободный образ мыслей»), то есть существительное *свободомыслие* является носителем скрытой пропозиции и способно выражать потенциальную предикацию.

Существительные с признаковым компонентом, мотивированные глагольными словосочетаниями (со связью «управление» и связью «примыкание») и нумеративными словосочетаниями (связь – «сильное управление»), разворачиваются при помощи присоединения дополнительных слов предикатной лексики в полупредикативные конструкции, а затем и в сложноподчиненные предложения и, как следствие, являются носителями потенциальной предикации в предложении (как правило, существительные, относящиеся к тематической группе «Человек», например: *правдолюбец, скорописец*). Однако ряд сложных существительных (типа *горлодер, живодер, корыстолюбец*) способны разворачиваться в сложноподчиненное предложение только формально – употребляясь в высказывании, такие существительные выступают как единицы признаковой номинации (именуют предмет по присущему ему признаку).

В половине двенадцатого тот же скороход повел их по большой и длинной галерее в приемные комнаты (В. Лихоносов «Ненаписанные воспоминания») [3].

Имя существительное *скороход* (вариант – *скороходец*), построенное по модели «Сл. = (нар. + О глаг. + суффикс) + фл.», является эквивалентом выражений «*тот, кто скоро ходит*» или «*человек, который скоро ходит*». То есть, сложное существительное разворачивается в сложноподчиненное предложение, а в сложноподчиненном предложении придаточная часть («кто скоро ходит») является предикативной единицей. В структуре рассматриваемого предложения субъекту («тот») приписывается дополнительный (характеризу-

ющий) признак (тот – это кто?) – «кто скоро ходит». Добавочный признак представлен как предикативно оформленный. Предикация имплицитно присутствует в сложном слитном существительном, которое является своего рода компрессией выражения «*тот, кто скоро ходит*». Однако сложное слитное существительное *сороход* в предложении, прежде всего, именует человека по его способностям.

Куда поехал правдолюбец с подписанным пропуском? (В. Гроссман «Жизнь и судьба») [3].

Сложное слитное существительное *правдолюбец* трансформируется (при помощи присоединения дополнительных слов предикатной лексики) в сложноподчиненное предложение «это человек, который любит правду». Заменив данной конструкцией сложное существительное, заметим, что *правдолюбец*, формально разворачиваясь в предикативную единицу, тем не менее не является носителем добавочной предикации и пропозиции в рассматриваемом предложении.

Безусловно, сложные существительные с признаковым компонентом обладают разной степенью потенциальной предикативности. Это связано с типом мотивации и словообразовательной моделью существительного.

В целом же можно говорить о том, что сложные слитные существительные с признаковым компонентом (кроме существительных с метафорическим компонентом; существительных, мотивированных фразеологическими оборотами, а также признакосодержащих имен соб-

ственных) являются функционально гибридными единицами, так как наряду с функцией номинации они способны выполнять в высказывании функцию потенциальной предикации.

В результате анализа можно отметить, что сложные слитные существительные с признаковым компонентом (при разной степени их потенциальной предикативности), являясь носителями имплицитной пропозиции и потенциальной предикации в высказывании, могут осложнять семантическую структуру предложения.

Список литературы

1. Важина, Е. Н. Функциональный потенциал сложных слитных существительных с признаковым компонентом (в аспекте номинации и предикации) / Е. Н. Важина // Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания: традиции и инновации: сборник статей XIV Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых с международным участием / под ред. В. М. Шаклеина. – М., РУДН, 23 апреля 2012 г. – М. : Рибэст, 2012. – С. 58–62.
2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова / Российская АН – М. : АЗЪ, 1996. – 928 с.
3. Национальный корпус русского языка – URL: <http://www.ruscorpora.ru>

Л. Г. Васильев

*Калужский государственный университет
(Калуга, Россия)*

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ АРГУМЕНТОЛОГИЯ В РОССИИ

LINGUISTIC ARGUMENTOLOGY IN RUSSIA

В статье рассматриваются три основных подхода в отечественной лингвоаргументологии – когнитивно-лингвистический, логико-лингвистический и коммуникативно-прагматический. Основной акцент делается на анализе состояния исследования лингвистических аспектов аргументации в политическом дискурсе.

The paper deals with contemporary state-of-the-art of Russian linguistic argumentology; its three principal approaches – cognitive-linguistic, logico-linguistic and communicative-pragmatic – are characterized. Special emphasis is placed on the analysis of present-day linguistic studies in political discourse argumentology.

Ключевые слова: аргументация, лингвистическая аргументология, когнитивно-лингвистический, логико-лингвистический, коммуникативно-прагматический, дискурс.

Keywords: argumentation, linguistic argumentology, cognitive-linguistic, logico-linguistic, communicative-pragmatic, discourse.

Жанровое разнообразие монографических аргументологических исследований в российской лингвистике невелико – это исследования в области политического, бытового, судебного и научного дискурса.

С точки зрения подходов в лингвоаргументологии, количественно наименее представленным следует признать логико-лингвистический (ср. работы: [4, 9, 12, 18]), за ним следует когнитивно-лингвистический (диссертации [1, 3, 11, 13, 16] и др.); наиболее репрезентативен коммуникативно-прагматический подход (исследования [2, 5, 6, 7, 8, 10, 14, 15, 17, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 34, 32, 33] и др.).

В настоящей статье анализируются кандидатские диссертационные исследования в области аргументативного анализа политического дискурса.

Логико-лингвистический подход.

В подходе Н. Н. Добряковой [10] аргументативное сообщение (АС) определяется как вторичный речевой жанр, стереотип речевого поведения участников социальной процедуры. Выявляются модели построения АС на основе когнитивного фрейма аргументации и знаний экстралингвистического контекста для определения коммуникативных стратегий и тактик говорящих субъектов. Для построения АС используются методы аргументации (логическая демонстрация) и убеждения (паралогическая демонстрация) как разные модели построения обоснования. АС характеризуется прескриптивной установкой и по способу каузации делится на три типа: логический, риторический и оценочный. Логическая модель аргументации строится по типу макрофрейма с многоуровневой структурой, равной аргументативному ходу (далее – АХ), состоящего из нескольких аргументативных шагов (далее – АШ), выдвигаемых в защиту одного Макротезиса. Риторическая модель строится по принципу тематического поля, с центральными лексическими элементами-прагмемами, а периферию составляют информемы. Оценочная модель представлена двумя суб-моделями: (а) контрастивно-оценочной и (б) ситуационной, представленной в речи как мотивировочный комплекс, поясняющий и мотивирующий авторскую оценку.

В подходе Е. О. Ильичевой [12] изучается использование дедуктивных умозаключений для осуществления речевоздействующих стратегий и тактик говорящего. Логическая аргументация, ориентируясь на рациональную составляющую сознания, обладает особой силой воздействия. Основным способом аргументативного воздействия в политическом дискурсе считается логическое доказательство. Прагматическая роль энтимем и соритов видится автору в использовании дедукции для формирования признаков и стилевых особенностей политического дискурса: лаконичности, обобщенности, доступности, строгой логичности, аргументированности, смысловой неопределенности. Прагматические особенности дедуктивных умозаключений, состоящих из утвердительных суждений, видятся в способности реализовать стратегии и тактики убеждения, нацеленные на решение главной, по мнению автора, коммуникативной задачи – информирования о состоянии дел с положительной точки зрения.

Исследование Ю. И. Касьяновой [14] посвящено описанию структурно-семантической модели аргументации в монологическом тексте. Используются метод моделирования глубинной семантики элементов аргумента, связанной с вопросами семантики предложения. Предлагается структурно-функциональный и семантико-синтаксический анализ аргументативных составляющих текста. Из композиционных единиц текста в работе избираются Введение, Основная часть, Заключение. Введение в свою очередь состоит из Импульса, Фокуса и Привязки к аудитории. Два последних обладают аргументативным потенциалом и являются собой Аргументативные Макро-Ходы. Основная часть включает Обзор (отдельный Макро-Ход). Заключение содержит два Макро-Хода (Суммирование и Завершающий импульс). Композиционная структура текста не совпадает с аргументационной в силу различия задач. Дальнейший анализ проводится для выявления частотности аргументативной функции с соответствующим семантическим наполнением на основании соотнесения влияния внутренней (пропозициональной) семантики на внешнюю (аргументационную). С увеличением глубины

гнездования увеличивается частотность появления на низлежащих уровнях предикатов свойства, а на предельном нижнем уровне логично ожидать примат экзистенциональных предикатов, связанных с пресуппозицией существования свойства, отношения, состояния, действия. Таким образом, прослеживается связь между онтологическим и лингвистическим началом аргументативного механизма.

Коммуникативно-прагматический подход.

В подходе А. Ю. Мордовина [21] анализируется политический аргументативный дискурс (далее – АД). Аргументативные стратегии описываются в духе прагматической диалектики. Стратегии глубокой сложноподчиненной аргументации, многократного повтора точки зрения и аргументов, ретрогрессивной презентации точки зрения способны диагностировать языковую личность в сфере языкового убеждения. Аргументативные стратегии отражают два высших уровня языковой личности – тезаурус и прагматикон. Выделив аргументативные стратегии в дискурсе языковой личности, можно судить о её картине мира и системе ценностей, а также об особенностях её аргументативного поведения.

В подходе Н.Е. Бардиной [2] изучаются аксиологические стратегии, характеризующие АД. АД имеет структурный и семантический потенциал для аксиологического маневрирования участников, т.е. переходов к различным типам и значениям оценок, разным аксиологическим стратегиям по индивидуальным решениям участников. Аксиологическая стратегия – комплекс речевых действий, направленных на достижение определенной иллюкативной цели через трансформацию ценностной модели мира адресата в желательном для говорящего направлении. В основе аксиологической стратегии – семантика и прагматика оценки. Аксиологические стратегии самопрезентации, очернения противника, пиетета и кооперации расцениваются как когнитивные стратегии, спроецированные в область речевого воздействия.

В подходе Н. А. Ощепковой [23] исследуется АД политических дебатов как институциональный тип дискурса. Выделяется два этапа анализа – стратегический и тактический. На стратегическом этапе восстанавливается макро- и микроструктура аргументативного фрейма с помощью функционально-аргументативной модели, анализируется структура аргументации с позиций прагматической диалектики, и рассматривается текст-аргумент. На такти-

ческом этапе осуществляется анализ аргументов на уровне АШ, что позволяет оценить качество элементов АД. Дается описание типов аргументативных ошибок, и устанавливаются их прогнозируемые локусы на микро- и макроуровне АД.

Исследование О. А. Гусевой [8] на основе модели Х. Перельмана изучает риторико-аргументативное воздействие на массового адресата президентской речи. Оно направлено на формирование нужного эмоционально-ассоциативного образа объекта и предмета речи, на основе которого воспринимается высказывание. Этот образ создается за счёт включения в речь релевантных семиотических и аксиологических компонентов, а также за счёт грамотного оперирования их языковой реализацией. Аргументирование в публичном президентском дискурсе должно коррелировать с умственной и эмоциональной диспозицией целевой. Регулятивное воздействие реализуется посредством разноуровневых языковых средств, употребление которых имеет как общие закономерности, так и контекстуальную обусловленность. Характерно использование в речах гомерической схемы расположения аргументов и построение аргументации на основе локусов качества.

Подход О. П. Петрухиной [24] зиждется на идее о том, что по способу стратегического оформления политический дискурс является аргументативным, и в нём речевое воздействие осуществляется посредством оптимизирующей процедуры одновременной активации рациональных и иррациональных структур человеческого сознания. Жанровая специфика дискурса британского политика (Т. Блэра) формируется посредством динамического взаимодействия типологических характеристик жанра и личностных смыслов, манифестируемых стратегическими иллюкциями. Языковая личность премьер-министра наделена способностью к использованию множественной аргументации. Аргументация в дискурсе Т. Блэра помимо чисто логического обоснования нередко проводится средствами иррационального воздействия (аксиологом и метафор). Аргументативные стратегии Т. Блэра отличаются сочетанием прототипической и гомеостатической оценок, парадоксальных тезисов и аргументов (в публичной речи и докладе). Репертуар аргументативных стратегий включает стратегии кооперации, борьбы за власть, апелляции к ценностным категориям, аргументативного манипулирования. Выбор стратегий определя-

ется параметрами актуальной ситуации речевого взаимодействия.

Подход О. Э. Сухаревой [31] призван установить параметры риторико-аргументативного описания убедительности публичной речи в ориентации на изучение соотношения в ней рационального и эмоционального. Рациональный подход описывается на основе модели С. Тулмина – установление диспозиции аргументов с их внутренней семантико-функциональной структурой и внешними функциями. Абзац рассматривается как Ход – аргументативный (АХ) или не-аргументативный (АХ). АХ содержит один или несколько АИШ в пределах абзаца. АХ не содержит такового. Структура, по размерам бо́льшая, чем Ход, определяется на основе: (а) аргументативной макропропозиции – как Аргументативный Макро-Ход (АМХ); (б) не-аргументативной макропропозиции – как Супер-Ход. Таким образом, различаются макроструктура (аргументативная) и супер-структура (не-аргументативная). Анализ аргументации начинается на микроуровне (тактическом). Вклад отдельных аргументов в общее аргументативное значение текста сопровождается функциональной трансформацией аргументов и их компонентов. Аргументативная структура текста в целом может быть представлена как совокупность Тезисов-Доводов из всех АМХ, обосновывающая Глобальный Тезис. Интерпретативный подход позволяет сгруппировать результирующие Доводы по Тезисной семантике.

В подходе Е.В. Ли [17] изучаются пограничные феномены универсальной и этнокультурной (русской и корейской) аргументации типа *argumentum ad*, а также превращения корректных приемов в псевдоаргументацию и манипуляцию. Классическая западная модель аргументации следует линейному построению высказывания по схеме: тезис – аргумент – вывод. Классическая восточная модель предполагает спиралевидное развитие дискурса с высоким содержанием метафорических образов. Эти модели в современном политическом дискурсе сближаются. При этом обнаруживается преобладание национальных, культурно обусловленных аргументативных конфигураций. Стремление к достижению согласия, наличие в составе участников события членов экспертного сообщества, неограниченность жесткими временными рамками определяют преобладание в дискурсе рациональной аргументации. Изменение целевой установки на завоевание власти, сокращение количества

экспертов, а также сужение временных рамок коммуникативного события влечет вытеснение аргументативной составляющей манипуляцией. Апелляция к рациональной сфере адресата осуществляется в универсальных для обеих культур стратегиях *ad hominem* и *ad populum*. Обращение к эмоциональной сфере аудитории опосредовано стратегиями сочувствия (*ad misericordiam* (*ad Alterum* в российской, *ad Ipsum* – в южнокорейской культуре)) и угрозы (*ad baculum* (намного чаще – в российском дискурсе)), которые смещают дискурс к полюсу манипуляции. Аргументация принимает универсальный характер в случае обращения к рациональной сфере адресата.

В подходе О. Н. Мишук [20] предмет изучения – речевоздействующие (РВ) средства, оформляющие самопрезентационную (СмП) составляющую дискурса. СмП рассматривается как базисная фоновая стратегия социально-институционального плана; исследуются средства РВ-реализации СмП; выявляются и описываются общекоммуникативный и двуплановый аргументативный стратегические ракурсы РВ для таких текстов. СмП получает выраженную реализацию во введениях к речам; тематическая организация введений публичных выступлений политических деятелей в невраждебной аудитории имеет сходные черты. Рассмотрение аргументативных стратегий, производимое с разграничением конвинсивной и персуазивной аргументации, дает комплексную картину способов и средств аргументативного РВ; конвинсивные стратегии реализуются посредством аргументативных тактик выдвижения Доводов разной степени сложности; персуазивные – посредством семантических и прагматических логически несовершенных действий в аргументации, рассматриваемых как тактики.

Список литературы

1. Баранов, А. Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход) : дис ... докт. филол. наук / А. Н. Баранов. – М. : Ин-т русского языка, 1990. – 378 с.
2. Бардина, Н. Е. Аксиологические стратегии аргументативного дискурса современного английского языка : на материалах политической риторики и социально-бытового общения : дис. ... канд. филол. наук / Н. Е. Бардина. – Иркутск: Иркутский гос. линг. ун-т, 2004. – 180 с.
3. Беседина, Е. В. Аргументативный дискурс когнитивно сложных и когнитивно про-

- стных личностей : дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Беседина. – Калуга : Калужский гос. ун-т, 2011. – 154 с.
4. Васильев, Л. Г. Лингвистические аспекты понимания: дис. ... докт. филол. наук / Л. Г. Васильев. – Калуга : Калужский гос. пед. ун-т, 1999. – 251 с.
5. Васильянова, И. М. Особенности аргументации в судебном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук / И. М. Васильянова. – Калуга : Калужский гос. пед. ун-т, 2007. – 206 с.
6. Голубев, В. Ю. Аргументация как один из функциональных элементов газетного стиля речи : дис. ... канд. филол. наук / В. Ю. Голубев. – СПб : Санкт-Петербургский гос. ун-т, 1996. – 222 с.
7. Гудкова, К. В. Когнитивно-прагматический анализ аргументации в газетной статье (на мат-ле британской прессы) : дис. ... канд. филол. наук / К. В. Гудкова. – СПб: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2009. – 184 с.
8. Гусева, О. А. Риторико-аргументативные характеристики политического дискурса: на материале президентских обращений к нации : дис. ... канд. филол. наук / О. А. Гусева. – Калуга: Калужский гос. пед. ун-т, 2006. – 228 с.
9. Дашкова, С. Ю. Логико-прагматический анализ аргументации в научно-учебном тексте (на материале французского и русского языков) : дис. ... канд. филол. наук / С. Ю. Дашкова. – Кемерово : Кемеровский гос. ун-т, 2004. – 154 с.
10. Добрякова, Н. Н. Аргументативное сообщение как единица политической речи. Прагмалингвистический и интеракционный аспекты анализа (на мат-ле Слушаний заседаний в Конгрессе США) : дис. ... канд. филол. наук / Н. Н. Добрякова. – СПб: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2003. – 201 с.
11. Зайцева, В. Ю. Аргументативный дискурс носителей когнитивности «конкретная / абстрактная концептуализация» : дис. ... канд. филол. наук / В. Ю. Зайцева. – Калуга : Калужский гос. ун-т, 2012. – 181 с.
12. Ильичева, Е. О. Прагматика дедуктивных умозаключений в политическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук / Е. О. Ильичева. – Иркутск: Иркутский гос. линг. ун-т, 2006. – 209 с.
13. Калашникова, С. В. Лингвистические аспекты стилей мышления в аргументативном дискурсе : дис. ... канд. филол. наук / С. В. Калашникова. – Калуга: Калужск. гос. пед. ун-т, 2007. – 192 с.
14. Касьянова, Ю. И. Структурно-семантический анализ аргументации в монологическом тексте : дис. ... канд. филол. наук / Ю. И. Касьянова. – Ижевск: Удмуртск. гос. ун-т, 2008. – 158 с.
15. Ким, Г. А. Структурно-прагматические особенности аргументативного дискурса : дис. ... канд. филол. наук / Г. А. Ким. – Челябинск : Челябинский гос. ун-т, 2011. – 226 с.
16. Киселева, В. В. Варьирование вербальных реакций в аргументативном дискурсе : дис. ... канд. филол. наук / В. В. Киселева. – Ижевск : Удмуртск. гос. ун-т, 2006. – 189 с.
17. Ли, Е. В. Диалектическое взаимодействие универсальных и этнокультурных стратегий аргументации в политическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Ли. – Иркутск : Иркутский гос. линг. ун-т, 2011. – 209 с.
18. Мельникова, О. Н. Импликативные сверхфразовые единства в английском языке : дис. ... канд. филол. наук / О. Н. Мельникова. – Тула : Тульский гос. ун-т, 2003. – 150 с.
19. Минаков, В. Н. Дискурсивный потенциал аргументации в немецкоязычном научном тексте : дис. ... канд. филол. наук / В. Н. Минаков. – М. : Моск. гос. лингв. ун-т, 2007. – 172 с.
20. Мищук, О. Н. Речевое воздействие и самопрезентация (на материале публичных выступлений) : дис. ... канд. филол. наук / О. Н. Мищук. – Тула: Тульский гос. ун-т, 2013.
21. Мордовин, А. Ю. Аргументативные стратегии языковой личности североамериканского политика : на материале дискурса Г. Киссинджера : дис. ... канд. филол. наук / А. Ю. Мордовин. – Иркутск : Иркутский гос. лингв. ун-т, 2004. – 239 с.
22. Нешева, Т. В. Коммуникативно-прагматический потенциал слов-аргументаторов : дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Нешева. – Иркутск : Иркутский гос. лингв. ун-т, 2008. – 190 с.
23. Ощепкова, Н. А. Стратегии и тактики в аргументативном дискурсе : Прагмалингвистический анализ убедительности рассуждения (на мат-ле политических дебатов) : дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Ощепкова. – Калуга: Калужск. гос. пед. ун-т, 2004. – 200 с.
24. Петрухина, О. П. Аргументативные стратегии британского политика : дис. ... канд. филол. наук / О. П. Петрухина. – Абакан : Хакасский гос. ун-т, 2009. – 200 с.
25. Пригарина, Н. К. Аргументация в судебной защитительной речи : риторическая модель : дис. ... докт. филол. наук / Н. К. Пригарина. – Волгоград: Волгоградский гос. ун-т, 2010. – 399 с.
26. Пучкова, А. В. Речевой жанр 'канцелярская отписка' : лингво-аргументативный ана-

лиз : дис. ... канд. филол. наук / А. В. Пучкова. – Калуга : Калужск. гос. ун-т, 2011. – 196 с.

27. Ручкина, Е. М. Лингво-аргументативные особенности стратегий вежливости в речевом конфликте (на мат-ле педагогического дискурса) : дис. ... канд. филол. наук / Е. М. Ручкина. – Калуга : Калужск. гос. ун-т, 2009. – 184 с.

28. Салтыкова, Е. А. Функционирование иносказательных фразеологических единиц в аргументативном дискурсе : дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Салтыкова. – Калуга : Калужск. гос. ун-т, 2011. – 190 с.

29. Ситосанова, О. В. Семантика и прагматика слов-аргументаторов в бытовом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук / О. В. Ситосанова. – Иркутск : Иркутский гос. лингв. ун-т, 2008. – 158 с.

30. Сташ, А. В. Каузальность как компонент категориального поля аргументации (лингвистический аспект) : дис. ... канд. филол. наук /

А. В. Сташ. – Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2011. – 206 с.

31. Сухарева, О. Э. Западная риторическая традиция и проблема убедительности монолога (на мат-ле публичной речи) : дис. ... канд. филол. наук / О. Э. Сухарева. – Калуга : Калужск. гос. ун-т, 2009. – 202 с.

32. Сушенцова, Т. В. Структурно-содержательная специфика аргументации в судебных решениях : дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Сушенцова. – Ижевск : Удмуртск. гос. ун-т, 2014. – 188 с.

33. Фанян, Н. Ю. Аргументация как лингво-прагматическая структура : дис. ... докт. филол. наук / Н. Ю. Фанян. – Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2000. – 224 с.

34. Черкасская, Н. Н. Стратегии и тактики в апеллятивном речевом жанре : дис. ... канд. филол. наук / Н. Н. Черкасская. – Ижевск : Удмуртск. гос. ун-т, 2009. – 203 с.

А. В. Гашков

*Пермский национальный исследовательский политехнический университет
Пермь (Россия)*

АВТОМАТИЧЕСКИЙ ПОИСК СИНТАКСИЧЕСКОЙ ОМОНИМИИ В ТЕКСТЕ

AUTOMATIC SEARCH FOR SYNTACTIC HOMONYMY IN TEXT

Статья посвящена проблеме автоматического обнаружения синтаксической омонимии в тексте. Дается определение синтаксической омонимии. Описывается разрабатываемый алгоритм, приводится оценка точности его работы для предложений, состоящих из двух, трёх и четырёх слов. Указываются причины, затрудняющие точность оценки.

The article deals with the problem of automatic search for syntactic homonymy in text. The syntactic homonymy is defined. The developing algorithm is given and the precision evaluation of its work is described using the examples of sentences containing 2, 3 or 4 words. There are also given the reasons making the precision evaluation difficult.

Ключевые слова: синтаксическая омонимия, алгоритм, автоматический анализ текста, точность оценки.

Keywords: syntactic homonymy, algorithm, automatic text analysis, evaluation precision.

Одной из самых сложных проблем автоматического анализа текста на грамматическом уровне является омонимия разных типов. Описанию и анализу омонимии посвящено достаточно большое количество работ, из которых большая часть – проблемам лексической

омонимии. В теоретической грамматике, как правило, рассматриваются причины возникновения синтаксической омонимии и её классификация [1; 2; 6; 8; 10; и др.]. В компьютерной лингвистике основным подходом к анализу синтаксической омонимии является её разре-

шение, т.е. выбор одного «правильного» варианта [3; 5; 7; 9; и др.]. Несмотря на значительное количество работ, проблему автоматического анализа омонимичных конструкций нельзя считать разрешенной.

Рассмотрим некоторые определения синтаксической омонимии. Ю. Д. Апресян считает, что синтаксическая омонимия на категориальном уровне обусловлена не многозначностью входящих слов, а возможностью приписать две разные синтаксические структуры [1. С. 176]. Рассматривая многозначность и омонимию в словосочетаниях и предложениях (на материале русского языка), Н. П. Колесников считает, что «синтаксическими омонимами могут быть такие предложения, двусмысленность которых вызвана только и только синтаксическими средствами». По мнению ученого, синтаксическими средствами, вызывающими синтаксическую омонимию, являются то или иное членение предложения на синтагмы, то или иное объединение слов в словосочетания [6. С. 26]. Похожее определение мы находим в работе «Grundzüge einer deutschen Grammatik»: «Структурная омонимия имеет место тогда и только тогда, когда многозначность предложения вызвана не многозначностью отдельного слова, а различными синтаксическими структурами, которые могут подчиняться этому предложению» [10. С. 145].

В отличие от вышеперечисленных авторов, в данной работе мы понимаем под синтаксической омонимией существование как минимум двух различных синтаксических сетей предложения, независимо от причины их возникновения. Заметим, что мы не противопоставляем наше определение перечисленным выше, а считаем его более общим, позволяющим выделить синтаксическую омонимию (в узком понимании) путём исключения предложений с омонимичными лексемами.

Необходимость разработки системы автоматического поиска синтаксической омонимии вызвана тем, что этот вид омонимии, как показывают эксперименты (описанные ниже), сложно обнаружить.

Проблеме синтаксической омонимии при автоматическом анализе в отечественной науке посвящено достаточное количество работ [3, 5, 7, 9, и др.], при этом основной задачей считается разработка алгоритма для снятия синтаксической омонимии. Это наиболее очевидный подход, который дает хороший результат, поскольку, действительно, в большинстве случаев можно выделить доминантный вари-

ант, реализующийся в конкретном контексте. Недостатком данного подхода является то, что, во-первых, зачастую теряется намеренная игра слов, а во-вторых, даже носители языка выбирают разные варианты как доминантные. Кроме того, при анализе письменных текстов не отображается ударение, что также затрудняет выбор доминантного варианта. Поэтому нами предпринята попытка разработки алгоритма автоматического распознавания синтаксической омонимии с построением синтаксической сети для каждой из обнаруженных структур.

Кратко опишем разрабатываемый алгоритм. Для нахождения синтаксической омонимии мы строим все возможные сети и каждую проверяем на синтаксическую правильность. Такой подход позволяет найти все возможные варианты, какими бы маловероятными они ни казались. В некоторых ситуациях это может быть его достоинством, а в других – недостатком. Если необходимо отсеять маловероятные варианты разбора, то нужно иметь способ оценки сети, желательно в количественном выражении. В качестве оценки сети мы выбрали суммарное расстояние управления. Расстояние управления вычисляется как абсолютная величина разницы номеров управляющего и подчинённого слов в предложении. Суммарное расстояние управления равно сумме расстояний для каждой пары «управляющее – подчинённое слово» в синтаксической сети. Мы принимаем во внимание только те варианты, количественная оценка для которых отличается не более, чем в полтора раза от варианта с наименьшей оценкой.

Описываемая система проверялась на предложениях, состоящих из двух, трёх и четырёх слов. Предложения отбирались методом сплошной выборки с русскоязычных ресурсов сети Интернет.

Для предложений из двух слов наибольшее количество омонимичных предложений составляют те, в которых присутствует слово *есть* в значениях 1 – быть, существовать и 2 – употреблять в пищу. Причём большинство из них с *есть* во втором значении семантически некорректны, например: *Балки есть. Лампы есть. Есть замечания.*

Но встречаются и омонимичные: *Баранки есть. Есть соль.*

Большое количество омонимичных сетей встречается в предложениях с омонимичными формами лексем глагол/существительное, например:

Авитаминоз души. Пара лексем душа-душить.

Альтернативы были. Пара лексем *быль-быть*.

Анализ мочи. (*Моча-мочить*).

Богиня села. (*Село-сесть*).

План мести. (*Месть-мести*).

Пожиратели падали. (*Падаль-падать*).

Формальная омонимия (особенно для существительных женского рода) также часто порождает омонимичные предложения:

Аллегии женственности. Основы фотографии. Загадки личности. Новости науки. Аксиомы биологии. Дороги победы.

На предложениях из двух слов программа показала точность порядка 90%, при этом все найденные предложения действительно были омонимичными, не было найдено около 10% омонимичных предложений в контрольных тестах. Точная оценка чрезвычайно затруднена по нескольким причинам:

1) отсутствует в открытом доступе корпус размеченных текстов с пометками о синтаксической омонимии;

2) поиск омонимичных предложений экспертом ненадёжен из-за инертности мышления, о чем писал А. Н. Гвоздев: «языковое чутье не способствует обнаружению омонимизма, он может быть раскрыт только при сознательном рассмотрении языкового материала, направленном в сторону отыскания омонимов» [2. С. 382]. Этот факт подтверждается и проведенными экспериментами. На материале немецкого языка: омонимичные предложения лучше выделяются в тексте испытуемыми, которые не являются носителями языка, т.е. в эксперименте это были русскоязычные испытуемые, владеющие немецким языком [4. С. 138–141]. В другом эксперименте, проведенном нами на материале русского языка, студентам-лингвистам 4 курса (носителям языка) был предъявлен список предложений, состоящий из найденных программой омонимичных предложений, а также из предложений, имеющих одну сеть (предложения были перемешаны случайным образом для предотвращения угадывания). Испытуемым было предложено найти все предложения, имеющие две и более сети. В результате студенты смогли найти менее 50% омонимичных предложений;

3) не все предложения разбираются программой по причинам, не связанным с наличием синтаксической омонимии (например, одно из слов отсутствует в словаре).

Приведем также примеры омонимичных предложений из трёх слов, обнаруженных про-

граммой-анализатором, с двумя синтаксическими сетями каждое:

Агрессивность людей поражала.

	поражала		поражала
агрессивность		людей	агрессивность
			людей

Бил ее костылем.

бил	бил
/ \	
еекостылем	костылем
	ее

Бог смерти отказал.

отказал	отказал
/ \	
бог смерти	бог
	смерти

Точность для предложений данной группы составила примерно 80%.

Также достаточно много омонимичных структур и в предложениях, состоящих из четырёх слов:

Глаза бабы подернулись поволокой.

подернулись	подернулись
бабы	поволокой
глаза	бабы

День летний год кормит.

кормит	кормит
день	год
летний	летний

Целину поднимать сюда придут.

придут	придут
/ \	
поднимать	сюда
целину	целину сюда

Точность для предложений из 4 слов составила примерно 65%.

Таким образом, разрабатываемый алгоритм позволяет достаточно точно обнаружить структуры с «подозрением» на синтаксическую омонимию. Дальнейшее совершенствование алгоритма будет направлено на увеличение точности оценки омонимичности структур, например, необходимо учитывать валентность глагола, чтобы отбросить ложные варианты, очевидные для человека. Алгоритм может использоваться как основное или вспомогательное средство для разрешения омонимии в случаях, когда синтаксическая омонимия недопустима или нежелательна.

Список литературы

1. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика / Ю. Д. Апресян. – М. : Шк. «Языки русской культуры», Изд. фирма «Восточная лит-ра», РАН, 1995. – 2-е изд. – Т.1. – 472 с.
2. Гвоздев, А. Н. Очерки по стилистике русского языка / А. Н. Гвоздев. – М. : Просвещение, 1965. – 408 с.
3. Дрейзин, Ф. А. Синтаксическая омонимия в русском языке с точки зрения автоматического анализа / Ф. А. Дрейзин. дис. ... канд. филол. наук. – М. : 1966. – 120 с.
4. Ельцова, М. Н. Категории напряжения и напряженности простого повествовательного предложения / М. Н. Ельцова. дис. ... канд. филол. наук. – Пермь, 2006. 185 с.
5. Иорданская, Л. Н. Автоматический синтаксический анализ / Л. Н. Иорданская. – Новосибирск: Наука Сиб. отд-ние, 1967. Т.1. – 231 с.
6. Колесников, Н. П. Порядок слов в русском предложении и синтаксическая омонимия / Н. П. Колесников; Учеб. пособие по соврем. рус. яз. для студентов-журналистов. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1981. – 45 с.
7. Мельчук, И. А. Автоматический синтаксический анализ. Т.1. Новосибирск. : Ред.-изд. отдел Сибирского отделения АН СССР, 1964. – 359 с.
8. Мучник, Б. С. Человек и текст. Основы культуры письменной речи / Б. С. Мучник. – М. : Книга, 1985. – 252 с.
9. Падучева, Е. В., Ланглебен, М. М. Обработка слов с омонимией части речи при анализе английского текста / Е. В. Падучева, М. М. Ланглебен // Лингвистические исследования по машинному переводу. М. : 1961, вып. 2, с. 228–233.
10. Grundzüge einer deutschen Grammatik. Von einem Autorenkollektiv unter der Leitung von Karl Erich Heidolph, Walter Fläming, Wolfgang Motsch. – Akademie-Verlag Berlin, 1984. – 1028 S.

Т. В. Демьянова

Чувашский государственный университет
(Чебоксары, Россия)

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ С ПРОФИЛЬНЫМ ОБРАЗОВАНИЕМ В ВУЗЕ

PROBLEMS OF LANGUAGE AND CONTENT INTEGRATED TEACHING AT HIGHER SCHOOL

В статье обсуждается проблема интегрирования обучения английскому языку с профильным образованием. Проводится обзор общих тенденций реформирования методики преподавания иностранных языков и их компонентов. Предоставляются результаты использования проектного метода как инструмента реализации компетентностно-интегрированного подхода к обучению иностранному языку на практике.

In this work the problems of English language teaching and content subject teaching integrating are studied. The groups of modern approaches and their components are reviewed. The results of project work method usage are presented.

Ключевые слова: компетентностно-интегрированный подход, интегративный, коммуникативный, когнитивный, английский для специальных целей, проектный метод.

Keywords: approach, communicative, cognitive, skills and abilities, content and language integrated learning, English for specific purposes, project work.

В данной статье нам предстоит рассмотреть вопросы, связанные с определением общих тенденций реформирования методики преподавания иностранных языков с целью его интегрирования с профильным образованием. Будут рассмотрены те из них, которые непосредственно касаются преподавания иностранных языков в российском вузе. Согласно стратегическому плану развития науки и образования на ближайшие 20 лет не только структура образовательных учреждений, но также цели, содержание и форматы подготовки научно-педагогических кадров претерпят существенные изменения. Будущим учёным ещё на университетской скамье нужно учиться управлять своей научной и публикационной карьерой, которая немыслима без знания иностранного языка. Им необходимы запас терминологии по своей специальности, умение излагать основные тезисы и выводы, готовность вести самостоятельно переписку и переговоры с зарубежными научными партнёрами, принимать участие в семинарах и конференциях, совместных исследованиях, научных стажировках участников академической мобильности. К сожалению, несмотря на разработку УМО по лингвистическому образованию «Программы курса иностранного языка для неязыковых вузов», уровневую систему подготовки не удаётся внедрить во многом по причине использования устаревшего грамматико-переводного метода и содержательного подхода к обучению, слабой языковой подготовки в школе, низкой профессиональной мотивации.

Считаем важным дать точную трактовку терминологии, применяемой в методологии преподавания иностранных языков для описания процесса обучения, принятую в современной российской методике в сравнении с западной. В частности, уточним значения таких терминов, как подход (approach) и метод (method), приём (technique). Примем за основу трактовку этих понятий, предложенную Вятютневым М. Н. [2], согласно которой, подход к обучению – это базисная категория, которая определяет стратегию и метод обучения, реализующего такую стратегию. Другими словами, метод преподавания как совокупность

приёмов и методик является инструментом реализации подхода к обучению иностранному языку на практике. Как правило, выделяют три компонента каждого подхода: психологический, лингвистический, дидактический. Выбор одного из компонентов как наиболее важного при организации учебного процесса формирует соответствующий подход к обучению. В табл. 1 обобщаются доминантные составляющие компонентов подхода, которые раскрывают его сущность и особенности.

Компоненты подхода к преподаванию иностранного языка

Психологический компонент	Лингвистический компонент	Дидактический компонент
когнитивные особенности (learning style); коммуникативные особенности (learning strategies)	анализ грамматических и лексических структур (grammar and lexical structures analysis)	Методы обучения (methods)
механизм образования речевых стимулов	синтез лексических и грамматических структур (language production)	программа обучения (syllabus): содержание (contents), материалы обучения (teaching materials)
роль преподавателя и учащегося (teacher's and learner's roles)	речевая деятельность (language skills) – устная речь, аудирование, чтение, письмо (speaking, listening, reading, writing)	учебные стратегии (teaching strategy) и приёмы (procedures / techniques and activities)
мотивация учащегося (learning needs) личностные особенности учащегося (personal needs)		формы и методы контроля (assessment technique) [5]

Сопоставительный анализ существующих подходов к преподаванию иностранного языка на основе вышеназванных составляющих служит цели выявления наиболее прочной базы, определяющей оптимальную стратегию языковой подготовки бакалавров, магистров, аспирантов, как перспективных участников академических и деловых сообществ в глобальном масштабе. Полученные данные позволяют выделить характерные и свойственные каждому подходу методы обучения, компоненты подхода и составляющие каждого компонента, а также осуществить обобщённую классификацию подходов на основании доминирования некоторого компонента. В соответствии с данным признаком все подходы разделяются на 3 группы:

1. коммуникативная группа: доминантным является психологический компонент. К данной группе относятся методы, ориентированные на поведение и личность обучаемого, его коммуникативные способности: бихевиористский/прямой (Direct approach), функционально-содержательный подход (Functional approach), личностно-ориентированный / личностно-деятельностный (Learner-centred approach), коммуникативный (Communicative approach);

2. когнитивная группа: доминантой является лингвистический компонент. К данной группе относятся подходы, ориентированные на продукт обучения: когнитивный (Cognitive Academic Language Learning approach), аналитический/грамматический (Structural/Grammar-Translation approach), синтетический/лексический (Lexical approach);

3. компетентностная группа: доминантой является дидактическая компонента. К данной группе относятся подходы, ориентированные на интеграцию процесса обучения и развитие компетенций обучаемого: эклективный/комбинированный коммуникативно-когнитивный (Eclectic approach), компетентностный (Language Skills and Abilities Developing approach), интергративный (Content and Language Integrated Learning CLIL) [4].

Первая группа учитывает, прежде всего, особенности реального общения, когда владение системой языка (знание грамматики и лексики) не является необходимым для эффективного использования языка в целях коммуникации. Предлагается овладение различными речевыми функциями, т.е. формирование умений выражать ту или иную коммуникативную интенцию (просьба, согласие, приглашение, отказ, совет, упрёк и т. д.). В основе второй группы подходов – когнитивизм, т. е. изучение того

или иного лингвистического явления, а не только восприятие и механическое воспроизведение единиц языка (структур, словосочетаний, речевых образцов). Считаем актуальным использование данной группы подходов в ходе дистанционного обучения (Distance Learning) студентов-заочников с соблюдением таких требований как чёткое структурирование объёма информации, систематизация опорных ориентиров (выделенные определения, важные смысловые фразы и слова, терминологический и тематический словари), комплекс проблемно-контрольных вопросов и заданий к изучаемым темам, ориентация на разноуровневое освоение учебного материала в зависимости от различных образовательных потребностей и целей обучения при наличии обязательного достаточного минимума. Третья группа подходов направлена на разработку программ, которые являются комбинированными, т.е. включают в себя структуры и лексические единицы, характерные для аналитического и синтетического подходов, речевые функции, используемые в функционально-содержательном подходе, перечень умений и навыков, которые содержатся в программах при использовании компетентностного подхода.

Учитывая нашу целевую аудиторию и интенсивный характер обучения наиболее перспективной является третья группа подходов. В рамках данной группы Н. В. Богдановой [1. С. 71] предлагается сформировать новый подход, который объединяет методы, принципы и приёмы эклективных подходов обучения иностранному языку, и назвать данный подход компетентностно-интегрированным. Он основан на определении необходимых компетенций иноязычной подготовки для каждого участника академической мобильности и взаимосвязанном формировании умений во всех 4 видах речевой деятельности, а также интеграции курса обучения специальным предметам. Предлагается использовать метод моделирования результатов (знания, умения, навыки обучаемого, как для каждого модуля программы, так и для программы в целом) и представления их как норм качества усвоения программы обучения. Языковые компетенции формируются на трёх уровнях. Первый уровень – собственно коммуникативные компетенции (языковые, речевые, социо-культурные навыки и умения), второй – информационные и академические компетенции (умение вести поиск и обработку информации, приёмы работы с научным текстом, репродуцирование текстов в письменной

и устной формах), третий – профессиональные языковые компетенции (критический анализ и создание текстов в рамках специализации, способность осмысливать и интерпретировать текст, формулировать тезисное утверждение и логично, аргументировано его развивать). Наиболее эффективными могут быть следующие методы и приёмы: метод коммуникативных заданий (Communicative activity), как результат – продукт письменного или устного высказывания. Компьютерное обучение с помощью базы данных научных и информационных центров по всему миру, сайтов, представляющих разнообразные педагогические ресурсы и индивидуальные учебных материалов участников программ АМ. Для данной целевой аудитории целесообразно использовать программы модульного типов (Modular syllabus) с модулями: общий курс английского языка (General English), английский для специальных целей (English for Specific Purposes ESP), интегрированные задания (Content-based tasks) и аутентичные профессионально-ориентированные тексты (Authentic materials) по специальности. Роли преподавателя и учащегося определяются следующим образом: преподаватель – менеджер процесса обучения (teaching process manager), учащийся – активный участник и партнёр, как при создании программы, так и при её реализации. Рекомендуются следующие учебные стратегии и методические приёмы: упражнения на формирование компетенций: драматизация – ролевые игры (role play), презентация научных проектов (academic project presentations), развёрнутый обмен мнениями (exchanging ideas) – дискуссии (discussions), интервью (interview), обзоры (review). Формы контроля, связаны с определением уровня владения языком согласно шкале GER – входное (Diagnostic test) и выходное (Achievement/ Summative Test) тестирование, определение набора компетенций и их развитие в процессе обучения. Самооценка обучающегося (Self Assessment) и оценка преподавателем (Feedback). Компетентностно-интегрированный подход и разработанная с его учетом программа курса профессионально-ориентированного обучения позволяют учесть индивидуальные особенности участников АМ

и достичь максимального результата и эффективности обучения для данной целевой аудитории.

Ещё один подход к преподаванию английского языка, интегративный, направлен на одновременное формирование как языковых так и профильных навыков, умений [3. С. 89-95] и связан с англофикацией науки. Он требует, чтобы преподаватель-предметник был билингов и свободно владел профессионально-ориентированным английским. Данный подход интересен тем, что вовлекает в совместную разработку рабочих программ по обеим изучаемым дисциплинам для их органичной интеграции. В нашем вузе данный подход реализуется в ходе научно-исследовательской работы студентов-филологов, использующих знания русского, чувашского и английского языков для подготовки, реализации и представления результатов своих исследований англоязычной аудитории в устной форме – на конференциях или письменно – при подготовке материалов к публикации в научном издании. Приведём для примера выдержки из устной презентации результатов исследования, проведённого студенткой специальности «филология» на тему “Concept HOUSE in English, Russian, Chuvash”.

“The main objective of my project was to compare the meaning and the usage of the words *house*, *дом*, *çурт* in English, Russian, Chuvash”. With the view of this I found, selected, grouped, sequenced, documented reading sources, such as Longman Dictionary of English Language and Culture (1999), Толковый словарь русского языка by S. N. Ozhegov (1999), Чăваш Сăмахăсен Кĕнеки by N. I. Ashmarin (1941) and defined necessary concepts, such as, “*meaning, semantic, concept, usage, the same, similar, equivalent*”. I’ve divided my project into four sections. They are: Concept HOUSE in English. Concept HOUSE in Russian. Concept HOUSE in Chuvash. Comparison. We use English, Russian, Chuvash data and find that Russian *дом* and Chuvash *çурт* can be regarded as equivalents of English *house*. But the words *house*, *дом*, *çурт* are semantically the same only in one case when they represent a structure serving as an abode (*книж.* жилище, местопребывание, местожительство) of human beings :

The same meaning in languages	Жилое здание, строение. Каменный дом.	A building made for people to live in. <i>A stone, brick, country, summer, town house; to build, demolish, rent, to lend a house.</i>	Пурт (изба). Чул/ялти пурт; пуртпе пачă. Сурт (здание, строение). Пёр хутлă, нумай хваттерле, пурăнмаллы.

However, the words *house*, *дом* are semantically the same when they signify a dynasty, an important family, especially noble and royal:

The same meaning in languages	Династия, род. <i>Царствующий дом;</i> <i>Дом Романовых.</i>	A dynasty, an important family, especially noble and royal. <i>The House of Windsor.</i>	Ёмёр. <i>Романовсен ёмёрё.</i>

The data sources provide information that in some cases the meanings are alike in most ways but not in every detail, for instance, when they denote a place providing a public service or a business company or firm: *Дом отдыха* – *rest home* – *кану сурчё*; *детский дом* – *a children's home* – *ача-пйча сурчё*; *дом ветеранов* – *an old people's home* – *ветерансен сурчё*; *Белый дом* – *White House* – *Правительство сурчё*; *гостевой дом* – *boarding/ halfway house* – *хйна сурчё*; *Торговый дом купца Ефремова* – *the House of Frazer* – *Ехрем хуса сурчё*; *сумасшедший дом* – *lunatic asylum* – *ухмах сурчё*.

We find that Russian word *дом*, standing for «домашний очаг, родина» is very close to the English *home* and Chuvash *кил-вот* (домашний очаг, семья) or *кил-йёр* (родной дом). For the English people home is the house, flat etc. where one lives. One's home is considered to be a safe and comfortable place which others only enter by invitation. Take for instance, *Дойти до дому. Выйти из дому. Родной дом. Now that we have more furniture, the flat is beginning to feel like home. Кил-ват нур та, арём сук. Анчах вун икё сула ситсессён кил-йёре пйрахса, йут сёре кайрём.* To illustrate this statement, we attempt to translate from Russian into English and Chuvash the sentence, such as: *Родина – наш общий дом* (место, где живут люди, объединённые общими интересами, условиями существования), and admit the task to be rather challenging. We suggest: *Native land is home for us. Таван йён – нурён кил.* Moreover, in our study we discover that English *house*, Russian *дом* and Chuvash *кил-йиш* (семья) are semantically very close when they mean the family living and keeping one house, for example: *Мы знакомы домами.хлопотать по дому. У матери на руках весь дом. The whole house was woken by the noise. Кил-йишра 7сын, вёсен ёсе юрэхли пёр хёраём сёс.*

Using English data, we also find, there is a number of meanings which are completely different in English: a law-making body (*two Houses of Parliament*), the people voting after a debate (*to divide the House-провести поимённое голосование*), a theatre building, or the audience watching a performance in a theatre, concert hall (*appreciative house -отзывчивая публика, to bring the house down-вызвать гром аплодисментов*),

a place where people meet for a particular purpose (*coffee house-кофейня*), a building for animals and goods (*the monkey house at the zoo*) etc, the three concentric circles where points are scored on ice in curling, a children game in which players pretend to be members of household (*The kids demanded to play house*).

It is worth mentioning that it is one thing to the English house but it is another thing to the traditional Russian and Chuvash country houses (*изба – нурт*). On the first floor the traditional English house usually has a living-room, a dining-room and a kitchen. The bedrooms and the bathroom with the toilet are upstairs. The construction of traditional Russian and Chuvash houses (*изба – нурт*) is conditioned by the severe environment and the way of living of our peoples.

On the basis of this study we find that each word involves the whole system of meanings only partially coinciding with that in the other language, confirming that it is very important to notice similarities, variations and differences. Second, as we can see, the word *house* in English has the greatest number of meanings. Third, examining the relationship between Russian and Chuvash, we see strong influence on the latter. Still it is clear that, while sharing and exchanging opinions, feelings and information, it is important to comprehend true meaning of words and master their usage in the first, native and foreign languages, so as to overcome cultural differences and improve understanding, sympathetic relationship, communication and cooperation". Abstract: Purpose – This paper aims to identify and draw together themes (предмет изучения) in literature relating to the system of meanings of the words *house*, *дом*, *сурт* in English, Russian, Chuvash. Methodology/approach – This paper reviews the existing evidence relating to the similarities, variations and differences among the meanings. Findings – The system of meanings of the word *house* is diversified in English. Chuvash has suffered from many borrowings in recent years. Practical implication – This evidence is particularly useful for language teachers. Originality/value – The paper provides a broad review of the theoretical and practical evidence relating to the cooperation impact of mutual understanding between people and nations and the influence of recent changes in lifestyle. Keywords

semantic, meaning, simirlarity, difference. Paper type – Literature review”.

В заключение хотелось бы сказать, наличие в России национального образовательного стандарта, согласованного с принципами Болонской декларации и реалиями международного научно-образовательного сообщества может способствовать созданию в вузе современной образовательной и социо-культурной среды на основе действенных технологий для интегрирования языкового образования с профильным образованием.

Список литературы

1. Богданова, Н. В. Иностранные языки в системе академической мобильности студен-

тов неязыковых вузов / Н.В. Демьянова // Педагогика. – 2012. – № 2. – С. 71-78.

2. Вятютнев, М. Н. Теория русского языка как иностранного / М.Н. Вятютнев. – М., 1984. – 144 с.

3. Иванова, Н. К. Между Сциллой и Харибдой: рассуждения о проблемах обучения английскому языку / Н.К. Иванова // Высшее образование в России. – 2014. – № 2. – С. 89-95.

4. Колесников, И.П., Долгина, О. А. Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков / И.П. Колесников, О. А. Долгина. – М.: Дрофа, 2008. – 431 с.

5. www.teflcertificatecourses.com; <http://www.tefl.net/ref/glossary.htm>

М. Н. Ельцова

*Пермский национальный исследовательский политехнический университет
(Пермь, Россия)*

ОСНОВЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ ЭНЕРГЕЙНОГО ИЗМЕРЕНИЯ ТЕКСТОВОГО ПРОСТРАНСТВА

PRINCIPLES OF MODELLING THE ENERGY DIMENSION OF TEXTUAL SPACE

Статья посвящена проблеме моделирования энергейного измерения текстового пространства. Предлагается оригинальная схема текстового пространства, определяются основные измерения. В основе моделирования энергейного измерения лежат категории напряжения и напряженности, а также глутинация.

The article describes the problem of modeling the energy dimension of text space. The original scheme of text space is given, the main dimensions are defined. Modeling the energy dimension is based on the categories of tension and tensity, as well as glutination.

Ключевые слова: энергейное измерение, текстовое пространство, моделирование, напряжение, напряженность, глутинация.

Keywords: energy dimension, text space, modeling, tension, tensity, glutination.

Бесспорным является факт, что такой сложный и многогранный феномен как текст можно изучать с различных позиций. В последние десятилетия изучение текста ведется многими учеными (Л. Г. Бабенко, Р. Барт, К. И. Беловусов, С. В. Борисова, Ю. В. Казарин, Е. С. Кубрякова, Ю. М. Лотман, Г. Г. Москальчук, Н.Л. Мышкина, А.И. Новиков, В.Н. Топоров и др.) с позиции текстового пространства.

Анализ работ показал, что в настоящее время можно выделить три основных и достаточно разработанных подхода к пониманию и моделированию текстового пространства: 1) семантическое текстовое пространство (Л. Г. Бабенко, С. В. Ионова, Ю. В. Казарин, А. И. Новиков и др.); 2) семиотическое текстовое пространство (М. М. Бахтин, М. Ю. Лотман, В. Н. Топоров, А. А. Чувакин и др.); 3) двумерное тек-

стовое пространство, в котором выделяются формальная и содержательная составляющая текстового пространства (К. И. Белоусов, С. А. Борисова, О. А. Клецкина, Е. С. Кубрякова, Г. Г. Москальчук и др.). Н. Л. Мышкина трактует текстовое пространство как объемное многомерное пространство, организованное по «планетарному» принципу и находящемуся в постоянном движении [14. С. 8]. Текст как самобытный объект определяется Н.Л. Мышкиной как «пространство, развивающееся в измерениях семантики, синтактики, сигматики и прагматики» [14. С. 37]. Кроме того, Н. Л. Мышкина отмечает, что «проявление энергетических свойств языковых единиц, их синергия ведет к становлению энергетического измерения» [15. С. 35]. Нетрудно заметить, что наиболее изученными являются формальная и содержательная стороны текстового пространства, в то время как его энергетическая или энергетическая сторона до сих пор остается недостаточно изученной с позиций лингвистики (В. фон Гумбольдт, А. Ф. Лосев, Н. Л. Мышкина и др.).

Проведенный анализ также показал и неоднозначность термина «текстовое пространство»: во-первых, под текстовым пространством понимается как текст целиком (М. М. Бахтин, С. А. Борисова, О. А. Клецкина,

Е. С. Кубрякова, Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров и др.), так и отдельные элементы текста, например, его содержательная сторона (Л. Г. Бабенко, А. И. Новиков и др.) или эмоциональная сторона (К. И. Белоусов).

Мы соотносим текстовое пространство с целым текстом и всеми присущими ему характеристиками. Поэтому мы можем определить текстовое пространство как многомерное, неоднородное, динамическое образование, порождаемое текстом как материальным объектом. На наш взгляд, текстовое пространство организовано по молекулярному принципу (ср. «планетарный» принцип у Н. Л. Мышкиной), но, в отличие от Н. Л. Мышкиной, считающей, что центрами («фигурами»), вокруг которых концентрируются остальные элементы (смыслообразы) [14. С. 8], мы рассматриваем грамматические основы предложений, вокруг которых концентрируются зависимые от них остальные элементы предложения. Такой подход, в основе которого при моделировании энергетических характеристик простого предложения [6]. На рис. 1 представлена схема организации текстового пространства для следующего микротекста: *Als Wigwam (1) bezeichnet (2) man (3) die Hütten (4) und Zelte (5) der Indianer (6). Diese (1) Bezeichnung (2) geht (3) auf die Algonkin-Indianer (4) zurück, die (1)*

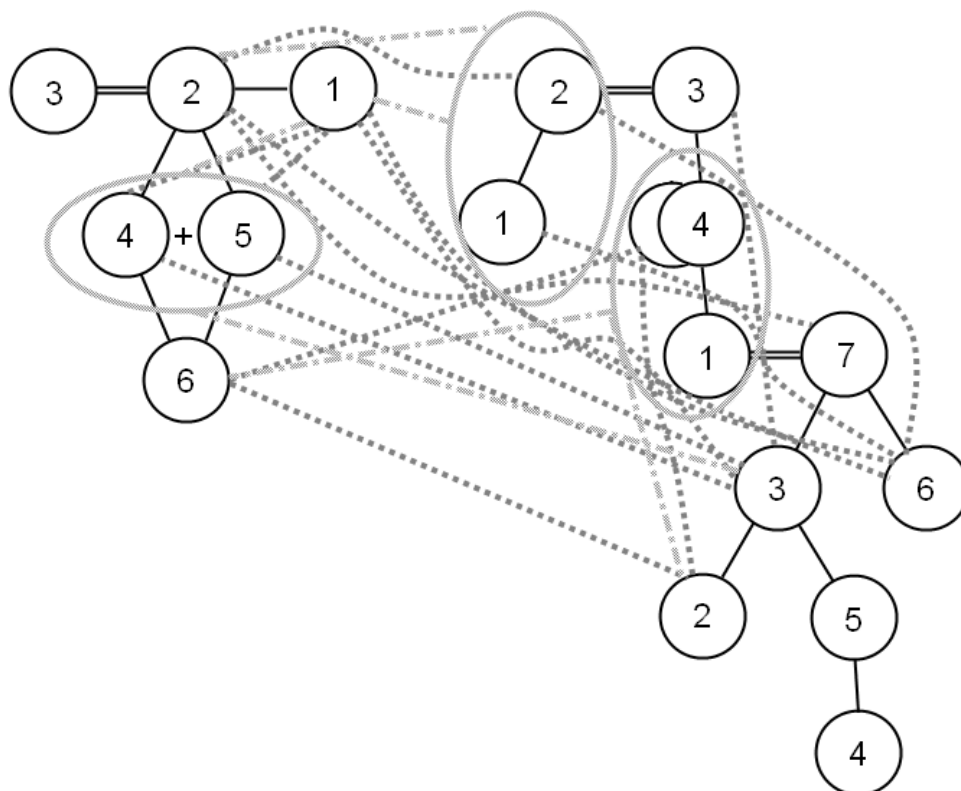

Рис.1 Схема организации текстового пространства

ihre (2) Zelte (3) mit gewölbtem (4) Dach (5) so (6) nannten (7).

Цифрами на схеме обозначены номера слова в предложении (цифры приведены после каждого слова в тексте), пунктирными линиями обозначены смысловые связи, эллипсами и штрихпунктирными линиями от них обозначены явные проявления энергетических связей, под которыми понимаем имплицитные связи между элементами текстового пространства, возникающие в результате динамических и синергетических процессов, происходящих внутри текстового пространства и при взаимодействии его с внешней средой. Наиболее полно на схеме отражается формальное измерение (связи слов и предложений текста друг с другом), кроме того, можно проследить и его семантическое измерение. Схема также показывает, что уже на поверхностном уровне моделирования можно обнаружить проявление энергетического пространства: например, можно предположить, что энергонасыщенными окажутся слова *bezeichnet, Hütten, Zelte, Indianer, so*. Тем не менее, такая схема не позволяет описать его более детально, что связано с тем, что энергетическое измерение текстового пространства более глубинно, чем семантическое, это и делает его невозможным для прямого наблюдения и изучения. Поэтому основным способом исследования энергетического измерения мы рассматриваем моделирование.

Как показали наши предыдущие исследования, категории напряжения и напряженности являются основой для энергетического моделирования простого предложения [6],

сложного предложения [7] и микротекста [8]. Здесь необходимо отметить, что простое предложение является минимальной единицей, в которой реализуются категории напряжения и напряженности. Предложение является и важным элементом при моделировании формального измерения текстового пространства (см. рис. 1). Напряженность и напряжение в микротексте изучаются в их проявлении внутри предложений и их динамике в самом микротексте. Поэтому эти две категории являются базовыми категориями для моделирования энергетического измерения текстового пространства. Напряженность предложения – это состояние предложения, порождаемое его структурой (энергетическое свойство структуры предложения и его элементов). Напряжение языковой единицы – динамическая характеристика, возникающая в динамическом процессе развертывания языковой единицы, которая поддается описанию как соотношение между предшествующими и последующими компонентами. В простом предложении напряженность остается постоянной величиной, а напряжение сначала возрастает, а затем спадает, рост и спад напряжения происходит в каждом слове, поэтому длина предложения измеряется в слогах. Напряженность предложения задает функцию роста напряжения и оказывает влияние на величину напряжения в конце предложения. В тексте данные категории моделируются для каждого простого предложения (подробнее см. работы [6], [8]). Модель напряженности для анализируемого текста представлена на рис. 2.

Динамика напряженности

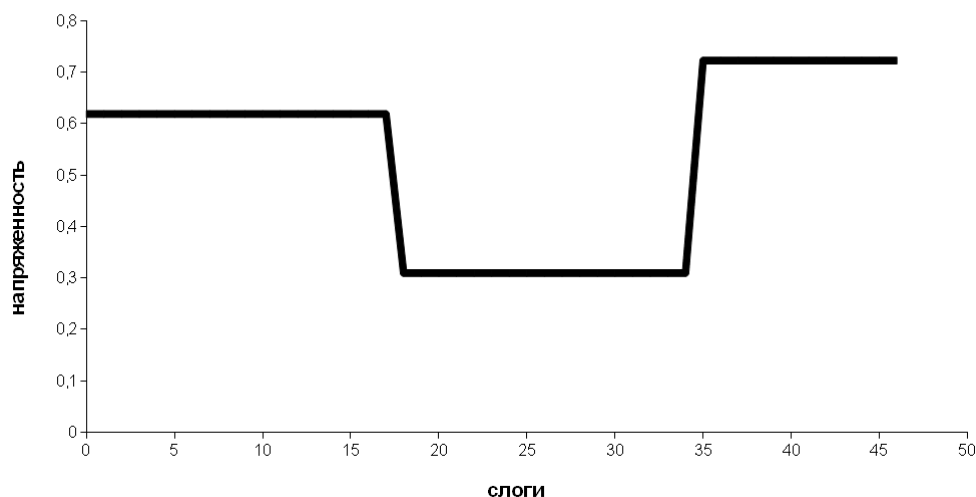

Рис. 2 Модель напряженности текста

Наибольшая напряженность в третьем предложении, соответственно, там будет и максимальное напряжение в тексте. Данное предложение несет важную информацию и имеет несколько энергонасыщенных центров. Минимальная напряженность характерна для второго предложения, но согласно схеме, данное предложение несет большую смысловую и формальную нагрузку: все образующие его слова и словосочетания связаны с элементами двух других предложений. Кроме того, подобная динамика напряженности характерна для научного микротекста, т.к. такое изменение напряженности привлекает внимание реципиента.

Модель напряжения для анализируемого текста представлена на рис. 3.

Как мы писали выше, максимальное напряжение в тексте приходится почти на самый его конец (энергонасыщенный элемент *so*), наименьшее напряжение приходится на конец второго предложения (отделяемая приставка *zurück*), после чего происходит очень значительный его рост. В пиковых (максимальных для предложения) позициях оказываются также слова *Hütten* и *Indianer*, которые, согласно схеме, также связаны со словами и словосочетаниями других предложений. В точке минимума в первом предложении также оказались его первое словосочетание *als Wigwam* (текст является определением понятия *Wigwam*), которое мы рассматриваем как функтор, задающий импульс для всего текста (подробнее [15] и [6]) и последнее слово *Indianer*. Таким образом, важными элементами энергейного измерения оказываются энергонасыщенные элементы,

находящиеся как в максимально, так и минимально напряженных позициях. Как правило, в таких позициях оказываются функторы, под которыми вслед за Н. Л. Мышкиной, понимаем текстовую единицу, irradiирующую в текстовое пространство множество смыслообразов и проецирующую одни множества элементов на другие множества элементов [15. С. 137].

Кроме напряжения и напряженности важным параметром для моделирования энергейного пространства назовем глютинуацию – силу, связывающую предложения в тексте. Но в отличие от Й. Мистрика, предложившего данный термин и определившего его как «силу, объединяющую предложения в одно целое» [20. С. 93], эту силу мы будем связывать не только с тем, какой член предложения занимает первое место в предложении, но и с тем, какая часть речи занимает начальную позицию, и насколько это типично для исследуемого языка. Так из нашей схемы мы видим, что очень большая глютинуация у занимающего первое место относительного местоимения *die*, связывающего придаточное предложение с главным, а также у словосочетания, образованного указательным местоимением *diese* и отглагольным существительным *Bezeichnung*, которое семантически заменяет все первое предложение. При этом они являются подлежащими, т.е. имеют низшую глютинуацию по Й. Мистрику, что и отразилось при моделировании напряжения – для своего предложения они оказались рядом с точками минимального напряжения.

Таким образом, основой моделирования энергейного измерения текстового простран-

Динамика напряжения в тексте

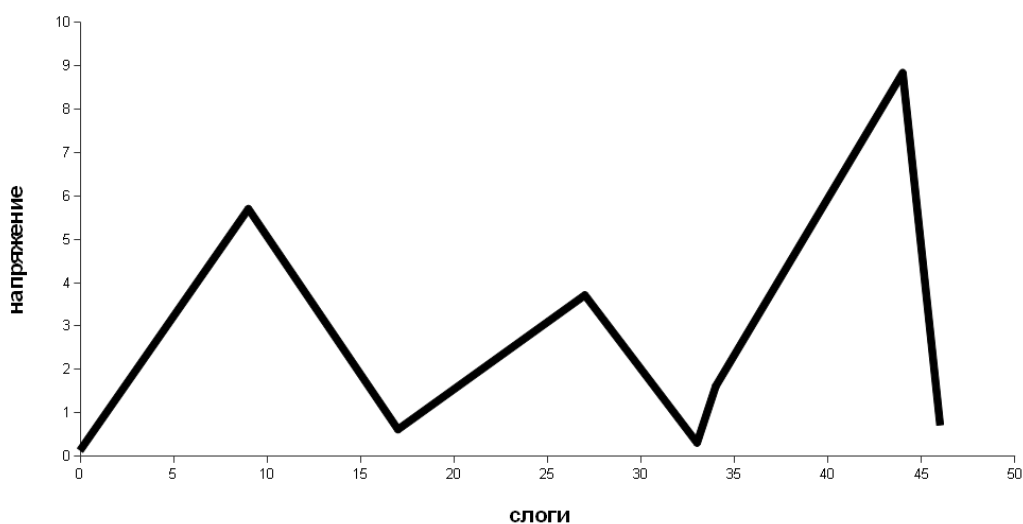

Рис. 3 Модель напряжения

ства являются энергетические категории предложения и текста – напряженность и напряжение, глутинация и процессы функторизации (которые можно проследить и с помощью изучения динамики напряжения текста). Изучение и моделирование энергетического измерения с обозначенных позиций позволит, на наш взгляд, достаточно формализовано определять точки сингулярности [17. С. 191], сигнализирующие о косвенном или скрытом стремлении воздействия на адресата.

Список литературы

1. Бабенко Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. – 2-е изд. – Флинта : Наука, 2004. – 496 с.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. С. 234–407.
3. Белоусов К. И. О моделировании внутритекстовых пространств / К. И. Белоусов, Г. Г. Москальчук // Вестник ОГУ. – 2004. – № 11. С. 126–129.
4. Борисова С. А. Пространство текста как материального объекта // Вестник ОГУ. – 2003. – № 14. С. 158–162.
5. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 387 с.
6. Ельцова М.Н. Категории напряжения и напряженности простого повествовательного предложения: дис. ... канд. филол. наук. – Пермь: 2006. – 185 с.
7. Ельцова М. Н. Моделирование категорий напряжения и напряженности в сложном предложении // Синергетическая лингвистика vs. лингвистическая синергетика : материалы I междунар. науч. конф., г. Пермь, 8-10 апр. 2010 г. / Перм. гос. тех. ун-т. – Пермь, 2010. С. 150–159
8. Ельцова М. Н. Моделирование категорий напряженности и напряжения в английском предложении и тексте // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы VII междунар. науч. конф., г. Челябинск, 21-23 мая 2014 г. / Челяб. гос. ун-т. – Челябинск: Энциклопедия, 2014. С. 271–274.
9. Ионова С. В. Текстовое пространство сми: теоретические и эмпирические аспекты исследования // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2, Языкознание. – 2012. – № 1 (15). С. 163–167.
10. Клецкина О. А. Уровни и функционирование пространства текста // Вестник Новгородского государственного университета. – 2003. – № 25. С. 70–74.
11. Кубрякова Е. С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. Т. 1. – М.: СпортАкадемПресс, 2001. С. 72–81.
12. Лосев А. Ф. Философия имени. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1990. 269 с.
13. Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Об искусстве. – СПб.: Искусство, 1998. С. 14–285.
14. Мышкина Н. Л. Динамико-системное исследование текста. – Изд-во Краснояр. ун-та, 1991. – 212 с.
15. Мышкина Н. Л. Внутренняя жизнь текста: механизмы, формы, характеристики. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. – 152 с.
16. Новиков А. И. Семантическое пространство текста и способы его членения // Категоризация мира: пространство и время. – М., 1997. С. 36–37.
17. Словинова Е. Л. «Разрывы» смысла в рекламном тексте как способ оказания скрытого воздействия на адресата // Вестник ПГТУ. Проблемы языкознания и педагогики. – Пермь: Изд-во Перм. гос. тех. ун-та, 2007, № 10 (16). С. 189–193.
18. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. – М.: Наука, 1983. С. 227–284.
19. Чувакин А. А. К исследованию «жизни» текста // Русский язык: исторические судьбы и современность: материалы конгресса, 20-23 марта. – М., 2007. С. 334–337.
20. Mistrik, J. Exakte Typologie von Texten. – München: Sagner, 1973. – 157 S.

О. С. Зубкова*Курский государственный университет
(Курск, Россия)***КОНТЕКСТНАЯ СЕМАНТИКА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ
С ВЫСОКИМ ИНДЕКСОМ ОБРАЗНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ И КАЛАМБУРА)****CONTEXTUAL SEMANTICS OF LINGUISTIC UNITS WITH HIGH
FIGURATIVE INDEX (EXEMPLIFIED BY PROFESSIONAL METAPHOR
AND PARONOMASIA)**

В статье обсуждаются особенности манифестации семантического параметра языковых единиц с высоким индексом образности в профессиональном дискурсе. На примере профессиональной метафоры и каламбура описываются контекстуальные дериваты профессиональной лексики с позиции лингвосемиотики.

In the article the features of the semantic parameters' manifestation of the linguistic units with a high index of figurativeness in professional discourse are discussed. Through the example of a professional metaphor and pun, contextual derivatives of the professional vocabulary are described from the perspective of semiotics.

Ключевые слова: языковые единицы с высоким индексом образности, профессиональная метафора, каламбур, профессиональный дискурс, номотетическая методика.

Keywords: linguistic units with a high index of figurativeness, professional metaphor, pun, professional discourse, nomothetic methods.

На современном этапе развития теории языка естественным результатом изучения языковых единиц с высоким индексом образности становится расширение сферы привлечения процедур и методов семиотического подхода. Последний начинает включаться не только в анализ тропов как атрибута художественной речи, но и применяются для изучения их феномена в языке научного и собственно профессионального знания. В связи с этим актуализируется и потребность в исследовании лингвосемиотических особенностей профессиональных языков. Можно говорить о том, что языковые единицы с высоким индексом образности активно «включились» в практику профессионального дискурса, что привело к возникновению ряда вопросов, ответы на которые не могли быть получены в русле традиционных лингвистических исследований. Наличие вышеуказанных единиц в поле профессиональных языков – убедительное свидетельство того, что обыденный опыт дополняет и расширяет профессионально-научную картину мира. По результатам наших предыдущих исследований можем констатировать, что языковые единицы с высоким индексом образности занимают особое место в профессиональной коммуникации

и приобретают новые значения в рамках профессиональной конвенции (см. подр.: [1, 4, 5]).

Механизм передачи специального знания посредством тропеических средств с высоким индексом образности (к которым мы предлагаем относить профессиональную метафору и каламбур) реализуется на уровне непосредственных образцов речевой деятельности в рамках деятельности профессиональной. «Поскольку имеется некоторый исходный набор образцов, в рамках которого осуществляется профессиональная деятельность, то каждый акт их реализации есть порождение новых образцов, несколько отличных от предыдущих» [4. С. 26]. Последние, однако, тоже воспринимаются в новом контексте и приобретают новое содержание. Проиллюстрируем это утверждение примером из медицинского дискурса. Встречаясь с каким-либо случаем в лечебной практике и не найдя ответов на свои вопросы в справочниках или словарях, медицинский работник обращается к коллеге, имеющему более богатый профессиональный опыт. Он поясняет ситуацию на основе знания прошлых вариантов, типовых ситуаций, используя образцы речевой деятельности, репрезентирующие профессиональные знания. Часто именно образцы живой

речи являются ориентирами в уточнении модуля лечения пациента. Отметим, что эстафетная модель в данном случае реализуется двояко. С одной стороны, она представляет образцы конкретного действия, а с другой, с точки зрения содержания, что именно она транслирует. Можно описать действия, осуществляемые, например, медицинским работником не конкретизируя направление, в котором он работает. Однако можно зафиксировать медицинскую традицию, не раскрывая ее содержания. Таким образом, медицина представляет собой множество определённых конкретных программ (традиций, эстафет), реализуемых на человеческом материале, а тропеические средства, обладая прагматической значимостью, являются компенсатором отсутствующей лексемы в процессе коммуникации. При помощи, например, каламбура происходит фиксация медицинской лакуны в индивидуальном лексиконе врача. Например: «*le cycliste panique – tic, tic*» (панический велосипедист – тик, тик (пациент травматологического отделения) – О.З.), «*delco – alco*» («распределитель зажигания» – сердце алкоголика – пояснения здесь и далее наши – О.З.).

Наш эмпирический материал получен в результате проведения серии экспериментов с использованием методики субъективных дефиниций и лонгитюдного исследования, основанного на применении номотетической методики, разработанной нами (см. подр.: [1, 5, 6]. Общее количество участников эксперимента – 378 человек (далее – ии.) в возрасте от 34 до 56 лет. Качественный состав ии. следующий: врачи двух частных клиник Парижа и Лиона, двух частных клиник Бостона и Нью-Йорка и двух стационарных лечебных учреждений г. Курска; сотрудники секций математики, физики и интегративной биологии французской Академии наук. Социальный статус ии. – практикующие специалисты, имеющие высшее профессиональное образование и опыт работы по специальности не менее пяти лет для русскоговорящих участников эксперимента и трех лет для иностранных. В качестве экспертов были привлечены по три профессора филологии, три профессора биологии и три профессора физики. В качестве медицинских экспертов выступали практикующие хирурги, гинекологи, анестезиологи, урологи, дантисты, офтальмологи, психоаналитики/психотерапевты, клинические/медицинские психологи, имеющие опыт работы по специальности не менее 10 лет (всего – 35 человек).

Анализ полученного материала привел нас к выводу о том, что контекстуальная означающая практика не только представляет уже существующие дискурсивные структуры, но и «оспаривает» последние за счет использования «нетипичных» лексем (метафор, каламбура, синекдохи, метонимии и т.д.). Вместе с тем, создание значения ограничивается диапазоном контекстуальных ресурсов, доступных индивиду на основании его когнитивного перцептивно-аффективного опыта. Весьма показательным являются примеры, полученные нами в результате проведения эксперимента от французских и русских ии.: «*Milka – plus de mille cas d'intoxication au chocolat ont été recensés*» (при обсуждении состояния пациента с кожными высыпаниями на приеме у дерматолога), «*Mirages – les États-Unis, pays ami, ragent*» (при обсуждении состояния клиента психоаналитиком), «*Placebo – côté santé, quand c'est le calme plat c'est beau*» (в ситуации обсуждения анестезиологом состояния пациента перед операцией), «*Pneumonique – elle est aussi crevée qu'un pneu Monique*» (из беседы пульмонологов), «*Procédure – quand on n'est pas pro c'est dur*» (из диалога начальника госпиталя и заведующего физиотерапевтическим отделением), «*Graisse abdominale – rien n'est plus détestable qu'un nabot minable*» (при обсуждении состояния пациентки с врачом общей практики), «Да, здесь *флотирующий тромб – хотелось бы повидаться с лейкоформулой*». Очевидно, что контекстуальная означающая практика явилась фоном для конкретных коммуникативных событий и выражения субъектных позиций, представляя новый репертуар интерпретации (см. подр.: [1, 2, 4].

Согласно нашим эмпирическим наблюдениям (см. напр.: [5]), контекстуальная деривация профессиональной метафоры является неотъемлемой частью когнитивно-вербального механизма категоризации окружающей действительности. Метафоры семиотизируют профессиональную ситуацию, соединяя прогностический, суггестивный и акциональный аспекты, обеспечивающие её экстерьерную идентификацию внутри континуума. Вместе с тем исследуемый феномен объективирует уже имеющееся знание о мире, сопоставляя «готовые» значения при расшифровывании культурного кода и вызываемые ими ассоциативные представления, а также является отправной точкой формирования всей грамматики коммуникации.

Вместе с тем, в профессиональном общении, возникновение и использование метафор в

языковом поле обусловлено, как нам представляется, интенцией адресанта, направленной на формирование аттитудно-релевантной информации у адресата, формулирующего субъективные интерпретативные смыслы профессиональных феноменов. Метафора образует такой тип категоризации, критерии организации которой вскрывают субъективное отношение человека к окружающей действительности. Как мы неоднократно отмечали в наших работах ранее, профессиональная метафора, как особый вид метафоры, в профессиональном семиотическом континууме указывает не на «статическое», правдоподобное повествование предмета/явления (как он есть на самом деле), а представляет описание, с помощью которого мир или некоторый его фрагмент преобразуется в предмет профессионального дискурса. Иными словами, профессиональная метафора – это «приблизительно верное» отражение профессиональной действительности, а не сама действительность, что совсем не означает абсолютной оторванности от окружающего мира. Исследуемый феномен «предписывает» как нужно понимать или объяснять профессиональные явления и факты в конкретном профессиональном контексте. Например: «*бреющий полет, доводочный полет, мертвый фрахт, мобилизовать капиталы, карманное вето, отмывание денежных средств, беззубый правопорядок*» (см. подр.: [1, 5]).

Анализ полученного нами эмпирического материала позволил сделать вывод о том, что профессиональная метафора представляет собой лингвосемиотический феномен, выступающий в качестве посредника между разными сферами семиозиса, а также между естественным языком и культурой. При этом её значение, детерминировано профессионально-культурной и контекстуальной матрицей, в рамках которой определяется лингвосемиотический вектор рассмотрения исследуемого феномена. Например: «*syndrome du saint François d'Assise*» – «*Le syndrome se trouvant à ce sacré. Probablement c'est lié à l'autisme, la réclusion et le refus des contacts avec les gens*» (синдром, имеющийся у этого святого. Вероятно, это связано с аутизмом, затворничеством и отказом от контактов с людьми) или «*syndrome de Chevalier*» – «*La contamination des grands groupes des gens par quelque maladie. Par exemple SIDA*» (контоминация больших групп людей каким-либо заболеванием. Например, СПИДом) (орфография и пунктуация оригинала сохранены – О.З.).

Отличительной чертой нашего экспериментального материала было то, что профессиональная метафора, вербализуя комплексную информацию о профессиональном феномене, воспринималась целостно. Это происходило с опорой на «слово-флюс», появление которого определялось актуализировавшимся профессиональным контекстом, объективировавшим последующий вектор трактовки исследуемого феномена. Например: «*syndrome d'Alexandre*» – «*Le vin et les femmes ne peuvent pas abîmer la vie du vrai homme. Il faut seulement ne pas se trouver sur l'accueil chez le psy*» (Вино и женщины не могут испортить жизнь настоящего мужчины. Нужно только не попасть на прием к психиатру). Очевидно, что «метафорическим флюсом» выступила лексема «*Alexandre*», увязываемая с конкретной исторической личностью – Александром Македонским, прославившимся не только как завоеватель, но и как любитель мирских утех.

Вместе с тем, как нами было замечено, наряду с профессиональной метафорой в публичной речи специалиста нередко используется каламбур, содержание которого, будучи ограниченным конкретным контекстом, часто передается в авторской трактовке. Адресант речи излагает субъективное понимание обсуждаемого явления в своем варианте языкового выражения, по-своему оформляет его вербально, по-своему ранжирует языковой материал. Иными словами профессионал создает из него нечто свое, оригинальное, отступая от достаточно строгих канонов употребления языковых средств и используя их нестандартно. Вместе с тем, подчеркнём, что «прочтение» каламбура – акт одноразовый, требующий от индивида деятельного сотрудничества, подразумевающий создание смысла и квантификацию качества в рамках означивающих практик (см. подр.: [1, 2, 3]). Например: «*L'amibe appelle l'amibe*» («*l'abîme appelle l'abîme*» – О.З. (в ситуации обсуждения профессиональных вопросов коллег-биологов)).

Следовательно, для понимания содержания каламбура в публичной речи специалиста необходимо экспонирование уже знакомых индивиду профессиональных кодов в семиотический континуум профессионального языка на основе метафорической категоризации объекта/явления и в рамках контекстного моделирования. Согласно нашим выводам, метафорическая категоризация представляет собой конечный результат процесса семиотической структуризации профессионального феномена.

В целом, декодирование каламбура, функционирующего в профессиональном дискурсе, множественно и разнородно по происхождению. Сочетание кодов, являющихся частью профессиональной означающей практики индивида, уникально, динамично и постоянно уточняет картину мира реципиента путём дифракции смыслов. Полученный в результате декодирования образ характеризует собой не точное представление объекта/предмета/явления окружающей действительности, а лишь объективированную способность ориентирования в ситуации, в конкретном контексте. Например: «*Nos avis divergent, et dix verges, c'est beaucoup pour un seul homme*» (в ситуации ответа на вопросы после публичной лекции по физике).

Исходя из наших эмпирических наблюдений, объективация каламбура в публичной речи специалиста может быть как вербальной, так и невербальной, отражая корреляцию норм, традиций и правил конкретного социума на основе принципа лингвосемиотической интеграции. Подчеркнем, что в письменной речи осуществляется закрепление значения каламбура за изображением, благодаря чему феноменологическая конвергенция смыслов редуцируется в зависимости от внешних контекстуальных условий реализации исследуемого феномена. В устной речи последовательно эксплицируется суггестивно-смысловой потенциал каламбура в линейной цепи высказывания. Например: «*Parrain? Oui, parrain! – Les chefs mafieux tombent un par un*» (в ситуации диалогического общения коллег-математиков).

Резюмируя вышесказанное, подчеркнем, что контекстная семантика языковых единиц с высоким индексом образности создается специалистом в ходе профессиональной коммуникации и является результатом процессуально-логической интерпретации профессиональных феноменов и их корреляции с метафорическими образами в когнитивном пространстве индивида. Трансформация метафорического знания в рамках конкретной профессиональной ситуации осуществляется благодаря манифестации личного опыта работника, релевантного для конкретной ситуации общения, с профессиональными знаниями. Вместе с тем все большее значение в профессиональном языке

приобретает «творческий» элемент как необходимая составляющая индивидуальной речевой деятельности профессионала.

Список литературы

1. Зубкова, О. С. Метафора в профессиональной семиотике / О. С. Зубкова. – Курск: Изд-во КГУ, 2011. – 334 с.
2. Зубкова, О. С. а Специфика объективации означающих практик в рамках интегрированного лингвосемиотического пространства / О. С. Зубкова // Теория языка и межкультурная коммуникация. Научный журнал. – № 1 (13). – Курск, 2013. – URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/013-005.pdf>.
3. Зубкова, О. С. б Функциональная релевантность контекстуальной, социальной, институциональной и идеологической означающих практик (попытка расширения понятийного аппарата) / О. С. Зубкова // Теория языка и межкультурная коммуникация. Научный журнал. 2 (14), Курск, 2013. <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/014-005.pdf>
4. Зубкова, О. С. Лингвосемиотический аспект выражения этноязыкового сознания в семантике каламбура (на примере медицинского дискурса) / О.С. Зубкова // «ЯЗЫК. КОММУНИКАЦИЯ. КУЛЬТУРА». Сб. материалов VIII Всерос. науч.-практ. электронной конф. с международным участием. – Курск: КГМУ, 2014. – С. 21–29.
5. Зубкова, О. С. Терминологическая деривация профессиональной метафоры: лингвосемиотический аспект / О. С. Зубкова // Известия Юго-Западного государственного университета. Научный рецензируемый журнал. – Серия: Лингвистика и педагогика. 2014. – № 2. – С. 32–36.
6. Зубкова, О. С. Прагматическая пресуппозиция тропеической лексики как феномена современного коммуникативного пространства (на примере профессиональной метафоры и каламбура) / О. С. Зубкова // Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания : материалы Второй науч.-практ. конф. (Москва, 24-25 апреля 2015 г.). Т. 1 / отв. ред. Д. А. Крячков. – М. : МГИМО–Университет, 2015. – С. 315–320.

О. В. Иванова*Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова
(Нижний Новгород, Россия)*

АССОЦИАТИВНЫЕ СВЯЗИ СЛОВ В ТЕКСТАХ РАЗНЫХ СТИЛЕЙ

ASSOTIATIVE LINKS OF WORDS IN TEXTS OF DIFFERENT STYLES

В работе рассматриваются ассоциативные поля и ассоциативные структуры слов в тексте. К анализу привлекались тексты разных функциональных стилей и функциональных типов. Использовалась методика свободного ассоциативного эксперимента, в котором в качестве стимулов выступают слова, определяющие тему текста. По результатам эксперимента составлены ассоциативные поля и ассоциативные структуры таких слов. Полученные данные показывают, что ассоциативные связи слов в тексте отражают его стилистические и функциональные особенности. В работе предложена методика определения ассоциативного фона текста.

This Paper deals with the study of associative fields and associative structures of words in a text. It has involved the analysis of texts of different functional styles and functional types. The methods of free associative experiment have been therein used, where words defining the topic of the text serve as stimuli. Based on the results of the experiment the associative fields and associative structures of such words have been created. The obtained data show associative links of words in a text, reflect the stylistic and functional features of the latter. The methods of determining the associative phone of a text are suggested herein.

Ключевые слова: *текст, свободный ассоциативный эксперимент, ассоциативное поле слова в тексте, ассоциативная структура слова в тексте, ассоциативный фон текста, стиль текста.*

Keywords: *text, free associative experiment, associative field of a word, associative structure of a word, associative phone of a word, text style.*

В статье проводится анализ ассоциативных полей (АП) и ассоциативных структур (АС) слов, определяющих тему текста. Ассоциативные характеристики таких слов, по нашему мнению, отражают семантику и структуру текста. Для анализа привлечены тексты разных стилей.

Текст 1: Люто замороженный Петербург горел и бредил. Было ясно: невидимые за туманной занавесью, поскрипывая, пошаркивая, на цыпочках бредут вон желтые и красные колонны, шпиль и седые решетки. Горячее, небывалое, ледяное солнце в тумане – слева, справа, сверху, внизу – голубь над загоревшимся домом. Из бредового туманного мира выныривали в земной мир драконо-люди, изрыгали туман, слышимый в туманном мире как слова, но здесь – белые, круглые дымки, выныривали и тонули в тумане. И со скрежетом неслись в неизвестное вон из земного мира трамваи. (Е. Замятин «Дракон»)

Текст 2: Зимний период времени в Санкт-Петербурге можно охарактеризовать как относительно мягкий, но зачастую – изменчивый. Обуславливается это, в первую очередь,

влиянием морских воздушных масс, приносимых западными и юго-западными ветрами с Атлантического океана и Балтийского моря. Поэтому так часто обильные снегопады сменяются дождем и туманом, а непродолжительные холодные периоды, когда температура достигает -12°C , чередуются с оттепелями, подгоняющими столбик термометра к нулевой, а то и к плюсовой отметке. Самыми холодными месяцами в Петербурге по праву считаются январь и февраль. В среднем зимняя температура колеблется от -8 до $-12,3^{\circ}\text{C}$. Однако, в исключительные годы, минимальные температуры могут достигать -40°C , как случилось зимой 2005 года, когда морозы не обошли стороной город-герой на Неве. (Энциклопедия)

Для исследования текстов была применена методика ассоциативного эксперимента. Эксперимент проводился в группах по 10-20 человек (как правило, это была студенческая группа). Экспериментатор выдавал каждому информанту один текст и предлагал его внимательно прочитать «про себя» (на это уходило не более 5 минут). Далее тексты собирались

и каждому информанту выдавалась анкета с напечатанным в левом верхнем углу словом-стимулом Петербург. Информантам предлагалось написать такое количество слов или словосочетаний, какое они могут воспроизвести после прочтения текста (на выполнение этого задания также требовалось не более 5 минут). В эксперименте принимали участие 30 человек (т.е. на слово-стимул получены ответы от 33 человек). В результате обработки данных было определено ассоциативное поле слова Петербург и Санкт-Петербург. Состав и характер реакций в ассоциативных полях позволяют раскрыть существенные черты значений изучаемых слов [1. С. 7]. Обычно реакции располагают в порядке убывания частоты от большей к меньшей. Рядом с реакцией указывают, сколько информантов ответило подобным образом. Около заглавного слова расположены два числа. Первое обозначает, сколько всего ответов было получено на данное слово. Второе – это величина АП. Величина АП обозначает, сколько разных ассоциаций было получено на данное слово [1. С. 54–55].

Текст 1: АП слова *Петербург* (ответы с частотой 5 и более):

121/90

драконо-люди 18;

туманный 18;

лютозамороженный 17 (орфография информантов);

шпили 13;

трамваи 12;

голубь 11;

бредил 10;

колонны 10;

решетки 9;

изрыгающие 8;

горел 8;

желтое 7;

Нева 5;

красное 5.

Текст 2: АП слова *Санкт -Петербург* (ответы с частотой 5 и более):

96/70

изменчивый 18;

дожди 12;

ветра 12;

холодный 12;

температура 11;

Балтийское море 9;

климат 9;

город-герой 8;

мягкий 8;

оттепели 7;

снегопады 7;

город на Неве 7;

туманы 6;

2005 6;

Атлантический океан 6;

зима 5;

мороз 5;

месяцы 5.

Величина ассоциативного поля художественного текста (140) оказалась больше величины ассоциативного поля научно-популярного текста (96). Часть реакций информанты взяли из текста (они подчеркнуты в таблице), причем среди частых реакций в ассоциативных полях обоих стимулов наблюдаем только по одному ответу не из текста: *Нева и климат*. Оба слова тесно связаны с темой текста: информанты «исправляют, дописывают» текст.

Среди ответов с низкой частотой ряд слов не встречается в тексте, но информанты уловили их связь с темой и указали в своих ответах (*огниво, холодная, острые, торчали, ехали, летали* и др.). Именно такие ответы значительно увеличивают АП слова *Петербург*.

Ассоциативной структурой слова называются основные направления ассоциирования, семантические отношения между стимулом и реакциями в ассоциативном поле данного слова.

Первая ветвь АС слова Петербург в тексте 1 – слова, отражающие погодные условия. Часть из них встречается в тексте (*туманный, лютозамороженный, ледяное солнце*), часть слов информанты добавили сами (*холодный, дождливый, северный, пасмурный, гололёд, лютая зима, ветер, холод*). Судя по ответам, Санкт-Петербург вызывает у информантов образ холодного, ветреного северного города. Другая ветвь ассоциативной структуры слова Петербург из художественного текста – имена прилагательные, характеризующие этот город по цвету и обстановке (*желтое, красное, серое, горящий, пылающий, огненный, тусклый, гордый, унылый, печальный, неясный, таинственный, странный, мистический*). Следующая ветвь АС – слова, отражающие восприятие читателями улиц Петербурга (*драконо-люди, голубь, шпили, решетки, колонны, трамваи*).

На втором этапе исследования текста был использован свободный ассоциативный эксперимент с регистрацией первого ответа. В качестве слов-стимулов выступали частые реакции на слова *Петербург* и *Санкт-Петербург*, полученные в первом эксперименте и представленные в таблицах. Результаты данного эксперимента обрабатываются: составляются АП слов-

стимулов. Предварительные результаты показывают, что ответы информантов можно разделить на три группы. К первой группе относятся слова и словосочетания из текста, например, *драконо-люди – выныривали, изрыгали туман; туманный – Петербург* (текст 1); *изменчивый – климат, период; ветра – западные, юго-западные* (текст 2). Во вторую группу вошли слова, отсутствующие в тексте, но связанные с исходными тесными семантическими отношениями, например, *драконо-люди – выползали; шипели – торчали* (текст 1); *изменчивый – погода; ветра – холодные* (текст 2). Такие реакции информантов составляют ассоциативный фон текста. По данным эксперимента ассоциативный фон научно-популярного текста оказался значительно меньше ассоциативного фона художественного текста. К третьей группе относятся слова, связанные для данного текста с исходными словами-стимулами размытыми семантическими отношениями, например, *горел – костер* (текст 1); *оттепель – весна* (текст 2). Результаты второго эксперимента показывают, что вторая и третья группа ответов проявляются в текстах разных стилей, однако будут существенно отличаться друг от друга.

Рассмотрим данные эксперимента на текстах публицистического и научного стиля, где в качестве информантов принимали участие специалисты.

Текст 1: *Слово – тончайшее прикосновение к сердцу, оно может стать нежным, благоухающим цветком, и живой водой, возвращающей веру в добро, острым ножом, ковыряющим нежную ткань души, и раскаленным железом, и когтями грязи... Словом можно убить, оживить, ранить – и одухотворить, рассеять сомнения – и повергнуть в уныние, сотворить улыбку – и вызвать слёзы, породить веру в человека – и заронить неверие, вдохновить на труд – и привести в оцепенение силы души* (В. А. Сухомлинский).

Текст 2: *Слово – лексическая единица языка, имеющая определенное значение, или предметную отнесенность, и внешнюю форму, которая может быть представлена определенной совокупностью звуков, системой зрительно воспринимаемых знаков или образов артикуляции. В развитых языках насчитывается по несколько сотен тысяч слов, из которых в обыденном общении употребляется очень небольшая часть* (Психологический словарь).

К участию в эксперименте привлекались студенты старших курсов лингвистического университета. Эксперимент проводился по опи-

санной выше методике. Каждому информанту выдавался один текст. После прочтения текста информантам предлагалось написать ассоциации – слова или словосочетания на слово *слово*.

Текст 1- публицистический

Цветок 16

Убить 15

Ранить 12

Сила 10

Нежность 10

Острый нож 8

Вдохновение 7

Жизнь 7

Душа 6

Сомнение 5

Текст 2- научный

Единица языка 40

Значение 38

Используется, употребляется 24

Звуки 21

Обыденное общение 20

Система знаков 15

Буква 12

Графические средства 7

Жест 5

Величина АП слова Текста 1 составляет 150 ассоциаций. Всего получено 233 реакции, из них с частотой 5 и более – 20 ассоциаций; с частотой 4 – 7 ассоциаций; с частотой 2 – 10 ассоциаций; с частотой 1 – 106 ассоциаций.

Величина АП слова Текста 2 составляет 78 ассоциаций: 15 с частотой 5 и более; 5 – с частотой 4; 9 – с частотой 3; 3 – с частотой 2; 10 – с частотой 1. Всего было получено 138 реакций.

Получается, что распределение ответов в ассоциативном поле слова в научном тексте характеризуется высокой сосредоточенностью вокруг частых ассоциаций (более половины всех реакций составляет самая частая ассоциация). Ассоциативное поле слова в публицистическом тексте оказалось более размытым (ср. АП слова *счастье*).

Как и в первом эксперименте, информанты дают в своих ответах слова из текстов (в схеме эти реакции подчеркнуты).

Основное направление ассоциативной структуры слова в научном тексте составляют термины, связанные по значению с термином слово: *единица языка* (родовидовые отношения), *значение* (категория данного понятия), *буква* (целое-часть) и др.

Ассоциативное поле слова в публицистическом тексте составляет стилистически окра-

шенная лексика. Ассоциативная структура слова в публицистическом тексте представлена несколькими направлениями. Первое направление составляют слова, обозначающие чувства или состояние человека: *нежность, сомнение, вдохновение* и др. Второе – действия, вызванные словом: *ранить, оживить* и др. Третье направление ассоциирования – это синонимы слова в данном тексте: *цветок, нож, железо*.

Результаты экспериментов на текстах разной стилистической отнесенности показывают, что

состав ассоциативных полей, особенности распределения в них частых ответов, ассоциативный фон текста проявляются в разных стилях, однако их количественное и качественное наполнение будет различаться.

Список литературы

1. Словарь ассоциативных норм русского языка [Текст] / под ред. А. А. Леонтьева. – М. : Изд-во МГУ, 1977. – 192 с.

О. Ф. Игошева

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

ПОСТРОЕНИЕ ИНВЕНТАРЯ ДИФОНОВ ДЛЯ АВТОМАТИЧЕСКОГО СИНТЕЗА РЕЧИ

BUILDING A DIPHONE DATABASE FOR AUTOMATIC SPEECH SYNTHESIS

Данная статья посвящена проблеме построения качественного инвентаря дифонов для автоматического синтеза речи. Рассматриваются способы построения такого инвентаря, выявляются их сильные и слабые стороны. Описывается процесс построения инвентаря дифонов.

The article is devoted to the problem of building high-quality diphone databases for building synthetic voice. This work reviews some aspects of building such databases and describes the process of building diphone databases from selection of the database unit to diphones indexing.

Ключевые слова: автоматический синтез речи, АСР, дифон, конкатенация, псевдослово, предложение.

Keywords: TTS, Text-to-Speech, diphone, concatenation, sentence.

С развитием науки и техники усилился интерес к автоматическому синтезу речи (АСР), то есть восстановлению формы речевого сигнала по его параметрам. Можно выделить два основных подхода к синтезу речи: формантный синтез, предполагающий моделирование речевого тракта человека, воспроизведение конкретных звуков и их комбинаций, и конкатенативный синтез, представляющий собой склеивание заранее записанных речевых образцов.

В силу своей относительной простоты и доступности большее распространение получил конкатенативный синтез речи. В качестве единицы конкатенации можно использовать микроволны, полуслоги, слоги, аллофоны, дифо-

ны, трифоны. Каждая из этих речевых единиц имеет свои достоинства и недостатки в автоматическом синтезе речи [1]. Во всех случаях решающим является требование сохранить без изменения переходные участки, на которых происходит фонетическое взаимодействие звуков. Нежелательные позиции в словах (внутри ударных слогов или в слишком редуцированных контекстах) не берутся во внимание [3. С. 50]. Наиболее распространены дифонный (работа с двучленными комбинациями фонем) и аллофонный (учитываются все возможные сочетания левого и правого контекстов) подходы. Речевой сигнал, генерируемый при помощи дифонного подхода, разборчивый, но

неестественный по тембру. Аллофонный подход повышает естественность звучащей речи, однако голос все еще звучит роботизированно. Решающим становится размер инвентаря аллофонов (≈ 2600) и дифонов (≈ 1000) для русского языка (URL: <http://juice-health.ru/>), [4. С. 219]. При меньших временных затратах оптимальный результат дает дифонный синтез.

Дифоны – это отрезки, начинающиеся в середине одного звука и заканчивающиеся в середине соседнего [3. С. 50]. Считается, что число дифонов в языке равняется квадрату числа фонов, однако в естественных языках есть ограничения на сочетаемость фонов, поэтому не все варианты сочетаний фонов могут существовать в языке.

Дифонный синтез предполагает точное определение возможных единиц конкатенации, то есть инвентаря дифонов, при этом системы синтеза речи достаточно гибкие, чтобы озвучивать дифоны, выходящие за рамки инвентаря. На основе инвентаря дифонов впоследствии строится голос для автоматического синтеза речи. Есть несколько способов создания списка дифонов конкретного языка. Рассмотрим подробнее данный процесс на примере русского языка.

Во-первых, можно извлекать дифоны из псевдослов путем перебора всех возможных комбинаций. Псевдословом называют бессмысленное звуко сочетание, сформированное в соответствии со следующими требованиями:

- в псевдословах должна быть сохранена частотность встречаемости звукобукв;
- при генерации псевдослов необходимо сохранить частотность встречаемости размерности слов;
- генерация псевдослов должна осуществляться в соответствии с основными правилами словообразования и орфографии русского языка [2. С. 14].

Разметка отдельных слов – задача более простая и конкретная по сравнению с маркированием связного текста, это возможно сделать автоматически, в этих целях можно использовать распознаватель речи, например, такой, как CMU Sphinx, с помощью которого можно сегментировать и выровнять данные. Идея выравнивания заключается в том, чтобы взять данные строкового типа и их устную форму и получить мел-масштабные кепстральные параметризации файлов (мел – психофизическая единица высоты звука, кепстральный анализ – один из методов параметризации речевого сигнала при распознавании речи) [5].

Предполагается, что такой подход должен упростить процесс создания инвентаря дифонов, так как использование псевдослов облегчает задачу предобработки исходного материала. Однако вопрос псевдослов в русском языке остается недостаточно разработанным, кроме того, извлечение дифонов из изолированно произносимых единиц сказывается на качестве синтезируемой речи, в том числе на ее естественности.

Во-вторых, дифоны можно извлекать из целых предложений. Тогда необходимо создать базу предложений, которая при минимальном объеме покрывала бы как можно большее количество дифонов языка. Количество предложений, достаточное для построения инвентаря дифонов, остается спорным, ученые решают эту проблему по-разному. Например, разработчики системы «Festival» А. Блэк и К. Лензо для английского языка предлагают считать оптимальной базу из 460 фонетически сбалансированных предложений [5]. В связи с особенностями фонетической системы количество предложений для русского языка имеет смысл увеличить. Длина предложений варьируется от 1-2 до 12-15 слов при средней длине предложений в русском языке 10 слов.

Достоинство данного метода в том, что дифоны, извлеченные из коммуникативной единицы, имеют приемлемую длительность и интонацию, что положительно сказывается на естественности синтезируемой впоследствии речи.

Оптимальный результат дает комбинирование этих подходов: обрабатывается база предложений, затем отсутствующие в ней биграммы (сочетания букв) добавляются в виде существующих или вымышленных слов языка.

Важно учитывать, в каких целях будет использоваться построенный голос. Так, если предполагается использовать голос для синтеза речи в узкой предметной области, логично взять за основу корпус текста именно на данную тематику. Например, если планируется озвучивать информацию о некой организации, то можно использовать базу предложений, состоящую из материала, представленного на веб-сайте этой организации. Если же предметная область текстов, которые будут озвучиваться, не определена, можно взять произвольный корпус текста, например, отрывок из художественного произведения.

Процесс создания списка дифонов русского языка можно описать следующим образом.

Берется корпус текста, состоящий из около 300 000 словоупотреблений.

Проводится предобработка этого текста, в ходе которой проводится нормализация: предварительная обработка с целью исключить неоднозначности, приведение «нестандартного» текста к виду надлежащего «языкового» текста. Происходит преобразование неязыковых элементов – чисел, акронимов, сокращений и идиоматичных выражений – в полнословные эквиваленты [6. С. 26].

Далее при помощи алгоритма извлекаются биграммы и подсчитывается их количество. После этого извлеченные дифоны должны быть распределены по классам: «гласный – согласный», «согласный – гласный», «гласный – гласный» и «согласный – согласный». Важной деталью является то, что дифоны выбираются из числа средних слогов слов, так как дифон в этих позициях имеет наилучшую артикуляцию; кроме того, минимизированы артикуляционные эффекты начала и конца слова.

Текст прогоняется через алгоритм, выявляющий отсутствующие биграммы (по результатам эксперимента их должно быть менее 10%).

Отсутствующие биграммы добавляются к корпусу текста в виде существующих и вымышленных слов языка.

В студии проводится запись акустического материала на основе созданного корпуса. Желательно, чтобы в записи принимал участие профессиональный диктор. Запись звукового материала рекомендуется вести в одно и то же время суток. Среда записи так же должна быть одинаковой. Для достижения наилучших результатов слова должны произноситься монотонно, с как можно меньшими просодическими изменениями. Запись акустического материала – один из важнейших этапов в работе над построением инвентаря дифонов. Именно от этого этапа зависит качество базы данных дифонов, а значит и голоса в целом.

Полученная аудиозапись разбивается на несколько аудиофайлов, каждый из которых содержит запись одного предложения или нескольких не связанных между собой предложений. На практике корпус речи, включающий 300000 словоупотреблений можно разбить примерно на тысячу аудиофайлов. Текстовый вариант одного аудиофайла может выглядеть следующим образом:

Sentence=Безмолвно подошёл матрос, посмотрел на лаг и прошёл, как тень, обратно. Белгородская крепость находилась в ста верстах от Оренбурга. Белый фильтр усиливает образ и одновременно снижает контраст цвета и теневых участков. Берёзки, которые при

нём только что были посажены около забора, выросли и стали теперь высокими ветвистыми деревьями. Берега Одессы опускались в густое море, в древнюю мглу.

Далее эти аудиофайлы размечаются при помощи программы типа EMU LABELER.

Результаты записываются в акустическую базу данных в виде названия сегмента, формы волны, продолжительности и позиций внутренних сегментов. Также необходимо указывать границу между фонами, чтобы можно было изменить продолжительность одного полуфона, не затрагивая длину другого [3. С. 51].

После того как база предложений размечена, нужно проиндексировать извлеченные дифоны. Индекс определяет, какие дифоны берутся из каких файлов и из какого конкретно места в этом файле, это может быть сделано автоматически. Индексируются дифоны при помощи программного комплекса для автоматического синтеза речи «Festival», в частности, инструментария для создания новых голосов «Festvox». Скрипт *festvox / SRC / diphones / make_diph_index* берет список дифонов, находит каждый дифон в промаркированных файлах и создает индекс. Индекс состоит из заголовка, за которым следуют в одной строке для каждого дифона следующие данные: имя дифона, имя файла, время начала звучания дифона, центральная точка дифона, время конца звучания дифона (время указывается в секундах) [5]. Пример начала файла индексов дифонов может выглядеть так:

```
EST_File index
DataType ascii
NumEntries 1610
IndexName ked2_diphone
EST_Header_End
y-aw kd1_002 0.435 0.500 0.560
y-ao kd1_003 0.400 0.450 0.510
y-uw kd1_004 0.345 0.400 0.435
y-aa kd1_005 0.255 0.310 0.365
y-ey kd1_006 0.245 0.310 0.370
y-ay kd1_008 0.250 0.320 0.380
y-oy kd1_009 0.260 0.310 0.370
...
```

Далее полученные дифоны нужно проверить и откорректировать, если обнаружили ошибки.

Таким образом, построение инвентаря дифонов – важная задача в конкатенативном синтезе речи, так как является базой для создания нового голоса, которым будет говорить машина.

Можно выделить несколько методов построения списков дифонов. Дифоны извлекают из

списка псевдослов, из предложений, кроме того, можно комбинировать эти подходы. Выбор подхода в каждом конкретном случае зависит от языка, для которого необходимо создать голос. Так, инвентарь дифонов для английского языка удобно строить на базе псевдослов, для русского языка – на базе предложений.

Процесс построения инвентаря дифонов включает в себя несколько этапов, начиная с формирования исходного материала и заканчивая индексированием извлеченных дифонов. Часть из этих этапов осуществляется вручную, некоторые этапы реализуются автоматически с последующей корректировкой, если возникает такая необходимость. Таким образом достигается максимальное качество построенного инвентаря дифона, а значит и голоса для синтеза речи.

Список литературы

1. Бондарко Л. В. Звуковой строй современного русского языка. Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности «Рус. яз. и

литература» / Л. В. Бондарко. – М., «Просвещение», 1977. – 175 с. с ил.

2. Игнатъев, А. М. Правила формирования псевдослучайных слов для психолингвистического эксперимента / А. М. Игнатъев // Інформаційні технології: наука, техніка, технологія, освіта, здоров'я: Тези доповідей XX міжнародної науково-практичної конференції, Ч.І (15-17 травня 2012 р., Харків) / за ред. проф. ТОВАЖНЯНСЬКОГО Л. Л. – Харків, НТУ «ХПІ». – 296 с.

3. Луканин А. В. Автоматическая обработка естественного языка: учебное пособие / А. В. Луканин. — Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2011. – 70 с.

4. Соболева Т.А. История шифровального дела в России. – М. ОЛМА-ПРЕСС-Образование, 2002. 511 с.: ил. – (Досье)

5. Building Synthetic Voices / A. Black, K. Lenzo – URL: <http://festvox.org/>

6. Taylor, P. Text-to-Speech Synthesis / Paul Taylor. – University of Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 603 p.

Р. Д. Каримов

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

ПРОБЛЕМА АВТОМАТИЧЕСКОЙ ЛЕММАТИЗАЦИИ КОРПУСА СРЕДНЕВЕКОВОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

SIMULATING THE LEMMATIZATION OF A MIDDLE ENGLISH CORPUS

В настоящей статье рассматриваются проблемы алгоритмизации обработки корпусов текстов, описываются два основных подхода к выделению лексических основ (стемминг и лемматизация) и детально анализируются различные затруднения программной обработки текстов на средневековом английском языке, вызванные его особенностями. Представлен авторский алгоритм, задача которого сводится к автоматизированной лемматизации корпуса на средневековом английском языке.

This article focuses on algorithmizing text corpora processing and describes two main approaches to stem identification, i.e. stemming and lemmatization. It also provides a detailed analysis of the natural complexity of Middle English processing. The author presents an original algorithm aimed at automating Middle English corpora lemmatization.

Ключевые слова: корпус, лемматизация, средневековый английский язык, алгоритм.

Keywords: corpora, lemmatization, Middle English, algorithm.

Настоящая статья посвящена проблеме лемматизации корпуса средневекового английского языка. Проведенное нами ранее исследование возможности предиктивного моделирования диахронических изменений в составе его вокабуляра выявило значительные недостатки доступного на данный момент корпуса The Helsinki Corpus of English Texts, а именно – отсутствие в нем списка лемм, из-за чего совместимая с применяемым в нем стандартом разметки COCOA программа The Oxford Concordance Program (далее – ОСП) каждую отличную словоформу при составлении конкордантного списка обрабатывает как отдельное слово. На наш взгляд, составляемый таким образом конкорданс недостаточно репрезентативен, вследствие чего не удалось верифицировать глотовронологические модели М. В. Арапова и М. М. Херц [1. С. 35]. Подробный анализ проблем репрезентативности представлен в [3. С. 196].

Исходя из выявленных недостатков имеющегося материала, было принято решение провести его лемматизацию. Основная проблема, с которой исследователи столкнулись при выполнении этой задачи, заключается в больших размерах корпуса. Анализируемые разделы 1150-1250 и 1250-1350 (наименование условное и соответствует хронологии появления включенных в данные разделы манускриптов) суммарно содержат более 250 тысяч словоупотреблений, из них около 30 тысяч определяются программой как уникальные лексемы (ввиду означенной выше особенности составления конкорданса данная цифра является завышенной). Ручная обработка такого объема представляется нам затруднительной и малоэффективной, поэтому речь идет о необходимости автоматического составления списка лемм.

Для выполнения данной задачи мы обратились к существующим алгоритмам, которые делятся на два основных вида: стеммеры, которые делятся на алгоритмические и словарные, и лемматизеры [5. С. 151]. К сожалению, на сегодняшний день отсутствуют какие-либо алгоритмы (модели), разработанные с учетом специфики среднеанглийского языка. Встроенный инструмент ОСП предлагает исключительно опцию ручного группирования уникальных лексем по леммам. Речь зашла о необходимости самостоятельной разработки нужного для выполнения нашей задачи инструментария.

Предварительная разработка модели автоматической лемматизации текста и мысленный эксперимент с этой моделью показали, что различные характерные черты сохранившихся и

представленных в Хельсинском корпусе текстов на средневековом английском представляют собой отдельную проблему, затрудняющую процесс лемматизации. Речь идет о таких его свойствах как неустойчивая орфография, в том числе региональная, синтаксически-обусловленное чередование и/или дубликация гласных и согласных, а также некоторое сращение морфологии – морфы, которые в древнеанглийском были частеречно-специфичными, в средневековом английском могут присутствовать как функциональные суффиксы уже в разных частях речи. Иногда морф как кластер символов омографичен какой-либо последовательности в конце корня слова (ср. гл. *weorde* и сущ. *Franclonde* – во втором слове нет морфа). Это особенно важно потому, что в средневековом английском в образовании причастной формы сильных глаголов зачастую задействовался глагольный префикс *ge-/y-* (подобное можно наблюдать в современном немецком) [2. С. 230]. Очевидно, что данный морф при неразделении частей речи может быть совершенно омографичен первому слогу многих неглагольных корней. Рассуждая таким образом, мы пришли к выводу о необходимости создания более подробного и разветвленного алгоритма по сравнению с упрощенной предварительной схемой, представленной нами ранее [4. С. 106].

Одним из возможных вариантов оптимизации алгоритма является комбинирование алгоритмического и словарного стемминга с учетом частеречной принадлежности лексем. При таком подходе использующая наш алгоритм программа получает отдельный список функциональных суффиксов, с каждым из которых ассоциирована определенная часть речи. Работа алгоритма после изоляции слова в тексте начинается с отделения окончания, минимальная длина которого (если речь не идет о нулевом окончании) составляет один символ. При изоляции морфа должны проверяться следующие условия:

Присутствует ли изолированный морф в заданном списке функциональных суффиксов?

Присутствует ли в словаре лемм слово с той же основой?

Соответствует ли часть речи найденного в словаре лемм слова части речи, соответствующей изолированному морфу?

Невыполнение этих условий может быть следствием некорректного отделения морфа. Для обеспечения корректного выполнения данной операции целесообразно алгоритмизировать повторение операции с изменением

длины морфа от минимального к максимальному – то есть первичный поиск леммы производить безо всякого отделения морфа, затем увеличивать отделяемую конечную символическую последовательность на один знак до тех пор, пока указанные выше условия не будут выполнены.

Значительной проблемой также является неустойчивая орфография средневекового английского языка, в частности, взаимозаменяемость некоторых консонантных и вокалических кластеров на письме (например, *scylde* и *scilde* – это одно и то же слово *щит*). В то время как создание списка пар взаимозаменяемых на письме букв и буквенных кластеров и его интеграция в программу могут решить эту проблему, такие буквосочетания могут быть смыслоразличительными в отдельных случаях. В значительной степени проблема может быть решена на стадии подготовки словаря лемм, так как используемый в качестве первоисточника словарь Мэйхью и Скита (выбран для этой цели, так как хронологически охватывает вокабуляр среднеанглийского языка в период с 1150 по 1580 гг.) перечисляет различные варианты написания слов [6. С. VI]. Добавление орфографических вариаций в словарь лемм повысит точность лемматического поиска без усложнения алгоритма лемматизации.

Алгоритм был доработан с учетом вышесказанного и принял следующий вид:

«Легенда» алгоритма

Код	Действие
1	Выделить слово
2	Определить, есть ли слово в файле <i>hset.lemma</i>
3	Определить, есть ли слово в словаре лемм *
4	Добавить в <i>hset.lemma</i> с новой строки без табуляции *
5	Перейти к следующему слову, повторить алгоритм
6	Отделить последний символ
7	Определить, присутствует ли отделенная символическая последовательность в списке морфов
8	Определить, есть ли в словаре лемм слово с той же основой (лемма), то есть совпадающая последовательность символов
9	Определить, соответствует ли часть речи по словарю лемм части речи по морфу
10	Отделить два последних символа

- 11 Слово начинается на *y-/ge-*?
- 12 Изолирован морф *-an, -en*?
- 13 Отделить *y-/ge-*
- 14 Отделить последние три символа
- 15 Сообщить об ошибке, сохранить отчет в файл *errors.log*
- 16 Определить, есть ли в файле *hset.lemma* строка с той же леммой без табуляционного отступа **
- 17 Добавить выделенное **неусеченное** слово под соответствующую лемму в файле *hset.lemma* с новой строки и с табуляцией
- 18 Добавить в конец файла *hset.lemma* строку с данной леммой без табуляционного отступа

* Примечание: в словаре лемм может быть представлено несколько письменных вариантов одного и того же слова, однако только один из них (например, указанный в первом столбце при использовании словаря в табличной форме) может считаться леммой.

** Окончательный лемматический список создается для использования с программой ОСР и потому должен соответствовать ее формату: лемма вносится в текстовый файл с новой строки без табуляции, отождествленные с ней словоформы – под эту лемму с табуляцией.

В дополненный алгоритм также были внесены некоторые шаги, позволяющие избежать повторения лексем в файле лемматического списка. Фаза проверки лексемы на ее присутствие в списке служебных слов удалена из алгоритма с целью оптимизации работы программы; вместо этого проверяется существующий лемматический список, куда заранее внесены все служебные слова и супплетивные формы. Таким образом, уменьшается число используемых в работе программы дополнительных файлов, а также выполняемых ею действий. Проблемы, обусловленные некодифицированной орфографией средневекового английского языка, могут быть решены за счет указания в словаре лемм различных вариантов написания слов.

Рассмотренный вариант лемматизации корпуса является новаторским подходом к проблеме, так как на сегодняшний день отсутствует инструментарий для подобной обработки текстов на средневековом английском языке. То, что до сих пор не предпринималось попыток составить алгоритм автоматической лемматизации морфологически насыщенных, синтак-

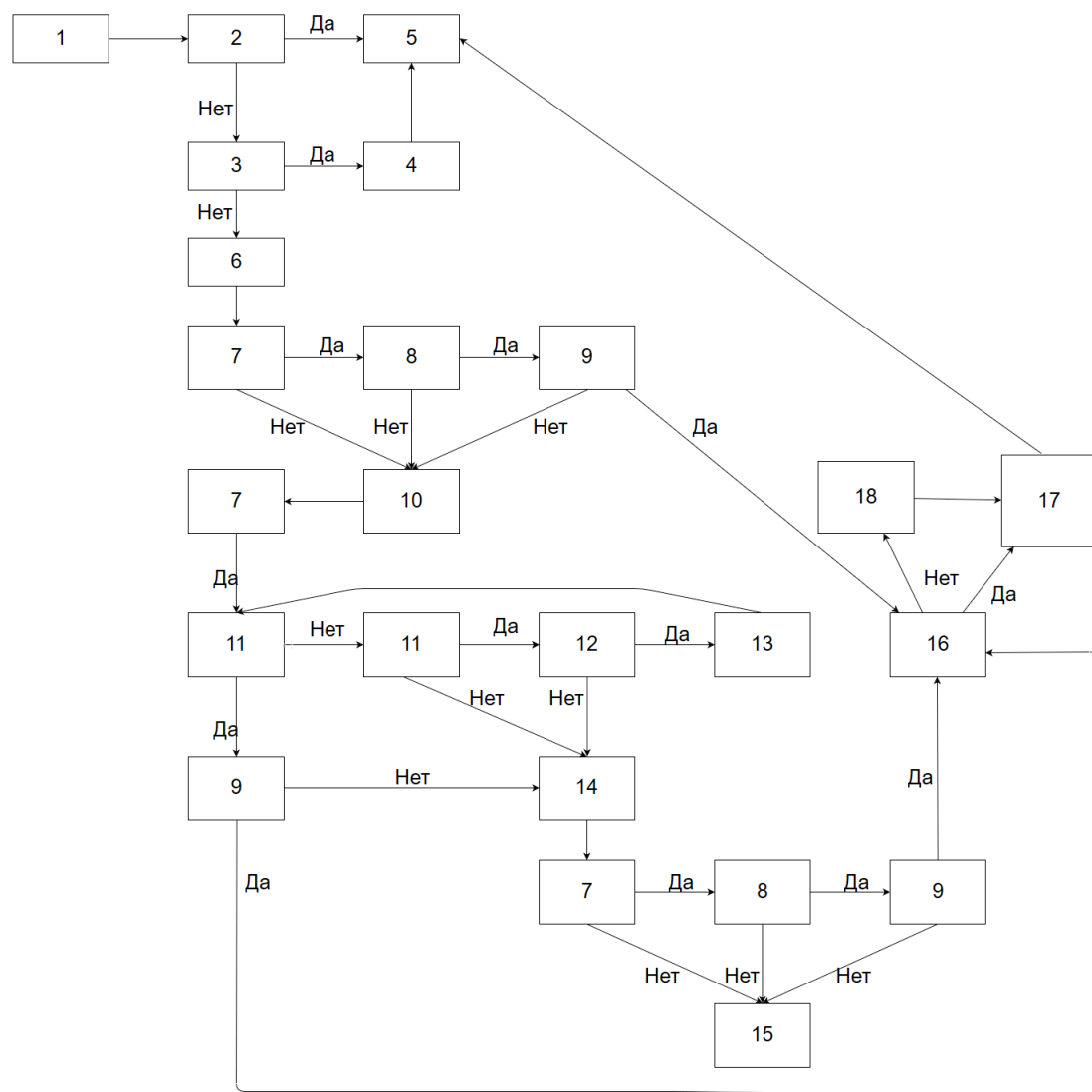

Рис. 2. Усовершенствованный алгоритм

сически неоднородных, орфографически некодифицированных текстов на архаичной форме английского языка, говорит о научной новизне данного исследования и его важности как для фундаментальной исторической лингвистики, так и для прикладной корпусной лингвистики. Кроме того, составление списка лемм и его включение в программу ОСР при построении конкорданса корпуса значительно повысит релевантность получаемой частотной таблицы, что в свою очередь положительно скажется на статистическом анализе диахронических изменений словаря средневекового английского языка. Перспективным вариантом проведения дальнейшего исследования является верификация глоттохронологических моделей М. В. Арапова и М. М. Херца на действительном лингвистическом материале, одной из стадий предварительной подготовки которого является алгоритмизация лемматического поиска.

Список литературы

1. Арапов, М. В., Херц, М. М. Математические методы в исторической лингвистике / М. В. Арапов, М. М. Херц – М. : Наука, 1974. – 167 с.
2. Ильиш, Б. А. История английского языка / Б. А. Ильиш – М. : Высшая школа, 1968. – 418 с.
3. Каримов, Р. Д. Предиктивное моделирование развития словаря средневекового английского языка / Р. Д. Каримов // Проблемы языка и перевода в трудах молодых ученых : сб. науч. тр./отв. редактор В. В. Сдобникова. – Нижний Новгород : Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 2014. – Вып. 13, Т. 1. – С. 189–198.
4. Каримов, Р. Д. Проблема автоматической лемматизации корпуса средневекового

английского языка / Р. Д. Каримов // Актуальные проблемы лингвистики: взгляд молодых исследователей : сб. науч. статей / под ред. Г. Р. Власян, М. А. Самковой. – Челябинск: Энциклопедия, 2015. – С. 100–108.

5. Яцко, В. А. Алгоритмы и программы автоматической обработки текста / В. А. Яцко //

Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 1 (17). – С. 150–161.

6. Mayhew, M. A., Skeat, W. A concise dictionary of Middle English from A.D. 1150 to 1580 / M. A. Mayhew, W. Skeat. – Oxford: Clarendon Press, 1888. – 272 p.

З. Я. Карманова

Брянский государственный университет
(Брянск, Россия)

СЛОВО В КОНТЕКСТЕ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО ИНСАЙТА WORD IN THE CONTEXT OF PHENOMENOLOGICAL INSIGHT

Статья посвящена проблеме феноменологического представления слова. Феноменологический инсайт предполагает представление, описание и анализ слова языком сознания, который имеет рефлексивную природу и проявляет себя в содержательной структуре слова через рефлексивные векторы.

The article deals with the issue of phenomenological presentation of a word. Viewed phenomenologically, i.e. in the context of phenomenological insight, a word should be represented, described and analyzed through the language of the consciousness, which is of reflexive nature, revealing itself in the inner structure of a word through reflexive vectors.

Ключевые слова: феноменологическая лингвистика, феноменологический инсайт, рефлексивный вектор, рефлексивные исчисления.

Keywords: phenomenological linguistics, phenomenological insight, reflexive vector, reflexive calculus.

Феноменологическая лингвистика, несомненно, нуждается в специфическом (в соответствии со своим объектом исследования – слово как онтологическая структура сознания) и непротиворечивом категориально-понятийном и терминологическом аппарате, в противном случае ее принципы могут превратиться в заявленные конструкторы познания и ничего более. Она должна оперировать языком сознания, или «языком трансцендентального аппарата» (термин И. Канта), который позволил бы адекватно представлять и описывать содержательную структуру слова во всех ее разнообразных проявлениях и лег бы в основу феноменологического анализа слова.

О необходимости такого метаязыка, способного осуществлять «перевод из ментального языка в вербальный», писал в свое время Л. Витгенштейн [1. С. 382]. Такой метаязык дол-

жен также обеспечивать перевод с вербального языка на ментальный. Для осуществления этих задач необходимо познать язык сознания и те ментальные механизмы, которые реализуют связку мысль-слово, а также средства и механизмы перевода ментальной информации и ментального языка на естественный язык, и наоборот. «Лингвист-структуралист должен уметь преобразовывать возможность физического словесного высказывания (устного или письменного) в возможность мысленного словесного высказывания, а возможность мысленного словесного высказывания – в начальную возможность мысленного видения, когда подыскивается слово для обозначения первого мгновения явления» [4. С. 23].

Л.С. Выготский писал, что «научной психологии надо не игнорировать факты сознания, а материализовать их. Перевести на объектив-

ный язык объективно существующее и навсегда разоблачить и похоронить фикции и фантазмагии и пр. Без этого невозможна никакая работа – ни преподавание, ни критика, ни исследование» [3. С. 85]. Основное требование, предъявляемое к феноменологическому метаязыку, – способность представлять по возможности весь спектр специфических ментальных содержаний и проявлять те «ментальные картинки», которые отражаются и выражаются в слове относительно происходящего в сознании в момент восприятия и понимания слова. Слово рассматривается как носитель ментальной информации, поскольку оно по своей феноменологической сути является специфическим термином ума, которое сознание само выработало для предъявления своего содержания. По Г. Гийому, слово овеществляет ментальное и является средством и готовым механизмом, «которыми располагает мышление для перехвата самого себя» [4. С. 54]. Как неотъемлемая имманентная онтологическая структурная единица и функция сознания, слово подлежит представлению в терминах сознания (разума).

Язык сознания (ментальный язык) обнаруживает себя вовне через слово, в котором объективируются определенные акты, состояния и модусы сознания, а также техники понимания. Поскольку рефлексия является первоосновным фундаментальным предикатом сознания, сознание «говорит» на специфическом языке рефлексивных исчислений, или языке рефлексивных трансакций, которые онтологически и имманентно наделены способностью осуществлять смыслообразующие, смыслоносные и смылосозидающие функции в феноменологическом поле сознания. В свое время Л. Витгенштейн отмечал, что произнося слова и предложения и осмысливая или понимая их, человек тем самым проводит в сознании своего рода реальные исчисления в уме по определенным правилам, оперирует ими, переводят их то в одну, то в другую картину, не отдавая себе в этом отчета. Витгенштейн задавался вопросом: «Разве вычисление в воображении в некотором смысле менее реально, чем расчет на бумаге?» [2].

Рефлексивные токи сознания, рефлексивные исчисления и рефлексивные трансакции и есть невербальные компоненты речемыслительной деятельности. В своей априорной онтологической сущности феноменологическое поле сознания представляет собой энергийно-подвижную субстанцию, актуализующую себя в речемыслительном континууме через движение рефлексивных токов и широчайший спектр

энергийно-смысловых исчислений и трансакций на разных уровнях и во всех онтологических горизонтах. Речемыслительная деятельность обеспечивается движением рефлексивных токов сознания во всем объеме нейросети мозга.

Поскольку рефлексия является энергийно-подвижным и энергийно-смысловым конструктом и направленной величиной, рефлексивные исчисления могут быть представлены как *векторный конструкт* сознания и познания. Признание векторной природы речемыслительной деятельности сознания влечет за собой признание векторной природы словесной матрицы в сознании (нейросема). Рефлексивные векторы являются проявлениями энергийно-смысловой самореализации сознания. Смыслы реализуются рефлексивными векторами, которые отражают различные представления относительно мыслимого объекта.

Признавая рефлексия энергийно-смысловым конструктом сознания, необходимо идти дальше и признать присущие ему онтологические параметры энергии: потенциал действия, заряд, напряжение. Понятие «рефлексивный вектор» коррелирует с понятием «смысловая энергема» (термин А.Ф. Лосева). Иными словами, мысль и смыслы обеспечиваются энергетически, т.е. через прохождение рефлексивных токов и энергийное насыщение определенных каналов в нейросети мозга, ориентированных относительно определенных зон или структур головного мозга. Обладать смыслом значит иметь в наличии определенный сформировавшийся рефлексивный канал в сознании. Рефлексия и движение рефлексивных токов по определенным каналам является онтологическим способом жизни и функционирования сознания и осуществления речемыслительной деятельности. При этом реализуется «принцип энергетической неоднозначности энергии» или «онтологической неоднозначности энергии» (термины С.С. Хоружего), который проявляется как ее способность определять различные бытийные горизонты, порождать события различного онтологического содержания и статуса [16].

Диапазон энергийных потенциалов, явленных в слове, может варьироваться в широчайших пределах, в результате чего слово способно обеспечивать разные уровни восприятия, понимания и воздействия. Энергия смысла, по А.Ф. Лосеву, может быть представлена в бесконечных по числу видах и степенях [11. С. 67]. Риторическая аргументация и стилистическая

функция языка в принципе возможны только в перспективе способности сознания наделять слова разным энергийно-смысловым потенциалом. Пока наука не приблизилась к пониманию энергийно-смысловой природы сознания, и понятие «энергийно-смысловой потенциал слова» находится вне сферы познанного. Тем не менее, широчайший диапазон энергийно-смысловых потенциалов, явленных в слове, не вызывает сомнений и очевиден на эмпирическом уровне.

Рефлексивные каналы формируются как моменты избирательной активности сознания, поскольку, как отмечал У. Джеймс, «сознание всегда бывает более заинтересовано в одной стороне объекта мысли, чем в другой, производя во все время процесса мышления известный выбор между его элементами, отвергая один из них и предпочитая другие» [9]. Каналы трансляции рефлексивных токов исчислимы, и они могут различаться по параметрам устойчивости или динамичности. Здесь применимо сравнение с дорогами: дороги готовые, исхоженные, проложенные, строящиеся. Именно этот смысл заложен в высказывании Ж. Дилёза: «Готовые дороги, по которым идут постепенным шагом, предполагают некий заранее заданный чертеж, а движения, образующиеся прямо в силовом поле, представляют собой разрядку напряжений» [8]. Первоначально они формируются симультанно, но затем могут закрепляться в сознании под влиянием многократных повторений и оставаться как следовый эффект, формируя паттерны.

Паттерн – еще одно понятие, соотносимое с понятием «рефлексивный вектор». По Г. Хакену, распознавание образа мозгом есть не что иное, как формирование паттерна [15. С. 246]. Паттерн является проявлением устойчивости рефлексивного канала, который в частности наблюдается при образовании слов на основе определенного суффикса. Наверно, о таких словах говорил Л. Витгенштейн: «От этих слов во всех направлениях ведет множество хорошо известных путей», или «Множество хорошо знакомых тропинок ведет от этих слов во всех направлениях» [2]. Э. Гуссерль писал: «Сфера феноменологии универсальна, поскольку не существует априори, которое не зависело бы от своего интенционального конституирования и не обретало бы в нем свою способность создать определенные линии в жизни сознания, которое обладало бы знанием об этой способности...» [6]. Рефлексивные токи, каналы и паттерны представляют собой активные линии жизни сознания.

В своей феноменологической сущности содержательная структура слова конституируется при актуализации определенной совокупности рефлексивных векторов (векторов мысли) в сознании путем отбора определенного набора векторов мысли под влиянием целого ряда ситуационных и контекстуальных факторов, в силу чего оказывается разной для каждой конкретной ситуации. В нейронной матрице слова онтологически заложен механизм развития рефлексивных векторов, или векторов мысли. Приводом этого механизма является рефлексивность слова, т.е. заложенный в нем онтологически и имманентно энергийно-подвижный, энергийно-смысловой потенциал. Рефлексивность слова предполагает проявление рефлексивных векторов изнутри матрицы, развертываемых относительно ядерного смысла (денотат) и изменяющих конфигурацию матрицы. Этот процесс очевиден при восприятии слов, лишенных смыслового наполнения, когда мы стремимся наделить его смыслами, выстраивая какие-то представления относительно его звуковой оболочки (например, *глокая куздра* Л.В. Щербы).

В феноменологическом поле сознания следует различать рефлексивные векторы как потенцию и как фактическую осуществленность, или «факты сознания». «Факт сознания», в отличие от структуры сознания, может полагаться равноценным понятию «случившееся сознание» [12. С. 71]. Сознание как потенция, или нейтральное сознание, по Гуссерлю, – это пребывание в неразрешимости «думания-себе». Это – сфера редуцированных, неясных и не вполне определенных и осознаваемых чувств, переживаний, мыслей и представлений. Рефлексивность не актуализованного модуса сознания стремится к нулю и противостоит собственно рефлексии в ее динамической и диалектической сущности. Актуализованные векторы в сознании и есть проявление «случившегося сознания», т.е. определенные и устойчивые представления. Соответственно, реализуемые ими смыслы могут быть заданы в своей потенциальной, непроявленной форме или становятся смыслами-фактами.

С каждым словом связана определенная структура представлений, которые потенциально присутствуют в сознании, но непосредственно актуализуются и выходят на передний план лишь в определенном контексте или ситуации. Они составляют задний фон сознания, являясь «прослойками семемы» (термин П.А. Флоренского), или векторными наслоения-

ми, которые формируются в процессе жизни и функционирования слова и, накапливаясь вокруг смыслового ядра слова, остаются зачастую как следовый эффект в феноменологическом поле сознания и готовы быть восстребованными. Конституирование матрицы слова осуществляется по принципу энергетического включения/выключения, развития и разрастания, эволюции и динамики рефлексивных векторов в пределах самой матрицы.

В матрице слова самоподдерживаются только те векторы, которые отвечают коммуникативной ситуации или детерминированы условиями контекста. Качественный и количественный состав рефлексивных векторов, формирующих смысловую конфигурацию матрицы слова, свидетельствует о мобилизации мозговых ресурсов и об энергетико-смысловом потенциале слова. Актуализация большого числа рефлексивных векторов в речемыслительной деятельности сопряжена с увеличением энергетико-смыслового потенциала слова. При восприятии и понимании слова может происходить как актуализация уже осуществленных смысловых векторов (воспроизведение готовых горизонтов значений), так и формирование новых. Матрица слова представляется и воспринимается в едином акте сознания, но при желании возможно представление и восприятие отдельных векторных составляющих матрицы.

В речемыслительном континууме в содержательной структуре слова происходит непрерывная переструктуризация и перезагрузка ее смысловой конфигурации, которая затрагивает не только собственно смысловую костяк слова, но и динамические характеристики смыслов. Слово представляется и воспринимается единым актом сознания, но при желании или необходимости возможно представление и восприятие отдельных составляющих. Феноменологические содержания принципиально дискретны (Гуссерль), поэтому можно вычленять отдельные рефлексивные акты, состояния и модусы сознания.

Среди рефлексивных векторов различаются базовые и доминантные, характеризующиеся разными энергетико-смысловыми потенциалами. По определению А.А. Ухтомского, «доминанты мозга – подвижные главенствующие “очаги” возбуждения» [14. С. 318]. Они возникают в сознании по законам физиологии, но действуют по законам психологии и регулируются социальными факторами воспитания личности. В своей теории о доминанте личности

А.А. Ухтомский отмечает, что «чем сильнее доминанта личности, тем больше она тащит на себе энергии из среды, забирает и вовлекает ее в свои процессы». Кортикальные доминанты «то ярко живут в поле сознания, то опускаются в скрытое состояние, но из подсознания продолжают владеть жизнью» [13]. Совершенно очевидно, что как сами рефлексивные доминанты, так и «энергетические последствия доминантной установки» (термин А.А. Ухтомского) не могут не проявляться в содержательной структуре слова, и именно они определяют ментально-рефлексивный почерк языковой личности. Феноменологический анализ слова позволяет отслеживать диалектику и динамику доминантных установок в речемыслительном континууме, языковом поведении и языковом существовании языковой личности.

Для представления слова в категориях и терминах сознания и мышления необходимо очертить собственно сферу сознания, или потенциальную сферу сознательного в слове. Непрерывная деятельность сознания актуализуется через ментально-рефлексивные трансакции самой разной направленности и потенциала. Рефлексия онтологически неоднозначна и неоднородна и в речемыслительном континууме (про)являет себя много(разно)образно как на сознательном, так и на подсознательном уровнях.

Признавая «бесконечное идеальное многообразие нозтических переживаний» и принципиальную дискретность феноменологического содержания сознания, Гуссерль считал, что «о понятийной и терминологической фиксации подобной текучей конкретности нечего и думать» [7. С. 165]. Однако феноменологический опыт анализа языковых структур показывает, что такая фиксация возможна уже на первичном (интуитивном) уровне очевидностей, что позволяет подвести их под научные и теоретические определения, понятия и термины. Это возможно, поскольку фундаментальные рефлексивные структуры даны человеку от рождения, и человеческий разум способен распознавать, понимать и идентифицировать их. Г. Гийом писал: «Итак, есть последовательность операций. Я вижу (глазами разума) в себе этот структурный механизм» [5. С. 23].

В рамках феноменологической концепции слова предпринята попытка установить необходимую и достаточную парадигму рефлексивных векторов, которые могут проявляться в слове и конституировать его содержательную структуру. Это разветвленная структура реф-

лексивных актуализаций, которые связываются с понятиями «рефлексивный вектор» и «рефлексема» (рефлексия + сема) и в практике феноменологического анализа обозначаются символами R-сема и r-сема [10].

В свое время Гуссерль определил задачу феноменологии – «систематически исследовать всю совокупность подпадающих под рубрику рефлексии модификаций переживания во взаимосвязи со всеми модификациями, с каковыми они находятся в сущностной сопряженности и каковые предполагают их наличие» [7. С. 165]. Задача феноменологической лингвистики состоит в систематическом исследовании взаимоотношений мысли и слова в контексте всей сферы феноменологического опыта языковой личности и всех модификаций структурных составляющих сознания. Это принципиально новый подход, при котором слово вовлекается в сложный многомерный контекст ментально-рефлексивных трансакций.

Список литературы

1. Витгенштейн, Л. Избранные работы / Л. Витгенштейн. – М., 2005. – 440 с.
2. Витгенштейн, Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн // Философские работы. – Ч.1. – М., 1994. – С. 74-319.
3. Выготский, Л.С. Мышление и речь / Л.В. Выготский // Собрание сочинений: В 6 т. – Т.2. – М., 1982. – С.5-361.
4. Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики / Г. Гийом. – М., 1992. – 224 с.
5. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики / Г. Гийом. – М., 2007. – 232 с.
6. Гуссерль, Э. Феноменология / Э. Гуссерль // Логос. – 1991. – №1. – С.12-21.
7. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Э. Гуссерль. – Т. 1. – М., 1999. – 336 с.
8. Делез, Ж., Гваттари, Ф. Что такое философия? / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – СПб., 1998. – 288 с.
9. Джеймс, У. Принципы психологии / У. Джеймс. – М., 1991. – 368 с.
10. Карманова, З.Я. Феноменологические аспекты содержательной структуры слова / З.Я. Карманова. – Калуга, 2014. – 260 с.
11. Лосев, А.Ф. Диалектика художественной формы / А.Ф. Лосев. – М., 2010. – 415 с.
12. Мамардашвили, М.К., Пятигорский, А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке / М.К. Мамардашвили, А.М. Пятигорский. – М., 1999. – 216 с.
13. Ухтомский, А.А. Доминанта / А.А. Ухтомский. – М.-Л., 1966. – 272 с.
14. Ухтомский, А.А. Собрание сочинений / А.А. Ухтомский. – Т.1. Учение о доминанте. – Л., 1950. – 329 с.
15. Хакен, Г. Принципы работы головного мозга: Синергетический подход к активности мозга, поведению и когнитивной деятельности / Г. Хакен. – М., 2001. – 351 с.
16. Хоружий, С.С. К феноменологии аскезы / С.С. Хоружий. – М., 1998. – 352 с.

Д. Г. Кисина

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» имени
В. И. Ульянова
(Санкт-Петербург, Россия)

ПОНЯТИЕ СЕМИФИНИТИВА И ВОЗМОЖНОСТЬ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ В КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

SEMIFINITIVE AND A POSSIBILITY TO APPLY IT IN COGNITIVE LINGUISTICS

В статье обсуждается вопрос о возможности выявления природы значения в свете результатов, полученных в ходе формально-логического моделирования синтаксических структур естественных языков. Приводится альтернативная точка зрения на инфинитив в современном английском языке и высказывается предположение о первичности семифинитива. Оговарива-

ется роль когнитивных процессов в предполагаемом механизме преобразования значения на разных языковых уровнях.

The paper studies the revelation possibility of the meaning origin in terms of findings of the formal logic modeling of syntactic structures of natural languages. It also gives the alternative view of the infinitive in modern English as well as the assumption about semifinitive's primacy. The author mentions the role of cognitive processes in the possible way of meaning's transformation on different linguistic levels.

Ключевые слова: *семифинитив, формально-логическое моделирование, лексическое значение, когнитивная лингвистика, модели языка.*

Keywords: *semifinitive, formal logic modeling, lexical meaning, cognitive linguistics, language models.*

Семантический аспект языка всегда вызывал научный интерес и продолжает активно изучаться, однако вопрос о природе значения и его преобразованиях на разных языковых уровнях по-прежнему остается нерешенным. Поскольку феномен значения представляет собой сложное и неоднозначное явление, изучение этого вопроса вызывает особенный интерес и, несомненно, требует выработки эффективных методов исследования.

Как известно, неоднородность языковых единиц порождает уровневую структуру языка, где синтаксический уровень является самым высокоположенным в иерархии и включает в себя все предыдущие. Единицами синтаксического уровня являются словосочетания и предложения, в которых, возможно, и происходит аранжировка смыслов, когда единицы нижестоящих уровней вступают в синтагматические отношения. Тем более смыслы перекодируются в речи, когда словосочетания и предложения наделяются интонацией. Размышляя об истинном состоянии языка А. А. Потенция отмечал, что «значение слова возможно только в речи. Выванное из связи слово мертво, не функционирует, не обнаруживает ни своих лексических, ни тем более формальных свойств, потому что их не имеет» [5. С. 112]. Впрочем, по-прежнему нет единого мнения о том, какую единицу языка следует считать основной. Так, теоретики дескриптивизма Л. Блумфилд [1] и Г. Глиссон считали таковой морфему, упоминая слово лишь как «фиксированный порядок морфем в определенных конструкциях» [2. С. 98]. А. И. Смирницкий полагал, что «слово выступает не только как основная единица словарного состава, но и как центральная, узловое единица вообще языка» и именно оно должно быть признано основной единицей [7. С. 183]. При этом А. А. Потенция отводил центральную роль предложению, отмечая, что грамматиче-

ские категории реализуются лишь в синтаксисе [6].

В последнее время появились работы, в которых основная единица языка выделяется на основе результатов, полученных в ходе формально-логического моделирования. В том числе высказывается предположение, что основной единицей языка является семифинитив. Семифинитив, хоть и находится в непосредственном отношении к традиционно понимаемому инфинитиву, является формой, не имеющей приинфинитивной частицы и лишеной, тем самым, эксплицитного морфологического показателя.

В древнеанглийском языке выделялись образованные от глагольных корней имена существительные и прилагательные, называвшиеся действия и деятельные состояния и функционально-семантически и морфологически уподоблявшиеся прототипическим представителям соответствующих неглагольных частей речи [9. С. 331]. Что касается инфинитива, в древнеанглийском языке он, будучи отглагольным существительным по происхождению, назывался действие и, как засвидетельствовано в письменных памятниках этого периода, имел две формы, восходящие к разным падежам своего предшественника: несклоняемая форма инфинитива с окончанием *-an* (*bindan* – связать, *etan* – есть) и форма бывшего дательного (*to bindanne* – связать, *to etanne* – есть) падежа. Несмотря на то, что в древнеанглийском инфинитив уже утратил падежные окончания, вышеобозначенная вторая форма характеризовалась наличием сохранившегося окончания *-anne/-enne* с типичным предлогом *to* [3. С. 236]. Склоняемая и несклоняемая формы инфинитива в древнеанглийском различались функционально – именительная по происхождению форма обозначала просто действие и широко употреблялась в различных вторичных для

глагола именных функциях, тогда как инфинитив с предлогом *to* выступал в функции обстоятельства цели и в функции второго компонента глагольного составного сказуемого после глаголов некоторых глаголов [4. С. 129]. В среднеанглийский период одновременно с редукцией окончаний, которая стирает формальное различие между двумя формами инфинитива, происходит потеря бывшим предлогом *to* своего значения. Он начинает восприниматься как приинфинитивная частица, которая может факультативно выступать в любой функции [3. С. 237]. Несмотря на то, что уже тогда частица *to* становится формальным показателем, ее употребление не является фиксированным и в течении всего ранненовоанглийского периода в одних и тех же условиях один и тот же глагол мог употребляться с частицей *to* или без нее. Частица *to* закрепляется как морфологический показатель только в конце ранненовоанглийского периода, поскольку в это время инфинитив, полностью утративший флексию, совпал по форме с некоторыми личными формами глагола и стал нуждаться в особом морфологическом показателе [3. С. 237].

Однако существует и альтернативный взгляд на инфинитив как таковой. По мнению В. Я. Плоткина, прежние различия форм древнеанглийского инфинитива не только сохранились, но и усугубились, преобразовавшись в процессе развития языка. В.Я. Плоткин отмечает, что в современном английском языке инфинитив по-прежнему выступает в двух формах – с показателем *to* и без него, демонстрируя существенные семантические и синтаксические различия. Инфинитив с показателем *to* значительно расширил диапазон своих синтаксических употреблений, охватив синтаксические функции, вторичные для глагола и первичные для других частей речи – подлежащее, именную часть сказуемого, дополнение, определение и обстоятельство. Форма инфинитива без частицы *to*, напротив, сузила свое употребление и сохранила только сочетание с модальными глаголами, утратившими способность самостоятельно формировать сказуемое, где стала обязательным компонентом сложного глагольного модального сказуемого [4. С. 130]. Исследования синтаксических характеристик двух форм инфинитива относительно первичной глагольной функции сказуемого позволили В. Я. Плоткину трактовать инфинитив без приинфинитивной частицы как отдельную категориальную форму, не являющуюся инфинитивом с маркером *to*. В. Я. Плоткин вводит

термин **семифинитив**, понимая под ним инфинитив, находящийся на полпути к финитной форме и обладающий значением «действия потенциального, необходимого, возможного» [4. С. 132].

Исследования возможности формально-логического моделирования синтаксических явлений естественных языков, проводимые на кафедре СПбГЭТУ ЛЭТИ, позволили в 1993 году сделать предположение, что особенности образования главных и второстепенных членов предложения, построенных на субстантивных и глагольных единицах, могут быть описаны посредством моделей, состоящих из двух обособленных частей (идея двухчастности). Согласно идее двухчастности «любой член предложения, построенный на субстантивной единице или глаголе, может быть представлен двумя частями, причем семифинитив фиксируется в уточнителе» [10. С. 103]. Эту теорию можно проиллюстрировать таблицей ниже, уточнители обозначены жирным шрифтом:

глагольная единица	словарный образ →	промежуточный образ (семифинитив) →	языковой образ (финитный)
Go	go		can, will, does go goes to go going
субстантивная единица			
to read, girl	to read books, a girl		it to read books, there a girl for reading books, to a girl to read books, a girl (подл.) to read books, a girl (втор. чл.)

Согласно этой теории «чистые» глагольные и субстантивные единицы становятся доступными для наблюдения только когда они пребывают в одном из трех возможных образов – единствах формы и значения – в словарном, языковом или промежуточном. Под словарным образом понимаются существующие базы данных лексических единиц, т.е. словари, а также околословарные образы инфинитивов и герундиев, а под языковым образом – те образы, которые функционируют непосредствен-

но в языке. Возможность с точки зрения объективной реальности условно разделить две среды – словарь и язык – позволили предположить, что существует некая граница этого раздела, а именно, некая промежуточная среда, в которой лексическая единица претерпевает определенные изменения прежде чем перейти в словарный или языковой образ [11. С. 43–45]. Промежуточный образ глагольной единицы в традиционной терминологии – это глагол без приинфинитивной частицы *to* или, следуя терминологии В.Я. Плоткина, семифинитив глагольной единицы. Поскольку промежуточный образ субстантивной единицы в традиционной терминологии не может быть определен, а В.Я. Плоткин в своих работах его не выделял, учеными СПбГЭТУ ЛЭТИ было предложено рассматривать промежуточный образ субстантивной единицы как семифинитив существительного, местоимения, инфинитива или любого другого субстантива [11. С. 38–47].

Необходимо заметить, что при переводе с одного языка на другой переводчик анализирует сочетания слов, а не их значения в отдельности, поскольку именно в словосочетаниях происходит смысловая подстройка лексических единиц. Переход семифинитива в язык происходит посредством временных и пространственных уточнителей и прауточнителей, которым, в отличие от семифинитива, свойственна модальность, поскольку они передают отношение к действительности в широком смысле. Можно предположить, что именно в семифинитиве заключено семантическое ядро и, не имея в себе модальности как таковой, семифинитив подстраивается под уточнитель или прауточнитель и обретает ее уже в языке. Допустим, изначально существовал семифинитивный образ, из которого развивался образ языковой и словарный. Языковой образ отличается от семифинитивного наличием синтаксиса предложения, т.е. встроенностью семифинитива во внешнее время и пространство. Семифинитивный образ отличается от словарного наличием синтаксиса словосочетания, т.е. встроенностью семифинитива во внутреннее время и пространство.

Если переход семифинитива в язык, предположительно, допускает определенные параллели с физическим мироустройством, то низведение его в словарь происходит исключительно под действием ментальных процессов. Как известно, категоризация человеческого опыта тесно связана с когнитивной деятельностью, поскольку информация, полученная в процессе

познания и обработки его результатов, находит отражение в языковых и словарных образах. Концепт – центральное понятие для когнитивной лингвистики – по мнению ряда лингвистов, обладает ядром, под которым понимается словарное значение той или иной лексемы, и периферией, в которую входит субъективный опыт, прагматические составляющие лексемы, коннотации и ассоциации [8]. Однако, поскольку семифинитив, вероятно, является первичным по отношению к языковому и словарному образу, можно предположить, что именно он является носителем семантического ядра концепта. Возможно, концепт обладает слоистой структурой, и на промежуточный образ лексической единицы, в дальнейшем наслаиваются прочие лингвистические и экстралингвистические характеристики. При низведении семифинитива в словарь, он проходит ряд когнитивных фильтров, посредством которых извлекается семантика и фиксируется в словаре.

Тем самым, семифинитив является промежуточным образом лексической единицы между словарем и языком. Не исключено, что именно он является носителем лексического значения и первичной единицей в глоссе, в ее понимании Л. Ельмслевом как некоего лингвистического объекта. Семифинитив претерпевает определенные изменения при возведении в языковую, или же низведении в словарный образы. Он может стать полезным инструментом когнитивной лингвистики, поскольку, возможно, является носителем той семантической составляющей концепта, дальнейшего изучения которой позволит пролить свет на суть когнитивных процессов в рамках науки о языке.

Список литературы

1. Блумфилд, Л. Язык. Пер. с англ. / Л. Блумфилд. – М.: 1968.
2. Глиссон, Г. Введение в дескриптивную лингвистику. Русский пер. / Г. Глиссон. – М., 1959. – С. 98.
3. Иванова, И.П., Чахоян, Л.П., Беляева, Т.М. История английского языка. Учебник. Изд. 3-е. / И.П. Иванова, Л.П. Чахоян, Т.М. Беляева. – СПб. : Авалон, Азбука-классика, 2006.
4. Плоткин, В. Я. Строй английского языка / В. Я. Плоткин. – М. : Высшая школа, 1989.
5. Потебня, А. А. Мысль и язык / А.А. Потебня. – Харьков, 1913. – С. 112.
6. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике / А.А. Потебня. – Т. I. – М., 1958.

7. Смирницкий, А. И. К вопросу о слове (Проблема отдельности слова) / А. И. Смирницкий // Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. – М., 1952. – С. 183.

8. Фрумкина, Р. М. Концепт, категория, прототип / Р. М. Фрумкина // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика. – М., 1992.

9. Шапошникова, И. В. История английского языка / И. В. Шапошникова. – М.: Флинта, 2011.

10. Шумков, А. А. Идея двухчастности как один из способов формализации некоторых грамматических явлений естественных языков / А. А. Шумков // Материалы сем-ра «Философские и духовные проблемы науки и общества». Под ред. А. В. Цыб, А. Ю. Азбель. – СПбГУ, 2001, СМУ, 2001.

11. Шумков, А. А. Формально-логическая модель главных членов предложения в германских и романских языках: дис. ... д-ра филол. наук / А. А. Шумков. – СПб, 2006. – 275 с.

А. Т. Козлова

*Крымский федеральный университет
(Симферополь, Россия)*

ПРОСОДИЧЕСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ РЕЧЕВОГО ФЕНОМЕНА АПЕЛЛЯТИВНОГО ТИПА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ПРИЗЫВА)

PROSODIC EXPLICATION OF AN APPELATE SPEECH PHENOMENON (AN ENGLISH APPEAL AS AN EXAMPLE)

В статье рассматриваются устные побудительные высказывания апеллятивного типа (призывы) на просодическом уровне. Автором в ходе исследования были выявлены четыре просодические структуры экспликации данного речевого феномена. Определены как ядерные, так и их периферийные признаки, которые исследовались в подсистеме тона, на темпоральном и динамическом уровнях.

This paper deals with the prosody of the oral incentive utterances, an English appeal taken as an example. In the course of the study the author has identified 4 prosodic structures of this speech phenomenon. Nuclear as well as peripheral prosodic features have been defined, the investigation being carried out on three prosodic levels: tonal, dynamic and temporal.

Ключевые слова: *просодия, побуждение, призыв, ядерный, периферийный, речевой феномен.*

Keywords: *prosody, incentive, appeal, nuclear, peripheral, speech phenomenon.*

Развитие средств массовой информации, усиливающееся влияние наглядной агитации и пропаганды, распространение Интернета способствовали формированию социального заказа на исследование проблем речевого воздействия, одним из действенных средств которого является такой речевой феномен апеллятивного типа, как призыв.

В данной работе цель исследования состояла в выявлении и описании просодических характеристик английского призыва, его константных и вариативных черт, а также опреде-

ления его как речевого феномена апеллятивного типа. Эта цель обусловила следующие задачи: изучить английский призыв с точки зрения определения его как апеллятивно-побудительного высказывания, выявить и описать основные просодические структуры его экспликации в стилистически дифференцированных условиях и определить набор константных и периферийных признаков призыва как речевого феномена.

Предметом фонетического исследования явились устные, прямоконтактные призывы,

архитектоника и языковая структура которых соответствовала литературной норме английского языка.

При изучении устных побудительных высказываний, призыва в том числе, следует учитывать целый ряд факторов, влияющих на создание оптимальных возможностей восприятия и, таким образом, способствующих достижению положительного воздействия речевого сообщения, тождественного замыслу адресанта. К таким факторам относятся: функциональная предназначенность побуждения, способ его интерпретирования (фоностиль, под которым Великая Е. В. понимает «совокупность сегментных и супraseгментных характеристик, используемых для выполнения определенных функций в конкретной сфере речевой коммуникации» [2. С. 16]), ситуативная специфика, в которой реализуется подобное высказывание, фактор адресата сообщения, социальное лицо отправителя данного сообщения. При этом адресант руководствуется коммуникативным намерением. Здесь проявляется коммуникативная компетенция говорящего, которая предполагает обязательное владение им ораторским искусством. Под ним подразумевается способность не только найти контакт с аудиторией слушающих и поддерживать его во время всей речи и умение воздействовать на самые «уязвимые» места реципиента, но и а) дикция, б) темп речи, (изменение темпа в зависимости от значимости произносимого), в) тембр голоса, г) поведение оратора перед аудиторией (использование экстралингвистических средств: мимика, жесты, телодвижения, д) внешний вид говорящего. Эти характеристики должны соответствовать доминирующему фактору – уместности речевого поведения, детерминированного речевой ситуацией. «Именно уместность и целесообразность – это базовые характеристики, лежащие в основе эффективности речи» [1. С. 38]. При этом, по мнению Блоха М. Я., «убеждение оптимизируется в том случае, когда целевые установки оратора соотношены с потребностями и мотивами аудитории» [1. С. 96]. Следует добавить, что непосредственное предназначение побудительного высказывания типа призыва состоит в оказании внелингвистического воздействия на реципиентов с тем, чтобы они смогли скоррелировать свою деятельность в соответствии с выдвинутыми в призыве требованиями. Поэтому оптимальный эффект процесса коммуникации зависит как от совокупности средств, обеспечивающих успех речи адресанта, так и от особенностей аудито-

рии, ее обратного воздействия на речь говорящего.

Воздействию побудительных высказываний в публицистическом стиле речи были посвящены работы многих исследователей (Блох М. Я., 2011, Великая Е. В. 2008, Брантов С. А., 2004, Дубовский Ю. А., 1975, Каспранский Р. Р., 1978, Колшанский Г. В., 1984, Ковалев Ю. В., 2008, Леонтьев А. А., 1983, Мороз А. В., 2007, Савинова М. С., 2010, Чубарова Ю. Е., 2009, Чикилева Л. С., 2005, Фрейдина Е. Л., 2011, Якутина М. С., 2002). Успех любого устного высказывания как коммуникативной единицы, как целого, измеряется адекватностью реализации его доминирующей функции, которая детерминирует всю структуру высказывания. Все виды побуждений характеризуются наличием одного общего преобладающего признака – апеллативности, которая обуславливает признак константной прагматичности у подобных высказываний, причем апеллативная функция становится здесь доминирующей. По мнению Р. Р. Каспранского, «апеллативные средства служат для достижения наиболее адекватного восприятия речевого поступка коммуникаторами» [4. С. 269]. Апеллативные средства служат для того, чтобы оказать воздействие на чувства, эмоции слушающих, и они тесно связаны с эмоциональными средствами. Те и другие средства стоят в одном ряду с волевым и модальным компонентом побудительности. Апеллативность речи, по нашему мнению, как и эмоциональность, достигается нарушением языковой нормы, если под последней понимать немаркированную речь. Причем нарушение языковой нормы в сторону апеллативности можно считать «идеальным» нарушением, так как оно лучше всего выражает лингвистическую мечту коммуникантов.

Апеллативные и эмоциональные средства связаны между собой в прагматически ориентированном высказывании – призыве, являясь своего рода усилителем побуждения.

Просодическая структура побудительных предложений, по мнению ряда ученых, претерпевает значительные модификации под влиянием эмоциональных наслоений, так как в побудительное высказывание говорящий вкладывает максимум энергии и эмоциональной насыщенности. Наиболее информативным при этом будет, по-видимому, изменение частоты основного тона, а также позиция главноударного слога / слогов во фразе, их квантификативность и темпоральная маркированность.

В нашем фонетическом исследовании просодические характеристики призывов изучались в трех стилях речи: в митинговой (М), немитинговой публичной (НМ), непубличной официальной (НО) (классификация Ю. А. Дубовского) [3. С. 139] в комплексе тональных, динамических и темпоральных признаков.

В результате было выявлено, что специфика призыва проявляется в комплексе ядерных и периферийных признаков разных уровней языка при ведущей роли просодических характеристик.

К ядерным просодическим признакам призыва, способствующим созданию его портрета как речевого феномена апеллятивного типа, относятся явно выраженная кинетика тональных характеристик, преимущественное сосредоточение максимальных частотных показателей в главноударном элементе вне зависимости от его позиции во фразе, контрастное соотношение амплитуды положительных и отрицательных тональных интервалов и скорости изменения их крутизны, эмфатическая в той или иной степени реализация структур, темпоральная растяженность проминантных слогов. Были выявлены четыре основные просодические структуры, в которых ядерные просодические признаки проявляются по-разному. Итак, просодия призыва эксплицируется следующими структурами: 1) моноцентрическими немаркированными, 2) бицентрическими немаркированными, 3) маркированными типа А, 4) маркированными типа Б. Они, в свою очередь, обладают рядом первичных и вторичных признаков.

К первичным просодическим признакам структур № 1 относятся наиболее узкий диапазон предшквал из всех сегментов фразы, локализация положительных интервалов преимущественно в начале фразы, иногда в середине, максимальная степень рассредоточенности отрицательных интервалов во фразе, увеличение интенсивности к ядру, превышение или равенство интенсивности ядерного слога на фоне заядерного, контрастное отношение к последнему предударному слогу шкалы. В группе вторичных признаков следует выделить: неоднородный характер изменения диапазона на протяжении фразы (в М и НМ – расширение к концу, в НО – сужение), неидентичные регистровые зоны реализации сегментов фразы, флуктуация тональных уровней начала и завершения, вариативность общего движения основного тона во фразе: (в М и НМ – восходящее-нисходящее с нисходящим началом в

предшквале, что выявляется только на акустическом уровне, в НО – восходящее-нисходящее), дифференциация динамических показателей ядерного и первого ударного слога шкалы (зарегистрированы все виды отношений – положительное, отрицательное и ровное) различный характер модификации длительности на протяжении фразы (в М и НМ – увеличение к завершению, в НО – уменьшение).

Просодические показатели структур № 2 обусловлены, в большей мере, их бисинтагменностью антitezного характера. Их первичные просодические признаки находят выражение в расширении диапазона к концу фразы, в реализации предшквал в среднем узком регистре с наиболее узким диапазоном, в локализации положительных интервалов в середине, реже в начале, в позиционной регламентированности отрицательных интервалов в завершении фразы, в контрастном превышении интенсивности ядерного слога интенсивности заядерного.

В числе набора вторичных признаков оказались регистровые и уровневые зоны реализации фразы и ее сегментов, общее движение основного тона (в М и НМ – сочетание восходящего и восходяще-нисходящего, в НО – двукратное повторение восходяще-нисходящего движения), отношение интенсивности ядерного к первому ударному слогу шкалы, где одинаково возможны положительное, отрицательное и равное соотношение, дифференцированный характер модификации длительности во фразе (в М – увеличение к концу, в НМ и НО – увеличение к середине, уменьшение к завершению).

Наиболее контрастными тональными характеристиками по сравнению с другими структурами призывов отмечена структура № 3 – маркированная моноцентрическая структура типа А. Такая структура со сдвинутым влево ядром свойственна эмфатической речи. Этот феномен обуславливает специфику тональных, динамических и темпоральных характеристик подобной структуры во всех исследованных типах речи.

Наиболее проминантными просодическими характеристиками в такой структуре обладает ядро. Оно несет на себе наибольшую функциональную нагрузку и обеспечивает комплекс ядерных признаков трех просодических подсистем, а именно: стабильную локализацию тонального и динамического максимума во фразе, сосредоточение максимальных отрицательных тональных интервалов в начале фразы, большую скорость изменения их крутизны во всех типах речи, максимальную длитель-

ность. Общее движение основного тона во фразе нисходящее. Просодические показатели ядра составляют довольно резкий контраст с характеристиками однотипных параметров в заядерной части.

В необычном расположении отрицательных интервалов в начале фразы и их большими характеристиками сопоставительно с положительными интервалами состоит одно из основных отличий структур призывов типа А от всех других исследованных структур.

Динамические характеристики ядра и заядерного слога находятся в контрастном отношении, интенсивность во фразе модифицируется идентично по мере развертывания ее просодической структуры. Темпоральные показатели структур типа А отличаются однотипным характером, уменьшаясь к концу фразы.

К вторичным признакам данных структур относятся абсолютные частотные показатели сегментов в разных типах речи, их регистравая и уровневая реализация, количественные характеристики отношения интенсивности и длительности ядерного и заядерного слогов.

Характер изменения тональных, динамических и темпоральных признаков в маркированной структуре призывов с усложненным центром (структура типа Б – № 4) объясняется наличием двух пиков проминантности. Главную особенность тональных характеристик структуры типа Б – резкое повышение основного тона на первом проминантном элементе и резкое падение тона после второго однотипного элемента – можно считать их абсолютным константным маркером в подсистеме тона. Другой первичный просодический признак – более проминантное положение первого главноударного элемента в общем движении основного тона во фразе, что обусловлено, видимо, его эмфатичностью. Соотношение интенсивности предшкал и заядерной части всегда положительно в М, НМ и НО, динамический максимум сосредоточен в первом проминантном элементе, длительность обладает константным характером на протяжении всей фразы.

К периферийным признакам можно отнести разнородность диапазона фраз и их сегментов

в разных типах речи, регистровых зон реализации, начальных и конечных тональных уровней сегментов.

Исходя из вышеизложенного, следует заключить, что немаркированные структуры призывов отмечены более однотипными просодическими характеристиками. Межструктурный контраст просодических показателей проявляется на уровне дихотомии: маркированные / немаркированные структуры призывов.

Однако исследование показало, что несмотря на ряд константных, ядерных просодических маркеров, присущих как отдельным структурам, так и призыву в целом, как речевому феномену, условия реализации значительно модифицируют просодическую структуру, где приоритет принадлежит тональным, а также темпоральным характеристикам. Маркированные просодические структуры как эмфатические, способствуют, в большой мере, созданию апеллативного эффекта в высказывании. Маркированные и немаркированные просодические структуры в совокупности со средствами других уровней языка (грамматического, стилистического) обеспечивают адекватную экспликацию апеллативности призыва в разных экстралингвистических условиях.

Список литературы

1. Блох, М. Я. Публичная речь и ее просодический строй / М. Я. Блох, Е. Л. Фрейдина. – М., 2011. – 236 с.
2. Великая, Е. В. Просодия в стилевой дифференциации языка / Е. В. Великая. – М., 2008. – 256 с.
3. Дубовский, Ю. А. Вопросы просодии устного текста / Ю. А. Дубовский. – Минск, 1975. – 294 с.
4. Каспранский, Р. Р. Речевое произведение как сложный комплекс лингвосегментической, экстралингвистической и паралингвистической информации / Р. Р. Каспранский // Психоллингвистические и социоллингвистические детерминанты речи. – М. : Наука, 1978. – С. 261–278.

В. П. КоровушкинЧереповецкий государственный университет
(Череповец, Россия)**О ПРОЛЕГОМЕНАХ
СУБКУЛЬТУРОЛИНГВИСТИКИ ⇔ ЛИНГВОСУБКУЛЬТУРОЛОГИИ****ON THE PROLEGOMENA OF SUBCULTUROLINGUISTICS ⇔
LINGUOSUBCULTUROLOGY**

В статье излагаются основные атрибуты нового разрабатываемого автором направления или отрасли в современном языкознании, обозначенного бинарным термином «субкультуrolингвистика ⇔ лингвосубкультурология» и предлагаются концептуальные определения основных теоретических понятий. Эти атрибуты представлены следующим открытым рядом позиций: междисциплинарная научная матрица, терминологическое наименование, научное определение, объект, предмет, целевая установка, операционная единица, типология субкультур, прагматический материал, методика его сбора и анализа, понятийно-терминологический аппарат в виде систематизированного перечня понятий и внутродисциплинарная структура. Все это составляет исходный фрагмент формируемого комплекса пролегоменов субкультуrolингвистики ⇔ лингвосубкультурологии.

The article outlines the basic attributes of a new trend or branch in modern linguistics, designated by the binary term “subculturolinguistics ⇔ linguosubculturology”, suggests conceptual definitions of the main theoretical and applied notions. These attributes include the following open row of positions: the interdisciplinary matrix, terminological designation, definition, object, subject, aim, operational research unit, typology of subcultures, pragmatic material, methods of its collection and analysis, main notions and terms, and intradisciplinary structure. All these phenomena represent the initial fragment of the complex of prolegomena of subculturolinguistics ⇔ linguosubculturology, currently under elaboration.

Ключевые слова: субкультура, субкультурный лексикон, субкультуrolингвистика, лингвосубкультурология, субстандарт.

Keywords: subculture, subcultural lexicon, subculturolinguistics, linguosubculturology, substandard.

На лингвистической карте современной науки есть малоисследованная лакуна, представленная субстандартными или просторечными лексиконами разнообразных субкультур в большинстве национальных языков. Эти активно функционирующие и постоянно обновляемые неконвенциональные лексиконы еще не получили достаточной теоретической интерпретации и детального прикладного описания в лингвокультурологическом и культуролого-лингвистическом планах ни в отечественной, ни в зарубежной науке о языке. Можно утверждать, что назрела очевидная научная потребность и появилась теоретическая возможность для разработки нового актуального направления, предварительно обозначаемого нами терминами «субкультуrolингвистика ⇔ лингвосубкультурология» (здесь символ «⇔» показывает бинарную целевую разнонаправленность этих взаимосвязанных дисциплин).

Данное направление могло бы заполнить эту научную лакуну новой теоретической концепцией на малоизученном материале, например, английского и русского языков. Все это предполагает разработку научных *атрибутов* данного направления на пути его становления в качестве автономной отрасли языкознания. Сказанное выше обусловило выбор *темы* и *специфику* статьи, *цель* которой – очертить содержание этих 10 позиций и предложить определения базовых теоретических понятий. Все это составляет исходный фрагмент комплекса разрабатываемых пролегоменов субкультуrolингвистики ⇔ лингвосубкультурологии.

Основные атрибуты можно свести к следующему открытому списку: 1) междисциплинарная научная матрица, 2) терминологическое наименование, 3) научное определение, 4) объект, 5) предмет, 6) целевая установка и задачи, 7) операционная единица, 8) прагматический материал,

методика сбора и анализа лексического материала исследования, 9) категориально-понятийный аппарат и терминосистема, 10) внутридисциплинарная структура. Уточним их ниже.

I. Междисциплинарная научная матрица субкультуроллингвистики $\Leftrightarrow$ лингвосубкультурологии состоит из трех основных разделов, представленных следующими лингвистическими и нелингвистическими науками, которые могут быть исторически давно сложившимися и полностью автономными, а также новыми направлениями, еще только оформляющимися в отдельные отрасли языкознания: 1) *непосредственная матрица* из ближайших «материнских» наук: лингвистика и культурология, лингвокультурология и субкультурология; 2) *широкая матрица* из ближайших «донорских» наук: антропологическая / лингвоантропология, этнолингвистика, социоллингвистика, психоллингвистика, лингвоэкология / эколингвистика, ареальная лингвистика, лингвистическая география, диалектология, билингвология, диглоссия, социолектология, социолексикология, социолексикография, стилистика, история языка, этимология, ономастология, дериватология; 3) *периферийная матрица*: этнология, этнография, социология, социокультурология, философия, история, политология, экология. Все эти науки проявляют по отношению к новому направлению разные качества и степени своего «донорства». При этом каждая из названных матричных наук сама является междисциплинарной наукой и обладает собственной научной матрицей. Эти матрицы значительно расширяют междисциплинарное научное «поле» субкультуроллингвистики $\Leftrightarrow$ лингвосубкультурологии. Весь комплекс этих матричных наук может разделять с последней определенный фрагмент своих понятийно-терминологических систем, а также и часть исследуемого материала, но различаясь с ним по объекту, предмету, цели, задачам и методике исследования. Именно специфика этих атрибутов позволяет выделить это новое направление из донорских наук в новую отрасль языкознания, которая может получить статус автономной науки.

II. Терминологическое наименование науки. Предложенные в названии статьи два термина отражают два взаимосвязанных направления исследования под эгидой новой науки. 1. Если отправным пунктом исследований в этой новой научной области являются лингвистические факты – формы существования языков (субкультурные субязыки и социолекты,

их субстандартные лексиконы и их единицы) и их характеристики, то эту науку логично, в структурно-содержательном плане ее терминологического наименования, обозначить терминосочетанием «*субкультурологическая лингвистика*», или, более кратко, «*субкультуроллингвистика*», и отнести ее к компетенции, если не исключительно, то преимущественно, лингвистики. 2. Если же в качестве исходного принимаются субкультурологические факты языковых сообществ – субкультуры различных типов, субкультурные социумы и этносоциальные, социальные, культурологические, криминологические (в самом широком содержании этих терминов – расовые, этнические, национальные, гендерные, возрастные, статусные, образовательные, профессиональные, корпоративные, эзотерические, религиозные, сексологические и др., включая принадлежность к различным маргинальным девиантным субкультурам и антисоциальным контркультурам) и другие характеристики их носителей, то это будет «*лингвистическая субкультурология*», или «*лингвосубкультурология*», которая находится в компетенции, если не исключительно, то преимущественно, культурологии и субкультурологии. Вместе с тем, эти два терминологических наименования трудно, если вообще возможно, на сегодняшнем этапе развития задействованных в этой сфере наук объединить в один комплексный однословный «бинарный» термин, который суммарно обозначал бы и (1) «субкультурологию языка», и (2) «языковедение субкультур», поскольку они понятийно представляют два естественным образом разнонаправленных, но взаимосвязанных, логически взаимообратимых и содержательно дополняющих друг друга научных направления междисциплинарных исследований в (1) *субкультуроллингвистическом* и (2) *лингвосубкультурологическом* аспектах.

III. Научное определение. Это направление, бинарно обозначаемое терминами «*субкультуроллингвистика*» $\Leftrightarrow$ «*лингвосубкультурология*», можно определить как науку, исследующую (1) в сфере языка трансляционные взаимосвязи субстандартных лингвистических форм, их компонентов и единиц как неконвенциональных лексиконов или речевых репертуаров, обслуживающих интеракцию-коммуникацию представителей субкультурных социумов в данном этносе, нации, обществе, культуре и государстве, и (2) в сфере этноса, нации, общества, культуры и государства трансляционные взаимосвязи субкультурных социумов и их ин-

дивидов как актантов, использующих в своем социально-речевом общении субстандартные языковые формы, их компоненты и их единицы, составляющие субстандартные языковые лексиконы и речевые просторечные репертуары взаимодействующих социокультурных актантов.

IV. Объект субкультурологии ⇔ лингвосубкультурологии должен включать в себя все (1) субкультурно маркированные субстандартные языковые формы, их компоненты и единицы и (2) вербализуемые ими более сложные речемыслительные единицы, которые используются представителями лингвосубкультурных социумов для внутрисубкультурной и межкультурной интеракции-коммуникации во всех ее видах и сферах общения.

V. Предметом исследования этого многогранного и комплексного объекта могут быть, в самом широком аспекте, все возможные средства и способы взаимодействия и взаимосвязи субстандартных языковых форм, их компонентов и единиц и субкультурных социумов, связи, которые реализуются в специфической субстандартной номинативно-дериватологической вербальной лингвокреативности носителей этих субкультур. Здесь *лингвокреативность* – это «творческая двусторонняя способность носителя соответствующего языка (1) создавать из заложенных в этом и других известных ему языках материальных средств и конструктивных механизмов новообразования на всех лингвистических уровнях (фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом и дискурсивном), отвечающие действующей вариативной социолингвистической норме, и (2) реализовать эти инновации в процессе интеракции-коммуникации для построения социально-корректного высказывания, что совместно составляет и расширяет его языковую и речевую компетенцию»; и далее: «*вербальная креативность* – это вид лингвокреативности, реализуемый, прежде всего, на лексическом уровне, а затем, в процессе последующей деривации – на синтаксическом и дискурсивном уровнях, материализуемый в соответствующих языковых новообразованиях: в первую очередь, в формально и семантически производных словах (различных структурных типов, включая заимствования, гибриды и пиджинизмы), затем, в словосочетаниях (включая фразеологизмы), далее, в предложениях (включая паремии) и, наконец, в связных текстах, создаваемых в процессе их деривации» [6. С. 36–37].

VI. Целевая установка и задачи субкультурологии ⇔ лингвосубкультурологии связаны (1) с изучением субстандартных вербальных репрезентаций субкультур как средств (А) хранения и передачи (трансляции) субкультурных знаний, опыта, ценностей, традиций, норм и форм поведения, (Б) субкультурной когниции и концептуализации экстралингвистической действительности, формирования (этно)субкультурной картины (модели) мира, (этно)субкультурной (этно)субязыковой личности, (2) с исследованием всех возможных (А) субкультурных функций субстандартных языковых форм их компонентов и единиц в контрастируемых языках и (Б) всех форм воздействия носителей субкультур на их субкультурные лексиконы, а через них и на всю лексическую систему соответствующего национального языка.

VII. Основной операционной единицей субкультурологии ⇔ лингвосубкультурологии выступает *субкультурологическая* или *лингвосубкультурологическая пара*, объединяющая (1) языковые единицы – субкультурные лексиконы и их элементы, представляющие все и любые экзистенциальные формы языка, их компоненты и элементы всех дискретных лингвистических уровней от фонемы, морфемы и слова, до словосочетания (свободного или связанного), предложения и текста (дискурса), составляющие языковой инвентарь и речевой репертуар представителей субкультурных социумов, и (2) социокультурные единицы – субкультурные социумы, представляющие все возможные и релевантные социальные (расовые, этнические, национальные, гендерные, возрастные, профессиональные, корпоративные, образовательные, статусные, религиозные, эзотерические, антиобщественные, криминальные, асоциальные, маргинально-девиантные и др.) субкультурные группировки актантов этих языковых / речевых проявлений.

VIII. Прагматический материал субкультурологии ⇔ лингвосубкультурологии в рамках данной пары включает: 1) все субстандартные языковые формы – креолы, пиджины и другие контактно-смешанные формы типа галла, лингва-франка, парльери, руссенорск, сабир, синглиш, спэнглиш, суржик, трасянка, хинглиш, чинук, chinglish, zhonglish, тайные, или эзотерические, и условно-профессиональные субкультурные субязыки (корабелов, масонов, офеней, романи, шелта), этнические, профессиональные и корпоративные субкультурные (этно)субязыки типа афроамерикан-

ского, социолекты, социолокалекты, этносоциолекты, этносоциолокалекты, например, в Гарлеме, их субстандартные субкультурные лексиконы и их единицы – слова, фразеологизмы и поговорки, представленные низкими коллоквиализмами, общими сленгизмами, профессиональными и корпоративными жаргонизмами, арготизмами, вульгаризмами, пиджин-жаргонизмами [определения этих понятий см.: 1. С. 16–65], а также тексты-дискурсы, которые вербализуют все виды репрезентации субкультур; 2) все типы субкультур, имеющиеся в данном этносе, нации, обществе, культуре и государстве, и соответствующие им субкультурные социумы, которые обслуживаются в своем бытии этими субстандартными субкультурными лексиконами и единицами. **Методика сбора лексического материала** определяется его источниками – (1) письменными (словарями, художественными и др. текстами), (2) устными (полевой сбор, анкетирование и др.) и (3) интернет-источниками, (4) СМИ и (5) фильмами. Выборка должна быть сплошная, без купюр. **Методика анализа** зависит от типа лексического материала и направления его исследования – субкультурологического, лингвосубкультурологического или обоюдонаправленного.

IX. Категориально-понятийный аппарат и терминосистема субкультурологии должны формироваться, в первую очередь, (1) специфически для этой науки сущностями – понятиями культуры, субкультуры, субкультурного лексикона, субкультурного кода, субкультурной личности, инсубкультурации, лингвосубкультуры, (2) а также следующими общими для многих донорских наук феноменами – общество, социум, страта, социальная группа, социализация, языковое сообщество, социально-языковая ситуация, билингвизм, диглоссия, социолингвистическая норма, социально-коммуникативная система, форма существования языка, национальный и литературный языки, геолект (региолект, диалект, говор, наречие), субязык / подязык, социолект, языковой субстандарт (территориальный, этнический, лексический, внелитературное просторечие), пиджин, коллоквиализмы, вульгаризмы, сленг, жаргон, арготизм [определения этих понятий см.: 1. С. 16–41, 44–59; 2. С. 73–230; 3; 4], реалия, концепт, фоновые знания, картина мира, языковая личность. Все понятия должны иметь или получать «субкультурологическое» преломление. *Отправной точкой*, или научно-истори-

ческим началом теоретического обоснования субкультурологии $\Leftrightarrow$ лингвосубкультурологии в отдельное самостоятельное направление языкознания, за явным отсутствием собственной истории своего становления, могут послужить определения культуры, субкультуры и субкультурного лексикона, которые предлагаются нами на основе и с учетом определений приведенных выше понятий. **Культура** – это накопленный исторически в пространственно-временном протекании, духовно сконцентрированный в сознании и объективированный в языке, сохраняемый и самообновляющийся социальный опыт совместной деятельности, образа жизни и поведения человека, составляющий среду его обитания и картину мира, материализуемые в многомерной совокупности искусственных объектов (дополняющих природные), ценностей, норм и их языковых наименований, созданных и постоянно производимых в интеграционной жизнедеятельности общества и организованных в комплексную иерархически структурированную трехуровневую систему этно-бытийно целостных и самодостаточных социокультурных форм, объединяющих (1) ингеретную для всего общества доминантную культуру, (2) производную от нее индивидуально-массовую культуру и (3) различные типы субкультур, дополняющих первые две и характеризующихся вместе с ними разнообразными межкультурными взаимоотношениями и диффузией, модернизацией и деградацией, эволюцией и деволюцией, прогрессом и регрессом, консолидацией и распадом, появлением и исчезновением, направленных в своем исконном и последующем (суб)культурогенезе, трансформации и взаимодействии на воспроизводство стратификационных компонентов общества, социумов и соответствующих с ними культурных и субкультурных форм с целью селекции, аккумуляции и трансляции вербализованной социо(суб)культурно значимой информации для социализации, инкультурации и самоидентификации личности, закрепления в ее сознании социо(суб)культурных признаков о ее принадлежности к ведущей культуре и всему обществу, к конкретной субкультуре и социуму, представляющих собой две параллельные группы из двух разнородных феноменов, взаимообусловленных и взаимосвязанных в их сосуществовании как логически общее и частное [см. об этом: 5. С. 43–44]. **Субкультура** – это система ценностей, традиций, норм и форм поведения, присущих определенному социуму, представители кото-

рого (чаще добровольно, реже вынужденно) отдалены или исключены в разной степени из существующей в данном обществе и в данное время привычной среды обитания, сферы деятельности и образа жизни, из общепринятого социокультурного пространства, самоустранились или вытеснены на обочину окружающего, некомфортного им и часто навязываемого порядка вещей, оторваны от прежнего окружения, где субкультурный социум имеет свой, отличный от традиционного, взгляд на жизнь, ее ценности и свое место в ней, а также свой субкультурный лексикон [см. об этом: 5. С. 44]. **Субкультурный лексикон** – это неавтономная или, реже, полуавтономная экзистенциальная форма национального языка, представляющая собой иерархически структурированную субстандартную лексическую систему, элементы которой (слова, фразеологизмы и паремии) функционально (в качестве кода и / или пароля) и понятийно (именуя определенную систему субкультурных понятий) соотносены с соответствующим субкультурным социумом, обладают этико-стилистической сниженностью и инвективностью различной степени и качества (от шутливо-иронической и фамильярно-насмешливой до уничижительной / пейоративной и вульгарной-табу) и профессионально-корпоративной маркированностью, отражающей социально-субкультурную специфику данного социума и обслуживающего его социолекта как субстандартной части соответствующего субъязыка [см. об этом: 5. С. 44]. Отдельные элементы субкультурного лексикона могут носить этнизированный и локализованный характер и обладать варьирующим по качеству и количеству инвентарем внелитературных просторечных грамматических и фонетических особенностей. Они формируют, в соответствии с социолингвистическими параметрами интеракции-коммуникации, отвечающий лингвосубкультурным нормам компонент субъязыкового инвентаря и речевого репертуара носителей данной субкультуры, выполняющий комплексную коммуникативно-эмотивно-эзотерическую функцию с паритетным соотношением коннотации и денотации, создавая при этом ситуацию частичной лексической диглоссии в сферах субкультурной профессионально-корпоративной коммуникации.

Х. Внутродисциплинарная структура (деление на возможные производные дисциплины) субкультуролингвистики / лингвосубкультурологии может быть представлена в следующих дихотомических оппозициях: 1) общая

и частная, 2) теоретическая и прикладная, 3) синхроническая и диахроническая; без оппозиций: 4) сопоставительная, 5) контрастивная, 6) когнитивная, 7) концептологическая. Возможно также ее специфическое структурирование на основе дифференциации ее объекта, предмета, цели, материала и направления исследования на: 1) субкультуролингвистику и 2) лингвосубкультурологию, которые, в свою очередь, могут иметь семь названных выше разновидностей.

Подведем итоги. Субкультуролингвистика ⇔ лингвосубкультурология, как актуальное междисциплинарное направление, может претендовать, в обозримом будущем, на свое теоретико-прикладное оформление в отдельную отрасль языкознания. Стартовой позицией может послужить данная статья.

Список литературы

1. Коровушкин, В. П. Английский лексический субстандарт versus русское лексическое просторечие (опыт контрастивно-социолектологического анализа): монография / В. П. Коровушкин. – Череповец: ЧГУ, 2008.
2. Коровушкин, В. П. Теоретические основы контрастивной социолектологии: монография / В. П. Коровушкин. – Череповец: ЧГУ, 2009.
3. Коровушкин, В. П. Билингвизм и диглоссия как проявления социально-языковой ситуации / В. П. Коровушкин // Вестник Череповецкого государственного университета. – № 2 (38). – Т. 2. – 2012. – С. 97–102.
4. Коровушкин, В. П. Смешанные формы языка. / В. П. Коровушкин // Вестник Череповецкого государственного университета. – № 2 (38). – Т. 1. – 2012. – С. 81–86.
5. Коровушкин, В. П. Основные атрибуты контрастивной субкультуролингвистики / лингвосубкультурологии как нового направления в языкознании / В. П. Коровушкин // Взаимодействие языков и культур: исследования выпускников и потенциальных участников программ Фулбрайта: материалы докладов IV Междунар. науч. конф. – Череповец, 2015. – С. 41–44.
6. Коровушкин, В. П., Фалоджу, Дж. (Нигерия) О. Лингвокреативный потенциал нигерийско-английского пиджина как проявление современной социально-языковой ситуации в Нигерии / В. П. Коровушкин // Уральский филологический вестник. – 2013. – Вып. 3. – С. 32–42.

Е. И. Королева

*Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)***ЭКСПРЕССИВНОСТЬ АНГЛИЙСКОГО ГЛАГОЛЬНОГО
СЛОВСОЧЕТАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ
БРИТАНСКИХ РОМАНОВ-ДНЕВНИКОВ)****THE EXPRESSIVITY OF THE ENGLISH VERB PHRASE
(WITH REFERENCE TO MODERN BRITISH DIARY NOVELS)**

В настоящей статье рассматривается глагольное словосочетание английского языка в эмоционально маркированных контекстах, отобранных из современных британских романов-дневников. На базе функциональной методологии проводится анализ речевого употребления глагольных словосочетаний в ситуации эмоционального воздействия, выявляются случаи приобретения данными синтаксическими единицами функциональной семантики экспрессивности. Определяются доминирующие и второстепенные признаки категории экспрессивности на уровне словосочетания.

This article focuses on the English verb-phrase used in emotionally charged contexts, which have been selected from the contemporary British diary-novels. The English verb-phrase is analyzed in emotional communicative situations by the functional linguistic methods. Particular emphasis is given to the examples in which the verb-phrase acquires the functional semantics of expressivity. The primary and secondary semantic components of expressivity are defined on the phrase level.

Ключевые слова: глагольное словосочетание, эмоциональное воздействие, экспрессивность, эмотивность, интенсивность.

Keywords: verb-phrase, emotional impact, expressivity, emotivity, intensity.

Художественный текст является продуктом авторского сознания, художественной картиной мира, и лингвистическим объектом, который отражает тенденции развития языковой нормы, аккумулирует в себе различные речевые проявления языковой системы в конкретный временной период. Особую ценность в этой связи приобретает британская беллетристика дневникового жанра XXI в., в которой довольно объективно представлен срез современного английского языка: в романах сосуществуют формы устной и письменной речи, обыгрываются разные речевые стили и регистры, задействуются не только нормированные, литературные формы, но и различные социальные варианты языка. Все это предоставляет материал для изучения объемного комплекса лингвистических проблем, в частности, особенностей экспрессивной реализации грамматических средств английского языка.

Эмоционально-экспрессивные характеристики синтаксических единиц в известной мере исследованы в традиционной и коммуникативной грамматике, в рамках прагматического синтаксиса, теории модального синтаксиса, в

стилистике [1; 3; 4; 5; 6; 9] и др. Вместе с тем существуют отдельные недостаточно разработанные аспекты, например – экспрессивный потенциал словосочетания английского языка, к которому мы обращаемся на материале современных британских романов-дневников.

«При непосредственном общении синтаксический знак становится речевым действием – высказыванием, обладающим иллокутивной и перлокутивной силой» [4. С. 30]. В составе высказывания словосочетание из языковой единицы переходит в речевую и претерпевает ряд функциональных изменений своих системно-языковых свойств. Подобного рода усложнения обнаруживаются при выражении категории экспрессивности глагольным словосочетанием. В ситуациях эмоционального воздействия, какими они представлены в произведениях Хелен Филдинг («Bridget Jones's Diary»), Сью Таунсенд («Adrian Mole: The Capuccino Years»), Зои Хеллер («Notes on a Scandal»), (например, ситуации выражения эмоций, экспрессивные речевые акты и др.) отчетливо наблюдаются структурные преобразования нейтральных базовых моделей глагольного

словосочетания, посредством которых в высказывании эксплицируются варианты функциональной семантики экспрессивности.

Модель «переходный/непереходный глагол + обстоятельство» преобразуется по пути добавления обстоятельств одной и той же семантической группы и/или по пути интенсификации обстоятельств посредством их распространения. Таким образом, целенаправленно создается переизбыток признаков действия в высказывании, актуализируются значения интенсивности и эмотивности:

Well, **coming round unannounced** like this **dressed as a rabbit disguised as a bridesmaid and burrowing into all the rooms in a strange way**. Not meaning to pry or anything, I just wondered if there was an explanation, that's all [7. С. 177].

Структура «переходный глагол + (беспредложное/предложное) дополнение» становится экспрессивной при опущении дополнения. Синтаксическая валентность глагола в данных примерах остается нереализованной, благодаря чему речевая единица приобретает «выделенность», интенсивность.

«You **watch**,» warned Tom. «He'll be gagging for it now. Gagging.» [7. С. 37]

Еще один способ экспрессивизации указанной модели – это чрезмерное распространение зависимой словоформы или ее усложнение синтаксически однородными словоформами / словосочетаниями. Большое количество указаний на признаки действия или объекты дается говорящим целенаправленно в целях эмоционального воздействия, а не для достижения смысловой законченности высказывания.

I shouldn't be sorry if I never saw another old-age pensioner again. I have decided that I **cannot bear their slowness, their ill-fitting teeth and their mania for pickled vegetables** [10. С. 21].

She shouted, 'Yes, he has, and he **worships every wrinkle, bag and line!** He loves me to bits.' [8. С. 81].

При выражении экспрессивности в модели «связочный глагол + предикатив» происходит усложнение зависимой словоформы средствами-интенсификаторами.

Spent the weekend struggling to **remain disdainfully buoyant** after the Daniel fuckwittage debacle [7. С. 25].

Структуры сложных глагольных словосочетаний изменяются по аналогии с простыми: по пути усечения необходимых для смысловой полноты элементов, по пути чрезмерного распространения зависимой словоформы или ее

наращивания однородными словоформами / словосочетаниями. Подобные преобразования синтаксического знака не приводят к перемене грамматического значения, т. к. в рамках трансформированных моделей сохраняются синтаксические отношения и тип синтаксической связи, выявленные в базовых моделях (объектные, обстоятельственные, экзистенциальные отношения, подчинительная связь). Эти речевые преобразования свидетельствуют об изменении функционально-семантической специфики единицы, обусловленном прагматическими задачами говорящего.

Мы отмечаем семантику экспрессивности также при нарушении «стилистико-прагматической уместности» (термин О. А. Костровой) синтаксической единицы в речи. В данном случае подразумеваются вкрапления в высказывание словосочетаний с функционально-стилистической маркированностью, которая заставляет слушающего воспринимать всю единицу как инородную в определенном контексте. Приведем примеры из бытовых диалогов, в которых используются клишированные словосочетания, характерные для научного и политического дискурсов. Прием вкрапления эксплицирует разнородные эмоционально-модальные оттенки, составляющие субъективные смыслы высказывания.

There we were, just him and me, **caught in a massive electrical-charge field...** [7. С. 58].

At this Sharon practically spat into the shaved Parmesan and said that it **was ... an appalling breach of confidence** and I should tell him what I think of him [7. С. 69].

При исследовании ситуаций эмоционального воздействия обнаруживаются закономерности выражения в словосочетании вариантов экспрессивной семантики. Наиболее частотным на этом синтаксическом уровне является комплекс признаков «эмотивность / интенсивность», который приобретает единицей в процессе ее функционирования. Данные семантические признаки отражают в языке и речи качественно-количественные параметры психического явления эмоциональности: наличие эмоции говорящего, ее характер и степень силы, выраженности в высказывании. Интенсивность эмоционального переживания привносится в высказывание преимущественно за счет структурного аспекта словосочетания (преобразования базовых моделей, описанные выше), а также за счет морфологических и лексико-грамматических средств-интенсификаторов, которые употребляются

в составе словосочетания. В пределах одной синтаксической единицы интенсивность может быть представлена как одновременно с эмотивностью, так и отдельно. В последнем случае имеет место быть имплицитная эмотивность (наличие эмоции говорящего подразумевается коммуникативным контекстом). Ср.:

He turned to his wife and said, 'I **love every nettle, every dandelion, every buttercup** in Pauline's garden [10. С. 90].

I'm going to have lunch in London with him tomorrow, **to plan my career, my publicity, my writing ambitions, my financial planning, my divorce, my tax.** My life [10. С. 91].

Значение эмотивности на уровне словосочетания передается единицами нижележащего языкового яруса – лексическими средствами и их стилистическим использованием (тропы), а также при нарушении морфологической комбинаторики компонентов словосочетания, при употреблении словосочетаний в виде стилистико-прагматических вкраплений, как было установлено выше.

Эмоциональная оценка, субъективная модальность, образность взаимодействуют с эмотивностью и интенсивностью, уточняют характер эмоции говорящего, его отношение к собеседнику или к предмету речи, увеличивают воздействующую силу языковой единицы в высказывании. В зависимости от коммуникативных интенций говорящего в рамках словосочетания возможна реализация всех указанных вариантов субъективной семантики (за счет лексики), однако тип эмоции и ее количественный аспект проявляются в речи благодаря ключевым для категории экспрессивности созначениям – «эмотивность» и «интенсивность».

Kathleen Tynan would not, when late with a press release for Perpetua, **lie fully dressed and terrified** under the duvet, **chain-smoking, glugging** cold sake out of a beaker and **putting on** make-up as a hysterical displacement activity [7. С. 89].

It was **headlined with subtle-as-a-Frankie-Howerd-sexual-innuendo-style irony**: 'The Joy of Single Life.' [7. С. 244].

Словосочетание, по-видимому, сложно признать системным средством выражения экспрессивности: его функциональная специфика традиционно связывается с семантической функцией номинации (или полиноминации, в терминологии М. Я. Блоха) и структурной функцией в пределах предложения – замещением свободных синтаксических позиций. Тем

не менее, в речевом употреблении словосочетание вместе с другими единицами «работает» на реализацию общих коммуникативных задач говорящего и, как мы выяснили, проявляет тенденцию к прагматическим усложнениям своих семантических функций. В сравнении с синтаксической и номинативной (денотативной) семантикой словосочетания его экспрессивное значение является приобретенным, сопровождающим. Вместе с тем оно не теряет своей функциональной значимости в текстах романов-дневников.

Изучение экспрессивных синтаксических единиц английского языка в эмоционально заряженных контекстах позволяет сделать выводы не только относительно их (единиц) формальных, семантических и функционально-прагматических характеристик, но и дает общее представление о содержательной структуре категории экспрессивности и ее речевой реализации. Психофизиологическое явление эмоциональности человека в речевой деятельности формирует внеязыковую основу экспрессивности. Эта основа находит отражение в языковой семантике в виде отношений ряда смежных категорий субъективности, каждая из которых формально представлена в системе языка определенным набором разноуровневых единиц. Как показывает анализ словосочетаний в современных романах-дневниках, существуют доминирующие семантические признаки экспрессивности, наиболее важные и регулярно актуализирующиеся в речи, которые мы признаем семантическим ядром категории – эмотивность и интенсивность. Помимо этого, целесообразно выделить периферийную зону пересечения доминант экспрессивности и эмоциональной оценки, субъективной модальности, образности, а также дальнюю периферию, условно обозначающую взаимодействие категории экспрессивности с семантическим пространством других полевых систем языка.

Список литературы

1. Александрова О. В. Проблемы экспрессивного синтаксиса / О. В. Александрова. – М. : Высшая школа, 1984. – 211 с.
2. Блох М. Я. Теоретическая грамматика английского языка / М. Я. Блох. – М. : Высшая школа, 2006. – 423 с.
3. Бузаров В. В. Основы синтаксиса английской разговорной речи / В. В. Бузаров. – М. : Крон-Пресс, 1998. – 365 с.

4. Кострова О. А. Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка / О. А. Кострова. – М. : Флинта: Московский психолого-социальный институт, 2004. – 240 с.
5. Тошович Б. Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского / хорватского языков / Б. Тошович. – М. : Языки славянской культуры, 2006. – 560 с.
6. Туранский И. И. Семантическая категория интенсивности в английском языке / И. И. Туранский. – М. : Высшая школа, 1990. – 173 с.
7. Fielding, H. Bridget Jones's Diary / H. Fielding. – London : Picador, 2001.
8. Heller, Z. Notes on a Scandal / Z. Heller. – London : Penguin Books, 2009.
9. Leech, G. A communicative grammar of English / G. Leech, J. Svartvik. – Routledge, 2013.
10. Townsend, S. Adrian Mole: The Cappuccino Years / S. Townsend. – London : Penguin Books, 2000.

Ю. В. Кристафорова

*Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)*

КОГНИТИВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПОЯВЛЕНИЯ НОВЫХ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ВАРИАНТОВ У МНОГОЗНАЧНЫХ ГЛАГОЛОВ

COGNITIVE RULES OF APPEARANCE OF NEW LEXICO-SEMANTIC VARIANTS OF POLYSEMANTIC VERBS

В статье рассматривается развитие значений глагольных полисемантов на основе самых частотных глаголов в русском и английском языках на основе прототипической теории. Достаточное количество полисемантов развили большую сумму новых лексико-семантических вариантов, при этом прототип остался неизменным. Это позволило нам говорить о том, что у часто употребляемых многозначных глаголов заложен больший потенциал для появления новых значений.

In this article there is an attempt to examine the evolution of verbal semantics using the most frequent verbs from the point of view of prototype theory. We analyzed that part of polysemantic verbs have extended a lot of new lexico-semantic variants. These words have big potential for appearing of new meanings

Ключевые слова: *диахронический подход, прототип, многозначный глагол, номинативно-производное значение, лексико-семантические варианты.*

Keywords: *diachronic approach, prototype, polysemantic verbs, nominative-derivative meaning, lexico-semantic variant.*

Глагол занимает одно из главных мест в системе индоевропейских языков, так как основная смысловая и структурная нагрузка в предложении представляется при помощи глагола. Огромное количество работ посвящено проблемам глагольной семантики и, в частности, полисемантическим глаголам, но изучение этого слоя лексики до сих пор весьма актуально. Глагол является центральной частью предложения как в русском, так и в английском языке. Виль-

гельм фон Гумбольдт в своих работах отмечал: «Все остальные слова предложения подобны мертвому материалу, ждущему своего соединения, и лишь глагол является связующим звеном, содержащим в себе и распространяющим жизнь. В одном и том же синтетическом акте он посредством полагания бытия скрепляет едино предикат с субъектом. При этом так, что бытие с каким-либо энергичным предикатом, переходящее в действие, прилагается к самому

субъекту. Таким образом, то, что лишь мыслится как соединимое, становится действительным состоянием или событием» [2. С. 199].

В настоящее время является популярным когнитивно ориентированный подход к изучению семантики различных частей речи, и глагол занимает центральное место в современных работах по этому направлению. Как подчеркивает Е. С. Кубрякова, глагол все чаще понимается как «схватывающий концептуально некие конституирующие части реального положения дел» [5. С. 205].

Основным отличием когнитивной семантики от традиционной является то, что когнитивный подход базируется на психологических аспектах, отраженных в теории прототипов. Рассматривая лексическое значение, мы применяем прототипический подход, который дает наиболее полное представление о многозначном слове в целом, позволяет проследить когнитивные принципы появления значений у полисеманта.

По мнению Е. С. Кубряковой, «глагол может рассматриваться не столько как обозначение разных процессов, действий и состояний, что правильно, но недостаточно, сколько как обозначение свёрнутых ситуаций, относящихся к описанию положения дел, прежде всего, к описанию межпредметных связей и отношений. При употреблении какого-либо глагола, например, «сломать», активизируется сцена-прототип, ассоциируемая с этим процессом: некое лицо ломает предмет на части (две или более)» [4. С. 128].

Глагол как часть речи, являясь более всего приспособленным для номинирования динамических объектов внеязыковой действительности, может быть изучен в диахроническом аспекте, так как он несет в себе признаки постоянно меняющейся картины мира.

Проанализировав около 300 самых употребляемых глаголов в английском и русском языках, мы можем условно разделить их на 2 неравные группы: большая часть, около 80 %, глаголы, которые остались неизменными, не расширили и не утратили свои значения, и меньшая часть, около 20%, это те лексические единицы, которые расширили свои лексико-семантические варианты (далее – ЛСВ) в значительной степени.

Хотелось бы отметить, что нами выделена группа глаголов, которые добавили новые значения только в английском языке. Эквивалентные же им глаголы русского языка остались неизменны, не добавили новых ЛСВ.

Для примера возьмем один из самых часто употребляемых глаголов как в русском, так и в английском языках, по данным частотных словарей [7], глагол *to use* / использовать. Основными значениями, отмечаемыми толковыми словарями начала 20 века, являются: 1. *to employ for the accomplishment of a purpose; make use of* (использовать для достижения цели); 2. *to put into practise or employ habitually; make a practise of* (использовать на практике); 3. *to make familiar by habit or practise, accustom; inure* (благодаря практике или привычке стать знакомым, привыкнуть) [15. С. 1230]. Номинативно-непроизводное значение (далее – НН значение) будет *to employ for any purpose, make a practise of, make familiar* (использовать для какой-либо цели, стать привычным, знакомым). Базируясь на данных современных толковых словарей, можно отметить такие значения, как *to do something with a machine, a method, an object, etc. for a particular purpose; to take something from a supply of food, gas, money etc with the result that there is less left; to make someone do something in order to get something you want*, мы также вывели НН значение – *to employ, to do something with a tool to achieve results* (делать что-либо с помощью инструмента для достижения чего-либо) [10. С. 1583; 12. С. 1704; 13. С. 1432].

Сравнивая получившиеся НН значения, мы видим, что они не изменились за исследуемый период. Но также современные словари выделяют значения, которые не были указаны в изучаемых словарях начала 20 века: *to regularly take drugs (illegal)* (постоянно принимать запрещенные вещества); *to take advantage of a situation* (извлекать выгоду из ситуации); *to treat somebody unfairly* (обходиться с кем-либо нечестно). Компонент НН значения *to employ for any purpose* стал основой для формирования новых ЛСВ, но уже с достаточно негативным характером: «использовать ситуацию в полной мере, при этом не гнушаясь обмануть». А такой компонент, как *make familiar*, послужил основой для появления ЛСВ о постоянном приеме запрещенных препаратов. Из приведенного примера можно увидеть, как раскрываются такие свойства глагола, как динамичность, открытость и наличие большого потенциала для скорейшего отражения постоянно меняющейся действительности.

Проведя анализ глагола «использовать» по толковым словарям русского языка, мы вывели НН значение – «выпользовать, употребить в какое-либо дело, найти применение» [1, 9. С.

551]; оно осталось неизменным и в наше время – «употребить для какого-либо дела, найти применение, пользоваться в своих интересах» [3, 7. С. 259; 8. С. 652]. Данный глагол не развил новых ЛСВ, остался неизменным.

Еще один глагол, который расширил свои значения в английском языке и остался неизменным в русском – *to get* / получить (получать). Основные значения, регистрируемые словарями: *to gain or come into possession of; obtain in any way, especially by labour or effort; come by; to possess, to be obliged; to commit to memory*. Проведя анализ словарных дефиниций, мы выявили НН значение – *to come into possession in any way, bring into some state, place, condition* (достичь, получить любым способом, прийти в какое-либо состояние или место) [15. С. 488; 16. С. 315]. Более поздние словари регистрируют такие значения, как *to be given or receive something; to obtain something; to buy something; to receive a particular amount of money for something when you sell it; to catch an illness*. Выделим на их основе НН значение – *to start to have, to obtain in any way, to move* (иметь, получать любым способом, двигаться) [10. С. 591; 11. С. 571; 14], как мы видим, НН значения данного глагола совпадают.

Данный многозначный глагол расширил свои ЛСВ в значительной степени. Компонент НН значения *to obtain in any way* стал основой для появления таких значений, как *to understand someone or something* (понимать кого-либо, что-либо); *to answer the door or the telephone* (отвечать на стук в дверь или звонок по телефону); *to receive broadcast on television or radio* (слушать прогноз по радио или телевидению); *to reach someone by telephone* (связаться с кем-либо по телефону). Как видно из примера, большая часть ЛСВ содержит такой компонент, как *telephone, radio*. При развитии технологий стало проще и быстрее получать информацию, узнавать новости и просто находить нужного человека в любое время. На основе компонента НН значения *to move* также развились новые ЛСВ: *to kill someone* (убить кого-либо); *to use particular vehicle* (использовать определенное средство передвижения). Являясь динамичным по своей сути, глагол обнаружил большой потенциал к развитию новых ЛСВ, которые также отражают динамику жизни и естественное желание дать наименование новым реалиям постоянно меняющегося мира.

В русском языке эквивалентный глагол «получать / получить» является одним из самых употребляемых глаголов (21 место по данным

частотных словарей) [6]. НН значение осталось неизменным – «взять, принять, подвергнуться чему-либо» [1, 9. С. 551] и «взять, принять, прийти в какое-либо состояние» [3, 7. С. 574], данный глагол за рассматриваемый период времени не добавил новых ЛСВ.

Использование когнитивного подхода дает возможность понять, как внеязыковые категории и представления общечеловеческого знания находят отражение в семантике многозначных языковых единиц. Сталкиваясь с чем-то новым, мы пытаемся понять и выделить место в системе уже существующих у нас знаний и имеющегося опыта. Применение диахронического подхода позволяет проследить динамику формирования и закрепления новых реалий в словах. В многозначном слове уже «заложена» вся информация, которая проявляет себя лишь в тот момент, когда изменяется концептуальная структура, когда появляются новые соответствующие категории. Актуализируясь через прототип, новый ЛСВ расширяет языковую форму и закрепляется в ней, в свою очередь, имея возможность для дальнейшего создания новых образов.

Список литературы

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – СПб., 1863-1866 // <https://slovari.yandex.ru/>
2. Гумбольдт, В., фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М., 1984. – 400 с.
3. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : Св. 136000 словар. ст., ок. 250000 семант. единиц : [В 2 т.]. – М.: Рус. яз., 2000. – (Библиотека словарей русского языка). <http://www.efremova.info/>
4. Кубрякова, Е. С. Актуальные проблемы современной семантики : учебное пособие / Е. С. Кубрякова. – М. : Изд-во МГПИИЯ, 1984. – 130 с.
5. Кубрякова, Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е. С. Кубрякова. – М., 1997. – 214 с.
6. Ляшевская, О. Н., С. А. Шаров. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. – URL: <http://dict.ruslang.ru/>
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / Российская

АН. Ин-т рус. яз.; Российский фонд культуры. – М.: Азъ Ltd., 1992. – 960 с.

8. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. А-Й. – 702 с.

9. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. – М.: Сов. энциклопедия, 1935.

10. Longman Dictionary of Contemporary English. Harlow, 1995.

11. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners: International student edition. – Oxford: Macmillan Publishers Limited, 2005.

12. New Webster's Dictionary of the English Language. College Edition. – Delhi.: Surjeet Publications, 1989.

13. Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford, 2002.

14. Oxford Dictionaries. – URL: <http://www.oxforddictionaries.com/words/>

15. The Practical Standard Dictionary of the English Language. New York, London, 1925.

16. Webster's New World Dictionary, Second Concise Edition, 1975: William Collins and World Publishing Co., Inc.

А. А. Макаренко

*Государственный социально-гуманитарный университет
(Коломна, Россия)*

КРЕОЛИЗОВАННЫЙ РЕКЛАМНЫЙ ТЕКСТ КАК СРЕДСТВО ЯЗЫКОВОЙ МАНИПУЛЯЦИИ

CREOLIZED ADVERTISING TEXT AS MEANS OF LINGUISTIC MANIPULATION

В данной статье анализируется понятие креолизованного текста, его соотношения с понятием рекламный текст, рассматриваются вербальные и визуальные его элементы, более подробно описываются графические средства привлечения внимания потребителя и визуализация словесных тропов в контексте манипулятивной коммуникации. Иллюстративным материалом послужила англоязычная печатная реклама.

The following article analyzes the concept of a creolized text, its relationship with the concept of an advertising text, its verbal and visual elements are also considered, graphical means of attracting consumers' attention and visualization of verbal tropes in the context of manipulative communication are described in detail. English-language printed advertising served as an illustrative material.

Ключевые слова: креолизованный текст, языковая манипуляция, воздействие, визуальный элемент, вербальный элемент.

Keywords: creolized texts, linguistic manipulation, influence, visual element, verbal element.

Рекламный текст выполняет различные функции, главные из которых: информирующая и манипулятивная. Стоит отметить, что в последние десятилетия все больше усиливается именно функция убеждения, воздействия на потребителя, постепенно оттесняя функцию передачи информации о товаре или услуге на второй план. При создании манипулятивного рекламного сообщения важен не столько его

содержательный аспект, сколько форма передачи информации в совокупности всех имеющихся средств, как вербальных, так и визуальных. Таким образом, вопрос креолизации рекламных текстов особенно актуален.

Термин «креолизованный текст» был введен в научный оборот Ю. А. Сорокиным и Е. Ф. Тарасовым. Согласно данному ими определению, – это «тексты, фактура которых состоит

из двух негомогенных частей — вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [15. С. 180]. Позже данное определение было дополнено: «применительно к письменной коммуникации к креолизованным текстам относятся тексты, доминанту поля паралингвистических средств которых образуют иконические (изобразительные) средства» [10. С. 145].

Термин оспаривается в некоторых научных кругах в силу буквального значения, закрепленного за ним, а именно: «креолизацией называется процесс формирования языка на основе пиджинов. Креольские языки характеризуются в специальной литературе как смешанные языки, то есть представляющие комбинацию словаря одного языка с грамматикой другого» [17. С. 88].

Вышеупомнутый термин не единственный в обозначении текстов с элементами разных семиотических систем. В научном употреблении можно наблюдать следующие близкие ему термины: составные, поликодовые, изовербальные, видеовербальные, семиотически осложненные, нетрадиционные, семиотически обогащенные тексты; синкретичное сообщение, изовербальный комплекс, изоверб и др.

В данной статье мы будем придерживаться термина «креолизованный текст» как наиболее емкого, на наш взгляд, понятия.

Различные исследователи указывают на тот факт, что сочетания вербальных и невербальных форм в рекламе возникли несколько веков назад, когда иконографическими знаками маркировались лавка сапожника (сапог), булочная (калач) и т.д. С появлением новых печатных технологий изображения стали цветными и представляли собой не просто товар, но уже легенду того или иного рекламного сообщения, акцент в них был направлен на образ жизни, господствующие в обществе ценности [2. С. 79; 11. С. 168].

Л. Г. Михедова и М. С. Строганова на основе проведенного ими ретроспективного анализа утверждают, что, по сравнению с XX в., в XXI в. объем вербальной части в креолизованных рекламных текстах заметно сократился, уступив место изображению, а используемые образы и слоганы все чаще направлены на формирование имиджа компании, а не только на привлечение внимания к товару [11. С. 171]. Более того, в настоящее время реклама стала интерактивной, она стала вовлекать аудиторию в игру, и это можно сказать не только о наружной рекламе, но и о печатной, ведь сейчас, даже просто открыв журнал, можно встретить рекламу со встроенной музыкой или видео, которые можно посмотреть с помощью мобильных устройств, приложив к странице, а иногда и в саму страницу вшит небольшой экран. Рекламисты не перестают удивлять аудиторию, например, уже были выпущены журналы со съедобной печатной рекламой Volkswagen Golf R, что олицетворяет мощь автомобиля, позволяющую буквально «пожирать» автотрассы. Другой интересный пример, — реклама Peugeot 408. При ударе рукой по рекламному тексту на развороте журнала срабатывает маленькая встроенная подушка безопасности.

Интересно мнение И. Л. Пересторониной и Е. С. Паньковой, которые рассматривают рекламные тексты как видовое понятие по отношению к понятию «креолизованный текст», обосновывая это тем, что, во-первых, в их структуре используются коды различных семиотических систем, во-вторых, значимость различных компонентов рекламного текста не одинакова [12. С. 88].

Креолизация современного рекламного текста сводится к использованию нескольких способов, главным из которых является соединение вербального ряда и изображений в цельное и связанное лингвовизуальное образование [18. С. 6]. В рамках одного текста могут быть реализованы не все компоненты: это зависит от конкретной коммуникативной задачи. Важно, однако, что такой текст выступает как единое визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, поскольку он нацелен на комплексное воздействие на адресата [5. С. 183].

Для реализации формулы рекламы AIDA (Attention-Interest-Desire-Action) и, в первую очередь, в целях привлечения внимания потребителя в рекламных текстах используется разнообразный набор средств. Реклама, как особый вид поликодового текста, сочетает в себе как вербальные, так и невербальные фор-

мы, используемые копирайтерами в целях языковой манипуляции. Согласно определению Ю.С. Бернадской, языковое манипулирование — это использование особенностей языка и принципов его употребления с целью скрытого воздействия на адресата в нужном для говорящего направлении; скрытого — значит неосознаваемого адресатом [3. С. 92].

Известно, что в рекламной коммуникации используются различные языковые приемы. Рассматривая вербальные компоненты креолизованных текстов, можно говорить о бесчисленном множестве приемов на всех уровнях языка: семантическом (фонетическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом) и метасемиотическом (фразеология, стилистика).

Объем данной статьи не позволяет описать все возможности вербальных средств в рекламной манипулятивной коммуникации. Поэтому, в силу меньшей изученности визуальных средств, ограничимся их описанием, выделив отдельно самые яркие средства, участвующие в рекламной аттракции. Говоря о воздействии рекламы на потребителя, Ю. Л. Рыбочкина отмечает, что визуальные средства в рекламной практике выполняют роль создания эффективной зрительной нагрузки как особой манипулятивной стратегии [13. С. 193].

По утверждению Д. П. Чигаева, в рекламных текстах на статус креолизованной лексемы с полным правом может претендовать рекламный **логотип** (товарный знак) [18. С. 14]. Говоря про графические средства привлечения внимания потребителя к логотипу как части рекламного сообщения, стоит упомянуть различные шрифтовые выделения, цвет, размещение рисунков, символные обозначения и др. Согласно О. Н. Ивус, посредством вышеупомянутых средств выражаются тактика привлечения внимания, тактика повышения зрительной распознаваемости и мнемоническая тактика [7. С. 79].

К примеру, в логотипе компании New Balance, который представляет собой аббревиатуру NB, можно проследить динамичность: буква N размыта, как будто она проносится мимо нас с большой скоростью. Неудивительно, ведь New Balance специализируется на спортивной одежде и беговой обуви.

В современных рекламных текстах всё более активно используется топографемика — варьирование расположения текста на плоскости, как, например, в логотипах американских компаний по изданию и разработке компьютерных видеоигр Activision и Valve.

Компания VAIO, выпускающая компьютеры, имеет достаточно содержательный в плане символики логотип. Левая сторона логотипа — волна, символизирующая аналоговый сигнал. Справа логотип содержит цифры «1» и «0» — символ двоичной системы счисления — основы цифрового сигнала.

Логотип же компании AgustaWestland, мирового производителя вертолётов, напоминает вертолётную лопасть.

В рекламных текстах отмечается явление пиктографемики, суть которого в том, что «буква-пиктограмма внедряется в букву и, заменяя её, становится знаком отдельного слова или всего рекламного текста» [6. С. 69]. Пикто-

граммы преимущественно связаны с функциями и результатами деятельности рекламируемых компаний [9. С. 38].

Например, в логотипе сети ресторанов с блюдами из курицы «Wish-bone» можно наблюдать замену точки в букве *i* дужкой (грудная кость птицы, по-английски wish-bone).

FUJIFILM

Другим примером можно назвать кардинальное изменение, которое претерпел в 2006 году логотип японской компании Fujifilm, известной как производитель фотоаппаратов, фотоплёнки, киноплёнки. Одной из основных задач ребрендинга стало осовременить символ компании и указать на новое цифровое устремление развития компании [8]. Логотип в настоящее время – это надпись Fujifilm большим черным шрифтом, с красной буквой *i* посередине, в которой можно разглядеть карту памяти.

Все вышеупомянутые приемы несомненно привлекают внимание реципиентов рекламы к логотипу, делают его запоминающимся.

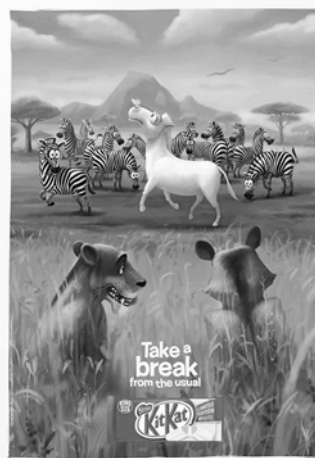

В современной рекламе также можно часто наблюдать случаи **визуализации словесных тропов**.

Наиболее часто используемым тропом является метафора, которая определяется как «троп, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основании сходства, аналогии и т.п.» [1. С. 231].

В качестве примера можно привести рекламу бразильского спортивного зала Pub Cintia Gym. На постере потребителю предлагается «обновка» – спортивное привлекательное тело, которое можно получить, купив абонемент и посещая спортзал. Необычность постера за-

ключается в том, что тело «висит» на вешалке как одежда в модном дизайнерском бутике.

На рекламном постере эксклюзивной серии KitKat, покрытой белым шоколадом, изображены хищники, охотящиеся на зебр, в центре – белая зебра без полосок (ассоциация с белым шоколадом). Вербальная часть – слоган призывает сделать перерыв (как и всегда в слоганах KitKat), но в этот раз отойти от обыденности (Take a break from the usual), обратив внимание на белую зебру (потребителю – на новинку).

Гипербола определяется как фигура речи, состоящая в заведомом преувеличении, усиливающем выразительность, придающем высказываемому эмфатический характер [1. С. 99]. Визуальный компонент, преобладающий в рекламе 3D телевизоров Panasonic, показывает, до каких пределов могут дойти высокие технологии. На рекламном постере хозяйка дома в 3D очках выгоняет из комнаты пристыженного динозавра, который выскочил из телевизора во время просмотра женщиной 3D фильма.

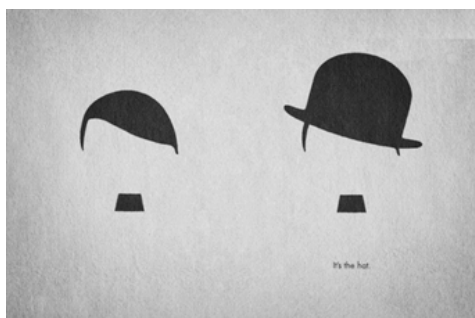
Обратную гиперболе функцию выполняет мейозис или литота – фигура речи, состоящая в заведомом преуменьшении степени или свойства чего-либо [1. С. 226].

В рекламе FedEx «США-Бразилия» расстояние между Южной и Северной Америкой уменьшено до расстояния между этажами. Так быстро почтовая компания предлагает доставить посылку. Удивительно, как быстро и

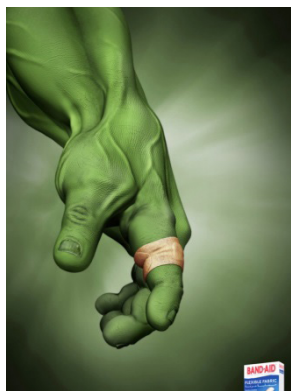
легко считывается рекламный посыл, который практически не имеет вербального выражения (кроме логотипа FedEx в углу). Континенты изображены в виде пятен сырости на стене, в центре – посылка, передача которой занимает мгновение.

Упомянем еще одно стилистическое средство – аллюзию. Аллюзия – стилистическая фигура, намек посредством сходно звучащего слова или упоминания общеизвестного реального факта, исторического события, литературного произведения [4].

В рекламе шляп Hut Weber проводится параллель между внешностью Гитлера и Чарли Чаплина. Разница, на взгляд копирайтера, всего лишь в шляпе. Так и гласит слоган – вербальный элемент – It's the hat. Потребителю, таким образом, предоставляется выбор, подобно кому он хотел бы выглядеть. Выбор, к которому, однако, подталкивает копирайтер потребителя, – надеть шляпу и не выглядеть как Гитлер (однозначно, негативная коннотация).

На рекламном постере Band Aid отсутствует слоган. Пластырь на руке самого мощного всемирно известного супергероя Халка говорит сам за себя. Если даже супергерой пользуется этими пластырями, значит, они действительно помогают.

С помощью приема аллюзии осуществляется дополнительная смысловая нагрузка рекламного сообщения за счет определенных фоновых знаний потребителя, актуализирующихся при прочтении текста, в котором использован прецедентный феномен [14. С. 114].

Г. Н. Тельминов, рассматривая процесс восприятия креолизованного текста рекламы, отмечает, что происходит двойное декодирование заложенной в нем информации: при извлечении концепта изображения происходит его «наложение» на концепт вербального текста, взаимодействие двух концептов приводит к созданию единого общего концепта (смысла) креолизованного текста. Адресат воспринимает сразу двойную информацию: очевидный смысл прямо выраженного дискурса и суть скрытого дискурса, направленного на достижение истинных целей рекламодателя [16. С. 303].

Когда речь идет о рекламных сообщениях с полной креолизацией, где визуальные элементы выступают в качестве обязательного, а часто и главного смыслообразующего элемента, фоновые знания реципиента рекламы не менее важны, чем при трактовке аллюзий. В случае их отсутствия у потребителя механизмы воздействия могут не сработать. Поэтому особенно важно учитывать культурно-ассоциативный фон реципиента рекламы.

Список литературы

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов. – М. : КомКнига, 2007. – 576 с.
2. Беляков, И. М. Баннерная интернет-реклама как особый вид поликодового текста // Актуальные проблемы лингводидактики и теории языка: сб. науч. ст. аспирантов и соискателей. – Вып. 2. – Коломна : КГПИ, 2008. – С. 78–88.
3. Бернадская, Ю. С. Копирайтинг: Учеб. пособие / Ю.С. Бернадская; М-во образования Рос. Федерации. Ом. гос. техн. ун-т. – Омск: Ом. гос. техн. ун-т, 2003. – 136 с.
4. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс] // Образовательный портал. – Режим доступа: <http://www.vedu.ru/bigenedic/>, свободный.
5. Ворошилова, М. Б. Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая линг-

вистика. – Екатеринбург, 2006. – Вып. 20. – С. 180–189.

6. Григорьева, Т. М. Параграфемные явления в современном русском письме // Язык, культура, коммуникация: аспекты взаимодействия. Научно-методический бюллетень. Вып. № 1. – Абакан, 2003. – С. 68–76.

7. Ивус, О. Н. Слоган на одежде как способ самопрезентации // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – Иркутск: Евразийский лингвистический институт, 2011. – № 3. – С. 76–82.

8. История логотипа компании Fujifilm [Электронный ресурс] // FUJIFILM. – Режим доступа: <https://www.fujifilm.eu/ru/o-nas/profil-kompanii/istorija-logotipa-kompanii-fujifilm/>, свободный.

9. Макаренко, А. А. Графические средства привлечения внимания в англоязычных рекламных текстах // Материалы международной научно-практической конференции «Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации». – Прага : Научно-издательский центр «Социосфера», 2015. – С. 33–40.

10. Михедова, Л. Г., Строганова М. С. Особенности функционирования креолизованных текстов // Общественные науки. – Улан-Удэ: ВСГТУ, 2010. – Вып 13. – С. 143–152.

11. Михедова, Л. Г., Строганова, М. С. Креолизованный текст в рекламе: опыт ретроспективного анализа // Вестник ВСГУТУ. – Улан-Удэ: ВСГТУ, 2013. – Вып 1 (40). – С. 167–172.

12. Пересторонина, И. Л., Панькова, Е. С. Понятия семиотического, креолизованного и рекламного текста в лингвистике // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и

методики преподавания иностранных языков. – Пермь: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», 2012. – № 9. – с. 83–89.

13. Рыбочкина, Ю. Л. Стилистические средства создания образов в рекламном слогане // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. – Орел: Орловский государственный университет, 2012. – № 2. – С. 191–195.

14. Сорокин, Ю. А., Михалева, И. М. Прецедентность и смысловая структура художественного текста // Структурно-семантический и стилистический анализ художественного текста: Сб. науч. тр. – Харьков, 1989. – С. 113–115.

15. Сорокин, Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. – М., 1990. – С. 180–186.

16. Тельминов, Г. Н. Интернет-реклама как вид креолизованного текста // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2009. – № 5. – С. 300–304.

17. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учебное пособие. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 248 с.

18. Чигаев, Д. П. Способы креолизации современного рекламного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2010. – 25 с.

М. В. Малащенко

*Южный федеральный университет
(Ростов-на-Дону, Россия)*

ИЗМЕНЕНИЕ ПРАГМАТИКИ ИМЕНИ КАК ИНДИКАТОР СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН

THE CHANGES IN THE PRAGMATICS OF NOMINALS AS AN INDICATION OF SOCIO-POLITICAL CHANGES

В статье анализируется изменение прагматики имени, что является одним из основных индикаторов социально-политических перемен. Особое внимание уделяется рассмотрению тоталитарного языка и характеристике идеократической системы XX века, которая возникла

в России и создала благоприятные условия для процесса стилистического окрашивания слов, их прагматического размежевания. Рассматриваются такие семантические процессы, как актуализация и идеологизация значений, появление прагмем с социо-политическим значением, изменение прагматики нейтральных слов, терминосистемы общественных наук. Анализируются приметы тоталитарного мышления: эвфемизмы, политически ангажированное использование синонимии, актуальные слова современности и динамика прагматических характеристик различных слов. Автор рассматривает изменения, зафиксированные в современных словарях. Исследование проводится в парадигмах лингвопрагматики.

The article analyzes the changes in the pragmatics of nominals as an indication of social and political changes in society. Particular attention is paid to the totalitarian language and to the characteristics of ideocratic systems that developed in the twentieth-century Russia and created favorable conditions for the process of stylistic coloring of words and their pragmatic demarcation. Such semantic processes as actualization and ideologization of meaning, changing pragmatics of neutral words, the use of pragmatic units with social and political meaning, and terminology of social science are considered. The attributes of totalitarian thinking such as euphemisms, politically engaged use of synonyms, actual words of the day and the dynamics of pragmatic characteristics of various words are analyzed. The author examines the changes recorded in dictionaries. The research is conducted within the framework of linguistic pragmatics.

Ключевые слова: лингвопрагматика, прагматическое размежевание, идеологизация значения, тоталитарный язык, эвфемизм, имя.

Keywords: linguistic pragmatics, pragmatic demarcation, ideological meaning, totalitarian language, euphemism, nominal.

Новейшая история развития человечества характеризуется непрерывной чередой социально-политических перемен. Эти перемены могут варьироваться от незначительных адаптаций до радикальных трансформаций. Примером подверженности радикальным переменам стало российское общество XX века после октября 1917 года, примером адаптаций к идеям мультикультурализма и толерантности стало западное общество эпохи постмодерна. Какими бы ни были по интенсивности воздействия на социум эти перемены, они не могли не отразиться на языке. «Язык – точнейший барометр социальной жизни любого человеческого коллектива, моментально реагирующий на малейшие колебания и изменения общественной структуры» [3. С. 3].

В нашем диссертационном исследовании «Имя в парадигмах лингвопрагматики» были установлены особенности функционирования имени в современных языках [4]. Отдельное внимание уделено тому, как идеократические системы XX века отразились на прагматике имени. При этом рассматриваются как прагмемы с идеологическим / социальным созначением, так и самые тривиальные слова, приобретшие идеологические созначения. Среди последних особняком стоит слово *товарищ*, в представлении А. Вежбицкой «символ длительной и ужасной

эпохи» [1. С. 160]. Подробно останавливаясь на содержании самого концепта, она справедливо считает, что у этого слова не 6 (как в общепринятых словарях), а 2 значения. Второе значение – политический или идеологический товарищ – родилось из первого. Именно в этом значении слово стало символом социального равенства и оказалось одним из самых частотных в языке (его частотность в корпусе на 1 миллион словоупотреблений – 1162). В сопоставимом корпусе английского языка “comrade” встречается 7 раз, “brother” – 169 раз [15].

Существительное *товарищ* долго было общепризнанным обращением, сейчас оно сохраняется в армии (господин президент, но товарищ главнокомандующий), но утратило свое прежнее демократическое звучание и лишь маркирует привлечение внимания. Оно всё чаще употребляется в молодёжной среде в своём прямом значении *друг* и продолжает оставаться отличительным признаком принадлежности к партийным кругам. Недавний выпуск передачи «Специальный корреспондент» (от 16 декабря 2015 года) напомнил устами Г. А. Зюганова, что лидер КПРФ – «товарищ», а не «господин», как к нему обратился один из коммуникантов.

Интересна динамика прагматических характеристик таких слов, как, например, слово

«быт». Отмечается, что в русском языковом сознании «быт» связан с негативной оценочной коннотацией [10. С. 11–12]. Отсюда выражения «быт заедает», «быт затягивает, засасывает, придавливает, угнетает», отсюда метафора В. Маяковского «любовная лодка разбилась о быт». В других европейских языках сходное слово не имеет таких коннотаций, да и в русском языке негативное отношение отсутствует в диалектах и просторечии, а вот в литературном языке негация ощущается очень отчетливо. После 1917 года утвердилось противопоставление: «старый быт» – «новый быт». И новый, то есть социалистический быт уже не связывается с отрицательной коннотацией.

Тоталитарная эпоха привнесла в семантику многих изначально нейтральных слов элемент оценки, который фактически искажил прежний смысл. К примеру, термин *эмигрант* в «советском» сознании был связан с чем-то отрицательным [14. С. 55]. Тоталитарное мышление неизбежно закрепляется в виде неперменного двоемыслия («нравственность» / «нравы»); тоталитарный язык приводит к одному знаменателю самые разнообразные явления (к примеру, «битва за урожай», «идеологические диверсанты»).

В «советском» дискурсе целые высказывания находятся в отношениях оценочной конверсии, противопоставляющей попарно их элементы. Сравним примеры, приведённые М. Н. Эпштейном: «Опытный политик заключил договор с руководителем повстанческого отряда» и «Матерый политикан вступил в сговор с главарями бандитской шайки» [12]. Синтагматика прагмем очень избирательна: если объект передает положительную оценку, то предикат включает в себе либо отрицательную, либо положительную оценку. Так, *законность* можно *крепить* или *попирать*, *беззаконие* – *осуждать* или *насаждать*. Но нельзя *попирать беззаконие* или *насаждать законность* (подобные синтагмы возможны только с ироническими кавычками) [12. С. 31–32].

В течение прошлого века некоторые слова с лёгкостью меняли своё прагматическое звучание. Так, дважды его изменили такие слова, как *нажива*, *карьер*, *барыш*, будучи в литературе XIX – начала XX вв. словами с нулевой прагматикой. До революции 1917 года нейтральными были слова *сговор*, *насаждение*. В советские времена прагмемой с отрицательной оценочностью стало слово *мещанин*. Не меняло положения и то, что мещанином называл себя Пушкин. В 20-х годах создались

особенно благоприятные условия для процесса стилистического окрашивания слов, их прагматического размежевания. Способствовало активизации этого процесса изменение состава носителей литературного языка. Приобрели обобщенно-метафорические значения и пафосное звучание слова, символизирующие труд рабочих и крестьян. Например, слово *станок* – это и «Станок» как название газеты в романе И. Ильфа и Е. Петрова. Слово *стройка* – это и *стройка коммунизма, цемент* – это и название романа Ф. Гладкова. «Символический ореол, который был придан этим словам, поддержал вовлечение в сферу переносного употребления ряда слов, примыкающих к той же тематической группе – сплав, спайка, смычка, закалка», – отмечают авторы коллективной монографии «Русский язык и советское общество» [5. С. 117–118]. Как ни странно, пафосные переносные значения обрели и многие слова, обозначающие погодные явления – *ветер*, *оттепель*, *потепление*. В «Литературной газете» можно было прочесть следующее ироническое замечание: «Северный ветер», «Ветер с юга», «Соленый ветер», «Буйные ветры», «Веют ветры»... Пусть не подумает читатель, что это сообщение бюро погоды. Нет, это названия книг советских писателей».

Мощным орудием идеологической пропаганды стал концепт *чистоты* [13. С. 213]. Например, *чистки партийных рядов* (интересно, что в других славянских языках в этом значении используется именно русское слово), *чистота ленинского учения* (а ведь далеко не ко всякому «учению» приложимо понятие «чистоты»), *очистительное движение* (так называли политические процессы периода «оттепели»). Так, у А. И. Солженицына, который не считает, что XX съезд принес что-то «очистительное», мы найдём такой вопрос: «...в чем очистительного? Все золы режима перевалить на Сталина?» («Бодался теленок с дубом»).

В годы советской власти были переосмыслены такие слова, как *благотворительность*, *милость*, *благодетель*. Устойчивые негативные или иронические контексты закрепили за ними негативную коннотацию, которая оказалась настолько активной, что практически уничтожила положительную окраску этих слов [11. С. 587].

Очень показательна флуктуационная история слов, относящихся к рыночной экономике, таких, как *карьер*, *нажива*, *бизнес*, *предпринимательство*. В Словаре русского языка 1985–1988 гг. (а это уже время перестройки) «бизнес» всё ещё определяется как деловое

предприятие, ловкая афера и т.п., как источник личного обогащения, наживы и сопровождается пометой «разг.». «Предпринимательство» – деятельность предпринимателя, склонность к устройству выгодных предприятий, к аферам (с пометой «неодобр.»). «Предприниматель» дается в двух значениях: 1. капиталист, владелец промышленных и торговых предприятий; 2. делец, ловкий организатор выгодных предприятий (с пометой «неодобр.») [7]. Всего 5 лет спустя Толковый словарь русского языка полностью «реабилитирует» эти слова: нет помет, относящих эти слова к разговорной стихии, нет пометы «неодобр.», из толкований устранены слова типа «афера» [9]. В языке рубежа веков слово *бизнес* перестает быть прагмемой.

В тоталитарном языке сугубо прагматичными были термины общественных наук. Между тем, одним из нормативных признаков термина, как известно, является его эмотивная нейтральность. Поскольку многие термины, в частности, юридические генетически восходят к общеупотребительной лексике, они, безусловно, сохраняют оценочный (пейоративный) элемент в своём содержании (например, *банда*, *убийство*). Именно поэтому в современном правоведении таким словам отказывают в терминологическом значении как не приспособленным для определения правового статуса лица в уголовном процессе. Основу правовой лексики 30-х годов, однако, составляли термины с ярко выраженным эмотивным содержанием. В обвинительных заключениях 30-х годов подсудимые именуются следующим образом: *головорезы*, *отребье* и под. [14]. Из терминосистемы советского права были совершенно исключены такие слова, как «плюрализм» и «оппозиция». Вместо точных терминов, которые являются непременным атрибутом правового государства, появились псевдотермины, передающие стертые, размытые понятия, допускающие вольные толкования. Это, например, наименования лиц по политической или какой-либо групповой принадлежности (*меньшевик*, *троцкист*, *кулак*, *подкулачник*, *враг народа* и под.). Причем, если для определения, например, *кулака* все же существовали хотя бы зыбкие основания (имущественные показатели), то для определения *подкулачник* таких оснований не было вовсе.

В качестве универсального наименования человека широко применялось неодушевленное существительное «элемент» (*антиобщественный*, *трудовой*). С возникновением рыночной экономики не менее отвратительно

звучит такой параметр менеджмента как «человеческий ресурс», такое обозначение служащих как «офисный планктон», а с появлением информационных технологий – «сетевые хомячки».

Ещё одной приметой тоталитарного языка справедливо считаются спекулятивные синонимические подмены. Интересны замечания о флюгерной лексике, употребляемой ангажированными пропагандистами. Несмотря на то, что понятия, которыми они оперируют, имеют вроде бы объективную независимую от политической установки оценочность, эмоциональную окраску, в конкретных употреблениях лексико-семантическое содержание оказывается разным, и вторгается оно не в коннотативную сферу знака, а в сигнификат. Это такие формулы, как «конструктивная политика», «общественное благо» и проч. Ангажированность составителей информационных текстов проявляется в применении эвфемизмов и так называемой лукавой синонимии, которая может оборачиваться откровенной ложью. Современный пример тому – невразумительный «блэкаут» вместо «подрыва линии электропередач». Конечно, не надо думать, что подобная эвфемизация – примета исключительно «советского новояза». Эти идеи великолепно отражены в крайне политизированном американском варианте английского языка прошлых времён: *Guards of Constitution* – «стражи конституции» и *Knights of the Night Camelia* – «Рыцари ночной камелии» вместо «куклуксклановцы» [18] и современности: *push-button war* – «война кнопок» вместо «ядерная война» [16]. Считается, что чем чаще используется эвфемистическое выражение, тем быстрее оно теряет свои «облагораживающие свойства» и тем скорее требуется новая «подмена» [2. С. 110]. Зарубежными исследователями [17. Р. 289–290] отмечено, что основным носителем эвфемизмов является «средний класс»: с ослаблением позиций именно этого социального класса принято связывать функциональную активность прямых наименований.

Лексикон как система аккумулирует в одном из своих звеньев лексические единицы, отражающие социальный аспект времени. Наполняемость этого звена лексикона различными лексическими единицами постоянно изменяется, одни единицы сменяются другими, но сам феномен существования такого рода аккумулярующего звена константен: он как бы отражает саму идею о постоянном развитии и изменении. Актуальные слова отражают са-

мые характерные приметы времени. Основные признаки актуального слова: обозначение актуального денотата, временный характер частотности, принадлежность к языку политики, идеологии, агитации, апеллятивный характер употребления [8. С. 92]. В постперестроечное время многие СМИ печатали списки настоящих и «прошлых» актуальных слов. В частности, в «Аргументах и фактах» к Словарю нашего времени относили такие актуальные слова, как *ближнее зарубежье*, *грязные деньги* и под., а к забытым словам – такие слова, как *аполитичный*, *битва за урожай* и под.

События конца XX века подвергли язык разительной трансформации. Отмечаются такие семантические процессы, как деактуализация и деидеологизация значений, резко усилившееся психологическое неприятие бюрократического языка прошлого, а также возросшая диалогичность общения и расширение сферы спонтанного дискурса [6]. Под влиянием крушения языка советской эпохи произошла нивелировка стилистических и семантических различий, возникла более сложная система оценочности. Слова, которые стойко ассоциировались с жизнью зарубежных стран и были, как правило, элементами только словарей иностранных слов или имели соответствующие пометы в общих толковых словарях, применяются к реалиям нашей жизни. Велик пласт так называемой «возвращенной лексики», которая в словарях сопровождалась пометами «устар.» или комментариями «в старину...», «в дореволюц. России». Это такие слова, как *акциз*, *милостыня*, *приют*, *престол*, *гильдия*, *губернатор*. Ещё одной характерной приметой является то, что «высокое» звучание актуальных слов быстро меняется на ироническое. Уже в Толковом словаре русского языка 2001 года слова типа *народный избранник* даны с пометой «ирон.» или «обычно ирон.» [9].

Изменение прагматики имени действительно является наиболее чётким индикатором социально-политических перемен, и последующие исследования языка конца XX – начала XXI века, когда произошли очередные радикальные перемены в жизни российского общества и всего мирового сообщества, принесут нам ещё ряд интересных открытий.

Список литературы

1. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / Анна Вежбицкая. – М., 1999. – С. 160.

2. Ларин, Б. А. Об эвфемизмах / Б. А. Ларин // История русского языка и общее языкознание. Избранные работы. – М., 1977. – С. 110.

3. Маковский, М. М. Системность и асистемность в языке. Опыт исследования антиномий в лексике и семантике / М. М. Маковский. – М., 1980. – С. 3.

4. Малащенко, М. В. Имя в парадигмах лингвопрагматики: монография / М. В. Малащенко. – Ростов-на-Дону, 2003. – 312 с.

5. Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка. – М., 1968. – С. 117–118.

6. Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М., 1996.

7. Словарь русского языка. – М., АН СССР, 1985–1988.

8. Титкова, О. И. «Время, актуальность, мода»: проблемы вербальной концептуализации (на материале немецкого языка) / О. И. Титкова // Филологические науки. – 2001. – № 4. – С. 92.

9. Толковый словарь русского языка. Языковые изменения конца XX столетия. – М., 2001.

10. Чернейко, Л. О. Гештальтная структура абстрактного имени / Л. О. Чернейко // Филологические науки. – 1997. – № 4. – С. 11–12.

11. Шмелькова, В. В. Лексика пассивного фонда как одна из составляющих нового лексикона носителей русского языка / Шмелькова В. В. // Предложение и слово. – Саратов, 2002. – С. 587.

12. Эпштейн, М. Н. Идеология и язык (построение модели и осмысление дискурса) / М. Н. Эпштейн // Вопросы языкознания. – 1991. – № 6. – С. 31–32.

13. Яковлева, Е. С. О концепте чистоты в современном русском языковом сознании / Е. С. Яковлева // Логический анализ языка. Язык этики. – М., 2000. – С. 213.

14. Яцюк, Т. А. «Терминотворчество» тоталитарного правосудия / Т. А. Яцюк // Русская речь. – 1991. – № 3. – С. 55.

15. Carroll, J. The American Heritage Word Frequency Book / J. Carroll. – Boston, 1971.

16. Holder, R. W. Dictionary of American and British Euphemisms: The Language of Evasion, Hypocrisy, Prudery and Deceit / R. W. Holder. – Bath, 1987.

17. Neaman, J. S., Silver, C. G. The Wordsworth Book of Euphemisms: the Hilarious Guide to the Unmentionable / J. S. Neaman, C. G. Silver. – Cumberland, 1995. – P. 289–290.

18. Postman, N. Euphemism / N. Postman // Language Awareness. – 1989. – № 9.

Г. Г. Москальчук

Оренбургский государственный педагогический университет
(Оренбург, Россия)

СОДЕРЖАТЕЛЬНОСТЬ ФОРМЫ ТЕКСТА

TEXT FORM CONTENT

В статье обсуждаются проблемы формообразования текста с позиций реализации в нем техник природы, позволяющих описывать и отождествлять с помощью процедур лингвистической метрологии параметры завершенных текстов. Предлагается процессуально-динамический сценарий постепенного становления финитной формы в виде одно-, дву- и трехмерного объекта, раскрывается поэтапное становление формы путем включения основных формообразующих факторов, усложняющих форму в процессе взаимодействия. Процессы спонтанной самоорганизации формы воздействуют на лингвистический субстрат текста и вносят существенные факторы, определяющие смысловую организацию целого, и вносят существенные коррективы в восприятие или интерпретацию текста, что подтверждается психолингвистическими экспериментами.

The article deals with the issues of the text form building from the point of natural techniques implementation, which allow to describe and identify parameters of complete texts with the help of linguistic metrology procedures and to understand the existence of the text in the process-dynamic aspect. The process-dynamic scenario of the gradual finite form building is presented, expressed as one-, two- and three-dimensional object, and the gradual form building that includes form-building factors which make the form more complex in the process of inter-engagement. The structural dynamical content of the textual form components as a consequence of the natural form-building factors is considered: structure repetitions, time and space patterns peculiarities, proportionality, periodicity and the cycle of the close and remote interactions, self-resemblance of the text and its attractor, and model border terms. The processes of the spontaneous self-organization influence the linguistic understratum and alter the perception and the interpretation of the text what as confirmed by psycholinguistic experiments.

Ключевые слова: текст, формообразование, инвариант, лингвосинергетика, повторение, периодичность, пропорция, цикличность, аттрактор, самоподобие.

Keywords: text, form building, invariant, linguistic synergetics, repetitions, periodicity, proportion, cycle, attractor, self-resemblance.

Текст в современной лингвистике рассматривается в междисциплинарном проблемном поле. Суть в том, что грамматический аппарат лингвистики не позволяет описывать и объяснять поведение сложных систем, к которым, собственно, и относится текст. Текст порождается человеком, включенным в окружающую среду, являющийся одним из объектов природы и порождающим речемыслительные объекты по законам организации сложных систем окружающей действительности. Следовательно, текст обладает некоторыми свойствами как человека, так и среды.

Продуктивной метафорой объяснения природы текста является его рассмотрение в кругу природных объектов, что позволяет помещать текст в любые среды, объясняет избиратель-

ность техник природы, применяемых в процессе формообразования по принципу их сходства и/или идентичности с особенностями строения и функциональных возможностей речемыслительной деятельности самого человека [8].

Основной способ формообразования рассматривается как экспансия точки роста в пространстве-времени, результатом же является геометрическое подобие объектов природы «как общий принцип пространственной организации живых структур» и творений человека [14. С. 10–17]. В тексте реализуется некоторый протозамысел, облекающийся в процессе пространственно-временного развертывания языко-речевой тканью, организованной не только по законам и правилам языка и мышления, но и по законам организации сложных гетероген-

ных систем, изучаемых физикой, биологией, теорией самоорганизующихся систем. Форма текста разворачивается как физический объект, воспринимаемый человеком, в пространстве и во времени и проявляется в размере единиц и целого, протяженности, длительности, повторяемости паттернов организации, цикличности и периодичности процессов и структур текста.

Текст обладает границами, выделяющими и / или отделяющими его различными способами от среды. Текст может быть вписанным в любые дискурсы, стать компонентом любого гипертекста, интегрироваться в любые информационно-коммуникативные среды, что делает данную единицу языка универсальным способом фиксации, хранения и использования продуктов интеллектуальной и коммуникативной деятельности человека и общества.

Для формообразования текста характерно следование природным алгоритмам, определяющим характер формы, ее структуру и функционально-информационные возможности: итеративность, симметричность, асимметричность, пропорциональность (особенно золотое сечение и ряд Фибоначчи), бифуркации, периодичность и цикличность протекающих процессов и повторяющихся с вариациями структур. Результатом ближних и дальних взаимодействий техник природы, направленных на спонтанно самоорганизующийся языковой субстрат, являются самоподобие и фрактальность формы текста и ее составляющих как фундаментальное свойство структурной организации текста [1. С. 14–76; 6–11].

Содержание и форма в филологическом сознании разграничиваются и иногда противопоставляются, что можно свести к нескольким аспектам:

1. Содержание и форма рассматриваются как две онтологические характеристики текста. Форма как онтологическая сущность более изучена в эстетическом плане, как материально-духовная сущность, обладающая объемом, либо реализованная на плоскости, форма в искусстве рассматривается как вторичный семиотический объект. Форма в природе возникает спонтанно, подчиняясь алгоритмам формообразования, в искусстве же форма воспроизводится преднамеренно, с определенными художником установками на содержательность, выразительность, воздействие, но творится из природных материалов, технологически приспособленных для данного вида искусства [12. С. 39–61]. Наиболее распространенный тезис о соответствии формы и содержания необходимо

уточнять, так как содержаний, воплощенных в одну форму может быть потенциально много, а количество форм, особенно употребительных в узусе, выявлено меньше (см.: параметры 243 форм текста, реализующихся с различной вероятностью: [8. С. 281–289]).

Форма текста продуктивно рассматривается семиотикой и гуманитарными науками (искусствоведением, филологией). Но специальному изучению форма текста подвергается не часто. При этом она полагается виртуальным объектом, который не находится в светлом поле сознания человека, полагается чем-то малосущественным, на что не следует обращать особенного внимания. Тем не менее, экспликация формы текста с помощью вероятностно-статистических процедур показывает: 1) разнообразие реализованных в узусе форм текста, выявляемых по физическим параметрам, доступным для наблюдения и измерения; 2) экспериментально доказана воспринимаемость разнообразия форм текста испытуемыми и влияние качеств формы текста на восприятие содержательных параметров текста и дискурса [1–3; 5–8 и др.].

2. Взаимодействие содержания как конструкта с формой текста как конструктом образует гиперцикл конечного гештальта [14]. Данное направление исследований представляется весьма эвристичным, но нужно разрабатывать методики формализации содержательных компонентов текста. Полагаем, что позиционный метод анализа текста позволяет описывать наличие / отсутствие и процессуальное бытие компонентов содержательного плана в протяженности текста/дискурса. Форма текста может рассматриваться статично как финитный конструкт и в процессуально-динамическом аспекте, в становлении и бытии.

Форма текста как финитный конструкт (хोलистичный паттерн организации), итог всех процессов, становлений, ветвлений, циклично-периодичных повторяемостей ее компонентов и т.п., приведших структуру текста к финитному состоянию. Форма заверщенного, цельного и отдельного текста наблюдаема лишь как одномерный объект в виде пространственно-временной последовательности единиц языка в конечной последовательности, формула же текста как лингвистический конструкт описывает текст двояко: как целостный финитный гештальт с набором качеств, и/или как развертку структурных состояний во внутритекстовом пространстве-времени [1. С. 14–76; 8. С. 103–108]. Формула производна от расположения

границ предложений относительно избранных для измерения пропорциональных позиций, производных от инвариантных состояний структуры текста [1. С. 25–63, 6, 8, 10, 11 и др.].

Рассмотрим процессы, происходящие на каждом из уровней сложности формы текста. **Текст как одномерный объект** представлен как последовательность единиц языка, среди которых могут быть выделены повторяющиеся с вариациями и заменами и не повторяющиеся компоненты, образующие некоторые паттерны симметричной и/или асимметричной структуры. На линейном этапе развертывания текстовой последовательности значимы расстояния между повторяющимися паттернами, их размеры в соотношении с целым и локализация во внутритекстовом пространстве-времени. В тексте символами обозначены пространственно-пропорциональные позиции размещения единиц: / – зачин (0,146); V – границы зоны ГЦ, слабые позиции; ГЦн – слово подчеркнуто, ГЦ – слово выделено прописными; полужирным выделен креативный аттрактор текста (пред-ГЦн 0,09 от целого). В тексте серия повторов различного размера, не повторяются лишь отдельные слова, раскрывающие новое в повторяющемся и постоянном (выделены курсивом. – Г. М.):

Я стою и расту – я *растение*. Я стою, / и расту, и хожу – я *животное*. Я стою, и расту, и V хожу, и *мыслью* – я человек. Я стою и чувствую: земля под моими ногами, вся ЗЕМЛЯ. Опираясь на землю, я поднимаюсь: и надо мною небо, всё небо моё. И начинается симфония V Бетховена, и тема её: всё небо моё (М. М. Пришвин).

Повторяющиеся паттерны располагаются в тексте весьма свободно, на первый взгляд, но

при точном измерении обнаруживается, что элементы симметрии (суть повторяющееся) предпочитают некоторые позиции (перцептивно сильные) и в меньшей степени присутствуют в других (перцептивно слабые), что создает вторую пространственную координату формы текста – интенсивность употребления единиц в разных позициях текста.

Текст как двумерный объект формируется

1) интенсивностью протекающих процессов; 2) иерархизацией компонентов последовательности, возникающей как просодические и коммуникативные качества законченных высказываний, приспосабливающихся к целому (интонационные контуры как движения тона вверх / вниз при произнесении, фразовые и логические ударения, паузация, частицы и т. п.). В различных позициях текста указанные эффекты образуют новые паттерны, надстраивающиеся над одномерной моделью текста (рис. 1).

Серия анафорических констатирующих и перечислительных мелодем со все удлиняющейся периодичностью объемов постепенно выводит систему из равновесного состояния. Эпифора (*всё небо моё*) в двух последних абзацах внешне замыкает текст справа. В качестве предельного случая иерархично организованного текста можно упомянуть словообразовательное гнездо [4].

Текст как трехмерный объект создается в результате направленного периодического вращательного движения по спирали во временной эволюции целого, о чем мы можем судить по периодичности различных процессов, протекающих в тексте и подчиняющихся пропорциям золотого сечения. Спираль Архимеда характеризуется тождеством на всех витках

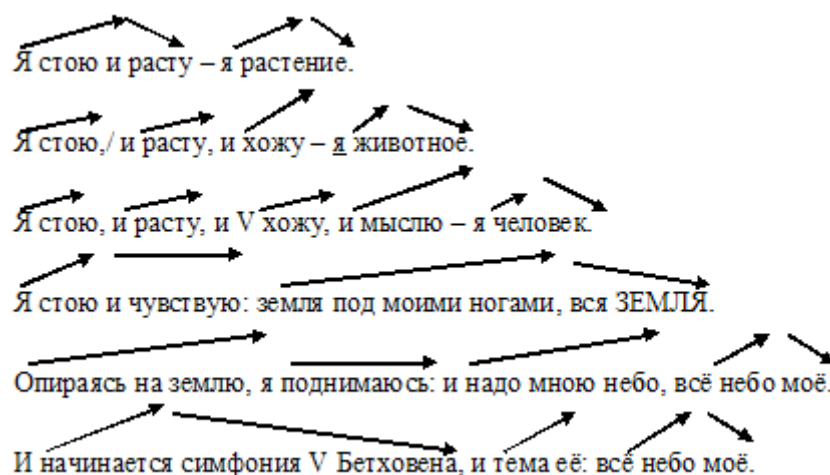

Рис. 1. Интонационные схемы текста

Таблица 2

Распределение текста по позиционным интервалам
(цифрами указана плотность циклов в интервалах текста)

Зачин (0,146) 3	Пред-ГЦн (0,09) 6	Пост- ГЦн (0,146) 5	Пред-ГЦ (0,236) 5	Пост-ГЦ (0,236) 4	Конец (0,146) 3
АТТРАКТОР					
Я стою и расту – я растение. Я стою,/	Я стою и расту, и хожу –	я животное. Я стою, и расту, и V	хожу, и мыслю – я человек. Я стою и чувствую: земля под моими ногами, вся ЗЕМЛЯ .	Опираясь на землю, я поднимаюсь: и надо мною небо, всё небо моё. И начинается симфония V	Бетховена, и тема её: всё небо моё.

своего развертывания, расстояния между витками суть пропорции золотого сечения, отмеченные для различных текстов как их инвариантная особенность. Позиционная матрица организации текста построена на данном свойстве, выявленном из значительных полнотекстовых выборок (более 55 тысяч разнообразных устных и письменных текстов на русском, английском, французском, немецком языках) [1. С. 14–76, 2, 3, 8, 11 и др.].

«Принцип, связывающий идеальное и материальное в одной целостной структуре, отвечает диалектическому подходу, – «раздвоения единого» на две противоположные формы, которые опосредуют друг друга, определяя самодвижение и развитие» [14]. Цикличность как смена взаимонаправленных, то есть внутренне противоречивых процессов и/или состояний в структуре текста вносит существенный вклад в формирование целого, подобные процессы имеют обратную связь. В процессе циклического взаимодействия, например, началостремительности и концестремительности происходит постепенное уменьшение одной тенден-

ции и нарастание другой, где-то происходит их гармонизация и смена одной ведущей тенденции другой, противоположной, с замыканием системы на самоё себя. Природное циклическое взаимодействие гармонизируется по закону золотого сечения, где-то вблизи гармонического центра текста. Но вероятны и другие позиции гармонизации, что создает разнообразие моделей формы текста.

Данный текст реализует модель /21012/, обладающую продленным аттрактором от пред-ГЦн до пред-ГЦ: 3 – 6 – 5 – 5 – 4 – 3. Табл. 1 и рис. 2, отображают контуры внутритекстового трехмерного внутритекстового пространства, но без учета направленного вращения формы. Пропорции золотого сечения указывают самотождественные состояния структуры на различных витках, что позволяет отобразить форму текста объемно как результат действия винтовой симметрии с самоподобными состояниями структуры на витках, расположенных в пропорции золотого сечения. По параметрам формы (плотность циклов в позиционных интервалах) представим модель внутритекстово-

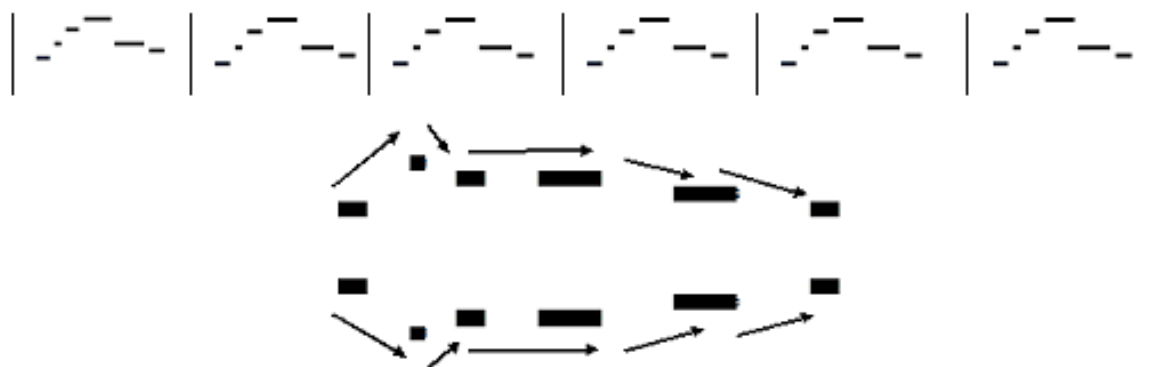

Рис. 2. Модель трехмерного внутритекстового пространства (вверху показана динамика формы абзаца/предложения, внизу – динамика целостной формы текста)

го пространства с одинаковыми граничными условиями на входе и выходе.

В каждом из 6 предложений текста, по воле автора равном абзацу, реализуется восходяще-нисходящая модель /22211/. Казалось бы, что и весь текст будет таким же. Но предложения/ абзацы различаются размером в словах: $6 \rightarrow 8 \rightarrow 10 \rightarrow 9 \rightarrow 10 \rightarrow 10$. Ритмическая же неравномерность речевой ткани, наряду с различными мелодемами (рис. 1), постепенно выводит систему из равновесия, смещает и продляет аттрактор текста (нижняя часть рис. 2), снижает общую градиционную динамику формы, выравнивает граничные условия модели.

Если рассматривать дискретность текста как его онтологическое качество, то характер ближних и дальних взаимодействий, возникающих между противоположными состояниями структуры, описывает процессы спонтанной упорядоченности целого, выталкивая при этом аттрактор как важнейший структурный и содержательный компонент текста. В данном тексте нисходящий продленный аттрактор располагается во 2, 3 и 4 интервалах, его нисходящее движение повторяет модель формы целого, но с совпадающими граничными условиями, то есть начало и конец текста совпадают по интенсивности циклических процессов спонтанной самоорганизации целого. Структурные качества аттрактора: позиция, локализация в интервалах текста, симметрия/асимметрия аттрактора справа и / или слева удовлетворительно соотносятся с соответствующими параметрами формы текста, что статистически и экспериментально показано и доказано на большом полнотекстовом материале [1 – 3, 6, 7, 9 – 11 и др.].

«Воспроизводство живого организма связано с матричным принципом биосинтеза белков, обеспечивающим «самоподобие», повторение (итерацию) структурного паттерна организма. Понятие самоподобия составляет основу природы фракталов» [14]. Таким образом, содержательность формы текста как объекта фрактальной природы складывается из единиц структуры и процессов их взаимодействия. Моделирование текста на основе физических параметров структуры текста: размер целого и частей, ритм размеров разнообразных паттернов организации, бифуркации и флуктуации отдельных параметров и/или процессов, – выявляет самоподобие структуры текстов как способ их осуществления.

Список литературы

1. Бекасова, Е. Н. Векторы интерпретации текста: структуры, смыслы, генезис / Е. Н. Бекасова, Г. Г. Москальчук, В. Ю. Прокофьева. – М.: Изд-во Спутник+, 2013. – 217 с.
2. Болдырева, Э. Т. Креативный аттрактор как структурный компонент текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007. – 23 с.
3. Бузаева, Я. А. Самоподобие формы текста как принцип организации вторичного текста (на материале сонетов У. Шекспира и их русских переводов): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Я. А. Бузаева. – Челябинск, 2015. – 23 с.
4. Важина, Е. Н. Словообразовательное гнездо как иерархически организованный текст / Е. Н. Важина, Г. Г. Москальчук // Мир лингвистики и коммуникации. – 2015. – № 40. – С. 106–112.
5. Корбут, А. Ю. Инвариант структуры диалектного и художественного текста / Корбут А. Ю., Г. Г. Москальчук // Явление вариативности в языке. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. – С. 183–188.
6. Москальчук, Г. Г. Форма текста как многоуровневый конструкт / Г. Г. Москальчук, Н. А. Манаков // Знание. Понимание. Умение. – 2014. – № 4. – С. 291–302.
7. Моисеева, И. Ю. Синергетическая модель текстообразования: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. / И. Ю. Моисеева. – Челябинск, 2007. – 38 с.
8. Москальчук Г. Г. Структура текста как синергетический процесс. М.: Едиториал УРСС, 2010. 296 с.
9. Москальчук, Г. Г. Изоморфизм структуры текста и его аттрактора / Г. Г. Москальчук // Синергетическая лингвистика vs лингвистическая синергетика: Материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Пермь, 8-10 апр. 2010 г.). – Пермь: Изд-во ПГТУ. – С. 77–85.
10. Москальчук, Г. Г. Теория формообразования текста / Москальчук Г. Г. // Язык. Время. Личность: Материалы Междунар. науч. конф. – Омск, 2002. – С. 517–524.
11. Москальчук, Г. Г. Гармония целого в переводе // Индустрия перевода. – Пермь, 2015. – С. 3–8.
12. Сапего, И. Г. Предмет и форма. Роль восприятия материальной среды художником в создании пластической формы / И. Г. Сапего. – М.: Сов. Художник, 1984. – 304 с.
13. Шевелев, И. Ш. О формообразовании в природе и в искусстве / И. Ш. Шевелев // Ше-

велев, И. Ш. и др. Золотое сечение: Три взгляда на природу гармонии. – М.: Стройиздат, 1990. С. 6–129.

14. Черезов, А. Е. Методология познания живого: идея самоподобия самоорганизующихся

систем: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / А. Е. Черезов. – М., 2008. – URL: www.muh.ru/content/08_08_18_Cherezov.doc (Дата обращения 15.04.2015).

И. П. Назарова

*Казанский государственный энергетический университет
(Казань, Россия)*

ПЕРВИЧНАЯ ТЕМПОРАЛЬНАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ

PRIMARY TEMPORAL LOCALIZATION

В статье дается анализ темпоральных контекстов с точки зрения временной локализованности и временной референции. Уточняются способы первичной темпоральной локализации в свете двух теорий.

The article analyzes the temporal context in terms of the time localization and temporal references. On the basis of two theories primary localization is made more detailed.

Ключевые слова: дейксис, временная локализация, временная референция, момент речи, орцентрическая и аллоцентрическая референциальные точки.

Keywords: deixis, time localization, time reference, the moment of speech, allocentric and orcentric reference points.

Вклад А. В. Бондарко в разработку вопросов временной локализации действия трудно переоценить. Из последних разработок в данной области базовый труд А. В. Бондарко представляется нам как наиболее соответствующий нашему пониманию вопросов темпоральной локализации действия на временной оси. Мы взяли на себя смелость изложить концепцию временной локализации действия относительно временных абсолютных и относительных дейктических центров А. В. Бондарко. Мы хотели указать на основные позиции, по которым наша концепция временной референции ситуации относительно орцентрической и аллоцентрической референциальных точек совпадает с концепцией А. В. Бондарко с целью консолидации терминов и дальнейшей возможности взаимного обогащения исследований в данной области. Несмотря на оперирование различными терминами и анализ темпоральных контекстов с разных точек зрения временной локализованности и временной референции, наши выводы по многим вопросам совпадают. Ценность нашего исследования состоит в поддержке кон-

цепции А.В. Бондарко и в ее обогащении результатами наших исследований. Несмотря на то, что мы выбрали другое направление исследования темпоральной локализации с позиций временной референции, верность наших выводов подтверждается совпадением полученных результатов по двум концепциям.

А. В. Бондарко вводит понятие **временного дейктического центра**, который эквивалентен понятию референциальной точки. Актуализационная функция глагольного времени и других элементов темпоральности связана с понятием временного дейксиса. Временной дейксис – это языковая интерпретация соотношенности времени действия с моментом речи или какой-либо иной точкой отсчета, т.е. темпоральную ориентацию обозначаемой ситуации с точки зрения говорящего или другого лица, определяющего временные отношения [1. С. 478]. Данное определение эквивалентно нашему определению временной референции. Временной дейктический центр выражен, прежде всего, в системе глагольных временных форм. Система временных форм в составе ком-

понентов и в отношении между ними – в самом факте существования форм прошедшего, настоящего и будущего времени – обнаруживает ориентацию на определенную точку отсчета, на дейктический центр, заключенный в построении данной системы, ее фокусировке. В данном случае, согласно нашей концепции, речь идет о первичной темпоральной локализации. Каждая форма глагольного времени несет в своем категориальном значении определенное отношение к этому дейктическому центру, т.е. в нашем видении имеет системное значение качественной темпоральности. А. В. Бондарко различает реальный (внеязыковой) и системно-языковой центр временного дейксиса, иначе говоря, проводит различие между внеязыковой точкой отсчета временных соотношений и ее репрезентацией в системе временных форм.

Идея первичной темпоральной локализации действия с преимущественной реализацией благодаря значениям качественной темпоральности временных форм совпадает с объяснением актуализирующей роли временных форм в интерпретации А. В. Бондарко. Временной дейктический центр эквивалентен понятию референциальной точки. Во временных формах заложено определенное категориальное дейктическое отношение к системно-грамматическому центру временной ориентации, и это отношение в конкретных актах речи получает ту или иную реализацию, в частности, реализуется как предшествование или следование с точки зрения конкретного момента речи. Между системно-временным дейктическим центром и внеязыковым моментом речи (а также другими речевыми исходными пунктами временной ориентации) существует отношение взаимообусловленности. С одной стороны, временной дейктический центр представляет собой отражение, обобщение и закрепление в языковой системе тех отношений к моменту речи, которые выступают в процессах коммуникации. С другой стороны, сложившаяся в данном языке система временных форм и других средств выражения темпоральных отношений с заключенными в них отношениями к дейктическому временному центру используются в процессах речи и служат средством передачи и восприятия отношения обозначаемых ситуаций к времени. Временной дейктический центр находит свое выражение, прежде всего, в той грамматической точке отсчета, которая заключена в глагольных формах времени и синтаксических конструкциях, обладающих определенным временным значением. Однако в целом вре-

менной дейктический центр выходит за пределы грамматического времени, т.е. имеются в виду средства неглагольной темпоральности.

Отношение к временному дейктическому центру по-разному реализуются в разных типах ситуативно актуализированной и ситуативно неактуализированной речи. Ситуативно актуализированной тип речи отличается непосредственной связью содержания высказывания с ситуацией речи, т.е. речь идет о выражении временной референции относительно орцентрической референциальной точки – имплицитной нулевой точки момента речи.

А. В. Бондарко выделяет абсолютную и относительную временную ориентации. Семантика абсолютной и относительной временной ориентации связана с разными центрами временного дейксиса. При абсолютной временной ориентации – момент речи говорящего, субъекта, которому принадлежит высказывание. Другой центр – момент, зафиксированный теми языковыми средствами, которые служат показателями того исходного временного плана, по отношению к которому определяется время данного действия [1. С. 481]. В данном случае речь идет об аллоцентрической референциальной точке. Неактуальность ориентации времени действия на момент речи, по мнению А. В. Бондарко, нельзя отождествлять с относительным временем, при котором время данного действия не является самостоятельным, а определяется с точки зрения времени другого действия или какой-то иной точки отсчета, не являющейся моментом речи.

Прототипический временной дейксис – это дейксис, актуальный для смысла высказывания, четко выраженный, заключающий в себе осознаваемую участниками речевого акта и существенную для смысла высказывания (интенциональную, входящую в намерения говорящего) характеристику действия как прошедшего, будущего или настоящего с точки зрения момента речи [1. С. 266]. Прототипический в понимании А.В. Бондарко подразумевает эталонный, т.е. речь идет о темпоральной локализации относительно орцентрической референциальной точки. Момент речи говорящего, как актуальная исходная точка отсчета временных отношений, является основным признаком прототипического временного дейксиса. **Производный временной дейксис** предполагает характеристику действия как прошедшего, будущего или настоящего с точки зрения иной точки отсчета, т.е. речь идет о темпоральной локализации относительно аллоцентрической референциальной точки.

В нашей концепции, временная референция представляет собой акт соотнесенности времени действия предиката с референциальной точкой. Временная референция высказывания реализуется в языке на нескольких уровнях: первом – морфологическом, втором – лексическом. На морфологическом уровне языковой репрезентации ситуации происходит наименование отношения между актантами – действия, состояния, процесса – с помощью глагола. В соответствии с нормами языка, глагол не может употребляться в неопределенной форме инфинитива, а происходит его первичная темпоральная локализация, т.е. синтаксически актуализированный глагол должен быть в определенной личной временной форме.

Первичная темпоральная локализация реализуется благодаря значению качественной темпоральности временной формы [2. С. 79]. **Качественная темпоральность** обозначает линейный порядок смены процессов и событий, направленных от прошлого к будущему безотносительно к их делению, но относительно *определенной точки отсчета*. Темпоральная локализация репрезентируемой ситуации реализуется благодаря значению качественной темпоральности временной формы глагола относительно референциальной точки.

Референциальная точка преимущественно (но не во всех случаях) выражается временной формой глагола и представляет собой определенный, известный для говорящего *ментальный ориентир во времени*, подразумеваемый им, когда он локализует во времени излагаемые события. Говоря *Я встал*, он употребляет форму прошедшего времени, предполагая мысленно череду всех произошедших впоследствии процессов, или в перфектном значении конкретизирует завершенность процесса. Невозможно представить язык, в котором требовалось бы с математической точностью указывать в реальном времени локализацию любого сообщаемого нами события. Языковая временная презентация требует только мысленный выбор референциальной точки и изложение всех событий как локализованных относительно нее. В этом заключается один из аспектов формализующей функции языка. Наиболее распространенная **орцентрическая референциальная точка** представляет собой момент речи и предполагает локализацию всех излагаемых ситуаций относительно «сейчас, когда я говорю». Данная референциальная точка может быть имплицитной, подразумеваемой моментом диалога, моментом речи, и исполь-

зование неглагольных средств вторичной темпоральной локализации не является обязательным: «*Ты что делаешь? – Я читаю книгу (= сейчас)*». **Аллоцентрическая референциальная точка** представляет собой определенный момент, выделенный в прошлом или будущем, причем конкретная его временная локализация на оси времени необязательна, достаточно нейтрального временного локализатора, соответствующего понятию «тогда». Данная референциальная точка также может быть имплицитной, подразумеваемой темпоральным контекстом использованных временных форм: «*Наступили холода. Большинство птиц улетело на юг. Оставшимся зимовать птицам стало тяжело добывать пропитание (= вот тогда)*». В данном случае использование неглагольных средств вторичной темпоральной локализации необязательно.

Существование двух референциальных точек объясняет разнообразие временных форм с различными значениями качественной темпоральности.

Для локализации относительно орцентрической референциальной точки – *punc* – традиционно используются временные формы: **Перфект – Презенс – Футурум – Имперфект**.

Для локализации относительно аллоцентрической референциальной точки в прошлом – *punc* – наиболее часто употребляемыми являются временные формы: **Плюсквамперфект-Аорист/Претерит – Имперфект – Футурум в прошедшем**.

Для локализации относительно аллоцентрической референциальной точки в будущем – *punc* – используются следующие временные формы: **Презенс – Футурум – Футурум** (с неглагольной локализацией в будущем).

Таким образом, **первичная темпоральная локализация** реализуется относительно двух ментальных референциальных точек.

Список литературы

1. Бондарко, А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка / Рос. академия наук. Ин-т лингвистических исследований / А. В. Бондарко. – М.: Яз. славян. культ., 2002. – 736 с.
2. Закамулина, М. Н., Лутфуллина Г. Ф. Темпоральный контекст как средство детерминации референциального статуса именной группы (на материале французского и татарского языков) / М. Н. Закамулина, Г. Ф. Лутфуллина. – Казань: КГЭУ, 2009. – 130 с.

Н. С. Олизько

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

ГАРМОНИЯ ФОРМЫ ТЕКСТА

THE HARMONY OF TEXT'S FORM

В статье затрагивается проблема гармонии текста. В рамках лингвосинергетического подхода текст трактуется как нелинейно-саморазвивающееся единство открытых и подвижных, разомкнутых в пространстве семиосферы структур, находящихся в динамической симметрии, обеспечивающей гармоничное формообразование.

The article deals with the problem of text harmony. Within linguosinergetics approach, the text is treated as a nonlinear self-developing unity of open and mobile in the space of semiosphere structures that are in dynamic symmetry providing a harmonious form.

Ключевые слова: лингвосинергетика, креативный аттрактор, симметричность, асимметричность, золотое сечение, метадискурс.

Keywords: linguosinergetics, creative attractor, symmetry, asymmetry, Golden section, metadiscourse.

Художественное видение мира, воплощенное в языковом творчестве, реализуется в соответствии с общими принципами и законами искусства, одним из которых является принцип гармонии как средство выражения эстетического совершенства художественного произведения. Основным показателем гармонии формы текста выступает повторяемость элементов, свидетельствующая о симметрии текста.

Симметрия и асимметрия как диалектическое единство повторяющегося и различного обладают универсальностью на всех уровнях организации систем. Подобным образом элементы текста взаимодействуют на разных уровнях организации как симметричные или асимметричные. Если симметрия строится на соразмерности частей целого, возникающей в результате повтора определенных структур текста, то в случае «выпадения» (перехода в разряд скрытых смыслов) одного или нескольких элементов симметрии речь идет об асимметрии, характеризующейся «отступлением от упорядоченности, регулярности в строении и функционировании языковых единиц» [8. С. 94].

Учитывая тот факт, что живому – самоорганизующемуся – организму симметрия менее свойственна, Г. Г. Москальчук отмечает, что в тексте наиболее вероятны асимметричные структуры. Однако обнаружить последние можно только на фоне инвариантных (симметричных) проявлений структурной организации текста, так как только «симметричный

фон, существующий на всех уровнях языка, служит стабилизатором системы, синхронизатором текста и речемыслительной деятельности» [4. С. 62]. Соответственно, «чтобы сохранить феноменальную целостность, текст должен стремиться к симметрии, но никогда ее не достигать, поскольку симметрия его структуры ведет к резкому снижению информативности, свойственной открытым нелинейным диссипативным, то есть синергетическим системам» [1. С. 52]. Итак, текст организуется, стремясь к симметрии, но одновременно и самоорганизуется, стремясь к асимметрии. «Выявляя симметричные–асимметричные моменты и оценивая их значимость в системном развитии, можно установить законы динамики смысловой системы художественного произведения и на их основе достаточно объективно охарактеризовать мировоззренческую концепцию автора» [6. С. 51]. Другими словами, доминантный смысл, синхронизирующий симметричные (находящиеся в динамическом равновесии) и асимметричные (находящиеся в динамическом неравновесии) компоненты, выступает креативным аттрактором, организующим художественное произведение.

Гармония текста возникает при динамическом равновесии метаязыковых репрезентаций, выступающих средством реализации авторского замысла как креативного аттрактора. В рамках лингвосинергетического подхода метаязык трактуется как средство организации

интердискурсивного пространства семиосферы, представляющего собой совокупность вторичных семиотических систем.

Понятие метадискурса, введенное в научный обиход Зеллингом Харрисом, следует трактовать как «способ понимания языка в использовании, представляющий попытки автора, создающего текст, помочь читателю лучше понять последний» [Цит. по: 9. Р. 3]. В современном языкознании данный термин широко используется в американской школе анализа дискурса для описания относительно нового подхода к изучению отношений между текстом и его производителем и реципиентом. К. Хайланд говорит о существовании двух основных видов метадискурса, основанных на двух аспектах взаимодействия (two dimensions of interaction): авторское взаимодействие с текстом (interactive dimension) и авторское взаимодействие с читателем (interactional dimension) [Ibid.].

Процесс взаимодействия автора с текстом приводит к появлению «метатекста», выступающего «ключом» к интерпретации художественного произведения посредством комментирования, структурирования и создания вторичной референции. Метатекстовые компоненты, представляющие собой рефлексию в тексте по поводу его собственной структуры, вносят «дополнительный смысловой «этаж» в содержание текста, обнажая его внутреннюю структуру, его соотношение с другими текстами и самим собой» [7. С. 565]. Метатекст, выступающий способом языкового оформления, позволяет автору комментировать отдельные слова и выражения, располагать в определенном порядке отрезки высказывания, соединять и разделять их, гармонизируя форму текста.

При взаимодействии с читателем автор, комментируя, переключает внимание адресата на наиболее существенные фрагменты произведения и призывает последнего к диалогу посредством введения метаязыковых рассуждений, касающихся процесса организации и самоорганизации художественного произведения. Метаязыковые компоненты данного уровня многофункциональны: «они раздвигают временные рамки и расширяют культурное пространство текста, создавая предпосылки для возникновения многообразных ассоциаций, могут служить средством выражения оценки, использоваться для усиления аргументации или для создания иронии» [2. С. 113].

При разграничении структурного и смыслового уровней интерпретации художественного

произведения метаязыковые включения распадаются на следующие группы: метаязыковые высказывания структурно-организационного характера и метаязыковые рассуждения о языке и литературе. Первая группа включает гармонизирующие повествование высказывания, отражающие способы оформления произведения и объясняющие значения используемых в тексте слов и выражений. Ко второй группе относятся комментирующие высказывания, касающиеся смысловой наполняемости художественного дискурса в целом и каждого художественного произведения в отдельности.

В основе симметрии подобия, или динамической симметрии, лежит принцип резонансного изоморфизма, демонстрирующий количественно-качественные состояния эстетического объекта и обеспечивающий процесс перехода от одного качественного состояния к другому. Данный принцип, отражающий гармонию и динамику роста формы текста, восходит к закону золотого сечения.

Как известно, понятие золотого деления ввел в научный обиход Пифагор, древнегреческий философ и математик (VI в. до н.э.). Однако существуют свидетельства, что египетские и вавилонские мастера также пользовались соотношениями золотого деления при создании архитектурных сооружений, предметов искусства и быта. Леонардо да Винчи, стремившийся найти гармонические отношения в живописи, архитектуре, строении человеческого тела, назвал эту пропорцию «золотое сечение». Крупнейший алгебраист XV в. итальянец Лука Пачоли, узрел в золотом сечении божественные черты и в 1509 году издал книгу «Божественная пропорция». В этот же период в Германии Альбрехт Дюрер написал введение к первому варианту трактата о пропорциях, описывающему теорию пропорций человеческого тела в соответствии с законом золотого сечения.

Известный астроном XVI в. Иоганн Кеплер назвал золотую пропорцию продолжающей саму себя: «Устроена она так, что два младших члена этой нескончаемой пропорции в сумме дают третий член, а любые два последних члена, если их сложить, дают следующий член, причем та же пропорция сохраняется до бесконечности» [3. С. 27]. Другими словами, ряд золотого сечения отличается уникальным свойством аддитивности, когда сумма двух последних членов равна следующему члену ряда.

С историей золотого сечения также связано имя итальянского математика монаха Леонардо из Пизы, более известного под именем Фи-

боначчи (сын Боначчи). В 1202 году вышел в свет его математический труд «Книга об абаке» («абака» – счетная доска), в котором обращается внимание на часто встречающуюся в природе последовательность ряда чисел, где каждое последующее число равно сумме двух предыдущих, то есть получается ряд: 1, 1, 2, 3, 5, 8, 13, 21, 34 ... Удивительные свойства этого ряда заключаются в том, что соотношения каждого последующего числа к предыдущему приближаются к значению 1,618, названному числом Фибоначчи и соответствующему пропорции золотого сечения.

Принцип золотого сечения обнаруживается как в формах живых организмов (форма улитки, пропорции тела и органов человека), так и в биоритмах мозга и ритмах сердечной деятельности, строении плодородного слоя земли и статистике популяции, строении планетарных систем и системы Менделеева, в компонентах генного аппарата человека и животных и так далее. В искусстве золотое сечение мы находим в архитектуре, живописи, литературе, прикладных искусствах. На точку золотого сечения обычно приходится кульминация, или главная мысль художественного произведения.

Динамическая симметрия, характеризующая гармоническое развитие текста, лежит в основе организации фрактальных структур. Многие природные структуры обладают фундаментальным свойством геометрической регулярности, известной как инвариантность по отношению к масштабу, или самоподобие. Если изучать эти объекты в различном масштабе, то постоянно обнаруживаются одни и те же фундаментальные элементы. Эти повторяющиеся закономерности определяют дробную, или фрактальную, размерность структуры. Рождение фрактальной геометрии связано с выходом в 1975 году книги французского ученого Бенуа Мандельброта «Фрактальная геометрия природы». Понятие «фрактал» ученый вводит для обозначения нерегулярных, но самоподобных структур.

Самоподобие фракталов проявляется как в классическом линейном смысле – часть есть уменьшенная копия целого, так и в нелинейном смысле – часть есть «похожая» копия целого. И в том, и в другом случае методологическая значимость понятия фрактальности в применении к художественному дискурсу состоит в способности представить динамический сценарий становления целостности последнего. Г.Г. Москальчук описывает данный процесс следующим образом: «мы двигаемся

постепенно как бы внутри текста, от его начала, где первоначальный смысл еще точечный и не обрел языковых единиц для своего полного выявления. Затем, в каждом последующем разрезе, происходит как бы «покадровое» прояснение деталей, касающееся как смысла, так и структуры целого. Доминантный смысл высвечивается в области пред-ГЦ – ГЦ (ГЦ – гармонический центр текста), где сильны разного рода резонансные усиления, возникающие как в тексте, так и в тех интервалах, которые уже пройдены. Активная сличительно-утвердительная роль зон, следующих за моментом гармонизации, только детализирует уже практически порожденный смысл» [5. С. 186].

Таким образом, в рамках лингвосинергетического подхода текст трактуется как нелинейно-саморазвивающееся единство открытых и подвижных, разомкнутых в пространстве семиосферы структур, находящихся в динамической симметрии, обеспечивающей гармоничное формообразование.

Список литературы

1. Герман, И. А. Введение в лингвосинергетику: моногр. / И. А. Герман, В. А. Пищальникова. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1999. – 130 с.
2. Денисова, Г. В. Интертекстуальность и семиотика перевода : возможности и способы передачи интертекста / Г. В. Денисова // Текст. Интертекст. Культура : сб. докл. междунар. науч. конф. / ред.-сост. В. П. Григорьев, Н. А. Фатеева. – М. : Азбуковник, 2001. – С. 112-128.
3. Кеплер, И. О шестиугольных снежинках / И. Кеплер ; пер. с лат. Ю. А. Данилова. – М. : Наука, 1982. – 194 с.
4. Манаков, Н. А. К основаниям текстосимметрии / Н. А. Манаков, Г. Г. Москальчук // Лингвосинергетика : проблемы и перспективы : материалы второй shk.-семинара / под общ. ред. В. А. Пищальниковой. – Барнаул : Изд-во ААЭП, 2001. – С. 57-63.
5. Москальчук, Г. Г. Структура текста как синергетический процесс / Г. Г. Москальчук. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 296 с.
6. Мышкина, Н. Л. Внутренняя жизнь текста : механизмы, формы, характеристики / Н. Л. Мышкина. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1998. – 152 с.
7. Николаева, Т. М. От звука к тексту / Т. М. Николаева. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 679 с.

8. Фещенко, В. В. Autopoetica как опыт и метод, или о новых горизонтах семиотики / В. В. Фещенко // Семиотика и Авангард : антология / ред.-сост.: Ю. С. Степанов, Н. А. Фатеева, В. В. Фещенко, Н. С. Сироткин ; под общ.

ред. Ю. С. Степанова. – М. : Академ. Проект : Культура, 2006. – С. 54-122.

9. Hyland, K. Metadiscourse / K. Hyland. – Cornwall : MPG Books Ltd., 2005. – 230 p.

Ф. И. Панков

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)*

ПАРЦЕЛЛЯЦИЯ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ ТЕКСТООБРАЗОВАНИЯ

PARCELLATION AS A LINGUISTIC MECHANISM OF TEXT FORMATION

В статье рассматривается явление парцелляции. На анализе конкретных примеров доказано, что парцелляция – это не стилистический приём и не средство изобразительности, а лингвистический механизм текстообразования, который позволяет актуализировать важный для пишущего (говорящего) компонент высказывания в письменной или устной речи.

The article deals with the phenomenon of parcellation and sets out the arguments against taking it as a stylistic device or expressive means. The analysis of linguistic material shows that parcellation should be regarded as a linguistic mechanism of text formation that allows the speaker / writer to make an important point both in speech and writing.

Ключевые слова: парцелляция, лингвистический механизм, коммуникативная позиция.

Keywords: parcellation, linguistic mechanism, communicative position.

Явление парцелляции в лингвистике широко известно: это «такое членение предложения, при котором содержание высказывания реализуется не в одной, а в двух или нескольких интонационно-смысловых речевых единицах, следующих одна за другой после разделительной паузы: *У Елены беда тут стряслась. Большая* (Панферов)» [6. С. 199; см. также 4. С. 454]. Парцеллированная конструкция включает базовую часть и парцеллят. Парцеллят по отношению к базовой части может быть как постпозитивным, так и препозитивным [7. С. 279]. Традиционно парцелляция определяется как стилистическая фигура, «особый стилистический приём, позволяющий усилить смысловые и экспрессивные оттенки значений» [6. С. 199], как средство изобразительности, характерное для письменной, особенно публицистической, речи, используемое, например, в средствах массовой информации, а также в художественной литературе [4; 6; 7]. Од-

нако анализ конкретного языкового материала свидетельствует о том, что это не совсем так. Задача данной статьи – доказать, что парцелляция является не стилистическим приёмом и не средством изобразительности, а лингвистическим – грамматическим и коммуникативным – механизмом текстообразования и нетривиальной синтаксической позицией. Для этого сначала обратимся к понятию позиции.

Термин «позиция» в грамматике используется сейчас в трёх основных значениях, передающих различные аспекты функционирования словоформ как в устной, так и в письменной речи. Во-первых, это место синтаксемы в семантической структуре предложения или вне её, а в структуре предложения – место словоформы относительно другой, с которой она связана смысловыми отношениями. Во-вторых, это «членопредложенческий ранг» словоформы в формальной структуре предложения [1. С. 163]. В-третьих, это место словоформы

Таблица 1

Основные позиции синтаксем

Синтаксические позиции									
1. Вне предложения и вне текста			2. В составе предложения						
1.1. Изолированная	1.2. В конъюнкции с другими синтаксемами	2.1. Компонент структуры словосочетания (присловная позиция)					2.2. Компонент структуры предложения (неприсловная обусловленная позиция)		
		2.1.1. При V	2.1.2. При N	2.1.3. При Adj	2.1.4. При Adv	2.1.5. При Comp	2.1.6. При Num	2.1.7. При Pron	2.2.1. В предикативной паре
									2.2.2. Вне предикативной пары
									2.2.1.1. Предицируемый компонент
									2.2.1.2. Предицирующий компонент
									2.2.2.1. Компонент той же пропозиции
									2.2.2.2. Компонент другой пропозиции

Примечание к таблице 1. V – глагол, N – имя существительное, Adj – имя прилагательное, Adv – наречие, Comp – компаратив, Num – числительное, Pron – местоимение.

в коммуникативной структуре высказывания с учётом его актуального членения. Позиция в первом значении условно может быть названа позиция-1, во втором – позиция-2, в третьем – позиция-3 [5. С. 10].

Среди позиций синтаксем (позиция-1) целесообразно различать позиции вне предложения, вне текста (самостоятельное употребление) и позицию в предложении, соответственно, в тексте. Позиция вне предложения может быть либо изолированной, либо в конъюнкции с другими синтаксемами. Синтаксема в составе предложения может выступать как компонент структуры словосочетания (присловная позиция) или как компонент структуры самого предложения (обусловленная неприсловная позиция). Присловная позиция может быть привербальной (при глаголе, в том числе при связке), присубстантивной (при имени существительном), приадективной (при имени прилагательном), приадвербиальной (при наречии), прикомпаративной (при сравнительной степени), приноммеральной (при числительном), припрономинальной (при местоимении). Как компонент структуры предложения синтаксема функционирует либо в составе предикативной пары, либо вне её. В составе предикативной пары синтаксема выступает в качестве либо предицируемого (выражающего логический субъект), либо предицирующего (выражающего логический предикат) компонента. Синтаксема вне предикативной пары может являться средством выражения компонента или той же пропозиции, в формировании которой участвует и предикативная пара, или другой пропозиции (подробнее об этом см.

[5. С. 163]). Представим основные типы позиции синтаксем в виде таблицы.

Помимо названных существуют синкретичные позиции, в которых могут объединяться признаки более чем одной позиции. Такой может быть, в частности, позиция **парцелляции** – с одной стороны, позиция присловная, с другой – позиция вне предложения с распространяемым компонентом: *Ингосстрах платит. Всегда* (реклама).

Чтобы ясен был ход дальнейшего рассуждения, рассмотрим теперь место словоформы в коммуникативной структуре высказывания с учётом его актуального членения (позиция-3). Опираясь на работу Т. Е. Янко [9. С. 281], выделим семь коммуникативных позиций, или ролей, словоформ [2. С. 24].

1. Фокус темы – коммуникативная роль словоформы, тяготеющей к позиции начала предложения и обычно (не всегда) характеризующейся повышением основного тона. Коммуникативная роль фокуса темы характеризует словоформы, не отмеченные главным фразовым ударением, однако содержащие центр интонационной конструкции (ИК) и произносимые чаще с интонацией незавершённости¹: *За́втра /я уезжа́ю*.

¹ Примеры из звучащей речи сопровождаются интонационной транскрипцией по Е. А. Брызгуновой. Цифра в верхнем индексе после гласного означает тип ИК на гласном интонационного центра синтагмы. Отсутствие интонационной транскрипции означает, что пример взят из письменного источника, хотя и письменная речь ориентирована на внутренний проговор и, следовательно, интонационное оформление высказывания.

2. Атоническая тема – коммуникативная роль словоформы, входящей в состав темы, однако не отмеченной центром ИК: *Завтра у³тром / я уезжа¹ю.*

3. Фокус ремы – коммуникативная роль словоформы, тяготеющей к позиции конца предложения и обычно характеризующейся понижением основного тона. Коммуникативная роль фокуса ремы характеризует словоформы с главным фразовым ударением, содержащие, естественно, центр ИК и производимые в звучащей речи, как правило, с интонацией завершённости: *Я³ уезжаю / за¹втра.*

4. Диктальная рема – коммуникативная роль словоформы, являющейся однословным ответом (или входящей в состав односоставного ответа) на частный или альтернативный вопрос: *Когда² вы уезжаете? – За¹втра.*

5. Модальная рема – коммуникативная роль словоформы, являющейся однословным ответом (или входящей в состав односоставного ответа) на общий вопрос: *– Вы уезжаете за³втра? – За¹втра.*

6. Атоническая рема – коммуникативная роль словоформы, входящей в состав ремы, но не отмеченной центром ИК: *Мы³ уезжаем / завтра ве¹чером.*

7. Парентеза – коммуникативная роль словоформы, не отмеченной центром ИК и не входящей в состав ни темы, ни ремы, то есть не имеющей ни тематической, ни рематической коммуникативной роли. Парентеза характеризуется принципиальной безударностью, часто ускоренным темпом произнесения: *Мы³, ка-жется, / завтра уезжа¹ем.*

Совокупность всех возможных коммуникативных ролей словоформы составляют её актуализационную парадигму [3. С. 11], которая бывает как полной, так и дефектной. Если словоформа способна занимать все возможные коммуникативные позиции, то она имеет полную актуализационную парадигму. Если словоформа может занимать только некоторые из указанных позиций, то её актуализационная парадигма является неполной, дефектной. При дефектной парадигме словоформы тяготеют либо к слабым тематическим или парентетическим, либо к сильным рематическим позициям.

Например, к абсолютной тематичности тяготеют некоторые наречия: *тут* (лексико-семантический вариант, или ЛСВ ‘в этот момент’), *обычно, обыкновенно* (ЛСВ ‘обычно’), *затем, некогда* (ЛСВ ‘когда-то’), *потом* (ЛСВ ‘после какого-либо действия’), *однажды* (ЛСВ ‘когда-то’), *вмиг, вдруг, вскоре, издавна, теперь, по-*

рой, сначала, поначалу, наконец, тогда (ЛСВ ‘в таком случае, в результате’) и др. Для данных словоформ в нейтральной речи характерна позиция начала предложения, препозиции по отношению к предикату. При нормативном употреблении они не содержат главного фразового ударения. Ср., например, системность (1а, 2а, 3а) и невозможность (1б, 2б, 3б):

(1) а. *Вскоре все заговорили о Пугачёв¹е* (Пушкин).

б. **О Пугачёв¹е все заговорили вско¹ре.*

(2) а. *Сего³дня – / последний концерт Вале¹риш. За¹те³м / – короткий переры³в.*

б. **Короткий переры³в / – за¹те³м.*

(3) а. *Давал три ба⁶ла ежегодно / И промота¹лся на¹конец* (Пушкин).

б. **Давал три ба⁶ла ежегодно / И промота¹лся на¹конец¹ц.*

Позиция парентезы характерна, в частности для словоформ, употребляющихся в синтаксической позиции вводного слова, в частности, выражающих персуазивность, т. е. передающих ту или иную степень достоверности высказывания: *бесспорно, безусловно, конечно, несомненно, вероятно, видно, возможно, очевидно, наверное* и др., а также для *едва* (ЛСВ ‘только что (о начале процесса)’), *зачастую, подчас, пока, по-прежнему* (ЛСВ ‘фазисность (всё ещё, как и раньше), протяжённость во времени, продолжение действия, события, качества во времени’), а также для просторечных или устаревших *покамест, вместе* (ЛСВ ‘одновременно’), *вскорости, завсегда, вчерась, давеча, намедни, теперича (таперича), сперва* и др. (см. 4 – 6):

(4) *Оте³ц, вид¹но, / за¹нят.*

(5) *Вы³, безус¹ловно, / пра¹вы.*

(6) *А мне³ пока / везё¹т на талантливых композиторов и поэтов.*

Ср., например, возможность *часто* в позиции фокуса ремы (7а) и неотмеченность *зачастую* в той же коммуникативной позиции (7б):

(7) а. *В театр мы ходим ча¹сто. –*

б. **В театр мы ходим за¹часту¹ю.*

К слабым коммуникативным позициям атонической темы или парентезы тяготеют также частицы (8а), ср. невозможность или неестественность (8б):

(8) а. *У Оли всего одна пара сапо¹г.*

б. **У Оли одна пара сапог все¹го¹.*

Однако парцелляция как лингвистический механизм текстообразования создаёт условия для преодоления языковых запретов (8в):

(8) в. *У Оли одна пара сапо¹г. Все¹го¹.*

Дефектность актуализационной парадигмы может быть обусловлена различными причи-

нами. Одна из них – тип модели предложения. Так, в предложениях с глаголами каузированного состояния-отношения *увлекаться* – *возмущаться* прилагательное, называющее каузирующий признак, не может принять на себя рематическое ударение, ср. неотмеченность (9а) и (10а) при абсолютной корректности (9б) и (10б):

(9) а. **Оля гордится своими длинными ногами* (других у неё нет);

б. *У тебя длинные ноги*;

(10) а. **Мы любовались грациозными движениями немецких гимнасток*;

б. *Это были очень грациозные движения*.

При необходимости рематизировать определения в моделях с глаголами типа *гордиться* их приходится парцеллировать (9в, 10в):

(9) в. *Оля гордится своими ногами. Длинные и стройными*;

(10) в. *Мы любовались движениями немецких гимнасток. Грациозными и слаженными*.

Парцелляция позволяет актуализировать коммуникативно релевантный компонент высказывания, снимает существующие языковые запреты на постановку в ту или иную позицию различных словоформ. Так, сомнительно употребление наречий некоторых семантических разрядов, в частности показателей степени величины признака типа *почти*, *немного* и др. в сильной позиции фокуса ремы (11а или 11б):

(11) а. **Он – обычный человек почти*;

б. **Он почти* обычный человек.

Нормативным здесь является употребление данных наречий в атонической позиции: *почти герой*, *почти обычный человек*, *почти выздоровел*, *почти догнал*, *немного занят*, *немного устал*, *немного широк*. Однако, будучи употреблёнными в качестве постпозитивного парцеллята, данные наречия способны подвергаться актуализации (11в):

(11) в. *Он – обычный челове¹к... Почти¹* (реклама фильма «Хэнкок», 2008).

Сравним аналогичные примеры с другими наречиями: **Я там бываю зачастую*¹ (ср. нормативное: *Я там бываю ча¹сто*); **Новый Арбат сносить не будут пока*¹ (ср. нормативное: *Пока³ Новый Арбат / сносить не будут*); **Счастливым обладателем участка может стать каждый теорети¹чески* (ср. нормативное: *Теорети³чески / счастливым обладателем участка может стать ка¹ждый* – или: *Счастливым обладателем уча³стка / теоретически может стать ка¹ждый*). Однако отмечены парцеллированные употребления

типа: *Я там быва¹ю. И зачастую¹ю*; *Новый Арбат сносить не бу¹дут. Пока²...*; *Счастливым обладателем участка может стать ка¹ждый*. **Теорети²чески**. *А практически в городе в 200–300 тысяч жителей количество наделов не превышает и ста* (Квартирный ряд, 2007, № 39). Здесь вынесен в позицию постпозитивного парцеллята член, который в норме не может встать в позицию ремы, а может занять или позицию фокуса темы (12а), или парентезы (12б):

(12) а. **Теорети³чески** / счастливым обладателем участка может стать ка¹ждый.

б. Счастливым обладателем уча³стка / **теоретически** может стать ка¹ждый.

Сопоставительный анализ показал, что, несмотря на отсутствие механизма парцелляции в большинстве языков мира, всё же это явление не является национально-специфической чертой русского языка. Так, в норвежском и турецком языках парцелляция функционирует как естественное и привычное для носителей этих языков явление. В то же время в английском, китайском, молдавском и даже в болгарском языках оно отсутствует полностью или считается нарушением языковой нормы [8. С. 68].

Таким образом, парцелляция – это не стилистический изыск, а настоящий грамматический, коммуникативный механизм текстообразования, позволяющий, в частности, с помощью препозитивного и постпозитивного по отношению к базовой части парцеллята актуализировать важный для говорящего или пишущего компонент высказывания, снимающий существующие языковые запреты на постановку в ту или иную коммуникативную позицию различных словоформ. Парцелляция обеспечивает экономию языковых средств и лаконичность речи.

Список литературы

1. Всеволодова, М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник / М. В. Всеволодова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. – 502 с.
2. Всеволодова, М. В., Панков, Ф. И. К вопросу о категориальном характере актуального членения и его роли в русском высказывании. *Статья первая*. Общие проблемы / М. В. Всеволодова, Ф. И. Панков // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2008. № 6. – С. 9–33.
3. Всеволодова, М. В., Панков Ф. И. К вопросу о категориальном характере актуального

членения и его роли в русском высказывании. *Статья вторая*. Коммуникативная парадигма слова / М. В. Всеволодова, Ф. И. Панков // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2009. № 1. – С. 9–33.

4. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. – М.: Флинта-Наука, 2003. – 840 с.

5. Панков, Ф. И. Позиции адвербиальных синтаксем (фрагмент функционально-коммуникативной лингводидактической модели русской грамматики) / Ф. И. Панков // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – 2006. – № 4. – С. 9–33.

6. Розенталь, Д. Э., Теленкова, М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов:

Пособие для учителя. – 3-е изд., испр. и доп. / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.

7. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожин. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 696 с.

8. Яковлева, А. С. Парцелляция как языковой механизм: лингводидактический анализ. Дипломная работа. Научный руководитель Ф. И. Панков / А. С. Яковлева. – М., МГУ, 2015. – 112 с.

9. Янко, Т. Е. Обстоятельства времени в коммуникативной структуре предложения / Т. Е. Янко // Логический анализ языка. Язык и время / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. – М., 1997. – С. 281–296.

Е. Г. Пермякова

Уральский государственный университет путей сообщения
(Екатеринбург, Россия)

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ГЛАГОЛОВ ПОЛУЧЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

FUNCTIONAL SEMIOLOGICAL APPROACH TO THE STUDY OF POSSESSIVE PREDICATES IN ENGLISH AND RUSSIAN

Статья посвящена применению функционально-семиологического подхода к изучению предикатов посессивной семантики. Поскольку в любом исследовании должно учитываться не только статическое состояние лексических значений глаголов, но и динамизм языковых единиц изучение проводилось с опорой на словарные дефиниции исследуемых глаголов с учетом функционального осмысления выбора говорящим той или иной единиц в речи.

The article is devoted to the application of functional semiological approach to the study of possessive predicates. For the reason that any research must pay attention not only to the static position of semantics of verbs but also to the dynamism of language units, the research was carried out on the basis of dictionary definitions of the verbs regarding the functional realization of this or that lexical unit in the speech by an individual.

Ключевые слова: функционально-семиологический подход, функциональная категоризация, глаголы получения, функциональные признаки.

Keywords: functional semiological approach, functional categorization, possessive verbs, functional features.

Настоящая статья посвящена изучению глаголов посессивной семантики в английском и русском языках. Основным подходом исследования является функционально-семиологический анализ в изучении семантики

глаголов, предложенный и разработанный Н. Н. Болдыревым. Такой подход не отрицает применение методов структурной лингвистики, но, напротив, применяет их как описание элементов структуры значений предикатов и

нужен как первоначальный отбор глагольных лексем.

Н. А. Куксова определяет функционально-семиологический подход в изучении глагола как «результат взаимодействия системного значения и его функционального осмысления в контексте высказывания» [6. С. 6].

Так А. М. Плотникова считает, что не нужно отказываться от «принятого толковыми словарями списочного подхода к представлению значений многозначного слова, а обогащение этого подхода объяснением и, как следствие, уточнением механизмов образования новых значений» [7].

Другой исследователь, Е. Е. Костюнина пишет, что благодаря результатам проведения компонентного анализа словарных дефиниций, можно не только увидеть семный состав исследуемых лексических единиц, но и изучить концептуальные признаки: «для того, чтобы выявить, какое концептуальное содержание включает в себе лексическая единица, необходимо обратиться, прежде всего, к словарному толкованию» [5].

Также считает и Г. А. Чанышева, подчеркивая, что важнейшим принципом структурной семантики является прочная связь языка и речи, представляющих собой интегральную систему [10. С. 2].

Стоит отметить, что методы структурной лингвистики имеют конечный результат, представляя языковую систему несколько идеализированной и, как правило, исключают появление случайных глаголов или случайных ситуаций, описанных в контексте. Следует согласиться со словами Е. Е. Костюниной в том, что «исследование не может быть ограничено изучением только идеальной языковой системы, что привело к выдвиганию на первый план когнитивных подходов в языкознании» [5. С. 5].

Язык имеет неразрывную связь с речью и его необходимо изучать в тесной связи с рассмотрением факторов окружающей действительности. В языке постоянно происходят разного рода изменения отсюда, по словам Э. Косериу, язык надо понимать функционально, «сначала как функцию, а потом как систему... поскольку язык функционирует не потому, что он система, а, наоборот, он является системой, чтобы выполнять свою функцию и соответствовать определенной цели» [4. С. 156].

Н. Н. Болдырев видит сущность функционально-семиологического подхода в следующем. Во-первых, язык и речь неразрывно свя-

заны и должны рассматриваться в целостности системы и функции. Во-вторых, в основе каждого значения слова лежит определенный концепт, а при определенном контексте могут раскрываться дополнительные функциональные смыслы. В-третьих, процесс функционального осмысления основывается на трех принципах: актуализация, перекаатегоризация и поликатегоризация. И, наконец, в-четвертых, в результате взаимодействия всех элементов, функциональная категоризация представляется как «многофакторный процесс», который позволяет реализоваться различным категориальным признакам, которые в свою очередь обнаруживают прототипический принцип организации [2. С. 383-393].

Функционально-семиологический подход подразумевает, что развитие выражения значения предиката поддерживается определенными языковыми окружениями, т.е. контекстом, который предполагает установленные синтаксические сочетания, в рамках которых и реализуются определённые свойства концепта, называемые категориальными признаками [2].

Процессы развития глагольного значения в речи называются функционально-семиологическими процессами. Функционально-семиологический подход применяется при изучении случаев словоупотребления предикатов и взаимосвязи между субъектом и объектом ситуации. Формирование категориального значения определяется, соответственно, двумя группами признаков: субъектно-ориентированными (волевая, интенсивность и др.) и объектно-ориентированными (наличие/отсутствие объекта и др.) [1. С. 7].

Основными единицами исследования в данной статье послужили глаголы, обладающие значением получения. Изучением глаголов получения и дачи занимаются многие ученые (К. Г. Чинчлей (1984), Т. Н. Колосова (1997), Г. А. Чанышева (2000), И. В. Бекетова (2002), Е. Е. Костюнина (2002), О. Н. Исаева (2007), М. В. Милованова (2007)). Все они сходятся в едином мнении о том, что глаголы данной категории описывают особые социальные взаимоотношения между субъектами, в которые они вступают практически каждый день. Такие отношения могут протекать в статике или динамике, в различных языках могут выражаться по-разному, но непременно помогают глубже проникнуть в человеческое сознание.

Благодаря применению функционально-семиологического подхода стало возможно выявление способов концептуализации ситуации

«получения», входящей в состав более крупной категории «посессивность».

Содержание категории «посессивность» выявляется через значение предикатов посредством словарных толкований. В рамках нашего исследования применялся комплекс методов: дефиниционный анализ, компонентный анализ, контекстуальный анализ, концептуальный анализ.

Категория «посессивность» отражает все возможные ситуации обладания неким объектом или передачи его другому лицу/лицам. Содержащийся в категории «посессивность» концепт «получение» представляет собой сложную концептуальную структуру, с актуализацией таких обязательных концептуальных признаков, как бенефактивность, привативность, конверсивность в сочетании с дополнительными конкретизирующими элементами.

Обязательными концептуальными признаками обладают такие глаголы, как *получать*, *брать* в русском языке и *to get*, *to take* в английском языке. Рассмотрим словарные толкования этих глаголов.

Глагол *получать*, обладая следующим значением *брать, принимать что-л. вручаемое, присылаемое, выдаваемое и т. д. или добиваться кого-, чего-л., в результате какой-л. работы, каких-л. усилий* [9], имеет концептуальные признаки бенефактивность, привативность, положительная волитивность, интенсивность.

Глагол *брать* имеет значение *получать в свое обладание, пользование, добиваясь чего-л., достигая успеха или цели в силу чего-л., иногда используя дополнительно руки (зубы, щипцы и т.п.) или применяя силу завладеть кем-, чем-либо, взимать, отнимать* [9]. Этот глагол обладает такими концептуальными признаками как бенефактивность, привативность, неволитивность, интенсивность.

Английские глаголы обладают очевидной схожестью с русскими глаголами. Так, у глагола *to get*, имеющего значение *to obtain possession of (property, etc.) as the result of effort or contrivance* [12], в фокус выделения попадают такие признаки, как бенефактивность, привативность, положительная волитивность. А глагол *to take* со значением *to accept something that someone offers you, to capture or gain possession of by force or military means* [12], обладает бенефактивностью, отчуждением, трехобъектностью, отрицательной привативностью, неволитивностью.

Наряду с обязательными характеристиками концепт «получение» может быть представлен

и дополнительными концептуальными признаками, уточняющими пропозициональную структуру глагола. К их числу можно отнести активность, волитивность, оценочность, терминальность, фазовость, локативность, пассивность, реверсивность и др. Приведем примеры таких глаголов.

Английский глагол *to catch*, который обладает следующим значением *to capture a person or animal that tries or would try to escape using a hand, a fishing net or rod*, а при вербализации в речи имеет набор следующих концептуальных признаков волитивность, бенефактивный субъект, один субъект, абсолютный привациант, условие, объект, может присутствовать привациант, субъект-источник. Например,

(1) Monsieur Craon could **catch** spiders in the webs he weaves [13].

Эта фраза демонстрирует, что некий бенефактивный субъект (Monsieur Craon) благодаря усилиям, раскрываемой семантикой словосочетания *the webs he weaves* получает привативные объекты (spiders).

Однако при вербализации могут происходить и более сложные процессы. Например, глагол *to pocket* согласно словарной дефиниции обладает следующим значением *to take money or valuables for yourself that do not belong to you, especially dishonestly sometimes because you are responsible for it* [12]. Из чего следует, что данный предикат имеет значение отчуждения чего-либо у другого лица. Однако в речи у глагола *to pocket* наблюдается преимущественно значение «добровольного получения и передачи», может присутствовать также значение «зарабатывать». Например,

(2) Trying to break the habit of being poor that my parents had got into, I'd **pocketed** a lot of money from baby-sitting Mr. Gray's foster kids over the summer [11].

В этом примере функциональное осмысление происходит по принципу поликатегоризации, т.е. глагол формирует и представляет новую концептуальную категорию на пересечении двух и более смежных концептов.

Что касается русского языка у глагола *добывать* со значением *достать, получить что-н. (обычно не сразу, с трудом), извлекая из недр земли (полезные ископаемые), с помощью опытов, путем производственных процессов или получить промыслом* [9] выделяем такие концептуальные признаки как бенефактивность, интенсивность, волитивность, локативность, привативно-/бенефактивный объект, отсутствие второго субъекта.

В результате функционального осмысления значений глагола *добывать* в контексте была выявлена поликатегоризация глагола в результате двоякого осмысления ситуации получения. Скорее всего, это произошло по причине одновременной актуализации основного значения глагола и значения компенсированного приобретения и их двоякого осмысления в предложении-высказывании. Рассмотрим два примера:

(3) Он буднично, оскорбительно просто – за пятак – **добыл** адрес Веры Васильевны в уличной адресной будке... [8].

(4) У ворот одного дома она высвободила руку и, взяв у Павла рубль, пошла **добывать** у дворника водки [3].

Данные примеры наглядно показывают, как происходит концептуализация того или иного события в высказывании, а также ярко иллюстрирует динамизм концептуальных структур. Это доказывает насколько важно применение функционально-семиологического анализа глагольных лексем при исследовании различных концептов.

Список литературы

1. Болдырев Н. Н. Функциональная категоризация английского глагола. / Н. Н. Болдырев. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 144 с.
2. Болдырев, Н. Н. Функционально-семиологический принцип исследования языковых единиц / Н. Н. Болдырев // Язык и культура : Факты и ценности : К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова. – 2001. – С. 383–393.

В тумане / Л. Н. Андреев – 1902. – URL: <http://www.ruscorpora>.

3. Косериу, Э. Синхрония, диахрония и история / Э. Косериу // Новое в лингвистике. – 1963. – Вып. 3. – 568 с.

4. Костюнина, Е. Е. Структура языкового концепта «владение» в английском языке: дис. ... канд. филол. наук / Е. Е. Костюнина. – СПб., 2002. – 232 с.

5. Куксова, Н. А. Глагол как средство функциональной категоризации пространства в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Куксова. – Тамбов, 2006. – 168 с.

6. Плотникова, А. М. Когнитивное моделирование семантики глагола (на материале глаголов социальных действий и отношений): автореф. дис. ... докт. филол. наук / А. М. Плотникова. – Екатеринбург, 2009. – 37 с.

7. Река Оккервиль / Т. Н. Толстая – 1983. – URL: <http://www.ruscorpora>.

8. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой // АН СССР, Ин-т рус. яз. – 1981–1984. – 2-е изд., испр. и доп.

9. Чанышева, Г. А. Посессивные глаголы в английском и немецком языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. А. Чанышева. – Донецк, 2000. – 22 с.

10. Outside Windhaven / L. Ferriss. – Vol. 26 Issue 1, p.146. – Southern Review. – 1992. – URL: <http://corpus.byu.edu/coca/>.

11. Concise Oxford English Dictionary / Edited by J. Pearsall // Oxford University Press. – 2002. – 10th edition.

12. The Prince of darkness / P. C. Doherty. – London : Headline Book Pub. – 1992. – URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/>.

О. Б. Пономарева

Тюменский государственный университет
(Тюмень, Россия)

КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ VS. КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ДЕРИВАЦИИ В СУБСТАНДАРТНОЙ ПОДСИСТЕМЕ

SEMANTIC VS. CONCEPTUAL DERIVATION IN SUBSTANDARD LANGUAGE SUBSYSTEM

Исследуются лингвокогнитивные и прагматистические аспекты семантической деривации в субстандартной подсистеме языка и их связи с когнитивными процессами человеческого

мышления, включающими концептуальную деривацию и концептуальную интеграцию. Семантическая деривация рассматривается как многоаспектное явление языковой системы, связанное с когнитивными процессами человеческого мышления на парадигматическом уровне, как процесс и результат вторичной номинации, охватывающей всю лексическую систему языка и отражающей динамику его постоянного развития и изменения. Мышление в субстандартной подсистеме носит сниженный, предметно-приземленный характер с преобладанием когнитивных моделей концептуальной деривации: «животное – человек», «предмет – человек», «человек – часть его тела», «растение – человек», «артефакт – человек» и другие.

Linguocognitive and pragmatylistic aspects of semantic derivation in substandard language subsystem are investigated in the focus of human cognition which comprises the processes of conceptual derivation and integration. Semantic derivation is treated in the article as the multifocal phenomenon of the language system, connected with the cognitive processes of human cognition on the paradigmatic level, as the process and the result of the secondary nomination, comprising the whole lexical system and reflecting its dynamic development. It is proved that cognition in substandard lexical subsystem is of low mundane character actualized through the cognitive models of conceptual derivation: "a man is an animal", "a man is an object", "a man is a part of the body", "a man is a vegetable", "a man is an archetype", etc.

Ключевые слова: семантическая деривация, концептуальная деривация, концептуальная интеграция, субстандартная подсистема, категоризация, концептуализация.

Keywords: semantic derivation, conceptual derivation, conceptual integration, substandard language subsystem, categorization, conceptualization.

Семантическая деривация в статье исследуется в рамках новой научной парадигмы, называемой когнитивно-дискурсивной с одной стороны, и когнитивно-коммуникативной, с другой [3, 9, 12, 11, 5, 2]. Исследование деривации как процесса и результата образования в языке вторичного знака привело к мысли о необходимости применения определенных правил реконструкции акта деривации. Релевантными в этом процессе являются такие факторы, как функционально-семантический сдвиг, преобразующий сам знак и отражающий регулярность / нерегулярность, мотивированность / немотивированность, характерные для внутренней деривации в отличие от внешней и вызывающей необходимость изучать динамику семантических процессов в формате меняющейся картины мира. Исследователи говорят о необходимости создания определенных моделей окружающего нас мира, отражающих культуру народа, систему его ценностей, особенности мироощущения, мирочувствования и мировосприятия [8, 3]. Исследование семантической деривации помогает проникнуть в механизмы сложного процесса познания и интерпретации мира человеком и осознать язык в его глубинной сути, во всем его семантическом своеобразии. Именно в процессе семантической деривации, т.е. использования уже

существующих единиц в новых значениях, появляется комплекс ассоциативных созначений. Семантический сдвиг порождается изменением типа объекта, который в свою очередь освобождает пространство новым и обычно более специальным характеристикам.

По мнению Е. С. Кубряковой, когнитивные модели, которые устанавливаются в рамках прототипической семантики, были задуманы для того, чтобы показать, на каких основаниях человек относит к одному и тому же классу или категории единицы, которые проявляют мало общего. Для объяснения сути явления Е. С. Кубрякова выдвигает понятие прототипического семантического сдвига, отражающего логику перехода от одного значения к другому и формирование путем такого сдвига нового значения в структуре изучаемой единицы [5. С. 14]. Предмет и явление мыслятся не изолированно друг от друга, но запоминаются и воспроизводятся во взаимозависимости и взаимосвязи, и можно сказать, что любая трансформация исходного слова направлена на изменение семантики знака. Показатель словообразовательной производности – семантический сдвиг наблюдается в производной единице по сравнению с производящей и коррелятивной к исходному знаку какой-либо из возможных операций данного языка. В основе семантического сдвига

лежат либо ассоциации, либо логические операции.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что явления регулярной семантической деривации, определенные модели или «образцы», «схемы», по которым происходит формирование вторичных значений в различных пластах стилистически маркированной лексики, еще недостаточно изучены. Для обозначения такого моделирования используются самые различные термины: «метафорический архетип» (Юнг), «концептуальная метафора», «образ-схема» (Lacoff), «ментальная модель» (Баранов, Караулов), «парадигма образов» (Павлович), «модель регулярной многозначности» (Шмелев, Чудинов), концептуальная схема (Анна А. Зализняк) и некоторые другие.

Семантическая деривация при этом рассматривается не только как один из способов словообразования в узком смысле, но и как многоаспектное явление языковой системы, связанное с когнитивными процессами человеческого мышления на парадигматическом уровне, как процесс и результат вторичной номинации, охватывающей всю лексическую систему языка и отражающей динамику его постоянного развития и изменения.

Семантическая деривация в субстандартной подсистеме носит ярко выраженный эмотивно-экспрессивный характер, включающий пейоративную оценочность, в основе которого лежат соответствующие концептуальные характеристики, отражающие специфику мышления, социальные условия бытования, индивидуальной концептуальной системы человека. Соответственно, семантические процессы в данной подсистеме – это способ концептуализации действительности, результатом которого является концептуальная деривация т.е. «формирование нового смысла в результате определенного способа интерпретации исходного вербализованного знания» [1. С. 47]. Концептуальная метафора определяет способы осмысления действительности человеком как представителем определенной культуры. Примеры таких моделей: любовь – это путешествие, время – деньги, спор – это война. Метафоризация – это уникальное средство пополнения языкового инвентаря, и она в большей степени, чем метонимия, связана с познавательной деятельностью человека.

Семантическая vs. концептуальная деривация в субстандартной лексической подсистеме включает в себя как общие (прототипические) черты всей лексической системы, так и являе-

ния синкретизма, что расширяет наше представление о языковой картине мира в целом. Мышление в субстандартной подсистеме носит сниженный, предметно-приземленный характер с преобладанием когнитивных моделей концептуальной деривации «животное – человек», «предмет – человек», «человек – часть его тела», «Растение – человек», «артефакт – человек» и другие. Когнитивные структуры – имеющиеся в уме готовые схемы или модели, под которые могут быть подведены новые ситуации, а результатом произведенных над данными структурами преобразований является метафоризация. Это когнитивный процесс, в основе которого заложен поиск предметов, явлений, содержащих аналогичные характеристики, необходимые для данного объекта.

Субстандартная семантическая деривация характеризуется также семантической конвергенцией и концептуальной интеграцией в русской и английской концептосферах. Семантические процессы в субстандартной подсистеме носят полифункциональный, поливалентный, бифуркационный характер, присущий всем открытым, неравновесным саморазвивающимся системам.

Семантическая vs. концептуальная деривация является основным инструментом категоризации и концептуальной инвентаризации явлений окружающего мира. Процессы семантической деривации и в отдельном слове, и в словосочетании необходимо увязывать с ментальными репрезентациями того или иного объекта, отражающими слияние разных ментальных пространств или концептуальную интеграцию смыслов.

Переносы значения в ассоциативных метафорических и метонимических рядах являются способами концептуализации внеязыковой действительности человеком и создают некую ментальную схему или концептуально-ассоциативную модель для осмысления новых ситуаций, создавая, таким образом, наивную (языковую) картину мира. Тем не менее, концептосферы – источники метафорической и метонимической экспансии, используемые для называния частей тела человека, одинаковы в английском и русском языках, одинаковы и когнитивные модели, выделяемые в каждой сфере, но различна их распространенность и продуктивность в этих языках. Например, англичане чаще используют названия одних частей тела для называния других, тогда как в русском языке более распространена модель «механизм – человек». Также русский человек

чаще воспринимает жизнь как спорт или игру, а себя как игрока или спортсмена, вынужденного принимать участие в данной «жизненной эстафете». Русский народ в течение многих сотен лет добивался благополучия усиленным и тяжелым физическим трудом (крестьяне, фермеры и т.п.), по своей сути русский народ – это народ, трудящийся на протяжении всей своей жизни, поэтому в русском языке концепт «Труд» преобладает.

В целом, совпадение основных когнитивных моделей и выбор языковых средств для называния частей тела в русской и английской субстандартной лексике подтверждает гипотезу о типизированном характере восприятия действительности во многих сферах деятельности, носящих антропоцентрический характер. Высокая продуктивность данных видов семантической vs. концептуальной деривации объясняется уникальной способностью человеческого мышления усматривать сходство либо смежность между элементами физически воспринимаемой действительности и переносить их на язык. Нестандартное употребление тех или иных лексических единиц можно интерпретировать как специфическую операцию над значениями, приводящие к намеренному осложнению процесса коммуникации, к фиксированию внимания к форме языкового выражения.

Полученные результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что мыслительные категории находят выражение в языковых репрезентациях, и реальные объяснения функционирования языка можно получить только при обращении к когнитивному моделированию.

Таблица 1
Когнитивные модели переноса со сферы-источника в сферу-цель в английской и русской сленговой лексике

Когнитивная модель	Количество л.е. в английском языке (примеры)	Количество л.е. в русском языке (примеры)
Человек – Человек	61 л.е. (cheeks, eyes, pimple, kisser, smeller, etc.)	25 л.е. (уши, давалки, жевало, ягодичцы, и т.п.)
Животное – Человек	22 л.е. (hoofs, horns, fin, flipper, tail, beak, etc.)	22 л.е. (хобот, морда, краб, клешня, присоски, копыта)

Растение – Человек	19 л.е. (coco nut, lemon, tomato, stems, potato, melons, etc.)	16 л.е. (сучок, репа, арбуз, ветка, коряга, помидоры, дыня)
Механизм – Человек	18 л.е. (wheels, chassis, caboose, battle-ships, gunboats, etc.)	36 л.е. (шасси, колеса, рычаг, хлебоборезка, мясорубка, тормоз)
Дом – Человек	15 л.е. (attic, roof, top-floor, shutters, top-story, etc.)	28 л.е. (чердак, окно, ставни, крыша, черепица, и т.п.)
Артефакт – Человек	15 л.е. (knob, handle, pins, etc.)	10 л.е. (локаторы, помойка, радары, крючок, и т.п.)
Контейнер – Человек	11 л.е. (jugs, saucers, box, forks, etc.)	11 л.е. (пачка, жбан, корыто, тазик, чан, и т.п.)
Одежда – Человек	6 л.е. (mitts, button, flats)	6 л.е. (варежка, чепчик, шапка)
Природа – Человек	4 л.е. (orbs, moon, mud, bonce)	---
Спортивные игры – Человек	2 л.е. (domino, tatts)	16 л.е. (очко, табло, кегли, шары, и т.п.)
Деньги – Человек	1 л.е. (twopenny)	3 л.е. (банкомат, пяттак, полтинник, и т.п.)
Орудие труда – Человек	---	9 л.е. (кувалда, веник, лопата, метла, молоток, и т.п.)

Во всех когнитивных моделях можно определить исходную понятийную область, или ментальную сферу-источник, к которой относятся слова в их первичном денотативном значении по отношению к новой понятийной области или к сфере-мишени, к которой относятся те же слова в переносном субстандартном значении. Каждая когнитивная модель представляет собой определенный фрейм, структурирующий определенную понятийную область (концептуальную сферу) и содержит данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия, например, человек – это животное [7, 12].

Каждый фрейм состоит из типовых слотов, то есть элементов ситуации, или аспектов его конкретизации. Например, фрейм «человек – животное» включает такие слоты, как «кожный покров», «размер», «среда обитания», например *alligator*, *ape*, *bat*, *bear*, *ср. бабуин*, *корова*, *курица*, *лосиха*, *мартышка*, *хорь*, *щука* (*девушка*) etc. Сравнивая понятийную структуру сферы источника и понятийную область сферы-мишени, мы можем выявить те общие концепты, которые служат основанием для развертывания процессов семантической деривации, включая различного рода метафорические и метонимические переносы, характерные для субстандартной семантической деривации в целом.

Анализ семантической структуры субстандартных семантических дериватов (135/155) выявил 13 дифференциальных компонентов значения наряду с общей интегральной семой «человек». Наибольшей частотностью обладает компонент «половая принадлежность», он входит в семантическую группу 77/86 дериватов, например, *barbecue* “*a sexually attractive girl*” *ср. фрикаделька*, *мармеладка*. Далее идет компонент «внешность» (64/76), включая такие компоненты, как привлекательность – непривлекательность (31/40). Например, *bucket* “*an ugly girl*” *ср. колода*, *коряга* (*некрасивая, плохо одетая девушка*). Довольно частотными являются такие компоненты, как возраст (47/32): *seed* “*a young man with little ability or promise of success*” *ср. коржик*, *свисток* (*юноша, парень*); черты характера (отрицательные – положительные) в 33/56 дериватах: *job* “*a tough or cynical man*” *ср. дрова*, *еж* (*пьяный*), *кекс*, *помойка* (*непорядочный человек*). Важны такие компоненты, как “умственные способности”: *clunk* “*a stupid person*”; *ср. дятел*, *квадрат*, *кирпич*, *мороз*, *пельмень*, *студень*, *тайга*, *тормоз*, *утюг*, *якорь* (*глупый, бестолковый человек*); поведение (23/26): *oyster* “*a man who talks little*” *ср. трюккий*, *тявка*, *шепотник*, *якубович* (*болтун*).

Менее частотны такие компоненты, как “атрибут внешности”: *whale* “*large, fat person*” *ср. бивень*, *пузырь* (*культурист*), “национальность”: *clip* “*a Jew*”, *желток*, *рис*, *сайгак*, *урюк*, *халат*, *эскимос* (*азиат*); “физические способности”: *ape* “*a stony-armed man*” *ср. бык*, *кабан* (*сильный, мускулистый человек*); “одежда”: *alligator* “*a dude, a well-dressed man*”; *ср. крокодил*, *медуза*, *колода*, *коряга* (*плохо одетая девушка*). Таким образом, общую семантиче-

скую структуру субстандартных дериватов можно изобразить в виде следующей когнитивно-ассоциативной схемы (далее КАС), отражающей специфику ментальных процессов, составляющих концептосферу тематической группы «человек: характер, внешность»:

С человек + (С пол + С возраст + С внешность + С положение в обществе + С черты характера + С умственные способности + С физические способности + С атрибут внешности + С национальность + С одежда + С поведение) + С эмоционально-экспрессивная оценка.

Используя когнитивное моделирование, представляется возможным выделить концептуальные метафоры, наиболее характерные для субстандартной семантической деривации. Метафоры природы, включающие мир животных и растений, составляющие большинство семантических дериватов в анализируемой группе, можно объединить общим названием «зооморфная метафора». Зооморфная метафора широко используется в эмоционально-экспрессивной и, как правило, насмешливо-уничижительной характеристике человека, его внешности и характера.

Концептосфера субстандартных семантических дериватов в тематической группе «человек и общество» в обоих языках и, следовательно, ментальные процессы в основных когнитивных моделях выявляют специфику субстандартной лексической подсистемы в целом. Эта специфика характеризуется:

- сменой актантов в процессе семантической деривации,
- широким использованием зооморфных и фитоморфных метафор и метонимических переносов с части на целое,
- использованием богатого шутливо-иронического и пейоративного импликационала, актуализирующегося в дериватах вместе с эмоционально – экспрессивными, сниженными коннотациями.

Важной чертой субстандартной семантической деривации также является семантическая конвергенция самых различных семантических компонентов и концептуальная интеграция, или слияние смыслов в русской и английской концептосферах. Доминантные и универсальные когнитивные модели: «предмет – человек»; «животное – человек»; «тело человека – человек»; «абстрактное понятие – человек» характеризуют поведение, внешность и функции человека, отражая при этом базовые ментальные операции человеческого сознания.

Список литературы

1. Болдырев, Н. Н. Оценочная метарепрезентация: проблемы изучения и описания / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. Вып. V. Исследование познавательных процессов в языке: сб. науч. тр. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. – С. 43–51.
2. Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 5–22.
3. Вендина Г. И. Словообразование как способ дискретизации универсума // Вопросы языкознания. – 1999. – № 2. – С. 16–23.
4. Зализняк А. А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии // Вопросы языкознания. – 2001. – № 2. – С. 13–25.
5. Кубрякова Е. С. Когнитивная лингвистика и проблемы композиционной семантики в среде словообразования // ИАН СЛЯ. – 2002. – Т. 61. – № 1. – С. 13–24.
6. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. – М.: Наука, 1986. – 158 с.
7. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. – М.: Наука, 1981. – 199 с.
8. Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Известия АН. Серия литературы и языка. – 2004. – Т. 63. – № 3. – С. 3–12.
9. Кустова Г. И. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений // Вопросы языкознания. – 2000. – № 4. – С. 85–109.
10. Падучева Е. В. Парадигма регулярной многозначности глаголов звука // Вопросы языкознания. – 1998. – № 5. – С. 3–23.
11. Розина Р. И. Категориальный сдвиг актантов в семантической деривации // Вопросы языкознания. – 2002. – № 2. – С. 3–15.
12. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование метафоры (1991–2000). – Екатеринбург, 2001. – 238 с.

Н. Н. Семененко

Старооскольский филиал Белгородского государственного
национального исследовательского университета
(Старый Оскол, Россия)

КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ПАРЕМИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

COGNITIVE MODELING AS A COMPREHENSIVE ANALYSIS PAROEMIC SEMANTICS

В статье предлагается обоснование ряда принципиальных позиций когнитивно-прагматического моделирования паремической семантики как комплексной методики, совмещающей описательные задачи лингвокогнитивного, лингвокультурологического, лингвосемиотического и дискурсивно-прагматического аспектов анализа семантики народных афоризмов. Основные структурные параметры и синергетические связи компонентов моделей рассматриваются на примере такого паремического жанра, как пословица. В ходе исследования описываются лингвокогнитивные параметры пословиц, непосредственно связанные с высокой степенью интегративности когнитивного основания их значения.

The article justifies a number of important issues in cognitive and pragmatic modeling of paremic semantics as a complex of methods combining descriptive linguistic and cognitive tasks, linguistic and cultural, linguistic and semiotic and discursive and pragmatic aspects related to the semantic analysis of folk aphorisms. Basic structural parameters and synergies of model components are discussed on the example of such paremic genre as a proverb. The study describes the linguistic and cognitive parameters of proverbs directly related to a high degree of their integrative cognitive bases.

Ключевые слова: паремия, когнитивное моделирование, афористическое значение, когнитивное основание значения, фрейм, концепт, гештальт, дискурсивная интенция.

Keywords: *paroemia, cognitive modeling, aphoristic meaning, cognitive base of meaning, frame, concept, gestalt, discursive intention.*

Когнитивно-прагматическое моделирование как методика выявления семантических параметров и смыслообразующего потенциала афоризмов фольклорного происхождения находится в актуальном исследовательском поле современной лингвистики, что обусловлено (а) выраженным междисциплинарным характером поставленной задачи семантического описания, основанием для которой является признание статуса вторичного текстового (или текстообразующего) знака за паремиями; (б) трактовкой паремий как дискурсивных единиц, в формировании и речевой реализации семантики которых существенную роль играет дискурсивный фактор смыслообразования; (в) пониманием семантики как многоуровневого образования, проходящего различные ступени смысловой реализации в синергетическом единстве трёх базовых составляющих: (1) довербального посыла (исходного фрейма ситуации и его концептуального наполнения), (2) прагматически обусловленной вербализации с выбором паремии в качестве лингвокультурного знака, способствующего реализации целого спектра коммуникативных задач, а также (3) ценностно-оценочной интерпретации значения в условиях дискурсивного смыслопорождения.

Подобный алгоритм реализации паремического значения в каждом конкретном вербальном акте и предлагается рассмотреть в ходе моделирования паремической семантики, учитывающего единство трёх её синергетически связанных сфер – когнитивной, вербальной и прагматической. Данный подход опирается на базовые положения теории этноязыкового сознания в трактовке Н. Ф. Алефиренко [2. С. 150-164] и предполагает определённую трактовку терминов из области когнитивно-дискурсивной парадигмы современной лингвокультурологии. В частности, под когнитивным моделированием паремической семантики подразумевается установление структуры и характера реализации «результата взаимодействия репрезентированных в структуре паремии когнитивных единиц» [4. С. 337], а последовательность операций при этом обусловлена характером семантики конкретного паремического жанра. В целом же когнитивная модель паре-

мической семантики понимается как устойчиво вербализуемое интегрированное когнитивное пространство - фрейм-структура, узлы которой представлены концептами, интегрированными в условиях реализации определённого дискурсивно обусловленного сценария.

При всей сложности отделения когнитивного плана моделирования семантики от прагматического, хочется отметить, что именно когнитивные конфигурации, лежащие в основе смысловой пропозиции паремического высказывания, а также их мобильные рекомбинативные свойства позволяют варьировать прагматические смыслы в ходе вербализации одного и того же текста пословицы в различных дискурсивных целях.

Например, в интернет-обсуждении реалити-шоу «Дом 2» (программа от 31.01.2012) приводится следующий речевой фрагмент (орфография и пунктуация оригинала сохранены) с использованием прецедентного текста пословицы *Чужие дураки – загляденье каки, а наши дураки – невесть каки* [3. С. 315] / *У людей дураки – любо каки (вишь ты каки, загляденье каки), а наши дураки – вона каки* / *У людей дураки – любо каки, а у нас дураки – чёрт знает каки* [3. С. 505]: *Что происходит с молодежью за периметром Дом2? Тоже, только грязнее. На передаче есть хоть какие-то рамки моральные. Там подонку говорят свои же, что ты – подонок или трус и т. д. Кто нашим детям это говорит на улице? Там каждый твой поступок оценивают. Для меня их оценки устраивают. Лучше бы свои претензии по развращению наших детей судьбы направляли нашему голому гаранту, к нашей власти. Слабо!*

Р.С. Напускное добро молодые за версту чувствуют! Отпнут нас с ним, посмеются. И так мы – дураки в их глазах. Да и поделом нам. Россию не можем по-хорошему обустроить! Банкроты. Наши дети это видят. Это мы – развращены, разобщены. Друг другу: Ты дурак – сам дурак. Наши политики болтают о сомобытности рус. народа. На деле она - дурость наша. «У всех дураки – любо каки, а наши дураки – вона каки!» – говорили сквозь слезы наши предки (<http://pryamoj-efir.ru/pryamoj-efir-31-01-12-kto-vzorval-dom-2/>).

Фрейм-структура приведённой в данных дискурсивных условиях пословицы организована в соответствие с исходной пропозитивной структурой высказывания, когнитивное основание которого базируется на взаимодействии концепта «Дурак» с концептуальной антитезой «Свой-Чужой» и гешталтом «Избирательность/субъективность оценки с ироничным подтекстом». При этом гештальт как когнитивная единица с невыраженной структурой и чувственно-эмоциональным характером содержания выполняет роль вектора прагматической оценки, благодаря которой весьма парадоксально (что, в целом, нередко встречается в пословицах) оказываются негативно оцененными *дураки* и *свой* и *чужой*.

В контексте приведённого высказывания мы наблюдаем подключение к механизму когнитивной интеграции дискурсивно обусловленного смысла как следствия реализации слота «Вина/Ответственность» фрейма «Поколения отцов и детей». Данный слот репрезентирован с выраженной двояко негативной оценкой: *И так мы – дураки в их глазах. Да и поделом нам* – с одной стороны, как оценка старшего поколения младшими, и как оценка стандартного дискурса старшего поколения: *Ты дурак - сам дурак*. Соответственно образ *дураков*, которые *наши дураки - вона каки*, расширяется, выходя за рамки оценки участников скандального реалити-шоу и распространяясь на тех, кто так оценивает молодых и глупых.

С учётом описанной дискурсивной интенции когнитивная модель семантики половицы трактуется следующим образом:

1.	Когнитивное основание пропозитивной структуры высказывания	Концепт «Дурак» - знакообразующий стимул в структуре фрейма «Плохой / Хороший» + «Свой-Чужой».
2.	Когнитивные топики внутренней формы высказывания	Концепт «У людей / Люди» как смыслопорождающий фактор в ситуации «Своих порицаем/над своими смеёмся издевательски – чужих оправдываем/умиляемся их глупости» + гештальт «Избирательность/субъективность оценки с ироничным подтекстом».

3.	Фрейм афористического (обобщённого) значения пословицы	Антитетический концепт «Свой-Чужой» + антитетический концепт «Терпимость-нетерпимость к недостаткам» как слот фрейма «Толерантность» + слот «Умиление» фрейма «Порицание» + слот «Самоуничтожение» фрейма «Самокритика / Признание своих недостатков».
4.	Фрейм интегрированного когнитивного пространства пословицы, реализованной в дискурсе	Концепт «Дураки молодые» + гештальт «Мы - нация дураков» в интегративной структуре фрейма с узлами «Воспитание» и «Ответственность / Разделение вины»

Уровень №3 описанной модели характеризуется выраженным оценочным характером репрезентации указанного содержания, что обусловлено ценностным синкретизмом самого концепта «Дурак» в русской лингвокультуре.

Уровень №4 являет собой результат когнитивной рекомбинации как следствия интеграции исходного когнитивного основания паремического высказывания и фреймовой структуры «Дураки как общественное явление» в конкретной сценарной реализации – «Дураки – не те, кто позорится, а те, кто их до позора довели/допустили», обусловленной личным мнением автора речевого фрагмента.

Приведённый пример, кроме прочего, весьма показателен в качестве иллюстрации выраженной идеологической функции пословиц, цитирование которых как факт апелляции к некоему безусловному в своей авторитетности фонду народной мудрости способно стать серьёзным аргументом, независимо от того, насколько искажена (в данном случае – расширена со сменой ведущих ценностно-оценочных акцентов) смыслообразующая когнитивная база высказывания. Действительно, пословица не просто «притягивается за уши» к системе аргументов в ходе дискуссии – она буквально «прорастает» новыми смыслами, что смещает её ценностно-смысловое ядро. Так, в данном случае, исходная ценность «Толерантность к чужим», смоделированная в тексте пословицы в условиях противопоставления стереотипного для этнокультуры взгляда на необходимость и степень требовательности к своим и чужим,

фактически отменяется, а в центр интерпретационного поля пословицы внедряется концепт «Самоуничтожение», что и позволяет автору высказывания аргументировать с помощью пословицы мнение относительно исходного понимания русским народом своей ущербности и *горьких слёз* признания данного факта. Используемые при этом элементы манипуляции сознания, наблюдаемые во фрагменте ... *Наши политики болтают о сомобытности рус. народа. На деле она – дурость наша. «У всех дураки – любо каки, а наши дураки – вона каки!» – говорили сквозь слезы наши предки* (сближение контраргумента и текста пословицы – собственно мнения народа – позволяет «протолкнуть» на самом деле нелогичную связку *самобытность народа – это дурость и любованье ею*.

Оставляя за полем рассуждений вопрос о намеренности / случайности использования приёмов чёрной риторики, следует отметить проявление в приведённом речевом фрагменте некоторых свойств паремической семантики, которые позволяют использовать пословицы в качестве контраргументов, в частности, (а) подвижность и интегрированность когнитивной структуры текста пословицы, в рамках которой отдельные когнитивные единицы могут не только актуализироваться (либо деактуализироваться), но и фактически менять свой когнитивный статус. Так, в приведённом речевом фрагменте концепт «Дурак» из стимула вторичного знакообразования преобразуется в смыслообразующий вектор фрейма «Нация дураков», что и позволяет автору реализовать свою прагматическую оценку взаимоотношений поколений в современном обществе.

Подобные «дискурсивные метаморфозы этноязыкового сознания» [1. С. 147] и являются предметом когнитивно-прагматического моделирования, собственно когнитивная составляющая которого позволяет помимо факта установления приращения смысла в условиях дискурсивной интенции выявить механизм репрезентации когнитивного содержания в ходе косвенно-метафорического обозначения ситуации посредством пословицы.

Не менее значимым для реализации аргументативного потенциала пословицы является (б) исходная поликонцептуальность когнитивного основания её афористического значения. Афористическое значение пословицы как план содержания паремического знака представляет собой семантическое образование дескриптивного свойства, поскольку является,

по сути, «расшифровкой \ переводом» умозаключения, стоящего за сюжетом пословицы, воплощённом в лаконичной афористической формуле с прозрачной внутренней формой. Место (1) афористического значения в семантической структуре паремии определяется его собственно вербальным статусом, в отличие от таких составляющих семантики пословицы, как (2) лингвокогнитивная пропозиция, базирующаяся на фрейме ситуации и представляющая собой дискретное довербальное образование – некий проводник между довербальным и собственно вербальным; (3) внутренняя форма пословицы как лингвопрагматическое отражение прототипической ситуации метафорическим или прямо номинативным способом, а также (4) прагматическая рекомендация, выраженная в пословице – дискурсивное смысловое образование, потенциально заключённое в семантической структуре пословицы как «свёрнутый» стереотип, раскрывающийся лишь в заданных дискурсивных условиях.

Например, пословица *Часто кадят – не успеешь кланяться* [3. С. 393] на четырёх основных уровнях семантической стратификации может быть рассмотрена следующим образом:

Уровень плана содержания пословицы	Лингвокогнитивная пропозиция
Формулировка выражаемого на данном уровне содержания	Слот «Обрядовые символы веры» фрейма «Религиозность»: лексический репрезентатор <i>кадят</i> + гештальт «Показное старание»: лексико-стилистический репрезентатор <i>часто кадят</i> + антитетический концепт «Истинный / Духовный – Показной / Фальшивый»: лексико-стилистический репрезентатор <i>не успеешь кланяться</i> + гештальт «Отказ от услужливости / Себе дороже выйдет»: лексический репрезентатор <i>не успеешь кланяться</i> + концепт «Личная независимость» лексико-грамматический репрезентатор <i>не успеешь</i> и синтаксический репрезентатор – антитетическая структура с функцией трансляции догмы как следствия без причины.

Лингвокогнитивный статус уровня плана содержания	Когнитивное основание значения как интегративная фреймовая структура, представленная в виде устойчивых связей когнитивных единиц различного порядка.
Когнитивно-прагматическая функция уровня плана содержания	Дидактическая: стереотипно осмысленные топики исходной ситуации транслируются как «наложенные» друг на друга модели истинной и показательной религиозности – <i>частое кадение</i> как «стремление помочь прихожанам в их молитве» и <i>частое кадение</i> как «показная услужливость, намекающая на необходимость выражения благодарности».

На отмеченном уровне плана содержания пословицы наиболее значимым для характеристики её семантики является механизм совмещения сакрального и обыденного планов осмысления жизненной ситуации, что характерно для пословиц с иносказательной семантикой и выраженным подтекстом.

Уровень плана содержания пословицы	Внутренняя форма.
Формулировка выражаемого на данном уровне содержания	«Раздражающее поведение, вынуждающее делать то, что не собирался».
Лингвокогнитивный статус уровня плана содержания	Лингвокогнитивная форма, в которой через текстообразующие элементы пословицы выражен смыслообразующий посыл, напрямую связанный с фреймом, который стоит у истоков знакообразования.
Когнитивно-прагматическая функция уровня плана содержания	Стереотипно речевая: позволяет соотнести текст пословицы с широчайшим спектром конкретных жизненных ситуаций и абстрактно-философских размышлений.

Таким образом, внутренняя форма пословицы как «предзнаковая идея, прообраз того обобщённого образа ситуации, который выражает определённую интенцию, “заданную” базовой когнитивно-прагматической моделью высказывания» [4. С. 163] и является той скрепой, которая сводит вместе два прагматиче-

ских образа одного когнитивного основания, описанного выше, в комментариях к лингвокогнитивной пропозиции пословицы.

Уровень плана содержания пословицы	Афористическое значение.
Формулировка выражаемого на данном уровне содержания	«Излишне услужливое поведение отталкивает людей как неискреннее, сбивающее с толку».
Лингвокогнитивный статус уровня плана содержания	План содержания знака вторично номинативного характера, закреплённый за устойчиво воспроизводимым (в пределах речевой вариантности) высказыванием.
Когнитивно-прагматическая функция уровня плана содержания	Кумулятивная: передача исторического опыта этноса относительно типических моделей поведения человека в социуме.

Афористическое значение, как мы видим, реализует событийную основу пословицы – сценарное воплощение исходной когнитивно-деонативной ситуации, соотносимое с конкретным жизненным событием, обсуждаемым в дискурсивном пространстве реализации паремии.

Уровень плана содержания пословицы	Прагматическая рекомендация.
Формулировка выражаемого на данном уровне содержания	Широко вариативна и зависит от контекста употребления пословицы. В современном Интернет-дискурсе часто встречается в числе пословиц, цитируемых как аргумент в пользу антихристианской позиции народа. Соответственно, наиболее актуальная прагматическая рекомендация: «не верь в искренность священнослужителя». В обыденном дискурсе прагматическая рекомендация соотносима с широким спектром ситуаций оценки искренности человека, оказывающего услугу, и тогда наиболее типичная рекомендация: «не связывайся с излишне услужливыми людьми – возможен подвох»

Лингвокогнитивный статус уровня плана содержания	Вторичный смысл как следствие интеграции афористического значения и дискурсивной интенции в условиях прагматически обусловленной трансформации когнитивного основания значения.
Когнитивно-прагматическая функция уровня плана содержания	Этнокультурное моделирование как формирование устойчивого стереотипа в восприятии, оценке и руководстве к действию на основе осмысления догматически выраженной паремической рекомендации.

Таким образом, когнитивное моделирование паремической семантики позволяет решить ряд вопросов как из области собственно паремической семасиологии, так и из сферы лингвосомиотики, в частности:

- 1) раскрывает некоторые аспекты механизма знакообразования применительно к процессу вторичной косвенно-производной номинации;
- 2) способствует прояснению ряда вопросов относительно свойств паремий как дискурсивных единиц и, отчасти, саму проблему выявления подобного статуса у единиц с синкретичными знаковыми характеристиками;
- 3) уточняет функционально-речевую характеристику паремий как фольклорного жанра;
- 4) выявляет механизмы когнитивной интеграции в процессе косвенной репрезентации реалий ситуаций культуры;
- 5) позволяет несколько формализовать попытки описания элементов этноментальности как характеристики языковой картины мира;
- 6) позволяет детализировать факты манипуляции общественным сознанием посредством использования пословичных текстов и формул;

7) расширяет область семантического анализа паремий как за счёт междисциплинарной трактовки ряда принципиальных теоретических позиций, так и в ходе применения детальной многоуровневой методики анализа, выявляющей ряд нюансов семантико-смысловых переходов в плане содержания паремий.

Предлагаемый подход к моделированию паремической семантики характеризуется также выраженной спецификой для каждого паремического жанра (поговорок, примет, загадок и т. д.) и не может механистически переноситься на другой материал, также как требует определённых уточнений при работе с пословицами (а) различных семантических типов, определяемых по характеру связи внутренней формы с афористическим значением, и (б) различного лингвоаксиологического потенциала, существенно влияющего на прагматически фактор реализации афористического значения.

Список литературы

1. Алефиренко, Н. Ф. Когнитивная семиология: истоки, становление и перспективы развития / Н. Ф. Алефиренко // Известия Южного федерального университета. Сер. Филологические науки. - 2007. - № 1-2. - С. 143 – 152.
2. Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука. 2010. – 288 с.
3. Мокиенко, В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц / под общей редакцией В. М. Мокиенко. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 1024 с.
4. Семенов, Н. Н. Русские паремии: функции, семантика, прагматика: Монография / Н. Н. Семенов. - Старый Оскол: Изд-во РОСА, 2011. – 335 с.

Д. С. Сергеева

Институт филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации
(Ростов-на-Дону, Россия)

СОЗДАНИЕ ОБРАЗА «ВРАГА» КАК ЗАЛОГ УСПЕХА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ¹

ENEMY IMAGE FORMATION AS THE FORMULA FOR SUCCESS IN POLITICAL COMMUNICATION

В статье рассматриваются особенности формирования образа «врага» в современной американской политической коммуникации, анализируются языковые средства, использованные при создании этого образа, и описывается эффективность коммуникации.

The features of enemy image formation in modern American political communication are considered in the article, the linguistic means used at creation of this image and peculiar features attributed to the enemy are analyzed.

Ключевые слова: образ, враг, политика, власть, дискурс, лексические средства, эффективность.

Keywords: image, enemy, policy, power, discourse, lexical means, efficiency.

¹ Статья публикуется при поддержке Гранта РГНФ 16-34-00014a1 «Коммуникативное взаимодействие в современном медийном пространстве как способ конструирования имиджа».

Сегодня в мире идет ожесточенная борьба за зоны политического и экономического влияния, за возможность управлять большими массами людей. В таких условиях наибольшее распространение получили различные технологии коммуникативного воздействия. Воздействие на сознание и поведение людей является той невидимой технологией управления общественной жизнью, которая пронизывает буквально все уровни социального взаимодействия, начиная от межличностных и заканчивая политико-правовыми.

Исследуя политический дискурс, Е. И. Шейгал отмечает, что политика как специфическая сфера человеческой деятельности по своей природе является совокупностью речевых действий [5. С. 38]. Ещё Аристотель отмечал, что политика (politics) включает в себя два элемента – действие (praxis) и речь (lexis). В связи с этим политика рассматривается нами как языковая деятельность, где язык выступает в качестве инструмента для осуществления власти. Поэтому одним из главных инструментов в политике является речь.

Политика, будучи сложным и универсальным коммуникативным процессом, приобретает новые и нестандартные средства и технологии достижения различных целей и разнопла-

новых аудиторий [3. С. 85]. Вместе с этим появляется возможность многопланового и специфического воздействия на «умы и сердца» людей. Американский политический дискурс характеризуется наличием множества коммуникативных стратегий создания различных образов, которые помогают воздействовать на сознание широкой массовой аудитории [2. С. 78]. Образы внедряются в массовое сознание посредством публичных выступлений политиков и средств массовой информации и вербализуются на трех уровнях: синтаксическом, фонетическом и лексическом.

Целью данной статьи является рассмотрение комплекса лексических языковых средств и выявление их процентного соотношения как инструмента американского политического дискурса в создании образа «врага» на материале ведущих печатных изданий США (USA Today, The Washington Post, The Wall Street Journal и The New York Times).

Опора на образы играет значительную роль в политическом дискурсе (Самарина И. В. (2006); Молодыхенко Е. М. (2010)). Интересными представляются рассуждения Н. Фэрклоуа, доказывающего, что любое общество не может обойтись без системы образов. «Природа общества такова», – пишет Н. Фэрклоу,

– «что оно дает жизнь прежде всего образам типа «мессии», «супермена», а для внешней политики необходимым условием является наличие стойкого образа «врага», который посягает на все духовные ценности и материальные блага страны» [6. С. 19]. В современной американской культуре существует миф, названный К. Ларссоном «Приход Мессии» [7. С. 163], в котором Америка представлена как страна, которая должна спасти мир от мирового зла. Государства, которые не разделяют интересов США, считаются «чужими», агрессивно настроенными и приносящими вред.

В современной политике образ «врага» нередко используется как инструмент консолидации крупных социальных групп против тех или иных государств и тех или иных социальных групп. При этом враги обязательно оцениваются как чужие, постоянно вредящие этим социальным группам или всему государству в целом. Враги представляются в общественном сознании как носители зла и стремящиеся унижить, помешать в развитии или даже разрушить государство и общество [1. С. 46]. Таким врагом для Америки стала Россия.

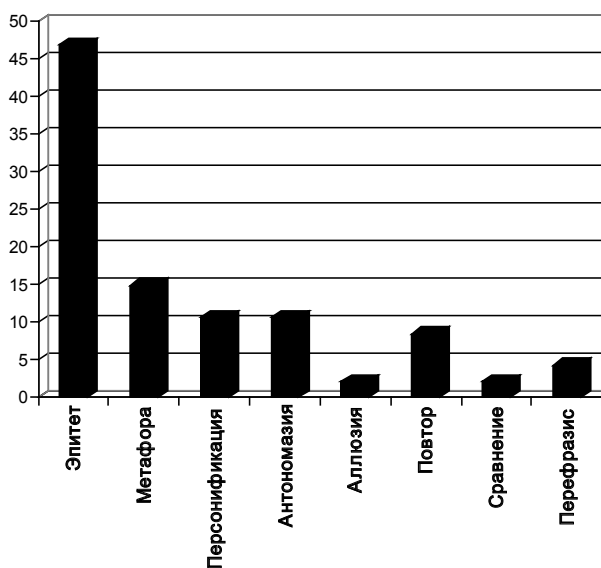
Рыночный аналитик и инвестиционный эксперт Клайв Моунд выделил две причины, почему США «сделали» своим врагом Россию. Во-первых, военно-политический комплекс Америки заинтересован в подобных конфликтах для продвижения своей военной продукции. Враг необходим для гонки вооружений. Во-вторых, возникла реальная угроза того, что доллар будет вытеснен из списка мировых резервных валют, что, несомненно, ведет США к экономическому кризису. Особые опасения у Соединенных Штатов вызывает Россия, которая проделала ряд шагов для торговли вне доллара. Во избежание гибели американской империи, США приняли экономическую блокаду как средство борьбы с Россией. Отсюда и санкции на изоляцию и ослабление страны. Оправданием для наложения санкций послужил конфликт на Украине, в ходе которого американские СМИ искажают информацию и выставляют РФ агрессором [<http://topwar.ru/58382-rochemu-rossiya-vrag-dlya-ssha.html>].

Эффективность использования образа «врага» в качестве инструмента политики определяется возможностью управления крупными социальными группами при помощи бессознательных инстинктов: ненавистью и агрессией по отношению к врагу, одновременно страхом перед ним [4. С. 213]. Материалом для настоящего исследования послужили американские

печатные средства массовой информации (USA Today, The Washington Post, The Wall Street Journal и The New York Times). Общий объем исследуемого материала составил 20 статей, взятых в период с апреля 2015 по ноябрь 2015 методом сплошной выборки. Это время характеризуется как время недовольств и открытых конфронтаций со стороны Соединенных Штатов по отношению к действиям России.

Для создания яркого образа России с нечеловеческими качествами западные СМИ, как правило, используют *лексические* средства выразительности такие, как эпитет, метафора, персонификация, антономазия, аллюзия, повторы, сравнения и перефразис.

Приведенная ниже диаграмма «Лексические средства создания образа врага» наглядно показывает частотность употребления той или иной лексической единицы, используемой в американской прессе с целью создания в сознании массовой аудитории нетерпимости к РФ. В диаграмме приведено процентное соотношение исследуемых единиц.

Лексические средства создания образа врага

Согласно данным диаграммы, наиболее частым приемом создания образа врага является **эпитет** (46,81%). Использование эпитетов с негативной коннотацией способствует формированию ожесточенных характеристик врага. Так, Россию описывают как зверское, безжалостное, варварское и смертоносное государство: wicked, evil, immoral, soviet, sinister, violent, brutal, corrupt, bullying, harsh, grave, cold-blooded, barbaric, terrifying, ruthless, un-American, murderous, hateful, terrible, callous, troubled, extremist, awful, soulless, draconian, brutal, deadly, etc.

Метафора занимает второе место по частотности употребления (14,89%) и эмоционально воздействует на аудиторию, а также призвана, чтобы утратить врага. Американские СМИ описывают Россию как страну, полную тирании и террора, где правит оружие, и которая представляет огромную опасность для других государств: *the darkness of tyranny and terror; plunge an entire region into war; rule of the gun; one of the possible storm clouds on the horizon; plotted murder for export; an iron curtain has descended across the continent; they dwell in the shadows, etc.*

Персонализация (10,64%) в роли одушевленного врага представляет режим страны (*ideology that despises everything America stands for; regime was deceiving the world; regime that plotted murder for export*), а также внешнюю агрессию в общем (*Russian aggression threatened any part of the globe; war came to our shores*).

Отдельные личности, в которых США видят своих врагов (например, В.В. Путин предстает перед аудиторией как диктатор, тиран, угнетатель и деспот: *«a dictator; the second Stalin; the same Hitler»*), а также некоторые регионы, в которых США видят угрозу (например, Россия описывается, как самая опасная, коварная и агрессивная часть мира: *«the most rugged territory you've ever laid eyes on; troubled part of the world, etc.»*) представлены при помощи **антономазии** (10,64%), а **аллюзия** (2,13%) «Putler» намекает на сходство Владимира Путина и Адольфа Гитлера.

При **повторах** (8,51%) основное внимание сосредоточено на желании и стремлении противостоять врагу (*...violence will be investigated, prosecuted, and punished; never justify violence – never*). Также проявляется нетерпимость к врагу (*Today, the gravest danger in Ukraine, the gravest danger facing America and the world; We have faced, and are facing today Russian aggression...*).

В ходе исследования были обнаружены **сравнения** (2,13%) мирных стран с полем битвы (*Putin who views the entire world as a battlefield*) и **перефразис** (4,25%), который базируется на понятии «российская агрессия» (*direct and growing threat; the dangers of a new era, etc.*).

Итак, мы рассмотрели лексические языковые средства, которые используются для создания образа врага в политическом дискурсе США и помогают образно охарактеризовать РФ и ее представителя, а так же создать мрачную и напряженную атмосферу. Наиболее употребительным является эпитет, поскольку он способствует формированию яркого обра-

за в сознании американского народа, а также, оценивая страну или ее президента, вызывает определенное отношение у аудитории к ним. Образ «врага» используется американским правительством в качестве инструмента для отвлечения внимания широкой аудитории от реальных проблем политики и экономики. Такой инструмент политической коммуникации помогает компенсировать ошибки правящей элиты в экономической сфере. Образ «врага», внедряемый в массовое сознание, помогает правительству сплотить общество вокруг харизматичного лидера, который пользуется успехом и популярностью за счет своих «благих» намерений. Объединенное общество поддерживает все предлагаемые органами власти решения политических проблем. Перед лицом якобы нависшей над США и всем миром угрозы со стороны России западная аудитория демонстрирует покорность правителю.

Список литературы

1. Гасанов, И. Б. Национальные стереотипы и «образ врага» / И. Б. Гасанов. – Москва, 2004. – 46 с.
2. Почепцов, Г. Г. Психологические войны. – М.: Рефл. «Ваклер». – 2002. – 78 с.
3. Савельев, А. Н. Образ врага: Расология и политическая антропология / А. Н. Савельев. – Москва, 2007. – С. 85–132.
4. Самарина И. В. Прагмалингвистическое исследование речевой деятельности политиков по коммуникативным стратегиям «создания круга своих и чужих» / И. В. Самарина. – Вестник СамГУ. – 2006. – № 8 (48). – 213 с.
5. Шейгал, Е. И. Власть и речевая коммуникация / Е. И. Шейгал // Черватунок. Известия РАН. Серия литературы и языка, 2005. – 38 с.
6. Fairclough N. Language and Power. Pearson Education / N. Fairclough. – 2001. – 19 p.
7. Larson K. Persuasion / K. Larson. – 1998. – 163 p.

Источники материала

- Моунда, К. – URL:<http://topwar.ru/58382-pochemu-rossiya-vrag-dlya-ssha.html>
 USA Today – URL:<http://www.usatoday.com/>
 The Washington Post – URL:<https://www.washingtonpost.com/>
 The Wall Street Journal – URL:<http://www.wsj.com/europe>
 The New York Times – URL:<http://www.nytimes.com/>

А. Л. Сопина
СПбГЭТУ, ЛЭТИ
(Санкт-Петербург, Россия)

АЛЛЮЗИЯ ИЛИ ИЛЛЮЗИЯ: ГЕТЕРОГЕННОСТЬ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В СВЕТЕ ТЕОРИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

ALLUSION OR ILLUSION: HETEROGENEITY OF INTERTEXTUALITY FROM THE PERSPECTIVE OF CONCEPTUAL INTEGRATION THEORY.

В работе интертекстуальность рассматривается как когнитивный процесс. Описывается порядок декодирования интертекстуальных отсылок с точки зрения теории концептуальной интеграции. Приводятся примеры цитат из романа Д. Лоджа «Хорошая работа», свидетельствующие о том, что схожие по форме межтекстовые связи гетерогенны в плане смыслообразования. Интертекстуальность предполагает смешение ментальных пространств, схем и фреймов.

The article views intertextuality as a cognitive process and describes intertextual references in the framework of conceptual integration theory. Analysis shows that intertextuality is heterogenic in terms of constructing meaning. Examples of quotations used in “Nice Work” by Lodge demonstrate that intertextual references imply mappings between mental spaces, general schemas and frames.

Ключевые слова: интертекстуальность, цитата, концептуальная интеграция, ментальные пространства, блендинг.

Keywords: intertextuality, quotation, conceptual integration, mental spaces, blending.

Уже несколько десятилетий феномен диалогичности языка привлекает внимание филологов, лингвистов, литературоведов. Сегодня интертекстуальность все чаще становится предметом исследований специалистов когнитивной лингвистики, которые рассматривают ее в первую очередь как когнитивный процесс (И. Свитсер (Sweetser), Ш. Хирден (Heerden), М. Панагиотиду (Panagiotidou), С. Кавальканте (Cavalcante)).

Мысль по своей природе диалогична. По словам С. Кавальканте, создание и восприятие текстов любых семиотических систем требует обращения к ранее созданным текстам. По словам ученого, такие основные когнитивные процессы как память, восприятие и внимание тесно связаны с интертекстуальностью, и построение смыслов требует мгновенного и одновременного задействования перечисленных познавательных процессов [1. Р. 2].

Согласно теории концептуальной интеграции, хранящийся в памяти опыт представлен в виде ментальных пространств – когнитивных структур, которые образуются, модифицируются и взаимодействуют определенным образом. Ментальные пространства и связи между ними составляют ментальную сеть. В

процессе размышления о чем-то появляются новые ментальные пространства и новые связи между ними. Смешения ментальных пространств являются основой мыслительной деятельности и обуславливают появление новых творческих идей. В результате концептуальной интеграции появляется смешанное ментальное пространство или бленд, содержащий элементы исходных ментальных пространств, но обладающий новым частным смыслом, не выводимым из других пространств. Для описания мыслительного процесса используется интеграционная модель, которая состоит из двух входных пространств (input space 1, input space 2), общего (generic space) и смешанного пространства или бленда (blended space) [4].

Прочитанный текст также закрепляется в памяти в виде ментального пространства – схематичного представления о произведении, авторе, сюжете, основных идеях и т. д. Отсылки к текстам пробуждают в памяти ту или иную готовую концептуальную структуру.

Теория концептуальной интеграции позволяет описать процесс сочетания контекстов и образования новых смыслов и, следовательно, может быть использована для анализа интертекстуальных связей.

Цитата в новом тексте не лишается смысла, который она имела в предыдущем тексте. Напротив, форма остается связана с тем значением, которое она несла в прошлом контексте. Однако при упоминании текста или его части в новом контексте происходит не повтор, а смешение смыслов, то есть блендинг, результатом которого является образование нового ментального пространства, нового смысла [3. Р. 48].

В работах исследователи приводят примеры, объясняющие механизм интеграции [1; 3]. Однако не во всех случаях цитирования интеграция происходит одинаково, и интерес представляет описание различий в механизме смыслообразования. Не всегда связь двух контекстов и концептуальная интеграция необходимы для понимания текста и задуманы автором. Читатель вынужден угадывать замысел автора, расшифровывать ссылку к прототексту и искать дополнительный смысл именно там, где этого от него ждут.

В работе приводятся три примера близких по форме атрибутированных цитат из романа Д. Лоджа «Хорошая работа», процесс декодирования которых в рамках теории концептуальной интеграции различен.

Персонаж романа, Вик, читает героине, Робин, строки стихотворения «Локсли Холл шестьдесят лет спустя» А. Теннисона: *“Looking into her eyes, he recited: “In my life there was a picture, she that clasped my neck had flown. I was left within the shadow, sitting on the wreck alone. ...I thought it was rather appropriate.”*

“Never mind that,” said Robyn briskly. “Where’s it from?”

“Don’t you know? A poem called ‘Locksley Hall Sixty Years After’.” [2. Р. 356].

Строки, которые цитирует Вик — метафора несчастной любви. В стихотворении стареющий лирический герой подводит итоги жизни и делится воспоминаниями о своих чувствах к девушке, которая вышла замуж за более состоятельного жениха. Первое входное пространство содержит базовую информацию о стихотворении.

Содержание романа Д. Лоджа — второе входное пространство. У Вика, женатого главы производства, роман с Робин, преподавателем английской литературы. Однако она намерена разорвать связь. Вик проводит аналогию между своими страданиями и переживаниями лирического героя стихотворения. В результате интеграции двух входных пространств возникает бленд. В новом ментальном пространстве

Вик — поэт, его чувства — это первая любовь, Робин — неверная возлюбленная, которую он винит в несостоявшемся счастье. Смешение возможно благодаря существованию общего пространства, описывающего взаимодействия людей.

Общее пространство

Person 1

Person 2

Kind of relationships

Outcome of relationships

Reaction

Входное пространство 1

Poet

Cousin

First true love

Cousin’s arranged marriage

Narrator’s suffering, blames the cousin

Frame: true love

Входное пространство 2

Vic

Robyn

Work affair

Robyn’s decision to end the affair

Vic’s suffering, blames Robyn

Frame: love affair

Смешанное пространство

Vic is a poet

Robyn is the object of love

The affair is a true love

Vic suffers

Robyn is blamed

Во втором случае декан факультета Филипп Лоу сообщает Робин о том, что с ней не будет продлен контракт. Он цитирует фразу из «Антония и Клеопатры» У. Шекспира: *“It’s no fun being Dean, these days, I can tell you. All you do is give people bad news. And, as Shakespeare observed, the nature of bad news infects the teller.”* [2. Р. 65].

Здесь цитата скорее является крылатым выражением. Для расшифровки смысла цитаты от читателя не требуется знание содержания «Антония и Клеопатры» или даже более узкого контекста, диалога Антония и его гонца. В данном случае Д. Лодж вслед за У. Шекспиром обращается к общим фоновым знаниям читателя о случаях наказания гонцов за дурные вести. Основными элементами первого входного пространства являются: неповинный вестник, получатель сообщения, дурные вести и необоснованное недовольство вестником. Элементами второго входного пространства

выступают: Филипп Лоу, работники факультета (Робин), новость об увольнении и недовольство работников действиями Филиппа. В смешанном пространстве невинный передатчик новостей – Филипп Лоу, получатели сообщения – работники факультета (Робин), дурные вести – увольнение, возмущение Робин – необоснованное недовольство.

Общее пространство

Messenger (M)

Message

Receiver (R)

Reaction

Входное пространство 1

Innocent

messenger

Receiver

Bad news

R's unjustified

anger with M

Входное пространство 2

Philip Swallow

Faculty (Robyn)

Dismissal

Faculty's anger

with Philip

Смешанное пространство

Philip Swallow – innocent messenger

Robyn – receiver

Bad news – dismissal

Robyn's anger with Philip – unjustified anger with M

Робин не соглашается с таким блендом и предлагает другой. Её ответ Филиппу интересен тем, что является продолжением цитаты. В отличие от рядового читателя Робин как литературовед хорошо знакома с текстом пьесы, и отсылка к тексту вызывает у нее соответствующую реакцию: "*Robyn answers with the continuation of the quote: "When it concerns the fool or coward.' Robyn recklessly recites the next line from Antony and Cleopatra...*" [2. P. 65].

С помощью цитаты она предлагает в первом входном пространстве заменить элемент «получатель сообщения» на «глупец или трус». Так она напоминает, что необоснованное недовольство возможно только в случае, если работники факультета глупцы или трусы. Благодаря тому, что первая цитата не обращается непосредственно к содержанию пьесы, ответ Робин оказывается неожиданным.

В следующем примере цитата вымышлена Д. Лоджем, то есть в действительности не является отсылкой к какому-либо конкретному прототексту. Жена Вика, Марджори, в разговоре об их отношениях цитирует несуществу-

ющую книгу «Enjoy Your Menopause»: "She switched on her bedside lamp and reached for *Enjoy Your Menopause*... "*You may feel a revulsion against marital relations for a while. This is quite normal, and nothing to worry about. With time, and patience, and an understanding partner, your lib, libby... Your libido will return, stronger than ever.*" Marjorie replaced the book on her bedside table..." [2. P. 164].

Общее пространство

Messenger (M)

Message

Receiver (R)

Reaction

Входное пространство 1

Innocent

messenger

Fool or coward

Bad news

Fool's unjustified

anger with M

Входное пространство 2

Philip Swallow

Faculty (Robyn)

Dismissal

Faculty's

unjustified anger

with Philip

Смешанное пространство

Philip Swallow – innocent messenger

Faculty (Robyn) – fool or coward

Bad news – dismissal

Robyn's anger with Philip – unjustified anger with M

Интертекст в случае вымышленной цитаты требует припоминания информации о целом наборе текстов определенного жанра. При этом интеграция происходит с общей схемой или моделью типичного текста, а контекст домысливается. Лингвистические маркеры помогают читателю распознать жанр. В данном случае неформальный стиль изложения, использование экспрессивной лексики и в то же время специальной терминологии, прямое обращение к читателю и др. говорит о том, что текст научно-популярный. Тематика книги – психология и отношения.

В интеграционной модели общее пространство – фрейм поиска решения проблемы и обращения клиента к специалисту. Первое входное пространство – представления о книге "Enjoy your Menopause": автор – психолог или врач, аудитория – женщины, проблема – нежелание женщины супружеских отношений, причина – менопауза, решение проблемы – терпение и понимание партнера. Второе входное пространство – ситуация чтения книги Марджори

Вика, когда Марджори констатирует факт наличия проблемы и ищет ее решение. В результате бленда в качестве специалиста выступает книга “Enjoy your Menopause”, Вик и Марджори – клиенты в поисках решения проблемы, проблема – нежелание Марджори отношений, причина – менопауза Марджори, решение – терпение и понимание Вика.

Общее пространство

Specialist
Client
Problem
Cause
Solution

Входное пространство 1

Author: psychologist / doctor
Readers: women
Problem: revulsion against marital relations
Cause: menopause
Solution: partner's patience and understanding

Входное пространство 2

Book
Marjorie and Vic
Problems in relationships
Cause in question
Solution in question

Смешанное пространство

Specialist – “Enjoy your Menopause”
Clients – Maggiore and Vic
Problem – M's revulsion against marital relations
Cause – M's menopause
Solution – V's patience and understanding

При этом для Вика причина проблем в отношениях с женой кроется в первую очередь во встрече с Робин, после которой его супружеская жизнь кажется ему скучной и однообразной, а Марджори недалекой и ограниченной. В развитии отношений с женой он не заинтересован и решение своих сердечных проблем видит в связи с Робин. Поэтому неудивительна реакция Вика на попытку Марджори объяснить причину трудностей. Вик резко отвергает бленд фразой: “Fuck the book” [2. P. 164].

Теория концептуальной интеграции позволяет по-новому взглянуть на интертекстуальность как на когнитивный процесс и выявить особенности смыслообразования при различных видах межтекстовых связей. Интертекстуальность, являясь важным механизмом мыслительной деятельности, многопланова и гетерогенна. Схожие по форме, но отличающиеся в смысловом плане интертекстуальные отсылки требуют разных способов декодирования.

Список литературы

1. Cavalcante, S. A preliminary essay on intertextuality as a socio-cognitive phenomenon / S. Cavalcante. – 2012. – P. 1-25. – URL: <http://ssrn.com/abstract=2153937>
2. Lodge, D. Nice Work / D. Lodge. – Penguin Books, 1988. – 384 p.
3. Sweetser, E. Whose rhyme is whose reason? Sound and sense in Cyrano de Bergerac / E. Sweetser // Language and literature 15(1). – 2005. – P. 29-54. – URL: <http://linguistics.berkeley.edu/sweetser/sweetser.LL2005.pdf>
4. Turner, M. The origin of ideas: blending, creativity, and the human spark? / M. Turner. – Oxford University Press, 2014. – 320 p.

И. В. Татарникова, Е. В. Шереметьева, О. А. Асютина
*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
(Симферополь, Россия)*

ПРОИЗНОСИТЕЛЬНАЯ НОРМА И СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЯ ЕЁ ВАРИАТИВНОСТИ

PRONUNCIATION NORM AND PECULIARITIES OF ITS VARIABILITY

В данной статье рассмотрены проблемы толкования языковой нормы языка и ее взаимодействия с системой языка. Отмечается индикативность произносительной нормы в части репрезентации отставания кодификации от употребления носителями языка рекуррентных

стилистически маркированных вариантов произношения. По результатам предварительного анализа речевых реализаций, зафиксированных в Большом словаре современного немецкого произношения (1982), делается вывод о необходимости их использования в процессе преподавания коммуникативно-ориентированных фонетических курсов немецкого языка разным категориям учащихся и разработке соответствующих методических пособий.

The article deals with the problems of the elucidation of the linguistic norm and its interaction with the language system. The pronunciation norm in its representing the lag of the codification in reference to the usage of recurrent stylistically marked pronunciation variants by native speakers is regarded as the most indicative. By the results of the preliminary analysis of speech realizations fixed in Großes Wörterbuch der deutschen Aussprache (1982) it is possible to make a conclusion about the possibility of their application in the process of teaching courses of communicative German phonetics to learners of different levels and the elaboration of relevant methodological manuals.

Ключевые слова: система языка, языковая норма, кодификация, речевая ситуация, произносительная норма.

Keywords: a language system, a linguistic norm, codification, a speech situation, a pronunciation norm.

Одним из актуальных направлений современной лингвистики является изучение языковых изменений в контексте коммуникативно-прагматической исследовательской парадигмы, акцентирующей внимание на тесной взаимосвязи языка и среды его функционирования, а также когнитивных и деятельностных структур языкового коллектива в определенный период времени.

Термин «норма», как и многие другие важные понятия лингвистики, неоднозначен. Особенно остро ставился вопрос проблемы нормы в теоретическом аспекте в частности в работах А. Пешковского, Л. Ельмслева, Т. Зибса, В. Кульмана, которые полагают, что норма – абстрактная категория, эталон, которому должны следовать носители языка. Приверженцы других взглядов считают, что норма – это языковая реальность, которая включает в себя широкие возможности языкового поведения (О. С. Ахманова, Р. А. Будагов, Л. В. Щерба, Б. Гавранек, А. Едличка, Р. Р. Каспранский, К. Колер, Э. Косериу, Г. Майнхольд, Д. Нериус, В. М. Бухаров и др.).

Л. В. Щерба, противопоставляя систему и норму, понимает ее как категорию лингвистическую, существующую в самом языке, при этом выбор нормы происходит в процессе речевой деятельности [11].

Наиболее полное описание нормы языка и ее взаимодействия с системой языка представлено в работах Э. Косериу [5], которому удалось последовательно разграничить явления системы и нормы. По Э. Косериу, норма – это «система обязательных реализаций», она соответ-

ствует тому, что уже говорится по традиции, и включает модели, уже реализованные с помощью этой техники и по этим эталонам, т.е. норма «соответствует фиксации языка в традиционных формах». Норма – это совокупность языковых явлений, которые непосредственной различительной функции в языке не несут, однако можно говорить об известной функциональной нагрузке явлений нормы [5].

В современном языкознании все последующие теории, объясняющие сущность нормы, в той или иной мере представляют собой попытки усовершенствовать теорию Э. Косериу, преодолеть ее недостатки при сохранении основной идеи. Так, например, в некоторых исследованиях предлагается различать два аспекта понятия языковой нормы – объективную языковую норму, общепринятую в данном коллективе форму языковых средств, и оценочную, аксиологическую норму, которая устанавливает правильность и неправильность соревнующихся объективных норм [8].

Опираясь на Э. Косериу, Н. Н. Семенюк определяет понятие языковой нормы как совокупность наиболее устойчивых, традиционных реализаций элементов языковой структуры, отобранных и закрепленных общественной языковой практикой [7].

В отличие от Э. Косериу, рассматривающего норму как систему обязательных реализаций, В. А. Ицкович расширяет объем этого понятия, включая в него и действительно существующие языковые единицы, осуществленные возможности системы, и те новые явления, взятые из употребления, которые соответствуют тен-

денциями развития языка [4]. По наблюдениям Л. А. Вербицкой [2] в последнее время наметилась тенденция с социолингвистическим критерием определения нормы. Представители петербургской фонологической школы (Бондарко Л. В., Л. А. Вербицкая, Гордина, М. В. Зиндер Л. Р. и др.) определяют языковую норму как совокупность явлений, разрешённых системой языка, отобранных и закреплённых в речи носителей языка и являющихся обязательным для всех владеющих литературным языком в определённый период времени [1].

Многие исследователи подчеркивают, что наличие образцовых норм вовсе не означает их неизменности, так как язык, как и сама жизнь, постоянно в чем-то изменяется, но изменение в нем происходит не беспорядочно, не анархически, а в рамках внутренних законов развития языка, корректируемых обществом. Следовательно, норма не отличается стабильностью, а одним из признаков нормы является вариативность [10. С. 3].

Обоснованной является точка зрения В. Г. Костомарова и А. А. Леонтьева [6], которые рассматривают норму не как нечто изолированное, а как систему норм, варьирующихся от случая к случаю. При этом, по их мнению, нет общей нормы, которая в равной степени была бы приемлема для всех случаев общения; существует система норм, дифференцированных применительно к различным признакам речевой ситуации и к другим характеристикам общения. Развитие нормы совершается именно благодаря вариантам, они являются переходными формами от одного качества к другому [6]. Л. А. Вербицкая справедливо отмечает, что явление вариативности наиболее ярко иллюстрирует, во-первых, «гибкость» фонетической системы языка, а во-вторых, множественность нормы. При выборе одного из вариантов, подлежащих кодификации, необходимо учитывать самые разнообразные фонетические, фонологические, морфологические и экстралингвистические факторы, так как от кодифицированной нормы иногда определенным образом зависит судьба звукового строя языка [2].

Сосуществование в рамках единой нормы вариативных единиц обычно сопровождается процессом их смыслового, стилистического и функционального размежевания, что дает возможность гибко использовать допускаемые нормой языковые средства – в зависимости от целей и условий коммуникации [7. С. 4].

Исследователь немецкого стандартного произношения Г. Майнхольд (G. Meinhold), одну

из главных задач видит в решении вопроса о соотношении нормы и действительных реализаций. Рассмотрение этой проблемы должно способствовать уточнению, а иногда и полному пересмотру имеющихся норм, при установлении которых в первой половине XX века явления разговорной речи как явления «сниженного» стиля кодификаторами полностью игнорировались. Такое положение дел, по словам Майнхольда, до сих пор остаётся реальностью при кодификации произношения [13. С. 17].

Основной принцип кодификации – адекватность современной норме, как правило, нарушается, так как кодификация отстает от нормы, фиксирует то, что существует в течение длительного времени [3].

Весьма репрезентативной в этой части является произносительная норма, которая фиксируется в произносительных словарях в виде речевых форм, являющихся, с точки зрения носителей языка, наиболее предпочтительными для акта полноценной вербальной коммуникации. Повышение частотности употребления подобных речевых реализаций может привести к переосмыслению существующей кодифицированной нормы и необходимости внесения, соответствующих корректив в создание произносительных образцов для носителей языка.

Бурное развитие социолингвистики, социофонетики и фоностилистики в последней четверти XX века – факт общепризнанный. И вот теперь эти науки подошли к очередному рубежу своего «академического признания» – к созданию справочника, точнее, руководства энциклопедического характера по всем направлениям, проблемам и методам. В 2004 году в США в издательстве «Мутон и де Грайтер» вышел в свет «Атлас Вариативности Английского Языка» “A Handbook of Varieties of English” (бумажная и мультимедийная версия) [12] Издание осуществлено под редакцией Бернда Кортманна (Kortmann, Bernd) и Эдгара Шнайдера (Schneider, Edgar W.) в соавторстве с коллективом лингвистов. В руководстве отражено современное состояние английского языка во всех странах мира с социолингвистической точки зрения; дан обзор направлений развития и проявления вариативности на фонологическом, морфологическом и синтаксическом уровнях языка; тем самым был дан стимул к новым исследованиям в этих и других областях, руководство носит практическую помощь, особенно в общественно-политической практике преподавания английского языка и т.д. В Атласе представлены карты произноше-

ния английского языка во всех странах, распространения этого языка: Австралии и Океании, Британских островов, Африки, Ближнего Востока и стран Юго-восточной Азии, Северной и Южной Америки, стран Карибского бассейна. Атлас разработан на основе работ американских лингвистов, начиная с 1933 года, в нем отражены все произносительные тенденции англо-говорящих регионов мира.

Одним из наиболее удачных нормативных изданий, отражающих современные произносительные тенденции, является Большой словарь современного немецкого произношения [14]. Предварительный анализ представленных в нем орфоэпических вариантов с учетом их стилистической маркированности свидетельствует о максимальном приближении кодифицированных в словаре слов к их реальному звучанию в разных коммуникативных ситуациях, что может быть использовано в процессе преподавания коммуникативно-ориентированных фонетических курсов немецкого языка разным категориям учащихся и разработке соответствующих методических пособий.

Список литературы

1. Бондарко, Л. В., Вербицкая Л.А., Гордина М.В. / Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, М. В. Гордина // Основы общей фонетики. – СПб : СПбГУ, 1991. – 152 с.
2. Вербицкая, Л. А. Система и норма (фонетические аспекты) / Л. А. Вербицкая // Сборник научных трудов МГПИИЯ. – М., 1962. – Вып. 201. – С. 87–96.
3. Гельгардт, Р. Р. О языковой норме / Р. Р. Гельгардт // Вопросы культуры речи. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – Вып. 3. – С. 21–37.
4. Ицкович, В. А. Норма и ее кодификация / В. А. Ицкович // Актуальные проблемы культуры речи. – М. : Наука, 1970. – С. 9–39.
5. Косериу, Э. Синхрония, диахрония и история / Э. Косериу // Новое в лингвистике. – М. : Изд-во иностр. лит., 1963. – Вып. 3. – С. 143–344.
6. Костомаров, В. Г., Леонтьев А. А. Некоторые теоретические вопросы культуры речи / В. Г. Костомаров, А. А. Леонтьев // Вопросы языкознания. – 1966. – № 5. – С. 3–15.
7. Крысин, Л. П. Современная литературная норма и ее кодификация /Л. П. Крысин // М., 2004. – С. 4
8. Семенюк, Н. Н. Норма / Н. Н. Семенюк // Общее языкознание. – М.: Просвещение, 1970. – С. 524–571.
9. Степанов, Г. В. О двух аспектах понятия языковой нормы / Г. В. Степанов // Методы сравнительно-сопоставительного изучения современных романских языков. – М. : Наука, 1966. – С. 226–235.
10. Филин, Ф. П. О структуре современного русского литературного языка / Ф. П. Филин // Вопросы языкознания. – 1973. – № 2. – С. 3–12.
11. Щерба, Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – С. 24–39.
12. A Handbook of Varieties of English: CD-ROM.. — Mouton de Gruyter, 2004. — 24 с.
13. Meinhold G. Deutsche Standardausprache. Lautschwächungen und Formstufen / G. Meinhold// Jena: F. Schiller Universität/ – 1973, S. 17.
14. Großes Wörterbuch der deutschen Aussprache. – Leipzig : Bibliographisches Institut, 1982. – 599 S.

Л. Г. Тупчиенко-Кадырова
(Кировоград, Украина),
(Осиповичи, Республика Беларусь)

ПОИСКОВАЯ КАРТА ПОЛНЫХ ТЕКСТОВ АРХИВНЫХ БИОГРАФИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ КОМПОЗИТОРА КАК РЕЗУЛЬТАТ СИСТЕМНО-ПРЕДМЕТНОЙ СТРУКТУРИЗАЦИИ

THE SEARCH-MAP OF FULL-TEXTS OF COMPOSER'S ARCHIVE BIOGRAPHICAL DOCUMENTS AS A RESULT OF THE SYSTEM AND THEMATIC STRUCTURIZATION

Эффективный поиск документов и их использование зависят от выбора поисковых и описательных признаков. Предлагается проводить структурный анализ полных текстов документов, а также их синтез в виде поисковой карты. Результат структурного анализа текстов показан на примере биографических документов Ю. С. Мейтуса. В поисковой карте приведены содержательный и контекстный информационные блоки.

Effective search of documents and their using depend on the choice of search characteristics used for their description. It is proposed to carry out a structural analysis of the full-text documents, as well as a search card synthesis. The result of the structural analysis of texts is shown on the example of S. Meitus biographical documents. The search-map shows the search semantic and contextual information blocks.

Ключевые слова: структуризация текстов, архивные документы, поисковые признаки, семантический анализ естественных текстов, Ю. С. Мейтус.

Keywords: structurization of texts, archival documents, research signs, semantic analysis of natural texts, Yu. S. Meitus.

Сегодня одной из актуальных задач работы с информацией является её представление и выработка эффективных средств поиска полнотекстовой информации, в том числе в среде Интернет [3. С. 14; 5. С. 2]. В частности, это касается документной информации исторических источников, интерес к которым также возрастает.

Смысловая обработка текстов документов началась с древних времен, причем, по двум направлениям. Первое связано с исследованием и использованием текстов в рамках истории, филологии, источниковедения, дипломатики, текстологии, библиологии, книговедения [4. С. 13–21], лингвистики, семиотики и др. Второе – с созданием вторичной информации, т.е. средств представления и поиска документов [2. С. 63; 4. С. 5–12] в рамках библиотечно-библиографической, архивной, музейной, издательской сфер социальной деятельности. Автоматизация информационных процессов, начатая в середине XX в., использует наработки обоих направлений. В частности, актуализируется процесс индексирования, который включает анализ содержания документов, их представление в виде поисковых признаков и

формирование поисковых запросов. Процесс осуществляется в информационно-поисковых системах с помощью информационно-поисковых языков (ИПЯ) [2. С. 63].

Языковые и логические средства формирования, обработки, хранения и поиска информации (создание, ведение, использование и контроль за ИПЯ, правила перевода информации с естественного языка на ИПЯ, критерии смыслового соответствия и выдачи информации, командные языки и т.д.), методы (индексирование, составление тезаурусов), используемые для сопоставления содержания документов и запросов с целью обеспечения информационного поиска, часто называют «лингвистическим обеспечением» [1. С. 53–54; 2. С. 64, 68]. Основная цель лингвистики – представление структуры языка и описание его системы [9, 10], но в середине XX в. в лингвистических исследованиях произошел переход от «чистой» языковой структуры к содержательной модели языка, от структурной лингвистики к генеративной [6. С. 63–67, 288–291].

Используя метод системно-предметной структуризации полных текстов документов (см. [7]) можно выделить их смысловую струк-

туру, а затем составить из элементов структуры – поисковые карты. Объектом нашего исследования является комплекс документальных источников – автобиографии и биографические документы одного из деятелей музыкальной культуры – советского украинского композитора Ю. С. Мейтуса, хранящихся в нескольких архивах и музеях. Также, используя системный подход можно связать исследуемые тексты с контекстом – социально-исторической и культурной средой. В данном случае это сферы образования (учеба и преподавание) и профессионально-творческой деятельности (создание произведений, участие в деятельности организаций).

Состоят карты из поисковых признаков и данных. Каждая карта составляется не менее чем на три вида субъектов: автора (в автобиографиях) или персоны, для кого составляется документ; учреждения, организации, ответственной за документ; упоминаемого лица/организации (в автобиографии). Также поисковые признаки (условно) можно сгруппировать в четыре блока: идентификационные данные; эвристическая справка, место хранения, публикация; системно-предметные данные содержания (семантические); контекстные данные.

К блоку идентификационных данных отнесем архивное (библиографическое) описание; название (суть и жанр/номинал документа); информационную справку; место и реквизиты хранения; дату, крайние даты; хронологические рамки.

Второй блок содержит информацию о результатах поиска документов и фондов: особенности проведенного поиска; места хранения, потенциальные места хранения; введение документов в научный оборот, частичная или полная публикация с реквизитами библиографического описания.

В блоке содержания представлены объекты (музыкальные произведения, музыковедческие работы); субъекты (композитор, исполнитель, слушатель, музыковед, педагог; общеобразовательные учреждения; профессиональные, общественные организации); процессы музыкальной деятельности (создание, исполнение произведений; научное исследование и критика (музыковедение), в т.ч. оценка; подготовка и воспитание кадров); организационно-управляющая структура (нормативно-правовая база, государственные органы управления, учреждения); этническая характеристика.

Блок контекста включает социально-исторические и культурные события, данные ин-

формационно-культурной среды, которые не относятся непосредственно к автору/персоне документа. Например, состав образовательных предметов и их содержание: журнал с оценками в данном случае интересен перечнем предметов/дисциплин, занятий, и тем, какие из них оценены, какие нет – по неизвестным нам причинам (текст и разбор документа см. в [8]): это, может быть отсутствие преподавателя или необходимости в предмете.

Далее покажем краткий пример карты биографических документов композитора. Рамки статьи не позволяют привести примеры полных карт, но только кратко представить поисковые признаки с редкими примерами данных и без указания источников. Мы выбрали, как самые интересные, блоки содержания и контекста. Поисковые признаки выделены жирным шрифтом. Данные приводятся после двоеточия, цитаты взяты в кавычки. Поисковые признаки, взятые из бланков документов, кроме выделения жирным шрифтом, приводятся в кавычках.

III. Системно-предметные данные содержания (семантические)

Персона

Личные данные: ФИО, дата рождения, «Сословие и звание»: «сын врача»; «Вероисповедание»: «иуд[ей]».

Документы личного происхождения: справка об окончании Елизаветградской семиклассной гимназии; свидетельство № 1597/326 об окончании в 1930/1931 году Харьковского музыкально-театрального Института (музыкального факультета отдела теории) и присвоении квалификации «Композитора»; удостоверение председателя Харьковского областного правления и члена украинского правления Союза советских композиторов Украины.

Документы личного происхождения (упоминаются в других документах): «Метр[ика]. № 669», «св[идетельство?]. и прив[?]. акта № 174», «св[идетельство?]. и зван[ие?]. № 8563» (№ 1).

Образование [сюда относятся документы об образовании] (процесс сочетается с названием учреждения и датой/ами): проба поступления; учеба («зачетная книжка вечернего университета марксизма-ленинизма»); экзамены; получение образования («удостоверение об окончании вечернего университета марксизма-ленинизма»).

Об образовании [сюда относятся документы, в которых упоминается образование] («В 1950 году поступил на первый курс вечернего

университета марксизма-ленинизма. 17 мая 1951 г.»).

События творческой жизни: создание произведений.

Документные (или делопроизводственные) данные: номиналы/названия документов: дело; ведомость («общая ведомость об успехах, внимании, прилежании и поведении учеников ... класса»); автобиографии, биографии; воспоминания; справка о захоронении на кладбище.

Документы, в которых зафиксировано исполнение профессиональных обязанностей: пропуск («пропуск в здание филиала государственного академического Большого Театра СССР»); архивная справка («весь архив Харьковской государственной консерватории погиб во время оккупации г. Харькова в 1941–1943 гг., в связи с чем выдать Вам справку о Вашей работе в Харьковской консерватории в 1930-х гг. – не представляется возможным»).

Документы, в которых говорится об исполнении профессиональных обязанностей: работа (работа в оперном и театре «Пролеткульта» и др.); награды, звания, отличия.

Участие в деятельности театрального учреждения: постановка опер; оформление спектаклей («<...> оформил целый ряд драматических спектаклей в театрах Харьковском драматическом укр[аинском]. театре им. Шевченко, Киевском драматическом им. Франко, Московском драматическом и других»).

Участие в деятельности профессиональных организаций, зафиксированное в документах («Председатель Харьковского Правления Союза советских композиторов Украины»); **участие в съездах** («делегат Первого и Второго Всесоюзного Съезда Советских композиторов»); **участие в заседаниях** (повестка дня заседания Президиума Союза композиторов Украины, с пометками Ю. С. Мейтуса).

Участие в деятельности профессиональных организаций, о котором говорится в документах («В настоящее время руковожу оперной секцией ССКУ [Союза советских композиторов Украины], являюсь членом президиума ССКУ и членом редколлегии издательства Музфонда»).

Взаимодействие с Музыкальным фондом: Постановление Правления Музыкального Фонда СССР о предоставлении композитору Мейтусу Ю. С. творческой командировки в Москву на 10 дней «для встречи с либреттистом [Всеволодом] Рождественским в связи с завершением клавира оперы «Северная Аврора»»;

счета-фактуры Производственного комбината Музыкального фонда СССР, которые сопровождали посылки клавилов опер Ю. С. Мейтуса.

О взаимодействии с Музыкальным фондом (упоминается в документах).

Эвакуация (возвращение из эвакуации) и **поселение** в Киеве.

Воспитательная работа: переписка со школьниками (с членами клубов Р. Зорге, «Молодая гвардия»).

Увековечение памяти.

IV. Контекстные данные

Сфера деятельности: образование

Тип учреждения: реальное училище, мужская классическая гимназия и т.д.

Класс и предметы по периодам обучения.

Сфера музыкальной культуры

Организации: Союз советских композиторов СССР (в т.ч. правление, ревизионная комиссия), Союз советских композиторов УССР (в т.ч. правление, Харьковское областное правление, оперная секция), Союз советских композиторов Туркменской ССР, съезд Советских композиторов СССР и УССР, Музыкальный фонд СССР (в т.ч. правление и Производственный комбинат) и т.д.

Тип учреждения: оперный театр («Березоль» или «Театр Пролеткульта», Туркменский театр оперы и балета, Харьковский) и т.д.

Конечно, разработка подробных поисковых карт требует хорошего источниковедческого исследования. Поэтому целесообразно данные архивных каталогов, собранные архивистами, дополнить данными историка, который непосредственно работал с документальным комплексом. Это расширит и уточнит потенциальные поисковые возможности полнотекстовых документальных источников.

Практическое же решение задачи повышения эффективности поиска полнотекстовой информации, на наш взгляд лежит в расширении рабочих листов по вводу данных в электронных каталогах: выделенные нами поисковые признаки могут выступать полями и подполями для ввода данных. А контекстные поисковые признаки могут отсылать к имеющимся в открытом доступе статьям либо к статьям, созданным на основе исследованного документа.

Список литературы

1. Вершинин, М. И. Электронный каталог: проблемы и решения : учеб-практ. пособ. /

- М. И. Вершинин. – СПб. : Профессия, 2007. – 230, [1] с.
2. Захаров, В. П. Лингвистические средства информационного поиска в Интернете / В. П. Захаров // Библиосфера. – 2005. – № 1. – С. 63–71.
3. Историческая информатика в Кыргызстане: опыт внедрения и перспективы развития / Ш. Д. Батырбаева, С. А. Щербакова, Р. Ш. Заинулин, В. В. Плоских // Вестник Пермского университета. Сер. История. – 2011. – Вып. 2 (16). – С. 12–18.
4. Кулешов, С. Документознавство : історія. Теоретичні основи / С. Г. Кулешов ; УНДІАСД, ДАКККіМ. – К., 2000. – 161 с.
5. О путях повышения качества поиска текстовой информации в системе Интернет / Г. Г. Белоногов, Р. С. Гиляревский, С. Н. Селетков, А. А. Хорошилов // НТИ. – Сер. 2. – 2013. – № 8. – С. 1–11.
6. Руднев, В. П. Структурная лингвистика // Словарь культуры XX века / В. П. Руднев. – М. : Аграф, 1997. – 384 с.
7. Тупчиенко-Кадырова Л. Г. Системно-предметная структуризация текстов (на примере писем деятелей музыкальной культуры 1942–1943 гг.) / Тупчиенко-Кадырова Л. Г. // Вестник Пермского университета. Сер. «История». – 2015. – Вып. 4 (31). – С. 82–94.
8. Тупчієнко-Кадірова, Л. Г. Структурний аналіз біографічних документів (на прикладі навчання Ю. С. Мейтуса) / Л. Г. Тупчієнко-Кадірова // Гуржіївські історичні читання : збірник наукових праць. – Черкаси : Черкас. Нац. ун-т ім. Б. Хмельницького, 2011. – Вип. 4. – С. 71–73.
9. Методы лингвистических исследований // Ranez.Ru. – URL: http://www.ranez.ru/article/id/420/Методы_лингвистических_исследований.
10. Структурная лингвистика // Википедия : свободная энциклопедия. – URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Структурная_лингвистика.

Е. Г. Фоменко

*Классический приватный университет
(г. Запорожье, Украина)*

ТУРБУЛЕНТНОЕ РАССЕЙАНИЕ В ЯЗЫКЕ ДЖЕЙМСА ДЖОЙСА

TURBULENT DISSIPATION IN THE LANGUAGE OF JAMES JOYCE

В статье рассматривается турбулентное рассеяние в языке Джеймса Джойса в синергетической перспективе. Автор приходит к выводу, что Джойс достигает избыточности языковых средств, эксплуатируя фрактальную природу каждой отклоняющейся от нормы языковой формы, гомогенность диссипативных процессов в ходе эпифанизации, псевдо-конвенциональность словоформ и инвариантность серийных эксцессов. Джойс создает пространство хаоса, в котором сам устанавливает параметры порядка для эмерджентных фрактальных смыслов. Турбулентное рассеяние подключает лабиринты читательского сознания к нелинейному художественному откровению. Состояние языковой турбулентности необходимо для динамики хаоса и параметров порядка, основополагающих для синергии Джеймса Джойса. Синергия писателя опирается на взаимодействие порядка и хаоса в турбулентных режимах обострения, когда сложные системы трансформируются за порогом устойчивости.

The article explores turbulent dissipation in the language of James Joyce from a synergetic perspective. The author arrives at the conclusion that Joyce achieves excess of language means by exploiting the fractal nature of every deviated word form, homogeneity of dissipative processes in epiphany, utilization of seemingly conventional word forms, and invariance of serial excesses. Joyce creates a space of chaos in which he establishes himself the parameters of order with regard to fractal emergent meanings. Turbulent dissipation links the labyrinths of the reader's consciousness to non-linear fictional revelation. The state of language turbulence is beneficial to the dynamics of chaos and parameters of

order, which are at the heart of James Joyce's synergy. The writer's synergy is grounded in the chaos and order partnership in turbulent processes of excess when complex systems are transformed beyond the state of stability.

Ключевые слова: художественный дискурс, синергия, рассеяние (диссипация), вербальные излишества, отклонения словоформ.

Keywords: fictional discourse, synergy, dissipation, verbal excess, word form deviation.

Синергетическое понимание мира делает акцент на относительности устойчивости и простоты [2. С. 278]. Обращение к процессу возникновения, развития, самоусложнения и разрушения сложных систем в режимах обострения [3] вызывает повышенный интерес к турбулентности – прерывистому равновесию или потере устойчивости самоорганизующейся системы при входе диссипативных структур в неравновесный режим, когда система начинает демонстрировать непредсказуемое поведение. Турбулентное рассеяние вызывает диссипацию энергии, что меняет симметрию системы.

Актуальность изучения неустойчивости в неравновесных системах обусловлена необходимостью выявления среды, где динамичны разного рода отклонения или неправильности. Дестабилизация контрольных параметров системы приводит к высокой вероятности возникновения новой структуры или иного поведения в системе [6. Р. 87]. Исследователи указывают, что хаос имеет двойственную природу: с одной стороны, сложные системы чувствительны к флуктуациям; с другой стороны, неустойчивость играет конструктивную роль в процессах переключения, согласованности и объединения простых и сложных структур [1. С. 82]. Хаос возникает в детерминистских, нелинейных и динамических системах, причем флуктуации, кажущиеся случайными, могут определяться порядком [7. С. 9]. По мысли С. С. Хоружего, феномен синергии (согласованное действие, помощь и содействие) есть «соработничество» в контексте радикальной асимметрии [5].

Синергетическое мышление присуще Джеймсу Джойсу: он расшатывает параметры порядка в хаотических спиралях и вихрях, вызывая синергию языкознания и языкотворчества. Джойс диктует свой параметр порядка, который определяет вхождение его художественных текстов в мировой художественный дискурс в присущей ему, джойсовской, сингулярности. Хотя любимым коньком джойсоведов является описание отдельных эксцессов в языке Джойса, в синергетическом аспекте они еще не исследовались.

Цель статьи – выявить системные эксцессы, которые Джойс использует для реализации турбулентного рассеяния в своих художественных текстах.

В нашей концепции мы исходим из того, что у Джойса турбулентное рассеяние происходит на начальном этапе конструирования его модели художественного текста. Наложение повествовательной системы с доминирующим актом действия на систему с первичностью языка, а не первичностью акта действия, создает турбулентное рассеяние на этапе понимания, декодирования, интерпретации художественного текста или, точнее, в процессе погружения в среду, которую конкретный художественный текст актуализует. В традиционной повествовательной системе интерпретируется свершившееся событие, обобщаемое эпизодом, уравновешенным подготовкой, в характерной для всей схемы иерархии обобщения двух нижестоящих повествовательных категорий одной вышестоящей. В эпифанической модели Джойса [4] повествовательная иерархия имплицирована, поскольку турбулентное рассеяние позволяет, во-первых, ее восстановить, опираясь на читательский опыт, и, во-вторых, вывести в среду с бесконечным множеством контекстов-текстов-подтекстов.

Фрактальная геометрия сделала возможным представить турбулентные потоки в виде фракталов (голограмм, гномонных или ризоморфных образований). Уже в языке «Дублинцев» Джойс использует гномонность для приращения смысла в турбулентном рассеянии вербализованных эксцессов. Наиболее простым способом становится индивидуально-авторская пунктуация, ставшая сквозным для Джойса способом турбулентного рассеяния в серийности двоеточий, отточий и троеточий в разрядке после точки. Начиная с «Улисса», Джойс вмещает поток слов в комообразную словоформу без усечения или с усечением нормативного состава обнаруживаемых в ней скользящих смыслов. Его процесс языкотворчества чувствителен к потенциалу словоформы, включая этимологический регистр, восстанавливающий

ее первоначальный состав или оригинальный смысл, вовлекаемый в непрерывность приращений новых смыслов. Джойс использует эффект смещения традиционного значения слова, заставляя искать другой смысл в неправильности его контекстного окружения. В «Поминках» Джойс пользуется разноязычием, актуализуя одно и то же слово разными языками для сведения всех употреблений в пучок с разными векторами рассеяния.

Для иллюстрации сказанного приведем пример голограммы в «Поминках по Финнегану», где форму суперпозиции принимает название ирландского графства Типперери: «It's a long long way to Newirgland's premier» [9. С. 595. 10]. Округ Типперери известен также под названием Premier County. Джойс составляет предложение искаженной строчкой маршевой песни британской армии под названием «Путь далекий до Типперери» («It's a Long Way to Tipperary»); песня была написана популярным автором Джеком Джаджом и исполнена в 1912 году. Известно, что Джадж выбрал название данного графства потому, что оно хорошо рифмовалось для марша. Песня обрела популярность в батальонах ирландских стрелков, входивших в состав британской армии. Когда британцы высадились в Булони в начале первой мировой войны, именно с этим маршем прошли ирландские стрелки. Ослышка *gay* (= луч) указывает на фильтр, верный для волновых узоров. В следующем предложении тридцати двум вхождениям предлога «for» соответствуют тридцать два графства (округа) Ирландии:

«For korps, for streamfish, for confects, for bullyoungs, for smearsassage, for patates, for steaked pig, for men, for limericks, for waterfowls, for wagsfools, for louts, for cold airs, for late trams, for curries, for curlews, for leekses, for orphalines, for tunnygulls, for clear goldways, for lungfortes, for moonyhaunts, for fairmoneys, for coffin, for tantrums, for armaurs, for waglugs, for rogues comings, for sly goings, for larksmathes, for homdsmeethes, for quailsmeathes, kilalooly» [9. С. 595. 10–17].

Рекурсивный предлог «for» напоминает отверстие решетки, через которые проходит луч, подвергающийся воздействию соседнего луча «Типперери», индикатора ассоциативного хранения информации. Словоформа «korps» (нем. Korps, фр. corps, лат. corpus) соотносится с юго-западным графством Корк, на северо-востоке от которого находится Типперери, на востоке – Уотерфорд, на севере – Лимерик и на западе – Керри. На территории Корка св. Фин-

барр основал монастырь. Корк был важным местом действия во время войны Алой и Белой Роз. Здесь расцвело движение фениев. Во время ирландской борьбы за независимость в Корке был очаг партизанского движения. Немецкая лексема со значением «корпус» ассоциируется с другими немецкими лексемами: «würg» в «Newirgland's» (русск. «не» позволяет прочесть слово-саквояж как «неудушенная страна-новая Ирландия»), «Maueг» в ослышке «armaurs» (оружие + стена Шалтая-Болтая), «lüg» («лгать» в ослышке «waglugs») и «Hemd» («рубашка» в ослышке «hondsmeethes»).

Девятым включением начинается список названий ирландских графств. Например: «for limericks» = Limerick (Лимерик граничит с Южным и Северным Типперери), «for waterfowls» = Waterford (на севере граничит с Южным Типперери, южная граница Ирландии, в этом графстве христианская вера проповедовалась до св. Патрика); «for Louts» = Louth (Лайт расположен на востоке Ирландии), «for cold airs» = Kildare (Килдэр находится на востоке рядом с Лаутом, в Килдэре находилась иезуитская школа, в которой учился маленький Джойс), «for late trams» = Leitrim (Литрим находится на северо-западе Ирландии), «for curries» = Kerry (крайний юго-запад, графство известно восстанием ирландских католиков 1641 года), «for tunnygulls» = Donegal (Донегол, бастион гаэльской культуры и ирландского языка, находится на крайнем северо-западе), «for clear goldways» = Clare, Galway (Клэр, место существования древней цивилизации эпохи неолита, и Голуэй, древнее поселение которого имеет возраст 7000 лет, – западные графства, которые граничат друг с другом и имеют общую границу с Типперери), «lungfortes» = Longford (центр Ирландии). Решетка продолжается по аналогии: «for men» = Mayo (Мейо, или Тисовая долина). Однако ассоциация с человеком при упоминании именно этого ирландского графства не случайна: именно округ Мейо имел самую высокую миграцию населения, вызванную картофельным голодом, – население графства сократилось с 388.887 человек в 1841 году до 199166 человек в 1901 году. Неискаженная форма топонима, обозначающего графство Лимерик, является ключом к скрытому списку. Иначе говоря, Джойс создает волновой узор географической карты Ирландии. Аналоговая кросс-корреляция устанавливается процессом искажения образов: «streamfish» = steamed fish + шв. strömming «селедка», шв. konfekt «сладость», шв. buljong «бульон» и curries – граф-

ство Керри (еда) или графства Типперери – военный марш, Лаут – деревенщина (солдаты, поющие маршевую песню), Мейо – человечество, Лонгфорд – громкие легкие, возможно, поющих марш людей (человек на войне).

Голограмма создается, когда одиночный луч лазера расщепляется на два луча. У Джойса одиночным лучом служит первое предложение, вербализующее понятие длинного луча. Расщепление достигается процессом изменения военного марша в сетевые образования еды и географии Ирландии. Джойс усиливает излучение длины волны, эксплицировавшей голограмму, постепенно наращивая частоту процесса перечисления ирландских графств.

Проведенное исследование позволяет следующие показатели эксцессов в языке Джойса:

(1) Ожидание фрактальности каждой искаженной словоформы.

Проиллюстрируем на примере. В мыслях Стивена в третьем эпизоде «Улисса» возникает слово из тридцати шести букв «*contransmagnificandjewbangtanti*» [8. С. 58]. Похожее слово «*transmagnificandubandanci*» исследователи нашли у ирландского поэта Мэнгана (персонаж в «Аравии» из сборника рассказов «Дублинцы» назван его именем), который опирается на ранний источник, скорее всего, американский. В памяти читателя, современника Джойса, может возникнуть песня на слова Джеймса Барриса и музыку Криса Смита «*Trans-nag-ni-fi-can-ban-da-u-aki-tu*», в которой просят сказать по буквам это слово человека, умеющего сказать по буквам лишь слово «кошка». На той же странице, что и длинное слово, у Джойса есть две подсказки: «*Father and Son are consubstantial?*» и «*My consubstantial father's voice*» [8. С. 58]. Джойс соединяет «*con*» и «*trans*», получая два теологических термина, консубстанцию (в лютеранстве и кальвинизме) и транссубстанцию (в католицизме). Оба термина обозначают пресуществление, или смысл превращения в таинстве Евхаристии хлеба и вина в тело Христа. Пресуществление, или реальное присутствие Христа в таинстве Евхаристии, сформировалось в учении Фомы Аквинского, которое было хорошо знакомо Джойсу. «*Magnificat*» от «*magnificat*» используется в латинском евангелии от Луки 1:46, в русском переводе: «И сказала Мария: величит душа Моя Господа». В части, измененной Джойсом, «*jew*» указывает на деву Марию. Лексема «*bang*» означает, очевидно, «удар». Корень «*tant*» может указывать на наказание Тантала, описанного в «Одиссее»

Гомера. Союзом «*and*» длинное слово делится на две части: возвеличенное пресуществление и дева Мария / удар, возможно, от забивания гвоздей в крест / муки (в первой части – мистическое тело Христа, во второй части – муки телесности). Все слово завершается суффиксом «*ity*» со значением «качество чего-то».

Вернемся к контексту размышления Стивена. Он размышляет об Арии и арианской ереси: «*Is that then the divine substance wherein Father and Son are consubstantial? Where is poor dear Arius to try conclusions? Warring his life upon the contransmagnificandjewbangtanti*» [8. С. 58]. В лексеме «*conclusions*» оригинальный префикс в латинском слове был «*com*» в значении «вместе». Через серийность рассеянных префиксов латинского происхождения «*com*», «*con*» и «*trans*» можно выйти на позднелатинский префикс «*contra*» со значением «против». Арий выступал за сотворенную природу Бога-сына, за его подобосущность Богу, против доктрины единосущности Христа Богу. В лексеме «*warring*» одновременны исконно германское значение **wers*- «путать, смешивать» и заимствованное из древнесевернофр. «*werre*» в значении «война». Имеется в виду, что Арий боролся за свои путанные убеждения против общепринятого канона пресуществления «*consubstantiality*». В джойсовском длинном слове узнается это слово, за вычетом слога «*subs*». Джойс чувствителен к словам с префиксами латинского или греческого происхождения. Недаром джойсовская эпифания происходит от позднелатинской лексемы «*epiphania*» со значением «богоявление» и позднегреческой лексемы «*epiphaneia*», где «*ἐπι-*» имеет значение «расположение поверх чело-либо», а «*phainein*» употребляется в значении «являться».

(2) Гомогенность турбулентного рассеяния во втором макроструктурном кольце эпифанизации, где прерванная иерархия повествовательных категорий заменяется их надстройкой.

Данный тип рассеяния манифестируется серийной пунктуацией, обращающей на себя внимание в разных текстах Джойса. Например, в третьем эпизоде «Улисса» двоеточие употребляется 58 раз. Предложения с двоеточием отличаются своей структурой: (1) два полных предложения; (2) одно полное и одно неполное предложения: «*Other fellow did it: other me*» [8. С. 63]; (3) все неполные предложения: «*Waters: bitter death: lost*» [8. С. 63]; (4) составление разделяемых частей перечислением номинаций: «*Aleph, alpha: nought, nought, one*» [8. С. 57]. В «Лестригонах» Блум ограничивается упомини-

нением коротких слов через двоеточие: «Rats: vats» [8. С. 226]. Структура с двоеточием имитирует надстройку смысла. Такой же прием применяется в «Джакомо Джойсе». В его фрагментах может быть однократное двоеточие, двукратное двоеточие, трехкратное двоеточие и сочетание двоеточия с отточием. По последнему признаку связываются фрагмент на еврейском кладбище, эротическая фантазия, раннее утро в Триесте, раннее утро в Париже, посещение театра, рождение эпифанического языка, фрагмент в гостинице, где смешиваются все линии «Джакомо Джойса». Рассеиваются жизнь и смерть, забвение старого и рождение нового, постоянное обновление, которое питается традицией и само может порождать нечто подобное.

(3) Турбулентные решения могут быть вербализованы кажущейся традиционной формой.

Например: «<...> nor had topsawyer's rocks by the stream Oconee **exaggerated** themselves to Laurens County's gorgios» [9. С. 3, 6–8]. Правильно написанная лексема «exaggerated» со значением преувеличения используется в географическом значении «взобраться на холм», которое выражала латинская лексема «exaggero». В предложении Джойс говорит о жителях американского городка Дублин на реке Окони в графстве Лоуренс. Том Сойер, ослышку имени которого находим в этом предложении, жил в городке Санкт-Петербург (Джойс обыгрывает двойственность топонимов в старом и новом мире; пара Том и Гек становятся аналогом пары Шон и Шем; псевдоним Марка Твена не только указывает на двойственность, но и имеет то же самое имя, что и король Марк, ассоциация с которым возникает в связи с упоминанием легенды о Тристане и Изольде). Джойс описывает сходство природных условий (река Окони сливается с рекой Окмалги, как сливаются две реки в ирландском Дублине), а также намекает на обогащение, возможное или предполагаемое, ирландских переселенцев в Джорджии, называя их по аналогии с не-цыганами («gorgios») не-индейцами, некоренными жителями местности. Создается фрактальность малого Дублина по отношению к большому Дублину. Кроме того, «exaggerated» является лексемой, родственной латинскому слову «aggregere», означающему «bring together». Турбулентные решения находятся в этимологическом регистре традиционной формы, в которой содержится материя для вычленения новых форм, вступающих в свои отношения с сетевым, причем контекстным в широком смысле культурооборота, окружением.

(4) Серийность эксцесса делает его инвариантным. Приведем пример из «Улисса»: «John Howard Parnell example the provost of Trinity every mother's son don't talk of your provosts and of provost of Trinity women and children, cabmen, priests, parsons, fieldmarshals, archbishops» [8. С. 254].

Сначала в мыслях Блума всплывает Парнелл без упоминания имени: «You must have a certain fascination»: Parnell [8. С. 244]; «That's the fascination: the name» [8. С. 246]. (обаяние имени). Последующее упоминание об успехе у толпы возвращает к Чарльзу Стюарту Парнеллу. Блум проходит мимо дома настоятеля, преподающего доктора Сэлмона («Provost's house») (подготовка трехкратного повтора в вышеприведенном предложении). Вектор «веры» удерживается двойственностью ремарки «Methodist husband. Method is his madness» [8. С. 239] (методисты относятся к протестантской религиозной секте; одновременно методистом называют человека, который привержен определенным, в том числе новым, методам). Мимо проходит Джон Хоуэрд Парнелл, брат популярного ирландского политика: «There he is: the brother» [8. С. 245] (подготовка мысли о семейных узах). Блум удивляется встрече, отмечая про себя, что, бывает, думаешь о человеке, но не встречаешься с ним (направление, в котором начинает работать мысль). Упоминается должность Парнелла: «They say he never put on the city marshal's uniform since he got the job» [8. С. 245] (подготовка связки с фельдмаршалом). Еще одна подготовка: в витрине магазина Блум оценивает полевой бинокль: «pricing the field glasses» [8. С. 247] (работа сознания Блума: «city's marschall» + «field glasses» = «field-marshalls»).

Размышляя об общественных столовых, Блум, с присущей ему склонностью к обобщениям любого рода, выстраивает собственный ассоциативный ряд, в котором склеивание является вхождением в турбулентное рассеяние, выходящее за пределы его мыслей. Начинается мысль с аллюзии на старшего брата известного ирландского парламентария Чарльза Стюарта Парнелла, Джона Ховарда Парнелла (1843–1923). Хотя Джон первым из двух братьев баллотировался в парламент, ему не удалось выстроить успешную политическую карьеру. Он выезжал в Алабаму, где с ним связывают открытие католической церкви Святого семейства. Блум ассоциирует его с настоятелем кафедрального собора по аналогии с Собором Святой Троицы, главного кафедрального собо-

ра Дублина, в котором два архиепископа, католический и англиканский. Лексема «provost» соотносится с лексемой «parson» («кюре», «служитель церкви» или в обиходном значении, бармен в дублинском пабе). По одной из версий происхождения этого слова, его предком может быть слово в вульгарной латыни «p̄revost» («один над всеми»). Слово, обозначающее церковный сан архиепископа, имело когда-то значение «надсмотрщик». Джон Х. Парнелл, маршал, занимал в Дублине подобную должность. Образуется новая связка между маршалом (в импликации) и фельдмаршалом (в экспликации). Максимилиан Улисс фон Браун (1705-1757) был австрийским фельдмаршалом ирландского происхождения. Он был племянником русского фельдмаршала, Джорджа фон Брауна (1698-1792), которому благоволила Екатерина Великая. Рассеяние продолжается дальше: шестилетний Джойс поступил учиться в Клонгоуз Вудс колледж, здание которого иезуиты приобрели у владельцев, членов этой семьи, в 1813 году.

В «Портрете» маленький Стивен представляет себе бывшего владельца школьного здания: «A figure came up the staircase from the hall. He wore the white cloak of a marshal <...> Their master had received his deathwound on the battlefield of Prague far away over the sea» [10. С. 21]. Маленький Стивен осведомлен в том, что Максимилиан Улисс фон Браун умер в Праге в 1757 году от раны, полученной при попытке обхода австрийских войск прусским фельдмаршалом графом Шверинем. В контексте учебы в «Портрете» употребляется синоним лексемы «provost» (официальное лицо префект). Блум же имеет в виду, скорее всего, ректора Тринити-колледжа, которых называют «provost». Тринити-колледж, в котором учились О. Голдсмит (сын священника), Дж. Свифт (священник) и О. Уайльд, был предназначен для протестантов. Джойс учился в бывшем католическом университете Ирландии, первым ректором которого был кардинал. Священником был Л. Стерн, да и сам Джойс мог стать священником. Три концессии возникают в мыслях Блума. Он не говорит прямо о своей религии, но его мысль идет через материнскую линию. В библии еврейство определяется по отцу, т.е. сыновья дочерей Израиля не упоминаются среди евреев. Блум фокусируется на сыновьях дочерей во вселенском масштабе (женщины и дети вообще, причем дети только мужского пола). Все упоминаемые профессии мужские, предполагающие руководство други-

ми людьми или, в случае кэбмена, лошадьми в конке. Размышления Блума рассеивают идею настоятельства, руководства любого рода (ассоциации с религиями, дочерними для еврея Блума), и пути-дороги, светской, духовной или ратной. Говоря «every mother's son», Блум косвенно выдает свое убеждение, что для него личность Иисуса не имеет мессианского значения (возврат к святой Троице). Упорядочение Блума кажется тупиковым, потому что помещение кэбмена рядом с архиепископом кажется нелепым. Блуму трудно разделить сущности (протестантизм, католичество, англиканство), имеющие одно происхождение, по отношению к которым он является сторонним наблюдателем. Сознание Блума контекстуально: он видит, слышит, осязает и вызывает образы идей, навешанных видимым, слышимым и осязаемым в множественном единстве человека, соприкасающегося со скользящей сквозь него человеческой жизнью. Земную человечность Блум понимает в житейском смысле поглощения.

Из вышеизложенного следует, что турбулентное рассеяние приглашает к путешествию в лабиринтах сознания, обретающего определенность в художественном откровении. Турбулентное рассеяние начинается с излома традиционной повествовательности и постепенно входит в разрушаемую словоформу, где осваиваются новые способы приращения смыслов. Разрушение традиционного построения художественного текста является отходом от литературно-художественных норм и воспринимается как эксцесс, отклонение или нарочитая неправильность. Для Джойса турбулентное рассеяние является энергией возобновления потока, открывающего отдельные художественные тексты среде художественного дискурса. Перспективным является исследование турбулентного рассеяния славянизмов в «Поминках по Финнегану» Джойса.

Список литературы

1. Белоусов, К. И., Блазнова, Н. А. Введение в экспериментальную лингвистику: Уч. пособие [Текст]. – М.: ФЛИНТА Наука, 2011. – 136 с.
2. Пригожин, И., Стенгерс, И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: Пер. с англ. [Текст]. М.: Прогресс, 1986. – 432 с.
3. Синергетика в филологических исследованиях. Под общей редакцией проф. Л. С. Пихтовниковой [Монография]. Харьков: ХНУ им. В. Н. Каразина. 340 с.

4. Фоменко Е. Г. Языкотворчество Джеймса Джойса [Текст]. Запорожье: Классический приватный университет, 2014. – 196 с.

5. Хоружий С. С. Что такое synergeia? Синергия как универсальная парадигма: ведущие предметные сферы, дискурсивные связи, эвристические ресурсы. Пленарный доклад на симпозиуме Synergie: Konzepte – Techniken – Perspektive. Берлин, 2011. Режим доступа: URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=4358&Itemid=52

6. Dienstbier, R.A., Shuart, B., Spaulding W., Poland J. (Eds.). Modeling Complex Systems.

Lincoln, NE: University of Nebraska Press, 2007. – 314 p.

7. Williams, G.P. Chaos Theory Tamed. L.: Taylor & Francis, 1997. – 518 p.

8. Joyce J. Ulysses. L. : Everyman's Library, 1992. – 1084 p.

9. Joyce J. Finnegans Wake. L. : Penguin, 1992. – 628 p.

10. Joyce J. A Portrait of the Artist as a Young Man. L. : Penguin, 1996. – 288 p.

М. А. Хатламаджиян

*Южный федеральный университет
(Ростов-на-Дону, Россия)*

ИЗУЧЕНИЕ ЛЖИ С ПОЗИЦИИ ПРАГМАЛИНГВИСТИКИ

STUDY OF LIE FROM THE VIEWPOINT OF A PRAGMALINGUISTIC

The article considers the theoretical viewpoints for a study of lie in pragmalinguistic. The approaches for determination of lie phenomenon have been shown, the criteria of lie stressed, the formation and functions of lie searched, as well as the conditions and principles of fallacious speech acts identified and given their classification.

В статье рассматриваются теоретические основы изучения лжи с позиции прагмалингвистики. Выделяются подходы для определения содержания феномена лжи, подчеркиваются основополагающие признаки лжи, исследуются ее структура и функции, определяются условия и принципы для реализации ложного речевого акта и дается их классификация.

Ключевые слова: ложь; прагмалингвистика, ложный речевой акт, признаки ложности, манипуляция, локутивный, иллокутивный и перлокутивный уровни, нарушение.

Keywords: lie; pragmalinguistic; fallacious speech act; signs of falsity, manipulation, locutionary, illocutionary and perlocutionary levels, violation.

Человечество на современном этапе развития проявляет огромный интерес к вопросам развития и социализации своей личности. Не удивительно, что в этих условиях к вопросу межличностного общения проявляется огромный исследовательский интерес. В центре этих исследований находится проблема оптимизации речевого общения. Обращают на себя внимание стратегии, как позитивной коммуникации, так и те явления речевой коммуникации, которые не соответствуют критериям корректного общения. К таким феноменам в сфере социального взаимодействия следует относить ложь.

Наибольший интерес вызывает изучение феномена лжи с позиции прагмалингвистики, где ложь исследуется с позиции речевых актов. Работы по изучению аспектов лжи с позиции прагмалингвистики и исследования прагматической теории лжи принадлежат главным образом зарубежным ученым. Целью данных исследований являлось «выведение таксономии лжи, которая осуществлялась посредством правды» [16. С. 749–777], «установление типов обманных речевых действий» [11. С. 140], «классификация ложных речевых действий» [12. С. 187], «системный

анализ назначения типов лжи» [10. С. 276–291].

В прагмалингвистике категория ложности первоначально определялась как один из видов измерения утвердительных высказываний [5. С. 22–130]. Спустя время понятие ложности стало анализироваться несколько под иным углом, а именно с позиции нарушения прагматических правил: нарушение измерений речевого акта [8. С. 170–194], [13. С. 129], нарушение намерения отправителя речевого высказывания, нарушение условий искренности [7. С. 242–265], нарушение принципа вежливости и тактики коммуникации [1. С. 5–30].

Цель настоящей статьи – описать теоретические основы изучения лжи с позиции прагмалингвистики.

В рамках прагмалингвистики следует несомненно выделить работы отечественных лингвистов Г. Г. Матвеевой [4. С. 230], где дается детальная формулировка понятия «прагмалингвистики», выделяются ее основные разновидности и описываются прагмалингвистические методики, и докторскую диссертацию А.В. Ленец, которая рассматривает специфику прагматического механизма воспроизведения лжи в лингвистическом и семиотическом аспектах [3. С. 392].

Ложь, будучи многоаспектным феноменом, представляет собой вид коммуникативного акта, осуществляемый с помощью лингвистических и/или паралингвистических средств, для сознательной передачи информации, противоречащей действительности, путем искажения, сокрытия или подмены истины/правды. Звучит парадоксально, но безусловная искренность не является нормой человеческого социума. «Ложь настолько естественна, что ее без обиняков можно отнести почти ко всем сферам человеческой деятельности» [9. С. 272]. Данное суждение позволяет считать ложь естественным явлением, который проявляется в различных жизненных ситуациях и при любых коммуникативных актах, что в некоторой степени сглаживает отрицательный аспект ложных высказываний.

Основной единицей измерения категории ложности в прагмалингвистике принято считать ложный речевой акт. Ложный речевой акт следует считать речевым действием намеренного характера для манипулятивного воздействия на собеседника. При рассмотрении ложного речевого акта как вида речевого действия уместно выделить внутреннюю категориальную формулу постоянных признаков

ложности, которые делятся на постоянные и переменные. К переменным признакам следует относить отправителя, получателя и пресуппозицию. Постоянными признаками считаются нарушения – намерение и категория искренности. Все эти элементы представляют общую структуру лжи и создают систему ее структурных связей.

Отправитель, используя языковые средства, сознательно, путем намеренного воздействия на получателя, внедряет ложное сообщение. Данное сообщение может содержать вербальные или невербальные знаки двойственного смысла. Использование ложной информации двойственного смысла дает возможность отправителю манипулировать сознанием адресата речи, вуалировать настоящую цель своего намерения и тем самым оказывать на получателя необходимое воздействие в соответствии со своими желаниями. В процессе речевого действия получатель иногда в силах опознать нарушения, но зачастую ложные высказывания проходят мимо его сознания и не декодируются им.

Ложные речевые акты принято классифицировать в прагмалингвистике с позиции локутивного, иллюкутивного и перлокутивного уровней, с учетом успешности/неуспешности осуществления ложного речевого акта [3. С. 182].

В рамках прагмалингвистики исследование феномена лжи и речевого обмана ведется с категорий намеренности и целенаправленности. Речевое действие строго структурировано: выделяют намерение, цель и вызываемый эффект. Немецкий лингвист Б. Гизе, опираясь на труды Дж. Остина и Дж. Серля, считал, что локутивная часть речевого действия может реализовать различные типы «обмана в плане выражения» [14. С. 57].

Возникновение ложного речевого акта возможно на всех уровнях локутивного аспекта: на уровне произнесения звуков (фонетический акт), произношения слов в соответствии с грамматическими правилами (фатический акт) и употребления слов с определенным смысловым значением (ретический акт).

На уровне акта фонации к ложным речевым актам относятся: подражание голоса (например, по телефону), имитация искусственного акцента (для создания поверхностного представления у адресата речи о некой географической принадлежности говорящего), лексики (использование нормативной лексики или жаргона для имитации своей принадлежности к определенной социальной совокупной груп-

пе людей с целью достижения признания). С позиции фатического акта, ложные высказывания принято относить к *имитирующим речевым актам*.

При фатическом акте также можно говорить о подражании, но произнесенном специфическим образом. Используя просодические элементы, включающие ритм, темп, тембр и логическое ударение, а также применяя междометия и модальные частицы, придающие дополнительные смысловые или эмоциональные оттенки предложениям и отдельным словам ложного характера, адресант выражает ошибочные установки, которые желаемы адресатом речи (например, притворство, лицемерие, имитация эмоций). В данном случае принято говорить о *симулирующих речевых актах*.

В случае ретического акта отправителем, в зависимости от его скрытых намерений, применяются слова с определенным смыслом и косвенной референцией, таких как намеки, отговорки, ухищрения для достижения продуманного расчета и определенной реакции со стороны получателя. Ложные речевые высказывания со скрытым намерением, определяемые адресатом речи лишь частично, призвано считать *вуалирующими речевыми актами*.

На уровне иллокуции отправитель одновременно осуществляет некое определенное действие, при этом ложное высказывание имеет особую цель утверждения, обещания, приветствия, похвалы. Подобное высказывание обладает иллокутивной силой и имеет свою таксономию по измерению силы ложного речевого действия. Дж. Серль определил главные условия для классификации речевых высказываний: иллокутивная цель; направление приспособления и условие искренности [6. С. 174]. При определенных обстоятельствах происходит нарушение условий для реализации речевого высказывания, что приводит к появлению возможности для осуществления ложного речевого акта. Основным условием для возникновения нарушений следует считать наличие отличительного признака для каждого отдельного речевого действия, иллокутивная цель, декодирование адресатом речи намерений отправителя.

При нарушении существенного условия принято выделять следующие виды ложных речевых актов: ассертивы, комиссивы, директивы, декларативы, экспрессивы и контактивы:

- для *ассертива* нарушение существенного условия выражается в ложной ответственности отправителя за свое высказывание (в

случае ложного ассертивного речевого акта адресантом речи выдается пропозиция с искаженной информацией, ассертивы наиболее часто встречающиеся представители ложных речевых актов);

- для *комиссива* соответствующее нарушение проявляется при ложном принятии адресантом обязательства совершить действие в определенном контексте (отправитель берет на себя ответственность и обязательство что-либо предпринять в перспективе, но не намерен выполнить свое обещание);

- для *директива* нарушение выражается в побуждении отправителем получателя выполнить определенное действие, основанное на очевидно ложном умозаключении получателем (адресат речи приходит к ложному выводу из утверждения адресанта, которое в действительности основывается на его заведомо ложных намерениях);

- к *декларативам* следует относить ложные речевые акты, где нарушение репрезентируется в указании на статус и полномочия адресанта речи, не соответствующее действительности (отправитель совершает действия, не имея на то полномочия, и ложно приписывает себе статус);

- для *экспрессива* нарушение проявляется в ложном выражении отправителем своего психологического состояния, своего отношения к действительности (отправителю удастся путем экспрессивного акта убедить получателя в искренности своих чувств, которые априори не подлинны);

- для *контактива* нарушение заключается в проявлении ложного почтения говорящего по отношению к партнеру по коммуникации (отправитель в своем высказывании выражает уважительное отношение и апеллирует к иным принятым в обществе формам этикета, которыми он на самом деле пренебрегает или владеет недостаточно).

На иллокутивном уровне ложный речевой акт рассматривается в плане намерения передачи высказывания. Для реализации своего намерения адресант выбирает ложные утверждения с эксплицитным или имплицитным нарушениями. В ложном речевом акте с эксплицитным нарушением говорящий намерен сформировать у получателя ложные выводы, искажающие действительность. Имплицитное нарушение в ложном речевом акте определяется тем, что у отправителя отсутствует выраженное намерение в достижении определенной реакции у получателя. Истинный смысл высказывания

говорящего противоположен тому, который он вкладывает в свое речевое высказывание. При изучении таксономии вышеприведенных нарушений намерения рассматривается теория конвенсационных имплицатур, сформулированная П. Грайсом [2. С. 221].

Перлокутивный аспект ложного речевого акта определяется в осуществлении определенного воздействия на ментальный и чувственный мир получателя.

Считаем справедливым мнение Б. Гизе, который определяет ложный речевой акт как «перлокутивное речевое действие» [15. С. 75]. Для объективного понимания данного мнения, попытаемся определить разницу значений феномена «ложь» и «обман». Под ложью понимается, как правило, ложное высказывание адресанта речи, который изменяет и вуалирует факты действительности. Ложь всегда останется ложью, даже если ложное высказывание отправителя не было убедительным и не возымело нужного эффекта. Обманом принято считать речевое действие говорящего, целью которого является уклонение от истины, осознанное введение получателя в заблуждение и достижение необходимого эффекта.

Резюмируя вышесказанному, следует заметить, что, в рамках локутивного уровня ложный речевой акт принято рассматривать в плане выражения; на уровне иллокуции – в рамках намерения передачи высказывания; на перлокутивном уровне ложный речевой акт анализируется с точки зрения достижения желаемого результата. Координируя обоюдную деятельность участников коммуникации, с помощью ложного высказывания адресантом речи оказывается определенное манипулятивное воздействие на адресата.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Истоки, проблемы и категории прагматики / Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. – №16. – С. 5–30.
2. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. – №16. – С. 221.
3. Ленец А. В. Коммуникативный феномен лжи: лингвистический и семиотический аспекты: дисс. ...д. филол. наук / А. В. Ленец. – Ростов-на-Дону, 2010. – 392 с.
4. Матвеева Г.Г. Основы прагмалингвистики / Г. Г. Матвеева, А. В. Ленец, Е. И. Петрова // Наука. – 2014. – №2. – С. 230.
5. Остин, Дж. Слово как действие / Дж. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. – 1986. – №17. – С. 22–130.
6. Серль, Дж. Что такое речевой акт? / Дж. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – №17. – С. 174.
7. Серль, Дж. Основные понятия исчисления речевых актов / Дж. Серль, Д. Вандервекен // Новое в зарубежной лингвистике. – 1986. – №18. – С. 242–265.
8. Серль, Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. – 1986. – №17. – С. 170–194.
9. Экман П. Психология лжи / П. Экман // Питер. – 1999. С. 272.
10. Castelfranchi, Cr. Lying as pretending to give information / Cr. Castelfranchi, I. Poggi // Pretending to communicate / H. Parrel – Berlin, New York : Walter de Gruyter, 1994. – P. 276–291.
11. Falkenberg, G. Lügen : Grundzüge einer Theorie sprachlicher Täuschung / G. Falkeberg. – Tübingen : Niemeyer, 1982. – S. 140.
12. Giese, B. Untersuchungen zur sprachlichen Täuschung / B. Giese. – Tübingen, 1992. – S. 187.
13. Giese, B. Untersuchungen zur sprachlichen Täuschung / B. Giese. – Tübingen : Niemeyer // Reihe germanische Linguistik. – 1992. – S. 129.
14. Там же. – С. 57
15. Там же. – С. 75
16. Vincent, J. On the art of deception : How to lie while saying the truth. J. Vincent, C. Castelfranchi // Possibilities and limitations of pragmatics : Proceedings of conference on pragmatics (Urbino, July 8-14, 1979). – Amsterdam, 1979. – P. 749–777.

Н. В. Царегородцева

Уральский федеральный университет
(Екатеринбург, Россия)ИДЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ АНТОНИМОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ ПАРЕМИЙ)IDEOGRAPHIC ASPECTS OF STUDYING ANTONYMS
(USED IN ENGLISH PROVERBS AND SAYINGS)

В статье обсуждаются возможные преимущества применения идеографического подхода к анализу оппозиций антонимов. Представлена классификация антонимических корреляций. Предлагается модель их описания в рамках денотативно – идеографических групп.

The paper discusses the potential advantages of ideographic approach to the analysis of antonymic oppositions. The author presents a classification of antonymic correlations and a model for describing them within denotative ideographic groups.

Ключевые слова: антонимическая корреляция; денотативно-идеографическая группа; идеографическая классификация; идеографическое описание; семантическая структура.

Keywords: antonymic correlation; ideographic classification; denotative ideographic group; ideographic description; semantic structure.

Универсальная идеографическая классификация, отвечающая требованиям антропоцентрической научной парадигмы, сформировавшейся в современной лингвистике, рассматривается учеными не только как способ категоризации лексики, но и метод ее описания. Мнение о том, что идеографический способ структурирования лексического материала даёт возможность хорошо описать лексические единицы и построить систему логических связей разделяют, например, такие ученые, как М. А. Кронгауз, М. В. Никитин, Н. Е. Сулименко, В. Н. Телия и др.

В данной статье представлены результаты идеографического описания антонимических корреляций, функционирующих в составе оппозитивных английских паремий (*Long hair and short wit; The farthest way about is the nearest way home; East or West, home is best*).

В проведенном исследовании 702 антонимические оппозиции распределены по 7 денотативно-идеографическим группам, выделенным на основе Словаря-тезауруса синонимов русской речи под общей редакцией Л. Г. Бабенко [2].

В составе денотативно-идеографической группы «**Неживая природа**» (33) определены 4 подгруппы: 1. «Земная поверхность» (*sea – land, stream – river* и др.); 2. «Погодные явления и стихии» (*storm – calm, rain – sunshine* и др.); 3. «Оптические явления» (*light – dark,*

light – darkness и др.); 4. «Вещества» (*water – fire, diamond – pebble, sugar – salt* и др.).

Денотативно-идеографическая группа «**Живая природа**» (111) состоит из трех подгрупп: 1. «Животный мир» (*wolf – sheep, lion – hare, tortoise – hare* и др.); 2. «Растительный мир» (*roses – thorns, grain – chaff* и др.); 3. «Характерные особенности живого существа» (*lean – fat, health – sickness, body – soul, death – life, youth – age* и др.).

В составе денотативно-идеографической группы «**Конкретная физическая деятельность**» (61) антонимические корреляции рассматриваются в рамках двух подгрупп: 1. «Движение» (*come – go, come – depart, fall – rise* и др.); 2. «Воздействие на объект» (*sow – reap, make – break, make – unmake* и др.).

Антонимические корреляции, относящиеся к денотативно-идеографической группе «**Интеллектуальная и речевая деятельность**» (51) могут быть разделены на 2 основные подгруппы: 1. «Интеллектуальные характеристики» (*knowledge – folly, wisdom – folly, learning – ignorance, prudence – frenzy* и др.); 2. «Речевое общение» (*speech – silence, ask – answer, question – answer, speak – hear, words – deeds, talkers – doers* и др.).

Лексическое множество денотативно-идеографической группы «**Эмоции**» (70) членится на 4 подгруппы: 1. «Эмоциональные отношения» (*friend – foe, friend – enemy, love – hatred,*

love – hate, love – scorn, like – dislike, praise – contempt и др.); 2. «Эмоциональные состояния» (*joy – grief, joy – sorrow, sadness – gladness, laugh – cry* и др.); 3. «Эмоциональные качества» (*civil – rude, subtle – coarse, wild – tame, clemency – cruelty* и др.); 4. «Проявление эмоций в речи» (*praise – admonish, praise – dispraise, praise – spatter, praise – damn* и др.).

В составе денотативно-идеографической группы «**Социальная сфера**» (191) выделяется три подгруппы: 1. «Социально-экономические отношения» (*attack – defence, war – peace, submit – resist* и др.); 2. «Родственные отношения» (*mother – father, children – parents, mother – stepmother, godfather – child, aunt – uncle, husband – wife* и др.); 3. «Религия» (*good – devil, saint – devil, devil – angel, atheism – superstitions* и др.).

Основную массу антонимических корреляций, образующих группу «**Восприятие окружающего мира**» (185), можно разбить на 4 обширные подгруппы под следующими рубриками: 1. «Качество» (*good – bad, good – ill, good – evil, positive – negative, black – white, clean – dirty, fair – foul, old – new, thick – thin* и др.); 2. «Количество» (*much – little, many – few, plenty – scanty, great – small, inch – ell, pickle – mickle, penny – pound, ounce – pound* и др.); 3. «Пространство» (*length – breadth, north – east – south – west, long – short, long – broad, wide – narrow, near – far, high – low* и др.); 4. «Время» (*early – late, quickly – slowly, first – then, yesterday – today – tomorrow, once – always, before – after, to begin – to end* и др.).

В соответствии с целью исследования была разработана следующая модель описания антонимических корреляций (термин используется для обозначения типичных связей между членами антонимических оппозиций) в рамках тематических групп.

Во-первых, изучалась морфологическая структура компонентов антонимических корреляций, что позволило выделить аффиксальные (22) и корневые антонимы (680);

Во-вторых, проводился квантитативный анализ состава каждой группы на основе категориально-грамматической семы, т. е. выделялись одночастеречные (594) и межчастеречные корреляции (108) и определялись модели последних.

В-третьих, отобранные антонимические корреляции рассматривались по их положению в полевых структурах. В соответствии с логикопонятийной классификацией образуется следующая модель полевой структуры: к ядерной

зоне относятся градуальные антонимические корреляции; в центральную зону входят комплементарные антонимические корреляции; зону периферии заполняют векторные антонимические корреляции. Возможна и другая модель полевой структуры – на основе собственно семантической классификации антонимов: семантически симметричные антонимические корреляции (абсолютные антонимы) образуют ядро; семантически асимметричные корреляции квазиантонимов располагаются в центре; зону периферии занимают семантически асимметричные окказиональные антонимические корреляции.

В-четвёртых, определялся потенциальный состав синонимико-антонимических парадигм (76).

В-пятых, изучалось соотношение компонентов семантических структур членов антонимических корреляций, т.е. *эпидигматический диапазон антонимичности* (ЭДА), и рассчитывался коэффициент семантической соотносительности по противоположности (КССП) для конкретных оппозиций по формуле, предложенной В. А. Ивановой на основе формулы попарного коэффициента семантической близости, использованной С. Г. Бережаном: $V=2c÷(a+b)$, где V – переменная величина, коэффициент семантической соотносительности по противоположности; c – количество совпадающих антонимических значений членов антонимического ряда; a , b – число значений каждого из антонимов [1. С. 30]. Такая процедура проводилась с целью выявления эпидигматически полных антонимических корреляций. КССП данных пар равен единице (*wee – mickle; the rich – the poor; the mighty – the poor; weal – woe; today – tomorrow; south – north*).

Далее следовал анализ компонентного состава семных структур членов антонимических корреляций. Для определения семантически симметричных и асимметричных типов корреляций было введено понятие *семантического диапазона антонимичности* (СДА) (соотношение параметров семных структур членов антонимической корреляции). В случае совпадения всех характеристик параметров наблюдается симметричность СДА, что позволяет говорить о семантически соразмерных или симметричных антонимических корреляциях. Качественно-количественные различия компонентов противопоставляемых в корреляции структур ведут к асимметричности СДА и, соответственно, к семантической несоразмер-

ности или асимметричности антонимических корреляций.

Затем рассматривались примеры пересеканности идеографических групп. Зарегистрированные в группе «Эмоции» лексемы *fortune – misfortune* могут использоваться для номинации как эмоциональных состояний, так и событий, вызывающих соответствующие эмоции, и могут относиться также к группе «Социальная сфера».

Кроме того, анализировались случаи речевой многозначности, влияния контекста и экстралингвистических факторов на семантику оппозиций (*good – bad*).

И наконец, изучались данные лексикографических источников с целью учета не зафиксированных в них пар антонимов (*dawn – darkness, hill – dale, earth – heaven, name – deed, words – actions, pleasure – tears, pleasure – lament, mistress – maid, riches – rags, (a) mickle – (a) pickle, mickle – wee, mickle – little, upper – nether, joy – annoy, winter – summer – autumn – spring, summerish – winterish, south – north – east – west, dirty – fresh, today – tomorrow, once – always, say – do, praise – spatter, gather – throw*).

Результаты такого многоаспектного анализа убеждают в том, что идеографическое структурирование антонимов представляется наиболее целесообразным и эффективным для описания семантической специфики антонимических оппозиций. Идеографические классы объединяют отдельные значения слов (лексико-семантические варианты). Именно между ними возникают различные антонимические корреляции, т.е. семантические взаимосвязи, характерные для членов антонимических оппозиций.

Проведенное исследование показало, что идеографический способ изучения антонимических корреляций позволяет «перекинуть мостик» между двумя уровнями анализа антонимичности значения: путем сопоставления компонентов семантических и семных структур.

Преимущества идеографической классификации усматриваются и в том, что она дает возможность объединить различные типы антонимических корреляций: градуальные, комплементарные, векторные (конверсивные, релятивные, реверсивные); семантически сим-

метричные и асимметричные (квазиантонимические и окказиональные); эпидигматически полные и неполные; одночастеречные и межчастеречные «под одной крышей», упорядочить их и описать их семантическую специфику, в том числе словообразовательный и грамматический аспекты. Иными словами, такая классификация позволяет изучать динамику внутрикатегориальных отношений антонимии.

Кроме того, данная классификация дает колоссальный эффект при изучении связей антонимии с другими категориями в системе языка. Так, наблюдения над контекстом употребления антонимических корреляций обнаружили случаи пересеканности идеографических классов, являющейся следствием многозначности и омонимичности членов антонимических оппозиций. Поскольку данная классификация базируется на отношениях гипонимии и несовместимости, ее семантическая природа изоморфна природе таких категорий, как антонимия и синонимия. Она позволяет увидеть генетическую основу этих категорий – родо-видовые отношения. Кроме того, данный способ систематизации позволяет установить, что сигнификаты антонимов, синонимов и согипонимов изоморфны по своей структуре с той разницей, что в дифференциальной семантике первых отражены диаметрально противоположные видовые понятия. Отсюда следует, что антонимы могут быть определены как согипонимы, имеющие взаимопротивоположные значения.

Таким образом, идеографическое структурирование антонимичных лексических единиц, позволяющее синтезировать два уровня их изучения (ономасиологический и семасиологический), открывает возможности для проведения фронтального анализа категориальных признаков антонимии, изучения внутренних и внешних законов ее функционирования как системы в системе языка.

Список литературы

1. Иванова, В. А. Антонимия в системе языка. – Кишинев: «Штиинца», 1982. – 164 с.
2. Словарь-тезаурус синонимов русской речи. / Под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. – М.: АСТ – ПРЕСС КНИГА, 2007. – 512 с.

Т. М. Шеховцева

НИУ «БелГУ»

(Белгород, Россия)

**ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ В СОДЕРЖАНИИ
КОНЦЕПТА СИЛА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ****EVALUATION COMPONENT IN THE CONTENTS OF THE CONCEPT
STRENGTH IN THE MODERN ENGLISH LANGUAGE**

В настоящей статье рассматривается оценка как информация о ценностном отношении субъекта речи к определенному свойству обозначаемого, подчеркивается ее антропоцентрическая природа. В фокусе внимания находится интерпретационное поле концепта СИЛА в современном английском языке, представленное паремиями и афоризмами, анализ которых позволяет констатировать наличие оценочного компонента в содержании рассматриваемого концепта.

The present article deals with an evaluation as an attitude of a speaker towards a certain feature of a denotation. Anthropocentric nature of evaluation is emphasized. The interpretation field of the concept STRENGTH in the modern English language, which is represented by proverbs and aphorisms, is in the focus of our attention. The analysis of the proverbs and aphorisms lets us establish the presence of an evaluation component in the contents of the concept under investigation.

Ключевые слова: концепт, структура концепта, интерпретационное поле, оценка, паремии, афоризмы.

Keywords: concept, structure of a concept, interpretational field, evaluation, proverb, aphorism.

В лингвистике под оценкой понимают «результат оценочной деятельности индивида, выраженный вербально, то есть закрепленное в высказывании или элементах языковой системы отношение говорящего к предмету речи с точки зрения противопоставления – положительное/отрицательное» [4. С. 24]. Знание средств и способов оценки предметов и явлений окружающего мира является неотъемлемой частью языкового знания, которое входит в общую концептуальную систему человека и формируется по тем же законам, что и другие типы знания. Как и любое знание, получаемое человеком, оно есть результат действия основных познавательных процессов – концептуализации и категоризации [1. С. 47].

Категория оценки универсальна для всех языков. В языке репрезентированы не только предметы, действия, свойства, человек с его мыслями и чувствами, но и «взаимодействие действительности и человека в самых разных аспектах, одним из которых является оценочный» [2. С. 5]. Важно отметить также влияние национального языкового сознания на мир, объективированный в языке. Как отмечает В. Н. Телия, «эмотивно-оценочные отношения детерминируются мировоззрением народа – носителя языка, его культурно-историческим опытом, системой

существующих в данном социуме критериев оценки, а также универсальностью объектного суждения, обязывающего «соблюдать» соотношение ценности объекта с некоторыми стереотипами или стандартами по некоторой шкале, отображающей общественно сложившиеся представления о хорошем или плохом, либо о проявляющемся сверх или ниже нормы» [8. С. 39]. В представлении о стандартах и эталонах, а также в соотношении их с объектом оценки проявляется антропоцентрическая позиция, сквозь которую воспринимается мир, причем представление о стандартах, о ценностях возникает не только на основании знания и интуиции индивида, но и жизненного опыта всего языкового коллектива. Таким образом, «главной отличительной особенностью оценки является ее внутриязыковая природа и связь с конкретным индивидом или языковым сообществом, т.е. ее антропоцентричность» [1. С. 47].

По мнению Н. Н. Болдырева, специфика познавательных процессов оценочного характера заключается в том, что они направлены на поиск и выделение определенных (дополнительных, утилитарных, с точки зрения человека) характеристик в уже познанном объекте. Это интерпретация полученных знаний, вторичная концептуализация и вторичная категоризация

в рамках другой системы координат: системы мнений, оценок, ценностей, стереотипов, которую осуществляет человек как отдельный индивидум (личная оценка) или как член конкретного сообщества (общепринятая, коллективная оценка), оперируя уже существующими, вербализованными концептами [1. С. 48].

Проиллюстрируем вышеизложенное на примере концепта СИЛА в современном английском языке. Ранее нами было установлено, что указанный концепт является многокомпонентным образованием со сложной структурой, включающей ядро (образный компонент и энциклопедическое поле) и периферию (интерпретационное поле) [10. С. 64].

Образный компонент в структуре концепта СИЛА оформляется в сознании рядом концептуальных метафор [10. С. 7].

Энциклопедическое поле содержит признаки, отражающие опыт познания обществом феномена силы в разных ситуациях и характеризующие силу с разных сторон [10. С. 48]. Очертить энциклопедическое поле концепта позволяют результаты анализа словарных дефиниций его лексем-репрезентантов.

На периферии концепта находится *интерпретационное поле* (далее ИП) – совокупность когнитивных признаков, интерпретирующих ядро концепта (образ и энциклопедическое содержание), либо оценивающих его [7. С. 102–103].

Иными словами, в ядре сконцентрировано основное содержание концепта, результат познания объекта с разных сторон. А «результат дополнительного размышления народа над содержанием концепта» [7. С. 103], его оценка, или, по Н. Н. Болдыреву, интерпретация полученных знаний – отражена в интерпретационном поле.

Таким образом, именно анализ ИП позволит нам выделить оценочный компонент в содержании концепта СИЛА в современном английском языке, что и является *целью* данной работы.

ИП в настоящем исследовании репрезентировано паремиями и афоризмами. Под паремиями мы, вслед за Л. Б. Савенковой, понимаем устойчивые в языке и воспроизводимые в речи изречения, пригодные для употребления в дидактических целях. Как правило, к паремиям относят пословицы и поговорки. При этом наличие сигнальной лексики в составе паремии не является обязательным условием для связи ее с определенным концептом [5. С. 67].

В результате анализа более 60 паремий был выделен ряд концептуальных признаков (далее КП), образующих пять смысловых групп:

I. Виды силы и их взаимодействие:

1. Сила ума/ сила слова эффективнее физической силы: *The pen is mightier than the sword; Many words hurt more than swords.*

2. Физическая сила эффективнее силы слова: *When guns speak it is too late to argue.*

3. Гибкость эффективнее физической силы: *Oaks may fall when reeds stand the storm; Better bend than break.*

4. Сила вырабатывается при преодолении трудностей: *Good timber does not grow with ease: the stronger the wind the stronger the trees.*

II. Качественные и количественные характеристики силы:

5. Скрываемая сила опасна: *Iron fist in a velvet glove; A wolf in sheep's clothing; Velvet paws hide sharp claws.*

6. Силы следует расходовать рационально: *Don't use a steam-hammer to crack nuts; Don't fight with your own shadow; Never try to prove what nobody doubts.*

III. Результаты применения силы:

7. Применение силы не всегда приносит результат: *Love cannot be forced; You may lead a horse to the water, but you cannot make him drink.*

8. Побеждает сильнейший. Прав тот, на чьей стороне сила: *Might is right (варианты: Might goes before right; Might makes right. – AE). Whether the pitcher strikes the stone or the stone the pitcher, it is bad for the pitcher.*

9. Столкновение равных сил ведет к взаимным потерям: *Diamond cuts diamond; When Greek meets Greek, then comes the tug of war.*

IV. Отношение к силе:

10. Удача на стороне силы: *God/ Providence is always on the side of the big battalions.*

11. Бог относится с большей мягкостью к слабым, чем к тем, кто может постоять за себя: *God tempers the wind to the shorn lamb.*

12. Иногда целесообразнее и разумнее покориться силе: *Do not kick against the prick; It is ill striving against the stream.*

V. Противопоставление силы и слабости:

13. Сильный может зависеть от слабого: *A lion may come to be beholden to a mouse; The strength of the chain is the weakest link (вариант: A chain is only as strong as its weakest link).*

14. Физически слабый может оказаться выносливее/упорнее сильного:

A creaking gate bangs long; The smallest axe may fell the hugest oak.

Нетрудно заметить, что многие паремии противоречат друг другу, выделенные на основе их анализа КП образуют совокупность сложных контрастивных оценок. Иными словами,

сила в паремическом представлении наделена противоречивыми качествами. Это представляется закономерным, так как все подлинные народные пословицы дают в своей сумме многосторонний взгляд на жизнь.

Как отмечает И. А. Стернин, один и тот же концепт как бы поворачивается разными сторонами к разным людям, и благодаря этому особенно хорошо видна его многослойность и многоаспектность. Кроме того, паремии относятся не к ядру, а к ИП концепта, которое содержит «выводы» из разных когнитивных признаков, образующих структуру концепта [6. С. 63–64].

Специфика паремий заключается в том, что знания и опыт, передаваемые ими, являются результатом отбора значимой информации в процессе культурно-исторического развития этносоциума. Автор афоризма, напротив, придает ему как средству отражения мира оттенок субъективности, основывая высказывание не только на опыте своего народа, но и на своем собственном.

В настоящей работе под афоризмом понимаются авторские высказывания, выраженные в лаконической, отточенной форме, имеющие характер самостоятельного изречения, главными характеристиками которого являются текстуальная автосемантическая и глубина смысла [3. С. 67].

В результате анализа афоризмов были выделены следующие КП:

Сила характера вырабатывается только при преодолении трудностей:

1) *If you will call your troubles experiences, and remember that every experience develops some latent force within you, you will grow vigorous and happy, however adverse your circumstances may seem to be* (J. R. Miller) 2) *The real man smiles in trouble, gathers strength from distress and grows brave by reflection* (T. Paine).

Сильный человек – это:

– **тот, кто умеет контролировать свои чувства и эмоции:**

Strong feelings do not necessarily make a strong character. The strength of a man is to be measured by the power of the feelings he subdues not by the power of those which subdue him (W. Carleton).

– **тот, кто сам управляет своей жизнью:**

Destiny is but a phrase of the weak human heart – the dark apology for every error. The strong and virtuous admit no destiny (E. Bulwer-Lytton).

– **тот, кто рассчитывает только на себя:**

The strongest man in the world is the man, who stands alone (T. H. Huxley).

– **тот, кто умеет признавать свои ошибки и учиться на них:**

Strong people make as many mistakes as weak people. Difference is that strong people admit their mistakes, laugh at them, learn from them. That is how they become strong (R. Needham).

Сила – необходимое условие для власти:

In this world no one rules by love; if you are but amiable, you are no hero. To be powerful, you must be strong (J. H. Newman).

Власть – это сила:

We have learned that power is a positive force if it is used for positive purposes (E. Dole).

Сила – это качество, присущее мужчинам:

1) *Men are taught to apologize for their weaknesses, women – for their strengths* (L. Wyse). 2) *Had I faltered, we would have neither the success nor international reputation we have. Yet when a woman is strong, she is strident. If a man is strong, he's a good guy* (M. Thatcher).

В то же время в значительном количестве высказываний утверждается, что **сила не абсолютна**: *Strength is just an accident, arising from the weakness of others* (J. Conrad).

Представляется возможным определить приведенное изречение как афоризм в парадоксальной форме, основывающийся на антитезе **сила–слабость**.

Одной только силы недостаточно для достижения результата: *Prepare yourself for the world as the athletes used to do for their exercise; oil your mind and your manners to give them the necessary suppleness and flexibility; strength alone will not do* (Earl of Chesterfield).

Выигрывает не физическая сила, а психическая, проявляющаяся в таких качествах, как упорство, настойчивость: *Few things are impossible to diligence and skill. Great works are performed not by strength, but perseverance* (S. Johnson).

Излишества ведут к потере силы:

1) *A life of pleasure makes even the strongest mind frivolous at last* (E. Bulwer-Lytton). 2) *Our passions are like convulsions fits, which, though they make us stronger for a time, leave us weaker ever after* (A. Pope).

Можно констатировать, что в общем фонде афоризмов отражены различные, часто противоречащие друг другу идеи. Это представляется закономерным, так как авторская позиция является частным случаем отражения картины мира носителем языка. Тем не менее, признаки, выявленные на материале пословиц, поговорок, афоризмов обеспечивают устойчивость

концепта, фиксируя его актуализацию в готовых воспроизводимых единицах.

Итак, феномен силы в целом характеризуется в сознании носителей английского языка положительно, приобретая негативную оценку в тех случаях, когда она не контролируется интеллектом и морально-этическими нормами, трансформируясь в насилие как физического, так и психического характера [10. С. 8].

По мнению И. В. Чекулая и О. Н. Прохоровой, оценка является формой ценности, а ценность – содержанием оценки, вследствие чего они не существуют друг без друга [9. С. 96]. Учитывая многочисленные примеры, содержащие ту или иную оценку феномена силы, мы можем утверждать, что сила, несомненно, имеет большую ценность для носителей английского языка.

Список литературы

1. Болдырев, Н. Н. Языковая оценка в контексте познавательных процессов / Н. Н. Болдырев // *Non multum, sed multa: Немного о многом. У когнитивных истоков современной терминологии: Сб. науч. тр. в честь В. Ф. Новодрановой.* – М.: Автор. акад., 2010. – С. 47–56.
2. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М.: Наука, 1985. – 228 с.
3. Дмитриева, О. А. Место пословиц и афоризмов в системе универсальных высказываний / О. А. Дмитриева // *Лингвистическая мозаика. Наблюдения, поиски, открытия: Сб. научных трудов.* – Вып. 2. – Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2001. – 232 с.
4. Ильюшина, Е. С. Лексические средства положительной оценки человеческих качеств: психолингвистический анализ: дис. ... канд.

филол. наук: 10.02.19 / Е. С. Ильюшина. – М., 2001. – 185 с.

5. Савенкова, Л. Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты / Л. Б. Савенкова. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. Ун-та, 2002. – 240 с.

6. Стернин, И. А. Методика исследования структуры концепта / И. А. Стернин // *Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. научных трудов / Под ред. И. А. Стернина.* – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 58–65.

7. Стернин, И. А. Макроструктура концепта / И. А. Стернин // *Труды по когнитивной лингвистике.* – Кемерово: КемГУ, 2008. – С. 100–106.

8. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М., 1986. – 141 с.

9. Чекулай, И. В. Категории времени и пространства как отражение онтогенеза и филогенеза ценности и ценностного отношения / И. В. Чекулай, О. Н. Прохорова // *Научные ведомости БелГУ.* – Серия Гуманитарные науки, Филология. Журналистика. Педагогика. Психология. – № 12 (83), выпуск 6. – 2010. – С. 92–99.

10. Шеховцева, Т. М. Вербализация концепта «СИЛА» в современном английском языке: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / Т. М. Шеховцева [Место защиты: Белгород. гос. ун-т] – Белгород, 2011. – 189 с.

Список словарей

11. Райдаут, Р. Толковый словарь английских пословиц / Р. Райдаут, К. Уиттинг. – Санкт-Петербург: Лань, 1997. – 256 с.
12. Oxford Dictionary of Modern Quotations / ed. E. Knowles. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – 479 p.

И. Н. Щекотихина

*Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева
(Орел, Россия)*

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ДАННЫХ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА: ПРОБЛЕМЫ, ПОДХОДЫ, НОВЫЕ ИДЕИ

SYSTEMATIZATION OF ASSOCIATIVE EXPERIMENT DATA: PROBLEMS, APPROACHES, NEW IDEAS

Статья посвящена вопросам обработки данных ассоциативного эксперимента. В ней рассматриваются существующие подходы к классификации ассоциаций, выявляются проблемы, с

которыми сталкиваются исследователи, предлагаются возможные принципы и основания систематизации вербальных реакций.

The paper focuses on the questions of data analysis in research based on associative experiment. The author reviews some approaches to classification of associations, points out some problems that scholars face, suggests some principles and bases for systematization of verbal reactions.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, вербальные ассоциации, классификация ассоциаций, процесс ассоциирования, реакция, стратегия.

Keywords: associative experiment, verbal associations, classification of associations, associative process, reaction, strategy.

Интерпретация данных ассоциативного эксперимента (АЭ) требует предварительной обработки, систематизации вербальных реакций, т.е. их распределения по группам согласно некоторым основаниям. Анализ специальной литературы выявляет значительное число классификаций, построенных с учетом различных оснований: логических, психологических, лингвистических, психолингвистических и смешанных. Подробный обзор и анализ многих классификационных систем представлен в монографии Е. И. Горошко [1]. Рассматривая эти системы в хронологическом порядке, исследовательница отмечает их эволюцию в сторону опоры на психолингвистические, когнитивные и культурологические принципы.

Тем не менее, по словам автора монографии, проблема классификации ассоциаций «представляет до сих пор одну из самых сложных и трудноразрешимых задач как в методологическом, так и в практическом планах» [1]. Сложность этой проблемы заключается в «многомерном» характере самой ассоциативной связи, что сказывается на неоднозначности определения ее сущности (в одних случаях ассоциация трактуется как словесная реакция, в других как связь, возникшая между стимулом и реакцией). Наиболее успешно «работающими» и позволяющими значительно расширить объект исследования Е. И. Горошко считает классификации, основанные на анализе всех трех компонентов ассоциативной структуры: двух её составляющих в виде стимула и реакции и отношения между ними.

В целом автор приходит к выводу, что «построение некой идеальной классификации ассоциаций, основанной на некоем непротиворечивом принципе, не возможно и не нужно» [1]. Мы, в свою очередь, полагаем, что для решения этой задачи еще не накоплен достаточный исследовательский материал, который бы сохранил более полные сведения об ассоциатив-

ном процессе и мог быть проинтерпретирован с позиций комплексного подхода. Характер же существующих классификаций, как правило, определяется целями и задачами конкретных исследований, которые носят узкоспециальный характер.

Поскольку объектом нашего рассмотрения являются особенности речемыслительной деятельности испытуемых (Ии.) в процессе ассоциативного реагирования на стимул, то нас, в первую очередь, интересуют классификации, учитывающие не только отношения между стимулом и реакцией (тип связи между языковыми знаками), но и характер лингвокогнитивных действий Ии. Мы в этом смысле согласны с В. Е. Гольдиным, который полагает дополнять выделение типов ассоциаций исследованием стратегий реагирования [3. С. 102].

Термин «стратегия» уже довольно активно используется в практике ассоциативных исследований, что, на наш взгляд, вполне оправдано. Процесс ассоциирования, как и речевая деятельность в целом, характеризуется свойствами вероятности, возможности протекать разными путями и способами, т.е. стратегической природой.

Систематизация данных АЭ на основе стратегической активности Ии. характерна для исследований, выполненных представителями Тверской психолингвистической школы (см. работы С. И. Тогоевой, Л. В. Барсук, И. С. Лачиной, Т. Ю. Сазоновой, Т. Г. Родионовой, О. С. Шумиловой, Э. В. Саркисовой и др.). Указанные работы посвящены выявлению стратегий, используемых носителями языка в процессах идентификации разного рода словесного материала (широкозначных, новых и иноязычных слов, фразеологизмов и т.п.).

Используемый в указанных исследованиях подход к анализу материала, как и исследовательская методология в целом, видятся нам вполне эффективными для решения целого

ряда задач, связанных с изучением процессов восприятия и опознания языкового знака, принципов организации ментального лексикона и т.д. Как совершенно справедливо замечает А. А. Залевская, в исследованиях речемыслительной деятельности человека «интерпретация выявляемых связей должна проводиться через призму процессов, которые могли привести к регистрируемым в эксперименте продуктам вербальной манифестации глубинных связей и отношений» [4]. Поэтому мы считаем полезным опираться на опыт данных исследований в вопросе обработки и интерпретации результатов проведенного нами АЭ. Однако в случае решения задач, выходящих за рамки проблем идентификации слова, классификационная система должна учитывать более широкий спектр действий Ии.

Ю. Н. Караулов [6] рассматривает типы коммуникативного поведения носителей языка (коммуникативные тактики) в ситуации АЭ. В основе его подхода к анализу ассоциативного материала лежит представление о том, что действия Ии. в их ответах на стимулы представляют собой акты предикции, т.к. все типы отношений между единицами ассоциативно-вербальной сети (АВС), будучи следами проходящих через нее текстов, сводятся к отношениям предикации (в широком смысле).

Расширенное толкование предикации позволяет квалифицировать ассоциативную пару как предикативную структуру (синтаксему), которая может отражать четыре типа отношений: предикацию в узком смысле как приписывание признака (*Днепр – течет, гном – маленький*), номинацию (*теленки – детеныши коровы, дочка – мать, питание – еда*), локацию (*поход – в горы*) и оценку (*аппетит – плохой*). Анализ анкет также выявляет тактики коммуникативного поведения, к которым Ии. прибегают при наличии лакун в индивидуальной АВС, а также особенности реагирования, связанные с индивидуальными и гендерно-обусловленными чертами личности Ии.

Несмотря на то, что выделенные группы тактик представляют собой довольно интересный материал для интерпретации, данная методика ориентирована на определенный тип АЭ. В эксперименте, проведенном Ю. Н. Карауловым, испытуемым было предложено реагировать первой пришедшей на ум реакцией на список слов, стоящих в разной грамматической форме, в результате чего были получены ассоциативные пары ($S \leftrightarrow R$), представляющие тот или иной тип синтаксиса. В ситуации сво-

бодного цепного АЭ, когда Ии. фиксируют серии реакций на один стимул, ассоциации, на наш взгляд, являются продуктом не отдельных актов предикции, связывающих два элемента АВС, а активации более сложной структуры отношений.

В материале Ю. Н. Караулова также встречаются анкеты, содержащие по две-три реакции на один стимул (**контрольная** – *ручка, тетрадь, задумчивость*). Ученый рассматривает такие реакции в качестве актантов пропозиции, восходящей к некоторому, прототипическому для данного испытуемого, тексту, и называет такую тактику пропозициональной. Мы в целом разделяем данную трактовку, однако, остается не вполне понятным, что автор понимает под прототипическим текстом, поскольку текст – явление весьма многоплановое. Здесь, вероятно, имеется в виду некое представление испытуемого о том, что и как говорится в связи с некоторой темой или ситуацией. Однако мы считаем, что в данном случае корректнее говорить не о прототипическом тексте, а о некоем фрагменте вербально-когнитивного опыта индивида, на основе которого формируется его ментальная репрезентация (пропозиция, фрейм и т.п.), элементы которой (актанты, слоты и т.п.) находят отражение в такого рода реакциях.

Попытка анализа ассоциативного материала на основе установления стратегий реагирования предпринимается в работах В. Е. Гольдина [2, 3], проводившего эксперименты с младшими школьниками. Исследователь исходит из того, что в ситуации АЭ Ии. не в состоянии преследовать обычные жизненные цели и подчиняются искусственным коммуникативным условиям, в связи с чем АЭ для них – это своеобразная речевая игра с типичными для речевых игр коммуникативными свойствами. Однако в этой игре Ии. опираются на усвоенный коммуникативный опыт, свои привычки, установки, воспроизводят обычные стратегии ведения диалогов, т.е. действуют в игре «как бывает в жизни»: они воспринимают стимулы как знаки ситуаций и реагируют на них типичными для данных ситуаций высказываниями.

В работах В. Е. Гольдина описаны случаи действия некоторых стратегий, например, отнесение содержания стимула к себе, оценивание обозначенного стимулом явления, построение законченного высказывания, шутивное ведение диалога, сотрудничество и т.д. Однако какой-либо типологии выявленных стратегий автор не представляет. Более того, он обращает внимание на то обстоятельство, что «хотя ком-

муникативные стратегии в последнее время привлекают к себе большое внимание, еще нет ни достаточно полного их перечня, ни строгих правил выделения на основе анализа ассоциативного материала» [3. С. 107]. Он также отмечает тот факт, что некоторые стратегии являются частными случаями других, более общих стратегий, что в реакциях, относящихся к одному и тому же ассоциативному типу, могут обнаруживаться неодинаковые стратегии, что нередко встречаются случаи взаимоналожения, совмещения различных стратегий при выборе ассоциативной реакции. Все это побуждает нас к более глубокому изучению вопроса и разработке более четкой системы параметров для «коммуникативной оценки» (выражение В. Е. Гольдина) действий Ии. в ситуации АЭ и, соответственно, их систематизации.

Мы полагаем, что схема обработки ассоциативного материала должна отражать максимально широкий спектр речемыслительных (лингвокогнитивных) действий Ии. в ситуации АЭ. Такая схема должна быть комплексной (совмещающей опыт психолингвистического, коммуникативно-прагматического и лингвистического анализа), полиаспектной (отражающей релевантные «измерения» исследуемого феномена), многопараметрической (учитывающей наиболее полный набор параметров, установленных в процессе предварительного логического исчисления).

Думается, что разработка подобной схемы возможна в случае трактовки АЭ как своеобразного коммуникативного акта [7], что позволяет рассматривать действия Ии. как в коммуникативном, так и в когнитивном «измерении» и выявлять группы стратегий по следующим параметрам (основаниям):

- 1) поведение испытуемых по отношению к своему участию в эксперименте и поставленной экспериментатором задаче,
- 2) действия испытуемых, связанные с восприятием и идентификацией стимула,
- 3) действия испытуемых, связанные с установлением и отбором ассоциативных связей,
- 4) действия испытуемых, связанные с вербализацией ассоциативных реакций.

Материал, собранный разными исследователями (в том числе и автором статьи), показывает, что Ии. могут интерпретировать экспериментальную задачу (и свое участие в эксперименте) как серьезное и важное задание, как игру, как раздражающий фактор, как бессмысленную трату времени и т.п. Характер интерпретации обуславливает ответную линию

поведения (коммуникативную стратегию): а) сотрудничество (кооперация), б) отказ от выполнения задания, в) неявное нарушение принципа кооперации и т.д.

Восприятие стимула – это процесс, активность которого обнаруживается в его избирательности. Как процесс формирования перцептивного образа, оно осуществляется путем выделения в предъявляемом объекте признаков в соответствии с задачей, стоящей перед испытуемым. В процессе ознакомления со стимулом испытуемый фокусирует внимание на одном свойстве или комплексе свойств воспринимаемого объекта, которые он «превращает в оперативные единицы восприятия» [5. С. 12]. Эти единицы становятся основой для идентификации стимула и в целом для его опознания как представителя той или иной категории объектов. Процесс опознания стимула тесно связан не только с процессом восприятия, но и памяти, мышления, внимания, иначе говоря, со всем ансамблем психических процессов, продуктом которых является субъективное переживание знания (по А. А. Залевской).

Стратегическое «решение» на данном этапе обусловлено этим «переживанием», однако, тип задачи, а также свойства стимула существенным образом влияют на способ обработки стимульной информации. Так, инструкция направленного АЭ уже задает определенный вектор перцептивных и опознавательных действий, в ситуации же свободного АЭ испытуемый более самостоятелен в «выборе» стратегий внимания и поиска.

В экспериментах на ассоциирование в качестве стимула обычно выступает вербальная единица (слово, словосочетание). Свойствами такой единицы и, соответственно, воспринимаемыми признаками являются звуковой и графический облик, грамматическая форма, категориальная отнесенность, соотнесенность с образом обозначаемого, комбинаторные возможности, текстуальные связи и т.д.

В зависимости от выбора «оперативных единиц восприятия» стимул может быть опознан, например, как а) лингвистический объект заданной формы и соответствующего «класса» (металингвистическая идентификация), б) след некоторого речевого произведения (текста или высказывания), в) номинативное средство, которое выводит на образ обозначаемого (образ сознания) и т.д.

Результатом выхода на образ обозначаемого может быть опознание стимула как а) продукта категоризации фрагмента опыта, закрепленной

в семантике языкового знака, б) сложного когнитивного образования – ментальной репрезентации фрагмента опыта и т.д.

Признак или комплекс признаков, оказавшийся в фокусе внимания воспринимающего, определяет и направление активизации ассоциативных связей, разнообразие которых велико, и охватывает все формальные и содержательные отношения между стимулом и реакцией.

В случае металингвистической идентификации стимула такими связями могут быть отношения на основе фонетического или морфемного сходства (*палка – галка*), словообразовательных и формообразующих зависимостей (*ходить – уходить*), отношения к стимулу как языковому знаку (*милый – хорошее слово*) и т.д.

В ситуации идентификации по линии «текстуальных связей» актуализированными могут быть как отношения между фрагментами устойчивых единиц, расхожих высказываний, прецедентных текстов и т.п. (*жизнь – хорошая штука, бумага – все стерпит*), так и отношения между компонентами свободных (но регулярно встречаемых в речи) сочетаний (*шнурок – развязался, наставник – опытный*).

В случае опознания стимула в системе категориальных связей актуализируется один из таких типов связи: род-вид (*стихия – ураган*), контраст (*черный – белый*), смежность (*стол – стул*) и др.

При соотношении стимула с ментальной репрезентацией некоего фрагмента опыта (схемой, фреймом, сценарием и т.п.) происходит вычленение компонентов соответствующей когнитивной структуры, которая имеет довольно сложное устройство. Соответственно, в числе актуализированных могут оказаться компоненты разного ранга и качества (*студенческая жизнь → сессия, новые знакомые, веселая жизнь, нехватка времени, взросление, ...*).

«Выбор» пути вербализации ассоциативных реакций – еще одна область проявления коммуникативной активности испытуемых, которая направляется как экспериментальной задачей, так и личными «предпочтениями». В свободном АЭ испытуемые имеют больше свободы выбора и могут «опредмечивать» свои ассоциации разным способом и в разной форме, которые задаются той или иной стратегией респондента.

В АЭ преимущественно «работают» стратегии номинации, т.е. стратегии, направленные на поиск подходящего наименования в форме слова или словесного комплекса. Тем не менее, в анкетном материале свободного АЭ можно

наблюдать стремление Ии. к формулированию дефиниции (кваздефиниции) стоящей за стимулом сущности (*Студенческая жизнь – это время, когда беззаботно живешь от сессии до сессии*); высказыванию о ней оценочного суждения (*Студенческая жизнь – это самое прекрасное время*); сообщению о каких-то фактах (*Каждый день в библиотеке занимаюсь*); выражению их оценки (*Бывает интересно!*); обобщению фактов (*Становишься взрослее, рассудительнее*); формулированию обобщенного суждения (*Мне кажется, студенческая жизнь обязывает ко многому*); цитированию прецедентных текстов (*От сессии до сессии живут студенты весело*); озвучиванию интересующих или тревожащих вопросов (*Где взять материалы к семинару?*); рассказу о своих ассоциациях или представлению их в стихотворной форме и т.д. Такие стратегии нуждаются в иных формах – конструкциях с предикативным статусом.

Выбор способа и формы вербальной манифестации сопряжен с осуществлением целого комплекса «выборов»: а) выбора референциального «измерения» ассоциативной реакции (область личного опыта или общих знаний); б) выбора коммуникативно-прагматических параметров вербального выражения: коммуникативный регистр, речевой акт, коммуникативная организация («упаковка»), модальное отношение, оценочная семантика и т.п., в) выбора грамматических характеристик языкового знака: категориально-грамматический класс слова, часть речи, форма слова, структурный тип и схема словосочетания/предложения и т.п.

Следует оговориться, что все обозначенные выше действия и операции, как правило, протекают в автоматизированном, неосознаваемом режиме, по законам психической жизни индивида, а не по правилам алгоритмически функционирующего механизма. Соответственно, их «препарирование» и выделение указанных групп стратегий в известной степени условно и производится лишь в целях научного анализа.

Мы также допускаем, что приведенный нами перечень стратегий не исчерпывает всех возможных вариантов поведения и действий испытуемых, он остается открытым и может дополняться по мере анализа конкретного материала. Однако, как нам думается, он вполне ясно демонстрирует общую логику (принципы) обработки материала по представленным выше параметрам.

Более того, предложенный нами подход разрешает проблему классификации «неодно-

значных» реакций, в которых обнаруживаются «следы» разных стратегий. Такие реакции истолковываются как случаи совмещения различных стратегий, которые соотносятся с разными аспектами речемыслительной деятельности (и, соответственно, основаниями классификации) и вполне могут быть реализованы в одной реакции.

Следует отметить и тот факт, что проявление тех или иных стратегий зависит от режима ассоциирования (свободный/управляемый АЭ) и типа задачи (реакция на единичный стимул или список стимулов, порождение единичной реакции или множественной).

Список литературы

1. Горошко, Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента / Е. И. Горошко. – М.-Харьков, 2001. – URL: <http://www.textology.ru/article.aspx?aId=94.html>.
2. Гольдин, В. Е. Ассоциативный эксперимент как речевая игра / В. Е. Гольдин // Жизнь языка. – М., 2001. – С. 226–233.
3. Гольдин, В. Е. Ассоциативные тактики и стратегии реагирования / В. Е. Гольдин // Мо-

дернизация начального образования. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. – С. 102–107.

4. Залевская, А. А. Некоторые вопросы теории и практики экспериментального исследования / А. А. Залевская // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Материалы Международной школы-семинара (VII Березинские чтения). Вып. 18. М.: ИНИОН РАН, АСОУ, 2011. – URL: <http://lib.convdocs.org/docs/index-54804.html?page=8.html>.
5. Зинченко, Т. П. Оpoznание и кодирование / Т. П. Зинченко. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1981. – 183 с.
6. Караулов, Ю. Н. Типы коммуникативного поведения носителей языка в ситуации лингвистического эксперимента / Ю. Н. Караулов // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М.: ИЯ РАН, 1996. – С. 67–96.
7. Щекотихина, И. Н. О перспективах рассмотрения ассоциативного эксперимента в коммуникативном измерении / И. Н. Щекотихина // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. Вып. 16. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2012. – С. 179–189.

Е. А. Энгель

Тюменский государственный нефтегазовый университет
(Тюмень, Россия)

ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

LINGUO-CREATIVE PROCESSES IN COGNITIVE LINGUISTICS

Данная статья посвящена анализу лингвокреативных процессов в когнитивной науке и их функционированию. Показано, что при когнитивных процессах номинации, гибридизации, интеграции имеет место лингвокреативная деятельность человека, включающая в себя различные творческие процессы по созданию языковых единиц на основе лингвокреативных средств (такие как метафора, метонимия, языковая игра, окказионализмы, оксюморон, перифраза и др.).

This article deals with the linguo-creative processes analysis and its functioning in cognitive science. It shows that the linguo-creative activity of the person is taken place by cognitive processes such as nomination, hybridization, and integration. It includes various creative processes of language units coinage in terms of linguo-creative means (metaphor, metonymy, language game, nonce words, oxymoron, periphrasis, etc.).

Ключевые слова: номинация, концептуальная интеграция, гибридизация, лингвокреативная деятельность, лингвокреативный процесс, окказионализмы, языковая игра, метафора.

Keywords: *nomination, conceptual integration, hybridization, linguo-creative activity, linguo-creative process, nonce words, language game, metaphor.*

В процессе коммуникации человек приобретает и передает знания о мире, явлениях и самом человеке с помощью языка. Исследованием процессов структурирования и сохранения знаний, их ментальных репрезентаций, символов и стратегий человека занимается когнитивная лингвистика. В арсенале этой науки выделены основные когнитивные процессы, такие как концептуализация, категоризация, перекатегоризация, номинация, концептуальная интеграция, гибридизация и др.

Во всех этих процессах наблюдается в той или иной степени языковая креативность человека (лингвокреативность). Человек создает некие языковые единицы с помощью заложенных в языке средств и правил в ходе лингвокреативной деятельности, под которой мы понимаем творческую деятельность индивида по созданию языковых новообразований (инноваций). Разнообразные процессы создания таких творческих единиц в ходе лингвокреативной деятельности обозначим как **лингвокреативные процессы**.

Непосредственно способность личности мыслить креативно посредством языка позволяет применять и создавать безграничные потенции языка при формировании и выражении мысли [10]. Рассмотрим некоторые когнитивные процессы, а также основные лингвокреативные процессы и языковые средства, имеющие когнитивную основу.

Общие знания, полученные в ходе совершения различной деятельности, получают системное закрепление в сознании человека. Эти системы являются некоторым информативным (смысловым) единством — концептом или системой концептов [1. С. 6]. Речь идет о процессе концептуализации, способствующей осмыслению всех ощущений, всей информации, приходящей к человеку в результате работы органов чувств, логической и эмоциональной оценки этой деятельности. Концептуализация вычленяет некие единицы человеческого опыта в их содержательном представлении (концептах). Современная лингвистика располагает следующими концептами — «город», «любовь», «правда», «свет», «смерть» и др.

Другой когнитивный процесс, категоризация, в свою очередь направлен на дискретное рассмотрение значимых признаков и поиск сходства между некими единицами, что способствует установлению системных отноше-

ний. Данные отношения объединяют единицы опыта при их сличении с концептом, принятого за основание самой категории [1. С. 6]. Таким образом, при восприятии мира человек судит об идентичности одних объектов по сравнению с другими, или, напротив, об их различии. Понимая мир и осмысливая себя в нем, человек классифицирует вещи и жизненные ситуации, с которыми он сталкивается, в определенную категорию [6. С. 4].

Происходящие в нашем обществе различные преобразования, касающиеся научной, политической, технической, культурной, военной и духовной жизни, требуют и способствуют появлению новых понятий, предметов и явлений. Отсюда вытекает необходимость обозначить эти предметы и явления действительности конкретным словом. Речь может идти о совершенно новом слове, которого не было в арсенале того или иного языка, о появлении у конкретно существующего слова дополнительного значения или переосмысление существующего значения и как следствие — абсолютно новое значение. В данном случае речь идет о процессе номинации.

Номинация является сложным когнитивным процессом создания новых слов в языке. Новое слово как часть понятийной системы человека обусловлено опытом его взаимодействия со средой и способностью к мышлению. С помощью новых слов концептуализация мира человеком находит свое языковое воплощение [4].

Самым распространенным способом номинации является словообразование путем чистого **сложения** (*семибанкирщина*, *миропитие*), **словосложения** (*замглавред* — заместитель главного редактора // журнал *Men's health*), **блендинга** (*Oxbridge* (*Ox(ford) + (Cam) bridge*) — обозначение двух крупнейших университетов Великобритании), **эргонимической номинации** («*Молот'ОК*» — магазин промышленных товаров, *ЗапСибКомБанк* — Западно-Сибирский Коммерческий банк) и др. Образование этих слов происходит с помощью лингвистического процесса номинализации.

Появлению новых слов способствует не только так называемый «заказ общества» в обозначении новых предметов и явлений, но и в привлечении внимания со стороны слушателей и читателей. Наибольший интерес с точки зрения лингвокреативности вызывают **окказионализмы**. Креативный потенциал окказио-

нальности наиболее полно раскрывается в индивидуально-авторском стиле, что позволяет достичь выразительности и экспрессивности. Например, «*Вы хотите, чтобы нас **отсизнзили***» (CNN)? (М. Леонтьев, телепередача «Однако»), «*Миронов хочет плавленого сырку, но не может, потому что не хватает на **колготку** Ларке*» (А. Ширвиндт) [7. С. 14].

Язык расширяет свой арсенал и посредством вторичной номинации, т.е. благодаря использованию в акте номинации звукового и графического облика уже существующей первообразной единицы в качестве имени для новой реалии [8. С. 27].

Вторичная номинация тесно связана с особенностями лингвокреативного мышления, позволяющие переосмыслить концепты, уже имеющие языковое выражение посредством номинации первичной. Такой способ номинации часто определяется как вторая картина мира, представляющая собой новый взгляд на реальную действительность [3].

К лингвокреативным процессам в данном случае можно отнести **метафоризацию и метонимию**. Например, *Педикюр мозга* = пилить мозг // «Педикюр мозга: женское ТВ мужскими глазами» из журнала Men's health, и *Спортсмены привезли с Олимпиады золото и серебро* (телепередача «Новости», Первый канал).

Не стоит забывать, что в процессе вторичной номинации обращаются к одному из самых распространенных средств – **языковой игре**. Например, *Короче, еда не приходит одна* – по аналогии с «беда не приходит одна» (журнал Men's health). Человек обращается к языковой игре, чтобы реализовать свои творческие способности и получить удовольствие от умело выраженной мысли. К тому же языковая игра доставляет эстетическое удовольствие и удовлетворяет психоэмоциональные потребности. Играя с формой речи, она усиливает ее выразительность или создаёт комический эффект, реализует языкотворческую функцию и способствует созданию новых слов, обогащая тем самым язык [9].

Разновидностью языковой игры выступают **каламбур** (*Мегафон **стирает** различия* (стиральная машина)), **оксюморон** (*Чисто Одесское такси «**Бешенная черепашка**»*), **гиперкорреляция** (*остроумцы и остроумицы, людоедица*).

Следует упомянуть намеренные и ненамеренные аномалии, когда автор специально, сознательно совершает грамматические, смысловые или синтаксические ошибки для опреде-

ленного эффекта. Например, *О чем стреляли в Ташкенте?* (ср. из-за чего стреляли? и о чем спорили?); – Они там танцевали раздетыми. – *И во что же они были раздеты?* (лексемы одеть и раздеть антонимичны) [7. С. 10].

Наше сознание способно устанавливать разнообразные ассоциативные связи между объектами для интуитивного решения тех или иных задач. В данном случае мы обращаемся к концептуальной гибридации как особой разновидности творческих интегративных процессов, при которой происходит совмещение в одной языковой единице нетождественных способов концептуализации референта [2. С. 24].

Примером концептуальной гибридации могут послужить **отглагольные существительные**, воплощающие в себе творческое переосмысление и конструирование мира. Например, существительные *вливание, раскрутка, твердилка*, образованные от соответствующих глаголов [2. С. 20].

Стоит обратить внимание и на следующий когнитивный процесс – концептуальную интеграцию. Под концептуальной интеграцией Ж. Фоконье и М. Тернер понимают базовую когнитивную операцию, которая осуществляется по определённой схеме на различных уровнях абстракции и имеет чёткую структуру, которая включает в себя исходные пространства, общее пространство и смешанное пространство (бленд). Все перечисленные компоненты представляют собой ментальные пространства [5. С. 87].

Непосредственно в процессе концептуальной интеграции видится когнитивное основание творческой деятельности человека в языке. Выбрав и совершив определенные мыслительные операции, человек в процессе какой-либо деятельности создает новые смыслы интегрального ментального пространства на основе нескольких уже имеющихся, что находит разнообразное применение в языке и культуре.

Ярким примером креативности автора в процессе концептуальной интеграции является слово «*дядёныш*» (пример взят из журнала Men's health), имеющее блендовую структуру. В этом бленде соединились два исходных пространства – взрослый и ребенок. Взрослый человек (первое исходное пространство) способен самостоятельно принимать решения, имеет высокооплачиваемую работу, создает семью, обустраивает свой дом, сталкивается с различными проблемами, действует согласно установленным правилам и законам. Ребенок (второе исходное пространство) напротив не

может принять решения, не интересуется проблемами окружающей действительности, имеет много игрушек, смотрит мультики и играет. В бленде «дядёныш», таким образом, соединились общие черты взрослого и ребенка: не забывает мозг взрослыми проблемами (политикой, войнами, реформой ЖКХ, ценами на нефть), не хочет брать на себя лишнюю ответственность, не грезит о браке, смотрит мультики по каналу «2x2», играют на компьютере или в приставку и др.

Таким образом из всего выше сказанного следует, что когнитивную основу имеют любые операции, связанные со структурированием, порождением и сохранением языкового знания. Наиболее ярко и четко лингвокреативные процессы представлены именно в когнитивной номинации, т.к. научно-технический прогресс, политические и экономические события требуют обозначения новых реалий и предметов. Человек, основываясь на свой языковой опыт, является творцом новых слов, словосочетаний, фразеологизмов или новых значений у существующих единиц, используя при этом определенные лингвокреативные процессы и средства выражения (языковая игра, окказионализмы, ирония, каламбур, оксюморон и др.).

Список литературы

1. Ильинова, Е. Ю. Концептуализация вымысла в языковом сознании и тексте: автореф. дис. докт.филол.наук / Е. Ю. Ильинова. – Волгоград, 2009. – 43 с.
2. Ирисханова, О. К. (2005). Лингвокреативные основы теории номинализации: автореф. дис. канд.филол.наук / О. К. Ирисханова. – М., 2005. – 53 с.
3. Калиткина, Е. Н. Роль вторичной номинации в языковой концептуализации действительности / Е. Н. Калиткина. – URL: http://pglu.ru/upload/iblock/ae0/uch_2010_viii_00007.pdf.
4. Касьянова, Л. Ю. Новое слово как результат когнитивно-дискурсивного освоения и интерпретации действительности / Л. Ю. Касьянова // Современные проблемы науки и образования: электронный научный журнал. – 2012. – № 3. – URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=6397>.
5. Ковальчук, Л. П. Концептуальная интеграция смешанного пространства «женщина-лягушка» в русском сказочном дискурсе / Л. П. Ковальчук // Вестник Челябинского государственного университета. – № 25 (240), вып. 58. – 2011. – С. 87–90.
6. Костюшкина, Г.М. Концептуализация и категоризация в языке / Г. М. Костюшкина, Л. Г. Озонова, А. А. Попова, М. А. Федотова, С. А. Фетисова, А. И. Фофин, Д. В. Эрдынеева. – Иркутск, 2006. – № 3, серия 1. – 584 с.
7. Лингвистика креатива –2: Коллект.монография / Под общ.ред. проф. Т. А. Гридиной. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО Уральский государственный педагогический институт, 2012. – С. 3–25.
8. Лозовой, А. Ю. К проблеме номинации. Особенности современной эргонимии / А.Ю. Лозовой, И.А. Названова // Известия ЮФУ. Технические науки. – 2013. – № 10, вып.147. – С. 25–30.
9. СимUTOва, О. П. Языковая игра в словообразовании: на материале немецкого и русского языков / О. П. СимUTOва. – URL: <http://www.dissercat.com/content/yazykovaya-igrav-slovoobrazovanii-na-materiale-nemetskogo-i-russkogo-yazykov#ixzz3ng4peR8V>.
10. Столярова, И. Лингвокреативные механизмы словосложения: На материале номинативных комплексов в романе Джеймса Джойса «Улисс» / И. Столярова. – URL: <http://www.dissercat.com/content/lingvokreativnyeme-khanizmy-slovoslozheniya-na-materiale-nominativnykh-kompleksov-v-romane-d>.

ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

А. А. Анков

Уральский федеральный университет
(Екатеринбург, Россия)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА ИНВЕКТИВ В ПАРЕМИИ ФРАНЦУЗСКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУР

FUNCTIONING OF CONCEPT INVECTIVE BASED ON PROVERBS AND SAYINGS OF FRENCH AND ENGLISH LINGUISTICS CULTURES

Настоящая статья посвящена исследованию когнитивных основ формирования фразеологизмов, вербализующих концепт «инвектив». Концепт «инвектив» является один из видов более крупной и широкомасштабной категории «речевая деятельность». Поэтому исследуемый концепт принадлежит к типу так называемых полуперформативных концептов, то есть таких концептов, которые не выражаются за счет одного слова.

This article considers the research of foundation phraseological cognitive bases verbalizing the concept “invective”. This concept is one of the kind of a bigger and more large-scaled category “speech activity”. That is why analyzed concept belongs to the sort of so called semi-performative concepts which couldn’t be expressed by one word.

Ключевые слова: фразеология, концепт «инвектив», пейоративность, концептуальная область.

Keywords: phraseology, concept “invective”, pejoratively, conceptual domain.

Фразеологические обороты входят в национальную кладезь как отдельно взятой лингвокультуры, так и общей мировой культуры. По своей сути фразеологические обороты отображают опыт и результат развития человеческой цивилизации; в них собраны вся мудрость и основные жизненные вехи народов мира. Фразеологические обороты отображают формат ментальности, общей для представителей одной лингвокультуры, определенный сформировавшийся «кусочек» информации о какой-либо внеязыковой ситуации. Такая информация в большинстве случаев оказывается стертой и удаленной в пространственно-временном континууме, что на языковом уровне характеризуется непрозрачностью этимологии и особенностями «синтаксиса» фразеологизмов. Отечественная лингвистика, активно занимающаяся обозначенными выше вопросами, сформировала мощную методологическую базу, в частности, разработанную В.В. Виноградовым, В.Н. Телией, В.М. Мокиенко и др.

В. Н. Телия, прежде всего, выводит классическое определение фразеологизмов. Для учебного фразеологические обороты – это сочета-

ния слов, для которых характерны три основные параметра: принадлежность к номинативному инвентарю языка, признак полной или частичной идиоматичности, а также свойство устойчивости при определенной степени вариативности, проявляющейся в абсолютной или относительной воспроизводимости сочетаний слов «в готовом виде» [6].

В дополнение В.М. Мокиенко определяет следующие свойства фразеологических оборотов: устойчивостью, экспрессивностью, целостным значением и воспроизводится в готовом виде» [4]. На основе данных параметров автор уравнивает фразеологические обороты с такими понятиями, как «поговорка», «идиома», «образное выражение».

Выделяются также типы фразеологизмов, отличающие их от перечисленных видов паремии. Так, например, В.В. Виноградов говорит о трех типах: фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания. Фразеологические сращения – это такие фразеологизмы, значение которых не определяется значением входящих в них отдельных слов. Фразеологические единства лек-

сически неделимы, но их общее значение мотивировано переносным значением входящих в него слов, а фразеологические сочетания суть устойчивые обороты, общее значение которых полностью зависит от значения составляющих слов [2].

Данная классификация немного разнится с классификацией, разработанной французским исследователем Ш. Балли, для которого вся совокупность устойчивых выражений подразделяется на два класса: фразеологические единицы (*unités phraséologique*) и фразеологические группы (*séries phraséologiques*). Под первой группой подразумевается словосочетания, смысл которых нельзя вывести из значений составляющих его слов, вторая же объединяет сочетания слова, относительно свободные, что позволяет замещать одни языковые единицы другими [7].

Отмечается также процессы фразеологизации и дефразеологизации. При дефразеологизации происходит процесс возврата в реальный смысл устойчивого словосочетания. При этом фразеологизм не разрушается, но сохраняется или обогащается образно-переносным значением и применяется говорящим в индивидуально-авторских, структурно-семантических и прагматических преобразованиях фразеологических единиц [5. С. 115; 3. С. 87]. Здесь подчеркивается возможность лексического варьирования внутри фразеологической конструкции. Это становится возможным благодаря факту устойчивости концептуальных структур, лежащих в основе того или иного фразеологизма, а варьирование происходит уже на языковом уровне; причем заменяемые языковые единицы должны быть одной категории (ср. кривить душой – вилять душой).

С точки зрения семантики, фразеологизмы отличаются единством значения и могут обозначать как одно понятие (например, упрямый как осел, и т.д.), так и целую внеязыковую ситуацию (делать мину при плохой/хорошей игре и т.д.). То, что объединяет все фразеологические обороты, это присутствие оценочного компонента (отрицательного или положительного). С этой точки зрения, наивысшей степенью отрицательности обладают так называемые пейоративные фразеологические обороты, призванные выражать негативную оценку у говорящего к другой персоне (к ее внешности, поведению, образу жизни и т.д.) или к определенной жизненной ситуации.

В полной мере негативная оценочность проявляется в так называемых пейоративных

фразеологических оборотах, включающих языковые единицы с уничижительным, пейоративным или табуированным значениями. С точки зрения формирования фразеологизмов, исследование этого аспекта проводится на основе общих положений языковой деривации, в русле которой различными авторами используются такие термины, как семантическое единство, спаянность языковых элементов в одной фразе, фразеологизация/дефразеологизация и т.д.

Как показало исследование, фразеологические обороты пейоративного значения, вербализуют не концепт «инвектив» как таковой, но концепт «инвектив» гибридного характера. С точки зрения когнитивной лингвистики, изучающей проблему отображения знаний в языке, правомернее изучать концепт «инвектив» с позиций теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье [8].

В соответствии с данной теорией фразеологизация концепта «инвектив» на концептуальном уровне представляет собой процесс интеграции элементов (или концептуальных характеристик) концепта «инвектив» с концептуальными характеристиками других концептуальных областей. Причем последние являются донорами, то есть концепт «инвектив» приобретает, а не отдает концептуальные характеристики. Соответственно концептуальные характеристики других областей проходят перекатегоризацию, а именно, стадию пейоризации, то есть приобретения негативной оценки.

«Гибридность» изучаемого концепта также можно четко увидеть на примере фразеологических и устойчивых выражений, которые лексически заполнены языковыми единицами из разных семантических групп. Формирование устойчивых гибридных участков в структуре концепта «инвектив» находит отражение в процессе углубления. По определению С.В. Балакина при деривации по типу углубления происходит усложнение концептуальной структуры при наследовании ею дополнительных характеристик других концептов-доноров [1. С. 194].

В свою очередь углубление приводит к расширению самого концепта «инвектив»; обогащается не только его количественные параметры, но и его ценностная составляющая, как культурная единица при всей очевидности пейоративности и табуированности. С этой точки зрения, фразеологические единицы, выражающие концепт «инвектив» по классификации Ш. Балли восходят ко второй группе. В составе пейоративных выражений, как правило, входят

языковые единицы уничижительного характера; если мы произведем изъятие таких единиц, то последние не только не потеряют своей семантики, но и не лишатся своего негативного значения. Таким образом, свойствами пейоративных фразеологических оборотов можно назвать относительную независимость языковых единиц, из которых они состоят, а также в состав пейоративного фразеологизма всегда должно входить слово, семантика которого а priori негативна. Связывание концептуальных характеристик приводит к пропозиционализации фрейма на основе задействования как внутренних, так и внешних резервов. Причем приращенные концептуальные характеристики, как правило, находятся в области объекта, так как негативная оценка субъекта имеет целенаправленный характер на объект.

При исследовании мы выделили следующие макроконцепты и их сегменты концептуальные области-доноры для концепта «инвектив». Это такие онтологические и антропоцентрические концептуальные области, как «человек», «гастрономия», «локативность», «цвет», «животный мир».

Концептуальная область «человек» имеет большое значение для углубления концепта «инвектив»; с точки зрения донорства всю концептуальную область «человек» можно поделить на три зоны: «внешность человека», «части тела», «умственные способности». Ср.:

Умственные способности человека: *wooden head* – (англ.) деревянная голова, тупица

Части тела: *dead from the neck up* – (англ.), *all asses wag their ears* – (англ.), *lécher le cul* – (фр.), *peter plus haut que son cul* – (фр.), *задаваться*, *put on a lot of dog* – (англ.), *to be all mouth and no trousers* – (англ.), *fools rush in where angels fear to tread* – (англ.), *se taper le cul par terre* – (фр.), *avoir le feu au cul* – (фр.), *ta gueule!* – (фр.), *occupe-toi de tes fesses* – (фр.), *damn your eyes* – (англ.), *get your ass in gear* – (англ.), *jeune barbe* – (фр.), *vieux barbon* – (фр.), *old geezer* – (англ.), *old buffer* – (англ.), *the armpit of sth* – (англ.).

Внешность человека: *a face that would stop a bus (clock)* – (англ.).

Вторая концептуальная область-донор – гастрономия, характерна прежде всего для исследуемой французской лингвокультуры. Французская кухня является достоянием и гордостью для французов, и это не могло не сказаться на проникновении «гастрономических» языковых единиц в различные языковые пласты, в том числе в паремию. Ср.: *une drôle de brioche* – (фр.).

Следующая категория, формирующая вместе с концептуальными характеристиками фразеологические обороты с негативной оценкой – это «животный мир». Причем наблюдается отчаливая тенденция актуализировать концептуальную характеристику-донор одних и тех же животных в различных лингвокультурах. Ср.: *âne bête* – (фр.), *bête à manger du foin* – (фр.), *les ânes parlent latin* – (фр.), *tête comme une mule* – (фр.), *like a blue-arsed fly* – (англ.).

Концептуальная характеристика «локативность» оказывается донором для концепта «инвектив» при формировании фразеологических пейоративных оборотов связанных с родом деятельности, порицаемой обществом: *se balader sur l'asphalte* – (фр.), *walking the streets* – (англ.), *stool pigeon* – (англ.), *ami de cour* – (фр.), *jack in office* – (англ.).

Концептуальная характеристика «цвет» также участвует в создании фразеологических оборотов при описании, прежде всего, внешности человека. В данном случае концептуальные характеристики концепта «цвет» переносятся в концепт «инвектив» имея уже вторичное значение. Это такие значения, которые характеризуют определенные человеческие состояния: *mal blanc* – (фр.).

Следующая категория пейоративных фразеологизмов сформирована за счет концептуальных характеристик, относящихся к различным видам профессиональной человеческой деятельности. Ср.: *jouer comme un sabot* – (фр.), *noircisseur de papier* – (фр.), *myrmidon of justice* – (англ.).

Необходимо отметить, что концептуальные характеристики концептов-доноров могут приобретать негативную оценочность уже внутри своих концептов. При этом языковые единицы, вербализуемые их, также приобретают негативное значение. Данный факт способствует еще большему проникновению таких концептуальных характеристик в структуру концепта «инвектив».

Итак, формирование устойчивых фразеологических выражений, вербализующих концепт «инвектив» происходит за счет привлечения концептуальных характеристик таких концептов-доноров, как «человек», «животный мир», «локативность», «гастрономия», «цвет». Для французской лингвокультуры также характерен концепт-донор «гастрономия», что предопределяется большим влиянием кухни во французской культуре. При этом происходит интеграция концептуальных характеристик концепта-реципиента «инвектив» с характери-

стиками концептов-доноров на основе деривационного процесса углубления. Несмотря на очевидную табуированность и негативность, фразеологические обороты, вербализующие концепт «инвектив» входят, наравне с другими языковыми единицами, в общий культурологический фонд национальных лингвокультур.

Список литературы

1. Балакин, С. В. Деривационные процессы детализации и углубления в структуре макроконцептов / С. В. Балакин // Когнитивные исследования языка. Вып. XXII. Язык и сознание в междисциплинарной парадигме исследования. – 2015. – С. 193–195.
2. Виноградов, В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // В.В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977. – С. 140–161.
3. Куклина И. Н. Явление фразеологизации и дефразеологизации в языке современной

прессы : дис. ... канд. филол. наук / Куклина Ирина Николаевна. М. : Московский государственный областной университет, 2006. – 251 с.

4. Мокиенко, В. М. Славянская фразеология / В. М. Мокиенко. М. : Высшая школа, 1980. – 207 с.

5. Попова, Л. В. О дефразеологизации стойчивых сочетаний / Л. В. Попова // Проблема устойчивости и вариативности фразеологических единиц. Тула : Гос. пед. ин-т, 1968. – С. 115–120.

6. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия – М.: Языки русской культуры, 1996. – 285 с.

7. Bally, Charles. Traite de stylistique française / Charles Bally. – Genève, 1951. – 391 с.

8. Fauconnier, G. Mappings in thought and language / G. Fauconnier. Cambridge : University Press, 1997. – 206 p.

Ю. С. Апросина

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ САСПЕНСА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ КИНОДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ФИЛЬМОВ А. ХИЧКОКА)

THE MECHANISMS OF SUSPENSE IN ENGLISH CINEMATIC DISCOURSE (ON THE MATERIAL OF A. HITCHCOCK'S FILMS)

В статье анализируются механизмы реализации саспенса в англоязычном кинодискурсе. На материале фильмов А. Хичкока автор исследует ретардацию повествовательного времени, лейтмотив и перспекцию с точки зрения создания напряжения в киноповествовании.

The paper studies the mechanisms of suspense in English cinematic discourse. It considers manipulating of temporal and spatial relations, as well as the use of leitmotifs and prospection as the techniques aimed at generating suspense in narration.

Ключевые слова: кинодискурс, саспенс, механизмы создания саспенса.

Keywords: cinematic discourse, suspense, mechanisms of creating suspense.

Значение саспенса как для жанра триллер в общем, так и для триллера А. Хичкока трудно переоценить. Само слово «триллер» (от англ. thrill – трепет, волнение) красноречиво свидетельствует об особенностях организации ки-

ноповествования, построенном на создании и поддержании у зрителя чувства напряжения и тревоги на протяжении просмотра фильма. Учитывая данную особенность, роль саспенса в триллере становится очевидной. Важно от-

метить, что в настоящее время ввиду возможности разностороннего подхода к изучению саспенса (психологической, когнитивистский, нарратологический, кинематографический подходы), не существует общепринятого определения этого термина. В нашем исследовании мы делаем попытку синтезировать существующие подходы применительно к изучению саспенса в англоязычном кинодискурсе жанра триллер.

Задачей данного исследования является анализ механизмов реализации саспенса, материалом для исследования послужили фильмы жанра триллер американо-британского кинорежиссера XX века А. Хичкока.

Предваряя наши дальнейшие рассуждения о природе саспенса и механизмах его создания мы считаем нужным обратиться к трактату Аристотеля о законах построения художественного текста. Основа любого художественного произведения – фабула, а основа фабулы – это перипетия и узнавание, наряду с состраданием и катарсисом. «Перипетия – есть перемена событий к противоположному», т.е. переломный момент, характеризующийся состоянием неустойчивости и переходом повествования из русла предсказуемого и привычного в непредсказуемое и неизвестное, «переход на другой язык» [6. С. 116]. «Узнавание, как показывает и название, обозначает переход от незнания к знанию», т.е. характеризуется стабилизацией ситуации, полным либо частичным разрешением конфликта, переходом от неизвестности к знанию, непредсказуемости к предсказуемости [2. С. 23]. Обращение к теории Аристотеля при исследовании кинодискурса оправдано ввиду комплексной природы фильма, с одной стороны, близкой к пространственным искусствам – живописи, с другой стороны, по развертыванию материала, близкой к временным искусствам – словесному и музыкальному [8. С. 550]. Саспенс в фильме обычно ознаменовывает перипетию в Аристотелевской стандартной схеме построения художественного произведения, которую можно представить в следующем виде: перипетия – узнавание – катарсис. В фильме могут встречаться несколько перипетий или кульминаций, одна из которых является самой значительной для киноповествования, другие же являются микроперипетиями или мини-кульминациями. «Вершины мини-кульминаций образуют динамическую волну со своими подъемами и спадами, высшую точку развития которой представляет главная кульминация», – отмечает Е.Н. Азна-

чеева в своем исследовании роли кульминации в организации речевых и музыкальных произведений [1. С. 12].

К механизмам создания саспенса в фильме мы относим ретардацию повествовательного времени, параллелизм действия, использование лейтмотивов, перспекцию и др.

Прежде всего, для анализа механизмов саспенса необходимо обратиться к главным определениям киноязыка – к определениям кадра и монтажа. Точное определение кадра представляется затруднительным для кинематографического сообщества ввиду многозначности и сложности исследуемого явления. Под кадром принято считать как минимальную единицу монтажа [5. С. 20], так и отрезок пленки, снятый в одной декорации с одной точки зрения камеры [7. С. 57]. Под монтажом в узком смысле понимается склеивание кадров, в широком – «соположение кадров, связывающих их в единое смысловое и синтаксическое целое [5. С. 23]. Смысловое единство кадров заключается в том, что кадры несут на себе смысловые знаки предыдущих кадров и ограничены ими в смысловом отношении – во всей своей длительности [8. С. 329].

Зачастую механизмы реализации саспенса в фильмах А. Хичкока связаны с искажениями пространственно-временных отношений киноповествования посредством монтажа, плана, точек зрения. Ярким примером эпизода, где реализуется саспенс, является сцена из фильма «Саботаж» (1936), где Стиви, младшему брату главной героини фильма, дается задание доставить посылку до пункта назначения. Мальчик не знает, что в посылке находится бомба с включенным таймером, и что взрыв состоится в 13.45. Саспенс достигается путем ретардации повествовательного времени посредством излишней детализации действия. В мельчайших подробностях зрителю показана дорога Стиви к станции метро, где он должен оставить посылку. Зритель видит, как Стиви проталкивается через многолюдную толпу, останавливается у каждого прилавка на базаре, наблюдает за парадом, садится в автобус, играет с щенком. Пока автобус движется, во всех подробностях показаны улицы Лондона, оживленное движение, светофор, пешеходы и машины. «Время в кино текуче; оно <...> заполняет полотно неслышанным разнообразием вещей и предметов. Оно допускает залеты назад и в сторону» [8. С. 320]. В данном случае «залеты в сторону» неслучайны, а служат для нагнетания напряжения. Напряжение нарастает и за счет регуляр-

ного повторения детали на протяжении всего эпизода, а именно часов, показывающих приближение взрыва. Эта деталь скрепляет все кадры воедино, создавая ритмический ряд, который в свою очередь, «является мощным средством смысловой насыщенности» [5. С. 160]. Лейтмотив часов нагнетает напряжение, показывая зрителю, сколько времени осталось до взрыва. Данный прием создания напряжения неразрывно связан с перспективой. И.Р. Гальперин определяет перспективу как «конструктивный прием, использующийся для предвещения читателя (слушателя) о том, какая информация (и в какой последовательности) ожидает его в процессе обсуждения предмета речи» [4. С. 106]. В случае проанализированного нами эпизода перспектива заключается в том, что режиссер заранее уведомляет зрителя о настоящем содержимом посылки мальчика и о времени взрыва, благодаря чему деталь часов оказывает на зрителя наиболее эффективное воздействие, напоминая о скоротечности времени и грозящей опасности. Деталь в кино невозможна без крупного плана, акцентирующего попеременно то часы, указывающие оставшееся до взрыва время, то посылку, содержанием которой является бомба.

В фильме «Окно во двор» (1954) одной из наиболее напряженных сцен является та, в которой Лиза Фремонт, подруга главного героя фильма, ищет улики, доказывающие вину убийцы в его квартире. В это время мы видим, как в квартиру возвращается ее жилец. Напряжение нарастает во многом благодаря предварительному знанию того, что убийца вот-вот поднимется по лестнице, откроет входную дверь, зайдет домой и обнаружит незваного гостя. В отличие от ничего не подозревающей Лизы, зритель предвещен об угрозе, которой подвергается ее жизнь. Более того, напряжение усиливается благодаря использованию дальнего плана, – помимо зрителя свидетелем этой сцены является главный герой фильма, Эл Би Джеффрис, прикованный из-за травмы ноги к креслу и наблюдающий за происходящим из окна собственной квартиры. Дальний план усиливает ощущение бессилия и отчаяния от неспособности Джеффриса помочь своей возлюбленной. Дальний план в данной сцене перемежается с крупным, изображающим искаженное от ужаса лицо героя, вынужденного быть только наблюдателем разворачивающейся трагедии. Такой параллелизм придает сцене динамику и усиливает напряжение.

Продолжая наш анализ, необходимо отметить, что саспенс возможен и при линейном повествовании, исключая параллелизм действия. Так, фильм «Веревка» (1948) задумывался А. Хичкоком как экспериментальный проект, – он был снят всего десятью монтажными планами с целью свести к минимуму монтажную склейку. В результате этого действие фильма разворачивается в режиме реального времени в пределах одной квартиры, где двое приятелей, Брендон и Филипп, вдохновленные ницшеанской теорией о сверхчеловеке, душат своего сокурсника веревкой, после чего прячут тело в сундук и устраивают у себя прием. По ходу вечера преступники начинают вызывать подозрение у своего бывшего учителя, Руперта Кеделла, и в конце концов он разоблачает их. Разоблачению сопутствует ряд напряженных эпизодов, кульминации которых способствуют развитию сюжета и ведут к главной кульминации – раскрытию преступления. Значимой для создания саспенса является деталь веревки. Веревка в фильме является и орудием убийства, и решающим ключом к его разгадке, а повторение этой детали зачастую сопутствует новому витку напряжения. В фильме присутствует также ретардация повествовательного времени, – в финальном эпизоде, когда Руперт возвращается в квартиру Брендона и Филиппа с целью изобличить убийц. Руперт в подробностях восстанавливает произошедшие события, детально описывая, как бы он действовал на месте преступников. Подобная детализация словно замедляет время, оттягивая неизбежную развязку и нагнетая напряжение. Веревка, которую Руперт достает из кармана своего пиджака, ознаменовывает момент наивысшего напряжения сюжета.

Схождение в одном эпизоде пучка кинематографических приемов, реализующих единое настроение, можно охарактеризовать как конвергенцию. Описывая конвергенцию как один из принципов выдвижения И.В. Арнольд утверждает, что уровня стилистических приемов недостаточно для описания системы или структуры целого текста. Для описания структуры требуется более широкий охват, «уровень более высокий, чем уровень стилистических приемов», принципы выдвижения [3. С. 24]. Принципы выдвижения обеспечивают единство структуры текста и его системность, и, на наш взгляд, являются значимыми для описания механизмов реализации саспенса.

Список литературы

1. Азначеева, Е. Н. Роль кульминации в организации речевых и музыкальных произведений / Е. Н. Азначеева // Межвузовский сборник научных трудов. – 1988. – С. 3–13.
2. Аристотель. Поэтика. Риторика / Аристотель ; пер. с др.-грч. В. Аппельрота, Н. Платоновой. // Азбука, Азбука-Аттикус. – 2014. – 320 с.
3. Арнольд, И. В. Стилистика декодирования / И. В. Арнольд // ЛГПИ им. А. И. Герцена. – 1974. – 77 с.
4. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. – 144 с.
5. Лотман, Ю. М. Диалог с экраном / Ю. М. Лотман, Ю. Г. Цивьян. – Таллин, 1994. – 240 с.
6. Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики / Ю. М. Лотман. – Таллин. – 1973. – 197 с.

7. Ромм, М. И. Беседы о кинорежиссуре / М. И. Ромм. – 264 с. – URL: http://www.dshinin.ru/Upload_Books3/Books/2011-02-10/201102102150031.pdf

8. Тынянов, Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. / Ю. Н. Тынянов. – М., 1977. – 576 с. URL: <http://feb-web.ru/feb/classics/critics/tynianov/t77/t77-326-.htm>

Список фильмов

1. «Веревка» / англ. *Rope*, 1948 – реж. Альфред Хичкок, США
2. «Окно во двор» / англ. *Rear Window*, 1954 – реж. Альфред Хичкок, США
3. «Саботаж» / англ. *Sabotage*, 1936 – реж. Альфред Хичкок, Великобритания

Н. Г. Асмус

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ

PRECEDENT CHARACTER OF INTERNET MEMES

Статья посвящена изучению мемов, функционирующих в сети Интернет в качестве средства достижения комического эффекта. Под этим термином мы понимаем единицу культурной информации, способную быстро распространяться и высмеивать ошибки, недочеты или недостатки и заменять длинные выражения.

The article is devoted to the study of memes, one of the phenomena of the virtual communication. By meme we understand an idea, belief or pattern of behavior including phrases, images, rumors and audio or video files that spreads throughout a culture by information or entertainment media and is voluntarily shared.

Ключевые слова: комический эффект, Интернет-коммуникация, прецедентный феномен, Интернет-мем.

Keywords: comical effect, Internet communication, precedent phenomenon, Internet meme.

Применение электронных коммуникативных средств стимулировало появление такого феномена, как виртуальная реальность. Новые условия общения кардинально изменили структуру коммуникативного пространства, в котором происходит виртуальное взаимодействие. Общение, попадая в новое виртуальное

пространство, претерпевает серьезные функциональные изменения. Новый тип материального носителя – компьютерное «закрастье» – создает специфический тип дискурса и существенно меняет модель построения текста.

Общение в виртуальной среде имеет особый, маскарадно-игровой характер. Здесь переста-

ют действовать различные ограничения, запреты, вопросы этикета и морали отходят на второй план. Человек раскрепощается, становится самим собой или тем, кем хотел бы быть, оставляя позади условности реальной жизни. Так как коммуникация носит опосредованный характер и лишена свойственных живому общению паралингвистических средств (за исключением смайликов), собеседники «рисуют» свой вербальный образ, который уникален по своей сути, легко узнаваем и неповторим.

В рамках виртуальной коммуникации происходит взаимодействие автора и читателя. Каждый участник становится автором, превращая мир в слово. Перед нами разворачивается карнавальное празднество. Атмосфера маскарада подготавливается шествием участников. Человек надевает маску, переставая совпадать со своим реальным, «приземленным» имиджем. Вместо этого появляется возможность хоть на миг перевоплотиться и стать тем персонажем, героем, силой или выдающейся личностью, образ которой будоражит сознание. Это облегчает процесс коммуникации, снимает психологические барьеры, высвобождает творческое «я».

Феномен прецедентности подразумевает наличие общих фоновых знаний коммуникантов. За прецедентным феноменом всегда стоит некое представление о нем, общее и обязательное для всех носителей того или иного сообщества. Прецедентные феномены отражают в тексте национальные и культурные традиции в оценке и восприятии исторических событий и лиц, мифологии, памятников искусства, литературы, произведений устного народного творчества. Выделяют прецедентный текст, прецедентное имя, прецедентную ситуацию, прецедентное высказывание.

Прецедентными для виртуального дискурса становятся тексты, отражающие его ценности, которые включают в себя ряд возможностей пользователя, недостижимых в ситуации реального взаимодействия. Эти тексты направлены на подчеркивание несоответствий в ценностях, взглядах, образе действий коммуникантов в процессе реального и виртуального взаимодействия.

Специфическим для Интернет-дискурса типом прецедентного феномена, а также средством достижения комического является Интернет-мем. Под этим термином мы понимаем единицу культурной информации, способную быстро распространяться и спонтанно приобретать популярность в Интернет-среде. Это, как правило, фразы, слова, звуки

или изображения, которые подвергаются намеренному искажению в грамматическом или графическом оформлении, высмеивая или пародируя ошибки, недочеты или недостатки. Чаще всего мемы не несут смысловой нагрузки, но при этом легко могут заменить длинные выражения. Привлекательность мема — в его популярности. Первоисточники мемов разнообразны: горячая новость, предмет искусства, фильм, персонаж аниме, высказывание Интернет-пользователя и т.д.

Прецедентность мемов имеет особый характер. Возникнув в каком-либо виртуальном сообществе, мем, сохраняя аллюзию на какой-либо культурный феномен, текст или событие, значимое для коммуниканта, воспроизводится, обретая новый смысл. «Эффективность коммуникации в этом случае прямо зависит от умения пользователей осуществить экспликацию скрытых культурных коннотаций мема, восстановить те ассоциативные связи, которыми обеспечен комический эффект» [2. С. 81]. И распространение происходит за счет новых, порой скрытых смыслов, которыми наделяет данное высказывание «новый автор».

Явление мемизации возникло в рамках англоязычного Интернет-сообщества, и поэтому первые мемы, попадая на странички русскоязычного виртуального пространства, строились по заимствованным моделям. Только сейчас мы можем с уверенностью говорить о примерах русских мемов, которые возникают в рамках русского культурного пространства независимо от влияния иноязычной среды.

В современном Интернет-пространстве функционируют следующие типы Интернет-мемов: текстовый мем, мем-картинка, видеомем, креолизированный мем, содержащий текстовую и визуальную информацию.

Рис. 1

Например, Мем «Обама злится» появился после первого официального визита четы американского президента в Великобританию в 2011, где он вместе с Мишель Обамой был заснят английскими фоторепортерами на одной из встреч с английской королевой в Букингемском дворце. На фотографии, которая

облетела весь мир, американцы запечатлены с раздосадованным и огорченным выражением лица, подразумевающим, что все пошло не так, как ожидали. Впоследствии вместо фотографии появилась картинка-карикатура, изображающая положительную реакцию человека на приятную неожиданность или стечение обстоятельств, которые превзошли ваши ожидания. Надпись «Неплохо», выполненная контрастным красным цветом, усиливает эффект нелепости и досады от непредвиденного. Этот мем, данное выражение лица, перенесенное на любого другого человека, или надпись обычно добавляются в конце текстового сообщения или комментария для придания ему негативно-го оттенка досады.

Возьмем другой пример.

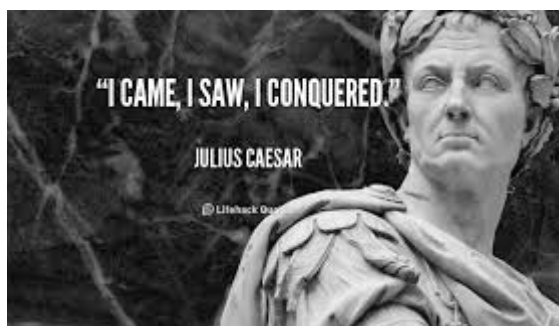

Рис. 2

В 2012 году на страницах Интернета появляются фотографии кота по прозвищу Сердитый Котик (Grumpy Cat), который прославился благодаря необычной внешности. Ставшее визитной карточкой выражение сердитости и тревожности на мордочке кота положено в основу серии мемов, которые используются для оценки ситуации или критики каких-либо действий. Кот наделен человеческими качествами для того, чтобы высмеять парадоксальность существующих порядков, черт характера или вещей. В примере «Пришел. Увидел. Пожаловался» сохраняется аллюзия на известное изречение Юлия Цезаря «Пришел. Увидел. Победил» (Рис.2).

Рис. 3

В следующем примере каламбур строится на сопоставлении прецедентной фразы "Love is in the air" («Любовь повсюду»), знакомой зрителям по фильму "Strictly Ballroom" («Австралийское танго»), где лексема «air» употребляется не в прямом значении (воздух), а в переносном «езде», и продолжении высказывания, основанном на прямом значении данного слова «Try not to breathe» («Постарайтесь не дышать») (Рис.3).

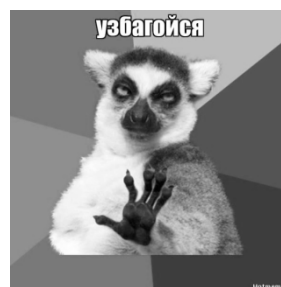

Рис. 4

Пример русскоязычного мема строится на изменении фонетического облика слова и замене глухих согласных на соответствующие звонкие для достижения комического эффекта (успокойся – узбагойся) (Рис.4).

По нашим наблюдениям, прецедентные феномены, которые используют коммуниканты для апелляции к определенной фоновой информации, подвергаются трансформации. Нами были выделены два вида изменений: замена компонента и распространение исходного высказывания.

Замена компонента происходит в том случае, когда один из компонентов хорошо известной фразы видоизменяется, придавая новый смысл высказыванию. В примере «All you need is ice-cream» мы можем проследить отсылку к песне группы Битлз «All you need is love!». Во фразе «In coffee we trust...» использована аллюзия на национальный девиз США «In God We Trust», заимствованного из последних строк гимна США «In God is our trust».

Рис. 5

В следующем примере воспроизводится ставшая культовой фраза с агитационного плаката, выпущенного в Великобритании в начале Второй мировой войны, направленного на поднятие духа простого народа “Keep Calm and Carry On” («Сохраняйте спокойствие и продолжайте в том же духе»). Продолжением может служить любая фраза: “Keep calm and eat cupcake”, “Keep calm and work hard”. В дальнейшем трансформированный компонент может строиться по другой грамматической модели и противоречить логике высказывания: «Keep calm because I’m an October baby», «Keep calm and ... no» (Рис.5).

Всем хорошо знакома фраза, произнесенная одним из главных героев «Властелина колец» Боромиром, “One Does Not Simply Walk into Mordor” («В Мордор нельзя просто войти»). Она стала настолько популярной, что первая часть ее “One Does Not Simply...” стала использоваться независимо от контекста в любой ситуации, связанной с неразрешимой проблемой «Нельзя просто...». Например, “One does not simply write with his left hand”, “One does not simply buy eternal life”. Примеры русскоязычных мемов: «Иван Васильевич впадает в депрессию», «Ты сел за курсач?».

Второй вид трансформации связан с распространением исходного высказывания. Например, в 2006 году в рекламной кампании пива Dos Equis использовался ролик с участием Джонатана Голдсмита, где респектабельный седовласый мужчина, одетый с иголки в дорогой костюм, демонстрирует свою успешность и влияние. Он был назван “The Most Interesting Man in the World” («самым интересным мужчиной на свете»).

Данный слоган оказался настолько популярным, что получил множество продолжений: “The Most Interesting Man in the World on the meaning of life”, “The most interesting Man in the World is me”. Ролик заканчивался словами нашего героя “I don’t always drink beer. But when I do, I prefer Dos Equis”.

Рис. 6

В дальнейшем фраза изменяется, сохраняя грамматическую конструкцию оригинала: “I don’t always talk to myself. But when I do, it’s because I need expert advice”, “I don’t always go to MacDonalds. But when I do, I’m luvng it”. На одном из мемов была помещена фотография Эйнштейна и на ней надпись: “I don’t always state that nothing can travel at the speed of light. But when I do, I goddamn right about it” (Рис.7).

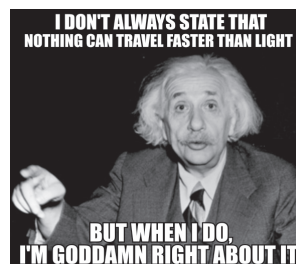

Рис. 7

Распространение исходного высказывания происходит, когда за основу берется пословица, афоризм или крылатое выражение. Например, “Life is short... False. It’s the longest thing you do”.

Примером русскоязычного мема может служить ролик с изображением типично русского мужика, который любит охотиться, рыбачить и снимать процесс на видео. Как-то раз на неизвестном Яхренском озере в Вологодской области поймал он язя и снял это на видео, демонстрируя, что язь ему доставляет огромное удовольствие.

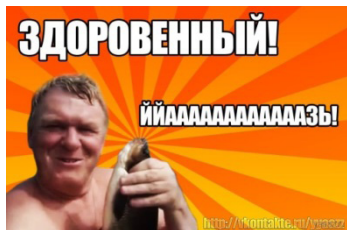

Рис.8

Видеоролик «Язь – вот она – рыба моей мечты!» стал очень востребованным и быстро заполнил пространство Интернета, приобретая всевозможные вариации: «Не язем единым» (Не хлебом единым), «Гарри Поттер и здоровенный язь», «Йязь. Вот о!!!. Вот он!!! Скандорд моей мечты!!!», «СКИИИиииИИИИИИски! ЗДОРОВЕННЫЕ СКИДКИ» (рис.8).

Трансформация прецедентных феноменов – языковая игра, активизирующая наше мета-языковое поведение, заставляющая обратить

внимание на то, как написан слоган. Перевод утилитарного поведения в семиотическое повышает вероятность того, что рекламный текст не будет «проглочен на ходу». Именно этот эффект обуславливает широко распространенную тенденцию карнавализации языка [1. С. 59].

Список литературы

1. Высоцкая, И. В. Типология способов трансформации прецедентного текста в газетном заголовке / И. В. Высоцкая, Е. Ю. Перфильева // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. – 2010. Т. 9, Вып. 6 : Журналистика. – С.56–65.
2. Щурина, Ю. В. Прецедентные элементы в структуре малых речевых жанров комического / Ю. В. Щурина // Российский лингвистический ежегодник. – 2006. – Вып. 1(8). – Красноярск, 2006. – С. 77–85.

А. Н. Безруков

*Башкирский государственный университет, Бирский филиал
(Бирск, Россия)*

ПОЭТИЧЕСКИЙ СТИЛЬ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДИСКУРС: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЙ

CORRELATING POETIC STYLE AND LITERARY DISCOURSE

В статье обозначена актуальность проблемы теоретической дифференциации категорий стиль и дискурс. Вопрос соотношения указанных понятий действительно может быть раскрыт в теории рецепции, в русле функционального подхода. В практической сфере художественного письма происходит конкретизация и уточнение индивидуально-авторского стиля и художественного дискурса.

The paper outlines the relevance of theoretical differentiation of categories of style and discourse. Relation between these concepts can be uncovered in the framework of a functional approach and the theory of reception. Artistic writing specifies and clarifies an author's individual style and artistic discourse.

Ключевые слова: стиль, художественный дискурс, идиостиль, диалог, теория рецепции, автор, читатель.

Keywords: style, literary discourse, idiosyle, theory of reception, author, reader.

Научный диалог, связанный с разграничением / сближением категорий *стиль* и *дискурс*, на современном уровне представляется, несомненно, актуальным. В первую очередь это связано с тем, что теория лингвистических

учений вновь закрепляет методологически верный, на наш взгляд, тезис Ф. де Соссюра о структурном (иерархическом) строении языка. По природе практической реализации язык есть деятельность: ситуативная, функциональ-

ная, смыслоформирующая. Язык, как никакой другой феномен социального порядка, может столь масштабно реализовать сверхзадачу общества – познание мира и человека в пространстве онтологических связей. Замещение языка другими формами познания метафизического космоса ограничивает человека, лишает его перспективных связей. Осознание и принятие языка как общеважной сферы и организует реальную действительность существования человека. Создание максимально удобных правил проявления наличного в мире и есть языковая компетенция.

В современной лингвистике все более статусно выражается мысль о том, что стиль есть лишь атрибут текста, дискурса. Это некое свойство, определяющее развитие / становление наличной структуры, независящее буквально от воли создателя, автора языкового конструкта. Функциональная стилистика порой подходит к данной проблеме только ситуативно, без учета индивидуально-авторских интенций, которые, следует полагать, и могут позиционировать *стиль*, в отличие от *дискурса*, более сложным образованием. В работах В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, М. Н. Кожинной и ряда других исследователей есть намек на то, что стиль – не набор элементов, не тип / способ создания текста, не общепризнанная норма, он шире, объемнее, значимее. Вероятнее всего, под стилем следует понимать особый склад деятельных, вероятностных процедур: сознательных, бессознательных, коннотативных, денотативных, собственно лингвистических и экстралингвистических.

Яркое свидетельство срабатывания указанного комплекса очерчено в практике художественного письма. Именно творческая работа писателя / сценариста позволяет не столько опредметить (визуализировать) мир наличной действительности, сколько придать языковой картине действенный, процессуальный, дискурсивный статус. Постигание законов сущностного изменения реальности посредством языка известно в должной мере еще с античности. Слово – природно-диалогическая форма, оно рассматривалось в древности как культурно-исторический концепт (например, важность слова достаточно очевидна в мифе). В слове знаково отражена мировоззренческая позиция человека, его мировоззренческий комплекс и страсть к со-существованию с целым / неделимым, одновременно с этим, стремление преодолеть форму и достигнуть естественности мыслепотока. Интенциональная природа сло-

ва / текста и сращивает действительность мира с формой / языком. Социальная задача *текста* как комбинации знаков – целенаправленное действие во временном срезе, его сверхактивность – модусная реализация в сознании говорящего / пишущего.

Художественный дискурс и дискурс собственно языковой отличаются, в первую очередь, тем, что последний существеннее очерчен, либо бытийно формализован. Об этом говорит то, что языковая среда (минус явление образности) не дает буквально расширить границы смысла слова / фразы, ибо будет потерян основной (ведущий) план воспроизведения (понимания). Утратив связь с «реальностью», наличный языковой дискурс потеряет, по определению, свое первичное предназначение – передача информации. Анализ коммуникативных единиц требует ракурсного видения. Языковой факт, принятый за точку отсчета, вслед за Ф. де Соссюром, Э. Сепиром, Л. Ельмслевым, да и другими теоретиками, дифференцирован на собственно языковое оформление (*langue*) и речевую подачу (*parole*) [6. С. 224]. Базисной в указанной позиции оказывается коммуникативная среда, формируемая совмещением указанных граней: автор (отправитель сообщения) соотносится с фигурой получателя (рецептивная сторона), сферой же наибольшего взаимодействия (контакта) становится дискурсивная, текстовая практика (вариант, парадигма), с характерными приметами иерархии (деиерархии), зависимости от ситуации «диалога», формами (приемами) реализации указанного процесса. Именно такой дискурсивный оборот можно анализировать как фактурно-сложившееся целое, наделенное смыслом, и, одновременно с этим, имеющее координационную квази-точку, условное ядро со спектром вариаций преломления рецептивного пути.

В художественном дискурсе говорит особый слой – воплощение *внутренней формы*, ее реализация в модели контакта: «автор – текст – читатель». Данная модель позволяет как воспринять текст, так и его оживить, дать возможность целостного (дальнейшего) движения в литературном процессе. Соответственно, составляющей парадигмальной коммуникации в дискурсе языковом является не предполагаемая ситуация перспективного диалога (автор – читатель), но непосредственный контакт конструкций (текст – текст, знак – знак), и наоборот – дискурс художественный, помимо связи «текст – текст», расширяет мыслимое поле до «текст – сфера культуры – реципиент»,

где и автор, и читатель являются значимыми доминантами смысловой реализации языка. Текстовый анализ в современном понимании, сближаясь с интерпретативными процедурами, ориентирован на изучение готового знака (произведения) и процессов его порождения. Наиболее адекватным для текстового анализа является движение по наличной структуре организованного языка. В практике постмодернизма язык определяется игровым характером знаков и представлений; подвижностью связей между означающим и означаемым; возникновением новых, контекстных значений; раскрытием смысловой структуры произведения в культурное поле.

Авторский идиостиль и поэтический дискурс писателей (в частности, конца XX века, постмодернистов) балансирует одновременно на грани точки сближения / расторжения *личного* и дискурсивно-текстологического, *общего*, недетерминированного. Демиургическая авторская фигура порой нивелируется, стирается контур ее предметного существования. Язык, речевая практика, художественное слово принципиально работают на формирование концептосферы, некоего образования массового, общестатусного порядка. Семантическое зияние, смысловой шум, эффект вероятностного рождения нового текста определяется событием дискурса либо текстовой жизни. Сохраняя порядок языка, соблюдая правила речевой активности, писатель не только помнит о читателе / реципиенте, он стремится предугадать исход желаемого. Результатом активной читки, принятия для себя текста становится выход к смысловому многообразию. Условная реальность произведения, кажимость, иллюзия и есть дискурсивный эксперимент.

Художественная наррация в тексте зависит от онтологически свободной деятельности писателя. И все же «поэтическая картина мира, тоже имеющая системный комплексный характер, наряду с общими объективными закономерностями, детерминирована личностью автора, особенностями его образного мышления, мировосприятия, лексикона, семантикона, прагматикона» [2. С. 21]. Авторский выбор методов и приемов создания условной миромодели позволяет читателю проецировать свое видение не только на индивидуальную стилистическую манеру, но и устанавливать главенство рецепции дискурса, растворяя тем самым эмпирику индивидуального в имманентном. «Стиль литературы не исчерпывается художественным языком, не сводится к речевому сти-

лю, он охватывает все элементы формы литературного произведения в их обусловленности содержательными факторами» [7. С. 195]. Авторский стилеобразующий код способствует намеку на проекцию читательского сознания, является в условиях письма также и способом восприятия наличного текста. Рождение дискурсивной фазы происходит в результате взаимосцепления креативного и рецептивного, создающего (определяющего) и воспринимающего (формирующего). Коммуникативная составляющая в данной модели зависимостей и становится разграничителем стиля и дискурса.

Продолжая развивать идеи М. Н. Кожиной о соотношении понятий стиля и дискурса в русле собственно лингвистического подхода, «можно говорить о том, что демаркационная линия между стилем и дискурсом проходит по оси членения коммуникативного пространства: дедуктивно, сверху вниз в первом случае, индуктивно, снизу вверх – во втором; в соответствии с фундаментальной онтологией языка / речи – в первом, в соответствии с вариативностью и поливалентностью эмпирического освоения языка / речи – во втором» [5. С. 24]. Данный ракурс трактовки говорит не о плоскостно-линейной модели развития / становления стиля и дискурса, но о некоем их сферическом начале, влияющем на транспозицию восприятия коммуникации.

Звеньевой состав языкового контакта формально разбит на роли, *модели поведения*. Дифференционная рамка стиля и дискурса, вероятно, может быть опредмечена транс- / металингвистическими вариациями: «метакоммуникация в самых общих чертах составляет ту часть общения, которая направлена на самое себя, на общение в целом и его различные аспекты: языковую ткань дискурса, его стратегическую динамику, структуру обменов и транзакций – фаз интеракции, смену коммуникативных ролей, представление тем, взаимодействие с контекстом...» [4. С. 197]. Структурно-лингвистическое описание дискурса предполагает его фрагментацию и направлено на освещение наличных текстовых особенностей. Имеются в виду содержательно-формальная *связность* дискурса, способы *трансформации* темы, *модальные* ограничители, большие и малые текстовые блоки, дискурсивный полилог как общение одновременно на нескольких уровнях сферы текста. Дискурс как когнитивно-семантическое явление изучается в виде фреймов, сценариев, ментальных схем, когниотипов, т. е. различных моделей репрезентации

ЯЗЫК / ТЕКСТ	ПОЭТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС	СТИЛЬ
<i>Формален</i>	<i>Потенциально множествен</i>	<i>Конкретен</i>
<i>Объективен</i>	<i>Не объективирован</i>	<i>Субъективен</i>
<i>Имеет системный характер</i>	<i>Сферически организован</i>	<i>Асистемная организация</i>
<i>Наличен</i>	<i>Процессуален</i>	<i>Ситуативен</i>
<i>Номинально ограничен</i>	<i>Стремится к формату проекции смысла</i>	<i>Образует единое целое мыслепотока</i>
<i>Имеет кодовый статус</i>	<i>Имеет знаковую природу</i>	<i>Перспективно кодируется</i>

общения. Все указанные грани рассмотрения, так или иначе, касаются наличной структуры, структуры-факта. «При таком подходе погруженность в текстовый объем с приближением к смыслу высказывания (может, даже рецепции стиля) остается за кадром» [1. С. 57-58]. Целесообразной позицией анализа дискурса является не столько наблюдение за налично-знаковой и структурно-организованной схемой, сколько идентификация процесса моделирования. Соотношение стиля и дискурса может быть очерчено параметрическими свойствами.

С позиции диалога структура *текст* ↔ *дискурс* можно представить таковой, где первое может обозначать структуру, продукт, статику, ирреальность, второе же – функцию, процесс, динамику, актуальность. Процесс создания текста-реальности (графическая фиксация стиля) и дискурс-практики возможен только при наличии движения в пространстве художественного творчества. Акт коммуникации предоставляет свободу как форму выбора. Текст-объект, в отличие от дискурса, есть форма, замкнутая в себе, лишенная общего перераспределения смыслов. Ограничение свобод – обязательное условие существования текста-факта. Дискурсивная же практика обладает объемом, в котором цельность расширяется до уровня сферы и, в свою очередь, наполняется нескрытыми значениями.

Таким образом, исходя из вышесказанного, если предположить, что «стиль – это предлагаемая в рамках литературного языка модель успешной социальной коммуникации, регламентируемая набором эталонных черт (нормы стиля), то стиль становится обязательной формой реализации авторского послания адресату. Стиль становится составным элементом дискурса» [3. С. 32]. Следовательно, можно говорить о сферической форме дискурса, подчерки-

вая тем самым индивидуальный аспект стиля. Дискурс начинает формироваться, опредмечиваться под воздействием стилевых примет. В практике художественного письма происходит сбив и смешение идиостилей (примером этому может быть литературная традиция, преемственность, диалог авторских сознаний). Сложно-параметрическое сближение стиля и дискурса онтологически проецирует смысл в наличную текстовую среду и формирует единое целое мыслепотока.

Список литературы

1. Безруков, А. Н. Рецепция художественного текста: функциональный аспект / А. Н. Безруков. – Wrocław: Фонд «РПИ», 2015. – 300 с.
2. Болотнова, Н. С. Ассоциативное поле художественного текста как отражение поэтической картины мира автора / Н. С. Болотнова // Вестник ТГПУ. Серия: Гуманитарные науки (Филология). – 2004. – № 1(38). – С. 20-25.
3. Клушина, Н. И. От стиля к дискурсу: новый поворот в лингвистике / Н. И. Клушина // Язык, коммуникация и социальная среда. – Вып. 9. – Воронеж, 2011. – С. 26-33.
4. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М., 2003. – 280 с.
5. Орлова, О. В. Проблема соотношения понятий стиля и дискурса в лингвистике начала XXI в. в контексте идей М.Н. Кожинной / О. В. Орлова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2013. – № 4 (24). – С. 19-25.
6. Сепир, Э. Язык / Э. Сепир // Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 2002. – С. 223-248.
7. Соколов, А. Н. Теория стиля / А. Н. Соколов. – М., 1968. – 224 с.

Е. Е. Белова, В. А. Минасян

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина
(Нижний Новгород, Россия)

ИНТЕРТЕКСТ В ПРОИЗВЕДЕНИИ М. ОНДААТЖЕ “THE ENGLISH PATIENT”

THE ENGLISH PATIENT» INTERTEXT IN THE NOVEL “THE ENGLISH PATIENT” BY M. ONDAATJE

В данной статье анализируется произведение М. Ондаатже “The English Patient” с точки зрения интертекстуальности. Межкультурный диалог, созданный посредством интертекста, обогащает произведение, способствуя его уникальности. Интертекстом в данном романе послужили отрывки из таких произведений, как “Kim” Р. Киплинга, “Histories” Геродота, “Jubilate Agno” К. Смарта, “Anna Karenina” Л. Н. Толстого, “Paradise Lost” Дж. Мильтона, “Annals” П. Тацита. Источником интертекста также послужили Библия, мифология и распорядительные документы. Многочисленный интертекст, фрагментарная композиция, герои, основанные на реальных прототипах, заключают в себе художественное своеобразие книги.

This article contains the analysis of the novel “The English Patient” by M. Ondaatje from the point of view of intertextuality. Intercultural dialogue created with the help of intertext enriches the novel, contributing to its uniqueness. The sources of intertextuality are extracts from such books as “Kim” by R. Kipling, “Histories” by Herodotus, “Anna Karenina” by L.N. Tolstoy, “Paradise Lost” by J. Milton, “Annals” by Tacitus, as well as the Bible, mythology and administrative documents. Numerous and various intertexts, fragmented composition, characters based on real prototypes embody the artistic originality of the book.

Ключевые слова: интертекстуальность, интертекст, первичный текст, межкультурный диалог, интерпретация, эрудиция.

Keywords: intertextuality, intertext, primary text, intercultural dialogue, interpretation, expertise.

Интертекстуальность как объект исследований уже давно привлекает внимание как лингвистов, так и литературоведов. Интертекстуальность чаще всего трактуется как связь между двумя художественными текстами, принадлежащими разным авторам и во временном отношении определяемыми как более ранний и более поздний [3. С. 51].

Понятие интертекстуальности появилось в XX веке, в эпоху постмодернизма. Одной из главных идей постмодернизма является децентрированность вселенной, где произведение индивида не является изолированным творением. Таким образом, целесообразно говорить о большом значении и влиянии интертекстуальности на литературу постмодернизма.

Роман Майкла Ондаатже “The English Patient” является одним из ярких примеров произведений данной эпохи, где интертекст раздвигает временные рамки, способствуя межкультурному диалогу целых столетий. В настоящем исследовании роман рассматривается с точки зрения интертекстуальности и являет собой первичный

текст, т.е. текст, содержащий интертекст. Одной из важнейших характеристик интертекста как способа построения художественного текста является многофункциональность. Именно это явление расширяет культурное пространство текста, пробуждая ассоциации. Включаясь в тот или иной художественный текст, интертекст становится фактом нового художественного произведения и, по мнению В.В. Балабина, элементом, позволяющим первичному тексту приобретать новые характеристики [1. С. 78].

Одним из самых значимых интертекстов в произведении М. Ондаатже является роман “Kim” Р. Киплинга, и читатель не раз сталкивается с упоминанием данного произведения:

She sat at the night table, hunched over, reading of the young boy in India who learned to memorize diverse jewels and objects on a tray, tossed from teacher to teacher – those who taught him dialect those who taught him memory those who taught him to escape the hypnotic [5].

Очевидным представляется параллель между главным героем-индусом Кимом О’Хара из

произведения Р. Киплинга, и возлюбленным Ханы, также индусом, Кипом. Уместным является предположить, что имя данного героя не вымышлено, а неким образом составлено на основе фамилии известного английского писателя Р. Киплинга. Невозможно не отметить сходство в биографии писателей – М. Ондаатже, автора романа *“The English Patient”*, и Р. Киплинга, родившихся в Индии и переехавших в Англию по воле обстоятельств.

Главная героиня романа *“The English Patient”* Хана читает строки из романа *“Kim”* английскому пациенту, который внимательно слушает, «впитывая» её слова. Порой граф Олмаши, английский пациент, останавливает Хану и просит читать помедленнее, учитывая те естественные паузы, в которые автор, скорее всего, отвлекается на пение птиц:

Read him slowly, dear girl, you must read Kipling slowly. Watch carefully where the commas fall so you can discover the natural pauses. He is a writer who used pen and ink. He looked up from the page a lot, I believe, stared through his window and listened to birds, as most writers who are alone do [5].

Данный отрывок косвенно выражает чувство уважения М. Ондаатже к Р. Киплину.

Дочитав роман до конца, Хана берет книгу пациента, в которую вклеен тонкий листок, вырванный из Библии:

King David was old and stricken in years and they covered him with clothes but he received no heat.

Whereupon his servants said, Let there be sought for the King a young virgin: and let her cherish him, and let her lie in this bosom, that our King may have heat.

So they sought for a fair damsel throughout all the coasts of Israel, and found Abishag a Shunammite. And the damsel cherished the King, and ministered to him: but the King knew her not [5].

Процитированный стих Ветхого Завета является ярким примером библейского интертекста с явно выраженным сходством его сюжета с произведением М. Ондаатже. Молодая девушка Хана один раз в четыре дня обмывает обгоревшее тело английского пациента. Смочив холодной водой салфетку, девушка аккуратно прикладывает её к телу мужчины, чтобы его охладить, в то время как в Ветхом Завете царя Давида никто и ничто не может согреть, кроме молодой девушки. Ни английский пациент, ни царь Давид не позволили себе прикоснуться к выхаживавшим их девушкам.

Одним из значимых интертекстов в данном романе является отрывок из поэмы *“Jubilate Agno”*, написанный английским поэтом Кристофером Смартом во время пребывания в сумасшедшем доме. М. Ондаатже не упоминает имени английского писателя, тем самым сохраняя атмосферу таинственности и неизвестности:

“For echo is the soul of the voice exciting itself in hollow places.” A man thought to be sullen and mad had written that sentence down in an English hospital [5].

Данная цитата осмысливается английским пациентом во время его раздумий о том, насколько изменилась его жизнь. Он хорошо помнит, как, рассыпав на лужайке колоду карт лицом вниз, тетя учила его играть. А теперь, помогая бедуинам, которые его спасли после крушения самолета, он находил на ощупь подходящие патроны для каждого типа пулемета и разряжал их в воздух, вызывая такие же эмоции у зрителей, какие он вызывал у своей тетушки, подбрасывая карты в воздух. Передавая идею того, что эхо – это душа голоса, Олмаши говорит о поступках, как о душе человека. Эхо – это отражение голоса, действия же являются отражением души. Тот факт, что английский пациент, преодолевая боль, стрелял из пулеметов своими обгоревшими руками, передает тяжелые жизненные испытания главного героя.

Учитывая то, что поэма *“Jubilate Agno”* вышла в свет в 1763 году, а роман *“Kim”* был написан Р. Киплингом в 1897 году, с уверенностью можно говорить о диалоге столетий, построенном М. Ондаатже. Итак, одной из явных особенностей интертекста является связь первичного текста с «чужими» произведениями.

Необходимо отличать интертекст от метатекста, суть которого заключается в саморефлексии автора, в замкнутости произведения на себе. Важнейшая роль метатекста осуществляется при выражении авторского отношения к собственному творению, его комментировании и осмыслении. А. С. Гавенко пишет о таких метатекстах, которые отсылают читателя к «чужим текстам» и называет их «экзогенными» (от греч. *exo* – «вне, снаружи» + *genes* – «порождаемый») [4. С. 40]. Экзогенные метатексты отличаются от интертекста тем, что в них предусматривается оценка, пояснение и комментирование интертекста. Метатекст заставляет читателя распознавать скрытую вторичность какого-либо текста в первичном. Метатекстом может, например, считаться авторская интерпретация мифа о царе Кандавле.

Любовь к Кэтрин Клифтон у Олмаши возникает в тот момент, когда она читает строки Геродота о лидийском царе Кандавле и его царице. Царь Кандавл был больше чем страстно влюблен в свою жену и решил доказать всем, что его жена – самая прекрасная из всех женщин. Царь описал её красоту одному из своих оруженосцев Гигесу и предложил ему взглянуть на неё обнаженной, чтобы убедиться в этом. Кандавл спрятал Гигеса в их спальне, но царица увидела его, когда тот выходил из спальни. На следующий день жена царя позвала Гигеса к себе и поставила его перед выбором: убить царя, опозорившего её, и владеть ею и Лидийским царством или быть убитым, – и царь был убит.

Олмаши называет данную историю, рассказанную Кэтрин, окном в её собственную жизнь. Джеффри Клифтон, муж героини, восхищался своей женой и разрешал восхищаться ею другим. Тем самым он сам позволил Кэтрин оказаться в объятиях Олмаши. Джеффри погиб, пытаясь отомстить графу, сбив его на самолете. Небольшой грузовой «Мотылек», не долетев до точки назначения, потерпел крушение. Итак, история любви двух героев романа может считаться «экзогенным метатекстом», построенным на основе мифа о Кандавле и его царице.

М. Ондаатже прибегает к разным способам выделения интертекста из первичного текста. Интертексту может предшествовать название книги, из которой он взят:

I carried Herodotus, and Madox – a saint in his own marriage – carried «Anna Karenina», continually rereading the story of romance and deceit. One day, far too late to avoid the machinery we had set in motion, he tried to explain Clifton's world in terms of Anna Karenina's brother. Pass me my book. Listen to this:

Half Moscow and Petersburg were relations or friends of Oblonsky [5]...

Ссылка на первичный текст может быть дана автором после интертекста:

I begin my work at the time when Servius Galba was Consul ... The histories of Tiberius, Caligula, Claudius and Nero, while they were a power, were falsified through terror and after their death were written under afresh hatred.

So Tacitus began his "Annals" [5].

Прямая отсылка автора к названию книги, из которой взяты строки, способствует распознаванию читателем интертекста. Полное понимание и узнавание интертекста влечет за собой возможность интерпретации первичного текста.

Следует учесть, что на некоторые интертексты прямых ссылок не дается. Чтобы их распознать читателю необходимо обладать определенными знаниями и эрудицией, например, знанием эпической поэмы Джона Мильтона *"Paradise Lost"*:

*These then, though unbeheld in deep of night,
Shine not in vain, nor think, though men were none,*

That Heav'n would want spectators, God want praise;

*Millions of spiritual Creatures walk the Earth
Unseen, both when we wake, and when we sleep:
All these with ceaseless praise his works behold
Both day and night [5]...*

Отрывок, прочитанный Кэтрин, заставляет Олмаши влюбиться в её прекрасный голос. Сидя у костра, он рассматривает ее классические черты лица и задумывается о том, что поэзия прекрасна только из её уст.

Особого рода цитатой в художественном тексте, заимствованием, следовательно, и интертекстом в произведении выступает эпиграф. Он вступает в тесные связи с новым окружением, но в то же время с ним не сливается, сохраняя семантические связи с исходным текстом. Эпиграфом к данному произведению служит отрывок из протокола заседания британского географического общества, где говорится о смерти четы Клифтонов:

Most of you, I am sure, remember the tragic circumstances of the death of Geoffrey Clifton at Gilf Kebir, followed later by the disappearance of his wife, Katharine Clifton, which took place during the 1939 desert expedition in search of Zerkura. I cannot begin this meeting tonight without referring very sympathetically to those tragic occurrences. The lecture this evening... (From the minutes of the Geographical Society meeting of November 194-, London) [5].

В данном эпиграфе имена семьи Клейтонов, послуживших реальными прототипами героев романа М. Ондаатже, были заменены на вымышленные имена четы Клифтонов [2]. Противопоставление документа и художественной литературы, по мнению П. С. Ежова, носит политический характер.

На основе реального существующего человека также был создан образ главного героя, его прототипом послужил венгерский граф Ладислос де Олмаши, свидетельства о котором полны домыслов. М. Ондаатже восполняет их с помощью художественного переосмысления его судьбы в своем романе.

Произведение канадского писателя М. Он-

даатже *"The English Patient"* характеризуется отказом от истинного понимания реальности, многообразием идей, образов и значений. Таким образом, фрагментарная композиция, часто встречающийся интертекст, герои, основанные на реальных прототипах, в полной степени определяют художественное своеобразие романа. Творчество канадского писателя представляет собой самостоятельную художественную ценность, возникающие значимые явления в котором заслуживают дальнейшего рассмотрения и изучения.

Список литературы

1. Балабин, В. В. Метатекстуальность и интертекстуальность в исследовании дискурса //

Вестник МГИМО Университета. – М., 2008. – № 2. – С. 77–82.

2. Ежов, П. С. Художественное своеобразие прозы М. Ондаатже: Эволюция творчества: Дисс. ... на соиск. учен. степ. канд. филол. наук: (10.01.03) / П. С. Ежов – Н. Новгород: Нижегород. гос. лингвист. ун-т им. Н.А. Добролюбова, 2003. – 191 с.

3. Интертекстуальность как лингвистическая проблема/ Ю. П. Солодуб // Филологические науки. – 2000. – № 2. – С. 51–58.

4. Метаинтертекстуальность в художественном тексте А. С. Гавенко// Филология и человек. – 2011. – № 2. – С. 36–48.

5. Ondaatje, M. *The English Patient*. – L.: Picador, 1993. – 307 p.

А. В. Белозерцев

*Шадринский государственный педагогический институт
(Шадринск, Россия)*

ПОВТОР ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК МЕХАНИЗМ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

UTTERANCE REPETITION AS A CONCEPTUALIZATION TOOL

Данная статья посвящена рассмотрению одного из механизмов концептуализации – повтора высказывания. Приводятся различные определения понятия «концепт». Анализируется сущность концептуализации. Сравниваются понятия «понимание» и «представление». Устанавливается их взаимосвязь с понятием «концепт» и между собой через явление «концепт». Моделируются иллюстрационные коммуникативные ситуации для демонстрации различных целей использования повтора высказывания как механизма концептуализации.

The paper studies one of conceptualization tools, that is repetition of an utterance. Various definitions of the notion "concept" are drawn. The essence of conceptualization is analyzed. The notions "understanding" and "idea" are brought into comparison. There is a link set between them through the notion of "concept" and of them to the phenomenon of "concept". Illustrative communication situations are modeled to show various purposes of using repetition of an utterance as a conceptualization tool.

Ключевые слова: концепт, концептуализация, понимание, представление, повтор.

Keywords: concept, conceptualization, understanding, idea, repetition.

Эффективность коммуникации зависит от многих внутренних и внешних факторов. Например, отсутствие общего кода как языковой системы, которой обладают все включенные коммуниканты, вынуждает компенсировать разницу доступных им кодов за счет переводческого посредничества. Тем самым эффективность взаимодействия максимизируется, но при этом необходимо обеспечить надле-

жащие условия коммуникативного контакта. Если работа переводчика происходит в удаленном формате, опосредована техническими средствами и лишена прямой перцепции, то возникает больше рисков коммуникативного диссонанса, нежели в условиях личностной представленности участников коммуникативной ситуации. Наличие возможности своевременного уточнения и консолидации содержа-

ния сообщений, которыми обмениваются коммуниканты, способствует увеличению степени эффективности сотрудничества. Данная статья посвящена рассмотрению внутренних причин такого внешнего фактора эффективности коммуникации, как уровень тождественности исходного, текущего и конечного понимания используемых языковых и неязыковых знаков, а также уровень доступности представлений о денотате этих знаков между людьми, вступающими в коммуникативное взаимодействие.

Приступая к анализу содержательного аспекта указанного фактора, следует, прежде всего, уточнить, что мы подразумеваем под терминами «понимание» и «представление».

Вслед за авторами краткого словаря когнитивных терминов, мы определяем, что понимание – это «когнитивная деятельность (разновидность речевой деятельности), результатом которой является установление смысла некоторого объекта (обычно текста или дискурса)» [4. С. 124]. Важную роль для наших рассуждений играет разграничение понимания как деятельности и как результата. Мы будем оценивать, что является предметом этой деятельности и какой новый ее предмет возникает по ее завершении. Кроме того, считаем целесообразным отметить прагматическую ориентированность результата когнитивной деятельности понимания, поскольку смысл объекта привязывает этот объект к действительности, а конкретно в рамках данной статьи – к коммуникативному взаимодействию.

При раскрытии содержания термина «представление» мы опираемся на определение Г. Фреге и трактуем это понятие как индивидуальный внутренний образ какой-либо вещи, возникающий в сознании человека «в результате деятельности, физической и мыслительной, связанной с этой вещью» [6. С. 356]. Для последующего развития нашей концепции существенно подчеркнуть, что у каждого индивидуума возникают и некоторое время хранятся свои представления об объектах окружающего мира, но, кодируясь во время коммуникативного акта в сообщение, они сталкиваются с представлениями другого индивидуума, соплагаются и уравниваются с ними, замещают их или замещаются сами. Происходит обмен представлениями или их смена.

Как могут быть связаны между собой понимание и представление? Нам видится, что деятельность понимания направлена на соотнесение различных представлений. Конечной прагматической задачей этого является уяс-

нение намерений, как своих, так и чужих, их сопоставление с окружающей действительностью для удовлетворения имеющихся потребностей. Однако для этого необходим некий универсальный материал, позволяющий конвертировать представления между собой. Полагаем, что соответствие между смыслом от понимания и индивидуальным образом можно установить через категорию «концепт», то есть универсальным материалом, из которого строятся индивидуальные представления и, вместе с тем, который позволяет выходить за их рамки, являются концепты. Из них складывается ситуативно-обусловленный смысл, они составляют структуру условно-постоянных представлений.

Сравнивая различные определения понятия «концепт», можно обнаружить подтверждение отмеченной нами связи между пониманием смысла и представлением о мире. Так, В.З. Демьянков рассматривает концепты как «элементарные единицы результата понимания» [2. С. 44]. В то же время, Дж. Лайонз определяет концепт как некий четко выделяемый отдельный смысл, имеющийся в сознании человека [5. С. 96]. А. В. Кравченко понимает концепт в качестве комплекса психических ассоциаций [3. С. 10]. Наиболее развернутое определение находим в кратком словаре когнитивных терминов: единица «ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [4. С. 89–90]. Таким образом, концепты стабильно хранятся в психике, сознании человека и возникают в процессе когнитивной активности, накопления опыта.

Мы рассматриваем коммуникативный аспект социального взаимодействия, сосредотачивая внимание на совместном понимании коммуникантами окружающей действительности для удовлетворения индивидуальных и общих интенций, их совместном приобретении опыта и взаимно-обоюдном формировании ментальных ресурсов своего сознания и информационной структуры целостной коммуникативной ситуации. Необходимо проанализировать, как возникают концепты, за счет чего происходит их новообразование и преобразование.

С. Ю. Богданова, отталкиваясь от определения концептуализации как процесса структуризации знаний [4. С. 93; 2. С. 44], в рамках своего

диссертационного исследования развивает эту мысль и говорит о трех параллельно выполняемых операциях концептуализации [1. С. 80]. Первая – «выделение относительно простых концептуальных составляющих общего представления об объекте» – в частности раскрывает принцип возникновения концептов. Вторая – «выявление отношений и взаимосвязей между концептами» – поясняет системный потенциал изменения и замещения концептов. Третья – «определение степени важности каждой составляющей в формировании представления об объекте» – описывает причины индивидуальности представлений каждого отдельно взятого человека. Таким образом, в современной лингвистике именно концептуализация воспринимается как источник возникновения концептов – это «один из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающийся в осмыслении поступающей к нему информации и приводящий к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу (психике) человека» [4. С. 93].

Попробуем смоделировать коммуникативную ситуацию, требующую, но не получающую своевременной концептуализации. Представим себе практическое занятие по предмету «трактора» в некоем профессиональном училище. Несогласному с поставленной оценкой студенту преподаватель дает контрольное задание: принести с территории ангара запчасть деталь под названием «бугель», что позволит изменить оценку «хорошо» на оценку «отлично». В представлении преподавателя и студентов, успевающих на «отлично», бугель – это задний мост гусеничного трактора ДТ-75, деталь весом более тонны. Оспаривающий свою оценку студент, не владеющий соответствующим концептом, приступает к выполнению задания и, естественно, не справляется с поставленной задачей, но в первую очередь – из-за ментального пробела, а не в силу физически ограниченных способностей человека. В результате, из воспитательных побуждений, оценка «хорошо» меняется на оценку «удовлетворительно» – ситуация не перестает быть в некотором роде конфликтной, но приобретает нотки комизма. Конечная же вербальная концептуализация подкрепляется мощным невербальным ресурсом предметно-действенной концептуализации. Все студенты, в конечном счете, прочно владеют концептом «бугель».

Со временем приобретает дальнейший жизненный опыт, и участвовавшие в смодели-

рованной коммуникативной ситуации студенты встречаются с иными денотатами слова «бугель», например: устройство для буксировки горнолыжников в гору; металлическая ступенька в хвосте мотоцикла/скутера для предотвращения переворачивания при трюковой езде; металлическое кольцо на мачте корабля для крепления снастей (URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Бугель>). Исходный концепт остается прежним, но возникают и новые концепты, закрепленные за языковым знаком «бугель».

Существует много механизмов концептуализации. Мы затронули два основных, поверхностных механизма: словесное объяснение содержания знака и предметно-наглядную презентацию денотата знака. В ограниченных рамках статьи хотелось бы обратить внимание на механический повтор знака как один из механизмов, одно из средств концептуализации. Он представляется особенно интересным в силу своей многогранности использования, большого количества вариантов коммуникативной направленности. Рассмотрим некоторые из них.

Во-первых, может состояться механический повтор высказывания адресанта адресатом, когда смысл этого высказывания кажется не вполне понятным, предпринимается попытка уяснить смысл, осознать представление адресанта и связь представления с коммуникативной ситуацией. Например, высказывание «Он придет послезавтра» может прозвучать повторно после целого сообщения о прибытии общего знакомого. Таким образом реципиент сообщения повторно моделирует ситуацию, отсроченную во времени, чтобы соотнести соположенные концепты, представления и скоординировать смысловые узлы полученной информации, спрогнозировать дальнейшие действия.

Во-вторых, механический повтор высказывания зачастую происходит для акцентуализации концепта, представления или смысла, что позволяет выделить соположенные концепты и представления, спровоцировать мыслительную операцию реципиента. Например, то же высказывание «Он придет послезавтра» может быть повторно произнесено адресантом коммуникативной ситуации с целью побудить состояние готовности адресата к определенным действиям или к выполнению этих действий. В этом случае мы вновь сталкиваемся с альтернативным, ситуативно-обусловленным, контекстуальным содержанием одного и того же знака, которое необходимо создать в сознании реципиента.

В-третьих, механический повтор высказывания встречается в строго регламентированных, субординативных отношениях, таких как служебная иерархия, подчинение. Например, высказывание «Вернуться к обязанностям дневального» может звучать повторно после метакommunikативного знака «есть». В результате комплекс «Есть вернуться к обязанностям дневального» призван актуализировать в сознании старшего по чину регулярный концепт о правильном восприятии указания и надлежащем исполнении режима сотрудничества. С точки зрения новизны концепта, можно оспорить статус такого процесса как концептуализации, но если представить ситуацию, когда происходит отклонение от регламента в силу каких-либо обстоятельств, то мы получим прецедентные условия коммуникации. Возникает концепт, требующий осмысления. Таким образом, каждый раз озвучивание высказывания типа «Есть вернуться к обязанностям дневального» формирует антиконцепт об отсутствии прецедента, но, в широком смысле, это – также концепт.

В-четвертых, адресатом и адресантом сообщения может быть один и тот же человек. Например, в процессе создания данной статьи мы первоначально сами являемся и адресантом, и адресатом. Не сложно заметить и представить, что, например, фраза «адресатом и адресантом сообщения может быть один и тот же человек» звучит несколько раз в процессе создания текущего текста. Ее повтор провоцирует создание нового смысла, реализуемого во многом через вновь появляющиеся концепты, подлежащие использованию в потенциальной последующей дискуссии на эту тему. Это лишь один из возможных примеров автоадресации. Существует огромное количество других вариантов интенции, которая заставляет человека повторять высказывание самому себе, создавая новые концепты (например, репетиция выступления).

Приводимый перечень отнюдь не исчерпывается перечисленными видами коммуникативной направленности механического повтора высказывания. Можно найти или смоделировать еще несколько условий, в которых он уместен для активации концептуализации. На-

пример, повтор адресатом высказывания адресанта с целью обратить внимание на концепты, не замеченные самим автором сообщения, актуализированные им непроизвольно, ненамеренно. В этой статье мы не ставим перед собой цель на данный момент сформировать исчерпывающий перечень вариантов концептуализации за счет механического повтора высказывания. Мы хотим лишь обратить внимание читателя на данный вопрос, требующий более глубокого анализа и рассмотрения. Затронуты лишь ситуации повтора высказываний в межличностной коммуникации. Повтору высказываний в публичной и массовой коммуникации можно было бы посвятить целые отдельные исследования (сравните, например, выступления оратора и рекламу).

Список литературы

1. Богданова, С.Ю. Концептуализация и реконцептуализация пространственных отношений: на материале английских фразовых глаголов : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / С. Ю. Богданова. – Иркутск, 2007. – 350 с.
2. Демьянков, В. З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке / В. З. Демьянков // Вопросы филологии, 2001. – № 1. – С. 35–47.
3. Кравченко, А. В. Гносеологический аспект семиоза в связи с проблемой языкового значения / А. В. Кравченко // Когнитивные аспекты языкового значения 2: Говорящий и наблюдатель: Межвуз. сб. науч. трудов. – Иркутск: ИГЛУ, 1999. – С. 7–17
4. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М. : Филол. фак. МГУ, 1996. – 245 с.
5. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Шк. «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
6. Фреге, Г. Смысл и денотат / Г. Фреге // Семиотика и информатика. – 1997. – Вып. 35. – С. 352–379.

А. Б. Бушев

Тверской государственный университет
(Тверь, Россия)

МИРОВЫЕ МЕДИА ОБ ИСЛАМИСТАХ

GLOBAL MEDIA ABOUT ISLAMISTS

Статья иллюстрирует дискурс глобальных СМИ по религиозным вопросам после исламистских атак во Франции и Дании 2015 года. Продемонстрирован подход критического анализа дискурса через выявление стереотипных и оценочных элементов дискурса. Обсуждается проблема межрелигиозного взаимодействия в условиях мультикультурного общества. Предлагаются меры по оптимизации языкового и культурологического образования.

The paper illustrates the global media discourse on religious issues after Islamist attacks in France and Denmark in the early 2015. Of interest is the approach of critical discourse analysis which is connected with interpretation of stereotyped and axiological elements in the discourse under study. The paper discusses the problem of interreligious communication in the multicultural society. The author suggests changes in the sphere of cultural upbringing.

Ключевые слова: культура, мультикультурализм, конфессиональная культура, коммуникация, исламисты, дискурс о терроризме.

Keywords: culture, multiculturalism, mosaic, confessional culture, communication Islamists, terrorist discourse.

Как мы уже отмечали в своих публикациях, любой социально-политический (идеологический) дискурс чрезвычайно широко использует штампы, клише, речевые стереотипы, эвфемизмы, избитые метафоры и эпитеты, языковые оценочные коннотации, неясность терминов, перенасыщенность (включаемую нами в семантико-синтаксическое явление сверхсатиации), определенные риторические приемы. Цель настоящей статьи – посмотреть на языковые особенности представления анти-террористического дискурса мировых медиа.

В связи с проблематикой мультикультурализма не может быть обойдена вниманием проблема межрелигиозного взаимодействия и просвещения. Беспрецедентна поддержка государств и людей всего мира, оказанная Франции, пережившей террористические атаки. События января 2015 года в Париже, террористические акты, обернувшиеся невиданным всплеском антимусульманских настроений и опасений новых антисемитских вылазок, заставляют нас обратиться к проблеме межкультурной толерантности.

Это – и проблема критического анализа дискурса. Посмотрим на материалы сайта Би-би-си, повествующие о негативном отношении к религии в блогосфере [2]. Оценим выделенную клишированную лексику.

*That Twitter account has been taken down. But there are concerns that some **Islamophobic content** remains online.*

Campaigners from the organisation Tell Mama, which monitors hate against Muslims online, sent Asian Network some examples.

“When events like Paris happen, what seems to happen is that people on social media sites have bigger discussions,” says Bharath Ganesh.

*“The language we’ve seen is extremely **derogatory** towards Muslims.*

*“Hashtags like #killallmuslims appear. Some Muslims used that hashtag to **highlight anti-Islamic sentiments** online.”*

‘Anger’

*Akeela says she understands where **the anger** stems from.*

“As we see more terrorist incidents globally, many people feel anger about terror attacks and they go online and use their medium to vent their anger. But, as a result, there is an increase in anti-Muslim sentiment generally.

*“On Facebook, it’s a problem too. There are some groups who **promote anti-Muslim sentiments**. It’s about dealing responsibly with these issues.”*

*Facebook and Twitter both urge **users to report anti-Islamic content**.*

120 000 сотрудников министерства внутренних дел и спецслужб заняты патрулированием французских городов, на улицы Парижа выведено 10 000 солдат и офицеров французской армии. Герою, спасшему людей во время атаки в кошерном супермаркете – мусульманину, выходцу из Мали – президент Франции досрочно предоставил французское гражданство. Кстати, после террора в первые дни 2015 года во французской столице, после многочисленных претензий к французским спецслужбам, вновь слышится апелляция к французской школе, не привившей достаточные уроки религиозной толерантности. Ведь Франция – светское (секулярное) государство со множеством религий.

Рассмотрим типичный масс-медийный дискурс глобальных СМИ, выделив типичные стереотипные элементы [2]:

In all the glowing coverage of France's 11 January march for Charlie, there was one omission which was understandable but revealing.

*No-one said it at the time, because they did not want to **puncture the euphoria of national unity**, but it is true nonetheless: **The banlieues** (city suburbs) were largely absent.*

While the rest of the country turned out in force to uphold the ideas for which the 17 died, very few attended from those parts of France that were most familiar to the killers.

*Evidently young people in the **high-immigration banlieues** were as shocked as everyone else by the murders.*

*But just as evidently, they did not **share in the majority mood**.*

*The absence of the **banlieusards** shows how the **gulf separating the out-of-town estates** from the rest of France is wider today than ever.*

*One of the Paris gunmen, Amedy Coulibaly, grew up **on a notorious estate** in the southern suburb of Grigny*

*Tens of thousands of third-generation immigrants from North and sub-Saharan Africa are now entering adulthood, and their **prospects are every bit as grim** as they were when the **famous riots** took place 10 years ago.*

*The worrying difference is that today **the Islamist temptation** is much more pronounced. Now for some young people, there is an alternative.*

*"They are lost, they have no compass, **they feel cast aside**," says Latifa Ibn Ziaten, mother of one of the victims of Toulouse killer Mohamed Merah, who now travels the country speaking at schools in the banlieues.*

*"**They are at the mercy of anyone who wants to indoctrinate them.**"*

При описании волнений в Париже 2005 года нами показано, что голос арабов и мусульман, сколь бы этого не хотели видеть правые политологи, все же входит как составная часть в голос протестующих, объединенных скорее требованиями, социальной базой, организацией, мобильной связью, образованием (низким), местом жительства, социальным статусом, резентментом. Так, левые старательно подчеркивают, что к потомкам иммигрантов присоединялись белые бедняки из французских окраин имеющие, впрочем, как и большинство современных потомков католиков, «остывающую религиозность» (white working-class post-Christian French).

Семантика номинации участников. Используется в зависимости от политической позиции средства масс-медиа или комментатора в ряду «восставшие – погромщики». Оценим характерные номинации – часть из них имеет положительные коннотации, часть нейтральна, часть имеет отрицательную характеристику. Сравним типичные номинации в их семантическом потенциале: *Sans-papiers, immigrants, rioters, extremists, gangsters, arsonists, attackers, young gangsters, protesters, gangs of youths, present-day brownshirt, blood-crazed goons*

Такова социальная база протестантов.

Посмотрим на представленность в дискурсе сакральных ценностей религий:

French Muslims disgusted by the shootings in Paris may nonetheless have reasons for not embracing the slogan "I am Charlie".

"For a Muslim, the Prophet Muhammad is more important than their own parents," says the young man I meet in Sarcelles, his face twisted with contempt for the caricatures Charlie Hebdo published.

*His friend, also 18, nods in agreement as we stand on a street in this **Paris dormitory town**, famous in France for its large Sephardic Jewish community.*

"They were warned but they kept on mocking the prophet," he continues. "But you cannot kill for that. You cannot go against press freedom in France. Still, they will have to answer to God."

*"Real Muslims condemn these attacks," adds a third man, 22 and also Muslim. "Those who committed them were insane. **The attack on the kosher supermarket was a catastrophe for France** and for the world. If you kill one man it is like you kill all of humanity. That is how we think."*

We stand chatting openly on the pavement but nobody wants to be identified.

Mistrust of the media runs deep since an

outburst of violence last July when police held rioters back from entering the town's Jewish area as they raged at Israel's bombardment of Gaza.

An invisible line marks the beginning of the Jewish area on Avenue Paul Valery, scene of the confrontation with the police. It starts just before a Holocaust monument and a synagogue.

There is no sign of trouble but it has been guarded by CRS riot police since last week.

David, a kosher businessman I encounter, is so dismayed by the deterioration he perceives in community relations in France that he foresees a time when the "great majority" of its half-million or so Jews will emigrate.

But the Muslim teenager accuses French media of exaggerating the divisions in Sarcelles, where Jews now make up about a quarter of the 60,000-strong population. "We say one thing, you might write another," he suggests, smiling.

Мы видим, как на протяжении всей истории двадцатого века нарастает секуляризация европейской культуры: кабаки и воскресные заработки обладали для трудящихся большей притягательностью, чем мессы. В католицизме можно выделить, культурный, национальный, общественный, бытовой, поведенческий аспекты. Попытки межконфессионального диалога представителей мировых религий идут с трудом, хотя мы знаем, что и Иоанн Павел Второй, и Бенедикт Шестнадцатый посещали мечети, а папа Бенедикт Шестнадцатый даже молился в ней рядом с муфтием Стамбула. Или, к примеру, – протестантские христианские конфессии приобретают все большее число сторонников, кстати, много их среди прозелитов, действующих на руинах СССР. Рождение протестантизма уходит в глубь веков, в несогласие с католической доктриной: 31 октября 1517 года Мартин Лютер прибил на двери собора 95 тезисов о покаянии и отпущении грехов. Лютер заменил авторитет церкви авторитетом Библии. В протестантском храме есть Библия и молитва, икон нет, звучат органные хоралы Баха.

Ислам также представляет собой мировую религию. Основным вероучительным различием между христианами и мусульманами является отказ последователей ислама признать Иисуса Богом. Эти религии имеют общую авраамическую традицию, веру в единобожие (монотеизм), общие нравственные ценности. Известно, что Иоанн Павел Второй занимал исламофильскую позицию, до этого папы активность ислама рассматривалась как «бедствие, сравнимое разве что с коммунизмом».

Ислам исповедуют более миллиарда чело-

век. Общины есть в более, чем 120 странах. В 35 государствах мусульмане – большинство населения. В 28 странах ислам – государственное исповедание. Вспомним, что для России мир ислама – это, прежде всего, турецкий мир, хотя к двадцатому веку Российская империя пришла, имея в своем составе многие группы мусульман отнюдь не турецкого происхождения (среди них и ираноязычное население Памира и Кавказа: таджики, белуджи, персы, курды, часть осетин, и представители картвельской языковой семьи: грузины-аджарцы, и народы нахско-дагестанской группы: чеченцы, ингуши, многие горцы Дагестана, а также абхазо-адыгской группы северо-кавказской языковой семьи).

Почему карикатуры уже во второй раз являются спусковым крючком трагедий? Это неслучайно. Искусство мусульман прекрасно представлено пышным растительным орнаментом, каллиграфией. Классическая сокровищница арабского и турецкого исламского искусства подразумевает канон – как надо строить мечеть, как украшать михрабную чашу, возводить мусульманское надгробие, компоновать узоры молитвенного ковра, выписывать кораническую формулу, имя Аллаха. Показательно изучение орнаментальной системы, присущей классическому исламскому искусству, отличающемуся принципом декоративности, свойственному художественному мышлению представителей исламской культуры. В исламе отсутствует иконография, а у суннитов отсутствует и культ святых. Изображать пророка Мухаммеда запрещено: вот почему карикатуры журнала «Шарли» вызвали такой резонанс в мусульманском мире, некоторые французские мусульмане отказались участвовать в минуте молчания и оправдали действия нападавших. Это представляет серьезную проблему для пятой республики.

Вероучение мусульман заключает в себя пять столпов веры – исповедание веры (шахада), молитва (саят), религиозное подаяние (закят), пост (саум) и паломничество в Мекку (хадж). Говоря о борьбе с неверными на ранних этапах существования своей религии, мусульмане имели в виду не представителей других мировых религий, а арабов-многобожников.

Кроме христианства, к мировым религиям относятся также иудаизм, ислам и буддизм. Иудаизм – религия еврейского народа, для которого религия – часть личности. Евреи – члены общины. Мусульманское учение совершенно справедливо называет иудеев народом книги. Они – наследники библейской истории.

Тора играет важную роль в иудейском культе, и каждый шабат на утренней службе звучит отрывок из нее. В последние дни мировое телевидение часто показывает еврейских школьников, заявляющих об отсутствии безопасности в связи с атакой на кошерной супермаркет в Париже. Израильский премьер Бенджамин Нетаньяху – кстати, бывший эксперт спецслужб по проблемам терроризма – участвовал в марше мира в Париже и заявил о возможности массовой эмиграции евреев Франции на землю обетованную.

Посмотри на реакцию мировой прессы на преступления исламистов в Дании – ключевые слова выделены в тексте:

Merkel kondoliert Thorning-Schmidt

*“Wir wissen nicht, was die Motive für die Attacken waren, aber wir wissen, dass es Kräfte gibt, die Dänemark schaden wollen, die unsere Meinungsfreiheit und unseren **Glauben an Freiheit** zerstören wollen”, sagte Ministerpräsidentin Thorning-Schmidt. Dänemark habe einige Stunden erlebt, die **das Land nicht vergessen werde**. Sie lobte den schnellen Einsatz der Polizei. “Es ist ein unendlich trauriger Morgen, an dem **wir alle an die Opfer und ihre Angehörigen denken**.”*

*In einem Telefongespräch drückte Bundeskanzlerin Angela Merkel Thorning-Schmidt ihre Anteilnahme aus. Deutschland **stehe fest an der Seite Dänemarks**, sagte Merkel.*

Jüdische Gemeinde unter Schock

*“Das ist das, was wir immer befürchtet haben. Und das, wovor wir die ganze Zeit gewarnt haben, **dass es in Dänemark passieren könnte**”, sagte der Vorsitzende der betroffenen jüdischen Gemeinde, Dan Rosenberg Asmussen. **Die Gemeinde sei geschockt**.*

Сегодня мы вновь обращаем свои взоры к отношениям между церковью и государством и обществом. В Великобритании, Франции, Германии, Испании, Италии, ислам – вторая по численности религия после христианства. Утверждение религиозного характера государства методами воинственной религиозной нетерпимости носит название исламизм. Непотеряемой частью исламизма является установление законов шариата и дискриминация женщин. Вспомним историю Малалы Юсифрай, ставшей лауреатом Нобелевской премии мира – бесстрашной пакистанской девочки, выступившей против Талибана в Пакистане, препятствующего женщинам получать образование. Вспомним и издание поразительных книг Халеда Хосейни, позволяющих нам понять обстановку несвободы в захваченном та-

либами Пакистане. Это позволяет нам лучше понять религиозную подоплеку конфликта исламского государства и войны, которую коалиция стран ведет в Ираке и Сирии сегодня. 3000 европейцев принимают участие в этой войне на стороне исламского халифата: вот почему ставится вопрос о роли просвещения, об изоляции носителей исламистских идей в тюрьмах, о контроле их пропаганды в Фейсбуке и т.д. Кстати, теракты в Париже осудили и представители шиитов, и представители суннитов – двух противоборствующих ветвей ислама, которые ведут непримиримую вражду между собой в современной Сирии.

В январе 2015 года на улицах Дрездена начались антиисламские выступления, послышались призывы к ограничению иммиграции из стран мусульманского Востока и прекращению исламизации ФРГ. Очевидно, это реакция на болезненные попытки интеграции мигрантов в традиционное общество. Канцлер ФРГ Ангела Меркель призвала к толерантности, заявив, что является канцлером всех немцев, а все люди, уважающие законы страны, знающие немецкий язык и желающие жить в ФРГ являются ее полноправными гражданами.

Посмотрим на типичный медийный дискурс, выделив оценочные элементы [2]:

Supporters and opponents of a group campaigning against what it sees as the “Islamisation” of Europe have held rival rallies across Germany.

*There have been weekly protests by the Patriotic Europeans against the **Islamisation of the West** (Pegida) since October.*

A record 18,000 people turned out on Monday at one rally in Dresden.

But counter demonstrations have sprung up and the group has been condemned by senior German politicians.

What is Pegida?

- *Founded in Dresden by activist Lutz Bachmann in October 2014*

- *Acronym for Patriotische Europaer Gegen die Islamisierung des Abendlandes (Patriotic Europeans Against the Islamisation of the West)*

- *Umbrella group for German **right-wing**, attracting support from mainstream conservatives to neo-Nazi factions and football hooligans*

- *Holds street protests against what it sees as **a dangerous rise in the influence of Islam** over European countries*

- ***Claims not to be racist or xenophobic***

*19-point manifesto says the movement **opposes extremism** and calls for **protection of Germany’s***

Judeo-Christian culture

Мировая печать пишет об отмене праздничных мероприятий, ссылаясь на меры по безопасности – информацию из компетентного источника:

La ville allemande de Braunschweig, en Basse-Saxe, a annulé un défilé du carnaval prévu dimanche en raison «d'une menace spécifique d'attaque islamiste», a annoncé la police. Le défilé, qui était prévu à partir de 11H20, a été annulé à la suite d'un renseignement fourni par «des sources dignes de foi de la sécurité de l'Etat».

Мы более пристально всматриваемся в отношения между религиями в современном государстве, особенно в мультикультурном государстве. Так, например, в Британии всем подданным королевы предоставлена культурная и религиозная свобода. В Испании существует 200 мечетей и 90 исламских центров. Государство и федерация мусульманских общин страны соглашается на охрану культурных мест, охрану тайны исповеди, религиозный брак, религиозную помощь в казарме, тюрьме, больнице, обучение, недвижимости религиозных организаций, праздников, халяльной (приготовленной в соответствии с религиозными нормами ислама) продукции.

Первый раз серьезно мир между религиями был нарушен во Франции во время массовых беспорядков в Париже в 2005 году (см., например, [1]). Постколониальная Франция была обречена на присутствие мусульман, так как законодательство разрешало им воссоединение с

семьями в метрополии, один из пяти молодых людей во Франции сегодня – мусульманин. Но девять из десяти среди молодежи не могут ответить на элементарные вопросы по Корану, мусульманской истории и традиции.

Во Франции ужесточаются требования к пропаганде экстремизма в Интернете, усиливается внимание к воспитанию межрелигиозного мира в школе, школьники будут ежедневно петь «Марсельезу», отстаивающую ценности Республики – свободу, равенство, братство. Это – ответ Франции на январские события 2015 года. Это важный вывод и для других стран, столь взаимозависимых в современном мире.

Список литературы

1. Бушев, А. Б. Дискурс мультикультурализма и беспорядки во Франции 2005 года: языковые и психологические аспекты / Бушев А. Б. // Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике. Материалы I международной научной конференции. Отв. ред. Е. А. Пименов, М. В. Пименова. Кемерово, Юнити, 2006. Часть 3. – С. 25–36.
2. Jason P. Germany Pegida protests Rallies over 'Islamisation' / URL: www.bbc.co.uk
3. Kadri, Paris attacks prompt fresh concerns about online Islamophobia / URL: www.bbc.co.uk
4. Schofield, H. Paris attacks Can France integrate disaffected suburbs / URL: www.bbc.co.uk

Т. М. Власова, М. Б. Дюжева

Дальневосточный федеральный университет
(Владивосток, Россия)

КИНЕСИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ КАК ИНДИКАТОРЫ СОЦИАЛЬНО-ПОДЧИНЕННОЙ ПОЗИЦИИ КОММУНИКАНТА

THE KINESIC MEANS OF COMMUNICATION AS THE MARKERS OF INTERLOCUTORS' LOWER STATUS POSITION

Коммуникативная деятельность говорящего и организация текста определяется его социальным статусом. Коммуникативно-прагматические средства общения используются в зависимости от статусно-ролевых параметров коммуникантов. Целью данной статьи является выявить, каким образом используются кинесические средства общения для отражения социально-подчиненной позиции коммуниканта. Приводимые примеры статусно-маркированного дискурса взяты из книг современных английских писателей.

The paper deals with the role which kinesic means of communication play in a socially unequal discourse. The authors strive to determine the way they are used by the participants with the lower status position.

Ключевые слова: статусно-маркированный дискурс, социально-подчиненная позиция коммуниканта, невербальные средства общения, кинесические маркеры.

Keywords: socially marked discourse, lower status, non-verbal means of communication, kinesic markers.

Со временем в общественном мнении вырабатывается, передается, поддерживается, но, как правило, ни в каких документах не регистрируется иерархия статусов и социальных групп, где одних ценят и уважают больше других [5]. Иерархия выстраивается с учетом занимаемого человеком положения в обществе, его полномочий, возраста, профессии, благосостояния, половой принадлежности [11. С. 63]

Известно, что коммуникативная деятельность говорящего и организация текста как ее продукта определяется его социальным статусом [6. С. 77]. Л. В. Топка пишет: «Статусно-ролевая характеристика коммуникантов – это составной элемент любой поведенческой ситуации» [7. С. 126], это – один из параметров, в соответствии с которым определяются тактики, репрезентирующие поведенческую реакцию. Коммуникант выбирает коммуникативно-прагматические средства общения в зависимости от статусно-ролевых параметров адресата и обстановки общения [7. С. 133].

Исследования в области невербалики выявили наличие прямой связи между социальным положением человека и жестами и телодвижениями, которыми он пользуется [4. С. 19]. В. И. Карасик указывает на тот факт, что невербальная коммуникация становится существенным каналом выражения статусных отношений: фонация, кинесика, проксемика, молчание и невербальные действия, сопровождающие речь, используются коммуникантами по-разному в зависимости от их ранга [2. С. 50]. «Если один из коммуникантов в русской культуре обращается к собеседнику на «Вы» или встает при его появлении, то такой выбор вербальных и невербальных средств дает возможность сделать вывод о неравенстве их иерархических рангов...» [1. С. 239].

Целью данной статьи является выявить, каким образом используются кинесические средства общения для отражения социально-подчиненной позиции коммуниканта. Приводимые примеры статусно-маркированного дискурса взяты из книг современных английских писателей.

Алан Пиз в своей книге «Язык телодвижений» приводит некоторые примеры невербального поведения коммуникантов, занимающих социально-подчиненную позицию, например, наклон головы является знаком покорности и подчинения [4. С. 279]; поднятые плечи (съежившись) выражают покорное извинение – так ведут себя подчиненные в присутствии начальника [4. С. 282]. Рассмотрим следующий пример:

• So Ray called in Reed Seymour. The young man arrived, *moist and quivering, eyes dilated*, and Ray hadn't heart to accuse him. "How is everything going then?" ... "Things are swell, Mr. Soderbjerg," he said in a *voice so much thinner and higher* than the big deep one he used in introducing *Friendly Neighbor*. [G. Keilor]

Социально-статусная база коммуникации в данном примере – неравенство должностных позиций: начальник вызывает на «разборки» работника (диктора). Нервозность последнего выражена такими невербальными маркерами, как дрожь, пот, расширенные зрачки, тонкий высокий голос.

Статусными маркерами могут выступать также невербальные средства общения как мимика, взгляд, жесты, поза.

МИМИКА

М.Г. Лебедько отмечает, что выражение лица может указывать на статус человека и на позицию власти [12. С. 115], и цитирует Н. Хенли, который пишет о том, что выражение лица является средством, используемым коммуникантами для того, чтобы произвести впечатление на собеседника, в том числе и впечатление статуса, власти и авторитетности ("Faces are the means by which we attempt to create an impression, and they will therefore be a major focus for displaying the impression of status, power and authority" [Цит. по: 12. С. 115], причем мимике он отводит доминирующее положение среди невербальных средств общения: начальник может «перечеркнуть» идею подчиненного взглядом, выражающим сомнение и удивленно приподнятыми бровями [Цит. по: 12. С. 115].

Хотя, с другой стороны, А. Пиз рассматривает поднятые брови как способ привлечь внимание к лицу, как реакцию страха или удивления, как сигнал подчинения [4. С. 204-205]. Рассмотрим следующие примеры:

- “How long were you gone?”

Carlo’s *brow furrowed*. “Forty-five minutes, maybe” [R.N. Patterson]. Нахмуренные брови мальчика, занимающего социально-низкую позицию, отражают его эмоциональное состояние – недоумение, озабоченность, неуверенность – в разговоре со взрослым человеком.

- Warner’s *mouth set in a stubborn line* [R.N. Patterson]. Упрямо сжатый рот свидетельницы демонстрирует, что она не откажется от своих показаний, хотя адвокат умело доказывает их несостоятельность. Упрямство является конфликтной тактикой, которая, являясь по своей сути формой протеста против доминирующей личности, часто используется коммуникантами с более низким статусом.

- “I asked where Monk was.”

The cop’s youthful face turned cold [R.N. Patterson]. Герой, возмущенный тем, что в его доме проводится обыск, настойчиво и невежливо пытается узнать, где находится следователь Монк. Полицейскому, занимающему в данной ситуации общения доминирующую позицию, не нравится взятый собеседником тон, и выражение его лица отражает его отрицательную реакцию на поведение собеседника.

ВЗГЛЯД

Глаза человека являются очень эффективным инструментом коммуникации: взгляд может использоваться не только как знак внимания и интереса или для регулирования взаимодействия, но и как средством манипуляции или установления превосходства [9. С. 30].

М.Г. Лебедев также отмечает зависимость использования взгляда от статуса коммуниканта: “Eye contact is status, power, and dominance dependent...higher status people were first to establish eye contact” [12. С. 113].

Некоторые движения глаз могут, как и жесты, иметь свои значения и служить статусными индикаторами. Рассмотрим некоторые слова и словосочетания, называющие такие взгляды-жесты: например, *to narrow one’s eyes* означает вынужденную меру защиты и служит выражением общего дискомфорта, неприятных мыслей и чувств [8. С. 52], а также подозрения, недоверия [10. С. 78]; *to widen one’s eyes* передает реакцию удивления, страха, сильного волнения, гнева, влюбленности; *to shut one’s eyes* показывает либо чувство облегчения, ис-

пытываемого коммуникантом, либо раздражение [10. С. 78]; *to blink* отражает растерянность [8. С. 52], негативную причастность человека к чему-то, а также неуверенность, смущенность, нервозность. Рассмотрим следующие примеры:

- “It’s I who decide what you can do and cannot do. Have you forgotten that?” “No, madam,” I *lowered my eyes* [T. Chevalier]. «Потупив взгляд», служанка выражает свое полное подчинение госпоже.

- “Where is your dad’s room?”

Carlo *seemed to blink*. “Next to mine” [R.N. Patterson]. Низкая статусная позиция подростка определяет его поведение на судебном процессе – он растерян и подавлен, и мимический жест маркирует его состояние.

- “We could do nothing to stop her.”

Louise closed her eyes briefly and then opened them again. “Nothing?” She asked faintly [Ph. Gregory]. Беседуя с капитаном Фромом, отставным военным, неформальным лидером поселка, Луиза не может выразить свое раздражение и подавляет его, прикрыв на некоторое время глаза. Тон ее голоса тоже отражает реакцию социально-подчиненного коммуниканта.

ЖЕСТЫ

Использование жестов также определяется статусом коммуникантов. Человек, занимающий высокую статусную позицию, может с помощью жестов управлять другими людьми: давать указания, останавливать их, привлекать их внимание или подчинять. “...Gestures are regarded as clue to power.” [12. С. 110]. О влиянии статуса на использование жестов пишет и А. Пиз. Подчиненные скрестят руки на груди (знак защиты), поскольку в присутствии начальника они чувствуют себя некомфортно. Если подчиненный скрестил руки на груди, направив большие пальцы вверх – он считает себя независимым и способным контролировать ситуацию. Рукопожатие ладонью вниз демонстрирует превосходство [4. С. 115–116]; соответственно, ладонь вверх при рукопожатии выдает низкий статус коммуниканта. Руки за спиной с захватыванием запястья или выше являются признаком нервозности (реакция, характерная для низко-статусного коммуниканта). Скрещивание рук на груди или скрещивание опущенных рук передают нервозность коммуниканта и являются знаком того, что он негативно настроен или обороняется, ощущая какую-то угрозу) [4. С. 101].

Рассмотрим следующие примеры:

- Machiavelli got up, *bowed and uttered the usual expressions of respect* [W.S. Maugham]. В

конце аудиенции у герцога Макиавелли совершает ритуальные действия, принятые в данной ситуации, а именно, выражение своего почтения и поклон, являющиеся статусными маркерами подчиненной позиции.

- “And when, Ms Warner, did you last see Mr. Arias?”

Warner *twisted her bracelet* [R.N. Patterson]. Касание и неосознанные манипуляции с предметами обычно являются маркерами низкого статуса коммуниканта (в данной ситуации – свидетельницы в суде), т.к. выдают нервозность, неуверенность.

Исследователи отмечают, что «невладение нормами вербального и невербального поведения в социально значимой ситуации общения может привести к коммуникативной неудаче, поставив под сомнение ... соответствие говорящего социальному статусу...» [3. С. 548]. Однако, при непосредственном общении могут возникнуть ситуации, когда происходит нарушение статусных отношений, когда социально-подчиненный коммуникант пытается защитить свою позицию, вступая в конфликт с социально-доминирующим партнером. Рассмотрим следующие примеры:

- ‘No, no, no!’ said Jack, *stamping his foot*. ‘I hate them’ [S. Moriarty]. Топая ногами, ребенок протестует против действий партнера по коммуникации. Упрямство является конфликтной тактикой, которая часто используется коммуникантами с более низким статусом, являясь по своей сути формой протеста против доминирующей личности.

- “Please wake him up and tell him his sister is here,” I *demanded*. The woman *raised her eyebrows*. “I didn’t know Frans came from a family so high on their throne...” [T. Chevalier]. Девушка-служанка использует требовательный тон, который не соответствует ее статусу, чем вызывает удивление собеседницы (выраженное мимикой), и ее ироничный комментарий.

- “Greg, you *thieving bastard*,” Sandy *shouted, shaking the older man*. “You stole it. You stole my work” [E. Segal]. Общение Сэнди происходит с социально-доминирующим партнером, который старше по возрасту, по занимаемой должности, к тому же является отцом его жены. Однако, в состоянии аффекта он нарушает все нормы коммуникации и проявляет признаки агрессии, обычно не характерные для социально-подчиненного коммуниканта.

В заключение можно отметить, что осуществляя коммуникативную деятельность коммуникант исполняет речевую деятельность в соответствующей социальной роли [6. С. 49], причем социальный статус коммуниканта оказывает большое влияние на формирование составляющих дискурса, в котором он участвует. Индикаторами социального неравенства могут выступать кинесические невербальные средства. В эмотивно-заряженном дискурсе может происходить нарушение социально-статусных норм, и коммуникант с социально-подчиненным статусом может использовать дискурсные маркеры социально-доминирующей личности.

Список литературы

1. Грейдина Н. Л. Реалии коммуникативно-культурного взаимодействия / Н. Л. Грейдина. – Пятигорск: ПГЛУ, 2001. – 462 с.
2. Карасик В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2002.
3. Основы теории коммуникации / Под ред. М. В. Василика. – М., 2003. – 616 с.
4. Пиз А. Язык телодвижений / А. Пиз. – М.: Эксмо, 2011. – 462 с.
5. Платонов Ю. Социальные статусы и социальные роли / Ю. Платонов. – URL: <http://lite.trenings.ru/statya-sotsialnye-statusy-i-sotsialnye-rol.html>
6. Сидоров Е. В. Общая теория речевой коммуникации. / Е. В. Сидоров. – М.: Рос. гос. соц. ун-т, 2010 – 242 с.
7. Топка Л. В. Конституенты поля некатегоричности / Топка Л. В. // Вестник ИГЛУ. Сер. Лингвистика. – Иркутск: ИГЛУ, 2000. – с. 124–135.
8. Язык жестов / Сост. А. Мельник. – М.: Терра – Книжный клуб, 2003. – 448 с.
9. Bovee, C. L. Business communication today / C. L. Bovee, J. V. Thill. – N.Y., 1992.
10. Brosnahan L. Russian and English Nonverbal Communication / L. Brosnahan. – Moscow, 1998.
11. Jia Yuxin. Pragmatic Diversity, Pragmatic Transfer, and Cultural Identity / Jia Yuxin, Jia Xuerui. // Intercultural Communication. Research and Exploration. – Harbin: Harbin Institute of Technology, 2007.
12. Lebedko M. Culture Bumps: Overcoming Misunderstandings in Cross-Cultural Communication / M. Lebedko. – Vladivostok, 1999.

Г. Р. Власян

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА
ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКАETHNO-CULTURAL FEATURES
OF THE GRAMMATICAL SYSTEM OF A LANGUAGE

В статье обсуждается влияние этнокультурных особенностей на грамматический строй языка.

The paper discusses the impact of ethno-cultural features on the grammatical structure of a language.

Ключевые слова: язык и культура, грамматическая система, способ мышления, национально-культурные особенности.

Keywords: language and culture, grammatical system, way of thinking, national cultural features.

Сложный и многоаспектный вопрос о соотношении языка и культуры является центральным в современном языкознании. Несмотря на существенные расхождения в подходе к отношениям между культурой и языком, большинство исследователей единодушно в том, что язык является частью культуры народа.

Ключевой идеей в современной лингвистике является идея антропоцентричности языка. В центре всего изображаемого словом стоит человек – он сам и всё то, что воспринимается им как его окружение, сфера его бытия.

Язык есть важнейший способ формирования и существования знаний человека о мире. В словах фиксируются результаты познания человеком объективного мира в процессе деятельности. Именно в содержательной стороне языка представлена картина мира любого этноса, являющаяся фундаментом всех культурных стереотипов. Её анализ помогает понять, чем одна национальная культура отличается от другой, как они дополняют друг друга в рамках общемировой культуры.

Уникальные названия предметов, названия национальных блюд, индивидуально-этническая лексика – примеры того, как язык подчеркивает особенности культуры.

Морфология и синтаксис, как и другие уровни языка, также содержат богатую информацию о культурных ценностях, особенностях менталитета, специфике коммуникативного поведения представителей соответствующей лингвокультуры. Существует мнение, что грамматика отражает особенности культуры еще в большей степени, чем лексика.

Грамматика занимает центральное положение в общей конструкции языка, будучи, наравне с фонетической системой, наименее подверженной влияниям извне. Соответственно, в ней наиболее ярко и в наиболее чистом виде должен предстать «дух народа», ибо грамматика, и в особенности морфологическая основа языка, остается чуждой внешним влияниям [3. С. 30].

Грамматика зиждется на категориях, она построена по принципу «да»-«нет», «правильно-неправильно», предписывает носителю языка строгое подчинение своим законам. Следовательно, говорящий должен формулировать свои интенции в соответствии с законами того или иного языка [6. С. 391]. Можно предположить, что грамматическая категория артикля, имеющаяся в английском языке, вероятно, отражает повышенный интерес этой лингвокультуры к отдельной личности или предмету. Действительно, носитель английского языка категоризирует мир по такому признаку, как «один из многих» или «тот, о котором шла речь». Статус грамматической категории, обязательной и неукоснительно исполняемой, не позволяет называть ни один предмет или существо окружающего мира без немедленного указания на этот признак, значимый для менталитета и соответственно для идеологии носителей языка [9].

Однако английский язык в грамматическом плане никак не маркирует социальный статус коммуникантов, в отличие, например, от русского языка, где приняты «ты–вы» формы обращения. И это тоже грамматические обязательства: вы обязаны отразить свои взаимоотношения с собеседником в смысле статуса и

степени близости, используя те формы, которые приняты в данном обществе. По мнению Д. Слобина, «англичанам не приходится мучительно думать над теми проблемами, с которыми почти в каждом своем высказывании имеют дело, например, французы, немцы или русские. Им не надо решать, какое местоимение употребить, какую форму глагола выбрать» [7. С. 209]. Таким образом, создается иллюзия общества равных возможностей. С другой стороны, наличие оппозиции ты–вы дает больше возможностей для передачи оттенков чувств и эмоциональности, чем у носителей английского языка.

С более эмоциональным отношением к людям и миру вообще также коррелирует грамматическая категория рода и многочисленные уменьшительно-ласкательные суффиксы русского языка. По словам С. Г. Тер-Минасовой, «представить себе носителей английского языка, говорящих *dear little corridor* или *dear little hospital*, невозможно – и не просто потому, что в английском языке нет такого количества и разнообразия уменьшительно-ласкательных суффиксов, а главным образом потому, что у них нет и в менталитете. А в менталитете нет, потому что нет в языке, они не приучены языком к таким нежностям» [8. С. 160].

Спорным моментом на современном этапе является разграничение экзистенциальных и посессивных высказываний, что обусловлено, с одной стороны, сложностью определения понятий бытия и обладания, с другой стороны, фактическим языковым материалом. Так, русские предложения, репрезентирующие состояние наличия, имеют сходную структуру с пространственно-экзистенциальными конструкциями (сравните: *У меня есть книга*), что и дает право трактовать их как бытийные [2]. При этом Н. Д. Арутюнова отмечает, что «в германских языках микромир человека изображается по «имущественному» принципу владения, принадлежности: в мире нечто существует (есть), а человек нечто имеет» [1]. Сравните нем.: *Ich habe ein Buch*; англ.: *I have a book*.

В германских языках фокусируется момент обладания предметом, что, возможно, связано с более ранним формированием института собственности у германских племен, обусловившим появление и закрепление в языке конструкций *Ich habe etwas*; *I have smth*; *Я что-то имею*. В русском языке акцентируется момент существования предмета в каком-либо пространстве, будь то внешний мир или микромир человека [4].

Согласно гипотезе, выдвинутой П. В. Дурст-Андерсеном, не все языки грамматизированы на одной основе. Он считает, что необходимо установить различие между структурами действительности, структурами сознания и структурами языка. «Само собой разумеется, что все существующие в мире языки созданы человеком с помощью головного мозга, но это не означает, что они были образованы с помощью одних и тех же механизмов сознания или в одном и том же участке мозга» [5. С. 31].

П. Дурст-Андерсен утверждает, что «грамматические категории и синтаксические структуры отдельного языка построены на одном из следующих элементов: либо на коммуникативном намерении говорящего, являющемся симптомом, т.е. отражением его эмоций и мыслей, либо на сообщении, предназначенном для слушающего и представляющем собой сигнал в его адрес, либо на ситуации, символом которой служит структура предложений такого языка» [5. С. 31].

Таким образом, он выделяет три коммуникативных супертипа: (reality-oriented languages) языки, ориентированные на реальность (китайский, русский, французский), (speaker-oriented languages) языки, ориентированные на говорящего (японский, испанский, грузинский), (hearer-oriented languages) языки, ориентированные на слушающего (английский, шведский, датский) [5].

Каждый супертип имеет свою детерминирующую категорию в системе категорий вида, времени и наклонения.

Перед носителем русского языка, который по данной типологии относится к языку, ориентированному на реальность, стоит обязательный выбор между совершенным видом, который вербализует ментальную модель событий, и несовершенным видом, который представляет собой языковое выражение ментальной модели процессов.

Языки, грамматическая система которых основывается на уровне ментальных моделей, имплицитно указывают на обязательный выбор в системе категорий вида между событием и несобытием. В результате другие категории языка «вынуждены указывать на внутреннюю структуру и организацию этих ситуаций, главным образом, на присутствие/отсутствие предметов в ситуации, представленной данной видовой формой. Итак, языковая структура указывает на действительность, и высказывание в этих языках трактуется как отражение ситуации действительности и их внутренней структуры» [5. С. 36].

Языки, ориентированные на реальность выражают репрезентативную функцию языка, т.е. функцию соотнесения его с предметами и ситуациями реальности.

Языки, относящиеся ко второму типу, т.е. ориентированные на говорящего, «имплицитуют обязательный выбор в системе категорий наклонения между воспринятым/невоспринятым говорящим содержанием высказывания. Они соотносятся с внутренним миром говорящего, и высказывание трактуется как отражение либо внешних впечатлений, либо внутренних мыслей, тем самым выражая экспрессивную функцию языка» [5. С. 33].

«Языки, грамматическая система которых базируется на уровне ментальных моделей, с помощью которых ассимилируются идентифицированные ситуации действительности, имплицитуют обязательный выбор в системе категорий вида между событием и несобытием. В результате другие категории языка вынуждены указывать на внутреннюю структуру и организацию этих ситуаций, главным образом, на присутствие/отсутствие предметов в ситуации, представленной данной видовой формой. Итак, языковая структура указывает на действительность, и высказывание в этих языках трактуется как отражение ситуации действительности и их внутренней структуры» [5. С. 36].

Таким образом, поскольку английский язык соотносится с внутренним миром слушающего, говорящий автоматически формулирует свою интенцию, исходя из интересов адресата.

Языки, ориентированные на слушающего, реализуют апеллятивную функцию языка, т.е. функцию, соотносимую со слушающим.

Достоинство описанного подхода – в его попытке цельного взгляда на явления грамматического порядка, когда «центральные категории языка должны выводиться не из членов и структур предложения, а из трех главных категорий глагола (наклонение, вид, время), которые детерминируют другие категории и

синтаксические структуры языка в том смысле, что они должны находиться в гармонии с детерминирующей категорией» [5. С. 41].

Данные аргументы дают возможность дополнить и расширить классическую интерпретацию единиц грамматической системы, сделать выводы о национально-культурной специфике грамматической системы того или иного языка.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976. – 383 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Русское предложение. Бытийный тип / Н. Д. Арутюнова. – М.: Русский язык, 1983. – 198 с.
3. Бредихин, С. Н. Лингвокультурологический аспект смыслопорождения на грамматическом уровне / С. Н. Бредихин // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 3 (21) 2013, часть 1. – С. 29–33.
4. Григорьева, В. С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты: монография / В. С. Григорьева. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. – 288 с.
5. Дурст-Андерсен, П. В. Ментальная грамматика и лингвистические супертипы / П. В. Дурст-Андерсен // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6. – С. 30–42.
6. Новиков, Л. А. Избранные труды. Проблемы языкового значения / Л. А. Новиков. – Том I. М. : Изд-во РУДН, 2001. – 672 с.
7. Слобин Д., Грин Дж. Психоллингвистика / Д. Слобин, Дж. Грин. – М. : Прогресс, 1976. – 350 с.
8. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: (Учеб. пособие) / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 624 с.
9. Crystal, D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language / D. Crystal. – Cambridge University Press, 1995. – 489 p.

Н. Р. Власян

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)**РЕАЛИЗАЦИЯ ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ РАЗГОВОРНОМ ДИСКУРСЕ
(на материале художественных произведений)****REALIZATION OF DISCOURSE MARKERS IN ENGLISH
CONVERSATIONAL DISCOURSE**

В статье рассматриваются особенности функционирования дискурсивных маркеров в англоязычном разговорном дискурсе. Дискурсивные маркеры способствуют когезии и когерентности текста и обеспечивают успешность коммуникации.

The article discusses the functions of discourse markers in English conversational discourse. Discourse markers are important means of textual cohesion and coherence necessary for successful communication.

Ключевые слова: дискурсивные маркеры, разговорный дискурс, когезия текста, когерентность текста.

Keywords: discourse markers, conversational discourse, text cohesion, text coherence.

Внимание ученых, занимающихся анализом реальных диалогов, привлекли слова, которые придают тексту «дискурсивный характер», т.е. делают его динамичным и превращают в коммуникативное событие, а также определяют его тональность и субъективность, делают его персонально окрашенным [1].

Такие языковые единицы чаще всего называют *дискурсивными маркерами*. Понятие «дискурсивный маркер» не имеет чётких границ; оно объединяет языковые единицы, относимые к разным частям речи.

Дискурсивные маркеры – это слова, «... принципиально важным свойством которых является их непосредственная связь с функционированием дискурса» [2].

Основанием для выделения дискурсивных маркеров являются следующие признаки:

- дискурсивные маркеры не имеют лексического значения, т.е. у них отсутствует денотат;
- дискурсивные маркеры выполняют когезивную функцию, связывая части дискурса.

Дискурсивность подобных языковых единиц оправдана свойствами когезии и когерентности, которые проявляются в речевой структуре. Когезивная функция того или иного дискурсивного маркера находится в тесной связи с контекстом его употребления, а также с социокультурным уровнем говорящего.

Д. Шиффрин классифицирует одиннадцать дискурсивных маркеров, представленных со-

чинительными и подчинительными союзами (*and, but, or because*), темпоральными и союзными наречиями (*now, then, so*), частицами (*oh, well*), вводными предложениями (*you know, I mean*) [3].

В других работах количество дискурсивных маркеров исчисляется сотнями, в третьих же высказывается мнение, что конечного списка дискурсивных маркеров не существует, так как говорящие постоянно стремятся задействовать все новые и новые слова в данный класс.

Настолько значительные количественные расхождения могут служить доказательством того, что исследователи не едины в своих взглядах на сущность дискурсивных маркеров. В самом деле, на сегодняшний день не существует общепринятых, однозначных оснований для выделения данного класса, чётких критериев, согласно которым к нему можно отнести те или иные лексические единицы и так далее.

Вслед за Д. Шиффрин мы считаем, что выделение основных критериев и характеристик дискурсивных маркеров как класса, а также определение качественного и количественного состава этого класса представляют собой одну из самых серьёзных трудностей [3].

По данным нашей картотеки, наиболее частотными маркерами английской разговорной речи являются следующие: *so, now, well, anyway, like, okay, of course, you know, basically, really, kinda*.

Проанализировав 100 англоязычных разговорных диалогов, мы пришли к выводу, что дискурсивные маркеры в диалогической речи могут выполнять разные функции:

а) способствовать связности текста (когезивная функция), что можно увидеть на следующих примерах:

"How much did you give to poor people?"

"Well, the United Way spreads the money around the city, and I'm sure some of it went to help the poor."

(J. Grisham, *The Street Lawyer*, p. 16)

"Hey, I'm carrying a baby, aren't I? Surely that should get me a couple of points for doing the unexpected?"

"True. So, are you two game? At the end of the day, the person who's bought the craziest, most impractical thing wins."

(S. Woods, *Wind Chime Point*, p. 170)

"How do you know her? Does she live here?"

"Know who, Mr. Lindsay – the inspector's wife?"

"No, of course not! I mean the girl – Karla."

"You know, there are a lots of girls in this Bombay. We are only five minutes from your hotel. In this five minutes, we have seen it hundreds of girls."

(G.D. Roberts, *Shantaram*, p. 27)

б) сигнализировать о начале речевого хода:

"Well, Lin, where are they?" he finally asked.

"Where's who?"

"The patients. Where are they? I want to see my brother healing them. There can't be healing, without sick people, isn't it?"

(G.D. Roberts, *Shantaram*, p. 201)

"You know, the thing I like most about Letitia," Didier mused, "is that no little bit of her is French. Our culture, the French culture, is so pervasive and influential that almost everyone, in the whole world, is at least a little bit French. [...] But Letitia, she is the most un-French woman I have ever known."

"You're full of it, Didier," Kavita remarked. "Tonight more than most nights. What is it – did you fall in love, or out of love?"

(G.D. Roberts, *Shantaram*, p. 95)

...Alaska showed up and sat down next to me. She was chewing on her bottom lip and I asked whether she was nervous.

"Well, yeah. Listen, just tight and don't talk," she told me. "You don't need to be nervous."

(J. Green, *Looking for Alaska*, p. 72)

в) сигнализировать о конце речевого хода:

"His family will probably sue the cops."

"Of course," I said.

"And they'll probably name us as defendants. People will sue for anything, you know."

(J. Grisham, *The Street Lawyer*, p. 42)

"Even your mother got used to doing things on her own."

"Sure, we're all independent, Dad, but that doesn't mean we don't need you. Remember that, okay?"

"I'll definitely keep it in mind."

(S. Woods, *Wind Chime Point*, p. 166)

г) подчеркивать согласие между собеседниками:

"Let's go smoke," he said.

"You're out of cigarettes, aren't you?" she said without looking up.

"Well. Yes."

(J. Green, *Looking for Alaska*, p. 69)

"You know what I love most about you?"

"What?" Emily said, looking vaguely startled by the display of affection.

"You dream big, even for me."

"Well, of course I do. You're my sister. Sam, too. I want you both to have absolutely everything you want and then some."

(S. Woods, *Wind Chime Point*, p. 174)

"It's okay. I gave her a rough time earlier. She probably didn't deserve it."

"Probably?" Gabi repeated with indignation.

"Okay, you didn't deserve it."

(S. Woods, *Wind Chime Point*, p. 294)

д) усиливать высказывание:

"I worry about you so much. I see the crime statistics, you know. It's a very dangerous city."

"Almost as dangerous as Memphis."

(J. Grisham, *The Street Lawyer*, p. 67)

"The guy is a dick. He kind of tried to kill you, after all."

"Yeah, I guess," I acknowledged.

(J. Green, *Looking for Alaska*, p. 135)

"What are you doing, Prabu?" I asked irritably. "How long have you been watching me sleeping?"

"No so very long, Lin. Only for the half hours or so."

"It's not polite, you know," I grumbled. "It's not nice to watch people when they're sleeping."

(G.D. Roberts, *Shantaram*, p. 166)

е) «смягчать» высказывание:

"I've known for months that there was an adventurous soul in there yearning to break free." Gabi rolled her eyes. "You did not."
"Well, I have to admit I hoped there was."
 (S. Woods, Wind Chime Point, p. 182)

"How can you read and talk at the same time?" I asked.

"Well, I usually can't, but neither the book nor conversation is particularly intellectually challenging."

(J. Green, Looking for Alaska, p. 74)

I'd just finished explaining to the girl that she should take her aunt to Doctor Hamid's surgery at once, and give him my note, when a voice spoke behind me.

"You know, poverty looks good on you. If you ever got really down and out, you might be irresistible."

(G.D. Roberts, Shantaram, p. 243)

ж) направлять движение информации:

"And Boone honestly didn't object to waiting till after I have the baby?"

"Actually, I think he was relieved. Things are heating up <...>."

(S. Woods, Wind Chime Point, p. 205)

"So, tell me, how did you find me? How did you even get in here?" I asked her when we were alone.

"Get in?" she frowned. "It's not illegal to visit you, is it?"

"No," I laughed, "but it's not common, either. I don't get many visitors here."

"Actually, it was easy. I just stepped off the street and asked people to take me to you."

"And they brought you here?"

"Not exactly. They're very protective of you, you know. They took me to your friend, Prabaker, first, and he brought me to you."

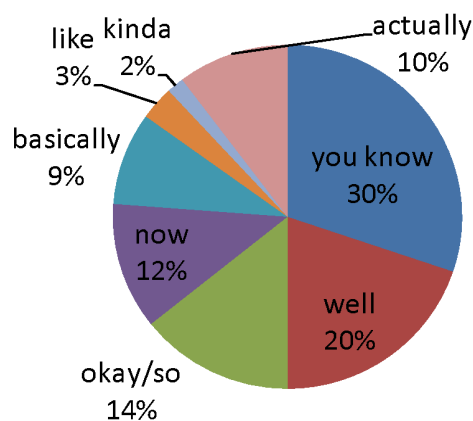
(G.D. Roberts, Shantaram, p. 246)

Иногда в одном высказывании может использоваться несколько дискурсивных маркеров, как в следующем примере:

"Well, you must go, and when you go there you must visit Basel. It's really a very European city, you know? It's divided by the river Rhine into Great Basel and Small Basel, and the two halves of the city have really different styles and attitudes, so it's like living in two cities at the same time."

(G.D. Roberts, Shantaram, p. 39)

По данным нашей картотеки наиболее частотным дискурсивным маркером является **you know** (30%), за ним следуют **well** (20%), **okay/so** (14%), **now** (12%), **actually** (10%), **basically** (9%), **like** (3%) и **kinda** (2%).

Частотность использования дискурсивных маркеров в англоязычных диалогах

Исходя из приведенных примеров, мы можем заключить, что один и тот же дискурсивный маркер может выполнять разные функции в речи (например, **you know** или **well**); в наибольшей степени это зависит от контекста, ситуации, коммуникативной интенции говорящего, а также от сложившихся отношений между собеседниками, их социальных статусов и т.д.

Помимо полифункциональности дискурсивных маркеров, стоит отметить и то, что во многих контекстах они могут быть взаимозаменяемы; например, каждый из дискурсивных маркеров **actually**, **you know**, **after all** может выполнять функцию усиления высказывания. В то же время, наиболее часто высказывание «смягчают» маркеры **well**, **okay**, **you know**.

Как было приведено выше, в результате нашего исследования было выявлено, что в проанализированных контекстах наиболее частотными дискурсивными маркерами являются **you know** и **well**, с 30 и 20 процентами дистрибуции соответственно. Каждый из этих маркеров выполняет основную функцию – когезивную, обеспечивающую языковую и логическую связь между репликами собеседников. Что же касается различия в употреблении данных дискурсивных маркеров, мы считаем, что **you know** акцентирует внимание реципиента на собственном мнении говорящего, его субъективной оценке, а также в силу лексического значения самого выражения (*you know* – *пер.* (ты) знаешь), хотя и частично семантически опустошенного, этот маркер притягивает внимание собеседника, де-

лая диалог «личным», персонализированным. *Well*, в свою очередь, чаще употребляется для того, чтобы сделать выражение менее категоричным, мягким и «удобным» для восприятия реципиентом. Кроме того, в живом, неподготовленном диалоге, в особенности между незнакомыми собеседниками, *well* безусловно является крайне частотным маркером, который помогает логически связать мысли и дает возможность «выиграть время» для их надлежащего языкового выражения.

Список литературы

1. Бабаева, Р. А. Незнаменательная лексика в немецком обиходном дискурсе (прагматический аспект) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Р. И. Бабаева. – М., 2008. – 42 с.
2. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания /

под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. – М. : Метатекст, 1998. – 446 с.

3. Schiffrin, D. Discourse Markers / D. Schiffrin. – Cambridge; New York : Cambridge University Press, 1987. – 231 p.

Список использованной художественной литературы

4. Green, J. Looking for Alaska / J. Green. – London : Harper Collins Publishers, 2013. – 268 p.
5. Grisham, J. The Street Lawyer / J. Grisham. – New York : Bantam Dell, 2010. – 452 p.
6. Roberts, G. D. Shantaram / G. D. Roberts. – Publisher : St. Martin's Griffin, 2005. – 944 p.
7. Woods, S. Wind Chime / S. Woods. – Toronto : Harlequin MIRA, 2013. – 400 p.

Ю. А. Воронцова

*Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина
(Белгород, Россия)*

ПРОЯВЛЕНИЕ ЭКСТРЕМИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ДИСКУРСЕ

MANIFESTATION OF EXTREMISM IN MODERN DISCOURSE

В статье рассматривается экстремизм как речевая деятельность, описываются языковые особенности проявления экстремизма, лингвистические средства выражения «языка вражды».

The article review extremism as speech activity, considers specific features of manifestations of extremism, describes the linguistic means of expression «hate speech».

Ключевые слова: *речевая деятельность, экстремизм, речевая агрессия, лингвистическая экспертиза, «язык вражды».*

Keywords: *speech activity, extremism, verbal aggression, linguistic expertise, «hate speech».*

Экстремизм – это сложная и неоднородная форма выражения ненависти и вражды. Изучение феномена экстремизма в современной России представляется важным и необходимым. Причины этого явления изучаются с разных позиций: политико-правовых, социально-экономических, лингвокультурологических, коммуникативных и др. В данной статье мы хотим обратиться к проявлению экстремизма в современном дискурсе. Как справедливо замечает Мишланов В.А., «экстремизм про-

является чаще всего как речевая деятельность, т.е. как мотивированное определенными интенциями (враждой, ненавистью, агрессией) и коммуникативными целями (нанести оскорбление, унижить, причинить нравственный вред) порождение текстов, форма и содержание которых таковы, что эти коммуникативные цели и интенции адекватно интерпретируются адресатом» [14. С. 62].

Коммуникативный эффект экстремистских материалов обозначен в законе понятиями

«вражда», «ненависть», «рознь», которые определяются в лингвистике как дискурс враждебности, имеющий обозначения: «язык вражды», «риторика ненависти» «речь ненависти» (англ. hate speech), «речевая агрессия», «речевой (языковой) конфликт», «речевая (языковая) манипуляция», «вербальная агрессия», «словесный экстремизм», «речевая демагогия», «речевой насилие» и др. «Язык вражды» становится все более частым явлением в современной речевой практике, он активно используется не только в публичном, но и в повседневном общении. Поэтому «язык вражды» стал предметом различных исследований, лингвистической наукой определены его критерии [см.: 5, 6, 9, 10 и др.].

Как обобщенное понятие «язык вражды» представляет собой «лингвистические средства выражения резко отрицательного отношения к каким-либо явлениям общественной жизни (культурным, национальным, религиозным и т.п.)...» [13. С. 448]. «Язык вражды» – это словесная дискриминация и речевая агрессия по отношению к этническим и социальным группам [18. С. 274]. Понятия хорошо/плохо, свой/чужой, друг/враг, негативное значение выражения и обязательная адресация – это необходимые компоненты «языка вражды».

«Язык вражды» является междисциплинарным понятием, т.к. включает в себя лингвистические и юридические характеристики явлений, стоящих за понятиями «ненависть» и «вражда». Законодательством регулируется речевое или языковое поведение, имеющее отношение к «языку вражды», в законах четко обозначены общие смысловые и языковые элементы, касающиеся мотива ненависти и «языка вражды», например, ст. 280 УК РФ, ст. 282 УК РФ, ст. 63 п. е УК РФ и др. Изучение лингвистических средств проявления «языка вражды», направленных на возбуждение ненависти, проявление и выражение негативного отношения к таким явлениям общественной жизни, как этническая, религиозная, культурная и другие идентификации, значимо при проведении лингвистической экспертизы.

Согласимся с Мишлановым В.А. в том, что для решения лингвистических проблем, связанных с применением законодательства Российской Федерации об экстремизме, следует определить языковые и речевые (коммуникативные) показатели враждебности [14. С. 67]. Поэтому для разработки объективных методов судебной лингвистической экспертизы текстов, предположительно содержащих при-

знаки экстремизма, необходимо установить лингвистические средства выражения «языка вражды».

Лингвистическими средствами выражения «языка вражды» являются:

1. Простой способ изложения, использование четких формулировок, направленных на формирование отрицательного представления какой-либо этнической или религиозной группы. Как правило, формулировки содержат утверждения о неполноценности (например, некультурность, невоспитанность, отсутствие интеллектуальных способностей и т.п.); о моральных недостатках; упоминания этнической, религиозной или культурной группы в унижительном или оскорбительном контексте: *«Нужно мочить всех грузин, армян и негров. Они не люди».* *«Азербайджанцы на рынке работают».* *«Казахи туповаты».* *«Оскорбить чернокожего – это расизм. Оскорбить еврея – это антисемитизм. Оскорбить 1,5 миллиарда мусульман – это свобода слова».* *«Мусульмане всегда распространяли свою веру огнем и мечом».* *«Мигранты оккупировали не только улицы столицы, но и рабочие места. Земляки-предатели. Дайте работу русским! Работу для россиян!».* *«Иноземцы превращают Москву в нерусский город».*

2. Отрицательно-оценочные наименования. Как правило, отдельным этносам, их частям или отдельным категориям, или группам граждан приписывается отрицательная характеристика, которая вербализуется в неприличной форме с помощью отрицательно-оценочных наименований. Приписывание крайне отрицательных свойств и качеств происходит посредством лексики инвективного характера, содержащей в своем значении отрицательную оценку, которая позволяет формировать и подкреплять негативный этнический стереотип, отрицательный образ нации, религии. Причем подобные слова используются таким образом, что отрицательная оценка подается как нечто само собой разумеющееся. Например, использование наименований, с которыми уже заранее связываются какие-то отрицательные ассоциации: *«Киргизы – ослы. Таджики всегда были ворами и жуликами. Азербайджанцы всегда были чурбанами. Все цыгане воры. Чеченцы – бандиты и террористы»* (социальные сети «ВКонтакте», «Одноклассники.ru»). Подобные оскорбления, касающиеся этнического, религиозного или культурного признака, представляют собой явно выраженное языковое проявление ненависти.

3. Ненормативные этнонимы, содержащие негативную оценку представителей называемых этносов. «Безусловно, большая часть данных наименований <...> служит одним из самых мощных средств языка вражды, поскольку прямо именует «чужих», придавая этническим номинациям негативный характер» [7. С. 175–187]. Например, уничижительные номинации типа: *чурка, азер, жид, косоглазый, узкоглазый, чурбан, татарва, нерусь, хохол, москаль* и др. всегда являются отражением нетерпимости говорящих к лицам другой национальности, они используются для проявления враждебности, ненависти. Причем, являясь одним из основных средств разжигания национальной вражды, именно ненормативные этнонимы часто становятся предметом лингвистических экспертных исследований.

«Стандартное представление, имеющееся у большинства людей, составляющих тот или иной этнос, о людях, входящих в другой или собственный этнос» понимается как этнический стереотип [12. С. 450]. Этнические стереотипы – устойчивые суждения о представителях одних национальных групп с точки зрения других.

Средствами выражения этнического стереотипа чаще всего бывают: «слова в свёрнутой форме содержащие оценку свойств типичного представителя другого этноса: *выцыганить*; атрибутивные сочетания, основанные на этнонимах: *немецкая пунктуальность*; «генетивные сочетания»: *он достигает своей цели с одержимостью исламиста*; а также сравнительные обороты, фразеологизмы, пословицы и поговорки: *точен как немец; черный как негр; хитрый как цыган; ленив как русский; неискренний как американец; уйти по-английски; брак по-итальянски; еврей он и в Африке еврей; что русскому хорошо, то немцу – смерть*» [11. С. 61].

Негативные этностереотипы формируются на базе информации о негативных реалиях, присущих той или иной культуре: *русские-пьяницы, русская беспечность, российский авось, люди гор, традиции крови, братские нравы, законы гор*. Выражения, ставшие стереотипными негативными оценками в русском языковом сознании, всегда актуализируют семантику опасности.

Обратим внимание, что слова типа *азиат, кавказец* изначально не являются ненормативными этнонимами, но если эти слова используются в значении «нецивилизованность, некультурность, невоспитанность», то они могут

восприниматься как «язык вражды», направленный на формирование отрицательного образа нации.

4. Построение отдельных фраз, а также композиционное членение текста в целом по принципу контраста, противопоставления: *У жидов есть все – власть, суды, деньги, нефть, а русских – ничего. Русские – хорошие, добрые, терпеливые, умные, а чурбаны – плохие, злые, вспыльчивые, тупые*.

5. Воззвания, призывы к действиям. Призыв – это обращение, в лаконичной форме выражающее требование, чтобы адресат совершил какое-либо действие. Призыв не предлагает искать решение проблемы, он дает однозначное, четкое указание, как надо поступать: *Бей чурбанов! Бей черных! Россия для русских! Чурки, вон из России! Убивай хача, мочи хача! Бей хача! Если ты русский, голосуй! Давайте поддерживать рождаемость русских! Гоните всех нерусей!* Речевой акт призыва подробно рассмотрен в современной юрислингвистике [см.: 1, 2, 3, 4, 15, 16, 17 и др.].

Враждебный дискурс всегда предполагает определенную направленность речевого воздействия: в результате которого внушается мысль о противопоставленности кому- или чему-либо, а также осуществляется возбуждение агрессии к лицам или группам лиц по принципу социальной, национальной, религиозной, культурной или языковой принадлежности.

Заметим, что к «языку вражды» имеют отношение только те лингвистические средства проявления агрессии, которые, помимо критики и оценки, имеют явно выраженное речевое намерение, направленное на оскорбление религиозных, национальных, культурных или других чувств оппонента. Например, использование императива в функции угрозы: *«Эй, Россия не Кавказ, танцуй в ауле пи...с»*, высказываний типа: *«Русского языка не понимаешь?»*. *«Ты не русский?»*. *«Я русская. Чем горжусь! А ты?»*. *«Кто ты? Русский? Украинец?»*. *«Ты русский?»* (социальные сети «ВКонтакте», «Одноклассники.ru») с целью упрекнуть, обидеть, унижить адресата.

Таким образом, «язык вражды» – это тексты, содержащие конфликтогенные речевые конструкции, подразумевающие отрицательную оценку всех представителей некоторой социальной группы, объединенной по признаку пола, расы, языка, этнического происхождения, религиозной или культурной принадлежности. Чаще всего средствами выражения «языка вражды» являются: простой способ

изложения, использование четких формулировок; отрицательно-оценочные наименования; построение отдельных фраз, композиционное членение текста в целом по принципу контраста, противопоставления; ненормативные этнонимы и негативные этностереотипы; воззвания, призывы к действиям.

«Речевые действия признаются наказуемым «языком вражды», если квалифицируют смысловые доминанты: «терроризм», «рознь», «исключительность/превосходство/неполноценность», «ненависть», «вражда»; включают атрибутивные элементы: «национальный», «религиозный», «социальный» (или «по признаку принадлежности к социальной группе»), «расовый» (или «по признаку расы»), «языковой» (или «про признаку языка»), «по признаку пола», «происхождение», «отношение к религии», «политический», «идеологический»; содержат языковые элементы, отражающие действие: «оправдание», «возбуждение», «унижение достоинства», «пропаганда», «демонстрирование», а также «призывы» [8. С. 11]. Данные элементы должны иметь признак публичности, целевую направленность на оказание воздействия на общество или какую-либо его часть.

Список литературы

1. Араева, Л.А. Судебно-лингвистическая экспертиза по криминальным проявлениям экстремизма / Л.А. Араева, М.А. Осадчий // Уголовный процесс. – М., 2006. – №4. – С. 45-56.
2. Баранов, А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие. – М., 2007. – 592 с.
3. Бринев, К.И. Судебная лингвистическая экспертиза спорных речевых произведений, содержащих признаки экстремизма // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». 2009. № 7 (41). – С. 35–39
4. Бринев, К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография / под редакцией Н.Д. Голева. – Барнаул, 2009. – 252 с.
5. Верховский, А.М. Язык вражды против общества: (сб. статей) / сост.: А.М. Верховский. – М., 2007. – 259 с.
6. Верховский, А.М. Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ. – М., 2002. – 200 с.
7. Грищенко, А.И. Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды / А.И. Грищенко, Н.А. Николина // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности: Коллективная монография / Отв. ред. И.Т. Вепрева, Н.А. Купина, О.А. Михайлова. – Труды Уральского МИОНа. Вып. 20. – Екатеринбург, 2006. – С. 175-187.
8. Денисова, А.В. Дискурсивный аспект исследования лингвистической экспертизы (на материале «языка вражды») // автор. дис. ... канд. филол. наук / А.В. Денисова. – Краснодар, 2009. – 24 с.
9. Дубровский, Д.В. и др. Язык вражды в русскоязычном Интернете: материалы исследования по опознаванию текстов ненависти. – СПб, 2003. – 72 с.
10. Кроз, М.В. Экспертная оценка материалов, направленных на возбуждение вражды и ненависти / М.В. Кроз, Н.А. Ратинова // Цена ненависти. – М., 2005. – С. 75-92.
11. Крысин, Л.П. Социоллингвистические аспекты изучения современного русского языка. – М., 1989. – 184 с.
12. Крысин, Л.П. Этностереотипы в современном языковом сознании: к постановке проблемы // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. – М., 2005. – 542 с.
13. Кузнецова, В.В., Соколова Е.Е. Свобода слова и язык вражды в российских СМИ / В.В. Кузнецова, Е.Е. Соколова // Социальные варианты языка. Материалы междунауч. науч. конференции. – Нижний Новгород, 2004. – С. 448-450.
14. Мишланов, В.А. Законодательство РФ об экстремизме и задачи лингвистической экспертизы текстов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 3(19). – Пермь, 2012. – С. 62-69.
15. Осадчий, М.А. Использование лингвистических познаний в расследовании преступлений, предусмотренных статьей 282 Уголовного кодекса РФ // Юридический консультант. – 2006. – №12. – С. 18-23.
16. Осадчий, М.А. Правовой самоконтроль оратора: как не сделать свое слово орудием преступления против чести и достоинства // Коллегия. – 2006. – № 5. – С. 54-60.
17. Осадчий, М.А. Русский язык на грани права: Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. – М., 2013. – 256 с.
18. Соколова, Е.П. Агрессивные тенденции в российских СМИ как проявление особенностей политической культуры // Вестник СПбГУ. – 2010. – Сер. 9. – Вып. 4. – С. 274–280.

В. В. ГавриловЧелябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)**ФИЛОСОФСКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ
СУЩНОСТИ ПОНЯТИЯ «КОМПЬЮТЕРНАЯ ИГРА»****PHILOSOPHICAL AND LINGUISTIC UNDERSTANDING
OF THE NOTION "COMPUTER GAME"**

Данная статья посвящена рассмотрению феномена компьютерной игры как сложно организованной системы. В ней подробно описываются ее свойства и признаки, такие как виртуальная реальность, интерактивность, синтез искусств, а также интертекстуальность.

The present paper studies a computer game phenomenon as a complexly organized system. It also describes its characteristics and features, such as virtual reality, interactivity, synthesis of arts and intertextuality.

Ключевые слова: игра, компьютерная игра, виртуальная реальность, интертекстуальность, интерактивность.

Keywords: game, computer game, virtual reality, intertextuality, interactivity.

Феноменологические предпосылки исследования термина «игра» интересовали ученое общество с самых древних времен. Так, вопросами природы и функционирования игры занимались еще со времен Античности, где ее рассмотрение, преимущественно, осуществлялось с философских позиций. С течением времени изучение игры было положено в основу исследований в области культурологии, социологии, психологии и ряде других гуманитарных дисциплин. Однако, по мнению большинства ученых, наибольший вклад в рассмотрение и осмысление игры как феномена принадлежит нидерландскому историку и философу Йохану Хейзинге. В 1938 году в свет вышла его книга под названием «*Homo ludens*», что в переводе означает «человек играющий», где автор осветил вопросы природы и значения игры как феномена культуры, концепции и выражения понятия игры в языке, игры и состязания, правосудия, а также уделит внимание проблеме игровых форм искусства, игровых элементов современной культуры и т.п.

Согласно Й. Хейзинге, игра представляет собой явление, имеющее центр и совершающееся с определенной целью, как особый мир внутри обыденной жизни, изолированный во времени и пространстве. Основными признаками игры являются следующие: свобода, несерьезность, замкнутость и ограниченность, порядок, напряжение, наличие правил, таинственность. Игровой компонент присутствует уже

в первоначальных проявлениях общественной деятельности человека. Первым таким инструментом выступает язык, который является не только средством коммуникации, но и возвышением вещи до сферы духа. Как пишет автор, «играя, речетворящий дух то и дело перескакивает из области вещественного в область мысли» [4, с. 24].

Все игры условно подразделяются на три основные группы: одиночные игры (головоломки, мозаичные картинки, пасьянс, стрельба по мишени), спортивные и азартные. Во всех видах игр отмечается присутствие элементов напряжения и неопределенности. В одиночных играх преобладает элемент напряжения, возрастание которого зависит от повышения духа соперничества; здесь также представлен элемент неопределенности. В спортивных играх оба элемента достигают наивысшей степени. Элемент напряжения, присутствующий в азартных играх, в незначительной мере разделяется зрителями.

Примечательно то, что данные виды игр имеют место в современном мире. Однако в последние десятилетия, связанные с развитием высоких технологий и появлением в жизни человека нового «информационного уровня», наблюдается тенденция к созданию и распространению абсолютно нового вида игр, сложных по своей структуре и организации, которые сочетают в себе черты своих предшественников. Их отличительной особенностью

является предоставление человеку возможности погрузиться в совершенно новый вид реальности, отличный от действительности.

В научной теории в зависимости от области знания принято различать следующие разновидности реальности: в психологии – психическую, в искусствоведении – эстетическую, в эзотерике – эзотерическую, в политике – политическую, и, применительно к компьютерной, теле- и киносреде – виртуальную. Виртуальная реальность мнима, но в то же время податлива для проникновения. Взаимодействуя с ней, человек может испытывать реальные ощущения. Если при восприятии теле- и кинообразов зритель выступает в роли наблюдателя, то в случае с компьютерными играми пользователь наделяется определенным рода соавторской функцией, благодаря которой он способен интерактивно взаимодействовать с внутриигровым пространством, модифицировать развитие сюжета и управлять персонажами.

Среди основных свойств виртуальной реальности, вслед за В. Я. Суртаевым, можно выделить:

- погружение / иммерсивность;
- автономность / логичность;
- интерактивность (обратная связь);
- степень погруженности [3, с. 189].

Погружение / иммерсивность: процесс погружения в виртуальную реальность оказывает воздействие на органы чувств человека таким образом, что он оказывается в нее вовлеченным.

Автономность / логичность: в виртуальной реальности присутствует определенный вид логики, которой подчиняются происходящие в этом же мире события.

Интерактивность (обратная связь): обозначает возможность активного взаимодействия с объектами, находящимися в виртуальном мире; возможность пользователя проникать в композиционную цельность произведения [1, с. 9].

Степень погруженности: является показателем того, насколько пользователь вовлечен в пространство виртуальной реальности. Это погружение может быть как полным, так и частичным.

Компьютерная виртуальная реальность представляет собой такое понятие, которое можно классифицировать двумя способами: первый из них построен по «технологическому принципу», в соответствии с которым выделяют системы типа «окно в мир», системы видеоочерчивания, системы погружения, телеприсутствия и смешанной реальности. Второй подразделяет

системы виртуальной реальности по «содержанию», к которым относятся симуляционные реальности, условные виртуальные реальности, прожективные виртуальные реальности, коммуникативные виртуальные реальности и виртуальные реальности смешанного типа [3, с.190].

Таким образом, виртуальная реальность является неотъемлемой, и в то же время отличительной чертой компьютерной игры. Наряду с ней в композиционной структуре компьютерной игры можно отметить наличие элементов, присущих разным видам искусства. В их число входят как традиционные классические виды искусства (литература, музыка, изобразительное искусство, театр), так и техногенные, а также экранные виды искусства (фото, кино, телевидение и т.п.). Так, например, компьютерная игра использует звуковой ряд, модифицирует и усложняет его до превращения в целостный звуковой образ, где сплетаются несколько компонентов – музыкальный, вербальный и шумовой. Что касается изобразительного искусства, то присутствие данного элемента в компьютерной игре выражено посредством графического изображения внутриигрового пространства, включая декорации, степень прорисованности и реалистичности объектов и персонажей, супраграфемные компоненты.

В компьютерной игре также задействованы элементы кинематографа, среди которых можно выделить такие составляющие, как: развертывание сюжета, смена перспективы, использование эффекта неожиданности и т.д. Кроме того, к компьютерной игре применимо понятие «синематик», которое обозначает небольшой ролик, в течение которого могут раскрываться сюжетные подробности игры; он может выступать как в роли заставки к компьютерной игре, так и в качестве связующего элемента между отдельными эпизодами, частями игры. Литературная составляющая выражена посредством принципа повествовательности, репрезентации монологической и диалогической речи персонажей, составляющих основу текста.

С лингвистической точки зрения, текст компьютерной игры представляет собой не только уникальный результат творчества разработчиков, но и является цепью означивания, порождающих друг друга отсылок, которые втягивают нас в лабиринт культуры [5]. Подобная перекличка смыслов является проявлением интертекстуальности – ассоциативной интеракции текстов, возникающей при заимствовании элементов одного текста другим [2, с. 40]. Среди интертекстуальных включений наиболее

употребительными являются аллюзии, цитаты, квазичитаты и упоминания. Рассмотрим их функционирование на примере компьютерной игры «Don't Starve».

В переводе с английского название этой игры звучит как «Не голодай», что целиком и полностью отражает ее сущность, в которой главной целью является выживание в таинственном диком мире. Фабула игры такова: злой демон по имени Максвелл обманым путем заточил Вас в параллельном измерении, в котором повсюду подстерегают опасности. Перед Вами стоит два выбора: продержаться в этом мире как можно дольше или же пройти особые испытания, направленные на поиск и освобождение этого демона.

В игре существует 12 персонажей: Уилсон (Wilson), Уиллоу (Willow), Вольфганг (Wolfgang), Венди (Wendy), WX-78, Уикерботтом (Wickerbottom), Вуди (Woodie), Вэс (Wes), Максвелл (Maxwell), Вигфрид (Wigfrid), Веббер (Webber), Валани (Walani). Голос каждого персонажа имеет свою звуковую аранжировку, соответствующую определенному музыкальному инструменту: у Уилсона это труба с сурдиной, у Уиллоу – флейта, у Вольфганга – труба, у Венди – альтовая флейта, у WX-78 – синтезатор, у Уикерботтом – гобой, у Вуди – виолончель, у Максвелла – фисгармония, у Вигфрида – граммофонная запись духового оркестра, голос Веббера звучит как расстроенная бас-гитара, а у Валани – как укулеле. Вэс является мимом, поэтому его внутриигровые реплики реализуются посредством пантомим.

Музыкальное сопровождение реплик персонажей дополняется вербальным компонентом, содержащим в себе интертекстуальные включения. Пример аллюзии мы встречаем в ситуации, когда Венди осматривает пруд и говорит следующую фразу: «Ophelia, are you down there?» («Офелия, ты внизу?»). Данный пример отсылает нас к героине трагедии Уильяма Шекспира «Гамлет» Офелии, которая погибла при невыясненных обстоятельствах, упав в поток воды.

Примером упоминания является высказывание Максвелла, которое он произносит при взгляде на усыпляющий дротик «Call me Mr. Sandman» («Зовите меня мистер Сэндмен»). Мистер Сэндмен, более известный как Песочный Человек, является героем западноевропейского фольклора, который, согласно преданию сыплет в глаза допоздна заигравшимся детям волшебный песок, заставляя их заснуть. Данное упоминание указывает на внутриигровую

функцию дротика, которая позволяет ввести в состояние сна любое существо.

Реплика Максвелла «It's alive» («Оно живет») представляет собой пример цитаты восклициания Франкенштейна, которая передает восхищение персонажа от проведенного им эксперимента по превращению неживой материи в самое настоящее чудовище. В игре данное высказывание символизирует восторг персонажа от полностью собранного портала, который открывает дверь в другой мир.

Пример квазитрансформации мы встречаем при осмотре Уилсоном пчелы «To bee or not to bee» («Пчела или не пчела»). Данная фраза является квазичитатой на известное изречение главного героя трагедии Уильяма Шекспира – Гамлета «to be or not to be» («быть или не быть»). Игра слов позволяет создать комический эффект, придавая серьезному философскому размышлению шутовскую форму.

Подводя итог всему выше сказанному, важно отметить, что компьютерная игра представляет собой сложный феномен, который характеризуется наличием виртуальной реальности; интерактивностью; присутствием элементов различных видов искусств – литературы, кинематографа, музыки, изобразительного искусства, которое выводит нас на понятие интердискурсивности, требующей более подробного рассмотрения. Лингвистическая составляющая компьютерной игры представлена многообразием интертекстуальных включений, которые представляют особый интерес для дальнейшего научного исследования.

Список литературы

1. Агафонова, Н. А. Общая теория кино и основы анализа фильма / Н. А. Агафонова. – Минск : Тесей, 2008. – 392 с.
2. Москвин, В. П. Интертекстуальность: понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили / В. П. Москвин. – Изд. 2-е. – Москва : URSS : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 169 с.
3. Суртаев, В. Я. Игра как социокультурный феномен: Учебное пособие / В. Я. Суртаев. – 2-е изд. исп. и доп. – Санкт-Петербург, 2005. – 272 с.
4. Хейзинга, Й. Homo ludens; Статьи по истории культуры. / Пер., сост. и X 35 вступ. Ст. Д. В. Сильвестрова; Коммент. Д. Э. Харитоновича – М.: Прогресс – Традиция, 1997. – 416 с.
5. Fotini Иерархия игр в культуре. – URL: <http://www.proza.ru/2003/01/15> – 82

А. В. ГавриловаЧелябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)**РЕАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ
В КИНОДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКОГО
ТЕЛЕСЕРИАЛА «ДЕКСТЕР»)****REALIZATION OF THE CATEGORY OF "INTERTEXTUALITY"
IN FILM DISCOURSE (ON THE EXAMPLE OF AMERICAN TELEVISION
SERIES "DEXTER")**

Данная статья посвящена изучению интертекстуальности как одного из неотъемлемых элементов, позволяющих глубже проникнуть в суть диалога, существующего между несколькими видами текстов. В ней рассматриваются особенности функционирования интертекстуальных элементов в пространстве анализируемого кинодискурса.

The present paper studies intertextuality as one of the integral elements, which helps to understand deeper and better the essence of the dialogue, existing between several kinds of texts. It also reveals peculiarities of intertextual elements' functioning in the area of the analyzed film discourse.

Ключевые слова: интертекстуальность, кинодискурс, интертекстуальные приемы, аллюзия, цитата

Keywords: intertextuality, film discourse, intertextual devices, allusion, citation.

Феномен интертекстуальности представляет собой основополагающее и передовое понятие, составляющее объект исследования в ряде наук, среди которых можно выделить филологию, культурологию, философию и др. Его терминологическую аккредитацию произвела французская исследовательница литературы и языка Юлия Кристева, которая, опираясь на работы М. М. Бахтина и отдавая должное его высказанным идеям, пришла к выводу о том, что «любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст – это впитывание и трансформация какого-нибудь другого текста» [1].

Данный подход задал совершенно новую систему координат для последующего изучения интертекстуальности. Современные исследования, выполненные в заданной области, носят исключительно продуктивный характер. На фоне множества существующих определений на себя обращает внимание интерпретация, предложенная В. П. Москвиным. Исследователь отталкивается от дефиниции Ю. Кристевой и структурирует свой подход по принципу *ex contrario* (от противного), отмечая, что интертекстуальность – это:

- 1) не все экстралингвистические связи текста, а лишь его связи с другими текстами;
- 2) взаимодействие не двух, а двух или более текстов;

- 3) не текст и не жанр;
- 4) не способ построения текста, а ассоциативная основа таких способов;
- 5) не акт, не процедура и не прием;
- 6) не фигура и не троп [2. С. 39-40].

Приведенные отрицательные утверждения позволяют автору сделать вывод о том, что интертекстуальность не является ни литературным приемом, ни тропом или стилистической фигурой, а ассоциативной базой для приемов цитирования, аппликации, аллюзии, парафразы, травестирования и других фигур интертекста [2. С. 40]. В настоящей работе мы отталкиваемся от данного определения, понимая под интертекстуальностью смыслообразующую и формообразующую категорию, обеспечивающую взаимодействие различных видов текстов.

Рассмотрение интертекстуальности можно перенести в русло кинодискурса, который представляет собой актуальный срез восприятия реальности. Благодаря наличию аудио- и визуальных компонентов кинодискурс позволяет не только воссоздать картину происходящего, но и лучше понять замысел режиссера, выраженный посредством отсылок, упоминаний, цитат, а также переплетений сюжетных линий. В кинодискурсе реализация категории интертекстуальности осуществляется посредством использования специальных приемов

(включений), среди которых мы, вслед за Г. Г. Слышкиным, выделяем аллюзии, упоминания, цитаты, квазичитаты, а также продолжение [3]. Рассмотрим их функционирование на примере американского телесериала «Декстер».

Аллюзивный смысл телесериала закладывается его создателями уже в самом названии. «Dexter» – это слово греко-латинского происхождения, которое имеет несколько значений: 1. правый, находящийся по правую руку; 2. ловкий, умелый; 3. спасительный, благотворный; 4. благоприятный, счастливый. Из четырех представленных значений в английском языке закреплено только первое, от которого мы и будем отталкиваться. Правая рука имеет символическое значение, так, например, в Библии она знаменует связь с Богом, правоту деяний и силу, которая помогает человеку жить праведно и совершать поступки во благо других. Подобная семантика сохраняется и в имени, которое дают человеку. Образ главного героя сочетает в себе схожие положительные черты, выражающиеся в его стремлении быть хорошим отцом, братом, другом. По замыслу авторов, все это является лишь оболочкой и демонстрацией поддельного «я» всему миру.

Примеры аллюзивных имен мы встречаем в серии, где за Декстером ведется постоянная слежка со стороны его коллеги, сержанта Доакса. Главный герой произносит следующие фразы: «I wish I could have fun. With Doakes tailing me, my life's been all **Jekyll** and no **Hyde** – no moonlit play dates, no late-night social calls, not one» (*Хотел бы и я повеселиться. С тех пор как Доакс следит за мной, в моей жизни остался только Джекил, без Хайда. Никаких ночных свиданий, вызовов, ничего*). Доктор Джекил и мистер Хайд являются героями одноименной повести шотландского писателя Роберта Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда». В данном произведении они являются прототипами добра и зла, которые противостоят внутри одного человека. Подобная идея прослеживается в характере героя телесериала, где темная сторона пытается одержать верх над светлой. Приведенная аллюзия описывает прямо противоположную ситуацию, когда Декстер, подобно доктору Джекилу, совершает только хорошие поступки, не имея времени задуматься о плохих действиях.

Пример упоминания мы находим в заставке, где говорится о том, что сериал снят по мотивам романа Джеффри Линдсея «Дремлющий демон Декстера» (*Darkly Dreaming Dexter*). Данное произведение является первой частью цикла из семи книг, повествующих о жизни

Декстера Моргана. Упоминание первой части книги в телесериале позволяет заинтересовать зрителей в ее последующем прочтении. Более того, представляется возможным сравнение сюжетов двух произведений и оценивание экранизации книжного варианта.

Данный прием интертекстуальности также содержится в названиях серий. Мы объединили примеры использования в следующие тематические группы: религия, кино, песни, сказки. Первая группа упоминаний предполагает последующее раскрытие религиозного аспекта телесериала, что отражено в следующих эпизодах: «Our Father» (*Отче наш*); «Circle Us» (*Огради нас*); «Sin of Omission» (*Грех недеяния*): отсылает нас к Библии, где под «грехом недеяния» подразумевается отсутствие выбора, пассивность и умиротворенное понятие смысла. Связь названия серии с сюжетом состоит в стремлении Декстера помочь Трэвису, заблудшей и запутавшейся душе.

Вторая группа упоминаний соотносится с названиями песен, популярных в американской культуре: «Let's give the boy a hand» (*Рука помощи*); «Go your own way» (*Иди своей дорогой*); «The lion sleeps tonight» (*Сегодня лев спит*): подзаголовок серии является отсылкой к песне с одноименным названием, которая звучит в анимационном фильме «Король Лев». Использование данного упоминания служит описанием того, каким образом видит себя главный герой. В этой серии Декстер отождествляет себя со львом, царем джунглей, который готов самоотверженно и смело защищать свое семейство в случае появления врага.

Третья группа упоминаний коррелирует с названиями знаменитых произведений кинематографа, а также с фразами, произносимыми их персонажами: «Father knows best» (*Отцу виднее*); «It's alive» (*Оно живет*); «Resistance is futile» (*Сопротивление бесполезно*); последнее высказывание представляет собой одну из классических фраз, используемых в научно-фантастическом жанре. Подобное высказывание использовалось в таких киноэкранизациях, как «Доктор Кто» (Dr. Who), «Стар Трек» (Star Trek) и т.п. Семантика высказывания сохраняется, так как в серии тайна Декстера становится достоянием его коллеги – сержанта Доакса.

Четвертая группа упоминаний связана с использованием элементов сказки в названии соответствующих эпизодов: «Beauty and the Beast» (*Красавица и Чудовище*), «Once upon a time» (*Жили-были*), «That night a forest grew» (*И вырос лес в ту ночь*): данная фраза повторяет строчку из книги для детей «Там, где живут чудовища»

американского писателя и художника Мориса Сендака. Согласно сюжету, маленький герой книги по имени Макс представляет свой воображаемый мир, начало которого символизирует появление леса. В телесериале эта метафоричная идея воплощается следующим образом: для того, чтобы пустить полицию по ложному следу Декстер пишет от лица «Мясника из Бэй Харбора» манифест, раскрывающий его жизненную философию. Содержание подобного документа отражает воображаемый мир главного героя.

Изучаемый телесериал также содержит в себе элементы других произведений, выраженные посредством цитат. Пример цитаты находим в высказывании главного героя по отношению к персонажу по имени Троица, которого он встречает в протестантской церкви: «**A wolf in sheep's clothing.** Hour by hour the spitting image of a normal man» (*Волк в овечьей шкуре. Час за часом создается образ вполне обычного человека*). Выражение «волк в овечьей шкуре» восходит к тексту Евангелия, когда, пересказывая Нагорную проповедь, Матфей вспоминает такие слова Иисуса: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей шкуре, а внутри суть волки хищные» (*Beware of false prophets, who come to you in sheep's clothing, but inwardly are ravenous wolves*).

Применительно к человеку, данное высказывание имеет неодобрительный оттенок и характеризует его как лицемера, прячущего под маской добродетели свои злые намерения. Этот смысл укладывается в истинное описание Троицы, который, с одной стороны, предстает в образе любящего отца и мужа, ведущего праведный образ жизни, помогающего обездоленным, с другой стороны, является убийцей с тридцатилетним стажем. Семантика анализируемого выражения позволяет раскрыть парадоксальность изучаемого персонажа.

Переходя от образа Троицы к другим персонажам, отметим профессора Геллара, специалиста по Книге Откровений, и его ученика, Трэвиса Маршала, которые воссоздают сюжеты из Библии, принося в жертву людей. Каждый такой эпизод сопровождается соответствующая цитата из Книги Откровений. Первая сцена – убийство торговца фруктами. Перед нанесением смертельного удара своей жертве Трэвис цитирует Откровение 22:2: «And on either side of the river was the tree of life, bearing twelve kinds of fruit, yielding its fruit every month» (*По ту сторону реки – древо жизни, двенадцать раз приносящее плоды, дающее на каждый месяц плод свой*).

По завершению ритуала герои заполняют

тело жертвы семью водяными змеями и зашивают его так, что швы имеют форму альфы и омеги. В момент обнаружения трупа полицией Майами те самые змеи выбираются наружу. Профессор Геллар и Трэвис описывают увиденное, цитируя Откровение 13:1: «I stood upon the sand of the sea. I saw a serpent rise from the sea having seven heads. And upon his heads the names of blasphemy» (*И стал я на песке морском, и увидел выходящего из моря зверя с семью головами. А на головах его имена богохульные*).

Цитата из Откровения 22 повествует об увековечивании физической жизни, символом которой является древо. Цитата из Откровения 13 изображает момент появления из морской пучины чудовища, которого называют зверем. Считается, что он является прототипом Антихриста. Символы альфы и омеги позволяют сплести эти две идеи воедино, поскольку обозначают соответственно начало и конец. Таким образом, использованные героями цитаты показывают их собственное видение в роли вершителей Конца мира сего, или Апокалипсиса.

Наряду с представленными элементами в телесериале выделяется еще одна группа интертекстуальных включений, которая предполагает функционирование ранее известных, текстовых элементов в умышленно измененном виде. Источниками квазицитат служат реплики действующих героев телесериала. Так, в одной из серий Масука приглашает своих коллег на конференцию, где он будет выступать со своим докладом и говорит:

Masuka: Tada! Comp tickets to my keynote address at the forensics conference.

Debra: I'm flea-combing my dog that night.

Angel: I'm seeing my little girl that night.

Masuka: **Et tu, Dexter?**

Dexter: Wouldn't miss it.

Масука: Тада! А вот и билеты на конференцию для судмедэкспертов, где я буду читать доклад.

Дебра: У меня любимый пес не чесан.

Ангель: Я в этот вечер с дочкой встречаюсь.

Масука: **И ты, Декстер?**

Декстер: Я с удовольствием.

Данная фраза является квазитрансформацией знаменитой цитаты «Et tu, Brute?» (*И ты, Брут?*), которую, согласно преданию, произнес древнеримский император Юлий Цезарь, увидев в числе заговорщиков своего сподвижника и друга Брута. Произнесенное высказывание также упоминается в трагедии «Юлий Цезарь» Уильяма Шекспира.

В случае с телесериалом, своим приглашением Масука рассчитывал на поддержку со сто-

роны друзей-коллег, однако, все они ответили ему отказом. Подобное обращение к Декстеру, в глубине своей, не несло никакой надежды, но главный герой рассеял какие-либо сомнения.

Кроме того, квазитрансформации находят свое выражение во внутренних монологах главного героя. Так, в одном из эпизодов, Декстер подъезжает к месту преступления и описывает окружающую обстановку таким образом: «There's something strange and disarming about looking at a homicide scene in the daylight of Miami. It makes the most grotesque killings look staged, like you're in a new and daring section of Disney World – **Dahmerland**» (*Есть что-то странное и обескураживающее в том, чтобы смотреть на место преступления в Майами при свете дня. Даже самые нелепые убийства выглядят постановочными, как будто ты оказался в новой экспериментальной части мира Диснея – в стране Джеффри Дамера*).

«Диснейленд» – это знаменитый парк развлечений, воссоздающий волшебный мир мультфильмов и сказок. Диснейленд поделен на особые тематические зоны, которые по-другому называются «странами». Среди них можно выделить такие, как Adventureland (страна путешествий), Frontierland (приграничная страна), Fantasyland (страна фантазий), Tomorrowland (страна будущего) и т.д. Любая из этих стран может рассматриваться в качестве прототипа для квазитрансформации «Dahmerland» (страна Дамера).

Рассматриваемый телесериал снят по мотивам романа Джеффри Линдсея «Дремлющий Демон Декстера», что означает наличие обоими произведениями схожей сюжетной линии, а также главных действующих героев. Если в книге выразителем смысла является сам автор, то в ее экранной версии – вся съемочная группа, возглавляемая режиссером. Именно режиссер интерпретирует сценарий и придает фрагментам кинокартины единство и законченность, что несет в себе отпечаток его индивидуальности. Следовательно, мы можем сказать о том, что данная экранизация представляет собой отдельное произведение, продолжающее идею книги.

Согласно замыслу создателей телесериала, каждый сезон представляет собой не только логическое продолжение предыдущего, но и раскрывает определенную тему. Так, например, центральной идеей первого сезона является *индивидуальность*, проявляющаяся в наличии у главного героя определенного кодекса – кодекса Гарри, который позволяет ему отбирать преступников. Второй сезон отражает идею

одержимости, когда главный герой не в состоянии контролировать собственные желания и вынужден прибегнуть к помощи других людей. Третий сезон раскрывает тему *доверия*, помогающего главному герою выстраивать отношения с близкими, и коллегами.

Четвертый сезон затрагивает тему *ответственности*, которая возлагается на героя, ощущающего себя в роли новоиспеченного отца. Пятый сезон символизирует идею *альтруизма*, на который решается главный герой для искупления своей вины. Шестой сезон поднимает вопрос *веры*, существование которой до определенного момента главный герой отказывается признавать. Седьмой сезон привносит идею *любви*, которая на некоторое время наполняет жизнь Декстера спокойствием. Заключительный сезон раскрывает идею *самопожертвования*, которое является единственным спасением действующего персонажа.

Завершая рассмотрение интертекстуальных элементов, важно отметить, что каждому из них отведена особая роль в пространстве изучаемого кинодискурса. Упоминания обладают атрибутивной функцией, помогая раскрыть тематическую направленность телесериала. Аллюзии выполняют информативную функцию, позволяя глубже понять не только смысл телесериала, но и личность главного героя. Цитаты несут в себе просветительскую функцию, отражая религиозный аспект кинодискурса. Они выражают послания, описанные в Книге Откровений, и передают сюжеты, взятые из Библии. Квазичитаты выполняют экспрессивную функцию, выражая чувства действующих персонажей и придавая их высказываниям особый оттенок звучания. Продолжение имеет интерпретативную функцию, которая позволяет развить идею ранее известного сюжета и продемонстрировать собственное видение его логического конца.

Список литературы

1. Кристева, Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Диалог. Карнавал. Хроно-топ, 1993, №4.
2. Москвин, В. П. Интертекстуальность: понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили / В. П. Москвин. – Изд. 2-е. – Москва : URSS : ЛИБРОКОМ, 2013. – 169 с.
3. Слышкин, Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. – Москва : Academia, 2000. – 128 с.

Т. С. Галич

Сибирский федеральный университет
(Красноярск, Россия)

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ КОГНИТИВНОГО МЕХАНИЗМА

ON COGNITIVE MECHANISMS NOTION

Настоящая статья посвящена рассмотрению понятия когнитивного механизма, истории его становления, аспектам исследования когнитивных механизмов, отличиям когнитивных механизмов от когнитивных процессов, операций и стратегий. Рассматриваются два формата функционирования когнитивных механизмов: языковой и дискурсивный форматы.

This paper focuses on the definition of cognitive mechanism, its history, different aspects of research, and the distinction between cognitive mechanisms, processes, operations and strategies. The paper considers language and discursive formats of cognitive mechanisms functioning.

Ключевые слова: когнитивный подход, интерпретация, когнитивные механизмы, языковые механизмы, репрезентация смысла, языковой формат, дискурсивный формат.

Keywords: cognitive approach, interpretation, cognitive mechanisms, language mechanisms, meaning representation, language format, discursive format.

Исследование когнитивных механизмов как способов интерпретации мира, вторичной интерпретации и репрезентации знаний о мире, а также способов переработки знаний является одним из актуальных направлений исследования интерпретационной деятельности человека.

Многие ученые полагают, что интерпретируемость окружающей действительности является основой языковой деятельности и, соответственно, основой когнитивного подхода в лингвистике: «Мир не отображается, а интерпретируется – таков один из важнейших девизов когнитивизма» [9. С. 90]. Следовательно, отправной точкой при проведении лингвистического анализа является именно исследовательская ориентация на сознание интерпретатора/субъекта интерпретации (говорящего/слушающего), которое в процессе понимания и конструирования мира производит различные операции с получаемой извне информацией и репрезентирует ее при помощи языка [4. С. 32–33]. Сам интерпретационный аспект оперирования знаниями включает в себя различные способы и механизмы интерпретации мира и вторичной интерпретации знаний о мире с помощью языка [3].

Когнитивные механизмы как часть проявления интерпретационного аспекта представляют собой способы концептуализации и категоризации, обработки и структурирования разнообразных знаний, используемые интерпретатором для выражения мысли.

Понятие когнитивного механизма и механизма вообще берет свое начало в когнитивной психологии и теории обработки информации (Information processing theory). В рамках теории обработки информации впервые были предложены понятие механизма обработки информации и модель интегрированных механизмов обработки информации (information-processing mechanism and a model of integrated information processing mechanism) (Neisser 1967, Miller, Galanter, and Pribram 1960). Разум человека метафорически сравнивался с машиной (человек как «думающая» машина), в которой механизмы обработки информации играли главную роль.

Представляется необходимым подчеркнуть, что изначально суть работы данных механизмов заключалась именно в трансформации информации, полученной/выводимой через определенный канал восприятия (Shannon 1948). Так, к таким механизмам относили замену (replacing), расширение (amplifying), фильтрацию (filtering) (Shannon 1948, Neisser 1967). Однако, связь данных механизмов с языковой системой была обозначена не в полной мере.

Таким образом, механизмы обработки информации сводились к трансформации информации, которой обладает человек. Объяснение их работы было соотнесено в первую очередь с определением типа механизма, разложением его на составляющие компоненты, операции и рассмотрением их взаимосвязи с позиции

именно процессуальной составляющей, а не языковой.

Позднее понятие когнитивного механизма в числе других понятий когнитивной психологии (концепт, фрейм, ментальная репрезентация) было экстраполировано в область когнитивной лингвистики, в задачи которой входило исследование языка именно как средства организации, обработки и передачи информации. Произошло смещение акцента с самих процедур трансформации информации на исследование роли этих процедур (позднее когнитивных механизмов) в формировании смысла языковой единицы или высказывания.

В рамках когнитивной лингвистики при определении когнитивного механизма наряду с аспектом трансформации информации акцентируется его смыслообразующая функция и роль в продуцировании целостных языковых структур. Когнитивные механизмы как результат работы сознания человека представляют собой разные схемы и модели обработки, структурирования информации, а также пополнения и модификации структур знания. Они «выступают в качестве механизмов формирования смыслов, которые и репрезентируются в языке с участием определенных языковых механизмов» [2. С. 7].

Н. А. Беседина подчеркивает интерпретационный аспект когнитивных механизмов, который заключается в том, что именно когнитивные механизмы демонстрируют работу человеческого сознания: «когнитивный механизм – сложнейший способ обработки информации, пополнения, модификации и конфигурации структур знания формирования и передачи конкретных смыслов. Они отображают схемы работы человеческого сознания, дают представление о способах анализа, структурирования концептуализации конкретных объектов и абстрактных сущностей и их репрезентацию с учетом языковых механизмов» [1. С. 111]. Ж. Н. Маслова определяет когнитивные механизмы как «способы мысленной модификации, моделирования и конфигурации различных концептуальных структур» [7. С. 80].

Когнитивные механизмы рассматривались в рамках различных лингвистических теорий: «когнитивная грамматика» (Langacker 1987, 1991; Taylor 2002), «когнитивная семантика» (Jackendoff 1983; Talmy 2003), «когнитивная лингвистика» (Croft, Cruse 2004; Evans, Green 2006; Fauconnier 1997), теория концептуальной метафоры (Lakoff and Johnson 1980). К числу выявленных когнитивных механизмов,

служащих для формирования смысла языковой единицы или высказывания, относят: перспективизацию (Langacker 1991; Talmy 2003), фокусирование / дефокусирование, смену траектории сканирования (отдаление / наведение), профилирование / вторичное профилирование (Langacker 1987), концептуальную метонимию и метафору (Lakoff and Johnson 1980), соединение, достраивание, развитие (Fauconnier, Turner 1998, 2000), механизм основания / обоснования (Talmy 2003; Langacker 1987) и др.

Поскольку когнитивные механизмы представляют собой особые способы формирования смыслов, представляется необходимым обозначить следующие их аспекты:

- различие когнитивных механизмов от ряда смежных с ними понятий;
- различие понятия когнитивного и языкового механизма;
- различие когнитивных механизмов в рамках языковой системы и дискурсивных образований (языкового и дискурсивного форматов).

Когнитивные механизмы отличают от когнитивных процессов, когнитивных операций и когнитивных стратегий.

Под когнитивными процессами обычно понимают общее родовое для всех процессов понятие: «мыслительный процесс» [4. С. 53–56], совокупность процессов, обеспечивающих преобразование сенсорной информации [8], «мыслительные процессы, которые дают нам способность как для объяснения, так и для предвидения» [10. С. 150]. Так, к когнитивным процессам в лингвистике относят, например, концептуальную деривацию и интеграцию [7].

Когнитивные или мыслительные операции (действия) представляют собой процедуры мышления, процедуры, играющие роль в трансформации информации. К числу когнитивных операций относятся логический вывод, умозаключение [7], а также анализ, синтез, систематизацию, классификацию, инференцию [4]. Когнитивные операции являются более мелкими составляющими когнитивных механизмов, их строительным материалом.

Понятие когнитивной стратегии принадлежит к области когнитивной прагматики и объединяет в себе когнитивный и коммуникативный аспекты. Сама процедура достижения цели (коммуникативный аспект) основана на когнитивной деятельности (деятельности с информацией), т.к. достижение цели требует планирования и контроля действий. Когнитивная стратегия рассматривается как совокупность взаимосвязанных когнитивных механизмов,

которые позволяют говорящему достигать своей цели [16].

Следует также различать понятия когнитивного и языкового механизмов, прежде всего потому, что смысловое оформление происходит на двух уровнях: собственно мыслительном и языковом. Когнитивные механизмы служат для передачи определенного содержания, т.е. определенной части знания, которое «упаковывается» при помощи определенных языковых механизмов и языковых средств (лексических, грамматических, синтаксических единиц и конструкций).

Например, когнитивный механизм концептуальной метафоры представляет собой взаимодействие трех компонентов: когнитивных областей источника (source domain), цели (target domain) и процесса метафорического проецирования (metaphorical mapping) – когнитивной операции включающей структурирование области цели по образцу источника [5. С. 9]. При однообразности данного когнитивного механизма он может быть репрезентирован вариативными языковыми средствами, которые обеспечивают языковой механизм метафоризации.

Еще одним аспектом рассмотрения когнитивных механизмов является различие когнитивных механизмов в рамках языковой системы и дискурсивных образований (языкового и дискурсивного форматов).

Так как сам процесс познания и его языковая репрезентация представляет собой сложное когнитивное явление, выделяются когнитивные и языковые механизмы многоуровневой конфигурации знаний. О. В. Магировская классифицирует языковые механизмы, распределяя их по уровням познания, в рамках многоуровневой конфигурации знаний [6. С. 389]. Выделяются следующие уровни познания: уровень эмпирического познания, уровень понятийного осмысления, уровень вторичного (интерпретационно-оценочного) осмысления.

Каждому уровню присущи когнитивные и языковые механизмы, которые подчинены различным функциям в процессе конфигурации знаний о мире [6. Там же]. Чем сложнее уровень познания, тем многочисленней становятся когнитивные механизмы формирования смысла: «Вторичная конфигурация знаний становится возможной в результате активизации наиболее многочисленной группы когнитивных механизмов формирования смысла, специфика которых заключается в их выделительном потенциале, конкретизирующем характере, ассоциативности и интегративности» [6. Там же].

Представляется целесообразным сделать вывод о том, что функцией когнитивных механизмов является смысловое оформление информации. Они выступают как инструменты сознания по формированию конкретных смыслов или для структурирования и передачи сложного концептуального содержания и предполагают фокусирование внимания субъекта познания на тех или иных характеристиках концептуального содержания. Когнитивные механизмы присутствуют на всех уровнях познания и могут быть рассмотрены как в рамках языковой системы (как механизмы формирования смысла языковых единиц разного уровня: морфологических, грамматических, синтаксических), так и в рамках дискурсивных образований. Особый интерес представляет рассмотрение функционирования когнитивных механизмов в рамках дискурсивных образований.

Список литературы

1. Беседина Н. А. Морфологически передаваемые концепты: монография / Н. А. Беседина. – М. : Тамбов: Изд-во ТГУ. – 2006. – 214 с.
2. Болдырев Н. Н. Актуальные задачи когнитивной лингвистики на современном этапе // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 1. – С. 5–13.
3. Болдырев Н. Н., Маховикова Д. В. Лексический способ концептуализации времени в современном английском языке // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2012. № 2. – С. 5–15.
4. КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М. : Изд-во МГУ. – 1996. – 408 с.
5. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем. – М., – 2004. – 256 с.
6. Магировская О. В. Когнитивные и языковые механизмы многоуровневой конфигурации знаний // Когнитивные исследования языка. Вып. XV: Факторы и механизмы языковой когниции. – М. : Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ. – 2013. – С. 381–392.
7. Маслова Ж. Н., Попова Е. А. Проблема разграничения когнитивных процессов, механизмов, операций // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации: Материалы докладов VII Междунар. конф. (25-27 февраля 2015 года) – Саратов: ИЦ «Наука». – 2015. – С. 80–84.
8. Реан А.А. Психология человека от рождения до смерти. – СПб. : ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК. 2002. – С. 656.

9. Фрумкина Р. М. Когнитивная лингвистика или «психолингвистика на-оборот» // Язык и речевая деятельность. – Санкт-Петербург, 1999. – С. 80–93.
10. Хьелл Питер. Л., Зиглер Д. Теории личности. – СПб.: 2003. – С. 608.
11. Croft W., Cruse A. Cognitive Linguistics. – New York: Cambridge University Press. – 2004. – P. 374.
12. Evans V., and Green M. Cognitive Linguistics: An Introduction. – Edinburgh University Press. – 2006. – P. 830.
13. Fauconnier G. Mappings in Thought and Language. – Cambridge University Press. – 1997. – P. 205.
14. Fauconnier G., Turner M., The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. – New York: Basic Books. – 2002. – P. 440.
15. Jackendoff R. Semantics and Cognition. – Cambridge, MA: MIT Press. – 1983. – P. 283.
16. Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. – 1989. – P. 272
17. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. – Chicago: University of Chicago Press. – 1980. – P. 256
18. Langacker R. Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. – Berlin & New York: Mouton de Gruyter. – 1991. – P. 395
19. Langacker R. Foundations of Cognitive Grammar. – Vol. I. Theoretical Prerequisites. – Stanford, California: Stanford University Press. – 1987. – P. 628
20. Miller G., Galanter E., Pribram K. Plans and the structure of behavior. – New York: Henry Holt. – 1960. – P. 226.
21. Neisser U. Cognitive Psychology. – Appleton-Century-Crofts New York. – 1967. – P. 385.
22. Shannon C. E. A Mathematical Theory of Communication // Bell System Technical Journal. – 1948. – T. 27. – C. 379 – 423.
23. Talmy L. Toward a Cognitive Semantics Cambridge. – MA: MIT Press. – 2000. – P. 549.
24. Taylor J. Cognitive Grammar. – Oxford: Oxford University Press. – 2002. – P. 621

И. В. Григорьева, А. Б. Туманова

*Казахский национальный университет им. аль-Фараби
(Алматы, Казахстан)*

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ КОНЦЕПТЫ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

LINGUOCULTURAL CONCEPTS OF COLOR TERMS IN THE INDIVIDUAL AUTHOR'S PICTURE OF THE WORLD

В статье рассматриваются лингвокультурные концепты цветообозначения, их роль и место в индивидуально-авторской картине мира. Предпринята попытка проанализировать их на текстовом материале современных казахстанских авторов, пишущих на русском языке, выявить своеобразие авторского мировидения, особенности личностного представления концептов цвета через взаимосвязь с другими концептами.

This article regards linguistic and cultural concepts of color terms, their role and place in an individual author's worldview. An attempt is made to analyze them basing on the text material of modern Kazakhstan authors writing in Russian and identify the originality of the author's view of the world, especially the personal representation of color concepts through their relations to other concepts.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт, концепт, цветообозначение, индивидуально-авторская картина мира, лингвоцветовая картина мира.

Keywords: linguistic and cultural concept, concept, color term, individual author's worldview, linguistic color worldview.

Развитие современной лингвистики в рамках антропоцентрической парадигмы характеризуется смещением интересов исследователей в сферу изучения внешних явлений действительности во взаимодействии с языком, человеком, когнитивной, в частности процессами внимания, памяти, восприятия и их языковой репрезентацией.

Мир воспринимается человеком через богатство разнообразных форм восприятия, одной из которых является зрительное. В психологии оно определяется как «совокупность процессов построения видимого образа окружающей действительности», «сложный психофизиологический процесс формирования перцептивного образа» [9. С. 75]. Цвет в психологии имеет два значения: 1) Зрительный образ, возникающий при воздействии на сетчатку световым излучением, 2) в общепсихологическом значении – цвет, который человек видит обычным зрением, не ограниченным специальными условиями наблюдения. «Такой образ называется «предметным» цветом, он характеризуется значительно большим числом качеств, среди которых перцептивные (блескость, теплота, матовость и т. д.), эмоциональные (приятный, возбуждающий, спокойный и т. д.) и др. психологические качества» [9. С. 537].

В зрительном восприятии цветовые признаки предметов занимают одно из ведущих мест. Уникальный физиолог, психолог, физик и математик Г. Гельмгольц, рассуждая о цветовых тонах, констатирует, что все различия в тонах ограничиваются тремя, которыми он называет «различия оттенка, насыщенности и яркости» [2. С. 68]; ученый дает подробное обоснование теории трехцветных цветовых ощущений, обосновывает их частотность в процессах восприятия.

Цвет в отношении триады человек – когнитивия – окружающая действительность является одним из важнейших понятий. Изучение специфики отношений между ее звеньями дает возможность проанализировать разнообразные способы концептуализации окружающего мира тем или иным субъектом. Актуальность исследования цветообозначений в лингвокультурологическом аспекте обусловила цель данной статьи – рассмотреть особенности личностного представления концептов цвета через взаимосвязь с другими концептами, способы репрезентации действительности посредством индивидуально-авторского мировосприятия и мировидения.

На сегодняшний день трудно назвать какую-либо научную отрасль, в которой бы не рассма-

тривалась проблема цветообозначений: природа цвета, его признаки, свойства, символические обозначения в культуре, эстетическое воздействие и т. д. В философии, психологии, психиатрии, лингвистике проблемы цветообозначений изучались и продолжают изучаться учеными: Л. Витгенштейном, М. Люшером, Б. Берлином и П. Кеем, А. П. Василевичем, А. А. Брагиной, В. М. Мокиенко, Р. В. Алимпиевой, Н. Б. Бахилиной, Р. М. Фрумкиной, А. А. Залевской, Т. И. Вендиной, В. Г. Кульпиной, З. И. Комаровой, М. Б. Талапиной, Е. В. Рахилиной и др.

В казахстанской лингвистике в исследовании цветообозначений известны фамилии ученых: Ф. Н. Даулетова, А. Т. Кайдарова, М. М. Копыленко, З. К. Ахметжановой, Г. А. Кажигалиевой, Ш. К. Жаркынбековой и др. В исследовании Ш. К. Жаркынбековой «Языковая концептуализация цвета в казахском и русском языках» цветообозначения рассматриваются как лингвокультурные феномены. Цветоконцепты, по мнению ученого, – «этнически культурно обусловленные сложные структурно-смысловые образования, вербализованные в языке и включающие в себя понятийную, образную и ценностную составляющую» [3. С. 4]. «В них фиксируются многочисленные смысловые трансформации, происходящие в языке и в культуре в целом» [3. С. 15].

Известно, что цветовая картина мира является составной частью культурной и концептуальной картин мира, а следовательно, и индивидуально-авторской картины мира. Окружающая действительность познается всеми органами чувств. Цветовые ощущения позволяют конструировать представления о мире; во многом на их основе формируются оценки, ориентиры и приоритеты личности автора, принадлежащего к определенной лингвокультурной общности. «Лингвоцветовая картина мира реализуется в форме цветообозначений в отдельных лексемах, словосочетаниях, идиоматических выражениях и других вербальных средствах, она органично входит в лексическую систему языковой картины мира» [12.]. Как утверждает В. Г. Кульпина, «познавательные функции цветоименований характеризуются высокой социальной окрашенностью. Именно цвета предстают своего рода маркерами социальной направленности когнитивных процессов. Так, физический цветовой спектр при восприятии человека превращается в систему цветовых лингвистических символов, становящихся совокупностью регулятивов

в социальном мире» [7. С. 442]. В этой связи анализ концептов цветообозначений в индивидуально-авторской картине мира писателя представляет особый интерес.

Важно отметить, что прилагательные-колативы представляют собой лингвокультурные концепты, включающие большое количество коннотативных значений, ассоциативных связей; имеющие символическое наполнение и обладающие способностью характеризовать многие предметы, понятия и явления действительности. Разграничивая когнитивный концепт и лингвокультурный концепт, Г. Г. Слышкин акцентирует внимание на двух основных свойствах лингвокультурного концепта: 1) полиапеллируемость, 2) ограниченное число культурно значимых единиц, выступающих в качестве имен концепта [10. С.105].

Ученые-лингвисты с различных позиций подходят к определению термина «лингвокультурный концепт». Содержание концепта обосновывается исследователями с учетом признания его трех- или четырехуровневой организации. Общепринятым в рамках данного направления является мнение о трехчастной структуре концепта, которая представлена понятийной, образной и ценностной составляющими (по В. И. Карасику, Г. Г. Слышкину «сторонами концепта»).

С лингвокультурологических позиций концепт – это «семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой» [8. С. 36], то, в «виде чего культура входит в ментальный мир человека, и с другой стороны – это то, посредством чего рядовой человек сам входит в культуру» [11. С. 41], «объект из мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий культурно обусловленное представление человека о мире «Действительность» [1. С. 23], «некое суммарное явление, по своей структуре состоящее из ценностного (нередко образного) представления о нем человека» [6. С. 42]. Следовательно, лингвокультурные концепты цветообозначения выражают ценностные смыслы в индивидуально-авторской картине мира. На основе выявленных аксиологических доминант можно говорить об особенностях авторского мировидения, уникальности индивидуальной трактовки изображаемых в произведениях явлений, событий, героев и т. д.

В структуре содержания слов-имен лингвокультурных концептов в качестве национально-культурного компонента нами рассматриваются культурные коннотации. При лингвокультурологическом анализе языковых единиц

термин «культурная коннотация» является базовым. Являясь результатом денотативно-сигнификативного и образно-мотивированного аспектов значения в соотношении с категориями культуры, она дает нам систему знаний о культурно значимых ценностях, установках, национальных приоритетах, менталитете этноса в целом.

Проведенный нами анализ концептов цветообозначений по количеству репрезентирующих лексем позволил установить, что в индивидуально-авторской картине мира Б. Канапьянова концепт «город» передается наиболее частотно в сочетании с лингвокультурным концептом «белый». В воспоминаниях автора город Алма-Ата – это Белый город, что свидетельствует о характере отношения писателя к родному краю, о чистоте помыслов в отношении города. Так, в книге-эссе «Кофе-брейк» находим: *«...Он как-то ненавязчиво, но всей глубиной своей прекрасной души любил ландшафты Семиречья и был великим сыном Белого города у подножья Заилийского Алатау. "Мой город во Вселенной знаменит тем, что его ничем не заменить", – написал когда-то Олжас Сулейменов об Алма-Ате. Эти строки часто повторял и Дмитрий Снегин. О его вечно молодом городе знали во всем мире...»* [5. С. 15]. В воспоминаниях Б. Канапьянова не только сам город Алма-Ата белый, но и здания, жилые дома, в которых живут горожане: *«Помню, как Расул Гамзатов, находясь на горе Кок-Тюбе, восклицал: "Как в моем Дагестане!" И эти слова признания пятидесятилетнего горца шашлычный дым уносил вниз к прекрасному городу, к его белым домам, отдыхавшим в тени деревьев...»* [5. С. 38].

У писателя белые дома Алма-Аты не только связаны с повседневной жизнью горожан, бытом. Белый дом – это еще и городское учреждение, связанное с творчеством писателей: в нем их могут наказывать или поощрять. *«Известный поэт Гафу Каирбеков жил за Домом правительства...»*

Однажды, подходя к зданию Союза, он увидел группу писателей, стоявших у входа, и загадочно произнес:

– Сегодня в Белый дом заходил.

Писатели переглянулись, ибо Белым домом в народе называли массивное здание на площади им. Брежнева, куда не часто вызывают писателей и поэтов, а если вызывают, то это – или нагоняй, или какая-либо премия и награда.

Через дня два все повторилось опять, и вновь Гафу-ага с невозмутимым видом произ-

нес эту магическую фразу:

– *Сегодня был в Белом доме*» [5. С. 40]. Очевидно, что лингвокультурный концепт «белый» по отношению к городскому учреждению в данном контексте соотносится с универсальными представлениями писателя-этнического казаха о справедливости.

Имплицитно лингвокультурный концепт «белый» передает состояние и отношение писателя-патриота к своей родине через описание снежного (т. е. белого) города зимой: «*Роман заканчивается следующими фразами: "... Являясь патриотом своего города Алма-Аты, хотел бы заявить, что лучше, чем в Алма-Ате, нигде так не падает ночной снег. Он словно бы бесцельно плывет вертикально. И можно даже услышать звук падающего, плывущего снега. Я все это к чему. К тому, что когда-то Пабло Неруда, будучи послом в одной из стран Юго-Восточной Азии, привез оттуда большой цикл новых стихов. Наш Олжас Сулейменов, будучи послом в Италии, привез оттуда фундаментальный труд "Язык письма". Я бы хотел пожелать уважаемому автору, господину Франциско Паскуаля Де Ла Парте написать еще один роман или повесть о жизни в Казахстане, ибо, поверьте моему опыту, нигде так не пишется и творчески не думается, как в благословенном городе у подножья гор – Алма-Ате*» [5. С. 44]. Концепт «белый» в творчестве Б. Канпамянова играет важную роль в представлениях о пространстве, эмоциональном состоянии. Для казахов традиционно *белый* (ак) считается сакральным, связан с чистотой и непорочностью, надеждами на лучшее; высоким положением в обществе. В текстах лексема *белый* представлена с положительными коннотациями, отражает ценностные представления автора о родине, справедливости, патриотизме, духовных благах.

В ходе анализа лингвокультурных концептов цвета в творчестве М. Земскова-этнического русского неожиданным открытием для нас стало выявление частотности лингвокультурного концепта «желтый» в соотношении с концептом «город» в воспоминаниях об Алма-Ате в произведении в жанре эссе «Противостояние»: «*Мои воспоминания – и значит я сам – невидимой плацентой прочно прикреплены к определенным домам, улицам, деревьям. Мне становится физически плохо, когда старый желтый дом на улице Шевченко, мимо которого я проходил каждый день в течение многих лет, неожиданно перекрашивают в оранжевый цвет. Но сегодня его даже не перекрашивают, а огораживают забором*

и сносят. Мой мир разрушается. Он разрушается каждый день. Дерево на улице Тулебаева заболело, и его спилили» [4]. В индивидуально-авторской картине мира М. Земскова лексема *желтый* выступает с положительными коннотациями. *Желтый* для героя – это не только цвет старости, но это и цвет эмоционального отношения к родному, своему, связанный с солнечным светом, теплом, спокойствием, детством. Мир личного пространства для писателя – это, как он говорит, «символы-зацепки», в числе которых цвет играет одну из важных ролей: «*Что я имею в виду, когда говорю "мой мир"? Чай № 36, зеленый горошек "Globus", квас из желтой бочки-прицепа, груды желтых листьев в парке, мультипликационные Винни-Пух и Карлсон. Потрепанный томик Толстого, репродукция "Явления Христа народу" и голос Высоцкого из динамиков. Соседская собака Граф и солнечное пасхальное утро... Конечно, это не целый мир, а только маленькие материальные символы-зацепки, около которых складывалось мое существование*» [4.]. Лингвокультурные концепты цвета передают состояние комфорта и безмятежности автора: «... Именно поэтому в прошлом, в моих воспоминаниях мне так уютно и комфортно» [4.]. Для представителя славянской культуры желтый цвет имеет положительное и отрицательное значение. В положительном смысле *желтый* обладает символикой золотого, которая связана с представлениями о благородстве, божественности, излучении света, тепла. Данный концепт в произведениях М. Земскова выражает индивидуально-ценностные представления писателя о своем, родном, незабываемом.

Итак, для любого народа в процессах концептуализации и категоризации значимость цвета неоспорима. Анализ лингвокультурных концептов цветообозначений представляется перспективным и охватывающим круг важных вопросов, связанных с изучением перцептивных признаков объектов, способов построения и организации визуального пространства автора. В этом плане современная русская литература Казахстана представляет собой благодатный материал. Многонациональность современной казахстанской литературы вызывает особый интерес исследователей в изучении данной проблематики. Исследование особенностей цветообозначений в соответствии с современной антропоцентрической парадигмой позволяет проанализировать различные способы языковой концептуализации действительности, выявить особенности индивидуально-ав-

торского мировидения, обозначить ценностно-значимые ориентиры в индивидуально-авторской картине мира писателей-представителей различных этносов.

Список литературы

1. Вежбицкая, А. Лексикография и концептуальный анализ / А. Вежбицкая. – М.: Языки русской культуры, 2001. – С.23.
2. Гельмгольц, Г. О зрении человека; Новейшие успехи теории зрения: пер с нем. / Г. Гельмгольц. – М.: ЛИБРОКОМ, 2011. – 192 с.
3. Жаркынбекова, Ш. К. Языковая концептуализация цвета в казахском и русском языках: дис. ... д-ра филол. наук / Ш. К. Жаркынбекова. – Алматы, 2004. – 265с.
4. Земсков, М. Противостояние / М. Земсков // Октябрь. – URL: <http://magazines.russ.ru/october/2008/5/ze25.html>.
5. Канапьянов, Б. Кофе-брейк (Заметки, Эссе, Диалоги) / Б. Канапьянов. – Алматы, 2004.
6. Красавский, Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах

/ Н. А. Красавский. – Волгоград: «Перемена», 2001. – С. 42.

7. Кульпина, В. Г. Лингвистика цвета. Термины цвета в польском и русском языках / В. Г. Кульпина. – М.: Изд-во «Московский лицей», 2001. – С.442.

8. Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М.: Академия, 2004. – С. 36.

9. Мещеряков, Б. Г. Большой психологический словарь / Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. – М.: Прайм-Еврознак, 2008. – 633с.

10. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты / Г. Г. Слышкин. – Волгоград: Перемена, 2004. – 340 с.

11. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М., 1997. – С.41.

12. Ханзеева, Д. П. Цветообозначение в бурятском языке: лингвокультурологический аспект: дис. ... канд. филол. наук / Д. П. Ханзеева // Библиотека диссертаций. – URL: <http://www.dslib.net/jazyki-mira/cvetooboznachenie-v-burjatskom-jazyke-lingvokulturologicheskij-aspekt.html>

М. А. Гуляева

Волгоградский социально-педагогический университет
(Волгоград, Россия)

ДИСКВАЛИФИКАЦИЯ КОММУНИКАЦИИ КАК СТРАТЕГИЯ ВЫХОДА ИЗ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОЦЕССА

DISQUALIFICATION OF COMMUNICATION AS THE STRATEGY OF COMMUNICATION WITHDRAWAL

В статье приводится подробное описание одной из стратегий выхода из коммуникативного процесса, а именно дисквалификации коммуникации, а также тактик ее реализации. Данное исследование выполнено на основе анализа практического материала, представляющего собой произведения художественной литературы и кинофильмы 20-21 веков, а также скрипты бытовых разговоров, зафиксированных в процессе наблюдения.

The article represents a detailed description of one of the strategies of communication withdrawal, namely, communication disqualification and the tactics of its actualization. The following research was conducted on the basis of the data analysis which includes feature films and novels of 20th-21st centuries of any origin and author's records of oral speech.

Ключевые слова: отказ от общения, стратегии отказа, межличностная коммуникация, дисквалификация общения, тактики.

Keywords: communication refusal, strategies of refusal, interpersonal communication, communication disqualification, tactics.

Отказ от общения, являясь существенной составляющей человеческого взаимодействия, наделен большим прагматическим, функциональным и эмоциональным потенциалом. Занимаясь проблемой **отказа от общения**, мы трактуем данное явление как «коммуникативное действие или его значимое отсутствие, целью которого является демонстрация намерения невступления в коммуникацию либо ее прерывание» [2. С. 21]. Исследование коммуникативного акта отказа от общения позволило выявить и описать его механизм и внутреннюю природу. Одной из наиболее интересных сторон изучаемого явления видится многообразие стратегий и тактик его реализации в процессе общения, которые были идентифицированы, а позднее систематизированы в результате анализа практического материала. Среди ведущих стратегий выделяются: 1) стратегия невступления в коммуникативный процесс и 2) стратегии выхода из коммуникации.

Стратегии выхода из коммуникативного процесса используются для завершения уже начавшегося коммуникативного акта. Они включают стратегии дисквалификации коммуникации, пассивного речевого поведения и прерывания общения.

Цель данной статьи – подробное рассмотрение одной из стратегий выхода из коммуникативного процесса, а именно дисквалификации коммуникации, и описание тактик ее реализации.

В своей работе мы, вслед за О. А. Леонтович, понимаем стратегию как «линию коммуникативного поведения, направленную на достижение определенной цели» [4. С. 347]. Тактики, в свою очередь, представляют собой частные коммуникативные действия, совокупность которых способствует реализации определенной стратегии.

Дисквалификация коммуникации представляет собой «линию поведения, при котором один из коммуникантов намеренно сводит на нет как собственные коммуникативные действия, так и действия партнера по общению» [3. С. 118]. При использовании данной стратегии, которая, с нашей точки зрения, носит деструктивный характер, коммуникант ведет себя так, чтобы его собеседник сам изъявил желание прекратить общение. Часто целью коммуниканта может быть не просто желание прекратить общение, но и своим поведением затронуть чувства партнера, произвести иллюзивный эффект.

Для реализации данной стратегии используются тактики, связанные с нарушением прин-

ципов кооперации [5] и вежливости [6], а именно: нарушение логической связности, противоречивые высказывания, притворное непонимание, нарушение принципа вежливости, тактику ликоповреждения собеседника.

А. *Тактика нарушения логической связности* предполагает «нарушение максимы релевантности, а именно уклонение от темы, ответы на реплики собеседника не по существу» [3. С. 119]. Примером может послужить диалог, в котором жена высказывает мужу свои претензии, а он лишь отшучивается. В конце концов, жена не выдерживает и уходит:

– Ты шуточками только пустоту прикрываешь! Ничего тебе, кроме покоя своего, не нужно! Ты эгоист – страшно подумать какой!

– Думать всегда страшно...

– Тебя не только любить, тебя и уважать – то невозможно! – не унималась Надя. – Ты шут! Неудачник! Ноль! Пустое место!

– У тебя лапша пригорит, – ответил Служкин.

– Провались ты со своей лапшой! – взорвалась Надя. Она умчалась на кухню.

(А.Иванов. Географ глобус пропил)

Неоправданная смены темы, как в следующем примере, также помогает реализации вышеупомянутой тактики:

– Как ты думаешь, мы когда-нибудь поженимся???

– Ммм, ну.... Слушай! Сегодня же наши сыграют!

– С кем???

– Ммм, ... с ненашими! (возмущенно) С кем же еще. Ну пока (уходит)» (Телесериал «Папины дочки»).

Б. *Тактика использования противоречивых высказываний* также связана с нарушением принципа релевантности, а также манеры коммуникации. «При ее использовании в диалоге не просто нарушается логическая или смысловая цепочка – реплики лица, желающего прекратить общение, могут выражать смысл, противоположный высказываниям собеседника, быть непоследовательными, непонятными, неоднозначными» [3. С. 119]. Ярким примером такого ведения диалога является ситуация из известной сказки О. Туманяна «Говорящая рыба». Когда Чудовище явилось в дом к старикам задавать загадки, вместо них стал отвечать странник, пришедший, чтобы спасти стариков. Своими быстрыми и противоречивыми ответами он так запутал Чудовище, что оно решило прекратить общение и ушло:

– Я здесь, – слышится за дверью голос Чудовища.

– Я тоже здесь, – отвечает ему гость.

– Ты откуда?

– С того берега моря.

– На чем приехал?

– Оседлал хромого комара, сел верхом и приехал!

– Значит, море было маленькое?

– Какое там маленькое! Орлу не перелететь его.

– Значит, орел – птенец?

– Какой там птенец! Тень от его крыльев покрывает город!

– Значит, город очень маленький?

– Какой там маленький! Зайцу не перебежать его.

– Значит, заяц крошечный?

– Какой там крошечный! Из его шкуры можно выкроить тулуп, шапку да пару рукавиц в придачу.

– Значит, носить их будет карлик?

– Какой там карлик! Посади ему на колено петуха – кукареку не услышит.

– Значит, он глухой?

– Какой там глухой! Он слышит, как олень в горах траву щиплет.

Растерялось Чудовище: чувствует оно, что там, за дверью, есть какая-то мудрая сила – смелая и непобедимая. Не знает Чудовище, что еще сказать, тихо отступает и исчезает в ночной тьме. (О.Туманян. Говорящая рыба).

В. Тактика притворного непонимания представляет собой «такое поведение коммуниканта, при котором имитируется неправильное восприятие сказанного, с тем чтобы подвести разговор к завершению» [3. С. 120]. Типичными фразами в таком диалоге являются следующие: *Я не понимаю, о чем вы говорите; Я не знаю, о чем ты; Не понимаю, что Вы имеете в виду* и т.д.

В художественном фильме *Sleepless in Seattle* герой притворяется, что не понимает, о чем его спрашивают, чтобы избежать нежелательного разговора:

– *What was that about up there? What's with you?*

– *Nothing.*

– *There is something. Tell me.*

– *What are you talking about?*

– *Что это там было? Что с тобой?* – Ничего. – *Что-то случилось. Скажи мне. – О чем ты говоришь?* (перевод наш – М.Г.).

Г. Тактика ликоповреждения собеседника связана с такими коммуникативными проявле-

ниями как высокомерие, презрение, разговор свысока, которые способствуют увеличению коммуникативной дистанции и вызывают у партнера по общению психологический дискомфорт. Отметим, что под ликоповреждением мы понимаем действия, направленные на создание неудобной для адресата ситуации, в которой существует угроза потерять лицо. Проиллюстрируем данную тактику следующим примером, в котором Пити знакомит Джейни, простую молодую девушку, начинающую карьеру модели, с высокомерной Мими, дамой из высшего общества с блестящими манерами, представительницей высшего класса в Нью-Йорке.

– Минутку! – бросил он и притянул к себе Джейни. – Ты знакома с

Джейни Уилкоккс?

Мими протянула худую руку и проговорила без всякого интереса:

– Рада с вами познакомиться.

Джейни была поражена звучанием ее голоса. <...>

– Джейни недавно в Нью Йорке., – сказал Пити. – Она модель.

Мими холодно взглянула на Джейни, усмехнулась и бросила:

– Как все.

И тогда Джейни, поддавшись неосознанному желанию произвести впечатление на своего идола, услышала собственный голос, лепечущий:

– В детстве я рассматривала ваши фотографии в журналах...

Воцарилась неловкая тишина. Джейни могла думать только об одном: угораздило же ее издать этот позорный писк! Мими окинула ее оценивающим взглядом и, решив, что ею можно пренебречь, сказала:

– Неужели? Понятия не имею о чем это вы.

– И, бросив на Пити

многозначительный взгляд, отвернулась. (К. Бушнел. Все на продажу).

Д. Тактика нарушения принципа вежливости связана со стилем общения. В отличие от максим кооперации, направленных на совместное успешное оперирование информацией, целью соблюдения принципа вежливости является взаиморасположение коммуникантов и обеспечение благоприятных условий для успешной реализации коммуникативных задач [1. С. 24]. Сознательное нарушение данного принципа довольно часто становится препятствием для ведения эффективной коммуникации, поскольку индивидуум своим поведением

и манерой речи не способствует успешному общению, а, напротив, отталкивает партнера, увеличивает коммуникативную дистанцию. Примером могут быть бестактность, грубость, высокомерие коммуниканта, который намеренно выбирает для себя такую манеру поведения, чтобы вызвать нежелание партнера продолжать общение.

– Ты куда собрался?

– На Кудыкину гору.

– Все грубишь... невозможно разговаривать.

– А я к тебе в собеседники не напрашивался (КЗУР).

Проведенное исследование позволило дать подробное описание стратегии дисквалификации коммуникации, осуществление которой происходит с помощью тактик нарушения логической связности, противоречивых высказываний, притворного непонимания, нарушения принципа вежливости и тактики ликоповреждения. Однако, нельзя не отметить тот факт, что, с нашей точки зрения, отказ от общения не всегда носит стратегический характер. При ненамеренном отказе от общения у личности изначально отсутствует цель прервать коммуникативный процесс, и, соответственно, какое-либо планирование. При таком отказе сигнал о нежелании общаться посылается спонтанно, под воздействием внезапно нахлынувших эмоций, в результате чего действия адресанта

трудно назвать «линией коммуникативного поведения».

Список литературы

1. Гнатюк Л. Взаимодействие коммуникативных максим в условиях межличностного общения // Вестник ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – №1. – С. 23–26.
2. Гуляева М. А. Стратегия невступления в коммуникацию // Уральский филологический вестник/ БОУВПО «Уральский государственный педагогический университет». – Вып. 3. / Гл ред. Т. А. Гридина. – Екатеринбург, 2013. – С. 21–27.
3. Гуляева М. А. Отказ от общения как составляющая межличностной коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград. 2013. – 170 с.
4. Леонтович, О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: монография / О. А. Леонтович. – Волгоград : Перемена, 2002. – 434 с.
5. Grice H.P. Utterer's Meanings and Intentions // Philosophical Review. – 1969. – Vol. 78. – P. 147–177.
6. Leech G. Principles of pragmatics. – L., 1983. – 250 p.

Д. О. Гурин

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

РЕКЛАМНЫЙ ДИСКУРС: ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ

ADVERTISING DISCOURSE: DEFINING THE CONCEPT

Данная статья посвящена исследованию определения рекламного дискурса, которое, в связи с междисциплинарностью подходов изучения самого понятия «дискурс», рассматривается с точки зрения лингвистических, социологических и семиотических наук.

This article aims at defining the concept of advertising discourse from the linguistic, sociological and semiotic perspective, as the basic notion of discourse is interdisciplinary.

Ключевые слова: дискурс, рекламный дискурс, определение дискурса, семиотика, лингвистика, социология.

Keywords: discourse, advertising discourse, definition of discourse, semiotics, linguistics, sociology.

Рекламный дискурс является одним из наиболее суггестивно-активных типов дискурса, так как включает воздействие на сознание. Однако ввиду междисциплинарного характера изучения рекламной коммуникации невозможно дать однозначное определение дискурсу рекламы. Для того чтобы более полно понимать сущность рекламного дискурса, следует рассмотреть определение самого дискурса как феномена, изучаемого с позиции нескольких научных дисциплин.

Существует ряд подходов к определению понятия «дискурс». А.А. Кибрик и П.Б. Паршин в своей статье выделяют три кластера трактовки феномена: лингвистический, философско-структуралистский и социологический [1]. Другая научная работа рассматривает шесть основных направлений определения понятия, к которым относит чисто лингвистическую, кратологическую, семиотическую, социо-коммуникативную, постмодернистскую и критическую трактовку понятия [3. С. 5]. Однако, в случае изучения дискурса рекламы стоит рассмотреть лингвистические, социологические и семиотические подходы к определению дискурса.

Направление исследования дискурса в рамках лингвистики можно также охарактеризовать как структурно-лингвистическое. Изначально введенный в лингвистику Э. Бюиссансом как третий элемент сосюрсовской дихотомии «язык-речь», эволюционировав из синонима «текста», представленного в трудах З. Харриса в 60-х годах XX века, дискурс принимает значение речи как коммуникативного действия с учетом социального контекста (Н.Д. Арутюнова, А.А. Карасик, В.В. Красных, Е.С. Кубрякова, О.В. Александрова). На современное понимание дискурса повлияли труды французских лингвистов-структуралистов (Э. Бенвенист, П. Серио, П. Шародо), которые понимали дискурс в динамическом аспекте коммуникации, в то время как «текст» приобрел значение статической единицы, трактуемой чисто лингвистическими методами. Таким образом, дискурс определяется с точки зрения «деятельностного подхода» и обозначается как «вербализованная речемыслительная деятельность, понимаемая как совокупность процесса и результата и обладающая как собственно лингвистическим, так и экстралингвистическим планами» [2. С. 113].

Второй подход определяется как структурно-стилистический тип, основанный на смежности понятия дискурса и стиля, и базируется на уточнении понятия индивидуального языка

[1]. Интерес исследователей данного направления направлен «не на дискурс вообще, а на его конкретные разновидности», наделяемые некоторым набором параметров. Термин в данном контексте обозначается как «стилистическая специфика плюс стоящая за ней идеология». Способ говорения имеет возможность создавать «саму предметную сферу дискурса, а также соответствующие ей социальные институты» [Там же]. Таким образом, исследователей интересует понимание дискурса как стиля и индивидуального языка, их структурных особенностей, их социологического применения. Согласно А. А. Кибрику и П. Б. Паршину, представителями данного подхода являются такие философы-структуралисты как М. Фуко, А. Греймас, Ж. Деррида, Ю. Кристева, М. Пешё. Однако М. Фуко, по замечанию О. Ф. Русаковой, также разрабатывал кратологическую теорию дискурса, согласно которой образование как социальный институт является доступом к дискурсу, а дискурс понимается как «диспозитив взаимосвязи знания и власти» [3. С. 13]. Дисциплина является «принципом контроля над производством дискурса» [6. С. 74]. Исследователь отмечает, что властная сила дискурсов, по Фуко, состоит «в заключенных в них правилах и запретах, направленных на подавление всего, что не соответствует принятым в определенном сообществе нормам» [3. С. 12]. Данная трактовка рассматривает понятие дискурса как некую форму «саморепрезентации власти», выраженную «коммуникативным капиталом», которая осуществляет управление с помощью манипулирования знаковыми и символическими системами информационного обмена.

Следующей трактовкой дискурса, представленной в обеих статьях, является социально-коммуникативный подход (Ю. Хабермас). Дискурс понимается с позиции «идеальной коммуникативной модели», подразумевающей диалогичное взаимодействие между двумя индивидуумами, «в процессе которого происходит согласование спорных притязаний на значимость с целью достижения согласия» [Цит. по: 3. С. 21]. Коммуникативное действие является «отрешенным» от личностных мотивов собеседников, уступая главному мотиву дискурсивного взаимодействия – кооперации. Главным средством достижения согласия является аргументация, осуществляемая с помощью «риторического влияния» [7. С. 76]. Хабермас говорит об этике дискурса, через которую отражается его «моральная норма».

Свое понимание дискурса ученый переносит в сферу политического воздействия и предлагает новую форму политической практики – «делиберативную политику» [Там же], представленную особой «коммуникативной формацией, присущей такому гражданскому обществу, где все вопросы решаются методом открытой публичной дискуссии, направленной на достижение согласия» [Цит. по: 3. С. 23]. Дискурс, по мнению Ю. Хабермаса, представляет собой «норму коммуникативного поведения», характерную для «делиберативного политического устройства» [7. С. 115].

Наука о знаках – семиотика, отмечает О. Ф. Русакова, определяет дискурс как «знаковую систему, под которой подразумеваются как вербальные системы знаков (речь, текст), так и невербальные (музыка, мода, архитектура, дорожные знаки, товарные знаки)» [4. С. 38]. Семиотический подход выделяет два структурных плана дискурса: план выражения, или репрезентантов, которые, по мнению ученых-семиотиков, являются «культурными кодами», и план содержания – «смысл» семиотического сообщения. Задача семиотиков состоит в определении возможностей декодировки и интерпретации семиотически осложненных текстов (У. Эко, Р. Барт), в разработке теорий знаковой структуры дискурса (Р. Барт), в изучении влияния «власти» дискурса с точки зрения семиотического подхода (Ж. Бодрийяр). Частным изучением семиотики дискурса можно назвать определение и изучение особенностей креолизованных текстов (Е.Е. Анисимова, Е.А. Елина и др.).

Реклама как феномен общественной жизни определяется несколькими способами, которые, тем не менее, не имеют ключевых отличий. Реклама понимается как тип массовой коммуникации (А. Кутлалиев, А. Попов, И.Я. Рожков, Ж.-Ж. Ламбен, Ф. Котлер и др.), имеющий не персонифицированный характер (К. Бове, У. Арэнс, А. Дейлян, Дж. Бернет, С. Мориарти и др.), оплаченный конкретным рекламодателем (Ф. Котлер, К. Бове, У. Арэнс и др.) и направленный на реализацию определенного товара или услуги путем воздействия на сознание (В.В. Ученова, Н.В. Старых, И.Я. Рожков и др.).

Рекламная коммуникация сквозь призму дискурсивных практик изучается в рамках лингвистического, семиотического и социологического подходов. В связи с междисциплинарностью рекламы можно выделить несколько определений согласно соответствующей парадигме дискурса. Реклама в рамках «линг-

вистического» понимания изучается с точки зрения особенностей ее языковой составляющей. Анализуются тексты рекламы, созданные отправителем сообщения с использованием средств стилистической выразительности, которые способны оказывать больший суггестивный эффект на рекламополучателя. Труды таких ученых как С. Ю. Тюрина, К. Бове, У. Арэнс, Т. Б. Колышкина, А.А. Дедюхин, А.В. Олянич и др. содержат определения рекламного дискурса. Согласно деятельному подходу, можно говорить о дискурсе рекламы как о процессе рекламной коммуникации, результатом которого является рекламный текст.

Позиция семиотических исследований раскрывает понятие рекламного дискурса сквозь призму его знаковой природы. Объектом семиотики рекламного дискурса является креолизованный или поликодовый рекламный текст. Особенностью такого типа текста является использование как вербальных, так и невербальных знаков. Целью исследований являются анализ связей между компонентами рекламного текста (Е.А. Елина, Е.Е. Анисимова, Д.А. Удод и др.), анализ семиотической структуры сообщения – планов репрезентантов и планов интерпретантов (Р. Барт, У. Эко и др.), анализ «властной» теории рекламного дискурса сквозь призму ее семиотической составляющей (Ж. Бодрийяр). Рекламный дискурс с позиции семиотики может быть определен как процесс передачи информации с учетом знаковых систем и способа их кодирования / декодирования, «продуктом» которой является креолизованный рекламный текст.

С позиции социологических наук рекламный дискурс изучается как средство формирования уклада жизни человека, репрезентирующее и формирующее «ценностные» ориентиры, стереотипы и моральные нормы общества. В данном направлении разрабатываются теории влияния феномена рекламы на социум, а также эволюционное развитие рекламных технологий, упрощающих социализацию и инкультурацию. Помимо этого, можно отметить тенденцию «унификации» ценностной парадигмы, актуализируемой с помощью средств рекламы. Рекламный дискурс с точки зрения социологического подхода можно охарактеризовать как средство формирования и отражения потребительской модели действительности, обладающее конструктивными, рефлексивными и регулятивными функциями. Исследователями рекламы в рамках социологических наук являются такие ученые как В.И. Ильин, С.В. Борис-

нев, А.В. Костина, А.В. Кукаркин, Л.Н. Федотова и др.

Подытожив все вышесказанное, можно сделать следующие выводы. Дискурс является междисциплинарным феноменом, имеющим обширное количество вариантов определения. Одними из основных типов понимания термина являются лингвистический, структурно-кратологический, семиотический, социокоммуникативный, постмодернистский и критический подходы. По нашему мнению, рекламный дискурс наиболее ярко выражен сквозь призму лингвистических и семиотических интерпретаций рекламного дискурса, основанных на социологическом подходе. Лингвистический подход к определению понятия является наиболее изученной областью, и понимает рекламный дискурс как процесс языковой деятельности, обладающий определенными функциями и коммуникативными стратегиями рекламы, целями которого являются привлечение внимания к объекту рекламирования, а также воздействие на адресата рекламы. Рекламный текст определяется как результат данной языковой деятельности, который обладает некоторым суггестивным потенциалом, содержащим лингвистические и экстралингвистические средства воздействия. Семиотический подход к определению рекламного дискурса основывается на понимании дискурса с точки зрения его знаковости. Дискурс рекламной коммуникации в семиотике обозначается как знаковая система, сочетающая в себе вербально и невербально представленную информацию, которая выражается через креолизованный рекламный текст. Информация в таком сообщении передается с помощью некоторого кода, декодирование которого возможно при обладании некоторым типом информации. Социологическая

трактовка репрезентирует данный тип дискурса как социокультурный тип информации, который способствует социальной адаптации, инкультурации, формированию и отражению потребительской модели действительности.

Список литературы

1. Кибрик А.А., Паршин П.Б. Дискурс / А.А. Кибрик, П.Б. Паршин // Энциклопедия Кругосвет. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DISKURS.
2. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
3. Русакова О.Ф. Основные теоретико-методологические подходы к интерпретации дискурса / О. Ф. Русакова. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-teoretiko-metodologicheskie-podhody-k-interpretatsii-diskursa>
4. Русакова, О.Ф. PR-Дискурс: Теоретико-методологический анализ / О. Ф. Русакова, В. М. Русаков. – Екатеринбург: УрО РАН, Ин-т междунар. связей, 2008. – 340 с. URL: <http://www.madipi.ru>.
5. Темнова, Е.В. Современные подходы к изучению дискурса / Е.В. Темнова // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2004. – Вып. 26. – 168 с.
6. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет/ Пер. с фр. сост., комм. и послесл. С. Табачниковой / М. Фуко. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.
7. Хабермас, Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / Ю. Хабермас. – СПб., 2001. – 417 с.

З. И. Гурьева, Е. В. Петрушова
Кубанский государственный университет
(Краснодар, Россия)

ДИСКУРС ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ «МАРКЕТИНГ» КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

DISCOURSE OF “MARKETING” AS AN OBJECT OF INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Статья посвящена проблеме языковой концептуализации предметной области «Маркетинг». Важно отметить актуальность современной тенденции преодолевать разрыв между научным

и обыденным знанием и, таким образом, представлять лингвистические проблемы в качестве объекта междисциплинарных исследований. На основании данных, составляющих инвариантный комплекс знаний о проблемах науки маркетинга как всеобъемлющей философии бизнеса, можно построить лингвокогнитивную модель предметной области «Маркетинг».

The present article is concerned with the problem of language conceptualization of “Marketing” as a subject field of human knowledge. It is important to highlight the modern tendency to cross the bridge between scientific and common knowledge and in this way to represent linguistic problems as an object of interdisciplinary research. It is possible to construct linguocognitive model of “Marketing” on the basis of the data comprising an invariant complex knowledge of marketing as a science and a universal business philosophy.

Ключевые слова: маркетинг, языковая концептуализация, лингвокогнитивная модель, философия бизнеса, междисциплинарные исследования.

Keywords: marketing, language conceptualization, linguocognitive model, business philosophy, interdisciplinary research.

Бурные перемены в современном мире находят свое актуальное отражение в языке. Проблема языковой концептуализации действительности в определенной степени связана с отмечаемой лингвистами общепознавательной тенденцией – преодолевать разрыв между научным и обыденным знанием – и становится, таким образом, объектом междисциплинарных исследований.

Маркетинг, будучи философией бизнеса, постепенно становится одной из основополагающих дисциплин для профессиональных деятелей рынка, таких, как розничные торговцы, работники рекламы, исследователи маркетинга, заведующие производством новых и марочных товаров и т.п. Им необходимо знать, как описать рынок и разбить его на сегменты; как оценить нужды, запросы и предпочтения потребителей в рамках целевого рынка; как сконструировать и испытать товар с нужными для этого рынка потребительскими свойствами; как посредством цены донести до потребителя идею ценности товара; как выбрать умелых посредников, чтобы товар оказался широкодоступным, хорошо представленным; как рекламировать и продавать товар, чтобы потребители знали его и хотели приобрести.

Поисковая система Google дает 35,4 млн. словосочетаний со словом “marketing” и 1,63 млн. определений термина «маркетинг». Это говорит о том, что сфера применения инструментов маркетинга обширна и разнообразна.

Исходя из практически общепринятого определения, данного известным американским ученым в области маркетинга, Ф. Котлером [1. С. 41], можно выделить следующие базовые понятия предметной области «Марке-

тинг»: социальный и управленческий процесс; нужды, потребности и запросы; товары и услуги; потребительская ценность и удовлетворение; потребители и производители; обмен и некоторые другие, связанные с ними понятия.

Итак, исходной идеей, лежащей в основе маркетинга, является идея человеческих нужд, где под термином *нужда* (*need*) – понимается ощущение нехватки человеком чего-либо. Нужды людей многообразны и сложны. Это и физические нужды в пище, одежде, тепле, безопасности, и социальные нужды в духовной близости, влиянии и привязанности; и личные нужды в знаниях и самовыражении. Они являются исходными составляющими природы человека.

Вторая исходная идея маркетинга – потребность. *Потребность* (*requirement*) – нужда, принявшая специфическую форму в соответствии с культурным уровнем и личностью индивида. Деятель маркетинга не создает нужду, она уже существует. Потребности людей безграничны, а вот ресурсы для их удовлетворения ограничены. Так что человек будет выбирать те товары, которые доставляют ему наибольшее удовлетворение в рамках его финансовых возможностей. Потребности, подкрепленные покупательной способностью, становятся *запросами* (*wants*).

Центральное место в маркетинге принадлежит *потребителям* (*consumers*) – конечному звену маркетинга. Чтобы лучше понять их, маркетологи обращаются к разным областям человеческих знаний. Они изучают стиль жизни, убеждения и поведение, свойственные потребителю еще до того, как у него возникает нужда или потребность в каком-то конкретном

товаре. Далее маркетологи рассматривают этапы принятия решения о покупке, собственно *покупки (purchase)* или *обмена (exchange)* и поведения покупателя после совершения покупки. Люди удовлетворяют свои нужды, потребности и запросы с помощью товаров и услуг.

Товар (product) – это все, что может быть предложено на рынке для удовлетворения нужд, потребностей и запросов. Кроме материальных объектов, товаром могут быть услуги, рабочая сила, земля, организации, деятельность и идеи. При выборе товаров и услуг потребители руководствуются своими представлениями об их ценности.

Потребительская ценность (consumer value) – это разница между ценностью, которую приносит потребителю обладание и пользование товаром, и затратами на его получение.

Удовлетворение потребителя (consumer satisfaction) определяется тем, насколько потребительская ценность товара соответствует ожиданиям покупателя. Маркетинг начинается там, где люди решают удовлетворить свои потребности с помощью обмена.

Обмен (exchange) – это акт получения от кого-либо желаемого объекта с предложением чего-либо взамен. Помимо проведения краткосрочных операций обмена, маркетологи должны налаживать долговременные отношения с постоянными покупателями, дистрибьюторами, дилерами и поставщиками. Коммерческий обмен ценностями между двумя сторонами – это *сделка (deal)*.

Рынок (market) – это совокупность существующих и потенциальных покупателей товара. В развитом обществе рынок – это не обязательно какое-то физическое место для осуществления сделок. При наличии современных средств связи и транспорта обмен осуществляется через рекламу, телевидение, систему Интернет и т.п. без вступления в физический контакт с покупателями.

Однако, маркетинговая деятельность не происходит сама собой. Ею нужно управлять. Таким образом, маркетинг – прежде всего *социальный и управленческий процесс (social and management process)*, т.е. процесс анализа, планирования, реализации и контроля программ, разработанных для создания, построения и поддержания выгодных отношений с целевыми покупателями и предназначенных для достижения целей организации.

Маркетинговая деятельность объединяет весь диапазон маркетинговых мероприятий. *Стратегия (strategy)*, *маркетинг (marketing)* и *плани-*

рование (planning) тесно связаны между собой, при этом маркетинг является лишь одним из видов деятельности компании, который помогает доставить покупателю потребительскую ценность. Маркетинг, как и другие виды деятельности компании, определяется ее миссией и видением. Основное место среди стратегических маркетинговых решений занимает выбор направлений деятельности, на реализации которых должна сосредоточиться компания.

На компанию влияют факторы маркетинговой среды. *Маркетинговая среда фирмы (marketing environment of a firm)* – это совокупность активных субъектов и сил, действующих за пределами фирмы и влияющих на возможности руководства службой маркетинга устанавливать и поддерживать с целевыми клиентами отношения успешного сотрудничества. Маркетинговая среда складывается из микросреды и макросреды. Микросреда представлена силами, имеющими непосредственное отношение к самой фирме и ее возможностям по обслуживанию клиентуры, т.е. поставщиками, маркетинговыми посредниками, клиентами, конкурентами и контактными аудиториями.

Макросреда представлена силами более широкого социального плана, которые оказывают влияние на микросреду такими, как факторы демографического, экономического, технического, политического, социально-культурного характера.

Хотя факторы макро- и микросреды компании постоянно подвергаются изменениям и колебаниям, существуют три основные тенденции в развитии маркетинговой среды, имеющие исключительно важное значение для маркетинга. Имеется в виду развитие Интернета и *электронного маркетинга (e-marketing)*, *глобализация (globalization)* и *усиление социальной ответственности (social responsibility growth)* компании.

Проведение *маркетинговых исследований (marketing research)* предполагает использование широкой палитры аналитических методов. Они настолько разнообразны, а требования к их проведению столь серьезны, что маркетинговые исследования представляют собой отдельную профессию.

С помощью *маркетинговой стратегии (marketing strategy)* организация выбирает себе группу потребителей, которую она сумеет обслужить лучше конкурентов. *Сегментирование рынка (market segmentation)* разбивает его на группы потребителей со сходными за-

просами. *Целевые рынки (target markets)* представляют собой наиболее привлекательные для компании рыночные сегменты, а *позиционирование товара (product positioning)* на рынке производится для формирования благоприятного впечатления у клиентов.

Маркетинг не фокусируется на отдельных сделках, а направлен на налаживание длительных и прочных отношений с потребителями. В основе *маркетинга отношений (relationship marketing)* лежит знание потребителей и предоставление им высшей потребительской ценности. *Конкурентная стратегия (competition strategy)* необходима для того, чтобы организация могла должным образом реагировать на действия конкурентов, совершаемые в ответ на реализацию ее маркетинговой стратегии.

Маркетинг реализуется с помощью элементов *комплекса маркетинга (marketing mix)* – четырех “Р”: *товара (product)*, *продвижения (promotion)*, *цены (price)* и *распределения (place)*. Каждый элемент маркетингового комплекса состоит из множества компонентов. Иначе комплекс маркетинга – это набор подпадающих под контроль переменных факторов маркетинга, совокупность которых фирма использует в стремлении вызвать желательную ответную реакцию со стороны целевого рынка.

Таким образом, маркетинг постепенно становится одной из основополагающих дисциплин для профессиональных деятелей рынка, таких как розничные торговцы, работники рекламы, исследователи маркетинга, заведующие производством новых и марочных товаров и т.п. Им необходимо знать, как описать рынок и разбить его на сегменты; как оценить нужды, запросы и предпочтения потребителей в рамках целевого рынка; как сконструировать и испытать товар с нужными для этого рынка потребительскими свойствами; как посредством цены донести до потребителя идею ценности товара; как выбрать умелых посредников, чтобы товар оказался широкодоступным, хорошо представленным; как рекламировать и продавать товар, чтобы потребители знали его и хотели приобрести.

Маркетинг как одна из ветвей экономической науки в целом тесно связана с другими научными дисциплинами, как например, *экономика предприятия, стратегический менеджмент, психология, социология, основы права, бухгалтер и анализ хозяйственной деятельности, логистика и др.*

Исходя из вышеизложенных данных, составляющих инвариантный комплекс знаний о проблемах науки маркетинга как всеобъемлющей философии бизнеса, можно построить лингвокогнитивную модель предметной области «Маркетинг».

Основными компонентами данной модели выступают такие понятия, как *маркетинговая деятельность* (сегментирование рынка, позиционирование товаров на рынке, разработка комплекса маркетинга); *маркетинговая среда* (компания, поставщики, посредники, клиенты, конкуренты, контактная аудитория); *научные дисциплины* (основы рыночной экономики, основы менеджмента, экономика предприятия, социология, бухгалтер и анализ хозяйственной деятельности, логистика, основы права, технико-экономическое проектирование, психология).

Следует отметить, что в данной модели основным компонентом выступает термин *маркетинговая деятельность*, являющийся терминологическим ядром предметной области «Маркетинг», так как он, по нашему мнению, является важнейшим для науки о маркетинге в целом.

По результатам, полученным в ходе анализа текстового пространства предметной области «Маркетинг», представляется возможным создать словарь-тезаурус данной предметной области, который включает основные понятия этой сферы человеческой деятельности.

Список литературы

1. Котлер Ф. и др. Основы маркетинга, 4-е европейское издание. М., 2007. – 1200с.

К. С. Дементьева, Ю. А. Гаврикова

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина
(Нижний Новгород, Россия)

ОККАЗИОНАЛИЗМЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Г. ФОРМАН И ДЖ. ГРИНА

NONCE WORDS IN THE NOVELS BY G. FORMAN AND J. GREEN

В данной статье рассматриваются особенности окказиональных слов. Авторами исследуются основные способы образования окказионализмов в художественных произведениях. Акцент сделан на сложных окказионализмах синтаксического типа. Отличительными чертами таких слов являются оригинальность, экономичность, информативность, экспрессивность и контекстуальность. Материалом для исследования послужили индивидуальные авторские новообразования, взятые из романов современных американских писателей Джона Грина и Гейл Форман.

The article deals with specific features of nonce words. The authors investigate the main types of word-building of such words in works of fiction. The accent is made on complex syntactical nonce words. Their distinctions include originality, economy, informativeness, expressiveness and contextuality. The nonce words for the research are taken from the novels, created by the modern American writers John Green and Gayle Forman.

Ключевые слова: словообразование, окказионализмы, синтаксические сложные слова, словосложение, экономичность, выразительность.

Keywords: word-building, nonce words, syntactic compounds, composition, economy, expressiveness.

Современная языковая картина мира претерпевает постоянные изменения и инновации, поскольку является отражением развития социума. Как следствие, язык художественной литературы также подвергается трансформациям. Чтобы заинтересовать нынешнее поколение читателей, писатели экспериментируют с лексическими единицами, стремятся найти новые пути раскрытия словообразовательного потенциала языка. Лингвокреативность многих авторов находит свое выражение в создании окказионализмов – «особых новообразований, появляющихся в результате индивидуальной словотворческой деятельности» [2. С. 21].

Основной причиной появления окказиональных оценочных номинаций являются установки психологического характера: здесь необходимо подчеркнуть уникальность предмета номинации, его неповторимость, непохожесть на окружающих. Эти уникальные новообразования ввиду нетипичности, непривычности своей семантики придают высказыванию экспрессивный эффект. С их помощью адресант выражает свою оценку по отношению к предмету описания и оказывает воздействие на читателя, направляя его восприятие по нужному руслу.

Еще одной причиной появления подобных лексических единиц в художественном тексте

может быть желание писателя удовлетворить свою потребность в обновлении формы выражения своей мысли и оказании прагматического воздействия на читателя [1. С. 20]. Кроме того, писатель может создать окказионализм, если в уже существующем словарном запасе языка отсутствует слово, адекватно отражающее сущность того или иного явления.

Несомненно, окказиональные слова привлекают внимание читателя из-за их отличия от узуальных лексических единиц. Окказионализмы обладают эффектом оригинальности и новизны, благодаря их отклонению от языковой нормы. Процесс авторского словотворчества неразрывно связан с необычным применением словообразовательных возможностей языка. Однако в отличие от неологизмов, которые тоже создаются с помощью существующих моделей словообразования, окказионализмы не входят в словарный состав языка, не становятся общеупотребительными, они функционируют исключительно в авторском контексте.

Чтобы понять, какие словообразовательные модели автор выбрал для создания окказионализмов в своем произведении, необходимо провести анализ данных единиц. Материалом для исследования послужили романы амери-

канских писателей XXI века: «If I stay» Гейл Форман и «The fault in our stars» Джона Грина.

Выделяют разные виды лексических новообразований, такие как фонологические, семантические и морфологические. Фонологические образуются на основе имитации звука какого-либо предмета, существа или явления. Семантические определяются как слова общеупотребительной лексики, которые приобрели непривычное значение в авторском контексте. Морфологические получены с помощью способов словообразования, которые существуют в данном языке [3. С. 94]. Анализ показал, что все авторские новообразования в вышеупомянутых романах относятся к морфологическому типу. Рассмотрим два основных способа образования окказионализмов в этих произведениях:

1. Аффиксация – способ словообразования, при котором аффикс добавляется к корневой морфеме. Глагол «*vegetarianize*» [6] получен с помощью присоединения суффикса *-ize* к существительному *vegetarian* и означает «сделать блюдо вегетарианским». Прилагательные «*Mozarty*» [5] «*schoolic*» [6] образованы с помощью присоединения к существительным *Mozart* и *school* суффиксов *-y* и *-ic* соответственно. По схожей модели *N + suffix* создано слово «*chipmunked*», которое означает «бурундучьи».

2. Словосложение – способ словообразования, при котором две или более основы слова складываются в единое целое. Этот способ оказался самым продуктивным в обоих произведениях. Анализируемые сложные окказиональные образования делятся на несколько подвидов:

а) Простые композиты – сложные слова, образованные соположением двух и более безаффиксных основ. Примером может служить слово, созданное в предложении:

«*Her ears were so red that it made the little **sideburnlike** tendrils of dark hair look like they were also blushing*» [5].

б) Деривационные композиты – сложное слово, в структуре которого содержатся аффиксы. В предложении: «*Dad rolls his eyes and clasps his hand over Mom's and clears his throat in that **schoolteachery** way of his*» [5] окказионализм «*schoolteachery*» получен в соответствии с моделью: *N + N + suffix* и означает «в манере школьного учителя». Аналогичным способом построено авторское новообразование в высказывании: «*That was two weeks of **pizza-delivery tips***» [5]. По формуле *N (angst) + V (encumber) + suffix (-ed)* образован окказионализм со значением «обременяемый/охвачен-

ный тревогой»: «*...to borrow a phrase from the **angst-encumbered** sixteen-year-olds you no doubt revile – there is a point to it all*» [6].

с) Сложные слова синтаксического типа – композиты, образованные из сегментов речи и сохранившие в своей структуре многочисленные следы синтагматических связей: артикли, предлоги, наречия. Как показал анализ, этот вид окказиональных единиц встречается в данных произведениях чаще всего, поэтому следует остановиться на нем подробнее.

Окказиональные композиты синтаксического типа рассматриваются учеными по-разному. С одной стороны, подобные окказиональные образования относят к категории слов, с другой – к категории словосочетаний. Ввиду того, что такие окказиональные единицы исполняют роль слов в предложениях и имеют своей отличительной чертой орфографическую, морфологическую и семантическую цельность, будет более логично отнести их к разряду слов [1. С. 28].

Окказионализмы, построенные по синтаксическому типу словосложения, чаще всего использовались авторами по нескольким причинам. Во-первых, высокая продуктивность данного вида обусловлена тем, что английский язык, преимущественно аналитический, поэтому основным способом синтаксической связи является примыкание, при котором зависимость одного слова от другого выражается не в грамматических изменениях, а в порядке слов и смысловой связи. Во-вторых, особенность таких многокомпонентных окказиональных единиц проявляется в том, что они экономичны, а, следовательно, позволяют писателю не использовать описательные конструкции, осложняющие структуру предложения. Более того, экономичность синтаксических композитов избавляет автора от надобности присоединять компоненты окказионализма с помощью дополнительных суффиксов или флексий [4. С. 66]: «*We took turns challenging each other to cello duels, each trying to **out-crazy-play** the other*» [5]. Декодирование окказиональных единиц не занимает у реципиента большое количество времени, так как они сходны с уже существующими моделями языка. Например, авторское новообразование в предложении «*The **taking-people-over** business*» [6], имеющее значение «поглощающее, берущее под контроль» не представляет трудности для правильной и быстрой интерпретации. В-третьих, окказиональные слова данного вида обладают информативностью, экспрессивностью и оценочным потенциалом:

«*I'd expected Adam to go crazy when he saw me, his **jeans-and-sweaters** girlfriend all glammed out*» [5]. Окасиональное образование «*jeans-and-sweaters*» помогает создать образ девушки, которая решила предстать в эффектном образе, хотя обычно она предпочитает носить джинсы и свитера, не уделяя слишком много внимания своей внешности.

К тому же, они характеризуются уникальностью и невоспроизводимостью, потому как не могут использоваться вне контекста, в котором они употребляются:

«*I was about to give her my whole **one-kiss-not-equaling-a-relationship** spiel and to explain that I didn't want to blow it out of proportion, but I stopped myself*» [5]. Представленный композит актуален для лишь конкретной ситуации, в которой героиня рассуждает об отношениях со своей подругой.

Рассмотрим другие примеры:

«*I told Mom I wanted to call Augustus to get her out of the room, because I couldn't handle her **I-can't-make-my-daughter's-dreams-come-true** sad face*» [6].

«*I'm calling it "**The Girlfriend's-Going-to-Juilliard-Leaving-My-Punk-Heart-in-Shreds Blues**", he said, singing the title in an exaggeratedly twangy voice*» [5].

В данных предложениях окказионализмы получены на основе целых предложений. Компоненты окказионализмов связаны по тому же принципу, что и компоненты исходной синтаксической структуры (предложения) [1. С. 29]. По всей видимости авторы использовали эти конструкции, не найдя слов, которые послужили бы наиболее точными определениями к существительным «face» и «blues» в контекстах произведений.

«*It featured a **sentence-to-corpse** ratio of nearly 1:1, and I tore through it without ever looking up*» [6].

«*He was just starting his **hipster-to-square** transformation, so he was wearing a vintage suit, with a studded leather belt and black ankle boots*» [5].

При создании окказиональных слов «*sentence-to-corpse*» и «*hipster-to-square*» Джон Грин и Гейл Форман воспользовались одной и той же моделью: N + particle (to) + N для выражения значения соотношения.

«*My shoulder pain had been **lack-of-oxygen** pain. **Heart-working-too-hard** pain*» [6].

«*Even as I was falling in love—full throttle, intense, **can't-erase-that-goofy-smile** love—I didn't really register what was happening*» [5].

Представленные авторские новообразования употребляются для того, чтобы не нагромождать предложения сложными конструкциями. В первых двух предложениях автор использовал окказионализмы, чтобы емко и экспрессивно охарактеризовать чувство боли, в третьем предложении – чувство любви.

Таким образом, на основе анализа окказиональных единиц из двух произведений можно сделать вывод о том, что ведущим методом их создания является словосложение, а наиболее часто встречающимся видом сложных слов оказались окказиональные композиты, построенные по синтаксическому типу, которые выполняют атрибутивную функцию в предложении. Такой результат свидетельствует о желании писателей более сжато описать какой-либо предмет или феномен. К тому же, подобные авторские новообразования, как правило, представляют собой стилистический прием, направленный на наиболее точное выражение задумки писателя в тексте, передачу его эмоционально-оценочного отношения к происходящему. Данные единицы нередко служат в качестве средства художественной выразительности, усиливая экспрессивность текста. Аналитические особенности английского языка способствуют тому, что сложные окказиональные слова синтаксического типа все больше используются авторами художественной литературы.

Список литературы

1. Баталов, О. Г. Когнитивно-функциональный аспект окказионального словообразования в художественном тексте: Дис.на соиск. учен. степ. канд. филол. наук: (10.02.04) / О. Г. Баталов – Нижний Новгород: Нижегород. гос. лингвист. ун-т им. Н. А. Добролюбова, 2004. – 242 с.
2. Гаврикова, Ю. А. Сложные окказионализмы как уникальные оценочные номинации [Текст] / Ю. А. Гаврикова // Теоретические и практические аспекты лингвистики, литературоведения, методики преподавания иностранных языков: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции 15 апреля 2015 года / Под ред. Е. Е. Беловой. – Н. Новгород: НГПУ им. Козьмы Минина, 2015. – С. 21–25.
3. Кузнецова, А. А. Актуальные проблемы создания новых лексических единиц и их функционирование в современном англоязычном дискурсе / А. А. Кузнецова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. № 10. Ч. 2. С. 93–96.

4. Мехеда, М. И. О некоторых особенностях окказионального словообразования в современном английском языке (на материале произведений Х. Филдинг) [Текст] / М. И. Мехеда // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – № 1. – С. 63–69.

5. Forman, G. If I stay – New York: Dutton books, 2009 (ePub).

6. Green, J. The fault in our stars. – New York: Dutton books, 2012 (ePub).

Б. Н. Жантурина

*Московский педагогический государственный университет
(Москва, Россия)*

ПЕРЦЕПТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ В РЕКЛАМНОМ ГЛЮТТОНИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

PERCEPTUAL FEATURES IN ADVERTISING GLUTTONY DISCOURSE

В статье рассматривается особый тип текста рекламного глуттонического дискурса – карта вин, ткань которого опирается на слова с перцептивным компонентом. Принимая во внимание представление о перцептивных системах человека, здесь полезным оказывается понятие о перцептивных высказываниях, вербализующих опыты ольфатической (вкусо-запаховой) перцепции при предикате «to taste / иметь вкус, чувствовать вкус». Апелляция к актуальному чувственному опыту каждого человека в рекламе определяет презентационный характер глуттонического дискурса, карты вин, в частности. Также рассматривается семантика опытов ольфатической перцепции в базовых и производных вкусах, сопровождающихся положительной оценкой. Нарастание положительной оценки до гедонистической оценки показано на примере когнитивных метафор вкуса.

The article focuses on a specific textual type, a wine list, originating from advertising gluttony discourse and the texture supported by words with a semantic perceptual component. With the concept of human perceptual systems in mind, it has proved useful to consider such texts as perceptual utterances verbalizing human olfactory experience based on the verb “to taste” as a predicate of sense perception. With its appeal to a human’s actual sense experience, advertising gluttony texts, wine lists in particular, are marked by an attempt to present and demonstrate its object. The semantics of olfactory perceptual reactions has also been shown in the range of basic and secondary tastes with ameliorative evaluation, its gradation to hedonistic evaluation in cognitive olfactory metaphors as well.

Ключевые слова: перцептивная система, ольфатическая система, перцептивный семантический компонент, вербализованное перцептивное свойство, когнитивная метафора вкуса.

Keywords: perception system, olfactic system, perceptual semantic component, verbalized perceptual feature, cognitive olfactory metaphor.

Формирование сложных системных знаков в рекламном дискурсе остается актуальной проблемой лингвосемиотического описания мира человеком. Особый характер коммуникации в русле «демонстрации» смыслов и «упаковки» намерения в привлекательный визуальный образ или презентационный дискурс в терминах

А. В. Олянича [7. С. 8], нередко сопровождается смешанным характером коммуникации, комбинированием вербального выражения и невербальных перцептивных модусов, в которых представлено действие перцептивных систем человека. В перцептивных системах осуществляется отбор, организация и интерпре-

тация информации, поступающей на органы чувственного восприятия в виде ощущений [8. С. 172]. В актах реальной коммуникации перцептивная, коммуникативная и интерактивная стороны общения протекают одновременно в нескольких системах перцепции, обеспечивая вербальную и паравербальную коммуникацию. Рекламная коммуникация изначально дискурсивна и протекает в диалогах с адресатом, моделирующих актуальный режим общения.

Реклама продуктов питания и глюттоники включают в себя информацию преимущественно от ольфатической (вкус-запаховой) перцептивной системы. Это и телесная схема естественного следования инстинкту выживания и жизнеобеспечения, и стратегия наслаждения, культурная и гедонистическая практика, складывающаяся на базе вкусовых перцептивных реакций отдельного человека и целого социума. Такие практики, согласно взгляду С. А. Рассединой [6. С. 44], не просто культивируются современным обществом потребления, а составляют его жизненную стратегию, подменяющую ценности личности ценностью приобретаемых благ. По мнению Е. Ф. Тарасова [9. С. 13], витальные ценности являются феноменом культуры и социума и вербально представляют биологические и надбиологические программы человеческой жизнедеятельности.

Апеллируя к чувственному опыту каждого человека и биологическим смыслам витальности, реклама утверждает приоритеты утилитарного вкуса отдельных продуктов: *taste* – это ощущение вкуса / *the sense by which flavor is known* и свойство вещества, продукта питания / *quality of a substance made known by this sense*. Вместе с тем, она способствует развитию неутилитарного культурного вкуса при потреблении пищи, наслаждения ею при насыщении. Эстетическое значение существительного «*taste/вкус* – *ability to enjoy beauty* чувство понимания изящного, стиль и манеры за столом» входит в структуру радиальной полисемии при развитии исходного прототипического смысла «*taste/вкус*» [11. С. 885].

В перцептивном глаголе “*to taste*” представлены конверсивные значения: значение физического действия «пробовать на вкус», употребляемое в формах Indefinite/Continuous, значение перцептивного состояния «иметь вкус», употребляемое только в формах Indefinite, и «чувствовать вкус» (только Indefinite), а также в сочетании с модальным глаголом *can*:

I am tasting it to know if it is ready – It tastes funny – I can taste / feel it.

Глаголы с перцептивным компонентом традиционно объединяются как глаголы чувственного восприятия (видеть/*see*, слышать/*hear*, чувствовать/*feel*, ощущать вкус или запах / *taste, smell*, чувствовать на ощупь / *feel*). В них отображена когнитивная практика и способ языковой концептуализации мира посредством органов чувств. Собственно семантический компонент перцептивности [1. С. 41; 2. С. 62] указывает на режим актуального восприятия, а перцептивное событие представлено в субъектно-объектной структуре пропозиции и актантной рамке «перцептор – предикат – перцептив».

Вкус и ольфатическая перцептивная система человека определяют биологическую программу насыщения при познании физической среды обитания, формируя когнитивную практику при концептуализации и категоризации съедобного и несъедобного по перцептивным свойствам продуктов питания и по их воздействиям на человеческие органы вкуса и запаха. Внутренний физиологический процесс протекает и в виде воздействия, и как результат воздействия внешнего «раздражителя» на вкусовые рецепторы; вкусы воспринимаются и оцениваются в два этапа, определяя практически мгновенно на первом этапе один из четырех базовых вкусов – кислый, сладкий, горький, солёный или «мясной»; на втором этапе происходит распознавание пищи, соотнесение перцептивного свойства с продуктом питания, носителем свойства [10. С. 534].

Рекламные сообщения о качестве вина в профессиональном глюттоническом дискурсе дегустаторов оформляют вербализованные перцептивные отклики и реакции на вкус и аромат вина. Актуальные перцептивные опыты ложатся в основу категоризации перцептивных свойств вина, которые могут нести информацию о разных характеристиках продукта и способствовать развитию навыка различения эталонных вкусов.

Информация может быть связана с возрастом самого продукта *youthful, fresh / раннее, молодое, свежее, зеленое (незрелое) – испорченное*:

Youthful and fresh with zesty citrus and green apple notes [12. P.2].

Fresh and crisp [12. P.2].

Послевкусие, перцептивная реакция на глоток вина, также имеет временные рамки, указывая на длительность ощущения или выделяя начало, середину и конец реакции:

Dry and crisp with excellent length [12. P.3].

Medium bodied chenin [12. P.3].

Creamy mid-palate and citrus finish [12. P.4].

Clean almond like finish [12. P.1].

Generous mouthfeel with a soft finish [12. P.3].

Flavors that finish dry and savoury [12. P.2].

Цветовые признаки идентифицируют стиль вина и прототипические природные денотаты-носители цвета через употребление первичных базовых и вторичных цветоименований:

Красное, розовое, белое, red, rose, white, yellow with hints of green, a pale-lime yellow, ruby color with violet hues, royal ruby, ruby to purple [12. P. 1–4].

Black / red cherry, red berry fruit, blackberry, blueberry, black currants, white / black pepper, white peach, green apple [12. P. 1–4].

Но основу оценки вина составляют его ольфакторические характеристики, определяемые, в первую очередь, в соответствии с базовыми вкусами – кислотность, сладкость, терпкость.

Характеристика кислотности вина *acidity* присутствует регулярно в картах вин и составляет зону частной оценки положительных качеств вина: *refreshing acidity, lime-peel acidity, mouth watering acidity, wonderful grapefruit acidity, bright acidity, crisp acidity, healthy acidity* [12. P. 1–4].

Сладкий вкус и наличие остатков сахара устанавливается изначально при различении стилей вина – *сладких sweet, полусладких semi-sweet, off-dry, сухих dry, crisply dry*. Перцептивный отклик на сладкость крайне субъективен, но также фиксируется в том случае, если нарушается стиль напитка, как например, в сухом вине явственно ощущается сладость вкуса зрелых ягод винограда или дубовой бочки.

Oak-aged succulent sauvignon blanc [12. P. 4].

hints of spicy new oak [12. P. 3].

Ripe red fruits and jam accompanied by spice, vanilla oak and licorice [12. P. 3].

Указание на терпкость вина осуществляется через вкус танина/tannin или хинина/chenin, зону положительной оценки количества которого составляют признаковые слова:

refined tannins, soft tannin, velvet tannins, healthy tannins, silky tannins, supple tannins, fine-grained tannins [12. P. 4]. При сдвиге положительной оценки к отрицательному полюсу изменение перцептивных свойств происходит через *medium bodied chenin, firm but ripe tannins*.

Производные вкусы содержат отсылку к прототипическим носителям базового вкуса, среди которых широко распространены простые вкусы фруктов, трав, сортов винограда, меда, хлеба, земли, кофе, табака, шоколада, ванили и специй.

A blend of bordeaux varieties: a bouquet of toasted oak, and coffee bean [12. P. 2].

Full bodied sirah, malbec and petit verdot blend with plum, black berry and black cherry [12. P. 1].

A blend of sauvignon blanc, chardonnay, and semillon [12. P. 3].

Made in the traditional ripasso style [12. P. 4].

Brilliant, champagne-like in style [12. P. 4].

Intense cherries, plums and black fruit, followed by light tobacco, chocolate and vanilla [12. P. 2].

Cassis, blueberry and plum, balanced oak, velvety tannins [12. P. 3].

Эталонная оценка вина выставляется по гармоничному и сбалансированному вкусу (balanced wine) при соразмерных органичных ощущениях от нескольких компонентов и связывается со сложностью, многокомпонентностью вкуса, в каждом отдельном случае устанавливая гармонию равновесия:

A complex wine with a rich bouquet of cherries, berries [12. P. 2].

Complex and sumptuous on the palate [12. P. 3].

Преобладание одного из компонентов (его избыток или недостаток) нарушает эталонную структурированность вкуса, но не положительную оценку напитка, «презентация» которого происходит в формате текста «карта вин». Положительные вкусы оцениваются также в зоне абсолютной оценки как *приятные, мягкие, бархатные, шелковистые, гибкие, податливые / pleasant, soft, velvety, tender, delicate, silky, supple*.

Помимо определений, выраженных такими признаковыми словами, как «*полное и насыщенное / full, well structured, well balanced, perfect balance*», гармония вкуса вина определяется через свойства и признаки, характеризующие внешние признаки высокого социального и имущественного статуса человека: *богатое, благородное, породистое, роскошное, утонченное, элегантное, вино высокого происхождения, «вельможа» среди вин / rich, gorgeous, sumptuous, succulent, sublime, elegant, delicate, luscious*, встраивая эталонные вкусы в вертикальную метафорическую проекцию и положительную зону оценки. Налицо связь между двумя доменами, связанными с человеческим восприятием [3. С. 163; 4]. При пересечении донорской области источника «человек» и области мишени «перцептивное свойство вкуса» именно перцептивный опыт человека ложится в основу нового метафорического значения.

Rich style; elegant and well-structured [12. P. 4].

Sumptuous on the palate [12. P. 3].

Rich and full-bodied [12. P. 2].

Gorgeous berry fruit perfumed with a soft smokiness that harmonizes in perfect balance on the palate [12. P. 4].

Перцептивные опыты вкуса представляют собой события внутренней жизни человека, не всегда вербализованные в соответствующих лексемах. Модель метафоризации в предикатных или признаковых открывает доступ к языковому расширению при переосмыслении прототипических семантических структур, помогающих «сознанию через конкретное освоить нечто трудное для постижения, неявное, ненаглядное, отвлеченное, сложное для понимания» [5. С. 253].

Несомненно, когнитивные метафоры вкуса относятся к первородным метафорам или метафорическим примитивам [4], которые возникают в результате метафорической проекции на концептуальные области, непосредственно ассоциируемые с опытом. Они выводятся на пересечении двух доменов, доступных перцептивному и когнитивному опыту перцептора-дегустатора, образуя сложные «молекулы смысла» в перцептивном пространстве вкуса и иной концептуальной системы.

Таким образом, апелляция к актуальному чувственному опыту каждого человека в рекламном дискурсе определяет презентационный характер такого типа текста, как карта вин. Вербализация перцептивных опытов вкуса при базовом предикате «иметь вкус, чувствовать вкус» направлена на описание вкусового перцептива, содержания восприятия, и сопровождается употреблением лексем, семантика которых описывает перцептивные признаки объекта рекламы. Основные и вторичные цветообозначения описывают признаки цвета, при определении опытов ольфатической перцепции вербализация базовых и производных вкусов сопровождается положительной оценкой. Нарастание положительной оценки ярко проявляется в когнитивных метафорах вкуса и гедонистической оценке, приписываемой им в качестве метафор верха.

Список литературы

1. Гуревич, В. В. Семантическая производность в грамматике. Учебное пособие / В. В. Гуревич. – М.: МОСУ, 1998. – 84 с.
2. Кустова, Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения / Г. И. Кустова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 472 с.
3. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
4. Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
5. Никитин, М. В. Курс лингвистической семантики / М. В. Никитин. – СПб: Научный центр проблем диалога, 1996. – 760 с.
6. Рассадина, С. А. Герменевтика удовольствия: Наслаждение вкусом / С. А. Рассадина: Научное издание. – СПб: . ИД «Петрополис», 2010. – 254 с.
7. Олянич, А. В. Презентационная теория дискурса: Монография / А. В. Олянич. – М.: Гнозис, 2007. – 407 с.
8. Садохин, А. П. Теория и практика межкультурной коммуникации: Учебное пособие / А. П. Садохин. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – 271 с.
9. Тарасов Е. Ф. Проблема анализа содержания общечеловеческих ценностей / Е. Ф. Тарасов // Вопросы психолингвистики. – 2012. – № 1 (15). – с. 8–17.
10. Danesi, M. Food: Semiotics / M. Danesi // Encyclopedia of Language and Linguistics. – Elsevier Ltd. 2006. – P. 533–538.
11. Hornby, A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A. S. Hornby. – Oxford University Press, 1974. – 1037 p.
12. Kennedy, J. Wine List / J. Kennedy // Windows by Jamie Kennedy C. M. – Executive Chef. – Sheraton on the Falls – Niagara Falls. – 2015. – 7 p.

У. А. Жаркова*Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)***ОНОМАСТИКОН ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОГО ДИСКУРСА****PROPER NAMES OF ART DISCOURSE**

В статье обосновывается детерминация номинативных процессов типологическими особенностями дискурса. При рассмотрении ономаσιологического пространства искусствоведческого дискурса выявляются основные единицы междискурсивного анализа в указанной сфере, идентифицируются как онимы названия выставок современного искусства. Концептуальное содержание и прагматика онимов искусствоведческого дискурса рассматриваются как основа для реализации коммуникативных стратегий в языке искусства.

In the article is proved the dependence of the naming on the type of discourse. While analyzing the onomastics of the discourse of art the titles of art exhibitions have been found and described as basic subjects of research. The conceptual content and pragmatics of the exhibitions titles are reviewed as the base for realization of the communicative strategies in the discourse of art.

Ключевые слова: *искусствоведческий дискурс, название выставки, оним, междискурсивный феномен.*

Keywords: *the discourse of art, naming of exhibitions, proper names, interdiscourse.*

Современные исследования языковых единиц во многом обогатились благодаря интеграции дискурсивных методик в методологию научного анализа, и в то же время это привело к чрезвычайному усложнению самого объекта лингвистических исследований. Рассмотрение имени собственного в терминах традиционной теории номинации, вне сферы его бытия, сегодня не только исключает из поля ономаσιологического анализа целый пласт онимов, но и вряд ли может считаться исчерпывающим. В дискурс-анализе необходимым условием адекватной интерпретации номинативных процессов является учет адресатной направленности номинации, условий коммуникации, особенностей употребления и восприятия номинативов, то есть прагматического аспекта именования [6]. В связи с этим исследования онима как междискурсивного феномена можно считать одной из актуальных тенденций современной ономастики.

Расширение функционального и когнитивного анализа онима, в том числе обращение к дискурсивной основе номинации, приводит, на наш взгляд, к появлению новых понятий и терминов в ономаσιологии: ономаσιологический концепт [1], ономастическая метафора [3], ономастическая реалья-неологизм [2], ономастическая игра [4]. Более того, возможным становится переход от «ономастического

пространства» того или иного дискурса к собственно ономастическому дискурсу [7].

Рассмотрение порождения и функционирования онимов в том или ином виде дискурса часто позволяет выйти за рамки структурно-семантического анализа. Так, выявлено, что характер и модели терминологической номинации продуктивно рассматриваются в терминах дискурс-анализа, что позволяет учитывать влияние процессов глобализации на спортивный дискурс [9]. Применительно к рекламно-прагмонимическому, маркетинговому видам дискурса можно постулировать прагматический потенциал наименований, обосновывая суггестивную природу онима в сфере торговли, рекламы, маркетинга [7], а также устанавливать корреляции нейминга и маркетинговых стратегий корпорации [6].

Таким образом, представление о детерминированности номинативных процессов типологическими особенностями дискурса, в котором порождаются и функционируют номинативные единицы, можно считать утвердившимся в современной лингвистике.

Применительно к искусствоведческому дискурсу в практику лингвистической терминологии вошло понятие артионима – названия произведения искусства [8]. Артионимы – названия книг, фильмов, картин – исследователи чаще всего относят к периферии ономастиче-

ского пространства, анализируются, как правило, структура наименования, его концептуальное наполнение, особенности перевода, паратекстуальный потенциал. Артионим может включать онимы других классов – антропонимы, мифонимы, топонимы, формируя сложное, многоуровневое онимическое образование, часто принимающее интертекстуальный характер. Концептуальное наполнение номинатива как малоформатного текста позволяет сделать выводы не только о его прагмалингвистических характеристиках, но и проанализировать доминанты в аксиологическом пространстве лингвонациональной общности [5]. Еще одной важной стороной анализа артионима является его взаимодействие с самим художественным текстом, артефактом, так как часто название произведения является концентрированным вербализованным сгустком авторской концепции данного произведения, а иногда и зерном художественной философии, воплощенной в творчестве художника. Вышесказанное подчеркивает сложность основной единицы ономастикона искусствоведческого дискурса.

В настоящем исследовании нами предпринимается попытка расширить поле ономастического анализа в искусствоведческом дискурсе. Крайне интересным для анализа феноменом нам представляются названия художественных выставок.

Как любые онимы, названия выставок выполняют прежде всего функцию идентификации и индивидуализации референта. Однако очевидно, что прагматика названия выставки, детерминированная стратегиями искусствоведческого дискурса, гораздо богаче его идентифицирующего функционала.

Объектом нашего анализа стали названия выставок современных немецких художников, а также актуальных музейных выставок классического и современного искусства. Специфика объекта исследования определяется некоторым множеством факторов. Так, выставка может быть сформирована произведениями одного художника или нескольких, и в том и в другом случае автором названия выставки может стать художник (художники) и тогда название является непосредственным *репрезентантом художественной концепции* данной коллекции артефактов. Однако в ряде случаев это необязательно или невозможно, название выставке дает галерист, и тогда название – *результат интерпретирующей деятельности* имядателя, а иногда и его *рекламный* или *PR-ход*. Впрочем, этими мотивами нейминга

могут руководствоваться и современные художники, осуществляющие маркетинг своего творчества. В сопоставлении с артионимами можно подчеркнуть ярко выраженную *адресованность названий выставок*; их способность воздействовать на целевую аудиторию, в соответствии с нашей гипотезой, начинает превалировать над концептуальным содержанием. С апеллятивностью связана и неизбежная *креолизованность названия*, которая воплощается прежде всего в его взаимодействии с постером/плакатом выставки. В силу концептуальной нагруженности названия художественной выставки и его апеллятивной функции оно само зачастую становится *объектом интерпретации*, является метафорически, образно закодированным смыслом, который «вскрывается» в пресс-релизе выставки и самим ее содержанием.

Каждый из этих факторов обуславливает особенности названия выставки как дискурсивной практики ономастического характера. Рассмотрим некоторые примеры, демонстрирующие указанные характеристики.

Название выставки вербализует ее концепцию, иначе говоря, принцип отбора произведений именно для данной коллекции. В таких названиях информация о выставке может быть представлена как предельно широко, так и специализированно. Так, например, название „*Beuys Brock Vostell*“ / «Бойс Брок Фостель» позволяет определить, что на выставке можно увидеть произведения трех мастеров современного немецкого искусства, однако без специального знания невозможно понять, объединяет ли коллекция совместные произведения художников, либо представляет собой артефакты, объединенные одной идеей, либо это совместный проект, инициированный самими художниками. Специализация смысла сужает возможности интерпретации и происходит, как правило, за счет реализации в названии жанровой ориентации коллекции или ее хронотопа:

„*Skulptur Projekte Münster 2007*“ / «Скульптурные проекты Мюнстер 2007»

„*Baselitz: 50 Jahre Malerei, 30 Jahre Skulptur*“ / «Базелитц: 50 лет живописи, 30 лет искусства»

„*S.P.: Early works on paper*“ / «С.П.: Ранние работы на бумаге» (С.П. – Сигмар Польке)

„*Neue Systembilder*“ / «Новые системные картины»

„*Max Beckmann. Die Stilleben*“ / «Макс Бекманн. Натюрморты»

Использование лексики с темпоральной семантикой, аллюзий на прецеденты эпохи,

включают выставку в историко-культурный контекст:

„*Leben mit Pop. Eine Reproduktion des Kapitalistischen Realismus*“ / «Жизнь с поп. Ре-продукция капиталистического реализма»

„*Damals, dazwischen und heute*“ / «Тогда, затем и сегодня»

„*1914. Die Avantgarden im Kampf*“ / «1914. Авангарды в борьбе»

Концептуальное содержание названия выставки может передавать не только и не столько принцип ее формирования, сколько художественную концепцию автора, художника на том или ином этапе его творчества, в той или иной проблематике. Экспликация смысла такого названия, а значит, и концепции выставки, с высокой степенью определенности возможна довольно редко, чаще всего в интегрированных структурах концептуально-информативного характера с синкретной структурой:

„*Geschlossene Gesellschaft. Künstlerische Fotografie in der DDR 1949–1989*“ / «Замкнутое общество. Художественная фотография в ГДР 1949–1989»

„*Bildstöcke – Skizzen und Aquarellen von Joachim Schmidt*“ / «Подставки – Эскизы и акварели Иоахима Шмидта».

Иногда название выставки достаточно четко транслирует проблему, которую художник рассматривает в рамках той или иной коллекции:

„*Natur und Zivilisation*“ / «Природа и цивилизация»,

„*The Problem of God*“ / «Проблема Бога»,

„*Über die Freundschaft*“ / «О дружбе»;

либо выделяет предмет интереса художника, то, что он ставит в центр внимания в данной выставке:

„*Farben, heiß und heilig*“ / «Цвета, горячие и святые»,

„*Streifen und Glas*“ / «Полосы и стекло»

На концептуализацию художественной идеи часто работает аллюзивность названия:

„*Der Nibelungen Leid*“ / «Страдания нибелунгов»,

„*Sigfried vergisst Brunhilde*“ / «Зигфрид забывает Брюнхильду»,

„*Der geteilte Himmel*“ / «Разделенное небо»,

„*Maschinen. Your Time Is My Rolex*“ / «Машины. Твое время – этой мой Ролекс».

Встречаются также названия, содержащие (само)позиционирование автора:

„*Martin Kippenberger: sehr gut/very good*“ / «Мартин Киппенбергер: очень хорошо»,

„*Ich bin ein Sender. Multiples von Joseph Beuys*“ / «Я – отправитель. Множества Йозефа Бойза»,

„*A.R. der Übermaler*“ / «А.Р. сверххудожник» (А.Р. – Арнульф Райнер),

„*Der Affe und ich*“ / «Обезьяна и я».

В большинстве же случаев названия перестают выполнять информирующую функцию в силу слишком широких возможностей их интерпретации:

„*In Augenhöhe oder drüber*“ / «На уровне глаз или выше»,

„*Hell trifft Dunkel*“ / «Светлое встречает темное»,

„*Von Giraffen und Menschen*“ / «О жирафах и людях».

Когда информативность названия становится факультативным фактором, преобладающими становится воздействующий потенциал, прагматика аттракции.

Экспрессивность названия как аттрактивный фактор формируется различными средствами. Здесь можно отметить традиционную метафоричность, языковую игру, интертекстуальность:

„*Die Vervielfältigung des Humors*» / «Размножение юмора», „*Im Gewitter der Rosen*“ / «В грозе роз»,

„*Netz. Vom Spinnen in der Kunst*“ / «Сеть. О пауках/заскоках (омонимия) в искусстве»,

„*Hintergrundgeschichten*“ / «Фоновые истории»

„*the Family of Man*“ / «Семья людей» (аллюзия на «семейство Манн»), „*Aller Anfang ist schwer*“ / «Лиха беда начало».

Помимо названных способов создания экспрессивности названия, а значит, повышения его воздействующего потенциала, мы наблюдаем в дискурсе современной выставочной культуры особые, креативные способы привлечения внимания к событию. Это элементы креолизации малоформатного текста:

„*Works 80-08*“ / «Работы 80-08»

40 | 10 (40 Jahre Sammlung, 10 Jahre Museum) / 40 | 10 (40 лет коллекции, 10 лет музея).

Можно говорить также об отклонениях от графической и / или пунктуационной нормы немецкого языка:

„*du hier*“ / «ты здесь»,

„*Gesichter Christus Gesichter*“ / «Лица Христос Лица»,

„*Vorsicht zerbrechlich*“ / «Осторожно хрупко».

На основании проведенного анализа, на наш взгляд, можно дифференцировать две стратегии, релевантные для дискурсивной практики названия выставки. Во-первых, это PR-воздействие как формирование имиджа / репутации художника через экспликацию его

концепции, влияющее прежде всего на отношение целевой аудитории к выставке и ее авторам, основанная на использовании мифов, стереотипов, культурем. И во-вторых, это стратегия рекламирования выставки как события, эксплуатирующая эмоциональный фон информирования, влияющая на поведение целевой аудитории, которая провоцируется на принятие решения о посещении выставки в силу возникшего интереса, здесь задействованы прежде всего образы, ассоциации, аномативность.

Список литературы

1. Белоусова, А.И. Ономастический концепт «Россия» в заголовочном комплексе газетного дискурса: лингвокогнитивный аспект: автореф. дис. ...канд.филол.наук. – Вологда, 2011. – 24 с.
2. Бугрышева Е.С. Ономастическая реалья-неологизм как лингвистический конструкт (на материале телевизионного дискурса неблизкородственных языков) // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2014. № 2. – URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/565>
3. Воякина, Е.Ю. Интердискурсивный потенциал метафоры (на примере ономастической метафоры экономического дискурса) / Е.Ю.Воякина // Вестник Центра международного образования МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2012. №4. С 7–11.
4. Гридина, Т.А. Этносоциокультурный контекст ономастической игры / Т.А.Гридина // Политическая лингвистика. 2011. №1, С.219–223.
5. Ефремова, Т.В. Эволюция концепта «NATURE» в названиях произведений американской живописи XX – XXI вв. / Т.В.Ефремова // Известия Самарского научного центра РАН, Т.15, № 2(4), 2013. – 1004–1007 с.
6. Жаркова, У.А. Наименование товара как феномен маркетингового дискурса / У.А. Жаркова. Вестник Челяб. гос. пед. ун-та. – № 2. –2015. – Изд-во ЧГПУ. – С. 248–256.
7. Исакова, А.А. Основные языковые тенденции в современном ономастическом дискурсе рекламного пространства полиэтничного региона (на примере Тюменской области) // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. – СПб., 2007. – Вып. 4 (ч. II). – С. 9.
8. Климова, Л.А. Артионимические модели в немецком и русском языках / Л.А.Климова // Известия ВГПУ. 2012. №8 (72). – С.57–62.
9. Медведева, Е.Р. Терминологическая номинация в спортивном дискурсе (на материале немецкого, английского и русского языков) / Е.Р. Медведева // Вестник ВолГУ. Серия 9. Вып. 11. – 2013. – 181–185 с.

О. Л. Заболотнева

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

ПОЛИДИСКУРСИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКЦИИ

POLYDISCURSIVE FEATURES OF LECTURES

Статусно-ориентированный дискурс представляет собой институциональное общение. Педагогический дискурс является разновидностью институционального дискурса. Для лекционного дискурса характерны официальность, четкая структура, клишированность и использование стереотипных вводных слов и предложений. Тем не менее, в речи лекторов встречаются элементы разговорного стиля, использование повторов, синтаксических параллельных конструкций, тавтологий и т. д. Подобное смешение регистров речи в рамках лекционного дискурса доказывает полидискурсивный статус лекции. Более того, так как лекционный дискурс является авторским произведением, в нём зачастую представлена самопрезентация учёного.

Status-oriented discourse represents institutional communication. Pedagogical discourse is a variety of institutional discourse. Lecturing discourse is characterized by formality, distinguished structure, stereotyped form and the usage of conventional parenthetical words and sentences. Nevertheless, lecturers sometimes use components of colloquial style, repetition, syntactical parallel constructions, tautologies, etc. in their speech. Such a mixture of registers within the framework of lecturing discourse proves the polydiscursive status of a lecture. Moreover, lecturing discourse appears to be an author's work, hence a scientist's self-presentation is its integral part.

Ключевые слова: институциональный дискурс, лекционный дискурс, лекция, полидискурсивный статус лекции.

Keywords: institutional discourse, lecturing discourse, lecture, polydiscursive status of a lecture.

Под дискурсом понимается текст, погруженный в ситуацию реального общения. С позиций социолингвистического описания дискурса можно противопоставить два типа: личностно-ориентированный и статусно-ориентированный. В первом случае участники общения принимают во внимание множество личностных характеристик друг друга, во втором случае для коммуникантов существенны представительские свойства друг друга (врач – пациент, судья – подсудимый, лектор – студент и т. д.).

Институциональное общение строится по определенному трафарету, где цель общения определяет тематику и тональность дискурса. Именно трафаретность общения является определяющим фактором институционального общения и отличает его от персонального.

Институциональный дискурс есть специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума. Институциональному дискурсу, в отличие от разговорного, присущи такие свойства, как более жесткая структуризация, специфические обстоятельства общения, фиксированная мена коммуникативных ролей, меньшая обусловленность контекстом, ограниченное количество глобально определенных целей и др. [5. С. 72].

Участниками научного дискурса являются исследователи как представители научной общественности, при этом характерной особенностью данного дискурса является принципиальное равенство всех участников научного общения в том смысле, что никто из исследователей не обладает монополией на истину, а бесконечность познания заставляет каждого ученого критически относиться как к чужим, так и к своим изысканиям. Разумеется, объективные достижения ученых и их «научный вес» принимаются во внимание, и знаки ува-

жения в научном дискурсе выражаются весьма подчеркнуто.

Задача ученого – не только добыть знания, оценить их и сообщить о них общественности, но и подготовить новых ученых. Поэтому ученые выступают в нескольких ипостасях, обнаруживая при этом различные статусно-ролевые характеристики: ученый-исследователь, ученый-педагог, ученый-эксперт, ученый-популяризатор. Клиенты научного дискурса четко очерчены только на его периферии, это широкая публика, которая читает научно-популярные журналы и смотрит соответствующие телепередачи, с одной стороны, и начинающие исследователи, которые проходят обучение на кафедрах и в лабораториях, с другой стороны [3. С. 340].

Педагогический дискурс представляет собой специализированную клишированную разновидность общения, которое организуется в рамках определенного института (учебное заведение), имеет определенную цель (социализация нового члена общества) и характеризуется статусно-ролевыми отношениями участников общения (учитель – ученик) [4. С. 17].

Педагогический дискурс – это объективно существующая динамическая система ценностно-смысловой коммуникации субъектов образовательного процесса, функционирующая в образовательной среде учебного заведения, включающая участников дискурса, педагогические цели, стратегии, ценности и содержательную составляющую, обеспечивающая приобретение учащимися опережающего опыта в проектировании и оценке любого педагогического или социального явления в соответствии с нормами культуросообразной деятельности.

Аудиторный дискурс рассматривается как разновидность профессионального дискурса. И хотя варианты последнего, например, такие как научный дискурс, деловой дискурс, юри-

дический дискурс, дипломатический дискурс в научной литературе представлены широко, тем не менее, аудиторный дискурс разработан недостаточно. В особенности это касается «аудиторного дискурса», который определяется как живой процесс коммуникации, «актуализированная в условиях аудитории действительность», проявляющая себя как в эксплицитных (вербальных и невербальных), так и в имплицитных коммуникативных средствах межличностного взаимодействия [1].

Несмотря на официальность и некоторую клишированность лекционного дискурса, в речи преподавателя нередко встречаются элементы разговорного стиля, использование повторов, синтаксических параллельных конструкций, тавтологий, вводных элементов и непосредственно разговорных выражений. Подобное смешение регистров речи в рамках лекционного дискурса доказывает полидискурсивный статус лекции.

В огромном информационном потоке преподавателю приходится отбирать необходимый материал, анализировать и структурировать информацию в доступной для студентов форме.

Современный лекционный дискурс разнообразен. В настоящее время существуют следующие виды лекций: традиционная, интерактивная, лекция с ошибками, бинарная лекция, лекция-диалог, виртуальная лекция и т. д.

Более того, лекции доступны на таких сайтах, как: <https://www.ted.com/talks>, <https://www.youtube.com/watch>, а также <http://tvkultura.ru/video/show/brand>. В рамках данных проектов крупнейшие ученые обращаются к широкой аудитории с целью привлечения внимания к науке. Профессора читают отдельные лекции, а также циклы лекций по одной из фундаментальных наук. Тематика может быть разнообразной и охватывать такие отрасли, как литература, история, искусство, глобальные проблемы современности, технологии, бизнес и развлечения.

Читая лекцию об истории России XX века, доктор филологических наук, декан факультета иностранных языков МГУ Светлана Григорьевна Тер-Минасова использует сленг, чтобы ярче передать контраст между большевиками и «не теми людьми» (Временным правительством), а также для лучшего понимания образа большевиков современными слушателями: «Нас в школах и в вузах учили так, что Первая мировая война, империалистическая война, была войной несправедливой, за раздел рынков конкуренции и т. д. И Россия ее про-

вела бездарно: бездарные генералы, бездарный царь, плохо вооруженная армия, сплошные поражения. Народ этого не вынес – скинул царя-батюшку, но потом к власти пришли тоже “не те люди”, которые ничего не могли, они продолжили эту бездарную войну, но зато потом пришли настоящие крутые *мачо*-большевики, которые со всем этим покончили, заключили мир и потом стали строить счастливое советское общество» (URL: <http://tvkultura.ru/>).

Лекционный дискурс сочетает в себе черты других видов дискурса: педагогического, научного и разговорного. В современном обществе к лекции относятся неоднозначно. Одни настаивают на том, что лекция как составляющая образовательного пространства вуза устарела, её необходимо заменить новыми формами. Другие утверждают, что лекцию в высших учебных заведениях необходимо сохранить, так как это уникальный учебно-научный монолог, который вбирает в себя такие свойства, как: научность, терминологическая насыщенность, информативность, актуальность, логичность последовательность и др.

В живом научном монологе проявляется самопрезентация автора, так как во время изложения материала лектор обращается к своему жизненному опыту, переживаниям, сомнениям, рассказывает о конференциях, встречах со знаменитыми учёными. Подобное личное эмоциональное воздействие производит огромное впечатление на студентов, у которых складывается чёткое представление о предмете, его связи с другими науками, стимулирует появление научных и профессиональных интересов.

Во вступительной части лекции о жизни и творчестве М. Ю. Лермонтова доктор филологических наук, профессор Александр Николаевич Ужанков заинтриговывает своих слушателей: «Сегодня речь пойдёт, пожалуй, о самом таинственном, самом мистическом писателе 19 в. – М. Ю. Лермонтове. И сегодняшнюю лекцию я назвал «Неузнанный пророк». Далее профессор рассказывает о пророческом стихотворении М. Ю. Лермонтова, написанного им в юности: «О чём это стихотворение? Риторический вопрос. Совершенно очевидно, что М. Ю. Лермонтов говорит о тех событиях, которые будут происходить спустя 90 лет после того, как было написано это стихотворение <...>. Смотрите, какое удивительное пророчество в будущее 15-летнего юноши. Он предусматривал этого главного разбойника, то есть он его видел, он прозревал будущее. Откуда у него этот дар?» Вводные слова и повторы

в речи делают её эмоциональной. Уверенность лектора, его умение интерпретировать и объяснять располагают к себе слушателей. Далее профессор использует архаизм «прозорливец» для более точной передачи необычных способностей предка М. Ю. Лермонтова Томаса Лермонта, так как современные понятия экстрасенс или медиум не подходят: «Томас Лермонт предсказал шотландскому королю Альфреду III его неожиданную смерть, то есть он тоже был *прозорливец*, он тоже предвидел будущее» (URL: <http://yandex.ru/video/search?filmId>).

Мариэтта Омаровна Чудакова, доктор филологических наук, профессор Литературного института имени А. М. Горького, в своей лекции, посвященной роману «Мастер и Маргарита», старается заинтересовать слушателей, рассказывая о своем личном отношении к произведению: «Сегодня мы будем говорить о романе «Мастер и Маргарита». Интереснейшая вещь, для меня самой непостижимая. Не скрою, что для меня самой это некоторая загадка». В этой же лекции профессор использует авторский неологизм «огромная необычность», с последующим пояснением, в чем была эта необычность для советских людей 60-х годов (иностранец на Патриарших прудах, разговор о смысле жизни и о боге, сатана как один из героев романа и т. д.): «Какая была *огромная необычность* в самом появлении этого романа – нельзя себе вообразить... *Необычность* его (М. Булгакова) судьбы, среди многих его необычностей, в том, что он появился одномоментно». Тавтология, авторский неологизм и повторы в речи усиливают мысль о том, что жизнь М. Булгакова была полна удивительных и необъяснимых событий (URL: <http://tvkultura.ru/>).

Здесь также представлена самопрезентация автора, так как профессор рассказывает про свой личный жизненный опыт: «Роман вышел, когда я работала в отделе рукописей в библиотеке Ленина старшим научным сотрудником. Я отношусь к тем счастливицам, которые прочитали роман до его выхода в свет за год, в машинописи» (URL: <http://tvkultura.ru/>).

Чтобы заинтересовать слушателей, многие лекторы говорят о всеобщем внимании к некоторым произведениям или стихотворениям. Об этом пишут исследователи дискурса: «Как правило, автор таких воспоминаний полагает, что его жизненный опыт важен для потомков и от-

ражает существенные характеристики событий его эпохи, в которых он сыграл не последнюю роль. Вместе с тем нельзя не признать правоту тех, кто считает, что самопрезентация имеет место в любых авторских произведениях, и в этом плане заслуживают внимания обобщающие суждения, в которых образ автора подается именно так, как он этого хотел [2. С. 190].

Таким образом, лекция – это одна из традиционных форм организации обучения, в условиях которой преподаватель системно и последовательно, преимущественно монологически, излагает и объясняет учебный материал. Несмотря на принадлежность к институциональному типу, лекционный дискурс варьируется от институционального до бытийного и бытового. Лекционный дискурс представляет собой живой процесс коммуникации, во время которого раскрываются личные качества лектора, а также его эмоциональное воздействие на аудиторию путем использования различных языковых стилистических приёмов, посредством которых проявляется самопрезентация автора.

Список литературы

1. Ежова, Т. В. Педагогический дискурс и его проектирование / Т. В. Ежова // Интернет-журнал «Эйдос». – 30 сентября 2007 г. – URL: <http://www.eidos.ru>
2. Карасик В. И. Дискурсивная личность: Перформативные характеристики / В. И. Карасик // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова (Владикавказ), 2014. – № 16. – С. 189-196.
3. Карасик В. И. Защита диссертации как жанр научного дискурса / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Язык. Текст. Дискурс. – Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь), 2010. – № 8. – С. 338-350.
4. Карасик В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000.
5. Макаров, М. Л. Отражение межличностных отношений во взаимодействии коммуникативных стратегий в диалогическом дискурсе / М. Л. Макаров // Прагматика и логика дискурса. – Ижевск, 1991.

С. В. Заборовская

*Харьковский национальный университет радиоэлектроники
(Харьков, Украина)*

INSTAGRAM КАК НОВАЯ ФОРМА ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

INSTAGRAM AS A NEW FORM OF INTERNET COMMUNICATION

Статья посвящена анализу Instagram – новой программы для мобильных телефонов, которая с каждым днем «покоряет» все больше и больше людей во всем мире, позволяя им с помощью фотографий рассказывать о своей жизни, делиться интересной информацией и находить новых друзей по интересам. Подробно рассматриваются функциональные возможности мобильного приложения и их использование в процессе обмена информацией.

The article is devoted to the overview of Instagram. This new program for mobile phones with each passing day “conquers” more and more people throughout the world, allowing the photos to tell us about their lives, share interesting information and make new friends with the same interests. Detail functional capabilities of mobile applications and their use in the process of information exchange.

Ключевые слова: Интернет, коммуникация, Instagram, адресант, адресат, фотография.

Keywords: Internet, communication, Instagram, addresser, addressee, photography.

Бурное развитие информационных технологий и «рождение» Интернета привели современное общество не только к интенсификации языковых контактов в целом, но и к расширению пространства коммуникации в частности. Многие исследователи отмечают, что «в настоящее время Интернет способствует реализации трех основных классов человеческих потребностей, а именно потребностей в общении, познании и в развлечении (игре)» [1. С. 18]. Вероятно, именно поэтому особо популярны среди пользователей различные социальные сети («Facebook», «Twitter», «ВКонтакте», «Одноклассники» и др.), а также блоги («LiveJournal», «Blogger», «LiveInternet», «Diary.ru» и др.), которые способствуют реализации всех этих потребностей. Эти сервисы доступны для пользователей не только с компьютера, но и с мобильного телефона, имеющего выход в Интернет, поэтому в любом месте и в любое время можно написать пост в свой блог, договориться «ВКонтакте» о встрече с друзьями, прочитать последние новости, поделиться своими фотографиями или обменяться сообщениями в любой из социальных сетей. Таким образом, современный человек открыт для коммуникации практически круглые сутки.

В октябре 2010 года у ставших уже довольно популярными социальных сетей появился «конкурент» – бесплатное приложение Instagram, которое позволяет пользователям рассказывать всему миру о своей жизни, инте-

рессах и увлечениях при помощи фотографий, сделанных мобильным телефоном с операционными системами iOS или Android. Отличительной чертой инстаграм-фотографий является их размер – фото имеет одинаковое соотношение сторон, то есть представляет собой квадрат. Обработав фотографию одним из фильтров, предложенных программой, пользователь может выложить ее не только в Instagram, но и в Facebook, Twitter, ВКонтакте, Tumblr или Flickr, где под изображением дается ссылка на это же фото в Instagram. Кроме этого, при помощи геолокации снимок можно «прикрепить» к фото-карте, на которой будут отображаться все фотографии, сделанные этим пользователем в той или иной точке планеты. Опубликованную фотографию также можно прокомментировать и «лайкнуть», т.е. поставить специальный значок, который означает «мне это нравится».

Функционал приложения позволяет просматривать фотографии и оставлять комментарии к фотографиям пользователей, подписываться и отписываться от друзей, а также переходить по хэштегам (т.е. ссылкам) к тематическим группам фотографий разных пользователей не только с телефона, но и с компьютера при помощи веб-просмотрщика инстаграм-фотографий Websta (<http://websta.me/>). Просматривать фото и оставлять комментарии можно также на сайте <http://www.instagram.com>. Однако это не способствует увеличению «радиуса коммуни-

кации» (термин Р. Якобсона), поскольку воспользоваться этими программами могут только уже зарегистрированные пользователи. Для них просмотр и комментирование фотографий становится более комфортным, поскольку писать довольно длинные сообщения или комментарии намного удобнее с клавиатуры компьютера.

Особо следует отметить, что приложение постоянно обновляется. Так, в мае 2013 года стало возможным отмечать в Instagram других пользователей этой сети. Таким образом, у каждого инстаграм-фотографа появился раздел фотографий, на которых он был отмечен. В июне 2013 года в Instagram появилась возможность снимать видео продолжительностью 15 секунд, которые после обработки специальными фильтрами можно также выкладывать в ленту, а в конце 2013 года была запущена функция Instagram Direct, позволяющая отсылать фото, видео или сообщения конкретным пользователям из списка друзей. Не так давно у Instagram появилось еще несколько новых приложений, которые можно загрузить дополнительно: это BOOMERANG, позволяющий создавать мини-видео, состоящее из секундного ролика, повторяющегося раз за разом, и LAYOUT, при помощи которого можно объединять несколько фотографий в одну публикацию. По мнению разработчиков программы, эти нововведения позволят привлечь в приложение еще больше пользователей. О росте популярности Instagram свидетельствует количество зарегистрированных аккаунтов: в декабре 2010 года их был 1 миллион, в июне 2011 года – 5 миллионов, в сентябре 2011 года – больше 10 миллионов, в апреле 2012 года – около 30 миллионов, в конце февраля 2013 года администрация Instagram официально заявила о достижении суммы в 100 миллионов активных пользователей в месяц, а в конце сентября 2015 года их стало уже более 400 миллионов по всему миру.

Как же не потеряться и найти действительно интересную фотографию в бескрайнем инстаграм-пространстве среди более 400 миллионов пользователей? Для этого существуют специальные ссылки – хэштеги (от англ. hashtag), представляющие собой слово или написанное слитно словосочетание, как правило, с маленькой буквы (иногда – целые предложения, например, «сегоднялучшийденьмоейжизни» или «мирдолжензнатьчтояем»), перед которым (без пробела!) стоит знак # (решетка). Хэштеги переносят автора к фотографиям других поль-

зователей, которые имеют аналогичный тэг. Эта «хитрость» позволяет не только привлекать внимание к своим собственным фотографиям и повышать свой рейтинг среди других инстаграм-пользователей, но и является своеобразным фильтром для поиска снимков по интересам, а в дальнейшем, возможно, и интересного собеседника. При этом в хэштегах возможно использовать любые языки, поэтому очень часто русскоязычные авторы ставят тэги и на русском и на английском (немецком, французском, испанском) языке для расширения круга потенциальных адресатов. При этом, как правило, выбор одного из иностранных языков обусловлен или самой фотографией (например, виды Вены сопровождаются подписями на немецком) или местом проживания русскоязычного адресанта (например, известный кондитер Мария Селянина, которая уже давно живет и работает в Испании, оставляет под своими фотографиями хэштеги на русском, английском и испанском, а комментарии – на испанском и русском языках). Стоит отметить, что обычно те или иные тэги создаются самими пользователями, поэтому нередко встречаются хэштеги с грамматическими ошибками. Например, под *#извините* зарегистрировано 2397 публикаций, а под *#izvinite* – только 751 (хэштег *#извините* отсутствует).

Таким образом, использование того или иного языка в хэштегах или комментариях под фотографиями является для автора своеобразным фильтром, помогающим «собирать» вокруг себя определенный круг адресатов или наоборот – ограничивать его, используя только один язык, например, русский. Поэтому чем больше разнообразных тэгов, тем больше различных пользователей могут найти данную публикацию. Этим активно пользуются авторы-собиратели, которые стремятся привлечь к своему аккаунту больше внимания, а, следовательно – и больше подписчиков. В их публикациях очень часто встречаются хэштеги, которые никак не отражают содержание фотографии. Так, например, аккаунт под ником «grvideo» под фотографией герба России наряду с тэгами *#герб*, *#россия*, *#федерация*, *#патриотизм*, *#родина*, *#мать*, *#металл*, указал также *#цветы*, *#тюльпаны*, *#красотища*, *#красота*, *#весело*, *#воздух*, *#свежий*.

Другой тип инстаграм-ссылок позволяет указывать конкретного получателя сообщения в публичных комментариях или обсуждениях под фотографиями. Для этого необходимо перед ником друга поставить (без пробела!) знак

@ (собачка), и на странице адресата обязательно появится уведомление о том, что один из инстаграм-пользователей упомянул его в своем сообщении. Это позволяет постоянно следить за диалогами, в которых пользователь принимает участие, даже если комментарии будут поступать в течение длительного времени.

В чем же состоит основное отличие Instagram от уже привычных форм интернет-коммуникации? Коммуникация – процесс информационного обмена, который «предполагает передачу различных видов смысла (денотативного, коннотативного, прагматического, эстетического и т.д.), побуждающую адресата к определенному «ответному» действию» [3. С. 34–35]. В Instagram информация передается посредством фотографий или видео с хэштэгами (как вариант – с комментариями), а ответное действие может быть выражено вербально или невербально (при помощи «лайков» или различных эмодиконов). При этом очень часто вербальный комментарий фактически равен невербальному, например, слова типа «wow», «ух ты!», «класс!», «круто!» и им подобные. «Наш язык – важнейшая часть нашего общего поведения в жизни. И по тому, как человек говорит, мы сразу и легко можем судить о том, с кем имеем дело», – так писал Дмитрий Сергеевич Лихачев в одном из писем о добром и прекрасном [5]. В Instagram язык отходит на второй план: его основная функция – лишь пояснение или уточнение иконической, т.е. изобразительной части сообщения, которая включает в себе коммуникативную интенцию адресанта. Инициативная реплика представляет собой креолизованный текст (по определению Ю. А. Сорокина и Е. Ф. Тарасова) [4. С. 180–186], в котором ведущая роль принадлежит фотографии. Именно она является стимулом для начала общения и для формирования определенного круга читателей. При этом совершенно необязательно, чтобы адресат стал реальным собеседником. Достаточно, если он, заинтересованный фотографиями, просто «подпишется» на интересующий его аккаунт или оставит свидетельство своего знакомства с той или иной публикацией – «лайк», увеличивая тем самым количество фолловеров, а, следовательно, повышая рейтинг этого пользователя инстаграм-пространства. Таким образом, в Instagram именно тематика и качество фотографий в первую очередь позволяют адресату судить о том, с кем он имеет дело. Поэтому так часты в комментариях фразы типа: «У вас такой интересный аккаунт! Я попала случайно на одну фотографию

и зависла надолго!». Естественно, аккаунт с более профессиональными и красивыми фотографиями, которые публикуются к тому же регулярно, собирает и большее количество подписчиков, которые могут быть как активными, так и пассивными читателями. Все зависит исключительно от личностных коммуникативных установок и предпочтений.

Для чего именно использовать приложение Instagram – только для самопрезентации или хвастовства («хвастаграм» – называют его сами пользователи), или же для поиска новых друзей и общения – всецело зависит от личных интенций автора. Как правило, адресанты, настроенные на коммуникацию, очень активны: у них много фотографий, они ставят огромное количество тэгов, которые способствуют повышению популярности в инстаграм-сообществе. Очень часто комментарии к своим фотографиям они оформляют в виде вопросов или обращения к своим читателям. Например, «Я вижу, что у меня появились новые читатели. Давайте познакомимся. Расскажите немного о себе» или «А как вы проводите выходные? Расскажите!» и т.д. Авторы так называемых «хвастаграм» также используют огромное количество тэгов и часто дают пояснения к своим фотографиям, однако лишь для того, чтобы повысить собственную значимость в глазах своих подписчиков. При этом очень часто они игнорируют их вопросы, а критические замечания просто удаляют, поскольку установка на общение в Instagram этих авторов отсутствует, ведь для них главное – самолюбование и самореклама.

В реальной коммуникации, подчеркивал М. Бахтин, «говоря, я всегда учитываю апперцептивный фон восприятия моей речи адресатом: насколько он осведомлен в ситуации, обладает ли он специальными знаниями данной культурной области общения... – ведь все это будет определять активное ответное понимание им моего высказывания» [2. С. 201]. Однако, публикуя свои первые фотографии в Instagram, адресант еще не знает круг своих адресатов, он может только предполагать, кому могли бы быть интересны его публикации. И лишь позже, уже сформировав определенный круг читателей, пользователь может ориентироваться на конкретных адресатов, особенно, если с большинством из них он уже знаком лично. Исключение составляют аккаунты публичных личностей, которые все активнее используют приложение Instagram в основном для пиара и саморекламы.

Таким образом, характерная особенность инстаграм-коммуникации состоит в том, что обычно не адресант ищет «своего» адресата, а наоборот – адресат находится в поисках интересных для него аккаунтов, при этом в основе его выбора лежит в первую очередь визуальный план текста, а не вербальный. И совсем не важно, на каком языке пишет автор, главное – красивый снимок, который не только доставляет эстетическое удовольствие, но и позволяет «заглянуть» в жизнь чужого человека, как правило, более красивую, чем своя собственная.

Список литературы

1. Бабаева, Ю. Д. Интернет: воздействие на личность / Ю. Д. Бабаева, А. Е. Войскунский, О. В. Смылова // Гуманитарные исследования в Интернете. – М.: Можайск-Терра, 2000. – С. 11–39.

2. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Собрание сочинений: в 7 т. – М.: Русские словари, 1996. – Т.5: Работы 1940–1960 гг. – С. 159–206.

3. Селиванова, Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации: Монографическое пособие. / Е. А. Селиванова. – К.: Брами, 2004.

4. Сорокин, Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. – М.: Наука, 1990. – С.180–186.

5. Лихачев, Д. С. Письма к молодым читателям. Письмо девятнадцатое «Как говорить?» / Д. С. Лихачев // Этико-философский журнал «Грани эпохи». – URL: <http://grani.agni-age.net/edu/likhachev7.htm>

С. С. Зайченко

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

ФРАКТАЛЬНЫЙ ОБРАЗ КОНЦЕПТА «SPIRITUAL POWER» В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ КИНОДИСКУРСЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ЖАНРА

THE FRACTAL IMAGE OF THE CONCEPT «SPIRITUAL POWER» IN ENGLISH HISTORICAL FILM DISCOURSE

В статье предлагается семиотико-синергетическая трактовка художественного кинодискурса и кинотекста, специфицируется содержание художественного кинодискурса исторического жанра и обосновывается возможность применения универсальных фрактальных моделей для реконструкции динамики развития концептов кинодискурса. Основное внимание уделяется описанию процесса самоорганизации локального концепта «spiritual power» в англоязычном художественном кинодискурсе исторического жанра на материале кинотекста «The Queen» (2006 год).

The article suggests a semiotic and synergistic approach to film discourse and film text interpretation and specifies the notion of historical film discourse and text. It shows the possibility of applying universal fractal sets as models to reconstruct the dynamic development of historical film discourse and film text concepts, and describes the process of concept self-organisation in the film «The Queen» (2006).

Ключевые слова: семиосфера, семиотико-синергетическая организация, художественный кинодискурс исторического жанра, кинотекст, концепт, фрактал.

Keywords: semiosphere, semiotic and synergistic organisation, historical film discourse, film text, concept, fractal set.

Художественный кинодискурс как разновидность дискурса представляется совокупностью некоторого множества кинотекстов, выступающих результатом взаимодействия коллективного авторского замысла, сложного комплекса возможных реакций кинозрителя и кинотекста, выводящего произведение в пространство семиосферы. В динамичном интердискурсивном семиотическом пространстве художественный кинодискурс исторического жанра является творческой интерпретацией событий и персонажей исторического прошлого коллективом киноавторов и характеризуется непосредственной соотнесенностью с прецедентной ситуацией, сочетанием документальности или аккуратности исторической реконструкции с художественным вымыслом, использованием специфических средств достижения эффекта историчности, взаимосвязью жанровых разновидностей, широким спектром задействованных знаковых систем и интерпретационной открытостью.

Семиотико-синергетические свойства художественного кинодискурса исследуемого жанра непосредственно актуализируются в кинотексте – связном, цельном и законченном по форме сообщении, в котором воплощается замысел коллективного автора. Важную роль в организации кинотекста играет концепт, выступающий системообразующей категорией. Концепт предшествует замыслу и в основе своей интуитивен. Концепт зарождается под влиянием дискурса, но вне текста. В процессе создания текста, уже на начальном этапе, концепт начинает осознаваться автором на рациональном уровне замысла, который предполагает некоторое логическое осмысление концепта и способа его выражения. Концепт предопределяет смысловое строение текста, и через него – логическое строение, коммуникативную направленность и эстетическое воздействие, которые, в свою очередь, определяют выбор языковых и неязыковых средств выражения, необходимых для порождения текста [2].

Понимание концепта как сложного, многомерного, внутренне расчлененного и динамичного образования позволяет рассматривать концепт в качестве самоорганизующегося фрактального множества. Фрактал называют теоретическим конструктом, описывающим ситуацию неустойчивости понимания смыслов и значений, меняющихся под влиянием дискурсов и коммуникативных особенностей ситуаций. Познание смысла – это «фрактальное блуждание», которое необходимо для того,

чтобы «разморозить» устоявшиеся связи между знаками, концептами и когнитивными состояниями реципиента, активизировать процессы креативности поиска новых знаковых описаний и семантических пониманий [3. С. 125].

Существующий опыт фрактального исследования концепта позволяет трактовать последний как сложное, динамичное и самоорганизующееся образование – фрактальное множество – отражающее взаимодействие сознания, языка, текста, дискурса и культуры, логически осмысленное коллективом киноавторов в форме замысла, представленное с помощью средств различных семиотических систем, реконструируемое кинозрителем в процессе восприятия и интерпретации содержания кинотекста. Изучение динамики функционирования концепта осуществляется с привлечением синергетических понятий аттрактора, параметров порядка, симметрии / асимметрии, неустойчивости, эмерджентности и самоподобия.

Наиболее устойчивая и упорядоченная область концепта (имя и ядро) является аттрактором, который актуализируется в сознании автора текста и его реципиента и притягивает разноплановые смысловые элементы из «ассоциативного хаоса» дискурса и семиосферы, а также частей текста в процессе его создания и восприятия. Менее устойчивая и упорядоченная область (периферия) проявляет наибольшее взаимодействие со средой, характеризуется повышенным уровнем флуктуаций и, как результат, эмерджентностью. Параметры порядка, регулирующие устойчивость концепта, а также процесс приращения и диссипации семантических компонентов, являются частично индивидуальными, включающими различные элементы личного опыта; отчасти коллективными, охватывающими прецедентные феномены, общечеловеческие категории, формальные лингвистические характеристики [1]. На этапе актуализации параметров порядка срабатывает бифуркационный механизм: неопределенное и неустойчивое соотношение индивидуального и коллективного в каждом конкретном случае обуславливает различия в реконструкции концепта автором и реципиентом, что, в свою очередь, оказывает значительное влияние на организацию смыслового пространства текста [Там же]. Динамика функционирования концепта, обусловленная взаимодействием дискурса, авторского замысла, текста и комплекса возможных реакций реципиента, может быть представлена при помощи универсальных фрактальных моделей эволюции систем.

Считается, что развитие всего в мире совершается по принципу спирали. Спираль символизирует движение и вечное изменение, жизнь и ее преемственность. Различают плоскую спираль, в которой происходит развитие и регресс (возвращение к центру); трехмерную спираль – символ увеличения и уменьшения, прибывания и убывания; двойную спираль, изображающую противоборствующие течения и их неразрывное единство и равновесие. Спиралевидная форма самоорганизации концепта в той или иной вариации прослеживается в англоязычных художественных кинотекстах исторического жанра. Представляется, что такая фрактальная форма образуется путем приращения и диссипации смысловых элементов в ходе циклического поступательного движения из ядра (смыслового аттрактора) к периферии (пограничной области) концепта и обратно к ядру с переходом от одного доминантного смысла (качества) к другому. Фрактальное движение концепта также может осуществляться из периферийной области по направлению к ядру с последующим возвращением к периферии.

Рассмотрим пример самоорганизации концепта «spiritual power» по модели двойной спирали, в которой две разнонаправленных линии символизируют противоборствующие силы в их относительном равновесии. Такая фрактальная модель реализуется в кинотексте «The Queen» («Королева», реж. С. Фрирз, 2006 год), повествующем о гибели Дианы, принцессы Уэльской в автоаварии и событиях 1997 года. Локальный концепт «spiritual power» последовательно реконструируется через противопоставление образов двух героев – правящей Королевы Елизаветы II и принцессы Дианы. Фрактальное движение по спирали осуществляется через этапы «положительный герой – отрицательный герой – положительный герой» для первой линии и «отрицательный герой – положительный герой – отрицательный герой» для второй линии в соответствующих художественных образах. Центром двойной спирали – смысловым аттрактором в понятийном поле ядра локального концепта «spiritual power» – представляется образ Королевы Виктории, реконструируемый в экспозиции кинотекста через атрибутированную цитату. Фрактальное движение первой линии спирали направлено из центра (ядра концепта) к пограничной области (периферии); противонаправленное движение второй линии развивается из пограничной области к центру спирали – смысловому аттрактору концепта.

Поясним, что для большинства современных британцев вопросы религии в обычной жизни вытесняются вопросами морали и гражданской ответственности, и главную роль играют не столько учения церкви, сколько образы выдающихся британских правителей. Примером для подражания уже много лет является Королева Виктория. Викторианская мораль, распространившаяся в XIX веке, основана на строгом кодексе поведения в обществе, респектабельности и целомудрии, строгости и сдержанности, нетерпимости к нарушениям и преступлениям. В то же время ценятся трудолюбие, пунктуальность, умеренность и хозяйственность. Для главы государства и членов королевской семьи важно руководствоваться этими ценностями и быть примером высоконравственного образа жизни.

В экспозиции кинотекста формируются два противоположных характера героев – Королевы Елизаветы II и Дианы, принцессы Уэльской, первый из которых в полной мере воплощает описанные духовные ценности, и его вербальная репрезентация на данном этапе является максимально приближенной к смысловому аттрактору концепта; второй представляет собой полную противоположность и располагается в наиболее удаленной от ядра области периферии. В экспозиции и завязке кинотекста образуются частично вербализованные смысловые оппозиции «правильный, образцовый / неправильный, неприемлемый» (– / *got a new boyfriend, hugging and kissing in full view, exposure to the press*), «опытный / незрелый» (*education, experience, wisdom* / –), «действующий, обладающий властью / бывший» (*Head of State, Sovereign* / *no longer a member of the Royal Family, ex-HRH*). При этом негативное отношение к принцессе преактуализируется еще до того, как ее изображение непосредственно появляется в кадре: зритель воспринимает героиню как источник неприятностей через реплики других героев (*Tony Blair: What was all that about? Cherie Blair: God knows. Diana. Whatever it is, it has something to do with Diana.*) Индексальные фрагменты документального видео с камер наружного наблюдения, а также легко узнаваемые фотографии со сценами личной жизни принцессы акцентируют такие ее качества, как непредсказуемость, публичность и пренебрежение протоколом, которые, несомненно, противоречат высоконравственному образу королевской особы.

По мере развития сюжета характеры героев становятся более многогранными, проявляют-

ся их разнообразные качества, происходит разнонаправленное фрактальное движение двух линий спирали. В периферийной области концепта актуализируется тематическая группа с условным названием «материнство», при этом королева в глазах зрителей предстает как строгая, сдержанная и неспособная на проявление нежности мать, что выражается через многократный повтор лексемы *heart* в словосочетаниях *doesn't have a heart, no heart, show us there is a heart*; Диана, напротив, является воплощением идеальной матери: *adored her boys, always warm, never afraid to show her feelings, physical, wonderful mother*. Иконические средства выражения (мимика, жесты, движения) в данном случае полностью соответствуют вербальной репрезентации характеров.

В экспозиции кинотекста создается возвышенный образ Королевы Елизаветы II через многократный повтор местоимений множественного числа *our, us, we* и использование безличного местоимения *one* королевой по отношению к себе; повтор притяжательного местоимения *my* (*in my name, my government, my privilege*); этикетные формы обращения (*your Majesty, Ma'am*) и церемониальные выражения (*the audience room, bow from the neck, curtsy, in her Majesty's company, in Presence*). В ходе фрактального движения к периферийной области концепта возвышенность как элемент образа королевы приобретает отрицательную коннотацию, актуализируются смысловые элементы «недосягаемость» (*away, sitting up there on her 40, 000 acres*), «отчужденность» (*cold, indifferent, no reaction, no response*), «оторванность от реальности» (*can't correctly judge the mood of the country, comes from a different generation, unable to understand*); в крайней точке наблюдается обезличивание героини через метонимию *the Crown, the House of Windsor, the Institution*.

На второй линии спирали происходит одновременное противонаправленное движение к смысловому аттрактору, осуществляемое посредством градуальной актуализации семантических признаков, все более близких к ядру: *a good mother – a wonderful woman – made many, many people happy*. Происходит смысловая стабилизация во фразе *People's Princess*. «Народная принцесса» – это так называемый неофициальный титул, которым героиню награждают журналисты, и в котором наиболее емко отражается отношение к ней народа. Более открытая, простая и непринужденная Диана оказывается не менее важным символом нации,

чем властная, строгая и безупречная королева. Вербализируется смысловая оппозиция «возвышенность / приземленность». Многократный повтор фразы *People's Princess* уравнивает два противоположных образа в их значимости и духовном влиянии.

В точках, где разнонаправленные линии достигают максимальной амплитуды движения (удаление от центра и приближение к нему, соответственно), возникают яркие метафорические образы двух персонажей: *the old boot, the Old Guard* (о королеве); *an angel* (о принцессе). В кульминации кинотекста характеры главных героев «переворачиваются»: в первом случае акцентируются наиболее удаленные от смыслового аттрактора концепта смыслы, во втором случае, напротив, более близкие к ядру элементы, благодаря чему зритель воспринимает сформировавшиеся в экспозиции и завязке кинотекста образы совершенно иначе. Образуется лексическая оппозиция «ненависть / любовь» с соответствующим наполнением (*to hate, to abolish, to get rid of / to be in the hearts of, (to) love*). В одной из реплик говорится о том, что лучшей королевой могла бы стать Диана – женщина, у которой есть сердце.

Prince Charles: They [people] just adored her. Would have loved nothing more than for her to be Queen. Someone compassionate. With a heart [4].

Точкой бифуркации, определяющей дальнейшее смысловое развитие и фрактальное движение концепта, представляется следующий ключевой для повествования диалог между Елизаветой II и королевой-матерью, вселяющий в главную героиню прежнюю твердость и уверенность.

Queen Elizabeth I: Something has happened. There has been a change... a shift of values. When you no longer understand your people, isn't it time to hand over to the next generation? <...> If my actions are damaging the Crown?

Queen Mother: Damaging them? My dear, you are the greatest asset this institution has. One of the greatest it has ever had. <...> You must show strength. Reassert your authority. You sit on the most powerful throne in Europe. Head of an unbroken line that goes more than a thousand years [4].

В смысловом поле локального концепта «spiritual power» актуализируются тематические группы «власть» (*authority, head of, most powerful throne in Europe, to show strength*), «традиция» (*more than a thousand years, tradition*), «долг, обязанность» (*commitment to God and people, duty, service, to take an oath*), «духовные

ценности и качества» (*courage, dignity, great personal strength, honour, humility, value*), посредством которых возобновляется рекурсивное движение к центру спирали – восстановление возвышенного, влиятельного образа главы государства. Формы глагола с префиксом ге- (*reassess, reassert, return*) указывают на возобновление действия, повтор; идея континуальности движения передается через лексические единицы *generation, goes more than a thousand years, whole life, unbroken*. Символичной является сцена с цветами: девочка в толпе людей у Букингемского дворца протягивает цветы королеве, вместо того, чтобы возложить их в память о погибшей принцессе, как это делают все. У зрителя создается впечатление, что духовная власть героини настолько сильна, что она может воздействовать на людей, не проорвав ни слова.

Более насыщенное вербальное наполнение получает семантическая оппозиция «правильный, образцовый / неправильный, неприемлемый» (*duty first – self second, not to make a fuss, to keep one's feelings to oneself / glamour and tears, grand performance, to wear one's heart on one's sleeve*). Образ «правильного» британца целостно воссоздается в реплике главной героини, где ключевыми являются лексемы *private, sober, quiet, restrained, with dignity*, а также фраза *the way we do things in this country*.

Queen Elizabeth: I doubt there are many who know the British more than I do, <...> nor who has greater faith in their wisdom and judgment. And it is my belief that they will soon reject this 'mood' <...> in favour of a period of restrained grief, and sober, private mourning. That's the way we do things in this country. Quietly. With dignity. It's what the rest of the world has always admired us for [4].

Важным иконическим средством создания двух противопоставленных образов являются снятые крупным планом изображения главных героев, первое из которых – портрет королевы – появляется в экспозиции кинотекста, второе – «застывший» кадр видеосъемки с изображением принцессы – в его развязке. Два иконических знака знаменуют начало и завершение фрактального цикла; разнонаправленное движение двух линий спирали локального концепта «spiritual power» приобретает смысловую завершенность. Графически динамику развития концепта «spiritual power» можно представить в форме двойной спирали, символизирующей равновесие противоположностей, увеличение и уменьшение их силы, становление и исчезновение в их неразрывном единстве.

Портрет Королевы Елизаветы II и изображение принцессы Дианы в кинотексте «The Queen» («Королева»), представленные в форме фрактальной модели «двойная спираль»

Итак, фрактальным образом локального концепта «spiritual power» в кинотексте «The Queen» выступает двойная спираль, представляющая собой две разнонаправленные смысловые линии с единым центром – смысловым аттрактором концепта. В рассмотренном примере фрактальное движение первой линии спирали направлено из ядра концепта к его периферии; противоположенное движение второй линии развивается из периферийной области к ядру концепта. На лексическом уровне наблюдается динамичная симметрично-асимметричная антонимия в области фрактального развития, достигающая вершины в точках максимальной амплитуды движения двух линий спирали, а также синонимическая аттракция в области смысловой стабилизации двух разнонаправленных линий. Вместе с тем, значимую роль в формировании фрактальной модели двойная спираль локального концепта «spiritual power» играют множественные симметрично-асимметричные семантические оппозиции, выстраивающиеся между двумя разнонаправленными линиями спирали в процессе их фрактального движения.

Список литературы

1. Гирнык А. В. Синергетическая модель концепта «жизнь»: экспериментальное исследование: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.В. Гирнык. – Тверь, 2011. – 19 с.
2. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность?: монография /

В.В. Красных. М.: Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.

3. Тарасенко В. В. Фрактальная семиотика: «слепые пятна», перипетии и узнавания / В.В. Тарасенко. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 232 с.

4. The Queen [Video] / director Stephen Frears ; stars H. Mirren, M. Sheen, J. Cromwell ; Pathé Pictures International, Granada Film Productions, Pathé Renn Productions. – UK, 2006. – 103 min.

М. А. Занина

*Южно-Уральский государственный университет
(Челябинск, Россия)*

СЛОЖНОСТИ ПОНИМАНИЯ МЕТАФОРЫ В НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

DIFFICULTIES IN METAPHOR CONCEPTION OF THE SCIENTIFIC-TECHNICAL TEXT

Статья посвящена проблеме понимания метафоры, которая в научно-техническом тексте часто играет роль термина и является своеобразным языковым механизмом, благодаря которому происходит познание профессиональных наименований. С одной стороны метафора облегчает понимание профессионального знания, так как адаптирует абстрактные понятия к реалиям жизни, с другой стороны термин является неотъемлемой частью языка специалистов, и метафора-термин в таких случаях может выступать определённым «барьером» для тех, кто впервые сталкивается с той или иной областью профессионального знания.

The article is devoted to the problem of metaphor understanding that also plays a role of a term in scientific-technical texts and helps to a better defining of professional notions. From the one hand metaphor adapts abstract notions to a real life but from the other hand metaphoric term can be some kind of an obstacle for those who meet the professional definitions for the first time.

Ключевые слова: метафора, метафора-термин, научно-технический текст, профессиональное знание.

Keywords: metaphor, metaphoric term, scientific-technical text, professional notion.

Сегодня метафора является не просто украшением речи, но также источником выражения и образом мысли учёного. [8. С. 235]. Поэтому метафоризация является способом образования новых, недостающих в языке абстрактных наименований посредством переноса значения слова [2. С. 25].

Следует отметить, что научные понятия обладают принципиальной возможностью менять содержание, что позволяет преодолевать жесткий логически однозначный строй профессионального знания. При этом термины и понятия, употребляемые в новых для себя контекстах, становятся метафорической основой для образования специальных терминов, обеспечивая перестройку понятийного фонда

конкретной научной области знаний. [6. URL: <http://ic.kursksu.ru/pdf/005-007.pdf>].

Вообще, терминосистема обладает большим потенциалом для выражения специальных понятий, используемых в профессиональной коммуникации. По мнению Е. И. Головановой, термин является неотъемлемой когнитивной структурной единицей языка специалистов, профессиональной ориентации. Это «вербализованный результат» профессионального опыта и коммуникации [3. С. 118]. С помощью термина возможно получение, обработка, хранение и передача специальной информации в рамках общения представителей той или иной профессии, в научно-технической среде [2. С. 25]. В этом случае метафора,

а в частности, метафора-термин как помогает пониманию нового определения, так и наоборот, мешает. Так как акт понимания включает осмысление, единство чувственного, логического, смыслового ощущения и мышления [8. С. 235], и реципиент должен извлекать смысл из речевых высказываний, то при восприятии фраз он может испытывать затруднение в том случае, если имеется неоднозначность в толковании слов. Кроме того, важным для понимания является знание реципиентом языка, на котором создано сообщение.

Проблема заключается в том, что при переводе выявляется большое количество несопадающих терминов. Они не совпадают по объему значения, являясь, таким образом, референциальными эквивалентами [7. С. 97]. Также, «формально совпадающие термины могут иметь различное содержание», поэтому «концептуально различающиеся термины – источник появления ложных друзей переводчика» [7. С. 98]. Переводчик с английского (особенно при отсутствии профессионального опыта в определенной области знаний), иногда изобретает свой термин, абсолютно противоположный аутентичному. Что нередко мы наблюдаем у студентов технических специальностей, т.к. они не обладают профессиональной компетентностью. Соответственно, восприятие исконного термина не совпадает с русским эквивалентом.

В трудах М. М. Бахтина проблема понимания выражена идеей многоуровневости сознания, соотнесения его с языком и представлена критерием «глубины понимания». В живой речи сообщение впервые создаётся в процессе передачи и ставит перед человеком особую задачу его понимания. Смысл потенциально бесконечен, но актуализироваться он может, лишь соприкоснувшись с другим (чужим) смыслом, хотя бы с вопросом во внутренней речи понимающего [1. С. 322].

С. Л. Рубинштейн пишет, что текст часто не понимается просто потому, что его компоненты выступают для читателя в свойствах, не адекватных связям, в которые включает их контекст. В этом случае понимание осуществляется путем анализа, который, исходя из этих связей, выявляет вещи в других аспектах и свойствах, как бы поворачивает их той стороной, которой они входят в данный контекст. Это открывает путь к пониманию метафор как «образных переносов» [8. С. 226].

Здесь необходимо обратить внимание на то, что термины в различных контекстах означа-

ют разные вещи. Например, английское слово *vehicle* может иметь следующие значения: 1) транспортное средство; 2) связывающий состав; 3) ракета; 4) метательный аппарат; 5) световод; 6) растворитель. Поэтому о значении этого метафорического термина мы можем узнать только из контекста: *Automobile is a vehicle for transporting people* (Автомобиль – это средство для перевозки людей) или *Current manned spacecraft are the most complex aerospace vehicles* (Современные пилотируемые космические аппараты – это комплексные воздушные корабли). В научной метафоризации главное – создать наиболее адекватный термин для выражения определённой научной концепции. Узкоспециальная терминология, в отличие от междисциплинарных терминов, представляет собой слой научных терминов, именующих специфические для каждой отрасли знания понятия и категории. Однако при недостатке логических характеристик определенного явления, в узкоспециальной терминологии используются художественные образы [6. URL: <http://ic.kursksu.ru/pdf/005-007.pdf>]. Например: *manual transmission* (букв. «ручная» трансмиссия, т.е. механическая) или *jack* (домкрат; в англ. *jack* обозначает простого человека, мальчика на побегушках, слугу, человека, занимающегося физическим трудом).

В системе вербальных средств научно-технического текста выделяются общенаучные термины, предназначенные для выражения категорий, понятий, применимых ко многим областям научного знания. Междисциплинарные термины, будучи интегрирующими средствами циклов областей знаний и практики, унифицируют научный язык. Например: *сальник* (техн.) и *малый или большой сальник желудка* (мед.); *маятник* (физ.) и *маятниковое облучение* (мед.)

В целом, метафора научно-технического текста является вербальной репрезентацией профессионального знания, при этом она позволяет выявить особенности восприятия окружающего мира и раскрыть систему понятий, через которые человек осмысляет окружающий его мир. Иными словами, в процессе употребления метафоры-термина происходит активизация значения, отражающего культурные, социальные связи в сознании/подсознании индивида в рамках профессионального знания. Изобразительность термина-метафоры определяется апперцептивным характером познавательного процесса в целом, т.е. узнаванием на основе прежних представлений.

Таким образом, употребление профессиональной технической терминологии есть творческое и каждый раз уникальное присвоение и усвоение индивидом некой общечеловеческой и профессиональной нормы. Например, *steering wheel* – руль (с англ. букв. «колесо управления»). У людей, взаимодействующих на основе имеющегося у них опыта, вырабатывается единый «язык», состоящий из языковых репрезентаций известного им опыта [4. С. 31].

Другими словами, профессиональный опыт влияет на формирование языковой картины мира представителя технической специальности и обуславливает его специфическое видение мира в рамках определённого языка. Поэтому, часто такие термины-метафоры, например, в авиационном дискурсе как *stick shaker* или *glide path* при переводе на русский язык представителями, не имеющими профессионального опыта и не обладающими знаниями в этой области, имеют значения, противоположные истинным. Главная ошибка заключается в том, что явления собственного языка переносятся на речь в изучаемом языке и в таком случае возникает как бы эффект электронного словаря или электронного переводчика, который также переводит слова по отдельности, а не в контексте, что приводит к банальному набору слов, а не связному предложению или тексту. Это и составляет главную трудность в усвоении второго языка. Специфика заключается в сочетании лексических единиц между собой, а не в поиске эквивалентов того или иного словосочетания, тем более, что не всегда можно найти правильный или «удобный» эквивалент. При отсутствии понимания языковых единиц, возникающего при переводе с английского языка на русский, необходимо «заполнить» этот пробел объяснением, что даёт возможность лучше усвоить профессиональную сторону термина, особенно метафорического. Например, чтобы устранить непонимание термина *stick shaker* (вибратор рулевой колонки), словарь даёт описание и рисунок данного устройства [9. С. 130]. Стремительное развитие науки во многих ее областях (в медицине, физике, астрономии, биологии, психологии, информационных технологиях и т.д.) стимулирует активный процесс терминотворчества. Массовое рождение новых понятий, обусловленное новыми открытиями, требует все новых языковых ресурсов для их языкового обличия и одновременно предъявляет высокие требования к когнитивным возможностям и способностям специалистов [5. URL: <http://rgf.tversu.ru/node/485>]. И

сегодня, для того, чтобы облегчить понимание и осмысление термина, в том числе и метафорического, составляются словари реалий, появляются глоссарии-приложения к учебной и научной литературе.

Подводя итог, отметим, что в научно-техническом тексте метафоры красочны и полезны: они облегчают понимание, восприятие сложного научного явления, факта, положения. Метафоры могут служить прекрасными опорами, которые позволяют нам ориентироваться в известном – неизвестном, и сегодня в разных профессиональных сферах деятельности существуют свои метафоры, которые помогают раскрыть сущность нового объекта на основании его сходства с другим объектом, уже известным в иной области знания. Например, существуют метафоры, которые используются как в профессиональном дискурсе, так и в речи индивида:

метафоры в электротехнике: *the wire is alive / dead* (провод под током / провод отключен, буквально: жив / мёртв);

метафоры в математике: *обратный оператор (backward operator), неубывающая функция (nondecreasing function)*;

в медицине: *увядающая кожа, водолюбивый сорбитол, сияющая молодость, созревание фурункула* и многие другие. Но, во многих случаях, особенно в иноязычных текстах метафора или метафорическое высказывание профессиональной направленности может быть понятно в контексте только компетентному, профессионально-ориентированному реципиенту.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин // М. – 1986. – С. 322 – 323.
2. Воропаева, В. С. Особенности метафоризации как способа терминообразования в итальянском и русском языках. Вестник Челябинского госуд. ун-та, 2010, № 22 (203). Филология. Искусствоведение. Вып. 46. С. 25–28.
3. Голованова, Е. И. Категория профессионального деятеля в динамическом пространстве языка (лингвокогнитивный анализ): дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2004. С. 118–119.
4. Голованова, Е. И. Теория профессиональной коммуникации в свете когнитивно-дискурсивной парадигмы языкознания / Языки профессиональной коммуникации: сборник статей участников Третьей международной научной

конференции (Челябинск, 23-25 октября 2007 г.): в 2 т. // отв. ред.-сост. Е. И. Голованова: Челяб. гос. ун-т. – Челябинск: Энциклопедия, 2007. Т.1. – С. 31.

Галкина, О. В. Роль метафоры в науке и научной терминологии / О. В. Галкина // – URL: <http://rgf.tversu.ru/node/485>

5. Зубкова, О. С. Медицинская метафора-термин в профессиональном дискурсе / О. С. Зубкова // – URL: <http://ic.kursksu.ru/pdf005-007.pdf>

6. Кульчицкая, Л. В. Проблема лакунарности в терминосистемах русской и англоязыч-

ной традиций переводоведения. – Лакуны в языке и речи: Сборник научных трудов / Под ред. проф. Ю. А. Сорокина, проф. Г. В. Быковой. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. – С. 96–98.

7. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн // СПб. : ЗАО «Издательство «Питер» – 1999. – С. 226–235.

8. Boeing Technical Dictionary (русский перевод). – Боинговое подразделение гражданских самолётов. – 1994. – 130 с.

К. А. Керер

*Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)*

ОТРАЖЕНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗА ПРОФЕССИОНАЛА В КИНОДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ КИНОФИЛЬМА «ДНИ ХИРУРГА МИШКИНА»)

REFLECTION OF LINGUOCULTURAL IMAGE OF A RUSSIAN PROFESSIONAL IN CINEMA DISCOURSE (BASED ON THE FILM “DAYS OF SURGEON MISHKIN”)

Статья посвящена рассмотрению лингвокультурного образа профессионала в русском кинодискурсе на материале художественного фильма, играющего важную роль в исследовании профессионально-культурных ценностей русской лингвокультуры.

The article dwells upon linguocultural image of a Russian professional in Russian cinema discourse based on a film that proves to be useful in researching professional and cultural values of Russian linguistic culture.

Ключевые слова: лингвокультурный образ, профессионал, кинодискурс, концепт, ядро, ядерная зона, периферия.

Keywords: linguocultural image, professional, cinema discourse, concept, nucleus, core zone, peripheral zone.

Работа посвящена рассмотрению отражения лингвокультурного образа профессионала в русском кинодискурсе, представленном художественным фильмом «Дни хирурга Мишкина», значимым для изучения русского лингвокультурного сообщества и незаменимым при исследовании профессионально-культурных ценностей отечественной лингвокультуры вследствие того, что профессия врача представляет собой ту сферу деятельности, которая служит интересам человека. Анализ

предполагал обращение непосредственно к звучащему тексту кинофильма без использования субтитров и монтажных листов. Общий объем звучания изученного материала составил более 200 минут, в рамках которых было проанализировано более 360 кинореplik. Обращение к русскому кинодискурсу продиктовано тем, что он обладает всеми особенностями, присущими кинодискурсу в целом, а, следовательно, может выступать в качестве типической модели.

Как известно, кинодискурс – многоуровневая, многоаспектная структура, неразрывно связанная с мыслительными процессами зрителя. Мы полностью разделяем точку зрения А. Н. Зарецкой, которая утверждает, что «кинодискурс – это связный текст, являющийся вербальным компонентом фильма, в совокупности с невербальными компонентами – аудиовизуальным рядом этого фильма и другими значимыми для смысловой завершенности фильма экстралингвистическими факторами, такими как креолизованное образование, обладающее свойствами целостности, связности, информативности, коммуникативно-прагматической направленности, медийности и созданное коллективно дифференцированным автором для просмотра реципиентом сообщения (кинозрителем)» [1. С. 8].

В данном исследовании мы приняли следующее рабочее определение понятия «лингвокультурный образ»: это узнаваемый вымышленный или реальный типизируемый персонаж, обладающий национально-культурной значимостью, стереотипизируемыми характеристиками, реализуемыми на лексическом и дискурсивном уровнях. Если рассматривать лингвокультурный образ русского профессионала в виде концепта с ядром, приядерной зоной и периферией, то его ядром станут такие лексемы как «специалист»: *«Опасно это – это должны делать специалисты»* и «эксперт»: *«Эксперты единодушно заявили, что вы сделали все возможное и невозможное»*.

На лексическом уровне рассматриваемый образ профессионала представлен рядом лексем, выделяемых по различным признакам, первым из которых является степень образованности и квалифицированности профессионала. Данный приядерный слой содержит стилистически нейтральные репрезентации и характеризуется использованием таких понятийных характеристик, как:

- «грамотный»: *«Неужели вам, хирургу, и как говорят, грамотному хирургу, надо это объяснять?!»*;

- «опытный»: *«Ну не поднимай уж на такую высоту, мы с тобой оба одинаковые хирурги – я просто старше и опытнее»*;

- «умный, интеллигентный»: *«А человек он какой: красивый, статный, умный, интеллигентный!»*. Безусловно, каждый профессионал, мастер своего дела должен быть грамотным, а также умным; со временем приходит и опыт, улучшая профессиональные навыки специалиста.

Номинации профессионала данного концептуального слоя включают лексемы «мэтр»: *«Вот, интересно, где болтается наш мэтр?»* – «Трудится» и «шеф»: *«Сейчас я шефа разбужу»*. Это подчеркивает уважительное отношение к русскому профессионалу, ценность его труда и заслуг.

Оценочные эпитеты, вербализующие лингвокультурный образ профессионала в русском кинодискурсе, составляют следующую группу именований и включают лексемы:

- «хороший врач»: *«Ну, диссертация – это не главное, главное – хороший врач»*;

- «большой хирург»: *«Женька, ты большой хирург и большой дурак, как это может сочетаться в одном человеке – ума не приложу!»*;

- «отличный работник»: *«Мы потеряли отличного работника»*. Действительно, настоящий профессионал – это хороший специалист, мастер своего дела.

Русского профессионала отличает желание и стремление работать. Актуализация такого критерия, как качество выполненной профессионалом работы, осуществляется с помощью лексем:

- «работать надо»: *«Работать надо. А как я в пекарне с такой рукой?»* – недоумевала пациентка хирурга Мишкина после полученной травмы руки;

- «хочу работать»: *«Надоело. Хочу работать, но негде. А дома просто зверею и тулею. Никогда бы не подумала, что можно метаться в четырех стенах. Просто хочу работать»*. Жена главного героя фильма всеми силами противостояла своей жизни в маленьком городке, где ей невозможно было устроиться на работу по специальности, и она мечтала переехать в Москву, где смогла бы применить на практике все свои таланты и способности;

- «делать все»: *«Он очень тяжелый, но мы делаем все, чтоб спасти»*. Профессионал, к коим относится и главный герой кинофильма «Дни хирурга Мишкина», не представляет своей жизни без трудовой деятельности, выполняет свою работу качественно, отдавая всего себя своему делу.

Для выражения оценки отношения работника к труду при описании лингвокультурного образа профессионала в русском кинодискурсе используются следующие слова и словосочетания: «феноменальная быстрота, интуиция»: *«И где-то когда-то его спасает от ошибки то ли феноменальная быстрота, то ли интуиция»*; «ответственность»: *«Без ответственности*

нигде ничего не бывает». Данные показатели вполне соответствуют логике реальной жизни, когда энергичный, целеустремленный, позитивно настроенный квалифицированный и опытный профессионал старается выполнить работу качественно, затрачивая адекватное количество времени и сил для достижения желаемого успешного общественно полезного результата.

Отношение к профессионалу определяется следующими составляющими:

- профессионал является всеобщим любимцем: *«Врач у нас есть, хирург, всеобщий наш любимец»;*

- профессионал незаменим: *«- Незаменимых людей нет. – Есть, Степан Георгиевич, есть. Такие, как он, идиотики, и есть незаменимые»;*

- в профессионала верят: *«Просто она хотела, чтобы ты это сделал – она в тебя верит»;*

- без профессионала не представляют работы: *«Спасибо большое, я даже не представляю, что бы мы без вас делали!»;*

- к профессионалу обращаются за помощью: *«Ну, к кому еще в Хотунице обратиться, как не к вам?!»*. Настоящий профессионал – главный герой – хирург Мишкин – любимец коллег, незаменимый работник, в которого верят, обращаются не просто с просьбами, а мольбами об операциях, ведь сложно найти другого специалиста такого уровня, да еще и хорошего человека.

К периферийной зоне исследуемого концепта относятся неофициальные, стилистически окрашенные репрезентации, употребляющиеся в разговорной речи, сленге:

- *«У меня шарики сегодня не работают»* – после длительной сложной операции хирург Евгений Львович Мишкин очень устал и не был способен решать какие-либо вопросы, не связанные с его профессиональной деятельностью;

- *«Пахал на операции 4 часа, вытащил с того света»*. Просторечное выражение «пахать» означает «работать на совесть»; хирург провел у операционного стола несколько часов с целью спасти жизнь человеку, и у него это блестяще получилось;

- *«Если бы у меня в больнице кто-нибудь такое посмел, я бы ему такое вклеил – год к столу бы не подошел»* – лексема «вклеить» в данном случае означает «объявление выговора»;

- *«Доктор, садись, нагорбишься еще за день»* – знакомый решил подвезти хирурга

Мишкина до больницы, ведь ему предстоял, как обычно, непростой трудовой день. Под лексемой «нагорбишься» в данном случае понимается «проведение большого количества операций, выполнение обходов палат с пациентами, работа с документацией, консультирование» – все то, что составляет рабочий день хирурга.

- *«Ведь ты для всех хороший, для каждого расшибешься в лепешку, ну а для меня?!»* – жена главного героя, используя разговорное выражение «расшибаться в лепешку», сетовала на его постоянную занятость, готовность помочь и неспособность отказать в помощи ни одному нуждающемуся в операции человеку, но при этом обделении вниманием собственной семьи и ее в частности;

- *«Будем мы вкалывать, ночью дежурить, на полставки в поликлинику бегать, и будем счастливы, что сбылась наша мечта»* – под лексемой «вкалывать» понимается «тяжелая работа в поте лица, не щадя сил, используя все свои умения и навыки, во имя спасения человеческих жизней». Таково призвание любого врача как настоящего профессионала, истинного специалиста своего дела.

Номинации профессионала данного концептуального слоя включают такие лексемы, как «гигант»: *«Ни один из известных мне хирургов сделать этого не смел, и не кто-нибудь, а гиганты!»;* «выручалка»: *«Ты моя Галка, Галка выручалка!»;* «идиотик»: *«Есть, Степан Георгиевич, есть, такие как он, идиотики, и есть незаменимые!»;* «классный»: *«Я вот чему удивляюсь: вот вы классный хирург, но ведь кто угодно может к вам в кабинет зайти»;* метонимию «медицина»: *«Слушай, медицина, я ведь тоже человек неглупый!»;* антономазию «Гиппократ»: *«Давай-ка, Гиппократ, швырнем посуду в мойку и не будем превращать фею в кухарку»;* характеристики, переданные соматизмами: «правая рука»: *«Ничего, скоро о тебе будут писать в газетах: правая рука профессора Михайлова, светило в медицине»;* «купаться в золоте с такими руками»: *«С его руками только в золоте и купаться!»*

Проанализированные понятийные характеристики лингвокультурного образа профессионала можно разделить на две основные группы: формальные, стилистически нейтральные, не имеющие оценочной характеристики наименования и неформальные, стилистические окрашенные номинации. Лингвокультурный образ профессионала в русском кинодискурсе на материале художественного фильма «Дни

хирурга Мишкина» представлен лексемами, выделяемыми по степени соответствия профессии, в виде оценочных эпитетов, по признаку качества выполняемой профессионалом работы, по способу выражения отношения работника к труду, по признаку отношения к профессионалу, а также лексемами-номинациями образа профессионала.

Список литературы

1. Зарецкая, А.Н. Особенности реализации подтекста в кинодискурсе: дис. ...канд. филол. наук /А.Н. Зарецкая. – Челябинск, 2010. – 180 с.

Л. П. Ковальчук

Челябинский государственный университет
(Челябинск Россия)

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЖЕНСКИХ ЗООМОРФНЫХ БЛЕНДОВ В АНГЛИЙСКОМ СКАЗОЧНОМ ДИСКУРСЕ¹

PECULIARITIES OF FEMALE ZOOMORPHIC BLENDS IN ENGLISH FAIRYTALES

Статья посвящена особенностям формирования зооморфных блендов в английском сказочном дискурсе. Анализ сюжетов и образов английских сказок показывает, что они основаны на древних традициях и верованиях. В основу исследования положена теория концептуальной интеграции Ж. Фоконы и М. Тернера. Образы сказочных героинь представлены как бленды, сформированные отдельными исходными пространствами и общим пространством, которое включает в себя культурные особенности и традиции. Декодирование сказочного контекста с помощью теории блендинга раскрывает происхождение женских сказочных образов и помогает лучше понять уклад жизни английского народа.

This article is devoted to the formation of zoomorphic blends in English fairytales. It aims at the study of English traditions that gave rise to fairytale plots and images. The research is built on the conceptual integration theory by G. Fauconnier and M. Turner. Images of fairytale heroines are analyzed as blends yielded by separate input spaces and the generic space that is presented by cultural peculiarities and customs. The decodation of the tale context with the help of the blending theory reveals the origin of heroines' images and helps to understand the mindset of English people.

Ключевые слова: метафора, концептуальная интеграция, исходное пространство, ментальное пространство, бленд.

Keywords: metaphor, conceptual integration, input space, mental space, blend.

¹ «Статья печатается по гранту РГНФ №15-04-00455 «Аналогово-когнитивные процессы в лингвокреативной деятельности личности»»

Сказка зародилась в эпоху архаического общества и отображала метафорическое восприятие действительности древними людьми. Традиционно принято считать, что мифы наряду с ритуалами, церемониями и обрядами инициации легли в основу сказочного повествования. В сказке отразились древние представления человека о природе: анимизм (одушевление природы), антропоморфизм (наделение чело-

веческими свойствами явлений природы, животных, предметов) и тотемизм (убежденность в происхождении того или иного человеческого рода от какого-либо животного).

Как и любой фольклорный жанр, народная сказка, по традиции, передается в форме устного дискурса, который легко видоизменяется и каждый раз создается вновь в процессе исполнения, пока не превращается в аутентич-

ную запись и не становится разновидностью письменного дискурса. Постепенно при переходе из устной коммуникации в письменную сказочный дискурс стал иметь только эстетическую ценность и утратил свои ритуальные и сакральные функции. На самом деле то, что мы традиционно воспринимаем как незатейливое повествование для детей, в действительности представляет собой попытку объяснения окружающей действительности путём наложения особенностей животного и растительного мира, а также мира вещей на уклад жизни социума.

О глубокой метафоричности народной сказки говорил ещё А. А. Потебня. Метафоричность выражения начинается одновременно со способностью человека сознать, удерживать различие между «субъективным началом познающей мысли» и действительностью, миром объектов [4. С. 262]. Он также отмечал: «душевная жизнь первобытного человека характеризуется развитием фантазии, особою склонностью к олицетворению» [4. С. 264].

Метафоричен не только сам язык сказки, но и образы. Ритм и слово, действие, вещь, персонаж – это то, к чему мы привыкли в составе литературы, но что представляет собой различные формы осмысления действительности; их структура складывается так же метафорически, как и всякая образная система [5]. Схожие идеи можно найти в трудах А. Н. Афанасьева, Э. Тайлора и многих других исследователей сказки, считавших, что в основе её сюжетной линии, равно как и мифа, лежит образное переосмысление действительности, окружавшей наших предков.

О. А. Плаховой указывает на то, что народная сказка использует родовые, эвфемистические и описательные названия. Даже уже укоренившиеся в нашем сознании имена сказочных героев «требуют более тщательного лингвистического анализа языковой единицы и активного привлечения необходимой культурологической информации» [3. С. 144].

Следовательно, метафорическое отождествление в рамках сказочного дискурса имеет глубокий прагматический характер, который можно раскрыть, обратившись к теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера.

Ж. Фоконье в книге «Mappings in thought and language» объясняет функционирование концептуальных сетей нашего сознания сложной структурой аналогических и метафорических отображений, играющих ключевую роль в синхроническом конструировании значения и

в его диахронической эволюции. Часть таких отображений настолько укоренилась в нашем сознании и языке, что мы их сознательно не замечаем, другая же часть воспринимается как нечто непривычное и оригинальное [7. Р. 186].

Марк Тернер описывает блендинг как естественный процесс, лежащий в основе нашего мышления: «Blending is not something special or costly. Blending operates almost entirely below the horizon of consciousness. We usually never detect the process of blending and typically do not recognize its products as blends. Very rarely, the scientists can drag a small part of blending onstage, where we can actually see it. But the mind is not made for looking into the mind, and as a result, we see blending only infrequently, and poorly» [12. Р. 18].

Под концептуальной интеграций учёные понимают сложный когнитивный процесс, происходящий неосознанно в результате сопоставления двух независимых друг от друга явлений или понятий и соединяющий в общем счёте четыре ментальных пространства: два исходных пространства (input spaces), одно общее пространство (generic spaces) и смешанное пространство (blended space), или бленд (blend).

Бленды образуются за счёт проекции общего пространства, проекции некоторых элементов исходных пространств, не вошедших в общее пространство, и добавочных элементов, определяющихся фоновыми знаниями, когнитивными и культурными моделями.

Аналогичные процессы происходят и в сказочном дискурсе. Для того чтобы понять, как процесс концептуальной интеграции функционирует в сказочном повествовании, рассмотрим особенности формирования женских зооморфных сказочных образов.

Зооморфные метафорические проекции моделируют образ женщины по принципу так называемого «зеркального отражения»: с одной стороны, животным приписываются антропоморфные свойства, такие, как черты характера, манера поведения, особенности жизни женщины, с другой стороны, животные образы проецируются на «прекрасную половину человечества», далеко не всегда наделяя её положительными свойствами.

Так в английских сказках распространен образ женщины-жабы. Например, сказки “Dragon Castle”, “The Laidly Worm of Spindleston Heugh”. Данный бленд обладает ярко выраженной негативной коннотацией, во многом продиктованной западной зоологией XVI века.

Ю. Д. Дмитриев приводит цитату о жабах блестяще образованного учёного Конрада Геснера из книги «История зоологии»: «Это животное совершенно холодное и влажное, всё отравленное, ужасное, противное и вредное. Когда животное это дразнят, то оно приходит в такой гнев, что если может, то брызгает на человека своими кожными выделениями или отравляет его своим ядовитым, вредным дыханием» [2. С. 184].

Даже много десятилетий спустя жаб окружала пелена таинственности и недоброжелательства. Их боялись, преследовали и уничтожали. Действительно, это животное в природе ядовито. Если до жабы дотронуться, то она выделит особую секрецию, которая не представляет опасности для людей, но может вызвать экзему или раздражение на коже. Маленькие по размерам животные от этих выделений погибают. В сказочном дискурсе подобный факт гиперболизируется, и жаба считается ведьмовским животным.

Как отмечает Мария-Луиза фон Франц, в европейской культуре жаба возводилась в ранг символа матки: «In Catholic countries after a leg or a hand or some other part has been cured by a saint, a wax image is made of the injured part and suspended as an ex voto (a token of a fulfillment of one's vow) at the church where healing was requested. Now if a woman has a disease of the uterus or some trouble connected with childbirth, she will not make a wax image of her uterus but will suspend a wax toad in the church, for the toad represents the uterus». [8. Р. 73].

Жаба – существо, живущее в двух стихиях и символизирующее посредничество между двумя мирами и трансмутацию. В этом кроется и причина двойственности внешних и внутренних черт сказочного персонажа. С одной стороны, женщина-жаба: «*a highborn lady who was beautiful, quick-witted and skilled at the charms of love*» («знатная дама, красивая, умная и обаятельная») [11. Р. 50], а с другой – «*a huge ugly toad, with bold staring eyes and a horrible hiss*» («огромная уродливая жаба с вытороченными глазами, издающая противные звуки») [10. Р. 118].

Развёрнутая метафора «*the wicked witch-queen is a Laidly Toad*» («злая королева-ведьма – леди-жаба»), образованная путём комбинирования номинативных сочетаний, иллюстрирует совмещение биологических черт человека и животного. Слияние противоположных образов достигается и благодаря использованию личного местоимения женского рода («she»)

по отношению к земноводному с ономапеей, имитирующей звуки жабы:

«*She croaked and she hissed, and then hopped away down the castle steps*» [10. Р. 118].

Контрастность женской красоты и жабьего уродства демонстрируется следующими эпитетами: «*a lady of great beauty*» – «*a loathsome toad*» («леди необычной красоты» – «омерзительная жаба»), «*beautiful and quick-witted lady*» – «*a ugly, croaking toad*» («красивая и сообразительная леди» – «уродливая квакающая жаба»).

Женщина-жаба олицетворяет далеко не привлекательный образ, наделённый демоническими и колдовскими чертами. Данный бленд образован исходными пространствами женщина и жаба, соединёнными общим пространством, включающим в себя культурные традиции и верования.

Неотъемлемым атрибутом английской культуры является дракон. Образ дракона встречается во многих английских легендах и сказаниях, но если в них он представлен в мужской ипостаси как исключительно отрицательный персонаж, то в сказочном дискурсе дракон олицетворяет женское начало и несёт в себе положительную оценочную характеристику.

В консервативной Англии, которая чрезвычайно бережно относится к своему прошлому, включая дохристианскую историю, красный дракон является национальной эмблемой Уэльса. Сам же топоним Уэльс происходит от имени древнего европейского бога Велеса (Велса, Уэлса), связанного со змеиной природой [6. С. 63].

В английской сказочной традиции отождествление женщины с драконом – достаточно распространённое явление. Как правило, это отождествление связано с превращением молодой красивой девушки в чудовищного, извергающего пламя монстра.

В результате в английском сказочном бленде происходит слияние внешних черт женщины и дракона: «*The queen has turned her stepdaughter into a loathsome, flame-breathing dragon*» [11. Р. 53].

Нельзя не отметить, что вновь контрастная внешность двух прототипов бленда передаётся за счёт ряда эпитетов. Привлекательность девушки описывается исключительно прилагательными в превосходной степени «*the loveliest of her kind*», «*the fairest lady in the world*» и сравнением «*like a wild rose*». Антонимичная же ей сущность отражена прилагательными с отрицательной коннотацией «*loathsome dragon*»,

«*dreadful dragon*», а также сравнительным оборотом «*so big and fat round as two-three girt oaks*». Драконьи черты выражены повтором итеративных глаголов: «*And when her maidens came in to dress her in the morning they found coiled up on the bed a dreadful dragon, which uncoiled itself and came towards them. But they ran away shrieking, and the Laidly Worm crawled and crept, and crept and crawled till it reached the Heugh or rock of the Spindleston, round which it coiled itself*» [10. P. 115].

Самое загадочное и таинственное животное, с которым когда-либо олицетворялась женщина, – это кошка. Красота, изящество, грациозность, независимость, хитрость, способность в долю секунды перемещаться с одного места на другое тысячелетиями завораживали и привлекали людей.

В книге В. Бауэра, Н. Дюмоту и С. Головина «Энциклопедия символов» говорится о том, что кошка всегда сопровождала Фрею, англосаксонскую богиню любви и брака, позже отождествляемую с королевой ведьминого шабаша. В английских народных поверьях ведьмы, равно как и повитухи, неизбежно имели при себе «умную чёрную кошку» [1. С. 245].

Во времена средневековья, когда развернулась масштабная охота на ведьм, кошек подвергли демонизации и в Англии. Их стали считать ведьмовскими прислужницами и казнили вместе с женщинами, обвинёнными в ведовстве.

В Англии всегда почитали белых кошек. Считалось, что животные этого окраса лечат своей энергетикой, поэтому белых кошек продавали в аптеках. В волшебной сказке «The White Cat» кошка частично выполняет функцию лягушки в русском сказочном дискурсе. Данная аналогия прослеживается и в сюжетной линии и в атрибутах самих героев сказок.

Один из трёх братьев попадает, как говорится в русских сказках, в «дремучий лес», но наталкивается там не на «избушку на курьих ножках», а на великолепный замок с золотыми дверями и фарфоровыми стенами, по воле случая оказывающийся кошачьей обителью: «*Instantly the door opened, and in came a tiny figure covered by a long black veil. It was conducted by two cats wearing black mantles and carrying swords... The little figure came up to him and threw back its veil to reveal the loveliest little white cat imaginable. She looked very young and very sad, and in a sweet little voice that went straight to his heart she spoke to him*» [9].

Кошка, как и царевна-лягушка, три раза приходит на помощь главному герою. Мудрость

героини подчеркивается лексемой «*wise*» и сравнительной степенью прилагательного *clever*: «*She was cleverer than a cat has any right to be*». Таким образом, даже на языковом уровне создаётся впечатление некоторого сходства образа женщины-кошки с образом царевны-лягушки: «*Василиса Премудрая хитрей, мудрей своего отца уродилась*».

Современная ассоциация с «Catwoman» связана, прежде всего, с фильмами о женщине-кошке. Однако если провести обратную метафорическую проекцию на когнитивном уровне, то она приведёт сначала к героине одноимённых комиксов и только потом к образу, вышедшему из народных английских сказок. Последний в итоге будет иметь мало общего с проекционным отображением голливудского персонажа, несмотря на то, что образ женщины-кошки первоначально возник именно в сказках.

Таким образом, в сказочном дискурсе представлено особое соотношение фантазии и реальности, границу между которыми можно провести, опираясь на теорию концептуальной интеграции. Смешение исходных зооморфных пространств с пространством женщины свидетельствует об остатках в английском сказочном дискурсе тотемистических и анимистических представлений древности. Сами же образы в результате диахронического развития воспринимаются как отдельные ментальные образования, уже не ассоциируемые со своими прототипами.

Список литературы

1. Бауэр, В., Дюмоту, Н., Головин, С. Энциклопедия символов / В. Бауэр, Н. Дюмоту, С. Головин. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1998. – 512 с.
2. Дмитриев, Ю. Д. Соседи по планете. Земноводные и пресмыкающиеся [Текст] / Ю. Д. Дмитриев. – М.: Олимп; ООО «Издательство АСТ», 1998 – 304 с.
3. Плахова О. А. Мифонимия как сектор ономастического пространства английской народной сказки / О. А. Плахова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – № 2 – 2009.
4. Потебня, А. А., Слово и миф / А. А. Потебня. – М.: Правда, 1989. – 623 с.
5. Фрейденберг, О. М. Поэтика сюжета и жанра / О. М. Фрейденберг; подготовка текста, справочно-научный аппарат, предварение, послесловие Н. В. Брагинской. – М.: Изд-во «Лабиринт», 1997. – 448 с.

6. Шамянина, Т. Традиционный китайский календарь и славянские мифологические параллели / Т. Шамянина – Минск: Изд. центр БГУ, 2010. – 169 с.
7. Fauconnier, G. Mappings in Thought and Language / G. Fauconnier. – USA: Cambridge University Press, 1997. – 205 p.
8. Franz, M.-L. The Interpretation of fairy tales / M.-L. Franz. – Boston and London : Shambala.
9. How Cats Got their Purr and Other Cat Fairy Tales // URL: <http://www.messybeast.com/moggycat/brit-fairy.htm> (дата обращения: 17.06.15).
10. Jacobs, J. English Fairy Tales / J. Jacobs. – The Pennsylvania State University, 2005. – 169 p. // URL: <http://www2.hn.psu.edu/faculty/jmanis/joseph-jacobs/English-Fairy-Tales.pdf> (дата обращения 17.06.15).
11. Kerven, R. English Fairy Tales and Legends. – London: National Trust Books, 2008. – 197 p.
12. Turner, M. The Origin of Ideas / M. Turner. – New York: Oxford University Press, 2014. – 300 p.

И. В. Кожухова

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЖАНРА SMALL TALK В XXI В. (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

THEMATIC ORGANISATION OF SMALL TALK IN MODERN ENGLISH

В статье рассматриваются основные направления ведения речевого жанра Small talk в английском языке на материале современной художественной литературы. Дается определение жанра, его отличие от светской беседы. Выделяются четыре основные тематические группы: новости, комплименты, сплетни, погода; в каждой группе дается анализ и обоснование использования. Приводится краткий анализ-сравнение жанра в XIX и XXI веках.

The paper studies the main peculiarities of the Small Talk speech genre. On the basis of contemporary English literature the author points out the most frequent topics of the genre, i.e. news, compliments, gossips, weather. Each group is analyzed and justified. Basic ideas of comparative diachronic analysis of the genre in XIX and XXI centuries are suggested.

Ключевые слова: речевой жанр, Small talk, светская беседа, тематическая направленность, современный язык, трансформация

Keywords: speech genre, Small talk, topic, contemporary language, transformation.

Умение правильно начать и поддержать беседу свидетельствует не только о хорошем воспитании, но и об образованности человека, в то время как молчание довольно редко приветствуется. В качестве подтверждения можно привести слова главной героини романа «Гордость и предубеждение» Элизабет: «*Видите ли, всякий должен уметь сказать хоть что-то, как заметила Элизабет, обращаясь к Дарси. – Если все время молчать, это выглядит довольно странно*» [1].

Жанр Small Talk обычно переводится как «светская беседа», и многие ученые наделя-

ют оба термина идентичным значением. В.В. Фенина говорит о том, что «Small Talk – это рассчитанный на отдых разговор о пустяках, не требующий умственного напряжения, в то время как отличительным признаком светской беседы является направленность на реализацию интеллектуальных способностей личности и эстетических возможностей языка» [3. С. 111]. Н.И. Степыкин, основываясь на вышеприведенных определениях, выявляет прилизительную тематику Small Talk – «бытовые и незначительные светские темы» [2. С. 3]. Другими словами, для Small Talk характерна

тематическая простота, а для светской беседы – тематическая изощренность.

Тематическая организация жанра

В отличие от XIX века, где самой популярной темой жанра является погода, современное общество отдаёт предпочтение комплиментам. Начать разговор с любезного замечания считается одним из самых успешных способов завязать беседу. Необходимо заметить, что по истечении нескольких веков жанр Small Talk претерпел определенную трансформацию. В настоящее время он больше похож на вводный диалог перед полноценной беседой.

В современной литературе всевозможные виды комплиментов можно подразделить на три основные категории:

- комплимент, направленный на внешность человека (прическа, одежда, бижутерия и т.д.);
- комплимент, направленный на материальные принадлежности человека (машина, квартира, садовый участок и т.д.);
- комплимент, направленный на окружающую обстановку (бар, ресторан, парк, апартаменты и т.д.).

Комплименты о внешности наиболее популярны. Вероятно, это можно объяснить тем, что в отличие от сообщения новостей или обсуждения общего знакомого, комплименты не предполагают близких отношений между коммуникантами. В качестве примера приведем коммуникативную ситуацию между двумя друзьями, которые давно не виделись:

Finally I see him. D.W. is sitting at the wrong table.

"Ooooooh. You look so ... American. So ... gorgeous. I always said you were the quintessential American girl. The American girl begins and ends with you," he says.

"You're at the wrong table, D.W. I never sit here."

"Of course not. But those pants, darling. Dolce & Gabbana." [5. P. 180].

Мода всегда играла большую роль в жизни общества, особенно среди представительниц женского пола. Заметим, что если встреча происходит между друзьями, нередко разговор начинается с клишированных фраз типа *"Glad to see you!"*, *"I haven't seen you for ages"*, *"Long time no see"*. Затем один из собеседников делает комплимент другому, ср.:

"Janey!" Peter called, sweeping her into his arms and lifting her off her feet. «I haven't seen you all summer. You look fantastic, as always.» [5. P. 85].

Комплименты о материальных принадлежностях коммуникантов почти не уступают в своей частотности комплиментам о внешнем виде, поскольку наш вид и личные вещи – первое, что замечает собеседник. Зачастую любезные замечания направлены на недавно приобретенные вещи.

Уместно обратить внимание на то, что большинство современных комплиментов представляют собой простые высказывания, не приукрашенные с помощью многочисленных причастных оборотов, синонимичных высказываний, повторяющих одну и ту же идею, как в литературе 19 века. Коммуниканты не стремятся впечатлить друг друга с помощью богатого лексикона и изысканно сформированных высказываний.

Тематика последних новостей не утратила свою актуальность до настоящего времени. Однако следует разграничить два типа новостей:

- 1) новости, происходящие в мире (кризис, война, Олимпийские игры и т. д.);
- 2) новости, касающиеся личной жизни коммуникантов (свадьба, день рождения, смена работы и т.д.).

Первый вид новостей используется, в основном, среди коллег и бизнес партнеров. Многие пособия по бизнес-коммуникации советуют постоянно читать газеты, журналы по мировой экономике, новостную ленту в Интернете, чтобы быть в курсе последних событий, которые, скорее всего, будут первыми предметами для обсуждения.

Тематика погоды частично утратила свою популярность, но не изжила себя полностью в повседневной жизни англичан. К. Фокс говорит о том, что тема погоды уместна в трех случаях:

- 1) когда вы приветствуете собеседника;
- 2) когда нужно приступить к разговору на определенную тему;
- 3) когда беседа стопорится и наступает неловкое молчание [4. С. 38].

Разговор о погоде является нейтральной темой, поэтому зачастую происходит между коммуникантами, которые мало, либо вообще не знакомы.

Сопоставляя тематическую ориентацию жанра в XIX веке и в настоящее время, можно сделать следующие выводы:

– Если ранее основной концепцией речевого жанра Small Talk было умение показать себя в лучшем свете, красиво завуалировать основную идею, то в настоящее время коммуниканты используют Small Talk в качестве переходной ступени к долгому, более основательному разговору.

– Разнообразие тем для Small Talk значительно сузилось, практически исчезли разговоры о здоровье, музыке и кино. В XXI веке собеседники предпочитают обмениваться комплиментами и обсуждать последние происшествия.

– На сегодняшний день коммуниканты достаточно кратки в своих высказываниях, использование различных фраз стимуляторов и вводных фраз-клише, много значивших для светского общества XIX века, больше не является важным. Приветствуется прямота, а слыш-

ком перегруженные фразы могут вовсе наскучить собеседнику.

Список литературы

1. Дж. Остен «Гордость и предубеждение». – URL: http://modernlib.ru/books/osten_dzheyngordost_i_predubezhdenie/read/
2. Степыкин Н. И. Small Talk как стереотип вербального поведения/ Н. И. Степыкин // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. – Москва: Рема, 2010, № 584. – С. 207–216.
3. Фенина, В. В. Речевые жанры Small Talk и светская беседа в англо-американской и русской культурах: автореф. дис. ... д-ра. фил. наук : 10.02.09 / Виктория Владимировна Фенина. – Саратов, 2005. – 127 с.
4. Фокс, К. Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения. – М. : Изд-во «Наука», 2008. – 512 с.
5. Bushnell C. Four Blondes. London. – Abacus, 2001. – 307 p.
6. Kinsella S. Can You Keep a Secret? Berkshire. – Cox&Wyman Ltd, 2003. – 364 p.

С. Я. Колтышева

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ РОССИЙСКОГО ШОУ-БИЗНЕСА

THE PECULIARITIES OF A LINGUISTIC PERSONALITY DISCOURSE OF THE RUSSIAN ENTERTAINMENT REPRESENTATIVE

Данная статья посвящена исследованию дискурса языковой личности представителя российского шоу-бизнеса. В статье рассматривается онтология понятия «языковая личность» и корреляция понятий «языковая» и «коммуникативная» личности. Проводится анализ основных моделей языковой личности и комплекса ее дискурсивных доминант, позволяющих провести классификацию типов языковых личностей.

The given article is devoted to the study of linguistic personality discourse of the Russian entertainment representatives. The article deals with the ontology of the term of «linguistic personality» and the correlation of the terms «linguistic» and «communicative» personalities. The analysis of linguistic personality models is conducted. The analysis of linguistic personality discourse dominants allowing to do the classification of the types of linguistic personality is made.

Ключевые слова: языковая личность, коммуникативная личность, модели языковой личности, дискурс, шоу-дискурс, дискурсивные доминанты, типы языковой личности, уровни языковой личности.

Keywords: *linguistic personality, communicative personality, linguistic personality models, discourse, entertainment discourse, discourse dominants, linguistic personality types, linguistic personality levels.*

Обращение языкознания к антропоцентрической парадигме развития и функционирования языка в конце XIX – в начале XX веков привело к определению нового центрального объекта лингвистических исследований – языковой личности (далее ЯЛ). Феномен ЯЛ оказал существенное влияние на развитие и формирование лингвоперсоналогической теории языка, согласно которой язык обладает лингвоперсоналогической вариативностью: в нём проявляются различные типы языковых личностей через антропотексты [5. С. 41]. **Антропотекст** – это речевое произведение, в котором отражаются качества языковой способности автора или адресата текста [5. там же].

Впервые феномен ЯЛ упоминается в работах Й.Л. Вайсгербер [3. С. 81] и В.В. Виноградов [4. С. 61]. Однако обе работы еще не содержат четкого определения данного понятия. Терминология данного явления появляется лишь спустя полвека.

В 80-е гг. XX века появляется множество определений понятия ЯЛ: оно приобретает статус термина. Фундаментальными определениями феномена ЯЛ считаются определения Г.И. Богина и Ю.Н. Караулова. Г.И. Богин рассматривает ЯЛ с позиции её готовности к осуществлению речевой деятельности: «**Языковая личность** – тот, кто присваивает язык, то есть тот, для кого язык есть речь. Языковая личность характеризуется не столько тем, что она знает о языке, сколько тем, что она может с языком делать» [2. С. 3].

Мы поддерживаем мнение Ю.Н. Караулова, согласно которому **языковая личность** проявляется в языке через тексты и может быть реконструирована через них [8. С.38].

Коммуникативная лингвистика детализирует понятие ЯЛ, называя её **коммуникативной личностью** (далее КМ) – совокупностью отличительных качеств личности, обнаруживающихся в её коммуникативном поведении и обеспечивающих личности коммуникативную индивидуальность.

В развитии теории ЯЛ Г.И. Богин и Ю.Н. Караулов пошли ещё дальше, предложив модели ЯЛ. Г.И. Богин предлагает параметрическую модель ЯЛ с опорой на лингводидактику как научного направления, изучающего функции человеческой личности. Модель ЯЛ по Г.И. Богину опирается на три аксиомы: 1) язык

состоит из фонетики, лексики и грамматик 2) пользуясь языком, человек либо говорит, либо слушает, либо пишет, либо читает, либо совмещает эти действия в каком-то порядке; 3) речевая готовность может быть большей или меньшей, лучшей или худшей.

Эти аксиомы определяют **параметры и уровни** описания языковой личности. Таким образом, в качестве параметров выступают стороны языка (фонетика, грамматика, лексика), основные виды речевой деятельности (говорение, слушание, письмо, чтение) и качество языковой способности. В качестве уровней способности и готовности к речевой деятельности выделяются: правильность, интериоризация, насыщенность, адекватный выбор и адекватный синтез. Модель ЯЛ Г.И. Богина имеет форму куба, который включает 60 компонентов, полученных через перемножение трёх параметров: $3 \times 4 \times 5 = 60$. Все параметры и уровни размещаются на трёх осях: **ось А** – аспекты языка (фонетика, грамматика, лексика), **ось Б** – основные виды речевой деятельности (говорение, слушание, чтение, письмо) и **ось В** – оценочные суждения (уровни качества: правильность, интериоризация, насыщенность, адекватный выбор, адекватный синтез) [2. С. 10]. Ю. Н. Караулов разработал лингводидактическую трехуровневую модель ЯЛ. В структуре ЯЛ можно выделить три уровня: вербально-семантический (лексикон), лингвокогнитивный (тезаурус) и прагматический (прагматикон) [8. С. 51]. Для полного развития ЯЛ должна пройти все три уровня. В свою очередь, структуру каждого уровня ЯЛ составляют единицы, взаимосвязи между единицами и стереотипы [Там же].

На **вербально-семантическом уровне** формируются отдельные слова. Отношения между ними создают сеть грамматико-парадигматических, семантико-синтаксических и ассоциативных связей. Стандартные, ходовые словосочетания, простые формульные предложения и фразы типа «пойти на работу», «выучить уроки», «смотреть телевизор» являются стереотипами.

Обобщенные теоретические и бытовые понятия, концепты, которые строятся на словах базового уровня, но обладают дискрипторным статусом, образуют **тезаурусный (лингвокогнитивный) уровень**. Отношения между ними

создают субъективную картину мира. В качестве стереотипов на этом уровне выступают генерализованные высказывания, дефиниции, афоризмы, крылатые фразы, пословицы и поговорки [8. С. 52-53].

Мотивационный уровень – это высший уровень развития ЯЛ. Он также состоит из трех элементов – единиц, их отношений и стереотипов. Этот уровень наиболее подвержен индивидуализации. Коммуникативно-деятельностные потребности личности (необходимость высказаться, стремление воздействовать на реципиента, желание получить информацию, потребность в дополнительной аргументации) – единицы данного уровня. Коммуникативная среда, ситуация и роли – это отношения между единицами высшего уровня. Символ, образ и прецедентный текст являются стереотипами мотивационного уровня. Исследование феномена языковой личности не ограничивается только рассмотрением ее структуры, но и включает процедуру выявления дискурсивных доминант ЯЛ, что представляется важным при создании типологии языковых личностей.

Дискурс – это многогранный экстралингвистический феномен, который выходит за рамки текста, это «совокупность множества разнообразных сфер человеческого познания, множество высказываний, принадлежащих одной формации» [14. С. 61-79]. Дискурс представляет собой коммуникативное явление, включающее текст, экстралингвистические, прагматические, социокультурные, психологические факторы. Дискурс – это процесс, а текст – это результат. Наше исследование посвящено рассмотрению особенностей выражения ЯЛ представителей российского шоу-бизнеса в шоу-дискурсе России. *Шоу-бизнес* – это сфера деятельности исполнителей и организаторов концертов, направленная на реализацию в массовой аудитории и получение прибыли [11. С. 5]. *Шоу-дискурс* – это корпус текстов, посвященных шоу-бизнесу, включающих лингвистические и экстралингвистические факторы [9. С. 9].

В типологии дискурсивных доминант, характеризующих ЯЛ, сложились три основных группы:

- 1) доминанты, характерные для типологии ЯЛ;
- 2) доминанты, характерные для типологии КЛ;
- 3) синкретичные доминанты, унифицирующие понятия ЯЛ и КЛ. Мы поддерживаем

мнение В.И. Карасика, который считает ЯЛ и КЛ синонимичными понятиями, так как ЯЛ проявляет себя только в коммуникации [7. С. 62]. Основываясь на этой точке зрения рассмотрим синкретичные доминанты, объединяющие понятия ЯЛ и КЛ.

И.Н. Горелов и К.Ф. Седов выделяют следующую группу общих доминант для ЯЛ и КЛ в зависимости от степени конфликтности и кооперации в коммуникативной ситуации: 1) *конфликтный тип ЯЛ* стремится к доминированию в общении, часто выражает свое негативное эмоциональное отношение; 2) *центрированный тип ЯЛ* старается игнорировать собеседника, стремится к самовыражению и к «уходу в себя»; 3) *кооперативный тип ЯЛ* ищет компромисс в коммуникации, даже если не разделяет точки зрения собеседника [6. С. 39].

В качестве дискурсивных доминант ЯЛ представителей российского шоу-бизнеса могут выступать разные языковые средства: тропы (метафора, метонимия и другие), гипербола, литота, фразеологизмы, неологизмы, профессиональная лексика, профессиональный сленг, прецедентные имена, интертексты, концептуальные оппозиции и колоронимы. Проведём анализ примеров высказываний, содержащих дискурсивные доминанты ЯЛ представителей шоу-бизнеса.

1) **Фразеологизмы** являются самыми продуктивными доминантами ЯЛ представителей российского шоу-бизнеса (207 фразеологических единиц (далее – ФЕ/19%). Они представляют собой одно из самых эффективных средств выражения человеческой мысли. Фразеологические обороты реализуются в разных дискурсах: от бытового до научного дискурсов. *Ольга Серябкина: «Деятельность группы «Серебро» всегда бьет ключом...»* [15]. Певица О. Серябкина для описания творческой деятельности группы «Серебро» использует фразеологизм-сочетание «*бить ключом*» – бурно, активно действовать [13. С. 24]. Лексема «*бить*» может сочетаться с другими лексемами. В то время как, лексема «*ключ*» семантически привязана к лексеме «*бить*» и может сочетаться только с ней. Этот фразеологизм создает положительную коннотацию в высказывании. *Ольга Серябкина: «Мы не лезем из кожи вон, чтобы пробиться на зарубежный рынок... Мы просто получаем удовольствие от любимого дела»* [15]. Настоящая фраза содержит фразеологизм-высказывание «*лезть из кожи вон*» – усердствовать, сильно стараться [13. С. 341]. Все компоненты этого фразеологизма семан-

тически автономны и могут входить в другие высказывания. Данный фразеологизм употребляется в отрицательной форме «не лезем из кожи вон» – не стараемся, не усердствуем. Используемый фразеологизм создает негативную коннотацию.

2) **Метонимия** становится также эффективной дискурсивной доминантой ЯЛ артистов (122 метонимические единицы (далее – МЕ/11%). Она осуществляет компрессию языковых знаков, но не смыслов. *Алексей Кортнев: «Российский шоу-бизнес восстал против Госдумы из-за закона о концертах»* [16]. Анализируемое высказывание содержит метонимию «российский шоу-бизнес» вместо «представители российского шоу-бизнеса» (целое вместо части). В данном высказывании наблюдается конфликт интересов представителей политической власти и представителей шоу-бизнеса. Предикат «восстал» передает возмущение и недовольство последних и создает негативную коннотацию в высказывании.

3) **Интертекстемы** – это одни из важных дискурсивных доминант ЯЛ российских артистов (118 единиц/ 11%). Они являются национальными и интернациональными культурными кодами. *Ольга Серябкина: «Мы считаем себя одной творческой семьей, где “один за всех и все за одного”»* [15]. Единство музыкальной группы «Серебро» и продюсера М. Фадеева солистка группы характеризует с помощью интертекстемы «один за всех и все за одного» – девиз мушкетеров (историко-приключенческий роман «Три мушкетера» А. Дюма-отца, 1844). Данная интертекстема создает знакомые ассоциации в сознании читателей.

4) **Профессиональный сленг** формирует словарь отечественного шоу-бизнеса (69 ПЕ / 6%). Важно отметить, что как в шоу-дискурсе, в целом, так и в дискурсе ЯЛ артистов задевается профессиональный сленг, принадлежащий разным сферам человеческой деятельности. *Артур Гаспарян: «Живое пение в нашем шоу-бизнесе, побитом “фанерой”, как старая шуба молю, сродни подвигу»* [16]. Ирония и яркие ассоциации в сознании читателей достигаются за счёт использования автором профессионального сленгизма «фанера» – фонограмма, запись звука и голоса, сделанная с помощью специальных технических средств и заранее записанная [10. С. 605], и сравнения «как старая шуба (побитая) молю».

5) **Неологизмы** не обладают высокой продуктивностью в дискурсе ЯЛ артистов (53 единиц /5%), но входят в число неотъемлемых

дискурсивных доминант их ЯЛ. *Артур Гаспарян: «Думаю многие **попсоведы** согласятся со мной: это был лучший концерт Валерии»* [17]. Автор высказывания использует неологизм «попсоведы», образованный путём слияния слов «поп» (от англ. *popular music* – популярная музыка) и «веды» (от древнерусского и старославянского «ведать», «ведаю» – знать, знаю) [12. С. 283]. Ирония создается за счёт синтеза современного англицизма «поп» (*popular*) и архаизма «веды» (знающие).

Эмпирический материал настоящего исследования представлен в Таблице 1.

Таблица 1.

Квантитативная характеристика дискурсивных доминант ЯЛ представителей российского шоу-дискурса представлена

Дискурсивные доминанты ЯЛ представителей шоу-дискурса России	Количественные показатели	Процентные показатели
1. Фразеологизмы	207	19
2. Метафоры	194	18
3. Метонимия	122	11
4. Интертекстемы	118	11
5. Гипербола	96	9
6. Прецедентные имена	87	8
7. Профессиональная лексика	75	7
8. Профессиональный сленг	69	6
9. Неологизмы	53	5
10. Концептуальные оппозиции	36	3
11. Колоронимы	31	3
Итого:	1088	100

Эмпирический материал нашего исследования показал, что самой продуктивной доминантой ЯЛ представителей российского шоу-бизнеса являются фразеологизмы. Это объясняется тем, что человеческое сознание во многом фразеологично и фразеологические обороты используются в разных институциональных дискурсах. Наименее продуктивными доминантами оказались колоронимы: картина мира артистов преимущественно формируется с помощью других языковых средств.

Список литературы

1. Богин, Г.И. Современная лингводидактика / Г.И. Богин. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1980. – 61 с.

2. Богин, Г.И. Концепция языковой личности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. / Г.И. Богин. Л., 1982. – 31 с.
3. Вайсгербер, Й.Л. Родной язык и формирование духа: Пер. с нем. 2-е изд., испр. и доп. / Й.Л. Вайсгербер. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 232 с.
4. Виноградов, В.В. Избранные труды: О языке художественной прозы / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1980. – 360 с.
5. Голев, Н. Д. Лингвоперсонологическая вариативность языка / Н. Д. Голев // Известия Алтайского гос. института. – Вып. 4. – 2004. – С. 41.
6. Горелов, И.Н. Основы психолингвистики: Учебное пособие / И.Н. Горелов, К.Ф. Седов. — М.: Лабиринт, 1997. – 224 с.
7. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
8. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 2010. – 262 с.
9. Колтышева, С.Я. Метафорическое моделирование образа шоу-бизнеса в российском и американском массмедийном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2009. – 23с.
10. Крысин, Л.П. Толковый словарь иноязычных слов / Л.П. Крысин. – М.: Наука, 2000. – 764 с.
11. Третьякова, О.В. Современный словарь шоу-бизнеса в структурно-семантическом и функциональном аспектах: дис. ... канд. филол. наук / О.В. Третьякова. – Вологда, 2005. – 250с.
12. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – Т.4. – М.: Прогресс, 1987. – 864 с.
13. Федоров, А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А.И. Федоров. – М.: Астрель, 2008. – 878 с.
14. Фуко, М. Археология знания: Пер. с фр. М.Б. Раковой / М. Фуко. – СПб.: Гуманитарная академия, 2004. – 416 с.
15. Гаспарян, А. Ольга Серябкина: «Хочу принести Фадееву «Грэмми» / А. Гаспарян. – Московский комсомолец. – URL: <http://www.mk.ru/culture/2015/10/22/olga-seryabkina-khochu-prinesti-fadeevu-gremmi.html>
16. Гаспарян, А. Российский шоу-бизнес восстал против Госдумы из-за закона о концертах / А. Гаспарян. – Московский комсомолец. – URL: <http://www.mk.ru/culture/2015/12/25/rossiyskiy-shoubiznes-vosstal-protiv-gosdumy-izza-zakona-o-koncertakh.html>
17. Гаспарян, А. Пилотка Валерии / А. Гаспарян. – Московский комсомолец. – URL: www.mk.ru/culture/2015/12/20/pilotka-valerii.html

Ю. Е. Кочнева

*Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)*

ЧИСЛОВАЯ АЛЛЮЗИЯ НА ПРИМЕРЕ КУКОЛЬНОГО МУЛЬТИПЛИКАЦИОННОГО ФИЛЬМА СТУДИИ У. ДИСНЕЯ “THE NIGHTMARE BEFORE CHRISTMAS”

NUMERIC ALLUSION IN THE CONTEXT OF THE WALT DISNEY STUDIO PUPPET-ANIMATED CARTOON “THE NIGHTMARE BEFORE CHRISTMAS”

Статья посвящена числовой аллюзии как одному из знаков интертекстуальности. Изучение осуществляется на основе кукольного мультипликационного фильма “The Nightmare Before Christmas”. Автором определяется, что числовая аллюзия имеет функциональную и семантическую значимость. Числовая аллюзия обладает аудио, видео и аудио-видео закрепленностью.

The article is dedicated to the study of numerical allusion as one of the signs of intertextuality. The study is conducted on the basis of the puppet-animated film “The Nightmare Before Christmas”. The author draws the conclusion that numerical allusion has functional and semantic significance. Numerical allusion has audio, video and audio-video expressiveness.

Ключевые слова: аллюзия, число, ассоциация.

Keywords: *allusion, number, association.*

К изучению аллюзии в литературоведении и языкознании обращались еще в XVI веке, однако теоретическая база была сформулирована только в XX веке. Согласно Н. М. Разинкиной, аллюзия – это «косвенное указание с помощью слова или словосочетания на какой-либо исторический, географический, литературный, мифологический или библейский факт. Косвенное указание может быть также связано и с событиями повседневной жизни человека» [5. С. 7].

«Аллюзия представляет собой риторическую фигуру, которая отсылает к предметной ситуации других текстов... Аллюзия выражается скрытой, анонимной цитатой и содержит в себе намек на литературный или общекультурный факт, входящий в тезаурус и автора, и читателя» [3. С. 84].

Являясь одним из частотных интертекстуальных включений, аллюзия выступает как средство «расширенного переноса свойств и качеств мифологических, библейских, литературных, исторических персонажей и событий на те, о которых идет речь в данном высказывании» [4. С. 192].

Зачастую именно благодаря аллюзии автору удастся выразить идею в краткой форме, так как процесс раскодирования этой информации зависит только от читателя / зрителя и его ассоциативного мышления. При этом для аллюзии характерно «одномоментное побуждение к ассоциации с каким-либо компонентом первоисточника» [1. С. 153], и не всегда аллюзивная ссылка может иметь указание на автора, произведение или его отрывок. Она, скорее, имеет дело с фрагментами, ассоциациями, связанными с именами собственными, географическими названиями, репликами, то есть, с так называемыми вкраплениями «чужого в свое».

Выступая в качестве стилистического средства, аллюзия «украшает текст, делает его выразительным, остроумным» [6. С. 39], при этом наиболее полно раскрывая внутренний мир героев.

Благодаря грамотному использованию аллюзий автору удастся «погрузить» читателя / зрителя в особый процесс смысловотворчества, в результате чего в памяти всплывают образы героев, политические, исторические, библейские и иные факты, о которых читатель/зритель слышал, читал или которые наблюдал ранее.

«Особую роль в ряде маркеров аллюзии занимают числа. Число является неким «кодом», определяющим жизнь человека и культуру целых народов. Именно с числами связаны исторические даты и события, религиозные обряды, различные торжественные церемонии и т.д. Благодаря числам люди учились воспринимать окружающий мир и, соответственно, свое место в нем. Таким образом, числа обладают функциональной и семантической значимостью» [2. С. 34].

Данная статья посвящена изучению семантики чисел, которые встречаются в кукольном мультипликационном фильме-мюзикле студии У. Диснея “The Nightmare Before Christmas” («Кошмар перед Рождеством»). Мультфильм повествует о жутком городе Хэллоуин, один из жителей которого (главный персонаж), Джек Скеллингтон, находит портал в город Рождества. Впечатленный всем увиденным, Джек решает организовать праздник Рождества вместо традиционного Хэллоуина. Ему на помощь приходят местные бандиты – Шито, Крыто и Кориго (Lock, Shock and Barrel), на которых лежит ответственная миссия похищения Санты Клауса. Троица успешно справляется с поставленной задачей, и Джек в костюме Санты летит в мир людей на санях, запряженных скелетами оленей. Счастливый Джек проникает в дома людей и оставляет зловещие подарки, что представляют реальную опасность. В городе быстро распространяются слухи о мошеннике, который выдает себя за Санту и сеет страх и ужас по всему городу. После того, как вооруженные силы обнаруживают Джека, они сбивают его сани, и тот разбивается на кладбище. Полный раскаяния и разочарованный в содеянном, Джек решает вернуть все на прежние места и спасает Санту, возвращая добрый праздник Рождества людям.

Поскольку мультипликационный фильм представляет собой сложный комплекс аудио-визуальных образов, числовые аллюзии выражаются не только языковым знаком, но и звуком, мелодией, телодвижением, изображением и т.д.

В начале мультипликационного фильма “The Nightmare Before Christmas” зритель знакомится с бытом и укладом, традициями и ценностями города Хэллоуин, и понимает, что функцию единения всех жителей играет одноименный

праздник. Здесь и встречается первая зрительно закреплённая числовая аллюзия. Ближе к полуночи (перед зрителем предстают большие настенные часы в виде гроба) местные собираются на центральной площади, чтобы отметить знаменательный праздник. Скелеты, монстры, ведьмы, чудовища в неподдельном предвкушении. И при наступлении полуночи начинается настоящее веселье. Выбор этого времени не случаен. По поверьям, именно в полночь мир мертвых вступает в контакт с миром физическим. Духи проникают на землю в разном обличье и, обнаружив заблудшую душу, забирают ее с собой.

Еще одним примером зрительно закреплённой аллюзии является число противоположностей – двойка. Именно в облике монстра с двумя лицами, которые поочередно сменяют друг друга в зависимости от ситуации, предстает мэр Хэллоуина. В один момент ощущается благосклонность, понимание, добродушие, но в другой – вздорность, неудовлетворенность, раздражительность.

Аудиальная двойка употребляется в реплике Салли (девушки, влюбленной в Джека): *“He’ll be able to smell double of Deadly Night Shade”*. В данном примере двойка обладает отрицательной коннотацией. Здесь она имеет значение близкое к «выполнять в двойном объеме; перебарщивать». Так, при попытке сбежать из замка, в намерении отравить хозяина, Салли готовит для него суп, добавляя больше ингредиентов, чем требуется.

Число два присутствует в качестве составной единицы во фразе «Раз, два, три...»: *“And then we’ll have him, one, two, three!”* (Шито, Крыто и Корыто строят планы похищения Санты). Данное цифровое сочетание имеет значение скорости исполнения, быстроты реакции. Ср. с русским «выполнить что-то на раз-два-три».

Другим столкновением противоположностей является комбинация чисел четыре-пять:

*“So many years later I thought I’d drop in,
And there was old Jack, still looking quite thin.
With four or five skeleton children at hand
Playing strange little tunes in their xylophone band”*,

где четвёрка, являющаяся истоком, корнем всех вещей, считающаяся в то же время числом несчастливым (особенно в странах Азии, поскольку написание иероглифа числа напоминает иероглиф, обозначающий смерть), идет вместе с пятеркой, олицетворяющей жизнь, здоровье, победу духовного над материальным.

Тот факт, что Хэллоуин является для мест-

ных жителей одной из важных целей жизни, подтверждает аудио закреплённое число 365 (количество дней в году), – все считают дни до очередного торжества и продумывают его в мельчайших подробностях: *“We got to find Jack! There’s only three hundred and sixty five days left till next Halloween!”* (Слова принадлежат мэру города). Его кто-то поправляет: *“Three hundred and sixty four!”*.

В качестве метафоры для обозначения большого числа, количества кого/чего-либо, используется «миллион/миллионы»: *“You have frightened millions”* (мэр, при обращении к Джеку); *“When a million small children pretending to sleep nearly didn’t have Christmas at all, so to speak?”* (в финальной песне Санты в очередной раз вызывает к совести раскаявшегося Джека).

В данном мультипликационном фильме часто употребляется число ноль. Это имя собаки главного героя – Zero. Физически ноль закреплён в виде круга (0), что может означать отсутствие смерти и абсолютную жизнь. Не случайно жители Хэллоуина олицетворяют собой мир мертвых. Как символ бесконечности, Ноль готов вечно следовать своему хозяину и помогать в сложных ситуациях. Верный пес всегда оказывается рядом в нужный момент, словно чувствует «свое» время. «Время зеро / час зеро», – это фраза используется в значении «пришло время действовать; пора двигаться к намеченным целям». В случае с Нулем, зритель имеет возможность наблюдать образ призрачной собаки и слышать ее имя. То есть, аллюзивно закреплённый ноль выражается как зрительно, так и аудиально.

Таким образом, в ходе анализа числовой аллюзии на примере мультипликационного фильма *The Nightmare Before Christmas*, мы пришли к следующим выводам:

1. Аллюзия является отличительным приемом смысловотворчества.
2. Процесс декодирования информации зависит от ассоциативного мышления зрителя.
3. Числа занимают особую роль в качестве маркеров аллюзии, обладая при этом функциональной и семантической значимостью.
4. Числовая аллюзия представляет собой комплекс сложных образов, имеющих разную закреплённость:

Числовая аллюзия		
Аудио закреплённая	Видео (зрительно) закреплённая	Аудио-видео закреплённая

5. Большинство числовых аллюзий (60%) имеют отрицательную коннотацию. В основном это связано с жанровой принадлежностью мультипликационного фильма “The Nightmare Before Christmas”.

Список литературы

1. Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы / Д. Дюришин. – М.: Прогресс, 1979. – 318 с.

2. Кочнева Ю. Е. Числовая аллюзия в заголовках мультипликационных фильмов Уолта Диснея / Ю. Е. Кочнева // Вестник Челябинского университета. – 2014. – № 7 (336). Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 34–36.

3. Новожилова К. Р. Стилистика повествовательного текста. Теоретические и исторические основы / К. Р. Новожилова. – СПб., 2007. С. 84.

4. Петроченко, Л. А. К вопросу об ассоциативных основах метафоры / Л. А. Петроченко // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Вопросы преподавания иностранных и национальных языков: сб. ст. междунар. конф. «XXIV Дульзоновские чтения» (Томск, 22–26 июня 2005 г.). / отв. ред. О. А. Осипова. Томск: Ветер, 2005. – С. 192.

5. Разинкина Н. М. Функциональная стилистика / Н. М. Разинкина. – М., 1986. – С. 7.

6. Свирепо О. А. Образ, символ, метафора в современной психотерапии / О. А. Свирепо, О. С. Туманова. М.: Изд-во ин-та психотерапии, 2004. С. 39.

7. The Nightmare Before Christmas: animation / director Henry Selick. USA, 1993. – URL: <http://putlocker.is/watch-the-nightmare-before-christmas-online-free-putlocker.html>

А. В. Крахалев

*Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)*

АНАЛИЗ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ «ПРЕЗИДЕНТ В.В. ПУТИН – АГРЕССИВНЫЙ ВОЕННЫЙ» В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

ANALYSIS OF THE METAPHOR MODEL “PRESIDENT PUTIN IS AN AGGRESSIVE MILITARY MAN” IN AMERICAN POLITICAL DISCOURSE

Статья посвящена анализу метафорической модели «Президент В. В. Путин – агрессивный военный» в американском политическом дискурсе. Данный анализ основан на когнитивном подходе к метафоре.

This article is devoted to the analysis of the metaphor model «President Putin is an aggressive military man» in the American political discourse. The analysis is founded on the cognitive approach to the metaphor.

Ключевые слова: метафора, метафорическая модель, когнитивная лингвистика, политическая коммуникация, дискурс.

Keywords: metaphor, metaphor model, cognitive linguistics, political communication, discourse.

Когнитивная лингвистика как отдельная наука берет своё начало в конце XX века, и одним из наиболее значимых её разделов является изучение метафоры.

Когнитивная лингвистика — направление в языкознании, которое исследует проблемы

соотношения языка и сознания, роль языка в концептуализации и категоризации мира, в познавательных процессах и обобщении человеческого опыта, связь отдельных когнитивных способностей человека с языком и формы их взаимодействия.

В рамках данного направления лингвистики такие учёные, как Дж. Лакофф и М. Джонсон, М. Тернер и Ж. Фоконье, Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Е. С. Кубрякова, М. В. Никитин, А. П. Чудинов и др. рассматривают метафору не столько как экспрессивный стилистический приём сравнения, сколько как механизм познания, структурирования и объяснения мира [2. С. 49].

Концепция Дж. Лакоффа и М. Джонсона, которую они изложили в своей книге «Метафоры, которыми мы живем», явилась отправной точкой для развития современных представлений о месте и роли метафоры как ментальной операции [1].

Суть метафоры как когнитивной способности человека заключается в возможности осмысливать абстрактные явления и сущности в терминах чувственно осязаемых предметов, осваивать неизвестное, опираясь на известное, формировать новые концепты на базе старых.

Теория концептуальной метафоры построена на биполярной модели, в которой взаимодействуют две концептуальные сферы: сфера источник и сфера мишень. Сфера-источник представляет собой опыт, содержащий более конкретное знание; сфера-мишень – область нового, менее ясного знания. Связь между этими сферами осуществляется на основе концептуального переноса, в основе которого лежит общий признак, присущий данным областям. Также концептуальная метафора является «средством, при помощи которого новая область опыта может быть концептуализирована в терминах более знакомой области».

В основе данной концепции лежит представление о концептуальных метафорах как стабильных, закрепившихся в коллективном сознании смысловых структурах более высокой степени абстракции.

Метафорические проекции, согласно теории концептуальной метафоры, встроены в обыденное сознание и имеют конвенциональный характер [1. С. 9].

Политическая лингвистика – наука, образовавшаяся на стыке политологии и лингвистики. Данное, новое для России и достаточно перспективное направление исследования возникло в связи с возрастающим интересом общества к условиям и механизмам политической коммуникации. Эта наука тесно связана с такими направлениями исследования, как социолингвистика, которая изучает проблемы взаимодействия языка и общества, когнитивная лингвистика и лингвистика текста, функциональная стилистика и исследования

публицистического стиля, а также риторика. Предмет исследования политической лингвистики – *политическая коммуникация*, то есть речевая деятельность, ориентированная на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе. Главная функция политической коммуникации – борьба за политическую власть: данный вид коммуникации призван оказать прямое или косвенное воздействие на распределение власти (путём выборов, создания общественного мнения и др.) и её использование (принятие законов, издание указов и пр.). Политическая коммуникация является отражением настоящей политической реальности, изменяется синхронно с ней и участвует в её создании и изменении. Важная задача политической лингвистики – исследовать многообразие взаимоотношений между языком, мышлением, коммуникацией, субъектами политической деятельности и политическим состоянием общества. Политическая коммуникация оказывает влияние на распределение и использование власти благодаря тому, что она служит средством воздействия на сознание принимающих политические решения людей (избирателей, депутатов, чиновников и др.). Политическая коммуникация не только передаёт информацию, но и оказывает эмоциональное воздействие, преобразует существующую в сознании человека политическую картину мира [3. С. 14–15].

Важнейший постулат современной политической лингвистики – дискурсивный подход к изучению политических текстов. Это предполагает исследование каждого конкретного текста с учётом политической ситуации, в которой он создан, с учётом его соотношения с другими текстами, целевых установок, политических взглядов и личностных качеств автора, специфики восприятия этого текста различными людьми, а также той роли, которую этот текст может играть в системе политических текстов и – шире – в политической жизни страны.

Поскольку каждый человек пользуется СМИ, он становится адресатом политической коммуникации. Когда этот человек принимает участие в выборах, он участвует в политической жизни и делает это отчасти из-за воздействия субъектов политической коммуникации.

Вслед за Е.И. Шейгал мы определяем *политический дискурс* как «знаковое образование, имеющее два измерения – реальное и виртуальное, при этом в реальном измерении он понимается как текст в конкретной ситуации политического общения, а его виртуальное измерение включает вербальные и невербальные знаки, ориентированные на обслуживание сферы политической коммуникации, тезаурус прецедентных высказываний, а также модели типичных речевых действий и представление о типичных жанрах общения в данной сфере» [4. С. 9].

Поскольку в настоящее время в связи с непростой политической ситуацией в мире наблюдается повышенный интерес населения к политике и пристальное внимание всего мира к действующему президенту России В.В. Путину, метафорическое моделирование в политическом дискурсе становится крайне актуальным разделом лингвистического анализа.

Цель данной статьи – анализ метафорической модели «**Президент В. В. Путин – агрессивный военный**». Данная модель была выбрана для анализа как одна из наиболее частотных моделей в американском политическом дискурсе.

Материалом исследования послужили тексты электронных изданий американских газет, а также новостные электронные ресурсы, в которых освещаются события мировой политики: the New York Post, the Washington Post, the Guardian (US), the New York Times, Fox News.

Приведем несколько примеров.

Милитарная метафора

В данных метафорах, очевидно, президенту В.В. Путину приписываются качества военного стратега, для этого употребляются такие понятия как «ход» (move), «стратегия» (strategy), «гамбит» (gambit), «захватить» (seize), «вмешательство» (intervention), «вторжение» (invasion):

What do you think *Putin's next move* is to take advantage of the weakness perceived in the U.S. president? [Fox News, 10.10.2015]

We are not fooled by the current *strategy* (of Putin) [Fox News, 11.10.2015].

Vladimir Putin's next strategic gambit may be to order the shootdown of an American military aircraft over Syria [New York Post, 27.09.2015].

Putin's gambits have also had second-order consequences for the fraying, fractious European project (New York Times, 03.10.2015).

Putin cynically portrays his intervention in Syria as part of a common fight against the Islamic State (New York Post, 09.10.2015).

Putin has long wanted to seize a Mediterranean port and the current conflict in Syria presents the perfect opportunity (New York Post, 19.09.2015).

Mr. Putin's intervention was part of “the special role our country has always played in the Middle East” (New York Times, 03.10.2015).

Putin's invasion of Ukraine has been bad for his countrymen (The Washington Post, 27.09.2015).

Криминальная метафора

Ниже приводятся примеры, где президент В.В. Путин представляется как безжалостная, расчётливая и крайне опасная фигура:

Why Vladimir Putin and the Enemies of the Free World Must be Stopped (Fox News, 10.10.2015).

Putin, of course, doesn't give a damn about innocent life, human rights or the niceties of diplomacy (New York Post, 28.09.2015).

Obama's goals are right – but *Putin's exercising might* (New York Post, 15.09.2015).

Кроме того, российский президент представляется в американском политическом дискурсе как криминальный элемент, подобный террористам из радикальной исламистской группировки:

G. Kasparov: “At that time I couldn't imagine how far he could go. After the annexation of Crimea and *his blatant aggression* against Ukraine...” (The Washington Post, 28.01.2015).

Putin is the most dangerous among them (terrorists such as Islamic state) (The Washington Post, 28.01.2015).

Putin is “brutally blunt” (The Washington Post, 10.06.2015).

He's a “stone-cold killer” (The Washington Post, 10.06.2015).

By definition, *he doesn't have a soul* (The Washington Post, 10.06.2015).

Также интересен и тот факт, что для кого-то образ В.В. Путина внезапно изменился в худшую сторону:

One glaring case in point has to do with the *continent's current bogeyman* (The Washington Post, 18.02.2015).

The president of Russia is an intimidating figure who cuts a swath of fear across the globe (New York Post, 02.09.2015).

Игровая метафора

Также применяется игровая метафора в отношении президента РФ в американском по-

литическом дискурсе. Используются такие метафорические словоупотребления, как «блеф» (bluff), «демонстрация силы» (power play), победа/проигрыш (win/lose), «игра в карты» (playing cards), и, собственно, «игра» (game):

Putin's Putin's *a master of the bluff* (New York Post, 27.09.2015).

Putin perfects his *pre-modern power play* (New York Post, 19.09.2015).

Putin has arranged it *he wins — and we lose* (New York Post, 19.09.2015).

Putin was very smart by playing all those cards all those years (The Washington Post, 28.01.2015).

What is Putin's end game in Syria (Fox News, 10.10.2015)?

Театральная и зооморфная метафоры

Также в исследуемом дискурсе присутствует примеры театральной и зооморфной метафор:

He seemed keen to play the peacemaker, calling renewed war in the border areas impossible [play – играть в театральной постановке] (The Guardian (US), 16.04.2015).

By teeth and claws, Putin said he meant Russia's nuclear weapons [teeth and claws – зубы и когти] (The Guardian (US), 18.12.2014).

В заключении отметим, что поскольку в данный момент между Россией и странами Запада (США и ЕС) существуют политические разногласия, все примеры данной метафорической модели обладают в разной мере негативным прагматическим потенциалом.

Список литературы

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон;

пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

2. Чудинов, А. П. Очерки по современной политической метафорологии / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т., 2013. – 176 с.

3. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т., 2001. – 238 с.

4. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – Волгоград : Волгоградский государственный педагогический университет, 2000. – 440 с.

Список использованных источников

1. Fox News [Электронный ресурс] // Интернет-сайт одноименной газеты. URL: <http://www.foxnews.com/>

2. New York Post [Электронный ресурс] // Интернет-сайт одноименной газеты. URL: <http://nypost.com/>

3. The Guardian [Электронный ресурс] // Интернет-сайт одноименной газеты. URL: <http://www.theguardian.com/us>

4. The New York Times [Электронный ресурс] // Интернет-сайт одноименной газеты. URL: <http://www.nytimes.com/>

5. The Washington Post [Электронный ресурс] // Интернет-сайт одноименной газеты. URL: <https://www.washingtonpost.com/>

Е. А. Кудрявцева

Сибирский федеральный университет
(Красноярск, Россия)

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ДАЧНОГО ОБЩЕНИЯ

ABOUT SOME FEATURES OF SUBURBAN COMMUNICATION

В статье охарактеризованы некоторые черты современного дачного общения: экстралингвистические особенности, коммуникативные ситуации, «стимулы» к общению и речевое наполнение ситуативных контактов, а также отдельные случаи обозначения объектов действительности в речи дачников.

The article describes some features of the modern suburban communication: extralinguistic features, communicative situations, "motives" for communication and verbal content of situational contacts, and individual names of objects of reality in summer resident's contacts.

Ключевые слова: дачное общение, разговорная речь, коммуникативная сфера, коммуникативная ситуация, наивная картина мира, «дачная» номинация.

Keywords: summer resident's contacts, colloquial speech, communicative sphere, communicative situation, naive picture of the world, «suburban» name.

Российскую действительность последних десятилетий трудно представить без дачной жизни. С дачей связана значительная часть жизни многих россиян. Дачную жизнь можно назвать неотъемлемой частью русской этнической культуры. Поэтому не случайным видится обсуждение «дачного вопроса» в различных телевизионных программах, печатных и электронных СМИ.

В то же время дачное общение с лингвистических позиций пока не получило достаточно научного осмысления.

Назовем две работы последнего времени, выполненные в лингвокультурном аспекте, которые посвящены данной проблематике – статья Е. А. Курловой о динамических процессах в содержании концепта «дачник» [4] и исследование О. Н. Новосельцевой, включающее сопоставительный анализ немецкого и русского содержания концепта «дача» на материале произведения немецкоязычного писателя-эмигранта Владимира Каминера [5].

Дачное общение – одна из многочисленных ситуаций бытового общения. Как известно, для данной коммуникативной сферы характерно использование разговорной речи. Таким образом, общение дачников, безусловно, можно рассматривать как ситуативную реализацию разговорной речи со всеми характерными для нее чертами: соединение вербального и невербального компонентов, многоканальность связи, констатирующая и, как следствие, подвижность связи означающего и означаемого, сочетание шаблонности и речетворчества, аналитизм, своеобразие номинации и предикации, ориентированность на собеседников [1. С. 25–39].

Однако дачная коммуникация имеет свою специфику, которая, с одной стороны, позволяет отграничить ее от общения в семье, деревенского и городского общения – например, речевого взаимодействия соседей по дому или общения в транспорте¹ и др., с другой стороны,

определяет тематическое своеобразие и характер речевого взаимодействия дачников.

Специфика общения на даче определяется **экстралингвистическими причинами**. Во-первых, это связь с определенным временным периодом. «Дачный сезон» продолжается (в зависимости от климатической зоны) примерно с середины весны до середины осени. Во-вторых, относительная открытость пространства, создающая благоприятные условия для непосредственного контакта (ср. затрудненность подобного общения в коттеджном поселке, где участки обнесены высокими заборами). Кроме того, значимым обстоятельством, на наш взгляд, является «кратковременность» контактов, связанная с обычным для дачников «перемещением» из города на дачу и обратно (иное является, скорее, исключением). Указанные обстоятельства отличают дачных обитателей от деревенских жителей или владельцев загородных домов, хотя, безусловно, нельзя отрицать наличие общих черт в речевом поведении тех и других.

Еще одним важным фактором, определяющим особенности дачного общения, являются культурно-исторические изменения, происходившие в нашей стране с начала «дачного движения» в современном его понимании и повлиявшие на образ российского дачника и на мировоззрение самих дачников.

Интересно отметить, что анализ ассоциативных связей лексемы *дачник*, предпринятый Е. А. Курловой, выявил помимо базового семантического компонента «городской житель, приехавший на время» произошедшие во второй половине XX века изменения в семантике компонента «временноепровождение», заключающиеся в смене образа *праздного дачника* образом *дачника-труженика* [4. С. 34–36].

Характеризуя период начала XXI века, вероятно, можно говорить о «смешанном» типе дачника, однако данное суждение носит предварительный характер.

Несмотря на то, что в данной статье представлен результат наблюдений над современным общением, которое отличается от дачного обще-

¹ Филологическому анализу общения в городском транспорте на материале Красноярска посвящена работа Л.А. Киселевой [2].

ния предшествующих периодов, можно с большой долей вероятности утверждать, что отдельные языковые черты оставались практически неизменными в течение многих лет. В первую очередь это касается особенностей номинации.

Дачное общение определяется и характером его участников, их социальными и возрастными характеристиками, степенью знакомства друг с другом, открытостью для коммуникации, то есть теми параметрами, которые характеризуют непринужденное, неподготовленное общение [1. С. 15–19].

К экстралингвистическим факторам относится своеобразие сфер деятельности, объединяющих большинство дачников. Это обустройство участка, садоводство и огородничество, дачное строительство, дачные расходы, дачный отдых. Таким образом, во всем многообразии тем, обсуждаемых на даче (это обстоятельство роднит загородное общение с другими формами бытового общения) отчетливо выделяется круг тем, описывающих дачную жизнь.

Все названные обстоятельства в той или иной мере влияют на содержание дачной коммуникации и выбор речевых средств ее участниками.

Предметом данной статьи являются фрагменты современного общения на даче «по поводу дачи».

Прежде чем перейти к предмету описания, охарактеризуем **участников дачного общения**. Круг партнеров по коммуникации ограничивается их ситуативными ролями. В соответствии с этим исчисляются **возможные ситуации речевого взаимодействия**.

1. Общение членов семьи – хозяев дачного участка.

2. Общение хозяина (хозяев) дачи и гостей, приехавших на дачу.

3. Общение между соседями. Внутри этого типа можно выделить общение «ближайших» и «дальних» соседей. Объединяющим признаком в данном случае является их знакомство друг с другом.

4. Общение между хозяином дачи и прохожим (прохожими). Прохожий, в свою очередь, может быть дачником и человеком, не живущим в дачном поселке.

5. Общение между незнакомыми людьми (прохожими) на «нейтральной» территории, то есть не на территории дачного участка.

Первые три ситуации предполагают наибольшее содержательное разнообразие. Соответственно характер такого общения не всегда будет «специфически дачным» и может совпасть с характером общения в другом коммуникатив-

ном пространстве. Причем от первой к третьей ситуации дачная тематика «усиливается».

Четвертая ситуация хотя и относительно редка, включает «беседы о даче» в качестве основных.

Последняя ситуация наименее располагает к обсуждению «дачной жизни», да и само общение, по имеющимся наблюдениям, носит случайный, эпизодический характер:

А. (пожилая женщина о встретившемся маленьком ребенке, несущем палку) – Какой самостоятельный! Б. (мама ребенка) – Да, уже большой; А. (обращаясь к Б, идущей с собакой) Вы бы свою собаку не отпускали.

Таким образом, с точки зрения анализа общения «по поводу дачи» наиболее интересными оказываются третья и четвертая ситуации.

Речевое взаимодействие в дачном пространстве часто имеет исключительно контактоустанавливающий (фатический) характер. По нашим наблюдениям, дачники, находясь на виду друг у друга, обычно стремятся каким-то образом поддерживать добрососедские отношения, даже если в действительности не расположены к общению¹. Большая часть приводимых далее примеров представляет ситуацию общения между соседями, а также между дачниками и прохожими-дачниками. Единичные примеры иллюстрируют 1-ю и 2-ю ситуации.

Назовем некоторые частотные «стимулы» **дачного общения**:

1. Ситуация «приезд – пребывание – отъезд». Данная ситуация характеризует общение между соседями. Дачники, встречаясь, часто «отмечают» свое пребывание на даче: указывают временные ориентиры и соотносят время нахождения на даче друг относительно друга:

А. – Здравствуйте! Б. – Доброго здоровья! А. – Надолго вы? Б. – Завтра уедем. Мне на работу. А. – А мы до вторника; А. – Добрый день! Б. – Здравствуйте! Вы вчера приехали? А. – Да, поздно вечером. А вы когда уехали? Наверное, в среду? Б. – Да, в среду. В четверг я ходил на концерт...; А. – Здравствуйте! Б. – Привет, Ира! А вы ночевали сегодня? А. – Да. А вы вчера почему уехали? Мы удивились. Б. – У нас же кошка (окотилась). Мы ее одну не оставляем. Боимся, чтобы снова не загуляла.

2. Погода. Разговор о погоде может быть средством поддержания контакта, но может

¹ В то же время нередко между дачниками возникают конфликты, результатом которых становится либо прекращение общения, либо «агрессивное» общение. Конфликтные ситуации не рассматриваются в данной статье.

содержать важную для дачников информацию, так как в зависимости от прогнозируемой погодной ситуации (жара, дождь, заморозок) должны быть предприняты определенные действия в огороде или в доме:

А. – Дождь на неделю передают. Б. – Хорошо. Хоть польет, а то засохло все; А. (утром, после ночевки на даче) – Привет! Вы не замерзли сегодня? Б. – Да так. Замерзли немного. Такого (заморозка) не было, чтоб все белое. Все поникло. В бочке лед. А. – Я посмотрела ночью – минус два градуса, но, наверное, минус пять было; А. – Заморозок обещают. Б. – Да? Надо помидоры с огурцами закрыть; А. – На выходных минус обещают. Б. (иронично) – Ну сколько, минус двадцать? А. – Минус два где-то. Б. – Ну это холод разве? А. – Да нет. Это не проблема, когда теплый дом. А когда с вечера топишь, а утром снова надо... В. (вступая в разговор) – Я и ночью топлю.

3. Хозяйственная деятельность. Два основных вида деятельности, стимулирующих общение – работа на участке (посадка, выращивание, сбор урожая, обустройство участка) и дачное строительство и ремонт. Вербализация дачной деятельности – неизменный атрибут общения:

А. – Ты капусту посеяла? Б. – Нет еще, собираюсь. А вы? А. – Посеяла в теплице капусту и редиску; А. – Вы помидоры как поливаете? Б. – Я всегда утром поливаю, ведро на куст; А. – У меня вишня не плодоносит. Б. – А ты ее доломитовой мукой посыпь; А. – Вы все убрали? Б. – Нет. Капусту надо выдрать. А. – А чеснок зимний не садите? Б. – Посажен уже. А. – А огурцы не выдирала? Б. – Нет. Надо выдрать. Я их не поливала. Горькие, наверное, как хина; А. – Что строим? Б. – Пол в бане будем ремонтировать. Баню плохо сделали (работники). Не для себя делали... А. – Вчера чеснок успела за светло посадить. В. (вступая в разговор) – А в теплице убрали? А. (улыбаясь) – Добуירים.

4. Дарение, обмен, «одадживание». Элементом дачного взаимодействия и поводом к общению является дарение садово-огородных «продуктов», обмен таковыми и одадживание различных инструментов, материалов и дачной утвари. Важно отметить, что инициатор просьбы, вне зависимости от того, является он дающим или берущим, обычно выражает ее в виде вопроса, что, как известно, лишает просьбу категоричности. Кроме того, просьбу часто мотивируют:

– Вы мне этот цветок не дадите? Очень красиво цветет; – Дима не хочет пару тачек

(дров) забрать? А то мне уже таскать надоело; – Я у тебя рыхлилку возьму, а то свою най-ти не могу?; – Можно, я у вас лестницу возьму? Гараж красить собираюсь.

В ситуации обмена прямое выражение просьбы компенсируется встречным предложением:

– Я тебе пион выкопала. А ты мне клематис белый дай.

Просьба может содержаться в вопросе в виде импликатуры:

– У меня рассада сельдерея осталась. Вам не нужна?; – У тебя есть какие-нибудь цветочки? Маше в садик надо для гербария; – Саморезами не богаты?

5. Домашние животные. Пребывание домашних животных (кошек и собак) на даче может также «благоприятствовать» контактам в дачном пространстве. Животные (в основном кошки) могут зайти на чужую территорию, потеряться, «загулять», просто привлечь внимание своим присутствием:

А. – Вы моего кота не видели? Второй день не приходит. Б. – Нет. Не переживайте. Придет еще; А. – Ваша кошка у нас. Б. – Да? Она у нас загуляла.

Животное может стать поводом к сближению между соседями. Так, один из дачных разговоров, начавшись с расспросов о кошке, перешел на другие темы и стал началом более тесного повседневного общения.

6. Дачный отдых. Редко обсуждается коммуникантами. Вероятно, это связано с тем, что для большинства современных дачников (людей среднего и старшего возраста) отдых является вторичным по отношению к дачному труду (мировоззрение, сохранившееся с советских времен), к тому же варианты дачного досуга не отличаются разнообразием (купание, рыбалка, поход за грибами, приготовление шашлыка, баня). Подобные разговоры либо сопровождают предстоящие действия, либо связаны с впечатлениями от отдыха:

А. (обращается к проходящему мимо соседу с детьми) – На рыбалку пошли? Б. – Да. У нас в озере леи появились. Здоровые. Пойдем проверим; А. (соседям, идущим с озера) – Как вода? Б. – Отличная; А. – Я с утра уже за грибами сбегала. Б. – Много грибов набрали? А. – Нет, на жарёху; А. – Ира вчера полночи в бане мылась. Попариться любит.

7. «Внештатные ситуации». Под «внештатным» мы подразумеваем любые события, вызывающие отклонения от нормальных условий жизни на даче (отключение электричества, слабое напряжение, отсутствие воды для по-

лива, невозможность прогреть дом, обветшание построек, кража, пожар). Дачники в таких случаях стремятся поделиться проблемой или «оценить ситуацию»:

А. – Вы в доме не мерзнете? Б. – Нет, у нас тепло. Один раз за три дня печку топили; А. – У вас свет есть? Б. – Нет. А. – Не знаете, когда дадут? Б. – Вроде бы подстанцию ремонтируют. Вечером должны; А. – Вода идет у вас? Б. – Напора совсем нет. А. – У нас тоже.

Отдельный интерес представляют **особенности номинации**, то есть обозначения дачных реалий самими дачниками. Некоторые номинативные единицы, безусловно, имеют универсальный характер, отражая элементы не только дачно-деревенской, но и вообще национальной картины мира. В то же время, поскольку не предпринималось подобных наблюдений над речью сельских жителей, условимся говорить, опираясь на данные дачной коммуникации, что соответствующие способы вербализации действительности характеризуют «загородное пространство» со свойственными ему видами деятельности.

Важным компонентом «дачной» картины мира, как уже отмечалось, является хозяйственная деятельность. Поэтому центральное место в репрезентации дачных объектов занимают глаголы.

Разнообразие подобных номинаций можно показать на примере словосочетаний с глаголами, называющими работу в огороде, – посадку: *сеять / сажать / высаживать / пересаживать / втыкать / натыкать* и сбор урожая: *убрать / собрать / снять / копать / выкопать / выдрать*.

В дачной речи наблюдаются расширение традиционной сочетаемости некоторых из обозначенных глаголов за счет множества называемых объектов (сельскохозяйственной продукции, выращиваемой дачниками), над которыми совершаются соответствующие действия, а также увеличение семантического объема глагола, связанное с характером объекта, воздействия на него и с оценкой данного факта.

Так, глагол *убирать (убрать)*, по нашим наблюдениям, сочетается со многими номинациями овощных и цветочных культур: *убрать морковь, свеклу, капусту, чеснок, лук, зелень, бархатцы* и т.д., но нетипично – *убрать картошку*. *Убрать* в сочетаниях *убрать огурцы / помидоры / кабачки / горох* (то есть овощи с надземными плодами) означает не «собрать урожай этих культур», а «избавиться от самих растений».

В толковом словаре С. И. Ожегова и Н.

Ю. Шведовой в качестве иллюстраций к глаголу *убрать* в значении «сжав, скосив, собрав, увезти, поместить на хранение (сельскохозяйственные культуры)» фиксируются словосочетания *убрать урожай, убрать зерновые, убрать огород* [6. С. 819]. По имеющимся данным, в дачном общении словосочетание *убрать урожай* не используется, а *убрать огород* означает «очистить от растений и мусора, подготовить к зиме».

Глаголы *копать / выкопать* характеризуют сбор урожая овощей с подземными частями: *копать картошку, морковь, лук, чеснок, свеклу* и т.п., при этом те же овощи, кроме картошки, можно *выдрать*. В значении данного глагола просматривается компонент «без помощи инструмента» и оценка действия («быстро избавиться»). *Выдрать* в сочетании с названиями овощей, имеющих надземные плоды, синонимично *убрать* в тех же словосочетаниях.

Глаголы *снять* и *собрать* семантически пересекаются, при этом сочетаемость носит узусуальный характер. Ср.: *снять огурцы / помидоры / перцы / кабачки / тыквы*, но не *ягоду, горох, ранетки*; *собрать огурцы / помидоры / перцы / горох / ягоду*, но не *кабачки, тыквы*.

С точки зрения особого употребления стоит отметить «посадочные» глаголы *втыкать / натыкать*, имеющие разговорный характер. Данные обозначения используются, когда речь идет о посадке крупных семян (лука и чеснока), реже семян вообще, при этом такая посадка оценивается как быстрая и не очень тщательная, что нередко подкрепляется контекстом: – *Соседка вчера вечером по темноте садила (чеснок). Натыкала как попало, наощупь*.

При характеристике явлений действительности в речи дачников часто используется **гипербола**. Л. П. Крысин отмечает, что данная особенность «в высшей степени» свойственна разговорной речи [3. С. 44]. Преувеличение обычно присутствует в количественных характеристиках урожая: наряду с характеристикой «много – мало» активно используются «полярные» обозначения типа *огурцов / помидоров / ягоды полно (не знаем, куда девать) – смородины (клубники, малины) / огурцов / грибов и т.п. нет* (то есть «мало»). Вообще осмысление отклонения какого-либо факта от нормы как его отсутствие охватывает широкий круг объектов: *напряжения нет; погоды нет; лета / весны в этом году не было; напора (воды) нет*.

Обычно при помощи гиперболы в дачной коммуникации выражается отрицательная оценка. Негативной оценке всегда подвергаются

ся огородные вредители и порча урожая, именно по этому поводу можно наблюдать разнообразные оценочные высказывания с использованием гиперболы: *у нас везде муравьи, огурцы все в тле, гусеницы съели капусту, гусеницы в этом году всех достали, морковная муха всю морковку поела, лук весь сгнил.*

Подведем некоторые итоги. Первичные наблюдения показывают, что общение на даче представляет собой особую коммуникативную среду, сформированную под влиянием ряда экстралингвистических факторов. Данный тип общения отличается своеобразием коммуникативных ситуаций, обсуждаемых тем и набором речевых средств. Исследование дачной коммуникации может быть продолжено в направлении выработки принципов ее описания и лингвистических критериев отграничения от других сфер бытового общения.

Список литературы

1. Земская, Е. А. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. – М., 1981. – 276 с.
2. Киселева, Л. А. Общение в городском транспорте. Опыт филологического описания (на материале Красноярск) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. А. Киселева. – Новгород, 1997. – 21 с.
3. Крысин, Л. П. Гипербола в русской разговорной речи / Л. П. Крысин // Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. – М., 2004. – С. 244–261.
4. Курлова, Е. А. Динамические процессы в содержании ассоциативно-семантического поля *дачник* / Е. А. Курлова // Мир русского слова. – 2013. – № 4. – С. 32–36.
5. Новосельцева, О. Н. Концепт «дача» в повести Владимира Каминера «Моя жизнь на даче» («Mein Leben im Schrebergarten») / О. Н. Новосельцева // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Т. 14. Сер.: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2008. – № 1. – С. 234–238.
6. Ожегов, С. И. и Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова. – М., 2006. – 944 с.

Н. Б. Кудрявцева

*Московский государственный лингвистический университет
(Москва, Россия)*

ДИСКУРСИВНО-ИГРОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ ФРАНЦУЗСКОГО СИНТАКСИСА

THE DISCOURSE AND LUDIC POTENTIAL OF THE FRENCH SYNTAX

Статья посвящена изучению дискурсивного потенциала языковой игры и анализу синтаксических средств ее выражения в современном французском языке – сочинительных, амплифицированных, парцеллированных и вводных конструкций, а также порядка слов.

The article investigates the discourse potential of linguistic game and analyses the syntactical means of its expression in modern French – coordinative, amplified, introductory and parcelled constructions, as well as word order.

Ключевые слова: дискурсивные функции; языковая игра; речевое воздействие.

Keywords: discursive functions; linguistic game; speech impact.

В статье на материале французского языка исследуется дискурсивный потенциал языковой игры, создаваемой синтаксическими средствами. Дискурсивный потенциал линг-

вистического явления понимается как его способность воздействовать на адресата с целью достижения определенного коммуникативного эффекта (например, внесения изменений в цен-

ностную систему реципиента, создания у него того или иного эмоционально-психологического настроя, в том числе хорошего расположения духа, и т.д.). Как показывает анализ языковой игры, она является чрезвычайно эффективным средством реализации указанных задач.

Необходимо подчеркнуть, что в наших исследованиях вместо традиционного термина «игра слов» мы предпочитаем использовать термин «языковая игра», поскольку последний является более широким. В самом деле, говорящим могут обыгрываться не только слова, но и другие языковые единицы, как большие (словосочетание, предложение), так и меньшие (звук, морфема), чем слово:

(1) *Son costar, comme nos ouvriers, n'arrive plus à joindre les deux bouts* [8. С. 348].

(2) *Ve l'aurai la vrochaine vois, éructe Béruc* auquel certaines consonnes sont, pour un temps, interdites [6. С. 120].

Так, в примере (1), стремясь создать ироническую атмосферу, говорящий обыгрывает сразу два значения выражения *joindre les deux bouts* – прямое (застегиваться, сходиться) и переносное (бедствовать) – и образует тем самым забавный каламбур: костюм, как и рабочие, не может свести концы с концами. Ненормативный характер данного высказывания проявляется в том, что в одном тексте одновременно создаются как бы два контекста, каждый из которых реализует свое значение.

В примере (2) также едва ли обыгрываются слова. Здесь автор лишь стремится в утрированной форме передать особенности произношения отдельных звуков персонажем, получившим повреждение в драке.

Кроме того, в языковой игре, помимо языковых единиц, обыгрыванию могут подвергаться различного рода языковые категории (например, порядок слов):

(3) *On parlait de ce sacré Henri IV. Ou plus exactement, de cet Henri IV sacré à la sauvette et qui allait faire son métier de roi* [8. С. 190].

Известно, что во французском языке существует целая группа прилагательных, способных менять свое значение в зависимости от позиции, занимаемой ими по отношению к существительному. Прилагательное *sacré* принадлежит к данному типу слов: находясь в препозиции, оно переводится как «проклятый», а в постпозиции – как «коронованный». В результате столкновения указанных значений высказывание приобретает отрицательный смысл, передавая негативное отношение персонажа к королю Генриху IV.

Таким образом, игра слов – это лишь частный случай языковой игры, в которой комический эффект достигается неканоническим использованием слов и фразеологизмов, опирающимся на омонимию, полисемию, паронимизию и т.п. Языковая же игра в целом представляет собой особую форму лингвокреативной деятельности адресанта, основывающейся на нарушениях языковой (в данной статье синтаксической) нормы, с установкой на комический эффект (шутка, каламбур, индивидуально-авторские тропы и т.п.). Основной функцией языковой игры является ludическая (или игровая) [5. С. 336].

Изучая феномен языковой игры, исследователи обычно анализируют ludические функции лексических единиц и морфологических категорий но игнорируют синтаксические конструкции. В этой связи О. С. Иссерс приводит следующее высказывание Ш. Балли: «Синтаксические средства являются (в отличие от «прямых» лексических) лишь «косвенными» выразительными средствами» [2. С. 144]. Между тем, анализ корпуса примеров современного французского языка свидетельствует о том, что синтаксис обладает значительными возможностями для создания различного рода комических ситуаций и эффектов.

Прежде всего отметим, что, как и в случае игры со словами, опирающейся на лексическую многозначность, игра с синтаксическими конструкциями также основывается на неоднозначности, но только грамматических структур:

(4) *C'était la devise d'une gente amie et je l'ai faite mienne* (la devise et la gente amie) [6. С. 50].

Из приведенного примера, если бы за ним не следовала парентетическая конструкция с дополнительными разъяснениями, непонятно, что сделал своим говорящий – девушку или ее девиз. Обычно реципиент, столкнувшись с неоднозначным высказыванием, должен осуществить выбор в пользу одного из передаваемых смыслов. Однако в примере (4) комизм, опирающийся на эффект обманутого ожидания, заключается в том, что для адекватной интерпретации сказанного необходимо принять во внимание оба смысла. Таким образом, в основе анализируемой языковой игры снова лежит сосуществование нескольких означаемых при одном означающем.

На игровом потенциале парентетических конструкций следует остановиться более подробно. Как известно, специфика парентетических конструкций состоит во включении в предложение части, не соединенной с ним синтаксически и предназначенной для передачи

разнообразных субъективно-модальных коннотаций, дополнительных к семантике основного высказывания. Главной особенностью парентетических конструкций является их способность выражать практически неограниченный круг значений, квалифицирующих высказывание с точки зрения реальности / ирреальности, желательности / нежелательности, комичности / серьезности и т.п. Подобная дополнительная информация, будучи заключенной в рамки парентетической конструкции, особо акцентируется, поскольку она оказывается в необычной синтаксической позиции. Таким образом, желая привлечь внимание реципиента к тем или иным фактам, автор помещает их в условия синтаксической изоляции от основной части высказывания, создавая в нем два речевых плана, второй из которых нередко доминирует в смысловом отношении. В некоторых случаях использование парентетических конструкций является индивидуальной особенностью коммуникативного стиля писателя или персонажа. Это утверждение, в частности, относится к анализируемым в статье ироническим детективам французского писателя Фредерика Дара, более известного под псевдонимом Сан-Антонио, где повествователь (он же главный герой – комиссар полиции Сан-Антонио) любит делать попутные критические замечания, давать иронические оценки или просто балагурить, играя с языком. Соответственно:

(5) *Ce ne sont pas les Français qui font la France (ils auraient plutôt tendance à la défaire) mais la France qui fait les Français* [8. С. 15].

(6) *Je branle le chef (je suis le chef, j'ai le droit)* [10. С. 150].

(7) *Et maintenant, on ne parle pas, dis-je d'un thon (puisqu'on est en plein océan) sans réplique* [10. С. 154].

Свою специфику при языковой игре имеют и авторские слова, вводящие чужую речь. В отличие от косвенной речи, прямую речь могут вводить не только глаголы говорения и мышления, но также глаголы эмоции и чувства, мимики и жеста. Именно на этой особенности феномена чужой речи играет Фредерик Дар, стремясь максимально разнообразить вводные конструкции:

(8) – *A quoi tu rêves ? mastique Béru* [8. С. 374].

(9) – *Je crois que le commissaire Létron vous a mis au courant ? – Au courant de quoi ? l'à-brûle-pourpoints-je* [10. С. 20].

Во-первых, в качестве вводящих глаголов писатель использует такие, которые никак не связаны с процессом говорения. Во-вторых,

зачастую данные глаголы представляют собой авторские неологизмы. В-третьих, указанные вводные конструкции употребляются в первом лице единственного числа, что для французского языка нетипично, поскольку практически произносимо. Таким образом, слова автора, сопровождающие прямую речь, привлекают внимание читателя своей необычностью и создают желаемый эффект – иронический, шуточный, оценочный и т.д.

Среди синтаксических конструкций, способных выполнять людическую функцию, особое место, по нашему мнению, занимают амплифицированные, характеризующиеся избыточностью, нагромождением компонентов, используемых для усиления выразительности речи [3. С. 42]. Понятно, что чем больше протяженность амплифицированного текста и чем несовместимее в семантическом плане соединяемые в нем компоненты, тем сильнее воздействующий потенциал такого речевого произведения и тем гротескнее производимый им людический эффект. В качестве примера можно привести отрывок из романа Сан-Антонио «*Mange, et tais-toi*», в котором содержится длинный список эпитетов, описывающих полицейского, сумевшего после нелегкой борьбы задержать опасных преступников:

(10) – *Mes investigations ont porté leurs fruits.*

Brave Pinuche, tumefié, brisé, disloqué, fracturé, facturé, fêlé, frêle, fébrile, flagellé, flageolant, flannelé, flétri, flexueux, cassé, fracassé, concassé, désossé, amenuisé, et pourtant intact dans sa vie professionnelle. Constant ! Content ! Consentant ! Emietté mais uni ! Démantelé mais fort ! Plein de ressources et de sources ! Poulet jusqu'aux ergots [7. С. 71].

Интересно, что данные эпитеты, отражающие физическое состояние героя после тяжелых испытаний (поломанный, раздробленный, распухший, скрученный и т.д.) и относящиеся к соответствующему семантическому полю, представлены в алфавитно-аллитерационном порядке. Аллитерация, как известно, является одной из форм звукописи, заключающейся в повторении однородных звуков или звукосочетаний для придания тексту большей ритмичности и выразительности. Однако в анализируемом отрывке автор просто играет, экспериментируя со звуковой содержательностью, стремясь вызвать улыбку у читателя.

В примере (11) «нагромождение» элементов происходит на иной основе:

(11) *Le Guennec se met à hurler comme un beau diable, un putois, à la lune, avec des loups, à la*

mort, le vent, des freins mal réglés [10. С. 167].

Здесь автор, перечисляя их через запятую, обыгрывает все известные устойчивые выражения с глаголом *hurler*, которые зафиксированы во франкоязычных словарях. Благодаря этому приему, ему удается образно описать сцену, в которой один из персонажей, получив серьезное ранение, кричит от боли.

Однако наиболее интересной, с нашей точки зрения, является амплифицированная конструкция в примере (15), взятом из романа Сан-Антонио «*Le loup habillé en grand-mère*»:

(15) Et c'est en essayant de fixer la lampe que j'aperçois...

... Que j'aperçois quoi ? Hein ? Ça vous démange de l'apprendre ? Avouez ? Qu'est-ce qu'il a aperçu, le San-A chéri ? Une clé des champs en or massif ? Une kermesse héroïque ? Un avant-centre de rugby ? Un compas dans l'oeil ? Un coup de l'étrier ? Une dose d'optimisme ? Un fin gourmet ? Une chaîne d'arpenteur ? Une vue de Capri ? Un roi mage ? Un enfant de choeur ? Un chef de gare ? Ou, plutôt, une nagaïka ? Un traité de mystagogie ? Un gallicisme ?... [6. С. 122 – 123].

Данный пример располагается на стыке двух глав. В конце первой из них герои оказываются запертыми в подвале и, стремясь из него выбраться, внимательно осматривают все вокруг. Последняя фраза этой главы заканчивается словами: «И пытаюсь поправить шнур от лампы, я замечаю...». Следующая глава начинается с того, что, желая заинтриговать читателей, повествователь и главный персонаж (комиссар полиции Сан-Антонио) заставляет их строить предположения относительно увиденного. Перечисление абсолютно не связанных друг с другом лиц и предметов, которые, якобы, увидел герой, занимает в книге две страницы. Так, в данном списке мы находим, с одной стороны, тонкого гурмана, волхва, певчего из церковного хора, начальника вокзала, а с другой, нагайку, кошачий концерт, трактат по мистагогии, циркуль землемера и т.д. Далее на протяжении ещё одной страницы Сан-Антонио, используя фразы типа *Je ne veux plus abuser de votre patience. Je n'ai pas l'intention de mettre vos nerfs à l'épreuve. Je suis loin de vouloir vous faire attendre*, заверяет читателей, что он не любит ходить вокруг да около и предпочитает сразу говорить правду (*Pas de faux-fuyants ! Droit au but ! J'appelle un chat un chat !*). Однако лишь в конце третьей страницы мы узнаем, что под потолком подвала вмонтирован микрофон, позволяющий слушать разговоры запертых в нем

пленников. Людический эффект в анализируемом примере создается благодаря сочетанию нескольких приемов: использованию нетипичной по объему перечислительной синтаксической конструкции, нарочитому совмещению в ней семантически несоединимых компонентов, построению текста в виде разговора с читателем. В целом данный фрагмент представляет собой чистое балагурство, шутку ради шутки.

В качестве частного случая амплифицированных конструкций в лингвистике принято рассматривать однородные сочиненные ряды, к игровому потенциалу которых мы обращались в наших исследованиях неоднократно [4; 5]. Известно, что грамматически однородными считаются однофункциональные синтаксические единицы, одинаково относящиеся к некоторому третьему элементу, которому они соподчинены или который соподчинен им. При этом идеальный однородный ряд представляют собой структуры, объединяющие компоненты, однородные и по функции, и по форме, и по содержанию. Именно последней характеристикой зачастую пренебрегают говорящие при создании игрового эффекта:

(16) *Le Monstrueux prend son temps, son souffle et son courage à deux mains* [6. С. 95].

(17) *Nous essayons d'interpréter sa réponse véhémence, mais il parle trop vite et trop en grec pour que la chose soit possible* [9. С. 32].

Как видим, в подобных случаях обыгрывается именно способность сочинительных союзов устанавливать отношения синтаксической однородности: они делают грамматически однородным то, что семантически таковым не является, и тем самым создают эффект неожиданности.

В высказываниях, содержащих противительный союз *mais*, языковая игра часто опирается на такое свойство подобных конструкций, как логико-семантическое и коммуникативное доминирование второго компонента над первым, которое легко доказывается трансформациями: *il est paresseux mais intelligent* → *il fera ce travail*; *il est intelligent mais paresseux* → *?il fera ce travail*. Отсюда понятно, почему высказывание *Sa femme l'a quitté mais il a gagné cent euros à la loterie* можно рассматривать как шутку. В этом примере комический эффект возникает из-за большой неравноценности противопоставляемых ситуаций: столь несущественный факт, как выигрыш ста евро в лотерею, никак не может быть доминирующим по отношению к разводу с женой. Однако именно выигрыш незначительной суммы занимает в данном вы-

сказывании вторую, более значимую в коммуникативном плане позицию.

Наконец, эффект языковой игры может возникать в результате намеренного нарушения говорящим так называемого «принципа приоритета», в соответствии с которым последовательность компонентов сочиненного ряда носит не произвольный характер, а регулируется иерархией тезаурусных отношений. Так, типичным для индоевропейских языков считается следующий порядок следования сочиненных компонентов: человек/ нечеловек (*человек и закон*), мужчина / женщина (*men and women*), взрослые/ дети (*mother and child*), более/ менее значимое социальное положение (*нации и на родности*), активное/ пассивное (*le locuteur et l'allocutaire*), позитивное/ негативное (*tout ou rien*), ближнее/ дальнее (*here or there*), меньшее/ большее количество (*attendre deux ou trois minutes*) [1. С. 343]. Таким образом, приводимые ниже примеры, в которых сочиненные компоненты соединяются в обратной последовательности, являются экспрессивно маркированными:

(18) Elle est prête à tout et même à n'importe quoi pour sauver son mari [10. С. 45].

(19) Le mousquetaire ne se le (=la menace) fit pas dire quatre fois, ni trois, ni même deux [8. С. 230].

В обоих случаях назначение языковой игры с участием сочинительных союзов заключается в уничижительной характеристике персонажей, один из которых не намерен предпринимать эффективные шаги для спасения близкого человека, а другой не отличается особой храбростью и скрывается при первой же опасности.

В людических целях могут использоваться не только амплифицированные, но и противоположные им – парцеллированные – конструкции. Прием парцелляции заключается в расчленении синтаксической структуры высказывания на отдельные интонационно-смысловые блоки. В результате такого дробления высказывание распадается на несколько частей: базовый компонент (основу) и зависимые компоненты (парцелляты). Занимая синтаксически необычную, несамостоятельную позицию, парцелляты выполняют ряд важных в плане речевого воздействия функций: дополнительную рематизацию высказывания, усиление образности и акцентирование деталей, передачу авторского отношения к излагаемому, создание эффекта обманутого ожидания и т.п.:

(20) Le toubib se penche pour l'examen. Trop. Il choit. S'allonge contre Pinaud. S'endort. Fin de la séquence médicale [10. С. 154].

Так, в (20) при помощи парцеллированной конструкции описывается попытка не совсем трезвого доктора осмотреть раненого. «Рубленая» манера описания действий врача позволяет наглядно и с юмором представить данную сцену, вызвав улыбку у читателя.

Итак, языковая игра – это креативное, отклоняющееся от языковой нормы использование лингвистических единиц с целью создания комического эффекта. Среди синтаксических структур, обладающих значительным игровым потенциалом, следует назвать сочинительные, амплифицированные, вводные и парцеллированные конструкции. При этом языковая игра обычно опирается на неоднозначность синтаксических единиц, намеренно создаваемую говорящим в контексте.

Список литературы

1. Бергельсон, М. Б. Прагматический принцип приоритета и его отражение в грамматике языка / М. Б. Бергельсон, А. Е. Кибрик // Известия АН СССР. – Сер. лит. и яз. – 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 343–355.
2. Иссерс, О. С. Речевое воздействие / О. С. Иссерс. – М. : Флинта – Наука, 2011. – 224 с.
3. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. – М. : Флинта – Наука, 2003. – 840 с.
4. Кудрявцева, Н. Б. Реляционные элементы как компонент языковой игры / Н. Б. Кудрявцева // Вестник МГЛУ. – Сер. Лингвистика. – М., 2004. – Вып. 486. – С. 56–65.
5. Кудрявцева, Н. Б. Дискурсивные функции языковой игры (на материале французской грамматики) / Н. Б. Кудрявцева // Вестник МГЛУ. – Сер. Языкознание и литературоведение. – М., 2015. – Вып. 717. – С. 335–347.
6. San-Antonio. Le loup habillé en grand-mère / San-Antonio. – P. : Fleuve Noir, 1980. – 224 p.
7. San-Antonio. Mange, et tais-toi / San-Antonio. – P. : Fleuve Noir, 1974. – 252 p.
8. San-Antonio. L'histoire de France vue par San-Antonio / San-Antonio. – P. : Fleuve Noir, 1965. – 384 p.
9. San-Antonio. Salut, mon pope / San-Antonio. – P. : Fleuve Noir, 1974. – 254 p.
10. San-Antonio. Si ma tante en avait: chronique bretonne / San-Antonio. – P. : Fleuve Noir, 1978. – 224 p.

О. В. Кукарская

Тюменский государственный университет
(Тюмень, Россия)**ОБРАЩЕНИЕ К МИФОЛОГИЧЕСКОМУ МЫШЛЕНИЮ
КАК СПОСОБ СОЗДАНИЯ ДИСКУРСА АВАНГАРДА****RESORTING TO MYTHOLOGICAL THINKING AS A MEANS
OF CREATING THE DISCOURSE OF AVANT-GARDE**

Данная статья рассматривает элементы мифологического мышления, проявляющиеся на языковом уровне в работах авангардного течения на примере рассказа Д. Хармса «История СДЫГР АППР». Обращение к коллективным архетипам, логики «наоборот», пограничным состояниям сна, мотивам иномирия и буквализации метафоры становится рецептом создания абсурдного дискурса. Сплетение символических образов формирует особую художественную реальность, близкую к до-логической картине мира.

The article studies the elements of the mythological thinking that are revealed through linguistic analysis of the avant-garde story «Istoriya SDYGR APPR» by D. Kharms. The key to creating the discourse of the absurd is resorting to collective archetypes, reverse logic, a borderline state of dreaming and motifs of an alternative reality, as well as the actualization of metaphors. The overlapping symbolic images create a fictional map of the universe similar to that of prelogical thinking.

Ключевые слова: авангард, миф, архетип, иномирие, метафора.

Keywords: avant-garde, myth, archetype, alternative reality, metaphor.

Творчество Д. Хармса предстает в различных формах: стихах, драме, прозе, сценках, фельетонах, диалогов, предложений, сочетании отдельных слов. Проведенный Хармсом литературный эксперимент не оставил равнодушными ряд российских и некоторых зарубежных учёных (Д. В. Токарев, Ж.-Ф. Жаккар, М. Б. Ямпольский, Я. Шенкман, А. А. Ханзен-Лёве, А. А. Александров). Однако многогранность и бесконечная возможность трактовки его произведений оставляет простор для лингвистического исследования. Постоянная мифологизация и демифологизация художественной действительности запутывает читателя, из чего мы заключаем, что одним из способов сознания дискурса авангарда становится обращение к мифологическому мышлению.

Мы рассмотрим особенности мифологического мышления на примере анализа рассказа-сценки-пьесы Д. Хармса «История СДЫГР АППР».

Главные герои «Истории СДЫГР АППР» – два «друга», Пётр Павлович и Андрей Семенович. В повествовании главенствует мифологическое мышление, характерное для сказок. В «Истории» присутствуют как сказочные мотивы, так и сказочные герои, которым присущи характерные атрибуты. Пётр Павлович,

например, олицетворяет демоническое начало. В пользу этого говорит его внешний вид (наличие черной бороды), поведение (демонический хохот), обладание паранормальными возможностями (он способен проникать в ткань сна, действовать в нем, внося разрушение). Такие герои традиционно относятся в фольклоре к разряду «чужих»: монах, купчиха, врач, ученый (люди особых профессий, которые наделялись сакральным значением и в то же время входили в фонд карнавальных масок праздничного ряжения); персонажи, находящиеся между двумя мирами: младенец, покойник, больной и т.д.

«История СДЫГР АППР» начинается с того, что Петр Павлович отрывает руку своему товарищу Андрею Семеновичу, что говорит о наличии персонажей-жертв и персонажей-разрушителей: «Я тебе, мерзавцу, руку оторвал, а вот обожди, догоню, так и голову оторву!» [4. С. 387]. Вообще, мотив отрывания частей тела, в частности, «ритуальное расчленение жертвы – характерный обряд, символика которого связана, в частности, с актом сотворения мира» [5]. Жертвами демона-разрушителя становятся как случайные люди, так и близкие друзья, однако «конфликт» несет в данном случае карнавальный характер, деструкция направлена на

нравственные ценности, на высшее, «на короля». Только на месте короля выступает друг, т.е. этически ценная фигура: «Её оторвал мой приятель Петр Павлович и обратно не отдаёт» [4. С. 388].

Убегая от Петра Павловича из страха, что тот оторвет ему и голову, Андрей Семенович бежит по созданной Хармсом «дистанции с препятствиями». Пространство, в котором находятся герои, можно условно разделить на два: «реальное» и сновиденческое. Реальное художественное пространство представлено бинарными оппозициями «свое-чужое» и разделено «канавой», перепрыгнуть которую вредитель (Петр Павлович) не может. При этом прыжок через канаву имеет функцию преодоления героя через препятствия. Преодолев «канаву», герой получает «иммунитет» и с этого момента пространственное разграничение между героем и вредителем сохраняется на протяжении рассказа.

Потерпевший прибегает за помощью к профессору Тартарелину (предполагаемому дарителю), а вредитель остается в прихожей и лишь «демонически хохочет», пока героя осматривают. Так, используя категоризацию персонажей, предложенную В. Проппом, мы можем судить о наличии традиционных фольклорных персонажей (напр. вредитель, герой, даритель и т.д.) в дискурсе авангарда, которые создают карнавальную действительность [2].

Герои наделяют части тела (голову и руку) особыми свойствами, необходимыми для функционирования мира и для его единства. Однако сакральное предназначение руки нивелируется (подвергается ироническому снижению), когда герои «Истории СДЫГР АППР» перечисляют отнюдь не магические функции руки: махать платочком, чесаться, совать в карман, протягивать руку при встрече.

В то время как истинное предназначение руки в «Истории» Хармса раскрывается, когда Петр Павлович, при помощи ритуальных действий сакрализует оторванную руку при помощи «заклинания» в форме заумного стихотворения. Это позволяет ему нарушить границы мифопоэтического пространства и обрести магическую силу останавливать время и прорываться сквозь ткань сна.

Переkreщивание нескольких мифических пространств представлено в «монологе» Сна, одного из «героев» рассказа. Неудивительно, что стихотворное изложение мыслится читателем как абсурдное или, по меньшей мере, мистическое.

сон:

*(...) Домик слабенький стоит
двери настеж распахнул
неги теплые сулит
в доме дремлет караул
А на крыше спит старуха
на носу ее кривом
тихим ветром плещет ухо
дуют волосы кругом
А на дереве кукушка
сквозь очки глядит на север
не гляди моя кукушка
не гляди всю ночь на север
там лишь ветер карабистр
время в цифрах бережет
там лишь ястреб сдыгр устр
себе добычу стержот* [4. С. 394–395]

Пространство, описываемое в мифе-колыбели, обозначено при помощи грамматических и семантических локативов: домик, двери, крыша, на носу, на крыше, на дереве, на севере, настеж. В пространстве находятся разные природные объекты: океан, море, звезды. Есть и живые существа: человек, рыбы, старуха, кукушка, ястреб. А также три взаимосвязанных понятия ветер-карабистр-время. Ветер, является странным явлением (см. [3], так как, являясь неодушевленным, будто по волшебству приводит в действие другие предметы: «Тихим ветром плещет ухо», «двери настеж распахнул», «дует волосы кругом». При этом становится очевидным, что ветер дует с севера. Интересное совпадение обнаруживается, если мы вспомним цитату из «Гамлета» Шекспира, в которой ветер с севера определяет период психических расстройств [1]. В данной цитате также фигурирует ястреб.

*HAMLET: I am but mad north-north-west.
When the wind is southerly I know a hawk from a handsaw* [6].

Карабистр описывается Хармсом в виде существа вместо часов, на подставке, с одной рукой вместо стрелки (рука, «принесенная в жертву», оживляет это существо), и в халате (прием иронического снижения). Таким образом, время у Хармса предстает в нескольких ипостасях: в виде абстрактного понятия, в виде мифического существа карабистра, переводящего время на понятный человеку язык цифр, и в виде ястреба – поэтической мифологемой.

В художественной картине Хармса очень часто фигурирует рекуррентная тема «домика на горе». Выражение про некий «дом» встречается в «Истории СДЫГР АППР» и, например, в пьесе «Елизавета Бам»:

*ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ: Я только что отту-
да, там прекрасно.*

*Цветы растут. Деревья шелестят.
Стоит избушка – деревянный домик,
в избушке светит огонек (...)*

*ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ: Никто в нем не жи-
вет*

*и дверь не растворяет,
в нем только мыши трут ладонями муку,
в нем только лампа светит розмарином
да целый день пустынным сидит
на печке таракан. [4. С. 702–712]*

Итак, у избушки есть двери, внутри, кроме рыжего таракана с топором (вероятно, символом убийства, казни или смерти), горящий огонёк или лампа, печь, крыша со старухой (ср. Баба-Яга и избушка на курьих ножках). Попадание в дом через открытые ветром двери можно трактовать как переход в загробную жизнь, по крайней мере, для Елизаветы Бам, т.к. из реплик героев становится понятным, что её ведут на суд и вероятно смертный приговор. Миф о переходе в загробную жизнь, рассказанный «сном», оправдан. Сон – пограничное состояние между двумя типами сознания (сознательного и бессознательного). Опять вспомним Шекспира, вложившего в слова Гамлета идею о смерти как глубоком сне, забвении:

To die, to sleep.

To sleep, perchance to dream – ay, there's the rub,

*For in that sleep of death what dreams may come
When we have shuffled off this mortal coil,
Must give us pause [6].*

Любопытно, что к архетипу иномирия прибегают и создатели рекламы. Так, в одной из реклам продукции «Простоквашино»¹ (сметаны, молока и т.д.) зрителю представляют сцену с героями одноименного мультфильма (кота Матроскина и пса Шарика), расхваливающими свежие молочные товары собственного производства. Далее, Кот кладет в погреб банку со сметаной с эмблемой «Простоквашино», которая «магическим» образом оказывается в холодильнике рядовой российской семьи. Дверь в погреб и дверь холодильника становится порталом между волшебным миром и миром людей. Естественно, что прагматический эффект достигается за счет использования в рекламе героев горячо любимого мультфильма. Авторы рекламы манипулируют зрителями, вкладывая в уста вымышленных персонажей необходимую информацию о товаре. Благодаря отождествлению «погреб (героев

мультфильма)=холодильник (людей)» и архетипа иномирия создается впечатление, что сами герои доставляют только что заготовленные продукты. Объяснение того, как производится тот или иной молочный продукт при помощи визуального ряда порождает миф. Рациональный зритель не воспринимает этот миф всерьез, но поддается ощущению, что продукту, полученному «из рук» героя старого доброго мультфильма, можно доверять. Таким образом, включение зрителя в мифологическое пространство помогает преодолеть переход от вымышленного к реальному. Мифологическая картина мира помогает преодолеть границу и закрепляет её в архетипе (иномирия), который часто проявляется в языке в виде тропов (например, метафор).

Итогом этого параграфа является то, что герои Хармса склонны к тому, чтобы обладать мифическим мышлением. Степень мифологичности зависит от погруженности личности в воображаемый мир, в художественных произведениях к данному миру причисляем измененные состояния действующих персонажей или сон героя. Обращение к принципам мифологичности зависит и от автора, который часто обращается к сказочным мотивам для создания абсурдной, комичной или иронически сниженной ситуации. Квазиреальность происходящего в «Истории СДЫГР АППР» и объективизация мифа про руку свидетельствует о процессе, обратном метафоризации. Так, метафорическое выражение «оторвать голову» не просто отражает гневное отношение говорящего или угрозу наказания, но формирует новую художественную реальность для героев дискурса авангарда.

Список литературы

1. Белозерова, Н. Н., Лабунец, Н. В. Эколингвистика: в поисках методов исследования: монография / Н. Н. Белозерова, Н. В. Лабунец. – Тюмень: . Издательство ТюмГУ, 2012. – 256 с.
2. Пропп, В. Морфология сказки / В. Пропп // Гос. ин-т истории искусств. Вопросы поэтики; Вып. XII. Л.: Academia, 1928. – 152 с.
3. Руднев, В. Странные объекты // Феноменология психотического мышления / В. Руднев В. – М.: Академический проект, 2014. – 159 с.
4. Хармс, Д. Век Даниила Хармса / Д. Хармс. – М.: Зебра Е, 2006. – 910 с.
5. Энциклопедия символики и геральдики URL: <http://www.symbolarium.ru/>
6. Shakespeare, W. The Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark / W. Shakespeare URL: <http://shakespeare.mit.edu/hamlet/full.html>

¹ http://www.youtube.com/watch?v=1li1K4Z8t_0,
<http://www.youtube.com/watch?v=utNa32RzXX4>

А. В. Курьянович*Томский государственный педагогический университет
(Томск, Россия)***ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ
ЭПИСТОЛЯРНО-МЕДИЙНОЙ КОММУНИКАЦИИ:
ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ¹****LANGUAGE PERSON IN SPACE EPISTOLARY-MEDIA
COMMUNICATIONS: LEGAL ASPECTS OF VERBAL BEHAVIOR**

В статье речь идет об особенностях вербального поведения языковой личности, манифестирующей себя посредством текстов в формате письма в сфере масс-медиа. Акцентируется присутствие социальной доминанты в характеристике дискурсивных свойств данного типа носителя. Обосновывается необходимость рассмотрения речевого строя конкретных эпистолярно-медийных личностей в аспекте соответствия нормам законодательства и права.

The article deals with the peculiarities of verbal behavior language personality which manifests itself through written texts in the field of mass media. Attention is paid to the presence of the dominant social discourse in the characteristic properties of the media. The necessity of considering the speech system specific epistolary-media personalities in terms of compliance with the law is explained.

Ключевые слова: *эпистолярно-медийная языковая личность, медиадискурс, письмо как тип текста, правовые аспекты дискурсивной деятельности, инвективные лексические единицы.*

Keywords: *epistolary display linguistic identity, media discourse, message as a text type, the legal aspects of discursive activity, invective lexical units.*

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00216.

Лингвоперсонологический вектор как один из приоритетных и перспективных в современных лингвистических исследованиях определяет интерес к изучению дискурсивных проявлений языковых личностей разных типов в разнообразных сферах межличностного и социального взаимодействия (Г. И. Богин, А. А. Ворожбитова, Н. Д. Голев, В. Е. Гольдин, Е. В. Иванцова, Ю. Н. Караулов, Л. Г. Ким, Н. В. Мельник, В. П. Нерознак, К. Ф. Седов, О. Б. Сиротина и др.).

Предметом нашего внимания выступает особый тип носителя – *эпистолярно-медийная языковая личность* – автор (адресант) контента *эпистолярных текстов* (Н. И. Белунова, Н. Ю. Бусоргина, Н. А. Ковалева, А. В. Курьянович, Л. В. Нижникова, Е. В. Полякова и др.) – письменных речевых произведений, обладающих ярко выраженной жанрово-стилевой спецификой, посредством которых осуществляется межличностное и социальное взаимодействие с адресатами в условиях *медиадискурса* (И. В. Анненкова, А. Б. Бушуев, Т. Г. Доброклонская, Л. Р. Дускаева, В. И. Карасик, В. Б. Кашкин, О. В. Орлова и др.).

Отметим, что традиционный формат эпистолярного текста как результата текстовой и шире – дискурсивной – деятельности эпистолярной языковой личности при попадании в медийную сферу (на радио, телевидение, в печатные СМИ, сетевое взаимодействие) трансформируется в соответствии со спецификой последней: «... письмо перестает быть просто средством общения, становясь инструментом эффективного воздействия на широкий круг читателей, побуждения к определенной модели поведения» [3. С. 46]. Это, безусловно, сказывается на специфике развертывания эпистолярно-медийной языковой личностью своих жанровых, стилистических и дискурсивных свойств, ключевым параметром которого становится актуализация *социальной доминанты* в коммуникативном поведении носителя. Авторы эпистолярно-медийных текстов разных типов (как аутентичных – писем разной жанрово-стилевой принадлежности, в том числе функционирующих в электронном виде, включая разные проявления спам-корреспонденции, флуда, записи в блогах, чатах, мессенджерах, на форумах, переписка в социальных сетях, так и неаутентичных в фор-

мате письма) демонстрируют осознание социальной идентичности (принадлежности какой-либо социальной группе), определенным образом заявляют о своей гражданской позиции в осмыслении острых социально-политических вопросов современной жизни, осуществляют риторически организованное взаимодействие с разными типами людей (единомышленниками, идеологическими противниками, представителями власти).

В свете выдвижения социального фактора в качестве ключевого в параметризации свойств эпистолярно-медийной языковой личности целесообразным видится рассмотрение речевого поведения адресантов медийных эпистолярных текстов в юридическом аспекте. Изучение *правовых аспектов* дискурсивной деятельности эпистолярно-медийной языковой личности связано с выявлением в линии ее коммуникативного поведения стратегий и тактик, направленных на создание конфронтации в межличностных и социальных отношениях с другими участниками взаимодействия. Предметом анализа также является присутствие в речи инвективных средств реализации авторской целевой установки, способствующих созданию негативного образа партнера по вербальной интеракции. Результатом такого подхода может стать привлечение конкретных носителей языка в качестве фигурантов судебного разбирательства по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации и компенсации морального вреда (ст. 151, 152 ГК РФ), обвинению в клевете (ст. 129, 298 УК РФ), экстремистской деятельности, возбуждении расовой, религиозной, национальной и социальной ненависти и вражды (ст. 280, 282 УК РФ).

Отличительной чертой современной языковой ситуации выступает перенасыщенность речевого строя повседневной межличностной и социальной коммуникации словами и выражениями, содержащими в своем значении крайне негативные компоненты смысла. В масс-медиа эта тенденция проявляется особенно ярко. Главное отличие негативно окрашенных языковых средств, функционирующих в медиасреде, от так называемых «бытовых» заключается в наличии специально подобранных речевых тактик, а также в повышенной силе их прагматического заряда.

«С эколоингвистических позиций языковая агрессия и языковое насилие (а также языковое манипулирование, языковая демагогия и т.п.) рассматриваются как формы речевого поведения, негативно воздействующие на

коммуникативное взаимодействие людей, поскольку они направлены всегда на минимизацию и даже деструкцию языковой личности адресата, на его подчинение, манипулирование им в интересах автора высказывания» [7. С. 120]. В «Материалах к энциклопедическому словарю «Культура русской речи» речевая агрессия определяется как «форма речевого поведения, нацеленного на оскорбление или преднамеренное причинение вреда человеку, группе людей, организации или обществу в целом» [1. С. 96]. На современном этапе научного изучения данной проблемы выделяются 8 разрядов инвективной лексики (подробнее: [4. С. 27–28]). «Конфликтогеном» (В. П. Шеин), т.е. своеобразным «раздражителем», провоцирующим создание конфликтной речевой ситуации, может быть любая из форм проявления конфронтационной стратегии: агрессия, насилие, дискредитация, подчинение, принуждение, разоблачение, манипуляция, самоутверждение за счет партнера по общению и пр. Очевидно, что подобное коммуникативное поведение получает соответствующую правовую оценку: любой человек, ставший объектом языковой агрессии, имеет право законным порядком защитить свои честь и достоинство путем обращения в суд для разбирательства. Речевое поведение в данном случае осмысливается не только в рамках этики межличностного взаимодействия, но и в юридически значимой плоскости.

Приведем пример неправомерного речевого поведения конкретных носителей языка в пространстве сетевой эпистолярно-медийной коммуникации, в частности, – переписке в социальной сети «Facebook» [6].

На страницах «Facebook» зарегистрированные пользователи обмениваются информацией, которая, исходя из наших наблюдений, имеет преимущественно социально-политический характер. Нас заинтересовал жанр полилого-вой переписки между пользователями сети, оформляемой в формате комментариев относительно определенных тем, постов, блогов. Так, 15.01.2016 г. в «Facebook» был опубликован пост оппозиционного депутата Государственной Думы РФ от фракции «Справедливая Россия» Дмитрия Гудкова, в котором автор высказывал свое мнение по поводу конфликта между красноярским депутатом К. Сенченко и главой Чечни Р. Кадыровым [8]. Пост вызвал бурную и неоднозначную реакцию пользователей. В течение суток в его обсуждении приняли участие свыше 5,5 тысяч пользователей сети: 4727

человек поддержали публикацию, поставив «лайк» («понравилось»), 558 – опубликовали на своей страничке («репостнули»), 321 – откликнулись на проблему, осмысляемую автором, в виде комментариев.

В числе сообщений-комментариев, поступивших от различных по статусным свойствам представителей интернет-сообщества, нами отмечены те, которые направлены на дискредитацию конкретных людей в глазах общественности. В речевой структуре этих высказываний присутствуют лексические единицы, создающие их негативный образ, способствующие умалению чести, достоинства и деловой репутации названных лиц. В ряде случаев используются инвективные слова, употребление которых противоречит существующим в обществе морально-этическим и правовым нормам.

Например, один из пользователей, выступающий в обсуждении под ником «Дин Экс», пишет: *«Таких героев вся Россия. В смысле, которые рывкать могут, а чуть, что – в нору. Так, что уважаемые политики, если вы хотите, что бы за вас кто-то пошёл, люди должны верить, что вы готовы жизнь положить за свои слова, убеждения, за правду. А так как позором России являетесь именно вы – бесхребетные, беспринципные, безнравственные тряпки – то вам ничего не остаётся как утираться плевками Кадырова и сетовать, что на вашей стороне поля никто не становится»*¹ [8]. Суждение пользователя имеет ярко выраженный оценочный характер, в нем присутствует ирония (*Таких героев вся Россия*), граничащая с сарказмом (*... вам ничего не остается как утираться плевками Кадырова*). Целый ряд лексем отличается содержанием в их значении устойчивых негативных компонентов: *бесхребетные, беспринципные, безнравственные тряпки, утираться плевками, позор России, рывкать могут*. Умело используемые стилистические приемы и средства усиливают общий негативный прагматический фон высказываний: *рывкать могут, а чуть, что – в нору* (антитеза), *жизнь положить за свои слова, убеждения, за правду* (однородные члены предложения). Однако, несмотря на обилие в тексте негативно окрашенных слов и выражений, он не может рассматриваться в качестве материала для судебного разбирательства, поскольку адресат здесь обладает свойствами обобщенного образа (*уважаемые политики*). Аналогичны квалификационные

¹ Авторская орфография и пунктуация сохранены.

характеристики адресатов реплик пользователей «Анатолий Хохлов» (*Нытье слабаков!!!!*) и «Инвартан Иноби» (*Курам на смех. Большой дискредитации оппозиции и не придумаешь. Способны кичиться только в фейсбуках, а на деле впадают в истерику при первых угрозах. Не готов лицом к лицу сталкиваться с трудностями и опасностями, сиди смирно и терпи. Интернетные герои...*) [8].

Правовой статус приобретают негативно звучащие высказывания, адресованные конкретному лицу. При этом отношение текстовой информации к определенному пользователю устанавливается непосредственно за счет использования авторами соответствующих лексем-номинатов. Например, пользователь под ником «Руслан Руслан» расценивает *«действия К. Сенченко как пиар сибирского цирюльника»* [8]. В данном случае использование прецедентного выражения *сибирский цирюльник* в сочетании с негативно звучащим в рамках этого контекста словом *пиар* способствует созданию отрицательного имиджа конкретного лица – К. Сенченко. Чрезвычайно резко (за счет использования инвективной окказиональной единицы *кремлядь* и обценного б...я) звучит в адрес депутата суждение пользователя «Халида Хамидуллина»: *«Б.я, пропиарилась кремлядь Сенченко вместе с такой же Памфиловой. Пусть пасть раззевает против Путина, посмотрим насколько они смелы и где окажутся эти кремляди завтра»* [8]. Ср. аналогичные в плане выражения негативной оценки высказывания пользователя «Ирина Дедюхова», адресованные на счет другого лица – участника данной коммуникативной ситуации: *«С меня требовали извинений этому хмыренышу в куда менее комфортных условиях. В июле 2011 г., причем, здоровый мужик с национальностью. Так что никакого подвига в нежелании совершать публичное наскудство... пока не вижу. Но заинтересованным лицам скажу следующее. Лично мне извинений кадырова будет маловато»* [8]. В рамках данного контекста устанавливается связь номинаций *хмыреныш* и *кадыров*. Отметим явную намеренность автора в употреблении определенного графического образа лексемы-номината лица (его фамилии) – со строчной буквы.

В сетевой переписке часто бывает так, что отправной информационный повод становится неактуальным, а пользователи «переходят на личности», демонстрируя опыт ведения неэффективной дисгармоничной коммуникации. В качестве примера приведем фрагмент диалога

подобного характера между пользователями «Валерий Чернявский» и «Алексей Каган»: «— Почитал вас всех писателей и философов, обычно я редко ввязываюсь, только с быдловатой когда нет сил терпеть. Выскажу давнюю крамольную мысль, пора признаться всем и друг другу, как бы это ни было горько русские в россии — это самая опущенная нация. — Чернявский, т.е. считаешь нас быдлом и снизошел на коммент? Ай, молодец! Спасибо, что не поленился и нажал на кнопочки... А теперь возьми букварь и научись писать на русском языке... И если ты, «опущенный», сравниваешь себя с другими, то это твоя проблема... Туалеты тебя ждут... Чмошник, мля...» [8].

Отметим, что нередко в сетевой переписке между пользователями активно обсуждаются вопросы культуры речевого поведения и ответственности за сказанные слова: «Во многих комментариях читаю, слова ненависти, оскорбления. Так чем же вы отличаетесь от своих оппонентов? Относитесь к людям так же как хочешь чтобы они относились к тебе» («Александр Мешков»); «Да, действительно, ещё Конфуций сказал 551г. до нашей эры... Ненависть внутри приводит к болезни того, у кого она живет....» («Валерий Зусев»); «Он депутат- публичная личность и должен оценивать результат и возможности сказанного! ... Прежде чем говорить)))» («Галина Колоскова»); «Безусловно должен следить за речью. Тем более человек хвалится 3-мя высшими образованиями» («Инвартан Иноби») [8].

Действительно, проявление вербальной агрессии в сетевой переписке сегодня — не редкость. Анонимность общения в Интернет-сфере обуславливает возможность демонстрации различных форм речевой вседозволенности и распушенности, так называемого «вербального виртуального произвола». Насколько сетевая переписка удовлетворяет требованиям, согласно которым текст может рассматриваться в качестве составляющей доказательной базы при обращении лица, посчитавшего себя оскорбленным, в суд? Анализ законодательных источников показал, что электронный текст не представляет исключения для того, чтобы стать объектом и одновременно эмпирическим материалом для рассмотрения в судебном порядке. Так, в соответствии с п. 11.1 ст. 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» электронный текст содержит информацию, «представленную в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия челове-

ком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах» [5]. В статье 71 «Письменные доказательства» Гражданского процессуального кодекса РФ говорится, что «письменными доказательствами являются содержащие сведения об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела, акты, договоры, справки, деловая корреспонденция, иные документы и материалы, выполненные в форме цифровой, графической записи, в том числе полученные посредством факсимильной, электронной или другой связи либо иным позволяющим установить достоверность документа способом. <...> Письменные доказательства представляются в подлиннике или в форме надлежащим образом заверенной копии» [там же].

Однако при рассмотрении электронных текстов в качестве элементов доказательной базы могут возникнуть трудности, связанные как с определением круга лиц, участвующих в коммуникации не только в качестве непосредственно участвующих в переписке, но и предоставивших сетевое пространство для осуществления последней (собственники сайта как сетевого информационного ресурса, а также хост-провайдеры, разместившие информационный ресурс на своем сервере), так и с верификацией собственно речевых произведений, например, с точки зрения установления их авторства. Несмотря на имеющиеся сложности, при соблюдении определенных условий (адресованности текстовой информации конкретному лицу и наличия в речевой ткани текста инвективных лексических единиц) электронный эпистолярный текст приобретает правовой статус и становится единицей доказательной базы, выполняющей функцию социального регулирования [2].

Таким образом, лингвоперсонологический аспект рассмотрения современной массовой коммуникации делает актуальным изучение правовых основ речевого поведения носителей в медиа-пространстве. Данная задача является чрезвычайно злободневной в условиях наблюдающегося сегодня в обществе резкого снижения уровня речевой культуры и нравственности.

Список литературы

1. Быкова, О. Н. Речевая (языковая, вербальная) агрессия: Материалы к энциклопедии

дическому словарю «Культура русской речи» / О. Н. Быкова // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Вестник Российской риторической организации. – Вып. 1 (8). – Красноярск, 1999. – С. 37–41.

2. Курьянович, А. В. Особенности функционирования эпистолярных текстов в сфере юридической коммуникации // А. В. Курьянович // Русская речевая культура и текст: материалы VIII Международной научной конференции (17-18 апреля 2014 г.) / Под общ. ред. проф. Н. С. Болотновой. – Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2014. – С. 258–263.

3. Курьянович, А. В. Электронное письмо как функционально-стилевая разновидность эпистолярного жанра в пространстве современной коммуникации / А. В. Курьянович // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). – 2008. – Вып. 2 (76). – С. 44–50.

4. Понятия чести, достоинства и деловой репутации. Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Под ред. А. К. Симонова и М. В. Горбаневского. – М.: Медея, 2004. – 328 с.

5. Правовая навигационная система «Кодексы и законы РФ». – URL: <http://www.zakonrf.info/gpk/71>.

6. Социальная сеть «Facebook». – URL: <https://www.facebook.com>.

7. Шарифуллин, Б. Я. Языковая агрессия и языковое насилие в свете юрислингвистики: проблема инвективы / Б. Я. Шарифуллин // Юрислингвистика-5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2004. – С. 120–132.

8. URL: <https://www.facebook.com/dgudkov/posts/1047819288592844>.

А. В. Ленец

*Южный федеральный университет
(Ростов-на-Дону, Россия)*

КУЛЬТУРА ЛЖИ В СОВРЕМЕННОМ ДИСКУРСЕ¹

THE CULTURE OF LIE IN A MODERN DISCOURSE

В статье представлены направления исследования культуры лжи в современном дискурсе. «Культура лжи» понимается как общепринятая схема поведения индивидов, некий кодекс правил осуществления ложного высказывания коммуникантами в речевом общении. При этом определяются основные ценности и нормы осуществления ложного сообщения для каждого отдельного типа дискурса.

The research areas of the culture of lie in a modern discourse are presented in the article. The “culture of lies” is understood as a standard scheme of individuals’ behavior, a certain code of rules for the false statement implementation in speech communication. Basic values and norms for producing a false statement in a certain type of a discourse are defined.

Ключевые слова: культура лжи, институциональный дискурс, бытовой дискурс, ценности, нормы.

Keywords: culture of lies, institutional discourse, common discourse, values, norms.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, №16-34-0014.

Рост количества эмпирических отечественных и, преимущественно, зарубежных изысканий в области «лингвистики лжи» позволяет выделить данное научное направление в относительно самостоятельный предмет междисциплинарного исследования [5]. О перспективах развития на-

учного направления «лингвистика лжи» высказывались и высказываются как отечественные, так и зарубежные исследователи. Говоря о перспективах изучения лжи, учёные имеют в виду:

- анализ языковых явлений, при помощи которых осуществляется ложь;

- влияние социальных факторов на оформление лжи в речи (профессия, статус отправителя);
- влияние эмоционального состояния, а также пола и возраста отправителя и получателя на оформление ложного высказывания;
- степень воздействия передаваемой отправителем ложной информации;
- национально-культурную специфику понимания и измерения лжи; лингвокультурные аспекты языковой реализации концепта «ложь».

Исходя из вышеизложенного, становится очевидным, что возможны различные подходы к лингвистическому измерению лжи. Перспективным является дискурсный анализ, ориентированный на выявление манипулятивного характера лжи в коммуникации.

Цель настоящей статьи – рассмотрение прикладного аспекта измерения феномена лжи, а именно «культуры лжи» в современном дискурсе.

Культура – сложное и многогранное явление, выражающее все стороны человеческого бытия. Такое определение объясняет, почему термин «культура» относится к числу многозначных и исследуется в рамках многих наук, каждая из которых выделяет в качестве предмета своего изучения одну из её сторон. При этом исследователи каждой из наук формулируют своё понимание и определение культуры.

В общем смысле «культура» детерминируется как исторически определённый уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженных в типах и формах организации жизни и деятельности людей, в их взаимоотношениях, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях [5. С. 453]. В приведённой интерпретации культура является результатом всех достижений человечества и может быть характеристикой исторической эпохи, конкретной нации, специфической сферы человеческой деятельности. В узком смысле культура рассматривается как сфера духовной жизни людей [7. С. 453].

В немецкий язык слово «культура» (нем. Kultur) пришло в XVII столетии из латинского языка и означало «возделывание и обработка почвы», а также «формирование и совершенствование человеческих способностей посредством воспитания» [1. С. 33]. Сходство дефиниций «культура» в немецких толковых источниках состоит в том, что культура рассматривается как общая, универсальная для общества система ценностных ориентаций, стереотипов,

норм поведения, форм общения и организации совместной деятельности людей. Культура не только оказывает влияние на мышление, восприятие, поведение всех членов общества, но и определяет умение коммуникантов использовать языковые средства в соответствии с целями и содержанием речевого общения.

Современное общество, коммуникативные правила поведения в той или иной культурной среде обязывают коммуниканта придерживаться принятых в обществе норм, конвенций деятельности и общения. Исследователи А. Крёбер и К. Клухон высказывают интересное мнение о том, что культура состоит из выраженных и скрытых схем мышления и поведения, являющихся специфическим, обособляющим достижением человеческих общностей и воплощенных в символах, при помощи которых они воспринимаются и передаются от человека к человеку и от поколения к поколению. Культурные системы могут рассматриваться, с одной стороны, как результат совершенных действий, с другой стороны, как одна из основ действия в будущем [10. С. 198].

Культура является определенной системой ценностей и норм, которая формирует у человека определенные ценностные ориентации. Ценности, в свою очередь, определяют общую стратегическую регуляцию поведения человека. Каждая культурная ценность предстаёт как желательный, конкретный вид поведения. Различные способы коммуникации диктуются также культурными нормами, которые предписывают, как должно протекать речевое общение между коммуникантами в зависимости от их социального статуса, возраста, пола, их профессиональной и национальной принадлежности. Т.е. нормы выражают специфику той культуры, в которой они функционируют.

Система ценностей и норм также оказывает влияние на коммуниканта и при осуществлении ложного высказывания. Ложь преобразует речевое поведение партнеров по коммуникации, влияет на весь ход коммуникации. В этом случае следует говорить о «культуре лжи», которая определяется нами как общепринятая схема поведения индивидов, некий кодекс правил осуществления ложного высказывания в речевом общении. При этом основой культуры лжи являются нормы, которые регулируют отношения в обществе / организации / группе.

Осуществление ложного высказывания отправителем во многом обусловлено знанием правил поведения в том или ином типе современного дискурса. В дискурсе проявляются социальные,

национально-культурные и общечеловеческие нормы поведения. Общение между коммуникантами рассматривается с позиции их принадлежности к той или иной социальной группе. В связи с вышесказанным можно говорить о «культуре лжи» в зависимости от типа дискурса, а также той или иной лингвокультуры.

Дискурс, выступая центральным явлением современных исследований, представляет собой всякий акт употребления языка, будь то произведение высокой ценности или мимолётная реплика в диалоге – частица непрерывно движущегося потока человеческого опыта [3. С. 10]. Дискурс вбирает в себя совокупность обстоятельств, при которых он был создан: 1) коммуникативные намерения автора; 2) взаимоотношения автора и адресатов; 3) всевозможные обстоятельства, значимые и случайные; 4) общие идеологические черты и стилистический климат эпохи в целом и той конкретной среды и конкретных личностей, которым сообщение прямо или косвенно адресовано; 5) жанровые и стилевые черты как самого сообщения, так и той коммуникативной ситуации, в которую оно включается; 6) множество ассоциаций с предыдущим опытом, так или иначе попавших в орбиту данного языкового действия [3. С. 10]. Стечение этих обстоятельств определяется коммуникативной целью говорящего, благодаря которой создаётся дискурс.

Коммуникативная цель каждого предложения определяется шаг за шагом, и в результате выясняется драматургия всего дискурса. Человек, в своей человеческой специфике, всегда выражает себя через речь. При этом говорящий преследует цель вовлечь партнера по коммуникации в совместное осмысление и изменение прагматической ситуации, вызвать у него соответствие ситуации – одобрение / неодобрение, согласие / несогласие [6. С. 26]. Цель отправителя, достигаемая через решение ряда прагматических задач, может быть определена как «быть понятным». Дискурсивная цель получателя – адекватно интерпретировать, понять, что, кем и с какой целью было сказано.

Применительно к современному социуму выделяются институциональный и бытовой дискурс [4. С. 233-234], для анализа которых необходимо учитывать участников общения, цель и место общения, нормы и ценности. Институциональный дискурс есть специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут и не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума. В институ-

циональном дискурсе выделяются следующие типы: политический, юридический, военный, медицинский, деловой, спортивный, научный, религиозный, педагогический и др. [4. С. 234]. Бытовой дискурс диалогичен и является генетически исходным типом общения.

Культура лжи в каждом отдельном типе дискурса определяется соответственно своими ценностями и нормами. Ценности политического дискурса сводятся к обоснованию и отстаиванию своего права на власть [4. С. 286]. В связи с этим культура лжи в политическом дискурсе включает в себя многочисленные невыполненные обещания, изобличения во лжи оппонентов, утаивание информации (особенно в предвыборных дебатах). Ценностями медицинского дискурса являются человеческая жизнь и нормальное здоровье пациента, поэтому культура лжи в медицинском дискурсе обязательно включает в себя элементы внушения, которые позволяют эффективно воздействовать на пациента (ложь-плацебо). Целью, и вместе с этим ценностями, педагогического дискурса являются социализация нового члена общества. Поэтому педагогами для достижения цели часто используется порицание через похвалу, побуждение через вопрос, проявление противоположных демонстрируемым в высказывании эмоций / намерений и др. Целью рекламного дискурса является продажа товара или предоставление платных услуг. Культура лжи в рекламном дискурсе включает в себя манипулятивное сравнение, оценивание в пользу продавца, умолчание о недостатках товара и др.

В этой связи перспективны, на наш взгляд, будут исследования лжи, рассматривающие её зависимость от влияния профессиональной деятельности, психологических, биолого-физиологических (возраста, пола) данных коммуникантов.

Профессиональная принадлежность накладывает отпечаток на речевое поведение коммуниканта. Существуют профессии, где ложь, по утверждению учёных, становится отличительной чертой. Проведённый нами анализ показал, что к профессиям, представителями которых ложь используется чаще всего, относятся те, для которых «свободное владение речью, переключение по стилям и жанрам входит в профессиональную компетенцию говорящего» [8. С. 163]. К таким профессиям исследователи относят: адвокатов, актёров, астрологов, врачей, журналистов, кинорежиссёров, пародистов, писателей, политиков, продавцов, поэтов, священнослужителей, страховых агентов, учёных, учителей и др. [11, 12]. Фактически список профессий

мог бы быть бесконечным. Некоторые профессии считаются абсолютными «чемпионами» по использованию лжи. К их представителям относятся политики, работники сферы бизнеса и торговли, врачи и рекламодатели.

Влияние норм и ценностей распространяется на область частной жизни людей. Ложь практикуется в повседневной жизни людей, поэтому в языке так много слов, фразеологических единиц, устойчивых словосочетаний для номинации этих практик [9. С. 175]. К культуре лжи в бытовом дискурсе относятся все виды сознательной лжи и обмана, словесного притворства, лесть, комплименты, лицемерие, клятва, сочувствие, жалоба, приносящие облегчение отправителю в случае получения эмоциональной реакции получателя.

Среди других видов культурных норм наиболее распространенными и влиятельными являются общепринятые образцы действий, предписывающие правила поведения для представителей одной лингвокультуры. Любая языковая система располагает определенным набором норм и ценностей, распространяющихся на все стороны повседневных отношений, которую можно классифицировать следующим образом: «ложь как коммуникативная этика». В каждой лингвокультуре существует различное понимание того, когда можно и можно ли вообще лгать; будет ли высказывание восприниматься отправителем / получателем как ложь (например, ложь во спасение, оправдание). Например, немецкое коммуникативное поведение в целом отмечено ценностной доминантой вежливости. Общеизвестно, что вежливость препятствует искреннему выражению эмоций [10. С. 176]. Часто отправитель ложного высказывания переносит критерии оценки лжи одного общества на восприятие лжи в другом лингвокультурном обществе, свои знания о конвенциях, принятых в его обществе, на другое общество.

В результате расширения межкультурных контактов участниками коммуникации все чаще становятся представители разных лингвокультурных общностей. На успешность и эффективность их взаимодействия влияют такие факторы, как владение языком и знание национально-культурной специфики речевого поведения. Способы речевого общения, характерные для каждого отдельного общества, обнаруживают скрытую систему «культурных правил» и указывают на определенный набор ценностей, которые находят свое отражение в речевых моделях [2]. Очевидно, что правила поведения в той или иной культурной среде накладывают

на коммуниканта определённые обязательства. Сложности же межкультурной коммуникации, возникающие в речевом общении, вызваны неумением собеседников взаимодействовать, т.е. демонстрировать свое отношение друг к другу в соответствии с нормами данного общества и конкретными ожиданиями партнера.

Список литературы

1. Будагов, Р.А. История слов в истории общества / Р.А. Будагов. – М.: Просвещение, 1971. – 256 с.
2. Вежбицкая, А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики [Текст] / А. Вежбицкая / Пер. с англ. А.Д. Шмелёва. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 272 с.
3. Гаспаров, Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б.М. Гаспаров. – М.: Нов. лит. обозрение, 1996. – 352 с.
4. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
5. Ленец, А.В. Коммуникативный феномен лжи: лингвистический и семиотический аспекты (на материале немецкого языка): дис. ... докт. филол. наук / А.В. Ленец. – Ростов-на-Дону, 2010. – 394 с.
6. Милевская, Т.В. Связность как категория дискурса и текста (когнитивно-функциональный и коммуникативно-прагматический аспекты): дис. ... докт. филол. наук / Т.В. Милевская. – Ростов-на-Дону, 2003. – 354 с.
7. Новейший словарь иностранных слов и выражений. – М.: Современ. литератор, 2005. – 976 с.
8. Формановская, Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика / Н.И. Формановская. – М.: Издательство «ИКАР», 2007. – 480 с.
9. Шаховский, В.И. Лингвистическая теория эмоций. / В.И. Шаховский. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
10. Шаховский, В.И. Человек лгущий в реальной и художественной коммуникации / В.И. Шаховский // Человек в коммуникации: аспекты исследования. – Волгоград: Перемена, 2005. – С. 173-204.
11. Bosch, K. Statistik: Wahrheit und Lüge / von Karl Bosch. – München; Wien: Oldenbourg, 2002. 156 S.;
12. Schmid, J. Lügen im Alltag – Zustandekommen und Bewertung kommunikativer Täuschung/ Jeannette Schmid. – Münster: LiT, 2000. 305 S.

И. Ф. ЛикуноваДипломатическая академия МИД России
(Москва, Россия)**ФУНКЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНОЕ МНОГООБРАЗИЕ
СЛОЖНОЙ ФОРМЫ ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТА ИНДИКАТИВА
В ПОРТУГАЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ****FUNCTIONAL AND EXPRESSIVE DIVERSITY OF THE COMPLEX FORM
OF THE PLUPERFECT INDICATIVE IN THE PORTUGUESE LANGUAGE**

В статье рассматривается грамматическое и стилистическое использование сложной формы индикативного плюсквамперфекта в языке художественной литературы в сравнении с простой формой предпрошедшего. Примеры приводятся как из бразильского, так и из лузитанского вариантов португальского языка.

The article tackles the grammatical and stylistical use of the complex form of the indicative Pluperfect in fiction in comparison with the simple form. The examples from the Brazilian as well as from the Lusitanian variant of the Portuguese language are provided.

Ключевые слова: грамматика, стилистика, контекст, основное значение, частное значение, коннотация.

Keywords: grammar, stylistics, context, main meaning, specific meaning, connotation.

Как известно, в португальском языке существуют две формы индикативного плюсквамперфекта: простая форма на *-ra* и сложная, образованная при помощи глаголов *ter* и *haver* в форме имперфекта индикатива и причастия основного глагола. Из всех романских языков только португальский обладает такой особенностью.

Между простой и сложной формой индикативного плюсквамперфекта не существует разницы в выражении основного категориального значения – предшествования другому действию в прошлом. Однако формы разделили между собой сферы функционирования. Простая форма закрепилась за письменной речью, а сложная – за разговорной. Вне контекста они ассоциируются в памяти носителей языка с указанными функциональными сферами. Естественное, что использование их в других, несвойственных им областях вызывает ощущение стилевой дисгармонии.

В языке португалаязычной художественной литературы нередко наблюдается сосуществование обеих форм плюсквамперфекта. Однако, если для формы на *-ra* такое использование является стилистически нейтральным, то сложная форма воспринимается как «чужеродный» элемент, выходящий за рамки нормативного употребления. Оказываясь в несвойственной для нее сфере, сложная форма привносит в

повествовательную речь разговорную интонацию.

Наличие в португальском языке двух вспомогательных глаголов для образования сложных временных форм также используется писателями в стилистических целях для характеристики речи персонажей, для придания особой интонации их высказываниям. Заметим, что в бразильском варианте португальского языка глагол *haver* встречается значительно чаще. При этом свободное чередование глаголов *ter* и *haver* вполне оправдано стилистически, так как помогает обогатить и разнообразить язык произведения.

Выразительность сложной формы с *haver* основана на том, что этот глагол во вспомогательной функции воспринимается как архаичный, вышедший из употребления в одной сфере бытования языка – разговорном литературном языке [4. Р. 169], но продолжает широко применяться в функциональном стиле языка художественной литературы.

Исходя из того, что форма с *haver*, во-первых, соотносится со стилем разговорной речи, а во-вторых, имеет архаичную окрашенность, очевидно, можно говорить о ее двойной экспрессивности в языке художественной литературы, в частности в авторской речи. Вместе с тем основное значение плюсквамперфекта индикатива реализуется не только в авторской, но и

в речи персонажей, которая в реалистическом художественном произведении передает основные черты разговорной речи, где и находит свое применение сложная форма предпрошедшего времени.

При реализации основного значения «предшествования другому действию в прошлом» в прямой речи формы с *ter* и *haver* могут обнаруживать полную синонимию:

– *Pegaram o bicho, deram bahno nêle, pasaram azeite-doce no couro, lustraram os chifres e disseram que o toro era da Índia, nunca **tinha visto** gente, já **havia matado** ninguém sabe quantos toureiros* (Jorge Medauar).

В подобных случаях чередование форм с разными вспомогательными глаголами придает живость, разнообразие рассказу, способствует поддержанию интереса к тому, о чем идет речь.

Чередование форм плюсквамперфекта с *ter* и *haver* может быть использовано для разграничения действий, совершенных разными субъектами:

– *Lembra-se daquela professora gaucha que veio lhe trazer um livro de versos? Uma getulista, **tinha vindo** para a posse de Getúlio, em 1950... Luciano **havia acabado** de nascer* (Dias Gomes).

В этом случае стилистически значимым оказывается само чередование форм.

Если при реализации основного денотативного значения с *ter* в прямой речи не возникает никаких дополнительных смыслов (коннотаций), то у формы с *haver* в подобном контексте возникает коннотация просторечия. Данное свойство формы используется для характеристики речи персонажей из народа как в лузитанском, так и в бразильском вариантах португальского языка.

Лузитанский пример:

– *A mim nasceram-me aqueles três primeiros, um após outro, e julguei que tudo **havia acabado*** (Alves Redol).

Бразильский пример:

– *Você notou que ele use meias brancas?*

– *Não **havia reparado**. Mas acho que você está sendo ingrato* (Jorge Medauar).

Таким образом, способность грамматической формы с *haver* вызывает представление о социальной среде говорящего, порождает характерологическую коннотацию [3. С. 76].

Кроме основного, у многих временных форм имеются частные значения, которые представляют собой контекстуально обусловленные варианты основного значения. У сложной формы плюсквамперфекта выделяются следующие

частные значения: Pretérito Perfecto Simples и Condicional Composto.

Значение ирреального плюсквамперфекта часто встречается в речи персонажей:

– *Não sejas tonto. Se soubesse que preocupavas tanto, te **tinha pedido** que ficasse comigo* (Alves Redol).

– *Se eu soubesse que era isto, bem **tinha pirado** para França* (Manuel da Fonseca).

Как свидетельствуют примеры, употребление сложной формы плюсквамперфекта в модальном значении ограничено рамками ирреального условного периода, в котором действие в обусловленной части относится к прошлому. Ирреальный плюсквамперфект встречается в основном в лузитанском варианте португальского языка. Для разговорного языка необразованных слоев населения такое использование является нормой. Отметим, что в подобных условиях чередования вспомогательных глаголов не происходит. Все примеры содержат глагол *ter*.

При реализации частного ирреального значения сложного плюсквамперфекта реализуется и стилистическое значение формы. В результате возникает дополнительная коннотация уверенности в совершении действия. Форма плюсквамперфекта носит при этом ярко выраженную разговорную тональность, а сложной форме условного наклонения присуща книжная окраска.

В разговорной речи сложный плюсквамперфект нередко имеет претеритальное значение:

– *Coronel Miranda? Boa noite. Como va? Ainda não **tíhnamos falado** hoje* (José Saramago).

– *Porque você não me contou isso antes?*

– *Porque até hoje ainda não **havia pensado** que o meu gesto podia ser interpretado de outro modo* (Dias Gomes).

В авторской речи сложная форма также приобретает значение претерита в контексте, где ведущей временной формой является настоящее. Сохраняя признак предшествования, плюсквамперфект оказывается контактным с планом настоящего и указывает на предшествование действия моменту речи. Стилистически он становится синонимичным формам претерита, так как в португальском языке предшествование моменту настоящего передается претеритом [1. С. 263], а перфект имеет специфическое значение итеративности от прошлого к настоящему [2. С. 76].

Выразительность данного употребления формы возникает на фоне контраста плана настоящего, выраженного контекстом, и значе-

ния предпрошедшего, заключенного в форме плюсквамперфекта.

Реализация описываемого значения в авторской речи:

*Idêntico desígnio anima João Carrusca. **Havia-se sentado** ali apenas desejoso de descansar breve espaço de tempo* (Manuel de Fonseca).

Напомним, что для авторской речи не характерно использование сложных временных форм плюсквамперфекта. В тех же случаях, когда названная форма появляется в ней, она имеет свое основное значение – предшествование другому действию в прошлом. Большинство исследованных употреблений в авторской речи – сложная форма в 3 л. мн. числа. Это объясняется желанием избежать двусмысленности, которая могла бы возникнуть при использовании аналогичной формы на *-ra* из-за ее фонетического совпадения с 3 л. мн. числа формы простого претерита. При этом проявляется синонимия простого и сложного плюсквамперфекта, заложенная в языке и реализуемая в речи.

Привычным контекстом для таких реализаций являются придаточные предложения. Форма сложного плюсквамперфекта может выражать как контактное, так и дистантное предшествование:

*O corpo do Vadinho foi depositado no caixão, levado para a sala de visitar onde **havam improvisado** um estrado com as cadeiras* (Jorge Amado).

*D. Maria e su gente puseram-se também em marcha para casa, guardando a mesma disposição com que **tinham vindo** na semana passada* (M. António de Almeida).

Значение предпрошедшего действия может быть реализовано и в независимом предложении при условии установления причинной связи с предыдущим или последующим контекстом:

*Veríssimo respirou, aliviado. Naquela noite **havia esquecido** de trazer, como de costume, o seu revolver com cabo de madreperla* (Eríco Veríssimo).

*Por esa altura já estavam comprados os ingressos. Entraram; a fita **tinha começado**, estava escuro...* (Rachel de Queiroz).

Следует отметить, что в большинстве случаев реализация основного значения в авторской речи сложная форма плюсквамперфекта не сопровождается лексическими уточнителями. Это свидетельствует об устойчивости основного грамматического значения формы.

Плюсквамперфект выражает время относительное, однако, в авторской речи нередко

имеет абсолютное значение. Это характерно для обоих вариантов португальского языка.

При реализации абсолютного значения сложная форма обычно имеет при себе лексические уточнители *já, nunca*. В абсолютном значении рассматриваемая форма встречается в независимых предложениях:

*Muitos deles não a conheciam sequer, nunca a **tinham visto**, mas de tanto ouviam falar nela* (Jorge Amado).

*As pessoas começavam a olhar umas para as outras à socapa. Já se **tinham visto** coisa assim?* (M. António de Almeida).

Интересно проанализировать стилистическое использование Mais-que-perfeito Composto в неособственно-прямой речи, основной чертой которой является субъективизация повествования. Именно поэтому функционирование сложной формы предпрошедшего в условиях этой разновидности речи является вполне естественным: повествование ведется не от лица автора, а (как бы) от лица персонажа, получая оценку последнего. Наличие в португальском языке простой и сложной формы плюсквамперфекта дает возможность разграничить два плана повествования (от автора и от 3-го лица) при помощи грамматических средств. При этом сложная форма выполняет композиционную функцию.

*André reparava agora na natureza do chão onde dormira: miúdas azeitonas escuras a desfazerem-se de umidade. Mas porque se queriam acolher ali as cabras, quando **havam passado** a noite fora? O problema começou a interessá-lo* (Manuel Tiago).

Совершенно очевидно, что со слов *mas porque* начинается размышление героя, а предыдущая фраза относится к авторской речи.

Можно проиллюстрировать подобное использование формы сложного предпрошедшего примером из произведения бразильского автора:

*Virou mareta: fez-se duro, e safou-se de casa sem escrúpulos nem remorros, pois bem sabia que estavam saldadas as contas de parte a parte. **Tinham-no criado; ele tinha servido**. Também não encontrou grande resistência à sua deliberação* (M. António de Almeida).

Композиционный стилистический эффект является одним из основных в художественной литературе, поскольку именно здесь наблюдается сложное переплетение временных планов и сюжетных линий повествования. В этих целях широко используется синонимия временных форм. С этой точки зрения синонимия простого и сложного плюсквамперфекта таит в себе большие стилистические возможности.

Se tinha caído ao mar e se afogara, não menos êle se afogara por ter sido possível que o embarque se desse (Érico Veríssimo).

Mas, a essa hora, como por milagre, Joana tinha arrancado a sua máscara de rapariguinha apaixonada. Tornara-se uma mulher prudente... (Arminda Fortes).

Чередование Mais-que perfeito Simples и composto позволяет избежать монотонных повторов морфологических форм, оживить повествование. Варьирование форм, относящихся к одному к одному субъекту, стилистически разнообразит язык повествования.

Иногда формы плюсквамперфекта могут обозначать действия, происходящие друг за другом в хронологической последовательности. Порядок употребления этих форм произволен:

Horácio saiu confrangido. Tanto como a negativa, desorientavam-no as palavras que ao Marques ouvira. Parecia-lhe que todos se haviam combinado, pois em Lisboa tinham-lhe dito quase a mesma coisa (M. António de Almeida).

Eu tinha-o visto. Nessa mesma manhã. Ou tinha sido ontem, ou anteontem? Não havia passado sequer um dia que eu o vira (Manuel de Fonseca).

Простая и сложная формы позволяют создать и усилить контраст, противопоставляя одно действие другому.

O rosto de Xirerêia tinha adquirido uma grande expressão de angústia.

— Você precisa me ajudar.

Estranho que o rosto da moça naquele momento virara o rosto de uma mulher madura (José Mauro de Vasconcelos).

Наиболее ярко такой контраст выражен в следующем примере, что обусловлено противительным союзом *mas*:

...pelas primeiras impressões a direita tinha ganho em dezassete províncias, mas, contados os votos todos, viu-se que a esquerda elegera mais deputados que o centro e a direita juntos (José Saramago).

Таким образом, наблюдение над функционированием сложной формы индикативного плюсквамперфекта в языке художественной литературы показало, что данная проблема представляет собой особый лингвистический интерес и заслуживает внимания именно с точки зрения грамматической стилистики, задачей которой является «изучение стилистических возможностей (как экспрессивных, так и функциональных во всем многообразии тех и других) единиц грамматического уровня» [3. С. 15].

Список литературы

1. Алисова, Т. Б., Репина, Г. А., Таривердиева, М. А. Введение в романскую филологию. / Т. Б. Алисова, Г. А. Репина, М. А. Таривердиева. — М., 1987. — 344 с.
2. Вольф, Е. М., Никонов, Б. А. Португальский язык. Грамматический очерк; литературные тексты с комментариями и словарем. / Е. М. Вольф, Б. А. Никонов. — М., 1965. — 240 с.
3. Фирсова, Н. М. Введение в грамматическую стилистику современного испанского языка. / Н. М. Фирсова. — М., 1981. — 160 с.
4. Bechara, E. Lições do português. / E. Bechara. — Rio de Janeiro, 1960. — 339 p.

Ж. М. Литвиненко

Курский государственный университет
(Курск, Россия)

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖАНРОВ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

LINGUISTIC CHARACTERISTICS OF INTERNET COMMUNICATION GENRES

В статье затрагивается актуальная проблема определения языковой специфики жанров интернет-коммуникации. В частности, анализируются результаты исследований, посвященных жанровой классификации текстов, представленных в глобальной сети, а также рассматриваются общие лингвистические особенности, характерные для исконно-сетевых жанров.

The article touches upon the topical problem of defining language specificity of the genres of the Internet communication. In particular, we analyze the results of the studies on genre classification of the texts presented in the global network, and also discuss common linguistic features typical of the original network genres.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, глобальная сеть, жанровая классификация, языковые особенности.

Keywords: Internet-communication, a global network, genre classification, language features.

Интернет-коммуникация является неотъемлемой частью жизни человека в XXI веке и все чаще становится объектом исследования лингвистики и смежных с ней наук. Общение посредством глобальной сети представлено в разных формах, в зависимости от преследуемых пользователями целей, в связи с чем актуальным становится вопрос о классификации таких форм и характеристике их языковых особенностей. Данная проблема находит своё отражение в трудах отечественных и зарубежных лингвистов [1-9 и др.].

Цель настоящей статьи заключается в анализе результатов исследований, посвященных характеристике общих лингвистических особенностей жанров интернет-коммуникации.

Как отмечает в своем исследовании Л.Ю. Иванов, все жанры интернет-общения можно разделить на две основные группы: жанры «исконно сетевые», например, электронная почта или форум, и жанры, заимствованные из других сфер общения, например, аннотации научно-технических статей [3]. Автор подчёркивает, что изучение каких-либо особенностей языка глобальной сети становится более результативным, если осуществляется на основе именно сетевых жанров. По мнению исследователя, отдельные заимствованные жанры могут почти не обладать какими-либо отличиями в виртуальной и «бумажной» версиях [3].

Среди сетевых Е.Б. Штукарева выделяет несколько основных жанров, одним из которых является электронная почта. Данная форма интернет-коммуникации считается асинхронной и предполагает общение «один на один» или одного со многими (при создании списка нескольких получателей рассылки). Ещё одним жанром, популярным сегодня среди пользователей Глобальной сети, является форум. Такой формат общения также осуществляется в асинхронном режиме по схеме «многие – многие», и предоставляет участникам коммуникации возможность создания тем в предлагаемых разделах для последующего обсуждения. Как утверждает Е.Б. Штукарева, участники ин-

тернет-общения нередко прибегают к такому жанру, как веб-конференция, предполагающая синхронный обмен сообщениями на заданную тему. Не менее востребованной формой интернет-коммуникации, по мнению исследователя, можно считать жанр чата, который представляет собой обмен текстовыми репликами в режиме синхронного общения по схеме «многие – многие». Форма мгновенного обмена сообщениями (или жанр ICQ) также подразумевает синхронный обмен репликами между участниками интернет-коммуникации и является отдельным, самостоятельным жанром. Ещё одной формой интернет-коммуникации, как утверждает Е.Б. Штукарева, принято считать блог, представляющий собой жанр дневника, комментируемого другими читателями. Анализируя такие сайты, как Фэйсбук, Одноклассники, Вконтакте, автор также выделяет жанр социальных сервисов, предполагающих общение групп людей, объединенных одинаковыми интересами [4. С. 294].

Несмотря на существенные отличия, можно обнаружить целый ряд общих особенностей, характерных для большинства исконно-сетевых жанров.

Проводя лингвистический анализ интернет-общения на русскоязычных сайтах, Л.Ю. Иванов выделяет несколько языковых уровней, репрезентирующих эти особенности. Как утверждает автор, на фонологическом уровне активно используются различные графические знаки акцентного и интонационного выделения [3]. Так, Е.Б. Штукарева отмечает, что часто для передачи голосовых модуляций участники интернет-общения используют сочетание строчных и прописных букв, а также повторы гласных и согласных, например:

- (1) Где ты-ы?
- (2) обАлденный
- (3) СПраЗдНиКом!!!!!!

Лингвист обнаруживает, что участники коммуникации в Глобальной Сети могут также использовать различные подчеркивания, многоточия, сочетания вопросительного и восклицательного знаков, знака *, например:

(4) Ура!!!!)))))))))

Интонационное повышение, как правило, передаётся заглавными буквами:

(5) ПОНЯЛА!!! До встречи)))

Е.Б. Штукарева приходит к выводу, что общение в русскоязычном интернете в максимальной степени приближено к фонетике разговорной речи:

че «что», тока «только», щас «сейчас». Часто на письме отражается редукция звуков:

(6) лана – ладно,

(7) пасиб – спасибо

Активно используются значки, выражающие настроение или различные намерения участников интернет-коммуникации. Наиболее популярной разновидностью таких значков можно считать эмодзи и смайлики [3, 4].

Анализируя морфемный уровень языковых особенностей «русского» интернета, Л.Ю. Иванов приходит к заключению, что процесс словообразования основан на заимствовании или калькировании корневой морфемы английского языка. При этом автор подчеркивает, что заимствуются не только морфемы, но и аббревиатуры, которые затем используются в качестве корневых морфем. Далее процесс словообразования осуществляется в соответствии с правилами словообразования русского языка.

Исследователи отмечают, что часто заметно стремление к выбору форм, более свойственных просторечию, например, глаголы «кликнуть», «хакнуть», «апгрейднуться» [1, 3].

На морфологическом уровне лингвист обнаруживает частое использование форм императива единственного числа там, где ожидается вежливая форма императива множественного числа, что встречается, как правило, в текстах, имеющих характер явной или скрытой рекламы, например, фраза «Жми сюда!» [3].

На лексико-семантическом уровне, как отмечает Рюдигер Вайнгартер, на язык глобальной Сети особое влияние оказывают компьютерный, молодежный и профессионально-групповой жаргоны [10. С. 7-8].

Лингвисты также подчеркивают особую роль такого семантического процесса в интернет-коммуникации, как «нанизывание смыслов», добавление их по нити – треду, что больше характерно для форумов [3, 5].

Среди сообщений в составе треда по своей роли в динамике речевого взаимодействия Н.В. Кузнецова выделяет: 1) сообщения, открывающие коммуникативный эпизод, «поворачивающие» полилог в нужном автору текста направлении; 2) сообщения, продолжающие

коммуникативный эпизод, то есть реакции на предыдущие сообщения [5].

По мнению некоторых исследователей, ещё одной из характерных лексико-семантических особенностей интернет-общения является использование аббревиатур и акронимов, что чаще встречается в чатах и дискуссионных группах, например:

BBL – *be back later* (вернусь позже) или LOL – *laughing out loud* (громко хохочу) [1, 3].

Текстовые возможности в режиме виртуального общения значительно разнообразили лексическую, грамматическую и стилистическую составляющие языка.

Наряду с аббревиатурами и акронимами, А.А. Баркович выявляет широкое распространение в Интернете таких средств, как портманто – лексем, созданных из частей других слов или морфем в результате конкатенации (склеивания), например, существительное «мотель» [1].

Г. Гусейнов также отмечает значительное употребление «эргативов» – слов, сознательно искаженных носителем языка, владеющим литературной нормой [2].

А.А. Баркович указывает на широкое распространение намеренно неправильного словоупотребления с целью создания комического эффекта. Такое явление в устной речи исследователи называют по-разному: «малапропизм», «спунеризм» или «догберизм». В письменной речи такое ошибочное правописание именуется «какографией». А.А. Баркович подчеркивает, что такое словоупотребление может граничить со «сферой табуированных слов» и являться экстремальным, что редко беспокоит самих участников интернет-коммуникации, удаленных и скрытых друг от друга в интернет-пространстве [1. С. 68].

Намеренное искажение свойственно не только лексико-семантическому уровню интернет-языка. Как утверждает Л.Ю. Иванов, характерной чертой синтаксиса в текстах интернет-коммуникации является тенденция к аграмматизму, т.е. отклонению от синтаксических и пунктуационных норм литературного языка, что обусловлено ограничением во времени, отведенном на ответное сообщение, или в допустимом объеме текста [3].

В заключение можно сделать вывод о том, что исконно-сетевые жанры Интернета обладают целым рядом характерных особенностей на всех языковых уровнях – от фонетического до синтаксического. При этом наиболее яркими чертами языка Глобальной сети следует

считать намеренное нарушение норм правописания, синтаксиса и пунктуации, портманто, использование акронимов и аббревиатур. Исследование лингвистических особенностей жанров интернет-общения значительно расширяет представления о его специфике и сущности, что позволяет в дальнейшем подробно рассматривать репрезентацию пространственных отношений в интернет-коммуникации.

Список литературы

1. Баркович А.А. Интернет-дискурс: компьютерно-опосредованная коммуникация : учеб. пособие / А.А. Баркович. – М.: ФЛИНТА : Наука, 2015. – 288с.
2. Гусейнов Гасан. «Берлога веблога» Введение в эрратическую семантику // «Говорим по-русски», 17 марта 2005 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.speakrus.ru/gg/microprosa_erratica-1.htm.
3. Иванов, Л. Ю. Язык Интернета: заметки лингвиста / Л. Ю. Иванов // Словарь и культура устной речи. – М.: Азбуковник, 2000. – С. 131-147.
4. Колокольцева Т.Н., Лутовинова О.В. Интернет-коммуникация как новая речевая формация : колл. монография / науч. ред. Т.Н. Ко-

локольцева, О.В. Лутовинова. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2012. – 328 с.

5. Кузнецова Н. В. Структура и стилистика языковых средств в текстах интернет-форумов: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Кузнецова – Тюмень, 2008 – 25 с.

6. Овчарова К. В. Компьютерные чаты в интернет-коммуникации: содержание и особенности функционирования: автореф. дис. ... канд. филол. наук. / К.В. Овчарова. – М, 2008 – 32с.

7. Попова Т.И., Вознесенская И.М., Колесова Д.В., Савотина В.М. Интернет-пространство: речевой портрет пользователя: Коллективная монография / под ред. Т. И. Поповой. – СПб.: Эйдос, 2012. – 224 с.

8. Шангаева Н.К. Языковые средства организации чата во французской интернет-коммуникации / Н.К. Шангаева // Вестник Бурятского государственного университета – Улан-Удэ, 2012. С.124-128, №11

9. Merchant, G. Teenagers in cyberspace: an investigation of language use and language change in internet chatrooms/ G. Merchant // Journal of Research in Reading, 2001. V24. P. 293–306.

10. Weingarten R. (Hrsg.) Sprachwandel durch Computer. – Opladen, 1997.– P.7–8

Г. Ф. Лутфуллина

*Казанский государственный энергетический университет
(Казань, Россия)*

БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ И ФУТУРАЛЬНЫЕ ФОРМЫ

FUTURE TENSES AND FUTURISH TENSE FORMS

В статье рассматриваются особенности функционирования форм будущего времени и так называемых футуральных форм в современном английском языке. Главным дифференциальным признаком анализируемых форм признается наличие двойной референции у футуральных форм – связи с настоящим и будущим временными моментами. Абсолютные формы будущего выражают только локализацию ситуации в будущем.

The article deals with the functioning of future tenses and so-called futural forms in modern English. The author postulates that the main distinctive feature of the analyzed forms is the dual reference of futural forms, i.e. the connection both with the present and the future. Absolute future tenses only localize the situation in the future.

Ключевые слова: двойная временная референция, абсолютные формы будущего, футуральные формы

Keywords: double timing reference, absolute future tenses, futurish tense forms.

Форма будущего времени означает, что время ситуации находится в пост-настоящем и, как правило, выражает «чистое будущее» без дополнительных значений. Футуральные формы не являются формами будущего времени в прямом смысле и не выражают «чистое» будущее. Будущее время относится к последующему после момента речи временному периоду в том смысле, что интервал ситуации располагается в зоне после настоящего времени. В английском языке будущие формы не маркируются специальным суффиксом, а образуются с помощью вспомогательных глаголов (auxiliaries) *will*, *shall* или полувспомогательной конструкции *be going to*. Характерным для будущего времени является то, что говорящий просто делает прогноз, выражает то, что, по его мнению, будет происходить после настоящего момента.

Футуральные формы не являются формами будущего времени, так как, с одной стороны, они не выражают «чистое» будущее, а, с другой стороны, они сочетают в себе ссылку на пост-настоящую актуализацию с репрезентацией принятого решения. Более того, некоторые из них (а именно прогрессивные и не-прогрессивные формы настоящего времени) в основном обращены к настоящему моменту. Их использование в качестве футуральных форм является следствием метафорического расширения значений (то есть «сдвиг временной перспективы»): пост-настоящее рассматривается, как если бы это было настоящее. Например: *I'm leaving / Я ухожу*. Речь идет о ситуации, которая актуальна на момент речи или расположена в последующем периоде. Эта интерпретация требует контекстуального или прагматического указания на то, что делается ссылка на будущее время.

Абсолютные временные формы будущего относятся к пост-настоящему. Им свойственна двойная временная концептуализация в предложениях [2. С. 342]. Двойная временная референция может присутствовать, когда будущее время используется в сочетании с обстоятельствами настоящего времени *Now we won't have any wine when Uncle Gre'goire arrives*. В этом примере *now* отсылает нас к настоящему положению дел и эквивалентно употреблению в высказываниях типа *'Now that X has happened ...'* Когда обстоятельства настоящего времени отсутствуют, выражение связи с настоящим моментом ограничено идеей, что говорящий делает прогноз на будущее в момент речи t_0 : он просто выражает то, что, по его мнению, будет происходить в пост-

настоящем. Основной акцент направлен на репрезентацию значения временного следования за настоящим моментом, а не на настоящий момент речи; таким образом, двойная референция нейтрализуется.

Футуральные формы отличаются именно двойной референцией. В высказывании *Meg {is leaving / is going to leave / is to leave / leaves} tomorrow* используются футуральные формы, благодаря которым выражается комбинация референций к будущему и настоящему моментам. Форма *be going to* может функционировать и как футуральная форма, и как форма будущего времени. В последнем случае она отсылает только к пост-настоящему моменту.

Соотношение двух видов референции может быть представлено по-разному.

1. Паритетное представление значений настоящего и будущего времени мы наблюдаем в примерах:

1. *The train leaves at 7.12 tonight*. (ссылка на настоящее планирование)

2. *I'm seeing her tomorrow*. (ссылка на настоящее соглашение, намерение, программу ...)

3. *I'm going to give up my job*. (ссылка на настоящее намерение)

2. Значение настоящего времени может доминировать:

1. *The President is to visit Rome next week*. (Имеется договоренность на настоящий момент о визите президента в Рим на следующей неделе).

2. *The milk is about to boil over*. (Говорящий ссылается на настоящее состояние молока, которое предвещает его закипание).

3. *Bill is on the point of having a nervous breakdown*. (Говорящий ссылается на состояние ума Билла в настоящий момент, которое предвещает нервное расстройство).

Хотя необходимо отметить, что значение будущего времени сохраняется.

Центральным временем референции является значение временной формы предиката, представляющего ситуацию: *is, leaves, am seeing, give up, visit, boil over, having*.

Футуральная вспомогательная конструкция *be going to* представляет собой пограничный или переходный случай двойной референции. В большинстве случаев употребления доминирует значение настоящего времени с предположением к актуализации ситуации в будущем.

1. *My little girl is going to be very clever*. (Есть признаки того, что моя девочка будет умной).

2. *[This is so important that] I'm going to do it myself*. (акцент на моем нынешнем намерении).

Тем не менее, есть примеры, в которых значение будущего времени является гораздо более заметным, чем значение настоящего. В этом случае разница между *be going to* и *will* менее выражена. В то время как последнее выражает прогноз, форма *be going to* функционирует как средство, позволяющее говорить о будущем в нейтральной форме. Например:

1. *It will rain tomorrow.* (настоящее предсказание о пост-настоящем времени: вроде пророчества).

2. *It's going to rain tomorrow.* (либо прогноз, основанный на данных настоящего, или нейтральная констатация пост-настоящего времени).

Абсолютные формы будущего относятся только к пост-настоящему времени.

It is going to rain soon. [Я просто знаю это. Это не навыки прогнозирования погоды, просто опыт] (относительно нейтральное заявление о пост-настоящему времени).

В отрицательных высказываниях подобные различия нивелируются: *What'll happen next?*

What's going to happen next?

Are those men going to kill us?

Элемент *will*, выражающий предсказание, не так влиятелен, т.е. не имеет семантического веса [2. С. 342]. *Be going to* не имеет коннотаций, которые характеризуют его как футуральную форму. Оба выражения отсылают к пост-настоящему периоду в нейтральной форме. *Be going to* функционирует как альтернатива *will*.

Модальная имплицативная составляющая: *не-актуально на М речи*.

Высказывание, относящееся к будущему периоду, является модализованным, так как оно отсылает к тому, что *не-актуально на М речи*: действие не происходит на момент речи и не начало происходить на момент речи. Будущее время – это модализованное время, время с модальной имплицативной составляющей [1. С. 75]. Однако это временная форма, а ни в коем случае ни модальное наклонение, так как ее базовой функцией является локализация ситуации во временном периоде, при репрезентации которой параллельно и автоматически выражается модальная коннотация *не-актуально на М речи*.

Определение форм будущего времени звучит следующим образом: это корреляция конкретного темпорального значения (ситуация локализована во временном периоде, следующем за моментом речи t_0) и его формального выражения.

Отличия вспомогательных глаголов *will* и *shall* заключаются в том, что последний является формальной альтернативой первого и ред-

ко употребляется в разговорном варианте британского английского языка. Формы будущего времени редко сочетаются с коллективными подлежащими, т.е. они некорректны после *both of us*, *all of us*, *none of us*, *some of us*:

*Both of us {will / *shall} be in trouble if she does not keep her mouth shut.*

*You and I {will / *shall} probably go our own ways after college.*

*My wife and myself {will / *shall} join the rest of the company later.*

В качестве вспомогательных глаголов *will* и *shall* выражают «чистое будущее», т.е. они выражают нейтральное предсказание, хотя можно встретить отдельные выражения:

My wife and I shall be only too pleased to take advantage of your offers to prospective customers. Now the two of us shall be crucified for our elitist theories.

Вспомогательные глаголы *will* и *shall* могут быть использованы не только для образования форм будущего времени, но также в качестве модальных глаголов. В качестве вспомогательных глаголов для образования временной формы будущего они локализуют время ситуации в пост-настоящем периоде, выражая «чистое будущее». Одновременно они репрезентируют и связанные с ним созначения «предсказания» или «предсказуемости». Это означает, что говорящий просто предсказывает что-то или предполагает, что это может произойти. Он не имеет намерения выразить актуализацию ситуации в будущем периоде как определенную нынешними обстоятельствами, например, усилением воли в настоящем или намерением, нынешними возможностями, необходимостью, договоренностью и т.д. Как было отмечено ранее, акцент на настоящем моменте присущ только футуральным формам. Это значение «чистого» будущего или нейтрального прогноза без дополнительных значений наиболее ярко выражается, когда актуализация в будущем зависит от внешних факторов. В этом случае в главном предложении или в придаточных времени или условия содержится указание на ситуацию, которая еще не произошла на момент речи.

1. *We'll go camping next week if the weather is fine.*

2. *You'll change your mind after you've read this letter.* (подразумевается еще невыполненное условие: если ты читаешь это письмо, то ты передумаешь)

3. *I'll tell her everything about it when she comes tomorrow.*

4. [*Don't go near the puma.*] *It'll bite you.* (неявное условие: если вы идете рядом с ним)

5. [*Why don't you invite a couple of friends?*] *It'll cheer you up.* (неявное условие: если Вы пригласите их)

6. *Tomorrow it will be rainy but warm.* (Согласно прогнозу погоды предсказанная ситуация не зависит от чьей-то воли или намерения)

Вспомогательные глаголы *will* и *shall* в качестве модальных глаголов могут выразить готовность, обещание, желание, угрозу, предупреждение, намерение, настойчивость, решительность и т.д.

Функционирование данных глаголов в вопросительных предложениях имеет свои особенности:

1. *What time will I be in Leeds?* (чистое будущее: запрос информации)

2. *What time shall I be in Leeds?* (= *What time would you like me to be in Leeds?*)

3. *Shall I help you?* (предложение услуг: = *Would you like me to help you?*)

4. *Will I help you?* (= *What do you think? Will I help you or not?* Угадай)

5. *Mummy, will I be as clever as aunt Emma when I grow up?* (чистое будущее)

6. *What time shall I collect you tonight?* (= *What time would you like me to come?*)

С волевыми глаголами (т.е. глаголами, выражающими сознательно выполняемое действие) *will not* + непрогрессивный неперфектный инфинитив часто понимается как выраже-

ние настоящего или будущего отказа. Во избежание такого толкования говорящие, которые хотят выразить чистое будущее, как правило, используют прогрессивную форму будущего времени, которая не допускает подобной интерпретации. Кроме того, они предпочитают использовать *be going to*, чтобы выразить будущую актуализацию ситуации, которая зависит от намерения в настоящем.

Таким образом, хотелось бы отметить, что главным отличием футуральных форм является наличие двойной темпоральной референции. Функционирование форм будущего времени хотя и предполагает модальную составляющую, зависит от намерений говорящего выразить «чистое» будущее или различные модальные значения.

Список литературы

1. Закамулина М. Н., Лутфуллина Г. Ф. Референциальный потенциал квантификации (сопоставительное исследование на материале французского и татарского языков) (монография) // М. Н. Закамулина, Г. Ф. Лутфуллина. – Казань, 2013.

2. Declerck, R. The Grammar of the English Verb Phrase. Vol. 1: The Grammar of the English Tense System. A Comprehensive Analysis / R. Declerck. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2006. – 846 p.

Э. М. Ляпкина

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

ЯЗЫКОВАЯ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ ТЕКСТОВ ПЕСЕН STROMAE

LINGUISTIC MEANS OF EXPRESSIVENESS IN THE LYRICS OF STROMAE'S SONGS

Статья представляет собой анализ лингвостилистических приемов в песенных текстах на примере творчества бельгийца руандийского происхождения Поля Вана Авера, более известного как Stromae.

The article is devoted to analysis of linguistic phenomenas in lyrics at the example of songs of Paul Van Haver, belgian singer with rwandan origines, globally known as Stromae.

Ключевые слова: песенный текст, языковые средства, фигуры речи, тропы.

Keywords: lyrics, means of language, language techniques, tropes, figures of speech.

Песенный текст в сознании воспринимающего его адресата одновременно ассоциируется с личностью вокалиста и проецируется слушателем на самого себя. Stromae, как автор своих песен, доносит до слушателя собственные переживания, то есть лирический герой не вступает в конфликт с личностью исполнителя. Дистанция между адресантом и адресатом сокращается благодаря диалогичности текстов.

Языковая выразительность текстов песен Stromae создается за счет того, что слова и их сочетания приобретают переносные значения, т.е. становятся тропами, или входят в состав стилистических фигур, которые провоцируют создание образного смысла.

Рассмотрим употребление такого тропа как метонимия на примере из песни «*Humain à L'eau*», действующее лицо которой – представитель ныне живущих так называемых первобытных племен, критикующий современное общество:

*Dans votre monde de **Gotha***

Moi ? Je n'en voulais pas

Gotha, или l'Almanach de Gotha – это самый авторитетный справочник по генеалогии европейской аристократии, ежегодно издававшийся на немецком и французском языках в 1763–1944 годах в городе Гота. Включал родословные росписи правящих домов и наиболее значительных родов титулованного дворянства Европы. Через метонимию словом «Gotha» именуется зажиточное европейское общество.

Pardonnez mon petit langage,

*Mais j'ai bu du **dix ans d'âge***

«Aïf»

Выражение «10 ans d'âge» в разговорном французском языке используется для характеристики алкогольного напитка, имеющего хорошую, десятилетнюю выдержку.

В композиции «*Bienvenue Chez Moi*», где Stromae приглашает слушателя заглянуть к нему домой, метонимия употребляется для обозначения второй родины певца – Бельгии:

Dans mes quatres murs, y'a des tas de choses:

Peu de livres mais des tas de proses,

Trop de pensées pour si peu d'écrits,

Et si peu de pays pour tellement de roses.

Бельгия – страна с давними традициями выращивания роз. Уже несколько веков в Бельгии существуют многочисленные садовые питомники, знаменитые не только в Европе, но и во всем мире.

Ces quatre murs en plastique

Sont pleins de papier et de tas de Bic

Des tas de feuilles à moitié mortes

A moitié bourgeons, a moitié fortes

Un jour vertes, un jour brunes,

Noires, jaunes, rouges et un jour plumes.

Так Stromae описывает свой творческий процесс создания текстов: некоторые из его записей становятся прочными хитами, некоторые умирают уже на следующий день, некоторые наброски еще требуют доработки. И вдруг в перечислении цветов мы видим «*Noires, jaunes, rouges*», черный-желтый-красный, цвета бельгийского триколора.

Разновидность метонимии, синекдоха, основанная на перенесении значения с одного явления на другое по признаку количественного отношения между ними, тоже может быть проиллюстрирована примером:

Mais tu n'as pas sommeil !

*Ton **toit**, ton taf, ta caisse, tes sous.*

«Sommeil»

Здесь употреблена часть вместо целого: «крыша» вместо «дом».

Кроме того, тексты изобилуют устойчивыми выражениями, которые придают песенному тексту яркую эмоциональную окраску:

L'amour est comme l'oiseau de twitter,

On est bleu de lui seulement pour 48h.

«Carmen»

Бельгийское выражение «Etre bleu de quelqu'un» означает «увлечься кем-нибудь, влюбиться». Однако, существует также и французское устойчивое сочетание «Etre un bleu», что в разговорном языке означает «быть новичком в какой-то области», в данном случае, например, в области любовных отношений. Также можно отметить, что хоть и во фразеологизме рассматривается словосочетание целиком, а не отдельные его составляющие, но всё же слово «bleu» может намекать на синий цвет птички, символа Twitter.

*Voulez-vous de sentiments **tombé du camion?***

L'offre et la demande pour unique et seule loi.

«Qch tombé du camion» – бельгийское просторечное выражение, используется для эвфемистического обозначения товара сомнительного происхождения (кража, присвоение и пр.), предлагаемого на различных развалах и интернет-площадках за полцены и без гарантии.

Фразеологические выражения могут представлять собой законченное предложение. Примерами таких фразеологических выражений являются пословицы и поговорки. Однако, Stromae не приводит пословицы и поговорки в их первоначальной форме, а прибегает к язы-

ковой игре, заменяя слова и придавая фразе другое значение. Песня, посвященная ушедшему из жизни кумиру Stromae, Эворе Сезарии, включает в себе несколько примеров языковой игры с изменением поговорок:

Evora, Evora, une de perdue, c'est ça?

Evora, Evora, je te retrouverai, c'est sûr.

«Ave Cesaria»

Исходное французское выражение, «Un de perdu, dix de retrouvés» довольно часто используют французы для утешения расстроенных расставанием влюбленных, «одного потеряла – еще десятерых таких найдешь». Stromae, в доказательство своих преданных чувств к ушедшей певице, использует лишь первую часть поговорки, а вторую заменяет на «je te retrouverai»: «я найду тебя, мне не нужны другие».

Следующие два примера взяты из композиции «Bâtard»:

Mieux vaut ne rien faire que de faire mal...

«Il vaut mieux ne rien faire que de s'occuper mal à propos» («Лучше ничего не делать, чем заниматься ненужными делами») – эта мысль принадлежит испанскому философу XVII века Бальтасару Грасиану. Ее значение осталось таким же, а вот форма претерпела изменения.

Ha, tu changes d'avis, imbécile?

Поговорка гласит: «Il n'y a que les imbéciles qui ne changent pas d'avis» (русский вариант «Только идиот не меняет своего мнения»). Своим эмоциональным вопросом Stromae противоречит основной идее поговорки, задевая адресата, поддерживая единое настроение всей песни.

Для создания контраста в текстах своих песен автором используются различные виды антонимов и стилистических фигур, построенных по принципу противопоставления. Так, чтобы высмеять завышенное самомнение современного человека, Stromae от лица представителя третьего мира использует противопоставление «маленький – большой»:

Mais, petit modernisé,

Pourquoi tu me parles mal?

...

Je respecte les Pygmées

Donc respecte les Maassai!

Je respecte ton terrier

Respecte mes terres,

Je respecte les insectes

Donc respecte les mammifères!

«Humain à L'eau»

Пигмеи – африканский очень невысокий этнос (до 150 см), маасаи – африканские кочевые

племена, напротив, очень высокие. Несколько квадратных метров жилья, который имеет среднестатистический европеец, противопоставляются огромным территориям, которыми «владеет» представитель африканского племени; контраст усиливается благодаря однокоренным «terrier – terres».

Отдельного внимания заслуживает композиция «Bâtard». Здесь антитеза служит для Stromae принципом построения не только отдельных фраз, но и текста целой песни:

T'es de droite ou t'es de gauche?

T'es beauf ou bobo de Paris?

«Beauf» – разг. мещанин (символ ограниченного «среднего француза» с реакционными, шовинистическими взглядами) противопоставляется «bobo», пренебрежительное сокращение от **bourgeois-bohème**, обозначающего зажиточных жителей крупных мегаполисов.

Mais t'es Hutu ou Tutsi ?

В результате конфликта между этническим большинством хуту и этническим меньшинством тутси, населяющих Руанду и Бурунди, погибли около миллиона человек (14% населения Руанды), в том числе отец Stromae.

Flamand ou Wallon ?

Bras ballants ou bras longs ?

Здесь противопоставляются две народности Бельгии, страны, которая стала родной для Stromae. «Bras ballants» созвучно сочетанию «Brabant flamand» – название бельгийского региона, расположенного во Фландрии. «Bras longs» созвучно «Brabant Wallon» – название региона, расположенного в Валлонии.

Finalement t'es raciste?

Mais t'es blanc ou bien t'es marron, hein?

«Marron» в данном расистском контексте наверняка переводится как «метис, смуглый». Тем не менее, необходимо отметить и возможную игру слов: «être marron» в его переносном значении имеет смысл «остаться в дураках». Получается, что либо ты светлокожий, либо автоматически «проиграл» потому что родился темнокожим.

Trou du cul ou bien nombril du monde?

Пренебрежительно-разговорное «trou du cul» в паре с ироническим фразеологизмом «nombril du monde» создают «анатомические» антонимы.

Антитеза проявляется в данной песне в форме вопросительных предложений. Вопрос сам по себе также может являться стилистической фигурой, если ответ на него не требуется – речь идет о таком тропе как риторический вопрос. В этом случае употре-

бление грамматической формы и интонации вопроса применяется для усиления выразительности (выделения, подчёркивания) той или иной идеи:

*Cancer, cancer,
Mais dis moi quand c'est?
Cancer, cancer,
Qui est le prochain?*

...

*Quand c'est? Quand c'est?
Que tu cesses tes avances
Quand c'est? Quand c'est?
Que tu pars en vacances
Quand c'est? Quand c'est?
Quand est-ce que tu y pense
Quand c'est? Quand c'est?
Ça nous fera des vacances*

«Quand c'est?»

Что касается такого серьезного заболевания как рак, то в этой области пока что больше вопросов, чем ответов: наука пытается искоренить онкологические заболевания, но рак по-прежнему уносит миллионы жизней людей ежегодно. Кроме того, риторическим здесь является и главный герой песни, которому Stromae задает вопросы: «сancer», то есть «рак», как обращение носит условный характер. Благодаря этому приему фраза, в которой употреблены такие обороты, приобретает особую подчеркнутый оттенок, усиливающий ее выразительность.

В песне «Papaoutai» Stromae обращается ко всем тем, кто рос или растёт без отца («Papaoutai» – не что иное как «Papa, où tu es?», «Папа, где ты?»), к тем, кто зачастую не в состоянии ответить на этот вопрос:

*Où est ton papa ?
Dis-moi où est ton papa ?*

...

*Ah sacré papa
Dis-moi où es-tu caché ?*

Следующий отрывок – размышление Поля о том, что отцом когда-нибудь станет и он, как и те, кто тоже не познал отцовской заботы:

*Un jour ou l'autre on sera tous papa
Et d'un jour à l'autre on aura disparu.
Serons-nous détestables ?
Serons-nous admirables ?
Des géniteurs ou des génies ?
Dites-nous qui donne naissance aux
irresponsables ?*

Stromae не ждет ответов на эти вопросы, а размышляет о том, что ему довелось пережить, призывая относиться более ответственно к рождению и воспитанию детей.

В композиции «Formidable» наигранно пьяный Stromae, шатающийся по площади Брюсселя, спрашивает у прохожих:

*Et qu'est-ce que vous avez tous
A me regarder comme un singe, vous ?
Ah oui vous êtes saints, vous,
Bande de macaques !*

В вопросе читается утверждение «не смотрите на меня так», а обращения, использованные в этом отрывке, в тексте песни также становятся риторическими.

Риторические вопросы и обращения присутствуют и в речи пигмея из песни «Humain à l'eau»:

*Mais, petit modernisé,
Pourquoi tu me parles mal ?
Toi et toutes tes perruches,
Tes Christophes Colombus,
Trop tard pour les excuses !*

Риторическое обращение может представлять собой другой стилистический прием – выразительный эпитет:

*Vous, les hommes,
Vous êtes tous les mêmes –
Macho mais cheap,
Bande de mauviettes infidèles
Si prévisibles*

«Tous Les Mêmes»

Песенные тексты Stromae изобилуют эпитетами.

Ниже приведены отрывки из песни «Carmen»:
***L'amour est comme l'oiseau de twitter, on est
bleu de lui seulement pour 48h.***

...

***Cette oiseau de malheur, je le mets en cage, je
le fais chanter moi!***

...

***L'amour est enfant de la consommation.**
Il voudra toujours toujours toujours plus de
choix.*

...

*Un jour tu verras, on s'aimera,
Mais avant on crevera tous
Comme des rats!*

Сравнение любви с птичкой может быть выражено прямо, через союз comme: «*L'amour est comme l'oiseau de twitter*» (такой же тип сравнения проиллюстрирован в последней строфе), а может и употребляться только то, с чем сравнивается, без того, что сравнивается («*Cet oiseau de malheur*»), и в данном случае является метафорой.

Другие примеры:

*Comme moi, comme toi, comme nous
Des **hommes-chiens** devenus **hommes-loups***

*Des femmes-hyènes, voulant être belles
Et encore plus superbes,
À se rendre fous, à se rendre folles...
«Bienvenue Chez Moi»*

Итак, в ходе работы с текстами песен Поля Ван Авера было выявлено, что смысловая составляющая текстов данного исполнителя напрямую связана с его личностью, композиции Stromae зачастую автобиографичны, отражают его переживания, позволяют высказать свое мнение по острым социальным проблемам.

Список литературы

1. Stromae : melting-pot belge // Le Monde. — 28.08.2013 URL: http://www.lemonde.fr/a-la-une/article/2013/08/28/stromae-melting-pot-belge_3467830_3208.html
2. Stromae URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Stromae>

О. А. Максимчик

*Самарский государственный социально-педагогический университет
(Самара, Россия)*

МАНИПУЛИРОВАНИЕ МАССОВЫМ СОЗНАНИЕМ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ: ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

MANIPULATION OF PUBLIC OPINION IN MEDIA DISCOURSE: PRAGMATIC APPROACH

В статье обсуждаются проблемы манипулятивной роли массмедиа в воздействии на сознание социума, вопросы использования языка в идеологических целях, способы формирования общественного мнения, механизмы защиты от них. Проблемы воздействия СМИ на общественное сознание рассмотрены на примере текстов англоязычных статей о катастрофе Боинга 777 в июле 2014 г., в результате чего автор приходит к выводу, что умелое использование лингвистических средств позволяет журналистам навязать массовой аудитории определенный образ освещаемого события.

The paper focuses on a vital problem – mass media influence on forming and shaping public opinion. It outlines linguistic means of manipulating public opinion, efficiently employed by reporters and journalists of the Guardian and RT while covering the tragedy of MH 17 in July, 2014, aimed at creating a certain picture of the tragic event.

Ключевые слова: *манипулирование, массовое сознание, манипуляция массовым сознанием, языковые средства манипулирования, катастрофа Боинга 777.*

Keywords: *mass media, manipulation, public opinion, manipulation of public opinion, linguistic means of manipulation, MH 17 crash.*

В современном информационном обществе наблюдается повышение внимания лингвистов к масс-медиа как основным средствам информационного воздействия на социум и к роли языка средств массовой информации (СМИ) в формировании массового сознания и общественного мнения. В период кризисов и рез-

ких перемен, переломные для социума отрезки времени, в условиях жесткого политического контроля над деятельностью СМИ, они превращаются в мощный инструмент социально-политического влияния. В условиях медийной глобализации всё более очевидными становятся ангажированность прессы, случаи злоупо-

требления свободой слова в условиях функционирования конкретного издания в определённом политическом формате, активное использование Интернета в пропагандистских целях. Повсеместно мы наблюдаем случаи нарушения общественно-гуманитарных норм и правил корпоративной этики, требующих определённой информационной культуры и «ответственности автора» при передаче информации – понятия добросовестности, достоверности, фактологичности информации в медиaprостранстве «автор» – «адресат-читатель». Актуальность проведенного исследования обусловлена как осознанием возросшего масштаба манипулирования аудиторией, с одной стороны, так и недостаточной изученностью инструментов речевого воздействия и способов психологической защиты от манипулирования, необходимостью развития достаточного уровня медийной грамотности и медиакомпетентности для отбора и критичного восприятия поступающей информации, с другой.

Под *языковым манипулированием* в СМИ мы понимаем скрытое информационно-психологическое воздействие на реципиента, осуществляемое посредством языковых средств, совершаемое в интересах манипулятора и обуславливающее необходимое восприятие информации реципиентом, в том числе нацеленное на формирование заданного общественного мнения об освещаемом событии. В цикле статей, опубликованных нами в разных выпусках научного журнала «Известия Самарского Центра РАН» [URL: <http://www.ssc.smr.ru/izvestiya.shtml>] в 2015 году, мы начали рассматривать проблему языкового манипулирования на примере освещения в англоязычной прессе крушения Боинга 777 Малайзийских авиалиний 17 июля 2014 г. Материалом исследования послужили тексты свыше 70 электронных статей, опубликованные в период с 17 по 31.07.14 г. британской газетой *the Guardian* [URL: <http://www.theguardian.com/international>] и российской информационной телекомпанией *RT* (ранее – *Russia Today*) [URL: <https://russian.rt.com/>].

В настоящий момент невозможно изучать воздействие СМИ в качестве изолированного феномена вне связи с их социо-культурным, социально-экономическим и политическим окружением. Идеологичность современного медиaprостранства приводит к тому, что отбор новостных фактов и событий, составляющих повестку дня, как правило, определён национальной политикой, текущим геополити-

ческим моментом, важностью происходящего для конкретного социума. В определении Т.Г. Добросклонской, «<...> отбор фактов служит действенным инструментом информационной политики, а также может использоваться как мощное оружие для ведения информационной войны» [1. С. 142]. Естественно, что трагическое событие международного масштаба, особенно, если оно повлекло за собой большое количество человеческих жертв, попадает на первые полосы всех общемировых газет, ведь катастрофичность события отвечает критерию новостийности. К сожалению, приходится констатировать, что политика двойных стандартов действует даже в этом виде медиатекста, а освещение трагического события реализуется во множестве вариантов и заметно отличается в российских и западных СМИ.

Проведенный всесторонний анализ выборки текстов приводит нас к пониманию того, что подходы к освещению авиакатастрофы существенно различаются у сторон, представляющих две полярные версии о причинах и виновных в произошедшей трагедии: журналисты *The Guardian* в своей трактовке причин авиакатастрофы отстаивают западную точку зрения, обвиняющую ополченцев Донбасса в атаке на лайнер; в то время как статьи *RT* отстаивают позицию РФ, поддерживающей силы сопротивления. Тем самым в задачу обоих издательств входит не столько объективное освещение крушения самолета, а сколько его оценка с противоположных позиций и тщательная интерпретация в соответствии с определённым политическим ориентиром. Более того, можно прийти к заключению, что группы корпусов текстов (в противовес фрагментарному и незавершенному отдельному медиа-тексту) выступают в качестве части целостной информационной кампании, проводимой в интересах своих правительств, доказывая, что информационно-психологическое воздействие как элемент информационной войны, пропаганды и контрпропаганды, является важным компонентом любого политического конфликта и разногласия в международной политике.

В прагматической исследовательской парадигме медиа-текст рассматривается как сложный прагматический знак, имеющий своей целью обеспечение эффективной коммуникации. Прагматический аспект медиа-текста общественно-политической направленности можно соотнести с выбором языковых средств для наилучшего воздействия на сознание реципиента с целью убедить его в правильности оцен-

ки освещаемого события/описываемого лица. Критический анализ дискурса, заложенный в работах Т.А. ван Дейка [2] приводит исследователей к пониманию того, что информация в СМИ имеет не «отражательный», а интерпретативно-оценочный характер, а объективность и беспристрастность и даже нейтральность перестают быть признаками новостной информации. Более того, интерпретативность новостного медиатекста рассматривается как его неотъемлемое свойство, раскрывающее суть взаимоотношений внутри триады «событие – продуцент – реципиент». Отказ от стремления сохранить нейтрально-объективный стиль подачи информации в новостном тексте приводит к его превращению в информационно-аналитический текст, имеющий идеологическую функцию.

Существуют объективные различия между двумя феноменами: реальным событием и его медиа-репрезентацией в виде медиа-текста. При акцентуации любой ситуации, любого информационного события политической или социокультурной значимости, находящегося на общественной повестке дня, журналисты, отталкиваясь от инварианта, создают вариативное воспроизведение информации, искусственно выделяя те или иные компоненты ситуации и избегая других. В процессе деятельности журналиста реальное событие превращается в модель действительности – медиасобытие, реализуемое в специально созданном медиатексте, представляющем собой синтез фактологии, измышлений автора, субъективной интерпретации, личностных приоритетов журналиста или политического формата издания.

Вышесказанное подтверждает тезис о том, что современные СМИ ставят своей задачей не только и не столько сообщение новости, сколько формирование общественного отношения к освещаемому событию, а значит, прежде всего осуществляют манипулятивное воздействие на реципиента. Поливариантная интерпретация реальности осуществляется через языковое и композиционное варьирование. Так, в поле зрения нашего внимания последовательно оказались эффективные приемы манипуляции – лексико-семантические средства, стилистические и риторические приемы и фигуры речи, грамматические и синтаксические способы манипулирования.

На лексико-стилистическом уровне в нашем материале выделяем *генерализацию значения* (замена нежелательных номинаций родовыми наименованиями (гиперонимами)) – эвфемиз-

мические обозначения военных действий с достаточно общим смыслом (*the crisis in Ukraine; a local conflict; tensions in the country; problems in Ukraine; the instability in Ukraine; the hostilities in the eastern part of that country; the violence in the region (the Guardian) vs. Ukraine's civil war; Kiev's military campaign in eastern Ukraine; on-going military actions (RT)*); и *поляризацию значения* (использование вместо негативно-го обозначения денотата прямо противоположного по смыслу обозначения – *anti-terror/ anti-terrorist operation, counterinsurgency in eastern Ukraine (the Guardian) vs. the atrocities committed today by the Ukrainian forces against civilians (RT)*); ср. также *the insurgents; guerrilla groups; (local) rebel forces/ gunmen; separatist rebels; separatist proxies/ militia (the Guardian) vs. the local militia; the local defense/self-defense forces (RT)*).

Также, можно упомянуть *подбор лексической сочетаемости слова или коллокацию* и *создание эмоционально-нагруженного контекста* (*thuggish militias; drunken gorillas; a convoy of heavily armed and nervous rebels* – негативно маркированные эпитеты в текстах *The Guardian* служат созданию определенного ассоциативного поля, что отвечает осуществлению тактики дискредитации); *лексико-семантическую вариативность (синонимию)* – в наименовании самого авиапроисшествия от нейтральных «падение самолета» до эмоционально окрашенных «катастрофа» и «трагедия» (*the downing of MH17; the plane crash, a multinational catastrophe; the Ukraine air disaster; a gruesome air tragedy; improbable tragedy*); *упущение заданной коннотации нейтральной номинации* – использования слов с ранее отрицательной коннотацией в типично положительных контекстах и, наоборот, слов с некогда положительной коннотацией в неодобрительном контексте (*The rebels were removing bodies and the Ukrainian government accused them of sanitising the scene of evidence (The Guardian)*); *подбор стилистически маркированных единиц* (принадлежащих к разговорной лексике, сленгу, вулгаризмам, табуированной и обценной (ненормативной) лексике), помогающих сформировать негативное восприятие информации реципиентом; и *использование экспрессивного идеолексикона* – политические клише, идеологемы или слова-амёбы, т.е. абстрактные понятия широкой семантики отражают идеологию демократических идеалов (*democracy, civil liberties, human rights, etc.*) и создают необходимые установки для восприятия текста (<...>

violating Ukrainian territorial integrity (The Guardian)).

Имеющиеся в распоряжении журналистов риторико-стилистические приемы и фигуры речи представлены: *метафоризацией значения* через устойчивые лексикализованные метафоры – определённые клише, свойственные медиатекстам (*surface any evidence that sheds light on the exact events; firing off a tirade of unsubstantiated claims and outright lies (RT); sow doubts about the circumstances of the disaster; a flood of disinformation, and a chorus of denials; endless layers of propaganda (The Guardian)*) и оценочные авторские метафоры, способствующие созданию необходимого яркого образа и влияющие на восприятие информации под необходимым манипулятору углом зрения (*The latest bombastic blast against Russia came on Sunday when US ambassador to Ukraine, Geoffrey Pyatt, released via Twitter satellite images, dating between July 21 and July 25/26 allegedly “proving” that Russia fired rockets at Ukrainian troops across the border (RT)* – троп построен на сравнении взрыва самолета и развернувшейся медиавойны); *образными сравнениями* (*inchoate rage and patriotism are aimed at a target as big as the sky (The Guardian)*); намеренным преувеличением или преуменьшением свойств – *гиперболой* (*Because it is Moscow, in spite of many denials issued by representatives, that is believed by the entire world to be [the rebels’] chief sponsor and protector (The Guardian)*) и *мейозисом*; а также метонимией; всевозможными перифразами и намёками; иронией; широким обыгрыванием идиоматических единиц, афоризмов, «деформированием» пословиц, поговорок; риторическими вопросами и апелляцией к читателю.

На грамматико-синтаксическом уровне нами было выявлено: манипулирование категорией субъективной модальности через модальные глаголы, модальные лексические единицы и модальные структуры с семантикой уверенности, вероятности или очевидности, возможности или предположительности, и сомнительности или неуверенности (*there is strong reason to believe; it appeared increasingly likely; we know with confidence (to a certainty); we’re not even 100 percent sure; etc.*); использование языковых приёмов солидаризации, особенно в речи медиаперсон, проявляющихся в частотном использовании местоимений *we, us, our*, выполняющих задачу включения слушающего в свою референтную группу и способствующих созданию ощущения «психологического

созвучия» говорящего и аудитории, наряду с использованием антитезы «мы – они», причем в образе врага в статьях *The Guardian* часто выступает Россия (*The US and its European allies have presented a united front against Russian aggression in recent months*); разнообразные трансформации словосочетаний (например, столкновение противоречащих компонентов – оксюморон); эллипсис (в том числе с преобладанием пассивных структур над активными (<...> *an SA-11 anti-aircraft system capable of shooting down a plane at MH17 altitude had been spotted [by whom?– O.M.] a few hours before the disaster in a rebel-held area close to the crash site (The Guardian)*); опущение/неопределённость агенса через использование неопределённоличных (с *one, you, they* – *one can clearly see; one should notice, etc.*); и безличных предложений (*It*); использование универсально-обобщающих конструкций с *everybody, majority, etc.*, направленных на создание единодушного мнения об освещаемом событии (*The vast majority of Russians believe the Ukrainian military shot down Malaysia Airlines flight MH17, a new poll has shown, underlining how differently the tragedy has been presented in Russia than in the west (The Guardian)*); конструкции *experts believe, our sources say, etc.* с отсутствием указания на источники сведений, но способствующие повышению доверия к сообщаемому и восприятию материала под необходимым углом зрения (*The Associated Press said one of its journalists had seen a similar launcher near the town of Snizhne earlier on Thursday (The Guardian)*).

Отдельно отметим стилистические фигуры, предполагающие трансформацию структуры в составе предложения и абзаца: стилистические приёмы, связанные с повтором слов или конструкций для придания экспрессии – *лексический повтор* в виде анадиплосиса, анафоры, эпифоры и др. и *параллелизм*, т.е. одинаковое построение предложений (части предложений) в отрезке текста («*We owe it to the dead, all the dead, we owe it to the families, all the families to do everything in our power to respect the bodies, to find the truth and to ensure justice is done*», *Abbott said in a television interview (The Guardian)*); приём *антитезы*, который может реализовываться и в пределах одного предложения, и на уровне большего отрезка текста (*In his handling of the crisis, Putin has again revealed himself as a good tactician – a shrewd short-term operator. But he remains a poor strategist, and an obstacle to Russia’s future wellbeing (The Guardian)*); *напцелляцию*, состоящую из двух частей – ос-

новой и парцеллята, находящегося в пост-позиции (*The downing of MH17 over eastern Ukraine was the main story on the front pages of most newspapers around the world on Friday. Not so in Russia, where the state-run Rossiyskaya Gazeta led with a story about the eating habits of Russians, relegating the 298 deaths on board MH17 to the bottom of the front page (The Guardian)*); вставные или вводные конструкции – *парантезы*, позволяющие автору ввести в содержание предложения свой комментарий, сфокусировать внимание читателя на своей оценке описываемого события или лиц (*Here are five of the “alternative” explanations for the downing of MH17, in order of diminishing plausibility (not to suggest that any one of them is really plausible – but some are weirder than others (The Guardian))*); инверсию – изменение прямого порядка слов, и «выдвижение» *fronting*; значительное количество вопросительных, в т.ч. риторических конструкций (*Does Russia have a right to protect itself? Does the USA? (RT)*); *зпадацию* (*нарастание*), чья суть состоит в том, что каждое последующее высказывание, по мнению автора, сильнее в эмоциональном плане или существеннее/важнее в фактическом отношении, чем предыдущее (*But Ukraine in 2014 has seen revolution, annexation, civil war and now a gruesome air tragedy, and it would be a brave person who predicts exactly what the outcome will be (The Guardian)*); намеренное чрезмерное усложнение структуры словосочетания.

Таким образом, как показал проведенный анализ, тщательный обор и умелое использование различных языковых способов манипуляции массовым сознанием способствуют расстановке необходимых акцентов и созданию определенной картины освещаемого события, тем самым являясь мощным инструментом формирования общественного мнения под заданным углом зрения. Медиатексты фиксируют реальные события, нагружая их дополнительными оценочными/аксиологическими, информационно-культурными и культурно-идеологическими смыслами. В сознание людей внедряются тщательно организованные сведения, а система специально подобранных языковых средств формирует медиареальность – заданное восприятие и истолкование реальных событий реального мира, рассчитанное на адекватный отклик читателя. Медиа-текст

изменяет (или как минимум корректирует) систему представлений и мнений реципиента о мире/событии, его ценностные ориентиры, а значит, оказывает прагматическое воздействие. Неподготовленная массовая аудитория неспособна критически оценивать предлагаемую информацию, не готова различать документальную сторону медиатекста от его комментативно-оценочной составляющей, не имеет опыта выявления имплицитной информации и подтекста, не улавливает специфической идеологической установки на оценку события – а всё это необходимые условия успешной интерпретации медиатекста.

Напротив, активный потребитель информации осознаёт такие черты медиа-политического текста, как регулятивность, манипулятивность, субъективность, оценочность, идеологизированность, учитывает его лингво-прагматические особенности при интерпретации соотношения текста и отображаемой им действительности, умеет идентифицировать сообщение СМИ как воздействие с манипулятивной целью, понимает механизмы и приёмы языкового манипулирования – все это свидетельствует о медиаграмотности и сформированной медиакомпетентности современной языковой личности, суть которых состоит в активном отношении к информации и её критическом анализе и совокупности знаний, умений и способностей: свободно оперировать информационными потоками при восприятии, переработке, оценке современных медиатекстов, в процессе которых требуются владение методиками проведения дискурс-анализа, умения декодировать визуальные, вербальные, авербальные символические знаковые основы и понимать их функции, а также умения интерпретировать тематические, смысловые и иные культурные коды воспринимаемых медиатекстов.

Список литературы

1. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика : системный подход к изучению языка СМИ : современная английская медиаречь / Т.Г. Добросклонская. – М. : Флинта, 2008. – 263 с.
2. Дейк, ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.

Н. В. Мамонова*Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)***ОБРАЗ ОТКРЫТОЙ СРЕДЫ ИНТЕРПРЕТАЦИОННОЙ ФУНКЦИИ
ЯЗЫКА****THE IMAGE OF THE OPEN ENVIRONMENT
OF INTERPRETIVE FUNCTIONS OF LANGUAGE
(ON THE MATERIAL OF BRITISH FOLK TALES)**

В статье рассматривается вопрос об интерпретационной функции языка на материале британских фольклорных сказок с позиции лингвосинергетики.

The paper studies the issue of interpretive function of language through the British folk tales from the perspective of lingvosinergetics.

Ключевые слова: британский сказочный дискурс, интерпретация, фольклорная сказка, лингвосинергетика.

Keywords: the British folk tales discourse, interpretation, folk tale, lingvosinergetics.

Любая система, способная к самоорганизации, – есть открытая сильно неравновесная и нелинейная система.

Открытость системы дискурса включает наличие смысловых потоков через систему, обмена со средой знаниями о мире. Данный принцип предполагает «взаимодействие системы со своим окружением и позволяет эволюционировать от простого к сложному, так как каждый иерархический уровень может развиваться и усложняться» при наличии обменных процессах с другими уровнями [9. С. 86].

Необходимо отметить, что открытость системы дискурса неразрывно связана с ее иерархичностью. Взаимодействие нижележащего микроуровня с вышележащим мегауровнем системы порождает обновленный макроуровень.

МИКРО + МЕГА = МАКРО

Исследование дискурса предполагает установление сущности языка, его природы, изучение языка как сложной, целостной системы, все компоненты которой взаимосвязаны, взаимообусловлены. Н. Н. Болдырев, рассматривая проблему функции языка, предполагает, «что язык выполняет, не две, а три главных функции: когнитивную, коммуникативную и интерпретирующую» [1. С. 6]. Согласно Н. Н. Болдыреву, именно система модусных категорий передает «способы интерпретации этого знания отдельными носителями языка» [1. С. 6; 3]. Опираясь на определение Н. Н. Болдырева, мы рассматриваем категорию как «концептуальное объединение объектов, или

объединение объектов на основе общего концепта» [1. С. 8].

В своих исследованиях интерпретирующей функции языка Н. Н. Болдырев приходит к выводам, которые мы берем за основу при исследовании открытой среды британского сказочного дискурса. Такая когнитивная активность как интерпретационная «структурирована в соответствии со структурой личности и видами деятельности человека, опирается на существующие коллективные схемы знаний и ориентирована на концептуальную систему индивида» [4; 2. С. 8]. Коллективные знания отражены в фольклоре как специфической художественно-образной сфере человеческой деятельности, аккумулируя в себе коллективный опыт [6; 5; 10].

Согласно Н. Н. Болдыреву, первичная интерпретация определяется как «активное, целенаправленное участие человека в структурировании мира» посредством выделения концептов и объединения «в категории с общим языковым обозначением» [2. С. 6]. Данное «коллективное знание о мире, представляя собой коллективное видение мира человеком как социумом» (то есть объективная интерпретация) выполняет функцию «коллективных когнитивных схем восприятия мира и основы дальнейшей интерпретации знаний о нем» [2. С. 9]. В британском сказочном дискурсе в качестве таких схем выступают система локальных концептов «prosperity» (процветание), «happiness» (счастье), «health» (здоровье) в рамках систе-

мообразующего концепта «welfare» (благополучие) [8].

И. А. Голованов отмечает, что «специфику фольклора составляет не только тесная связь с практической жизнью людей, но и синтетическое, нерасчлененное, недифференцированное переживание положительных или отрицательных характеристик тех или иных предметов, процессов и действий» [7. С. 44].

Выделенные концепты отражают специфику познавательных процессов оценочного характера британского этноса. Фольклорное сознание представляет собой «обобщение, «укрупнение» и упорядочение тех концептов, которые реализованы в фольклорных текстах» [5. С. 6]. Через анализ и осмысление фольклорных текстов осуществляется реконструкция фольклорного сознания, воплощенного, прежде всего, в фольклорных сказках [5]. Первичная интерпретация вышеупомянутых концептов британского сказочного дискурса представляет собой общепринятую, коллективную оценку уже существующим универсальным концептам в сказочном дискурсе вообще. То есть система локальных концептов «prosperity» (процветание), «happiness» (счастье), «health» (здоровье) не является универсальной для сказочных дискурсов других этносов и для сказочного дискурса в целом.

Вторичная интерпретация, по Н. Н. Болдыреву, «представляет собой интерпретацию коллективных знаний и коллективных когнитивных схем в индивидуальной концептуальной системе конкретного человека» [2. С. 10]. В данном случае при каждом прочтении отдельным индивидуумом веер вторичных интерпретаций одной и той же фольклорной сказки будет зависеть от личных когнитивных особенностей отдельного читателя.

Применительно к исследованию системы британского сказочного дискурса траектория развития макроуровня дискурса реализуется следующим образом:

«СМЫСЛОВЫЕ КОМПОНЕНТЫ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ + КРЕАТИВНЫЙ АТТРАКТОР ДИСКУРСА = ДВИЖЕНИЕ СЮЖЕТНЫХ ЛИНИЙ ДИСКУРСА» [8. С. 52].

Любые языковые системы (начиная с лексики и заканчивая дискурсом в целом) являются открытыми в каждой точке смыслового пространства дискурса для разного рода смысловых потоков.

Взаимодействие смысловых компонентов и креативного аттрактора исследуемого дискурса, наличие флуктуационных процессов позво-

ляет системе пройти через ряд точек бифуркации, что приводит к отклонению от изначальной интерпретации смысловых компонентов и способствует несколько иному смысловому развитию системы (иначе говоря, сюжетному развитию) в рамках данного дискурса.

Новый поток смыслов и интерпретаций порождает формирование более устойчивых смысловых структур. При этом образование смысловых структур может происходить только при диссипации (рассеянии) смысловых компонентов исследуемой системы. То есть, при отсутствии смысловой диссипации система дискурса самопроизвольно существовать не может.

Вышеперечисленные идеи представляется актуальным рассмотреть применительно к англоязычному дискурсу. Одним из основополагающих источников его специфического развития является британский сказочный дискурс.

Диссипативные процессы в британском сказочном дискурсе представляют собой макроскопическое проявление хаоса. В данном случае хаос на микроуровне рассматривается не как фактор разрушения, а как сила, выводящая на креативный аттрактор, на траекторию самоструктурирования нелинейной системы британского сказочного дискурса.

Отметим, что лексические категории, представляющие основу для первичной интерпретации, реализуют свой вторичный интерпретационный потенциал в рамках модальных категорий. Рассмотрим некоторые элементы на материале британских фольклорных сказок.

«ONCE UPON A TIME there was a woman, and she baked five pies. And when they came out of the oven, they were that overbaked the crusts were too hard to eat. So she says to her daughter:

“Darter,” says she, “put you them there pies on the shelf, and leave ‘em there a little, and *they’ll come again*.” – She meant, you know, the crust would get soft. But the girl, she says to herself: “Well, if *they’ll come again*, I’ll eat ‘em now.” And she set to work and ate ‘em all, first and last» [11. p. 9].

В первом случае «*they’ll come again*» – дойдут до готовности (пирог), корочка пирогов станет мягкой, во втором случае – они придут снова, то есть переместятся физически, появятся. Интерпретацию дочери следует отнести к первичной, общепринятой.

Смысловой компонент, представленный речевой конструкцией «*they’ll come again*» на микроуровне заданного дискурса, под действием креативного аттрактора сказки «Tom Tit Tot», а

именно локального концепта «prosperity» (процветание), реализуется вариативно на макроуровне. Смысловое развитие сказки инициировано двойственной интерпретацией локального концепта «prosperity» (мегауровня рассматриваемой системы). Для дочери в сказке процветание реализуется через сиюминутное состояние сытости, для матери – через получение эстетического и практического удовлетворения плодами своего труда. Небольшая флуктуация в трактовке данного смыслового компонента запускает стремительное смысловое развитие сказочного произведения. Смысловой компонент «*they'll come again*» объективирует точку бифуркации, в которой чутко отображаются малые флуктуационные колебания извне в рамках модусных категорий, определяя дальнейшее смысловое развитие сказки.

Интерпретация объектов может реализовываться на основе логических или метафорических межконцептуальных связей. Приведем ряд примеров:

«*The girl was as white as milk, and her lips were like cherries*» [11. p.16].

«*Her hair was like golden silk, and it hung to the ground*» [Там же].

Белая кожа словно молоко, губы словно вишни, волосы словно золотой шелк. Происходит акцентирование ряда определенных характеристик, конструирование метафорических связей, интерпретирующих локальный концепт «health» (здоровье) в британском сказочном дискурсе. Смысловые компоненты сочетаясь вместе на микроуровне исследуемого дискурса и локальный концепт «health» (мегауровень) определяют рождение смыслового потока, предопределяющего в той или иной мере сюжетное развитие заданной сказки.

В то же время лексические единицы могут усиливать противоположную сторону заданного признака, расширяя категориальные границы:

“*My wicked mother slew me,*

My dear father ate me,

My little brother whom I love

Sits below, and I sing above

Stick, stock, stone dead.” [11. p.16].

«*...cried out from the teeny-tiny cupboard a teeny-tiny louder...*» [11. p.39].

«*This made the teeny-tiny woman a teeny-tiny more frightened, so...*» [Там же].

«*My wicked mother*» – моя злая мать, «*cried out a teeny-tiny louder*» – закричала чуточку-причуточку погромче, «*a teeny-tiny more frightened*» – немного-принемного больше испугана. Несочетаемые смысловые компоненты

микроуровня системы британского сказочного дискурса и локального концепта («health» и «happiness» соответственно) мегауровня инициируют смысловое развитие на макроуровне: при заданном контексте лексема может менять свое изначальное значение.

Таким образом, создание смысловых потоков в открытом нелинейном пространстве дискурса – есть следствие интерпретационных процессов как на уровне первичной интерпретации (объективной), так и вторичной (индивидуальной). Реализация интерпретации (внутренней и спонтанной), в свою очередь, – есть следствие неравновесности, открытости и нелинейности системы пространства исследуемого дискурса.

Список литературы

1. Болдырев, Н. Н. Актуальные задачи когнитивной лингвистики на современном этапе / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 1. – С. 5–13.
2. Болдырев, Н.Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах, категориях / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 1. – С. 5–12.
3. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: Курс лекций. / Н. Н. Болдырев // Изд. 4-е, переработанное и дополненное. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина. – 2014. – 236 с.
4. Болдырев, Н. Н. Концептуальная основа модусных категорий / Н. Н. Болдырев // Когнитивная лингвистика: механизмы и варианты языковой репрезентации: Сб. статей к юбилею профессора Н. А.Кобриной. – СПб. : Издательство «Лема». – 2010. – С. 17–27.
5. Голованов, И. А. Константы фольклорного сознания в устной народной прозе Урала (XX–XXI вв.): автореф. дис. ... д-ра. филол. наук: 10.01.09 / Голованов Игорь Анатольевич. – Москва, 2010. – 44 с.
6. Голованов, И. А. Константы фольклорного сознания в устной народной прозе Урала (XX–XXI вв.): монография / И. А. Голованов. – Челябинск, 2009. – 251 с.
7. Голованов, И. А. Фольклорное сознание как особый тип художественного освоения действительности / И. А. Голованов // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Вып. 33. – 2009. – № 22 (160). – С. 43–48.
8. Мамонова, Н. В. Фрактальная самоорганизация британского сказочного дискурса (на

примере концепта «welfare») : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Мамонова Наталья Васильевна. – Челябинск, 2015. – 233 с.

9. Олизько, Н. С. Семиотико-синергетическая интерпретация особенностей реализации категорий интертекстуальности и интердискурсивности в постмодернистском художественном дискурсе: дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.19 / Олизько Наталья Сергеевна. – Челябинск, 2009. – 343 с.

10. Плахова, О. А. Лингвосемиотика английской сказки: жанровое пространство, знаковая репрезентация, дискурсивная актуализация: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Плахова Ольга Александровна. – Волгоград, 2013. – 542 с.

11. Jacobs, J. English Fairy Tales / J. Jacobs. The Pennsylvania State University, 2005. – 169 p.

Л. Е. Муравьева

*Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова
(Нижний Новгород, Россия)*

НАРРАТИВНАЯ АВТОРЕФЛЕКСИЯ И СПОСОБЫ ЕЁ ВЫРАЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ДИСКУРСЕ

NARRATIVE SELF-REFLEXIVITY: WAYS OF PRESENTATION IN MODERN LITERARY DISCOURSE

В статье рассматривается феномен нарративной авторефлексии как одна из распространенных характеристик современного литературного дискурса. Дается определение самого явления авторефлексии, рассматриваются формы его семиотического и дискурсивного бытования, а также изучаются основные способы его выражения в повествовательном тексте, к которым относятся метанарративный комментарий, металепсис и редупликация (mise en abyme).

The paper considers the phenomenon of narrative self-reflexivity as one of the characteristics of modern literary discourse. The definition of this phenomenon and its semiotic and discursive forms are considered as well as the main ways of expression of self-reflexivity in narrative are distinguished, they are metanarrative commentary, metalepsis and mise en abyme.

Ключевые слова: нарратив, семиотика, авторефлексия, метанарративный комментарий, металепсис, редупликация.

Keywords: narrative, semiotics, self-reflexivity, metanarrative commentary, metalepsis, mise en abyme.

Термин «авторефлексия» (также «авторефлексивность», от фр. *autoreflexivité* и англ. *self-reflexivity*) возникает во французской и англоязычной критике в 70-х – 80-х гг. XX века и вскоре получает широкий резонанс в интеллектуальном языке эпохи. Размышления об авторефлексии в искусстве становятся отчасти реакцией на скандальные инсталляции художников-концептуалистов (Джозеф Кошут, Рон Терада, Келли Марк), отчасти провоцируются установкой на «автотелизм»: философскую и эстетическую концепцию, провозглашающую замкнутость и герметичность современного произведения искусства.

Переход дискуссии об авторефлексивных свойствах произведения в область литературной критики осуществляется на фоне постструктуралистской практики изучения текста и вписывается в контекст нарратологических исследований. Под авторефлексией начинают понимать свойство текста, который удваивает или редуплицирует в своем универсуме одну из составляющих частей, будь то язык, структура, функция или само порождение текста. Свойство авторефлексивности приписывается значительному количеству произведений современного литературного процесса: от «нового романа» до нелинейного письма.

Несмотря на то, что этому явлению посвящают свои работы такие исследователи, как Ж.-М. Шеффер, В. Вольф, П. Во, Л. Хитчин и др., оно до сих пор имеет довольно подвижные понятийные границы. Как замечает, в частности, Жан-Мари Шеффер, невероятно сложно привести различные проявления рефлексивности (среди которых «авторефлексия», «автореференция», «парадокс», различные термины с префиксом «мета-») к общему знаменателю [6. Р. 15].

Основной вопрос этой работы – рассмотреть понятие авторефлексии с семиотической и дискурсивной точек зрения и систематизировать основные способы выражения авторефлексивных элементов в повествовательном тексте.

Авторефлексия в первую очередь – это семиотическое явление, раскрывающее способность знака обозначать другие знаки вне связи с референтом. Осознание авторефлексии важным для семиотики феноменом является следствием эволюции теории знака в философии постструктурализма. В постструктурализме размываются устойчивые отношения между означающим и означаемым таким образом, что знак становится полной противоположностью себе: он не указывает больше на референт, а выступает маркером его отсутствия. Во всяком случае, главной становится не функция референции к объектам реального или воображаемого мира, а взаимодействие знаков с другими знаками. С утратой референтной функции на первый план выдвигается функция автореференции. Авторефлексией в постструктурализме, таким образом, можно считать явление, при котором референтом для знака является сам знак. Так знак превращается в фикцию, симулякр, предполагающий отсутствие референтного смысла и предлагающий взамен многочисленные коннотации [1].

Знак и язык переосмысливаются собственным объективно существующим пространством, не связанным ни с человеком, ни с реальной действительностью. По Латуру, знак, означающий самого себя, детерминирует «Империю Знаков» (Р. Барт) – медийное пространство, в котором реализуется автономизированный дискурс [3. С. 129–132]. С утратой референции к объектам, семиозис осмысливается как производство вымысла; этот процесс превращается в фиксацию смыслов, которые не соответствуют сами себе [2. С. 24–25]. Авторефлексия становится теоретической базой бесконечной игры «знаковых субституций» (Ж. Деррида).

Как универсальное семиотическое явление, авторефлексия присутствует в различных знаковых системах: в кинематографе, театре, изобразительном искусстве, в медиа и дизайне. В значительной степени авторефлексивные приемы достигают своего апогея в авангардном искусстве XX века. К примеру, знак в произведениях сюрреалистов замыкается на самом себе и теряет всякую связь с реальностью. Так на известной картине Р. Магритта «Вероломство образов» (1928–1929) изображена трубка, а под ней выведена надпись «Это не трубка» (*Ceci n'est pas une pipe*). Авторефлексивность семиотической ситуации достигается за счет того, что языковой знак подчеркивает фиктивный статус знака иконического. Надпись «*Ceci n'est pas une pipe*» отсылает к знаку трубки, напоминая, что картина является всего лишь артефактом: изображенный объект не принадлежит реальному миру. Так рефлексивность языкового и иконического знаков разрушает «иллюзию реального» (Р. Барт) и разрывает связь с денотатом внешнего мира.

Особым пространством для конструирования авторефлексии в XX веке становится литературный дискурс благодаря бесконечному разнообразию форм «художественного самосознания», способных быть запечатленными в тексте. Феномен литературной авторефлексии принято связывать с включением тех или иных форм авторских размышлений о литературе в само произведение, с манифестацией авторской позиции по отношению к создаваемому им тексту. Литература, по выражению Фуко, «замыкается в своей глубинной самозамкнутости» и обращается к исследованию собственных структур, форм и механизмов. В литературных текстах «художественное самосознание» проявляется различным образом: как в отношении к другим текстам (интертекст) и культурным кодам (стилизация, коллаж, цитирование, пастиш), так и в осмыслении внутреннего устройства текста, процессов его производства и рецепции (литературная авторефлексия).

Размышляя об авторефлексии как особом состоянии литературного дискурса, важно подчеркнуть, что она вписывается в богатую литературную традицию. Ситуация, когда референтом какого-либо текстового фрагмента выступает сам текст, известна еще со времён античности: так известная вставная новелла «О любви Амура и Психеи» из «Золотого осла» Апулея метафорически дублирует основные элементы повествования. В эпоху Возрожде-

ния роман становится предметом авторской рефлексии с точки зрения собственной природы («Дон Кихот»), а распространённые в XVII веке авторефлексивные приемы, создающие эффект иллюзии, насмешки, парадокса, *trompe-l'oeil*, отвечают общему направлению эстетики барокко (сатирические романы Скаррона, Фюретьера, Борделона и др.).

Однако именно литература европейского модернизма и постмодернизма детерминирует самоценность авторефлексии для производства смыслов. XX век знаменует начало новой повествовательной традиции и порождает множество новых нарративных форм: от Набокова до Роб-Грийе, от Борхеса до Павича и Кальвино. Многоуровневое «устройство» литературных произведений является очевидным следствием тяготения модернизма к усложненному повествованию с расплывчатой системой действующих лиц, нарушенной пространственно-временной организацией, смещенной функцией нарратора, который выступает не только рассказчиком, но и комментатором рассказываемых событий.

Несмотря на долгую эволюцию понятия, интерес к проблеме авторефлексии в литературном дискурсе появляется у исследователей сравнительно недавно. Литературная авторефлексия осмысливается как один из основных способов глубинного поиска собственной идентичности, а поэтика рассматривается как кодифицирующий механизм социокультурных смещений.

Анализируя литературоцентричные приемы в художественной прозе, исследователи показывают, что реализация литературного самосознания так или иначе зафиксирована в повествовании, в особом способе организации дискурса. Рефлексивность выражается как в обращении к опосредованным культурой формам, моделям и типам, так и в переосмыслении уже известных приемов, сюжетов и нарративных схем. Эксперименты с трансформацией традиционного сюжета становятся способом дальнейшей эстетизации прозы.

Несмотря на обилие подходов к изучению рефлексивных элементов прозы, строгих классификаций до сих пор не существует. Наша попытка систематизировать формы литературной авторефлексии учитывает нарративную форму организации дискурса. В зависимости от типа текста, содержащего авторефлексивные элементы, мы выделяем нарративные и ненарративные формы литературной авторефлексии. Ненарративные формы авторефлексии

проявляются в виде критических рассуждений, которые наиболее часто существуют в несобственно-художественной форме (автокритика, манифесты, эссе и т.д.). Нарративные формы авторефлексии затрагивают уровень композиционной структуры текста и бывают выражены различными повествовательными конструкциями. Рассмотрим каждый из этих типов.

1. Ненарративные формы литературной авторефлексии.

Как уже отмечалось, авторефлексия становится воплощением «литературного самосознания», осмыслением автором собственной позиции по отношению к создаваемому им тексту. Было бы допущением рассматривать авторефлексию исключительно как текстовую категорию. Представляется очевидным отнести в разряд авторефлексивных элементов критические и автокритические рассуждения писателей о создаваемых ими произведениях.

Литература XX века знает немало примеров теоретических трактатов, манифестов и рассуждений поэтов и писателей, проливающих свет на проблематику своего творчества. К примеру, Андре Бретон в 1924 г. публикует «Манифест сюрреализма», в котором пытается дать научные основания новому художественному направлению, ссылаясь на фрейдизм и изучение структур бессознательного. «Новый роман» 1950-х базируется на прочном теоретическом фундаменте, разрабатываемом самими новороманистами и «телькелистами» (см.: М. Бютор «Роман как исследование», 1960; А. Роб-Грийе «За новый роман», 1963; Ж. Рикарду «Проблемы Нового романа», 1967; «За теорию нового романа», 1971; «Новый роман» 1973; «Новые проблемы романа», 1978).

Автокритические размышления явили собой новый жанр в литературной критике: на всем протяжении развития теории литературы работа критиков и писателей была четко разграничена. Теоретические размышления авторов XX века по поводу собственных произведений зачастую ставили своей целью эпатаж читателя, а потому были встречены традиционной критикой с изрядной долей скептицизма. «Но чего критики уж совсем не выносят, это чтобы художник брался объяснять свое творчество», — замечает А. Роб-Грийе. «...мало того, что книга (роман «Ревность» — Л.М.) не понравилась и была сочтена чем-то вроде абсурдного покушения на изящную словесность, но критики доказали вдобавок, что она и должна была получиться такой ужасной, поскольку откровенно объявляла себя плодом *produ-*

манного намерения: ее автор – какой скандал! – позволил себе иметь мнение о собственном ремесле» [4. С. 531; *курсив мой – Л.М.*].

В освоении авторами нового дискурса, в «продуманных намерениях» теоретиков новых литературных течений обнаруживаются характерные для постмодернизма авторефлексивные тенденции.

2. Нарративные формы авторефлексии.

Собственно нарративные формы авторефлексии способны моделировать повествовательную стратегию и участвовать в семиозисе текста. Авторефлексия в нарративе являет собой вплетение метаповествовательных элементов в саму ткань произведения. Иными словами, к нарративным формам авторефлексии в литературном произведении относятся приемы, проявляющиеся на повествовательном уровне художественного целого. В первую очередь, такие элементы затрагивают композицию, структурную целостность текста. К их числу относятся такие повествовательные конструкции как метанарративный комментарий, редупликация и металепсис.

2.1. *Метанарративные комментарии* (также «автокомментарии» или «авторские вторжения») – это отступления, замечания и рассуждения нарратора о повествуемых событиях или самом процессе повествования, часто обращенные непосредственно к читателю. Так в шестой главе романа «Мёрфи» С. Бэккета нарратор извиняется перед читателем за то, что он выбрал именно этот фрагмент повествования, чтобы рассказать о внутреннем мире своего героя, но поскольку это решение им уже принято, оно избавит его от необходимости извиняться в каком-либо другом месте. С точки зрения организации нарративного дискурса, автокомментарии – это экстрадиегетические элементы, нарушающие ход рассказываемых событий. Метанарративные рассуждения отвлекают читателя от непосредственного восприятия событий, акцентируя внимание не только на самом содержании, но и на форме высказывания, композиции, языке повествования, позиции автора по отношению к повествуемой истории.

2.2. *Редупликация (mise en abyme)* – повествовательная фигура, благодаря которой нарратив включает в себя несколько историй, объединенных законом тождества и зачастую вложенных одна в другую по принципу матрешки или китайской шкатулки. Это прием, направленный на создание своеобразного многомерного повествования, при этом дублироваться может как сама история, так и процесс её письма или

чтения. Так, в «Любовном стремлении» А. Жида на уровень повествования переносится само событие рассказывания истории, а в «Золотых плодах» Н. Саррот повествуящим субъектом оказывается читатель романа «Золотые плоды». Редупликация справедливо считается одним из наиболее продуктивных нарративных приемов в литературном дискурсе XX века. Являясь своеобразным «внутренним зеркалом» [5] произведения, она позволяет автору интегрировать свое отношение к создаваемому тексту на уровень самой композиции, организации повествования.

2.3. *Металепсис* – повествовательный прием, заключающийся в трансгрессии нарративных уровней (например, когда нарратор оказывается героем рассказываемых событий). Металепсис функционирует в текстах, которые обнаруживают свою «литературоцентричность» (Якобсон), стремясь спроецировать свой объект на реальную действительность, или, напротив, впустить ее в себя. Одним из наиболее показательных примеров металепсиса в мировой литературе XX века является новелла Х. Кортасара «Непрерывность парков» («La continuidad de los parques», 1956), в котором герой гибнет от руки персонажа читаемой им книги. Авторефлексивный потенциал металепсиса заключается в возможности создания повествовательными средствами многоуровневой модели мира истории, подчеркивающей её «сделанность» и автореферентность.

Рассмотренные выше случаи являются самыми общими способами представления нарративной авторефлексии. Частное проявление её форм предельно разнообразно, поскольку авторефлексивные элементы служат наиболее выразительным средством в выстраивании архитектоники текста и индивидуальной авторской стратегии. Несмотря на то, что современный роман фактически отошел от экспериментов в области письма и уверенно держит курс на возвращение к традиционным способам рассказывания истории, многие вопросы, связанные с нарративными экспериментами XX века, остаются нерешенными. Один из главных – каким образом деканонизация жанров и пристальное внимание к композиционным формам художественного целого отражали социокультурные изменения, происходящие в XX веке? Дальнейшее изучение авторефлексивных свойств литературного дискурса представляется перспективным направлением для поисков ответа на этот вопрос.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр; [пер. с фр. А. Качалова]. – М. : Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с.
2. Ильин И. П., Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / Илья Ильин. – Москва : Интрада, 1996. – 253 с.
3. Латур Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Б. Латур [пер. с фр. Д. Я. Калугина; науч. ред. О. В. Хархордин]. – СПб. : Изд-во Европ. Ун-та в С.-Петербурге, 2006. – 240 с.
4. Роб-Грийе А., Романески : перевод с французского / Ален Роб-Грийе. – Москва : ВРС, 2005. – 621 с.
5. Dällenbach L. Le récit spéculaire: Essai sur la mise en abyme. Paris: Seuil, 1977. – 247 p.
6. Schaeffer J.-M. Esthétique spéculative et hypothèses sur la réflexivité en art / J. Bessière (dir.) et M. Schmeling (dir.) // Littérature, Modernité, Réflexivité. Paris, Honoré Champion éditeur, 2002. – P. 15–27.

Ю. А. Нелюбина

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

КИНОДИСКУРС КАК РАЗНОВИДНОСТЬ МЕДИАДИСКУРСА

FILM DISCOURSE AS A TYPE OF MEDIA DISCOURSE

В статье обсуждается вопрос о причастности кинодискурса к медиадискурсу. Утверждается, что кинодискурс является разновидностью медиадискурса, наравне с новостными и рекламными материалами, так как обладает рядом характерных для медийного дискурса черт. Раскрывается содержание понятий «медиадискурс» и «кинодискурс» в современных лингвистических исследованиях.

The article studies the problem of belonging of film discourse to media discourse. It is alleged that film is a kind of media discourse along with news and advertising materials as it has a number of characteristic features of media discourse. The author reviews the concept of “media discourse” and “film discourse” in modern linguistic studies.

Ключевые слова: кинодискурс, медиадискурс, креализованный текст, кинотекст, медиатекст, СМИ.

Keywords: film discourse, media discourse, creolized text, film text, media text, mass media.

Кинофильмы и их составляющие становятся объектом изучения целого ряда наук, в лингвистике исследованию подвергается кинодискурс и его конкретные проявления – кинотексты. В современном мире кинематограф играет значительную роль в формировании мировидения, оценочной шкалы зрителя, и в то же время, это достаточно открытая система, где мнение зрителя учитывается, а киноиндустрия работает на аудиторию, отвечая ее потребностям.

Кинодискурс, разновидность дискурса, становится актуальным объектом лингвистического изучения, т.к. способен оказывать воздействие на свою аудиторию, программируя определенные модели поведения, формируя различные установки, в том числе идеологические, ценностные и т.д. Кинодискурс зачастую становится средством идеологического воздействия и пропаганды определенных ценностей. Как указывает Е. Н. Молчанова «телевидение <...> становится важнейшим агентом социали-

зации и мощным фактором формирования системы ценностей» [7. С. 63].

Ю. Г. Сорока считает, что кинодискурс транслирует либеральные ценности, распространяет либеральную идеологию в мировом масштабе. Автор отмечает наднациональный характер кинодискурса, его влияние на современного человека посредством аудиовизуальных средств, которые объективируют восприятие реальности и являются формой социального знания, несмотря на создаваемую виртуальную реальность [10. С. 47–49].

Согласно мнению Р. Харриса, «экстенсивное, многократное воздействие СМИ (в первую очередь телевидения) на протяжении продолжительного времени постепенно меняет наше представление о мире и социальной реальности <...> мир в представлении зритель больше напоминает мир, преподносимый нам телевидением» [15. С. 51].

Однако, если бы не средства массовой информации, то и кинематограф не смог получить такого широкого распространения, какое он имеет сейчас, выйдя на экраны телевизоров и компьютерных мониторов. Это делает кинодискурс актуальным и перспективным объектом исследования лингвистов.

Кинодискурс является каналом массовой коммуникации, т.е. разновидностью медиадискурса (или дискурса СМИ, массмедийного дискурса, медийного дискурса). Особенность медиадискурса «связана с глобализацией информационных процессов и расширением воздействия на человека с помощью новых медийных средств, которые по-новому структурируют «старые» формы коммуникации. В текстах СМИ, которые во многом определяют социально-психологическую, информационно-языковую и культурную ситуации в обществе, активно реализуются общие конструктивные принципы: применение самых современных технических возможностей и специальных средств (вербальных и невербальных) с целью информационно-языкового воздействия на массовое сознание» [16. С. 3]. Таким образом, осуществляется огромное влияние медиадискурса на реципиентов в национальных и глобальном масштабе.

Под языком СМИ М. Н. Володина прежде всего понимает «особый язык социального взаимодействия, имеющий собственные формы выражения, структурирующие наше восприятие, создающие новые значения и конструирующие (как вербально, так и визуально) особые «информационные построения действительности»» [2. С. 11].

Согласно Философскому энциклопедическому словарю, «массовая коммуникация – это систематическое распространение сообщений среди численно больших, рассредоточенных аудиторий с целью воздействия на оценки, мнения и поведение людей» [14. С. 347]. На сегодняшний день средства массовой коммуникации в основном представлены телевидением и интернетом, печатью, радио.

М. Н. Володина, как и многие исследователи, отмечает, что «СМИ очень скоро превратились в мощнейшее средство воздействия на массовое сознание» [2. С. 9]. Она же указывает на то что «в сфере массовой коммуникации сегодня формируются знания, составляющие основу социально ориентированного отношения к действительности современного человека, который вольно или невольно подвергается воздействию СМИ» [2. С. 9–10]. Т.е. СМИ становятся средством воздействия на мировосприятие и мировоззрение адресатов, вплоть до манипуляции их сознанием, формирования культуры определенного типа. СМИ определяют информационную ценность конкретных тем, таким образом моделируя определенную реальность.

Язык СМИ изучается медиалингвистикой, предметом которой является медиатекст.

Когнитивные исследования медиадискурса позволяют определить параметры «выделения различных типов медиадискурса в соответствии с когнитивными установками адресанта (т.е. идеологической направленностью того или иного текста, теми идеями и отношением, которые в нем заложены), характеристиками целевой аудитории, на которую этот текст направлен и, наконец, лингвистическими и экстралингвистическими стратегиями подачи информации, заложенными непосредственно в тексте» [6. С. 77].

Медиадискурс характеризуется необходимостью в информации о вероятных фоновых знаниях целевой аудитории, целью которой является более продуктивное воздействие на ее мировоззрение и поведение.

Согласно К. Джоунсу минимальным набором знаний о целевой аудитории являются политические предпочтения; демографическая информация; возраст пол, раса, религия; экономические доходы, культурные предпочтения; представления аудитории о возможном развитии событий; оценки действий аудитории по разным сценариям и др. [12. С. 112].

Несомненно, особенностью массмедийного дискурса является применение всевозможных знаковых систем.

Именно многофункциональность СМИ служит одной из предпосылок жанровой стратификации медиадискурса. О. В. Платонова и С. И. Виноградов отмечают на пять основных функций СМИ, в соответствии с которыми можно выделять жанры: информационную, комментарийно-оценочную, познавательно-просветительскую, воздействующую и гедонистическую [8. С. 239].

Т. Г. Добросклонская задает систему параметров медиатекста:

- 1) способ производства текста (авторский – коллегиальный);
- 2) форма создания (устная – письменная);
- 3) форма воспроизведения (устная – письменная);
- 4) канал распространения (средство массовой информации – носитель: печать, радио, телевидение, Интернет);
- 5) функционально-жанровый тип текста (новости, комментарий, публицистика (features), реклама);
- 6) тематическая доминанта или принадлежность к тому или иному устойчивому медиатопосу [3. С. 66].

В соответствии с этой системой можно описать любой тип медиатекста, которых она выделяет четыре:

- новости;
- информационная аналитика и комментарий;
- публицистика и любые тематические материалы, удобно обозначаемые английским термином «features»;
- реклама [3. С. 68].

Итак, медиалингвистика, прежде всего, изучает новостные и рекламные медиатексты, вовсе не затрагивая изучение кинофильмов. Поэтому, беря за основы некоторые положения этого научного направления, мы рассматриваем кинодискурс с когнитивно-дискурсивной точки зрения, считая его (кинодискурс), разнообразностью медиадискурса.

Кинофильм является кинотекстом – разнообразностью медиатекста. Согласно мнению А. В. Федорова и А. А. Новиковой, медиатекст – это информативное сообщение, передающееся средствами массовой коммуникации (газетная статья, телепередача, видеоклип, фильм и пр.) [13. С. 219], где средства массовой коммуникации – это «технические средства создания, записи, копирования, тиражирования, хранения, распространения, восприятия информации и обмена ее между субъектом (коммуникантом) и объектом (коммуникатором)» [13. С. 218].

Многие исследователи рассматривают кинофильм в качестве креолизованных текстов. Психолингвисты Ю. А. Сорокин и Е. Ф. Тарасов [11. С. 180] ввели понятие «креолизованный текст»: «это тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)». К креолизованным текстам также относят рекламу, телевизионные передачи, комиксы и т.д.

Г. Г. Слышкин и М. А. Ефремова также рассматривают кинотекст как медиатекст [9. С. 14]. Каждый вид медиатекста характеризуется своими целями и задачами, объемом информации, способ передачи которых – визуальное и аудиальное воспроизведение. Медиатекст и кинотекст связаны родо-видовыми отношениями.

Е. Е. Анисимова дает свое определение креолизованному тексту: это «сложное текстовое образование, в котором вербальные и иконические элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное прагматическое воздействие на адресата» [1. С. 17].

«Кинодискурс представляет собой связный текст <...> в совокупности с аудиовизуальным рядом и другими значимыми экстралингвистическими факторами. Кинодискурс как креолизованный текст обладает свойствами целостности, связности, информативности, коммуникативно-прагматической направленности, медийности» [5. С. 8].

Г. Г. Слышкин и М. А. Ефремова определяют двенадцать основных категорий кинотекста как художественного текста: членимость, связность, проспекцию и ретроспекцию, антропоцентричность, локальную и темпоральную отнесенность, информативность, системность, целостность, модальность и прагматическую направленность [9. С. 33].

Д. Бешвинер [17. С. 10] выделяет три основных средства создания смысла кинофильма: речевой поток, визуальный образ, и музыкальное сопровождение. Автор утверждает, что речевой и музыкальный потоки объединяются при просмотре кинофильма аудиторией, и это приводит к изменению восприятия реципиента.

М. М. Донская установила, что креолизованный текст (в ее исследовании – телевизионная реклама) создается на основе четырнадцати семиотических систем, причем, вербальными оказались три из них – устная речь, письменный текст и буквенная тактика, а одиннадцать являются невербальными (звуковые эффекты,

раскадровка, мимика, танец, музыка, кинесика, статика, мимика, цвет, пение, внешний вид и состояние героев/ явлений/ объектов) (подробнее см.: [4]).

Особенностью кинотекста является воспроизводимость в виде абсолютно одинаковых копий: кинотекст остается неизменным [5. С. 44]. «Кинодискурс отличается от дискурса театра и других аудиовизуальных дискурсов масштабностью аудиовизуальных эффектов, позволяющих фактически смоделировать «виртуальную реальность»» [5. С. 44].

А. Н. Зарецкая отмечает, что «кинодискурс зачастую создает иллюзию, условную реальность. <...> С одной стороны, зритель всегда понимает эту условность, а восприятие разных кинодискурсов, т.е. предшествующий опыт, приучает его к определенным моделям, по которым они строятся» [5. С. 44–45]. Но при этом «авторы кинодискурса стремятся создать иллюзию реальности происходящего на экране, в том числе и естественности, спонтанности диалогов» [5. С. 45].

Кинодискурс является открытой системой, зритель здесь также выступает как смыслообразующая сторона, а кинодискурс предполагает множество интерпретаций.

«Реципиент сообщения, содержащегося в кинодискурсе – удаленный, множественный, иногда он характеризуется социо-культурной неоднородностью (хотя для некоторых жанров кинодискурса реципиент, или целевая аудитория, определяется довольно четко, как, например, для “teenpics” – «молодежных комедий»)» [5. С. 50].

Подводя итоги, отметим, что кинодискурс является подвидом медиадискурса наряду с новостями, рекламой и т.п.: он обладает такими характерными чертами медиадискурса как информационно-языковое воздействие на зрительскую аудиторию; гедонистическая функция; применение всевозможных технических возможностей и специальных средств (вербальных и невербальных) для реализации функций СМИ. Кинотекст, в таком случае, является разновидностью медиатекста, при этом он обязательно креализованный, то есть соединяющий в себе аудио- и видеоряд, вербальные и невербальные составляющие, он неоднороден.

Список литературы

1. Анисимова, Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креализованных текстов) / Е. Е. Анисимова

/ Е. Е. Анисимова. – М.: Академия, 2003. – 128 с.

2. Володина М. Н. Язык СМИ и информационно-языковая экология общества // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке / Под ред. М. Н. Володиной. – М.: Академический Проект, 2011. С. 6–19

3. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: новая парадигма в изучении языка СМИ // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке / Под ред. М. Н. Володиной. – М.: Академический Проект, 2011. С. 63–72

4. Донская, М. М. Английский язык в мультимедийном пространстве рекламного дискурса [Текст] : автореф. дисс. ... канд. филол. наук / М. М. Донская. – М., 2007. – 19 с.

5. Зарецкая, А. Н. Особенности реализации подтекста в кинодискурсе: 10.02.19 – теория языка: дис. канд. филол. наук // А. Н. Зарецкая. — Челябинск: [б. и.], 2010. — 180 с.

6. Менджерицкая Е. О. Конитивно-дискурсивная парадигма в лингвистике и типология медиадискурса // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке / Под ред. М. Н. Володиной. – М.: Академический Проект, 2011. С. 72–79

7. Молчанова, Н. А. Особенности функционирования комментирующих и нарративных времен и их роль в продуцировании современной французской наррации: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Н. А. Молчанова. – Воронеж, 2008. – 22 с.

8. Платонова О. В., Виноградов С. И. Средства массовой информации и культура речи // Культура русской речи. М., 1999. – с. 238–280.

9. Слышкин, Г. Г. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа) / Г. Г. Слышкин, М. А. Ефремова. – М.: Водолей Publishers, 2004. – 153 с.

10. Сорока, Ю. Г. Кинодискурс повседневности постмодерна / Ю. Г. Сорока // Постмодерн: новая магическая эпоха / под ред. Л. Г. Ионина. – Харьков: Харьковский нац. ун-т им. Н. В. Каразина, 2002. – С. 47–49.

11. Сорокин, Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. – М.: Наука, 1990. – С. 180–181.

12. Тырыгина В. А. Жанровая стратификация масс-медийного дискурса / Отв. ред. Н. С. Бабенко. – М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2010. – 320 с.

13. Федоров, А. В., Новикова А. А. Медиаобразование в ведущих странах Запада / А. В. Федоров. – Таганрог: Кучма, 2005. – 270 с.

14. Философский энциклопедический словарь / Под ред. А. Л. Геркулова. — М.: Сов. Энциклопедия, 1989. — 814 с.
15. Харрис, Р. Психология массовых коммуникаций / Р. Харрис. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. — 448 с.
16. Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке / Под ред. М. Н. Володиной. — М.: Академический Проект, 2011. 332 с.
17. Bashwiner, D. Interaction of Speech and Music in the Film Soundtrack / D. Bashwiner // Music and the Moving Image (Conference). Abstracts. — May 18-20. New York, 2007. — p. 10–11.

Е. Ю. Нестеренко

Уральский федеральный государственный университет
(Екатеринбург, Россия)

СТАТУСНЫЕ ОБРАЩЕНИЯ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

STATUS VOCATIVES IN RUSSIAN AND ENGLISH PEDAGOGICAL DISCOURSE

В статье анализируются динамические аспекты системы статусных обращений в русском и английском педагогическом дискурсе. Обсуждаются результаты опроса, проведенного среди русских студентов и преподавателей, направленного на фиксацию основных тенденций в развитии системы статусных обращений. На материале обращений рассматривается вопрос типологических сходств и различий русского и английского педагогического дискурса.

The paper analyses dynamic aspects of the status vocative system in Russian and English pedagogical discourse. It shows the results of the survey among Russian students and teachers, which is aimed at finding the main tendencies in the development of the status vocative system. It also considers the problem of typological similarities and differences of vocatives in Russian and English pedagogical discourse.

Ключевые слова: статусные обращения, педагогический дискурс, антропонимы.

Keywords: status vocatives, pedagogical discourse, anthroponyms.

Проблемы педагогического дискурса остаются в центре внимания ученых на протяжении последних десятилетий (исследования В. И. Карасика, О. В. Толочко, М. Ю. Олешкова, Дж. Синклера, М. Култхарда и др.). Исследованию дискурса посвящено такое большое количество работ отечественных и зарубежных авторов, что создается иллюзия исчерпанности проблемы. Многочисленный исследовательский материал, напротив, свидетельствует о дискуссионности многих проблем.

По мнению В. И. Карасика, «статусно-ориентированный дискурс представляет собой институциональное общение, то есть речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом, с людьми,

реализующими свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов, число которых определяется потребностями общества на конкретном этапе его развития» [2. С. 190–191]. Ученый выделяет политический, научный, медицинский, педагогический и другие виды институционального дискурса. В. И. Карасик разграничивает также базовый и проективный типы дискурса. Если учитель ведет урок, то мы можем говорить о базовом педагогическом дискурсе. В случае, когда учитель читает лекцию коллегам, педагогический дискурс выступает как проективный на базе научного.

Н. А. Антонова определяет педагогический дискурс как «институциональный дискурс, ко-

торый представляет собой общение в рамках статусно-ролевых отношений» [1. С. 20].

Ю. В. Щербина обращает внимание на употребление разными исследователями таких терминов, как учебный дискурс и педагогический дискурс, и отмечает, что большинство ученых считают их «синонимичными и взаимозаменяемыми в рамках одного контекста» [4. С. 10]. В то же время образовательный дискурс определяется ею как «дискурс о педагогическом дискурсе».

В данном исследовании рассматриваются статусные обращения в педагогическом дискурсе. Для определения статусных вокативов обратимся к их классификации, данной В. И. Карасиком. В рамках данного исследования мы будем считать термины *обращение* и *вокатив* синонимичными. В. И. Карасик различает стандартные и нестандартные вокативы. Стандартные вокативы подразделяются им на определенные и неопределенные. Определенные вокативы, в свою очередь, делятся на статусные, дейктические, антропонимические (имена собственные) и эмотивные, которые ученый также называет эмоциональными вокативами. Статусные вокативы В. И. Карасик подразделяет на общие (типа «Mr» или «Miss») и *специальные*, которые, в свою очередь, делятся на *прямые* (типа «King») и *опосредованные* (типа «Your Majesty»), хотя автор подчеркивает, что в английском языке не принято использовать прямую форму обращения к монарху. Ученый также выделяет нулевой вокатив, использование которого свидетельствует о неопределенности статусной ситуации.

Общеизвестно, что в английском педагогическом дискурсе широко используются как общие, так и специальные статусные обращения. Такие вокативы, как Mr, Mrs, Miss, madam, sir, Professor ставятся перед именем собственным и пишутся с прописной буквы.

Рассмотрим примеры:

(1) *Miss Temple, Miss Temple, what – what is that girl with curled hair?* (Ch. Bronte).

(2) *Julia Severn, ma'am!* (Ch. Bronte).

(3) *I must be responsible for the circumstance, sir...* (Ch. Bronte).

(4) *I'm present, Miss Barrett* (Kaufman).

(5) *Dear Mr Barringer, last Sunday I took the subway...* (Kaufman).

Наблюдения над примерами, первые три из которых взяты из произведения середины XIX века, а последние из романа второй половины XX столетия, дают нам возможность предположить, что статусные обращения в англий-

ском педагогическом дискурсе не претерпели изменений.

Обращение к современным английским словарям подтверждает данную гипотезу. В словаре издательства «Макмиллан» мы встречаем следующее определение слова *Miss* «a title used by children when talking to a woman teacher» [8. P. 910]. В словаре Хорнби слово *Miss* маркировано как обращение («title / form of address») и определяется как «used as a form of address by children in some schools to a woman teacher, whether she is married or not» [7. P. 815]. Далее в словарной статье дается пример: *Good morning, Miss!* Следует заметить, что слово употребляется с пометой «BrE, spoken».

Обратившись к слову *Mr*, которое употребляется в английском педагогическом дискурсе при обращении к учителю-мужчине, мы увидим, что словарь Хорнби обозначает его как «a title used to address a man in some official position» [7. P. 833]. Аналогичная дефиниция предложена в словаре издательства «Макмиллан».

В русском педагогическом дискурсе в современной России не существует общих статусных обращений. Для привлечения внимания педагога учащийся или студент использует антропонимические вокативы. Для того чтобы выяснить, как студенты обращаются к преподавателю, а преподаватели к студенту, если они не знают его или ее имя и отчество, и считают ли они, что общие статусные обращения необходимы в русском языке, нами был проведен опрос 215 студентов первого и второго курсов бакалавриата, первого курса магистратуры разных направлений и 30 преподавателей Уральского федерального университета.

Выбор опроса в качестве метода исследования был обусловлен тем, что он дает возможность получить эмпирическую информацию о самых последних изменениях, происходящих в языке. Кроме того, этот метод дает возможность охватить достаточно большую группу людей.

В результате опроса выяснилось, что, не зная имени и отчества преподавателя или имени и фамилии студента, все респонденты обходятся без обращения, то есть используют нулевой вокатив. При этом 58% студентов и треть преподавателей начнут свою речь со слова «Простите», 10% обучающихся и 36% педагогов начнут беседу со слов «Не могли бы Вы...», оставшиеся будут использовать другую форму установления контакта, например, спросят имя и отчество преподавателя или имя студента.

В рамках данного исследования была предпринята попытка определить, чувствуют ли ре-

спонденты необходимость появления общего статусного обращения в русском языке. Почти половина студентов (49%) и большая часть преподавателей (42%) не желали бы появления такого слова, 30% и 15% соответственно хотели бы, чтобы такой вокатив появился, а треть студентов и 42% преподавателей не предполагают, что такое обращение может появиться в ближайшем будущем. Больше половины опрошенных (63% и 68%) не видят никакой необходимости в появлении такого обращения, между тем, более трети опрошенных считают, что такой вокатив необходим.

В соответствии с данными проведенного опроса выявлено, что около половины (46%) преподавателей очень редко употребляют специальный статусный вокатив «студент/студенты» в педагогическом дискурсе, хотя четверть педагогов отметили, что используют его довольно часто. Еще реже преподаватели используют обращение «студент Иванов / студентка Иванова» для привлечения внимания коммуниканта. Подавляющее большинство преподавателей (76%) отметили, что практически не используют статусные вокативы типа *доктор Иванова, профессор Сорокина и преподаватель Черемушкин* в официальной обстановке, применяя в основном антропонимические обращения или нулевой вокатив. Те педагоги, в речи которых присутствует статусное обращение, выделяют такие вокативы, как *Уважаемые коллеги* и *Уважаемые студенты*.

Результаты анкетирования свидетельствуют, что при обращении к группе преподавателей, большинство студентов используют нулевой вокатив, начиная беседу фразой «Простите», хотя 39% респондентов употребляют статусное обращение «Уважаемые преподаватели». Однако большая часть педагогов, обращаясь к студентам, используют статусный вокатив *Уважаемые студенты*, в то время как 19% опрошенных обращаются к ним *Господа*.

В англоязычных странах ко всем преподавателям обращаются *professor*. В рамках данного опроса была предпринята попытка узнать, можно ли в России использовать вокатив «профессор», обращаясь к любому преподавателю. Около половины студентов и 69% преподавателей отметили неуместность данного обращения в русском языке, объясняя это тем, что в России это звание и должность, которые есть не у каждого преподавателя.

Полученные данные показывают различия в степени статусного неравенства в русской и английской культурах. Коллективистские

культуры характеризуются большей вертикальной дистанцией по сравнению с индивидуалистическими культурами, где эта дистанция меньше.

Согласно проведенному исследованию, подавляющее большинство студентов считают неуместным обращаться к преподавателю *господин Иванов / госпожа Иванова*, и только 5% респондентов допускают, что такое обращение может стать распространенным в будущем. Однако только 58% преподавателей считают такой вокатив неуместным, а 28% допускают, что он станет уместным через 10, 20 или 40 лет.

Анкетирование показало, что 84% респондентов не хотели бы, чтобы педагоги называли их *господин студент* или *господа студенты*, и только 5% считают, что такое обращение может прижиться в современной России в будущем. Большинство преподавателей (64%) тоже не хотят слышать обращение *господин Иванов* или *госпожа Иванова*.

Пытаясь ответить на вопрос, почему в России нет статусного обращения в педагогическом дискурсе, большинство студентов (70%) и преподавателей отметили, что люди привыкли обходиться без него. Только 10% студентов и 24% педагогов попытались объяснить причину этого. Они отмечали исторические причины, сложность появления статусного вокатива, который смог бы стать привычным в современной России, и обращали внимание на то, что в нашей стране вообще нет вокатива, при помощи которого мы могли бы обратиться к незнакомому человеку. Интересно заметить, что некоторые студенты считают обращение к преподавателю по имени и отчеству более уважительным, чем статусное обращение.

Известно, что в России до 1917 года к людям привилегированных социальных групп употреблялись обращения *господин* и *госпожа*, к людям среднего сословия обращались *сударь* и *сударыня*, но не было единого обращения к представителям низшего сословия. Важно отметить, что профессора при академиях, согласно «Табели о рангах» принадлежали к IX классу из существующих 14 статских (гражданских) рангов. После революции появились обращения *товарищ* и *гражданин*: «Позвольте, товарищ Родимчик, как же так? <...> Наконец, вы же педагог»; «Ах, вы знаете, товарищ Макаренко, у нас так трудно, так трудно с этими ребятами!» (А. Макаренко).

С 1985 года вокативы *товарищ* и *гражданин* стали выходить из употребления. Вместо них в официальную и публичную речь возвращаются

статусные обращения *Господин* (в сочетании с названием профессии или фамилией). Тем не менее, в разговорной речи обращения *госпожа* и *господин* не нашли распространения, хотя 11% опрошенных студентов хотели бы, чтобы к ним обращались *господин студент*.

Тем не менее, в русском письменном педагогическом дискурсе (объявления) можно встретить большое количество статусных обращений.

(6) Студент! Если с тобой говорят от имени Союза студентов – проверь информацию!

(7) Уважаемые студенты и сотрудники университета! Для вас работает электронная приемная...

(8) Внимание, студенты ИСПН! Заявления на материальную поддержку....

(9) Дорогие абитуриенты-2016! Дорогие учащиеся старших классов! 13 декабря 2015 года в 10.00 ждем вас в УрГПУ на дне открытых дверей.

(10) Уважаемые коллеги, подававшие материалы для публикации в сборнике «Языковое образование сегодня – векторы развития»!

Таким образом, можно отметить, что в России в устном педагогическом дискурсе чаще всего употребляется нулевой вокатив, а в письменном учебном дискурсе активно используются статусные обращения.

Что касается английского педагогического дискурса, то в нем статусные обращения употребляются как в письменной, так и в устной форме.

(11) Teachers, you must watch her... (Ch. Bronte).

(12)...teachers, superintendent, I beg of you not to allow the waters to stagnate round her (Bronte P.81).

(13) Monitors, collect the lesson-books and put them away! (Ch. Bronte)

(14) Dear Teacher, << ... >> dear friend, all your doings are fair (Kaufman).

Наблюдения над примерами показывают, что и в устном английском педагогическом дискурсе (примеры 11–13), и в письменном (пример 14) используются статусные вокативы.

В русском языке можно встретить не только узусные, но и окказиональные статусные обращения в педагогическом дискурсе, которые могут быть использованы с игровой функцией. В диссертационном исследовании Н. Ю. Буравцова приводит интересные примеры: *Его пре-*

восходительство ... господин студент; Ваше благородие – госпожа учитель [2. С.111,118].

В английском учебном дискурсе тоже встречаются нестандартные статусные вокативы: «Hi, teach!» (Kaufman).

Таким образом, между русским и английским педагогическим дискурсом существуют как сходства, так и различия. И в русском, и в английском языках есть специальные статусные обращения, которые употребляются как в письменном, так и в устном педагогическом дискурсе (примеры 8–14). В обоих языках присутствуют окказиональные статусные вокативы. Однако при рассмотрении общих статусных вокативов выяснилось, что в английском языке система обращений отличается устойчивостью, доказательством которой является существование таких вокативов, как *Miss, Mrs, Mr, madam, sir*. В русском педагогическом дискурсе на протяжении истории употреблялись разные статусные вокативы, а в настоящее время в основном используется нулевое обращение. Русская система статусных обращений характеризуется нестабильностью и находится на этапе переосмысления.

Список литературы

1. Антонова, Н. А. Педагогический дискурс: речевое поведение учителя на уроке: дисс. ... канд. филол. наук/ Н. А. Антонова. – Саратов, 2007. – 158 с.
2. Буравцова Н. Ю. Национально-культурные особенности статусных обращений в русском языке: история и современность: дисс. ... канд. филол. наук/ Н. Ю. Буравцова. – М., 2006. – 182 с.
3. Карасик, В. И. О // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: Сб. науч. тр. Волгоград – Саратов: Перемена, 1998. С.185–197.
4. Щербинина, Ю. В. Педагогический дискурс: мыслить – говорить – действовать: учеб. пособие / Ю. В. Щербинина. – М.: Флинт: Наука, 2010. – 440 с.
5. Hornby, A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English – 6th edition. – Oxford University Press, 2000. – 1540 p.
6. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. – Bloomsberry Publishers Ltd, 2002. – 1692 p.

А. М. Новикова

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)**КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ УБЕЖДЕНИЯ
В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРВЬЮ****COMMUNICATIVE STRATEGIES OF PERSUASION
IN AMERICAN POLITICAL INTERVIEW**

Статья посвящена изучению речевого убеждения на материале американского политического интервью. В пределах стратегии убеждения, в зависимости от коммуникативной цели политика, анализируются следующие коммуникативные тактики: обоснованных оценок, контрастивного анализа, иллюстрирования, обещания, призыва. Статья написана в русле когнитивной прагматики. В ходе исследования выявлены основные вербальные средства реализации стратегии убеждения.

The paper focuses on the study of speech persuasion based on American political interview case study. Depending on the politician's communicative purpose, the following communicative tactics are analyzed within the persuasion strategy: reasoned assessment, contrastive analysis, illustration, promise, and appeal. The paper defines the notion of speech influence in political interview, clarifies the dominant linguistic means of persuasion strategy realization and falls within the scope of cognitive pragmatics.

Ключевые слова: речевое воздействие, политическое интервью, коммуникативная стратегия убеждения, тактика обоснованных оценок, тактика контрастивного анализа, тактика иллюстрирования, тактика обещания, тактика призыва

Keywords: speech influence, political interview, communicative persuasion strategy, reasoned assessment tactics, contrastive analysis tactics, illustration tactics, tactics of promise, tactics of appeal.

Интервью является наиболее частотной событийной жанровой формой во всех видах политического дискурса. В исследовании А.К. Михальской выявлена специфика политического интервью как речевого жанра. Она отмечает, что политическое интервью – это высококонвенциональный (социально «условный»), публичный речевой жанр с жёстким распределением речевых ролей непосредственных участников, в котором журналист раскрывает или стремится раскрыть значимые для общества черты политика, в том числе и «опасные», тогда как последний, отвечая на вопросы журналиста, стремится убедить общество в своей «востребованности» [2. С. 68].

Своеобразие политического интервью обусловлено сочетанием в его характеристике признаков, свойственных и политическому дискурсу, и дискурсу СМИ, а также особенностями, присущими ему как диалогическому тексту. Лавринова Н.И. указывает на некоторые свойства текста политического интервью [1]:

- персуазивность;
- полисубъектность;

- особая диалогичность;
- особая адресованность;
- двусубъектный характер: в качестве автора текста выступают оба собеседника;
- вектор адресованности: от автора-интервьюера к собеседнику и от собеседника к интервьюеру, с одной стороны, и от них обоих к потенциальному читателю – с другой;
- информативность;
- оценочность;
- институциональность;
- спонтанность;
- авторство: только в отношении интервью можно быть в определенной степени уверенным, что текст принадлежит в большей части определенному автору, а не команде экспертов, что составляет преимущество интервью в качестве объекта дискурсивного анализа.

Как видно, признаки политического интервью характеризуют его как жанр политического дискурса, а также частично отражают намерения или стратегии участников.

Политическое общение имеет цели, которые обуславливают стратегии в политическом дис-

курсе. Как правило, политик желает:

а) побудить адресата проголосовать на выборах за определенного кандидата, партию, блок, движение и т.п.;

б) завоевать авторитет или укрепить свой имидж, «понравиться народу»;

в) убедить адресата согласиться с говорящим, его мнением, принять его точку зрения (о том, что правительство работает плохо, или что реформы идут успешно);

г) создать определенный эмоциональный настрой, вызвать определенное эмоциональное состояние адресата;

д) дать адресату новые знания, новые представления о предмете речи, информировать адресата о своей позиции по какому-либо вопросу [3. С. 35].

Убедить адресата – сограждан, избирателей – согласиться с политиком, с его мнением, принять его точку зрения – одна из основных целей в политической коммуникации. Коммуникативные стратегии убеждения подразделяют на аргументативную и агитационную стратегии.

1. Аргументативная стратегия

Аргументативная стратегия включает в себя тактику обоснованных оценок, контрастивно-го анализа, иллюстрирования. Мы исключили тактику указания на перспективу, так как она в основном выражена в тактике контрастивно-го анализа, а также – в пределах агитационной стратегии – в тактике обещания. Часто аргументация включает в себя сразу несколько тактик, например, обоснованной оценкой может выступать иллюстрирование или контрастивный анализ. Тем не менее, в основе разделения тактик лежит ведущее направление в речи политика.

- тактика обоснованных оценок:

- *But you're not ready to release the reserves yet?*

- *The reserves, I think, are something that we've got to be very careful about. Typically were used during disruptions. For example, during Hurricane Katrina when refineries just shut down. And what we don't want to do is catch ourselves in a situation, particularly when things are uncertain in the Middle East, where we're using it now and it turns out we need more later [7].*

Политик доказывает и объясняет, почему правительство не может использовать запасы нефти для снижения цен на бензин в стране.

- тактика контрастивного анализа:

Сравнение прошлого и настоящего, чтобы показать достижения политика за время президентства:

- *Here's what I think is true. Over the first two years of my presidency, we had a complete disaster. Right? We had a complete crisis. The financial markets were breaking down. We were slipping into a Great Depression. And we had to take a bunch of extraordinary steps in order to make sure that the economy was growing again, which it is now, growing. Making sure that the private sector was creating jobs again. It's now doing that. And now our focus is not on refighting the battle of the last two years... [4].*

Сравнение времен Великой депрессии и кризиса в настоящий момент:

- *People are comparing this to 1932. Is that a valid comparison, do you think?*

- *Well, keep in mind that 1932, 1933 the unemployment rate was 25 percent, inching up to 30 percent. You had a third of the country that was ill housed, ill clothed, unemployed. We're not going through something comparable to that. But I would say that this is as bad as we've seen since then. And if we don't take some significant steps then it could get worse [6].*

- тактика иллюстрирования:

- *People don't like war, but what they should be angry about is the fact that there's a brutal dictator there that had destroyed lives and put them in mass graves and had torture rooms. Listen! I wish they could have seen the seven men that came to see me in the Oval Office. They had their right hands cut off by Saddam Hussein because the currency had devalued when he was a leader, ok. And guess what happened? And Americans saw the fact that they had their hands cut off and crosses or Xs carved in their forehead. And he flew them to America and they came to my office with a new hand, grateful for the generosity of America and with Saddam Hussein's brutality in their mind (URL: <http://bit.ly/1QV9xzi>).*

С помощью данного примера жестокости и беспощадности политик аргументирует необходимость войны против террористов.

2. Агитационная стратегия

Агитационная стратегия представлена тактиками обещания и призыва. В отличие от агитационных речей, от предвыборных тезисов, в политическом интервью данная стратегия выражена не так ярко. Мы не часто наблюдаем восклицательные предложения, усилительные прилагательные и наречия. В основном политик использует будущее время, личные местоимения, параллельные синтаксические конструкции.

- тактика обещания:

Повторы «I will, we will», модальные глаголы, будущее время, утвердительные предложения:

- *Once you become president, are there things that you'll change?*

- *Well, you know I think **we still have to** see how this thing unfolds over the next couple of months. One area that I'm concerned about, and I've said this publicly, is **we have not focused on foreclosures** and what's happening to homeowners as much as I would like. **We have the tools** to do it. **We've gotta** set up a negotiation between banks and borrowers so that people can stay in their homes. **That is gonna have an impact** on the economy as a whole. And, you know, one thing I'm determined is that if we don't have a clear focused program for homeowners by the time I take office, **we will** after I take office [6].*

- *Are those things that you plan to take early action on?*

- *Yes. I have said repeatedly that **I intend to** close Guantanamo, and **I will** follow through on that. I have said repeatedly that America doesn't torture. And **I'm gonna make sure that** we don't torture. Those are part and parcel of an effort to regain America's moral stature in the world [6].*

- тактика призыва:

- ***We want** to eliminate this problem of childhood obesity in a generation. **We want to** get that done. **We want** our kids to face a different and more optimistic future in terms of their lifespan [5].*

Несмотря на то, что призыв не выражен напрямую (let's, I ask), параллельные конструкции придают речи убедительность, местоимение "we" выполняет важную функцию: политик обращается ко всему народу, говорит о себе как об одном из этого народа, а значит, побуждает к единению, к действию, к поддержке.

Таким образом, стратегии убеждения, которые осуществляются политиком с помощью соответствующих тактик, имеют следующую частоту употребления (Рис.1).

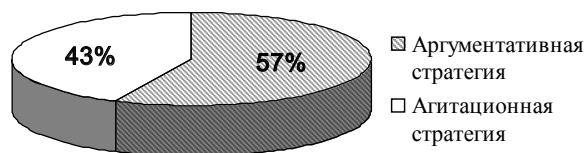

Рис.1 Стратегии убеждения

В пределах стратегий убеждения, мы видим, что аргументативная стратегия превалирует над стратегией агитационной. Американский политик в большинстве случаев стремится к логичному обоснованию своей позиции в ходе интервью.

Политический дискурс отражает борьбу за власть. Это определяет особенности коммуникативных действий, основой которых является стремление воздействовать на интеллектуальную, волевую и эмоциональную сферу адресата. Стратегии и тактики в политическом интервью служат основной коммуникативной цели политического дискурса – завоевание власти, но имеют отличия их использования в интервью как в особом жанре политического дискурса.

Список литературы

1. Лавринова, Н. И. Textoобразующие характеристики политического интервью [Текст] / Н. И. Лавринова // Вестник Поморского университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки, № 5. – Архангельск : Поморский университет, 2009. – С. 68–71.
2. Михальская, А. К. Полевая структура политического дискурса; Метод анализа и описания речевого поведения политика в политическом интервью / А. К. Михальская // Тез. докл. – В сб.: Журналистика в 1999 г. Тез. науч.-практ. конф. Часть 5. – М. : МГУ, 2000. – С. 28–70.
3. Паршина, О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России / О. Н. Паршина. – Астрахань : Изд-во АГТУ, 2004. – 196 с.
4. Bill O'Reilly's Super Bowl interview with President Obama // Fox News. – URL : <http://video.foxnews.com/v/3142612336001/bill-oreillys-super-bowl-interview-with-president-obama/?#sp=show-clips>.
5. Michelle Obama: 'Let's Move' Initiative Battles Childhood Obesity // abc NEWS. – URL : <http://abcnews.go.com/GMA/Health/michelle-obama-childhood-obesity-initiative/story?id=9781473>.
6. Obama on economic crisis, transition // CBS News. – URL : <http://www.cbsnews.com/news/obama-on-economic-crisis-transition/>.
7. President Obama Interview Exclusive 4/14/2011 // abc NEWS. – URL : <http://blogs.abcnews.com/george/2011/04/exclusive-interview-with-president-barack-obama-transcript-part-one.html>.

А. С. Норкина

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)**АЛЛЮЗИЯ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ
ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ (НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ ПЕСЕН
АНГЛОЯЗЫЧНЫХ И ФРАНКОЯЗЫЧНЫХ РОК-ИСПОЛНИТЕЛЕЙ
В ПЕРИОД С 2000 ПО 2015 ГГ.)****ALLUSION AS A MEANS OF REALIZATION OF INTERTEXTUAL
LINKS (CASE STUDY OF ENGLISH- AND FRENCH-SPEAKING
AUTHORS' SONG LYRICS WRITTEN BETWEEN 2000 AND 2015)**

В статье рассматривается интертекстуальность в современном песенном рок-дискурсе, выраженная при помощи аллюзий, определяются их функции в рамках текстов песен на английском и французском языках, а также дается интерпретация конкретных примеров. Кроме этого, в данной работе оценивается продуктивность использования аллюзий при написании песенных текстов, приводятся количественные данные и сопоставляются результаты, полученные при изучении англо- и франкоязычного материала.

The paper studies intertextuality which is revealed in song lyrics written in English and French and expressed with allusions. It also considers the functions of allusions and interpretations of the examples. Apart from that, the author evaluates productivity of using allusions in song lyrics, provides us with numerical data, and compares the results obtained in the course of the research.

Ключевые слова: интертекстуальность, аллюзия, тексты песен, англоязычный песенный дискурс, франкоязычный песенный дискурс.

Keywords: intertextuality, allusion, song lyrics, English song discourse, French song discourse.

В настоящее время изучение интертекстуальности является актуальным и важным для развития лингвистики, так как данное явление присутствует практически во всех произведениях, в особенности – в художественных, придавая им общность с другими работами и реалиями жизни. Ученым необходимо, во-первых, установить наличие интертекстуальных связей, и, во-вторых, «расшифровать» их значение, определить функции, которыми их наделил автор, и, впоследствии, интерпретировать их значение.

Термин «интертекстуальность» был впервые введен в 1967 году французской исследовательницей литературы и языка Ю. Кристевой, которая определила данное понятие как «спектр межтекстуальных отношений». В теории интертекстуальности Ю. Кристевой выдвигается мысль, что любой текст – это всегда составная часть широкого культурного текста. Также свой вклад в изучение интертекстуальности внесли М. М. Бахтин, В. Н. Топоров, Ю. М. Лотман, Р. Барт и другие [4].

Опираясь на классическую модель функций языка Р.О. Якобсона, можно выделить следующие функции интертекстуальных связей:

- экспрессивную, при помощи которой автор показывает свои культурно-семиотические ориентиры и прагматические установки;
- аппелятивную, которая ориентирует произведение на конкретного адресата (группу адресатов), который способен опознать интертекстуальные связи и оценить их выбор;
- фатическую – контактоустанавливающую функцию, которая часто выступает вместе с аппелятивной, разделяя адресатов на «своих» и «чужих»;
- поэтическую, превращающую опознание интертекстуальных ссылок в увлекательную игру;
- референтивную, передающую информацию о внешнем мире, содержащуюся в претексте, и активирующую её;
- метатекстовую, которая обращает реципиента к источнику интертекстуальных ссылок [3, 5].

Песенный дискурс, состоящий из совокупности художественных произведений – текстов песен, является источником огромного количества интертекстуальных связей, выраженных посредством аллюзий. Аллюзия – это «выра-

жение, при помощи которого говорящий намекает на известное историческое событие, литературное произведение, образ и т. п., то есть отсылка к культурной традиции» [1. С. 375].

Так как тексты песен представляют собой короткие поэтические произведения, авторы часто не имеют возможности детально объяснить реципиентам, кем является та или иная известная личность, чем знаменито какое-либо место или событие. Чтобы кратко выразить свою мысль, поэты-песенники используют информацию из других источников, потенциально известных реципиентам. «Осознанное или неосознанное автором включение фрагментов известных текстов в новое произведение не только улучшает способ передачи мыслей в производимом тексте, но и способствует его адекватному пониманию» [2. С. 65]. Выраженная всего одним словом, аллюзия может содержать информацию целого предложения.

Мы изучили реализацию интертекстуальности посредством аллюзий в англоязычном и франкоязычном песенном рок-дискурсе, взяв в качестве материала 200 текстов рок-песен на английском и французском языках, которые были написаны в период с 2000 по 2015 гг. включительно и входят в списки хитов, рок-чартов или удостоены музыкальных наград: Alternative Songs (Billboard), Les 100 Disques Essentiels Du Rock Français (Rolling Stone, 2010), UK Rock Chart, Canadian Rock Chart и т. д. Так как в данной работе мы исследуем только песни, признанные популярными и коммерчески успешными, мы определяем, является ли использование аллюзий продуктивным при написании популярных рок-песен.

Говоря об англоязычных исполнителях, невозможно не упомянуть британскую инди-рок группу «Arctic Monkeys»: практически в каждой песне коллектив использует аллюзии.

К примеру, в песне «Arabella» Алекс Тернер, автор песен коллектива, описывает купальник героини своего повествования аллюзией «a Barbarella swimsuit», а кольцо на мизинце – «Helter Skelter»:

*Arabella's got some interstellar gatorskin boots
And a **Helter Skelter** 'round her little finger and
I ride it endlessly*

*She's got a **Barbarella** silver swimsuit
And when she needs to shelter from reality
She takes a dip in my daydreams*

В данном куплете «Barbarella» – аллюзия. Этот прием относит нас к героине одноименного франко-итальянского комедийно-фантастического фильма, которая была изо-

бражена в откровенном кожаном костюме, напоминавшем купальный.

«Helter Skelter» означает типичный для Великобритании аттракцион в виде спиральной горки, которая огибает башню, и в песне указывается на то, что форма кольца похожа на спираль, а палец сравнивается с башней.

В песне «I wanna be yours» употребляется аллюзия «Ford Cortina», которая ссылается на британский автомобиль, который пользовался исключительной популярностью в 1970-е гг.:

*I wanna be your **Ford Cortina**
I won't ever rust*

Сравнивая себя с автомобилем, автор хочет сказать, что он будет таким же практичным и будет долго служить.

В этих примерах реализуются экспрессивная, апеллятивная и референтивная функции: автор песни обращает наше внимание на культурные ориентиры (фильм «Барбарелла»), сознательно ограничивает круг потенциальных слушателей, используя аллюзии на реалии, характерные для носителей английского языка (Helter Skelter, Ford Cortina), и актуализирует имеющуюся у реципиента информацию о данных объектах.

Исследуя франкоязычный песенный рок-дискурс, следует обратить внимание на творчество группы «BB Brunes». В песне «Nico Teen Love» есть следующие строчки с аллюзиями:

*Je fais des ronds et je me marre
En pensant à ce vieux **Ronsard**
Et nous dans cent années, en cendres*

В данном контексте слово «Ronsard» подразумевает Пьера де Ронсара, знаменитого французского поэта 16 века. Куря сигарету, поэт-песенник представляет, как он со своей собеседницей тоже превратится в пепел, а его лирика останется жить.

В следующих строчках мы видим аллюзию к Бонни Паркер, сообщнице известного американского грабителя Клайда Барроу:

*Souris ma **Bonnie**,
Car jamais plus ils ne pourront nous retrouver*

Так как в песне речь идет о преступниках, автор сравнивает героиню с Бонни, потому что она во всем помогала своему другу и была с ним до конца.

Рассматривая стихи другой песни этой же группы «Britty Boy», мы видим другой пример аллюзии, на этот раз связанный не с известной личностью, а с топонимом «Soho».

*Mais une britty britty girl,
Une British venant de **Soho**
Qui met dans ses cheveux des fleurs,*

Qui se balade à vélo

Мы можем понять смысл строчек, зная, что Сохо – это главный торгово-развлекательный квартал Лондона, где находится огромное количество ночных клубов, пабов, театров, и культура процветает во всем её многообразии.

Во всех приведенных примерах мы видим реализацию референтивной функции аллюзии – слушатель воспринимает авторский текст одновременно с информацией, которая появляется у него в сознании при встрече с аллюзией. Однако следует отметить, что подобная функция аллюзии работает только в том случае, когда реципиент понимает, о чем идет речь. Следовательно, исполнители, использующие данный стилистический прием, добровольно сужают потенциальный круг своих слушателей, используя при этом и аппеллятивную функцию.

Относительно видов аллюзий, которые встретились нам в обоих дискурсах, мы можем выделить ссылки на топонимы, известных личностей, героев фильмов и литературных произведений, аттракционы, автомобили, а также аллюзии к религиозным реалиям.

Исходя из результатов нашего исследования, мы можем сделать вывод, что аллюзия не является самым распространенным стилистическим приемом в современном песенном рок-дискурсе: из общего количества произведений мы обнаружили аллюзии в 14% англоязычных и 18% франкоязычных текстов песен.

Тем не менее, интертекстуальность является неотъемлемой частью песенного дискурса, так как тексты песен отражают действительность через призму личного опыта, истории, и, конечно же, других произведений искусства. Несмотря на небольшой процент использования аллюзий, они являются необходимыми средствами интертекстуальной связи, актуализируя нужную для восприятия песни информацию.

Стоит отметить, что меньший процент использования аллюзий в англоязычном песенном дискурсе может быть связан с тем, что исполнители, выбирая язык международного общения, ориентируются на многонациональную аудиторию, которой могут быть незнакомы некоторые реалии жизни авторов песен.

В то же время, мы отмечаем, что во франкоязычном песенном дискурсе аллюзии используются чаще. Это может быть связано с тем, что французский язык не так распространен, как английский, поэтому франкоязычные исполнители, как правило, ориентируются на франкоязычную публику, в большей мере реализую аппеллятивную и фатическую функции интертекстуальных связей. В результате, франкоязычные поэты-песенники могут более свободно использовать аллюзии, свойственные их культуре.

Список литературы

1. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт // – М., 1994. – С. 375-383.
2. Олизко, Н.С. Интертекстуальность постмодернистского художественного дискурса (на материале творчества Дж. Барта). Попытка семиотико-синергетического анализа / Н.С. Олизко // Челябин. Гос. Ун-т. – Челябинск: Энциклопедия, 2007. – 158 с.
3. Почепцов, Г. Г. Теория коммуникации / Г.Г. Почепцов // Наука Интернет Россия – URL: http://www.nir.ru/socio/articles/poch.htm#_Toc522038252
4. Родионова, Е.В. Культурология. XX век. Энциклопедия/ Е.В. Родионова//Академик – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture.
5. Якобсон, Р.О. Лингвистика и поэтика./ Якобсон Р.О.// Структурализм «за» и «против». М., 1975. С. 193-230.

Б. Д. Ныгметова*Павлодарский государственный педагогический институт
(Павлодар, Казахстан)***ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ МЕТАФОРЫ
В МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ****PRAGMATIC FUNCTIONS OF METAPHOR
IN THE METEOROLOGICAL DISCOURSE**

В данной статье рассматривается способ исследования прагматических особенностей языковых единиц. Объектом исследования является метеорологическая метафора в текстах метеопрогнозов. В статье раскрываются прагматические особенности функционирования метеорологической метафоры в современном языке средств массовой информации.

A way to study pragmatic features of linguistic units is presented in this work. The object of research is a meteorological metaphor in weather forecast texts. The article investigates pragmatic peculiarities of a meteorological metaphor functioning in present-day language of mass media.

Ключевые слова: метеорологическая метафора, дискурс, прагматическая функция, метафорическая модель, эмоциональное воздействие.

Keywords: meteorological metaphor, discourse, pragmatic function, metaphorical model, emotional impact.

Для более полного понимания специфики метафорического моделирования в сфере метеорологии необходимо рассмотреть функции метеорологической метафоры, попытаться определить, почему синоптики-комментаторы так часто используют образную номинацию, почему предпочтение отдается определенным сферам-источникам, в какой мере метафора способна участвовать в развитии социального самосознания.

Рассматривая функции метафорического моделирования, мы обратили внимание на тот факт, что использование новых слов по уже существующим моделям часто создает в тексте оптимальное соотношение стандарта (использование модели), экспрессии (различные виды оживления метафоры), привлекает внимание адресата к способу выражения мысли, которая воспринимается как более яркая и значимая.

На современном этапе развития лингвистики значительное внимание уделяют исследованию прагматических аспектов функционирования языка [3; 8; 10 и т. д.]. Анализ литературы по данной проблеме свидетельствует о прямой связи прагматики с семантикой и грамматикой. Исходя из понимания Ф. Кифера, «описание прагматики предваряется описанием семантики, а поскольку описание семантики предваряется описанием синтаксиса, то и прагматика тем самым опирается на синтаксис» [6. С. 333].

Считаем, что определенный интерес может вызвать прагматический аспект метеорологической метафоры, в частности, в связи с ее возможной экспрессивностью. Категория экспрессивности выражается в усилении выразительности, изобразительности, увеличении силы воздействия сказанного, то есть в том, что делает речь более яркой, впечатляющей. Перечисленные качества речи наблюдаются и в метеорологических сообщениях.

При рассмотрении прагматического аспекта в сфере метеорологической метафоры мы решаем такие задачи, как выявление связей между употреблением определенных метафор в процессе общения и теми ситуациями, в которых эти языковые единицы используются, выявление возможных правил и норм для типичных случаев исследуемой сферы практического общения.

Разнообразие языковых средств, их взаимодействие в целях создания общей прагматической установки текста обуславливают тот факт, что использование только семантического анализа недостаточно для всестороннего и адекватного понимания лингвистических особенностей метеорологической метафоры. Вследствие этого прагматический анализ оказывается просто необходим, он задает совершенно другой уровень глубины в исследовании языковых фактов.

Вопрос о прагматическом исследовании языка волновал не одно поколение лингвистов. Прагматика – это новая область лингвистических исследований, изучающая внеязыковое значение выражения в определенных речевых ситуациях, это «отношения между выражениями, объектами, с которыми семантически связаны эти выражения, и теми ситуациями, в которых они используются» [4. С. 15]. Кроме того, прагматика, как и семантика, исследует значение выражения, но исследует понимаемое и передаваемое собеседниками значение в определенной речевой ситуации.

При передаче метеорологических сообщений наблюдается отсутствие оперативной обратной связи, что лишает журналистов, комментаторов возможности учесть реакцию аудитории, следовательно, воздействие на массовую аудиторию должно опираться на заранее сформированные установки восприятия сообщения. Язык средств массовой информации (СМИ) характеризуется повышенным использованием изобразительных средств для выражения экспрессивности и оценки. Употребление в метеорологических сообщениях метафорических высказываний является для слушающих сигналом принадлежности к данному обществу, связи с его культурой и т. д. Метафоры из разных областей-источников иногда используются журналистами не в своей оригинальной форме. Лишь в результате обработки, структурных изменений метафор комментатор может придать своей информации экспрессивность, например:

*«Снегопад на юго-западе страны сдает свои позиции, однако на север **надвигается** ураган, **наступление** которого может повлечь за собой жертвы и разрушения»* (ТК НТВ, Прогноз погоды, 25.11.06), где слушающий получает информацию о прекращении снегопада (*сдавать свои позиции*), предупреждение об опасности для жизни (*надвигается, наступление*). В данном случае наблюдается перенос знаний из области-источника «война» в область-мишень «погодное явление».

Использование привычной метафоры закрепляет ее за конкретной речевой ситуацией, повышает выразительность метеорологического сообщения, придает ему новые смысловые оттенки. При этом главная задача – понимание текста – достигается путем актуализации уже известных семантических полей. В этом случае важной оказывается не сама метафора, а ее функция, заключающаяся в процессе узнавания, когда слушающий / читатель воспринимает сообщение как нечто знакомое.

В приведенных примерах нашел свое отражение первый уровень прагматических возможностей языковых средств, когда скрытые возможности языка используются говорящим для того, чтобы навязать слушающему определенное представление о действительности, отношение к ней, эмоциональную реакцию или намерение. Эффективное же воздействие метеорологических сообщений, передаваемых посредством СМИ, напрямую зависит от второго уровня прагматического аспекта: выбора языковых средств, позволяющих извлечение дополнительной информации из метеопрогноза с учетом контекста, фоновых и прагматических знаний.

Из вышеизложенного следует, что наряду с семантическим анализом для всестороннего понимания языковых особенностей метеорологической метафоры необходимым представляется выделение прагматического аспекта ее использования. Это позволяет рассматривать речевую коммуникацию в аспекте общей стратегии (с точки зрения цели) и конкретной тактики (с точки зрения способа ее достижения). Таким образом, мы признаем, что речевая коммуникация представляет собой стратегический процесс, основой которого является выбор оптимальных языковых ресурсов. Передача сообщений в процессе коммуникации при этом может быть рассмотрена как серия решений говорящего.

В когнитивистике значение высказывания определяется, прежде всего, способом «ментального конструирования» говорящим той или иной ситуации, а эти способы в метафорических и неметафорических высказываниях принципиально различны. Сила метафоры в эффекте балансирования между сказанным и несказанным, между определенностью и неопределенностью, в известной условности и вместе с тем в прагматической значимости метафорической концептуализации мира. В прагматическом аспекте метафора является мощным средством формирования у адресата необходимого говорящему эмоционального состояния и мировосприятия, она позволяет трансформировать представления адресата об окружающей действительности. Например, ассоциируя погоду с военным образом, люди переносят на нее традиционное для них негативное восприятие «войны-разрушительницы», несущей много лишений и горя всему человечеству, либо «войны-командира», обладающей огромной властью.

Мы полагаем необходимым ввести теоретически значимое для нашего исследования

понятие «метеорологическая метафора» и определить его научные признаки. Термин «метеорологическая метафора» мы встретили в работах российского исследователя Ю. А. Ольховиковой [9]. Однако хотелось бы подчеркнуть тот факт, что ею рассматривается метеорологическая метафора как сфера-источник метафорического моделирования политической действительности. Мы считаем возможным использовать сочетание «метеорологическая метафора» в терминологическом смысле по аналогии с сочетанием «политическая метафора» (А. П. Чудинов), «медицинская метафора» (О. С. Зубкова), «спортивная метафора» (Дж. Лакофф, М. Джонсон), в которых прилагательное называет область-мишень. Мы предлагаем следующее определение **метеорологической метафоры**: это концептуальная метафора, в основе которой лежит когнитивный механизм переноса человеком знаний из разных областей-источников на сферу знаний о погоде и различных погодных явлениях, иными словами, это метафора, в которой областью-мишенью является погода.

Для нашего исследования важно также определение термина «метеорологический дискурс». В 60-70-ые годы дискурс понимался преимущественно как связанная последовательность предложений или речевых актов, что сближало его с термином «текст». Однако в современной лингвистике понятия дискурса и текста разграничиваются по нескольким параметрам: категория дискурса относится к области лингво-социального (значимым является лингвистический и экстралингвистический контекст), а текст относится к области лингвистического.

В концепции Ю. Н. Караулова и В. В. Петрова: дискурс — это «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [5. С. 8]. Ср. определения Н. Д. Арутюновой: дискурс — это «текст в событийном аспекте», «речь, погруженная в жизнь» [2. С. 137]. В состав дискурса включают также множество текстов, которые взаимодействуют в сознании автора и адресата при создании и восприятии соответствующего текста.

Свое определение дискурса вводит и казахстанский исследователь В. С. Ли: «Включение в понятие дискурса категорий социально-психологического характера, связанных со “взаимодействием людей”, с миром их ментальной деятельности, свидетельствует о естественном

сближении дискурсивной теории и антропоцентрической парадигмы языка, поскольку дискурс — это целенаправленное коммуникативное действие говорящего субъекта, мировидение и миропонимание которого проявляется именно в дискурсивной деятельности. Поэтому исследование дискурса предполагает включение в его предметно-содержательную область личности автора дискурса, то есть дискурсивной личности» [7. С. 87–88]. При этом Г. Ю. Аманбаева определяет «внутренние рычаги порождения дискурса» в зависимости от его автора: «интенциональные мотивации, личностные концептосферы обуславливают интерпретацию дискурса как модуса отражения авторского сознания, складывающегося на основе общечеловеческих констант, национальных и индивидуальных переменных. В данном ракурсе конструируются метаописания, отражающие образы языка как “пространства и дома духа”, элиминирующие духовный, ментальный, личностный механизмы дискурсии» [1. С. 14].

Итак, мы принимаем следующее рабочее определение: **метеорологический дискурс** — это сложное коммуникативное явление, включающее, с одной стороны, совокупность всех речевых актов, представляющих процесс коммуникации, а с другой — всю сумму знаний об окружающей реальности, необходимую для понимания указанных речевых актов, так называемый социальный контекст коммуникации, характеризующий ее участников, процессы продуцирования и восприятия речи с учетом фоновых знаний.

В нашей работе используется предложенное А. П. Чудиновым понятие **прагматического потенциала метафорической модели** — возможности типового эмоционального воздействия на адресата [11].

Под прагматическим потенциалом метафорических моделей мы понимаем, во-первых (в узком смысле), возможность соответствующих данной модели метафорических выражений оказывать эмоциональное воздействие на адресата: призывать к определенным действиям, провоцировать определенное состояние и т. д.; во-вторых, способность негативной оценки характеризуемого метафорой предмета речи, повышать его значимость в глазах адресата; в-третьих (в широком смысле), тенденцию к моделированию соответствующего образа реальности (в нашем случае складывающейся в определенный период метеорологической ситуации).

Каждая метафорическая модель обладает определенным прагматическим потенциалом – возможностью типового эмоционального воздействия на адресата. При использовании метафорических образов в сознании адресата формируются типовые прагматические смыслы. Прагматический потенциал метафорической модели может быть различным. Например, у метафорической модели *[война]* → *[погода]* часто формируется негативный, а порой и агрессивный потенциал, при употреблении М-модели *[театр]* → *[погода]* наблюдается сатирический потенциал и т. д.

Итак, одной из важнейших функций метафорического моделирования в метеорологическом дискурсе является прагматическая функция – воздействие на адресата, формирование у него необходимого говорящему мировосприятия. Возможность типового эмоционального воздействия на адресата метафорическими высказываниями составляет прагматический потенциал метафорической модели, который может быть различным (положительным, сатирическим, агрессивным и др.)

Список литературы

1. Аманбаева, Г. Ю. Дискурсивное направление и современная лингвистическая методология / Г. Ю. Аманбаева // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. – Санкт-Петербург, 30.06 – 5.07.2003. Русский текст и русский дискурс сегодня / Под ред. В. П. Казакова, Н. О. Рогожиной, Е. Е. Юркова. – СПб.: Политехника, 2003. – С. 9–17.
2. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137.

3. Будаев, Э. В. «Могут ли метафоры убивать? Прагматический аспект политической метафорики» / Э. В. Будаев // Политическая лингвистика. – Вып. 20. – Екатеринбург, 2006. – С. 67–74.

4. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. / О. С. Иссерс – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 284 с.

5. Караулов, Ю. Н. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса. / Ю. Караулов, В. Петров. // Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1989. – С. 5–11.

6. Кифер, Ф. О роли прагматики в лингвистическом описании / Ф. О. Кифер // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М., Прогресс, 1985. – 333 с.

7. Ли, В. С. Парадигмы знания в современной лингвистике. / В. С. Ли – Алматы: КазНУ, 2003. – С. 87–88.

8. Немец, Г. П. О прагматике модальности полипредложного / Г. Немец, Л. Байкова // Прагматика и текстуальные характеристики предикативных и коммуникативных единиц. Сб. научн. трудов. – Краснодар, 1987. – С. 13–18.

9. Ольховикова, Ю. А. Концепт «ветер» как средство метафорического моделирования политической действительности в печатных СМИ Германии и США / Ю. А. Ольховикова // Известия Уральского государственного университета. – 2007. – № 50. – С. 116–122.

10. Почепцов, О. Г. Языковая ментальность: способ представления мира / О. Г. Почепцов // Вопросы языкознания. – № 6. – 1990.

11. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000) / А. П. Чудинов – Екатеринбург, 2001.

О. Д. Пастухова

*Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)*

ОТ ЭВФЕМИЗМА К ДИСФЕМИЗМУ

FROM EUPHEMISM TO DYSPHEMISM

В статье обсуждается проблема разграничения эвфемизмов и дисфемизмов, а также процесс перехода некоторых эвфемизмов в категорию дисфемизмов. Рассматривает-

ся вопрос о разграничении этих понятий разными исследователями. Описывается речевой акт дисфемизм и его примерный словесный материал.

The paper studies the topic of the difficulty in differentiating euphemisms from dysphemisms, as well as the process of transition of some euphemisms into dysphemisms. It also considers opinions of different scientists about the question of differentiation of these notions. Speech act of dysphemism and its verbal material are described.

Ключевые слова: дисфемизм, эвфемизм, речевой акт, брань, вульгарная лексика.

Keywords: dysphemism, euphemism, speech act, abusive language, vulgar vocabulary.

Дисфемизмы в английском языке, в отличие от эвфемизмов, изучены недостаточно. Это можно объяснить тем, что понятие эвфемизм возникло намного раньше, чем понятие дисфемизм. Причина этому может быть многовековая тенденция общества к вежливой речи. В то время как явление дисфемии не представляло особого интереса, как для общества, так и для ученых. Но дисфемия тоже имеет глубокие корни и датируется далеко в прошлом [1. С. 156].

Дисфемизм (от греч. dyshemia – «дурнословие») понимается как грубые слова или выражения, которые являются для собеседника слишком резкими, неприятными и поэтому могут сформировать негативный коммуникационный акт.

Дисфемизмы относятся к эмоционально настраивающим тактикам, которые разъединяют собеседников, т.е. дисфемизмы являются словесным оружием для осуществления негативного, отрицательного общения [5. С. 103]. По своей иллюкативной силе речевыми актами дисфемизмы противостоят эвфемизмам. Значение дисфемизмов в речевом акте это сознательно грубая речь, что ведет к другому речевому акту – брани. В свою очередь брань может привести к выражению негативной оценки чего-либо или кого-либо; выражению недовольства, возмущения по поводу кого-либо или чего-либо.

В речевом акте дисфемизм ведущим словесным набором является бранная лексика или различные ругательства. «Ругательства, понимаемые в широком смысле как бранные выражения, могут иметь различные формы: от детских дразнилок-обзывалок до оскорблений и формул проклятия. Но все они обычно выражают неприятие, отторжение или желание задеть, унижить, в их основе лежит отрицательная оценка партнера по общению. Она и составляет область общения» [8. С. 221].

К словесному материалу таких речевых актов относятся:

– прямые и образно-эмоциональные оскорбительные характеристики человека (such a pig you are);

– грубо-просторечные именованья анатомии и физиологии человека, его сексуальной жизни;

– уничижительная оценка разных аспектов поведения, деятельности и состояния человека;

– негативные оценочные номинации ситуаций, а также формулы негативных пожеланий.

Значительное место в этой области занимает обценная нецензурная лексика и нецензурная фразеология, принадлежащая, по Ю.М. Лотману, миру антикультуры.

Парадоксально, но многие грубые слова и выражения (дисфемизмы) это бывшие эвфемизмы, которые были приравнены к табуированной лексике в древности, а затем преднамеренно смягченные в народе при описании сакральных тем, таких как болезнь, сексуальные отношения, смерть и другие [6. С. 17].

Действительно, многие дисфемизмы являются бывшими эвфемизмами, которые с течением времени утратили свойство эвфемизировать неприятное, так как в какой-то момент начали резать слух своей неожиданно появившейся в них ясностью, точностью при описании каких-либо деликатных для обсуждения тем.

Возможно, бывший эвфемизм, превратившийся в дисфемизм, в речи говорящего на просторечии может служить своеобразным промежуточным соединительным элементом между грубым, бранным и нейтральным изречением, т.е. выполнить смягчительную функцию речи. Кроме того, многие исследователи, в частности Т.Л. Павленко, А.М. Кацев, продолжают причислять бывшие эвфемизмы к классу эвфемизмов потому только, что они таковыми являлись в прошлом. Так, А.М. Кацев четко разделяет границу между эвфемизмами и дисфемизмами. Он говорит «дисфемизм не есть эвфемизм сниженного стиля. Дисфемизм является анти-

подом, а не разновидностью эвфемизма. Дисфемизм противоположен эвфемизму, но не в стилистическом, а в ассоциативно-денотативном плане» [2. С. 154].

Для определения границ современного эвфемизма и дисфемизма необходимо обратиться к точке опоры – к речевому акту.

Несмотря на возможное использование конкретным говорящим грубого слова в качестве эвфемизма, отметим, что, как правило, грубые слова и выражения (грубые в большей или меньшей степени) используются для выполнения свойственной им цели – сделать речь грубой; доказательством тому служит то, что речевому акту огрубления сопутствует речевой акт брани, ссоры и т.д.

В этом видится главное отличие дисфемизма от эвфемизма.

Рассмотрение дисфемизмов не в системе речевого акта вызывает многочисленные ошибки или сомнения у исследователей – причислять данное выражение к дисфемизмам, считать ли его вульгаризмом, «выражением грубой отрицательной оценки» [7. С. 7].

Так, Е.П. Сеничкина «эвфемизмы просторечной лексики», как она их называет, пытается отграничить от образных выражений типа залить глаза, нажраться в значении опьянеть, причисляемых ею к вульгаризмам. Исследователем делается заявление: «Среди вульгаризмов нет эвфемизмов, вульгаризмы – это слова и сочетания слов с яркой отрицательной оценкой <...> Употребляя подобное сочетание или слово, говорящий не смягчает, а огрубляет свою речь, высказывание» [7. С. 9].

Таким образом, только идентификация речевого акта позволяет понять, что перед нами эвфемизм или дисфемизм, в зависимости от того, чем представлен словесный материал вульгарной лексикой или фразеологией.

Другими словами надо учитывать, говорящий совершает акт дисфемизм, речевой акт брань или и то, и другое; или он использует грубую, с точки зрения носителя литературного языка, лексику, но не с целью огрубления речи, а для того, чтобы просто назвать что-то.

Л.П. Крысин справедливо отмечает, насколько существен социальный фактор. Он пишет: «<...> в разной социальной среде – неодинаковое представление о том, что «прилично» и «неприлично» и, соответственно, о том, что может именоваться прямо, а что должно получить «вуалирующее», эвфемистические обозначения. В этом смысле весьма примечательны различия между носителями литера-

турного языка, с одной стороны, и, с другой, людьми, использующими в качестве основного или единственного средства местный диалект, городское просторечие, социальный жаргон и какие-либо еще некодифицированные подсистемы национального языка <...> носители этих подсистем склонны <...> употреблять общенную лексику как в ее экспрессивной, так и в номинативной функции. Однако неверно было бы считать, что в этой социальной среде нет потребности в эвфемизации речи» [4. С. 283].

Итак, с помощью вульгарной, бранной, на взгляд носителя литературного языка, лексики носитель, например, городского просторечия способен указать на что-либо, и высказать шуточно по поводу чего-либо, а также выразить негативные или позитивные эмоции. Более того, отметим, что замена лексического материала в разных ситуациях общения характерна в первую очередь носителям литературного языка, которые способны объединить в речи, как термины, так и арг, как просторечие и торжественную лексику.

Как отмечает М.Л. Кошова: «Нелитературная лексика в речевом акте дисфемизм в сочетании с другим речевым актом брань, к которому примешиваются, в свою очередь, выражение различных эмоций – обиды, жалости, раздражения, досады, негодования и т.д.:

брань в отношении себя: не прямая, поскольку смягчена сравнением: «Я хрячу на этот проклятый кооператив, *как ишак*»;

брань в отношении кого-л.:

– в прямой форме; о тебе: «*Прохиндейка!* Я еще проверю, чего ты здесь *околачиваешься!*»

– о тебе; не прямая, поскольку смягчена сравнением: « – Что ты повторяешь все, как *осел*, одно и то же!»

– о нем: «Там поголовно сняты все *идиоты* (о лицах на фотографиях)»

брань в отношении чего-л.:

– в прямой форме: «Не квартира, а *черт знает что!*»;

– в косвенной форме: «Я хрячу на этот *проклятый* кооператив, как ишак, сижу ночами над этой *долбанной* работой!»;

– в форме ругательного пожелания: « – *На, выкуси*, музыка!»;

– в форме проклятия: «Чтоб она сдохла ... (о дополнительной работе)»» [3. С. 265].

Исходя из всего многообразия внелитературной лексики в речи, необходимо, на наш взгляд, различать вульгаризмы и дисфемизмы, как явления различной природы:

1. первые принадлежат системе лексиче-

ских средств языка, вторые – систем речевых актов;

2. вульгаризмы могут осуществлять как дисфемистическую, обычную для них функцию, но могут и другие функции – это зависит от пропозициональной установки субъекта речи, степени кооперативности его собеседника, речевой ситуации в целом.

Таким образом, основная характеристика дисфемизмов в качестве речевых актов это преднамеренная грубость речевого акта. Иллокутивная составляющая речевых актов дисфемизмов прямо противопоставлена содержанию речевым актам эвфемизмы, которые направлены на сознательное смягчение речи. Как эвфемизмы, так и дисфемизмы противоположны по функциям и оказывают прямо противоположное воздействие на носителя языка. Для речевого акта эвфемизм характерно сочувственное, вежливое, тактичное поведение, в то время как для речевого акта дисфемизм характерно поведение бестактное, невежливое и агрессивное.

Список литературы

1. Кацев, А. М. Эвфемизмы и просторечие. Семантический аспект / А. М. Кацев. – СПб.: Библиогр., 1991. – С. 256.

2. Кацев, А. М. Языковое табу и эвфемия / А. М. Кацев. – Л.: Ленингр. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена, 1988. – 75 с.

3. Ковшова, М. Л. Культурная интерпретация в процедурном изложении / М. Л. Ковшова // Проблемы семантического исследования языковых единиц : Доклады VI Международной конференции. Т.1. – М., 1998. – С. 264-266.

4. Крысин, Л. П. Из истории употребления слов / Л.П. Крысин. Русское слово, свое и чужое. – М.: Русистика, 1990. – С. 262–286 .

5. Крысин, Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи / Л.П. Крысин. – М.: Русистика, 1990. – 198 с.

6. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – М.: Языки русской культуры, 1999.

7. Сеничкина, Е. П. Эвфемизмы русского языка: спецкурс / Е. П. Сеничкина. – М.: Высшая школа, 2006. – С. 5–10.

8. Федорова, Л. Л. Прямое выражение агрессии в речевом общении / Л. Л. Федорова // Агрессия в языке и речи. – М., 2004. – С. 219–232.

Ю. И. Плахотная

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

МЕТОДЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ ДИСКУРСА

METHODS OF MODELLING OF DISCOURSE

В статье рассматривается моделирование как метод изучения различных видов коммуникации, нацеленный на выяснение способов функционирования объектов и их свойств при помощи построения моделей этих объектов. Актуальность исследования заключается в необходимости изучения коммуникации в целом и дискурса в частности посредством создания моделей, которые должны воссоздавать не только систему коммуникации, но и процессы речемыслительной деятельности человека в конкретной ситуации. В статье рассматривается прикладное значение моделирования как способа создания моделей искусственного интеллекта.

The article examines modelling as a method of studying different kinds of communication aimed at the clarification of means of object functioning and its characteristics, building the models of these objects. The urgency of the study is in the necessity of communication analysis in general and discourse in particular by creating the models, which must reconstruct not only the system of communication, but also the speech processes and cognitive activities of a human in a particular situation. In the article we study the applied meaning of modelling as the method of creating artificial intelligence.

Ключевые слова: моделирование, модель, дискурс, коммуникация.

Keywords: modelling, model, discourse, communication.

Метод моделирования используется в науке как процесс создания модели, отражающей элементы структуры объекта и их взаимосвязь. В лингвистической науке метод моделирования предназначен для изучения определённых объектов, представляющих собой сложные иерархические системы, такие как язык или коммуникация. По определению Е. П. Сосниной, «модель в лингвистике – это формализованная структура или описание с фиксированным метаязыком, служащая образцом для исследования порождаемого языка, анализа его характеристик и функций» [4. С. 37]. Таким образом, моделирование – это процесс познания объектов, а модель – это некоторый абстрактный объект, структурно и информационно соответствующий исследуемому объекту и способный его замещать на разных этапах познания.

В лингвистике было создано большое количество моделей коммуникации, таких как литературная модель В. Шкловского, театральная модель Н. Евреинова, фольклорная модель В. Проппа, культурологическая модель М. Бахтина, семиотическая модель Р. Якобсона, прагматическая модель Ч. Морриса, нарративная модель Ц. Тодорова, социологическая модель П. Бурдьё, прагматическая модель П. Грайса, философская модель М. Фуко.

Модели коммуникации строятся, исходя из целей и задач, которые стоят перед исследователем и представляют собой схемы, описывающие процесс коммуникации от отправителя сообщения к его получателю. Под коммуникацией ученые понимают кодовый процесс передачи и восприятия информации в условиях межличностного общения по различным каналам с помощью коммуникативных (вербальных и невербальных) средств. Большинство моделей коммуникации строится на основе определенных факторов, которые создают форму и содержание коммуникации: 1. Фактор коммуникатора представляет задачи и цели. 2. Фактор целевой аудитории определяет интересы адресата. 3. Фактор канала коммуникации задает стандарты данного канала. 4. Сообщение содержит информацию [5. С. 39–40]. Так, например, семиотическая модель Р. Якобсона основана на его представлении речевой коммуникации в виде следующих шести факторов (адресант, адресат, контакт, код, сообщение, контекст), каждому из которых соответствует

особая функция языка [7. С. 198]: эмотивная (экспрессивная) функция связана с адресантом и имеет целью выражение его отношения к тому, что он говорит; конативная функция отражает ориентацию на адресата и выражает непосредственное воздействие на собеседника; фатическая функция ориентирована на контакт, для нее важна не передача информации, а поддержание контакта; метаязыковая функция связана с кодом; поэтическая функция направлена на сообщение, для нее характерно большее внимание к форме, чем к содержанию сообщения; референтивная (денотативная, когнитивная) функция сориентирована на контекст и представляет собой отсылку на объект, о котором идет речь в сообщении [5. С. 56].

К. Шеннон и его коллега У. Уивер в 1949 г. в своей книге «Математическая теория коммуникации» изложили пять составляющих процесса коммуникации: 1) источник; 2) послание; 3) преобразователь сигнала (кодирование и декодирование информации); 4) получатель сигнала; 5) цель. При этом ученые допускают тот факт, что информация не всегда доходит до адресата в том же виде, в каком она была послана адресантом в силу наличия определенных помех (технических, семантических или психологических).

В 1954 году У. Шрамм и Ч. Осгуд предложили круговую («циркулирующую») модель коммуникативного процесса, в котором отправитель и получатель сообщения постоянно меняются ролями: отправитель кодирует сообщение, которое затем декодируется получателем. Данная модель демонстрирует проблему взаимопонимания коммуникантов. Но если в процессе коммуникации, согласно данным моделям происходит кодирование и декодирование речи, то эти процессы можно разложить далее на более тонкие когнитивные процессы, такие как память, внимание, восприятие, мышление, которые протекают за доли секунды, пока информация поступает адресату или пока он собирается произвести ответную реплику. Таким образом, весь процесс коммуникации можно назвать когнитивным, так как он основан на постоянном чередовании работы когнитивных функций.

Моделирование учеными политической коммуникации привнесло новые элементы в модель общей коммуникации. Начало иссле-

дованию политической коммуникации положил американский политолог Г. Лассуэлл, который описал основные элементы и их последовательность в акте коммуникации. Линейная или «бихевиористская» модель Г. Лассуэлла первоначально состояла из пяти компонентов (вопросов): 1. Кто говорит? – коммуникатор. 2. Что говорит? – анализ содержания сообщений. 3. Кому? – анализ аудитории. 4. По какому каналу? – анализ средства. 5. С каким эффектом? – анализ результата. Р. Брэддок дополнил данную модель двумя важными вопросами: при каких обстоятельствах и с какой целью направляется данное сообщение. Согласно данной модели коммуникация предполагает процесс убеждения.

В области политической коммуникации также были созданы модели: Г. Алмонд, К. Дойч, Ж.-М. Коттре и К. Сайнне, Й. Бордвика и Б. ван Кама, Б. Макнэйр, Р.Ж. Шварценберг. В своей модели Ж.М. Коттре акцентирует внимание на том, что обмен политической информацией между управляющими и управляемыми регулируется посредством выборов и референдума. В модели К. Сайнне отражается взаимоотношения между разными членами общества: элита, занимающая главенствующее положение в политической коммуникации, и осуществляющая свою власть через бюрократию, передаёт массам информацию, которая укрепляла бы ее собственную легитимность.

Данные модели демонстрируют важный вывод, который заключается в том, что коммуникация нацелена не только на обмен информацией между реципиентами, но и их воздействие друг на друга с целью подтолкнуть к совершению определённых действий. В качестве одной из базовых составляющих воздействия должна стать опора на когнитивную модель мира, на способы обработки информации человеком, на способы форматирования этой информации. Здесь на первое место выходят категории фрейма, сценария и стереотипа, которые были рассмотрены в работе Р. Шенка [6. С. 542].

Коммуникация в различных сферах деятельности общества порождает определённый набор правил для её осуществления, что приводит к образованию определённых видов дискурсов, таких как политический, юридический, религиозный, медицинский и другие. Человек, владеющий речью, должен одновременно владеть набором принятых в данной структуре типов дискурсов, поскольку в каждом из них существует свой вариант коммуникативного поведения [5. С. 34]. В современной линг-

вистике термин «дискурс» имеет различные трактовки. Так, по определению Т. А. ван Дейка, дискурс – это сложное единство языковой формы, значения и действия, соответствующее понятию «коммуникативное событие», которое происходит между говорящим и слушающим в процессе речевого или письменного коммуникативного действия в определенном временном или пространственном контексте. При этом термином дискурс обозначается завершённый или продолжающийся, письменный или речевой “продукт” коммуникативного действия [2. С. 46, 115].

В рамках коммуникативно-деятельностного подхода термин «дискурс» употребляется для описания языковой коммуникации, в фокусе которой находится субъект общения и связанные с ним коммуникативно-прагматические, когнитивные и другие параметры, актуализируемые в процессе речевой деятельности. Коммуникативно-деятельностный подход к дискурсу предполагает, что в процессе речевого общения (как устного, так и письменного) участники коммуникации совершают в отношении друг друга определённые коммуникативные действия. Речевое воздействие может происходить односторонне – от адресанта к адресату, а может быть обратимым, то есть направленным коммуникантами друг на друга. Например, одностороннее воздействие в коммуникации можно наблюдать в педагогическом дискурсе, или в ситуации общения родителя с ребёнком, когда взрослый пытается воспитывать или обучить ребёнка чему-либо. Одностороннее воздействие присутствует в медиадискурсе, на митинге или других агитационных или предвыборных мероприятиях, когда представители власти или медиа пытаются воздействовать на своих реципиентов. Двустороннее воздействие наблюдается в различных видах дискуссий, споров, судебных и иных заседаниях, то есть в политическом, юридическом и других видах дискурса.

В процессе моделирования необходимо различать коммуникацию как равноправный обмен мнениями между коммуникантами. Равноправный обмен мнениями может происходить в таких ситуациях, как разговор двух друзей о новостях, или обмен мнениями на научных конференциях, разговор на приемах гостей (официальных или неофициальных), то есть в тех ситуациях, когда прямое воздействие на адресата отсутствует или нивелировано.

Кроме этого, для моделирования коммуникации или дискурса важно учитывать когни-

тивные особенности коммуникантов. Как утверждает Е. С. Кубрякова, «по своей сути дискурс – явление когнитивное, т.е. имеющее дело с передачей знаний, с оперированием знаниями особого рода, с созданием новых знаний» [3. С. 7–25]. Основными когнитивными процессами, обеспечивающими познание внешнего мира, являются ощущения, восприятие, внимание, память, воображение и мышление, которые являются процессами субъективного отражения действительности, а также связанные с ними процессы кодирования и декодирования речи. По словам А. А. Бодалёва, когнитивные процессы актуализируются в ходе общения и обслуживают его [1. С. 198]. Также для построения модели дискурса мы предлагаем учитывать такие социальные факторы адресатов, как мнения и установки, их этнический, возрастной и социальный статусы.

Анализ концепций Н. Д. Арутюновой, В. В. Богданова, И. П. Сусова и других ученых, отражающих положения прагмалингвистики и социалингвистики, позволяет выделить в сфере дискурса следующие составляющие: 1) участников общения (личности коммуникантов); 2) условия общения (время и место); 3) организацию общения (мотивы, цели, тактики и стратегии); 4) способы общения (правила и конвенции речевого поведения, принятые в данном обществе; коммуникативные принципы вежливости и кооперации; манеры речи); 5) прагматические пресуппозиции: оценка говорящим общего фонда знаний, уровня информированности собеседника, его интересов, мнений и взглядов, психологического и биологического состояния, особенностей характера и интеллектуальных способностей.

Исходя из этого, мы представляем модель коммуникации как линейную схему, включающую следующие составляющие: 1) адресанта с его когнитивными и другими особенностями, 2) кодирующее устройство, включающее различные когнитивные процессы, 3) сообщение, содержащее определенную информацию, 4) декодирующее устройство с набором когнитивных процессов, 5) адресата, 6) речевое воздействие, 7) действие, вызванное речевым воздействием.

Таким образом, проблема моделирования коммуникации или дискурса связана с определением вида дискурса и его структурных

особенностей, выделением его составляющих и установлением их последовательностей в процессе коммуникации. В определении роли речевого воздействия и целей дискурса мы усматриваем прагматический аспект моделирования. В установлении механизмов речевого воздействия и инструментов формирования картины мира реципиента мы видим когнитивный аспект моделирования коммуникации. К проблемам в создании моделей коммуникации можно отнести проблемы кодирования и декодирования информации. Проблема моделирования речевой коммуникации связана с проблемой кодирования и декодирования информации и отражения этих процессов в моделях мышления и поведения человека. Проблема моделирования знаний, которые используются в коммуникации, решается на пути создания искусственного интеллекта в прикладной лингвистике.

Список литературы

1. Бодалёв, А. А., Ковалёв Г. А. О познавательных процессах в общении // Когнитивная психология : материалы финско-советского симпозиума / А. А. Бодалёв, Г. А. Ковалёв ; отв. ред Б. Ф. Ломов, Т. Н. Ушакова. – Москва : Наука. – 1986. – 205 с.
2. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – Москва: «Прогресс», 1989. – 310 с.
3. Кубрякова, Е. С. О понятиях дискурса и дискурсионного анализа в современной лингвистике / Е. С. Кубрякова // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональный и структурный аспекты. – Москва : ИНИОН РАН, 2000. – С. 7–25.
4. Соснина, Е. П. Введение в прикладную лингвистику: учебное пособие / Е.П. Соснина. – 2-е изд., ипр., и доп. – Ульяновск: УлГТУ, 2012. – 110 с.
5. Почепцов, Г. Г. Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. – Москва : Рефл-бук Ваклер, 2001. – 651 с.
6. Шенк, Р. Обработка концептуальной информации / Р. Шенк. – Москва, 1980.
7. Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика/ Р. Якобсон / Структурализм: «за» и «против». – Москва, 1975. – С. 197.

О. Ю. ПодъяпольскаяЧелябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)**НЕМЕЦКО- И РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ О НАЙМЕ НА РАБОТУ: СТРУКТУРА, ЯЗЫКОВЫЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ****GERMAN AND RUSSIAN EMPLOYMENT ADS: STRUCTURE, LINGUISTIC AND PRAGMATIC PECULIARITIES**

Предлагаемая статья посвящена сопоставительному исследованию типологических характеристик немецко- и русскоязычных объявлений о найме на работу. Рассматриваются общие свойства и различия текстов данного типа на структурном, лексическом, морфологическом, синтаксическом и прагматическом уровнях. Наиболее яркие различия, выявленные в ходе исследования, относятся преимущественно к содержательному уровню и позволяют сделать вывод о культурных различиях двух стран в сфере трудоустройства.

The article is devoted to the comparative research of typological characteristics of German and Russian employment ads. Common and peculiar features of this text type are discussed on the structural, lexical, morphological, syntactical and pragmatic levels. The major differences are observed mainly on the semantic level, which reveals the national cultural peculiarities in the sphere of employment.

Ключевые слова: объявление о найме на работу, структура, прагматические, языковые особенности.

Keywords: employment ad, structure, pragmatic and linguistic peculiarities.

Сопоставительное исследование немецко- и русскоязычных объявлений о найме на работу позволяет утверждать, что данный тип текста отличается достаточно универсальными и стандартизированными текстовыми характеристиками. Актуальным в данной связи становится выявление различий, обусловленных особенностями исследуемых национальных коммуникативных культур в сфере трудоустройства.

В качестве материала исследования нами были использованы тексты объявлений о найме на работу (далее – ОНР), размещенные на немецкоязычных сайтах <http://www.stellenanzeigen.de>, <http://www.jobs.de>, а также на русскоязычных сайтах <http://74.ru/job/>, www.zarplata.ru, chelyabinsk.superjob.ru.

Прежде чем описать некоторые различия, отметим общие свойства немецко- и русскоязычных ОНР. Являясь по сути рекламным текстом, ОНР призвано побудить адресата к определенному действию через представление привлекательных сторон той или иной вакансии, а также обладает высоким уровнем информативности, представляя необходимую информацию в максимально «компактном», сжатом виде. Вышеперечисленные факты определяют ряд структурных и языковых особенностей исследуемого типа текста.

Остановимся на наиболее характерных.

Прагматическая составляющая ОНР находит свое отражение прежде всего в структурных характеристиках данного типа текста. Как немецко-, так и русскоязычные ОНР четко структурированы и в большинстве случаев содержат следующие тематические блоки: 1) название должности, 2) самопрезентация работодателя (информация о компании, фирме, организации и т.п.), 3) основной блок, включающий информацию о требованиях к кандидату (личностные и профессиональные качества), условиях труда, 4) контактная информация. Данные блоки маркируются с помощью определенного набора речевых шаблонов, таких как «Условия», «Требования к соискателю», «Контактная информация», «Должностные обязанности», «Мы предлагаем», «Контактная информация», «Ihr Aufgabengebiet», «Ihr Profil», «Über uns», «Arbeitgeber», «Wir bitten Ihnen» и т.п. Архитектоника же конкретных текстов ОНР зависит от дизайна отдельных интернет-сайтов, на которых данные тексты размещены. Так на немецкоязычном сайте <http://www.stellenanzeigen.de> блок «Самопрезентация работодателя» доступен по отдельной ссылке, а на русскоязычном сайте <http://74.ru/>

job/ данный блок расположен в правой части страницы и дает краткую информацию, полную версию которой можно получить, нажав на ссылку «читать далее». На сайте же <http://www.zarplata.ru/> все основные блоки «Вакансии», «О компании», «Адреса» оформлены как отдельные вкладки, расположенные одной строкой.

Факультативным структурным элементом, наглядно демонстрирующим рекламную природу текста ОНР, является слоган, функция которого заключается в максимально компактном представлении основных принципов, которыми руководствуется компания в своей деятельности. Приведем пример слогана компании PATRIZIA Deutschland GmbH: «Wir leben Team. Wir schaffen Perspektiven. Wir geben Stabilität» ([URL: http://stellenanzeigen.de](http://stellenanzeigen.de)). Зачастую тексты содержат также логотипы компаний-работодателей.

На лексическом уровне как в немецкоязычных, так и в русскоязычных ОНР активно используются слова и обороты с положительной семантикой, что обусловлено стремлением произвести благоприятное впечатление на адресата текста и расположить его к себе через создание позитивного образа как фирмы-работодателя (блок «Самопрезентация работодателя»), так и самого кандидата на замещение вакантной должности (блок «Требования к кандидату»).

В следующем примере русскоязычного ОНР создание положительного образа компании «Ростелеком» осуществляется преимущественно с помощью выделенных нами слов и словосочетаний с положительной семантикой, среди которых следует отметить прилагательные (одно из которых используется в превосходной степени, а другое содержит интенсифицирующий компонент «*супер-*»), а также существительное «*лидер*», призванные подчеркнуть исключительный статус данной организации в соответствующем сегменте рынка. Последнее, кроме прочего, достигается за счет ссылки на мировые стандарты качества. Хотелось бы также отметить, что часть слов экспрессивна по своей природе («*масштабный*», «*мощный*», «*суперсовременный*»):

«ПАО «Ростелеком» – крупнейшая компания связи России, национальный оператор междугородной и международной электросвязи, лидер на российском рынке телекоммуникационных услуг <...>. «Ростелеком» сегодня – это мощная телекоммуникационная сеть, которая обеспечивает качественную связь,

отвечающую мировым стандартам; это реализация масштабных проектов строительства суперсовременных волоконно-оптических цифровых линий передач и создание собственной спутниковой системы связи <...>» ([URL: http://74.ru/job/vacancy/firm/156647.php](http://74.ru/job/vacancy/firm/156647.php)).

Следует также упомянуть, что в ОНР широко применяется специальная лексика, а также иностранные заимствования, ограниченные той профессиональной сферой, в рамках которой фирма-работодатель осуществляет свою деятельность. В следующем примере фирма Nigel Frank International специализируется на распространении продукции компании Microsoft. Соответственно в тексте ОНР присутствует узкопрофессиональная лексика из сферы информатики. Большей частью это англицизмы:

«Wir suchen für einen erfolgreichen Endkunden einen MS Dynamics NAV – Technischen Berater / Inhouse in Hamburg

In dieser Position sind Sie zuständig für die Betreuung und Administration des ERP-Systems Microsoft Dynamics Navision (NAV). Zudem betreuen Sie systembezogene Navision-Projekte, nehmen Anpassungsprogrammierungen vor und führen Mitarbeiterschulungen durch. Sie verfügen über eine abgeschlossene technische Ausbildung oder einen Hochschulabschluss im Bereich Informatik. Zudem haben Sie bereits Erfahrungen mit Microsoft Dynamics NAV und haben idealerweise betriebswirtschaftliche Kenntnisse» ([URL: http://http://www.jobs.de/](http://http://www.jobs.de/)).

Кроме прочего нам хотелось бы отметить, что немецкоязычные ОНР более персонифицированы, что находит свое отражение на морфологическом уровне в более активном употреблении личных местоимений. В частности – это личное местоимение 3-его лица мн. числа «Sie» (вежливая форма обращения к адресату текста), а также его притяжательная форма «Ihr» («Ваш») Использование вежливой формы оправдано общим положительным коммуникативным фоном, а также определенной дистанцированностью с адресатом: «Interessiert? Gerne können Sie uns Ihre Bewerbungsunterlagen per E-Mail, auf dem Postweg oder über unser Online-Jobportal zukommen lassen» ([URL: http://medicare.job-ag.de](http://medicare.job-ag.de)).

Русскоязычный эквивалент – местоимение «вы» – не столь употребителен, поскольку адресат русскоязычного ОНР обозначается большей частью как третье лицо – «кандидат», «соискатель». Например:

«Требование к соискателю

Желание дарить людям прекрасное. Желательно: Знание графических программ 3D, corel. Умение рисовать от руки. Коммуникативность, внимательность, аккуратность, целеустремленность. Опыт успешных продаж» (URL: <http://http://74.ru/job/vacancy/1608827.html>).

Следует отметить, что подобная форма обозначения адресата часто диктуется сайтом, на котором размещены объявления, поскольку работодателю предлагается шаблон с определенным набором рубрик, одна из которых, например, имеет фиксированное название «Требования к кандидату», что и демонстрирует последний пример. Продуцент текста, таким образом, часто ограничен в свободе языкового оформления текста.

Менее употребительным в тексте ОНР является местоимение 2-ого лица ед. числа «ты» / «du», использование которого, по нашему мнению, призвано уменьшить дистанцию между адресантом и адресатом текста и создать более доверительную атмосферу общения через имитацию диалога с каждым отдельным читателем. Данное местоимение используется преимущественно в основном блоке текстов ОНР, ориентированных на молодежную аудиторию, о чем в следующем примере свидетельствует словосочетание «deine ersten Erfahrungen» / «твой первый опыт»: «Deine ersten Erfahrungen willst du jetzt erweitern in einem top Team von hoch qualifizierten und motivierten Leuten? Dann komm zu uns ins Herzen der schönsten Stadt am Ring und starte mit uns durch nach ganz Oben!» (URL: [http://ERGOUnternehmenskommunikation GmbH & Co. KG](http://ERGOUnternehmenskommunikationGmbH&Co.KG)).

Адресант текста (работодатель) маркируется за счет использования местоимения 1 лица мн. числа «мы» / «wir», а также за счет употребления метонимии («Компания», «Кондитерская фабрика», «Торговый дом» и т.п.): «Мы хотим, чтобы новый член нашей команды имел опыт создания собственных авторских изделий» (URL: <http://Торговый дом, ООО>); «Компания «Лол» объявляет об открытии вакансии веб-дизайнера» (URL: <http://Лол, ООО>).

Прагматической установкой «предоставить максимум информации в наименьшем объеме текста» продиктованы такие явления морфологического уровня в немецкоязычных ОНР, как 1) опускание общего элемента сложного слова, 2) создание сложных слов «общего рода», 3) явление субстантивации. В русскоязычных ОНР было отмечено: 1) опускание союзов «и» / «или» 2) явление субстантивации. В данном

случае продуцент текста стремится экономить речевые усилия за счет компрессии сообщения без нарушения адекватного понимания текста и без потери полезной информации.

Несколько примеров опускания общего элемента сложного слова в немецкоязычных ОНР: «Erfolgreich abgeschlossene Berufsausbildung als Informations-/Kommunikationselektroniker» (URL: <http://Torben Brodt>); «Abgeschlossene IT-Berufsausbildung und Berufserfahrung Betriebs- und Projekterfahrung» (URL: <http://Internetauftritt WiMa-Kongress>).

«Общий род» маркируется в немецкоязычных ОНР через сокращение «m/w», («männlich» / «weiblich»), через неопределенный артикль «eine», «ein» («eine» – ж.р, «ein» – м.р) и с помощью существительных с компонентом «-mann» (Kaufmann) или «-frau» (Kauffrau): «Vertriebsassistent (m/w) im Organisationsbüro für Finanzdienstleister» (URL: <http://optimal systems GmbH>); «Zur Verstärkung unserer IT-Abteilung, Bereich Business Solution Center in der Konzernzentrale in München suchen wir eine/n SAP Inhouse Consultant – Finance» (URL: <http://Nörr, Stiefenhofer&Lutz>); «Abgeschlossene Ausbildung zum/zur Kaufmann/-frau für Versicherungen und Finanzen oder vergleichbare Ausbildung» (URL: <http://ERGO Unternehmenskommunikation GmbH & Co. KG>).

Следующие примеры демонстрируют явление компрессии текста в русскоязычных ОНР за счет опускания союзов «и», «или»: «Контроль затрат на производство; учет реализации, НДС, формирование книги покупок-продаж» (URL: <http://Постелеком, ОАО>); «Участие в проектах автоматизации на базе программ 1С – в качестве ведущего консультанта/эксперта (исследования, разработка методологии)» (URL: <http://Первый БИТ>).

Явление субстантивации в равной мере распространено как в немецко-, так и в русскоязычных ОНР в блоках, описывающих условия труда и требования к соискателю: «Erstellen von Angebotsvorschlägen» (URL: <http://Personalvermittlung Klaus-Jürgen Menschner>); «Ihre Aufgaben: Anfertigung von einfachen, maßstabsgerechten Ausführungs- und Detailzeichnungen mit Hilfe von CAD-Software sowie die Erstellung von Bauzeichnungen für die Bauplanung und Ausführung» (URL: <http://www.stellenanzeigen.de/job/1539203>); «Выявление интереса со стороны клиентов к товарам и услугам Компании, внесение информации о выявленных интересах в CRM-систему Компа-

нии и назначение ответственных менеджеров по продажам для дальнейшей работы» (URL: <http://Softline>); «Формирование стандартной отчетности, разработка специализированной аналитической отчетности» (URL: [http://Восточный-экспресс-банк, ОАО](http://Восточный-экспресс-банк-ОАО)).

В качестве некоторых различий морфологического характера хотелось бы отметить использование страдательного залога в русскоязычных ОНР, что не характерно для немецкоязычных текстов. Страдательный залог указывает на некую анонимность, отстраненность сообщения за счет неупоминания субъекта действия (работодателя). С нашей точки зрения, данное явление характерно для русскоязычных текстов информационного характера, т.е. предназначенных для изложения каких-либо фактов: «Для участия в Проекте осуществляется отбор веб-дизайнера по созданию и ведению сайта» (URL: [http://ИП Артемьев Е.П.](http://ИП-Артемьев-Е.П.)); «В административный отдел 404 Group требуется специалист по расчету заработной платы и КДП» (URL: [http://ООО Диамант](http://ООО-Диамант)); «В развивающуюся компанию продолжается набор жизнерадостных, позитивных людей в отдел продаж» (URL: [http://производственное объединение СОФИРА](http://производственное-объединение-СОФИРА)).

Несмотря на приведенные примеры, нам хотелось бы отметить, что как в русскоязычных, так и в немецкоязычных ОНР доминирующим залогом является действительный залог, подчеркивающий причастность и личную заинтересованность работодателя в предмете коммуникации, осуществляемой посредством текста. Данный факт наглядно демонстрируют многочисленные примеры, приведенные выше.

К наиболее ярким явлениям синтаксического уровня, также продиктованным прагматической установкой на экономию речевых усилий, отнесем использование номинативных предложений, способствующих компрессии текста и концентрирующих внимание реципиента на наиболее значимой для него информации: **«Требования:**

Энергичность

Без вредных привычек

Санитарная книжка

Образование: не важно

Стаж работы: не важно

Условия:

При собеседовании»

(URL: <http://http://www.zarplata.ru/company/view/9279442/vacancies>).

В общем же и целом, как в русскоязычных, так и в немецкоязычных ОНР обычно

используются несложные для восприятия синтаксические структуры, что отвечает необходимости получения максимума информации в сжатой форме, поэтому типичными для таких текстов являются простые предложения, редко осложняемые обособлением. Тем не менее, при перечислении, например, навыков и характеристик, которыми должен обладать кандидат, необходимо представить их как можно подробнее, что обуславливает использование большого количества однородных членов предложения. Кроме того, большая часть предложений строится преимущественно в утвердительной форме, констатируя такие неоспоримые факты, как, например, благополучный имидж и многолетнюю историю компании. Побудительные предложения в тексте ОНР поощряют читателя к ответной реакции. Так в нижеприведенном примере работодатель побуждает кандидата отправить свои документы с указанием пожеланий по заработной плате («Angabe Ihres Gehaltwunsches») и ближайшего срока, когда претендент может приступить к работе («des frühestmöglichen Eintrittstermins»): «Bewerben Sie sich unter Angabe Ihres Gehaltwunsches und des frühestmöglichen Eintrittstermins einfach online!» (URL: <http://www.metro.de/karriere>).

Наиболее яркие различия, выявленные нами в ходе исследования, находят свое отражение на содержательном уровне текста и обусловлены, с нашей точки зрения, особенностями национальных коммуникативных культур в сфере трудоустройства. К таковым относятся:

1). Наличие в русскоязычных ОНР информации об официальном трудоустройстве в соответствии с ТК РФ, что неявно свидетельствует о том, что в России существует также и неофициальное трудоустройство. Данный факт не зафиксирован в немецкоязычных ОНР, т.к. официальное трудоустройство подразумевается априори.

2). Содержательное наполнение пункта об оплате труда. Так, в русскоязычных ОНР часто указывается конкретная величина заработной платы, либо ее верхняя или нижняя планка. Кроме того, иногда упоминается, что заработная плата является официальной и выплачивается своевременно. В немецкоязычных ОНР, как видно из одного из приведенных выше примеров, часто запрашиваются пожелания кандидата по заработной плате, либо данный пункт вообще отсутствует в объявлении. Данный момент, по-видимому, разъясняется при личном контакте с работодателем или по телефону.

Перечисленные выше пункты наглядно демонстрируют следующее цитаты из русскоязычных ОНР: **«Мы предлагаем:**

- Оформление в соответствии с трудовым кодексом РФ (оплачиваемый отпуск, больничный)

- График работы 2/2 <...>

- Вся заработная плата в компании «Связной» официальная, выплачивается своевременно, 2 раза в месяц» (URL: <http://chelyabinsk.superjob.ru/vakansii/menedzher-po-kreditovaniyu>);

«Система оплаты труда (оклад +%); но не менее 15 000 рублей» (URL: <http://техстрой-контракт-сервис.ooo>);

«Зарботная плата от 23.000 до 25.000 тыс. руб.» (URL: <http://Группа компаний «МТС»>).

3) Указание в русскоязычных ОНР возраста и наличие определенного гражданства в качестве требования к кандидату, что в Германии считается нарушением прав определенных категорий граждан и исключает наличие подобной информации в объявлении: «Ты молодой и активный?

ТЕБЕ от 20-25 лет?

Тогда эта работа для тебя!» (URL: <http://Алокон,ООО>);

«На пост менеджера требуется специалист в возрасте от 25-30 лет <...>» (URL: <http://нпп резонанс.ooo>);

«Наличие гражданства РФ – ОБЯЗАТЕЛЬНО!» (URL: <http://Артель старателей «Амур»>);

«Обязательные требования:

– Гражданство РФ» (URL: <http://Вэла-Дент,ООО>);

«Лиц без российского гражданства просим не обращаться» (URL: <http://Агентство «Тирс»>).

4) Наличие в немецкоязычных ОНР просьбы указать ближайший срок, когда кандидат может приступить к работе («Eintrittstermin»): «Bitte bewerben Sie sich mit Ihren aussagekräftigen Unterlagen inklusive Ihrer Gehaltsvorstellung, Ihres Eintrittstermins und unter Angabe der Kennziffer 15-06-SE» (URL: <http://www.stellenanzeigen.de/job/1505080/?ergebnisid>). Наличие данного запроса (а также просьбы высказать пожелание о размере заработной платы «Gehaltsvorstellung») не было зафиксировано нами ни в одном из исследованных русскоязычных ОНР. Данный факт, как нам представляется, демонстрирует более уважительное отношение к мнению потенциального работника в Германии, который рассматривается скорее как равноправный партнер, имеющий право высказывать пожелания и устанавливать определенные правила, чем как лицо, заведомо занимающее подчиненную позицию и вынужденное принимать условия работодателя. Кроме того, пожелания по заработной плате в РФ принято озвучивать в других типах текста, а именно – в резюме претендента на вакансию, а также во время устного собеседования.

Таким образом, сопоставительное исследование немецко- и русскоязычных ОНР позволяют сделать вывод о том, что их текстовые характеристики обусловлены рядом общих прагматических установок, достаточно жестко регламентирующих правила оформления данного типа текста. Незначительные различия отражают преимущественно культурные различия двух стран в сфере трудоустройства.

Е. А. Пономаренко

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Медицинская академия имени С. И. Георгиевского
(Симферополь, Россия)*

РЕГУЛЯТИВНЫЙ ХАРАКТЕР ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО (МЕДИЦИНСКОГО) ДИСКУРСА

REGULATIVE CHARACTER OF INSTITUTIONAL (MEDICAL) DISCOURSE

В статье рассматривается вопрос о регулятивном характере институционального (медицинского) дискурса. Отмечается, что материальными проявлениями регулятива в речевом

общении являются средства его распространения как на уровне языковой системы (языковые единицы), так и за её пределами (на уровне языкового сознания). Вводится понятие жанрового концентратора, который понимается как принцип организации содержания по относительно замкнутым циклам, в пределах которых формируются относительно автономные схемы построения речевых высказываний разной сложности в соответствии с разными сферами и целями общения.

The article considers the regulative character of institutional (medical) discourse. Material manifestations of a regulative in conversation are detected both at a language system level (language units) and beyond the system scope (at a linguistic consciousness level). A concept of genre center is introduced, understood as a principle of arranging content in relatively closed cycles, forming relatively autonomous speech act schemes of various complexity according to various spheres and purposes of communication.

Ключевые слова: институциональный (медицинский) дискурс, регулятив, жанровый концентратор, речевой жанр, сфера общения, цель общения.

Keywords: institutional (medical) discourse, regulative, genre center, speech genre, sphere of communication, purpose of communication.

В многочисленных работах по исследованию дискурса отмечается, что «институциональность носит градуальный характер», а ядром институционального дискурса является общение базовой пары участников коммуникации» (выделено нами) [1. С. 195]. В соответствии с представлениями учёных тверской школы динамической (регулятивной) модели диалога институциональность можно трактовать как категориальный регулятив, где под регулятивом понимается «единица информации, которая, влияя на ход определённых событий в процессе общения, способствует как возникновению своих «копий» в умах участников общения, так и генерированию всей системы регулятивных единиц, используемых собеседниками в диалогическом взаимодействии, развивающемся по типовому (фреймовому) сценарию [4. С. 188]. По мнению А. А. Романова, «всю совокупность диалогических регулятивов целесообразно разбить на три основных группы: а) категориальные (или программные) регулятивы, б) стратегические регулятивы и в) ассоциативные регулятивы. Говоря о категориальных регулятивах, исследователь отмечает, что «категориальные регулятивы задают «логику» взаимодействия партнёров и определяют схему коммуникативных отношений, в которой эти взаимоотношения и реализуются. Отсюда специфическая организация «сюжета» диалога, которая, безусловно, опирается на события и факты, однако в целом строится исходя из соображений достижения определённой цели. Мышление, таким образом, функционирует практически, имея перед собой некото-

рую цель и во многом подчиняясь этой цели, а не только законам логической последовательности и строго необходимым связям. Основанием в таком процессе категоризации служит большей частью исторический и культурный опыт по освоению реальности, преломлённый в системе ориентаций конкретного говорящего субъекта» [4. С. 190].

Известно, что семантическое пространство медицинского дискурса определено исторически сложившейся клинической парадигмой. Медицинская парадигматика предопределяет схему речевого взаимодействия врача и пациента, где на уровне содержания медицинский дискурс представляет собой обмен информацией, попеременно осуществляемый его участниками. На структурном уровне клиническая информация подаётся в виде диалогических единств, состоящих из реплик партнёров по общению. Поэтому, принимая во внимание категорическую регуляцию институционального (медицинского) дискурса, следует учитывать как иллокутивный характер речевых актов врача, так и характеристики речевого поведения пациента.

Наблюдая за речевым взаимодействием участников медицинского дискурса (врача и пациента), можно констатировать, что институциональность вступает в противоречие и в сильной степени ограничивает один из базовых признаков дискурса — спонтанность. Для институционального дискурса характерна однотипность и одноплановость коммуникативных ситуаций, что, в соответствии с дисциплинарной матрицей — в нашем случае меди-

цинской науки – предполагает относительную предсказуемость интеракции и, следовательно, предвосхищает использование ограниченно-го ряда жанровых форм в речи. *Институциональность* являет собой демаркационный признак, отделяющий достаточно узкоспециальное поле жанрово-речевой аутентичности от количественно превосходящего поля жанрово-речевой экстернальности [2. С. 120]. Экстернальные, или внеположные, речевые жанры принципиально невозможны для данного типа дискурса или как минимум для одного из коммуникантов. Подобный факт объясняется тем обстоятельством, что сценарий речевого взаимодействия врача и пациента зависит от нескольких определяющих факторов, основными из которых представляются *клинические* и *психоэмоциональные*. *Клинические* факторы определяются необходимостью понимания особенностей патологического состояния пациента, а также наличием соответствующей информации о болезни. *Психоэмоциональные* факторы учитывают такие характеристики, как реакция пациента на личность врача, присутствие типичных эмоций (страх, тревога), реализуемых пациентом при общении, а также ответные терапевтические реакции врача. Следовательно, осуществление основной стратегической задачи – выздоровление пациента – следует в соответствии с корректно заданным сценарием, схемой расспроса. При этом главной целью квалифицированного расспроса является достижение обратной связи с пациентом.

Исходя из того, что телеология медицинского дискурса обусловлена системой *регулятивов*, мы можем наблюдать, что за ведущей ролью врача в медицинском дискурсе закрепляются речевые стратегии и тактики, целью которых является контроль за ситуацией общения, типизация темы диалога в соответствии со схемой (парадигмальной структурой) специфической коммуникации, типизация вербального выражения, а также воздействие на пациента с целью фиксации его внимания на специфическом содержании дискурса. В качестве примеров *категориального регулятива* могут служить следующие диалоги: – *Перетирку велели мне тогда делать. – Чёрной мазью? – Чёрной мазью, батюшка, чёрной... – Накрест? Сегодня – руку, завтра – ногу?.. – Как же. И как ты, кормилец, узнал? (льстиво). «Как же не узнать? Ах, как не узнать. Вот она – гумма!» – Дурной болью болел? – Что вы! У нас и в роду этого не слыхивали. – Угу... Глотка болела? – Глотка-то? Болела глотка. В про-*

шлом годе. – Угу... А мазь давал Леонтий Леонтьевич? – Как же! Чёрная, как сапог. – Плохо, дядя, втирал ты мазь. Ах, плохо!.. (Булгаков, Звёздная сыпь).

– *Пришёл провериться. Я ведь помогал оснащать лаборатории – вот вы меня и посмотрите при помощи тех самых приборов и аппаратов. – Что вас беспокоит? Сердце? Рано. Вы ещё молодой человек. Наверное, пятьдесят с небольшим? – Так точно, Фёдор Григорьевич. Да ведь какие нагрузки! Много лет я был начальником Главленинградстроя. А сейчас председатель горсовета. Сами понимаете... – Да, конечно. Так что вас беспокоит? – Появились сжимающие боли в области сердца, в левой руке и лопатке. Временами одышка* (Углов, Под белой мантией).

Первый диалог строится с помощью наводящих вопросов врача, предпосылкой которых является клиника проявлений сифилиса. В данном случае представлен паттерн патогенеза сифилиса. Как видно, врач обладает, во-первых, визуальной информацией о болезни (сифилитическая гумма), а во-вторых, парадигмой симптоматики данного заболевания. Вопросно-ответные единства, оформляющие диалог, фиксируют семантическое поле медицинского дискурса и логичным образом предопределяют появление коннотации в форме РЖ *упрёка*.

Во втором диалоге также присутствует схема расспроса пациента, выстроенная с учётом парадигмальной структуры медицинского дискурса. В данном случае вопросно-ответные единства, нацеленные на сбор анамнеза, логически завершаются РЖ *жалобы*.

Очевидным представляется тот факт, что целью методологии медицинского дискурса является, прежде всего, регулятивная деятельность врача, обеспечивающая отсечение периферийных и экстернальных дискурсивных планов коммуникации и эффективное взаимодействие с пациентом в рамках актуального дискурсивного события (обращения больного за медицинской помощью). В связи с этим мы вправе говорить о *регулятивном* характере любого институционального дискурса, который является предпосылкой использования внутри этого дискурса аутентичных языковых средств и речевых жанров: «Материальными проявлениями *регулятива* в речевом общении являются *средства* его распространения как на уровне языковой системы (языковые единицы), так и за её пределами (на уровне языкового сознания). Другими словами, *регулятив* как *единица диалогического общения* реализует себя в ком-

муникативном процессе комплексно: на поверхностном уровне она репрезентирует себя в виде определённых (иногда готовых, шаблонных) языковых конфигураций и в виде типовых моделей речевого и неречевого поведения, а на глубинном уровне – в виде структурированного в психике функционально-семантического представления знаний об опыте (опытных образцах) реализации этих форм речевого и неречевого поведения в соответствующих (складывающихся, сложившихся) ситуациях реального мира» [4. С. 190]. Таким образом, следует обратить внимание на то, что регулятивы реализуются в речи как некие наджанровые структуры, модели речевого поведения, и жанровые (шаблонные, парадигмальные) конфигурации.

Иллокуция медицинского дискурса предполагает использование определённых речевых стратегий и тактик, направленных на сбор информации о патологическом процессе и координацию действий, в том числе и речевых, направленных на рецессию патологического фактора. В подобном речевом взаимодействии регулятивы нередко сопровождаются психолингвистическими и паралингвистическими маркерами диалога. «Психологическая составляющая *регулятивного действия* как единицы конкретной реализации типового *регулятива* предполагает внутреннее проявление определённой информации, приносящей определённые внешние результаты, в то время как языковая составляющая выступает в качестве маркировки речевых и неречевых действий участников диалогического общения» [4. С. 190].

Регулятивным характером институционального дискурса определяется явление, которое мы называем **жанровым концентром**. Под концентром понимается принцип организации содержания по относительно замкнутым циклам, в пределах которых формируются относительно автономные схемы построения речевых высказываний разной сложности в соответствии с разными сферами и целями общения. Применительно к медицинскому дискурсу, где сфера общения является типовой и цель диалога определена категориальными (программными) регулятивами, жанровый концентр представляет собой парадигму речевых жанров, являющихся валентными по отношению друг к другу. То есть, имеется в виду не строгая последовательность жанров в речи, а институциональная закономерность, в рамках которой жанры соединяются в циклы диалогических единств. Речевые жанры, об-

разующие жанровый концентр дискурса, в соответствии с нашей классификацией (см. ЖР) имеют характер аутентичных либо комплементарных по преимуществу. Языковые средства, оформляющие речевые жанры, могут быть как минимализированными, так и достаточно развёрнутыми. При этом жанровые циклы задают определённый диалогизм жанра. Например, РЖ *просьбы* «диалогичен» с РЖ *отказа*; РЖ *жалобы* – с РЖ *постановки диагноза*; РЖ *отказа* – РЖ *убеждения*. Примерами диалогов могут служить следующие: – *В чём дело? Снимите шубу. Откуда вы?* → (**жанр жалобы**) *Лихорадка замучила, ответил больной и скорбно глянул. Каждый день, как двенадцать часов, голова начинает болеть, потом жар как пойдёт... Часа два потреплет и отпустит. «Готов диагноз» – победно звякнуло у меня в голове* → (**жанр постановки диагноза**) – *Вот что, голубчик, – говорил я, постукивая по широчайшей теплой груди, – у вас малярия. Перемежающаяся лихорадка...*

В связи с высказанной нами точкой зрения важным представляется понимание жанровой структуры речевого общения как *цепочки, взаимосвязи регулятивов* → интенций → речевых стратегий и тактик → иллокуций → иллокутивных речевых актов → речевых жанров как конечного звена семантической экспликации институционального диалога. К. А. Рогова акцентирует внимание на том, что выбор определённого речевого жанра «задаётся спецификой данной сферы речевого общения, предметно-смысловыми (тематическими) соображениями, конкретной ситуацией речевого общения, персональным составом её участников и т. п.» [3. С. 65]. Следовательно, условия, создаваемые медицинским дискурсом, характеризуются: а) специфической (парадигмальной) структурой медицинского расспроса; б) тематической фиксацией на предмете диалога; в) парадигмальной конкретикой ситуации общения врача и пациента; г) ограниченным персональным составом дискурсивной ситуации, с чётким делением на коммуникативные роли – доминирующую и подчинённую. В этих условиях становится возможным *определённое, минимально варьируемое количество речевых жанров*, обеспечивающих речевое взаимодействие. «Жанры, по определению Бахтина, соотносятся с *типическими ситуациями речевого общения, типическими темами*, что ведёт к некоторым *типическим контактам значений слов* с конкретной реальной действительностью при *типических обстоятельствах*. Вы-

сказывание рассматривается как «звено в цепи речевого общения определённой сферы», и его нельзя оторвать от предшествующих звеньев, которые определяют его извне и изнутри, порождая в нём прямые ответные реакции и диалогические отклики. Фиксируется связь высказывания не только с предшествующими, но и с последующими звеньями речевого общения, что позволяет предположить, что речь идёт не только о связях речевых жанров внутри текста, но и в интертекстуальном пространстве» (выделено нами) [3. С. 65].

Таким образом, речевые жанры следует рассматривать в их взаимной корреляции – как на уровне валентности жанров, так и на уровне жанровых единств.

Список литературы

1. Карасик В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.

2. Пономаренко Е. А. Классификация речевых жанров институционального (медицинского) дискурса (на материале произведений русских писателей-врачей) / Е. А. Пономаренко // Жанры речи. – Саратов : Саратовский государственный университет, 2015. – №1. – С. 117–121.

3. Рогова К. А. Речевое общение и текст / К. А. Рогова // Диалог культур: лингвокультурологическая база гуманитарного образования. – Симферополь : Таврический НУ им. В.И. Вернадского, 2013. – С. 64–66.

4. Романов А. А. Лингвистическая мозаика : Избранное / А. А. Романов. – М. : ИЯ РАН, ТвГУ, ТГСХА : Издательство «Агросфера», 2006. – С. 188–192.

О. В. Ровная

Южно-уральский государственный аграрный университет
(Челябинск, Россия)

АКТУАЛИЗАЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО АСПЕКТА В ЛИНГВОМЕТОДИКЕ

ACTUALISATION OF SOCIO-CULTURAL ASPECT WITHIN LANGUAGE TEACHING METHODOLOGY

В статье обсуждаются проблемы актуализации учебного материала научного стиля для иностранных студентов технических специальностей. Осуществлена попытка многоаспектного анализа интеграции иностранных студентов в российский вуз. Рассмотрены отдельные лингвистические актуальные явления.

This paper discusses the problems of actualization of learning material, namely scientific texts for foreign students of technical specialisation. The focus is on multidimensional analysis of integration of foreign students into the practices of a Russian higher education institution. Most of the survey is devoted to the actual linguistic phenomena.

Ключевые слова: универсальные процессы языкового контактирования, языковая интерференция, этнодемографические изменения, культурологический аспект.

Keywords: universal processes of language to communicate, linguistic interference, ethnodemographic changes, cultural aspect.

Серьезные глобальные исторические, политические и этнодемографические изменения

на рубеже 20-21 веков самым прямым образом отразились на статусе русского языка как

мирового. За пределами России в иноязычном окружении его изучение осложнилось, а качественные изменения в устной и письменной речи билингвов из стран ближнего зарубежья стали определяться резким снижением языковых контактов. Это проявилось на всех уровнях языка: в нарушении фонетических, грамматических и синтаксических норм, адаптации семантики устойчивых лексических единиц, словообразовательных моделей, замедлении лексико-семантических процессов, сокращении и упрощении лексической базы.

В настоящей работе особенности взаимодействия родного и русского как неродного языков рассматриваются на примере киргизского. Информационной базой послужили данные, накопленные в течение трёх лет в ходе преподавания русского языка как иностранного (РКИ) в техническом вузе.

Не исключено, что лингвистическая составляющая происходящих процессов соотносится с «многомерным пониманием языка» А.Е. Супруна, в которое он включал «неразрывные связи с процессами общения и мышления, социальные обусловленности языковых ситуаций, подспудную тектонику языковых структур и межуровневое взаимодействие» [5]. Однако в настоящее время такой фактор как «постоянное контактирование языка», который также входит в приведенную ученым парадигму становится все более уязвимым, и как следствие «совпадающая часть интерференции», на которую указывал А. Е. Супрун, ничтожна мала. Усиливается влияние несовпадающих структурных и семантически маркированных компонентов разноструктурных языков на всех уровнях, что приводит в конечном итоге к трудностям при осмыслении текстов.

А. А. Уфимцева в монографии «Лексическое значение» пишет следующее: «Знаковая репрезентация языка представляет собой особую присущую только человеку как мыслящему существу форму опосредованной идеализации реального мира, средства его отражательной и коммуникативной деятельности. Знаковая репрезентация языка представляет собой особую присущую только человеку как мыслящему существу форму опосредованной идеализации реального мира, средства его отражательной и коммуникативной деятельности. Благодаря этому своему свойству язык, с одной стороны, классифицируя, дает наименования предметам, явлениям объективного мира, дифференцируя и идентифицируя их свойства и отношения; с другой – храня и передавая при помощи знаков

информацию предшествующего общественно-познавательного опыта, язык обеспечивает сферу речемыслительной деятельности, удовлетворяя, тем самым, коммуникативные и эмоционально-экспрессивные потребности людей. В силу этого, словесные знаки как основные классификационно-номинативные элементы – не простые названия, этикетки, а психофизиологические сущности, представления и понятия, “одетые” в языковую форму и ставшие для носителей данного языка сигналами действительности...» [6]. В силу распада СССР именно последние с течением времени стали причиной утери номинативных реалий и снижения мотивации владения русским языком, как и все составляющие социально-экономической советской системы. До этого времени во всех национальных республиках носители русского языка как родного, так и неродного имели друг другу понятные национальные традиции и владели практически общей лексико-семантической базой. Это означает, что т.н. «знаковые отношения» в то время состоялись «в силу прочной, длительной психической связи двух сторон словесного знака, социально принятого и системно осмысленного», то есть «одна сторона знака – значение индуцирует другую – форму знака, и наоборот, форма знака вызывает в сознании пользующегося языком соответствующее ей значение» [6]. После пятнадцати лет суверенного развития постсоветского пространства стало возможным выделения нескольких вариантов «остаточного» функционирования русского языка.

Так, в среднеазиатских республиках, где русский язык всегда был языком межнационального общения и единения, сферы его применения стремительно сужаются, уходит из жизни то поколение граждан, которое владело им на уровне носителей языка. В бытовой сфере население говорит на национальных языках, в школах и колледжах часы русского языка редко превышают два часа в неделю, в высших учебных заведениях нефилологического профиля предметы ведутся на национальных языках, а русский язык в большинстве вузов выводится в модули по выбору или факультативные.

В Кыргызстане русский язык наделен статусом официального, но «национальная узбекская диаспора на юге Киргизии, настойчиво предлагает дать и своему языку статус официального наряду с русским» [1]. Это происходит на фоне возрастающего оттока русскоязычного населения, среди которых много

квалифицированных специалистов. По словам бывших киргизских школьников, русский язык в большинстве школ преподаётся на безответственно низком уровне, и поэтому многие из них не владеют навыками письма, говорят с фонетическими ошибками, обладают бедным лексическим запасом и плохо сформированными навыками логико-семантического анализа элементарных текстов. Хотя в Киргизии еще в 60-е годы были заложены основы формирования киргизской сопоставительной лингвистики. У её истоков стояли видные ученые А.Е. Супрун и Г.С. Зенков. «Если, – как пишет З.К. Дербишева – на начальном этапе сплошь и рядом находили аналогии в русском и киргизском языках, то есть наличие одних и тех же звуков, одинаковых частей речи, категорий, членов предложения, то впоследствии началось критическое осмысление фактов киргизского языка через призму русского» [3]. К 80-м годам были разработаны теоретические основы функционально-семантической грамматики русского и киргизского языков, именно в этот период было установлено, что «грамматическая категория падежа имеет типологическую специфику не только в характере выражаемой грамматической семантики, но и с точки зрения количественной организации членов падежной парадигмы. К важным разработкам в области межнациональной сопоставительной лингвистики и методики преподавания русского языка иностранцам в тот период следует отнести работы А.Ш. Асадуллина, Н.З. Бакеевой, Н.А. Баскакова, В.П. Бахтина, Ч.А. Бедалова, Г.И. Блинова, Н.В. Ведерникова, Е.Ю. Владимирского, А.А. Волошенко, М.В. Всеволодова, С.И. Гершун, Ю. Дешериева, Н.К. Дмитриева, Э.А. Довлатова, И.Н. Ермоленко, К.З. Закирьянова, О.В. Захарова, А.М. Замятина, В.И. Зими́на, Г.А. Золотовой, Т.П. Зулфиевой, О.Р. Карабаевой, И.А. Киссен, Б.М. Чистяковой, К.С. Чонбашева и других. Если до этого времени считалось, что киргизский падеж состоит из 6 форм, то позже К.З. Зулпукаров дал глубокое теоретическое обоснование необходимости количественного расширения рамок падежной парадигмы до 13 форм» [3].

Кроме того, была пересмотрена типологическая специфика агглюнативного слова, являющегося промежуточным между словом и предложением. В условиях тесного языкового контактирования проблемы лексикологии рассматривались длительное время в аспекте взаимодействия двух языков. Итоги переписи населения 1979 года показали, что более 30

процентов киргизов считали русский язык своим вторым родным и указывали на свободное владение им. В 1978 году ЦК КП и Совет Министров Киргизии принял постановление «О мерах по дальнейшему совершенствованию преподавания русского языка в республике», в 1060 национальных школах русский язык в тот период изучали свыше 550 тысяч учащихся. В 1979 году в городе Фрунзе был открыт педагогический институт русского языка и литературы по подготовке учителей. Тем не менее, в диссертации кандидата педагогических наук М.Е. Дарбанова, вышедшей в 1980 году с сожалением указывалось на то, что «знания, умения и навыки школьников в практическом владении русским языком отстают от всё повышающихся требований советской действительности» [2]. Ученый утверждал, что «выпускники средних школ слабо владеют русской речью и не умеют спонтанно вести беседу на бытовые, общественные и производственные темы в различных ситуациях» [Там же]. Он писал: «Их устная и письменная речь изобилует многочисленными ошибками фонетического, грамматического, стилистического и лексического характера, порожденными интерферирующим влиянием родного языка вследствие разноструктурности обоих языков и незнанием внутрисистемных закономерностей русского языка. В структурно-семантическом отношении речь учащихся примитивна: не умеют широко и свободно пользоваться различными синтаксическими конструкциями русского литературного языка, в том числе наиболее распространенными (частотными) словосочетаниями, которые являются переходной ступенью от слова к предложению, т.е. выражения отдельного элемента мысли (того или иного логического отношения) к законченной мысли» [Там же]. Исследователь относил эти, на его взгляд, массовые неудачи к «фрагментарности» как в самой методике, так и в практике преподавания русского языка. Он считал, что при формировании национальной методики «крайне важны исследования природы ошибок с точки зрения лингвистики, педагогики и психологии». Тщательно исследуя в своей работе особенности глагольного управления, Дарбанов установил, что «основными причинами ошибок в речи учащихся национальных школ являются: 1) незнание тех или иных внутрисистемных закономерностей русского языка, т.е. те, что вызваны особенностями самого русского языка. К данному типу ошибок он относил: «неумение составлять глагольные сочетания

с неопределенной формой глагола, смешение видов глагола, нарушение лексической сочетаемости и синтаксических связей слов, явление плеоназма; 2) влияние особенностей родного языка, т.е. ошибки интерферирующего характера, куда можно отнести нарушение порядка слов, смешение форм настоящего и будущего времени, пропуск и смешение предлогов, ошибочное употребление форм зависимого слова; 3) нарушение требований методики». Ученый пришел к заключению, что «для успешного овладения русским языком необходима систематическая работа над словосочетанием параллельно с работой над словом и предложением» в рамках методики обучения с пространственными, причинными, целевыми и иными значениями в русском языке [Там же].

Не исключено, что понимание необходимости дальнейших сопоставительных теоретических изысканий и выработки на их основе оптимально эффективных прагматически направленных подходов в практике обучения русскому языку за период, прошедший с 1991 года, завершилось бы непременно успехом. Но в силу известных исторических обстоятельств, указанные М.Е. Дарбановым ошибки у киргизских учащихся усугубились из-за потери естественной межъязыковой и культурологической среды. В настоящее время письменная и устная речь у многих из студентов отличается чрезмерной простотой, нестабильностью в области согласования и предложного употребления, отсутствием согласования по роду. Например: *«я надеюсь, в конце практикУ...; хочу быстрее вернуться (?) свой любимый город; ... должны помочь жєницинам занять в общєствО; ... без работА сидеть скучно; НУ главнЫЙ задача дети... без отца, без МАМА; на ежегодно проводить (ПР) в США церемонии вручения “Оскара”; ... замечательные целебные свойства выпускает (ПР) корпорацией лекарственных препаратов...; ваза стоять (ГЛ) в шкафу на подоконник (?); пальто висеть (ГЛ) на вешалкА в шкафЕ; скатерть лежит на столУ; НА торговом комплексе были ..., ознакомливаємся (ГЛ) с русской культурой, они (?) отличаются от нас; коллегия (?) у них очень дружная и нас уважают; если все описать, то слов не хватает (НСВ-СВ)...; открытка к (ПР) другу...; с городом ознакомились и мне очень нравился (СВ-НСВ); то станет дождь ...»* и другие.

В заданиях на вставку пропущенных букв в словах с безударной гласной в корне, проверяемой ударением, процент правильных ответов

не более десяти. В заданиях на употребление предлогов в конструкциях с наречными предлогами с корреляцией значений *где, куда, от-куда*, правильные ответы составляют не более двадцати процентов. В заданиях на преобразование причастных оборотов в определительные и, наоборот, процент положительных ответов не превышает десяти процентов. Значительная интерференция у большинства студентов наблюдается на уровне фонетики. Для многих характерно фонетическое письмо (безударные гласные, смягчение согласных). Тематическая организация речи этих студентов легко формируется вокруг бытовой сферы и с определенными проблемами продуцируется связная устная и письменная речь научного стиля. Они неохотно выражают мнение, согласие и особенно возражение, что обусловлено особенностями национальной речевой культуры. Затруднения возникают при выполнении письменных заданий репродуктивного характера по учебным пособиям для вузов. Сами учащиеся объясняют это незнанием лексики и невозможностью понимания смысла научных текстов.

Если Э.Б. Акматалиева, признавая, что в Киргизии «с каждым годом возрастает отток русскоязычного населения», всё же полагает, что «русский язык остается основным языком важнейших сфер жизнедеятельности общества в своих функциональных разновидностях», то З. К. Дербишева утверждает следующее: «В постсоветском Кыргызстане объектом изучения является совершенно иная языковая ситуация, в которой баланс языковых сил кардинально изменился. Сферы функционирования русского языка в новых геополитических условиях, к сожалению, стремительно сужается» [1; 3].

Тем не менее, в рамках перспектив развития постсоветской экономической интеграции русский язык становится все более важным для реализации профессиональных перспектив. Несмотря на своеобразие сложившейся ситуации, можно констатировать, что иностранные учащиеся стремятся изучать русский язык. С целью выявления причин обучения в российском вузе был проведен опрос 100 студентов. Один из вопросов касался факторов, повлиявших на выбор и перспективы использования русского языка в будущей работе. Большинство респондентов ответили, что в российских вузах они надеются получить более качественное образование и в будущем найти работу в международных структурах с использованием русского языка. Это два значимых фактора для прагматически ориентированной мотивации.

Поэтому проводится работа по усилению профессиональной языковой компетенции, обогащению словарного запаса базовой научно-технической терминологией. Подбор материала нацелен на заинтересованный обмен мнениями по проблемам реальной жизни: расширение экономических связей, новые технологии, проблемы инфляции, многосторонние отношения между странами. Студенты учатся анализировать и реферировать научные тексты больших объемов, отрабатывают навыки монологической и диалогической речи.

Каждое методологическое действие стоит соотносить с позицией Т.А. Лисициной, которая пишет: «В многообразном языковом мире третьего тысячелетия сформировались новые принципы взаимоотношения языков, определяемые законами конкуренции. Престиж языка, его конкурентность и жизненная сила, капиталоемкость – таков далеко не полный набор актуальных в новой социокультурной реальности характеристик языка. Языковой реализм в отношении статуса русского языка в современном мире должен проявиться в том, что русский язык как феномен культуры следует рассматривать в новой системе координат. В 21 веке побеждают языки универсального смысла. Русский язык является главным стратегическим ресурсом культурной состоятельности России перед вызовами 21 века» [4].

Список литературы

1. Акматалиева, Э.Б. Функционирование русского языка на Юге Киргизии/ Э.Б. Акмата-

лиева// Труды III Международного конгресса исследователей русского языка, г. Москва, 20-23 марта 2007. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2007. – С. 721.

2. Дарбанов, М.Е. Обучение учащихся киргизов русским глагольным словосочетаниям, выражающим временные отношения: дис. ... канд. пед. наук/ М.Е. Дарбанов. – Москва, 1982. – 221 с.

3. Дербишева, З.К. Научное изучение русского языка в Кыргызстане/ З.К. Дербишева // Труды III Международного конгресса исследователей русского языка, г. Москва, 20-23 марта 2007. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2007. – С. 730.

4. Лисицына, Т.А. Русский язык как социокультурный проект цивилизованного развития XXI века / Т.А. Лисицына // Труды III Международного конгресса исследователей русского языка, г. Москва, 20-23 марта 2007. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2007. – С. 739.

5. Мечковская, Н.Б. Теория языка и теория коммуникации в работах А.Е. Супруна: личный вклад и индивидуальное своеобразие / Н.Б. Мечковская // Пленарный доклад на Международной научно-практической конференции «Современные исследования и преподавания славянских языков. VII Супруновские чтения. – Минск, филол.фак-т БГУ, 21-22 сент. 2012 г.

6. Уфимцева, А.А. Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики / А.А. Уфимцева // М.: Наука, 1986. – 239 с.

Я. Н. Ронжина

Пермский национальный исследовательский политехнический университет
(Пермь, Россия)

ТРАНССЕМИОТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СЕМИОПРОСТРАНСТВЕ

TRANS-SEMIOTIC PROCESSES IN SEMIOSPACE

В статье рассматриваются транссемиотические процессы, протекающие в семиопространстве. Обсуждается применение функторно-семиотической методики для исследования транссемиотических процессов. Выделяются основные единицы анализа этих процессов в семиопространстве, образованном поэтическим произведением Эдгара По «The Raven» («Ворон»).

The paper studies trans-semiotic processes in semiospace. The functor-semiotic analysis of trans-semiotic processes is discussed. The basic analysis units of trans-semiotic processes in semiospace formed around «The Raven» by E. Poe are determined.

Ключевые слова: *семиопространство, транссемиотический процесс, функтор, смысловой компонент.*

Keywords: *semiospace, trans-semiotic process, functor, sense component.*

Актуальность проблематики, рассматриваемой в данной статье, обусловлена, во-первых, отсутствием единства взглядов на семиопространство; во-вторых, недостаточной изученностью процессов, возникающих при транспонировании одной знаковой системы в другую, и влияния культурного пространства как внешней среды на эти процессы; в-третьих, необходимостью в разработке методики, которая позволяла бы раскрыть синергетическую сущность этих процессов.

В современной лингвистике понятие семиотического пространства (в нашей терминологии – семиопространство) получило достаточно широкое распространение. К предпосылкам возникновения теории семиотического пространства можно отнести, на наш взгляд, учение В. И. Вернадского о биосфере, концепцию языковой картины мира Л. Вайсгербера, принцип «диалогизма» М. М. Бахтина, идеи об интертекстуальности Р. Барта и Ю. Кристевой. Понятие семиотического пространства наиболее полно отражено в разработанной Ю. М. Лотманом структурно-семиотической теории культуры. Термин «семиотическое пространство» [6. С. 14, 17], а также термины «семиотический континуум» [6. С. 12–13], и «семиотический универсум» [6. С. 14], используются ученым в качестве синонимов термина «семиосфера», впервые введенного Ю. М. Лотманом в 1984 году [6. С. 5–23], для определения совокупности «разнотипных и находящихся на разном уровне организации семиотических образований» [6. С. 12–13]. Утверждая интегративность и многогранность понятия «семиосфера», ученый развивает на его основе собственную теорию и типологию культуры и в последующих работах рассматривает семиосферу как совокупность «семиотических личностей», под которыми понимаются текст, человек или отдельная культура [7. С. 5–20]. Таким образом, можно рассматривать в отдельности семиосферу текста/текстов, семиосферу человека, семиосферу отдельной культуры (этнокультура, нация и др.) или можно рассматривать семиосферу культуры в целом, причем указанные выше семиосферы становятся составляющими культуры в целом.

В силу своей интегративности и многогранности, на наш взгляд, концепция Ю. М. Лот-

мана получила широкое признание в научных кругах и активно исследуется в отечественных и зарубежных работах по искусствоведению, культурологии, лингвистике, семиотике и философии. Опираясь по большей части на разработанную Ю. М. Лотманом концепцию «семиосферы», ученые исследуют семиотическое пространство текста/текстов (Зелянская 2009; Кремер 2013; Романенко 2014), дискурса (Олизько 2012; Прилуцкий 2008), личности (Варфоломеева 2013; Фокина 2012), отдельной культуры (Домбраускене 2014; Свистунова 2004; Сычугова 1996; Тимофеев 2005; Янушкевич 2009), при этом продолжая традицию использования терминов «семиотическое пространство», «семиотический континуум» и «семиотический универсум» в качестве синонимов термина «семиосфера».

Концепция семиотического пространства Ю. М. Лотмана подробно и системно представлена в целой серии научных работ разных лет, что позволило нам выделить три характерные особенности данного явления культуры, которые стали отправной точкой в разрабатываемой нами концепции семиопространства.

Во-первых, согласно взглядам Ю. М. Лотмана, семиотическое пространство состоит из семиотических образований разного типа и разного уровня. Отметим, однако, что в нашем исследовании мы исходим из идеи (представленной в одной из работ Н. Л. Мышкиной [9]), согласно которой «глобальное семиотическое пространство» включает в себя оригинальное литературно-художественное произведение и созданные на его основе киносценарии, театральные постановки и экранизации, а также критические произведения [9. С. 48]. В развиваемой нами концепции семиопространство того или иного исходного текста включает тексты, представляющие собой переводы исходного текста в другие знаковые системы (тексты на других естественных языках, киносценарии, экранизации), при этом мы учитываем, что все перечисленные произведения, созданные по мотивам исходного текста, становятся неотъемлемой частью семиопространства и взаимодействуют друг с другом, вследствие чего возникают синергетические транссемиотические процессы.

Во-вторых, как полагает Ю. М. Лотман, произведения прошлых эпох включаются в семи-

отическое пространство современной культуры. С нашей точки зрения, семиопространство включает взаимодействующие друг с другом произведения, которые созданы на основе исходного текста в разные периоды времени. Семиопространство, в свою очередь, включено в систему культуры.

В-третьих, семиотическое пространство, по Ю. М. Лотману, обладает способностью к динамическим процессам и созданию новой информации (в нашей терминологии – появление новых смысловых компонентов и нового сверхсмысла). Исходный текст и созданные на его основе тексты являются знаковыми системами, которые образуют семиопространство. Взаимодействие знаковых систем в семиопространстве, по данным нашего исследования, приводит к возникновению транссемиотических процессов синергетического характера. Транссемиотические процессы, протекающие в семиопространстве, трактуются в нашей работе как транспонирование смысла из одной знаковой системы в другую. Такое определение термина «транспонирование» отличается от определения термина «линейное интерсемиотическое транспонирование», предложенного Н. Л. Мышкиной для обозначения вербального переноса языковых единиц из первотекста в неотекст [9. С. 50]. Кроме того, под транссемиотическими процессами мы понимаем преобразования семиопространства в целом в результате взаимодействия знаковых систем внутри семиопространства и взаимодействия семиопространства с культурой. Наиболее возможными, на наш взгляд, являются креативные процессы и процессы архетипизации. Под креативными процессами понимается появление новых смысловых компонентов и нового сверхсмысла. Архетипизация определяется как актуализация или отсутствие актуализации архетипического потенциала исходного текста в текстах, созданных на его основе и входящих в состав семиопространства.

Такой сложный предмет исследования, как транссемиотические процессы, требует нового подхода к методам и методикам исследования. В лингвистических работах последних десятилетий достаточно широко используются методы, заимствованные из междисциплинарных подходов, теорий и концепций, например: теории систем, семиотики и синергетики. С опорой на принципы комплексного подхода, позволяющие использовать методы, методики и результаты других наук в той мере, в какой это необходимо для достижения цели исследо-

вания, в рамках развиваемого нами синерго-семиотического подхода была разработана функторно-семиотическая методика, сочетающая в себе некоторые идеи и методики семиотики и контрадиктно-синергетической лингвистики. Рассмотрим базовые единицы данной методики с точки зрения перспективы изучения процесса транспонирования смысла из одной сложной знаковой системы в другую внутри семиопространства, образованного исходным текстом «The Raven» («Ворон»), автором которого является Эдгар Алан По [13].

Базовыми единицами функторно-семиотического анализа являются функторы и смысловые компоненты разного типа. Понятие функтора выступает одним из ведущих понятий функторного анализа, разработанного Н. Л. Мышкиной и подробно описанного в её монографии [8] и в работах её учеников (О. С. Гребенкина, Е. В. Демидова, Е. Л. Словинова и др.). Автор отмечает, что лексические единицы обладают наибольшей значимостью, с точки зрения выполнения функций функтора, и выделяет два типа функторов: функторы-смыслопульсаторы и функторы симметрии. Функторы первого типа обуславливают годологию, то есть задают различные линии развития, которые актуализируются или не актуализируются в тексте. К таким функторам можно отнести заголовок литературно-художественного произведения. Функторы второго типа организуют текстовые единицы в единое целое, так как их свойство заключается в «проецировании» одного множества элементов в другое. Именно функторы обеспечивают процесс транспонирования одного множества элементов в другое множество элементов [8. С. 85].

Исходя из наших представлений, положенных в основу функторно-семиотической методики, определяем заголовок исходного текста (в нашем примере – «The Raven») как функтор, который «иррадирует» совокупность смысловых компонентов разного типа в соответствии с выделяемыми нами уровнями смысла [10] (предметные, оценочные, гедонистические, концептуально-идейные и архетипические смысловые компоненты). Таким образом, заголовок создает потенциально возможные линии развития, которые в дальнейшем актуализируются или не актуализируются в тексте посредством языковых средств. В анализируемом произведении лексическая единица «doog» («дверь»), которая используется двенадцать раз, становится функтором симметрии и участвует в организации текстовых единиц.

Иррадируя в текст совокупность смысловых компонентов разного типа, функтор симметрии направляет линии развития, заданные функтором-смыслопульсатором. Смысловые компоненты, иррадиированные функтором симметрии, актуализируясь в тексте, вступают во взаимодействие с другими актуализированными в тексте смысловыми компонентами.

Предметные, оценочные, гедонистические, концептуально-идейные и архетипические смысловые компоненты становятся единицами анализа и описания не только смысла отдельного текста, входящего в состав семиопространства, но и транспонирования смысла из одного текста (знаковой системы) в другой (в другую знаковую систему) в семиопространстве. Предметные, оценочные, гедонистические и концептуально-идейные смысловые компоненты выделяются на основе дефиниционного анализа толковых словарей. Архетипические смысловые компоненты выделяем в результате анализа определений из словарей и энциклопедий символов и мифов. Например, согласно данным дефиниционного анализа, функтор «The Raven» («Ворон») иррадирует следующие архетипические смысловые компоненты: идея начала, посланник (вестник), предсказание будущего (в том числе дурное предзнаменование, предвестие неудачи), смерть, утрата, война, одиночество, надежда, разум, память, мудрость, семейная любовь, созидательная сила, активная сила, духовная мощь, космос, иной мир, долголетие, грех [4. С. 103; 11; 12]. Функтор «door» («дверь») иррадирует следующие архетипические смысловые компоненты: переход, возможность перехода из одного состояния в другое, вход в новую жизнь, инициация, вступление в новое пространство существования, граница, входящие в этот мир и покидающие его души, женский символ, открытие, начало [4; 11; 12]. Лексические единицы, которые содержатся в определениях, рассматриваются нами как соответствующие типы смысловых компонентов, исходя из того, какой уровень смысла они выражают: предметный, оценочный, гедонистический, концептуально-идейный или архетипический, при этом в процессе выделения смысловых компонентов мы используем интуитивно-логическую методику анализа, разработанную Е. В. Костаревой [5. С. 33]. К важным особенностям данного вида анализа отнесем то, что автор обосновывает с лингвистической точки зрения понятие «интуитивной логики», которое было предложено в работе В. И. Ириной и А. А. Новикова [3].

На дальнейших этапах функторно-семиотической методики производим анализ актуализации смысловых компонентов, иррадиированных функторами, с целью выявления особенностей транспонирования смысла из одной знаковой системы в другую. Так, архетипические смысловые компоненты «смерть» и «утрата», иррадиированные в исходный текст функтором «The Raven» («Ворон»), и архетипические смысловые компоненты «женский символ» и «входящие в этот мир и покидающие его души», иррадиированные функтором «door» («дверь»), актуализируются в начале исходного текста:

«From my books surcease of sorrow – sorrow for the lost Lenore –

For the rare and radiant maiden whom the angels name Lenore –

Nameless *here* for evermore» [13].

В переводе исходного текста, выполненном М. Зенкевичем, актуализируются такие же архетипические смысловые компоненты:

«Облегченье от печали по утраченной Линор,

По святой, что там, в Эдеме ангелы зовут Линор, -

Безыменной здесь с тех пор» [2].

В переводе исходного текста, выполненном К. Бальмонтом, указанные выше архетипические смысловые компоненты не актуализируются:

«На страданье без привета, на вопрос о ней, о ней -

О Леноре, что блистала ярче всех земных огней, -

О светилах прежних дней» [1].

Таким образом, при транспонировании смысла из исходного текста в текст перевода, то есть из знаковой системы на одном естественном языке в знаковую систему на другом естественном языке, можно наблюдать один из видов архетипизации, когда архетипический потенциал (совокупность архетипических смысловых компонентов) исходного текста не актуализируется в тексте перевода.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что функторно-семиотическая методика, разработанная на основе достижений семиотики и контрадиктно-синергетической лингвистики, может быть использована для раскрытия синергетических транссемиотических процессов, протекающих в семиопространстве вследствие взаимодействия знаковых систем разного типа.

Список литературы

1. Бальмонт, К. Ворон / К. Бальмонт. Перевод с англ. // Журнал "Самиздат". – URL: <http://samlib.ru/w/woron/1894balm.shtml>.
2. Зенкевич, М. Ворон / М. Зенкевич. Перевод с англ. // Журнал "Самиздат". – URL: <http://samlib.ru/w/woron/1946zenke.shtml>.
3. Ирина, В. Р., Новиков, А. А. В мире научной интуиции. Интуиция и разум / В. Р. Ирина, А. А. Новиков. – М.: Изд-во «Наука», 1978. – 192 с.
4. Кирло, Х. Словарь символов. 1000 статей о важнейших понятиях религии, литературы, архитектуры, истории. – М.: Центрполиграф, 2007. – 526 с.
5. Костарева, Е. В. Особенности концепта «оценка» и возможные этапы его объективации / Е. В. Костарева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2014. – Вып. 1 (25). – С. 28–35.
6. Лотман, Ю. М. О семиосфере / Ю. М. Лотман // Ученые записки Тарту. гос. ун-та. – Вып. 641. – 1984. – С. 5–23.
7. Лотман, Ю. М. Семиотика культуры в тартуско-московской семиотической школе // История и типология русской культуры / Ю. М. Лотман. – СПб., 2002. – С. 5–20.
8. Мышкина, Н. Л. Внутренняя жизнь текста: механизмы, формы, характеристики / Н. Л. Мышкина. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1998. – 152 с.
9. Мышкина, Н. Л. Возможный мир как единица анализа глобального семиотического пространства / Н. Л. Мышкина // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы VI междунар. науч. конф. : в 2 т. – Т. 2. – Челябинск, 2012. – С. 47–50.
10. Ронжина, Я. Н. Лингвосемиотический анализ процессов креации смысла в художественном тексте: дис. ... канд. филол. наук / Я. Н. Ронжина. – Пермь, 2011. – 197 с.
11. Тресиддер, Дж. Словарь символов / Дж. Тресиддер. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. – 448 с.
12. Энциклопедия символов. – URL: <https://slovari.yandex.ru>.
13. Poe, Edgar Allan. The Raven / Edgar Allan Poe // Poetry Foundation. – URL: <http://www.poetryfoundation.org/poem/178713#poem>.

М. Д. Рыжикова

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
(Симферополь, Россия)ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ
ПОХВАЛЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ТУРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕLINGUISTIC PECULIARITIES OF REALISATION
OF PRAISING STRATEGY IN ENGLISH TOURISTIC DISCOURSE

В статье рассматривается стратегия похвалы как средство достижения успешной коммуникации в туристическом дискурсе. На материале британских рекламных экскурсионных проспектов определяется коммуникативная цель, предпосылки и мотивы говорящего. Выделяются вербальные показатели стратегии, а именно: лексические, морфологические, синтаксические и риторические приемы.

The article dwells upon the praise strategy as a method to reach a successful communication in touristic discourse. On the data of British advertising tour leaflets its communicative goal, grounds and reasons of the speaker are specified. Verbal means of expressing the strategy, in particular lexical, morphological, syntactical and rhetoric techniques, are pointed out.

Ключевые слова: похвала, туристический дискурс, коммуникативная стратегия, коммуникация, лингвистические средства.

Keywords: praise, touristic discourse, communicative strategy, communication, linguistic means.

Современному мировому сообществу свойственно установление новых контактов, что реализуется посредством использования языка, в частности английского. Успешность межкультурной коммуникации во многом зависит от выбора лингвистических средств, которые служат воплощением той или иной стратегии или тактики. Одной из сфер, где возможно поликультурное пересечение, а, следовательно, и сотрудничество, представляется туризм. Так, изучение туристической сферы с позиций коммуникативной лингвистики является актуальным.

Цель настоящего исследования заключается в лингвистическом анализе стратегии похвалы, а также определении лексических, морфологических, синтаксических и риторических средств, приемов и конструкций, с помощью которых данная стратегия реализуется в туристических проспектах.

Материалом для анализа послужили 100 британских экскурсионных рекламных текстов, отобранных методом сплошной выборки из представленных на Интернет-сайте <http://www.garudaorientholidays.biz/> за 2015 год.

Одной из задач туристического дискурса является информирование адресата с последующим убеждением в выборе того или иного туристического продукта. Следовательно, такой вид коммуникации можно охарактеризовать как манипулирующий, поскольку говорящий намеренно оказывает влияние. Для достижения коммуникативной цели в такой ситуации следует правильно выбрать стратегию и способы ее реализации. Одной из успешных тактик считается высказывание похвалы [1. С. 288], которая также основывается на эмоционально-оценочном типе языкового влияния, представляя собой социальный тип информирования и разъяснения [4]. Таким образом, туристический дискурс можно рассматривать как стратегическую коммуникацию, а стратегию похвалы можно обозначить как одну из характерных для такого общения.

Настоящий анализ стратегии похвалы основывается на параметрах, предложенных О. С. Иссерс [1] и М. Ю. Олешковым [3], а именно: мотивация говорящего, ее тип, предпосылки, цель и лингвистические показатели.

Предпосылками возникновения коммуникации в туристическом дискурсе являются когнитивные, социальные или персональные потребности адресата / адресанта. Например, социальные могут проявляться в пропаганде определенной услуги, особенно новой, для ее дальнейшего продвижения, или курорта, на-

пример, по политическим причинам. Когнитивные – объясняются стремлением воздействовать на эмоции и чувства адресата. Однако чаще всего базой создания экскурсионного проспекта являются персональные потребности, которые также могут подразделяться на некоторые виды в зависимости от цели тура: рекреация, обучение и др.

Глобальной целью [2. С. 19–88], туристических рекламных текстов является изменение отрицательных эмоций и чувств реципиента касательно объекта в противоположную сторону, снятие критического и, соответственно, формирование положительного отношения к объекту. К эпизодическим целям относится информирование и высказывание похвалы конкретным услугам. Главной коммуникативной целью стратегии похвалы является освещение неизвестных фактов, представление объекта в выгодном свете для оказания влияния на собеседника, тогда как формирование позитивных эмоций считается второстепенной.

Принципом стратегии является коррекция модели мира адресанта, поскольку говорящий, вне зависимости от наличия информационной недостаточности у собеседника, фактически навязывает свою точку зрения.

Согласно классификации М. Ю. Олешкова [3. С. 401–402], стратегия похвалы является информативно-аргументативной, поскольку она воплощается в персуазивных сообщениях, и контрольно-оценочной, т.к. выражает оценку объекту, например: «*The city of Duluth is a blend of quaint homes and steep hills, offering tremendous views of Lake Superior, and the world's largest freshwater port*».

Анализ рекламных туристических проспектов позволяет выделить некоторые черты стратегии похвалы. Так, в таких текстах она концентрирует внимание на объекте, например: «*For the greatest array of sites start downtown where museums, theatres and galleries share the streets with hot restaurants, lounges and a little place called the White House*».

Кроме того, поскольку данная стратегия зачастую реализуется оценочной лексикой, она характеризуется высокой степенью эвалюативности, направленной на формирование восхищения со стороны реципиента, например: «*Recently featured in the movie Sea Biscuit, Churchill Downs is the mecca of American horse racing and home of the Kentucky Derby Museum*», «*Experience one of the world's most picturesque cities, with breathtaking views, ethnically diverse neighborhoods and spectacular landmarks*».

Исследование показало, что стратегия похвалы выражается с помощью ряда коммуникативных тактик и ходов.

Например, особенностью стратегии является тактика «игры на повышение», в которой наблюдается нарастание похвалы, что способствует еще большему впечатлению, а значит, и более убедительному эффекту. Как правило, такая тактика выражается с помощью градации, например: «*The lure of the most magnificent of the seven natural wonders. An inexplicable urge to get acquainted with Mother nature's crown jewel. A lifelong desire to come face to face with the world's deepest chasm*».

Другой типичной тактикой стратегии похвалы следует назвать тактику имплицитной оценки: когда говорящий выражает лаудацию не прямо, а косвенно, например: «*Follow the Tamiami Trail and drive through the heart of the largest sub-tropical wilderness in North America, the Everglades. The watery River of Grasses is a sanctuary for a myriad of birds and animals. East of the Everglades, the sandy beaches of South Florida await you*». В данном случае тактика реализуется с помощью перечисления и эпитетов: адресат имеет возможность вообразить себе всю полноту местности, таким образом, достопримечательность представляется как такая, которую стоит посетить, с разнообразием живописных видов, флоры и фауны.

Среди коммуникативных ходов отмечается употребление таких: сообщение, апеллирование к чужому опыту и предположение/обещание. Первый ход передает хвалебную информацию об объекте, например, с помощью обособления, эпитета, метафоры и прозопопеи: «*Continue along the Great River Road north to the city of Red Wing, a scenic river town brimming with Victorian architectural treasures*».

В случае, если адресант стремится усилить эффект воздействия, употребляются ссылки на людей, которые уже воспользовались услугой. Таким образом, такое апеллирование также может способствовать успешной коммуникации, например: «*See for yourself why so many people are in awe of the Lincoln Memorial and learn the touching stories behind the Vietnam Veterans and World War II Memorials*».

В некоторых случаях говорящий не может быть уверен в правдивости своих слов, поскольку все люди разные и нельзя абсолютно гарантировать ожидаемый эффект. Во избежание неприятных последствий используется коммуникативный ход предположения, который фактически имеет форму обещания. Пред-

полагаемое ожидание от использования той или иной услуги высказывается посредством будущего неопределенного времени the Future Simple, например: «*The broad boulevards of Pierre L'Enfant's masterfully designed city will leave you with a dramatic impression of America's seat of government*».

Как видно из приведенных выше примеров, стратегия похвалы реализуется разнообразными вербальными средствами, способствующие аргументации, среди которых отмечаются лексические, морфологические, синтаксические и риторические.

К лексическим относятся эвалюативные существительные (например, «*Visit the Country Music Hall of Fame, a multimedia music shrine including live performances, movie theatres, costumes, instruments and other artifacts detailing country music's colorful history*»), прилагательные (например, «*A full day to explore magnificent Cape Cod with its high cliffs, rolling dunes, broad beaches, miles of walking trails, picturesque villages and delicious seafood*») и наречия (например, «*A full day to discover romantically medieval Québec City and experience the locals' joie de vivre*»), которые оказывают положительный эмоциональный эффект на собеседника.

Морфологические средства охватывают использование степеней сравнений прилагательных (например, «*Today continue along Maine's fantastically varied coastline by Brunswick to Wiscasset, which claims to be the "prettiest village in Maine."*») и стилистическое употребление определенного артикля – там, где предполагается наличие неопределенного (например, «*New Orleans is a jazz lover's paradise, and the familiar backdrop in a string of successful movies*»). Такие способы также указывают на уникальность объекта и подчеркивают его специфичность.

Среди синтаксических особенностей выявлены инверсия (например, «*Along the route north of Boston lies almost four centuries of history, as well as some of the coast's finest beaches and seascapes*»), «*For music fans, the highlight would be a visit to the Alabama Jazz Hall of Fame. ... For movie lovers, try and locate the original Whistle Stop Café, the setting for the novel, and later film, Fried Green Tomatoes*») и эмфатические конструкции (например, «*It was in Charleston that early shots of the Civil War were fired, starting a four-year battle that ended with the defeat of the Confederate States and the re-emergence of the United States as one nation*»), акцентирующие внимание на конкретные черты объекта.

Риторические средства реализации похвалы представлены эпитетами, метафорой, прозопопеей и градацией. Эпитеты (например, «*Discover soaring peaks, dramatic glacier-carved valleys, clear lakes, and the rugged shoreline with the only true fjord on the US Atlantic coast*») делают высказывания запоминающимися. Метафора (например, «*Your drive today takes you inland towards the spectacular scenery of the White Mountains, the “rooftop of New England,” a landscape dotted with historic villages and enchanting covered bridges*») создает яркий образ объекта и, как следствие, желание воспользоваться предложением. Градация (например, «*Driving south, return to the United States and drive along Lake Champlain, the largest lake in New England, to Vermont’s Northeast Kingdom. Here you will find some of the country’s most beautiful scenery ... Continue south along Route 100, where you will take in some of the most spectacular scenery in Vermont’s Green Mountains ... See picture-perfect villages and some of Vermont’s famous covered bridges before crossing into Massachusetts’ Berkshires, known for their rural beauty and cultural assets*») увеличивает восхищение объектом, а также усиливает положительное отношение к нему. Прозопопея «оживляет» образ, например: «*Today you will have the chance to visit Independence Park in Philadelphia, where the spirit of the American Revolution was forged into the foundation of the new nation*».

Настоящее исследование показало, что стратегия похвалы в туристических рекламных проспектах является средством аргументирования, нацеленном на эффективность коммуникации. Стратегия формирует позитивное отношение к объекту, что достигается рядом коммуникативных тактик и ходов, среди которых отмечены: игра на повышение и имплицитная оценка; сообщение, апеллирование к чужому опыту, предположение/обещание. Бу-

дучи информативно-аргументативной и контрольно-оценочной, похвала концентрирует внимание на объекте. Отличительной чертой стратегии является ее эвалюативность, которая достигается использованием оценочных существительных, наречий и прилагательных. К другим средствам реализации стратегии похвалы относятся морфологические (степени сравнения прилагательных, стилистическое употребление определенного артикля), синтаксические (инверсия, эмфатические конструкции) и риторические (эпитеты, метафора, прозопопея, градация).

Дальнейшими направлениями в исследовании возможно рассмотрение и сравнение реализации стратегии похвалы в других видах дискурса.

Список литературы

1. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / Оксана Сергеевна Иссерс. – Изд. 5-е. – М. : Издательство ЛКИ, 2008. – 288 с.
2. Дейк, ван Т. Стратегии понимания связного текста / Тойн ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике : Вып. 23. – М., 19–88.
3. Олешков М. Ю. Интенция как основа коммуникативной стратегии в институциональном дискурсе / М. Ю. Олешков // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 20–23 марта 2007 г.) : Труды и материалы / Составители М. Л. Ремнева, А. А. Поликарпов. – М. : МАКС Пресс, 2007. – С. 401–402.
4. Федорова Л. Л. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения / Л. Л. Федорова // Вопросы языкознания. – 1991. – № 6. – С. 46–50.

О. В. Рыкова

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОНЯТИЙ «КОНЦЕПТ» И «ДИСКУРС»
НА ПРИМЕРЕ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «ТЕРРОРИЗМ»****INTERCONNECTION OF THE NOTIONS “CONCEPT” AND “DISCOURSE”
AS EXEMPLIFIED BY THE VERBALIZATION
OF THE CONCEPT “TERRORISM”**

В настоящей статье рассматривается взаимодействие понятий «концепт» и «дискурс» на примере специфики вербализации концепта «терроризм». Высокая степень вербализации концепта «терроризм», обусловленная политической ситуацией и происходящими в мире событиями, позволяет отнести его к числу социально значимых концептов, доминирующих в сознании социума. Эксплицированность данного концепта в разных типах дискурса говорит о его полидискурсивной сущности. Специфика осознания концепта в разных типах дискурса обусловлена самой функцией, назначением конкретной разновидности дискурса, через призму которого происходит восприятие концепта.

The given article focuses on the interconnection of the notions of concept and discourse as exemplified by the verbalization peculiarities of the concept of terrorism. The high degree of terrorism verbalization resulting from the political situation and recent events in the world allows to classify terrorism as a socially significant concept dominating in the society. Explication of this concept in different discourse types proves its multi-discourse nature. The peculiarities of perceiving terrorism in different discourse types are conditioned by the function and the purpose of a particular discourse type through which the concept is perceived.

Ключевые слова: дискурс, институциональный дискурс, концепт, полидискурсивный концепт, метаконцепт, терроризм.

Keywords: discourse, institutional discourse, concept, multi-discourse concept, metaconcept, terrorism.

В широком смысле понятие «дискурс» можно интерпретировать как сложное коммуникативное явление, включающее не только акт создания определенного текста, но и акт его восприятия, как «интегральную сферу изучения языкового общения с точки зрения его формы, функции и ситуативной, социально-культурной обусловленности» [5. С. 99–100]. Таким образом, объектом лингвистического анализа дискурса любого типа (художественного, научного, политического), смысловое пространство которых представлено в разном соотношении единицами первичной и вторичной номинации, становится не только текст, но и вся та социокультурная информация, которая этим текстом опосредуется.

Концептообразовательный потенциал дискурса обусловлен самой его природой. Образование дискурса, как правило, концентрируется вокруг некоторого обобщенного быденного понятия, что, в свою очередь, ведет

к созданию определенного смыслового контекста, охватывающего информацию о субъекте или субъектах речемышления, объектах, обстоятельствах и о пространственно-временных координатах.

С точки зрения структуры, «дискурс – двустороннее образование, имеющее план выражения и план содержания» [10. С. 8]. План выражения дискурса представляет собой связанную последовательность языковых единиц, созданную в определенное время и в определенном месте с конкретной целью. В означаемом дискурса этносознанием выделяются ключевые слова-концепты, вобравшие в себя смысловую и экспрессивно-оценочную энергетику всего коммуникативного события. Именно такие слова-концепты становятся, как правило, смысловым центром вторичного знакообразования, в то время как значения таких знаков заключают в себе свернутые модели дискурсивной деятельности.

Впервые когнитивная природа дискурсивного знакообразования была определена М. Лациарусом и А. А. Потебней как «сгущение мысли», когда появление на основе дискурсивного мышления новой внутренней формы и сама апперцепция в формирующемся знаке «сгущает чувственный образ, заменяя все его стихии одним представлением...» [7. С. 194]. В результате дискурсивного переосмысления внутренних форм происходит их ослабление или даже забвение.

В результате таких дискурсивно-когнитивных преобразований развивается несоответствие означаемого означающему дискурсивно обусловленного знака косвенно-производной номинации. Концепция структурной асимметрии языкового знака предполагает, что при возникновении дискурсивно обусловленного знака имеет место асимметрия означаемого и означающего дискурса, обусловленная нарушением взаимнооднозначных отношений плана выражения и плана содержания дискурса. При этом дискурсивное знакообразование осуществляется в процессе возникновения совмещенной асимметрии – парадигматической и синтагматической. Синтагматическая асимметрия проявляется в том, что целостная мыслительная структура (концепт, гештальт) вербализуется в образной речи имплицитно, в виде устойчивого сочетания слов, которое возникает в результате нарушения их смысловой дистрибуции.

В фокусе исследования данной работы находятся научные понятия «концепт» и «дискурс» в их взаимодействии – два феномена, которые в настоящее время представляют наибольший исследовательский интерес для специалистов в области лингвистики. Соглашаясь с постулатом о наличии определенного конфигуративного дуализма в концептуальной организации дискурса, мы соглашаемся с существованием двух векторов движения научной мысли: «дискурсоцентрического» (от дискурса к концепту) и «концептоцентрического» (от концепта к дискурсу) [8. С. 128]. В рамках настоящего исследования мы выбираем последний принцип исследования, предметом которого является паттерн «концепт в дискурсах».

Терроризм можно отнести к числу «социально значимых концептов» [4], имеющих социокультурную выделенность, доминирующих в сознании социума в определенные периоды времени. В. Г. Кузнецов утверждает: «Вторым по широте своей социальной значимости является, пожалуй, концепт «терроризм», поскольку

ку в настоящее время это явление приобрело, по существу, глобальный, общечеловеческий характер» [4. С. 40]. Стоит отметить, однако, что степень социальной значимости данного концепта в странах мира будет различной.

Современная научная парадигма выдвигает постулат о том, что концепт может характеризоваться когнитивно-коммуникативной асимметрией, выражаемой в отсутствии четкой коррелятивной зависимости между определенным концептом и определенным дискурсом. Отсюда следует, что «одна и та же ментальная единица <...> может входить в информационное поле нескольких дискурсов» [8. С. 128]. Так, концепт «терроризм» относится к числу полидискурсивных, оказываясь общим для ряда специальных дискурсов в рамках общенационального дискурса США: политического (“domestic terrorism”, “international terrorism”), компьютерного (“cyberterrorism”, “компьютерный терроризм”), религиозного (“religious terrorism”, “jihad”), экономического (“economic terrorism”), юридического (“terrorist act offenses”, “anti-terrorism legislation”), культурологического (“terrorist ideology”, “influence on society’s collective conscience”) и пр. Таким образом, это позволяет нам применить термин «метаконцепт» по отношению к терроризму.

Вслед за Г. Г. Слышкиным мы определяем метаконцепт как «ментальную единицу, возникшую в результате осмысления носителями языка продуктов предшествующей концептуализации, оформленных как семиотические образования» [9. С. 5]. Метаконцепт – ментальный конструкт, представляющий собой своеобразную «надстройку», регулирующую и контролирующую составляющие ее концепты, которые актуализируются и взаимодействуют в каждой определенной ситуации по-разному, имеют конкретное проявление в действительности и определенную вербальную репрезентацию. «Греческая приставка мета- указывает на внешнюю позицию метаконцепта по отношению к внутренним концептам, соотношению и функционированию которых он регламентирует» [6. С. 80].

Наибольшую исследовательскую значимость для нас представляет рассмотрение специфики актуализации концепта «терроризм» в рамках двух дискурсов: юридического и массмедийного, в связи с более широкой представленностью вербализаторов данного концепта в этих институциональных дискурсах.

Рассматриваемые типы дискурса – юридический и массмедийный – являются институци-

ональными и выступают пространствами осуществления профессиональной коммуникации. При этом юридический дискурс в большей степени, чем медийный, стеснен рамками институциональности, по своей природе он консервативен, более закрыт в отношении способности заимствовать концепты, свойственные иному дискурсу. Массмедийному дискурсу свойственна открытость, профессиональное знание в нем переплетается с бытийным, личностным. Различие затрагивает также и форматы эксплицируемого знания. В юридическом дискурсе терроризм, будучи включенным в систему правовых знаний, является специальным понятием и, таким образом, его наполнение конструируется специалистами. В рамках медийного дискурса исследователь имеет дело с фреймовой организацией концепта и производит, таким образом, реконструкцию последней.

Деление дискурсов на закрытые и открытые, а концептов на моно- и полидискурсивные характеризуется количественной асимметрией, обусловленной наличием в лингвокультуре значительно большего числа открытых дискурсов нежели закрытых, и, соответственно, большего количества полидискурсивных концептов в сравнении с меньшим количеством монодискурсивных.

Важным аспектом при рассмотрении разных типов дискурса также является реципиент, целевая аудитория. Абсолютно очевидно, что юридические тексты, и в частности их конкретная разновидность – законодательные акты, создаются специалистами и для специалистов, являясь «статусно-ориентированными» [3. С. 81], тогда как медийные тексты ориентированы на непрофессионала, несмотря на то, что создаются они в рамках определенного социального института.

В рамках дискурсивной типологии концептов терроризм в юридическом дискурсе может быть отнесен к категории «аллохтонов» [8], являясь конкретизатором системообразующего концепта «преступление». Последнее десятилетие характеризуется ростом числа антитеррористических юридических документов (указов, подзаконных актов и т.д.), что подчеркивает зависимость рассматриваемого концепта от сложившейся политической ситуации в мире. В массмедийном дискурсе концепт «терроризм» также является аллохтоном, его можно охарактеризовать как нерегулярно реализуемый и напрямую зависящий от происходящих в мире событий. Хотя, учитывая ситуацию в мире, в последнее время можно говорить об

определенной регулярности рассматриваемого концепта.

Н. Н. Болдырев постулирует положение о том, что «концепт может иметь матричную структуру, объединяя разные когнитивные области или контексты, следствием чего становится появление нового формата знания – категориально-матричного» [2. С. 36]. Рассмотрение понятий «концепт» и «дискурс» в их взаимодействии подводит к заключению, что дискурс служит своеобразной матрицей, сеткой, в соответствии с которой определенное знание эксплицировано в языке.

В своем исследовании американский лингвист М. Блэк, предпринимая попытку объяснить сущность функционирования когнитивной метафоры в языке, предлагает следующее объяснение: «Предположим, что мы смотрим на ночное небо через закопченное стекло, на котором в некоторых местах прорисованы чистые линии. Тогда мы будем видеть только те звезды, которые лежат на этих линиях, а картину звездного неба можно будет рассматривать как организованную системой этих линий. Нельзя ли считать метафору таким же стеклом, а систему общепринятых ассоциаций фокусного слова – сетью прочерченных линий? Мы как бы «смотрим» на главный субъект «сквозь» метафорическое выражение – или, говоря другими словами, главный субъект «проецируется» на область вспомогательного субъекта» [1. С. 165]. Нам представляется целесообразным воспользоваться данной метафорой для объяснения природы взаимодействия дискурса и концепта. Дискурс в рамках такого объяснения будет играть роль системы правил, требований, ограничений, обусловленных самой функцией, назначением, сферой функционирования специального дискурса в общенациональном дискурсе, сквозь «фильтр» которых мы и наблюдаем, осознаем концепт.

Таким образом, один и тот же концепт будет по-разному представлен в разных дискурсах. Только сопоставив, интегрировав данные о внутреннем наполнении концепта в разных дискурсах, мы можем получить целостное, исчерпывающее представление о содержании концепта и его сущностных характеристиках.

Список литературы

1. Блэк, М. Метафора / М. Блэк // Теория метафоры. – М. : Изд-во «Прогресс», 1990. – С. 153–172.

2. Болдырев, Н. Н. Проблемы концептуального анализа / Н. Н. Болдырев // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. мат-лов 29 сентября – 1 октября 2010 г. / отв. ред. Н. Н. Болдырев. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2010. – С. 34–38.
3. Карасик, В. И. Дискурсивная персонология / В. И. Карасик // Язык, коммуникация и социальная среда. – Волгоград : ВГПУ, 2007. – Вып. 5. – С. 78–86.
4. Кузнецов, В. Г. Социально значимые концепты в синхронии и диахронии / В. Г. Кузнецов // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов : Издательский дом ТГУ имени Г. Р. Державина, 2008. – Вып. 4. – С. 38–45.
5. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров // М. : Гнозис, 2003. – 280 с.
6. Меньшикова, С. И. Концепты «ДОБРО» и «ЗЛО» в структуре метаконцепта / С. И. Меньшикова // Вестник Тверского государственного университета. – 2009. – С. 78–86.
7. Потебня, А. А. Мысль и язык. / А. А. Потебня // Собрание трудов. – М. : Лабиринт, 1999. – 300 с.
8. Приходько, А. Н. Концепт в дискурсах vs концепты в дискурсе / А. Н. Приходько // Дискурс, концепт, жанр : коллект. моногр. / отв. ред. М. Ю. Олешков. – Нижний Тагил : НТГСПА, 2009. – С. 125–140.
9. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты / Г. Г. Слышкин. – Волгоград: Перемена, 2004. – 340 с.
10. Сусов, И. П. Деятельность, сознание, дискурс и языковая система / И. П. Сусов // Языковое общение : Процессы и единицы. – Калинин, 1988. – С. 7–13.

М. А. Самкова

*Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)*

СИММЕТРИЧНОСТЬ И ДИСКУРСИВНОСТЬ КАК СВОЙСТВА ТЕКСТА

SYMMETRY AND DISCOURSIVENESS AS TEXT FEATURES

В статье рассматриваются одни из ведущих категорий текста – целостность и связность, отражённые в таких свойствах текста как дискурсивность и симметричность. Единство исследуемых свойств является структуро- и смыслообразующим параметром текста. На материале текстов из учебников, построенных по принципу обучения речевым ситуациям, определяется фреймовая организация текста и выявляется его ритмико-композиционная структура.

The paper studies coherence and cohesion as the most principal categories. It also considers such properties as discursiveness and symmetry. The unity of these properties is the parameter which forms the structure of a text. The author analyzes frame-based models and rhythmical structure of a text.

Ключевые слова: текст, целостность, связность, дискурсивность, симметричность, фрейм, повтор.

Keywords: text, coherence, cohesion, discursiveness, symmetric property, frame, repetition.

В настоящее время терминологический аппарат при изучении текстовых категорий разнообразен в плане использования основных понятий. В ряде работ термины «категория», «свойство», «параметр текста» используются как синонимы. В некоторых случаях необходимо различать категории и свойства текста. Под ка-

тегорией мы понимаем качество, выражающее сущностную определенность текста и имеющее объективный и обобщающий характер. Категория текста проявляется в совокупности его свойств как черт текста, которые обуславливают его различие / общность с другими текстами и обнаруживаются в соотношении с последними.

Крупнейший исследователь в области лингвистики текста И.Р. Гальперин предлагает выделить в составе текстообразующих категорий содержательные и формально-структурные [1]. В данной статье мы рассмотрим категории, характеризующие способ организации текста и имеющие содержательные характеристики – целостность и связность. Эти категории считаются базовыми и системообразующими. Они обуславливают онтологический статус текста [Цит. по: 4. С. 48]. В качестве основных свойств текста выделим симметричность и дискурсивность.

Категория связности отражает одно из всеобщих существенных свойств – симметричность, а категория целостности – дискурсивность. Будучи одним из основных свойств текста, дискурсивность означает «понимание текста не как изолированной единицы, но как составной части метатекстового единства» [11. С. 174]. Это «явная или скрытая связь вербального произведения с определенным типом дискурса, которая проявляется в его включённости во фрагмент картины мира путём использования концептов, фреймов, сценариев и схем построения» [3. С. 3]. Дискурсивность характеризует открытость текста метасистеме – совокупности содержательно однородных текстов. Данное свойство находит выражение в количестве непосредственных отношений одного текста с другими.

Дискурсивность текста реализуется на следующих уровнях текстовой организации: типологическом, структурно-смысловом, функционально-стилистическом, речевом и на уровне формы, а также проявляется в соединении языкового и когнитивного уровней в виде фреймов. Обобщенное определение фрейма следующее: организованная в виде совокупности слотов структура репрезентации опытного когнитивного знания. Фрейм «смыкается смысловыми узлами схемы с соответствующими компонентами значения единицы / структуры языка» [9. С. 20] в дву- или многостороннем процессе текстопорождения.

Фреймовую организацию можно исследовать на текстовом материале учебников для изучения иностранного языка и иноязычного общения, построенных по принципу обучения речевым ситуациям. Тексты учебника представлены в форме полилогов как инвариантной модели устных форм общения. Содержание учебного материала последовательно раскрывается в актах социального взаимодействия, например, на улице, в магазине, в аэропорту, в отеле, в гостях, на конференции и т.д. В сред-

нем, в рамках одного текста заключены три-пять типов речевых актов, например, приветствие, заказ блюд в ресторане, поздравление, проведение интервью, прощание. Предположительно, коммуникативному опыту, включающему знания о видах, характеристиках и способах выражения речевых актов, свойственна фреймовая организация, изучение которой позволит использовать в процессе интеракции способы организации, вербальные действия и речевые формулы, идентичные действиям и выражениям носителя языка.

Фреймовый анализ речевых актов предложен Ж.В. Никоновой. В анализе учитываются статичные фреймы и динамичные фреймы порождения речевого акта [8. С. 226]. На основании того, что «в языке вербализуются наиболее прагматически значимые элементы сферы выбора типа речевого акта при порождении высказывания, фреймовому анализу подвергаются глаголы как элементы иерархической структуры фрейма, как номинаторы коммуникативного типа речевого акта, вовлеченные в процесс порождения текста» [Там же]. Глаголы отражают динамическую характеристику смыслоформирования текста. По утверждению В. Г. Борботько, цепочки глаголов отражают фазы развития динамики текста и деятельность языкового сознания автора. Определенная организация глаголов создает смысловую доминанту, например, *to order, to drink, to taste, to cook, to eat out* и т.д.

Таким образом, фрейм является многоаспектным феноменом, который тесно связан с организацией текста. Целостность текста базируется на сохранении не только тематического единства, но и коммуникативного типа текста. Будучи динамической структурой с активными зонами, фрейм задает нормативный сценарий одного типа и взаимосвязь множества текстов. В ходе исследования можно высказать предположение о том, что фреймовая структура, извлеченная из текста, подобна глубинной структуре текста как природного объекта.

Симметричность формирует устойчивость и связность в глубинной структуре. Данное свойство служит стабилизатором и синхронизатором текста [6. С. 62], создающим гармоничную композицию. Симметричность проявляется в ритмической организации текста. Признаком симметричности структуры текста признается наличие повторяющихся элементов всех уровней лингвистического субстрата [5. С. 92].

Повтор является «средством создания референциальной структуры текста» [4. С. 46].

«Изображая единую референтную ситуацию, повтор вносит существенный вклад в создание смысловой целостности текста» [7. С. 24]. Очевидно, «чтобы сохранить целостность, текст должен стремиться к повторению / симметрии, но не достигать её, поскольку симметрия его структуры ведёт к резкому снижению информативности» [2. С. 52].

Распределение повторов по всему тексту и выявление областей их концентрации исследуется с помощью метода позиционного анализа текста. В основе метода заложены свойства пропорции как меры, «структурированной по принципу ритма» [12. С. 241], и линейная модель текста. На основании повторения языковых единиц выявляется композиция. Единообразная обработка совокупности текстов позволяет систематизировать и описать композиционные типы, а также понять подобие разнообъёмных текстов. С помощью данного метода вероятностно-статистическим путём тексты разного размера и объёма приводятся к единой мере. Симметрия позволяет принимать «любой текст за единицу» [7. С. 45], а повторяющаяся часть вычисляется как пропорция от единицы.

Симметричность определяет особенности композиции текста. Кратко опишем типы симметрических преобразований текста на примере англоязычных полилогов, взятых из учебников для обучения англоязычному общению. Для структуро- и формообразования эффективна зеркальная симметрия в виде самоотражения в структуре, символизирующая равновесие, как, например, в заголовках «Business first, then pleasure» и «Pleasure first, then business». Зеркально-поворотный тип симметрии, выраженный с помощью вариативных повторов (синонимов и местоименных повторов), задает динамику структуры. Зеркально-переносной тип, прослеживающийся в параллельных синтаксических конструкциях «Can you dance?», «Can you tango?», создает относительное подобие. Однако такой способ адаптации языкового элемента к структуре ограничивает однообразие и акцентирует внимание на содержимом формы. Зеркально-симметричные типы структуры оптимальны для текстов, направленных на обучение учащихся, имеющих незначительный объем знаний английского языка.

Актуальна для структурообразования текста и асимметрия – отсутствие или нарушение симметрии. Асимметричная структура указывает на разнообразие используемых средств выражения речевых актов. Такой тип присущ текстам для продвинутого этапа обучения.

Асимметричность создает внутреннее напряжение и указывает на высокую информативность текста.

Диссимметрия – «понижение или частичное отсутствие симметрии» [10. С. 37] с пропусками компонентов / фрагментов на фоне общей симметрии, является наименее частотным типом, представленным в полилогах учебника для уровней «выше среднего» и «продвинутой». Диссимметричная структура отражает нарастающую напряженность содержания и указывает на дестабилизацию динамического развития формы. Часто количество повторов в структуре такого типа увеличивается при приближении к концу текста. Частотным элементом содержательной формы становится эмоционально-окрашенная лексика: «No kidding?», «You're not pulling my leg?», «Good heavens!».

Роль разнообразных видов симметрии в структурообразовании заключается в осуществлении взаимной адаптации смысловых элементов к глубинной структуре и внутритекстовой системе, а также в усилении информационной структуры и построении оптимальной ритмической композиции.

Единство внешней и внутренней формы, глубинной и смысловой структуры обуславливает взаимовлияние свойств текста и тесное взаимодействие его категорий. Целостность внешне материализуется в связности, связность обусловлена целостностью. Дискурсивность и симметричность группируют вокруг себя соотнесенные свойства, позволяют определить фреймовую организацию текста и выявить его ритмико-композиционную структуру.

Список литературы

1. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – Изд. 4-е, стереотипное. – М. : КомКнига, 2006. – 144 с.
2. Герман, И. А. Введение в лингвосинергетику : монография [Текст] / И. А. Герман, В. А. Пищальникова. – Барнаул : Изд-во Алтайского университета, 1999. – 130 с.
3. Карчаева, С. Х. Дискурсивность научного текста : дис. ... канд. филол. наук / С. Х. Карчаева. – Нальчик, 2010. – 209 с.
4. Ключкова, Е. С. Повтор как средство создания референциальной структуры гипертекста / Е. С. Ключкова // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. – Самара : Изд-во «Самарский университет», 2008. – № 4 (63). – С. 46–54.

5. Корбут, А. Ю. Принцип симметрии в классификации элементов текста и его объясняющая сила / А. Ю. Корбут, Г. Г. Москальчук // Вестник Оренбургского государственного университета. Специальный выпуск. Приложение: Гуманитарные науки. – Оренбург : Оренбургский государственный университет, 2005. – № 2. – С. 64–70.

6. Манаков, Н. А. К основам текстосимметрии [Текст] / Н. А. Манаков, Г. Г. Москальчук // Лингвосинергетика: проблемы и перспективы: материалы второй школы-семинара. – Барнаул, 2001. – С. 57–64.

7. Москальчук, Г. Г. Структура текста как синергетический процесс / Г. Г. Москальчук. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 296 с.

8. Никонова, Ж. В. Основные этапы фреймового анализа речевых актов (на материале современного немецкого языка) / Ж. В. Никонова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. «Филология. Ис-

кусствоведение». – Нижний Новгород : Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2008. – № 6. – С. 224–229.

9. Никонова, Ж. В. Фреймовый анализ речевых актов (на материале современного немецкого языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Ж. В. Никонова. – Нижний Новгород, 2009. – 41 с.

10. Пономаренко, И. Н. Симметрия/асимметрия в лингвистике текста : дис. ... д-ра филол. наук / И. Н. Пономаренко. – Краснодар, 2005. – 325 с.

11. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность : учебное пособие / В. Е. Чернявская. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 248 с.

12. Шмелев, И. П. Третья сигнальная система / И. П. Шмелев, М. А. Марутаев, И. П. Шмелев // Золотое сечение: Три взгляда на природу гармонии. – М., 1990. – С. 233–341.

Н. А. Седова

*Омский государственный институт сервиса
(Омск, Россия)*

МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОБРАЗА ЧЕЛОВЕКА И ЕГО ЧАСТЕЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

THE METAPHOR AS A MEANS OF LANGUAGE INTERPRETATION OF THE IDEAS ABOUT HUMAN AND HIS PARTS IN THE LITERARY DISCOURSE

В статье рассматриваются тексты художественного дискурса, построенные на основе метафоры, которые отражают представления о человеке и его частях. Автор исходит из того, что метафора играет существенную роль в моделировании и интерпретации образа человека и его частей. Описываются продуктивные метафорические модели «Человек / часть человека – пространство», «Часть человека – живое существо», которые моделируют образ человека и его частей в художественном дискурсе.

The article deals with the texts of literary discourse constructed on the basis of metaphors which reflect ideas about human and his parts. The author proceeds from the fact that metaphor plays an important role in the modeling and interpretation of the image of human and his parts. Describes productive metaphorical models «Human / human's part – space», «Human's part – living creature» which model ideas about human and his parts in the literary discourse.

Ключевые слова: метафора, образ человека, образ частей человека, художественный дискурс.

Keywords: metaphor, human's image, image of human's parts, literary discourse.

С точки зрения активно развиваемого в современной лингвистике когнитивно-антропологического направления, человек в языковой картине мира представлен двумя ипостасями: *субъект* речи-мысли, творец, создатель языка, «отражающий в слове собственное мировидение (состояния, настроения, оценки, социальное, этническое, философское, эстетическое, нравственное, профессиональное, культурное, индивидуально-личностное «я»)» [4. С. 267] и *объект* речевой характеристики, описания, оценки – «герой», или «персонаж» [7. С. 15]. На наш взгляд, оба аспекта присутствия человека в языке позволяет актуализировать художественный текст, поскольку объектом духовного исследования и познания в нём является человек. В центре настоящего исследования находятся образы человека-объекта («героя», «персонажа»), а именно те его характеристики, которые человек-субъект художественной речи мыслит в качестве частей, параметров, ипостасей человека-объекта.

Художественный текст рассматривается нами как один из трёх уровней – надтекстовый (сфера коммуникации, параметры и условия общения), *текстовый* (совокупность текстов как производных параметров и условий общения данной сферы коммуникации), подтекстовый (картина мира, репрезентированная совокупностью текстов и актуальная для данной сферы коммуникации) – дискурсивной модели, разработанной Н. А. Мишанкиной, вслед за которой под дискурсом мы будем понимать совокупность коммуникативных и вербальных параметров, определяющих способы осуществления коммуникации в той или иной сфере, получающих материальную реализацию в виде формации текстов, и маркированных наличием специфичных языковых структур (стилистических черт), и воплощающих особый способ отражения мира, принятый в рамках данной коммуникативной сферы [3. С. 98].

В соответствии с типологией дискурса В. И. Карасика художественный дискурс относится к личностно-ориентированному (персональному) типу и бытийной его разновидности. Специфика персонального и в частности бытийного дискурса обусловлена основной интенцией коммуникантов – раскрыть друг другу богатство своего внутреннего мира во всем многообразии личностных характеристик, поэтому их общение является развёрнутым и насыщенным смыслами, предмет коммуникации представляют не очевидные вещи, а художественное и философское постижение мира. По мнению

автора, бытийное общение реализуется в художественных, философских и психологических текстах [1. С. 289]. На основе модели дискурса Н. А. Мишанкиной и типологической характеристики художественного дискурса В. И. Карасика определим последний как целостную сферу коммуникации, обладающую рядом специфических черт, таких как креативность, вымышленность, антропоцентричность, образность, эмотивность, объективированную совокупностью художественных текстов, в которых авторы стремятся раскрыть индивидуально-личностное «я», передавая адресату предметно-логическую, эстетическую, образную, эмоциональную и оценочную информацию в попытке изменить его ментально-духовное состояние, и которые отражают специфическое мировидение, а именно художественную картину мира.

Конститутивные признаки художественного дискурса (креативность, вымышленность и др.) указывают на то, что образ человека в нём будет характеризоваться не только реалистическим, научным содержанием, но и целым комплексом образных, мифопоэтических, обиходных, одним словом, наивных представлений. Одним из средств проявления вышеперечисленных конститутивных признаков художественного дискурса является метафора, которая на протяжении долгого времени изучения рассматривалась в основном как риторическое средство эмоционально-образного воздействия. О моделирующей функции метафоры заявили Дж. Лакофф и М. Джонсон и предложили рассматривать её как важное средство представления и осмысления действительности, как средство формирования картины мира: «Метафора пронизывает нашу повседневную жизнь, причем не только язык, но и мышление и деятельность. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [2. С. 25].

Объектом данного исследования выступают образы человека и его частей, объективированные текстами художественного дискурса. В трактовке образов частей человека мы исходим из того, что это образы тех предметов, живых существ, нефизических сущностей, параметров внешнего и внутреннего мира человека, его ипостасей и состояний, которые в сознании наивного носителя языка реалистично или образно-ассоциативно составляют и членят целостный образ человека. Следовательно, образ целостного человека составляет представление о человеке как обладателе всех своих частей. Такого рода толкование образов целостного и

частичного человека опирается на концепцию образа глобального, «вселенского» человека в языке [6. С. 293]. Предмет исследования – метафора как средство интерпретации образа человека и его частей в художественном дискурсе. Цель исследования – выявить и описать продуктивные метафорические модели, концептуализирующие образ человека и его частей в художественном дискурсе.

В соответствии с подходом Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Суть метафоры – это понимание и переживание сущности (thing) одного вида в терминах сущности другого вида» [2. С. 27], следовательно, метафорическая модель, а значит, и её название включает два компонента, для именования которых используются многочисленные терминологические варианты. В качестве рабочих терминов будем использовать следующие: сфера-источник метафорической экспансии и сфера-магнит для метафорического притяжения. Если возможно указать не только сферу-источник, но и её отдельные участки, то можно говорить о существовании подмоделей у данной метафорической модели.

Рассмотрим виды метафорических моделей, которые актуальны для художественной картины мира и являются, на наш взгляд, продуктивными при интерпретации образа человека и его частей.

При концептуализации как образа человека, так и образа его частей в художественной картине мира наиболее устойчивой и ключевой является пространственная метафорическая модель – «Человек / часть человека – это пространство». Человек – это «пространство,местилище разнообразных предметов, субстанций, материальных (физических) и идеальных (духовных), таких, например, как физические и духовные мозг, сердце, кровь, нутро, грудь, ощущения, таких уникально духовных, как душа, совесть, память, ум, сознание, мысль, воображение, чувства и черты личности: любовь, мудрость, доброта, зависть, ненависть, тоска, радость и др.» [5. С. 65]. При реализации данной модели в текстах художественного дискурса сферой-магнитом для метафорического притяжения является образ целостного духовного человека, интерпретируемого как пространство, вмещающее условные органы психики; психические константы; опредмеченные образы памяти, снов, фантазий, воображения, в том числе воображаемые живые существа и предметы, «населяющие» внутренний мир человека: *И она впустила в себя вот этот самый вредный деятельный характер*

(Г. Щербакова); *Но в нас горит еще желание...* (А. Пушкин); *Ловеласниченье Комаровского где-нибудь в карете под носом у кучера или в укромной аванложе на глазах у целого театра пленило её неразоблаченной дерзостью и побуждало просыпавшегося в ней бесенка к подражанию* (Б. Пастернак); *Душу ты мою вынаеши!* (М. Шолохов).

В художественной картине мира пространственная интерпретация характерна не только для образа целостного человека, но и для образов некоторых его частей, а именно: физических органов и частей тела, условных органов психики, психических констант, которые являются сферой-магнитом в рамках данной метафорической модели. Эти части ограничивают пространство физических и психических процессов внутри человека и локализуют их: *Сколько темной и грозной тоски в голове моей светловолосой* (М. Цветаева); *Глаза его карие В этот миг задумчиво-синие, В них – вы видите? – сон ещё* (Ю. Ким); *Изнемогает жизнь в груди моей остылой* (К. Батюшков); *Её уход выпал из его сознания* (Б. Пастернак); *Овидий всё знал и всё видел, и хорошо, что он всё это знал устно и память его была забита бесчисленным множеством других дел и делишек* (Б. Ямпольский).

В рамках пространственной метафорической модели оправданно выделить несколько подмоделей, однако отдельно хотелось бы остановиться на подмодели «Человек / часть человека – это сосуд». В ней концептуальными признаками сферы-источника – сосуда, которые притягиваются сферой-магнитом, являются элементы корпуса сосуда (*дно, края*), его состояние по отношению к содержимому (*пустой, полный, переполненный*), действия с содержимым (*наполнять, переполнять, выпивать, опустошать*): *Он весь в своей мысли, он наполнен ею по самые края* (В. Маканин); *Я не могу сейчас спорить: нежность переполняет меня* (Б. Васильев); *Скоро я нашёл: у меня в постели была спрятана веточка ландышей. Сразу же всё взвихрилось, поднялось со дна* (Е. Замятин); *И на доньшке сердца остренькое, похожее на оставленное жало пчелы, точило сукровичную боль* (М. Шолохов).

В текстах художественного дискурса высокой продуктивностью обладает метафорическая модель «Часть человека – это живое существо». Данная модель реализует как антропоморфную, так и зооморфную метафору, поэтому участков сферы-источника метафорической экспансии в данном случае два – «Мир человека» и «Мир животных», соответственно в

рамках данной метафорической модели целесообразно выделить две подмодели.

1. «Часть человека – это нейтрально-активное живое существо». В текстах, объективирующих данную метафорическую подмодель, часть человека интерпретируется как самостоятельный субъект действия или отношения. Сферой-магнитом метафорического притяжения в ней выступают физические внешние и внутренние органы и неорганы (*глаза, лицо, губы, брови, уши, спина, язык, нога, рука, нервы, желудок, желчь*), условные органы психики (*душа, сердце*), отмеченные действия и признаки (*разум, совесть, инстинкты, мысли, улыбка, голос, взгляд*): ... но ухо само вылезало на свет божий, чтобы ловить звуки, взлетающие снизу (Б. Окуджава); ... истощенный желудок ничего принимать не хотел (А. Солженицын); По-видимому, даже её слабеющие мозги понимали всю нелепость и рискованность поведения этой женщины (Е. Замятин); Когда боли не было, Крупеня не позволял себе об этом думать. Он говорил – «не смей!», и грустные мысли уползали. Он даже знал как. На брюхе (Г. Щербакова); Ужас охватывает меня, каждая клеточка вопит об ужасе конца (Б. Васильев); ...стал ждать, когда хоть одна завалищенькая эмоция взбрыкнет копытцем или махнет ручонкой (Г. Щербакова). Ср. также: *сердце (душа) шевельнулось; душа жила; душа жила сама по себе; душа ныла; душа в ссадинах, синяках, кровоподтеках; инстинкты пробудились; совесть заговорила; совесть вдруг запищала; не надо лохматить обиду; мысли походили, походили и вернулись; мысли бродили*.

2. «Часть человека – это враждебно-активное живое существо». В текстах, манифестирующих вторую метафорическую подмодель, часть человека не просто ведёт себя самостоятельно, а предстаёт как нечто чуждое, иногда враждебное, активно воздействующее на человека, изменяющее его или что-либо в нём, нередко причиняющее ему страдания, создающее внутренний дискомфорт. Сферой-магнитом метафорического притяжения в данной подмодели чаще всего выступают нефизические части человека – негативные эмоциональные состояния и чувства, нарушающие внутреннее равновесие человека (*тоска, скука, любопытство, сомнение, одиночество, страх, обида*), реже – отчуждаемые части человека, существующие за пределами его физического тела и духовного мира, во внешнем по отношению к нему пространстве (*одежда, предметы быта*): Скука и тоска напали на него и терзали его...

(И. Одоевцева); И как нам жить, когда грызет поджилки Грех трусости и страх стыда? (Ю. Ким); ... не пуститься тогда на поиски означало для него зачеркнуть самого себя или до конца дней отдаться на растерзание собственной совести (В. Максимов); Куртка из тонкого офицерского сукна медленно наливается тяжестью. Давит, гнетёт, душит (Б. Васильев); Вещи нас душат, вещный мир обернулся свинячьей харей и смеется над нами, как у Гоголя (Б. Васильев), а также *тоска доконала, грызет тоска по родине, его сомненья мучат, ужас охватывает меня, темперамент заставляет терять голову, любопытство разбирало и мучило, обида терзала меня, совесть меня замучила, внутренний голос приказывал*.

В метафорической модели «Часть человека – это живое существо» концептуальными признаками, связывающими сферу-источник и сферу-магнит, являются активные физические и ментальные действия, в том числе и деструктивного характера, которые способны выполнять только живое существо (*прыгать, ползти, пробудиться, заговорить, мучить, грызть, душить, заставлять*), внешние атрибуты и признаки человека или животного (*копытце, ручонка, кровоподтёки, ссадины, синяки, уползать на брюхе*) или косвенное указание на них (*лохматить* обиду).

Таким образом, рассмотрев тексты художественного дискурса, построенные на основе метафорического переноса и манифестирующие представления о человеке и его частях, можно сделать следующие выводы.

В текстах художественного дискурса реализуются как минимум две продуктивные метафорические модели, интерпретирующие образ человека и его частей: 1. «Человек / часть человека – это пространство», конкретизирующаяся подмоделью «Человек / часть человека – это сосуд»; 2. «Часть человека – это живое существо», уточняющаяся подмоделями «Часть человека – это нейтрально-активное живое существо» и «Часть человека – это враждебно-активное живое существо».

Сферами-магнитами метафорического притяжения в рассмотренных метафорических моделях являются в меньшей степени целостный человек, в большей степени части человека, находящиеся с ним в различных отношениях. В сфере частей человека наиболее сильным метафорическим притяжением обладают нефизические части человека – условные органы психики, психические константы, отмеченные действия и признаки, в то время как сфе-

рой-источником выступает сам человек, а также внешние по отношению к нему, но хорошо знакомые понятийные области (быт, природа и т.п.). В этом случае интерпретационный потенциал метафоры проявляется в том, она объясняет сложные нематериальные понятия с помощью более доступных, помогает абстрактное представить как конкретное, невидимое сделать видимым. Следовательно, можно утверждать, что при концептуализации образа человека и его частей в художественном дискурсе активно реализуются не только образно-изобразительная и моделирующая функции метафоры, но и гносеологическая.

Несмотря на небольшое количество базисных метафорических моделей (всего две), описанных в данном исследовании, можно говорить о большом вариативно-текстовом массиве, которым они наполняются. Это позволяет осознать, что человек способен ассоциировать себя и свои физические и нефизические части с предметами, явлениями, живыми существами окружающего мира, отмечая своё сходство с ними, прилагая их образ на себя, тем самым подчеркивая, что в мире практически отсутствует такой предмет, с которым у человека не было бы чего-то общего, в котором он не искал бы отражение и продолжение себя. Моделирующий потенциал метафоры при концептуализации образа человека и его частей в художественном дискурсе представляет человека как сложную совокупность частей, сторон, параметров, качеств, ипостасей, находящихся с целостным человеком в разнообразных пространственных и непространственных, физических и нефизических, внешних и внутренних, постоянных и переменных, случайных и

неслучайных, объективных и субъективных, отторжимых и неотторжимых связях.

Список литературы

1. Карасик, В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.
2. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. / Дж. Лакофф, М. Джонсон / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
3. Мишанкина Н. А. Лингвокогнитивное моделирование научного дискурса : дис. ... доктора филол. наук / Н. А. Мишанкина. – Томск, 2010. – 409 с.
4. Никитина, Л. Б. Омская лингвоантропологическая школа М. П. Одинцовой / Л. Б. Никитина, Н. В. Орлова // Вестник Омского университета. – 2013. – № 3. – С. 267–268.
5. Одинцова, М. П. Образы человека-пространства в языковой картине мира и в русской поэтической речи / Одинцова М.П. // Художественный текст : единицы и уровни организации. – Омск : Изд-во Омск. ун-та, 1991. – С. 63–69.
6. Одинцова, М. П. Человек как вселенная : образ «целого» и «части» в языковой картине мира / Одинцова М. П. // Miscellanea : Памяти профессора М. П. Одинцовой / под ред. О. В. Коротун, Л. Б. Никитиной, Н. В. Орловой. Омск : ООО «Полиграфист», 2014. – 488 с.
7. Одинцова, М. П. Языковые образы внутреннего человека / Одинцова М.П. // Язык. Человек. Картина мира. Лингвоантропологические и философские очерки (на материале русского языка). – Ч. 1. – Омск : Омск. гос. ун-т, 2000. – С. 11–28.

И. А. Семина

*Московский государственный лингвистический университет
(Москва, Россия)*

МАСШТАБИРОВАНИЕ КАК ОДНА ИЗ ДИСКУРСИВНЫХ ФУНКЦИЙ ФРАНЦУЗСКИХ ШИРОКОЗНАЧНЫХ АНТРОПОНИМОВ

SCALING AS ONE OF THE DISCOURSE FUNCTIONS OF FRENCH WIDE-MEANING ANTHRONYMICS

Данная статья посвящена исследованию естественной и многосторонней связи антропонимической номинации и категоризации в целом. Среди существующих дискурсивных функций широкозначных антропонимов нами выделяется функция масштабирования. Исследование под-

твердило, что построение категорий является одной из важнейших когнитивных функций широкозначных антропонимов французского языка, обладающих высоким уровнем семантической обобщённости.

The article is devoted to the research of natural connection of the anthroponomic nominations and their categorization. Among discursive functions of wide-meaning anthroponimics we distinguish the scaling function. The research has confirmed that the construction of categories is one of the most important cognitive functions of French wide-meaning anthroponimics.

Ключевые слова: антропонимы, эврисемия, дискурсивная функция, функция масштабирования.

Keywords: anthroponimics, eurysemy, discourse function, scaling function.

С середины XX века по настоящее время особое место в лингвистических исследованиях занимает явление широкозначности, или эврисемии, которая в общих чертах была определена Н.Н. Амосовой, как «значение особого рода, соотносимое с понятием широкого объёма, обладающее высокой степенью обобщения в языке, получающее известное сужение и конкретизацию в речи» [1. С. 162].

Учитывая то, что данный феномен рассматривается, главным образом, на материале широкозначных глаголов и абстрактных существительных широкой семантики, мы поставили цель рассмотреть функциональные особенности широкозначных единиц на материале не абстрактных, а конкретных субстантивов. В качестве таковых нами была выбрана одна из важнейших номинативных категорий современного французского языка, представленная антропонимами. Последние рассматриваются нами как любое имя, которое может иметь человек. В качестве подобного имени может выступать «собственное, личное имя человека в соответствии с национальными или общественными традициями, с принятым способом именования граждан в данном государстве. В качестве собственных названий людей выступают имена, отчества, фамилии, родовые, общественные, фольклорные, мифологические, индивидуальные наименования, криптонимы, прозвища» [7. С. 20].

При исследовании функционального аспекта эврисемии основное внимание уделялось, как правило, изучению таких функций широкозначных единиц, как функция замещения, или субституции (Г. Б. Давыдова, М. П. Юницэ, Н. П. Кудрявцева, Р. И. Розина, М. А. К. Halliday и R. Hasan), функция характеристики и концептообразующая функция (Н.-J. Schmid), функция грамматикализации (М. Я.

Блох и И. С. Лотова, М. Д. Берёзко, Г. И. Никитина, О. Н. Судакова, А. А. Уфимцева), связующая, или текстообразующая функция (М. Я. Блох, R. Beaugrande, B. Palek, P. Werth). Вместе с тем отмечалось, что широкозначным лексемам присуща основная функция любого знаменательного слова, а именно, собственно номинативная: «Использование широкозначных слов в собственной функции отвечает задаче обозначения вещей, явлений, событий действительности в наиболее общем, а не специализированном виде» [6. С. 71]. Кроме того, такие широкозначные существительные как антропонимы, на материале которых проводится данное исследование, хорошо приспособлены для выполнения обеих основных коммуникативных функций – идентифицирующей и характеризующей, и, следовательно, сочетают в себе свойства идентифицирующих и предметных имен [2; 3]. Так, в сочетании *Он станет человеком* широкозначный антропоним служит для характеристики, поскольку речь идет о том, что он станет «*взрослым или настоящим человеком*»; в сочетании *Человек у витрины* антропоним выполняет функцию идентификации.

Выделяется также классифицирующая, или категоризирующая, функции широкозначных антропонимов, которая рассматривается как первичная, сопровождающаяся функцией характеристики. Анализ институциональных текстов показал, что в рамках выполнения широкозначными именами общей функции категоризации при построении новых и воссоздании старых категорий данные единицы призваны осуществлять ряд частных функций, среди которых мы выделяем несколько, в частности, **функции инкапсуляции, генерализации, субкатегоризации**, а также **функцию масштабирования** [5].

Функция масштабирования связана с установлением верхнего и нижнего пределов категоризации в том или ином тексте, т. е. с указанием на самую крупную категорию (в данном случае антропонимическую), через которую может быть обеспечен доступ ко всем остальным подкатегориям, и с указанием на самую мелкую подкатегорию. Рассмотрению данной функции поможет ответить на вопрос, какие антропонимические единицы в тексте обозначают самые крупные и самые мелкие (под)категории.

Можно предположить, что в исследовании, где материалом являются существительные-антропонимы, обозначающие человека, в качестве единицы, маркирующей верхний предел категоризации, выступает ядерный широкозначный антропоним, реферирующий к самому широкому классу, включающему всех представителей человеческого рода, т. е. обозначающий самую крупную антропонимическую категорию и выраженный такими лексическими единицами как *personne*, *être humain*, *homme*, *humain*, *individu*. В качестве единицы, соотносящейся с нижним пределом категоризации, употребляется узкозначный антропоним, обозначающий единичный объект (а именно отдельного человека), т. е. самую мелкую антропонимическую категорию.

Переход с одного уровня категоризации на другой (с верхнего на нижний, и, наоборот) в пределах всего текста можно изобразить, сравнивая этот процесс с наведением фокуса на объект при фотографировании. При этом осуществляется приближение объекта (*zoom-in*), что дает возможность рассмотреть его самые мелкие детали (стол → чашка на столе → капля воды на чашке), и, наоборот, отдаление объекта (*zoom-out*), при котором происходит включение в поле обзора многих предметов его окружения (капля воды на чашке → чашка на столе → стол → комната, где стоит стол). Заметим, что наведение и отдаление рассматриваются когнитологами в качестве одного из механизмов построения перспективы (см. о Vantage Point Theory [9]).

Потенциальным выразителем верхнего предела в иерархии является атрибутивная конструкция, имеющая вид А+N, где атрибут А представлен неопределенными местоименными прилагательными *chaque*, *tout*, а N – широкозначным антропонимом: *chaque personne*, *chaque homme*, *chaque individu*, *chaque être humain*; *toute personne*, *tout homme*, *tout individu*, *tout être humain*.

Французские лингвисты подчеркивают способность неопределенных прилагательных *chaque* и *tout* содержать указание на максимально широкое количество объектов (в случае с широкозначными антропонимами такими объектами являются люди) [10]. В приведенных ниже примерах выражен верхний предел категоризации подобной атрибутивной конструкцией:

– в юридическом дискурсе (*toute personne* = *toutes les personnes*; *tout être humain* = *tous les êtres humains*): *toute personne a droit à la liberté d'expression*; *toute personne a droit à la liberté de pensée, de conscience et de religion*; *la protection pénale est accordée à tout être humain*; *le droit français garantit à tout être humain le droit à la vie dès l'instant de sa conception*;

– в философском дискурсе (*tout homme* = *tous les hommes*, *chaque homme* = *tous les hommes*; *chaque individu* = *tous les individus*): *L'humilité cosmique est alors en tension permanent avec la reconnaissance de la forme haute d'intellect présente en Dieu et en tout homme, comme le soulignent à la fois Aristote, Themistins et Averroès*; *La réussite d'un tel projet conditionne toute la vie future dans la mesure où ce moi transfiguré n'est autre que l'anticipation du corps de résurrection de chaque homme, né une seconde fois dès ce monde à l'amour de Dieu*; *Le génie qui engendre une religion «appartient aussi à chaque individu»*;

– в научном дискурсе (*chaque individu* = *tous les individus*; *toute personne* = *toutes les personnes*): *Mais là, les limites du moi et du non-moi ne se posent pas par rapport à chaque individu mais par rapport à l'intériorité et à l'extériorité du groupe familial qui se substitue à l'élaboration du fantasme*; *Celle-ci traduit la gêne occasionnée par l'agression dans les gestes de la vie quotidienne. Cela peut et doit être déterminée pour toute personne, quels que soient son âge et son statut professionnel*;

– в дискурсе СМИ (*tout homme* = *tous les hommes*, *chaque être humain* = *tous les êtres humains*): *Pouria Amirshahi reconnaît néanmoins que «sur le fond, refuser la nationalité française à tout homme qui maltraite son épouse me paraît concevable»*; *Une dignité propre à chaque être humain, on peut la lire dans le regard des autres*.

Широкозначные антропонимы способны обозначать верхний предел категоризации также в том случае, когда они функционируют в дискурсе с определенным артиклем в качестве детерминатива: определенный артикль может придавать объему понятия слова крайние гра-

ницы, обозначая как максимально широкий класс объектов, например, *l'homme est mortel* = *tous les hommes sont mortels*, так и единичный объект (индивид) – *l'homme est entré dans la pièce* [10. С. 143]. Отмечается, что артикли во французском языке функционируют между полюсами «всеобщности» и «индивидуализации», отражая два направления движения мысли. Индивидуализация представляет собой процесс, обратный абстрагирующему обобщению, который связан с установлением индивидуальной специфичности осмысливаемого объекта на основании фактов либо уже известных, либо сообщаемых в высказывании. С лингвистической точки зрения, индивидуализация – это формирование индивидуализированного представления. Структура «определенный артикль + антропоним» может быть связана с наивысшей конкретизацией, которую может придавать имени определенный артикль, т. е. с процессом индивидуализации [4].

Так, в примере из научного дискурса *Ses Simples discours sur la terre et sur l'homme, parus en 1875 et de l'instinct et de l'intelligence, publiée en 1880, ont été couronnés par l'Académie française* ядерный широкозначный антропоним *l'homme* выступает в предельно широком значении, имея в качестве референта класс всех людей на Земле, и таким образом, соотносясь с верхним пределом категоризации в тексте. При этом, образно выражаясь, наблюдается эффект предельного *zoom-out* (отдаления объекта, связанного с его предельным обобщением, исключая любые детали).

В ряде случаев широкозначные антропонимы с определенным артиклем соотносятся с единичным референтом и, соответственно, обозначают нижний предел категоризации, как в следующих примерах из философского дискурса: 1) *il faut aller jusqu'à dire ... que «L'humanité est pour l'homme une lourde charge», car on a fini par comprendre, dans la crainte et le tremblement, ce dont L'homme est capable et c'est là, la vérité de toute pensée politique moderne*; 2) *L'homme n'est pas assez saint, c'est l'humanité dans sa personne qui doit pour lui être sainte*. Ядерный широкозначный антропоним *l'homme* и *l'humanité* оказываются в отношении противопоставления: 1) *человечество для человека является тяжелой ношей*; 2) *человек недостаточно свят, это человечество в его лице должно стать для него святым*. Оба высказывания приобретают смысл только тогда, когда антропоним *l'homme*, функционирующий в них, указывает не на класс всех людей, а на от-

дельного представителя этого класса, или общности людей, т. е. как индивида (ср. *individu – membre d'une collectivité humaine* [8. С. 897]). В качестве такой общности здесь может рассматриваться *l'humanité – все человечество*. Таким образом, в контекстном употреблении значение антропонима с определенным артиклем *l'homme* сужено до обозначения одного представителя класса людей.

В структуре «неопределенный артикль + антропоним» можно видеть, так же как и в случае с определенным артиклем, крайние границы того объема понятия, которое может обозначать существительное с неопределенным артиклем, например: 1) *Un enfant est toujours l'ouvrage de sa mère* = [*tous les enfants*], где слово с неопределенным артиклем *un enfant* имеет обобщенное значение, указывая на то, что любой ребенок является произведением своей матери; 2) *Un homme entre*, где антропоним с неопределенным артиклем указывает на одного представителя класса мужчин [10. С. 143].

Таким образом, в институциональных текстах ядерные широкозначные антропонимы обозначают различные по величине (суб)категории – от самых крупных до самых мелких, соответственно, как верхний, так и нижний предел категоризации. Так проявляется способность широкозначных единиц «скользить» по шкале широкозначности, соотносясь, прежде всего, с максимально широким для антропонимов значением «принадлежность к человеческому роду», реферируя к человеку в обобщенном плане. В данном случае широкозначные антропонимы концептуализируют действительность по одному предельно широкому признаку «принадлежность к человеческому роду». Вместе с тем широкозначные лексемы способны сужать свое предельно широкое значение по двум направлениям: с одной стороны, реферируя к классу людей, менее широкому, чем «все представители человеческого рода», например, «лицо, нарушающее закон», «человек, контролирующий свои эмоции», «человек, который строит социальную реальность», «человек, выдвигающий свою кандидатуру на президентские выборы» и т. д.; с другой стороны, к единичному референту как представителю класса людей. Кроме того, в некоторых случаях предельно широкий референт широкозначных антропонимов может быть еще более расширен за счет включения в него объектов, принадлежность которых к классу людей может оспариваться (например, включение в класс людей человеческого эмбриона и

человеческого зародыша в юридическом дискурсе), или за счет включения в референтный класс, обозначаемый антропонимами (например, антропонимической единицей *personne*), Божественных сущностей (в философском дискурсе).

Таким образом, были рассмотрены потенциальные возможности предельно широкозначных антропонимов в реализации ими функции масштабирования и, соответственно, обозначения верхнего и нижнего пределов категоризации.

Однако данная функция осуществляется также антропонимическими единицами менее широкого значения, что становится очевидным на примере целого текста. Так, статья «*Scandale des prothèses PIP; à qui la faute?*» [L'Express, 05.01.2015] посвящена скандалу, разразившемуся во французском обществе вследствие того, что более 30 000 француженок оказались носителями имплантов, приводящих, в конечном итоге, к раку груди. Верхний предел категоризации соотносится в данном тексте с категориями «женщины» *femmes* и «француженки» *Françaises*, которые вербализованы в следующих контекстах: *Si l'entreprise a rapidement reconnu avoir utilisé un gel non homologué – mais dont on ignore encore la composition – pour fabriquer des prothèses mammaires, elle nie que celui-ci puisse être à l'origine du cancer de ces femmes; les 30 000 Françaises sont appelées à les faire retirer au plus vite et une vingtaine de cas de cancer a été enregistrée.*

Данные категории репрезентируются периферийными широкозначными антропонимами, что доказывает способность антропонимической единицы такого уровня, наряду с ядерными антропонимами, выражать верхний предел категоризации.

В анализируемой статье нижний предел включает такие субкатегории, как *porteuses d'implants PIP, décédés d'un cancer du sein* «носители импланта ПИП, скончавшиеся от рака груди»; *porteuses de ce type de prothèses* «носители этого типа протезов»; *victimes françaises* «французские жертвы». Данные субкатегории представлены периферийными широкозначными антропонимами *porteuses* и *victimes*, которые совместно с соответствующими атрибутами формируют атрибутивные синтаксические конструкции, называющие субкатегории нижнего предела категоризации.

Таким образом, как верхний, так и нижний пределы категоризации выражаются различными по своему семантическому объему ан-

тропонимами в сочетании с атрибутами и без них. При этом вполне естественно, что антропонимы, указывающие на верхний предел, неизменно обозначают более общие категории, чем антропонимы, обозначающие нижний предел категоризации.

В целом, с точки зрения процессов *ad hoc* категоризации, французские антропонимы широкой семантики обладают полифункциональностью. Реализуя в дискурсе различные функции, включая функцию масштабирования, они организуют тем самым построение и интерпретацию антропонимических (суб)категорий со стороны участников дискурсивной деятельности. Отметим, что список функций категоризации для французских широкозначных антропонимов, функционирующих в дискурсе, не является окончательным и должен уточняться в результате дальнейших исследований.

Список литературы

1. Амосова Н. Н. К вопросу о лексическом значении слова // Вестник ЛГУ. – 1957. – Вып. 2. – № 1. – С. 152–168. (Сер. истории, языка и литературы.)
2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
4. Долгина Е. А. Артиклевые формы имени существительного в когнитивно-грамматической категоризации современного английского языка: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2010. – 353 с.
5. Семина И. А. Когнитивно-функциональное описание широкозначных имён существительных. Антропонимы французского языка. – М.: Тезаурус, 2013. – 353 с.
6. Судакова О. Н. Семантика и функционирование широкозначных имен существительных (на материале английского и немецкого языков): дис. ... канд. филол. наук. – М., 1990. – 152 с.
7. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2 т. / под общ. ред. А. Н. Тихонова, Р. И. Хишиева. – Т. I. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 840 с.
8. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française (DAALF). – P.: Dictionnaires Le Robert, 2001. – 2841 p.

9. MacLaury R. E. Vantage theory // *Language and the Cognitive Construal of the World* // ed. J. R. Taylor, R. E. MacLaury. – Berlin: Mouton de Gruyter, 1995. – P. 231–276.

10. Wilmet M. *Grammaire rénovée du Français*. – Bruxelles: Editions De Boeck Université, 2007. – 331 p.

Ю. М. Сергеева

Московский педагогический государственный университет
(Москва, Россия)

О СПОСОБАХ ВЫРАЖЕНИЯ ПЕРСОНАЛЬНОГО ДЕЙКСИСА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

WAYS OF PERSONAL IDENTIFICATION IN A FICTION TEXT

В статье рассматривается дейктический потенциал личных, притяжательных и указательных местоимений в английском языке. Поскольку основной особенностью художественного произведения является его способность моделировать отношения между личностью и миром, семантика местоимений в тексте характеризуется отвлеченностью от конкретной единичной ситуации и информационной емкостью. Основная роль местоимений как средств выражения персонального дейксиса заключается в актуализации компонентов речевой ситуации с целью более точного и акцентированного обозначения участников общения и предмета сообщения. В статье показывается, что референциальная отнесенность местоимений всецело обусловлена признаками денотата и зависит от конкретного речевого акта.

The article deals with the deictic function of personal, possessive and demonstrative pronouns in the English language. Since the main feature of a fiction work is its ability to model the relationship between a person and the world, the semantics of pronouns in the text is characterized by a situational generality and informative capacity. The main role of pronouns as a means of personal indication is to actualize components of the communicative situation in order to give an accurate and accented designation of its participants as well as of its subject. The paper shows that referential perspective of deictic pronouns depends on the properties of the referent in the particular speech act.

Ключевые слова: указательное местоимение, личное местоимение, референция, идентификация, лирический субъект.

Keywords: demonstrative pronoun, personal pronoun, reference, identification, lyrical character.

Важнейшей составляющей любого художественного произведения является лирический субъект – формально выраженное через соответствующие грамматические формы *Я* говорящего, которое является предметом описания в художественном тексте. Лирический субъект выступает одновременно и как носитель сознания, и как предмет изображения, поэтому внимание читателя сконцентрировано на том, что с ним происходит, каково его состояние, отношение к миру, взаимодействие с другими субъектами, с обществом в целом. Одним из ведущих средств выражения авторского отношения к миру является лич-

ное местоимение первого лица единственного числа.

Персоналия, обозначаемая местоимением «я» – главное и часто единственное действующее лицо лирического произведения, а само местоимение представляет собой наиболее естественное и ничем незаменимое обозначение персонажа, которое, чаще всего, не связано ни с каким именем существительным – нарицательным или собственным. Типичным для поэзии, как современной, так и классической, является лирический текст, в котором имя лирического героя (или самого автора, если он пишет произведение от первого лица) вообще

отсутствует. Эта безымянность заложена в самой природе лирического жанра, в котором личное, интимное обращение поэта к другому индивиду, к своему второму *Я*, к природе, к миру, представляет собой глубокий интроспективный анализ, демонстрацию читателю полностью «обнаженной» души. Единственной возможной формой выражения личности в этих условиях является безымянное *Я*.

Следовательно, функциональный потенциал местоимений отнюдь не исчерпывается функцией субституции, т.е. замещения наименования референта действительности, а нуждается в уточнении, особенно, когда речь идет о функциях местоимений в лирическом произведении. Явление субституции традиционно понимается как замена одной полнозначной языковой единицы (или целого фрагмента текста) другой языковой единицей, выполняющей по отношению к первой дейктическое, указывающее значение. Это значение языковой единицы может быть выражено различными лексическими и грамматическими средствами, среди которых местоимения играют ведущую роль.

Во-первых, местоимения осуществляют указание на участника речевого акта, идентифицируя субъекта и объекта речи. Этот ролевой дейксис выражается личными и притяжательными местоимениями 1-го и 2-го лица (*I, we, you, my, our, your*). Во-вторых, личные и притяжательные местоимения 3-го лица – *he, she, it, they, his, her, its, their* указывают на предмет речи. В-третьих, указательные местоимения *this, that, these, those* осуществляют указание на степень отдаленности объекта высказывания. Отметим также возможность указания на временную и пространственную локализацию (хронотопический дейксис), которая осуществляется местоименными наречиями (*here, there, now, then*).

Вышеперечисленные средства выражения дейксиса, так называемые дейктические слова, не имеют в языке своего денотата и получают конкретный референт лишь в логически связанном отрезке речи (диктеме) или в тексте. Они могут идентифицировать объекты действительности лишь путем соотнесения их с конкретным актом коммуникации и его участниками, поэтому дейктические слова применимы к любому референту.

Таким образом, местоимения отсылают к конкретному речевому акту, его участникам, речевой ситуации или самому высказыванию, указывают на тип речевой соотнесенности слова с внеязыковой действительностью.

Остановимся подробнее на дейктической роли личных, притяжательных и указательных местоимений в художественных произведениях лирического жанра.

Как уже было сказано выше, основным способом выражения лирического субъекта в художественном тексте является формально представленное соответствующими грамматическими формами *Я повествующего*. Это *Я* может позиционировать себя в пространстве и времени, определяя, таким образом, точку зрения, с которой ведётся повествование. Такое *Я* может быть авторским, и тогда оно выражено местоимением 1-го лица единственного числа, и персонажным, выраженным, местоимением 3-го лица.

Например, в стихотворении Уильяма Блейка “On Another’s Sorrow” речь ведётся от лица автора, эксплицитно выраженного местоимением *I*, который ставит перед собой общечеловеческие проблемы гуманности и веры, облекая свои размышления в форму риторических вопросов:

Can I see another’s woe,
And not be in sorrow too?
Can I see another’s grief,
And not seek for kind relief?
Can I see a falling tear,
And not feel my sorrow’s share?
Can a father see his child
Weep, nor to be with sorrow fill’d? [5. С. 41]

Значительно реже в подобных текстах встречается форма первого лица множественного числа, т.е. *we* вместо *I*. Субъективная форма «мы» обладает в лирике весьма широкими семантическими возможностями и предстаёт в двух видах: как «мы» инклюзивное и «мы» эксклюзивное.

Например, в стихотворении Роберта Фроста “The Tuft of Flowers” местоимение *we / us* используется лирическим субъектом по отношению к бабочке, совместно с которой он обнаружил не скошенный пучок цветов на лугу, где ворошил сено. Автор понимает, что его любимые цветы были оставлены здесь намеренно тем человеком, который косил траву поутру, и благодарен ему за эту «утреннюю восточку». Именно бабочке лирический субъект доверяет мысль о том, что

“Men work together”, I told him from the heart,
“Whether they work together or apart” [4. С. 232].

«Мы» эксклюзивное может быть представлено схематически как «они + я». В лирике эксклюзивное «мы» означает принадлежность

говорящего к широкой общности, в которой мы – это люди вообще, мы – современники, мы – друзья, мы – соотечественники, мы – поэты и т.п.

В стихотворении О.В. Холмса “The Boys” местоимение *we* объединяет лирического субъекта с его одноклассниками по Гарвардскому университету и написано к 30-летию их выпуска:

Yes, we're boys, always playing with tongue
or with pen,

And I sometimes have asked, Shall we ever be
men?

Shall we always be youthful, and laughing and
gay,

Till the last dear companion drops smiling
away? [4. С. 197]

Во всех вышеприведённых фрагментах в качестве лирического субъекта выступает автор произведения и, соответственно, речевая партия принадлежит лишь одному лицу.

Важную роль в выражении персональной идентификации лирического субъекта играют притяжательные местоимения. В этом отношении интересен сонет английского поэта XIX в. Дж. Хопкинса «Моё сердце ...», в котором понятия *heart, soul, self* сведены в единую смысловую структуру. Душа поэта, его Эго советует измученному сомнениями разуму не быть слишком требовательным к себе, помнить о том, что покой и удовольствие приходят не по собственному желанию индивидуума, а по Божьей воле.

My own heart, let me have more pity; let
Me live to my sad self hereafter kind,
Charitable; not live this tormented mind
With this tormented mind tormenting yet. ...

Soul, self; come, poor Jackself, I do advise
You, jaded, let be; call off thoughts awhile
Elsewhere; leave comfort root-room; let joy size
At God knows when to God knows what; ... [5.
С. 119]

Авторефлексия лирического субъекта не обязательно предстаёт в виде внутреннего монолога, она может принимать и диалогическую форму. В этом случае в душе индивида идёт борьба чувств и страстей; чувства могут быть противопоставлены доводам рассудка, и тогда соответствующий фрагмент текста оформляется как диалогическое единство, состоящее как минимум из двух реплик – исходной и реагирующей.

Интересным примером экспрессивного диалога между «Я» и «вторым Я» служит английская фольклорная песенка “A Colloque with

Myself”, в которой ведущая дейктическая роль отводится возвратным местоимениям.

As I walked by myself,

And talked by myself.

Myself said unto me:

Look to thyself,

Take care of thyself,

For nobody cares for thee.

And I answered myself,

And I said to myself,

In the selfsame repartee:

Look to thyself,

Or not look to thyself,

The self same thing will be [7].

Указательные местоимения, как разновидность дейктических маркеров, относятся к средствам осуществления идентифицирующей референции, предназначенной для того, чтобы адресат мог выделить из сферы своего непосредственного или опосредованного восприятия тот объект, о котором делается сообщение. Указательное местоимение прямо и непосредственно соотносится со своим референтом, при этом обязательным условием успешной коммуникации, связанной с использованием тех или иных дейктических средств, является возможность определить лицо, предмет или явление, о котором идет речь.

Указательная субституция в английском языке осуществляется посредством местоимений *this, these, that, those*. Особенности функционирования указательных местоимений заключаются в том, что раскрытие их семантики, связанной с определенным контекстом, осуществляется благодаря наличию экстралингвистических факторов или компонентов, образующих экстралингвистическую ситуацию. Имеется в виду вся ситуация общения, т.е. обстановка, в которой совершается коммуникативный акт, предмет сообщения, совокупность фактов, описываемая в контексте, и, не в последнюю очередь, сами участники коммуникации (в нашем случае, это автор и читатель).

Обе формы указательных местоимений *this* и *that* употребляются в целях развития тематической линии. Н. Г. Кирвалидзе [1] выделяет два основных вида использования дейктических слов в процессе порождения текста: прагматически контролируемое и структурно, или контекстуально контролируемое их использование. В основе разграничения лежит степень определенности темы общения, которую репрезентирует дейктическое средство. Идентификация темы, референтом которой является лицо, предмет, факт, событие, явление

действительности, составляющее в момент речепорождения микромир собеседников, происходит посредством указательных местоимений и является прагматически контролируемой, поскольку имеются в наличии основные параметры речевого акта: Я\Мы – Здесь – Сейчас.

Например:

So early it's still almost dark out.
I'm near the window with coffee,
and the usual early morning stuff
that passes for thought.
When I see the boy and his friend
walking up the road
to deliver the newspaper.
They are so happy
they aren't saying anything, *these boys*.
I think if they could, they would take
each other's arm.
It's early in the morning,
and they are doing *this thing* together [6].

В своем стихотворении под названием "Happiness" Раймонд Карвер описывает ситуацию, наблюдаемую им непосредственно из своего окна: два мальчика разносят утренние газеты, радуясь друг другу, светлому утру, жизни. Последовательно раскрывая перед глазами читателей детали ситуации, автор подводит итог своим наблюдениям, используя дейктическое указательное местоимение *this* в сочетании с широкозначным существительным *thing*.

Таким образом, всевозможные сочетания разных способов выражения лирического субъекта и лирического адресата в художественном произведении образуют систему коммуникативных типов лирических текстов [2. С. 464–480]:

1) *Безлично-безадресный* тип текста, в котором и автор, и лирический субъект максимально скрыты. При отсутствии четко выраженного субъекта речи отсутствует и адресат, будь то реальный индивид, или воображаемый собеседник, или абстрактный читатель.

2) *Эготивный* тип представляет собой стихотворения с лирическим субъектом в центре и без формально выраженного адресата. В этом случае всё стихотворение представляет собой авторефлексию лирического субъекта, оформленную в виде внутреннего монолога или диалога.

3) Стихотворения *апеллятивного* типа организованы как единое обращение к эксплицит-

ному адресату. В них обычно присутствует внутренняя речь, обращенная к отсутствующему или воображаемому собеседнику.

Во всех разновидностях лирики семантическая подвижность местоимения по шкале «конкретное — абстрактное» является существенным фактором при переключении конкретной жизненной ситуации на обобщенность ситуации лирической. Однако на уровне лирической ситуации местоимение вновь обретает известную конкретность, в результате чего вновь возникает некий образ, но это уже не образ реального житейского персонажа, а духовный и душевный облик определенного лирического Я [3. С. 94–98].

Лирика, следовательно, использует семантическую подвижность местоимений для своих специфических целей, для выражения эмпирической, конкретной жизненной ситуации, с одной стороны, и для построения предельно обобщенного лирического Я, с другой стороны. Личное или притяжательное местоимение аккумулирует здесь душевные переживания героя, обеспечивая необходимую обобщенность субъекта переживания, и в то же время необходимую глубину самих этих переживаний, превращая лирического субъекта в своего рода «лирическое инкогнито».

Список литературы

1. Кирвалидзе, Н. Г. Дейктические средства в системе современного английского языка и их роль в организации текста : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н. Г. Кирвалидзе. – М., 1991. – 43 с.
2. Левин, Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. – М., 1998. – С. 464–480.
3. Сильман, Т. И. Лирический текст и вопросы актуального членения // Вопросы языкознания. – 1974. – № 6. – С. 91–99.
4. An Anthology of Modern English and American Verse. – Л. : Просвещение, 1963.
5. A Choice of Poets. – Edinburgh: Nelson and Sons, 1987.
6. Carver, R. Happiness // The Winter's Almanac. – URL : <http://writersalmanac.publicradio.org/index.php?date=2003/06/02.html>
7. Mother Goose nursery rhymes. – URL : <http://www.english-for-students.com/As-I-Walked-By-Myself.html>

З. П. ТабаковаСКГУ им. М. Козыбаева
(Петропавловск, Казахстан)**СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА КОНЦЕПТА ПАМЯТЬ
В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ****SEMANTIC STRUCTURE OF THE CONCEPT IN POETIC TEXT**

В статье раскрывается семантика концепта память в поэтическом тексте. Автор выделяет основные контенты в структуре концепта и предлагает методику его описания в поэтическом дискурсе.

The paper deals with the semantics of the concept "memory" represented in a poetic text. The author outlines basic contents of the concept structure and introduces methods of its description in a poetic discourse.

Ключевые слова: концепт, контент, ментальность, историческая память, этнопоэтизм, поэтический дискурс.

Keywords: concept, content, mentality, historical memory, ethnopoeism, poetic discourse.

Проблема когнитивной семантики является центральной в когнитивистике, поскольку человек выступает активным участником формирования языковых единиц и процесса концептуализации, т. е. осмысления информации, приводящей к образованию концептов. Термин *концепт* активно употребляется в научных исследованиях, однако значение термина, несмотря на его распространённость, недостаточно определено. Анализ научной литературы свидетельствует о существовании нескольких направлений, в рамках которых рассматриваются отношения *концепт– понятие*.

Известно, что термины *понятие* и *концепт* часто функционируют как синонимы. Так, Ю. С. Степанов отмечает: «концепт – явление того же порядка, что и понятие. По своей внутренней форме в русском языке слова *концепт* и *понятие* одинаковы: концепт является калькой с латинского *conceptus* «понятие», от глагола *concipere* «зачинать», т. е. значит буквально «поятие, зачатие»; понятие от глагола *пояти*, др.-рус. «схватить, взять в собственность, взять женщину в жены» буквально значит, в общем, то же самое». [8. С. 93]. Однако автор подчёркивает, что эти термины в настоящее время разграничиваются как термины разных наук. В культурологии, в том числе и в цитируемой нами работе, концепт определяется как сгусток культуры в сознании человека. В «Большом толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова термин понятие определяется как «логически расчленённая общая мысль о

предмете, включающая ряд взаимосвязанных признаков». [10. С. 87].

В лингвокультурологии складывается мнение, что термин *концепт* шире термина *понятие*. Е. С. Кубрякова трактует термин *концепт* как «оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отражённой в человеческой памяти». [3. С. 37]. Подобное видение проблемы представлено в работах В. А. Масловой, постулирующей, что «если понятие – это совокупность познанных существенных признаков объекта, то концепт – это ментальное национально-специфическое образование, планом содержания которого является вся совокупность знаний о данном объекте, а планом выражения – совокупность языковых средств (лексических, фразеологических и др.)». [4. С. 25]. В работах учёных этого направления термин *концепт* не является тождественным термину *понятие*, а определяется как *ментальное образование, в которое включается «вся совокупность знаний о данном объекте»*. Эти положения дают возможность выделить в семантике концепта контент понятия и контент ментального содержания.

Дальнейшее изучение когнитивистики «связано с областью определения единиц концептуальной системы, что позволяет говорить о единицах тематического знания культурных, этнических, территориальных, языковых концептах, передающих различные типы знания

о реалиях окружающей среды, о внутреннем мире человека, собственно языкового знания». [2. С. 28–29].

Концепты репрезентируются словами, однако вся совокупность речевых средств не даёт полной картины концепта. Слово своим значением в языке представляет лишь часть концепта. Семантика концепта постоянно пополняется новыми контентами в связи с расширением знаний о предмете, а также за счёт установления межкультурных и межэтнических связей. «Масштабы и интенсивность ситуаций межкультурного взаимодействия, межкультурных контактов, становясь фактором повседневной жизни миллионов людей, порождают необходимость постоянного их осмысления, научной интерпретации, сравнения элементов «своей» и «чужой» культуры». [7. С. 3].

Определяя задачи осмысления художественных произведений билингвальных личностей, Бахтикиреева У. М. подчёркивает, что в творчестве таких писателей заложены:

- «культурные концепты глобального характера, понятные всем, независимо от принадлежности к какой-либо культуре;
- этнокультурные, присущие только для определённого лингвокультурного сообщества;
- присущие отдельным личностям – индивидуальные концепты». [1. С. 112].

Признавая в целом теорию уровней культурных концептов в творчестве писателей, мы считаем, что в ней не учтён один из культурных слоёв. Применяя метод «матрёшки» для выявления культурных смыслов, выделим:

- глобальные культурные концепты;
- ментальные концепты автора как носителя национальной культуры;
- концепты субкультуры, в которой формируется билингвальная личность; например, в регионе Северного Казахстана для писателей-казахов, одинаково владеющих русским и казахским языками или пишущих на русском языке, необходимо выделить концепты русской культуры; в творчестве русских авторов – ментально значимые концепты казахской культуры. Достижения лингвокультурологии

открывают возможности для выявления ментальности поэта через наличие лингвокультурем. Так, общепризнано утверждение, что наличие лингвокультурем: *берёза, душа, судьба, свет, тишина* и других – свидетельствует о русской ментальности. Для казахской ментальности характерны лингвокультуремы: *степь, конь, полынь, ковыль, аксакал, шанырак, дастархан* и подобные;

- индивидуально-авторские концепты.

Важнейшей сферой, в которой происходит реализация потенциальных смыслов и развитие концептов, является художественное творчество. Для поэтического текста в концепте обязательно отражение субъективно-авторского восприятия картины мира, так как в поэтическом дискурсе передаётся восприятие окружающего мира через призму душевных переживаний поэта. Мы поддерживаем гипотезу В. А. Масловой: «Каждый язык и каждый его дискурс (в особенности поэтический) – это плод не только истории культуры его носителей, но и продукт индивидуально-личностной культурной компетенции, индивидуально-личностной культурной деятельности (например, поэтической)». [5. С. 252].

Базовые контенты концепта представляют собой наслаивающиеся друг на друга дополнительные когнитивные признаки в направлении от более конкретного, общеязыкового, слоя к более абстрактному, индивидуально-авторскому. Многослойность структуры концепта зависит от концептуальной картины мира языковой личности.

Структурно семантика концепта как языковой единицы может быть представлена в таблице.

Таким образом, семантическая структура концепта включает:

- понятие, которое совпадает с лексическим значением слова и может быть уточнено в толковом словаре;
- ментальное содержание, которое определяется национальными представлениями и описывается в лингвокультурологии. Каждый концепт, как сложный ментальный комплекс,

Семантика концепта в поэтическом тексте

контенты	абстрактно-универсальные понятия	ментально-значимые представления	контент этнического взаимодействия	контент межкультурного взаимодействия	контент субъективного восприятия автора
единицы, их представляющие	слова	лингвокультуремы	регионализмы этнопоэтизмы	прецедентные тексты	поэтонимы

включает помимо смыслового содержания ещё и оценку, связанную с отношением человека к тому или иному отображаемому объекту. Концепты представляют собой базовые единицы языковой картины мира, в которых фиксируются ценности;

- этнический контент, репрезентирующий результаты взаимодействия культур разных этносов на рубеже лингвокультур; его выраженность зависит от степени влияния контактирующих языков. При этом мы разводим понятия межкультурного и межэтнического взаимодействия;

- контент межкультурного взаимодействия определяется влиянием мировой культуры, которое является следствием межкультурных связей и зависит от эрудиции носителя родного языка;

- контент субъективного представления включает индивидуальное восприятие поэтом денотата или явления, в чём проявляются особенности языковой личности, опыт человека, что в первую очередь и определяет ценность поэтического текста. Этот контент отличается подвижностью, так как представление не остаётся статичным, оно изменяется в зависимости от динамики знаний человека о предмете, особенностях его восприятия и даже настроения автора поэтического текста.

Попытаемся раскрыть семантическую структуру концептов на примере анализа концепта *память* в творчестве поэта Владимира Шестерикова. Выбор поэта обусловлен тем, что он, русский, родился и вырос в Северном Казахстане; сохраняя ментальные черты русского человека, он в условиях билингвизма и активного лингвокультурного взаимодействия широко и естественно воссоздаёт менталитет соседствующего этноса, так как в условиях контактного двуязычия образуется поле соприкосновения языков и культур.

Понятие слова *память* дано в толковых словарях и соответствует общему представлению о его значении. Например, в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова отмечены два основных значения слова: «1. Способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления, опыт, а также самый запас хранящихся впечатлений. 2. Воспоминание о ком-чем-н.». [6. С. 449]. Этот контент обязателен в концепте *память*, так как без него невозможна успешная коммуникация, он общедоступен, но лишён индивидуальных черт респондента.

Все другие контенты концепта отражают индивидуально-авторское восприятие дей-

ствительности. Так, элементы национальной культуры формируют менталитет человека, который передаётся из поколения в поколение. Одной из определяющих черт ментальности русского является его патриотизм. Как и любая нравственная категория, патриотизм является следствием воспитания, в котором важную роль играет знание истории России и любовь к своему отечеству. Это особое чувство любви к России характеризует творчество Пушкина и Лермонтова, Блока и Есенина, Заболоцкого и Евтушенко. Прекрасное знание русской литературы и истории России явилось базой формирования мировоззрения поэта Владимира Шестерикова.

Как трудно ни было б подчас
Нам в нашем поиске грядущем,
Пусть осеняет муза нас
И вдохновляет лира Пушкина!

Не прерывайте муз полёт! [13. С. 7].

Из русской культуры он впитал её главную духовную ценность: любовь к Родине и своему народу, народу трудолюбивому, доброму, отзывчивому на беду других людей, готовому отдать последнюю рубашку нуждающемуся.

Воспитанный на русской культуре, Владимир Шестериков глубоко чувствует свою связь с родными корнями:

Слов высоких не занимать,
Но не сыщешь слов благородней,
Чем прекрасное слово «мать»
И священное слово «Родина!»
Слова [15. С. 30].

Знание истории непосредственно связано с памятью о важнейших событиях в истории страны. Историческая память репрезентируется в русской классике, её контент занимает особое положение в концепте *память*, так как он определяет духовно-нравственные черты русского человека. В отблесках русской поэзии нашли отражение все главные вехи истории России. В ней не просто отразилась история России – эта история воспета в стихах и поэмах так, что историческая память вызывает чувство сопричастности человека к делам давно минувших дней. Живая память истории объединяет все поколения нации в единый народ. Размышляя о судьбах страны, поэт приходит к философскому умозаключению:

Эпоха – это повторенье
Событий,

Судеб,

Зим и лет.

Поступки, мысли и слова

[13. С. 24].

Владимир Шестериков – современник Великой Отечественной войны. Однако в стихах, посвящённых этой страшной войне, он невольно вспоминает отголоски других войн. Во всех исторических событиях он видит «эпох таинственную связь». Так, День Победы воспринят поэтом в потоке истории России:

На боль высокую не сетуя,
Мы помним все Бородино,
И вот теперь есть Дубосеково.

День Победы [11. С. 46]

В другом стихотворении о войне поэт пишет, как славянки провожают солдат в грозном 41-ом, рефреном звучит наказ: «Возвращайтесь!» При этом поэт вызывает ассоциации с событиями других войн, и они как вехи истории, как залог победы:

Возвращайтесь – встретят вас улыбкой,
Светлорусой тихой красотой,
Словно дымкой над *геройской Шипкой*, –
Радостью-печалью вековой.
Возвращайтесь – встретят вас приволье,
Синева в глазах и сладость уст,
И опять *на поле Куликовом*
Белые ромашки зацветут.

Пережившие столько войн, русские, наверное, как никто в мире, заклиная судьбу: «Ах, только б не было войны!»

Ну а если загрохочут пушки –
Поплывут над заревом полей
Песни *Ярославны и Катюши*,
Матери седеющей моей.

Эшелонам вслед и полустанкам [15. С. 69].

Поэт вспоминает главные вехи истории России, определившие её путь развития. Он не описывает эти события, так как знает, что их помнит каждый русский человек. В его стихах только отдельные напоминания о важных исторических событиях через прецедентные имена, ставшие прецедентными географические названия. Главная мысль стихотворения получает у поэта чёткое выражение, многие цитаты из стихотворений становятся крылатыми выражениями и употребляются читателями как прецедентные тексты, используются как эпитафии. Так, в стихотворении «Отчество» поэт описывает встречу со своим отцом, вернувшимся с фронта домой. Здесь очень удачно проводится параллель между словами *отчество* и *отечество*. Для поэта, мальчишкой встретившего отца-солдата, отец на всю жизнь остался примером стойкости, мужества и доброты, олицетворением защитника Родины. И хотя солдат не имел высоких воинских званий, у него было то, что, как считает сын-поэт, важнее всех почестей:

Но выше званий всех на свете

Ещё есть звание отца.

И если мальчиком будущий поэт любит медалами отца, то, став взрослым, он заключает:

И у Отчества есть отчество

И есть начало – от отца.

Отчество [14. С. 16].

Владимир Шестериков пишет, что, хотя победа над фашистами далась нелегко, победители не горят чувством возмездия даже в долгожданный день Победы, который:

Пришёл,
Чтоб *Гёте* рядом с *Пушкиным*
Звучал напевно в сердце русского,
Пришёл, чтоб после грома пушек,
Разлиться соловьями курскими.

День Победы [11. С. 46].

Это уже проявление черт генетической ментальности русского человека, не позволяющей унижать повергнутого тобой врага, ментальности, привитой ещё детскими сказками и воспетой в классике русской поэзии. В ней истоки открытости русского человека всему доброму в мире и признание заслуг других народов, поэтому и немецкий поэт Гёте остаётся в сердце русского человека рядом с Пушкиным.

Межэтническая коммуникация накладывает отпечаток на содержание концепта включением в его структуру компонентов взаимодействующего языка. В Северо-Казахстанском регионе, например, активно взаимодействуют казахская и русская лингвокультуры. Эта особая языковая среда и лингвистический микроклимат находят отражение в языке поэтических текстов местных авторов, где лингвокультуры двух этносов тесно переплетаются в поэтическом творчестве, создавая единую живую лингвистическую материю. Так, в стихотворении Владимира Шестерикова «За косогором колосится рожь» взаимодействие культурных традиций проявляется не столько в использовании лексических единиц взаимодействующего языка, сколько – в конкретной смысловой нагрузке стихотворения. Первая часть стихотворения посвящена осознанию изначальной природной принадлежности автора к племени славян:

Я к племени тому принадлежу,

Что выбрало издревле в боги солнце...
[13. С. 45].

Все слова, несущие не только языковое значение, но и культурный смысл (*косогор*, *лесные поляны*, *рожь*, *опушка* и др.), выступают как лингвокультуры русского языка. Автору

близки природные ландшафты России, её озера «светлыми оконцами»:

Ты выйдешь на опушку и вздохнёшь
И выдохнешь душою всей: «Россия».

Во второй части стихотворения поэт отвечает на заданный себе вопрос:

И что же примешалось в мою кровь
С раскосой каплей кочевого солнца?

Даже дневное светило представлено дважды, с позиций разных культур: славяне избрали солнце в Боги, а в восприятии тюрка оно стало *кочевым*. Так в менталитет славянина «примешались» представления казаха-кочевника. В пейзажной картине России кони мирно за рекою ржут, а при описании казахской степи *дробный стук подков отдаётся в душе поэта тайной тревогой*. В этой части стихотворения языковую картину казахского этноса представляют лингвокультуремы: *кочевое солнце, круглая белая юрта, ветров горячих соль и др.*

Стихотворение свидетельствует о взаимопроникновении двух культур не только на уровне заимствования лексики, но и на эмоционально-образном восприятии картины мира. Природа предстаёт как хранилище событий прошлого, как *память*. В концепте *память* контент межэтнического взаимодействия отмечается во многих стихотворениях поэта. Можно сделать вывод, что поэтический мир Владимира Шестерикова – это полиментальный мир человека, выросшего в условиях взаимодействия культур и языков. [Подробнее об этом см. 9]

В. Шестериков закончил историко-филологический факультет Петропавловского пединститута им. К. Д. Ушинского по специальности «учитель русского языка и литературы, истории». Прекрасное знание русской и мировой литературы находит отражение в рассматриваемом концепте *память*. Энциклопедичность знаний, глубина чувств и восприятий поэта открываются читателю в поэтических ассоциациях с шедеврами мировой культуры. Так, любуясь осенней красотой леса, поэт ощущает себя среди полотен Лувра, Третьяковки, Русского музея.

Осенний жёлтый лист летает
И озаряет нас,
как вспышкой,
Вечерним светом Левитана,
Сосновым утром кисти Шишкина.
Ещё цветы не вянут поздние

[11. С. 50].

Осенний листик вызывает у поэта и читателя воспоминания о прекрасных картинах – «Золо-

той осени» Левитана и «Утра в сосновом бору» Шишкина. Названия этих картин стали прецедентными текстами, так же, как и «Лунная соната» Бетховена или «Лебединое озеро» Чайковского. Автору знакома сила музыкального искусства, он знает, что в годы войны музыка помогала обрести стойкость и веру в победу. Показательно в этом отношении стихотворение поэта «Лунная соната»:

Но сквозь войны зловещий вой
Над миром ликовал Бетховен,
Повстанец с лвиной головой.

Лунная соната [11. С. 47].

Наиболее сложным в концепте *память* является индивидуально-авторский контент. В дискурсе В. Шестерикова очень часто используется приём наложения временных пластов. В его стихах в концепте *память* соединяются воедино прошлое и настоящее:

Тропинками мирного лета
Я в грозную память иду.

Из той тишины [12. С. 5].

Хотя поэт написал эти строки в стихотворении, посвящённом Великой Отечественной войне, их можно отнести к целому циклу стихов об истории родины:

Вздохнуть бы полям опалённым,
Но столько столетий подряд,
Сверкая, мечи о шеломы,
Как в век Ярославны, гремят.

Звенели в ошеломленной [13. С. 68].

Для поэта характерно философское осмысление жизни, стремление к постоянному поиску основ мироустройства, поэтому концепт *память* является одним из базовых в концептосфере его поэтического дискурса. С годами поэт приходит к ясному пониманию преходящности всего сущего:

Нам не дано остановить
Мгновенья лет неуловимых.

О как торопимся мы жить

[15. С. 16].

Текут годы, и как дважды нельзя войти в одну и ту же реку, так нельзя и вернуться в прошлое, хотя с возрастом это желание появляется всё чаще. В стихотворении оно представлено как какая-то детская шалость, навеянная сказками из детства, где человеку помогают волшебные вещи – скатерть-самобранка или молодильные яблоки – нашему герою остаётся только завладеть волшебным ключом, которым и воспользоваться-то надо *украдкой* от тех, кто не верит в такую сказку.

«Эх, достать бы украдкой
Ключ от детства со дна» ...

Но с годами приходит и осознание роли великого дара природы – *памяти*, которая может вернуть человеку *былого отголоски*. Благодаря этой способности человек может окунуться не только в прошлое своей жизни, но и виртуально прожить целые эпохи. В стихотворении «Старый дом» поэт погружается в память своего детства, «куда уже не возвратиться» в реальности. Но понять свои истоки («Не здесь ли Родины исток?») помогают память и творческое воображение поэта:

Взмахнуло прошлое крылом,
Седую память в сердце будит
Старый дом [15. С. 37].

Поэт рассказывает о своём отчем доме, но в то же время через всё стихотворение проходит боль утраты, невозвратимости того, что было и осталось в памяти. Не случаен образ *крылатого прошлого*, которое только взмахнуло *крылом* и на миг вернуло человеку *седую память*. Тема памяти волнует поэта. Читая его стихи, невольно соглашаешься с его рассуждениями и выводами. Каждый человек, конечно, осознаёт, что «всё проходит»:

Всё проходит – недругов наветы,
Суета обманчивых затей,
Мелкая вражда и дразги света,
Тихое предательство друзей.

Всё проходит... [11. С. 90].

Однако поэт приходит к выводу, что «*остаётся вечно, / То, что никогда не разлюбить!*» В круг этих ценностей он включает: «хлеб румяный, испечённый мамой»; «детства отмерцавшая звезда»; «*прямо в снег осевшая избушка*». Но в первую очередь, *навечно*:

Остаётся в памяти опушка
Рощицы берёзовой и луг,
Счёт годам ведущая кукушка,
Что внезапно замолкает вдруг.

Легенды и быль прошлого и настоящего тесно переплетаются в творческом сознании поэта:

Мне б войти в преданья да былины,
В душу века зорко заглянуть,
Скачет-скачет всадник на равнине,
Устремляя к горизонту путь.

Ничего мне больше и не надо [15. С. 66].

Стремясь понять прошлое и настоящее, поэт часто обращается к концепту *память*. Он осознаёт, что память выступает связующей нитью прошлого и настоящего:

Вагоны тихо дрогнули. Запели.
Качнулась в небе дальняя звезда.
По памяти, как будто по туннелю,
Путь освещая,

Мчатся поезда.

Память [14. С. 9].

Концепт *память* включает и личные воспоминания поэта. Вероятно, у каждого поэта есть более или менее постоянные образы, с которыми на подсознательном уровне связано восприятие определённых фрагментов окружающей действительности. Эти концепты имеют сложную семантическую структуру. Таким образом, анализ поэтических текстов помогает понять семантическую структуру концепта. Кроме общего понятийного значения, концепты поэтической картины мира включают: ментально-значимые представления – лингвокультуры, контенты этнического взаимодействия – этнопоэтизмы, контенты мировой культуры – прецедентные тексты, индивидуально-авторские образы – поэтонимы. Хотя анализ концепта связан с ассоциативным мышлением и представлением индивида, семантика концепта поддаётся исследованию в пространстве языкового поля. Изучение концепта начинается с его вербального выражения, то есть слова. Концепт формируется с момента знакомства со словом, передающим определённое понятие, чем и объясняется отождествление концепта с понятием. С момента установления связи между понятием о предмете и представлением о нём начинается формирование концепта индивидуального. Наиболее объективной, возможно, и наиболее сложной, является семантическая структура концепта поэтической картины мира, которая раскрывается через индивидуально-авторскую концептосферу поэта.

Список литературы

1. Бахтикиреева У. М. Художественный билингвизм и особенности русского художественного текста писателя-билингва: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2005. – 367 с.
2. Болдырев Н. Н. О метаязыке когнитивной лингвистики: концепт как единица знания // Когнитивные исследования языка. Вып. IX. Взаимодействие когнитивных и языковых структур: сб. науч. тр. М.; Тамбов, 2011. С. 23–32.
3. Кубрякова Е. С. Словарь когнитивных терминов. / В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина // – М.: филол. ф-т МГУ им. М. Ломоносова, 1997. – 245 с.
4. Маслова В. А. Homo lingualis в культуре. – М.: Гнозис, 2007. – 320 с.
5. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. – М.: «Театр Системс», 2008. – 72 с.

6. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М.: «Русский язык», 1975. – 846 с.
7. Проблемы межкультурной коммуникации в современном обществе: международный сборник научных трудов (Казахстан-Венгрия). – Астана-Будапешт, 2014. – 280 с.
8. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. – М.: Академический проект, 2004. – 647 с.
9. Табакова З. П. Этнопоэтика. Диалог культур и языков. – Германия: Издательство «Palmarium academic publishing», 2014. – 137 с.
10. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка. – М.: «Эксмо», 1995. – 897 с.
11. Шестериков Владимир. Второе зрение. – Алма-Ата: «Жазуши», 1983. – 65 с.
12. Шестериков Владимир. Лиловые снега. – Алма-Ата: «Жазуши», 1988. – 80 с.
13. Шестериков Владимир. Мгновения. – Петропавловск: «Северный Казахстан», 2007. – 118 с.
14. Шестериков Владимир. Острова в степи. – Алма-Ата: «Жазуши», 1977. – 60 с.
15. Шестериков Владимир. Прощёное воскресенье. – Петропавловск: «Северный Казахстан», 2009. – 100 с.

Н. Д. Тибинько

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

КЛАССИФИКАЦИИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ВКЛЮЧЕНИЙ

CLASSIFICATIONS OF INTERTEXTUAL INCLUSIONS

В статье рассматриваются основные классификации интертекстуальных включений. Анализ изученного материала позволяет утверждать, что обязательным условием реализации категории интертекстуальности является наличие интертекстуальных включений.

The article deals with the basic classifications of intertextual inclusions. The carried out analysis allows us to affirm that the prerequisite for the implementation of the category of intertextuality is the presence of intertextual inclusions.

Ключевые слова: интретекстуальность, интертекстуальные включения.

Keywords: intertextuality, intertextual inclusions.

Многие ученые предпринимают попытки разработать свою типологию интертекстуальности.

Существуют различные классификации, группирующие приемы отсылок от текста к тексту по-разному. Многие типологии явно или имплицитно соотносят типы этих ссылок с теми или иными тропами и фигурами – метонимией, метафорой и др. (З. Бен-Порат, Г. Б. Конт, З.Г. Минц).

Л.Жени строит свою типологию на дихотомии «сохранение – изменение» во взаимоотношениях структурных и смысловых свойств прототекста.

В рамках этой классификации разграничиваются параномазия (реминисценция, сохра-

няющая звуковой строй источника), эллипсис (усеченное воспроизведение источника), амплификация (дальнейший вывод из виртуально присутствующих в источнике значений), гипербола (трансформация смысла путем перевода в превосходную степень качества), «*intersion*», (данный интертекстуальный ход изменяет порядок и ценностный ранг элементов источника, например при пародировании), «*changement du niveau de sens*» (изменение уровня смысла, то есть перенесение семантической схемы источника в свой контекст) [цит. по: 3].

По мнению И.П. Смирнова «интертекстуальность – свойство художественного произведения формировать собственный смысл с

помощью ссылок на другие тексты». Ученый выделяет реконструктивную и конструктивную интертекстуальность, диахроническую и синхроническую интертекстуальность [3. С. 34]. В. Хайнепам выделяет типологическую и референциальную интертекстуальности. Референциальную интертекстуальность ученый разделяет на такие подвиды как грамматическая и семантическая. Обосновывая данную классификацию, исследователь утверждает, что автор текста, т.е. отправитель вполне осознанно может ссылаться на определенные тексты с одной стороны, а с другой стороны неосознанно может использовать известные текстовые модели [2. С. 60].

Многие исследователи описывают взаимодействие между изначально разными текстами (одного или нескольких авторов) посредством «чужого слова». В статье «Проблема интекста» (1981) П. Х. Тороп классифицирует интексты по способу примыкания метатекста к прототексту (утвердительный или полемический) и по уровню примыкания (явный или скрытый). По мнению ученого существуют следующие виды интекстов, которые он описывает в виде процесса «перевода»:

- 1) цитата, центон, аппликация (соответствует точному переводу);
- 2) пастиш, буриме (формальный, микростилистический перевод);
- 3) глосса (цитатный перевод);
- 4) реминисценция, стилизация (языковой, микростилистический перевод);
- 5) перифраза (описательный перевод);
- 6) аллюзия (вольный перевод);
- 7) антономазия, адаптация, иррадиация (тематический перевод);
- 8) бурлеск, травести, кеннинг (экспрессивный перевод) [5. С.41].

Основополагающей классификацией можно считать типологию Ж. Женетта. Ученый рассматривает произведение как целостную структуру, в которой межтекстовые отношения обозначены термином «транстекстуальность». Ж. Женетт разработал практическую модель исследования межтекстовых отношений [цит. по: 2. С. 64]. Предложенная классификация основывается на описании типов взаимодействия текстов:

- 1) интертекстуальность как видимое присутствие одного текста в другом (сюда автор относит, в первую очередь, цитату с указанием или без указания источника, плагиат, а также аллюзию);

- 2) паратекстуальность как отношения между собственно текстом литературного произведения и сопровождающими его заголовком, подзаголовком, предисловием, послесловием, а также ссылками, примечаниями, иллюстрациями и т.д.;

- 3) метатекстуальность как комментирующее и часто критическое указание текста на претекст;

- 4) гипертекстуальность как отношения между гипотекстом и гипертекстом, проявляющиеся в том, что один текст берет за основу другой (имитация, адаптация, пародия и др.);

- 5) архитекстуальность, под которой Ж. Женетт понимает типологическую соотнесенность текстов, принадлежащих одному типу текста или жанру [цит. по: 2].

Отношения между конкретными текстами, но и отнесенность текста к определенному ученому относит также к видам межтекстовых отношений.

Типологическая схема Н.А. Фатеевой основывается на системах П.Х. Торопа, Ж. Женетта, И. П. Смирнова [6. С. 25-38]. Основные классы интертекстуальных отношений классификации Ж. Женетта Н.А. Фатеева дополнила новыми моделями, такими как интертекст как стилистическая фигура, интермедийные тропы, заимствование приема, а также поэтическую парадигму.

I. Собственно интертекстуальность, образующая конструкции «текст в тексте».

1.1. Цитаты с атрибуцией / без атрибуции (критерий узнаваемости, собственная предикация).

1.2. Аллюзии с атрибуцией / без атрибуции / центонные тексты как комплекс аллюзий и цитат (критерий узнаваемости, новая предикация).

II. Паратекстуальность, или отношение текста к своему заглавию, эпиграфу послесловию (критерий масштабности заимствования). 2.1 Цитата-заглавие.

2.2. Цитата-эпиграф.

III. Метатекстуальность как пересказ или комментирующая ссылка на претекст (критерий трансформации).

2.1. Интертекст-пересказ.

2.2. Вариации на тему претекста.

2.3. Дописывание «чужого» текста.

2.4. Языковая игра с претекстами.

IV. Гипертекстуальность как осмеяние или пародирование одним текстом другого.

V. Архитекстуальность, понимаемая как жанровая связь текстов.

VI. Интертекст как троп или стилистическая фигура / интермедийальные тропы и стилистические фигуры / заимствование приема.

VII. Поэтическая парадигма.

По мнению Н.С. Олизько недостаток типологии Н.А. Фатеевой в том, что она является попыткой представить общие принципы межтекстовых взаимодействий вместе с элементами, служащими для их реализации. По мнению Н. С. Олизько, классификация не может быть достаточно последовательной, базируясь на различных принципах. Как доказательство своего предположения ученый приводит тот факт, что гипертекстуальность необходимо рассматривать как одну из функций интертекстуальности (пародирование), а не как общий ее принцип [1. С. 49].

Принципы, предложенные российским ученым Е.Е. Дмитриевой и положения, выдвинутые лингвистом Г. Вайзе (Weise) явились основанием для построения собственной классификации Н.С. Олизько. Е.Е. Дмитриева рассматривает интертекстуальность как способ порождения значений в тексте. В своей типологии Е. Е. Дмитриева разграничивает такие разновидности интертекстуальности как общая (взаимоотношения между текстами разных авторов) и ограниченная (связь между текстами одного автора), внешняя (отношение к другому тексту) и внутренняя (взаимоотношение различных частей текста) [2. С. 67].

Н.С. Олизько также использует в основе своей типологии идею Г. Вайзе о вертикальном (классификационном) и горизонтальном (ассоциативным) измерениях интертекстуальности. По мнению Г. Вайзе художественный текст является наиболее эффективной средой существования интертекстуальности. Свое исследование ученый проводил на материале текстов художественной английской литературы. В терминах Г. Вайзе «горизонтальное измерение трактуется как установление линейных отношений, так как между относящимися друг к другу текстами существует определенная последовательность (составные части произведения, метатекстовые включения). Вертикальное, или типологическое, измерение интертекстуальности устанавливает связи отдельного текста с другими текстами в смысле его характеристики как экземпляра определенного типа текстов». По мнению автора интертекстуальность может обладать прагматическими (*zweckgerichtet*) и художественными (*spielerische*) функциями. Ученый утверждает, что формы интертекстуальности могут быть

варьироваться от цитат, намеков и парафраз до текстового коллажа, пародий и травести [7. С. 39-49].

Типология интертекстуальных отношений Н.С. Олизько построена в двух плоскостях – на горизонтальном уровне (гипертекстуальность и метатекстуальность), в котором устанавливаются синтагматические (метонимические) отношения между частями одного произведения или произведения одного автора, и на вертикальном уровне (архитекстуальность и интекстуальность), в котором определяются парадигматические (метафорические) связи текста с прецедентными текстами [1. С. 50-51].

В типологии Н.С. Олизько содержание понятия «архитекстуальность» совпадает с определением этих терминов у Ж. Женетт и Н.А. Фатеевой. При этом понятия «гипертекстуальность» и «метатекстуальность» получают иное наполнение, а именно, трактуются как «отношения между текстами – произведениями отдельного автора, объединенными общим эстетико-философским содержанием и особенностями лингвистического построения» и «авторский комментарий на особенности построения собственного текста, обнажающий приемы, используемые для передачи определенного содержания и отражающие процессы становления произведения», соответственно [1. С. 51]. Н.С. Олизько исключила паратекстуальность из числа основных интертекстуальных отношений, в то время как интертекстуальность в узком ее понимании представлена интекстуальностью. Автор представляет интекстуальность как использование текстовых включений, которые вносят информацию о прецедентных феноменах в текст и устанавливают парадигматическую связь данного текста с прототекстами посредством реминисценций в терминах А.Е. Супруна [4. С. 18].

Одним из важных аспектов теории интертекстуальности является гипертекстуальность. Для более тщательного рассмотрения данного вопроса необходимо сравнить содержание этих понятий в известных нам уже типологиях и классификациях интертекстуальности. По мнению Ж. Женетт гипертекстуальность – это отношения между гипотекстом и гипертекстом, которые проявляются в том, что один текст становится основой другого (имитация, адаптация, пародия и др.) [2. С. 69]. Н.А. Фатеева считает, что данный феномен можно рассматривать как пародирование или осмеяние одного текста другого [6]. Н.С. Олизько рассматривает этот термин как отношения между

текстами отдельного автора, которые объединены общим эстетико-философским содержанием и особенностями лингвистического построения [1].

Таким образом, для понимания интертекстуальности необходимо рассматривать межтекстовое взаимодействие как видимое присутствие одного текста в другом, которое реализуется посредством цитат, косвенной речи и аллюзии. Реконструктивная интертекстуальность встречается при использовании автором цитации, фиксируя общность «своего» и «чужого» текстов, а конструктивная интертекстуальность используется в случае использования аллюзии, цель которой – организовать заимствованные элементы таким образом, чтобы они оказывались узлами сцепления семантико-композиционной структуры нового текста.

Список литературы

1. Олизько, Н.С. Интертекстуальность как системообразующая категория постмодернистского дискурса / Н.С. Олизько: дис. ... канд. филол. наук, Челябинск, 2002. – 194 с.
2. Попова, Е.А. Культурно-языковые характеристики политического дискурса (на материале газетных интервью) / Е.А. Попова: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1995. – 187 с.
3. Смирнов, И.П. Порождение интертекста. Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Пастернака / И.П. Смирнов. – 2-е изд. – СПб, 1995. – 189 с.
4. Супрун, А.Е. Текстовые реминисценции как языковое явление / А.Е. Супрун // Вопросы языкознания. – 1995. – №6. – С. 17-29.
5. Тороп, П.Х. Проблема интертекста / П. Х. Тороп // Текст в тексте: труды по знаковым системам; XIV. Учёные записки Тартуского гос. универс. – Вып. 567. Тарту: Тарт. ун-т, 1981. – С. 33-44.
6. Фатеева, Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов / Н.А. Фатеева. – М.: Арап, 2000. – 280 с.
7. Weise, G. Zur Spezifik der Intertextualität in literarischen Texten / G. Weise // J. Klein, U. Fix (Hgg.). Textbeziehungen: linguistische und literaturwissenschaftliche Beiträge zur Intertextualität. – Tübingen: Stauffenburg-Verl, 1997. – SS. 39-48.

Е. А. Титова

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

БЛАГОЗВУЧИЕ И НЕБЛАГОЗВУЧИЕ КАК СРЕДСТВА ПРАГМАТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

EUPHONY AND CACOPHONY AS MEANS OF CREATING PRAGMATIC EFFECT IN POETIC TEXTS

Поэтический текст представляет собой единство всех языковых элементов, которые в совокупности оказывают определенное воздействие на читателя. Явления благозвучия и неблагозвучия, которые достигаются за счет звуковых сочетаний и звуковых повторов, способны оказывать прагматическое воздействие на читателя, вызывая соответствующий эмоциональный отклик.

A poetical text is a combination of different language elements that can have a certain effect on a reader. The phenomena of euphony and cacophony that appear due to either repetition of some sounds or sound combinations can have a pragmatic effect on a reader thus evoking a corresponding emotional response.

Ключевые слова: поэтический текст, прагматическое воздействие, звуковые сочетания, благозвучие, неблагозвучие, эмоциональный отклик.

Keywords: poetical text, pragmatic effect, sound combinations, euphony, cacophony, emotional response.

Звуковая организация поэтического текста зачастую определяет восприятие и в значительной степени влияет на создание тех или иных образов. По мнению Ю. М. Лотмана, давно замечено, что повторяемость фонем в стихах подчиняется несколько иным законам, чем в нехудожественной речи. Если рассматривать обычное речевое употребление как неупорядоченное (то есть не принимать во внимание собственно языковые закономерности построения), то поэтический язык предстанет как упорядоченный особым образом, в том числе и на уровне фонем [5. С. 72].

Наиболее частый (вернее, наиболее заметный в силу своей элементарности) случай – подбор слов таким образом, чтобы определенные фонемы встречались чаще или реже, чем в той языковой норме, которую трудно сформулировать, но которая дана каждому владеющему данным языком интуитивно.

Кроме частоты повторяемости одних и тех же фонем, существенна повторяемость их позиции (в начале слов или стихов, во флексивных элементах, под ударениями, повторяемость групп фонем относительно друг друга и прочее).

Повторяемость фонем в стихе имеет определенную художественную функцию: фонемы даются читателю лишь в составе лексических единиц. Упорядоченность относительно фонем переносится на слова, которые оказываются сгруппированными некоторым образом [5. С. 89].

В статье «Средства создания звуковой экспрессии» Т. Зырянова говорит о целесообразности изучения роли звуковой структуры в художественном произведении. По её мнению, художественная идея реализует себя через определенное «сцепление» – структуру – и не существует вне её. Измененная форма доносит до читателя или слушателя иную идею. Следовательно, все элементы художественной организации, в нашем случае стихотворения, есть элементы смысловые, являются обозначениями определенного содержания. Более того, семантическую, образную, выразительную и экспрессивную нагрузку получают те элементы, на которые в обычной речи не обращают особого внимания. Пока мы не замечаем той или иной стороны языка, можно быть уверенным, что построение ее соответствует нормам употребления. Нарочитое сгущение в употреблении того или иного элемента делает его заметным, структурно активным. Конкретное содержание образа в условиях более широкого

контекста переосмысливается, его семантическая структура расширяется за счет различных эмоционально-смысловых приращений, которые, взаимодействуя с буквальным содержанием образа, обогащаются в читательском восприятии новыми неожиданными ассоциациями. Средства и приемы создания образности и выразительности не только взаимодействуют друг с другом, развивая одну тему, но и оттеняют и обогащают друг друга, взаимно заряжаясь динамикой окружающей их семантики [3].

Т. Зырянова также замечает, что звуковая экспрессия в поэтических текстах может быть как ярко выраженной, так и ослабленной, или сниженной. На данное явление влияет насыщенность звуковой ткани более или менее предсказуемыми элементами, а также информативность и выразительность всей звуковой структуры [3].

По мнению А.П. Журавлева, в поэтических произведениях содержательность звуков используется как особое изобразительно-выразительное средство, помогающее «теснее слить форму с содержанием», выразить содержание полнее, ярче [4. С. 89].

В художественном тексте каждое слово оказывается как бы под увеличительным стеклом: «...слово в поэзии «крупнее» этого же слова в общеязыковом тексте». Поэтому весь комплекс значений, заложенных в слове (образных, эмоционально-экспрессивных, этимологических), а также само его звучание, становясь объектом художественного восприятия, приобретают особый смысл [1. С. 259].

Поэзию от прозы, по мнению Ф. Мико, принципиально отличает более музыкальное, эстетически совершенное сочетание звуков. Как составной элемент художественной формы, фоника служит наиболее полному, яркому воплощению замысла поэта, усиливая другие экспрессивные средства поэтической речи. Впечатление, производимое лирической прозой, обусловлено семиотической гармонией смыслового образа и звучащей строки. Стих есть функционально значимая звуковая организация лирического произведения [6. С. 125].

Знаки языка могут производить на людей определенное впечатление (положительное, отрицательное или нейтральное), оказывать на них какое-то воздействие, вызывать ту или иную реакцию. Такой способностью обладает и целый текст. По мнению А. Паршина, текст содержит некоторое сообщение, передаваемое от источника к реципиенту, какие-то сведения (информацию), которые должны быть извле-

чены из сообщения, поняты. Воспринимая информацию, адресат тем самым вступает в определенные личностные отношения к тексту, называемые *прагматическими отношениями*.

Информация может оказать на её получателя глубокое воздействие. Она может затронуть его чувства, вызвать *эмоциональную реакцию*, побудить к каким-то действиям. Способность текста производить подобный коммуникативный эффект, осуществлять прагматическое воздействие на получателя, называется *прагматическим аспектом или прагматическим потенциалом (прагматикой) текста* [7].

Вслед за А.А. Горбачевским мы считаем, что прагматика текста образуется сочетанием прагматических значений, свойственных языковым единицам, входящим в его состав. При этом исследователь отмечает, что прагматика текста зависит также и от того, как сочетаются между собой прагматические значения разных языковых единиц данного текста, как они соотносятся с контекстом [2. С. 98].

Говоря о звуковой организации поэтической речи, обратимся к высказыванию И. Н. Шадриной, которая утверждает, что текст воспринимается реципиентом как совокупность составляющих его звуков, определенным образом структурированных. Причем восприятию поэтического текста присущ универсализм: текст представляет собой звуковую материю, вещество, репрезентированное в разных языках модификациями этой материи. Фоника поэтических текстов актуализирует эмоционально-смысловые отношения, фиксированные в тексте, направляет и организует ассоциации [9. С. 8].

В рамках фонетического оформления поэтического текста выделяются такие выразительные средства, как благозвучие и неблагозвучие.

Благозвучные строки обычно отражают красоту описываемого предмета, передают положительные эмоции лирического героя, находящего в своей душе отзвук миру прекрасного [1. С. 256].

В рассмотренном нами произведении У. де ла Мэра «Silver», мы замечаем явление благозвучия:

*Slowly, silently, now the moon
Walks the night in her silver shoon;
This way and that she peers and sees
Silver fruit upon silver trees;
One by one the casement catch
Her beams beneath the silvery thatch...*

Звуковая гармония возникает благодаря частотному использованию таких «мажорных»

звуков и звукосочетаний, как [n] (*now, moon, night, shoon*), [i, iə] (*silver, this, peers, sees, trees*), [sl] (*slowly, silently, silver*). Это помогает автору нарисовать картину спокойной лунной ночи и вызвать у читателей положительные ощущения умиротворения и гармонии [8].

Неблагозвучие, как правило, возникает в поэтическом тексте вследствие обильного использования «минорных» звуков и неприятных для слуха сочетаний и нередко подчеркивает сложность и драматизм описываемых явлений, отсутствие в них гармонии, красоты [1. С. 206].

Т. Зырянова также говорит об этом способе организации поэтического текста. По её мнению, неблагозвучие используется для поддержания высокого уровня экспрессивности речи. Оно также позволяет донести до слушателя (читателя) на эмоциональном подъеме идею, призыв, закрепить созданный автором неординарный, оригинальный образ, который есть не что иное, как переживание, непосредственное отражение мыслей и чувств [3].

В связи с данными утверждениями, нельзя не согласиться с И. Б. Голуб, которая считает, что в лирических стихотворениях поэты обычно избегают скопления труднопроизносимых согласных, «некрасивых» созвучий. Но в особых случаях труднопроизносимые стечения согласных могут выполнять в поэтической речи изобразительные функции. В иных случаях неприятные сочетания отражают эмоциональную оценку поэтом изображаемых картин [1. С. 260].

Так, в одном из проанализированных нами произведений П. Б. Шелли «England in 1819» описываются тяжелые для страны времена. В связи с этим, мы можем наблюдать несвойственное английскому языку скопление неприятных сочетаний согласных с напряженным [г], а также частотное использование этого звука [8]. Это создает эффект неблагозвучия и производит негативное впечатление на читателя, тем самым помогая автору передать свое отношение к данной ситуации:

*An old, mad, blind, despised, and dying king, –
Princes, the dregs of their dull race, who flow
Through public scorn, mud from a muddy
spring, –
Rulers who neither see nor feel nor know...*

Такие явления, как благозвучие и неблагозвучие являются очень важными элементами в звуковой организации поэтической речи. Причем звучание становится заметным (как в случае благозвучия, так и в случае неблагозвучия) при повторении звуков или целых групп зву-

ков [8]. При этом стоит обратить внимание на то, что звуки проявляют те или иные свойства только в определенных условиях. Отдельно взятый звук не способен произвести нужное впечатление, только гармоничное сочетание смысла и звучания обладает огромной силой воздействия.

Список литературы

1. Голуб, И. Б. Стилистика русского языка / И.Б. Голуб. – М. : Титул, 2002 – 670 с.
2. Горбачевский, А. А. Оригинал и его отражение в тексте перевода: Монография / А. А. Горбачевский. – Челябинск, 2001. – 202 с.
3. Зырянова, Т. Средства создания звуковой экспрессии // Зеленая лампа. Вып. 1 / Т. Зырянова, 2004. – URL: <http://lamp.semiotics.ru>
4. Журавлев, А.П. Звук и смысл. Книга для учащихся / А.П. Журавлев. – М. : Просвещение, 1991. – 155 с.

5. Лотман, Ю. М. О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста: Статьи и исследования / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПб, 1996. – 846 с.

6. Мико, Ф. Передача звучания при переводе лирической поэзии // Поэтика перевода: Сборник/Составл. С.Ф. Гончаренко / Ф. Мико. – М. : Радуга, 1988. – 235 с.

7. Паршин, А. Теория и практика перевода / А. Паршин. – URL: http://teneta.ru/rus/prevd/parshin-and_teoria-i-praktika-perevoda/htm

8. Титова, Е.А. Прагматический аспект передачи звукоизобразительных средств при переводе поэтических текстов: на материале английского языка: дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Титова. – Челябинск, 2001. – 202 с.

9. Шадрина, И.Н. Фоносемантическая доминанта как структурообразующий компонент текста перевода (экспериментальное исследование на материале русского и английского языков): Автореф. дисс....канд. филол. наук / И.Н. Шадрина. – Горно-Алтайск, 2001. – 16 с.

О. В. Томберг

Уральский федеральный университет
(Екатеринбург, Россия)

ГЕНДЕРНАЯ АСИММЕТРИЯ ИМАГОСФЕРЫ АНГЛОСАКСОНСКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

GENDER ASYMMETRY OF IMAGOLOGICAL SPHERE OF ANGLO-SAXON POETIC LINGUOCULTURE

Статья сфокусирована на изучении гендерных аспектов имажосферы англосаксонской поэтической лингвокультуры. Женские и мужские образы по-разному осмысляются в архаичной поэзии. Данные несовпадения наблюдаются на лексическом, концептуальном, стилистическом уровнях по количественным и содержательным параметрам. Это отражает специфику культуры в целом и место в ней мужчины и женщины.

The paper focuses on research into gender differences of imagological sphere of the Anglo-Saxon poetic linguoculture. Female and male images are given different attention in ancient poetry. Such discrepancies can be revealed on lexical, conceptual, stylistic levels according to content and quantitative parameters. It reflects a specific character of the Anglo-Saxon culture on the whole as well as man and woman's role in it.

Ключевые слова: образ, имажосфера, лингвокультура, гендер, концепт.

Keywords: image, imagological sphere, linguoculture, gender, concept.

Определяя имажосферу как систематизированную иерархию художественных образов,

характерных для определенного периода развития национальной лингвокультуры, необхо-

димо подчеркнуть несколько важных моментов. Во-первых, конституентами имагосферы являются художественные образы, которые мы определяем как процесс и результат динамического, культурно обусловленного взаимоотношения с действительностью, аксиологически и антропологически маркированный и погруженный в широкий семиотический контекст национальной лингвокультуры. Данная дефиниция позволяет изучать образ в лингвокультурном аспекте как явление, соотношенное с категориальным пространством национальной культуры. Во-вторых, важное значение приобретает идея иерархичности, т.е. упорядоченности конституентов системы по определенному признаку и их ранжирование в соответствии с этим. В данном случае художественные образы конституируют имагосферу, принцип иерархичности реализуется в рамках понятий представленности / лакуарности, частотности / нечастотности, разработанности / неразработанности тех или иных образов в культуре. Анализ лексической и концептуальной репрезентации образов позволят расширить исследовательские выводы до сферы культуры и выявить / уточнить место женщины в англосаксонской культуре в целом, поскольку, по мнению А. Д. Шмелева, «современные методы изучения лексической семантики ... показывают, что значение большого количества лексических единиц ... включают в себя лингвоспецифичные конфигурации идей» [9. С. 18].

Обращаясь к исследованию образов англосаксонской поэтической лингвокультуры, привлекает внимание следующая особенность: имагосфера данного периода представлена преимущественно мужскими образами. Это образы национального героя, короля, воина, врага. Наиболее разработанным является образ воина: этот образ представлен большим количеством персонажей из разных поэтических жанров: эпос (напр. Wiglaf, Wulfgar), героические песни (напр. Guðere, Sigferth, Guðulf, Herebeald, Sigemund, Æscferth, Garulfe, Ordlaf), героические элегии (напр. Widsith, Wulf). Такая широкая разработанность образа воина объясняется, прежде всего, концептуальным духом эпохи – данный период представляет собой «милитарный» тип культуры как отклик на постоянные угрозы военного характера: междусобные, межплеменные распри, набеги викингов.

Женщина в англосаксонской поэтической традиции представлена преимущественно макрообразом – или имагологическим типом

(типажом). Определяя понятие типажа, вслед за В. И. Карасиком как «обобщенного типа личности, выделяемый по социально-значимым параметрам в рамках определенного социально-этнического сообщества» [3. С. 103], считаем целесообразным подчеркнуть, что тип представляет собой достаточно высокую степень абстракции. Женщина представлена преимущественно образом – типом, что свидетельствует о меньшей персонажной разработанности и, соответственно, меньшей релевантности данного образа в культуре. Образы, репрезентирующие женщину, в основном либо анонимны (например, образ плакальщицы), либо немногочисленны по своей персонажной репрезентации, например, образ королевы.

Квантитативная асимметрия наблюдается также в номинативном аспекте – при изучении номинативных вариаций мужских и женских образов в англосаксонской поэтической лингвокультуре. Маскулинные номинативные варианты представлены в гораздо большем количестве, основными из которых являются следующие: *þēoden*, *beorn*, *secg*, *rinc*, *wiga*, *brim-wīsa*, *ēorodman*, *lādtēow*, *hyse*, *cyning*, *here-wōsa*, *gūþ-weard*, *here-toga*, *stēor-mann*, *fyrdrinc*, *cempan*, *hæleþ*, *wigend*, *flot-man*. Каждый из этих вариантов подчеркивает тот или иной аспект макрообраза: героизм, воинство, принадлежность к королевской крови, мореходство, смелость. Номинативные варианты женских образов – *ides*, *meōwle*, *iū-meōwle*, *wif*, *bryd*, *cwen*, *þír*, *widuwe* – в содержательном аспекте, помимо номинаций, восходящих к обозначению женщины (*ides*, *meōwle*, *iū-meōwle*, *þír*) в древнеанглийском языке, подчеркивают идеи вдовства (*widuwe*), королевской власти (*cwen*), семейного положения (*wif*).

Способом соотношения художественного образа с категориальным пространством национальной культуры является концепт как «коллективное содержательное ментальное образование, фиксирующее своеобразие соответствующей культуры» [2. С. 29]. Поскольку образ, по мнению В.В. Колесова, наряду с понятием и символом, является одним из репрезентантов концепта [4. С. 19], считаем возможным допустить, что художественный образ как сложное образование способен к репрезентации нескольких культурных концептов, представляя собой сумму концептуальных областей. Соответственно, образ может представлять собой сумму концептуальных областей.

Перспективным способом лингвокультурного исследования художественного образа

может быть метод поля «как совокупности единиц, объединенных общим содержанием и имеющих иерархическую структуру...» [1. С. 57]. В приложении к рассматриваемому материалу данные совокупности будут представлять собой концептуальные группы, которые реконструируются на основе анализа имагологических контекстов – корпуса наименований образа, однородных по своей персонажной референции. По аналогии с методикой построения номинативного поля концепта [6. С. 176–180], целесообразно выявить ядерную, околоядерную и периферийную зоны концептуального пространства образа. Ядром, репрезентирующим образ, является имя / имена персонажей: оно обладает статусом ключевого слова, слова – темы, служащего стимулом текстовых ассоциаций [8. С. 196]. Околоядерную зону образуют концепты, реконструируемые на основе анализа номинативных вариаций рассматриваемого понятия. Затем на основе анализа имагологических контекстов выявляется корпус кореферентных наименований образа. В соответствии с концепцией М. В. Никитина «если в тексте несколько слов или даже словосочетаний имеют одинаковую предметную соотнесенность, о них говорят, что они кореферентны» [5. С. 26]. Кореферентными связями отмечены все непосредственные (речевой портрет, поступки, внешний вид персонажа/персонажей, актуализирующий данный образ) и опосредованные (слова нарратора и других персонажей, взаимоотношения с ними) наименования персонажей, репрезентирующие тот или иной образ. Сумма этих имагологических маркированных кореферентий систематизируется на основе общности семантических значений – выявлении интегральной семы – в концептуальные группы. Таким способом выявляются концепты, конституирующие ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию концептуального пространства художественного образа.

Применяя данную методику анализу образа женщины в англосаксонской поэтической лингвокультуре, можно сделать следующие выводы:

- ядро образа образуют концепты «мысль» (*Hygd*), «слуга» (*Wealtheow*), «господин», «забота» (*Freawaru*);

- для анализа околоядерной зоны выделены следующие следующие номинации, каждая из которых подчеркивает тот или иной аспект данного образа: *ides*, *meówle*, *iú-meówle*, *wíf*, *bryd*, *cwen*, *þír*, *widuwe*, *freoþuwebbe*. На основе изучения этимологии и семантики данных

номинаций можно заключить, что они являются репрезентантами концептов «королевская власть», «вдовство», «юность, невинность», «замужество», «мир»;

- периферию концептуального пространства образа женщины конституируют концепты «горе» (*geomor*), сердце (*heorte*), «душа, внутренний человек» (*mod*), «разлука» (*to-dǣlan*), «песня» (*giedd*), «изгнание» (*wraeclást*), «судьба» (*wyrd*), «ценности» (*máðum*), верность (*fǣlre*).

Данные особенности контрастируют с концептуальным наполнением мужских образов по некоторым аспектам. Во-первых, ядро образа женщины представлено немногочисленно в силу большого количества анонимных персонажей. Подобная антропонимическая недифференцированность может свидетельствовать о меньшей значимости женских образов в англосаксонской поэтической лингвокультуре по сравнению с мужскими образами. Персонажные репрезентации мужских образов в основном антропонимически отмечены, а их имена представляют собой значимые концепты: «война» (*Guðere*, *Sigeferth*, *Guðulf*, *Herebeald*, *Wiglaf*, *Sigemund*), «доспехи» (*Æscferth*, *Ordlafe*, *Garulfe*, *Wulfgar*), «странствие» (*Widsith*), «волк» (*Wulf*, *Wulfgar*, *Wulfstan*, *Wulfmaer*), «смелость» (*Byrhtnoth*). Исходя из концепции исключительной значимости имени собственного в архаичной картине мира, «отражении в ономастике наиболее престижных понятий» [7. С. 9], можно предположить, что эти концепты являются ключевыми аксиологически значимыми в контексте всей культуры.

Во-вторых, в центральном фокусе осмысления женщины находятся преимущественно концепты, не характеризующие ее внутренний мир, а подчеркивающий социальный статус – жена, вдова, королева и т.д. При анализе маскулинных образов, например образа воина, в ядерной и околоядерной зонах выявлены концепты, раскрывающие внутренний мир персонажей: «внутренний человек», «родство», «любовь», «предательство», «мудрость», «горе». Такое смещение акцентов и раскрытие женщины через внешние, статусные показатели подчеркивают ее орнаментальную, подчиненную по отношению к мужчине функцию в англосаксонской культуре, что подтверждается сюжетным и мотивным анализом контекстов: Вальтхеов, например, появляется на пирах ненадолго, участвует в церемониале раздачи даров и удаляется в свои покои до окончания пира.

В-третьих, доминантной темой в раскрытии образа женщины является тема горя. Это подтверждается номинативной плотностью данной концептуальной группы: концепт «горе» представлен лексемами «geomore», «sorg», «geotig», «uhtcearu», «weaþearf», «hygegeomor», «modcearu», «breostcearu», «sinsorg». Данная эмоциональная тональность образа женщины наиболее иллюстративно раскрывается в следующей поэтической формуле: *þæt wæs geomuru ides!* (Beowulf 1075) Содержательный аспект данной формулы контрастирует с подобной формулой для характеристики мужского образа – образа короля: *þæt wæs god cyning!* (Beowulf 11). По мнению Дж. Хилла, обе формулы отражают мужской и женский стереотипы в англосаксонском обществе. При этом маскулинная формула в концентрированном виде выражает сущность и предназначение короля, фемининная формула выражает сущность женщины как носительницы героической трагедии [10. Р. 161].

Таким образом, данные изучения имагологической семантики на основе лексического, концептуального и стилистического анализов способствуют уточнению роли и места мужчины и женщины в пространстве англосаксонской поэтической лингвокультуры и культуры в целом. Выявляемая на всех уровнях гендерная асимметрия позволяет сделать выводы о гендерной асимметрии данного типа культуры: англосаксонская культура принадлежит к маскулинному типу с ярко выраженным героическим вектором, роль женщины при этом ограничена определенными концептуальными областями: мир чувств и эмоций, служение мужу и господину, участие в характерных для культуры церемониальных видах деятельности.

Список литературы

1. Воробьев, В. В. Лингвокультурология: Теория и методы / В. В. Воробьев. – М.: Изд-во: РУДН, 2008. – 336 с.
2. Карасик, В. И. Иная ментальность / В. И. Карасик, О. Г. Прохвачева, Я. В. Зубкова, Э. В. Грабарова. – М.: Гнозис, 2005. – 352 с.
3. Карасик, В. И. Лингвокультурный типаж «английский чужак» / В. И. Карасик, Е. А. Ярмахова. – М.: Гнозис, 2006. – 240 с.
4. Колесов, В. В. Язык и ментальность / В. В. Колесов. – СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2004. – 240 с.
5. Никитин, М. В. Основы лингвистической теории значения / М. В. Никитин. – М.: Высшая школа, 1988. – 168 с.
6. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2010. – 314 с.
7. Топорова, Т. В. Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные / Т. В. Топорова. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 253 с.
8. Чурилина, Л. Н. Антропоцентризм художественного текста как принцип организации его лексической структуры: дис. ... д-ра филол. наук / Л. Н. Чурилина. – Санкт-Петербург, 2002. – 513 с.
9. Шмелев, А. Д. Можно ли понять русскую культуру через ключевые слова русского языка // Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 17 – 24.
10. Hill, J. “þæt Wæs Geomoru Ides! A Female Stereotype Examined” / J. Hill. – NY, London: Norton & Company. – 2002. – 200 p.

Т. Б. Троицкая

*Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина
Рязань (Россия)*

ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ PR-ТЕКСТОВ

DISCURSIVE STRATEGIES IN GERMAN PR-TEXTS

В статье рассматривается прагматика политического PR-текста в коммуникативном пространстве Интернета. Автор выделяет доминирующие дискурсивные стратегии пиар-текстов, а также анализирует лингвистические средства, служащие реализации стратегий презентации и самопрезентации политика, дискредитации его оппонентов на текстовом уровне.

The paper dwells upon the pragmatics of the political PR-text in the communicative environment of the Internet. The author analyses discursive strategies of PR-texts, and characterizes linguistic means aimed at realization of presentation and politicians' self-presentation, and his opponents' discredit.

Ключевые слова: пиар-текст, дискурсивные стратегии, речевое воздействие, убеждение.

Keywords: PR-text, discursive strategies, speech influence, persuasion.

Успешное порождение и интерпретация дискурса возможны из-за наличия в сознании участников коммуникативного процесса некоторых ментальных правил и стратегий, идеализированной ментальной модели, общей для членов одного социума, в основе которой лежит некий прототипический сценарий, характеризующийся наличием таких факторов, как участники ситуации, их роли и намерения.

Стратегический анализ позволяет охарактеризовать дискурс в аспекте его порождения и интерпретации и является той областью, которая активно разрабатывается лингвистами на современном этапе. В настоящей статье внимание сосредоточено на немецкоязычном PR-дискурсе.

PR-дискурс принято рассматривать как гибрид, механически сформированный на основе рекламного, маркетингового и медиадискурса. Мы разделяем точку зрения Н. Б. Руженцевой, согласно которой «при безусловной связи с названными дискурсивными разновидностями PR-дискурс имеет собственный «интерфейс»: этот вид дискурса ориентирован на реализацию конвергентной стратегии, складывающейся из позиционирования, идентификации, воздействия, максимального внимания к адресату, выстраивания особых адресант-адресатных отношений на основе учёта ожиданий, потребностей определённых групп общественности с непременным учётом языковых предпочтений адресата» [5. С. 11].

Справедливым представляется также мнение А. Ю. Хахалевой, что «PR-высказывание определяется, с одной стороны, психологическими особенностями индивида (автора, редактора), его знаниями и представлениями о мире и нацелено на достижение определенных результатов. С другой стороны, PR функционирует в определенном пространстве, имеет социальную направленность и претерпевает изменения в зависимости от ситуации в обществе и определенных социальных тенденций соответствующего периода времени» [7. С. 83].

Поэтому пиар-текст, как вербальный компонент дискурса, рассматривается нами с ментальными и коммуникативно-типологически-

ми условиями его создания, с системой дискурсивных стратегий автора, взаимодействующего с адресатом, с комплексом экстралингвистических факторов, влияющих на языковые особенности.

Под PR-текстом традиционно понимается письменный текст, служащий целям формирования или приращения публичного (имиджевого) капитала базисного PR-субъекта, предназначенный для внешней или внутренней общности. Объектом PR-текста является некая социальная реальность, представленная информацией о базисном субъекте, которая способствует формированию оптимальной коммуникативной среды вокруг различных идей или начинаний данного субъекта [2].

PR-текст может влиять на поведение его адресатов, поскольку его коммуникативная задача не исчерпывается передачей информации, а включает изменение мнения реципиента по определенной проблеме, а также его действий. PR-текст предполагает оптимизированное информирование. То есть умелое конструирование социальной действительности в пиар-тексте задает желаемый вектор восприятия события адресатом.

В качестве материала для примеров в статье использованы пиар-тексты 2015-2016 года с личной веб-страницы Ангелы Меркель (<http://www.angela-merkel.de/>) и ее страницы как федерального канцлера (<http://www.bundestkanzlerin.de>), которые затрагивают тему беженцев в Германии. Представляется интересным понаблюдать, как в условиях нарастания кризиса с беженцами в стране бундесканцлеру удастся сохранять свой рейтинг, отвечать оппонентам и как меняется риторика выступлений под влиянием происходящих в стране событий.

Коммуникативная среда Интернет позволяет успешно оптимизировать усилия реципиента в восприятии текста и легче достичь желаемого прагматического эффекта. Активное использование приемов объемно-графического членения текста для фокусирования внимания на актуальных смыслах, организация сообщения по кластерному типу отдельными тематическими блоками позволяет получить информацию о

субъекте пиар даже при просмотром чтении.

Оптимизировать восприятие информации адресатом позволяет также визуальная составляющая дискурса, которая обеспечивает наглядность и подтверждает то, что изложено в текстовой части дискурса, воздействуя тем самым на человека сразу по нескольким каналам. «Многоканальность, высокая степень интерактивности, экономичность, свободный формат, глобальный охват и неограниченный объем, мультимедийность и гипертекстуальность коммуникативной среды Глобальной Сети позволяют эффективно воплощать прагматические цели пиар-дискурса» [3. С. 8].

В сетевом политическом PR-тексте авторами публикаций применяется ряд стратегий и тактик. Соотнесение адресантом коммуникативной цели с конкретной вербальной и невербальной репрезентацией характеризует стратегию как когнитивный процесс. Учет как коммуникативных, так и когнитивных факторов при анализе стратегий в аспекте порождения и восприятия дискурса позволяет нам говорить о дискурсивной стратегии.

Под дискурсивной стратегией нами понимается комплекс конкретных мер, который включает в себя отвечающий интенциям коммуникантов выбор языковых единиц и порядка их следования для осуществления определенных когнитивных процессов, обеспечивающих построение новых значений в дискурсе [6. с. 26].

Вслед за Н. Б. Руженцевой [4] и О. С. Иссерс [1] мы выделяем три доминирующие дискурсивные стратегии коммуникантов в пиар-дискурсе. Это стратегии позитивной презентации, и самопрезентации политика и стратегия дискредитации политического противника.

Стратегия позитивной самопрезентации доминирует в таких типах пиар-текста как, биографический очерк, интернет-сайт субъекта PR и странички в социальных сетях. Веб-страница А. Меркель, с одной стороны, создает идеализированный образ политика и ее партии, а с другой стороны, представленный имидж включает и личностные качества, которые востребованы у лидера в данном социально-политическом контексте.

Успех манипуляции сознанием адресата достигается комбинацией развлекательного, информационного и убеждающего компонентов. Убедительности высказывания способствует использование идеологических концептов, таких как *Freiheit, Sicherheit, Einheit, Heimat*, а также апелляция к базовым общим ценностям целевой аудитории *Familie, Fußball, Natur*, что

обеспечивает идентификацию субъекта пиар с народом. Данные ключевые слова выделены в подзаголовки отдельных блоков текста, в которых детально представлена позиция субъекта пиар по каждому пункту.

Важную роль в создании и поддержании позитивного имиджа играет сочетание аргументации с позитивной оценкой, апелляция к базовым ценностям общества: «*Es ist selbstverständlich, dass wir Menschen aufnehmen, die bei uns Zuflucht suchen*», so die Kanzlerin. *Man könne einem Land kein größeres Kompliment machen, als dass die Kinder von Flüchtlingen dort ohne Furcht aufwachsen. Die Zuwanderung von Menschen sei «ein Gewinn für uns alle».* Положительный образ «матери-защитницы» создается здесь в основном лексическими средствами оценочности.

В следующем примере логическая аргументация умело переплетается с эмоциональной: *Mit einem Bündel von Maßnahmen will die CDU-geführte Bundesregierung in einer nationalen Kraftanstrengung von Bund, Ländern und Gemeinden die Voraussetzungen für die Aufnahme einer großen Zahl schutzbedürftiger Menschen schaffen. Der Bund will 2016 selbst drei Milliarden Euro ausgeben und noch einmal drei Milliarden Euro für Länder und Kommunen zur Verfügung stellen. Wie aus den beschlossenen Eckpunkten hervorgeht, sollen zur Beschleunigung von Asylverfahren in den kommenden drei Jahren 3.000 zusätzliche Stellen bei der Bundespolizei geschaffen werden. Um das ehrenamtliche Engagement zu fördern, sind bis zu 10.000 zusätzliche Stellen beim Bundesfreiwilligendienst geplant.* В аргументах автор прибегает к такому манипулятивному приему, как проспекция, то есть фокусирование на будущих позитивных событиях, когда фактически желаемое выдается за действительное [3]. В приведенном примере это достигается путем использования модальных конструкций *will... schaffen, will ... ausgeben, will zur Verfügung stellen, sollen ... geschaffen werden*. Использование риторического приема детализации повышает уровень воздействия сообщения, так как человек склонен больше доверять детально структурированной информации. Ощущение объективности представленной информации создается за счет использования большого количества числовых и статистических данных, ссылки на авторитетное мнение, повторы аргумента.

Важную роль для позитивной презентации политика играет тактика позиционирования, т.е. помещение субъекта PR в благоприятную

информационную среду. Это наглядно демонстрирует следующий пример, в котором искусно переплетается прямая (в форме цитаты) и косвенная речь бундесканцлера: *Infolge der Kriege und Krisen gebe es weltweit so viele Flüchtlinge wie noch nie seit dem Zweiten Weltkrieg. „Viele sind buchstäblich dem Tod entronnen“, sagte Merkel. Die Dschihadistengruppe Islamischer Staat (IS) wüte besonders in Syrien und im Nordirak, „aber sie bedroht auch unsere Werte zu Hause“. Die freie Welt stelle sich ihr entgegen, dazu leiste auch Deutschland seinen Beitrag.* Характер анонсируемого явления, его социальная природа, сопряженная с представлением о социальной значимости предмета обсуждения, выступает аргументом в пользу субъекта пиар в рамках тактики позиционирования. Противопоставление Германии, как части свободного мира, Исламскому государству реализуется преимущественно лексическими средствами *unsere Werte zu Hause bedrohen, sich ihr entgegenstellen*, в сочетании с адверзативным союзом. Детализация и гиперболизация проблемы за счет вариативного повтора *Viele, so viele Flüchtlinge*, использования метафоры *sind buchstäblich dem Tod entronnen* и сравнения *wie noch nie seit dem Zweiten Weltkrieg*, а также потенцирующего средства *besonders* способствуют усилению убедительности высказывания, его воздействия на адресата.

При стратегии дискредитации политического противника используются высказывания, умаляющие достоинство оппонента. Стратегия дискредитации оппонента может осуществляться посредством моделирования негативного имиджа политического противника, индуцирования сомнения в положительных качествах кого-либо, навешивания ярлыков, прямого или косвенного оскорбления, предостережения о возможных негативных последствиях его слов и действий, обвинения во лжи или некомпетентности и др.

В PR-текстах, представленных на странице бундесканцлера, к стратегии дискредитации прибегают не часто. В контексте обсуждения проблем беженцев нам встретились примеры реализации данной стратегии в форме косвенной критики. И она ни разу не выступала стратегической доминантой текста. Приведем пример использования данной стратегии в предновогоднем обращении канцлера к народу:

Heute rufen manche montags wieder ‚Wir sind das Volk‘. Aber tatsächlich meinen sie: Ihr gehört nicht dazu – wegen eurer Hautfarbe oder eurer Religion.

Детально освещая проблему неприятия беженцев, А. Меркель не называет, однако, критикуемого оппонента, движение Пегиды, напрямую. Между тем адресату очевидно, кому адресована критика благодаря использованию в речи аллюзий и прецедентных феноменов: *«... solche Demonstrationen, auf denen montags „Wir sind das Volk“ skandiert werde»*. Поскольку движение Пегиды было создано в Дрездене и проводит свои демонстрации по понедельникам, как в 1989 перед падением Берлинской стены, и даже использует широко известный лозунг того времени. В комментарии А. Меркель интерпретирует его таким образом, что индуцирует негативное восприятие данного лозунга: *«Aber tatsächlich meinen sie: Ihr gehört nicht dazu – wegen eurer Hautfarbe oder eurer Religion.»*

Важную роль играет при этом противопоставление «свои-чужие», выраженное личными и притяжательными местоимениями *wir – ihr, eure* и отрицанием *nicht*.

Лишь косвенно очерчивая круг оппонентов, канцлер негативно характеризует их и призывает граждан не следовать их лозунгам: *«Folgen Sie denen nicht, die dazu aufrufen... Denn zu oft sind Vorurteile, ist Kälte, ja, sogar Hass in deren Herzen!»* Негативную оценку создает использование стилистической фигуры климакса *Vorurteile, Kälte, ja, sogar Hass* и усиливает использование потенцирующего средства *sogar*.

Стратегии позитивной самопрезентации и дискредитации оппонента переплетаются в пределах одного текста.

Гибкость стратегий определяется возможностями их реализации через различные тактики, а также комплексным использованием языковых ресурсов и приемов речевого воздействия. Лингвистические средства разных уровней, действуя в комплексе, способствуют приданию высказыванию наибольшей убедительной силы.

Изучение пиар-дискурса показало, что дискурсивные стратегии реализуются на разных уровнях пиар-текста, начиная с его особой суперструктурной организации, взаимодействия визуальных и вербальных компонентов и заканчивая риторическими и стилистическими приемами, использованием языковых средств. Для немецкоязычного сетевого PR-дискурса характерно сочетание текстовой и визуальной составляющих, эксплицитности и имплицитности, оптимизированность представленной информации, использование мифов, стереотипов и идеологем, оказывающих влияние на

подсознание реципиента. То есть в пиар-дискурсе взаимодействуют два основных способа убеждения: первый основан на апелляции к фактам и построению аргументированного доказательства, а второй путь основан на стимулировании с помощью различных психологических «подсказок» принятия аргумента без серьезного критического осмысления. В пространстве пиар-дискурса конструируется особый вид социальной реальности, в которой трудно отличить правду от вымысла, желаемое от навязываемого, нужное от бесполезного.

Список литературы

1. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс // – 6-е изд., дополн. – М. : Издательство ЛКИ, 2012. – 299 с.
2. Кривоносов, А. Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций / А. Д. Кривоносов // 2-е изд., доп. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2002. – 288 с.
3. Кунина, Ю. В. Прагматические стратегии сетевых политических текстов: на материале англоязычных публикаций: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Ю. В. Кунина. – Москва, 2008. – 202 с.
4. Руженцева, Н. Б. Аргументация в ржанрах / Н. Б. Руженцева // Л59 Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества / Урал. гос. пед. ун-т; Отв. ред. Чудинов А.П. – Екатеринбург, 2004. Т. 13. – С. 67–75.
5. Синельникова, Л. Н. PR-коммуникация: векторы системного описания / Л. Н. Синельникова // Вісник Луганського національного ун-ту імені Тараса Шевченка. № 20 (207). – Луганськ, 2010. – С. 9–17.
6. Троицкая, Т. Б. Средства реализации полемической стратегии в немецкоязычном публицистическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук / Т. Б. Троицкая. – Москва, 2008. – 208 с.
7. Хахалева, А. Ю. Типологические признаки PR-дискурса / А. Ю. Хахалева // Вестник МГЛУ. Выпуск 8 (668). – М., 2013. – С. 81–96.

А. Б. Туманова, Б. У. Джолдасбекова
Казахский национальный университет
им. аль-Фараби,
(Алматы, Казахстан)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ КАЗАХСТАНА В ГУМАНИТАРНОМ ДИСКУРСЕ ЛИДЕРА НАЦИИ

REPRESENTATION OF THE NATIONAL IDEA OF KAZAKHSTAN IN A HUMANITARIAN DISCOURSE OF THE LEADER OF THE NATION

Статья посвящена проблеме формирования национальной идеи народа, государства. В ней рассматривается гуманитарный дискурс президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева, в частности его книга «Эпицентр мира» (2001 г.). В связи с этим изучаются такие термины и их основные значения, как нация, этнос, национальная идея, гуманитарный дискурс и др. Цель статьи – показать на материале публицистического текста, как зарождалась национальная идея казахского народа, в целом суверенного государства РК. В качестве иллюстративного материала представляются фрагменты из указанной книги Лидера нации, в которой подробно изложена информация о прекращении испытаний ядерного оружия на территории РК и отказе от него (1991–1999 гг.). Для достижения цели исследования были использованы методы наблюдения, сплошной выборки из текста индивидуально-авторских сентенций, их описания и систематизации. Результаты анализа могут быть использованы на занятиях по лингвостилистическому анализу гуманитарного дискурса для студентов и магистрантов филологических специальностей.

The article is devoted to the problem of formation of the national idea of the people, the state. The humanitarian discourse of the president of the Republic of Kazakhstan N. A. Nazarbayev, in particular

his book "World Epicentre" (2001) is considered in it. In this regard such terms and their major meanings as nation, ethnos, national idea, humanitarian discourse, etc. are studied. The purpose of the article is to show on the material of the publicist text how the national idea of the Kazakh people and the sovereign state of the RK in general arose. Some fragments from the specified book of the Leader of the nation in which detailed information on the termination of nuclear weapon tests on the territory of RK and refusal (1991-1999) from it is used to illustrate the idea. To achieve the research objective, there were used a methods of observation, massive selection of individual author's maxims from the text, their description and systematization. The results of the analysis can be used in the course of linguistic-stylistic analysis of the humanitarian discourse for undergraduates and postgraduates of philological specialities.

Ключевые слова: национальная идея, гуманитарный дискурс, нация, этнос, авторские сентенции.

Keywords: national idea, humanitarian discourse, nation, ethnos, author's maxims.

Известно, что термин «национальная идея» соотносится с такими важными понятиями, как «нация», «этнос». Национальная идея определяет смысл существования этноса или нации, характеризует историю нации, её историческую миссию. В связи с этим вопрос о национальной идее, её формировании является одним из актуальных в современной науке, в частности в области гуманитарного дискурса.

Обзор литературы по данному вопросу показывает, что понятие «национальная идея» – ёмкое, многогранное, в него включается и бытие народа, и его самосознание, его мировоззрение, особые принципы жизни народа, его дух и др. В этой связи мы согласны со справедливым мнением выдающегося казахстанского философа Д.К. Кшибекова о том, что термины не следует смешивать и подходить к их использованию осторожно. Так, ученый предлагает чётко разграничивать понятия «национальная идея» и «идеология»: «... национальная идея гладит душу человека. Идеология – не всегда. Но она ломает привычное, устоявшееся, выдвигает проблемы, ставит новые задачи, организует и мобилизует народ. Хорошо если идеология совпадает с национальной идеей, тогда всеобщая поддержка и успех обеспечены, однако напомним – государственная идеология выше национального духа и национальной идеи» [3]. По мнению Д. К. Кшибекова, она (национальная идея – *уточнение наше*) устойчива, не изменяется и берёт начало в родных краях, впитывается с молоком матери, укрепляется затем языком, пословицами и поговорками, обычаями, традициями, фольклором – постепенно превращаясь в национальный дух, в ментальность этноса [3].

В Философской энциклопедии отмечается: «Национальная идея в философии – система-

тизированное обобщение национального самосознания. Национальная идея определяет смысл существования того или иного народа, этноса или нации. Она может выражаться посредством художественных произведений или различных философских текстов» [1].

Г. К. Пралиева приводит следующее определение: «национальная идея – широкое понятие, отражающее действительность в сознании человека и определяющее его отношение к реальности и является основополагающим принципом мировоззрения. Национальная идея является существенным условием жизненного бытия нации или этноса, имеющего свои культурные и духовные ценности» [6].

М. М. Телемтаев даёт определение данному понятию, исходя из характеристики национальной идеи русского народа. Приведём некоторые выдержки из его работы, которые, на наш взгляд, наиболее точно отражают смысл термина и близки нашему пониманию национальной идеи:

- Это целостный принцип устройства жизни народа, выражающий ум, разум и душу всех поколений народа – предыдущих, живущих, будущих.

- Национальная идея – это форма познания жизни народа, не только отражающая устройство жизни народа, но и направленная на преобразование устройства жизни. Она отражает мечты о будущем предыдущих и живущих поколений, а также доступные живущим поколениям возможности преобразований [7].

А. В. Мазуренко считает, что «суть национальной идеи составляет проблема смысла бытия народа – этноса. Особенность национальной идеи состоит в том, что она, обобщая национальное самосознание, выражает главным образом представления о политических

приоритетах нации, о целях её существования и развития. Изменение национальной идеи не оставляет неизменным и представление нации о своих исторических перспективах» [4].

Александр Бык, отвечая на вопрос, какой должна быть национальная идея, очень точно и просто пишет: «Национальная идея должна отличаться тем, что должна доходить до сердца любого простого человека, она должна быть доступна в понимании и более того, доступна чувственному восприятию. Она должна вызывать у человека гордость, причастность к чему-то большому, причастность к общему делу. Она должна быть востребована в повседневной жизни, чтобы человек мог принимать решения, руководствуясь ею, и осознавать, что и другие этим руководствуются» [2].

Наши исследования по вопросу о возникновении национальной идеи казахского народа привели нас к трудам Н. А. Назарбаева, которые мы определяем как составляющую часть его гуманитарного дискурса. Гуманитарный дискурс Лидера нации включает в себя его выступления, интервью, мемуары, научные и публицистические труды и очерки. Мы обратились к анализу общественно-политических произведений Н. Назарбаева (полный перечень которых составляет – 18 наименований).

Одним из первых фундаментальных трудов Президента РК Н. А. Назарбаева является книга «Эпицентр мира» (2001). Основное содержание книги посвящено проблеме закрытия ядерного полигона в г. Семипалатинске. Обстоятельно, без лишних приукрашиваний излагается национальная трагедия, связанная с ядерным оружием, его испытанием на территории Казахстана и его последствиями. Приведены точные статистические цифры и данные, характерные для публицистического стиля. Однако наши наблюдения позволяют сказать о том, что в данном произведении изложены не только цифры и факты, фрагменты исторического этапа в жизни казахского народа, но и выражается авторское мнение по этому поводу, его переживания и боль, чисто человеческая радость и гордость за свой народ, за родину. Все такого рода авторские рассуждения мы выписали из публицистического текста романа методом сплошной выборки.

В процессе повествования в произведении ярко проявляются патриотические чувства автора, его равнодушное отношение ко всему происходящему на родной земле. Наблюдения показали, что все это наиболее ярко репрезентируется в авторских сентенциях: отчётливо

передаются истинные мысли автора об истоках национальной идеи, о её зарождении в душе казахского народа. Нурсултан Абишевич Назарбаев писал: «Я давно заметил, что чем больше народ испытывает страданий и мук на своем пути к свободе и независимости, тем в большей степени он расположен к состраданию и сопереживанию. Недаром казахи говорят: если хочешь ощутить рану другого, войди в его душу...» (Назарбаев, Казахстан к безыядерному будущему) [5. С. 44].

Анализ собранного фактического материала позволил нам говорить об истоках национальной идеи в самые первые годы становления суверенной республики Казахстан. Действительно, зарождение национальной идеи невозможно без связи её с историей народа, с его духом. Об этом наглядно говорится в следующем фрагменте: «Древняя равнинная Шынгысская степь. Земля, рождавшая совесть казахской нации... Великий Абай, Шакарим Кудайбердиев, Мухтар Ауэзов. Земля, бывшая когда-то эпицентром степной мудрости и человеческого духа, не знавшего границ и расстояний. Здесь один из истоков нашей государственности. Здесь правил Абылай хан...» [5. С. 46].

Приведём с целью репрезентации специфики национальной идеи примеры высказываний автора из романа. Так, ярко и проникновенно выражаются гуманистические особенности психологии, мироощущения казахского народа: «Психологическое неприятие или отторжение ядерного оружия всем казахстанским, особенно, казахским народом – это не только результат катастрофических последствий его испытаний (ядерных испытаний – уточнение наше) и возможных бед из-за его дальнейшего пребывания на наших просторах. Это в не малой степени проявление глубинного миролюбия и отсутствие искусственной и изначальной агрессивности казахского народа. Не воевать с природой, а жить рядом с ней. Не покорять её, а оставлять самой природе так необходимое ей её же «жизненное пространство». Не подминать степи, горы, равнины и озера, а растворяться в них» (Назарбаев, Воля народа – нет ядерному оружию) [5. С. 71]. Как видим из фрагмента, автор подчеркивает особое отношение казахского народа к природе. Далее эта мысль уточняется рассуждением автора о том, что истоки такого отношения идут ещё со времен кочевого образа жизни казахского народа: «Здесь я хочу напомнить об одной чисто национальной особенности мировосприятия казахов, которая исходит из его постепенно забы-

вающейся кочевой культуры. Это ни с чем не сравнимая особенность связана с уникальным отношением любого кочевого народа к самой земле, к земле предков – Атамекен. Мы, казахи, в своей душе, в своём восприятии и даже в устном эпическом творчестве всегда самым естественным образом и совершенно искренне одушевляли каждую частицу окружающей природы, наделяли её, образно выражаясь, «флюидами» одушевленности и душевности. Если другие народы ассоциируют человека с природой, то мы, наоборот, ассоциируем природу с человеком. Не мы – часть природы, а природа – частица нашей души. И в нашем поэтическом и образном восприятии камни, горы, ковыль, реки и живность могли не только говорить и вступать с нами в своеобразное общение, но и обладали вполне человеческими качествами» [5. С. 72].

Автор, размышляя о земле, человеке и их духовном единстве, подводит к заключению: «И речь идет не о какой-то механической гармонии или идиллии с природой, просто мы испытываем какое-то абсолютное духовное и ментальное единство с окружающими нас атрибутами нашей когда-то кочевой жизни. А самое важное место в нашей жизни занимает земля. Степь, которая нас кормит, и благодаря которой мы существуем. И всё, что нарушает это органическое духовное единство, единство человека и земли, так или иначе в нашем представлении нарушает весь наш образ жизни и поэтому не имеет права на существование» [5. С. 73]. Эти мысли автора дискурса, на наш взгляд, можно рассматривать как зачатки национальной идеи свободолюбивого казахского народа.

Мы согласны с мнением Г. К. Пралиевой о том, что национальная идея должна иметь высокое предназначение и быть результатом исторического развития нации и её культуры, составляющей её должна быть основа национального духа, имеющего общечеловеческое значение. Эта национальная, народная идея должна определенным образом влиять на судьбу нации, особенно в период его национального возрождения [6]. Действительно, таким исторически важным моментом в жизни казахского народа был период, связанный с ядерным оружием. Об этом с горечью и болью пишет автор: «В какой-то момент мы вдруг стали понимать, что теряем эту едва уловимую, почти мистическую, связь с землей, которая вспаханная и изрытая чудовищными ядерными взрывами, буквально стонала и дёргалась под нами. Именно стонала и дёргалась» [5. С. 73].

Исходя из понимания духовного единства человека и земли, Назарбаев логически последовательно переходит к формулировке решения проблемы:

«И наше неприятие, можно сказать, отвращение, к ядерному оружию закономерно. Наш народ всем своим существом не воспринимает и не приемлет ядерное оружие, своими взрывами нарушившее духовное единство и чувство ментальной общности с исковерканной природой. Одного только понимания и осознания этой национальной и самобытной идентичности достаточно для того, чтобы прийти к единственному решению: «Нет – ядерному Казахстану!» [5. С. 74].

Далее в авторских сентенциях говорится о тех ценностях, благодаря которым было возможно сохранение мира и стабильности в молодой суверенной Республике Казахстан: взаимное уважение, доверие, гражданский мир, общественное согласие и др. Сравним:

«Сегодня мы гордимся тем, что нам, казахстанцам, в тех сложных условиях хватило мудрости и взаимного уважения, чтобы сохранить стабильность и межнациональный мир. Это общая заслуга всего казахстанского народа» [5. С. 94].

«... мы думали не только о себе или о своих собственных интересах, мы думали, как бы это громко ни звучало, об общей пользе для всего человечества» [5. С. 94].

«Мы начали строить исключительно миролюбивое государство и отказались от подхода к обеспечению собственной безопасности методом сдерживания «вероятного противника». В основу нашей политики мы заложили интеграционные принципы многовекторности и взаимного доверия» [6. С. 95–96].

«Именно Доверие является тем универсальным механизмом, который позволяет конструктивно решать любые противоречия, которые могут возникнуть в отношениях между государствами [5. С. 101].

«Реальным выражением политики Доверия и символом новой модели безопасности стал отказ Казахстана от ядерного оружия и процесс создания в Центральной Азии безъядерной зоны» [5. С. 104].

«Будущим исследователям нашего времени не может не броситься в глаза, что первым криком новорожденной РК было «Закрывать полигон!», и вся биография обновленного Казахстана – это небывалый прецедент преобразования ядерных материалов и технологий из оружия взаимной острастки и запугивания, террора,

нестабильности, шантажа и насилия в орудие мира, безопасности, сотрудничества, добрососедства и диалога» [5. С. 107].

В книге приведена подробная информация о поэтапном выведении ядерного оружия за пределы государства, о принятых договорах и соглашениях по вопросу неприменения ядерного оружия, о роли всего казахстанского народа в бескомпромиссном решении. Желательно бы чтобы молодое поколение внимательно прочитало данную книгу, только в таком случае оно проникнется смыслом национальной идеи суверенного Казахстана.

В заключение повествования Н. А. Назарбаев обоснованно, с гордостью, без излишнего пафоса утверждает: «Мы оставили ядерные доспехи в прошлом веке. Настоящая сила и мощь государства и этноса не во всеобщей демонстрации таковых, а в их «неприменении». Это стержень нашей государственности, народной мудрости и, наконец, национальной идеи: перманентный мир – основа социально-экономического прогресса, следствие межэтнической лояльности, фактор глобальной и региональной интеграции» [5. С. 284].

Таким образом, наше исследование позволяет отметить, что репрезентация национальной идеи суверенного государства Казахстан широко представлена в авторских сентенциях Лидера нации (в частности в публицистических

очерках); основы национальной идеи заложены глубоко в менталитете народа, в его национальном сознании и в деятельности.

Список литературы

1. Алексеева, В. А. Национальная идея // В. Кемеров. Философская энциклопедия. – «Пан-принт», 1998.
2. Бык, А. Национальная идея Казахстана / А. Бык // 6 января 2003.
3. Кшибеков, Д. К. Идеология национальная или государственная : / Д. К. Кшибеков // – URL: <http://www.naukazar.kz/01.05.2007>.
4. Мазуренко, А. В. Национальная идея России как феномен национального самосознания в конце XX века / А. В. Мазуренко // Философская мысль в России: традиция и современность: Т.2. – С.-Петербург, 1977. – С. 373.
5. Назарбаев, Н. А. Эпицентр мира. Астана / Назарбаев, Н. А. // Елорда. – 2001. – 294 с.
6. Пралиева, Г. К. Роль национальной идеи и национальной культуры в построении правового и демократического государства и консолидации / Г. К. Пралиева // Казахстанского общества : Вестник КазНУ, Серия юридическая, 2010. – №3. – С. 22–25.
7. Телемтаев, М. М. Национальная идея российского народа. / М. М. Телемтаев // – М., 2004–2008.

В. М. Хантакова

*Иркутский государственный аграрный университет им. А. А. Ежевского
(Иркутск, Россия)*

РОЛЬ СИНОНИМИЧЕСКОГО ПОВТОРА В СОЗДАНИИ НАПРЯЖЕНИЯ В ТЕКСТЕ / ДИСКУРСЕ

THE ROLE OF SYNONYMOUS REPEAT IN CREATING TENSION IN TEXT / DISCOURSE

Статья посвящена одной из актуальных проблем современной лингвистической науки – проблеме синонимии, в описании которой имеет место перемещение акцента с синонимии форм на синонимии смыслов. Важным при этом является изучение синонимических повторов, роль которых состоит в создании напряжения в тексте / дискурсе.

The article is devoted to one of the actual problems of modern linguistics – the problem of synonymy in the description of which the emphasis shifts from the synonymy of forms to synonymy of meanings. In this context, it is important to study synonymous repeats the role of which is to create tension in the text / discourse.

Ключевые слова: синонимия, синонимический повтор, смысл, значение, текст, дискурс, напряжение.

Keywords: *synonymy, synonymic iteration, sense, meaning, text, discourse, tension.*

В современном мире человеческого общения играют огромную роль информационные обмены, пронизывающие жизнь общества интересными, динамичными, насыщенными, нередко непредсказуемыми и драматичными событиями. Глубокое проникновение информационных процессов в сферы деятельности человека диктует настоятельную необходимость разработки осознанного владения законами организации и трансляции информации, выявление и описание которых становится предметом обсуждения в различных областях знания. При этом не будет преувеличением сказать, что значительные достижения в исследовании данной проблематики имеет на сегодняшний день лингвистика, занимающаяся вопросами формирования, функционирования текстов / дискурсов, обмен которыми составляет основное содержание межчеловеческой коммуникации.

При этом именно текст играет роль универсальных матриц, задающих общие рамки поведения человека в обществе. В связи с этим становится важным решение проблемы моделирования и порождения текста / дискурса и, следовательно, изучения и раскрытия механизмов организации информации в тексте / дискурсе и ее трансляции в обществе. Такая постановка проблемы дала импульс исследованиям синонимии, возможность выделить новые грани в ее изучении посредством выявления ее роли в порождении текстов, на которую обратил внимание, в своё время, Ю. Д. Апресян, подчеркивая, что проблема моделирования и порождения текстов имеет стержневую идею – «идею синонимии в широком смысле этого слова» [3. С. 37]. Действительно, слово, всплыв на поверхность сознания, начинает «вытягивать» релевантные для него общепринятые ассоциации и связи, т.е. становится толчком к обогащению мысли, помогает её формированию [5. С. 145].

Процесс «вытягивания» словом ассоциаций и связей обуславливает нередко включение в текст нескольких синонимов, результатом чего становятся случаи совместного употребления синонимов в тексте, которые можно было бы рассматривать как явление избыточности. Однако ещё в античные времена философы отмечали, что повторяющиеся отдельные слова, но тождественные по смыслу, находятся в «со-

звучии друг с другом» [2. С. 266]. На такую же особенность синонимов было обращено внимание А. А. Потебни при рассмотрении случаев повторения одного и того же слова: «Усугубление в речи одного и того же слова дает новое значение, объективное или субъективное» [8. С. 552]. Если в случаях повторения одного и того же слова не всегда может быть выражено одно и то же значение, то тем более, подчеркивал далее исследователь, сочетание синонимов, слов различного происхождения, должно рассматриваться как средство создать новое значение [8. С. 553]. Это согласуется с наблюдениями Л. В. Щербы за законами сочетания слов в словосочетаниях, где простой «арифметический» подход к анализу семантически значимой стороны этих единиц неприемлем. Здесь должны быть приняты во внимание «не только правила синтаксиса, но, что гораздо важнее, – правила сложения смыслов, дающие не сумму смыслов, а новые смыслы» [10. С. 68].

Сочетания синонимов представляют собой не просто повтор одного и того же, а результат закономерного отбора языковых единиц говорящим из одного синонимического ряда и их соединения для определённой цели – порождения новых смыслов в процессе их взаимодействия в тексте. Это обусловлено особой организацией всего ряда, представляющего собой подвижную, динамичную систему с гибкой системой противопоставлений синонимов, что является свидетельством недопустимости в языке как системе передачи смыслов единиц с абсолютно одинаковыми значениями. Взаимодействие противопоставленных друг другу по смысловым компонентам синонимов одного ряда вводит в фокус внимания изменения в информационном пространстве [9. С. 227].

Следствием этого является наращивание смыслового потенциала всего текста; кроме того, данное явление сопровождается в большинстве случаев его смысловой и экспрессивной трансформацией. А это, как правило, неизбежно повышает коэффициент информативности и экспрессивности текста. В основе многих трансформаций смысла и экспрессии в тексте лежит взаимное притяжение и отталкивание смысловых компонентов включенных в синонимический повтор языковых единиц, благодаря которым создается напряжение в тексте,

что позволяет с полным на то основанием рассматривать синонимический повтор как одно из средств создания напряжения в тексте.

Начало обсуждения понятия *напряжение* в лингвистической науке связано, прежде всего, с исследованиями предложения Э. Драха, выявившего в нем напряжение, возникающее в начальном полюсе А и направленное к конечному полюсу Z [12. С. 41–44], с положениями теории напряжения К. Бооста [11. С. 17], и обнаружением синтагматического напряжения речи [1. С. 16]. Однако в настоящее время изучение напряжения в лингвистике переходит в новое теоретическое осмысление, связанное с обнаружением и описанием синергетических категорий дискурса в рамках теории динамических систем, базирующейся на понимании смыслового пространства дискурса как сложной и саморазвивающейся системы образов / смыслообразов. При этом следует отметить, что на предшествующем этапе исследований важно было установить и понять механизм создания напряжения в слове (за счет создания сложных слов), предложении (за счет изучения порядка слов в предложении, рамочных конструкций). На настоящем витке развития науки о языке становится возможным выявление смыслового напряжения в тексте и на основе этого объяснение причин возникновения напряжения в тексте, в котором «смысловое единство образует синтаксически и семантически напряженную структуру» [7. С. 74].

Единицы синонимического повтора находятся в тесной взаимосвязи, благодаря их взаимодействию смысловые компоненты языковых единиц усиливают друг друга, порождая эффект напряжения, обострение которого позволяет организовать и передать гораздо больше смыслов, чем может показаться с первого взгляда. Повышенная активность смысловых потоков в режиме с обострением имеет место в следующем фрагменте текста, в котором использованы глаголы из синонимического ряда с доминантой *töten*, имеющей значение «das Leben gewaltsam beenden» [14. С. 529]:

Menschen, Millionen Menschen schießen aufeinander, ermorden, erschlagen, zerfetzen einander, seit drei Jahren [13. С. 58].

Используемый в приведенном текстовом фрагменте синонимический повтор, открывающийся глаголом *schießen* и включающий другие глаголы синонимического ряда *ermorden* и *erschlagen*, является ярким примером проецирования одного смыслового компонента на другой и создания тем самым смысловой энергии.

Всё это оказывается определяющим фактором, ведущим к изменению смысловой структуры всего текстового фрагмента и вызывающим чувство напряжения, создание которого связано в первую очередь со стремлением говорящего привлечь внимание к его проблеме.

Действительно, информация, переданная только одним глаголом из синонимического ряда *schießen*, не в полной мере отражает разносторонность и многообразие опыта человечества в процессе, описываемом всем синонимическим рядом.

Как видим, выход из создавшегося положения говорящий ищет в расширении рамок контекста, а именно, в обращении к синонимам глагола *schießen*, призванным отразить внутренние переживания и чувства говорящего, необходимые для описания создавшегося положения дел, причём с определенной долей экспрессии. А она составляет одну из значительных составляющих «семантики личностной пристрастности говорящего» [6. С. 3–11], которая определяется осознанием и осмыслением происходящего, присутствуя в языковых выражениях явно или неявно. Это и составляет внутренний мир человека, представляющий собой такой же важный вариант «миров», какими являются реальный и виртуальные миры. Формирование информации о мире или его фрагментах и ее фиксация в языковых выражениях различного объема и протяженности соотносимо с рассказом о своей жизни, которая описывается не так, как она есть на самом деле.

Жизнь или события жизни в большинстве случаев описываются так, чтобы сформировать в сознании слушающего или читающего такое представление об этих событиях, которое устраивает говорящего и которое отвечает интересам его жизнедеятельности. Здесь возможны намеренно или ненамеренно допущенные неточности, некоторые упущения, несоответствия реальному положению дел, отсутствие аналогии во внешнем мире, элементы фантазии и т.д. Ведь человек, описывая какой-либо фрагмент окружающего его мира, «дорисовывает» некоторые детали, подключая свою систему воображения и фантазии, что ведет так или иначе к неточностям или даже к искажениям. Это сопоставимо со сравнением познания человеком мира и его языком, приведенным Х.-Г. Гадамером: «Подобно тому как человеческое познание является существенно “неточным”, то есть допускает “большее” или “меньшее” соответствие предмету, — точно так же неточен и человеческий язык» [4. С. 506].

Вся гамма переживаемых чувств и эмоций говорящего как наиболее значимая часть личностных смыслов, порождение которых представляет собой живой, непрерывный процесс с множеством параметров обозначения данного процесса, требует определенных дополнения, необходимые для смысловой завершенности в приведенном дискурсе. К их числу относятся в данном случае следующие за глаголом *schießen* его синонимы *ermorden* и *erschlagen*.

Нет сомнения в том, что появление каждого последующего за глаголом *schießen* синонима обусловлено, с одной стороны, передачей новой информации, являющейся дополнением к тому, что уже выражено глагольной лексемой *schießen*. При этом синонимы *ermorden* и *erschlagen* сообщают нечто больше, чем выраженная глаголом *schießen* информация. С другой стороны, появление глагольных лексем *ermorden* и *erschlagen* в данном дискурсе объясняется особенностями канала восприятия, а именно тем, что не всё, что объективно происходит вокруг нас, воспринимается и передается в полном объеме. И если что-либо воспринимается и воздействует на наши воспринимающие органы, то не всё, что воспринято, осознается, так как существует некий порог между восприятием и осознанием, который переходят одни элементы воспринимаемой нами действительности и не переходят (или остаются) другие. За этим порогом остается для нас, то, в чём мы, как правило, не испытываем необходимости. А то, что волнует нас, мы стараемся как-либо выделиться и выразить.

Такое выделение или выражение в рассматриваемом здесь примере осуществляется намеренным созданием синонимического повтора из глагольных лексем *schießen*, *ermorden* и *erschlagen*. При этом каждый предыдущий синоним оказывается определенной предпосылкой появления последующего, который, в свою очередь, определяет или уточняет значение предшествовавшего. Причем в каждом новом синониме сохраняются какие-то нюансы смысла предыдущих синонимов, здесь наблюдается частичное совмещение или слияние смыслов, совокупное действие которых настраивает «на одну волну», а затем на фоне этого происходит выделение и направленность именно того смысла, весьма необходимого в данной ситуации. Одновременно с описанным процессом происходит порождение особой экспрессии.

Использование только одного языкового средства из синонимического ряда привело бы к значительной потере драматизма сло-

жившейся у женщины ситуации, экспрессии, ее воздействующей силы: с помощью одного глагола из рассматриваемого ряда не могла бы быть создана и передана такая информация, которая могла бы оказать шокирующего воздействия. Благодаря синонимическому повтору глагольных лексем *schießen*, *ermorden* и *erschlagen* гораздо острее, ярче, объемнее и выразительнее ощущаются драматизм, трагичность и бессмысленность описываемой войны, которые намерена передать женщина собравшимся вокруг нее людям, чьи близкие, как и её муж, находятся на фронте, воюют, или же уже погибли. Именно необходимость передать переживаемый эмоциональный комплекс, в котором переплетаются боль, тревога, страх, утрата и потеря своих близких на войне, способствовала появлению *ermorden* и *erschlagen* после глагола *schießen*. С их помощью выражено не только то, что там, на войне, стреляют и убивают друг друга, но и страшно, мучительно умирают, причём близкие и родные многих собравшихся здесь людей.

Последнее актуализируется таким смысловым компонентом глагола *ermorden* как «*einen Menschen unter bestimmten erschwerenden Umständen vorsätzlich töten*». Следовательно, появление глагола *ermorden* вслед за *schießen* сигнализирует о выявлении конкретной проблемы и тем самым создании напряжения в дискурсе. Следующим глаголом *erschlagen* в синонимическом повторе актуализируется еще один смысловой компонент «*j-n durch einen oder mehrere Schläge mit einem schweren Gegenstand töten*», что ведет к нарастанию напряжения в дискурсе.

Следовательно, синонимическая оппозиция лексем *schießen*, *ermorden* и *erschlagen* и их последовательный переход от одного к другому и есть средство, с помощью которого пытается говорящий выразить на основе взаимного притяжения смысловых компонентов глаголов *schießen*, *ermorden* и *erschlagen* оценку происходящего в его внешнем и одновременно во внутреннем мире. При помощи именно этой оппозиции между синонимами появляется и обостряется напряжение, способствующее фокусировке внимания слушателей на частностях описываемого процесса, которые позволяют создать у слушателей страшную картину происходящего на войне и вызвать соответствующую реакцию.

Всё сказанное выше свидетельствует о важной роли синонимического повтора в создании напряжения в тексте / дискурсе, дальнейшее

исследование которой может способствовать моделированию и установлению конкретных технологий осознанного планирования воздействия на слушателя.

Список литературы

1. Адмони, В. Г. Синтагматическое напряжение в стихе и в прозе // В. Г. Адмони // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М.: Наука, 1969. С. 16–26.
2. Античные теории языка и стиля / под общ. ред. О. М. Фрейденберг. – М.–Л.: ОГИЗ. Государственное социально-экономическое издательство, 1936. – 342 с.
3. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – М.: Наука, 1974. – 366 с.
4. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер; [пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова]. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
5. Кубрякова, Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е. С. Кубрякова. – М.: Наука, 1986. – 158 с.
6. Малинович, Ю. М. Семантика личностной пристрастности и её объективация в тексте / Ю. М. Малинович // Проблемы лингвистического анализа и коммуникации: сб. ст. – Иркутск: ГПИ, 1987. – С. 3–11.
7. Мышкина Н. Л. Внутренняя жизнь текста: механизмы, формы, характеристики. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. – 152 с.
8. Потебня, А. А. Тождесловие, сочетание синонимов / А. А. Потебня // Из записок по русской грамматике. – Харьков, 1899. – Ч. 3. – С. 551–563.
9. Хантакова, В. М. Смыслоформирующая роль синонимии / В. М. Хантакова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – Иркутск, ИГЛУ, 2012. – № 2. – С. 226–231.
10. Щерба, Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике / Л. В. Щерба. – Л.: Наука, 1958. – Т. 1. – 182 с.
11. Boost, K. Neue Untersuchungen zum Wesen und Struktur des deutschen Satzes. Der Satz als Spannungsfeld. Berlin: Akademie-Verlag, 1964. – S. 112.
12. Drach, E. Grundgedanken des deutschen Satzes. Wissenschaftliche Buchgesellschaft. Darmstadt, 1963. – 149 S.
13. Frank, L. Gesammelte Werke. Sechster Band. Erzählungen / L. Frank. – Berlin: Aufbau-Verlag, 1957.
14. Synonymwörterbuch. Sinnverwandte Ausdrücke der deutschen Sprache / H. Görner und G. Kempcke. – Leipzig: VEB: Bibliographisches Institut, 1980. – 830 S.

З. З. Чанышева

Башкирский государственный университет
(Уфа, Россия)

СРЕДСТВА ОФОРМЛЕНИЯ ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ДИСКУРСЕ КОНФЛИКТА

PRACTICES OF FORMATTING FALSE INFORMATION IN DISCOURSE OF CONFLICT

В статье обсуждается роль лжи в политической коммуникации как ведущего средства речевой агрессии в условиях информационной войны. Цель статьи заключается в описании дискурсивных приёмов подачи ложной информации для раскрытия культурной специфики оформления лжи в современных англоязычных изданиях. Материал для анализа отобран из электронных и онлайн-версий популярных периодических источников. По результатам исследования в статье сделаны следующие выводы: уточнена лингвокогнитивная, прагматико-целевая и дискурсивно-коммуникативная природа дискурса конфликта; предложены критерии классификации ложной информации; систематизированы способы оформления агрессивной лжи в англоязычном политическом дискурсе.

The article discusses the significance of lies in political communication as a major instrument of speech aggression in information war. The paper aims at analyzing discursive means of formatting lies in order to reveal their cultural features in current English sources. Empirical material for analysis has been drawn from online and electronic versions of popular English periodicals. Based on the results obtained, the author draws a number of conclusions, namely updates the understanding of the nature of conflict-generating discourse in its linguistic and cognitive, target pragmatic and discursive and communicative aspects, suggests criteria of classifying false information, and organizes the basic patterns of formatting aggressive lies in English political discourse.

Ключевые слова: агрессивная ложь, дискурс конфликта, культура лжи, информационная война.

Keywords: aggressive lies, conflict-generating discourse, culture of lie, information war.

Политическая риторика в медийных источниках претерпела в последние годы существенные изменения в контексте развернувшейся информационной войны, в которой возросла воздействующая сила слова. Практически одновременно наблюдается проявление двух взаимосвязанных процессов: возникновения дискурса конфликта как новой разновидности политического дискурса и совершенствования практик использования ложной информации. Понятие *ложь* имеет достаточно богатую историю межпредметного изучения как психологического и психиатрического феномена (О. Липманн, К. Мелитан, В. И. Свинцов, Р. Ekman, W. Friesen, S. Leekam и др.), коммуникативного явления (А. Вежбицкая, А. В. Ленец, Н. Н. Панченко, С. Н. Плотникова), учитывающего вербальные и невербальные средства, этический аспект, социальное измерение (М. М. Бахтин, Х. фон Зенгер, А. К. Секацкий, И. Б. Шатуновский) и других аспектов в русле иных научных парадигм, которые сыграли своего рода роль предтечи для возникновения лингвистики лжи как нового направления в конце XX в. – начале XXI в. (см. обзор подходов в [5]). Внимание к культурным параметрам лжи стимулировало постановку лингвокультурологической проблематики, включающей исследование универсальных черт и национальной специфики культуры лжи, знание культурных правил поведения (т. н. *display rules*, например, в восточных культурах, не поощряющих открытое проявление отрицательных эмоций); выделение в субъективных ипостасях лингвокультурной личности нового вида – человек лгущий *homo mentiens (fallens)* [7] и установление связей с другими её проявлениями *homo loquens, homo sentiens* и т.д.

Мощный импульс к исследованию феномена лжи наблюдается на этапе конфликтного взаимодействия в политической коммуникации, которая в контексте противостояния сторон

изобилует ложной информацией, слухами [2]. По справедливому утверждению В. И. Шаховского, «любая передаваемая информация в сознании реципиента возбуждает определенный фрейм, накладываясь на который и “воспринимается” новая информация» [7. С. 185]. Данный механизм срабатывает автоматически в процессе общения, однако в политической коммуникации сегодня действуют и новые формы внушения ложной информации, произвольных толкований и искажения имеющейся информации. Создатели политической лжи понимают, что объёмы фоновых знаний разнятся у людей, поэтому необходимо контролируемое управление актуализируемых фреймов.

Семантическое поле лжи охватывает разные виды ложной информации (насчитывается от четырёх основных до 30 с лишним разновидностей обмана и лжи в общественном сознании), каждый из которых функционирует в различных ситуациях институционального и межличностного общения и имеет разные уровни и степень проявления. Данное понятие разнообразно представлено в английском языке с высоким индексом номинативной плотности (более 300 номинаций, согласно данным тезаурусного словаря [10]).

Предлагаемый нами подход ориентирован на ложь в политическом дискурсе и учитывает существующие классификации в данной сфере. В исследовании американского политолога, специалиста по международным отношениям Дж. Миршеймера «Почему лгут лидеры. Правда о лжи в международной политике» выделяются два типа обмана: обман, не всегда являющийся видом лжи, и собственно ложь. В первом случае имеются в виду сокрытие / утаивание правды (*concealment*) и придумывание историй (*spinning*), что часто происходит в обыденной жизни [9]. К политической лжи автор относит введение в заблуждение других стран для получения преимуществ в

международных отношениях, нагнетание страха, стратегическое прикрытие, национальное мифотворчество и либеральную ложь. Указанные разновидности ложной информации представляют собой типы межгосударственной лжи, которая действует в сфере внешних отношений. Далее следуют выводы, с которыми трудно согласиться. Во-первых, отталкиваясь от собственных наблюдений за последние 70 лет, автор излишне категоричен, настаивая на преобладании лжи в политической коммуникации, направленной на внутреннего адресата, по сравнению с объёмами лжи, фабрикуемой для внешнего адресата. Во-вторых, автор склонен оправдывать ложь для своего народа высокими целями защиты национальной безопасности, поскольку политические деятели лгут не из корыстных побуждений. Что касается межгосударственной лжи, он подходит к ней с утилитарно-прагматических позиций и также готов оправдать её, так как она может быть признана необходимой и приемлемой в определённых исторических условиях. Более того, по мнению исследователя, более опасной является ложь для народа, так как она способна подорвать стратегическое положение страны. Заслуживает внимания обсуждаемая автором практика использования политических эвфемизмов вместо фраз, уличающих кого-либо во лжи, в особенности если речь идёт о своих политиках [3] (например, политкорректные выражения сенатора Дж. Керри, выступившего с критикой политики Дж. Буша в Ираке – “he failed to tell the truth” about Iraq и далее “he misled the American people” вместо “he lied to the people”).

С приведёнными утверждениями трудно согласиться, так как они не выдерживают критики с позиций сегодняшнего дня, когда характер межгосударственных отношений и международная ситуация в целом кардинально изменились, что сказалось как в направленности лжи, так в её качестве и количестве. Во всяком случае налицо различие в функциональной нагрузке лжи: для внутреннего адресата она скорее превращается в орудие пропаганды и оправдания политики собственного правительства, в то время как острие внешней лжи нацелено на врага как на объект агрессии.

В современной риторике ложь стала нормой в языке политиков, а лингвистика превратилась в орудие производства ангажированного знания. Изменились виды ложной информации и способы её подачи, что превращает ложь в наступательное оружие агрессии. Во многом

изменению политической риторики способствовало появление дискурса конфликта, который характеризуется рядом признаков, обеспечивающих его специфику на всех уровнях: лингвокогнитивном, прагматико-целевом и дискурсивно-коммуникативном [6]. Перечень признаков, характеризующих этот дискурс, можно дополнить чертами, отражающими удельный вес в нём откровенной лжи. В своём прагматическом выражении дискурс конфликта имеет черты цинического дискурса власти, в котором, как справедливо указывает Э. Лассан, «субъект открыто проговаривает свои интересы, неблагоприятные с точки зрения большинства <...> и противоречащие сложившимся этическим нормам» [4]. Не будучи спрятанной в удобную словесную упаковку, ложь приобретает не только агрессивный характер, но и становится способом выражения открытого цинизма и лицемерия.

К предложенному Э. Лассан пониманию политической лжи власти близка концепция Т. А. ван Дейка, который определяет её как нарушение установленных прагматических условий для приемлемых утверждений, а в более широком смысле как нарушение общих этических норм правдивости, которые лежат в основе всех видов общения между людьми [8]. Исследователь подчёркивает, что субъект ложных утверждений отдаёт себе отчёт в этом, поэтому политическая ложь является незаконным средством управления знаниями и способом манипулирования общественным сознанием. Благодаря опоре на ложь политическая власть устанавливает контроль над средствами общения и текстами публичного дискурса, тем самым удерживая под контролем доступ общества к знаниям.

По мнению Х. Вайнриха, ложь принимает тотальный характер и «извращает смысл в том решающем месте, где встречаются язык и реальность, – в речевой ситуации» [1. С. 47]. Таким образом, автор приходит к довольно спорному выводу о том, что слова становятся лживыми, когда «лживы идеология и ее тезисы» [Там же. С. 48]. С этим утверждением можно частично согласиться только при условии признания контекстуальных коннотаций, которые слова приобретают в речи под влиянием идеологической нагрузки.

Таким образом, суть агрессивной лжи в контексте дискурса конфликта сводится к тому, что она направлена против внешнего врага, носит откровенно-цинический характер, отражая идеологию, бросающую вызов устоявшимся

морально-этическим нормам и цинично ниспровергающую их. В конечном итоге, изобретение лжи в политической коммуникации преследует цель воспроизводства своей идеологии для укрепления власти.

По нашим наблюдениям, в дискурсе конфликта формируется новая модель структурирования ложной информации, которая образует костяк, связывающий воедино все элементы дискурса. Это означает, что отклонение от правды происходит на всех этапах производства дискурса, а не только на уровне интерпретации действительности, как принято считать. Психологическая подготовка к восприятию ложной информации начинается с навязывания ложной пресуппозиции, когда целевой аудитории внушается авторская мысль как аксиоматическое положение. Затем следует авторский нарратив, состоящий из типичных блоков, в которых взаимодействует фактуальная информация и интерпретация фактов. Причём срабатывает принцип «снежного кома», приводящий к постепенному нарастанию ложной информации и получению совокупного синергетического эффекта многократно усиленной лжи в результате слияния отдельных частей дискурса в единую смысловую систему изобретения лжи и внедрения её в массовое сознание.

Рассмотрим, как протекает процесс производства ложного дискурса на примере статьи из влиятельной газеты The Guardian [11], посвящённой ситуации в Сирии в последние дни, опираясь на базовые компоненты структуры нарратива, разработанной Т. А. ван Дейком.

Согласно схеме, выделяющей два основных блока *summary* и *story*, сразу же в обоих разделах резюме (*headline, lead*) подытожена ложная информация: в заголовке статьи *MSF Stops Sharing Syria Hospital Locations after 'Deliberate' Attacks* содержится ссылка на нанесение «преднамеренных» авиаударов по местам расположения госпиталей, открытых волонтерами организации «Врачи без границ» на территории этой страны. Во вводном абзаце (*lead*) следует прямое обвинение ВКС России и армии Башара Асада, которые якобы воспользовались для бомбардировок переданными им этой организацией адресами больниц. Блок нарратив (*story*), включающий описание ситуации и комментариев к происходящим событиям, нанизывает новые детали ложной информации: передача координат госпиталей в районах Дамаска, занятых оппозиционными силами, квалифицируется в газете как информация о потенциальных объектах авиаударов

со стороны сирийского правительства и России (*repeated attacks on medical facilities, hit by a deadly airstrike, make them targets, this week's violence*). Огульно обвинив правительственные войска в разрушении одного госпиталя, автор продолжает линию бездоказательного обвинения, искусно используя для этого субъективно скомпонованную фоновую информацию, которая вновь насыщена непроверенными фактами и ложными утверждениями. Эта часть статьи насыщена жёстко негативной оценкой трагических событий, причинивших тяжёлый урон и принесших несчастья народу, ответственность за которые возложена автором статьи на президента Сирии и его союзника (*attacks on civilian infrastructures are routine, healthcare in the crosshair of bombs and missiles, normalization of attacks is intolerable*). Обвинительный тон усилен за счёт цитирования, на условиях анонимности, работников гуманитарных организаций, дополняющих ложную информацию псевдофактами, проверить которые невозможно (*speaking on condition of anonymity, the Syrian government has explicitly threatened to bomb a hospital in a besieged suburb of Damascus if it continues to admit emergency cases*). Такое же переплетение мнимых фактов и оценочного комментария к событиям, которые либо вообще не имели места, либо представлены в ложной интерпретации, вину за которые свалили с больной головы на здоровую, наблюдается далее в исторической справке (*Since 2011, medical activities are illegal and consequently legitimate targets, repeated threat, arrest, torture and killing of doctors, hospital in the rebel-held town of Azaz was destroyed by a ballistic missile fired by Russia*). Таким образом, события пятилетней давности, послужившие началом массовой эмиграции из страны, с готовностью связывают с «режимом» Б. Асада и авиаударами ВКС России.

Неудивительно, что выводы, итожащие данный дискурс, построенный на лжи, строятся на противопоставлении двух сторон: чужих (*the Assad regime, Russian forces*) и своих (*opposition, victims of violence, rebels*), изображённых в чёрно-белых красках. Данный контраст проявляется на разных уровнях, включающих:

1) выбор глобального смысла дискурса, выраженного в негативных / позитивных топиках: с одной стороны, *attacks, violence* при описании чужих, с другой стороны, *aid, assistance* по отношению к своим;

2) выбор ключевых лексических единиц: *hostilities, raids, torture, killing* (о чужих) и

concerns, besieged zones, medical activities (о своих);

3) характер смыслового наполнения отдельных предложений: точный смысл предложений с перечислением деталей событий – о чужих (*Russian airstrikes hit an MSF-supported hospital in northern Syria, killing 11 people*) и достаточно расплывчатый и нечёткий – о своих (*They do not think giving GPS coordinates is going to protect them, rather the opposite*);

4) доминирующий тон и характер используемых речевых актов: обвинительный и выражающий осуждение – о чужих (*Let me be clear: attacks on civilians and hospitals must stop*); сочувствующий, одобряющий и оправдывающий сопротивление законному правительству Сирии со стороны умеренной оппозиции и других террористов – о своих (*Directors of MSF Isabelle Defourny, Joanne Liu and Raquel Ayora deplored the attacks on hospital sites in Syria*).

Таким образом, приведённый пример показывает богатый арсенал средств, используемых для создания смыслового пространства политико-идеологической лжи. Как правило, автор произвольно выхватывает из контекста отдельные факты, нарушая причинно-следственные связи между событиями и давая волю собственным ничем не обоснованным интерпретациям. Историческая правда вовсе не интересует изобретателей лжи. Откровенная ложь в современной конфликтной коммуникации становится средством осуществления жёсткого контроля со стороны власти над сознанием массового человека, его восприятием и оценкой происходящих событий. В результате «внешнее» управление знаниями, эмоциями и оценками людей, реализуемое на ложном основании, но с чёткими идеологическими целями, формирует искажённую аксиологическую картину мира, в которой происходит переоценка базовых ценностей и укореняются агрессивные идеологические императивы.

Список литературы

1. Вайнрих, Х. Лингвистика лжи / Х. Вайнрих // Язык и моделирование социального вза-

имодействия. Переводы / Сост. В. М. Сергеева и П. Б. Паршина; Общ. ред. В. В. Петрова. – М.: Прогресс, 1987. – С. 44-87.

2. Иванова, С. В., Чанышева, З. З. Технологии дискурсивного оформления слухов в политическом дискурсе массмедиа / С. В. Иванова, З. З. Чанышева // Политическая лингвистика. – 2014. – № 2(48). – С. 39-49.

3. Кипрская, Е. В. Политические эвфемизмы как средство камуфлирования действительности в СМИ: автореф. дис. ...канд. филол. наук / Е. В. Кипрская. – Киров, 2005. – 24 с.

4. Лассан, Э. Лингвистика как ангажированное знание / Э. Лассан // Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. Современная политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2006. – С. 199-213.

5. Ленец, А. В. Отечественные и зарубежные теории лжи и речевого обмана / А. В. Ленец // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2008. – № 26. – С. 79-85.

6. Чанышева, З. З., Хазиева, Р. Р. Дискурсивные практики использования агрессивной лжи в конфликтогенном дискурсе / З. З. Чанышева, Р. Р. Хазиева // Вестник Башкирского университета. Уфа. 2015. Т.20. № 3. С. 974 -980.

7. Шаховский, В. И. Человек лгущий в реальной и художественной коммуникации / В.И. Шаховский // Человек в коммуникации: аспекты исследования. – URL: http://uss.dvfu.ru/sci_work/culture/lie.shtml.

8. Dijk, van T.A. Discourse and Power / T. A. van Dijk. – URL: <http://www.twirpx.com/file/781720/>

Mearsheimer, J. J. Why Leaders Lie. The Truth about Lying in International Politics / J. J. Mearsheimer. – URL: <http://www.ebooks-share.net/why-leaders-lie-the-truth-about-lying-in-international-politics/>

9. Moby Thesaurus English Vocabulary. – URL: <http://slovar-vocab.com/english/moby-thesaurus-vocab.html?l=lie>

10. The Guardian. – URL: <http://www.theguardian.com/world/2016/feb/18/msf-will-not-share-syria-gps-locations-after-deliberate-attacks>

О. В. Шефер*Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)***СРЕДСТВА ОТРАЖЕНИЯ КОРПОРАТИВНОЙ ФИЛОСОФИИ
В БРЕНДОВОМ ДИСКУРСЕ КОМПАНИИ KNAUF****CORPORATE PHILOSOPHY TOOLS IN THE BRAND DISCOURSE
OF THE KNAUF GROUP**

В статье рассматривается брендовый дискурс, отражающий рекламными и PR-средствами корпоративную философию международной группы предприятий KNAUF. Данная особенность брендового дискурса реализуется при использовании стратегии монобрендинга и способствует эффективной идентификации компании-производителя и товара, поддерживая корпоративный имидж и формируя лояльность потребителя к бренду.

The paper is focused on the brand discourse, which represents the corporate philosophy of the KNAUF Group with the help of advertising and PR tools. This peculiarity of the brand discourse implies the use of the mono-brand strategy and contributes to the effective identification of the producing company and its product by supporting the corporate image, as well as by building customer loyalty to the brand.

Ключевые слова: бренд, бренд-коммуникация, брендовый дискурс, корпоративная философия.

Keywords: brand, brand communication, brand discourse, corporate philosophy.

Насыщение рынка однородной продукцией способствовало развитию конкуренции между предприятиями. В этих условиях производители стремились наделить свой товар уникальными характеристиками, активно используя бренд-коммуникации для повышения уровня продаж. Результатом маркетинговых усилий явились конкурентоспособные бренды, улучшающие идентификацию продукта и формирующие лояльность потребителя.

Бренд представляет собой средство идентификации производителя и товара, формируя у потребителя ассоциации, ожидания и желания к продвигаемому продукту. Разделяя точку зрения В. Н. Домнина, мы считаем, что «идентичность бренда – это концепция, предназначенная для обеспечения брендом функций идентификации, дифференциации и влияния на потребительское поведение» [2. С. 267].

Информация об особенностях бренда и его индивидуальности может быть донесена до потребителя разными способами. Одной из эффективных, используемой в бренд-менеджменте, стратегией управления, можно назвать корпоративный брендинг. В основу коммуникационной стратегии корпоративного брендинга положена корпоративная философия, представляющая собой «комплекс принимаемых организацией и разделяемых её сотрудниками концептуальных и смысловых

принципов, доминирующих ценностей, понятий и убеждений...» [4. С. 354]. Реализация данной стратегии позволяет осуществлять продвижение корпоративного бренда на основе ценностей и философии корпорации, облегчая идентификацию товара и производителя. Корпоративный монобрендинг отличается единым позиционированием, распространяя узнаваемость на весь ассортимент продукции. «Когда бренд носит имя компании, он становится главным ее представителем. Бренд, носящий имя компании, действительно становится ее внешним экспонатом. Это глашатай, рассказывающий историю компании более широкой аудитории. Поэтому для компании важно идентифицироваться с этим брендом. Именно поэтому бренды, носящие имя компании, обладают той же самой культурой, что и компании, в которых они возникают» [3. С. 137].

Отражение стратегии, миссии и корпоративной философии в бренде облегчает идентификацию производителя и её продуктов, формируя лояльность потребителя к монобренду.

Создание доверительных отношений между производителем и потребителем невозможно без использования бренд-коммуникации.

Бренд-коммуникация представляет собой «особый процесс взаимодействия, в результате которого предполагаются изменения в мотивации, установках, поведении, деятель-

ности людей и формируется конвенциональный образ бренда как социального объекта. Это коммуникация, в которую вовлечены не только потребители и производители: она образует широкий социальный контекст. Бренд-коммуникация возникает в процессе совместной деятельности, проявляется в массовой, межгрупповой и межличностной формах и предполагает разные ситуации взаимодействия. Бренд-коммуникация направлена как на первичное взаимодействие, происходящее в конкретной ситуации, так и на дальнейшее взаимодействие; её целью является мотивация индивида к определенному поведению» [1. С. 8].

Благодаря бренд-коммуникации происходит позиционирование бренда, определяя ценность товара в языковом сознании потребителя. Позиционирование бренда представляет собой основу коммуникационной стратегии каждого бренда, с помощью которой он налаживает коммуникацию с потребителями. Данная стратегия включает в себя «рекламу, связи с общественностью, маркетинг событий и корпоративное спонсорство, стимулирование торговли и сбыта, стимулирование потребителей, прямой маркетинг и внутрифирменные коммуникации» [5. С. 61].

Эффективность позиционирования и продвижения бренда напрямую зависит от средств реализации бренд-коммуникации.

Вслед за Ю.Ю. Бровкиной, мы считаем, что структура бренд-коммуникации состоит из совокупности разножанровых дискурсов, базирующихся на механизме убеждения и мотивирующих к покупке.

В связи с этим нам представляется логичным использование в бренд-коммуникации термина «брендовый дискурс». Под брендовым дискурсом нами понимается совокупность рекламного и PR-дискурсов, интегрировано передаваемых через различные каналы и формы, способствующих созданию определённого образа в языковом сознании целевой аудитории, с целью идентификации, позиционирования, продвижения и увеличения сбыта товара-бренда.

Данный вид дискурса выполняет две коммуникативные задачи – информирование целевой аудитории и воздействие на неё. Целью брендового дискурса является формирование и продвижение образа бренда, а также придания ему смысла на конкурентном рынке лингвистическими средствами, способствуя идентичности.

Брендовый дискурс, в данном случае, выступает средством реализации стратегии монобрендинга, отражающим корпоративную

философию, формируя положительный имидж компании-производителя и лояльность потребителя к корпоративному бренду.

Производители строительных материалов также как и другие производители потребительских товаров используют технологию брендинга при продвижении своей продукции на конкурентном рынке. Потребители не только покупают строительные товары, они приобретают бренды с устойчивыми конкурентными преимуществами.

К числу основных лидеров рынка строительных материалов относится международная группа предприятий KNAUF. Бренд KNAUF берёт свою историю с 1932, когда братья Альфонс и Карл Кнауф организовали семейное предприятие. С годами фирма выросла, семейное предприятие стало семьёй предприятий мирового масштаба с дочерними фирмами во многих странах мира.

Успех компании определяется двумя основополагающими факторами:

I. Она выпускает качественную и востребованную рынком продукцию.

II. Её руководители и сотрудники испытывают гордость за результаты своего труда, чувство восхищения продукцией, планами на будущее, стратегией и культурой работы [6. С. 2].

Именно данные положения находят своё отражение в философии международной фирмы KNAUF, которая определяет самовосприятие компании, объединяет сотрудников, представляющих разные народы и культуры, организует их деятельность, указывает путь для дальнейшего развития фирмы и создаёт мотивацию сотрудников.

Философия фирмы KNAUF отвечает на вопрос: кто мы и чего хотим?

А её основные положения сформулированы следующим образом:

1. Фирма KNAUF отличается от многих других тем, что здесь все члены одного семейства работают вместе. Эта особенная черта объединяет все предприятия KNAUF.

2. Понятия «экология» и «экономия» неразделимы для фирмы KNAUF.

3. Потребности клиентов фирмы KNAUF определяют её идеи и действия.

4. Изучение рынка и постоянные маркетинговые исследования помогают чувствовать желания клиентов и определяют направления инновационных разработок фирмы KNAUF, предвосхищая будущие потребности.

5. Являясь лидерами рынка, фирма KNAUF берёт на себя дополнительную ответствен-

ность перед общественностью и окружающей средой.

6. Продукция под маркой KNAUF обладает наивысшим качеством, благодаря бескомпромиссному подходу к обеспечению качества исходного сырья и материалов, контролю на производстве, качеству готовых продуктов и комплексным системам, которые обеспечивают наших клиентов.

7. Фирма KNAUF развивается благодаря трудоспособности и творческим идеям сотрудников, поэтому она стремится к тому, чтобы они были самостоятельным, готовыми к принятию решений и предприимчивыми.

8. Цель фирмы KNAUF – успех клиентов и удовлетворение их потребностей. Ориентированность на клиентов, творческий подход, инновационные разработки и высокая готовность к работе обеспечит успех в будущем.

9. Предприятия фирмы KNAUF оснащены самым совершенным производственным оборудованием, благодаря которому работать удобно и безопасно, что позволяет реализовывать принцип ответственного, рационального отношения к природным ресурсам и к окружающей среде.

10. Строительные системы упрощают проектирование и строительство, предлагая готовые решения и гарантируя качество [6. С. 6-25].

Философия, которой руководствуется более 20 лет в своей деятельности во всех странах

мира фирма KNAUF, снискала большое уважение к себе как среди собственных сотрудников, так и на международном рынке. Философия публикуется на национальном языке каждого предприятия для того, чтобы деловые партнёры и представители органов власти имели возможность ознакомиться с принципами, которыми руководствуется компания KNAUF в своей деятельности.

Философия компании находит своё отражение в корпоративном бренде KNAUF. Это связано с тем, что данное предприятие использует в своём стратегическом управлении стратегию монобрендинга, поддерживая тем самым положительный корпоративный имидж, благодаря выпускаемой продукции, и лояльность потребителя к корпоративному бренду. Единая централизация, прослеживаемая в продвижении продукции, способствует идентификации не только определённого продукта, например, гипсокартонных листов, но и всех высококачественных строительных материалов KNAUF в виде комплектных систем.

Бренд-менеджерами компании выделяются три группы целевых аудиторий: частные домовладельцы, дистрибуторы, строители и архитекторы. С каждым сегментом формируются долгосрочные партнёрские отношения, в которых отражаются семейные ценности KNAUF. Поэтому осуществление бренд-коммуникации с потребителями и отражение философии ре-

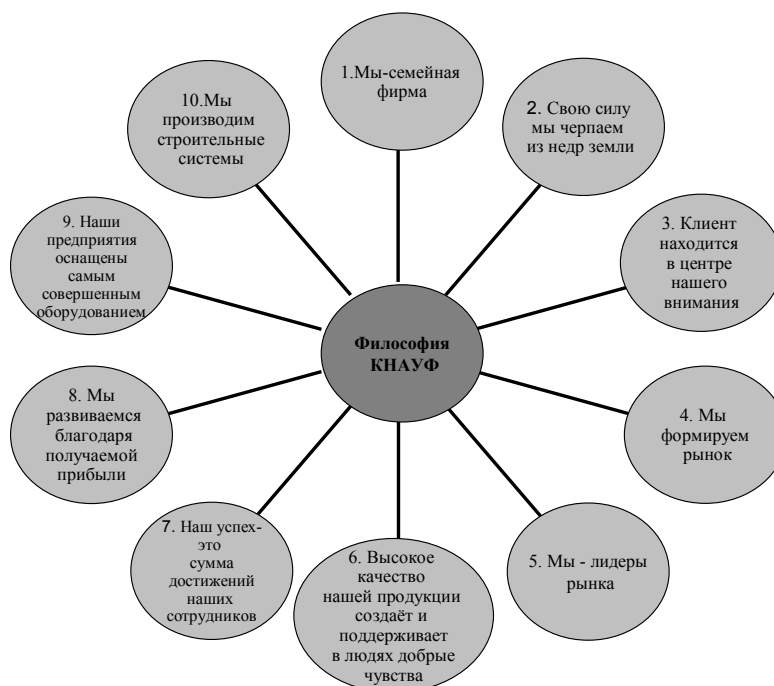

Рисунок 1. Философия компании KNAUF

ализуется в разных жанрах и формах брендового дискурса. При этом в основе позиционирования на конкурентном рынке, в том числе международном, используется слоган «KNAUF – немецкий стандарт», отражающий философию KNAUF.

Одним из средств продвижения и жанром брендового дискурса является реклама. Ставя перед собой различные задачи, реклама фирмы KNAUF очень разнообразна по канала и формам. Она может быть наружной, рекламой в прессе, телерекламой и иметь как информирующую, так и напоминающую и имиджевую функции. Однако это не мешает ей отражать философию фирмы KNAUF, включающую высокое качество продукции, инновации и экологичность: *«Утеплитель Теплокнуф. Потому что без смол! (не содержит фенол-формальдегидных смол)»*.

Использование в рекламном тексте относительных прилагательных (*«безопасные строительные материалы», «натуральный утеплитель»*) отражает экологическую политику компании KNAUF, а наличие профессионализмов (*«пароизоляционная мембрана», «звукопоглощающие гипсокартонные перфорированные плиты»*) подчёркивает высокий профессиональный уровень и заботу о своих клиентах, формируя в языковом сознании потребителя представление о том, что *«...KNAUF – это защита для жизни»*.

Также следует отметить наличие эмоциональной окраски в рекламе, реализуемой через восклицательные предложения, например, *«KNAUF – немецкий стандарт качества в строительстве!»*.

Таким образом, рекламный дискурс, воздействуя на потребителя различными средствами, способствует идентификации KNAUF как международного бренда строительных материалов.

Наибольшее внимание в позиционировании своего бренда фирма KNAUF уделяет технологии Public Relations, реализующейся благодаря PR-дискурсу. Данное средство, представляющее собой жанр брендового дискурса, позволяет наделить товар не только преимуществами, но и ценностями, которые предлагаются целевым аудиториям, например, забота об окружающей среде: *«Продукция KNAUF Insulation безопасна для здоровья людей и окружающей среды, что подтверждается токсикологическими и радиологическими исследованиями»*.

При этом целенаправленность не предполагает, как это было сказано выше, узкий сегмент

целевой аудитории, поэтому PR-текст решает не одну, а несколько задач, используя различные средства:

1. Повысить узнаваемости бренда KNAUF среди частных домовладельцев, дистрибуторов, строителей и архитекторов.

Отвечая требованиям разных сегментов целевой аудитории, PR-тексты компании KNAUF используют как нейтральную, так и специализированную лексику. Для частных потребителей приводятся следующие аргументы: *«В создании интерьера любой комнаты, к которой предъявляются высокие требования по прочности и звукоизоляции, Вам поможет гипсоволокнистый КНАУФ-суперлист (ГВЛ). С ним Вы будете уверены за свои стены, например, в детской, где играют маленькие разбойники, в домашнем тренажерном зале, заботясь о своем здоровье и красоте, в коридоре или кладовой, где хранятся домашние вещи»*. Архитекторам и строителям предлагаются различные пространственные решения: *«Уникальные свойства и преимущества плит КНАУФ-Акустика по достоинству оценены архитекторами и дизайнерами всего мира. Этот прогрессивный материал открывает новые горизонты для творчества и дает возможность экспериментировать с формой потолка, создавая неповторимые интерьерные решения, в том числе криволинейные поверхности»*.

2. Познакомить с инновационными технологиями компании KNAUF, включая в текст профессиональную лексику: *«Изобретение инновационной технологии ECOSE® позволило производить минераловатные утеплители из натуральных компонентов, в том числе и связующее, что до сих пор никому не удавалось»*.

3. Показать преимущества комплексных систем KNAUF на конкурентном рынке: *«Комплектная система КНАУФ — это тщательно подобранный комплект обшивок, позволяющий наиболее правильно, качественно и экономично, решать конкретную строительную задачу. Использование комплектных систем КНАУФ в строительстве — гарантия успешного проведения работ»*.

4. Рассказать историю становления, развития и тенденций фирмы KNAUF, используя в донесении фактической информации числительные: *«Крупнейший в мире производитель строительных материалов для внутренней и внешней отделки, тепло- и звукоизоляции. В международную группу КНАУФ входит свыше 150 заводов в более чем 50 странах мира»*.

5. Отразить философию фирмы KNAUF: «KNAUF – это семейная фирма и в то же время международная группа предприятий».

Поскольку большинство людей придерживаются аналогичных ценностей, лежащих в основе философии фирмы KNAUF и находящихся отражение в PR-дискурсе, то это способствует повышению информированности потребителей о преимуществах продукции и компании KNAUF, облегчая позиционирование и продвижение бренда.

Обобщая выше сказанное, мы считаем, что брендовый дискурс, интегрируя в себе разные жанры, отражает инновации и конкурентные преимущества семейной фирмы KNAUF, ориентированной на сотрудников, клиентов, рынок, качество, экологичность и заботу о недрах земли.

Отражение корпоративной философии в брендовом дискурсе компании KNAUF, реализуемое рекламными и PR-средствами, способствует идентичности бренда и поддержанию положительного корпоративного имиджа, влияющих на лояльность потребителей к монобренду.

Список литературы

1. Бровкина, Ю. Ю. Социальная психология бренд-коммуникаций : автореф. дис. ... д-ра психол. наук / Ю. Ю. Бровкина. – М., 2009. – 43 с.
2. Домнин, В. Н. Идентичность бренда – ключевое понятие бренд-менеджмента / В. Н. Домнин // Бренд-менеджмент. – 2009. – № 05 (48). – С. 266-282.
3. Капферер, Ж.-Н. Бренд навсегда: создание, развитие, поддержка ценности бренда / Ж.-Н. Капферер. – М.: Вершина, 2007. – 448 с.
4. Кривоносов, А. Д., Филатова О.Г., Шишкина М. А. Основы теории связей с общественностью / А. Д. Кривоносов, О.Г. Филатова, М. А. Шишкина. – СПб.: Питер, 2010. – 384 с.
5. Музыкант, В. Л. Формирование бренда средствами PR и рекламы / В. Л. Музыкант. – М.: Экономистъ, 2004. – 606 с.
6. Винклер, М., Ингениллем, Х.-П., Юркович, Х., Гофман, Б. Философия и кодекс корпоративной этики предприятий группы KNAUF в России и СНГ / М. Винклер, Х.-П. Ингениллем, Х. Юркович, Б. Гофман. Управление по общественным связям фирмы KNAUF по России и СНГ. – 45 с.

Н. А. Шехтман

*Оренбургский государственный педагогический университет
(Оренбург, Россия)*

РОЛЬ ПРЕСУППОЗИЦИЙ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА

ON THE ROLE OF PRESUPPOSITIONS IN THE INTERPRETAION OF TEXTS

В статье рассматриваются presuppositions как не вербализованные фоновые знания о мире (фреймы, ассоциации имен собственных, прецедентные тексты) универсального, регионального и социально-этнического характера.

The article deals with presuppositions as preliminary universal regional or social background knowledge (frames, allusive proper names and commonly known reminiscences) indispensable for comprehension of a text message.

Ключевые слова: presuppositions, фоновые знания, фреймы, аллюзивные имена собственные, прецедентные тексты.

Keywords: presuppositions, background knowledge, frames, allusive proper names, commonly known reminiscences.

Пониманию текста предшествует восприятие его поверхностных структур, обеспечиваемое знаниями реципиента в области языка и его ментальным кругозором. Однако знания не всегда реализуются целиком вербальными средствами. Важнейшим аспектом таких знаний в коммуникативном плане являются presuppositions (лат. *prae* – впереди и *suppositio* – предположение) – предусловие коммуникации, предварительное знакомство с заранее принятыми в сообществе, не высказанными словесно компонентами смысла, что дает возможность адекватно понять значение слова («удалось» подразумевает «пытался»), или смысл высказывания («Он наконец-то бросил курить» значит, он раньше курил). Предварительные знания называются фоновыми (*shared background knowledge*). Они ведут к взаимопониманию благодаря знакомству с реалиями и культурой, которым обладают адресант и адресат. Фоновые знания неоднородны. По степени их распространенности выделяются: универсальные (общечеловеческие) фоновые знания (не хлебом единым жив человек), регионально-страноведческие (палата лордов в английском парламенте), социально-групповые знания, свойственные определенным социальным общностям. Универсальными фоновыми знаниями владеют все коммуниканты. Большинство понятий являются общечеловеческими, хотя и воплощенными в различную форму. В первую очередь сюда относятся библеизмы: Even as late as the last quarter of the sixteenth century Queen Elizabeth's chief minister Lord Burghley warned his son to avoid undertaking new enterprises on three particularly ominous anniversaries in the ecclesiastical calendar: the first Monday in April (*the murder of Abel*), the first Monday in August (*the destruction of Sodom and Gomorrah*), and the last Monday in December (*the birthday of Judas Iscariot*) [5. P. 120]. Они хранятся в коллективном тезаурусе носителей лингвокультуры, свободно воспроизводятся в речи и используются как готовые средства выражения той или иной мысли: In the village of Crome, it seemed, *Sodom and Gomorrah* had come to a second birth (A. Huxley). Содом и Гоморра – два города, упоминание о которых в Библии связано с исключительной порочностью их жителей. Сюда же относятся хрестоматийные и неоднократно воспроизводимые ассоциации, основанные на общечеловеческих знаниях: поцелуй Иуды – предательство. Или: имя собственное «Голиаф» ассоциируется с именем великана. Аллюзивно это имя обозначает вы-

сокий рост и большую физическую силу человека. Особо следует сказать о нарицательных именах, метафорически образованных от имен собственных. Так, существительное «меценат» восходит к имени знатного римлянина времен Августа (1 в. до н.э.), известного тем, что он покровительствовал поэтам, художникам и ученым. Отсюда его современное значение.

Страноведческие знания – сведения, которыми располагают все члены определенной этнической или языковой общности. Реципиент, знакомый с американским образом жизни, не нуждается в разъяснении, что *Thanksgiving Day* – это День благодарения, официальный праздник в память первых колонистов Массачусетса и что он отмечается в четвертый четверг в ноябре. Эта информация представляет собой часть фоновых знаний американцев. Аналогичным образом, словосочетание *Ladies' gallery* – галерея для женщин в палате общин (House of Commons) является частью фоновых знаний англичан. Ср. также *Uncle Sam u John Bull*: Uncle Sam – a personification of the federal government or citizens of the US, typically portrayed as a tall, thin, bearded man wearing a suit of red, white and blue.

John Bull – a personification of England or the typical Englishman represented as a stout red-faced farmer wearing a top-hat and high boots. Понимание следующих высказываний предполагает, что адресат идентифицирует Uncle Sam и John Bull как США и Великобританию соответственно: This was a generous offer and the Secretary General is already, in the case of the Bosnian airlift plan, showing how dependent the UN continues to be on the generosity of *Uncle Sam* (British National Corpus); Since those early days, *John Bull* have expanded, opening many shops around the country, leading to the opening of the new factory in 1984 (British National Corpus).

Фоновые знания консолидируют не только этнические, но и социально-политические и профессиональные группы. Так, слово *baby-kisser* (политик, заигрывающий с избирателями), указывает на сферу политической борьбы в США, Лицам за пределами названных общностей для адекватного понимания приведенных примеров и правильного декодирования лингвокультурной информации требуется гипертекст как инструмент воздействия на когнитивную систему адресата в сторону ее расширения или перестройки.

Понятие фоновых знаний тесно связано с более широким и многозначным понятием имплицитной или подразумеваемой информации-

ей. (Исследователи включают в нее прагматические условия понимания текста – ситуацию речевого общения и основанные на знании мира пресуппозиции, представляющие собой компоненты высказывания, которые делают его осмысленным, и импликации, и подтекст, и так называемый вертикальный контекст и аллюзии, символы, каламбуры и прочее неявное, скрытое, добавочное содержание, преднамеренно заложенное автором в тексте. В подтексте находятся дополнительные сведения о референтном пространстве, о социальной роли адресата, межличностных отношениях. Воспринимая подтекст, мы судим о том, чего нет, по тому, что представлено в тексте. Этому способствует знание пресуппозиций – фреймов и прецедентных текстов.

Фреймы – это структура данных для представления стереотипной ситуации [3. С. 7]. Представления стандартизованных знаний касаются привычных ситуаций: учитель и ученик, врач и пациент, родители и дети, Фрейм «ресторан» предполагает в качестве пресуппозиций «официанта», «заказ», «чаевые», то есть модель поведения, известную по опыту как отправителю, так и получателю сообщения. Опыт – это знание жизни, основанное на пережитом, испытанном, это совокупность усвоенных навыков. Он отражается в сознании коммуникантов в виде законов объективного мира и общественной практики. Индивидуальность опыта не мешает существованию пресуппозиций как общей части читательского и житейского тезауруса. (Здесь не имеются в виду тривиальные знания прописных истин типа «Зимой дни короче, а ночи длинней»). Нас будут интересовать пресуппозиции высказываний и лежащих в их основе ситуаций (подробнее об этом см. Апресян Ю. Д., Арутюнова Н. Д., Гак В. Г., Дементьев В. А, Залевская А. А., Карасик В. И., Караулов Ю. Н., Минский М., Падучева Е. В., Супрун А. Е., Звегинцев В. А.).

Одним из важных свойств пресуппозиции является её инвариантность относительно отрицания утверждаемого.

Пресуппозиция дополняет смысл высказывания, выраженный в его словах и структуре. Знание пресуппозиций является показателем принадлежности к определенной эпохе и ее культуре. Сами по себе они ничего не добавляют в когнитивный кругозор реципиента. С. Левинсон определил пресуппозицию следующим образом: “A p is background belief, relating to an utterance that 1) must be mutually known or assumed by the speaker and addressee

for the utterance to be considered appropriate in context, 2) generally will remain a necessary assumption whether the utterance is placed in the form of assertion, denial or question, and 3) can generally be associated with a specific lexical item or grammatical feature (presupposition trigger) in the utterance [4. P.179].

Фоновые знания всегда оставляют место для новых вкраплений под воздействием нового опыта. Это когнитивный фонд участников коммуникации. Необходимо учитывать, что каждый коммуникант уникален с точки зрения набора его пресуппозиций, хотя объединяющие компоненты неизбежны у лиц одной эпохи, региона, этнической общности. Семантические пресуппозиции не подавляются под воздействием словесного или ситуативного контекста, они имеют свойство неустранимости (nondefeasability) и конвенциональны (то есть закрепляются за языковыми единицами вне их актуализации). Они относятся к области сознания говорящих, а не к тому, что они говорят.

Под прецедентными текстами или текстовыми реминисценциями понимаются тексты как «(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие (3), обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [2. С. 216]. С помощью прецедентных текстов устанавливается социальное отношение к выражаемому смыслу высказывания.

Ярко выраженная национальная специфика прецедентных явлений и их отсутствие в картинах мира других народов и языков может затруднять процесс общения представителей разных этносов, и потому требуют гипертекстовой интерпретации в первую очередь. Они общеизвестны, хрестоматийны и характеризуются высокой частотностью употребления только в границах определенного ареала. Само наличие гипертекста является сигналом отсутствия некоторой информации в пресуппозиции читателя. Знания и представления объединяют своих носителей в одно сообщество, «клуб посвященных». Кроме того, границы этого сообщества определяются языком.

По мнению В. И. Карасика, который подчеркивает, что при определенном уровне эрудиции и заинтересованности в восприятии общения, у получателя информации возникает отклик в виде развития содержания этого со-

общения [1. С. 217]. Свобода интерпретатора ограничена лишь референтной областью и его воображением. Это продемонстрировал В. И. Карасик в своем комментарии к стихотворению В. П. Бурича:

Дуешь в волосы своего ребенка

Читаешь названия речных пароходов

Помогаешь высвободиться пчеле из варенья

Каким предательством ты купил все это?

Вот толкование В. И. Карасика: «В этом стихотворении выражена эфемерность счастья, данного человеку. Приводятся, казалось бы, простые, обиходные детали ежедневной жизни, но в них показано то, что воспринимается как высшее благо – радость прикосновения к своему ребенку, который, наверно, сидит на коленях у своего отца и вместе с ним смотрит куда-то вдаль, спокойное, умиротворенное ощущение родства с миром (названия пароходов, неторопливо идущих по реке, можно увидеть лишь отдыхая на берегу), помощь живому существу, пчеле, летом залетевшей на веранде в розетку с вареньем. В этой миниатюре показаны три ипостаси проявления – ощущение, созерцание и действие» [1. С. 217].

Культурная компетенция отправителя сообщения, таким образом, не совпадает с язы-

ковой компетенцией реципиента, что наглядно проявляется при выходе за пределы текста в процессе его интерпретации. С другой стороны, на успешность восприятия смысла высказывания не влияет то, что адресант счел возможным опустить, полагаясь на осведомленность адресата в силу причастности к тому же миру, что и мир отправителя сообщения.

Список литературы

1. Карасик, В. И. Языковая матрица культуры / В. И. Карасик. – М., 2013. – С. 217.
2. Караулов, Ю. Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности / Ю. Н. Караулов // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. – М.: 1886. – С. 216
3. Минский, М. Структура для представления знаний / М. Минский. – М., 1978. – С. 7
4. Levinson S. Pragmatics. Cambridge Univ. Press, 1983.
5. Whitrow, G J. Time in history. Oxford: Univ. Press, 1990.

В. А. Шушарина

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ ДИСКРЕДИТАЦИИ В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

SPEECH STRATEGY OF DISCREDITING IN RUSSIAN POLITICAL DISCOURSE

В данной статье ставится задача изучить механизмы реализации коммуникативной стратегии дискредитации в российском политическом дискурсе на материале скриптов речей представителей Российской Федерации в Совете Безопасности Организации Объединённых наций.

The article aims at studying the mechanisms of implementation of the discrediting strategy in Russian political discourse on the material of the scripts of the speeches of Russia's representatives to the United Nations Security Council.

Ключевые слова: политическая лингвистика, политический дискурс, речевое воздействие, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика.

Keywords: political linguistics, political discourse, speech manipulation, speech strategy, speech tactics.

Политика – это многоплановый социальный феномен, являющийся неотъемлемой частью нашей жизни. Политическая сфера – одна из четырех наиболее важных сфер общественной жизни, связанная с приобретением и удержанием власти. Авторитет политического деятеля, успех его политической кампании и популярность его идей напрямую зависят от его коммуникативной компетентности. В современном обществе язык играет роль посредника между мыслью и действием, являясь, тем самым, одним из мощнейших средств воздействия на сознание человека.

Современная политическая ситуация требует рассмотрения с точки зрения различных дисциплин, в число которых входит и политическая лингвистика. Политическая лингвистика – наука, возникшая на стыке лингвистики и политологии. Предметом её исследования можно назвать политическую коммуникацию, которую А. П. Чудинов определяет как «речевую деятельность, ориентированную на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе» [4. С. 8].

А. П. Чудинов также отмечает, что к изучению политических текстов необходимо применять дискурсивный подход, то есть рассматривать речь в рамках социокультурного контекста, анализируя языковые средства в совокупности с экстралингвистическими факторами. Таким образом, ключевым понятием в политической лингвистике является понятие политического дискурса.

По определению, которое предлагает А. Н. Баранов, политический дискурс – это совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом [1. С. 6].

Изучение политического дискурса неразрывно связано с изучением речевого воздействия. По мнению О.С. Иссерс, под речевым воздействием следует понимать речевое общение, взятое в аспекте его целенаправленности, мотивационной обусловленности [2. С. 21]. То есть выбор оратором тех или иных коммуникативных приёмов зависит главным образом от целей коммуникации, а также от стремления оратора добиться от слушателя желаемого результата. Для того чтобы коммуникация была

эффективна, оратор прибегает к использованию различных коммуникативных стратегий и тактик.

О. Н. Паршина трактует коммуникативную стратегию как определенную направленность речевого поведения в данной ситуации в интересах достижения целей коммуникации, а коммуникативную тактику как использование приемов, способов достижения какой-либо цели, линию поведения кого-либо [3. С. 12]. Таким образом, коммуникативная стратегия является общим планом действий оратора, а коммуникативные тактики в составе определённой стратегии служат инструментами его реализации.

Материалом для нашего исследования послужили скрипты речей ведущих политиков и дипломатов, представлявших Российскую Федерацию на заседаниях Совета Безопасности Организации Объединённых Наций в 2015 г.

Исследование показало, что одной из самых действенных стратегий, к которым прибегает большинство ораторов в рамках политического дискурса, является **стратегия дискредитации**.

Дискредитировать – значит умышленно подорвать чьё-то доверие, репутацию, имидж.

Для стратегии дискредитации характерна оппозиция «свои – чужие». Основа такой оппозиции – степень совпадения взглядов оратора с взглядами тех, о ком идёт речь.

Используя коммуникативную стратегию дискредитации, оратор старается отождествлять себя с коллективом, например, со страной, которую он представляет, чтобы таким образом избежать субъективного оценивания.

В ходе исследования в рамках стратегии дискредитации нами были выделены следующие коммуникативные тактики:

- 1) тактика обвинения;
- 2) тактика обособления;
- 3) тактика наводящих вопросов.

Используя **коммуникативную тактику обвинения**, оратор возлагает вину на своего оппонента, приписывает ему совершение непростительного поступка. При этом оратор не только показывает своё негативное отношение к оппоненту, но и пытается навязать это отношение всем слушателям, добиться их поддержки.

Рассмотрим функционирование коммуникативной тактики обвинения на следующем примере:

Киевскими властями, постоянно говорящими о единстве страны и ее территориальной

целостности, не сделано ни одного шага в сторону проведения подлинного национально-го диалога, конституционной реформы с участием всех групп населения и регионов. Более того, Киев делает все, чтобы фактически отрезать Юго-Восток. Принято решение о выводе оттуда всех госучреждений, прекращении бюджетных выплат, включая социальные пособия и пенсии.

Данный пример иллюстрирует попытку постоянного представителя Российской Федерации при ООН Виталия Чуркина обвинить правительство Украины в бездействии и нежелании урегулировать конфликт мирным путём. Оратор таким образом пытается раскритиковать политику Украины, а также убедить других членов Совета Безопасности в неправомерности действий правительства Украины. При помощи конструкции «не сделано ни одного шага» оратор противопоставляет заявления и обещания киевских властей (единство страны, её территориальная целостность) и их реальные действия (отрезают Юго-Восток: вывод госучреждений, прекращение бюджетных выплат).

Коммуникативная тактика обособления предполагает исключение оппонента из политической сферы деятельности на основе неправомерности его поступков, взглядов, намерений.

Оппозиция «свои – чужие» прослеживается в тактике обособления особенно ярко. Под «своими» оратор подразумевает Российскую Федерацию как государство, представителем которого он является, а также президента и правительство Российской Федерации. В роли «чужих» выступает объект дискредитации, который меняется в зависимости от тематики заседания.

Следующий пример демонстрирует коммуникативную тактику обособления:

Гуманитарная ситуация – катастрофическая. Еще летом прошлого года мы ставили этот вопрос, предложив принять соответствующую резолюцию Совета. Некоторые члены Совета Безопасности, к сожалению, не прислушались к нам: заматывали тему, разглагольствовали, с какого количества жертв можно начать квалифицировать ситуацию как «гуманитарный кризис».

В своей речи оратор стремится уйти от субъективности, используя личное местоимение «мы». Таким образом он подчёркивает, что его мнение разделяют и другие представители Российской Федерации и что все его действия согласованы с правительством.

От субъективности оратор отходит и при описании «чужих» – объекта дискредитации, в качестве которого в данном примере выступают «некоторые члены Совета Безопасности». В данном случае оратор не называет имена своих оппонентов, чтобы избежать возникновения конфликтной ситуации и не нарушать этикет.

О негативном отношении оратора к своему оппоненту свидетельствует и выбор им стилистически окрашенных лексических средств: слова «заматывать тему», «разглагольствовать» относятся к разговорному стилю, имеют негативную коннотацию.

Коммуникативная тактика наводящих вопросов подразумевает постановку оратором вопроса, на который реципиент даёт однозначный, желательный оратору ответ. Используя наводящие вопросы, оратор фактически подсказывает реципиенту, какой ответ предполагает от него услышать. При этом у оратора есть выбор: озвучить ответ самому или предоставить реципиенту возможность принять ту или иную точку зрения.

В рамках стратегии дискредитации оратор прибегает к коммуникативной тактике наводящих вопросов для того, чтобы заставить реципиента усомниться в правильности, законности действий оппонента оратора. Цель использования данной тактики заключается в том, чтобы получить эмоциональный ответ от реципиента, заставить его сделать логический вывод из сказанного.

Рассмотрим следующий пример:

Мы говорим много красивых слов о необходимости урегулирования политических кризисов мирными методами, о том, что у них нет военного решения, о верховенстве права, демократии и инклюзивности политических процессов, о правах человека и приоритетности защиты гражданского населения в конфликтах. Однако после того, как мы уже около тридцати раз обсуждали здесь Украину, возникает вопрос – а насколько все эти декларации соотносятся с ситуацией в этой стране? Имеют ли они прикладное применение? Или они произносятся для «красного словца», но могут быть легко отброшены в угоду политической целесообразности? Применимы ли все эти резолюции и заявления председателей к такому государству, как Украина?

Вместо того, чтобы самому выступить с критикой политики Украины, оратор обращается к членам Совета Безопасности в вопросительной форме, предоставляя им возможность интерпретировать сказанное. Вопросительная форма

высказывания также позволяет оратору заинтересовать реципиента, показать, что именно на эту информацию следует обратить особое внимание.

Таким образом, коммуникативная стратегия дискредитации является действенным механизмом речевого воздействия. Она позволяет оратору подорвать доверие к своему оппоненту, настроить слушателей против него. Грамотное и своевременное использование коммуникативных тактик в составе данной стратегии свидетельствует о профессионализме оратора и обеспечивает высокую эффективность коммуникации.

Список литературы

1. Баранов, А. Н. Парламентские дебаты: традиции и новации / А. Н. Баранов, Е. Г. Казакевич. – М. : Знание, 1991. – 64 с.
2. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М. : Издательство ЛКИ, 2008. – 288 с.
3. Паршина, О. Н. Российская политическая речь: теория и практика / О. Н. Паршина под ред. О. Б. Сиротининой. Изд. 3-е. – М. : Книжный дом «Либроком», 2012. – 232 с.
4. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика: Учеб. пособие / А. П. Чудинов. – М : Флинта : Наука, 2006. – 254 с.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВОДИДАКТИКИ

Ю. В. Альметев

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)НАРРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ И ГРАФИЧЕСКИЙ РОМАН
КАК МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

NARRATIVE AND GRAPHIC NOVEL AS RESEARCH METHODS

В данной статье обсуждаются такие качественные методы исследования, как нарративный анализ и графический роман. Автор определяет характер нарративного метода через его оппозиционирование парадигматическим методам исследования, как метод, убеждающий через правдоподобие. Автор также дает краткий обзор современных исследований, в которых графический роман используется в качестве метода сбора данных, их анализа и репрезентации.

This article discusses Narrative Inquiry and graphic novel as qualitative research methods. The author defines narrative in opposition to paradigmatic methods of organizing research as a method that seeks to convince through verisimilitude to life. The author also reviews the existing research on the use of graphic novel form as a method of data collection, analysis and representation.

Ключевые слова: нарративное исследование, графический роман, качественные методы, иностранный язык, образование.

Keywords: Narrative inquiry, graphic novel, qualitative research, foreign language, education.

My interest in Narrative Inquiry and graphic novel as qualitative research methods is prompted by the case study I am currently conducting in one of Chelyabinsk private schools, in which I am implementing an arts-based approach in teaching English as a Foreign Language to lower middle school students. When I started looking for a research method that would lend itself particularly well to the analysis of data, which mostly consisted of my teacher journal entries and classroom observations conducted with the help of video-recordings, I realized that Narrative Inquiry in combination with Arts-Based Research in its graphic novel form would be the perfect fit for my study. In this article I will outline the major tenets of these research methods and describe some of their applications in the area of second and foreign language educational research. First of all, I am going to position narrative as a qualitative method of inquiry.

Following Ferdinand De Saussure (1916), who introduced the paradigmatic versus syntagmatic dichotomy in the theory of language, Bruner [1] holds that there are two major cognitive ways of constructing reality: paradigmatic and narrative. Although complementary to each other, these two modes of thought are distinctly different. The paradigmatic way of organizing reality is based on

logical arguments that seek to identify “the truth” among a few “possible truths” [1. P. 11] and prove its objective and universal nature with the help of empirical evidence. In contrast, the narrative way of explaining experiences appears in the form of a story and does not aim to find empirical proof in order to validate certain phenomena but, rather, attempts to convince through the story’s “verisimilitude” to life, or its “lifelikeness” [1. P. 11]. Researchers in the field of narrative inquiry [3, 10] maintain that because people structure the cognition of their lived experiences narratively, the narrative approach advocates the idea of studying people and phenomena (such as foreign language education) narratively. In other words, since human experiences of phenomena, such as learning and/or teaching, are mostly realized in stories, narrative research not only helps to understand human experiences in all their complexity but also provides an opportunity to represent these experiences in stories [2, 10].

Narrative as a story is defined by Polkinghorne as any text where “events and actions are drawn together into an organized whole by means of a plot” [9. P. 7]. Graphic novel, being one of such narrative, story-telling techniques and possessing the same ability to persuade through “verisimilitude”

to life, albeit with the help of visual images instead of words, lends itself as a compelling method for studying and representing human experiences and social phenomena.

The idea of using a pictorial narrative as a methodology to drive my research in terms of collecting and analyzing data, as well as documenting my research findings, was prompted by Galman's article, *The Truthful Messenger: Visual Methods and Representation in Qualitative Research in Education*. The researcher discusses the use of the graphic novel form as a collaborative visual text in data collection, analysis and presentation. According to Galman, graphic novel is a form that can handle well the complexity of participant data. Addressing the problems of representation in qualitative research, she argues that "in working with rich, descriptive data sets, qualitative researchers must also be both 'artists' and 'messengers'" [5. P. 197]. Indeed, taking into consideration the minutely-descriptive character of qualitative research, would it not be more accurate for a researcher who is not a novice in visual art to actually draw the participants' portraits in pencil, instead of describing them verbally? After all, language descriptions can mean different things to different readers, whereas a pictorial portrait is much less ambiguous. On the other hand, the use of photographs can be restricted by the Institutional Review Board's policies regarding the anonymity of human subjects, whereas drawn illustrations provide the necessary incognito status to the study participants.

Another problematic question of qualitative research is how to best represent participant voices and their experiences. Galman argues that visual methods can become ways of presenting multiple voices and ideologies and balancing the dual role of researcher "as artist and messenger" [5. P. 198]. Stating that the majority of work in visual anthropology is related to the use of photography and film, Galman calls for more attention towards the graphic novel form, which "can be a unique, highly flexible tool for the examination, understanding, and representation of cultural phenomena, including participant data in educational research" [5. P. 199].

At this point, it might be necessary to define the graphic novel genre. Galman defines graphic novels in their relation to comic books. In general, graphic novels share with comics their structural characteristics: they are usually "a sequence of panels where images are presented contiguous with text" [5. P. 201]. The difference between comics and graphic novels lies mostly in that comics usually have sequels and are series of short narratives,

often published monthly, whereas a graphic novel is a complete book, with a beginning, middle, and end. Also, comics are mostly created for entertainment purposes, while graphic novels can address any topics, including "politics, daily life, and autobiography in creative, often sober composition and style" (LeFevre, 2000, as cited in Galman, p.201).

The fact that comics do not belong to "fine arts" and have so far escaped rigid standardization makes them a flexible tool for data presentation. Galman dismisses the fears expressed by some scholars that the still undefined character of graphic novels can lead toward opportunism and low standards of aesthetic quality by maintaining that this "flexibility is an asset, making the genre more useful for the researcher" [5. P. 199].

However, the status of graphic novel as a legitimate academic text in the modern day academia has not been firmly established yet and, although graphic novel has been accepted as a legitimate form of popular literature, "this does not necessarily translate to academic legitimacy" [5. P. 201]. On the other hand, it shows that the graphic novel form as research method is still relatively new and, as such, has a promising future.

Finally, I would like to review a few examples of pictorial narratives that have been used to date in academia. A little graphic novel research piece by Manrique [7] presents a rather brief account of a qualitative study involving five participants, who were reading popular autobiographical graphic novels and discussing their reactions to them in a group. The author used the graphic novel form to represent the participants and the discussion process. Visual representation undoubtedly adds a whole new dimension to the study and one can feel that, without them, the piece would not be worthy of attention.

Mulholland shares his own experiences of using self-created comics as an art therapy tool. Drawing comics and expressing himself through his characters helped him during his early life to overcome fears and insecurities as well as alleviate his grief in later life. He maintains that comics can be used as a therapeutic device by adults and children alike but children can relate to this medium better since they are more familiar with them. Mulholland points out that comic books provide their creators a wide range of resources to aid their mental health by allowing "for expression of the self in terms of body image, verbal expression, physical action, and emotion" [8. P. 43]. In terms of a long-term action research, students creating their own pictorial autobiographies in L2 classrooms will be able not only to "release some of the negative

aspects of their feelings in a constructive and creative manner” [8. P. 43] but also to overcome their foreign language anxiety.

Hughes, et al. [6] examine how literacy skills develop and how image, text, and sound converge to make meaning in the process of students creating multimodal sequential art panels in the style of graphic novels. In that project, the teacher-researchers worked with 12 adolescent students, ages 15 to 17, in two different programs at separate locations. Using video, photo, and other material artifacts from classroom sessions, semistructured interviews with selected students, and field journals, the researchers conducted an in-depth qualitative analysis of the classroom-based learning. The authors used narratives to describe each of their participants, their involvement in the project, and their creations. In addition, they support their descriptions with sample pages from students’ graphic novels.

Danzak discusses his implementation of graphic self-narratives in ESOL classrooms. Describing his Graphic Journeys Project, he maintains that identity is not expressed through a story but is a story itself and so, it is comprised of narratives “that people create for themselves and others” [4. P. 188].

The Graphic Journeys project, in which English learners in a US middle school narrated the immigration accounts of their families through graphic stories and comics, was six months long. The author emphasizes the engagement of English learners in the multimedia writing project as well as the project’s role in helping students struggling with English language acquisition and aspects of U.S. culture to have success in the composition process. The author describes the structured preparation of EL students for the final project: from graphic novel read-alouds to composing and drawing pictorial stories and peer editing of the final projects. The author draws special attention to the concept of multiliteracies, which refers to a critical understanding of literacy in light of multiplicity, as well as the role of graphic novels in education, the value of incorporating multiple modes of communication, and family involvement in the project.

Describing the Graphic Journeys project in the context of “identity-as-narrative and multiliteracies framework” [4. P. 188] and discussing the project results’ implications, Danzak also uses narrative as a method of inquiry and data representation. The prolonged time-frame (6 months) of the project and the fact that the project finally resulted in the publication of students’ Graphic Journeys

as a compilation of illustrated immigration narratives, which allowed the ESOL learners to share their stories with each other, their families, and members of the school and local community, place this study under the umbrella of action research. This study is a successful example of blending the narrative method with Arts-Based research and action research approach.

This brief overview of narrative method and its graphic novel variety is instrumental in the preparation for the analysis and representation of my study data. Both methods can be used by creatively minded researchers who do not look to convince through statistical data or an elaborate coding system but, rather, through lifelikeness of the representation of their findings.

References

1. Bruner, J. *Actual minds, possible worlds*. Massachusetts: Harvard University Press, – 1986.
2. Carter, K. The place of story in the study of teaching and teacher education. *Educational Researcher*. – 1993. 22 (1). – P. 5–18.
3. Connelly, F. M., & Clandinin, D. J. Stories of experiences and narrative inquiry. *Educational Researcher*. – 1990. 19 (5). – P. 2–14.
4. Danzak, R. Defining identities through multiliteracies: EL teens narrate their
 - a. immigration experiences as graphic stories. *Journal of Adolescent & Adult Literacy*. – 2011. 55 (3). – P. 187–196.
5. Galman, S. The truthful messenger: Visual methods and representation in qualitative research in education. *Qualitative Research*. – 2009. – 9 (2). – P. 197–217.
6. Hughes, J. M., King, A., Perkins, P., & Fuke, V. Adolescents and “autographics”: – 2011.
 - a. Reading and writing coming-of-age graphic novels. *Journal of Adolescent & Adult Literacy*. – 54(8). – P. 601–612.
7. Manrique, M. M. Sharing our life experiences through autobiographical graphic novels. *Visual Arts Research*. – 2012. P. 99–107.
8. Mulholland, M. J. Comics as art therapy. *Art Therapy Journal of the American Art Therapy Association*. – 2004. 21 (1). – P. 42–43.
9. Polkinghorne, D. E. Narrative configuration in qualitative analysis. *International Journal of Qualitative Studies in Education*. – 1995. 8 (1). – P. 5–23.
10. Riessman, C. K. *Narrative methods for the human sciences*. Thousand Oaks, California: Sage. – 2008.

Ю. В. Баканова*Военный Учебно-научный Центр
Военно-Воздушной Академии ВУНЦ ВВА
(Челябинск, Россия)*

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ДИСКУРСУ

THE MAIN AREAS OF PROFESSIONAL MOTIVATION FORMATION IN TRAINING MILITARY PROFESSIONAL DISCOURSE

В статье обсуждаются вопросы формирования профессиональной мотивации курсантов авиационного вуза при обучении военно-профессиональному дискурсу. Целью обучения по дисциплине «Авиационный английский язык» является формирование профессиональной компетентности военных специалистов. Автор статьи приводит примеры интенсификации подготовки по иностранному языку посредством участия курсантов в научно-исследовательской работе. Для интенсификации образовательного процесса необходимо совершенствование военно-профессиональной направленности обучения иностранному языку, в том числе и использование интерактивных методов обучения.

The article discusses the formation of professional motivation of cadets during aviation military-professional discourse training. The purpose of training on the discipline "Aviation English" is the formation of professional competence of military specialists. The author gives examples of the intensification of training a foreign language through the participation of cadets in research work. To intensify the educational process it is necessary to improve the military-professional orientation of foreign language teaching, including the use of interactive teaching methods.

Ключевые слова: *дискурс, межкультурная коммуникация, профессиональная мотивация, интерактивные методы, профессиональная деятельность.*

Keywords: *discourse, intercultural communication, professional motivation, interactive methods, professional activity.*

На современном этапе развития нашей страны значительно усилились процессы глобализации и интеграции, возросло значение информационного обмена, получила интенсивное развитие международное сотрудничество в разных областях деятельности, в частности, в военно-политической сфере.

Знание иностранного языка при расширении международных связей стало объективной потребностью общества, без которой оно не может полноценно функционировать и развиваться.

На протяжении долгого времени в нашей стране доминирующим оставался лингвистический подход к переходу, тщательно анализировались соответствия исходного текста и текста перевода на примере различных пар языков, в то время как во многих западноевропейских странах основное внимание при обучении переводу было направлено на этап понимания иноязычного текста. Оба этих компонента являются важными для изучения

иностранного языка, поэтому на сегодняшний день межкультурная коммуникация основывается на единстве формы и содержания новых коммуникативных, культурологических и языковых условиях [2].

В ходе подготовке будущих военных специалистов в сфере международного сотрудничества следует наметить цели обучения, средства их достижения, контроль результатов.

Важнейшими направлениями при обучении иностранному языку в военных вузах является формирование навыков и умений профессионально-ориентированного дискурса, который может возникнуть при непосредственном контакте с военнослужащими других стран.

В ходе подготовке будущих военных специалистов необходимо создание базовых знаний, умений и навыков, а именно:

— знание иностранных военных терминов, правил ведения допроса военнопленных, состава и военно-политических целей, основных военно-политических блоков, а также особен-

ностей военно-географического, военно-политического и военно-экономического состояния страны, изучаемого языка;

– умения устного и письменного перевода с русского языка на иностранный и с иностранного на русский текста военного, военно-политического содержания, перевода с иностранного языка на русский боевых документов, достижения смысловой, стилистической и прагматической адекватности перевода.

Таким образом, целью обучения является формирование профессиональной компетентности обучающегося, которая определена как готовность и способность передавать (как в письменной, так и в устной форме) информацию профессиональной направленности с одного языка на другой с учетом различия между двумя текстами, коммуникативными ситуациями и культурами.

В соответствии с дискурсивным подходом обучение иностранным языкам с учетом применения знаний, умений и навыков в профессиональной деятельности осуществляется на основе специального дискурса, его подвидов и жанров.

Процесс обучения будущих военных профессионалов основывается на дидактических (общих) для обучения в вузе и методических (специфических для обучения иностранному языку) принципах.

Формирование профессиональной мотивации при обучении иностранным языкам будущих военных специалистов, участвующих в осуществлении военно-политического дискурса подразделяется на несколько этапов:

1) профессиональная ориентация, перевод иностранного профессионально-ориентированного текста с учетом лингвистических и экстралингвистических особенностей перевода;

2) интерпретация иноязычного профессионально-ориентированного текста с дискурсивных позиций, реферирование и аннотирование текстов профессиональной направленности;

3) создание текста перевода на родном языке на основе понятного иноязычного текста;

4) коррекция и анализ поделанной работы с учетом разработанной стратегии и требований заказчика.

Обучение иностранному языку должно быть органично связано с военно-специальной подготовкой обучаемых, с их будущей профессиональной деятельностью. В стенах учебного заведения курсанты должны овладеть не только иностранным языком, но и приемами работы над иностранной литературой, специальной

терминологией и т.п. Это возможно осуществить только при тесной связи обучения иностранному языку с обучением военно-специальным дисциплинам.

Процесс обучения в военном вузе – это процесс «взаимодействия преподавателя и курсантов, направленный на развитие познавательной и творческой активности субъектов учебного процесса, выработку самостоятельной, инициативной позиции на основе использования инновационных педагогических технологий» [1. С. 17].

Специфика военного вуза связана со строгой регламентацией жизни и процесса обучения, в частности. Задача преподавателя – заинтересовать обучающихся, создать на занятии условия для осуществления когнитивной деятельности и проявления творческих способностей каждого курсанта.

Для этого необходима активизация и развитие познавательной и творческой деятельности обучающихся, повышения результативности учебного процесса, формирование профессиональных компетенций.

Одним из основных компонентов иноязычной подготовки курсантов является развитие иноязычной речевой деятельности курсантов.

Развитие иноязычной речевой деятельности обучаемых представляет собой целенаправленный процесс, как формирования, так и преобразования речевой деятельности, в ходе которого отработка речевых действий приводит к формированию речевых умений и навыков, что в свою очередь повышает качество образования курсантов.

Поскольку овладение иностранным языком и формирование навыков самостоятельной работы предполагает сознательное усвоение материала, основанное на мотивированности интеллектуальной деятельности, необходимо соблюдение определенных условий, способствующих созданию высокой мотивации учебного процесса, а именно:

– совершенствование военно-профессиональной направленности обучения иностранному языку;

– обеспечение высокой информативности современности и актуальности учебных материалов;

– использование разнообразных конкурсов и олимпиад и других творческих мероприятий с четко продуманной концепцией, которые бы способствовали бы развитию у курсантов интереса к иностранному языку и творческих способностей.

Задача активизации познавательной деятельности курсантов состоит в том, чтобы повысить эффективность усвоения материала и способствовать развитию их творческого мышления.

Важна связь содержания изучаемого материала на иностранном языке с научными и специальными проблемами, интересующими обучающихся. Она возникает при работе курсантов во ВНО (военно-научном обществе) их участия в научно-исследовательской работе (НИР), проводимых спецкафедрами при выполнении курсового и дипломного проектирования. Спецкафедры факультетов при подборе курсантам тем для выступлений на заседаниях кафедр и ВНО, тем курсовых и дипломных проектов учитывают рекомендации кафедры иностранных языков.

Работа в военно-научном кружке включают в себя лекционные и индивидуальные занятия, участие в конкурсах и конференциях. Лекционные занятия имеют целью ознакомить курсантов с общими вопросами языкознания, заложить основы владения военной терминологией, сформировать умения и навыки основных видов перевода, реферирования и аннотирования военных материалов. Научные руководители проводят консультации с курсантами по подготовке к публикации научных статей, выступлений на конференциях филиала.

Результаты своих исследований курсанты могут представить на ежегодной военно-научной конференции курсантов филиала учебного центра Военно-Воздушной Академии. Конференция проводится по различным направлениям и включает пленарное и секционные заседания. По итогам работы конференции выпускается сборник научных статей.

Лингвистическая подготовка курсантов в нашем учебном центре осуществляется на базе кафедры иностранных языков. Однако объем часов на изучение иностранного языка, различный уровень базовой школьной подготовки обучаемых и другие факторы зачастую не позволяют кафедрам осуществить языковую подготовку на высоком уровне.

Такая ситуация обусловила необходимость обращения особого внимания на поиск возможных путей интенсификации подготовки по иностранному языку посредством внедрения инновационных технологий обучения, повышения качества их самостоятельной работы.

Наиболее приближенными к профессиональной деятельности будущего авиационного специалиста являются интерактивные методы

обучения в специально созданных ситуациях иноязычного общения. Такие методы обучения в обязательном порядке используются при изучении дисциплины «Авиационный английский язык».

Дисциплина «Авиационный английский язык» изучается в течение седьмого, восьмого и девятого семестра. Процесс изучения данной дисциплины направлен на формирование способности решать профессиональные задачи с использованием английского языка в части авиационного английского языка.

Учебный материал дисциплины представлен в виде коммуникативного минимума авиационной специальности, который включает языковой материал, образцы диалогов радиобмена и монологические высказывания, темы и ситуации общения, связанные с профессиональным аспектом деятельности авиационного специалиста [3].

В основу обучения положены: компетентностный подход в организации учебного процесса и коммуникативный подход для определения содержания уровней владения авиационным английским языком и профессионально-ориентированное обучение с использованием в учебном процессе активных и интерактивных форм проведения занятий (деловых и ролевых игр, разбор конкретных ситуаций).

Обучение дисциплине подразделяется на два взаимосвязанных этапа.

Цель первого этапа – сформировать базовые умения и навыки ведения радиотелефонной связи. Задачами первого этапа являются:

- знакомство с основными правилами ведения радиообмена;
- ознакомление с особенностями подязыка радиотелефонной связи;

Задачами второго этапа обучения являются:

- совершенствование умений вести радиотелефонную связь на основных этапах полета и при работе в экстремальных условиях;
- совершенствование навыков ведения беседы по авиационной тематике.

В процессе обучения курсантов на кафедре иностранных языков применяется комплекс дидактических средств обучения: учебные схемы и карты аэродромов, работа в лингафонных кабинетах и на учебных тренажерах, которые позволяют успешно использовать нетрадиционные методы обучения и инновационные средства обучения.

Система тренировочных упражнений, выполняемых в лингафонном классе, использование записей «живого радиобмена» (ком-

муникации, записанной в эфире), выполнение упражнений на аудирование позволяет автоматизировать усвоенные фразеологические единицы и создать условия, приближенные к реальным, а работа на тренажере – уменьшить влияние внешних факторов, затрудняющих коммуникацию.

Образовательная функция интерактивных методов в обучении иностранному языку очень значима, поскольку она позволяет задать в обучении предметный и социальный контексты будущей профессиональной деятельности и тем самым смоделировать более адекватные по сравнению с традиционным обучением условия формирования личности специалиста.

Таким образом, всестороннее изучение образовательного процесса обучения иностранным языкам в контексте осуществления военно-профессионального дискурса в условиях межкультурной коммуникации требует всесторонней разработки в плане концептуаль-

ной политики, а также в самой специфике процесса обучения.

Список литературы

1. Бережная, И. Ф. Активизация процесса обучения курсантов в военно-научных заведениях на основе применения модульно-рейтинговой технологии / И. Ф. Бережная, А. В. Столяров // Перспективы науки. – № 1(17). – 2011. – С.16–19.
2. Образцов, П. И. Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку на неязыковых факультетах вузов : учеб. пособие / П. И. Образцов, О. Ю. Иванова. – Орел : Изд-во Орл. гос. ун-та ОГУ, 2005. – 114 с.
3. Рыбина, Е. В. Радиотелефонные коммуникации по этапам полета: учеб. пособие. В 3 ч./ Е. В. Рыбина, О. А. Исакова, И. М. Власова. – Челябинск: ВУНЦ ВВС «ВВА» (филиал, г. Челябинск), 2013. – Ч.1 – 106 с.

Е. Н. Басовская

*Российский государственный гуманитарный университет
(Москва, Россия)*

ВНИМАНИЕ, СОВЕТИЗМЫ! (СЕМАНТИЧЕСКИЙ, СТИЛИСТИЧЕСКИЙ, ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

ATTENTION, SOVIETISMS! (SEMANTIC, STYLISTIC, LINGUO-DIDACTIC ASPECT)

Статья посвящена анализу функционирования советизмов в современной русскоязычной коммуникации. Автор сопоставляет существующие толкования понятия «советизм», предлагает классификацию слов данной группы, рассматривает экспрессивный потенциал советизмов и коммуникативные барьеры, создаваемые ими в межвозрастном общении. Высказывается идея создания словаря советизмов и лингвокультурологического комментирования текстов, в которых они используются.

The article analyzes the functioning of so-called “sovietisms” in modern Russian communication. The author compares the existing interpretation of the term “sovietism”, proposes a classification of words of this group, considers the expressive potential of sovietisms and communication barriers that are created by them in inter-generational communication. The article proposes the idea to create a dictionary of sovietisms and to make linguistic and cultural commentary to the texts in which they are used.

Ключевые слова: советизм, коммуникативный барьер, экспрессивный потенциал, идеологема, устаревшие слова, лингвокультурологический комментарий, газета МК.

Keywords: sovietism, communication barriers, expressive potential, ideologeme, the obsolete words, linguistic and cultural commentary, the newspaper MK.

О межкультурной коммуникации принято говорить прежде всего в случае взаимодействия представителей различных национально-лингвистических сообществ. Именно в общении «детей разных народов» традиционно выявляются коммуникативные барьеры, определяемые несовпадением культурного фона слов, национально специфичных знаков, запаса прецедентных феноменов, стереотипов речевого поведения и т.п. [подробнее об этом см., например: 4, 11]. Значительно меньшее внимание исследователи уделяют аналогичным явлениям, возникающим в процессе межвозрастной, межпоколенческой коммуникации. Тем временем острота и болезненность непонимания свойственны в первую очередь именно общению тех, кто формально принадлежит к одной культуре и потому не настроен на преодоление коммуникативных барьеров.

В современной России вечный конфликт «отцов и детей» значительно усилен объективным столкновением цивилизаций – советской и постсоветской и, соответственно, сформированных ими сознаний и языковых компетенций. Причем в данной ситуации, когда в контакт вступают носители одного национального языка, но двух различных его модификаций, участникам общения бывает чрезвычайно сложно предусмотреть возможность существенных коммуникативных сбоев. Так, есть основания предполагать, что составители демонстрационной версии ЕГЭ по русскому языку, размещенной на сайте Федерального института педагогических измерений, не приняли во внимание особенность интерпретации сегодняшними школьниками предложенного для анализа текста Ф.А. Вигдоровой, в котором, в частности, говорится: «Мужество бывает одно. Оно требует, чтобы человек умел преодолевать в себе обезьяну всегда: в бою, на улице, на собрании» [2]. Общий смысл данного высказывания, безусловно, доступен современному старшекласснику. Но высокий авторский пафос вряд ли может быть воспринят читателем, не имеющим представления об ассоциативном ореоле существительного *собрание* в русском языке советского периода. Молодой носитель русского языка в начале XXI века способен представить себе, например, родительское собрание, но никак не комсомольское или партийное собрание, которое, вероятнее всего, имела в виду Ф.А. Вигдорова и поведение на котором действительно требовало от советского человека исключительного мужества.

Сказанное заставляет задуматься об актуаль-

ности изучения особого лексического пласта – советизмов, не только массово встречающихся в текстах соответствующей эпохи, но и активно функционирующих в современной русской речи. Адекватное понимание советизмов, знание (пусть даже приобретенное из учебной и справочной литературы) их стилистической окраски и коннотаций есть одно из условий полноценного общения молодого носителя языка с представителями старшего поколения и восприятия значительной части литературных произведений, в том числе входящих в школьную и вузовскую программу.

Анализ советизмов следует начать с определения понятия. Уже на этом этапе исследователя подстерегают значительные трудности. Упоминания советизмов в научных трудах довольно многочисленны, но в толковании термина не наблюдается даже относительного единства. В литературе обнаруживается узкое понимание советизмов как слов, характерных для «*публичного языка советского времени*», официального политического словаря советской власти (*ликбез, загнывающий Запад, осознать ошибку, ограниченный контингент советских войск* и др.) [13].

При некотором расширении объема понятия к советизмам относят и лексику «языкового сопротивления» [1, 5] – слова, словосочетания, иронически, саркастически, пародийно переосмысливающие официальную фразеологию (*авоська, глушилка, кэзэбэшник, подписант, тамиздат* и др.).

Наконец, широкое толкование советизмов предполагает охват всех лексических и фразеологических единиц, обозначающих «реалии, специфически характерные для советской эпохи» [9. С. 110]. В таком случае к числу советизмов принадлежат и бытовые номинации, лишенные идеологического содержания (*выбросить, достать, Исполком, получка, ящик* в значении «закрытый НИИ» и др.) [такой подход отражен, в частности, в 6].

Широкое понимание термина *советизм* представляется оптимальным. По мере удаления от эпохи, породившей данный лексический пласт, его восприятие молодыми носителями языка все более осложняется вне прямой зависимости от идеологических компонентов значения. В то же время для представителей старшего поколения весь специфически советский лексический фонд не только сохраняет большую выразительную силу (как при использовании в прямом значении, так и при ироническом обыгрывании), но и окрашивает-

ся в ностальгические тона, приобретая новые эмоциональные оттенки.

Как пример разнообразия форм функционирования советизмов в современной речи можно привести фрагменты из текстов популярной газеты МК. Советизмы первой группы, или советизмы-идеологемы, используются журналистами и как историзмы, и как актуальные иронические номинации. Так, отсылка к официальному советскому дискурсу содержится в утверждении: «Выпускники советских школ и вузов без труда вспомнят, что империализм, согласно учению Владимира Ленина, – «высшая стадия капитализма», загнивающий капитализм» (МК. 29.10.2012. Подчеркнуто мною. – Евг. Б.).

Упоминается в газете и использование того же идеологического ярлыка, но в переосмысленном варианте, в роли одного из средств языкового сопротивления: «Если Европейский союз и «приказывает долго жить», то только в духе старых советских анекдотов про «постоянно загнивающий Запад» (МК. 18.01.2016. Подчеркнуто мною. – Евг. Б.). Показательно, что аналогия между заявлениями советской пропаганды о загнивании Запада и ряда сегодняшних российских СМИ о скором распаде Евросоюза реанимирует не столько сам советизм, сколько его дополнительные экспрессивные потенции, способность при буквализации или включении в парадоксальный контекст порождать сильный комический эффект, враждебный безусловно серьезному официальному дискурсу. По точному замечанию Б.М. Сарнова, языковое сопротивление представляет собой серию «юмористических (а то и саркастических) реакций народного сознания на мертворожденные конструкции заместившего и изуродовавшего живой язык новояза» [12. С. 14].

Как форма речевой защиты от пропагандистского воздействия советизм выступает и тогда, когда применяется для обозначения новейших реалий и негативной оценки российской социально-экономической ситуации: «Нетрудно поверить, что нынешнее руководство страны действительно искренне стремится построить в России капитализм. При этом за неимением практики и лучших учебников представление о капитализме оно сформировало по учебнику политэкономии 1954 года выпуска. Если так, то можно констатировать достижение полного успеха. Загнивающий монополистический империализм у нас построен» (МК. 9.10.2015. Подчеркнуто мною. – Евг. Б.).

Показательно: советизация причастия/при-

лагательного *загнивающий* зашла так далеко, что Национальный корпус русского языка вообще не фиксирует в текстах XXI века использования этого слова в прямом значении или в контекстуально метафорическом, что встречается, хотя и не часто в материалах дореволюционного периода: «Дерево, обыкновенно липу или клен, выбирал самого ровного белого цвета, выросшее на месте высоком, сухом, и потому не легко загнивающее...» (Д.С. Мережковский. Воскресшие Боги. Леонардо да Винчи. 1901); «Индивидуализм, эта язва нашей образованности, есть созревший и даже загнивающий плод понятия об единице, существующей самостоятельно в природе (Д.И. Менделеев. Заветные мысли. 1903-1905) [8].

Многочисленные примеры вхождения слова *загнивающий* в такие микроконтексты, как *загнивающая буржуазная культура*, *загнивающая Европа*, *загнивающая система*, *загнивающая структура*, *загнивающий Запад* и т.п., свидетельствуют о высокой востребованности данной метафоры и шире – открытого советской пропагандистской речью направления метафоризации глагола *загнивать* и соответствующего причастия. Продуктивность рассмотренной метафорической модели – лишь отдельное проявление общей тенденции: советский новояз остается по сей день важным ресурсом речевой, прежде всего – публицистической экспрессии.

Значительно скромнее сегодняшняя роль бытовых, неидеологизированных советизмов. Некоторые из них, такие как *авоська* и *получка*, стали частью живой разговорной речи. Журналисты используют их для достижения стилистического эффекта непринужденности, фамильярности, иногда – грубоватости: «Игроки... стукнули кулаком по столу: «иде наша получка?!» И «получка» незамедлительно была выплачена, а иначе как же реализовывать уже озвученные кубковые амбиции?» (МК. 20.01.2016. Подчеркнуто мною. – Евг. Б.). В данном фрагменте интересно заключение слова *получка* в кавычки, подчеркивающее его принадлежность речи героев, а не автора, закреплённость за пространством разговорной коммуникации.

Часть бытовых советизмов, подобно другим устаревшим словам, применяется для создания исторического колорита, стилизации, речевой и даже поведенческой характеристики людей старшего поколения: «Одна бабулька, порывшись в старенькой сумочке, находит необходимую сумму мелочью: пятакки, двушки, мелкие

желтые монетки...» (МК. 13.02.2013. Подчеркнуто мною. – Евг. Б.). Несмотря на то что речь идет о современных монетах и журналист специально подчеркивает: «В принципе, даже однокопеечные монеты пока никто не отменял – это денежные знаки Российской Федерации», – образы *пяточка* и *двушки* естественно сочетаются именно с образом *бабульки* – человека из советского прошлого.

Таким образом, интенсивность и вариативность использования советизмов в современной русской речи, в частности – публицистической, заставляют вновь поставить вопрос о создании специального лингвистического словаря. В отличие от «Толкового словаря языка Совдепии» новое издание должно представить советизмы не в диахронном, а в синхронном аспекте – как элемент сегодняшней лексической системы и важное средство речевой выразительности. В этом направлении сделаны определенные шаги [3, 10]. Но требуется дальнейшая работа, которая объединит специалистов по лексикографии, стилистике, истории русского литературного языка и медиалингвистике.

Помимо составления словаря советизмов исключительно актуально лингвокультурологическое комментирование художественных и публицистических текстов, особенно входящих в школьную программу, а также предлагаемых для анализа на Едином государственном экзамене. Такая работа призвана остановить или хотя бы замедлить процесс разрастания коммуникативной пропасти между поколениями и содействовать сохранению единого русскоязычного культурного пространства.

Список литературы

1. Вежбицка, А. Антитоталитарный язык в Польше: механизмы языковой самообороны / А. Вежбицка // Вопросы языкознания. – 1993. – № 4. – С. 107-125.
2. Демоверсии, спецификации, кодификаторы ЕГЭ 2016 – URL: <http://www.fipi.ru/ege-igve-11/demoversii-specifikacii-kodifikatory>
3. Козинец, С.Б. Словарь советизмов: наименование лиц: пробный выпуск / С.Б. Козинец. – Саратов: Наука, 2009. – 70 с.
4. Красных, В.В. Этнопсихоллингвистика и этнокультурология / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
5. Купина, Н.А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции / Н.А. Купина. 2-е изд. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – С. 121-173.
6. Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии / В.М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
7. МК.ru: Электронное периодическое издание. – URL: <http://www.mk.ru/>
8. Национальный корпус русского языка. – URL: <http://ruscorpora.ru/>
9. Павлова, С.В. Антисоветский советизм (лексема «самиздат» в современной прессе) / С.В. Павлова // Вестник РГГУ: Научный журнал. Сер. Журналистика. Литературная критика. – 2010. - № 8. – С. 109-117.
10. Пихурова, А.А. Судьба советизмов в русском языке конце XX – начала XXI века: На материале словарей и текстов: диссертация ... канд. филол. наук / А.А.Пихурова. – Саратов, 2005. – 214 с.
11. Прохоров, Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. 5-е изд./ Ю.Е. Прохоров. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 224 с.
12. Сарнов, Б.М. Наш советский новояз. Маленькая энциклопедия реального социализма / Б.М. Сарнов. – М.: Материк, 2002. – 600 с.
13. Чудакова, М.О. О советском языке и словаре советизмов / М.О. Чудакова // Тыняновский сборник. Вып. 12. – М.: Водолей Publishers, 2006. – С. 490-503.

И. А. Бобыкина

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
ДЛЯ НОВЫХ РЕАЛИЙ РОССИИ¹STRATEGIC OBJECTIVES OF HIGHER EDUCATION
IN NEW REALIETS OF RUSSIA

В статье рассматриваются вопросы модернизации высшего образования, направленной на его реформатирование в соответствии с реалиями развития современного российского общества новой эпохи, глобализацией и информатизацией. Анализируются стратегические задачи, принципиально значимые при реализации системных преобразований, в частности, развитие кадрового потенциала для повышения конкурентоспособности России; развитие личности обучающегося в целях удовлетворения ее образовательных потребностей; качественное изменение профессиональной позиции преподавателя вуза. Рассматриваются ключевые проблемы в ракурсе расширяющихся возможностей инновационного развития отечественного высшего образования. Обозначается актуальность реализации инновационной образовательной модели на основе современных подходов.

The article deals with the issues of modernization of higher education, aimed at its reformation in accordance with the realities of modern Russian society of a new era, globalization and Informatization. Analyzed strategic goals, fundamentally important in the implementation of systemic change, in particular, the development of human resources to improve the competitiveness of the Russian economy; development of student's personality in order to accommodate her educational needs; a qualitative change in professional positions of University teachers. Discusses key issues from the perspective of expanding opportunities for innovative development of domestic higher education. Indicated the urgency of realization of innovative educational model based on modern approaches.

Ключевые слова: конкурентоспособность, качество высшего образования, виртуализация сознания, научно-педагогический потенциал.

Keywords: competitiveness, quality of higher education, virtualization of consciousness, scientific and pedagogical potential.

¹ Работа выполнена при поддержке Фонда перспективных научных исследований ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет» (2016 г.).

Согласно Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» основная цель высшего образования заключается в обеспечении подготовки высококвалифицированных кадров по всем направлениям общественно полезной деятельности в соответствии с потребностями общества и государства, удовлетворении потребностей личности в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии, углублении и расширении образования, научно-педагогической квалификации [8]. Исходя из целевой установки, можно выделить условно три стратегические задачи современного высшего образования:

– формирование и развитие интеллектуального, научно-технического, кадрового потен-

циала для устойчивого роста и конкурентоспособности экономики России;

– развитие личности обучающегося посредством социализации и инкультурации (приобщение к ценностям; освоение менталитета, норм поведения и др.) для стабилизации и развития общества;

– повышение уровня профессионализма педагогических кадров, способных обеспечить высокое качество российского высшего образования, развивающего человеческий потенциал и удовлетворяющего текущие и перспективные потребности социально-экономического развития России.

Как сложноорганизованный социальный объект, система высшего образования находит-

ся в тесных связях с внешней средой, в которой она существует и развивается. В современных условиях культурно-цивилизационного кризиса очевидной реальностью развития современного общества является глобализация во всех сферах жизнедеятельности и, как следствие, усиление конкуренции мирового формата между работодателями за высококвалифицированные кадры на складывающемся едином рынке труда. В свою очередь, вектор развития конкурентоспособности российской экономики на мировом уровне порождает новые требования к системе профессиональной подготовки кадров. Примечательно, что в образовательной сфере в последние годы осуществляются аналогичные интегративные процессы по созданию мирового образовательного пространства, обострившие проблему качества и конкурентоспособности российского высшего образования.

Как показывают результаты отечественных и международных сопоставительных исследований, сложившаяся ситуация в российской системе высшего образования требует кардинальных структурно-организационных и содержательных преобразований в соответствии с условиями развития РФ и с учетом опыта высокоразвитых стран. С этой целью в последнее десятилетие предпринят ряд важных мер по модернизации и интеграции отечественного профессионального образования в международное образовательное пространство:

- вхождение России в Болонский процесс и внедрение Болонских договоренностей (уровневая система подготовки профессиональных кадров – бакалавриат – магистратура; международные подходы к профессиональной подготовке, единые показатели качества высшего образования и др.);
- утверждение Федеральных государственных стандартов нового поколения, профессиональных стандартов и образовательных программ, учитывающих требования рынка труда;
- создание сети ведущих вузов страны (национально-исследовательских, федеральных, опорных);
- создание базовых кафедр;
- развитие международного сотрудничества и расширение возможностей мобильности научно-педагогических работников и обучающихся в рамках единого образовательного пространства;
- финансовая и иная поддержка взаимодействия университетов с работодателями, институтами гражданского общества, научными и

иными заинтересованными организациями, в том числе международными;

- коммерциализация результатов научной и образовательной деятельности;
- распространение системы непрерывного образования (LLL – Life Long Learning – «образование на протяжении всей жизни») и др.

Вместе с тем, следует признать, что эффект названных мероприятий ограничивается лишь несколькими десятками российских вузов. Ситуация в субъектах РФ в целом свидетельствует о том, что, несмотря на уже многолетнюю историю реформирования, качественные изменения в высшей школе сопряжены с большими трудностями и оставляют желать лучшего. В первую очередь, речь идет о недостатке стимулов к повышению качества. К тому же на государственном уровне российская система независимой оценки качества высшего образования является до сих пор незавершенной. Все это постепенно формирует негативную тенденцию образования сегмента вузов, которые усиливают социальную и культурную дифференциацию вследствие неравенства в оказании качественных образовательных услуг, оставаясь закрытыми для своих заказчиков и неконкурентоспособными с новыми образовательными системами, в том числе с системой корпоративной подготовки (корпоративные университеты, тренинговые компании, системы внутрифирменной подготовки кадров) [2].

Нельзя не отметить в этом контексте и сложившееся противоречие между повышением качества с обеспечением доступности высшего образования. Общеизвестно, что большинство абитуриентов вузов поступают с низкими баллами единого государственного экзамена и ориентируются прежде всего на экономически выгодные или престижные профессии, порой несоответствующие их природным задаткам и профессиональной ориентации. Основная причина столь масштабного снижения качества российского образования заключается, предположительно, в смене традиционной образовательной модели на инновационную модель в связи с переходом социума на новую эволюционную фазу развития. Основанием перехода служит глобальная тенденция становления Smart-общества, отличительными характеристиками которого является стремление учиться на протяжении всей жизни, сопричастность решению проблем мирового формата, создание инноваций и новых благ человечества. Стремительное развитие и внедрение во все сферы жизнедеятельности современного человека

инфокоммуникационных технологий и информационных образовательных ресурсов (социальные сети, Интернет-оболочки и др.), позволяющих реализовать самообразование за счет собственной активности и самостоятельности в окружающей культурно-образовательной среде, являются основными факторами системных изменений в образовании: целевых установок, содержания, форм и методов, подходов, технологий, средств обучения и взаимоотношений между субъектами образовательного процесса. Такое радикальное изменение среды социализации и инкультурации подрастающего поколения создает, с одной стороны, технологические и прочие новые возможности, с другой – многочисленные риски. Следует признать, что в образовательной теории и практике вузов по сей день существует ряд концептуальных проблем, от решения которых зависит качество подготовки молодого «цифрового» поколения, конкурентоспособного на мировом рынке, и в целом становление информационного российского общества. В первую очередь, речь идет о феномене виртуализации общественного сознания как совокупности индивидуальных сознаний (в том числе педагогического), который нельзя сегодня не учитывать при организации образовательного процесса.

По определению виртуализация сознания (лат. *virtualis*- возможный) есть процесс квазитражирования объективной реальности. Среди основных характерологических особенностей виртуализации как сознания, так и общественного бытия, можно назвать: подмену реальных объектов мнимыми; смену рациональной денотации существующих объектов аффективными коннотациями [4]; замещение реальных отношений виртуальными; стирание различия между естественным и искусственным, объективной истиной и заблуждением; нелокальность, т.е. отсутствие реальных пространственно-временных ограничений и многие другие.

К ряду особенностей информационного общества иного порядка можно отнести: диспропорцию поколений: изменение соотношения реалов и виртуалов в сторону увеличения второй группы, ослабление их межличностных отношений и десоциализация групп в соответствующем окружении; высокую степень коммуникативной активности, появление новых типов социальной коммуникации; быстротечность, переменчивость, интенсивность взаимоотношений; культурную интеграцию; трансформацию ментальности (мировоззренческих, поведенческих, коммуникативных и иных мен-

тальных моделей человека), деформацию традиционной аксиологической системы; переход от развернутых к сокращенным формам общения, от его рациональной к эмоциональной насыщенности; востребованность высокой наукоемкости и креативности; интенсивное развитие новых инфокоммуникационных технологий, самоорганизацию людей посредством свободного доступа к информационной среде; лавинообразное увеличение объемов информации, и как следствие подмена знания нерефлексируемой сознанием (пониманием) информацией и ее тиражирование, нередко с преднамеренной подменой образов действительности различными воображаемыми конструктами. Особую тревогу у исследователей и педагогов вызывает тенденция сокращения количества людей, способных к генерации научного знания и созданию интеллектуальных продуктов в сравнении с потребителями готовых смыслов [4]. Общеизвестно, что в настоящее время доля знаний в виртуальном пространстве невелика, поэтому из-за переизбытка неструктурированной и нерефлексируемой информации оно справедливо называется «информационным пространством». В сфере информационных технологий *информация* определяется как обработанные данные, рассматриваемые в каком-либо контексте и хранящиеся в виде частично структурированных материалов, таких как документы, электронная почта, мультимедиа. *Знания* есть сочетание практического опыта, индивидуальных ценностей, контекстной информации, интуиции, создающее основу для оценки и объединения нового опыта и информации [6]. Очевидно, в этих условиях, знания являются единственным видом ценностного ресурса, обеспечивающим конкурентное преимущество как личности, так и обществу в целом. Можно предположить, что в перспективе это соотношение между информацией и знаниями изменится в пользу знаний. В связи с этими изменениями и тенденциями особого внимания требует процесс построения адекватной современным реалиям системы высшего образования, а самое главное готовности преподавателей вузов к использованию возможностей виртуализации, среди которых можно назвать: развитие конвергентного образования как синтеза науки, образования и бизнеса; выход образования на новый уровень развития: построение индивидуальных траекторий обучения в полностью автоматизированном формате, разработка персонифицированных методик оценки деятельности обучающегося и ее

результатов и другие инновации, реализуемые с помощью Big Data («больших данных»), AR (Augmented Reality), MIT AR Games, OSS и других виртуальных технологий; доступность образовательных услуг; обучение в течение всей жизни; появление новых образовательных форматов с новыми ресурсами (для лиц разного возраста, преподаватели-медиаторы, электронные ресурсы и т.п.) [7]; извлечение не только скрытых знаний, но и древней мудрости, как понимания и правильного применения накопленных знаний с учетом реалий и ограничений, поскольку в настоящее время потенциальный объем знаний индивидуумов существенно больше, чем объем формализованного знания [3]; разноуровневое сетевое взаимодействие субъектов образования разных стран мира и др.

Вместе с тем следует принимать во внимание и факторы риска виртуализации, такие как: утрата либо деформация (например, киберсоциализация) ряда функций системы образования; противоречие между целостной и мозаичной картиной мира вследствие фрагментации общества и формирования клипового мышления как своего рода защитной реакции на постоянной возрастающий информационный поток и как следствие снижение концентрации внимания, ухудшение памяти и способности усвоения знаний; повышенная информационная и психическая нагрузка субъектов образования, психические расстройства, потеря связи с реальным миром, активизация асоциального поведения, социальный инфантилизм; усиление глобальной конкуренции за высококвалифицированные кадры; развитие массового некачественного открытого образования; конфликт культур и порождаемое неприятие и непонимание культурного обмена вследствие манипуляции общественным сознанием (А.Г.Дугин, А.И. Субетто и др.) и внедрения ложных идеологем [1]. Разумеется, это не исчерпывающий список выявленных преимуществ и угроз виртуализации современного общества. Примечательно, что традиционно государственная образовательная политика в незначительной степени затрагивает процессы открытого и неформального образования, хотя ведущие страны активно и плодотворно используют возможности этой сферы в образовательной практике подрастающего поколения. Кроме того, многие возникающие проблемы (управления инновационными образовательными системами, виртуализации образовательного пространства, проектного взаимодей-

ствия и др.) сегодня недостаточно разработаны в теории и их решения в практической плоскости не имеют научной базы. Причем нужно отметить, что данные задачи имеют междисциплинарный, комплексный характер, и требуют интеграции усилий представителей разных областей знания. На наш взгляд, появление новых проблем должно рассматриваться не как возникающие препятствия, а как расширяющиеся возможности и перспективы развития и повышения конкурентоспособности системы российского высшего образования.

В этих условиях серьезным вызовом модернизации высшего образования становится профессионализм научно-педагогических кадров. Приходящие на смену традиционной новые модели образования предполагают осмысление и активное внедрение многих инноваций: продуктивного сетевого, как национального, так и международного взаимодействия научно-педагогических работников не только в культурно-образовательной, но и в научно-инновационной среде; организации образовательного процесса согласно социально-конструктивистской концепции, основывающейся на эволюционно-синергетическом подходе; проектного управления; паритетных взаимоотношений всех участников образовательного процесса в вузе и др. С нашей точки зрения, в данном контексте наиболее значимым является понимание следующих исходных позиций, основывающихся на закономерностях перехода индустриального общества к информационному, определяющих реализацию условий развития высшего образования [1]. Согласно результатам научных исследований, когнитивные и социально-коммуникативные модели интегрированы по своей сути, а реальность оказывает непосредственное влияние на человека, в то время как некие психологические феномены, будучи ее продуктами, продуцируют эту реальность. Согласно теории социального конструктивизма, в отличие от классической (репрезентативной) концепции, где знание как ментальное представление служит логико-теоретической репрезентацией объективного мира, новая концепция акцентирует внимание на знании-представлении как выражении и субъекта и объективного мира, являясь продуктом их отношений. Как следствие истина перестает быть «чистым» аналогом эмпирической достоверности, а констатируется, в том числе в социально и культурно значимых коммуникативных практиках. То есть знание есть форма социального дискурса [5]. Это дает

основание новой образовательной политики, требующей, в свою очередь, внедрения новой парадигмы отношений к личности обучающегося и построения новых типов взаимоотношений в образовательной практике, а также современных подходов, форм, методов обучения и инфокоммуникационных технологий. Основываясь на субъектно-деятельностный подход, система высшего образования отныне нацелена на создание условий, преимущественно в виртуально-опосредованном образовательном пространстве, в котором обучающийся в процессе самостоятельной учебно-познавательной и совместной согласованной деятельности развивает свои природные способности, личностные и профессиональные качества, в том числе способность к адекватному взаимодействию с представителями иных социумов и культур. Первостепенное значение получает развитие способности и готовности студента к непрерывному процессу самообразования и самостоятельного управления им. Поэтому образовательный процесс должен строиться исходя из логики развития личности обучающегося, его индивидуальной программы усвоения, в том числе иностранного языка, а не с позиций системности изучения предмета [1]. С учетом новых требований в качестве стратегической задачи государственной политики определено повышение качества преподавания посредством введения системы аттестации и эффективного контракта, учитывающего современные стандарты профессиональной деятельности педагогических работников и соответствующую оценку.

В заключение можно констатировать, что в настоящее время в высшей школе только формируется среда для инновационной модели российской системы высшего образования. Однако есть основания полагать, что в ближайшие годы произойдут серьезные изменения, которые позволят существенно повысить качество и конкурентоспособность на мировом уровне российского высшего образования.

Список литературы

1. Бобыкина, И.А. Виртуализация сознания: возможности и риски для высшего образования / И. А. Бобыкина // Информационно-коммуникационные технологии в современном образовательном процессе: научное издание. – Челябинск : Печатный двор, 2016. С.25-29.
2. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 годы. – URL: <http://минобрнауки.рф/документы/4106>.
3. Лабоцкий, В.В. Управление знаниями: технологии, методы и средства представления, извлечения и измерения знаний / В. В. Лабоцкий. – Минск : БГЭУ, 2006.
- Лазаревич, А. А. Постиндустриальный человек: трансформация сознания и ментальной активности / А. А. Лазаревич. – URL: <http://pan-dia.ru/text/77/203/78260.php>.
4. Лазаревич, А.А. На пути к информационному обществу: опыт Европейского союза, Белоруси и России // Белорусь и Россия в европейском контексте: проблемы государственного управления процессом модернизации: материалы междунар. научно-практ.конф. – Минск. 2011. С.141-148.
- Луценко, Е.В. Виртуализация общества как основной информационный аспект глобализации / Е.В. Луценко. Научный журн. КубГАУ. – URL: <http://www.ej.kubagro.ru2005/01/02.php>.
5. Развитие науки и технологий: возможности и риски для общества: монография/ Д.Р. Белоусов, Ю.А. Апокин, Е.А. Пенухина, Е.М. Сабельникова, И.Э. Фролов. – М. : МГИУ, 2015.
6. Федеральный закон об образовании в Российской Федерации. – URL: <http://www.federalniy-zakon.ru/zakon-ob-obrazovanii-rf-poslednyy-redakciya-2015>.

Е. В. Бодрова*Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)***ФОРМИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ
КОМПЕТЕНЦИИ В СИСТЕМЕ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ****THE ACQUISITION OF FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATIVE
COMPETENCE IN LIFE-LONG LEARNING**

Данная статья посвящена решению одной из задач современной лингводидактики - формированию иноязычной коммуникативной компетенции в системе непрерывного образования через организацию речевых и коммуникативных игр. В статье рассмотрены основные понятия и предложены пути формирования иноязычной коммуникативной компетенции на разных этапах обучения (дошкольная организация-школа-вуз).

The article is devoted to solving one of the problems of modern linguistics - the acquisition of foreign language communicative competence in life-long learning through the organization of speech and communication games. The article describes the basic concepts and ways of formation of communicative competence at different levels (pre-school, school, university).

Ключевые слова: *иноязычная коммуникативная компетенция, обучение иностранному языку, непрерывное языковое образование, речевые игры, коммуникативные игры.*

Keywords: *foreign language communicative competence, foreign language training, life-long education, speech games, communicative games.*

В условиях перманентной модернизации и реформирования системы образования РФ целью современного иноязычного образования в вузе является успешная интеграция обучающихся в современное мировое сообщество и формирование культурно-развитой личности, способной к активному общению на иностранном языке. Однако без усиления методов, форм и средств обучения иностранному языку на предыдущих ступенях образования (школьное, дошкольное) мы не сможем добиться данного результата. В связи с этим формирование иноязычной коммуникативной компетенции становится основной педагогической и методической задачей на всех ступенях образовательного процесса.

Рассмотрим эффективные способы формирования иноязычной коммуникативной компетенции с точки зрения непрерывного языкового образования. Уточним, что непрерывность иноязычного образования мы видим в непрерывном процессе роста иноязычной коммуникативной компетенции в течение жизни, организационно обеспеченного системой государственных и общественных институтов и соответствующего потребностям личности и общества [8]. Охватывая достаточно продолжительный период времени формирования

данной компетенции необходимо отметить, что на этапе раннего обучения (дошкольного и начального школьного) мы формируем коммуникативно-речевые умения, которые в дальнейшем будут способствовать развитию иноязычной коммуникативной компетенции.

Вслед за специалистами по раннему обучению иностранным языкам Н.А. Горловой, Е.И. Негневицкой и др, а также физиологами В. Пенфильдом и Л. Робертсом, мы выделили возраст с 3-10 лет как наиболее благоприятный возраст для начала формирования иноязычных умений. Это с одной стороны объясняется сензитивностью развития речи [4], и гибкостью нервной системы с другой стороны [6], что способствует более быстрому запоминанию языкового материала, а также отсутствию языкового барьера. Зарубежные физиологи В. Пенфильд и Л. Робертс полагают, что «существуют биологические часы мозга, соответствующие этапам развития желез внутренней секреции ребенка. Ребенок до девяти лет – это специалист в овладении речью. После этого периода мозговые механизмы речи становятся менее гибкими и не могут так легко приспосабливаться к новым условиям. После 10-летнего возраста приходится преодолевать множество препятствий. Мозг ребенка имеет специализи-

рованную способность к иностранному языку, но она уменьшается с возрастом» [7].

В связи с этим считаем, что на этапе раннего обучения необходимо сформировать такие коммуникативно-речевые умения, которые являлись бы основой для дальнейшего развития иноязычной коммуникативной компетенции. Вслед за М.М. Алексеевой, Н.А. Горловой, А.Н. Утехиной, мы отнесли следующие коммуникативно-речевые умения: а) речевые: *произносительные*, включающие артикуляцию отдельных звуков и их соединение в слоги, слова и ритмические группы; *интонационные*, связанные с изменением мелодии, ритма, интенсивности и тембра фразы, а также выбором места для логического ударения; *лексические*, заключающиеся в узнавании лексических единиц и их извлечении из долговременной памяти; *грамматические*, связанные с изменением форм слов и соединением последних в предложения; б) коммуникативные: взаимовосприятие и желание взаимодействовать (общаться), выбирая соответствующие вербальные (интонации, слова, фразы) и невербальные (мимика, жесты, движения и др.) средства общения [2].

Формирование иноязычной коммуникативной компетенцией в школе (М.З. Биболетова, Н.П. Грачева, Е.Н. Соколова и др.) заключается в развитии способностей и готовности школьников осуществлять иноязычное общение, а также адекватное и своевременное выражение своих мыслительных намерений [3].

Определяя задачи развития иноязычной коммуникативной компетенции в вузе согласимся с И.А. Зимней и определим в: «овладении сложными коммуникативными навыками и умениями, формировании адекватных умений в новых социальных структурах, знании культурных норм и ограничений в общении, знании обычаев, традиций, этикета в сфере общения, соблюдении приличий, воспитанности, ориентации в коммуникативных средствах, присущих национальному, сословному менталитету» [5, 13].

Таким образом, для формирования иноязычной компетенции на разных ступенях образования необходимо учитывать возрастные и психофизиологические особенности обучающихся. Сегодня существует современные технологии и методы обучения иностранному языку формирующие и развивающие те или иные компетенции, например, метод проектов, мозговой штурм, кейс-метод и др. Однако мы считаем, что речевые и коммуникативные игры – являются наиболее эффективным способом

формирования и развития иноязычной коммуникативной компетенции в любом возрасте, так как данные игры способствуют созданию иноязычной среды и стимулируют к общению на иностранном языке.

Так, на начальном этапе обучения к *речевым* играм отнесем *фонетические* (разнообразные пальчиковые игры, песни-зарядки, считалочки, нонсенс-стишки, фонетические зарядки, мимические игры) и *дидактические игры* (игры с предметами (игрушками), сюжетно-дидактические игры, настольно-печатные игры, словесные игры, подвижные игры), позволяющие расширить словарный запас и развить речевые умения. К *коммуникативным* играм – *сюжетно-ролевые, театрализованные, режиссерские игры, игры-драматизации* [2].

Многие методисты М.З. Биболетова, В.В. Сафонова, Е.Н. Соловова и др. считают, что на этапе овладения иностранным языком в школе именно игра является наиболее эффективной формой обучения. С помощью *речевых* игр («снежный ком», «угадай слово», «разгадай кроссворд» и др.) у школьников создается иноязычная информационная база (словарь, речевые клише, фразы), формируются речевые механизмы. К *коммуникативным* играм отнесем *ситуативные* (ролевые), *творческие* игры (драматизации, инсценировки). Данные игры позволяют активизировать языковой материал в речевых ситуациях, которые имитируют реальный процесс общения. Они вносят разнообразие в процесс обучения, стирают психологические барьеры в общении, стимулируют активность школьников. В их ходе обычно возникает дискуссия, обмен мнениями, обмен информацией, учащиеся приобретают навыки, необходимые им для реального общения. В *ситуативных* (ролевых) играх учащиеся выполняют определенные роли, например, продавца или покупателя, врача или больного, а для успешного создания образа учащимся зачастую необходимо использование реквизита. *Творческие* игры (игры-инсценировки) помогают уточнить представления о различных бытовых ситуациях, дают представление о нормах речевого этикета и поведения [2].

Специалисты по обучению иностранному языку А.А. Акишина, Т.Л. Жаркова и др. считают, что основное назначение *коммуникативных* игр в вузе – организация языкового общения. Данные игры представляют собой учебные задания, в ходе которых формируются или совершенствуются речевые навыки. Можно выделить различные типы коммуни-

кативных игр: коммуникативные игры, в основе которых лежит методический прием ранжирования, предполагающий распределение определенных предметов, явлений в порядке их значимости, предпочтительности (назвать десять предметов, которые необходимо взять в туристическую поездку, составить наиболее рациональное меню и т.д.); коммуникативные игры, построенные на основе преднамеренного создания различий в объеме информации у обучающихся (предлагается прослушать короткое сообщение и выяснить подробности у одного из участников общения, которому эти подробности известны) [1]. Однако наиболее эффективным способом организации общения на иностранном языке, на наш взгляд, является ролевая игра. Согласимся с исследователями ролевых игр (Л.С. Выготский, С.Л. Новоселова, Д.Б.Эльконин и др). и отметим, что ролевая игра мотивирует речевую деятельность, актуализирует потребность что-либо сказать, спросить, выяснить, доказать, чем-то поделиться с собеседником. Она также активизирует стремление студентов к контакту друг с другом и преподавателем. В ролевой игре каждый получает роль и должен быть активным партнером в речевом общении. В ролевых играх студенты овладевают такими элементами общения, как умение начать беседу, поддержать ее, прервать собеседника, в нужный момент согласиться с его мнением или опровергнуть его, умение целенаправленно слушать собеседника, задавать уточняющие вопросы и т.д. [1].

Таким образом, правильно подобранные в соответствии с психофизиологическими особенностями и обучающей задачей игровые приемы способствуют повышению развития иноязычной коммуникативной компетенции на всех ступенях языкового образования, создают доброжелательную атмосферу на уроке, снимают психологический языковой барьер, предлагая достаточно сложную информацию в более простом и понятном виде, способствуют созданию иноязычной информационной базы

и формированию речевых механизмов и служат в дальнейшем основой для организации различных видов деятельности, а также являются одним из способов решения задачи формирования и развития иноязычной коммуникативной компетенции в системе непрерывного образования.

Список литературы

1. Акишина, А.А. Учимся учить: для преподавателя русского языка как иностранного / А.А. Акишина, О.Е. Коган. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русские языковые курсы, 2002. – 256 с.
2. Бодрова Е.В. Пропедевтика обучения иностранному языку детей дошкольного возраста : дис... канд. пед.наук/ Е.В. Бодрова. – Челябинск, 2015. – 187 с.
3. Биболетова М.З., Грачева Н.П., Соколова Е.Н., Трубанева Н.Н. Примерные программы среднего общего образования / М.З. Биболетова и др./ Иностранные языки. – М. : Просвещение, 2005. – 192 с.
4. Горлова, Н.А. Подготовка преподавателя иностранного языка для школьных образовательных учреждений / Н.А. Горлова // Иностранные языки в школе. – 2000. – № 6. – С. 70-77.
5. Зимняя, И.А. Педагогическая психология: учебник для вузов / И.А. Зимняя. – 2-е изд., доп., испр. и перераб. – М.: Логос, 2003. – 384 с.
6. Негневицкая, Е.Н. Психологические условия формирования у дошкольников речевых навыков и умений на втором языке: дис. ... канд. психол. наук / Е.И. Негневицкая. – М., 1986. – 214 с.
7. Пенфильд, В. Речь и мозговые механизмы / В. Пенфильд, Л. Эберте. – Л. : Медицина, 1964. – 217 с.
8. Сафонова В.В. Коммуникативная компетенция: современные подходы к многоуровневому описанию в методических целях / В.В. Сафонова. – М. : НИЦ «Еврошкола», 2004.

Е. Г. Долгова*University of Dodoma,**(Dodoma, Republic of Tanzania)**Мордовский государственный университет**имени Н. П. Огарева,**(Саранск, Россия)*

РОЛЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

THE ROLE OF THE TEACHER IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE TO FOREIGN STUDENTS

В статье раскрываются трудности обучения иностранных студентов, прежде всего за рубежом, которые следует учитывать и преодолевать преподавателю русского языка как иностранного, в данном случае выступающего в качестве не только специалиста в своей профессиональной области, но представителя своей страны, народа и культуры. Именно этим объясняется его особая миссия, а также возникающие трудности в работе, поскольку через обучение русскому языку он должен донести до своих иностранных студентов не только понимание истории и культуры русского народа, но и привить любовь к русскому языку и России. Исключение не составляют и студенты Университета Додома в Республике Танзания, изучающие русский язык и культурное наследие русского народа.

The article informs about the difficulties of teaching foreign students, especially abroad, that the teacher of Russian as a foreign language should take into account and overcome, because in this situation he is both a professional and a representative of his country, people and culture. This explains his special mission, and difficulties in his work, because through teaching the Russian language he should convey to his foreign students not only the understanding of the Russian history and culture, but also instill a love for the Russian language and Russian people. The students who study Russian and the cultural heritage of the Russian people at the University of Dodoma in the Republic of Tanzania are no exception.

Ключевые слова: *роль учителя, иностранные студенты, русский язык, культурный аспект.*

Keywords: *the role of the teacher, foreign students, the Russian language, cultural aspect.*

A teacher in teaching any subject to foreign students plays a great role in the teaching-learning process, because the teacher should be not only an expert in the particular field but also a representative of the country and its culture. This pedagogical approach should help the students who are going to become teachers to understand the relevance of knowledge about the culture and history of Russia in their further work particularly with students from other countries. Such knowledge is necessary in teaching Russian as a foreign language to the students of the University of Dodoma in the Republic of Tanzania as well.

In connection with the above, it should be noted that the teacher who teaches the Russian language to foreign students, especially abroad, has a specific mission not only of a teacher of this subject, but at the same time of a representative of the Russian culture that occupies an important place

in the formation and enrichment of the common world culture as well as a representative of our country that plays a leading role in the global political community. All these important and indispensable factors underlie the dialogue between the representatives of different cultures [1. P. 7] that is necessary during the communication and understanding between the teacher of Russian and his foreign students.

One of the important points in teaching foreign students is that the teacher of Russian should properly use both the verbal means of native and foreign languages and the rules of etiquette and non-verbal means of communication, namely the gesture and mimicry [6. P. 67] As the communicative gestures and mimicry funds have certain differences in different cultures, it is necessary to consider such a fact in the classroom and everyday life during the process of teaching foreign students

and communicating with them, because these means of communication are very important parts of any culture, therefore, of the teaching-learning process of a foreign language [5. P. 29]. So, using visual and behavioral training materials the Russian teacher helps his students to master the necessary minimum of the etiquette, forms of speech in order to communicate in different situations such as everyday life, and educational and professional spheres [2. P. 49].

The other important point in teaching foreign students is the ability of the teacher to use properly the information about the country and the people, namely the history of Russia and culture of the Russian people. Therefore, the cultural aspect should be always included into the process of teaching, especially Russian as a foreign language [3. P. 13; 4. P. 68]. Thus, in the teaching-learning process the cultural and historical texts, audio- and video materials with the names of historical events and famous sights of Russia, the names of famous Russian people and fictional characters, artistic and literary works are widely used. Furthermore, foreign students are encouraged to learn poems or extracts from the poems by famous Russian poets, to participate in various language and literature competitions, as well as to visit a variety of the exhibitions demonstrating the works of Russian Art. It is worth noting that they do it with great pleasure.

It is no less interesting and exciting for foreign students to obtain the information about the Russian people, their history, traditions and holidays as well as the basic idea of historical and cultural events and the introduction of their characters. During the classes Russian teachers certainly expand their foreign students' view of the Russian culture by mentioning the names of the world-famous Russian writers, poets, artists, musicians, scientists and their achievements in different fields. Moreover, the most popular holidays are often played out as a small show in the classroom, and the students are really grateful for this.

Therefore, one of the most important aspects in the process of teaching Russian as a foreign language is to teach vocabulary, because a word is the basis of verbal communication. But mastering the vocabulary of a foreign language, including Russian, may prove difficult, especially in the early stages of the teaching-learning process. The students from Tanzania and other African countries (Mozambique, Kenya, and others) who study Russian at the University of Dodoma in the Republic of Tanzania are no exception.

It is known that the introduction of new vocabulary is primarily related to the difficulties of per-

ception of the external, sound side of the words by the listeners. So, the first step in the teaching-learning process of Russian should be to focus the students' attention on the pronunciation of the words, so that they can realize the most difficult sounds, sound combinations and the position of the stress in the words as well as their spelling. The other, no less difficult, part of Russian words that foreign students have to learn is their semantics, because both understanding the meaning of the word and memorizing it enrich the students' vocabulary that is necessary for their communication. Thus, the teacher's task then is to make his foreign students link the Russian word directly with the definite object and not with the word of their native language [9. P. 11].

The other important factor that the teacher should take into account in teaching a foreign language is that there are such existing differences between teachers and their students as the geographical location, and cultural and historical realities. These difficulties also arise during the teaching-learning process to the students in Africa who study Russian in the Republic of Tanzania. Therefore, it is necessary for the teacher of Russian as a foreign language to prepare additional training materials leading to the optimization of such a process. So, despite the fact that we do use a basic training kit, "Once upon a time ... 28 lessons of Russian for beginners" [10; 11; 12], in class, we need to apply some additional educational materials due to linguistic and extra-linguistic factors.

Thus, one of the best ways of introducing the new Russian words to foreign students is to use different pictures and slides reflecting a particular object or abstract phenomenon. First of all, it deals with the words that are not found or widely used in the language and culture of these students, for example, some sorts of art (балет, опера, цирк, театр, филармония), national cuisine (блины, борщ, икра, колбаса, пельмени, пирожное, пирожок, пряник, рассольник, салат, творог, щи), nature / natural phenomena (лес, сад, море, времена года – весна, лето, осень, зима), cultural and historical realities (матрёшка, отчество, пенсия, портфель, рубль, самовар, справочное, царь), geographical names and sights (клуб, метро, достопримечательности Москвы и Петербурга, трамвай, троллейбус), human activity / professions (пенсионер, пенсионерка, клоун, социолог), and others. Such a way of mastering new vocabulary has been successfully used by the teacher of Russian as a foreign language at different stages of the teaching-learning process, and aroused particular interest of the African students,

because it helps them to learn something new and interesting about another language and culture.

Another way to streamline the teaching-learning process for foreign students studying Russian is to use such additional training materials as Russian-English-Kiswahili Glossary for elementary and basic learners created by the Russian and Tanzanian professors of the University of Dodoma as well as the handbook of Russian that can be used by the students as a supplementary workbook as well [8; 9].

In general, the main task of these educational materials is the systematization and optimization of language material, primarily lexical, that the students need to develop their speaking, writing and communicative skills both in the classroom and everyday life. It is important to note that such training materials are focused on both the students' activities with their teacher in the classroom and the students' self-study of lexical and grammatical materials. Such textbooks were made taking into account the fact that these foreign students study Russian outside the Russian environment, which might slow down the teaching-learning process with regard to the new material. Moreover, not enough textbooks for Russian as a foreign language, particularly dictionaries, are available from the library.

The Russian-English-Kiswahili Glossary for elementary and basic learners consists of two main parts: the glossary itself and the application that cover the rules of spelling and pronunciation of the letters of the Russian alphabet, the thesaurus and the list of Russian names. The list of the words in the glossary is logically presented in the alphabetical order according to the Russian alphabet, because foreign students study Russian and deal primarily with the texts in Russian. However, all the Russian words and phrases, as well as the interpretation of certain national realities presented here, correspond to the equivalent in English and Kiswahili as both languages are the official languages in the Republic of Tanzania and can therefore be used as intermediate languages when teaching the Russian language and culture and for the students' self-study. The thesaurus at the application is also presented in three languages, but in the alphabetical order of the Kiswahili language, so that the students can study the vocabulary and conversational phrases and use them.

The handbook of Russian also consists of two parts: the main part and the application. As mentioned above, it can be used by foreign students as a supplementary workbook as well, because it includes not only the systematic basic and supplementary vocabulary and grammar, but the different

types of the tasks and exercises aimed at introducing, using and repeating lexical material. Besides, the handbook is organized so that the students can do all the tasks and exercises directly on the pages of the manual. The first part of the application has been drawn up with the same purpose to encourage the students to check their knowledge through solving some simple lexical crosswords. It should be noted that for the majority of the students who study Russian at the University of Dodoma this is a new form of class activity and entertainment which arouses their great interest in studying the Russian language. In the second part of the application there are short dialogues which help the students to learn the necessary vocabulary that ensures the development of their steady skills of communication in various fields.

So, it should be noted that the teacher who teaches foreign students should use the present methods of optimization of the teaching-learning process of Russian as a foreign language in general and in working with vocabulary in particular, because this really makes the work of the teacher and his students easier and more fruitful, and accelerates the development of speaking and writing at the early stages of the teaching-learning process. In addition, the cross-cultural information obtained can help the students to satisfy their interest in the language and culture and to adapt to the new linguistic and cultural environment in future.

Thus, the Russian teacher must possess an extensive knowledge not only in his professional field but in the history and culture of our country and cross-cultural communication. However, the teaching-learning process of Russian as a foreign language should be based not only on the training methods mentioned above, helping the students to get the necessary information about Russia and the Russian people, but should also help them feel pride and love for our country and our culture as well as understand the soul of the Russian people.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества: Сб. избр. тр. / М. М. Бахтин; Примеч. С. С. Аверинцева, С. Г. Бочарова. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
2. Бёме Г. О роли и функции коммуникативных заданий в учебнике (к системе формирования коммуникативных умений) / Г. Бёме // Русский язык за рубежом. – № 3. – 1989. – С. 46–49.
3. Верещагин Е. М. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского

языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. – 233 с.

4. Донченко Г. В. Концепция практического курса русского языка на этапе включенного обучения и ее отражение в учебнике / Г. В. Донченко, Н. Г. Крылова, А. В. Березова, Л. Г. Мохова // Русский язык за рубежом. – № 1. – 1989. – С. 66–71.

5. Пшенко К. А. Обучение паралингвистическим средствам на краткосрочных курсах русского языка / К. А. Пшенко // Русский язык за рубежом. – № 3. – 1989. – С. 29–34.

6. Степанов Ю. С. Семиотика / Ю. С. Степанов. – М.: Наука, 1971. – 167 с.

7. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2008. – 262 с.

8. Dolgova E. Russian-English-Kiswahili Glossary: For Elementary and Basic Learners / E. Dolgova, E. Fedyaeva, A. Grigoryan, J. S. Madumulla, S. A. K. Mlacha. – Dodoma, 2014. – 216 p.

9. Dolgova E. Russian Lessons for Beginners: Part I (Handbook) / E. Dolgova. – Dodoma, 2014. – 108 p.

10. Miller L. V. Zhyli-byli... (Once upon a time...) 28 lessons of Russian for beginners: teacher's book / L. V. Miller, L. V. Politova. – St. Petersburg: Zlatoust, 2009. – 152 p. / Миллер Л. В. Жили-были... 28 уроков русского языка для начинающих: книга для преподавателя / Л. В. Миллер, Л. В. Политова. – СПб.: Златоуст, 2009. – 152 с.

11. Miller L. V. Zhyli-byli... (Once upon a time...) 28 Russian lessons for beginners: textbook / L. V. Miller, L. V. Politova, I. Y. Rybakova. – St. Petersburg: Zlatoust, 2011. – 152 p. / Миллер Л. В. Жили-были... 28 уроков русского языка для начинающих: учебник / Л. В. Миллер, Л. В. Политова, И. Я. Рыбакова. – СПб.: Златоуст, 2011. – 152 с.

12. Miller L. V. Zhyli-byli... (Once upon a time...) 28 lessons of Russian for beginners: a workbook / L. V. Miller, L. V. Politova, I. Y. Rybakova. – St. Petersburg: Zlatoust, 2010. – 116 p. / Миллер Л. В. Жили-были... 28 уроков русского языка для начинающих: рабочая тетрадь / Л. В. Миллер, Л. В. Политова, И. Я. Рыбакова. – СПб.: Златоуст, 2010. – 116 с.

Т. Е. Змеёва

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)*

ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ: ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЮМОРИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

FOREIGN LANGUAGE LEARNING IN NONLINGUISTIC HIGHER EDUCATION ESTABLISHMENT: DIDACTIC POTENTIAL OF HUMOROUS TEXTS

В статье обосновывается возможность использования юмористических текстов в качестве учебного материала в процессе обучения иностранному языку в неязыковом вузе. Рассматривается вклад юмористических текстов в лингвистическую, социокультурную, эмоциональную, мотивационную, деятельностную и методологическую составляющие обучения. Предлагается стратегия включения юмористических текстов в учебный процесс.

The article substantiates the possibility of using humorous texts as teaching material in the process of learning a foreign language in nonlinguistic higher education establishment. It also considers the contribution of humorous texts in linguistic, social and cultural, emotional, motivational, action and methodological components of teaching. A strategy of inclusion of humorous texts into the learning process is offered.

Ключевые слова: обучение иностранному языку, учебный материал, юмористические тексты, дидактический потенциал, аспекты.

Keywords: learning a foreign language, teaching material, humorous texts, didactic potential, components of teaching.

В условиях повышения требований к высшему профессиональному образованию в целом и к уровню владения иностранным языком в частности особую важность приобретают поиски путей оптимизации процесса обучения иностранному языку в неязыковом вузе, повышения его эффективности. В данном контексте не только не теряют своей актуальности, но приобретают особую значимость и требуют, на наш взгляд, пристального внимания такие вопросы как место и роль эмоционального фактора в учебном процессе, отбор и методическое сопровождение учебных текстов.

Анализ исследований эмоциональной составляющей воспитания и процесса обучения (работы В. А. Сухомлинского, П. М. Якобсона, М. Г. Яновской, В. С. Данюшенкова, А. К. Марковой, Н. Г. Морозовой, О. И. Павлюк, Г. И. Шукиной и др.) приводит к выводу о необходимости учёта эмоционального фактора при обучении иностранному языку в неязыковом вузе. Эмоции рассматриваются в психолого-педагогической науке как одна из основных мотивационных составляющих деятельности. При этом подчёркивается, что процесс обучения, вызывающий отрицательные эмоции, равнодушие не попадает в мотивационную структуру личности и обучающийся остаётся на позиции его объекта. Эмоции, преломляясь через потребности и мотивацию, являются движущей силой, источником активности личности, работают на воссоединение внешней и внутренней детерминант в процессе обучения [2. С. 4].

Если мы рассматриваем обучение иностранному языку как многоаспектный процесс, субъектами деятельности в котором являются обучающий и обучающийся, то активность, творческий и личностно-значимый характер данного процесса напрямую зависят от включения как интеллектуальных, так и эмоциональных сил его участников.

Что касается учебных материалов, то при создании учебников, учебно-методический пособий и разработок, предназначенных для обучения иностранному языку в неязыковом вузе, первостепенную значимость имеет поиск и отбор учебных текстов.

В условиях изобилия и разнообразия источников информации на передний план вы-

двигается проблема отбора учебных текстов. При этом необходимо учитывать следующие факторы:

- конкретные цели обучения,
- категорию и профиль обучающихся,
- интересы обучающихся,
- культурологическую значимость текста,
- дидактический потенциал текста.

Под дидактическим потенциалом текста в данном случае имеется в виду совокупность возможностей, которые данный текст предоставляет для обучения иностранному языку и воспитания личности обучаемого. Именно эти возможности и предстоит выявить, прежде чем использовать данный текст в учебных целях.

В данной статье мы рассмотрим вопросы, связанные с использованием юмористических текстов при обучении иностранному языку, так как они прекрасно вписываются в обозначенную проблематику. С одной стороны юмористические тексты, бесспорно, «участвуют» в создании эмоционального фона процесса обучения, с другой стороны, обладают мощным дидактическим потенциалом, что позволяет использовать их в качестве учебных в процессе обучения иностранному языку в неязыковом вузе.

Начать следует с определения понятия «юмористический текст», которое является достаточно ёмким. Юмористическое начало может проявляться в различных формах, а юмористическим может быть текст, представляющий разные стили и жанры. В качестве объектов исследования выступают анекдоты, шутки, короткие юмористические рассказы, басни, сатирические очерки, забавные комиксы.

Чаще всего в учебном процессе используются анекдоты. При этом подчёркивается их культурологическая значимость, «способность передавать характерные черты национальной картины мира народа-носителя языка», «информацию о нормах поведения, традиционно-мировоззренческих и социально-психологических установках народа, а также его этнических представлениях» [3. С. 56]. Поскольку юмор является одним из концептов национальной языковой картины мира, перечисленные выше характеристики анекдотов можно, на наш взгляд перенести на юмористические тексты и других жанров.

С нашей точки зрения, юмористическим текстом может быть назван текст любого стиля и жанра, представляющий кого-либо или что-либо в смешном, забавном, комичном виде, демонстрируя при этом беззлобно-насмешливое отношение к фактам, явлениям, лицам. В учебном процессе могут использоваться тексты всех упомянутых выше жанров, главное - их дидактический потенциал и соответствие конкретным параметрам обучения, о которых говорилось выше. Следует также подчеркнуть, что мы не считаем целесообразным использовать юмористические тексты в качестве основного учебного материала. Их можно рекомендовать скорее в качестве дополнительных.

Поскольку юмористические тексты представлены разными жанрами, формами, объёмами, предопределяющими их языковые (лексические, грамматические, стилистические), структурные, семантические и прагматические особенности, включение юмористических текстов в учебный процесс требует, на наш взгляд, разработки определённой стратегии.

В контексте обучения иностранному языку в неязыковом вузе данная стратегия должна выстраиваться в соответствии с

- профилем обучающихся, что предполагает отбор текстов по тематическому принципу;
- методической целесообразностью последовательности изучения материала.

Что касается первого пункта, то в неязыковом вузе наибольший интерес обучающихся вызовут юмористические тексты на профессиональные темы, отражающие отношение к представителям различных профессий, их личностным характеристикам, ситуациям иноязычного профессионального общения. Являясь носителями культурологической информации, такие тексты будут способствовать повышению учебной мотивации, активизации речемыслительной деятельности, побуждать к творческой импровизации в заданной ситуации.

Остановимся на методической целесообразности подачи материала. Некоторые авторы выделяют референциальные и лингвистические юмористические тексты в зависимости от материала, на котором строится комический эффект, и считают, что не стоит предлагать обучающимся тексты, относящиеся ко второй группе, так они строятся на обыгрывании того или иного языкового явления (полисемия, омонимия, омофония, смешение стилей, игра слов и т.п.). В качестве аргумента при этом выдвигается необходимость владения глубокими лингвистическими знаниями. Такой подход

представляется нам не вполне оправданным, так как начинать работу над юмористическими текстами надо, на наш взгляд, именно со знакомства с приёмами создания комического, которые могут встретиться и в референциальных текстах, основанных на абсурдности ситуации, не говоря уже о том, что встречаются юмористические тексты «смешанного» типа. К тому же, работа над распознаванием лингвистических средств создания комического развивает чувство слова (внимание к смысловым оттенкам слов), умение точно и кратко выразить мысль, воспитывает эстетическое чувство.

Итак, мы предлагаем начинать работу с текстов, юмористический смысл которых основан на лексических, фонетических, грамматических особенностях их элементов. Обучающимся предлагается выявить ключевые смысловые элементы текстов и объяснить их роль в создании юмористического смысла, который, по сути, является основным в текстах данного типа.

На следующем этапе анализируются тексты, в создании юмористического смысла которых участвует и описываемая ситуация. К таким текстам можно предложить задания, позволяющие проконтролировать понимание текста на лексическом уровне, отработать такое сложное грамматическое явление как косвенная речь, развивать навыки устной речи через анализ описываемой в тексте ситуации и умение обобщать содержание текста в его названии.

Затем можно предложить обучающимся тексты большего объёма (в некоторых случаях адаптированные и сокращённые), в которых комизм, а иногда и трагикомизм, обусловлены комплексом факторов. Такие тексты целесообразно сопровождать заданиями, способствующими развитию навыков анализа и синтеза, позволяющими обсудить интересные жизненные, профессиональные, а порой и философские проблемы. Для облегчения восприятия текстов, в зависимости от этапа обучения, их можно сопровождать комментариями к отдельным фразам, выражениям, реалиям.

На продвинутом этапе обучения можно предложить обучающимся задания творческого характера, например, заполнить лакуны в тексте или придумать окончание текста, не нарушая его стилистики и сохраняя его юмористический характер.

И, наконец, можно перейти к этапу создания собственного юмористического текста с опорой на юмористические рисунки, фотографии и т.п. Это – этап самостоятельной творческой

деятельности, позволяющий раскрыть творческий потенциал обучающихся.

Хочется подчеркнуть, что работа над юмористическими текстами может быть как аудиторной (под руководством преподавателя), так и внеаудиторной, осуществляемой в виде самостоятельной работы (СР) на начальном этапе, СР с элементами творчества на продвинутом этапе и самостоятельной творческой деятельности (СТД) на завершающем этапе [1].

Обучение иностранному языку в неязыковом вузе должно способствовать достижению целей, поставленных перед высшим профессиональным образованием в целом, среди которых значатся подготовка специалиста, владеющего иностранным языком как инструментом межкультурной коммуникации, формирование творческой личности, имеющей опыт самостоятельной творческой деятельности. Активное использование дидактического потенциала юмористических текстов, несущих информацию о культуре и образе жизни народа-носителя изучаемого языка, позволит решить не только языковые и коммуникативные задачи обучения, но и сделать процесс обучения иностранному языку в неязыковом вузе более

познавательным (социокультурный аспект), более интересным (мотивационный аспект) и эмоционально насыщенным (эмоциональный аспект), а также включить студентов в учебно-познавательную деятельность (деятельностный и методологический аспекты), связанную с творческим поиском и созданием творческого результата.

Список литературы

1. Змеёва, Т. Е. Формирование самостоятельной творческой деятельности при обучении иностранному языку / Т. Е. Змеёва // Высшее образование в России. – 2015. – № 11. – С. 154–158.
2. Хлупина, О. В. Эмоциональный фактор процесса обучения школьников (На материале современных зарубежных исследований): дис. ... канд. пед. наук / О. В. Хлупина. – Киров, 2005. – 156 с.
3. Ямских, Т. Н. Использование анекдотов в качестве учебных текстов при обучении иностранным языкам / Т. Н. Ямских // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. – 2014. – 4 (6). – С. 55–59.

Т. С. Кириллова, В. Н. Насирова

*Астраханский государственный медицинский университет
(Астрахань, Россия)*

СОЦИАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ТЕРМИНА

SOCIAL CHARATER OF THE TERM

Термин возникает как результат социального взаимодействия познания и коммуникации в профессиональной деятельности, а значит, он – глубоко социален.

The term appears as the result of social interaction in cognition and communication in professional activity, so it is deeply social.

Ключевые слова: термин, понятие, лексическая система языка, функция.

Keywords: term, notion, lexical system of language, function.

Изучение терминов в России началось в 30-е годы XX в., когда была опубликована первая статья Д.С. Лотте «Очередные задачи технической терминологии», посвященная унификации и стандартизации терминологии, и был создан Общесоюзный терминологический

центр – Комитет научно-технической терминологии АН СССР (КНТТ). Руководителями центра были С.А. Чаплыгин и Д.С. Лотте.

Терминология стала предметом научных интересов многих ученых. Влияние на становление науки о терминах в СССР оказали взгляды

зарубежных ученых Л. Олыки, Е. Вюстера и основателей российской терминологической школы Г.О. Винокура и А.А. Реформатского.

В 50-е гг. прошлого столетия более распространено было слово «профессионализм», а не «термин». Так, например, раздел книги испанского ученого Х.Касареса «Введение в современную лексикографию» назывался именно «профессионализм». И Н.М. Шанский в своем учебнике «Лексикология русского языка» не употребляет слово «термин», а называет соответствующий раздел «Профессионализмы».

Объяснением для предпочтения слова «профессионализм» в русском языке является то, что лексема «профессионализм», образованная по русской модели, обладала четкой мотивированностью, указывающей на ограниченную определенной профессией сферу функционирования слова, и была легко воспринята специалистами.

В середине XX века в результате разработки теории термина произошел процесс заимствования лингвистикой очередного логического термина, и теперь в современной лексикологии «термин» и «профессионализм» четко разграничиваются. Так, А.В. Калинин в книге «Лексика русского языка» описывает разницу между термином и профессионализмом. Он указывает на то, что термин – это совершенно официальное, принятое и узаконенное в той или иной науке название какого-то понятия, а профессионализм – полуофициальное слово, распространенное (чаще в разговорной речи) среди людей какой-то профессии, специальности, но не является строгим, научным обозначением понятия [2], например, «язва Хантера», «твердая язва» (устаревший термин), «твердый шанкр» (современный термин), «сифилитический шанкр» (с французского *chancr* – язва); «гелиохроматоз», «гликоген», «креатинин», «анатомия», «хирургия», «личность», «наука», «история», «идея», «научная мысль».

Профессионализмы имеют неноминативный характер (глаголы, наречия, прилагательные) и эмоционально-экспрессивные коннотации. Разновидностью профессионализмов являются профессиональные жаргонизмы, которые не способны приобретать нормативный характер, и их условность ясно ощущается говорящими.

До 70-х годов XX века предметом для оживленной дискуссии у терминоведов была проблема статуса термина, которая была вызвана противопоставлением терминов общеупотребительной лексике. В середине 70-х годов эта проблема несколько утратила свою остроту,

так как к этому времени терминоведы установили понимание термина, как «слова или словосочетания, связанного с понятием, принадлежащим какой-либо области знаний или деятельности» [1].

По мнению ученых, каждая существующая лексема должна выполнять в языке необходимое требование – наиболее полное раскрытие обозначаемого понятия. Насчитывается около сотни определений, встречающихся в научной литературе, для понятия «термин». Примеры определения термина исследователями широко представлены в книге В.П.Даниленко «Русская терминология» [1].

«Термин (от *terminus* – предел, граница) – номинативное слово или словосочетание (имя существительное или словосочетание с именем существительным в качестве опорного слова), точно и однозначно именуемое понятие и его соотношение с другими понятиями в пределах специальной сферы. «Термины – по мнению А.А.Реформатского – «это слова специальные, ограниченные своим особым назначением; слова, стремящиеся быть однозначными как точное выражение понятий и называние вещей. Это необходимо в науке, технике, политике и дипломатии» [4].

К примеру, термины из различных областей человеческой деятельности: «гелиотерапия» (медицина),

«канон» (юриспруденция),

«капилляр» (биология),

«конвенция» (право и государство),

«литосфера» (биофизика).

Термины служат специализирующими, ограничительными обозначениями характерных для этой сферы предметов, явлений, их свойств и отношений. В отличие от слов общей лексики, которые зачастую многозначны и несут эмоциональную окраску, термины в пределах сферы применения однозначны и лишены экспрессии.

Наиболее существенными признаками термина являются: социально регламентированная, точно ограниченная сфера применения и точное соотношение слова и вещи (или явления). Субъективные реакции, отраженные в каждом слове обыденной речи, чужды термину – термин внеэмоционален и объективен. Термин не индивидуален, а социален, поэтому всякий термин соотносен с терминологией и всякая терминология является институтом определенной социальной группы [5]. По выражению А.А. Реформатского, терминология и «термины, как их составные части, являются

инструментом, с помощью которого формируются научные теории, законы, принципы, положения», то есть «в терминах отражается социально организованная деятельность, поэтому термины имеют социально обязательный характер» [4].

В связи с глобальными социальными изменениями в России семантика многих специальных терминов изменилась: «классовый» больше не является дифференциальным признаком терминоединиц – «власть, идеология, нация, политика» и т.д., а термины «микросоциология, концепция, конфликты» и другие утратили признак «буржуазный». Пересмотр идеологических и теоретических позиций в отношении социальных феноменов привел к элиминации таких оценочных элементов в значении ряда терминов, как «высшая форма» (коммунизм, социалистическая революция), «главная движущая сила» (рабочий класс). Кроме того, изменился принцип деления специальной лексики на единицы, несущие положительную или отрицательную оценку [6].

Термины существуют не просто в языке, а в составе определенной терминологии, то есть входят в конкретную лексическую систему языка, но лишь через посредство конкретной терминологической системы. В отличие от слов общего языка, термины не связаны с контекстом. В пределах данной системы понятий термин в идеале должен быть однозначным, систематичным, стилистически нейтральным [3].

Термины подчиняются словообразовательным, грамматическим и фонетическим правилам данного языка, создаются путем терминологизации слов общенародного языка, заимствования или калькирования иноязычных терминов-элементов. В современной науке существует стремление к семантической унификации систем терминов одной и той же науки в разных языках.

В результате изучения различных областей специальной лексики было установлено, что наряду с терминами существуют и другие специальные лексические единицы, которые были выделены и описаны: номены, профессионализмы, профессиональные жаргонизмы, предтермины и квазипредтермины, терминойды, прототермины. Эти специальные лексемы имеют ряд общих признаков с терминами, но имеют и отличия.

В терминологической лексике, наряду с терминами можно встретить терминологические единицы, совпадающие по форме со словами общеупотребительной лексики. Наличие во

всякой терминологии определенного количества лексических единиц, которые одновременно являются и специальными терминами, и словами общего языка – так называемых «консубстанциональных» терминов – является общепризнанным фактом.

Термины и нетермины (слова общенародного языка) могут переходить друг в друга. Область терминологии, с одной стороны, замкнута, с другой – находится в непрерывном взаимодействии с обиходной речью. Любое обиходное неслужебное слово может стать термином путем включения в специальный словарь по признаку точного соответствия с определенной социально организованной вещью. С другой стороны, всякий термин может вернуться в обиходную речь путем утраты точного соответствия с называемой вещью.

Ряд исследователей отмечает, что в настоящее время практически каждое слово (за исключением стилистически окрашенных) обозначает понятие, являющееся предметом исследования той или иной предметной области. Напротив, определенная часть слов, которые сейчас признаются общеупотребительными, ранее причислялись к единицам специальной лексики и были известны лишь ограниченному числу посвященных. И лишь со временем они стали общеизвестными. Постоянный процесс перехода общеупотребительной лексики в разряд терминов, и, наоборот, преобразование терминов в общеупотребительные слова свидетельствуют о том, что граница между терминологической и общеупотребительной лексикой нестабильна и имеет функциональный характер, а «ключевым отличием научного термина от общеупотребительной лексики является не форма, а специфичность его употребления» [3], например:

- а) «event» – общеупотребительное значение – «событие, случай, исход, результат»;
- в технике – «такт» (двигателя внутреннего сгорания);
- в физике – «ядерное превращение»;
- б) «immunity» – в медицине «иммунитет, невосприимчивость»;
- в экономике «освобождение от платежа, налога»;
- в дипломатии – «неприкосновенность».

В последние десять лет появление и терминологизация ряда номинативных единиц, а также расширение или сужение значения некоторых существовавших ранее терминов связаны с интересом лингвистов к следующим областям: глобализация и ее последствия («ги-

бридизация»), анализ популярной культуры и информационных технологий («виртуальная реальность»), характеристика эмоций («эмоциональный труд»), социология тела и гендерные исследования («фемининность», «эмоции тела») [7].

Многие новые терминединицы представляют собой заимствования, чаще всего из английского языка. При дальнейшей интенсификации международных научных контактов это приведет к увеличению доли заимствованной лексики во всех сферах научной деятельности: «бизу, бистро, макдональдизация, Эйджизм, супермагистраль, импринтинг, грэб, Тэйл, гуфи, шоулдер, скейтбординг, серфинг, виндсерфинг, сноубординг, бэнк, авеню» и другие. Причем многие термины – англицизмы являются трансистемными в языке-источнике, что при заимствовании способствует их закреплению в беспереводном варианте.

Список литературы

1. Даниленко, В.П. Русская терминология / В.П. Даниленко // – М.: Наука, 1977. – С.83-85.

2. Калинин, А.В. Лексика русского языка / А.В. Калинин // – М.: Наука, 1966. – С.143.

3. Носенко, Г.Н., Кириллова Т.С. К вопросу о термине и терминологических исследованиях // Современные проблемы в лексикологии, терминоведении и теории LSP: сборник научных трудов, посвящается 80-летию Владимира Моисеевича Лейчика / Г.Н. Носенко, Т.С. Кириллова // – М.: МГОУ, 2009. – С. 274-277.

4. Реформатский, А.А. Введение в языкознание / А.А. Реформатский // М. : Аспект-Пресс, 2005. – С. 115.

5. Современные проблемы русской терминологии. М.: Наука, 1986. – С. 122.

6. Пастухов, А.Г. Терминология науковедения как лексика языка отдельной социальной группы / А. Г. Пастухов // Язык образования и образование языка: Материалы международной научной конференции, Великий Новгород, 2000. – С. 238-239.

7. Швырев, В.С. Язык науки / В.С. Швырев // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль. Под ред. Степина В.С. Т. 4, 2001. – URL : <http://iph.ras.ru/ elib/3614.html>.

Е. Г. Кошкина, Е. А. Успенская

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)*

ТВОРЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В СОДЕРЖАНИИ КОНТРОЛЯ КАК УСЛОВИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ (НА ПРИМЕРЕ ЗАДАНИЙ ОЛИМПИАДЫ ПО НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ СТУДЕНТОВ)

THE CREATIVE COMPONENT IN THE CONTENT OF CONTROL AS A CONDITION OF FUTURE SPECIALISTS' TRAINING (WITH THE EXAMPLE OF SCHOLAR CONTEST (OLYMPIAD) TASKS IN GERMAN LANGUAGE)

Статья посвящена проблеме формирования и развития личности будущего специалиста посредством обязательного включения творческого компонента в содержание заданий на всех этапах контроля. Цель – проанализировать, как происходит реализация творческого компонента содержания контрольных заданий, применяемых в такой форме интеллектуального соревнования, как Олимпиада.

В статье делается вывод о том, что включение контролирующих заданий с творческим компонентом содержания в систему оценки изучающих ИЯ должно быть обязательным. От этого будет зависеть эффективность обучения ИЯ, устойчивость мотивации, ясность цели изучения иностранного языка. В конечном итоге это будет способствовать формированию личности

специалиста, который будет располагать компетенциями, обеспечивающими ему конкурентоспособность на рынке труда и делающими его привлекательным для современного работодателя

The article is devoted to the problem of the professional personal formation and development of future specialists through the insertion of a creative component in the content of all control tasks. The aim of the article is to analyze how the creative component is realized in the content of control tasks used in the scholar contest (Olympiad) in German language.

The article it is concluded that the insertion of control tasks with a creative component in the assessing system of German learners has to be already from the beginning. It defines the learning efficiency, stability of learning motivation, clarity of the learning aim etc.

As a result it will conduce the formation and development of highly-skilled professionals with some important competences. For instance it could be a searching ability of unusual problem-solving; abilities to transformation, modification, experimenting, playing with a language, meanings, ideas; ability to create a new product as a activity result. These competences provide a competitive ability of graduated students on the labor-market and attract future employers.

Ключевые слова: формирование и развитие личности будущего специалиста, творческий компонент в системе контроля, творческий компонент в содержании заданий Олимпиады, задания Олимпиады для студентов по немецкому языку (уровень A1-C1).

Keywords: professional personal formation and development of future specialists, a creative component of control tasks, a creative component in the tasks' content of scholar contest (Olympiad), Olympiad tasks for German high school learners (language levels A1-C1).

В существующей в настоящее время модели воспитания и образования основным компонентом является творческий подход к образованию. Это значит, что учебные заведения, осуществляющие профессиональную подготовку специалистов, должны развивать творческие способности обучающихся, к которым относятся умение самостоятельно руководить своим обучением, активно участвовать в процессе обучения, умение учиться всегда и везде, умение справляться с возникающими проблемами в процессе обучения и, самое главное, умение реализовывать полученное знание в практической деятельности, используя необычный креативный способ решения задачи с целью получения оригинального, интересного уникального результата. Формирование таких компетенций и должно стать отличительной чертой профессиональной подготовки специалиста с высшим образованием.

В современных стандартах и программах по иностранному языку творческие задания прочно вошли в содержание заданий на этапе речевой практики. Помимо этого, можно наблюдать устойчивую тенденцию использования творческих проектов и работ, выполняемых на ИЯ, с целью контроля, оценки качества обучения. Форма таких письменных работ может быть различна: от мини-сочинений до развернутых творческих произведений (рассказов, обзоров,

комментариев). Это также реферативные, исследовательские, сценарные, конкретно-практические проекты, игровая деятельность и т.д.

Цель настоящей статьи – проанализировать ряд заданий, используемых с целью контроля и проверки уровня знания языка, выявить присутствие и степень выраженности в них творческого компонента, описать психические процессы, задействованные при выполнении каждого творческого задания, и спрогнозировать влияние контрольных заданий с творческим компонентом на формирование ряда компетенций, которые являются ключевыми в процессе профессиональной подготовки будущих специалистов.

Основополагающим для нашего анализа является **понятие творчества**. В широком смысле оно определяется как высшая форма активности и самостоятельности деятельности человека [5].

Творчество – это деятельность, порождающая нечто качественно новое, никогда ранее не существовавшее. Новизна – одна из важнейших характеристик творческой сущности личности. В открытии и создании качественно нового (новые идеи, оригинальные и эффективные пути решения реальной задачи), имеющего какую-либо ценность и заключается сущность творчества. **Результат творчества** должен отличаться помимо того и обществен-

но-исторической уникальностью, т.е. он не должен иметь аналогов в природе и в культурной деятельности человека, социума [1; 4. С. 295–297].

С точки зрения психологии, творчество – это также процесс создания новых ценностей, как материальных, так и духовных.

Психологическую основу творчества составляет способность творческой фантазии. Это важнейшая черта **творческой личности**, понимаемой, в свою очередь, как личность человека-творца, для которого характерна устойчивая, высокого уровня направленность на творчество, мотивационно-творческая активность, проявляющаяся в органическом единстве с высоким уровнем творческих способностей. Все это позволяет творческой личности достигнуть прогрессивных, социально и лично значимых творческих результатов в одном или нескольких видах деятельности.

Ведущим мотивом в поведении творческой личности, побуждающим ее обращаться к творческой фантазии, является неудовлетворенность, отсутствие ясности, простоты, упорядоченности, завершенности и гармонии. Творческая личность стремится уйти от такой дисгармонии, неудовлетворяющей реальности, преобразовать ее и создать новую действительность, новый мир, в котором она будет чувствовать себя комфортно и в условиях которого возможно и изменение собственного «Я» [7; 3].

Творческая личность обладает такими **качествами**, как развитое воображение (смекалка и догадка как ее составляющие), изобретательность, вдохновение, интуиция, инициатива, новаторство (стремление к новому, необычному), любознательность (и даже любопытство), увлеченность и наблюдательность, нацеленность на результат, независимость.

В качестве **критериев сформированности (показателей уровня развития)** творческой личности можно рассмотреть следующие ее характеристики: способность быстро привлекать свой собственный и / или опыт предшествующих поколений для решения новых задач (возможно даже несколькими способами), умение оценивать и отбирать путем анализа всех «за» и «против» наиболее подходящие варианты решения. Это также способность переключаться на другие полюса проблем, т.е. умение абстрагироваться от конкретного аспекта задачи и искать решение, исходя из комплексного анализа ситуации.

Что касается **личности изучающего ИЯ**, то ведущими признаками его креативности явля-

ются, по мнению Н. Ф. Коряковцевой, следующие:

- направленность на решение неординарных задач, в которых отсутствует готовый способ решения;

- создание новых знаний как основы для разработки способов решения задач (направленность на овладение способами деятельности);

- умение выработать собственные способы творческой учебно-познавательной деятельности;

- открытость языковому и речевому опыту, терпимость по отношению к неясности, двойственности значения, смысла и т.д. [2. С. 97].

Рассмотрев в общем и целом понятия творчества и творческой личности, перейдем к проблеме ее формирования.

Занимаясь вопросом **творческого развития личности**, И. М. Румянцева, известный ученый-психолингвист, а также практикующий психолог и педагог, утверждает, что формированию творческой личности обучаемого способствует развитие таких психических процессов, как **внимание и память, ощущение и восприятие, эмоции, воображение, а также мышление**.

Среди всех психических процессов **воображение**, по мнению И. М. Румянцевой, является основой образного и творческого мышления. Это – универсальное свойство и способность человеческой психики к созданию новых целостных образов путем переработки чувственного интеллектуального, эмоционально-смыслового и практического опыта.

На воображении основано творческое, или нестандартное **мышление**¹, необходимое для постановки новых вопросов, выявления новых возможностей, для рассмотрения старых проблем под новым углом.

Для формирования речи (и особенно иноязычной!) важно развивать все виды мышления: и логическое, и образное, и творческое, «обогащая его всеми красками и оттенками чувств, эмоций и ощущений, наполняя его новыми идеями, неожиданными решениями и интуитивными озарениями» [8. С. 225].

¹ Мышление в широком понимании – это способность человека связывать образы, представления и понятия, определять возможности их изменения и применения, обосновывать выводы, регулирующие поведение, общение, дальнейшее движение самой мысли. Это процесс познавательной деятельности индивида, характеризующийся опосредованным (основанным на раскрытии связей, отношений) и обобщенным отражением реальности [6].

Что касается **эмоций**, то здесь следует отметить, что эмоциональные моменты играют важную конструктивную роль в процессах внимания, восприятия, мышления, запоминания. Эмоционально окрашенный материал перерабатывается и усваивается намного лучше, чем эмоционально безразличный или по характеру нейтральный.

Внимание, без которого невозможно формирование творческой личности, представляет собой избирательную направленность нашего сознания и сосредоточенность его на значимых для человека объектах и явлениях окружающей действительности, собственных переживаниях. Это также процесс и состояние настройки человека на восприятие приоритетной информации. **Внимание** – это отправная точка работы как **восприятия**, так и **памяти**. Последняя также отвечает за формирование творческой личности и составляет центральное звено в цепочке психических процессов, ответственных за овладение человеком иноязычной речью, причем акцент делается именно на произвольной памяти. Для организации плодотворной работы произвольной памяти необходимо начать с возбуждения у обучающихся интереса и включения эмоций, которые создают мотивацию и привлекают внимание, необходимые для работы памяти. [8. С. 211–214].

И. М. Румянцева полагает, что **в процессе обучения иноязычной речи чисто языковые цели** на отработку лексики или грамматических структур **необходимо сочетать с совершенствованием всех психических процессов** (восприятия, памяти, воображения, мышления). Образы, созданные при участии чувств, с органично вплетенным в них языковым материалом, сохранятся в сознании человека надолго и даже уйдя в пассивные слои памяти, они могут быть легко «восстановлены», как только человек услышит знакомый звук, почувствует пережитые эмоции, увидит знакомый силуэт и т.п. [8. С. 108–110].

Итак, формирование творческой личности невозможно без совершенствования психических механизмов, лежащих в основе творческой деятельности. Следует правильно воздействовать на эти механизмы, используя специальные упражнения и задания. Причем делать это необходимо, во-первых, незаметно для обучающихся, в частности в системе творческих заданий, игровых ситуаций, проектной деятельности, и во-вторых, регулярно и на всех этапах обучения ИЯ. В том числе и на этапе

контроля, будь то текущий, промежуточный или итоговый контроль.

Далее мы рассмотрим, как реализуется выше сказанное в заданиях студенческой Олимпиады по немецкому языку. Олимпиада рассматривается в рамках данной статьи как способ оценки, контроля уровня освоенности языкового материала и степени сформированности соответствующих компетенций.

Для анализа используем задания второй Всероссийской Олимпиады по немецкому языку для студентов, проведенной в 2014-2015 гг. под эгидой культурного центра им. Гете, при участии ведущих университетов Москвы и Германской службы академических обменов (ДААД) в рамках «Года немецкого языка и литературы» под девизом «С немецким к вершинам!»¹.

Она проходила в форме соревнования студентов российских вузов по творческому применению общих и коммуникативных компетенций в сфере профессиональной коммуникации на немецком языке. В Олимпиаде принимали участие студенты со знанием немецкого языка, как первого, так и второго иностранного (A2-C1), обучающиеся по образовательным программам разных направлений, специальностей и специализаций² всех вузов Российской Федерации независимо от их ведомственной подчиненности и организационно-правовой формы.

Попытаемся проанализировать задания уровней B1-C1 с целью установления их творческого характера, или, другими словами, выявления наличия творческого компонента и степени его выраженности в содержании контролирующих заданий. Также остановимся параллельно на описании психических процессов, которые оказываются задействованными в процессе выполнения заданий и способствуют развитию творческой личности обучающегося.

Первый отборочный этап включал два закрытых и одно открытое задание³. Задания закрытого типа были направлены на чтение / по-

¹ Mit Deutsch an die Spitze!

² Лингвистика, перевод и переводоведение, теория и методика преподавания немецкого языка, юриспруденция, экономика и управление, политология, социальные науки, журналистика, PR, технические науки, математика, информационные технологии, медицина, фармакология, сельскохозяйственные науки; участники, владеющие немецким языком на уровне A2, не разделялись на группы по специальностям

³ На выполнение заданий того и другого типа отводилось 14 дней, после чего задания первого типа проверялись автоматически, проверка открытых заданий осуществлялась экспертной комиссией.

нимание („Leseverstehen“) и на речевые структуры („Sprachbausteine“).

На уровне B1 студентам был предложен текст по специальности с целью проверки умения чтения с полным пониманием содержания объемом около 2,5 тысяч знаков, после этого нужно было оценить семь утверждений как «Richtig» / «Falsch» / «das steht im Text nicht».

На уровне B2 был представлен более объемный текст по специальности (от 3 до 3,5 тысяч знаков). После его чтения с полным пониманием содержания студентам предстояло выбрать для семи высказываний один из трех вариантов продолжения, представленных в перефразированной форме.

На уровне C1 студентам предстояло прочитать текст, объемом около 4 тысяч знаков (чтение с полным пониманием). Основные идеи текста были изложены также в семи высказываниях, данных в 3 вариантах, один из которых содержал ложное утверждение, его и следовало найти. Сложность задания заключалась в том, что ни одно из утверждений не являлось прямой цитатой из текста. Для правильного выполнения задания требовалось понимание всего содержания и большое внимание к деталям.

Анализ заданий Олимпиады на чтение приводит нас к выводу о том, творческий компонент в их содержании представлен имплицитно, в скрытом виде. Задания не отсылают нас к прямому творческому действию. Однако, на основе воспринятой информации и имеющихся у нас знаний, опыта, жизненных установок и т.п. в ходе чтения, понимания содержания и выполнения послетекстовых заданий в нашем сознании происходит сложный процесс порождения другого текста. Это – новый, в определенной степени творческий продукт, отличный от исходного текста и сугубо индивидуальный.

Таким образом, задания, призванные проверить уровень сформированности такого рецептивного вида речевой деятельности, как чтение, имплицитно направлены и на креативную работу с языковыми и речевыми структурами текста. Необходимость анализа проблемы, осуществляемого с опорой на собственный опыт и свое знание, в том числе и как будущего специалиста, требует определенной гибкости мышления, способности прогнозировать, домысливать, синтезировать новое решение проблемы.

Задание закрытого типа на речевые структуры („Sprachbausteine“) **уровня B1** заключалось в том, чтобы выбрать из предложенного списка слово (всего семь, разных частей речи, даны в рамке после текста) и, не меняя его формы (!),

вставить в текст, не нарушив при этом логичности и связности. Задание осложнено тем, что два слова в списке – лишние, о чем студент уведомлен в отдельной инструкции перед началом выполнения задания (**Achtung: Keine Lücke darf leer bleiben. Zwei Wörter sind zu viel**).

Задание на речевые структуры для **уровня B2** предполагало выбор одного из трех вариантов для заполнения пропуска в тексте и было направлено на проверку формального знания сложных грамматических структур уровня B2, устойчивых выражений, разницы между грамматическими и лексическими синонимами и т.п.

На уровне C1 знание речевых структур контролировалось на основе текста по специальности (официальный стиль) где имелось семь пропусков, которые нужно было заполнить, выбрав вариант из предложенного списка (два слова при этом должны остаться неиспользованными).

В заданиях из раздела «Sprachbausteine» представленность творческого компонента минимальна. Их основная цель – контроль знаний лексико-грамматических структур, однако, эти задания требуют определенной степени сформированности языковой догадки, внимательности, большой концентрированности и тщательного вчитывания в каждое предложение.

На примере анализа блока закрытых заданий приходим к заключению о том, что контроль, конечно, должен иметь две составляющие: формальную (контроль знания языковых и речевых структур) и творческую (контроль сформированности умения применять изученное для решения нестандартных задач). Задача контролирующего – умело объединять эти два конституента в единой системе контроля, понимая при этом, что без определенного уровня сформированности языковых и речевых навыков их творческое использование является, вряд ли, целесообразным и эффективным.

Открытое задание первого тура Олимпиады, в отличие от закрытых, было разработано как эксплицитно и в полной степени творческое, способствующее выявлению уровня владения таким продуктивным видом речевой деятельности, как письмо.

На уровне B1 содержание открытого задания заключалось в описании в форме e-мэйла (не менее 180 слов) собственного опыта по определенной проблеме («В одном журнале Вы прочитали письма студентов о чрезмерном стрессе в университете. ... »¹). В качестве

¹ Инструкция: «Schreiben Sie an die Redaktion des Magazins einen Leserbrief und gehen Sie dabei auf folgende Punkte ein»

опорных пунктов было дано три вопроса, а также вводная и заключительная фразы письма:

*Liebe Redaktion,
ich habe Ihren Artikel „Stress an der Uni“ gelesen und ...*

... ..

... ..

Mit freundlichen Grüßen, ...

Задание на письмо уровня B2 было более объемным, не менее 200 слов. Студент должен был представить собственное отношение к проблеме (например, «Лекарство против старения» („Wunderpille gegen Alter“), проанализировав предварительно ее видение другими людьми. Составление текста происходит, как и на уровне B1, с помощью опоры, предполагающей, однако, большую свободу для развернутого высказывания («Что Вы думаете по этому поводу», «Обоснуйте свое мнение» «Назовите преимущества и недостатки этого нового лекарства (Was denken Sie über diese Äußerungen? Begründen Sie Ihre persönliche Meinung. Welche Vor- und Nachteile sehen Sie in dieser Erfindung?).

Открытое задание уровня C1 предполагало написание текста, объемом не менее 400 знаков. Студенты имели право выбрать одну ситуацию из двух предложенных. В первом случае нужно было поделиться опытом прохождения практики. Написание подобного типа текста (Erfahrungsbericht) должно производиться в соответствии с определенной структурой, которая была задана в опорных вопросах. В формулировке задания также присутствовала дефиниция¹ и отсылка к интернет-источнику (<http://de.wikipedia.org/wiki/Erfahrungsbericht>) для осведомления об особенностях текста «Erfahrungsbericht».

Второй вариант задания заключался в написании сочинения-рассуждения. Задание содержало рекомендацию по структуре сочинения (Berücksichtigen Sie auch den Aufbau des Textes (Einführung in das Thema, Hauptteil, Schlussfolgerung) и указание на рассмотрение проблемы с двух сторон.

В процессе выполнения задания открытого типа задействованы многие психические процессы, лежащие в основе творческой деятельности и способствующие ее развитию. Это, прежде всего, мышление, в его логической и творческой форме, воображение (способность фантазировать), память (припоминание важ-

ных деталей имеющегося опыта) и внимание (напр. к структуре, форме представления письменного монолога).

В процессе письменной продукции текста задействована также эмоциональная сторона психики. Эмоции, возникающие у студента в процессе выполнения задания, связанные с его личной заинтересованностью в вопросе и / или уже имеющимся личным опытом, будут несомненно содействовать достижению хорошего результата при выполнении творческого задания.

Второй отборочный тур Олимпиады под названием «Fokus: Karriere» представлял собой конкурс видеороликов продолжительностью не более 100 секунд на одну из предложенных тем: „Mein Beruf: international!“, „Neue Perspektiven in meinem Beruf“, „Deutsch ist als Türöffner in meinem Beruf“, „Mein Fach: Was und Wozu?“

Задание представляет собой полноценный творческий проект, сочетающий в себе несколько элементов творчества: создание необычного сценария, отражающего суть выбранной темы, видео-реализация этого сценария, актерская игра автора, творческое оформление подаваемого материала и т.п. Воплощая проект в жизнь, студент берет на себя не только роль сценариста, режиссера и актера, но и роль критика, аналитика. Показать главное, суть проблемы в условиях строгого временного регламента (100 секунд), сделать это ярко, впечатляюще, а самое главное, на иностранном языке – это ли не высшее проявление творческой личности, способной к задействованию всего своего креативного потенциала в процессе решения необычной задачи на основе имеющихся сформированных речевых умений и навыков.

Процесс создания подобных проектов² позволяет решать, как отмечает Н. Ф. Коряковцева, важные практические и образовательные задачи, повышать не только заинтересованность учащихся в изучении языка и культуры, но и степень их эмоционального участия, раз-

¹ Ein Erfahrungsbericht ist ein subjektiver schriftlicher Bericht einer Person über ein bestimmtes Thema, Gebiet oder Objekt, zu dem die Person Erfahrungen gesammelt hat.

² Идея проектной деятельности восходит к теории прагматической педагогики Дж. Дьюи – «обучение в практической деятельности» (learning by doing), или обучению, сочетающемуся с опытом практической деятельности» (experimental learning). В отечественной педагогике идеи деятельностного, в том числе проектного обучения разрабатывались в исследованиях А.Н. Леонтьева, С.Т. Шацкого, в практике А.С. Макаренко, а позднее педагогами-новаторами, в теории проблемного обучения (М.И. Махмутов, И.Я. Лернер). [2. С. 122].

вивать творческие способности и умение добывать знания из окружающей жизни, работать с аутентичными материалами, воспитывать ответственность за себя и за работу всей группы. ... Создание проекта обеспечивает подлинно продуктивный характер учебной деятельности и продуктивность образовательного процесса в целом [2. С. 121].

Третий (заключительный) тур Олимпиады был сфокусирован на студенте как личности. Задания финала делились на 2 типа: задание, выполняемое индивидуально с предварительным временем на подготовку (подготовленное монологическое высказывание по заданной проблеме) и задание в паре (диалог), не предполагающее подготовку.

Что касается подготовленного монологического высказывания, то время, отводимое на подготовку и презентацию материала, а соответственно, конечно, и объем высказывания, увеличивается от уровня к уровню. И если участники с уровнем A2 должны были высказываться по теме 2 минуты, имея перед этим 5 минут на подготовку, то студенты уровня C1 после 15 минутной подготовки должны были говорить 10 минут. В зависимости от уровня владения языком увеличилось с 3 до 10 минут и время на презентацию диалога при выполнении задания в паре.

Увеличение объема продуцируемого текста стало не единственным критерием, изменение которого было принято в расчет методической комиссией при разработке заданий финала. Критерий „berufsbezogen“ / „fachbezogen“ становится обязательным на уровне B2, C1. Задания для студентов уровня A2 касались повседневных проблем и ситуаций. Для уровня B1 разрабатывались задания с учетом их отнесенности (! и важности) к учебным ситуациям студентов (studienrelevant).

От степени владения языком усложнялся и тип текста при монологическом и диалогическом высказывании.

На уровне A2 надо было выразить свое мнение по проблеме, представленной в небольшом текстовом отрывке. От контролируемого выполнение такого задания требует, прежде всего, внимательного и сосредоточенного прочтения с целью установления основной проблемы и / или отношения автора текста к поставленному вопросу. Как мы уже отмечали выше, такое действие требует определенной догадки, логичного мышления, умения анализировать факты и синтезировать на основе этого анализа некоторый новый творческий продукт –

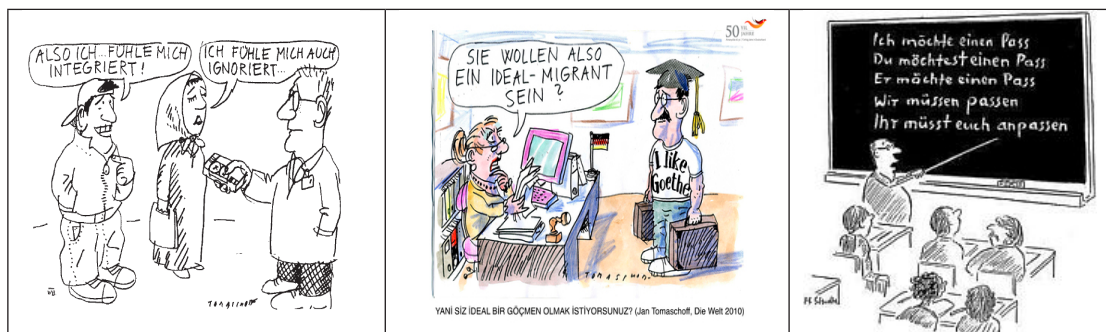
в нашем случае новый текст в устной форме, представляющий отношение контролируемого к проблеме исходного текста. Продукция текста в свою очередь требует также творческого подхода. Нужна определенная фантазия, способность к прогнозированию, к подведению вероятностных выводов.

Стимулом к производству монологического высказывания на **уровне B1** становится не текст, а ряд тематических картинок, на основе которых студент выявляет проблему (! ein studienrelevantes Problem) и высказывается по теме (см. пример: Ряд картинок на тему „Prüfungsangst“).

Производство монологического текста на основе анализа (ряда) картинок является творческим, требующим от контролируемых абстрактного мышления, способности к анализу и синтезу. Наглядность в отличие от вербального текста всегда является более мощным эмоциональным стимулом к творческой продукции текста. Чем выше степень эмоционального воздействия – тем в более интересной творческой форме может быть реализован продукт деятельности, побуждаемой этим стимулом.

На уровне B2 стимулом к монологическому высказыванию является ряд карикатур, на основе которых требовалось выразить свою собственную точку зрения на существующую в обществе острую социальную проблему.

Творческая работа с карикатурами, подразумевающая интерпретацию языка изображения, понимание авторского посыла, анализ явления реальной жизни и т.п. требует от контролируемого задействования многих психических процессов, а именно творческого мышления, воображения, эмоционального участия. Также происходит апеллирование к его опыту и знаниям как будущего специалиста.

С другой стороны, все перечисленное выше предполагает определенный уровень сформированности творческой личности и является условием ее дальнейшего совершенствования на пути к формированию качеств уникального специалиста, способного в будущем эффективно работать в любых нестандартных условиях решения профессиональных задач.

На уровне С1 побуждение к высказыванию происходит на основе газетного заголовка и подзаголовка. Следующая за ними инструкция ориентирует студентов на выражение собственного мнения, анализ причин и формулирование предложений по возможному решению проблемы.

При выполнении этого задания творческий подход выражается в том, что студент берет на себя роль эксперта и, опираясь на полученные знания и опыт, анализирует причины реально существующей проблемы и старается найти (а точнее, придумать) возможные пути ее решения. В этом процессе синхронно задействованы такие способности, как умение анализировать отдельные факты, на основе анализа приходить к их абстрактному обобщению, а затем снова идти от общего к частному и предлагать возможные шаги по решению проблемы. Здесь участвуют такие психические процессы, как внимание, воображение, эмоции. Определенная роль отводится и личностному темпераменту и, несомненно, наличию / отсутствию опыта.

Неподготовленное задание, выполняемое в паре, представляет собой диалог на неспециальную тему, например, планирование поездки

для прохождения языковых курсов в Германии (**уровень А2**, общение с опорой), на тему, затрагивающую их интересы как студентов (**уровень В1**). На этом уровне предполагается апеллирование к их опыту и обмен имеющимся опытом по поднимаемому вопросу. Стимулом к дискуссии становится наглядность или вербальная презентация актуального для студента вопроса, которая предполагает наделение участников определенной ролью (роль «за» и «против»). Дискуссия на **уровне В2, С1** имеет форму ролевой игры и затрагивает профессиональную область участников. Обсуждаемая проблема актуальна, ее решение требует от студентов интегрированного знания по своей специальности.

Использование приема «наделение участников диалога ролью» (будь то роль «за» / «против» или более сложная роль, в рамках которой каждый партнер диалога представляет собой конкретное лицо со своей позицией, точкой зрения на обсуждаемый вопрос) является эффективным и целесообразным как на этапе речевой практики, так и в процессе контроля.

Ролевая игра в понимании педагогов – это процесс, открывающий простор для импровизации и самовыражения. Помимо решения ряда педагогических задач (формирование определенных навыков, развитие речевых умений, обучению умению общаться, развитие познавательного процесса и познавательной активности, развитие психических функций и способностей) ролевая игра направлена на устранение таких факторов, формирующих психологический барьер при высказывании, как стеснение, страх, тревожность, скованность, стресс. Ролевая игра обеспечивает состояние увлеченности, творческой инициативы, активности, высокую мотивацию – всего того, что, несомненно, требуется для подготовки будущего специалиста в институциональных условиях [9. С. 17–18].

На примере представленного анализа заданий Всероссийской Олимпиады по немецкому

языку для студентов делаем вывод о том, что контроль призван в первую очередь выявить не только и не столько степень усвоенности материала, сформированности на его основе умений и навыков, а наличие у обучаемых определенных компетенций и степени их сформированности. Именно последнее и проверяется посредством творческих заданий, содержащих ситуации, которые имитируют реальные ситуации повседневной или профессиональной деятельности (зависит от уровня владения языком).

Способствуя осуществлению контролирующей функции, творческий компонент выполняет и развивающе-образовательную функцию, поскольку побуждает обучающегося обращаться не только к своей фантазии и творческому «оперированию» с уже познанным и усвоенным, но и к дополнительному знанию, помогающему реализовывать оригинальный творческий замысел в процессе решения задачи с нестандартным условием.

Необходимо обозначить и мотивационную функцию, которая благодаря творческому компоненту также будет присутствовать на этапе контроля и причем в более яркой форме, нежели при традиционном контроле языковых структур и т.п.

На основе изложенного следует сделать вывод о необходимости включения контролирующих заданий с творческим компонентом содержания в систему оценки изучающих ИЯ. Причем, чем раньше это будет сделано (на этапе дошкольного обучения, при обучении взрослых на уровне А1), тем более эффективным будет обучение ИЯ, тем более устойчивой будет мотивация, тем понятнее станет цель изучения иностранного языка.

При разработке творческих заданий необходимо, как это следует из наших рассуждений выше, опираться на психические процессы, лежащие в основе творчества: память, мышление, воображение, эмоции. Причем делать это нужно целенаправленно и регулярно и, самое главное, в совокупности с подаваемым языковым и речевым материалом. Последний будет

усваиваться более эффективно и легко воспроизводиться.

Результатом использования творческих заданий на этапе контроля будет формирование необходимых для будущей профессиональной деятельности компетенций, помогающих специалисту ориентироваться и действовать в быстро меняющихся условиях и при решении нестандартных задач.

Список литературы

1. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.; СПб., 1997. – 1456 с.
2. Коряковцева, Н. Ф. Теория обучения иностранным языкам: продуктивные образовательные технологии: учеб. пособие для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2010. – 192 с.
3. Краткий психологический словарь / Под общей ред. А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1985. – 431 с.
4. Основы психологии и педагогики / И. Т. Кавецкий, Т. Л. Рыжковская, И. А. Коверзнева, В. Г. Игнатович, Н. А. Лобан, С. В. Старовойтова. – Минск.: Изд-во МИУ, 2010. – 309 с.
5. Российская педагогическая энциклопедия в двух томах: Том II / Гл. ред. В. В. Давыдов. – М.: Научное издательство «БОЛЬШАЯ РОССИЙСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ», 1999. – 956 с.
6. Педагогические теории, системы, технологии: справочные материалы / авт.-сост. В. А. Фадеев, В. П. Свиридова, О. В. Наумов. – Рязань: Из-во РГПУ, 1999. – 200 с.
7. Психоаналитический глоссарий / ред. В. И. Овчаренко. – Минск: Из-во Вышэйшая школа. 1994. – 307 с.
8. Румянцева, И. М. Психология речи и лингвопедагогическая психология. – М.: ПЕР СЭ; Логос, 2004. – 319 с.
9. Технология игровой деятельности: учебное пособие / Л. А. Байкова, Л. К. Гребенкина, О. В. Еремкина. Рязань: Из-во РГПУ. 1994. – 120 с.

Л. Н. Лубожева

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)ИННОВАЦИОННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ВУЗЕINNOVATIVE EDUCATIONAL PRACTICE IN LEARNING
FOREIGN LANGUAGE IN THE UNIVERSITIES

В данной статье рассматривается проблема своевременности появления новых образовательных технологий в вузе, а также представлены результаты внедрения в учебный процесс такой образовательной технологии как проект и трудности, с которыми столкнулись как организаторы, так и участники данного вида деятельности.

This article studies the problem of timeliness of the appearance of a new educational practice in the universities. Besides, paper presents the results of introduction of such a technology like project in the educational process and the difficulties, which both the organizers and the participants met.

Ключевые слова: образовательные технологии, проект, портфолио, самоменеджмент, учебный процесс.

Keywords: educational technologies, project, portfolio, self-management, educational process.

Сфера образования в настоящее время испытывает влияние как культуры так и науки, как экономики и политики так и техники в момент их развития, что достаточно определенно проявляется в виде трех тенденций.

Первая тенденция – глобализация, которая характеризуется процессами становления и гармонизации многомерного мира во всех его формах проявления; вторая – открытость, непосредственно связанная с тяготением ко всему новому: знанию, технологиям, взглядам, культурам, условиям жизни и деятельности, способам общения и средствам реализации творческого потенциала; третья – неопределенность, что требует от современного человека готовности к быстрой смене жизни и деятельности, новым проблемам или неожиданным обстоятельствам [6. С. 432]. Если первая тенденция проявляется в глобальной информатизации общества, достижение которой обеспечивается средствами информационных технологий, а вторую связывают с процессами массовой социальной и межкультурной коммуникацией, что создает потребность в применении и освоении диалогических и коммуникативных технологий, то третья тенденция стимулирует к самостоятельному выбору различных жизненно важных стратегий: учебных, поведения, образа жизни, пониманию ценностей и т.д., что требует от нас профессионального умения решать проблемы различных уровней и достичь

это можно только повышая уровень своего образования и профессионализма в течение всей жизни. По мнению Л.С. Гребнева «Такое самообразование сейчас – потребность глобальной инновационной экономики. Оно имеет прикладной характер и может регулироваться рынком» [1. С. 217–220].

Для того, чтобы молодые люди были готовы к ситуации неопределенности, их необходимо готовить во время обучения и создавать в образовательном процессе условия, чтобы молодежь могла овладеть технологиями самоменеджмента (самоорганизации и самопрезентации).

В ВУЗе как одном из звеньев системы непрерывного образования создаются все условия для развития и саморазвития личности и, именно здесь усиливается как роль самостоятельной работы обучающегося, так и важность самоорганизации всех субъектов процесса образования. Все это предполагает появление новых образовательных технологий.

Прежде всего, хотелось бы сделать акцент на том, что понятие «образовательная технология» близка по смыслу к терминам «педагогическая технология» и «технология обучения», но эти три понятия не являются синонимичными.

Понятие «педагогическая технология» связана с определенными профессиональными действиями педагога, осознанно включающими известный ему механизм развертывания ло-

гики того или иного педагогического процесса как процесса достижения цели или процесса реализации поставленной задачи [5. С. 256]. Что касается трактовок термина «технология обучения», а их достаточно много, то в нашей работе, мы вслед за В.С. Кукушкиным воспринимаем данную технологию как процесс проектирования и реализации на практике целостной дидактической системы. [3. С. 320].

«Образовательная технология» - это термин собирательный, который сложно соотнести с каким-либо конкретным видом той или иной деятельности. «Это вариант описания модели образовательного процесса, в котором акцент может быть сделан на дисциплинарном образе определенной отрасли знаний, организационной структуре учебного процесса или характере взаимодействия. Ее можно рассматривать в связи с конструированием образовательного процесса и реализацией этого проекта в образовательной практике [6. С. 432].

Усиление роли самостоятельной работы обучающегося в ВУЗе, что связано с переходом на деятельностную парадигму образования, делает данный вид деятельности ведущей формой организации учебного процесса и требует использования новых образовательных технологий или традиционных, но в новых формах.

Существуют и применяются на практике множество разных образовательных технологий: одни из них направлены на организацию работы обучающегося с информацией, другие – на актуализацию потенциала субъектов образовательного процесса и т.д. В Челябинском государственном университете на экономическом факультете мы уже применяли и активно продолжаем работать над составлением портфолио, в связи с чем мы пришли к выводу, что «такой вид образовательной технологии как «портфолио» очень эффективен и может стать одним из способов формирования ключевой компетентности – «самоменеджмента» [2. С. 77–81].

В данной работе хотелось бы остановиться на другом виде образовательной технологии. Это – «проект». Диапазон учебных целей данной технологии – «развитие познавательных, творческих навыков учащихся, умений самостоятельно конструировать свои знания, умений ориентироваться в информационном пространстве, развитие критического мышления», а суть – «стимулировать интерес учащихся к определенным проблемам, предполагающим владение определенной суммой знаний и через проектную деятельность, предусматривающим решение этих проблем, умение практически

применить полученные знания» [4. С. 27]. Так как мы рассматриваем данную технологию в образовательной среде вуза, то необходимо добавить ко всему вышесказанному, что обучающиеся должны иметь возможность использовать результаты проектной деятельности в своей профессиональной сфере.

Прежде чем внедрить данную технологию в том виде, в котором мы собирались это сделать, мы поставили следующие задачи: научить правильно работать с источниками (отбирать, систематизировать и анализировать информацию по выбранной теме); научить использовать технологии самоменеджмента (самоорганизации и самопрезентации); стимулировать интерес учащихся к определенным проблемам; раскрыть творческий потенциал обучающегося; организовать самостоятельную работу учащегося; закрепить материал за семестр.

Исходя из поставленных задач, осознавая, что применение одной технологии будет затруднительно, мы решили применить несколько и немного изменить проектную технологию, по сути, расширить ее.

Именно поэтому нам пришлось перестроить модель процесса изучения дисциплины «Иностранный язык» для бакалавров экономического факультета 1-2 курсов. Ранее в течение семестра мы работали над темами, которые иногда были не связаны между собой, полагаясь на профессионализм составителей того или иного учебного пособия, выбранного для данной дисциплины. В этом году мы выбрали темы так, чтобы последующая тема являлась продолжением предыдущей или имела какие-либо точки соприкосновения. Весь курс дисциплины был разделен на 4 блока в соответствии с семестрами и каждый семестр был представлен как подготовительный этап одного итогового проекта, который обучающиеся готовили в течение всего семестра.

На примере первого семестра мы попробуем показать, как был организован процесс, к каким результатам мы пришли и с какими трудностями мы столкнулись.

Согласно программе дисциплины в первом семестре обучающиеся должны изучить следующие темы: «Мы – люди планеты», где рассматриваются такие вопросы как история, культура и этикет разных народов, а также происходит знакомство с известными достопримечательностями. Следующая тема «Взаимоотношения» раскрывает такие понятия как семья, дружба, любовь, работа. Третья тема «Традиции и обычаи», продолжая предыдущие, дает ответы на

соответствующие пункты. И последняя тема – «Средства массовой информации», с помощью которых мы узнаем все вышеуказанное, представляет нам массу практического материала для исследования. Объединив эти темы и обсудив с обучающимися то, с чем мы будем работать, молодые люди выбрали проект, который называется «Освещение СМИ культуры и быта разных национальных моделей». Участники проекта предложили выбрать две модели: азиатскую и европейскую. Таким образом, на аудиторных занятиях мы будем знакомиться с этими вопросами в общем, а тонкости обучающиеся будут исследовать через различные средства массовой информации самостоятельно в группах, для чего обучающиеся организовали две группы и выбрали проект-менеджера. Роль последнего в большей степени – организовать работу группы и отчитываться перед преподавателем этой дисциплины ежемесячно.

Целью данного проекта является не только и не столько представление национальных моделей с разных сторон, сколько исследование и составление набора инструкций, как правильно вести себя и общаться с представителями рассматриваемых моделей в профессиональной деятельности, так как участники проекта являются обучающимися экономического факультета и по роду своей деятельности часто встречаются с людьми разных национальностей.

Проект состоит из четырех компонентов: портфолио, в котором должна быть представлена вся информация о проекте и само исследование, включая цифровые данные; презентация проекта в режиме Power-Point; защита проекта, то есть публичное выступление, а также молодые исследователи должны разработать задания для обратной связи, что является действенным средством формирования познавательной мотивации.

Кроме того, безусловно, нами были разработаны и критерии оценивания данного проекта, которые были выданы проект-менеджеру на начальном этапе. Эти критерии предусматривали два вида деятельности: индивидуальный – публичное выступление и групповой – исследовательская работа по проекту, работа с портфолио и презентацией, а также набор заданий для обратной связи.

При оценивании портфолио основными критериями были: актуальность проблемы, теоретическая и практическая значимость. Основным требованием к презентации было качество данного продукта. При публичном выступ-

лении внимание уделялось компетентности участника проекта, в частности оценивалось говорение, так как дисциплина языковая; четкость и ясность изложения материала и немаловажным было умение удерживать внимание слушающей аудитории. Задания для слушателей должны были быть креативными и умело и вовремя использоваться. Максимально за проект можно было получить 10 баллов, из них по 3 за такие виды как портфолио, презентация и публичное выступление и 1 балл – за задание.

Обучающиеся работали над проектом, как уже было отмечено, в течение всего семестра и в результате данной работы действительно были представлены все четыре компонента данной технологии, но следует отметить, что результаты были не совсем те, которые ожидалось от обучающегося в ВУЗе. Если говорить о портфолио, то материал был не четко структурирован, не всегда присутствовали выводы и больше материал был представлен реферативно, чем исследовательски, а также не указаны источники. Что касается презентации, то здесь были недочеты в последовательности и логичности слайдов и имелись грамматические ошибки. При публичном выступлении обучающимися было допущено большее количество ошибок. Это, прежде всего, изложение материала, который просто считывался с листа, наличие грамматических ошибок и недочеты в произношении, что затрудняло понимание информации. И, наконец, задания, как вариант обратной связи со студентами, в некоторых группах были просто выданы, без четких указаний, что с ними делать.

Таким образом, выслушав несколько проектов разных групп первого курса, можно сделать следующий вывод: с одной стороны данный вид деятельности затруднен для обучающихся первого курса по многим причинам (новый вид деятельности, новые требования, новый коллектив, нет преемственности между школой и ВУЗом и т.д.), с другой стороны, согласно тенденциям развития современного мира – глобализации, открытости и неопределенности, то есть то к чему мы должны подготовить наших будущих специалистов, данный вид деятельности является, бесспорно, хорошей школой для них. При выполнении данного вида деятельности задействованы разнообразные умения, навыки и знания студентов, что дает возможность повторить и закрепить изученный за семестр материал, а также развить творческий потенциал обучающегося при подготовке заданий для обратной связи. Сам

материал и тема, которую выбирают участники проекта самостоятельно – вызывает интерес к работе, а результат проекта – готовый продукт, в данном случае презентация, может быть использован как учебный материал при изучении других дисциплин и в профессиональной деятельности, что повысило значимость результатов своей работы. Более того, самостоятельное выполнение проекта научило использовать такую технологию как самоменеджмент.

Список литературы

1. Гребнев Л. С. Образование и будущее России в многоконфессиональном мире / Л. С. Гребнев // Федеральный справочник «Образование в России». М., 2003. С. 217–220.
2. Лубожева Л. Н. Портфолио как способ формирования «самоменеджмента» / Л. Н. Лубожева // Профессиональный проект: идеи,

технологии, результаты: науч. журнал. – Москва – Челябинск: АНО НОЦ «Со-Действие», 2013. – № 4 (13). – С. 77–81.

3. Педагогические технологии: учеб. пособие для студентов пед. специальностей / под ред. В. С. Кукушкина. Ростов н/Д: Март, 2002. – 320 с.

4. Полат Е. С., Бухаркина М. Ю., Моисеева М. В., Петров А. Е. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие для студ. пед. вузов и системы повышения квалиф. пед. кадров / под ред. Е. С. Полат. М.: Академия, 2001. – С. 27.

5. Селевко Г. К. Современные образовательные технологии: Учебное пособие. – М.: Народное образование, 1998. – 256 с.

6. Современные образовательные технологии: учебное пособие / коллектив авторов; под ред. Н. В. Бордовской. – 2-е изд., стер. – М.: КНОРУС, 2011. – 432 с.

И. А. Майер

*Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева
(Красноярск, Россия)*

ЭЛЕКТИВНЫЙ КУРС ПО СТРАНОВЕДЕНИЮ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УЧАЩИХСЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНО- СТРАННОМУ ЯЗЫКУ В КЛАССАХ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ ELECTIVE COURSES OF COUNTRY STUDIES AS A MEANS OF SOCIOCULTURAL COMPETENCE DEVELOPMENT IN CLASSES SPECIALIZING IN LANGUAGES

В статье рассматривается проблема развития социокультурной компетенции учащихся при обучении иностранному языку в классах филологического профиля через элективный курс по страноведению. Предлагается вариант разработки элективного курса на немецком языке, включающий несколько этапов.

The article suggests that an elective course of country studies can contribute to the development of sociocultural competence of pupils specializing in languages. The article presents a variant of an elective course in the German language. Course development includes several stages.

Ключевые слова: элективный курс, социокультурная компетенция, профильная школа, обучение иностранному языку.

Keywords: elective course, socio-cultural competence, profile school, foreign language training.

Анализ результатов исследований по организации обучения в профильной школе позволяет обозначить ряд проблемных вопросов. Например, какие меры необходимо предпринять,

чтобы повысить результативность профильного обучения иностранному языку? Может ли элективный курс способствовать развитию у учащихся социокультурной компетенции?

Формирование социокультурной компетенции на уроках иностранного языка, в том числе в классах филологического профиля, подразумевает обогащение лингвистических, эстетических и этических знаний учащихся о стране изучаемого языка.

Большинство исследователей приходят к выводу, что социокультурная компетенция является комплексным явлением и включает в себя набор компонентов, таких как социокультурные знания, опыт общения, личностное отношение к фактам культуры, владение способами применения иностранного языка и т.д. [1; 2; 8; 9]

Формирование социокультурной компетенции неразрывно связано с основными целями образования: практической, развивающей и воспитательной. Изучая иностранный язык, мы формируем культуру мира в своем сознании, получаем мотивацию для участия в межкультурной коммуникации.

Самым эффективным средством развития социокультурной компетенции является пребывание в стране изучаемого языка, погружение в самую атмосферу культуры, традиций, обычаев и социальных норм страны.

Ввиду того, что учащиеся не имеют такой возможности, необходим поиск эффективных путей и способов развития социокультурной компетенции вне языковой среды [6].

В условиях изучения иностранного языка без возможности постоянного коммуникативного контакта с его носителями и знакомства с культурой и повседневной жизнью стран напрямую, для развития социокультурной компетенции у учащихся только аудиторных занятий, предусмотренных расписанием школы, не может быть достаточно. Одним из эффективных способов развития социокультурной компетенции, в частности, страноведческого ее компонента, может являться элективный курс по страноведению в классах филологического профиля [5].

Элективный курс по страноведению может выступить средством активизации знаний, навыков и умений, ранее полученных в процессе обучения иностранному языку, и способствовать приобретению новых.

Нами была разработана программа элективного курса «Страноведение немецкоязычных стран». Программа разработана согласно требованиям, предъявляемым в информационном письме Департамента общего и дошкольного образования от 13.11.2003 «Элективные курсы в профильном обучении» [4] и в соответствии с

требованиями Концепции профильного обучения [7]. Программа направлена на реализацию результатов обучения по ФГОС [9]. Ориентирована на развитие страноведческого, культурологического и социально-психологического компонента социокультурной компетенции у учащихся классов филологического профиля старшей школы.

Элективный курс «Страноведение немецкоязычных стран» представляет собой комплекс дополнительных занятий, реализуемых за счет школьного компонента учебного плана школы. Программа включает в себя пояснительную записку, учебно-тематическое планирование, краткое содержание каждой темы, методические рекомендации и учебно-методические материалы, представленные в приложениях, с комментариями к ним.

Курс рекомендован к преподаванию на немецком языке и разработан с учетом интересов и психологических особенностей старших школьников. Основными формами работы являются работа с аутентичными материалами (тексты, видео, аудио), составление творческих проектов (индивидуальных, парных, групповых), поиск, обработка и представление информации для индивидуальных докладов, регламентированная дискуссия, создание брошюры – гида и командный тест-викторина.

Первый этап разработки курса – аналитический был связан с анализом исходной ситуации и написанием пояснительной записки к курсу. С целью определения образовательных запросов учащихся старших классов филологического профиля, на которых ориентирован данный элективный курс, были проанализированы необходимые нормативные документы, учебные планы школ, результаты социокультурного опроса учащихся 10-11 классов МАОУ «Гимназия №6» г. Красноярск, а также учебно-методический комплект «Deutsch Mosaik», по которому работает данное образовательное учреждение [3].

Анализ УМК по немецкому языку «Deutsch Mosaik» показал, что, несмотря на большое количество материалов лингвострановедческого характера, для успешного развития социокультурной компетенции, в частности страноведческой ее составляющей, в классах филологического профиля невозможно обойтись без дополнительных занятий. Данное явление обуславливается тем, что страноведческая информация подается на уроках часто отрывочно. Информация о таких немецкоязычных странах как Швейцария, Люксембург и Лихтенштейн

фактически отсутствует в содержании УМК.

По результатам анализа было определена цель курса: развитие страноведческого, культурологического и социально-психологического аспекта социокультурной компетенции учащихся; систематизация и расширение знаний в области страноведения, формирование целостного представления учащихся об истории, традициях и культуре стран изучаемого языка, способствующих лучшему усвоению профильного курса немецкого языка и развитию иноязычной коммуникативной компетенции.

Данная цель обусловила постановку нескольких образовательных и воспитательных задач, которые определяют содержание и последующее планирование курса: расширение представлений о культуре немецкоязычных стран; повышение мотивации, развитие интереса учащихся к изучению немецкого языка; развитие толерантного отношения к другой стране, культуре, более глубокое осознание своей родной культуры; практическое овладение изучаемым языком через основные языковые методы обучения: говорение в различных ситуациях общения, чтение аутентичных записей и текстов; развитие лексических навыков и овладение новой терминологией; подготовка к Единому государственному экзамену.

Помимо целей и задач, на данном этапе определены формы и методы текущего и итогового контроля, формы занятий и типы заданий, а также ожидаемые результаты – требования к знаниям и умениям учащихся по окончании курса.

Следующим этапом разработки курса является конструктивный этап. Данный этап связан с тематическим планированием, отбором содержания курса и учебно-методических материалов к нему.

При планировании курса и отборе материала мы руководствовались проведенным нами анализом УМК «Deutsch Mosaik», а также учитывали психологические особенности и интересы старших школьников.

В курсе выделено пять основных блоков-разделов, каждый из которых соответствует определенной немецкоязычной стране: десятый класс: Германия, Австрия; одиннадцатый класс: Швейцария Лихтенштейн, Люксембург.

Элективный курс рассчитан на 70 академических часов и разделен на два года обучения, по 35 академических часов соответственно. В учебно-тематическом плане курса учтены часы аудиторной работы. Количество часов на самостоятельное изучение и подготовку к занятиям

регулируются самими учениками в индивидуальном режиме.

Каждый большой раздел состоит из 3-5 подразделов, соответствующих определенным аспектам, относящимся к изучению культуры и социальной жизни предлагаемых стран (страна на мировой арене, государство и люди, культурная жизнь и др.). В учебно-тематическом плане представлены также основной лексический материал, формы контроля, содержание которых раскрыто в методических рекомендациях.

По результатам курса проводится итоговая конференция, на которой учащиеся представляют свои творческие проекты.

Решение о расстановке занятий курса в школьном расписании остается за руководством школы и реализуется за счет школьного компонента учебного плана.

Помимо учебно-тематического планирования на данном этапе разработки было определено краткое содержание каждого раздела и подраздела, описанное через ключевые понятия, а также определены формы текущего контроля и основные принципы преподавания.

Для достижения цели и реализации задач курса учителю необходимо не просто преподавать теоретическую часть, но в большей мере быть консультантом самостоятельной работы школьников. Так как разработанный элективный курс ориентирован на старшую ступень обучения в профильной школе, это позволяет предоставить ученикам частичную свободу в плане выбора заданий на контроль (тему проекта, групповой это будет проект или индивидуальный, работа в группе по составлению коллажей, викторин, кроссворда или викторины). На занятиях каждый ученик может задать интересующий его вопрос, высказать свое мнение, дополнить информацию.

Предполагается использование ИКТ-технологий, использование аутентичных ресурсов для преподавания теоретической части, а также для самостоятельного поиска информации учениками. Помимо рекомендованной литературы, учитель и ученики могут пользоваться любыми другими источниками.

Формами текущего контроля были выбраны: коллаж – карта, работа с аутентичными материалами (просмотр видеосюжетов, фильмов, чтение аутентичных текстов и выполнение заданий к ним), создание брошюры – туристического гида и ее анонсирование в группе, групповые творческие проекты, регламентированная дискуссия, тест-викторина, написание личного письма и эссе, а также доклады и презентации.

Разрабатывая комплекс заданий и методических рекомендаций к ним, мы стремились отобрать такие материалы и приемы обучения, которые бы отвечали возрастным особенностям старшего школьника и принципам обучения иностранному языку в старшей школе. Задания отличает коммуникативная направленность. При разработке учтены деятельностный характер учебного процесса; доступность и посильность изучаемого материала; опыт в родном языке; социокультурная направленность процесса обучения иностранному языку.

Отдельное внимание было уделено работе с аутентичными материалами. Нами разработаны задания, основой которых служат аутентичные тексты из различных немецкоязычных ресурсов, а также короткие видеоролики на немецком языке и документальные сюжеты об изучаемых странах. К каждому заданию сформулированы краткие комментарии, с указаниями по выполнению. Выбор данных материалов был направлен на привлечение внимания школьника к культуре немецкоязычных стран, к повышению уровня социокультурной компетенции, к повышению мотивации к овладению иностранным языком.

Третий этап разработки курса – оценочный, целью которого является определение форм промежуточного и конечного контроля учащихся. Ранее уже говорилось о том, что в учебно-методическом планировании данного элективного курса уже указаны также формы контроля. Эти же формы описаны в части «краткие методические рекомендации». Нами было решено не прибегать к помощи дополнительных контрольно-измерительных материалов для утверждения оценки за курс. Рейтинг ученика складывается из посещаемости им занятий и текущей работы. Оценка «зачет» ставится при посещении 80% занятий за два года обучения, при условии постоянной работы, выполнения необходимых заданий и творческих работ в процессе обучения и при условии успешной защиты итогового проекта.

Четвертый этап – этап экспертизы подразумевает профессиональный анализ и оценку результативности курса, опрос учителей, учащихся и руководства методического совета школы-заказчика курса, который решает вопрос об его утверждении или отклонении.

По результатам апробации элементов элективного курса можно сделать вывод, что страноведческая информация, представленная в виде аутентичных текстов и аудиозаписей с актуальной для учащихся старших классов те-

матикой или в виде викторины с самостоятельным поиском ответов, повышает их интерес к учебному процессу на уроке, вызывает мотивацию к изучению иностранного языка.

Обобщая все выше сказанное, можно прийти к выводу, что элективный курс по страноведению может стать эффективным способом развития социокультурного компонента иноязычной коммуникативной компетенции у учащихся классов филологического профиля, поможет восполнить дефициты знаний в данной области, а также повысить мотивацию к изучению иностранного языка.

Список литературы

1. Бим И.Л. Личностно-ориентированный подход — основная стратегия обновления школы / И.Л. Бим // Иностранные языки в школе. – 2002. - №2. – С. 11-15.
2. Воробьев Г.А. «Развитие социокультурной компетенции будущих учителей иностранного языка (поиск эффективных путей) / А.Г. Воробьев // Иностранные языки в школе. – 2003. - №2. – С. 30-35.
3. Гальскова Н.Д., Артемова Н. А., Гаврилова Т. А. и др. Немецкая мозаика / Deutsch Mosaik. Lehrbuch. Lesebuch: учебники немецкого языка для 2-11 кл. школ с углубл. изучением нем.яз. – М.: АСТ-пресс Школа, 2011-2014 гг.
4. Информационное письмо Департамента общего и дошкольного образования. Элективные курсы в профильном обучении» № 14-51-277/13 от 13.11.2003 г. // Департамент общего и дошкольного образования Министерства образования и науки Российской Федерации. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=450589>.
5. Майер И.А. Использование элективных курсов на старшем этапе обучения иностранному языку в профильной школе // Вaleyko Я.А., Майер И.А. // Актуальные проблемы лингвистики, переводоведения, языковой коммуникации и лингводидактики: материалы XVI Всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием. – Красноярск: СибГТУ, 2015. – С. 14-18.
6. Майорова О.А. Формирование социокультурной компетенции на уроках иностранного языка // инф. портал: Фестиваль педагогических идей «Открытый урок». URL: <http://festival.1september.ru/articles/644230/>.
7. Приказ Министерства Образования РФ «Об утверждении Концепции профильного

обучения на старшей ступени общего образования» от 18.07.2002. № 2783 // Методист. – 2003. - № 1. – С. 57.

8. Сафонова В.В. Изучение языков межкультурного общения в контексте диалога культур и цивилизаций / В.В. Сафонова. – Воронеж: Истоки, 1996. – С. 237.

9. Сысоев П.В. Культурное самоопределение личности как часть поликультурного образования в России средствами иностранного и родного языков / П.В. Сысоев // Иностранные языки в школе. – 2003. - №1. – С. 42-47.

К. А. Маркарян

*Национальный политехнический университет Армении,
Капанский филиал
(Капан, Армения)*

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ АСПЕКТИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ КАК ВАЖНОЕ УСЛОВИЕ В ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

STYLISTIC ASPECT OF A FOREIGN LANGUAGE TEACHING PROCESS AS THE IMPORTANT CONDITION IN PROFESSIONAL-COMMUNICATIVE COMPETENCE FORMATION

В статье рассматривается необходимость изучения языкового материала, представленного студентам национального (армянского) технического вуза на русском языке, в стилистической аспектизации. Актуальность обучения иностранному языку в аспекте научной речи обусловлена прежде всего коммуникативными целями, что означает формирование у будущих специалистов не только языковых навыков, но и умение использовать языковые единицы в конкретной ситуации общения.

The article observes the necessity of studying the language material, presented to the students of the national (Armenian) technical Universities in Russian within the stylistic aspect. The relevance of teaching a foreign language in the aspect of scientific speech is first of all conditioned by the communicative purposes, which means the formation of not only linguistic skills, but the ability of future specialists to use linguistic units in concrete situations of communication.

Ключевые слова: лингвистические навыки, формирование коммуникативной компетенции, техническая литература, виды речевой деятельности, комплексная подача языкового материала, научная специфика языковых единиц.

Keywords: linguistic skills, formation of communicative competence, technical literature, types of speech activity, complex handling of the linguistic material, scientific feature of the linguistic units.

Современные требования к изучению иностранного языка связаны не только с формированием чисто лингвистических навыков (фонетических, лексических и грамматических), но и с использованием этих навыков в устной и письменной речи. Обучение иностранному языку в условиях современной образовательной системы и языкового образования направлено не только на развитие всех видов речевой деятельности (чтение, аудирование, говорение, письмо), но и на формирование коммуника-

тивной компетенции. Причем формирование таких компетенций в процессе изучения иностранного языка становится обязательным и для будущих специалистов технического профиля.

Специфика обучения иностранных (в нашем случае армянских) студентов технического вуза неродному (в нашем случае русскому) языку требует умения использовать изучаемый языковой материал в научном стиле, а также развития всех видов речевой деятельности на

материале технической литературы для осуществления как учебной, так и познавательной цели. Как известно, основу преподавания иностранного (в нашем случае русского) языка в национальном (в нашем случае армянском) техническом вузе составляют научные тексты. Предлагаемые тексты ориентированы, прежде всего, на развитие таких видов речевой деятельности, как аудирование, чтение, письмо и говорение. Однако, развитие таких навыков без формирования коммуникативной компетенции будущих специалистов становится недостаточным, так как развитие именно коммуникативной компетенции обеспечивает использование языкового материала в качестве средства общения в конкретных условиях общения, образования и самообразования, а также в качестве средства сотрудничества.

Однако практика преподавания русского языка в армянском техническом вузе показывает, что использование научных текстов в процессе обучения языку выявляет много трудностей, связанных не только с развитием различных видов речевой деятельности, но и недостаточным владением лингвистическими навыками, а также недостаточными знаниями об особенностях русской научной речи.

Успех обучения русскому языку в непрофильной аудитории может быть достигнут только в комплексной подаче языкового материала. Опыт работы показывает, что обучение русскому языку в армянской технической аудитории в аспекте научной речи наибольший успех имеет при подаче материала в сопоставлении с нормами и особенностями родного языка. Этот факт еще раз доказывает важность и необходимость знания особенностей научной речи и грамматического строя родного языка как основы для успешного овладения навыками речевой деятельности на русском языке.

Прежде всего, студентам следует предлагать характерные языковые и морфологические особенности научного стиля в русском языке, а также характерные для русской научной речи структуры словосочетаний и предложений [1. С. 8-10].

Основными чертами научного стиля речи, как в письменной, так и в устной форме являются точность, абстрактность, логичность и объективность изложения мыслей. Именно эти качества определяют выбор лексики в научных текстах. Словарный состав технической литературы характеризуется наличием большого количества терминов и специальной, общенаучной лексики. Учитывая достаточно трудное

разграничение между терминами и словами общелитературного языка вследствие многозначности многих слов, при обучении русскому языку как неродному в техническом вузе следует уделять большое внимание выбору текстового материала, который наилучшим образом покажет специфику используемых языковых единиц в аспекте научной речи. Эффективным представляется подача материала о наиболее часто используемых частях речи в научном стиле именно на материале предложенных студентам технических текстов. А в качестве закрепления материала можно предложить разные типы упражнений. Например, можно предложить текст или предложения и следующее задание:

Выпишите из текста термины. Используйте данные термины в таких контекстах, где они будут выступать в качестве общепотребительных слов.

Текст: Молекула воды состоит из двух атомов водорода и одного – кислорода. При нормальных условиях вода представляет собой прозрачную жидкость. В твердом состоянии называется льдом, а в газообразном – водяным паром.

Ср. При нормальных условиях вода представляет собой прозрачную жидкость. – Одежду из шерсти рекомендуется стирать в прохладной воде. Врачи рекомендуют пить много жидкости летом.

Следует также направить внимание студентов на такие особенности русской научной речи, как:

-использование обособленных членов предложения, особенно причастных и деепричастных оборотов, как средство логического уточнения того или иного предмета, и аргументировать необходимость их использования различными примерами. С целью закрепления предлагаемого языкового материала студентам можно предложить различные упражнения и образцы выполнения. Например:

Упражнение 1. Трансформируйте сложноподчиненные предложения с придаточными определительными, используя причастный оборот. Образец: Песчаник – природный камень осадочного происхождения, **который состоит в основном из частиц кварца.** – Песчаник – природный камень осадочного происхождения, **состоящий в основном из частиц кварца.**

1. Эти горные породы образовались под действием грунтовых вод, которые содержат те или иные химические вещества. 2. Удаление

продуктов бурения производится промывочной жидкостью, которая циркулирует в скважине. 3. Для минералов, которые возникли на глубине, характерен темный цвет.

Упражнение 2. Передайте данные формулировки, используя причастия.

Горная масса, которая поступает с рудника

Природные вещества, которые составляют земную кору

Страны, которые одобряют идеи партнерства.

- наличие цепочек из нескольких существительных в Р. п.

Например: повышение уровня развития экономики страны

- замена глаголов отглагольными существительными

Морфологические особенности научного стиля характеризуются преобладанием имен существительных над глаголами, широким употреблением отглагольных существительных на -ние, -ие, -ость, -ка, -ция, -фикация и других со значениями признака действия, состояния, изменения, которые лучше, чем глаголы, от которых они образовались, выражают абстрактность в научных текстах. **Ср. определить** запасы угля в земной коре – **определение** запасов угля в земной коре, **разработать** месторождение полезных ископаемых – **разработка** месторождения полезных ископаемых. Как известно, научная речь стремится к информационной насыщенности, экономя при этом языковые средства. Употребление отглагольных существительных в технических текстах позволяет достигать этой цели. Рассмотрим предложения: **1. Природный камень добывают и обрабатывают, применяя современную технику. 2. Это облегчает и удешевляет его производство.** С точки зрения синтаксических особенностей научного стиля речи как в русском, так и армянском языке (преобладание сложных предложений, особенно сложноподчиненных, или предложений, осложненных обособленными членами) данные предложения целесообразнее передать в структуре одного сложного: **Природный камень добывают и обрабатывают, применяя современную технику, что (и это) облегчает и удешевляет его производство.** Однако, следуя основному правилу научной речи: экономия языковых средств при насыщенности информации, данное предложение уместнее передать в структуре с отглагольными существительными: **Применение современной техники при добыче и обработке природного камня облегчает и удешевляет его производство.**

- замена двух слов одним (пр. становиться твердым – затвердевание, затвердевать; становиться широким – расширение, расширяться и др.);

- широкое использование отвлеченных существительных (мощность, плотность, измерение, определение и др.).

Опыт работы показывает, что недостаточная степень эффективности овладения русским языком студентами национального (в нашем случае армянского) технического вуза обусловлена также тем, что терминологическая лексика предлагаемых технических текстов в большинстве случаев вызывает затруднения в восприятии содержания текста-первоисточника. Это объясняется тем, что обучение студентов непрофильного вуза русскому языку начинается на первом курсе, а изучение научных дисциплин по специальности – на старших курсах (второй семестр второго курса и старше). Обучение русскому языку в разрыве с дисциплинами по специальности и при недостаточном количестве часов, отведенных дисциплине «Иностранный язык» в национальном техническом вузе вызывает много трудностей и ряд вопросов, связанных с выбором и ограничением активного и пассивного словаря, а также выбором грамматического материала и системы упражнений и заданий, чтобы сделать обучение наиболее рациональным.

Процесс обучения русскому языку, как неродному, в армянском непрофильном вузе может иметь наибольший успех при параллельном изучении дисциплин по специальности. Обучение русскому языку в техническом вузе на основе межпредметной связи и функционального принципа изучения языкового материала позволит использовать язык как средство извлечения необходимой научной информации, как инструмент для более совершенного овладения будущей специальности и сотрудничества с иностранными коллегами.

Список литературы

1. Владимирова Т.Л. Язык и стиль научного текста: учебное пособие / Т.Л. Владимирова, Национальный исследовательский Томский политехнический университет. – Томск: Изд-во Томс. политех. ун-та, 2010. – 80 с.
2. Преподавание русского языка студентам и специалистам нефилологического профиля (лингвистика и методика). Сб. статей. Под ред. Амельчонок А.А., Лаптевой О.А. М., «Русский язык», 1978. – 200 с.

И. Н. Мелихова

Южно-Уральский государственный университет
(Челябинск, Россия)

СОВРЕМЕННЫЙ УЧЕБНИК ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

A MODERN TEXTBOOK OF FOREIGN LANGUAGE

В данной статье рассматриваются определения терминов «учебник» и «учебное пособие», описаны преимущества и недостатки зарубежных учебников по иностранным языкам. Изложены основные принципы организации учебника, определена содержательная составляющая учебника, сформулированы критерии современного учебника по иностранным языкам.

The article is devoted to the definition of the terms textbook and teaching guide. The advantages and disadvantages of foreign textbooks described in this paper. The main principles of textbook's content are given. There are some criteria of modern foreign languages' textbook.

Ключевые слова: учебник, учебное пособие, зарубежные учебники по иностранному языку, принципы построения учебника, содержание и структура учебника, критерии современного учебника иностранного языка.

Keywords: text book, teaching guide, foreign languages' textbooks, principles of textbook's content, criteria of a modern textbook.

Сегодня существует огромное количество учебной литературы по иностранным языкам, выпускаемой зарубежными издательствами и отечественными авторами. Выбор учебника для преподавания иностранных языков является важным, так как от его качества зависит успех обучения и отношение учащихся к изучаемой дисциплине.

В условиях разнообразия учебной литературы определим функции учебника и учебного пособия. В большой современной энциклопедии приводится следующее определение понятия «учебник»: «учебник – основное средство обучения; является руководством в работе обучаемого и обучающихся. В учебнике систематически излагается система базовых знаний по определенной дисциплине, обязательных для усвоения в соответствии с учебной программой» [3. С. 497]. Или: «Учебник – книга, в которой излагаются основы научных знаний по определенному учебному предмету в соответствии с целями и задачами обучения, установленными программой, методикой и требованиями дидактики» [2. С. 353]. Учебные пособия являются разновидностью учебной литературы и в большой энциклопедии отмечено, что «учебные пособия, вид учебных изданий, предназначенных для лучшего усвоения знаний, предусмотренных учебными программами и изложенных в учебниках. По классификации 2003 учебное пособие рассматривается как дополнение к учебнику,

может охватывать не всю дисциплину, а лишь часть (несколько разделов) примерной программы и, в отличие от учебника, включать не только апробированные, общепризнанные знания и положения, но и различные мнения по той или иной проблеме» [1. С. 509]. Проанализировав приведенные определения понятий, можно сделать вывод, что учебник и учебное пособие – вид учебной литературы, средство обучения, источник информации. Отличительным признаком учебного пособия является то, что оно предназначено для получения дополнительных знаний по представленным в учебнике темам с целью более глубокого изучения предмета конкретной учебной дисциплины.

Проблемой учебника по иностранному языку занимались многие методисты, например, И. Л. Бим, Е. И. Пассов, А. Н. Щукин. Так, например, А. Н. Щукин, определяет учебник как основное средство обучения, содержащее языковой материал, образцы устной и письменной речи, усвоив которые, обучающийся сможет пользоваться языком в различных сферах деятельности. И. Л. Бим исходит из того, что «современный учебник является по существу микромоделью системы обучения в целом. Эта микромодель отражает все компоненты системы: цели, содержание, принципы, приемы, средства обучения, учебно-познавательный процесс» (URL: http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=121&id=127239)

В настоящее время появилось много зарубежной учебно-методической литературы по иностранным языкам. К достоинствам зарубежных учебников можно отнести высокое качество оформления, обозримое оглавление учебников, наличие текстового материала для говорения, аудирования, чтения и письма, т.е. они обеспечивают овладение устной и письменной формами коммуникации, проектные задания, представление грамматики в виде таблиц, иллюстрированный материал в качестве опоры для высказывания в определенных речевых ситуациях, ясность и краткость формулировки заданий, графическое обозначение заданий для простоты ориентации в материале учебника, наличие модели выполнения задания, соответствие учебника/курса общепринятым стандартам, т.е. ориентация на уровни «Европейского языкового портфеля», что, в свою очередь, дает возможность продолжать изучать язык по книге следующего уровня, обеспечивая преемственность лексики и грамматики. При всех перечисленных достоинствах можно выделить некоторые недостатки:

- в учебниках зарубежных издательств не отражена тематика государственных программ и образовательных стандартов России,
- нет опоры на родной язык,
- не предусмотрено промежуточное подведение итогов, поэтому необходимо разрабатывать тесты и материалы для контрольных работ. Вместе с тем, зарубежные учебники можно успешно использовать как источник дополнительной информации.

При составлении учебников авторы руководствуются рядом принципов. Так, А. Н. Щукин к важнейшим принципам относит «необходимость и достаточность содержания учебника для достижения планируемых целей обучения; доступность представленного в учебнике материала для его усвоения учащимися в отведенное время» [5. С. 229]. Преемственность, как один из принципов, заключается в том, чтобы изучение нового материала основывалось на уже пройденном материале, чтобы языковой материал текста был связан с языковым материалом упражнений. Этот принцип предполагает также постепенное усложнение всех компонентов содержания и используемых приемов обучения. При установлении последовательности упражнений необходимо учитывать их роль в образовании умений и навыков и их трудность, а поэтому языковые упражнения должны предшествовать речевым упражнениям. Следующим принципом организации

учебника является повторяемость. Всякое новое языковое явление должно повторяться в каждом следующем разделе учебника. «Еще великий русский педагог Ушинский говорил о том, что на уроках хорошего учителя создается впечатление, будто он только повторяет пройденное. Так же должен быть построен и хороший учебник, тогда отпадает надобность в специальных уроках для повторения» [4. С. 17]. Важным при составлении учебника является принцип научности. Этот принцип предполагает отбор лишь научно обоснованной информации. При создании учебника не менее важен принцип доступности. При подборе учебного материала необходимо учитывать, насколько он доступен обучаемым, использовать методы обучения, которые соответствуют уровню их развития.

Содержание и структура являются основными параметрами при составлении учебника. К структурным компонентам учебника по иностранному языку относятся составные части учебника, его разделы, темы, главы, включающие тексты и упражнения, и приложение, представленное словарем, грамматическим справочником, рекомендациями по аннотированию и реферированию текстов, опорные фразы и выражения, используемые при описании графиков, таблиц, диаграмм, а также тексты для дополнительного чтения. К внешней структуре можно отнести и издательское оформление учебника, т.е. привлекательность обложки, страниц, шрифт, иллюстрации.

Что является содержанием учебника иностранного языка? В содержательном плане А. Н. Щукин выделяет в учебнике следующие компоненты:

- фонетический материал знакомит со звуками, ритмикой, интонацией с учетом трудностей для изучающих язык. Материал дается либо в виде вводно-фонетического курса (в этом случае в начале обучения), либо в виде сопроводительного курса (тогда на протяжении всего курса с постепенным углублением и расширением вводимого материала).
- лексический материал представлен в учебнике лексическим минимумом, который вводится тематически с учетом сферы общения. Специально выделяются лексические единицы, предназначенные для продуктивного и рецептивного усвоения. Предложение рассматривается в качестве коммуникативной единицы речевого высказывания.
- грамматический материал представлен моделями предложений, речевыми образцами

и правилами употребления материала в речи. Грамматика вводится либо формально, либо функционально. При формальном подходе изложение материала следует системному порядку, принятому в академических грамматиках языка. При функциональном подходе грамматический материал в виде моделей языка и речевых образцов нацелен на реализацию речевых интенций в русле различных функций общения.

– социокультурный материал включает сведения о стране изучаемого языка в сопоставлении с национальными особенностями изучаемого языка и культуры.

– тексты и комментарии к текстам представляют в учебнике разные сферы общения: бытовую, учебно-производственную, общественно-политическую, художественную. В зависимости от этапа и профиля обучения преобладают тексты из той или иной сферы общения. Комментарии к текстам носят лексико-грамматический и страноведческий характер, они могут быть как на родном, так и на иностранном языках.

– упражнения предназначены для закрепления, активизации учебного материала и организации контроля качества при его усвоении. Выделяют языковые, речевые и условно-речевые упражнения [5].

Для учебника содержательный план является определяющим критерием.

Рассмотрим структуру отдельной главы в учебнике, что определяет во многом успех обучения иностранному языку. Тексты являются важной составляющей каждой темы учебника, т.к. они выступают в качестве образцов речи и на их основе развиваются умения и навыки устной речи, чтения и письма. Каждая тема может быть представлена, например, несколькими текстами: первый текст является вводным. Он имеет информационный характер, определяет проблему, предлагает основные дефиниции, но не является дискуссионным. Следующие тексты раскрывают тему, и акцент переносится на содержание и понимание предложенной проблемы. Можно выделить следующие критерии отбора текстового материала. Во-первых, материал текста должен быть интересным по содержанию и определяться программой, во-вторых, объем текста определяется возрастными особенностями обучаемых, уровнем владения иностранным языком. Тексты не должны быть в любом случае большими по объему, т.к. это предполагает деление материала на несколько смысловых частей, что нарушает целостность восприятия. В-третьих, тексты должны иметь

такие речевые образцы, которые обучающиеся смогут впоследствии использовать для самостоятельного высказывания.

Обратимся теперь к системе упражнений. Упражнения каждой темы учебника в зависимости от их назначения, содержания, характера и условий выполнения можно подразделить на связанные и несвязанные с текстом, языковые и речевые, одноязычные и двуязычные, устные и письменные, аудиторные и домашние, тренировочные и проверочные. При составлении всех упражнений важно, чтобы «каждое предложение было бы жизненным в том смысле, что его при случае можно было употребить в соответствующей речевой ситуации» [4. С. 14]. Главная задача автора учебника – определить необходимый и достаточный минимум материала для изучения каждой заявленной темы.

На основе выявленных выше закономерностей, касающихся места и функции учебника иностранного языка в системе обучения, можно сформулировать некоторые принципы организации современного учебника иностранного языка. К характеристикам современного учебника иностранного языка относятся следующие параметры:

- соответствие целям обучения, требованиям государственного образовательного стандарта,
- соответствие уровню владения иностранным языком обучающихся,
- актуальность и аутентичность текстового материала,
- разнообразие видов текстов,
- задания творческого характера,
- сочетание различных форм работы: групповой, индивидуальной, парной, дискуссий,
- наличие элементов, обеспечивающих самостоятельную работу обучающихся,
- задания для контроля, самоконтроля,
- наглядность предоставления материала,
- доступность изложения материала,
- научность изложения материала,
- наличие в одном учебнике заданий на все аспекты речевой деятельности,
- качество оформления.

Таким образом, выбирая предлагаемые сегодня многочисленные учебники иностранного языка, следует руководствоваться тем, насколько те или иные характеристики представлены в выбранном учебнике.

Список литературы

1. Большая энциклопедия в 62 томах. Т. 53. – М.: ТЕРРА, 2006. – 592 с.

2. Вишнякова, С. М. Профессиональное образование: Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика. / С. М. Вишнякова. – М. : НМЦ СПО, 1999. – 538 с.

3. Рапацевич, Е. С. Педагогика: Большая современная энциклопедия / Сост. Е. С. Рапацевич. – Мн.: «Соврем. слово», 2005. – 720 с.

4. Рахманов, И. В. Методические требования к учебникам иностранных языков для

средней школы / И. В. Рахманов // Иностранные языки в школе. – 2011. – № 8. – С. 10–18.

5. Щукин, А. Н. Обучение иностранным языкам: Теория и практика: Учебное пособие для преподавателей и студентов / А. Н. Щукин. – М. : Филоматис, 2007. – 480 с.

Е. А. Мингажева (Глухова)

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

ИНТЕРАКТИВНЫЙ БРИФИНГ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ КОНТРОЛЯ ОВЛАДЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОМПЕТЕНЦИЕЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ВУЗЕ ПОСРЕДСТВОМ САМООБРАЗОВАНИЯ

THE INTERACTIVE BRIEFING AS A FORM OF CONTROL OF FORMATION OF FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATIVE COMPETENCE OF STUDENTS BY MEANS OF SELF-EDUCATION IN THE UNIVERSITY

Данная статья рассматривает проблему контроля овладения коммуникативной иноязычной компетенцией, анализирует идею самообразования обучающихся в образовательном процессе, отображает возможности обучающихся к самостоятельной деятельности, дает анализ психолого-педагогической литературы и анализирует знания и навыки обучающихся посредством такой формы контроля как интерактивный брифинг.

This article considers the problem of control of formation of foreign language communicative competence, to analyze the idea of self-education in the education process, represents the abilities of students who are able to self-educated activity, gives the analysis of psychological and pedagogical literature and analyze your knowledge and skills by means of briefing.

Ключевые слова: формы контроля, брифинг, образование, самообразование, коммуникативная компетенция, английский язык.

Keywords: forms of control, briefing, education, self-education, communicative competence, English.

Связывать одни вещи с другими, уметь обращать внимание на черты одного вида деятельности, и находить их в другом – вот что необходимо начинать с более раннего этапа мышления человека. Такое положение вещей считается системным недостатком нашего образования от школьного до высшего.

В настоящее время профессиональное образование ориентировано на формирование ключевых компетенций будущих специалистов (общекультурных и общепрофессиональных).

Термин «коммуникативная компетенция» возник как развитие идеи N. Chomsky (Ноама Хомского) о лингвистической компетенции как об *ограниченном наборе грамматических правил, позволяющих порождать неограниченное количество правильных предложений* [4]. Идея оказалась привлекательной для ученых, работающих в области языкового тестирования, поскольку лингвистическую компетенцию можно было достаточно точно измерять (тестировать) с помощью имеющихся

средств педагогических измерений (тестов). Поскольку лингвистическая компетенция существенно ограничивала объект языкового тестирования в условиях коммуникативного обучения языку, возникли идеи расширения этого конструкта, который был назван «**коммуникативная компетенция**» (L. Bachman, M. Canale, M. Swain) [4].

Под **коммуникативной компетенцией** понимаем демонстрируемую область (области) успешной коммуникативной деятельности на основе усвоенных средств и стратегий речевого общения, подкрепляемых языковыми навыками и речевыми умениями.

Все компоненты коммуникативной компетенции могут быть измерены с помощью тестирования и объективно оценены (наименее разработанным пока еще остается тестирование социокультурной компетенции обучающихся).

Если **компетенция – это совокупность взаимосвязанных качеств личности...**, и для полного раскрытия проблемы **формирования коммуникативной иноязычной компетенции**, вслед за Э. Ф. Зеером [2], вашему вниманию представлены педагогические компетенции, совокупность которых и формирует целостную структуру (модель) процесса самосовершенствования (самообразования) студентов в течение всей жизни: общекультурные и общепрофессиональные:

- специально-профессиональная;
- социально-профессиональная;
- рефлексивная;
- коммуникативная;
- организационная [1. С. 73].

Следовательно, зададимся вопросом: будет ли правильно формировать только одну компетенцию, если мы хотим, чтобы студент отвечал на вопросы по теме занятия, учил топики, выполнял домашнее задание, а также, пытался сам заниматься над своим совершенствованием (почти 50% учебного материала выносится на самостоятельную работу), исходя из этого, будет ли он самообразовываться? Возможно, к процессу развития самосовершенствования студентов нужно подходить в совокупности. В связи с этим рассмотрим понятие **самообразование**, под которым понимаем комплексное личностного образование будущего специалиста, механизмом которого является развитие диалектического мышления, которое позволяет перерабатывать информацию из разных дисциплин, обобщать ее, систематизировать и классифицировать для решения задач и ов-

ладения общекультурными и общепрофессиональными компетенциями [1. С.73].

В определении понятия «самообразования» мы столкнулись с дефиницией **диалектическое мышление**, оно есть в представленных материалах. **Диалектика** (др. - греч. Διαλεκτική - искусство спорить, вести рассуждение) - метод аргументации в философии, также форма и способ рефлексивного теоретического мышления, имеющего своим предметом противоречие мыслимого содержания этого мышления [5]. В диалектическом материализме – общая теории развития материального мира и вместе с тем теория и логика познания. Диалектический метод является одним из центральных в европейской и индийской философских традициях. Само слово «диалектика» происходит из древнегреческой философии и стало популярным благодаря «Диалогам» Платона, в которых двое или более участников диалога могли придерживаться различных мнений, но желали найти истину путем обмена своими мнениями.

Исходя из этого определения, нами была выбрана такая форма контроля обучающихся, как брифинг, так как в процессе этой интерактивной формы контроля, обучающиеся выражают свое мнение спонтанно, лаконично, стилистически и грамматически правильно.

На основании этого, будет логичным рассмотреть формы контроля самообразования студентов, в ходе которого и формировалась коммуникативная иноязычная компетенция.

Принципиально важно значение **контроля** в образовательном процессе, под которым понимаем комплексную проверку образовательной деятельности обучающихся, в процессе которой осуществляется усвоение содержания материала: формируются знания и навыки, развиваются творческие способности, оценочные суждения.

Нам известно, что на разных этапах образования содержание контроля определяется дидактическими задачами, спецификой предметов, уровнем подготовки и развития обучающихся. Следовательно, и контроль бывает предварительный, текущий, тематический и итоговый. Рассмотрим только два вида контроля, это **тематический** и **итоговый**, которые являются обязательными в образовательном процессе вуза.

Тематический контроль проводится после изучения темы или модуля программы. Его целью является диагностирование качества усвоения обучающимися учебного материала

отдельной темы, установления соответствия уровня по программным требованиям. Например, на 1 курсе 4 модуля, 2 – в первом семестре, и 2 – во втором. В каждом модуле по 2 темы. Следовательно, тематический контроль на 1 курсе проводится 8 раз, так как 8 учебных тем.

Итоговый контроль проводится в конце каждого семестра. Его назначение – диагностирование интегрированного результата учебной деятельности обучающихся в соответствии с поставленными на данном этапе конкретными задачами обучения: знать, уметь, владеть.

Для того, чтобы провести данные виды контроля, мы приходим к выводу о рассмотрении методов контроля, то есть, как будем проверять уровень образованности обучающихся. Чтобы это понять, необходимо представить дефиницию методов контроля. **Методы контроля** – это способы, с помощью которых определяется результативность учебно-познавательной деятельности обучающихся и работы преподавателей.

В современной лингводидактике выделяют следующие методы контроля (что соответствует опорным точкам электронного журнала по балльно-рейтинговой системе):

- ежедневное наблюдение за учебно-познавательной деятельностью обучающихся на занятиях, позволяет преподавателю составить представление о том, как обучающиеся воспринимаяют и осмысливают учебный материал, в какой степени проявляют самостоятельность, сообразительность, творчество и т.д.;

- устный опрос (индивидуальный и фронтальный, устные зачеты, экзамены и т.д.) заключается в постановке вопросов обучающимся не только преподавателем, но и другими обучающимися по содержанию изученного материала и оценке полноты, логичности и обоснованности их ответов;

- письменный контроль знаний и умений должен осуществляться с помощью письменных работ, таких как написание резюме, переводы, сочинения, письменные ответы на вопросы, реферирование, анкетирование, письма делового и частного характера, а также аннотирование, что позволяет как выявить умение последовательно излагать материал, так и выражать свои мысли на письме.

За рубежом проблема соотношения устных и письменных форм контроля в основном решается в пользу последних. Считается, что устный контроль не обеспечивает должной объективности, хотя он помогает производить

быструю реакцию на вопрос, развивает коммуникативные умения. Письменная проверка обеспечивает объективность, способствует развитию логического мышления, целенаправленности: обучающийся при письменном контроле сосредоточен и глубже вникает в суть вопроса, обдумывает варианты построения ответа. Письменный контроль приучает к точности, лаконичности, связанного изложения мыслей.

Мы говорим о **брифинге**, под которым понимаем (англ. briefing от англ. brief — короткий, недолгий) — краткая пресс-конференция, посвященная одному вопросу (<https://ru.wikipedia.org/wiki/Брифинг>).

Нами был разработан и проведен проект – **интерактивный брифинг** на тему: «**Abilities of modern information resources**». Речь идет не совсем о брифинге, как о пресс-конференции, а как об интерактивной игре, в которой участвуют несколько команд (у нас их было 4) одного курса, или разных, или даже обучающихся из разных вузов (у нас было 4 команды из 4 вузов), и в процессе которой преподаватели, а также и обучающиеся сами смогли оценить свои знания по данной теме и проверить овладение коммуникативной иноязычной компетенцией, над чем обучающиеся работали в процессе курса дисциплины как совместно с преподавателем, так и самостоятельно.

Участвующим командам предлагалось решить несколько заданий, что соответствуют цели рабочей программы дисциплины «Иностранный язык» – развитие иноязычной коммуникативной компетенции как способности обучающегося к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия.

Задания были как устного, так и письменного характера. Например, разминка, где участники брифинга получали слово, и должны были дать его дефиницию на английском языке (все понятия были связаны с темой брифинга). Следующим заданием был просмотр фрагмента фильма на английском языке, выявить основную идею фильма, а также поговорить по данным проблемам, которые действительно были очень актуальны (СПИД, ГМО и т.д.). Также давалась проблемная ситуация, и задание команд было – презентовать решение данной проблемы с помощью информационных ресурсов и, выразить его в интеллект карте (Mind Map), далее, задать вопросы другим командам по данной проблеме. Данным зада-

нием можно проконтролировать умение обучающихся глубоко мыслить, логично излагать свои суждения на бумаге, а также выстраивать лаконичные и грамматически правильные вопросы.

Так как, нами рассматривается интерактивный брифинг, как одна из форм контроля обучающихся вуза, то логичным было бы более подробно остановиться на устной проверке знаний.

В образовательном процессе устная проверка знаний считается лишь вспомогательным средством контроля усердия обучающихся в процессе текущей работы. Преследуя цель – развитие иноязычной коммуникативной компетенции как способности обучающегося к коммуникации, считаем основной формой контроля в обучении языку устную проверку знаний. Таким образом, интерактивный брифинг реализует данную цель учебной программы дисциплины «Иностранный язык».

Обобщая вышеизложенное, считаем, что проведение данного проекта действительно помогло проанализировать уровень сформированности коммуникативной иноязычной ком-

петенции обучающихся по средствам устного и письменного контроля, достигнутого путем самообразования участников проекта.

Список литературы

1. Глухова, Е. А. Межпредметные связи как средство самообразования студентов в вузе : дис. ... кан. пед. наук / Е. А. Глухова; Челяб. гос. университет. – Челябинск, 2010. – 210 с.
2. Зеер, Э. Ф. Психология профессий: Учебн. пособие для вузов / Э. Ф. Зеер; М-во общ. и проф. образ. Рос. Федерации, Урал. гос. проф. – пед. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. проф. – пед. ун-та, 1997. – 243 с.
3. Бакеева, Д. Ж. Организация самостоятельной работы студентов по иностранным языкам / Редкол. : Д. Ж. Бакеева и др. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1981. – 176 с.
4. http://bachelor.ucoz.ru/load/v_m_alpatov_istorija_lingvisticheskikh_uchenij/noam_khoms-kij/6-1-0-284
5. <http://vocabulary.ru/dictionary/892/word/dialekticheskoe-myshlenie>

Е. В. Миронова

Трехгорный технологический институт НИЯУ МИФИ
(Трехгорный, Россия)

ВНЕАУДИТОРНОЕ ЧТЕНИЕ КАК ВИД САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

INDEPENDENT READING AS A FORM OF STUDENTS' INDIVIDUAL ACTIVITY IN TECHNICAL UNIVERSITY

В статье говорится о важной роли самостоятельной учебной деятельности в техническом вузе в условиях профессионально-ориентированного обучения иностранному языку. Внеаудиторное чтение рассматривается как один из основных видов самостоятельной деятельности студентов.

The article deals with the effectiveness of individual learning activity in technical university in terms of professionally oriented teaching of foreign languages. Independent reading is considered as one of the main forms of students' individual learning activity.

Ключевые слова: внеаудиторное чтение, самостоятельная учебная деятельность, профессионально-ориентированное обучение иностранному языку, иноязычная компетенция, изучающее чтение.

Keywords: independent reading, individual learning activity, professionally oriented teaching of foreign languages, foreign competence, comprehensive reading.

Учебный предмет «Иностранный язык в техническом вузе» имеет большое значение для формирования компетентного специалиста и обладает огромным потенциалом, способным внести существенный вклад в развитие будущего профессионала. Именно языковое образование на современном этапе общественного развития дает студенту, а в дальнейшем специалисту, возможность получать профессионально-значимую информацию, оценивать зарубежный опыт по актуальным направлениям, сформировать культуру мышления, рационально работать с информацией, развивать способности к самообразованию. Знание языков, и прежде всего языков международного значения, как правило, дает возможность личности получить реальные шансы занять в обществе более престижное как в социальном, так и в материальном отношении положение [2. С. 7].

Основная цель обучения иностранному языку в техническом вузе – формирование и развитие профессиональной иноязычной компетентности у студентов для свободного общения и использования полученных знаний в своей профессиональной деятельности. В настоящее время цель и содержание языкового образования специалиста претерпели определенные изменения. Современные принципы предполагают ориентацию образования на характер и ценности культуры, на освоение ее достижений, на принятие социокультурных норм и включение человека в их дальнейшее развитие. Обладая большим образовательным потенциалом, учебный предмет «Иностранный язык» в высшей школе, помимо решения задач развития личности, является ресурсом систематического пополнения профессиональных знаний, формирования и развития коммуникативных навыков и умений [1. С. 6]. За время обучения студенты технического вуза должны приобрести не только теоретические знания и навыки практической работы в сфере своей специализации, но и стать целеустремленной личностью, готовой к самообразованию, повышению своего профессионального уровня и карьерному росту.

Как показывает практика, при разработке программ по иностранному языку для технических специальностей и направлений подготовки в высших учебных заведениях, в разделе «цели и задачи обучения» ставятся обобщенные, но по своей сути высокие требования при подготовке студента к общению на иностранном языке в устной и письменной формах, что предполагает наличие у студента, таких уме-

ний в различных видах речевой деятельности, которые по окончании курса дадут ему возможность:

- читать оригинальную литературу по специальности или направлению подготовки для получения нужной информации;
- принимать участие в общении на иностранном языке, в объеме материала предусмотренного программой;
- общаться в устной и письменной формах для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия;
- владеть навыками самостоятельной работы для совершенствования знаний и повышения квалификации по своей специальности при помощи иностранного языка.

Таким образом, согласно конкретным требованиям к современному специалисту высшей квалификации, можно предположить, что будущему выпускнику вуза представляется существенным чтение зарубежных газет, журналов и научных публикаций по специальности, что является одним из основных средств поиска информации. Писать же статьи и публиковать свои научные труды на иностранном языке, будут вероятно немногие. Вместе с тем, элементарные умения конспектирования литературы, составления тезисов докладов, обзора информации, резюме статей в письменном виде являются обязательными для современного специалиста с высшим образованием. Поэтому при организации процесса формирования иноязычной коммуникативной компетенции одним из ведущих принципов является организация самостоятельной учебной деятельности студентов.

Задача, стоящая перед преподавателями иностранных языков в технических вузах – за короткий срок преподавания дисциплины подготовить конкурентоспособных молодых специалистов, владеющих не только повседневной лексикой, но и профессионально ориентированной, исходя из специализации обучающихся. Преподавателю необходимо сориентировать студентов к обучению иностранного языка, основываясь на мотивационных установках студентов и на развитии их профессионального интереса к предмету.

Если принять во внимание, что студенты учат английский язык не с «нуля», а с учетом школьной программы, то можно было бы ожидать, что к концу периода обучения студенты значительно повысят свой уровень языкового образования. Однако знания и умения наших специалистов и бакалавров в среднем соответ-

ствуют уровню A2-B1 по европейской шкале уровня владения иностранными языками, при этом многие из них уже владели языком на этом уровне до поступления в вуз.

Для объяснения этого парадокса следует учесть несколько обстоятельств. Во-первых, несмотря на все достоинства перехода на двухуровневую систему образования (бакалавриат, магистратура), есть ряд трудностей и проблем, с которыми сталкиваются как профессорско-преподавательский состав, так и студенты в рамках учебного процесса. Главная проблема это резкое сокращение аудиторных часов, что привело к необходимости введения большего объема материала за короткий срок обучения и как следствие увеличение времени на самостоятельную работу. Во-вторых, в настоящее время обучение иностранному языку в технических вузах проводится, как правило, на первом-втором курсах, когда студенты только начинают знакомиться со своей будущей профессией и приобретают лишь первичные знания по своей специальности или направлению подготовки. Поэтому очень часто отличная оценка в дипломе на момент окончания вуза не гарантирует заявленный уровень полученных языковых знаний. И, в-третьих, это недостаточный уровень мотивации студентов. Будущие инженеры своей главной задачей считают «усвоение» большого количества общетехнических предметов, а иностранный язык зачастую рассматривается ими как второстепенная дисциплина. Также следует учесть еще одно интересное обстоятельство. В настоящее время в литературе появилось много исследований, касающихся психологических особенностей так называемого «цифрового поколения» или «Generation Y» в контексте обучения. Отмечается, что представители данного поколения более восприимчивы к использованию технических средств обучения, визуализации, развитой обратной связи, и как результат они, в целом, меньше и менее эффективно читают. Тогда как профессионально-ориентированное обучение иностранному языку предполагает наличие умений и навыков работать с огромным потоком информации, в цифровом и текстовом формате, где для человека важна не столько энциклопедическая грамотность, сколько способность применять обобщенные знания и умения (компетенции) для разрешения конкретных ситуаций и проблем, возникающих в реальной деятельности [5. С. 5].

Достижение указанных целей в условиях сокращения аудиторных часов, предусмотрен-

ных программой по иностранному языку в техническом вузе, требует оптимизации учебного процесса самостоятельной учебной деятельности студентов, которую можно определить, как планируемую работу, выполняемую по заданию и при методическом руководстве преподавателя, но без его непосредственного участия [4. С. 124]. Помимо получения новых знаний такая работа способствует формированию у студентов навыков самообучения и самообразования, что является неотъемлемой частью их будущей профессиональной деятельности.

Одним из самых важных видов самостоятельной деятельности студентов является чтение научно-технических текстов по специальности. При этом наибольшая степень самостоятельности достигается при организации индивидуального внеаудиторного чтения, которое предполагает использование основных видов чтения: просмотрового, ознакомительного, изучающего, поискового. Внеаудиторное чтение считается одним из эффективных способов организации самостоятельной учебной деятельности студентов в техническом вузе, осуществляемого с позиций профессионально-ориентированного подхода, где освоение иностранного языка необходимо для решения профессиональных задач. Профессионально-ориентированный перевод в процессе обучения является важным средством получения информации. Научный перевод, реферирование, аннотирование, грамматический анализ текста, умение работать со словарем и справочной литературой являются главными составляющими элементами самостоятельной учебной деятельности. Главная задача, стоящая перед преподавателем на данный период времени – формирование у студентов умений и навыков самостоятельно читать, переводить и анализировать оригинальную научную литературу по специальности или направлению подготовки. При рассмотрении разных видов чтения (изучающее, просмотровое, ознакомительное, поисковое) предпочтение отдается изучающему чтению, при котором возможно максимальное извлечение информации из переводимого текста.

Исходя из степени самостоятельности студентов при организации индивидуального внеаудиторного чтения, можно выделить два этапа:

1. Внеаудиторное чтение по заданию преподавателя, которое предполагает чтение дополнительных профессионально-ориентированных текстов, соответствующих по тематике текстам, изучаемым на аудиторных занятиях, но содержащих дополнительную информацию.

2. Внеаудиторное чтение, при котором студенты самостоятельно подбирают тексты с профессиональной направленностью. Преподавателем задается лишь объем материала, который необходимо прочитать за определенный промежуток времени. Следует отметить, занимаясь поиском текстов для домашнего чтения, студенты приобретают навыки исследовательской работы, определяют круг вопросов, который в дальнейшем может стать основой курсовых работ по профильным дисциплинам.

Для осмысления содержания текстов по внеаудиторному чтению преподаватель ставит для студента следующие задачи: определить главную мысль прочитанного; разделить текст на семантические законченные части и озаглавить каждую из них; перечислить проблемы, представленные в тексте; составить собственное суждение о прочитанном; составить аннотацию статьи, подготовить реферативное изложение прочитанного текста; выделить основные факты; исключить избыточную информацию.

Что касается грамматики и лексики, то в текстах для внеаудиторного чтения следует уделять особое внимание структуре простого и сложного предложений; сложным синтаксическим конструкциям, характерным для научного стиля; оборотам с неличными формами глагола; пассивным конструкциям; инверсионным структурам; раскрытию значения незнакомого слова и термина соответствующей специальности, используя правило словообразования; правильному выбору значения полисемантического слова на основе контекста; широкому употреблению слов-заместителей. Выделяются трудности лексического характера.

Качество перевода во многом зависит от умения студентов работать со словарем и справочной литературой. При изучающем чтении следует избегать механического обращения к любому словарю – электронному или печатному. Современное цифровое поколение отлично умеет пользоваться всеми современными электронными подсказками, что очень облегчает им жизнь, а преподавателю приходится искать методические приемы и методы, чтобы заставить их сначала проанализировать форму слова (существительное, глагол, прилагательное), предположить возможное значение слова и только затем приступить к выбору значения слова из множества данных в словаре. Отсутствие навыков работы со словарем препятствует процессу самостоятельного чтения. Преподаватель рекомендует при работе с внеаудиторным текстом выписывать незнакомые

термины или грамматическую структуру с последующим анализом и переводом.

При переводе текстов с иностранного языка на родной студенты учатся выполнять предпереводческий анализ текста и вырабатывать стратегию перевода, анализировать содержание и форму текста, выбирать приемы и методы переводимого текста, использовать стандартные и искать оригинальные переводческие решения [3. С. 32]. Препятствием на пути к адекватному переводу часто становится недостаточное владение терминологией изучаемой специальности. Весьма полезной и интенсивной может быть работа по изучению оригинального текста и текста перевода, выполненного профессиональным переводчиком в сопоставлении с вариантами перевода того же текста, сделанного студентами.

Контроль выполненной работы можно осуществлять по разному, например: письменный перевод части прочитанного текста, устное сообщение по прочитанному материалу, экспресс-опрос, беседа, презентация, письменный анализ по готовому плану.

Таким образом, внеаудиторное чтение как вид самостоятельной работы при профессионально-ориентированном обучении иностранному языку носит четко выраженный познавательный характер, является одним из способов обогащения словарного запаса студентов. Должным образом организованное самостоятельное чтение развивает интерес к иностранному языку, прививает студентам навыки дальнейшей самостоятельной работы с иностранной литературой по специальности, что в свою очередь обеспечивает эффективность профессиональной деятельности будущего инженера.

Список литературы

1. Галимзянова, И. И. Педагогическая система формирования иноязычной коммуникативной компетенции будущих инженеров : автореф. дис. ...доктора пед. наук / И. И. Галимзянова.- Казань, 2009. – 31 с. - URL: <http://www.lib.ua-gu.net/dissertation>
2. Гальскова, Н. Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика : учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высших пед. учебных заведений / Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез. – М., 2007. – 336 с.
3. Комиссаров, В. Н. Теоретические основы методики обучения переводу / В.Н. Комиссаров. – М., 1997. – 110 с.

4. Педагогика и психология высшей школы: Учебное пособие / под редакцией М. В. Буланова-Топоркова. - Ростов н/Д, 2002. - 544 с.

5. Фарукшина, Н. Т. Развитие коммуникативной компетенции студентов техническо-

го вуза : автореф. дис. ...канд. пед. наук / Н. Т. Фарукшина. - Казань, 2007. - 32 с. - URL: <http://nauka-pedagogika.com>

А. И. Ольховская

*Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
(Москва, Россия)*

К ВОПРОСУ О СРЕДСТВАХ ОБУЧЕНИЯ ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

ABOUT TUTORIALS TO LEXICON OF RUSSIAN AS FOREIGN LANGUAGE

Данная статья посвящена обсуждению сложившегося в методике преподавания РКИ инструментария обучения лексике. Автор обращается к проблеме упорядочения основных средств обучения лексике, к коим относятся учебник, лексическое пособие, лексическое пособие словарного типа, лексический минимум и учебный словарь, а также даёт краткий обзор средств обучения различной жанровой принадлежности.

The paper deals with the discussion of the tutorial aids directed to the training in lexicon which is used in methods of teaching Russian as a foreign language. The author considers the classification issue of the main training resources for lexicon (textbook; lexical textbook; dictionary type lexical textbook; basic word stock; educational dictionary) and gives a short review of them.

Ключевые слова: методика преподавания РКИ; средства обучения лексике; учебник; лексическое пособие; лексическое пособие словарного типа; лексический минимум; учебный словарь.

Keywords: technique of teaching Russian as a foreign language, tutorials. Tutorials to lexicon to lexicon; textbook; lexical textbook; dictionary type lexical textbook; basic word stock; educational dictionary.

Средства обучения лексике иностранного языка условно могут быть разделены на основные и факультативно-вспомогательные. Под основными я разумею целостные методические продукты, с опорой на которые можно организовать системную работу с лексическим материалом как на уроке, так и за его пределами, т.е., вообще говоря, разнообразные книги учебного формата. К вспомогательным, соответственно, следует отнести средства, которые, хотя и позволяют осуществлять некоторую работу со словами (напр., презентацию, семантизацию, упражнения, игровые задания), имеют фрагментарный потенциал и не предоставляют возможности охватить весь процесс обучения лексике. Такими средствами обучения являются, например, иллюстрации, карточки, столь

популярные сегодня flashcards, кубики, мячи, аудио- и видеоматериалы, кроссворды, ребусы и мн. др. Данный список априори не поддаётся исчерпывающему описанию, поскольку вспомогательным средством обучения может стать, вообще говоря, совершенно любой предмет. В данной статье нас будут интересовать преимущественно средства обучения первого типа, поскольку в них прослеживается учёт системных отношений в лексике и принципа поэтапного усвоения нового знания.

Основные средства обучения лексике русского языка как иностранного могут быть разделены, как нам представляется, на пять групп: 1) учебники, 2) учебные пособия по лексике (или лексические пособия), 3) лексические пособия словарного типа, 4) лексические ми-

нимумы и 5) словари (прежде всего учебные). Обратимся к краткой характеристике жанрово-типологической специфики каждого.

Широко известно, что учебник является центральным и в некотором роде универсальным средством обучения иностранному языку. В нём представлена информация по всем языковым аспектам – фонетике, грамматике (морфологии, синтаксису, частично словообразованию) и лексике. Однако распределение указанной аспектной информации в учебнике оказывается неоднородным: если сведения о фонетических и грамматических явлениях практически исчерпывающим образом характеризуют соответствующие уровни языка, то лексический уровень освещается там вынужденно фрагментарно. Разумеется, это обусловлено необозримостью лексической системы – огромное количество существующих в языке слов не может быть описано ни в одном, ни в двух, ни даже в целой серии учебников. Соответственно, на занятиях или дома учащиеся, если только они хотят овладеть русской лексикой, должны обращаться к таким средствам обучения, которые дают полную и глубокую информацию о лексических объектах. Иными словами, помимо учебника, должны существовать специализированные средства обучения лексике.

Таким специализированным средством является прежде всего учебное пособие по лексике, или, что то же самое, лексическое пособие. Лексическое пособие можно определить как вспомогательное учебное произведение, которое используется в дополнение к учебнику для отработки сложных лексических явлений. Актуальность и востребованность учебного пособия по лексике возрастает по мере продвижения учащихся от начального этапа обучения к продвинутому. Каждое лексическое пособие ориентировано на вполне определенную лексическую трудность (трудности) и связано с вполне определенными системными образованиями.

К трудностям лексической системы, которые увеличивают учебную энтропию и замедляют процесс усвоения словарного состава языка, можно отнести следующие явления: 1) безэквивалентную и фоновую лексику; 2) развитую многозначность языка; 3) стилистическую дифференциацию лексики (лексическое дублирование разнообразных понятийных сфер, ср. *сделать* – *совершить*, *нужно* – *необходимо*, *закончить* – *завершить*); 4) синонимическое разнообразие лексики (аналогичное дубли-

рование, имеющее идеографическую и / или стилистическую специфику); 5) таронимы¹ (в том числе паронимы); 6) лексическую сочетаемость единиц; 7) фразеологический и паремийно-логический фонд языка; 8) коммуникативы, т.е. принятые в данном речевом сообществе способы коммуникативного реагирования и – реже – инициирования, имеющие закреплённую за ними иллокутивную силу, напр., *Вот это да!* = ‘удивление с лёгким оттенком радости’, *Разве?* = ‘удивление с оттенком сомнения, граничащего с недоверием’, *Ни за что!* = ‘категорический отказ’; 9) аффиксальное многообразие, которое отличает русский язык от других языков мира. Заметим, что методические сложности в освоении словообразовательных явлений обусловлены вовсе не тем, что ряд смыслов в русском языке выражается с помощью определённых аффиксов, а многозначностью последних. Например, приставка *за-* может обозначать 1) начало действия (*закричать*), 2) направление движения за предмет (*заехать за угол*), 3) заполнение чего-л. (*залить стол*), 4) чрезмерность (*захвалить*), 5) аспектуальность (*платить* – *заплатить*) и проч.

С опорой на исчисленные проблемные зоны лексической системы языка возможно построение стимулирующей типологии учебных пособий по лексике. Так, можно, по-видимому, говорить о пособиях, раскрывающих национально-культурную специфику лексических единиц, пособиях, направленных на отработку полисемии наиболее употребительных русских слов (ключевых метафор русского языка, регулярных моделей лексической многозначности), пособиях, организующих работу со стилистическими регистрами языка – разговорной, просторечной лексикой, бизнес-лексикой, лексикой в сфере туризма, общенаучной

¹ Таронимами (от греч. *taratto* – «путаю, привожу в замешательство» и *onoma*, *onuma* – «имя») В.В. Морковкин называет «лексические и фразеологические единицы, которые устойчиво смешиваются при производстве и / или восприятии речи вследствие их формальной, семантической или тематической смежности» [2. С. 144–145]. К ядру таронимии относятся те паронимы (однокорневые и разнокорневые), которые представляют для носителей языка реальную трудность, ср. *земной* – *земельный* – *земляной*, *туристический* – *туристский*, *драматический* – *драматичный*, *делегат* – *депутат*. На периферии расположены слова, конкурирующие в сознании пользователей языка исключительно на основании их смысловой смежности, ср. *дата* – *число*, *вернисаж* – *выставка*, *шпион* – *лазутчик* – *соглядатай*, *апеллировать* – *обращаться* и др.

и профильной терминологией и т.п. Существующие на сегодняшний день учебные пособия по лексике, хотя и не покрывают всего спектра возможных типологических реализаций рассматриваемого жанра, так или иначе отражают все или практически все значимые с методической точки зрения лексические объединения.

В отечественной методике наиболее длительную и научно обоснованную традицию имеет практика презентации таронимов, заложенная, насколько нам известно, ещё И. П. Слесаревой (см. «Словарь-справочник по русскому языку для иностранцев» и «Сборник упражнений по лексике русского языка»). Возникновение интереса к данным единицам представляется вполне оправданным с учётом их частотного речевого смещения, приводящего если не к коммуникативной неудаче, то как минимум к коммуникативному конфузу (вспомним к месту *красивую дедушку и красный цветы*). «Многолетний педагогический опыт, – пишет И. П. Слесарева, – показывает, что наибольшее число ошибок приходится на словоупотребление семантически близких слов определённого типа» [4. С. 124]. Среди пособий, ставящих во главу угла таронимические явления, можно назвать первый выпуск книги «Когда не помогают словари» Э. В. Аркадьевой, Г. В. Горбаневской, Н. Д. Кирсановой, И. Б. Марчук и учебно-справочное пособие «Трудные случаи употребления семантически близких слов» С. И. Дерягиной, Е. В. Мартыненко. Второй категорией, находящей отражение в учебных пособиях по лексике, являются словообразовательные группировки, ср., например, второй и третий выпуски книги «Когда не помогают словари», организующей работу с глагольными группами, а также пособие «От корня к слову» А. Ю. Кожевникова, Л. П. Кожевниковой, материал которого не имеет частеречных ограничений.

Говоря об учебных пособиях по лексике, нельзя не обмолвиться о возникших в недавнее время лексических пособиях синтетического типа, т.е. таких, в которых учитывается целый комплекс трудностей лексической системы русского языка. Наиболее удачным и методически обоснованным пособием указанной природы следует считать, пожалуй, «Прогулки по русской лексике» Е. Р. Ласкарёвой, в котором освещаются такие лексические объединения, как антонимические и синонимические пары, заимствованная и официальная лексика, словообразовательные средства языка, таронимические и паронимические единицы, лексическая сочетаемость, фразеологизмы, пословицы и

поговорки, а также просторечная лексика (См. также тематически организованную серию пособий «Русская лексика в заданиях и кроссвордах» И. А. Старовойтовой).

Следующая разновидность специализированных средств обучения лексике представлена таким молодым и мало известным в методике жанром, как лексические пособия словарного типа. Ряд проблем, связанных с учебными пособиями словарного типа, был успешно и исчерпывающе освещен в диссертации Н. А. Максимчук. Учебное пособие словарного типа автор определяет как «вспомогательное, или дополнительное, средство обучения, представляющее собой произведение учебной лексикографии, в котором словарное и квазисловарное описание лексических единиц сочетается с методическим механизмом, обеспечивающим учащимся возможность усвоения в рамках сформулированных целей и задач включенного в это произведение языкового материала» [1. С. 12]. Иными словами, лексическое пособие словарного типа представляет собой эффективное сочетание словаря и традиционного лексического пособия. От словаря в нём – предоставление исчерпывающего описания единиц, близкого к словарному, от пособия – наличие упражнений, в результате выполнения которых у учащихся формируются необходимые умения и навыки. Такое концептуальное решение обуславливает композицию пособий словарного типа: в них выделяет словарная и учебно-практическая части. На базе типового проекта, разработанного В. В. Морковкиным, было создано два пособия словарного типа для учащихся средних ПТУ – «Термины металловедения и металлообработки» и «Устройство, эксплуатация и техническое обслуживание автомобиля». С учётом специфики композиционного устройства к общим лексическим пособиями словарного типа можно отнести упомянутые ранее пособия «Когда не помогают словари» и «Трудные случаи употребления семантически близких слов». Каждый раздел указанных произведений содержит блок квазисловарного описания (методический комментарий, толкование, раскрытие многозначности слова, показ сочетаемости, раскрытие синонимических и антонимических отношений) и блок упражнений на отработку предъявленных единиц.

Следующим подлежащим рассмотрению средством обучения лексике являются лексические минимумы, т.е. списки наиболее употребительных и актуальных для определённых условий обучения слов, позволяющих эффек-

тивным образом решить проблему отбора и компрессии лексических средств языка в учебном процессе. Разумеется, лексические минимумы не могут считаться средством обучения лексике в полном смысле этого слова, поскольку не только не предусматривают организации учебной деятельности, но и являются изданием всецело демонстрирующим, а не объяснительным. В этом смысле они представляют собой скорее руководство для авторов учебников, составителей учебных словарей и отчасти преподавателей, чем инструмент изучения языка учащимися. Однако значимость лексических минимумов для процесса обучения иностранного языка столь велика, что вопрос об их включении в систему средств обучения лексике не может решаться двояко.

Лексические минимумы включают в себя языковые средства одновременно максимального и минимального объема; максимального – с точки зрения возможностей учащихся, этапа обучения и отводимого для усвоения наличествующих в нём единиц времени, минимального – с точки зрения всей системы языка. Ключевая жанровая особенность лексических минимумов состоит в том, что они формируются на основе «гармонического сжатия словарного состава» – методически грамотная компрессия лексического массива не нарушает языковой системы, а позволяет получить минимальный слепок с неё. Благодаря этому свойству отражённый в минимуме язык может быть использован как средство общения, хотя и в рамках ограниченных тем и ситуаций. Необходимо понимать, что лексические минимумы могут быть общими (общелитературная лексика) и специальными (терминология, синонимы, антонимы, лингвострановедчески маркированная лексика и др.). Наиболее авторитетные собрания градуированных лексических минимумов русского языка принадлежат В. В. Морковкину. Это, в частности, «Лексические минимумы современного русского языка», которые включают 10 списков лексических единиц – от 500 до 5000 слов для разных уровней владения языком, и «Система лексических минимумов современного русского языка», которая, помимо десяти списков, содержит в себе тематический, фразеологический, синонимический и антонимический минимумы.

Наконец, последним средством обучения лексике является учебный словарь. Учебный словарь, будучи центральным объектом учебной лексикографии, может быть определён как «специально предназначенное для оказания

помощи в изучении языка как средства передачи своих и восприятия чужих информационных состояний» [3. С. 9]. В представленном определении содержится три значимых положения. Во-первых, отсутствие жанрово-типологических ограничений учебного словаря: последний, как и словарь общего пользования, может быть толковым и идеографическим, аспектным и полиаспектным, автономным и включённым и т.д. То же касается и его объема, который, вообще говоря, может быть любым (ничто не препятствует созданию двадцатитомного учебного словаря). Во-вторых, его специфическая предназначенность для обучения языку. И, в-третьих, чрезвычайно важное для учебной лексикографии противопоставление продуктивных и рецептивных видов речевой деятельности, отмеченное еще Л. В. Щербой, ср. его высказывание по этому поводу: «Нетрудно заметить, что отправитель и получатель нуждаются, строго говоря, в словарях разного типа: первому в большей степени необходимы словари активного типа (словарь сочетаемости слов, идеологический словарь, словарь синонимов – для выбора нужных слов из лексической парадигмы и правильного их «сцепления»), а второму – словари пассивного типа (например, толковый, раскрывающий содержание слов)» [6. С. 281–282].

Система средств обучения иностранному языку в необходимом порядке включает словари различной типологической и жанровой принадлежности. Однако в действительности работа со словарём на уроке РКИ сводится в лучшем случае к поиску эквивалентов слов на родном языке учащихся в двуязычном переводном словаре. Одноязычные словари (толковые, фразеологические, лингвострановедческие, синонимов, антонимов, сочетаемости и мн. др.) остаются в этой ситуации на периферии учебного процесса, а часто даже за его пределами. Между тем, по справедливому замечанию Л. В. Щербы, «обычные переводные словари не дают настоящего знания иностранных слов, а лишь помогают догадываться об их смысле в контексте <...> Ввиду всего этого всякий настоящий педагог советует своим ученикам как можно скорее бросать переводные словари и переходить на толковый словарь данного иностранного языка» [6. С. 296].

Разумеется, игнорирование одноязычных словарей в учебном процессе вовсе не является основанием для огульного обвинения преподавателей в лексикографической некомпетентности и методической несостоятельности. Дан-

ное положение дел имеет ряд серьёзных причин, среди которых обращают на себя внимание следующие. Во-первых, из всей совокупности существующих словарей русского языка на долю словарей, адресованных иностранцам, приходится лишь малая толика. Это, в частности, «Краткий толковый словарь русского языка для иностранцев» под ред. В. В. Розановой, «Учебный толковый словарь русского языка» К. В. Габучан, «Русский словарь. Учебный словарь русского языка» М. Н. Аникиной, «Картинно-ситуативный словарь русского языка» Ю. В. Ванникова, А. Н. Щукина, «Учебный словарь сочетаемости слов русского языка» под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина, «Иллюстрированный тематический словарь русского языка» Л. Г. Саяховой, Д. М. Хасановой, «Словарь паронимов русского языка» О. В. Вишняковой и нек. др.

Во-вторых, текст одноязычного словаря часто так же непонятен, как и слова, которые учащийся силится понять, обращаясь к нему. Одноязычный словарь, таким образом, вместо того чтобы дать пользователю простые и вразумительные ответы, бесконечно множит языковые вопросы. В-третьих, в рамках принятого сегодня коммуникативного подхода к обучению иностранным языкам работа с лексическим материалом строится по принципу его скорейшего погружения в речевую среду. В таких условиях нет времени для глубокой проработки представленного в словаре индивидуального языкового портрета единицы.

И, наконец, в-четвёртых, методика на сегодняшний день не располагает системой эффективных упражнений для работы со словарными материалами. Отечественный учёный А. Е. Супрун писал: «Может ли словарь учить? Вероятно, может. Конечно, словарь – не сборник упражнений, а потому нельзя требовать, чтобы он служил для выработки и тем более закрепления навыков. Прежде всего, словарь, видимо, может учить не навыкам, а сведениям» [5. С. 46]. Однако прочное усвоение сведений, как известно, возможно лишь посредством выполнения ряда упражнений.

Элементы словарной работы желательно начинать вводить при переходе от уровня элементарного общения к базовому уровню; на более высоких этапах обучения данный вид работы будет приобретать, очевидно, более сложные формы. Необходимый словарный материал можно извлекать, вообще говоря, из любого по жанру и типу словаря (в зависимости от методической цели урока), однако ра-

циональнее всего, по-видимому, обращаться к комплексному, или полиаспектному, словарю, который содержит характеристику единиц по ряду методически релевантных параметров. В настоящий момент в отечественной учебной лексикографии существует два таких словаря – «Комплексный учебный словарь. Лексическая основа русского языка» и недавно вышедший в свет «Большой универсальный словарь русского языка» под редакцией В. В. Морковкина. Первый является словарём демонстрирующего типа и потому предназначен, в первую очередь, преподавателям и составителям учебников; второй относится к словарям объяснительного типа, и на этом основании может эффективно использоваться при работе с иностранцами.

Перечисленные учебные произведения составляют, как кажется, максимально полный перечень основных средств обучения лексике иностранного языка, грамотное и своевременное использование которых обеспечивает прочное и системное овладение необходимым количеством словарного запаса.

Список литературы

1. Максимчук, Н. А. Пособия по лексике русского языка для иностранцев как объект учебной лексикографии : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Максимчук. – М., 1984. – 24 с.
2. Морковкин, В. В. Лексическая система как объект лексикографирования / В. В. Морковкин // Проблемы учебной лексикографии : состояние и перспективы развития / Мат. общесоюзной конференции. – Симферополь : Симферопольский гос. ун-т им. М. В. Фрунзе ; Институт рус. яз. им. А. С. Пушкина, 1992. – С. 142–145.
3. Морковкин, В. В. Основы теории учебной лексикографии : дис. ... д-ра филол. наук / В. В. Морковкин. – М., 1990. – 72 с.
4. Слесарева, И. П. Проблемы описания и преподавания русской лексики / И. П. Слесарева. – М. : Русский язык, 1980. – 184 с.
5. Супрун, А. Е. Некоторые свойства учебного словаря и словарь для обучающего / А. Е. Супрун // Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике / под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. – М. : Русский язык, 1978. – С. 43–48.
6. Щерба, Л. В. Опыт общей теории лексикографии / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – М. : Наука, 1974. – С. 265–304.

Н. В. Папка*Пятигорский государственный
лингвистический университет
(Пятигорск, Россия)***ОСОБЕННОСТИ ПРИКЛАДНОГО ХАРАКТЕРА НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА
КАК ВТОРОГО ИНОСТРАННОГО В ПРЕПОДАВАНИИ
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СФЕРЕ ТУРИЗМА****THE FEATURES OF APPLIED NATURE OF THE GERMAN LANGUAGE
AS A SECOND LANGUAGE IN THE TEACHING OF INTERCULTURAL
COMMUNICATION IN TOURISM**

В статье обосновывается прикладной характер преподавания немецкого языка и его профессионально-ориентированные особенности в сфере туризма, вырабатываются качества, которыми должны обладать обучаемые: межкультурная компетенция, культурная идентичность. Основываясь на данном теоретическом материале, приводятся типы упражнений, которые могут использоваться в данном предмете.

The article explains the applied character of teaching of the German language and professionally-oriented characteristics in the tourism industry, are developed the qualities which students should possess: intercultural competence, cultural identity. Based on this theoretical material, are provided the types of exercises that can be used in the subject.

Ключевые слова: немецкий язык, туризм, прикладной характер, культурная идентичность, упражнение, учитель

Keywords: German language, tourism, the applied character, cultural identity, exercise, teacher.

В современных условиях развития нашего общества следует отметить все возрастающую роль иностранных языков как одного из основных средств международного общения. Предпосылкой для этого много: это и расширение экономических отношений между странами, увеличение торговли и производства товаров, активизация академических партнерских отношений, а также отношений в сфере услуг, в том числе в туристической отрасли. Из этого вытекает необходимость подготовки специалистов со знанием разных иностранных языков, что становится стратегической составляющей в различных сферах деятельности людей.

Специалисты, владеющие иностранными языками, становятся посредниками в передаче информации между представителями разных культур. Передавая эту информацию, необходимо обладать навыками решения лингвокультурных и социокультурных проблем. Следовательно, подготавливая специалистов в области туризма, необходимо формировать у них не только интерес к иностранному языку, но и к культуре страны, где на этом языке говорят.

Из этого вытекает следующий постулат: изучение иностранного языка приобретает все боль-

ше прикладной характер. «Это призма, с помощью которой исследуются и становятся доступными другие области» [3. С. 58]. Уже недостаточно просто «владеть иностранным языком». Важно при этом хорошо знать культуру страны изучаемого языка, т.е. обладать «межкультурной компетенцией», «культурной идентичностью», термины, которые филологи довольно часто используют в своих исследованиях. Вслед за Н. В. Петровой [4. С. 2], и О. Р. Бондаренко [1. С. 38], мы будем понимать под межкультурной компетенцией «успешное использование фоновых знаний о культурно обусловленных коммуникативных особенностях иностранного адресата, а также комплекс умений учитывать имеющиеся межкультурные коммуникативные расхождения в процессе общения с носителями данного иностранного языка». Под «культурной идентичностью» исследователи понимают осознанное принятие человеком соответствующих культурных норм и образцов поведения, ценностных ориентаций и языка, понимание своего «я» с позиций тех культурных характеристик, которые приняты в данном обществе, самоотжествление себя с культурными образцами этого общества [2. С. 54].

Приобретение такого рода знаний возможно при использовании лингвосоциокультурного метода, в котором объединяются языковые и неязыковые факторы. Будущие специалисты, изучающие иностранный язык и культуру не должны входить в противоречия между реалиями родной культуры и чужой, а лаконично сочетать элементы разных культур.

В этом им могут помочь наставники, преподаватели иностранного языка. В соотношении «ученик – учитель» роль учителя несколько не отошла на второй план, как это может показаться на первый взгляд. Рассматривать ее теперь надо не по вертикали, а по горизонтали относительно роли учащегося. Учитель скорее корректирует и направляет изучение языка и погружение в культуру. Но без этого направления и коррекции невозможен сам процесс.

Развитию навыка такого сочетания будут способствовать, например, аутентичные тексты различного характера: меню, счета и формуляры гостиницы, расписание поездов и самолетов, билеты на поезд и т.д., а тематика может охватывать работу в туристическом бюро, бронирование туров, работу в гостинице, регистрацию и обслуживание гостей, организацию поездки, проведение экскурсий, сопровождение туристов в качестве гида-переводчика по достопримечательностям, рассмотрение презентаций.

Содержание курса может содержать материал, необходимый при работе в сфере туризма. Прежде всего – это все, что связано с гостиничным бизнесом. Началом может послужить приветствие (*Gäste begrüßen und empfangen, sich vorstellen*), уточнение продолжительности пребывания в гостинице (*nach dem Aufenthaltsdauer fragen*), предоставление информации о гостинице и номерах (*Information zum Hotel und zum Zimmer geben, Auskunft geben, ob Zimmer frei sind*), вопросы, связанные с регистрацией постояльцев (*auf eine Reservierungsanfrage antworten*), заполнение регистрационной формы (*das Formular ausfüllen*). Тренировать понимание иноязычной речи можно с помощью упражнений с аудио-, видеоматериалами. Заданиями к таким упражнениям могут служить, например, *Wer sagt was? Hören Sie und ordnen Sie zu.* (Кто что говорит? Прослушайте и определите) или *Hören Sie und sprechen Sie nach* (Слушайте и повторяйте). После выполнения задания может последовать проверка: *Ordnen Sie die Gesprächsteile zu. Hören Sie noch einmal und vergleichen Sie* (Упорядочьте части диалога, прослушайте и сравните).

Для лучшего восприятия можно использовать комбинированные задания. Например, использование визуального и аудиоматериала, а также письменные задания на выбор – *Sehen Sie die Zeichnung an und hören Sie das Gespräch. Was ist richtig? Bestimmen Sie.* (Посмотрите на картинку, прослушайте диалог. Что правильно? Определите.).

Такие упражнения могут проводиться в два этапа. На первом этапе проходит работа с картинкой: *Sehen Sie die Zeichnung an. Was meinen Sie: Was ist richtig? Bestimmen Sie.* (Посмотрите на картинку. Что Вы думаете, что правильно? Определите.). Второй этап содержит работу с аудиоматериалами – прослушивание диалога – и проверку выполнения задания: *Hören Sie das Gespräch und vergleichen Sie mit Ihrer Antwort aus A* (Прослушайте диалог и сравните с Вашим ответом из пункта А). Далее можно закрепить материал с помощью дополнительных упражнений (*Ergänzungsübungen*) с предложенными лексическими вариантами: *Hören Sie das Gespräch noch einmal und ergänzen Sie.* (Прослушайте разговор еще раз и дополните).

Мы уже говорили ранее, что развитию межкультурной компетенции будут способствовать аутентичные тексты, используемые в этой отрасли. Таковыми могут служить реальные удостоверения личности (*Personalausweis*), визитные карты (*Visitenkarte*), гостиничные формуляры (*Anmeldevormular*).

Работа с такими текстами может быть в первой части индивидуальной: *Lesen Sie die Information im Personalausweis und Visitenkarte und füllen Sie das Anmeldevormular aus* (Прочитайте информацию на удостоверении личности и на визитной карточке, заполните регистрационный формуляр); групповой – во второй части: *Vergleichen Sie die Ergebnisse mit den Partnern* (Сравните результаты с партнерами).

Продолжить работу можно упражнениями, имитирующими получение какой-либо информации в разговоре, например, у стойки администратора в гостинице. Разговор может содержать как вопросно-ответные реплики, так и переспрос. Например, если вновь прибывший гость невнятно называет свою фамилию или, при заполнении формуляра, имя или номер телефона пишет с исправлениями. Диалоги можно повторять несколько раз, заранее предоставив перечень лексических единиц для вариаций.

Одним из популярных типов упражнений были и остаются тексты с пропусками (*Lückentexte*). Пропуски могут содержать тексты лю-

бого характера: монологи, диалоги. Вариативной может быть также форма предоставления недостающей информации. Это могут быть картинки, общий перечень слов для пропусков, другие тексты.

Если первый информационный блок касается, в основном, работы администратора, то во втором блоке можно пойти дальше по территории отеля и познакомиться с гостиничными номерами, а также с работой гостиничных служб: *Geräckservice anbieten* (предлагать услуги носильщика), *Information zu Hotelzimmer geben* (давать информацию о гостиничных номерах), *Bestellung aufnehmen* (принимать заказы), *Möglichkeit zum Essen im Hotel (Restaurant, Frühstücksbuffet)* (возможность питания в гостинице (ресторан, помещение для завтрака)), *einen Tisch reservieren* (заказывать стол), *etwas empfehlen* (что-либо рекомендовать, советовать).

Описание гостиницы, наличия всех типов гостиничных номеров и гостиничных служб может быть хорошо представлено, например, в аутентичных проспектах, которые можно разместить в учебнике. Непосредственное описание номера можно наглядно продемонстрировать на картинках, обозначив номерами различные предметы и представив в упражнении таблицу с названиями этих предметов. Заданием к такому упражнению будет: *Was sehen Sie auf dem Bild? Was gibt es im Hotelzimmer? Ordnen Sie zu* (Что Вы видите на картинке? Что есть в номере. Соотнесите).

При описании гостиницы и гостиничных номеров не нужно забывать про пиктограммы, схематические изображения услуг и сервисов, представленных в гостинице. Набор пиктограмм может быть самым разнообразным: прачечная и услуга глажки белья, полный или полупансион, разрешение для собак, WLAN и т.д.

Использование мультимедийных средств, в частности сети Интернет, делает возможным употребление таких упражнений, как веб-квесты. Можно задать заранее выбранные по определенным параметрам гостиницы для поиска и попросить обучающихся, например, заполнить таблицу, выбрав с сайта гостиницы необходимую информацию. Такие задания повышают интерес к обучению и мотивируют учащихся к ознакомлению со страноведческой информацией.

В качестве закрепления можно предложить обучаемым описать отель своей мечты (*Traumhotel beschreiben*), используя как можно больше информации о нем из сделанных ранее упражнений.

Важной частью пребывания гостя в гостинице является, конечно же, питание. Для этого в любой гостинице оборудованы специальные помещения: для завтрака (*Frühstücksbuffet*), ресторан (*Restaurant*), бар (*Bar*). К тому же, имеются мини-бары в номерах. Блюда, которые постояльцы могут выбрать на шведском столе во время завтрака, представлены на всевозможных аутентичных картах-меню, наглядных картинках в учебном курсе. Выполнение упражнений с такой информацией предполагает соотнесение картинок и названий блюд, сравнение ассортимента в стране изучаемого языка и у себя на родине с тренировкой наиболее употребляемых фраз в таких ситуациях: *Wann frühstücken Sie?* (Когда Вы завтракаете?), *Was frühstücken Sie?* (Что Вы завтракаете?), *Was bevorzugen Sie zum Abendessen?* (Что Вы предпочитаете на ужин?), *Was mögen Sie?* (Что Вы любите?).

Информацию о местах питания в гостинице можно дополнить текстами о том, как питаются немцы, что предпочитают в разные приемы пищи: на завтрак, на обед, на ужин, чтобы у обучающихся сложилась более полная картина. В заключение данного блока можно предложить составить меню самостоятельно из предложенного списка блюд, а потом презентовать его в группе, дополнив наглядным материалом.

Немаловажным в гостиничном бизнесе является реакция гостиничного персонала на проблемы, жалобы, пожелания и предложения клиентов: *etwas empfehlen* (рекомендовать), *einen Vorschlag machen* (предлагать), *auf Beschwerden und Wünsche reagieren* (реагировать на жалобы и желания), *auf Lob und Kritik reagieren* (реагировать на похвалу и критику), *sich nach der Zufriedenheit der Gäste erkundigen* (осведомляться о том, довольны ли гости).

Оформление счета можно рассматривать на основе аутентичных гостиничных счетов. Упражнения на соотнесение информации (*Ergänzungsübungen*) помогут при этом. Можно соотносить, например, вопросы и ответы диалога по оформлению счета.

Жалобы, как правило, выражаются в письменной форме, поэтому в этой части необходимо ввести письменный документ жалобы (*die Beschwerde*). Разобрать жалобу можно на конкретном примере. Например, невежливый персонал (*das unfreundliche Personal*), неправильный счет (*falsche Rechnung*), не работает лифт (*Der Fahrstuhl ist kaputt*) и т.д. На закрепление можно использовать упражнения на исправление заведомо ложных высказываний

или высказываний, содержащих ошибки (Korrekturübungen). Они могут быть введены следующим заданием: Richtig oder Falsch? Lesen Sie die Beschwerde. Richtig oder falsch? Korrigieren Sie die falsche Äußerung. (Правильно или нет? Прочитайте жалобу, исправьте неправильные высказывания).

В нашей работе мы рассмотрели лишь небольшую часть материалов, касающихся сферы гостиничного хозяйства, в которых используется прикладной характер преподавания немецкого языка. Конечно, этот список можно расширить. Например, можно рассмотреть также сферу туристического бизнеса в упражнениях, содержащих задания «ролевые игры»: учащиеся выполняют роли сотрудников туристического агентства и клиентов, желающих выбрать путешествия как внутри, так и за границу. Данные упражнения совершенствуют и закрепляют лексические навыки по данной тематике.

Список литературы

1. Бондаренко, О. Р. Межкультурные аспекты коммуникативной компетенции на иностранном языке // Методы и организация обучения иностранному языку в языковом вузе. Труды МГЛУ. Вып. 370. – М., 1991.
2. Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П. Основы межкультурной компетенции. – М., 2002.
3. Папка, Н. В. К вопросу о прикладном характере немецкого языка в преподавании для лингвистической специальности «Операционная деятельность в логистике» // Вопросы прикладной лингвистики. Вып. 2 (14). – М.: Российский университет дружбы народов, 2014 г.
4. Петрова, Н. В. Формирование межкультурной компетенции при обучении немецкому языку студентов специальности «социально-культурный сервис и туризм». – URL: <http://nikitindima.name/metodika-prepodavaniya-inostrannyx-yazykov-stati-2/>

Л. Д. Пономарёва

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова
(Магнитогорск, Россия)*

ТЕКСТ В СИСТЕМЕ РЕЧЕТВОРЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ: МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

TEXT IN THE SYSTEM OF STUDENTS' SPEECH CREATIVE DEVELOPMENT: METHODOICAL ASPECT

В статье рассматривается методический аспект актуальной для теории и практики преподавания русского языка проблемы речетворческого развития обучающихся. Центральным понятием системы речетворческого развития учащихся является текст как многофункциональная лингводидактическая единица. Выделенные в статье принципы, методы и формы организации работы по речетворческому развитию учащихся, представляющие методический аспект исследуемой проблемы, позволяют в полной мере реализовать речетворческую стратегию обучения русскому языку.

The article considers the methodical aspect of the Russian language teaching – an actual problem in training theory and practice. The central notion of the system of speechmaking development of students is the text as multipurpose lingo didactical unit. The principles allocated in the article, methods and forms of the organization of work on speechmaking development of students represent a methodical aspect of the researched problem and allow to realize a full range of speechmaking strategy of Russian teaching.

Ключевые слова: текст, принципы, методы, формы организации речетворческого развития учащихся.

Keywords: text, principles, methods, forms of the organization of speechmaking development of students.

Проблема речетворческого развития учащихся обращена прежде всего к тексту, который является основной лингводидактической единицей в процессе обучения русскому языку. Текст в школьной теории и практике следует рассматривать не только как речевое произведение, но и как «установку» на речетворчество, как произведение речетворческого процесса, как собственно речетворческий процесс, как средство диагностики качества речетворческих способностей обучающихся.

Методика организации работы по речетворческому развитию учащихся построена с учётом принципов, реализующих речетворческую стратегию обучения русскому языку. Таковыми (наряду с общедидактическими и частнометодическими) являются следующие принципы:

- ◆ *речетворческий,*
- ◆ *апперцептивный,*
- ◆ *гештальт-структурный.*

Речетворческий принцип является одним из базовых принципов методики, предложенной в исследовании. Суть его состоит в том, что работа над словом и художественным текстом в процессе обучения русскому языку имеет выход в речетворческую деятельность учащихся.

Речетворческий принцип требует перестроить систему работы над словом и текстом: сделать её иницирующей речетворчество учащихся. С этой целью в процесс обучения русскому языку нами вводится определение речетворческой глубины и перспективы слова через многообразие его значений.

Речетворческий принцип реализуется на всех этапах речетворчества учащихся и предполагает развитие речетворческих способностей учащихся: воспринимать чужой текст и продуцировать собственный текст. При этом работа над текстом в процессе обучения русскому языку осуществляется в русле речетворческой стратегии восприятия текста: чужой текст становится ориентировочной основой для создания собственного текста. Привычный для методики анализ текста превращается в речетворческую беседу по тексту, цель которой иницировать речетворчество учащихся.

Рождение замысла влечёт за собой его разработку и создание собственного, к примеру, художественного текста. Воплощение авторского замысла является процессом поиска форм, свежих, оригинальных, адекватных художественному замыслу.

Апперцептивный принцип выражает зависимость восприятия (слова, текста, окружающего мира) от прошлого опыта, от общего содержа-

ния психической деятельности учащихся и их индивидуальных особенностей.

Для художественного речетворчества субъективный опыт является основой. Поэтому учителю необходимо не просто помнить об этом, но и активно работать с опытом учащихся (его содержанием, структурой, источниками приобретения).

В рамках апперцептивного принципа реализуется программа сенсорного развития учащихся.

Сенсорная программа включает комплекс речетворческих тренингов, целью которых является обострение зрения, слуха, запаха, вкуса, осязания, синестезических ощущений. Вот некоторые из них:

- Вы наблюдаете осенний восход или закат солнца. Опишите увиденное.
- Послушайте тишину! Опишите услышанное.
- Чем пахнет осень? Расскажите об этом.
- У Вас в руке яблоко, надкусите его. Опишите ощущения.
- Нарисуйте музыку к тексту: слушая текст, напевайте мелодию, навеваемую текстом, и рисуйте всевозможные фигуры, раскрашивая их в разные цвета.

Результатом развития сенсорных возможностей учащихся становится их особое мироощущение, благодаря которому рождаются оригинальные художественные замыслы.

Гештальт-структурный принцип обучения речетворчеству предполагает такую организацию учебного материала, которая позволяет объединить в целостную картину разные фрагменты действительности.

Формируя дидактические гештальт-структуры, учитель использует семантические связи слов и результаты ассоциативного эксперимента, проведённого с обучающимися. Таким образом, сформированные учителем структуры учитывают не только семантические связи слов, но и опыт учащихся, отражённый в ассоциациях, что особенно важно для художественного речетворчества.

Принципы организации работы по речетворческому развитию учащихся положены в основу методики, целью которой является формирование речетворческой личности учащегося.

Используемые в настоящее время методы преподавания русского языка недостаточно ориентированы на развитие творческих способностей учащихся и их самостоятельную деятельность по приобретению и использованию знаний, на сотворчество учащихся и учителя.

Методы речетворческого развития учащихся направлены на развитие творческих способностей учащихся, имеют деятельностно-коммуникативный характер, определяемый формированием «установки» на речетворчество, восприятием и продуцированием художественных текстов, предполагают сотворчество учителя и учащихся.

Рассмотрим методы речетворческого развития учащихся:

- ◆ *перцептивный;*
- ◆ *рефлексивный,*
- ◆ *имитационный,*
- ◆ *коммуникативный.*

Перцептивный метод требует не только формирования умений чувствовать, но и вербализировать ощущения. Для этого необходимо умение сравнивать предметы, явления, действия. Причём не просто сравнивать, а создавать сравнение. Это умение речетворческого порядка.

Накопленные впечатления и ощущения – материал для создания художественных образов.

Обострённое внимание к окружающему миру рождается благодаря целенаправленной и систематической работе учителя по развитию умений видеть, слышать, чувствовать. Вот почему необходимо создание системы речетворческих тренингов по речетворческому развитию учащихся, цель которых импульсировать речетворчество. Основой образного мышления учащихся могут служить наблюдения учащихся за окружающим его миром; увиденное, услышанное или прочитанное.

Перцептивный метод речетворческого развития учащихся представляет собой способ обучения, предполагающий расширение и углубление ассоциативных связей учащихся, т.е. пополнение их ассоциативной памяти.

Рефлексивный метод, наряду с другими методами, активно используется в процессе обучения учащихся речетворчеству. Вслед за И.С. Якиманской, считаем, что работа с личностными смыслами, «неявным знанием» невозможна без опоры на этот метод [2. С. 82]. Ведь вывести имплицитное знание без рефлексии невозможно. Но для этого должны быть созданы педагогические условия: учащийся должен уметь рефлексировать своё сознание, а учитель – активно и корректно реагировать на рефлексии школьника. Кроме того, учитель сам должен демонстрировать образцы рефлексии по поводу организации собственного мышления, показывая, как он нашел такое художественное решение. И что, и как должно быть предметом

пристального внимания учащихся и учителя.

Рефлексивный метод положен в основу комплексного речетворческого тренинга, представляющего собой словесно-художественную рефлексии. Карта-речекреатив, которая заполняется учащимся, отражает размышления учащегося с опорой на слово: обострённое внимание к написанию и звучанию слова; ассоциации, вызванные словом; поиск слов, рифмующихся с исходным словом; «оживление» слова (наполнение цветом, звуком, запахом и т.д.).

Имитационный метод, или обучение по образцам, используется на уроках художественного речетворчества. В работе по речетворческому развитию учащихся образцами обучения становятся художественные произведения мастеров. Анализируя тексты, выявляя механизмы конструирования текстов, учащиеся осваивают писательскую технику, налаживая процесс собственного сочинительства.

Проявлению речетворчества, развитию речетворческих способностей учащихся способствует *коммуникативный метод*, который опирается на теорию речевой деятельности. Благодаря этому методу учащиеся приходят к осознанию того, что текст является не только учебной работой, но служит выражению авторской позиции, отражает внутренний мир пишущего. Для создания художественного текста требуется настроение, желание сказать своё слово, поделиться своими мыслями и чувствами. Все этапы подготовки собственного художественного текста – от подготовки материала до совершенствования написанного текста – обеспечивают высокую самостоятельность учащихся, создают условия для речетворчества.

Таким образом, методы речетворческого развития учащихся в предлагаемой методике направлены не только на речетворчество учащихся, но и помогают им «погрузиться» в художественную мастерскую писателя, а затем в художественное речетворческое мастерство.

Основными формами организации речетворческой деятельности в учебном процессе являются урок (урок русского языка, урок развития речи, урок словесности, интегрированный урок) и мастерская.

Урок как привычная для учащихся, традиционная форма организации учебной работы позволяет учителю решать речетворческие задачи:

- ◆ учить чувствовать текст;
- ◆ пополнять речевую память учащегося новыми способами создания художественного

образа;

- ♦ формировать эстетический вкус;
- ♦ развивать образное мышление, создавая

условия для речетворчества.

Между природой художественного текста и учебными задачами предмета «русский язык» необходима гармония. Чтобы её достигнуть в полной мере, «...необходимо введение в школьную практику специальных уроков творчества, на которых учащиеся безбоязненно могут фантазировать, сознательно искать нестандартные решения, соревноваться друг с другом в образном восприятии и воспроизведении происходящего» [1. С. 5–6].

Таковыми специальными уроками творчества становятся уроки художественного речетворчества учащихся (*уроки речевого мастерства, уроки речетворчества, речетворческая мастерская*).

Уроки художественного речетворчества призваны формировать художественную речетворческую личность учащегося, имеющую установку на речетворчество, обладающую об-

разным, метафорическим мышлением, имеющую художественные речетворческие способности.

Уроки художественного речетворчества с ярко выраженной речетворческой направленностью выступают средством реализации программы речетворческого развития учащихся.

Рассмотренный в статье методический аспект проблемы речетворческого развития учащихся позволяет планировать процесс обучения, опираясь на выделенные принципы, методы и формы организации работы.

Список литературы

1. Коротаева, Е. В. Стимулирование творческой деятельности учащихся / Е. В. Коротаева // Русский язык в школе. – 1995. – № 5. – С. 3–8.
2. Якиманская, И. С. Технология личностно-ориентированного образования в современной школе / И. С. Якиманская. – М., Сентябрь, 2000. – 176 с.

Н. В. Селиванова

*Московский государственный институт международных отношений
МИД России
(Москва, Россия)*

ВУЗОВСКИЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ УЧЕБНИК В ПОМОЩЬ «МАЛЫМ» ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

DIGITAL TEXTBOOK SUPPORTING LEARNING RARE FOREIGN LANGUAGES IN HIGH SCHOOL AND UNIVERSITY SETTINGS

Комплекс электронных учебников для профессионального уровня освоения польского языка в российской системе высшего образования создаётся впервые и совмещает апробированный качественный учебный материал, основанный на оригинальных текстах, продуманную систему заданий и упражнений и современную техническую электронную форму, что позволяет достичь поставленных в программе образовательных результатов.

Introducing for the first time a set of digital Polish language books for learning Polish to an advanced level within Russian higher education system. Tried and tested learning materials combining well designed exercise system with up to date digital format allow to reach near native language proficiency.

Ключевые слова: методика преподавания польского языка, электронный учебник.

Keywords: Polish language teaching method, digital (or online) course.

Применение современных электронных технологий в изучении иностранных языков – ве-

ление времени. В отличие от широкого предложения в этой области англоязычных матери-

алов, с другими иностранными языками дело обстоит похуже. В частности серьёзных электронных учебников польского языка, созданных в Польше для обучения этому языку как иностранному, вообще не существует.

Здесь уместно было бы определить, что такое электронный учебник. Это не просто вордовские файлы на цифровых носителях, это определённый способ подачи текстов (в широком понимании этого слова), целая система упражнений с возможностью автоматической проверки и комментирования ошибок, широкое использование мультимедиа. И всё это «упаковывается» в электронную книгу.

Конечно, такой учебник надо иметь, а значит, его необходимо создать. Преподавателю приходится потратить силы и время на освоение соответствующей технологии, что же касается студентов, то при работе с такого рода учебниками у них никаких сложностей не возникает.

Заниматься созданием электронного учебника обычно вынуждает необходимость, поскольку (как в данном случае) речь идёт о «малом» языке или редком учебном курсе, а также такой дисциплине, где чуть ли не каждые полгода возникают новые явления. Поэтому трудно представить себе издателя, который возьмётся делать качественную книгу для сравнительно небольшого числа читателей, а если и возьмётся, то книга выйдет просто золотая.

Электронная форма учебника предоставляет преподавателю и учащемуся целый ряд дополнительных возможностей, о которых будет сказано ниже.

В своё время благодаря получению нашим университетом гранта Министерства образования и науки РФ возникла возможность заняться разработкой УМК по языку профессии в рамках Инновационной образовательной программы МГИМО по созданию учебно-методического комплексов по языковым дисциплинам под стандарты нового поколения. Созданное таким образом электронное пособие по межкультурной коммуникации «*Поляки и другие*» предназначено для студентов, изучающих польский язык на профессиональном этапе обучения (С1-С2), и представляет собой учебно-методический комплекс.

Комплекс состоит из «Программы курса», «Методических рекомендаций для преподавателя», «Методических рекомендаций для студентов», «Сборника тестов» и собственно «Пособия в четырёх частях», представленного на разных носителях.

Первая часть курса в качестве электронного мультимедийного учебного пособия издана на CD. Следующие части созданы при помощи инновационной технологии iTRAINIUM [1. С. 18], разработанной для электронного обучения общим и специальным дисциплинам, в том числе иностранным языкам и переводу (в настоящее время доступны пользователям МГИМО на сервере университета).

Курс включает в себя следующие основные части или разделы:

I – «Что ни поляк – то католик?» (Религия в польском обществе и российско-польских отношениях);

II – «Не все в Польше поляки» (Национальные меньшинства в Польше и двусторонние отношения с соседями);

III – «Поляк – вечный странник» (Польские диаспоры за рубежом и их роль в международной политике);

IV – «Ох, уж эти поляки!» (Национальный характер и преодоление историко-культурных стереотипов в российско-польских отношениях).

В ходе работы с УМК решается целый ряд учебных задач. Прежде всего, это получение информации по темам, которые практически никак не отражены в существующих российских и польских учебниках и учебных пособиях. Далее – это освоение лексики по соответствующим темам (особенно здесь следует выделить первый раздел), а также повторение особо трудных грамматических тем, сложных вопросов синтаксиса, оригинальных словообразовательных моделей с учётом нюансов, существующих в родственных славянских языках. Разумеется, на профессиональном этапе изучения языка происходит выработка и дальнейшее совершенствование определённых компетенций, необходимых для адекватной коммуникации, в том числе специального характера, в условиях инокультурного пространства, а также с учётом национальной специфики и польских реалий.

I часть курса «Что ни поляк – то католик?» (Религия в польском обществе и российско-польских отношениях) даёт возможность получить: 1) знания о месте и роли католичества в Польше и том огромном (далеко не всегда осознаваемом) влиянии, которое более тысячи лет оказывала и продолжает оказывать римская церковь практически на все аспекты жизни поляков; 2) малоизвестные сведения о других конфессиях с многовековой традицией бытования на этой территории, о духовных лидерах и религиозных деятелях, навсегда вписанных в польскую и мировую историю и культуру,

философию и литературу, точные науки и политику; 3) информацию о напряжённости на линии католичество – православие и её влиянии как на международные отношения, так и на межличностные контакты со специальным акцентом на российско-польских проблемах, противоречиях и стереотипах в области религиозной и церковной жизни.

Подобранные учебные материалы вырабатывают умение проанализировать и охарактеризовать место и значение религиозных и религиозно-этических учений в становлении и функционировании общественных и политических институтов в стране, а также в международных отношениях.

II часть курса «Не все в Польше поляки» (Национальные меньшинства в Польше и двусторонние отношения с соседями) содержит сведения о:

1) национальных и этнических меньшинствах, проживающих на территории Польской Республики;

2) их юридическом статусе, гарантируемых правах и реальном положении дел в области реализации прав народов, признанных меньшинствами, а также борьбе отдельных этнических групп за получение статуса меньшинства;

3) диалектах польского языка и отдельных региональных говорах, связанных с существованием локальных субкультур;

4) выдающихся представителей разных национальностей, внесших огромный вклад в формирование и изучение польской культуры в самом широком понимании этого слова;

5) весьма непростых взаимоотношениях народов, населяющих польские земли, что серьёзным образом отражается на современных двусторонних отношениях Польши с соседними (и не только соседними) государствами.

В III части курса «Поляк – вечный странник» (Польские диаспоры за рубежом и их роль в международной политике) речь идёт о поляках, проживающих вне территории Польской Республики. В этой части пособия рассматриваются следующие вопросы:

1) когда и каким образом формировались польские диаспоры в разных частях света и какова их приблизительная численность с учётом современных миграционных процессов;

2) что объединяет и отличает поляков-эмигрантов в разных странах и в чём их отличие от эмигрантов других национальностей;

3) какую роль играла польская эмиграция (в частности в США) в новейшей истории и каково её нынешнее состояние;

4) известные поляки-эмигранты;

5) Польша и поляки в актуальных миграционных процессах.

И, наконец, последний IV раздел представляемого курса называется «Ох, уж эти поляки!» (Национальный характер и преодоление историко-культурных стереотипов в российско-польских отношениях). Сам термин «национальный характер» не слишком удачен, правильнее было бы говорить об этнической самоидентификации, идеальном и критическом представлении поляков о самих себе, национальных стереотипах, сложившихся представлениях о поляках других народов и, прежде всего, русских. Эта последняя часть курса позволяет обобщить полученные студентами знания (и некоторый уже приобретённый к этому времени личный опыт общения) о том, что за народ поляки, что объединяет их в общность, отличающуюся от других по совместно разделяемым ценностям, нормам, традициям, нраву, внешнему облику и т. д. Разговор о самооценке поляков и их отношениях с другими народами позволяет выстроить необходимую перспективу для обсуждения заключительного комплекса проблем IV раздела: историко-культурные стереотипы в российско-польских отношениях и пути их преодоления.

Дальнейшая работа по созданию в МГИМО электронных учебников привела к появлению в 2014 г. объёмного пособия по польскому языку в четырёх частях «Польский язык (основной). Грамматический практикум» (в соавторстве с Ю. С. Зеленовым). Это сборник упражнений и дополнительных текстовых и мультимедийных материалов к базовому учебнику польского языка [2], на котором основано преподавание этой дисциплины на I и II курсах нашего университета. В 2015 году завершена работа над пособием для продвинутого этапа обучения (B2-C1) «География по-польски», как и упомянутые выше базирующиеся на обучающей технологии iTRAINIUM.

В заключение хочется ещё раз подчеркнуть, что электронный учебник предоставляет дополнительные возможности благодаря:

- наглядности (иллюстрации, карты, диаграммы, карикатуры, видеофрагменты, презентации PowerPoint и пр.), что невозможно в «бюджетном» варианте бумажного издания;

- оперативной замене любого компонента пособия, введению дополнений, корректировке материалов с учётом актуальных потребностей;

- работе с различного типа словарями с использованием функции поиска в автоматиче-

ском режиме на иностранном и русском языках;

- автоматической проверке упражнений, заданий, а также промежуточных и итоговых тестов (кроме творческих, где необходим контроль преподавателя), т.е. в нем заложена возможность самостоятельной работы студентов, а также учёта различий в уровне освоения языка;
- размещению любого количества учебного материала (ограничения диктуются исключительно дидактическими соображениями).

Список литературы

1. Зеленов, Ю. С. Школы преподавания иностранных языков на Кафедре языков стран Центральной и Юго-Восточной Европы / Ю. С. Зеленов // Филологические науки в МГИМО: Сборник науч. трудов. – 2014. - № 53 (68). – С. 95–124.
2. Кротовская, Я. А., Лесная, Г. М., Селиванова, Н. В. Практический курс польского языка. Базовый учебник. 3-е изд., перераб. – М.: Астрель, 2013. – 574 с.

А. С. Скоробогатова

*Южно-Уральский государственный университет
(Челябинск, Россия)*

О ПОНИМАНИИ ЯВЛЕНИЯ ОДАРЕННОСТИ В РАЗНЫХ СТРАНАХ

UNDERSTANDING OF THE PHENOMENON «GIFTEDNESS» IN DIFFERENT COUNTRIES

В статье обсуждается проблема понимания явления одаренности в современном мире, рассматриваются различные подходы в определении этого термина, анализируются задачи и методы работы с одаренными детьми и студентами в Великобритании, Германии, Нидерландах, США и Финляндии.

The article researches the problem of understanding the phenomenon giftedness in the modern world. The new approaches to this theme are studied, the tasks and methods of the work with gifted children and students in Great Britain, Germany, Netherlands, the USA and Finland are analyzed.

Ключевые слова: одаренность, работа с одаренными детьми, различные подходы к термину одаренность.

Keywords: giftedness, work with gifted/talented children, different approaches to the term giftedness.

Выявление одарённых детей и их педагогическая поддержка в последние годы считается особенной задачей образования, не менее значимой, чем обеспечение возможности равного доступа разных социальных групп к образовательным услугам и образовательная поддержка групп особенных детей. Выполнение этой задачи зависит от понимания взаимосвязанных между собой факторов, а именно, понимания самого смысла одарённости. В нашей статье мы хотим рассмотреть систему работы с одарёнными детьми в зарубежных странах. На международном уровне проблеме работы с одаренными детьми уделяется достаточно большое внимание. Ученые разных стран опре-

деляют явление «одаренность» по-разному. Исходя из этого, мы можем иметь дело с различными практиками работы с одаренными детьми и студентами.

В США для централизованной работы с одаренными детьми создана «Национальная Ассоциация Одаренных Детей» (NAGC). Задачи данной организации состоят не только в выявлении и поддержании одаренных детей, они также обращены к подготовке педагогов, способных работать и продвигать детей и студентов, обладающих высокими достижениями. Определение понятия «одаренность» в Америке регламентируется на уровне штатов и каждый штат в зависимости от своего определения

выстраивает свои методы работы с одаренными детьми. В общем понимании NAGC отмечает, что в США за последнее время произошел сдвиг парадигмы и одаренные люди определяются как те, кто демонстрирует высочайший уровень тех или иных способностей, умений и компетенций. Обычно это люди, входящие в ТОП 10% рейтинга. Достижения студента могут быть отмечены, как утверждают члены Ассоциации Одаренных, в быстром движении ученика по предлагаемой образовательной траектории, высокие результаты в тестах и реальные достижения учащихся. Для педагогического состава это означает, что таким исключительным детям необходима образовательная программа с более глубоким уровнем, в том числе и за пределами школьной программы. Разработана целая система поддержки одаренных детей, которая включает в себя: консультирование, обучение родителей, специально разработанные программы (в основном для старших школьников). Стоит отметить, что вся работа в Америке строится на стандартах работы с одаренными детьми, которые включают в себя полный спектр образовательных услуг, начиная с консультирования и заканчивая оценкой деятельности педагогов и школьников [2].

Финская система образования характеризуется своей гибкостью. Гибкость обеспечивается за счет того, что отсутствует государственный учебный план, по которому должен работать каждый педагог. Родители имеют право на выбор образовательного учреждения. Школы поощряются за введение новых программ, которые ориентированы на развитие интереса и способностей школьников. В этой стране довольно часто практикуется объединение школьников в группы для развития их потенциала и способностей. Такая политика в сфере образования выводит Финляндию в лидеры международных исследований PISA и TIMMS. Этот факт неоспоримо является предметом гордости финнов. Несмотря на радужные перспективы, существуют исследования, которые указывают на то, что, хотя и были достигнуты такие высокие показатели в международных исследованиях и была построена гибкая система образования, ориентированная на развитие интересов и способностей ребенка, в Финляндии практически отсутствуют Нобелевские лауреаты, что свидетельствует о низком уровне развития науки.

Великобритания отличается от всех стран своей консервативностью – на уровне законодательства одаренные дети вообще не включе-

ны в закон, как особая категория, требующая поддержки. Но в противовес этому факту в Великобритании всегда была хорошо развита система поддержки обычной классной системы. Также Британия отличается тем, что все обучающиеся всегда ранжируются по классам в зависимости от своих способностей.

В Германии особенность образовательной системы заключается в том, что контроль над системой образования принадлежит отдельным субъектам.

Для поддержания одаренных детей выделяется три типа школ, такое деление обусловлено следующими критериями:

- гибкая система зачисления в первый класс;
- переход через классы;
- организация факультативов и свобода выбора учебных предметов.

Инновационное обучение одаренных детей обеспечивает непрерывность обучения в детском саду и младших классах. Особые потребности одаренных детей тщательно отслеживаются и удовлетворяются, включая услуги по консультированию родителей. Основной акцент делается на индивидуальном консультировании родителей, учителей и одаренных школьников, а также на создании школьных советов по выявлению и развитию одаренности. Также помимо школьного образования в Германии очень хорошо развито дополнительное образование, которое включает в себя: конкурсы, летние школы, международные олимпиады и пр. Такая система дополнительного образования в связке с формальной системой образования задает ситуацию, в которой школьник должен конкурировать со своими сверстниками и продвигаться за счет этого в развитии своих способностей и талантов (URL:

http://cptd.ippk.arkh-u.ru/teacher/foreign_exp/section.php?SECTION_ID=3060).

Ведущая организация, которая занимается организацией образовательных программ в каникулярное время – Deutsche Schuler Akademie [1]. Работа в Академии в качестве участника осуществляется летом, длится 16 дней, программа состоит из 6 курсов, включая научные дисциплины. Необходимым и основополагающим моментом при работе с одаренными детьми является – подготовка педагогического состава. В Германии ведется специализированное обучение учителей, работающих с одаренными детьми.

Политика Голландии в сфере образования основана на том, что правительство признает факт одаренности детей и активно привлека-

ет исследователей из университетов для работы с младшими и средними школьниками. Так же политика государства делает ставку на «включенное обучение» утверждая, что ребенок меньше должен заниматься в спецшколах, а образование в обычной школе должно быть дифференцировано еще больше. Работа с одаренными детьми, в условиях такой политики, проводится за счет индивидуальной работы и консультаций каждого ребенка. Кроме того, в Нидерландах есть практика создания курсов способностей при университетах. Это также является одним из направлений работы с одаренными детьми.

Описывая образовательную политику и методы поддержания и развития одаренных детей между странами, мы можем видеть, что основное направление работы с одаренными детьми строится в основном в плане развития их академических способностей. Мало кто смотрит на эту проблему с ориентацией на профессиональное будущее этих студентов (ярким примером может служить Финляндия с проблемой отсутствия Нобелевских лауреатов и высокими показателями IQ, PISA, TIMMS).

Само понимание одаренности, ещё до появления каких-либо научных, психологических и педагогических, моделей этого феномена, было зафиксировано в нескольких представлениях, распространённых как среди профессионального сообщества, так и массовым общественным мнением:

– Одарённым можно считать того, кто способен ставить и решать нетривиальные задачи. Пример – Моцарт, начавший писать музыку в четыре года: задача, нетривиальная не только для этого возраста – считается общепризнанным, что музыку способен писать далеко не каждый взрослый, в том числе музыкально образованный, человек.

– Одарённым можно считать того, кто способен быстро выполнять интеллектуальную работу, неожиданную для его возраста и уровня подготовки. Примеры — Карл-Фридрих Гаусс, открывающий в девять лет закон суммирования арифметической прогрессии; Блез Паскаль, в детстве доказывающий значительную часть теорем евклидовой геометрии; Софья Ковалевская, изучающая высшую математику по конспектам лекций, которыми обклеена её детская.

– Одарённым можно считать того, кто уже в детстве, начав осваивать определённую сферу творчества, демонстрирует свой, необычный, авторский стиль, в том числе даже сопротив-

ляется попыткам навязать ему определённую стилевую норму. Примеров достаточно много среди историй юных художников, поэтов, музыкантов, актёров. Важно уже здесь отметить: большинство из них, вырастая, теряют интерес к тем сферам деятельности, в которых их одарённость была замечена взрослыми.

– Одарённым можно считать того, кто (в противоположность предыдущему тезису) виртуозно осваивает определённую норму исполнения. Видимо, самый яркий пример – Робертино Лоретти; таких примеров в целом достаточно много в тех видах искусства и спорта, в которых используется особая пластичность детского и подросткового тела.

– Одарённым можно считать того, кто способен делать неожиданные обобщения: именно неожиданные обобщения приводят к революциям в науке и искусстве. Отсюда вытекает массовое представление о всеобщей одарённости маленьких детей, в процессе освоения мира часто делающих неожиданные для взрослых наблюдения и замечания.

В метафорическом смысле представление об одарённости использовалось ещё в художественной литературе XIX века для характеристики персонажей, выделяющих из обычного человеческого ряда. Для такой литературы характерны конструкции от «он был щедро одарён природой» до «имел он необычный дар» (у Пушкина — «имел он счастливый талант»).

В зависимости от установок автора, как видно уже из самих литературных конструкций, источником дара предполагалась либо игра природных сил (особенно если речь шла о человеке, одарённом физически), либо счастливое стечение обстоятельств, либо прямое вмешательство сил сверхъестественных.

Последнее понимание стало достоянием педагогической мысли во многом благодаря А. Фребелю, немецкому педагогу, ученику Ф.-В.-Й. Шеллинга, одному из крупнейших представителей романтизма в немецкой философии, создателю первых детских садов. С позиции Фребеля, до сих пор некритично транслируемой как в представлениях педагогического сообщества, так и в массовых ожиданиях родителей по поводу образования своих детей, каждый ребёнок исходно обладает некоторым даром. Задача педагога — способствовать раскрытию этого дара в форме свободной игры воображения, возможность которого создаётся особой средой с условными правилами, существенно отличающимися от правил и законов реальной жизни.

Именно такое романтическое представление ещё в XIX веке было опорой для критики системного, массового образования, подавляющего дар ребёнка, и для обсуждения первых форм индивидуализированного образования. Как правило, попытки построить такое образование приводили к созданию условных, игровых ситуаций, в которых ребёнок (или даже подросток) может проявить свой дар, не сталкиваясь как с ограничениями объективной действительности, так и с социальными и культурными условностями.

В таких средах ребёнок (подросток), демонстрирующий способность освоить и присвоить культурные формы, создавать новые культурные смыслы, неожиданные даже для взрослых, профессионализирующихся в определённой сфере деятельности, действительно способен осуществить рекордные, по культурным меркам, достижения. Но такая ранняя поддержка одарённости, рискует обернуться искусственной задержкой взросления, а во взрослом возрасте — неготовностью одарённого человека

иметь дело с объективной действительностью и её законами.

Представив в нашей работе краткий обзор и анализ различных подходов к пониманию и определению явления одарённости в разных странах, мы понимаем, что этот материал может вызвать многочисленные споры о том, стоит ли одарённого ребёнка растить в «тепличных» условиях, или его необходимо поместить в общие для всех условия, в которых ему необходимо будет прорваться. Наша работа также может стать причиной спора о природе одарённости, о её происхождении и обусловленности (врождёнными особенностями или особенностями социо-культурного окружения).

Список литературы

1. Deutsche Schuler Akademie. — URL: <https://www.deutsche-schuelerakademie.de/>.
2. National Association for gifted children: Supporting the needs of high potential learners. - URL: <http://www.nagc.org/>.

О. В. Суслова

*Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)*

РАЗВИТИЕ УМЕНИЙ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ

SOCIAL SKILLS DEVELOPMENT: ENGLISH LANGUAGE TEACHING IN HIGHER EDUCATION

В данной статье рассматривается проблема развития умений социального взаимодействия на иностранном языке у студентов вузов, выделяется структура данных умений и предлагаются возможные формы организации учебного процесса.

The article runs about the issue of verbal interaction when teaching a foreign language. The author analyses different forms of group interaction and describes how students' social interaction skills may benefit from targeted work in support groups or small-group sessions.

Ключевые слова: умения социального взаимодействия, иностранный язык, формы группового взаимодействия.

Keywords: social interaction skills, verbal interaction, foreign language.

Стратегия инновационного развития России на период до 2020 г., Федеральный Закон «Об образовании в Российской Федерации», Федеральные государственные стандарты высшего

образования предусматривают модернизацию приоритетных направлений развития высшего образования, согласно которым меняется общая идеология высшего образования, инте-

грируясь в идеологию мирового сообщества в данной сфере.

Как показывает анализ требований работодателей, предъявляемых к выпускникам вузов, только такой выпускник вуза может быть успешным в профессиональном плане, если он будет обладать навыками профессиональной мобильности, адаптивностью к быстро меняющимся условиям рынка труда, владеть навыками коммуникационного взаимодействия, навыками личностного самосовершенствования.

Исходя из собственного педагогического опыта в области иноязычного образования и проведенных диагностических методик, можно сказать, что умения социального взаимодействия на иностранном языке находятся на достаточно низком уровне.

Наиболее общей точкой зрения является понимание умений социального взаимодействия как умений, отражающих достижения личности в развитии межличностных отношений с коллегами, обеспечивающих полноценное овладение социальной реальностью и позволяющих эффективно строить своё поведение в зависимости от ситуаций и в соответствии с принятыми в социуме на данный момент ценностями и нормами.

Авторы рассматривают в структуре умений социального взаимодействия несколько групп умений: 1) умения, характеризующие коммуникативный потенциал личности; 2) умения, демонстрирующие готовность к общению; 3) умения саморегуляции, способствующие созданию положительной Я-концепции [3].

Умения социального взаимодействия, как полагают С. Canney и А. Byrne, включают в себя несколько составляющих – более конкретных действий: 1) базовые умения социального взаимодействия – умение поддерживать зрительный контакт, соблюдение норм личного пространства, понимание жестов, мимики партнера; 2) умения, необходимые для организации процесса взаимодействия – разрешение противоречий, соблюдение очередности высказываний, стратегии ведения диалога (начало, окончание), выбор подходящей темы для беседы и т.д.; 3) аффективный компонент, необходимый для понимания себя и других – идентификация своего эмоционального состояния, состояния партнера по общению и т.д.; 4) когнитивный компонент, необходимый для поддержания взаимодействий более высокого уровня – таких как социальная перцепция, рефлексия, знание норм, ценностей, ритуалов конкретной социальной группы [6. С.19–24].

Для формирования и развития умений социального взаимодействия в процессе изучения иностранного языка нужны такие формы организации обучения, которые позволяли бы моделировать ситуации и коммуникативные задачи из сфер социального общения. Следует обратить внимание на использование не только индивидуальных, но и коллективных (парных или групповых) форм работы, где студенты могли бы обсуждать социальные и межличностные проблемы. Они направлены на понимание партнера по коммуникации, развивают наблюдательность и проницательность, самооценку и самоконтроль, а также формируют умение управлять своей работоспособностью, владеть различными стратегиями и методами эффективного общения.

Содержание обучения может быть определено ситуациями из сфер общения студентов, в которых происходит их социализация, освоения ими правил и норм социального поведения, способов взаимодействия. Каждый из обучающихся должен осознать себя активным участником деятельности.

В ряде работ, занимающихся разработкой данного вопроса, предлагается применять социально-ориентированные задания, способствующие пониманию национального коммуникативно-социального поведения представителей разных культур, что будет способствовать подготовке будущих выпускников к адекватному межкультурному взаимодействию [1], [2].

Учитывая специфику предмета «иностранный язык», организация процесса обучения при помощи групповой работы может обеспечивать необходимые условия для активизации познавательной и речевой деятельности каждого учащегося группы, предоставляя каждому из них возможность осмыслить и осознать новый языковой материал, получить достаточную устную практику для формирования необходимых навыков и умений [5. С. 23–28].

Наиболее типичными формами совместной работы, используемыми в вузах при обучении иностранному языку, являются *индивидуально-групповые формы взаимодействия*. К ним, в первую очередь, относятся такие формы группового взаимодействия, при которых обучаемые поочередно участвуют в выполнении задания.

Необходимо отметить, что предпочтительными являются формы учебного взаимодействия, обеспечивающие максимальную вовлеченность обучаемых в процесс общения, где все участники получают возможность узнать

друг друга как на личностном, так и на профессиональном уровне [4. С. 146–148].

Рассмотрим предлагаемые Г. А. Китайгородской формы организации учебного взаимодействия, применимые для развития умений социального взаимодействия на занятиях по иностранному языку.

Одна из форм группового взаимодействия – «диады» (работа в парах) – отвечает задаче формирования и закрепления речевых навыков в иноязычном общении. Задание для работы в паре предполагает постановку чётких целей для одного или обоих обучаемых в паре и описание условий их достижения. Жесткие рамки заданий являются условием управления коммуникативными действиями обучаемых, так как предопределяют употребление того или иного многократно варьируемого материала.

В результате парной работы обучаемые учатся владеть стратегией ведения диалога; учатся учитывать мнения партнера и стремиться к координации различных позиций; договариваться и приходить к общему решению; формулировать собственное мнение и позицию; задавать вопросы, уточняя непонятое в высказывании; адекватно использовать речевые средства для решения коммуникативных задач.

«Триада», или работа в тройках, как форма взаимодействия позволяет сделать учебное общение более напряженным не только в его ориентировочной и исполнительской фазах, но и при взаимоконтроле обучаемых.

Считаем необходимым выделить ещё один вид организации группового взаимодействия – «конвейерное» взаимодействие.

«Конвейерное» взаимодействие представляет собой деление группы на две подгруппы, которые располагаются друг против друга в парах. При завершении заданий один из членов крайней пары переходит на другой конец ряда, а все его партнеры по подгруппе перемещаются на одно место вправо или влево. Каждый следующий член подгруппы занимает место предыдущего товарища. Вторая сторона «конвейера» остается при этом неподвижной.

Задание предполагает отработку определенного учебного материала. Доведение навыков употребления конкретного материала до уровня автоматизма – основная задача данной формы взаимодействия.

Данные формы работы не завершают список известных и популярных форм и методов, используемых для совершенствования умений социального взаимодействия при изучении иностранного языка. Однако, хочется отметить, что вышеперечисленные методики могут оказаться полезными на этапе отработки действий, необходимых для организации процесса взаимодействия на иностранном языке – соблюдение очередности высказываний, стратегии ведения диалога (начало, окончание), выбор подходящей темы для беседы и т.д.

Список литературы

1. Грибова, Н. С. Методика формирования социокультурной компетенции студентов направления подготовки (специальности) «Лечебное дело» (английский язык) : дис. ... канд. пед. наук / Н. С. Грибова. – Курск, 2012. – 170 с.
2. Грицков, Д. М. Развитие социокультурной наблюдательности студентов : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Д. М. Грицков. – Тамбов, 2007. – 23 с.
3. Иванов, Д. А. Компетентностный подход в образовании. Проблемы, понятия, инструментарий. – М. : Просвещение, 2003. – 74 с.
4. Китайгородская, Г. А. Интенсивное обучение иностранным языкам : теория и практика. – М. : Высш. школа, 2009. – 193 с.
5. Павлова, Е. А. Особенности организации групповой формы работы на уроке иностранного языка / Е. А. Павлова // Иностранные языки в школе. – 2011. – № 9. – С. 23–28.
6. Canney, C. Evaluating circle time as a support to social skills development – Reflections on a journey in school-based research / C. Canney, A. Byrne // British Journal of Special Education. – 2006. – 33(1). – P. 19–24.

А. В. Шадикова

Тюменский государственный университет
(Тюмень, Россия)ЭТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
ШОТЛАНДСКИХ ТОПОНИМОВ

ETYMOLOGICAL INTERPRETATION OF SCOTTISH TOPONYMS

В статье обсуждается проблема изучения этимологии географических названий Шотландии. Рассматривается вопрос связи языка с природными объектами. На материале происхождения крупнейших городов Шотландии предлагается проведение этимологического анализа со словообразовательным анализом, являющимся исходным в процессе лингвистического анализа топонимической лексики.

The article is dealt with the problem of Scotland geographical names etymology study. The language link with nature object is discussed; etymological analysis is compared with word-formation analysis on the base of the largest Scotland cities names formation. So, word-formation analysis is the main in linguistic analysis process of toponymic vocabulary.

Ключевые слова: топонимы, этимологический анализ, географические объекты, топонимический пласт, лингвокультурологический.

Keywords: toponyms, etymological analysis, geographical objects, toponymic layer, linguocultural.

Язык, как специфичное и уникальное явление, представляется нам системой концептов, отражающих представления о мире, совокупность которых составляет языковую картину мира.

Язык является бесценным сокровищем, памятником истории и культуры народа, поэтому исчезновение языка или диалекта всегда влекут за собой негативные последствия. Исчезающий язык необходимо засвидетельствовать и сохранить как памятник языка, не менее ценный, чем сокровища материальной культуры. Язык народа не является чем-то застывшим, он изменяется, развивается, одни слова исчезают совсем, другие меняют свой смысл, поэтому объяснение имени того или иного объекта (горы, реки, села, города) не всегда возможно. Но что поразительно, благодаря названиям в наши дни используются вышедшие из употребления, давно забытые слова. Топонимика, как важный историко-лингвистический источник, занимается исследованием географических названий в плане их функционирования, значения и происхождения, структуры, ареала распространения, развития и изменения во времени. Топонимы, географические названия, являющиеся фактами языка, нередко исчезают целыми пластами, но благодаря топонимии, их удастся сохранить и проследить их историю и этимологию. Это обусловлено тем, что топонимы

могут сохраняться в течение веков и даже тысячелетий.

Имя собственное, являясь номинативным знаком, обладает внешней (план выражения) и внутренней (план содержания) сторонами, в которых прослеживаются когнитивные аспекты мысли. Значения топонима представляет сложный комплекс лингвистических и экстралингвистических сведений. Однако лингвокультурологически важной составляющей является в основном энциклопедическая (экстралингвистическая) информация, которая стоит за географическим названием.

Выделяется три уровня значений топонимов: 1) дотопонимическое (апеллятивное, этимологическое); 2) топонимическое (прямое географическое); 3) от-топонимическое (посттопонимическое). Неопределенность последнего значения состоит в том, что оно может являться и индивидуальным, и общеизвестным, в зависимости от уровня владения носителем языка. В процессе номинации географических объектов выделяются два взаимосвязанных процесса: выделение объекта номинации из множества однотипных и выбор наименования. Поэтому можно с уверенностью заявить, что основной и естественной функцией топонима является номинативная и адресно-указательная функции. Кроме того, географическое название с прозрачной семантикой представляется ориен-

тиром, так как в наименованиях часто отражаются свойства и взаимоотношения с другими объектами или человеком.

Обращение к многочисленным принципам классификации географических объектов требуется ввиду многоаспектности топонимов. Существует деление топонимов по типу обозначаемых объектов на макро- (названия крупных географических объектов) и микро-топонимы (наименования мелких физико-географических объектов). Основу любой топонимической системы составляют различные географические объекты, сгруппированные по объекту номинации, поэтому классификация по характеру именуемых объектов едина в мире и отличается целостностью. Кроме того, названия можно разделить на естественно-природные объекты и наименования объектов, созданных человеком. Первые включают в себя гидронимы и оронимы. В названия объектов, созданных человеком, входят ойконимы и урбанонимы.

В топонимии Шотландии рассматриваются топонимические пласты и топонимические элементы, сохранившиеся на данной территории, а также лингвистическое и экстралингвистическое значение английских названий [3. С. 13].

Топонимическая система Шотландии, складывавшаяся под воздействием ряда языков, является результатом многовекового развития наименований и представляет собой единую систему названий, которая сформировалась из многочисленных и неоднородных компонентов.

Топонимия Шотландии давно привлекает внимание ученых, которые пытались проникнуть в тайны происхождения названий. Для того чтобы изучить географические названия Шотландии, необходимо сопоставить их этимологию с историческими событиями. В условиях глобализации географические названия имеют универсальные и этнические особенности. Топонимическая система Шотландии представляет собой исторически сложившуюся, внутренне организованную совокупность действующих наименований, которые указывают и обозначают географические объекты. Разнообразие языков, повлиявшее на становление топонимов, различно в разных районах Шотландии, где одни и те же объекты могут иметь вариативные названия, поскольку отражают следы социального развития, завоеваний и духовных верований.

Значительное влияние на формирование топонимов оказали англосаксонский, гэльский и

бриттский языки. Одним из самых влиятельных языков был и остается древний кельтский, т.к. первыми поселенцами были кельты (середина I тысячелетия н.э.), затем в IV веке влияние стали оказывать пикты, бритты. В дальнейшем к ним присоединились племена скоттов. Далее племена скоттов завоевали пиктов, а значит язык ассимилировался и поглотил пиктский. Рядом со скоттами поселялись англы, которые также ассимилировались среди племен скоттов. Итак, преобладающим является язык скоттов или гэлов (они сходны по своей структуре). Среди гэлов также имелись различия. В XV веке существовало различие между названиями горных областей и низменной части страны – хайлендерами (highlanders) и лоулендерами (lowlanders).

Во время нормандского завоевания англосаксы переселились в шотландские земли и их влияние усилилось, хотя нормандский язык оказал косвенное влияние на становление современного шотландского диалекта. Английская культура проникла в шотландскую посредством мирного установления торгово-экономических отношений между Шотландией и Англией. В XIII веке после попытки Англии завоевать Шотландию, сформировался государственный язык на основе англосаксонских переселенцев и гэльского языка. Важным событием является захват северной части Шотландии Кромвелем, что имело и лингвистическую ценность. Английский язык оказал влияние на шотландский, когда произошла частичная ассимиляция. И последним этапом в формировании современного шотландского, в дальнейшем ставшим диалектом английского, стало объединение Шотландии и Англии в единое государство Великобритания в 1707 г.

Влияние Англии на культуру и язык Шотландии значительно и очевидно. С середины XVIII в. после многолетних междоусобных войн и подписания «Акта об Объединении» Шотландия потеряла свою независимость, и шотландцам было запрещено говорить на родном языке, а также носить национальный костюм. Однако, первое влияние древнеанглийского языка Шотландия испытала ещё в конце V века, когда племена англов завоёвывают южную часть современной Шотландии, которую в наши дни время называют Пограничьем. К территории шотландского Пограничья относятся несколько графств: Berwickshire, Roxburghshire и Dumfriesshire. Влияние языка англов достигает таких графств, как Восточный Лотиан (East Lothian) и Мидлотиан (Midlothian) [1. С. 139].

Методом словарной дефиниции выявляется истинное значение слов и прослеживается история их образования. Мы проследим этимологию и структуру некоторых крупных городов Шотландии.

Этимологическое исследование должно быть атрибутивным (отнесение к определенному языку, локализации, периодизации). Необходимо проследить связь ономастикона с апеллятивами в плане структурных и вариантных

особенностей названий, а также принимать во внимание особенности реалии, историю появления топонима, местонахождение, этнос [3. С. 10].

Результативность этимологического анализа особенно эффективна при тесном соприкосновении со словообразовательным анализом, являющимся исходным в процессе лингвистического анализа топонимической лексики [2. С. 102].

Glasgow – glas (Gaelic) (derived from personal name) (образовано от имени собственного) – *grey or green* – *зеленый или серый*; *water* – вода (in place – names). *glas cau* (Brittonic) – *green hollow* – *зеленая лощина* [4. P. 69]

Edinburgh – edin (Old English) (derived from personal name) (имя собственное) – *face* – *имя*, or in a place – name context – *hill-face*, *hill slope fort* – *склон холма* (<http://ru.wikipedia.org>) *burgh* – город (Old English) (final component) – *a cluster of houses round about and dependent upon a forte or monaster* – *объединение зданий под одной крепостью или монастырем* [4. P. 32, 55]

Aberdeen – aber – устье (Welsh, Cornish, Pictish) (derived from personal name) – *a mouth of a river* – *устье реки*, *a meeting of waters* + Deagh (from the personal name daig) (имя собственное) [4. P. 15]

Dundee – dun (Scots Gaelic) (prefix) – *hill or mound* – *холм*; *a fortress or castle* – *крепость или замок*. (<http://ru.wikipedia.org>) *dun Deagh* – from the personal name daig. [4. P. 53]

Paisley – (Brittonic) – originally from the Latin *basilica* – *church* *церковь* (<http://ru.wikipedia.org>) *ley* – (Old English) (final component) – *leah* – *wood* – *дерево*. [4. P. 55]

Livingston – Leving's (derived from personal name) (имя собственное), *ton* (Anglo-Saxon) – *homestead*, *farm-stead* – *усадьба*, *ферма*. [4. P. 133]

Cumbernauld – (Gaelic) an old name for a new Town – is *comar nan alt* – *meeting of waters* – *слияние рек* (<http://ru.wikipedia.org>) *comar* (Gaelic) – *a confluence of waters* – *слияние рек*. [4. P. 79]

Kirkcaldy – (Pictish) – place of the hard fort or place of Caled's fort. It is derived from the Pictish – *caer* – *fort* – *форп*, *caled* – *hard* – *твердый* or *a personal name* – *имя собственное*, and – *in* (suffix) – *a place of din* (Gaelic); was originally *caer caled din* – *fort on the hard hill* – *крепость на холме*; *kirk* (Scotch) – produces many place – names – *church* (церковь). [4. P. 34, 82]

Inverness – (Gaelic) – *mouth of the River Ness or Nesa* – *устье реки* (from *nesta* – an ancient and possibly pre-Celtic river name, thought to mean *roaring or rushing one* – *ревущий, несущийся*); *inver* (prefix) (Scots, Gaelic) – *a creek or river mouth* – *устье*; *ness* (suffix) – Germanic origin that has come to Scotland from the Old English – *naes* and the Old Norse – *nes* – *a point or headland* – *мыс*). The connection with Latin – *nasus* – *a nose* – *нос*. [4. P. 79, 102]

Список литературы

1. Росс Д. Шотландия. История нации. / Д. Росс // СПб. : КАРО - 2006. – 384 с.

2. Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. / В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев // М. : Издательство АН СССР. – 1962. – 271 с.

3. Хвесько Т.В. Страноведение: этимология топонимов Великобритании. Учебное пособие. / Т. В. Хвесько // Тюмень: ООО «Сити-пресс». – 2007. – 96 с.

4. David Dorward. Scotland's Place – names. / Dorward David // Glasgow: Bell and Bain Ltd. – 2001. – 160 с.

Л. Ф. Шайхлисламова*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)*

ИГРА КАК АКТИВНЫЙ МЕТОД ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

GAME AS AN ACTIVE METHOD OF FOREIGN LANGUAGE LEARNING IN HIGHER EDUCATION

Согласно Федеральному государственному образовательному стандарту высшего образования не менее 30 процентов аудиторных занятий должно проводиться в активной и интерактивной форме. Игра является одним из методов, в котором в полной мере реализуется взаимодействие участников образовательного процесса. В статье описывается история развития игры в педагогике и анализируется ее дидактический потенциал.

According to the Federal state educational standard of higher education no less than 30 percent of classes must be held in an active and interactive form. A game is one of the methods, which fully involves students into the learning process. The article describes the history of games in pedagogy and analyzes their didactic potential.

Ключевые слова: игра, интерактивность, дидактический потенциал, мотивация, серьезная игра.

Keywords: game, interaction, didactic potential, motivation, serious game.

Благодаря широкому распространению средств информационных и коммуникационных технологий игра сегодня стала доступна человеку в любое время в любом месте. Современное молодое поколение окружено огромными возможностями, предоставляемыми миром информационных технологий, что, несомненно, влияет на мышление молодых людей и сказывается на их подходе к обучению. Они активно используют планшеты, телефоны и компьютеры в учебном процессе и ожидают того же от своих преподавателей. Использование только традиционных форм и методов обучения не способно решить задачу подготовки специалистов, отвечающих требованиям времени. На наш взгляд, одним из эффективных методов обучения и развития у обучающихся необходимых знаний, умений и навыков является игра.

Подходы к интерпретации понятия «игра» разрабатывались на протяжении всей истории развития педагогики и психологии. Сложность определения понятия заключается в многогранности явления. Его можно рассматривать с философской, культурологической, этнографической, психологической, педагогической и других точек зрения.

Активный интерес к игре как психологическому и педагогическому феномену в России

проявляется в начале XX века. Впервые в Советском Союзе глубокую разработанность теория игры получила у Даниила Борисовича Эльконина в работе «Психология игры», где он анализирует предпосылки возникновения игры и приводит исторический обзор исследования «игры» в культуре.

Игра, по Д. Б. Эльконину, – «такая деятельность, в которой воссоздаются социальные отношения между людьми вне условий непосредственно утилитарной деятельности» [4]. При возникновении разделения труда по полу и возрасту необходимо приготовить субъект к определенному роду деятельности (охота, рыболовство, бортничество и т.д.). С развитием орудий труда и стратификацией общества появляется ролевая игра как имитация общественной жизни с целью социализации субъекта.

В педагогике XX века игра рассматривается как основной вид деятельности ребенка. Одним из видных отечественных исследователей в этой области является С. Л. Рубинштейн. Игра, по С. Л. Рубинштейну, — это деятельность, которая представляет собой выражение отношения к действительности. Он также подчеркивает важную связь игры с трудом, которая проявляется в имитации трудовой деятельности [2]. Однако такое объяснение сущности игры было бы неполным, так как игра

не ограничивается подражанием производственно-технической деятельности. Основное различие заключается в отношении субъекта к своей деятельности: в то время, как в работе человек вынужден выполнять свои обязанности независимо от своего желания, в игровой деятельности он действует исходя из своих интересов и потребностей, которые появляются в результате его взаимодействия с внешним миром (например, привлекательность социальной роли врача). Таким образом, С. Л. Рубинштейн выводит силлогизм о том, что сущность игры определяется не практическими результатами или самой деятельностью вне зависимости от достигнутого, а целями, важными для играющего, его переживаниями. Другими словами, в игровой деятельности прямые цели и мотивы действий субъекта совпадают.

Другой особенностью игры является отсутствие необходимости применения в процессе игры средств для имитации какого-либо действия из жизни взрослого. Как было сказано выше, игра не стремится к практическому результату, а выражает отношение к цели, смысл действия. Предметы неигрового плана в игре заменяются сообразно целям ситуации. Например, автомобиль может быть заменен стулом. Игровое действие также коррелирует с возможностями человека, соответственно, «игра – способ реализации потребностей и запросов ребенка в пределах его возможностей» [2]. Основное назначение игры, ее суть – в преобразовании действительности. Важнейшим тезисом работы С. Л. Рубинштейна является то, что в игре человек воздействует на действительность, а не просто приспосабливается к ней.

Игровая деятельность не является уходом от действительности, поскольку все берет из нее: все проигрывающееся – подлинно реально. К примеру, в ролевой игре субъект не просто принимает определенную роль с присущими ей чувствами, но и сохраняет свои замыслы, а также считается с чувствами партнеров, участвующих с ним в том же действии. Из этого следует вывод: в ролевой игре субъект обогащает, развивает собственную личность, что также наблюдается в общественной практике при выполнении определенных социальных функций.

При анализе психологии игры нельзя не упомянуть советского психолога Льва Семеновича Выготского. Согласно Выготскому, игра является ведущей линией развития в дошкольном возрасте. Главную ошибку в интерпретации сущности игры Выготский видит в излишней

интеллектуализации игры и игнорировании потребностей и интересов ребенка. Важно учитывать мотивы его деятельности, которые, изменяясь, способствуют переходу ребенка на новый уровень развития. Лев Семенович не разделяет общепринятую точку зрения о том, что ребенок развивается вместе с изменением своих интеллектуальных функций. Данный подход не учитывает его побуждения и стремления, несмотря на то что развитие человека происходит с появлением у него новых потребностей. На определенном этапе развития ребенка у него возникают нереализуемые потребности. Для их осуществления он создает игру. Однако, отсюда не следует, что игра иллюзорно претворяет желание в реальность.

По мнению Л. С. Выготского, игра отличается от других видов деятельности наличием созданной ребенком мнимой ситуации, которая является основным, отличительным свойством игры. Данная особенность наблюдается также в играх для обучающихся старшего возраста. Л. С. Выготский в ходе исследования приходит к следующему выводу: игра с правилами является игрой с мнимой ситуацией. Необходимо различать правила игры и правила поведения в повседневной жизни ребенка. Если последние прививаются ребенку взрослыми, то в игре ребенок сам устанавливает правила.

«Игра создает зону ближайшего развития ребенка» [1]. Она содержит большой потенциал для его развития. Мотивы, планы возникают в игре и ставят ребенка на уровень выше.

Если говорить о современной теоретической разработке феномена игры, то здесь мы увидим, что изучение большей частью проводится в сфере образования, психологии, производственной и экономической сфере.

Таким образом, игра привлекает внимание представителей разных научных отраслей. Каждый исследователь вносит свое понимание в трактовку данного явления.

В обучении иностранному языку игра может использоваться как средство формирования определенных навыков и речевых умений, развития необходимых способностей и психических функций, запоминания речевого материала. Игра относится к активным методам обучения. В отличие от традиционного обучения, которое направлено преимущественно на усвоение знаний, умений и навыков, активные методы способствуют развитию личности. Поскольку объектом современной методики преподавания иностранных языков является коммуникативно-ориентированное обучение,

занятия приобретают все более интерактивный характер. Г. К. Селевко характеризует игровые технологии как один из способов интенсификации и активизации деятельности обучающихся, отличающийся высоким уровнем мотивированности участников учебного процесса, осознанием ими необходимости усвоения знаний, эффективностью и соответствием социальным нормам [3].

С активным внедрением компьютерных игр в образование появляется термин «серьезные игры» (1968), который охватывает широкое разнообразие видеоигр, применяемых в образовательных целях. Серьезные игры используют игровые и компьютерные технологии в образовательных целях, т.е. понятие «серьезные игры» подразумевает наличие обучающей модели, представление обучающего материала в игровой форме, оценку обучения в процессе игры или после ее завершения. Серьезная игра может служить моделью для создания образовательных материалов благодаря ее способности предоставить значимый контекст для изучения иностранного языка.

В отличие от игр на запоминание и многократное повторение материала, компьютерная игра также направлена на использование определенных навыков в заданной ситуации. В компьютерной игре обучающийся думает не только о правильности своей речи, но и о поведении и последствиях. Таким образом, имеется возможность изучать иностранный язык, погружаясь в ситуацию, что является большим преимуществом для студентов неязыковых вузов, где сокращено количество аудиторных часов, отведенных на изучение иностранного языка.

В методике преподавания иностранного языка в ВУЗе активно используются деловые игры. Это объясняется тем, что в высшей школе игровые методы, в первую очередь, должны быть ориентированы на ускоренную адаптацию будущего молодого специалиста к разнообразным условиям профессиональной деятельности, а также общению в профессионально-значимых ситуациях. Деловая игра является средством развития профессионального мышления в условиях, приближенных к реальным. Она воспроизводит процесс управления и принятия решений с партнером по игре и несет информационно-процедурный характер. Она отличается непредсказуемостью из-за свободы поиска и принятия решений, что придает ей специфическую форму познавательной деятельности. Мотивация лежит в интересах

участников, переплетении их с принятыми ролями. При этом важно определить в игре двоякую цель – игровую и дидактически воспитательную, достижение которой происходит благодаря результативной и познавательной мотивации игроков.

Одной из наиболее распространенных игр в учебном процессе является ролевая игра. В ней переплетается речевое и неречевое поведение участников. Наиболее часто используемым вариантом ролевых игр на уроках иностранного языка является интервью и импровизация. Они не требуют специальной подготовки или оборудования. Весьма эффективным методом обучения говорению является игра-драматизация. Обучение через драматизацию строится на способности человека имитировать и выражать мысли и чувства через мимику и жесты, использовать воображение, свой личный опыт, что вносит эмоциональное содержание в языковой процесс.

Как и любой метод обучающая игра имеет некоторые недостатки. Во-первых, она требует значительных временных затрат в виду необходимости тщательной подготовки со стороны преподавателя. Необходимо разработать сценарий, который должен содержать план, цель, описание процедуры игры, характеристику действующих лиц. Во-вторых, игра в учебном процессе имеет некоторую неопределенность и непредсказуемость результатов. В-третьих, есть вероятность внутреннего сопротивления отдельных участников. Важно грамотно использовать игру на определенном этапе урока, так как чрезмерное увлечение игрой может отрицательно сказаться на дисциплине и концентрации внимания, если проводить ее в начале занятия.

Рассматривая цели высшего образования, можно отметить: актуальной задачей является подготовка специалиста, обладающего необходимыми компетенциями и умениями в своей профессиональной деятельности, а также способностью и стремлением к самообразованию. Первоочередную роль здесь играет пробуждение интереса субъекта и поддержание устойчивой и длительной мотивации к обучению. Игра представляет собой одно из средств решения этой задачи. В большинстве игр человек “примеряет” на себя разные социальные роли с присущими им функциями. Так он познает особенности человеческих взаимоотношений. Игра воспитывает гуманное отношение к другим, уважение к старшим, чувство справедливости к сверстникам. Игра важна в любом возрасте:

ребенок в игре познает мир и границы своих возможностей, подросток находит в ней необходимую для себя социализацию и самовыражение, взрослый может почерпнуть многое для своей профессиональной деятельности и самореализации.

Список литературы

1. Выготский Л. С. Игра и ее роль в психическом развитии ребенка. URL : <http://dob.1september.ru/articlef.php?ID=200500510> (дата обращения: 07.04.2014)

2. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб., 1998. – URL : <http://azps.ru/hrest/28/2153749.html> (дата обращения: 06.04.2014)

3. Селевко Г. К. Современные образовательные технологии: Учебное пособие. М., 1998. URL : <http://www.alleng.ru/d/ped/ped021.htm> (дата обращения 19.04.2014)

4. Эльконин Д. Б. Психология игры. URL : <http://psychlib.ru/mgppu/EPI-1999/EPI-001.HTM> (дата обращения: 06.04.2014)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Секция «Иновационные подходы в лингвистике XXI века»

Андреева Кира Алексеевна – профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия).

e-mail: kiralex2012@yandex.ru

Асютина Ольга Александровна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Россия).

e-mail: ingeborge777@rambler.ru

Балакин Сергей Владимирович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков и межкультурных коммуникаций Уральского государственного университета путей сообщения (Екатеринбург, Россия).

e-mail: sergiorusso2007@yandex.ru

Березина Ольга Александровна – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и лингвострановедения Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

e-mail: berezinaolga@gmail.com

Бронникова Ольга Васильевна – аспирант кафедры английского языка Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия).

e-mail: olgacc@rambler.ru

Буркова Татьяна Александровна – доцент, доктор филологических наук, доцент Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (Уфа, Россия).

e-mail: burkova_tatajana@mail.ru

Важина Екатерина Николаевна – кандидат филологических наук, кафедры языкознания и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного педагогического университета (Оренбург, Россия).

e-mail: kvnosu@mail.ru

Васильев Лев Геннадьевич – профессор, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингвистики и иностранных языков Калужского государственного университета (Калуга, Россия).

e-mail: argumentation@mail.ru

Гашков Александр Владимирович – кандидат филологических наук, докторант кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского национального исследовательского политехнического университета (Пермь, Россия).

e-mail: gashkov@dom.raid.ru

Демьянова Татьяна Валентиновна – старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2 Чувашского государственного университета (Чебоксары, Россия).

e-mail: demyanovaty@mail.ru

Ельцова Мария Николаевна – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и связей с общественностью Пермского национального исследовательского политехнического университета (Пермь, Россия).

e-mail: maria_eltsova@mail.ru

Зубкова Ольга Станиславовна – профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Курского государственного университета (Курск, Россия)
e-mail: olgaz4@rambler.ru

Иванова Ольга Валерьевна – доцент, кандидат филологических наук, доцент Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород, Россия).
e-mail: olga-ivanova225@rambler.ru

Игошева Олеся Федоровна – преподаватель кафедры английского языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).
e-mail: igoshevaolesya@gmail.com

Каримов Рауль Дамирович – магистрант Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия)
e-mail: raoul.karimov@hotmail.com

Карманова Зоя Яковлевна – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Брянского государственного университета (Брянск, Россия).
e-mail: zoyadis@rambler.ru

Кисина Дарья Германовна – аспирант Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова (Санкт-Петербург, Россия).
e-mail: daria.germanovna@gmail.com

Козлова Алевтина Трофимовна – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1 Крымского федерального университета (Симферополь, Россия).
e-mail: alevtina1650@list.ru

Коровушкин Валерий Пантелеймонович – профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры германской филологии и межкультурной коммуникации Череповецкого государственного университета (Череповец, Россия).
e-mail: vkorovushki@mail.ru

Королева Екатерина Игоревна – аспирант, кафедры современного русского языка Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).
e-mail: korolyova87@mail.ru

Кристафорова Юлия Викторовна – старший преподаватель кафедры делового иностранного языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).
e-mail: juliekris@mail.ru

Макаренко Анна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Государственного социально-гуманитарного университета (Коломна, Россия).
e-mail: anna_patrikeeva@inbox.ru

Малашенко Марина Валентиновна – профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка гуманитарных факультетов Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия).
e-mail: mari_m57@mail.ru

Москальчук Галина Григорьевна – профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного педагогического университета (Оренбург, Россия).

e-mail: manakov2004@mail.ru

Назарова Ирина Петровна – ассистент Казанского государственного энергетического университета (Казань, Россия).

e-mail: nazarova.nazira@yandex.ru

Олизко Наталья Сергеевна – доцент, доктор филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: olizko@yandex.ru

Панков Фёдор Иванович – доцент, доктор филологических наук, доцент кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

e-mail: pankovf@mail.ru

Пермякова Елена Геннадьевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков и межкультурных коммуникаций Уральского государственного университета путей сообщений (Екатеринбург, Россия).

e-mail: egpermyakova@yandex.ru

Пономарева Ольга Борисовна – профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия).

e-mail: obponomareva@list.ru

Садретдинова Алсу Тимерьяновна – старший преподаватель Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (Уфа, Россия).

e-mail: alsoulina@mail.ru

Семененко Наталия Николаевна – доцент, доктор филологических наук, профессор кафедры филологии Старооскольского филиала Белгородского государственного национального исследовательского университета (Белгород, Россия).

e-mail: sinelnikov@bsu.edu.ru

Сергеева Диана Сергеевна – аспирант кафедры немецкой филологии Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного Федерального Университета (Ростов-на-Дону, Россия).

e-mail: dinusik61@yandex.ru

Сопина Александра Львовна – ассистент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова (Санкт-Петербург, Россия).

alexandrise@mail.ru

Татарникова Ирина Викторовна – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Россия).

e-mail: tatarnikova.i@ukr.net

Тупчиенко-Кадырова Люция Георгиевна – кандидат исторических наук (Кировоград, Украина), (Осиповичи, Республика Беларусь).

e-mail: kadyrovalg@mail.ru; e-mail: kadyrovalg@gmail.com

Фоменко Елена Геньевна – доцент, доктор филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Классического частного университета (Запорожье, Украина).
e-mail: clara8257@mail.ru

Хатламаджиян Маргарита Аршалуйсовна – соискатель кафедры немецкой филологии Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного Федерального Университета (Ростов-на-Дону, Россия).
e-mail: Margarita22@yandex.ru

Царегородцева Нина Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Уральского федерального университета (Екатеринбург, Россия).
e-mail: n.v.tsaregorodtseva@urfu.ru

Шереметьева Екатерина Валериевна – старший преподаватель, кафедры теории языка, литературы и социолингвистики Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Россия).
e-mail: ksheremeteva@mail.ru

Шеховцева Татьяна Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Белгородского государственного университета (Белгород, Россия).
e-mail: shekhovtseva@bsu.edu.ru

Щекотихина Ирина Николаевна – доцент, кандидат филологических наук, доцент Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева (Орел, Россия).
e-mail: schek@orel.ru

Энгель Елена Александровна – аспирант Тюменского государственного нефтегазового университета (Тюмень, Россия).
e-mail: engelkind@mail.ru

Секция «Дискурс как объект междисциплинарного исследования»

Анков Андрей Александрович – старший преподаватель кафедры иностранных языков и перевода Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).
e-mail: a.ankov@mail.ru

Апросина Юлия Сергеевна – аспирант, преподаватель кафедры делового иностранного языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).
e-mail: julia.aprosina@mail.ru

Асмус Нина Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).
e-mail: nasmus@74.ru

Безруков Андрей Николаевич – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной филологии Башкирского государственного университета, Бирский филиал (Бирск, Россия).
e-mail: in_text@mail.ru

Белова Екатерина Евгеньевна – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков и лингводидактики Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина (Нижний Новгород, Россия).
e-mail: belova_katerina@inbox.ru

Белозерцев Алексей Владимирович – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики его преподавания Шадринского государственного педагогического института (Шадринск, Россия).

e-mail: post@lc-poliglot.ru

Бушев Александр Борисович – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Тверского государственного университета (Тверь, Россия).

e-mail: alex.bouchev@list.ru

Васян Гаянэ Рубеновна – доцент, кандидат филологических наук, заведующая кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: VlasyanGR@yandex.ru

Власова Татьяна Михайловна – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры профессионально-ориентированных иностранных языков Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия).

e-mail: vlasova.tm@dvfu.ru

Власян Наринэ Рубиковна – студент Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: nvlasyan@yandex.ru

Воронцова Юлия Александровна – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина (Белгород, Россия).

e-mail: vorontsova73@mail.ru

Гаврикова Юлия Александровна – старший преподаватель кафедры теории и практики иностранных языков и лингводидактики Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина (Нижний Новгород, Россия).

e-mail: y.a_gavrikova@mail.ru

Гаврилов Виктор Валерьевич – аспирант Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: sarwini@mail.ru

Гаврилова Александра Валерьевна – аспирант Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: gavrilova_alexandra@mail.ru

Галич Татьяна Сергеевна – преподаватель кафедры иностранных языков для естественнонаучных направлений Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия).

e-mail: tanyagalich91@mail.ru

Григорьева Ирина Владимировна – магистр филологии, докторант кафедры русской филологии, русской и мировой литературы Казахского национального университета им. Аль-Фараби (Алматы, Казахстан).

e-mail: grigorjevai@mail.ru

Гуляева Марианна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации и перевода Волгоградского социально-педагогического университета (Волгоград, Россия).

e-mail: maryilya@yandex.ru

Гурин Дмитрий Олегович – аспирант Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: dmitry.dg.gurin@mail.ru

Гурьева Зинаида Ивановна – доцент, доктор филологических наук, заведующая кафедрой английского языка в профессиональной сфере Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия).

e-mail: ziguryeva@mail.ru

Дементьева Ксения Сергеевна – студентка Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина (Нижний Новгород, Россия).

e-mail: ksuha-dementeva@yandex.ru

Джодасбекова Баян Умирбековна – профессор, доктор филологических наук, заведующая кафедрой русской филологии и мировой литературы Казахского национального университета им. Аль-Фараби (Алматы, Казахстан).

e-mail: baiyan_zh@mail.ru

Дюжева Мария Борисовна – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры профессионально-ориентированных иностранных языков Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия).

e-mail: dyuzhevamaria@gmail.com

Жантурина Бахыт Нурмухановна – доцент, доктор филологических наук, профессор кафедры грамматики английского языка Московский педагогический государственный университет (Москва, Россия).

e-mail: uvaursi@inbox.ru

Жаркова Ульяна Анатольевна – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой романо-германских языков и межкультурной коммуникации Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: januar14@yandex.ru

Заболотнева Оксана Леонидовна – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: zoxl@mail.ru

Заборовская Светлана Витальевна – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры языковой подготовки Харьковского национального университета радиоэлектроники (Харьков, Украина).

e-mail: zaborovsv@gmail.com

Зайченко Светлана Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: sveta_zajchenko@list.ru

Занина Марина Александра – старший преподаватель кафедры иностранных языков Южно-Уральского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: m_zanina@mail.ru

Керер Ксения Александровна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры делового иностранного языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: ksenijakerer@rambler.ru

Ковальчук Лидия Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: kovalchuklidia@yandex.ru

Кожухова Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: vinantov@mail.ru

Колтышева Светлана Яковлевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры делового иностранного языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: legend74@mail.ru

Кочнева Юлия Евгеньевна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английского языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: julia_kochneva@list.ru

Крахалев Александр Владимирович – студент Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: progemos@rambler.ru

Кудрявцева Екатерина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия).

e-mail: katekudr@yandex.ru

Кудрявцева Надежда Борисовна – доцент, доктор филологических наук, заведующая кафедрой фонетики и грамматики французского языка факультета Московский государственный лингвистический университет (Москва, Россия).

e-mail: nkoudriavtseva@mail.ru

Кукарская Ольга Валерьевна – аспирант, ассистент кафедры английского языка института филологии и журналистики Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия).

e-mail: olga.kukarskaya@mail.ru

Курьянович Анна Владимировна – профессор, доктор филологических наук, заведующая кафедрой теории языка и методики обучения русскому языку и литературе Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия).

e-mail: kurjanovich.anna@rambler.ru

Ленец Анна Викторовна – профессор, доктор филологических наук, заведующая кафедрой немецкой филологии Южного федерального университета Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации (Ростов-на-Дону, Россия).

e-mail: annalene@yandex.ru

Ликунова Ирина Фёдоровна – доцент, кандидат филологических наук, профессор кафедры романских языков Дипломатической академии МИД РФ (Москва, Россия).

e-mail: kafrom305@gmail.com

Литвиненко Жанна Михайловна – аспирант Курского государственного университета (Курск, Россия).

e-mail: zhanna-mezenceva@yandex.ru

Лутфуллина Гюльнара Фирдавиевна – доцент, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Казанского государственного энергетического университета (Казань, Россия).

e-mail: gflutfullina@mail.ru

Ляпкина Эльвира Маратовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских языков и межкультурной коммуникации Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: elvira_l@mail.ru

Максимчик Оксана Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Самарского государственного социально-педагогического университета (Самара, Россия).

e-mail: maxana75@mail.ru

Мамонова Наталья Васильевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры делового иностранного языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: natalya-mamonova@rambler.ru

Минасян Вика Аркадьевна – студент Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина (Нижний Новгород, Россия).

e-mail: belova_katerina@inbox.ru

Муравьева Лариса Евгеньевна – аспирант, преподаватель кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации НИУ ВШЭ – Нижний Новгород Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород, Россия).

e-mail: larissa.muravieva@gmail.com

Нелюбина Юлия Александровна – преподаватель кафедры восточных и романо-германских языков Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: gerbera7489@mail.ru

Нестеренко Елена Юрьевна – старший преподаватель кафедры языков массовых коммуникаций Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

e-mail: elena.nester.00@mail.ru

Новикова Анна Михайлова – аспирант, преподаватель кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: Anna_chashchina@yahoo.com

Норкина Анна Сергеевна – студент Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: elisenobody@yandex.com

Ныгметова Бибигуль Джамбуловна – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Павлодарского государственного педагогического института (Павлодар, Казахстан).

e-mail: bibigul-n@mail.ru

Пастухова Оксана Дмитриевна – аспирант, преподаватель кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: oksana-galaxy7@mail.ru

Петрушова Елена Вадимовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка в профессиональной Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия).

e-mail: lena_gur87@mail.ru

Плахотная Юлия Ивановна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры делового иностранного языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: pl-julia@mail.ru

Подъяпольская Ольга Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романогерманских языков и межкультурной коммуникации Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: oljapod@mail.ru

Пономаренко Елена Аликовна – доцент, доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка Медицинской академии им. С.И. Георгиевского Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия).

e-mail: altai2005@yandex.ru

Ровная Оксана Владимировна – доцент кафедры профессиональной педагогики, директор центра тестирования Южно-Уральского государственного аграрного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: oxana_rovnaya@mail.ru

Ронжина Яна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского национального исследовательского политехнического университета (Пермь, Россия).

e-mail: yana_ronzhina@mail.ru

Рыжикова Марина Дмитриевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия).

e-mail: marinaryzhikova@yandex.ru

Рыкова Ольга Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: olga.pribylova@mail.ru

Самкова Мария Андреевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: _degi_@mail.ru

Седова Наталья Александровна – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры туризма, гостиничного и ресторанного бизнеса Омского государственного института сервиса (Омск, Россия).

e-mail: sedova2006@mail.ru

Семина Ирина Александровна – доцент, доктор филологических наук, заведующая кафедрой лексикологии и стилистики французского языка Московского государственного лингвистического университета (Москва, Россия).

e-mail: isemfirs@mail.ru

Сергеева Юлия Михайловна – доцент, доктор филологических наук, профессор кафедры грамматики английского языка Института филологии и иностранных языков Московского педагогического государственного университета (Москва, Россия).

e-mail: zork_lipa@mail.ru

Табакова Зинаида Петровна – профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка и литературы Северо-Казахстанского государственного университета им. М. Козыбаева (Петропавловск, Казахстан).

e-mail: ztabakova@yandex.ru

Тибинько Надежда Дмитриевна – старший преподаватель Карагандинской Академии «Болашақ» (Караганда, Казахстан).

e-mail: n.vold@bk.ru

Титова Елена Александровна – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: elena_vendina@list.ru

Томберг Ольга Витальевна – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и перевода Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

e-mail: olgatomberg@yandex.ru

Троицкая Татьяна Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета истории и международных отношений Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина (Рязань, Россия).

e-mail: troizkaja@rambler.ru

Туманова Айнагуль Бектасовна – доцент, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии, русской и мировой литературы Казахского национального университета им. Аль-Фараби (Алматы, Казахстан).

e-mail: a.tumanova@inbox.ru

Хантакова Виктория Михайловна – профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Иркутского государственного аграрного университета им. А.А. Ежевского (Иркутск, Россия).

e-mail: achinj@mail.ru

Чанышева Зульфира Закиевна – профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Башкирского государственного университета (Уфа, Россия).

e-mail: chanyshevazz@yandex.ru

Шефер Оксана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романогерманских языков и межкультурной коммуникации Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: oxana_csu@mail.ru

Шехтман Николай Абрамович – профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Оренбургского государственного педагогического университета (Оренбург, Россия).

e-mail: nick@ospu.ru

Шушарина Валентина Андреевна – студент Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: 10tina55@gmail.com

Секция «Проблемы современной лингводидактики»

Альметев Юрий Валерьевич – старший преподаватель кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).
e-mail: yu71@list.ru

Баканова Юлия Валерьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Военного Учебно-научного Центра Военно-Воздушной Академии ВУНЦ ВВА (Челябинск, Россия).
e-mail: BakanovaJV@yandex.ru

Басовская Евгения Наумовна – доцент, доктор филологических наук, заведующая кафедрой медиаречи Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия).
e-mail: Jeni_ba@mail.ru

Бобыкина Ирина Александровна – доцент, доктор педагогических наук, заведующая кафедрой делового иностранного языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).
e-mail: bobykina-ia@mail.ru

Бодрова Елена Владимировна – преподаватель кафедры делового иностранного языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).
e-mail: helenabodrova@gmail.com

Долгова Елена Геннадьевна – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии факультета иностранных языков Национального исследовательского университета им. Н. П. Огарева (Саранск, Россия).
e-mail: artzishevich@inbox.ru; dolgovaeg@gmail.com

Змеёва Татьяна Егоровна – доцент, кандидат филологических наук, профессор кафедры французского языка Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия).
e-mail: tatzm@yandex.ru

Кириллова Татьяна Сергеевна – профессор, доктор филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Астраханского государственного медицинского университета (Астрахань, Россия).
e-mail: Kirillova-ASMA@yandex.ru

Кошкина Елена Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия).
e-mail: e-lena-koshkina@yandex.ru

Лубожева Лионелла Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры делового иностранного языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).
e-mail: lubozhevka@mail.ru

Майер Инна Александровна – доцент, кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой германо-романской филологии и иноязычного образования Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Красноярск, Россия).
e-mail: inna.maier@mail.ru

Маркарян Кристина Араевна – преподаватель кафедры гуманитарных предметов и физической культуры Национального политехнического университета Армении, Капанский филиал (Капан, Армения).
e-mail: mkristina1973@mail.ru

Мелихова Ирина Николаевна – преподаватель кафедры иностранных языков Южно-Уральского государственного университета (Челябинск, Россия).
e-mail: melihova-in@mail.ru

Мингажева Елена Александровна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры делового иностранного языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).
e-mail: Mingazheva.lena@mail.ru

Миронова Елена Вячеславовна – старший преподаватель Трехгорного технологического института НИЯУ МИФИ (Челябинск, Россия).
e-mail: mironova-trg@mail.ru

Насирова Валентина Николаевна – аспирант Астраханского государственного медицинского университета (Астрахань, Россия).
e-mail: Kirillova-ASMA@yandex.ru

Ольховская Александра Игоревна – кандидат филологических наук, доцент Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (Москва, Россия).
e-mail: aleksandra_olhovskaya@mail.ru

Папка Наталья Витальевна – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры германистики и межкультурной коммуникации Пятигорского государственного лингвистического университета (Пятигорск, Россия).
e-mail: birkit@mail.ru

Пономарёва Любовь Дмитриевна – профессор, доктор педагогических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия).
e-mail: pomomareva.ld@yandex.ru

Селиванова Нина Викторовна – доцент кафедры языков центральной и Юго-Восточной Европы Московского государственного института международных отношений МИД России (Москва, Россия).
e-mail: seliv_n@mail.ru

Скоробогатова Анна Сергеевна – преподаватель кафедры иностранных языков Южно-Уральского государственного университета (Челябинск, Россия).
e-mail: melihova-in@mail.ru

Суслова Оксана Валентиновна – доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).
e-mail: suslovaoksana@yandex.ru

Успенская Евгения Анатольевна – профессор, кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой немецкого языка НИУ «Высшая школа экономики» (Москва, Россия).
e-mail: e-lena-koshkina@yandex.ru

Шадикова Анна Викторовна – ассистент кафедры иностранных языков и межкультурной профессиональной коммуникации экономико-правовых направлений Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия).
e-mail: annashadikova@gmail.com

Шайхлисламова Лилия Финадовна – аспирант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия).
e-mail: Lillie9@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Секция «Иновационные подходы в лингвистике XXI века»

<i>К. А. Андреева (Тюмень, Россия).</i> Технологии когнитивной поэтики в экспликации конструирования фантастического многомирия	3
<i>С. В. Балакин (Екатеринбург, Россия).</i> Фрактальный характер пропозиции при деривационных процессах	8
<i>О. А. Березина (Санкт-Петербург, Россия).</i> Фактор наблюдения как критерий исследования сентенциональной семантики	11
<i>О. В. Бронникова (Тюмень, Россия).</i> Способы концептуализации времени в английском языке	15
<i>Т. А. Буркова, А. Т. Садретдинова (Уфа, Россия).</i> Языковая игра в синхронии и диахронии	20
<i>Е. Н. Важина (Оренбург, Россия).</i> Предикативный потенциал сложных существительных с признаковым компонентом	24
<i>Л. Г. Васильев (Калуга, Россия).</i> Лингвистическая аргументология в России	27
<i>А. В. Гашков (Пермь, Россия).</i> Автоматический поиск синтаксической омонимии в тексте	32
<i>Т. В. Демьянова (Чебоксары, Россия).</i> Проблемы интегрирования языкового образования с профильным образованием в вузе	35
<i>М. Н. Ельцова (Пермь, Россия).</i> Основы моделирования энергейного измерения текстового пространства	40
<i>О. С. Зубкова (Курск, Россия).</i> Контекстная семантика языковых единиц с высоким индексом образности (на примере профессиональной метафоры и каламбура)	45
<i>О. В. Иванова (Нижний Новгород, Россия).</i> Ассоциативные связи слов в текстах разных стилей	49
<i>О. Ф. Игошева (Челябинск, Россия).</i> Построение инвентаря дифонов для автоматического синтеза речи	52
<i>Р. Д. Каримов (Челябинск, Россия).</i> Проблема автоматической лемматизации корпуса средневекового английского языка	55
<i>З. Я. Карманова (Брянск, Россия).</i> Слово в контексте феноменологического инсайта	59
<i>Д. Г. Кисина (Санкт-Петербург, Россия).</i> Понятие семифинитива и возможность его применения в когнитивной лингвистике	63
<i>А. Т. Козлова (Симферополь, Россия).</i> Просодическая экспликация речевого феномена апеллятивного типа (на материале английского призыва)	67
<i>В. П. Коровушкин (Череповец, Россия).</i> О пролегоменах субкультуролингвистики лингвосубкультурологии	71
<i>Е. И. Королева (Екатеринбург, Россия).</i> Экспрессивность английского глагольного словосочетания (на материале современных британских романов-дневников)	76
<i>Ю. В. Кристафорова (Челябинск, Россия).</i> Когнитивные принципы появления новых лексико-семантических вариантов у многозначных глаголов	79
<i>А. А. Макаренко (Коломна, Россия).</i> Креолизированный рекламный текст как средство языковой манипуляции	82
<i>М. В. Малащенко (Ростов-на-Дону, Россия).</i> Изменение прагматики имени как индикатор социально-политических перемен	87
<i>Г. Г. Москальчук (Оренбург, Россия).</i> Содержательность формы текста	92
<i>И. П. Назарова (Казань, Россия).</i> Первичная темпоральная локализация	97
<i>Н. С. Олизько (Челябинск, Россия).</i> Гармония формы текста	100
<i>Ф. И. Панков (Москва, Россия).</i> Парцелляция как лингвистический механизм текстообразования	103

Е. Г. Пермякова (Екатеринбург, Россия). Функционально-семиологический подход в изучении глаголов ПОЛУЧЕНИЯ в английском и русском языках	107
О. Б. Пономарева (Тюмень, Россия). Когнитивное моделирование семантической VS. концептуальной деривации в субстандартной подсистеме	110
Н. Н. Семененко (Старый Оскол, Россия). Когнитивное моделирование как комплексный анализа паремической семантики	115
Д. С. Сергеева (Ростов-на-Дону, Россия). Создание образа «врага» как залог успеха в политической коммуникации	121
А. Л. Сопина (Санкт-Петербург, Россия). Аллюзия или иллюзия: гетерогенность интертекстуальности в свете теории концептуальной интеграции	124
И. В. Татарникова, Е. В. Шереметьева, О. А. Асютин (Симферополь, Россия). Произносительная норма и специфика проявления её вариативности	127
Л. Г. Тупчиенко-Кадырова (Кировоград, Украина). Поисковая карта полных текстов архивных биографических документов композитора как результат системно-предметной структуризации	131
Е. Г. Фоменко (Запорожье, Украина). Турбулентное рассеяние в языке Джеймса Джойса	134
М. А. Хатламаджиян (Ростов-на-Дону, Россия). Изучение лжи с позиции прагматической лингвистики	140
Н. В. Царегородцева (Екатеринбург, Россия). Идеографические аспекты изучения антонимов (на материале английских паремий)	144
Т. М. Шеховцева (Белгород, Россия). Оценочный компонент в содержании концепта <i>сила</i> в современном английском языке	147
И. Н. Щекотихина (Орел, Россия). Систематизация данных ассоциативного эксперимента: проблемы, подходы, новые идеи	150
Е. А. Энгель (Тюмень, Россия). Лингвокреативные процессы в когнитивной лингвистике	155

Секция «Дискурс как объект междисциплинарного исследования»

А. А. Анков (Екатеринбург, Россия). Функционирование концепта инвектив в паремии французской и английской лингвокультур	159
Ю. С. Апросина (Челябинск, Россия). Механизмы реализации саспенса в англоязычном кинодискурсе (на материале фильмов А. Хичкока)	162
Н. Г. Асмус (Челябинск, Россия). Прецедентность интернет-мемов	165
А. Н. Безруков (Бирск, Россия). Поэтический стиль и художественный дискурс: проблема соотношений	169
Е. Е. Белова, В. А. Минасян (Нижний Новгород, Россия). Интертекст в произведении М. Ондаатже “The English Patient”	173
А. В. Белозерцев (Шадринск, Россия). Повтор высказывания как механизм концептуализации	176
А. Б. Бушев (Тверь, Россия). Мировые медиа об исламистах	180
Т. М. Власова, М. Б. Дюжева (Владивосток, Россия). Кинесические маркеры как индикаторы социально-подчиненной позиции коммуниканта	184
Г. Р. Власян (Челябинск, Россия). Национально-культурная специфика грамматической системы языка	188
Н. Р. Власян (Челябинск, Россия). Реализация дискурсивных маркеров в англоязычном разговорном дискурсе (на материале художественных произведений)	191
Ю. А. Воронцова (Белгород, Россия). Проявление экстремизма в современном дискурсе	194
В. В. Гаврилов (Челябинск, Россия). Философско-лингвистическое осмысление сущности понятия «компьютерная игра»	198
А. В. Гаврилова (Челябинск, Россия). Реализация категории интертекстуальности в кинодискурсе (на материале американского телесериала «Декстер»	201
Т. С. Галич (Красноярск, Россия). К определению понятия когнитивного механизма	205

И. В. Григорьева, А. Б. Туманова (Алматы, Казахстан). Лингвокультурные концепты цветообозначения в индивидуально-авторской картине мира	208
М. А. Гуляева (Волгоград, Россия). Дисквалификация коммуникации как стратегия выхода из коммуникативного процесса	212
Д. О. Гурин (Челябинск, Россия). Рекламный дискурс: подходы к определению понятия	215
З. И. Гурьева, Е. В. Петрушова (Краснодар, Россия). Дискурс предметной области «маркетинг» как объект междисциплинарного исследования	218
К. С. Дементьева, Ю. А. Гаврикова (Нижний Новгород, Россия). Окказионализмы в произведениях Г. Форман и Дж. Грина	222
Б. Н. Жантурина (Москва, Россия). Перцептивные признаки в рекламном глуттоническом дискурсе	225
У. А. Жаркова (Челябинск, Россия). Ономастикон искусствоведческого дискурса	229
О. Л. Заболотнева (Челябинск, Россия). Полидискурсивные особенности лекции	232
С. В. Заборовская (Харьков, Украина). Instagram как новая форма интернет-коммуникации	236
С. С. Зайченко (Челябинск, Россия). Фрактальный образ концепта « <i>spiritual power</i> » в англоязычном художественном кинодискурсе исторического жанра	239
М. А. Занина (Челябинск, Россия). Сложности понимания метафоры в научно-техническом тексте	244
К. А. Керер (Челябинск, Россия). Отражение лингвокультурного образа профессионала в кинодискурсе (на материале кинофильма «Дни хирурга Мишкина»)	247
Л. П. Ковальчук (Челябинск, Россия). Особенности формирования женских зооморфных блендов в английском сказочном дискурсе	250
И. В. Кожухова (Челябинск, Россия). Тематическая организация жанра Small Talk в XXI в. (на материале английского языка)	254
С. Я. Колтышева (Челябинск, Россия). Особенности дискурса языковой личности представителя российского шоу-бизнеса	256
Ю. Е. Кочнева (Челябинск, Россия). Числовая аллюзия на примере кукольного мультипликационного фильма студии У. Диснея “The nightmare before Christmas”	260
А. В. Крахалев (Челябинск, Россия). Анализ метафорической модели «президент В.В. Путин – агрессивный военный» в американском политическом дискурсе	263
Е. А. Кудрявцева (Красноярск, Россия). О некоторых особенностях дачного общения	266
Н. Б. Кудрявцева (Москва, Россия). Дискурсивно-игровой потенциал французского синтаксиса	271
О. В. Кукарская (Тюмень, Россия). Обращение к мифологическому мышлению как способ создания дискурса авангарда	276
А. В. Курьянович (Томск, Россия). Языковая личность в пространстве эпистолярно-медийной коммуникации: правовые аспекты речевого поведения	279
А. В. Ленец (Ростов-на-Дону, Россия). Культура лжи в современном дискурсе	283
И. Ф. Ликунова (Москва, Россия). Функционально-экспрессивное многообразие сложной формы плюсквамперфекта индикатива в португальском языке	287
Ж. М. Литвиненко (Курск, Россия). Языковые особенности жанров интернет-коммуникации	290
Г. Ф. Лутфуллина (Казань, Россия). Будущее время и футуральные формы	293
Э. М. Ляпкина (Челябинск, Россия). Языковая выразительность текстов песен Stromae	296
О. А. Максимчик (Самара, Россия). Манипулирование массовым сознанием в англоязычном медиадискурсе: лингвопрагматический аспект	300
Н. В. Мамонова (Челябинск, Россия). Образ открытой среды интерпретационной функции языка	305
Л. Е. Муравьева (Нижний Новгород, Россия). Нарративная авторефлексия и способы её выражения в современном литературном дискурсе	308
Ю. А. Нелюбина (Челябинск, Россия). Кинодискурс как разновидность медиадискурса	312

Е. Ю. Нестеренко (Екатеринбург, Россия). Статусные обращения в русском и английском педагогическом дискурсе	316
А. М. Новикова (Челябинск, Россия). Коммуникативные стратегии убеждения в американском политическом интервью	320
А. С. Норкина (Челябинск, Россия). Аллюзия как средство реализации интертекстуальных связей (на примере текстов песен англоязычных и франкоязычных рок-исполнителей в период с 2000 по 2015 гг.)	323
Б. Д. Ныгметова (Павлодар, Казахстан). Прагматические функции метафоры в метеорологическом дискурсе	326
О. Д. Пастухова (Челябинск, Россия). От эвфемизма к дисфемизму	329
Ю. И. Плахотная (Челябинск, Россия). Методы моделирования дискурса	332
О. Ю. Подъяпольская (Челябинск, Россия). Немецко- и русскоязычные объявления о найме на работу: структура, языковые и прагматические особенности	336
Е. А. Пономаренко (Симферополь, Россия). Регулятивный характер институционального (медицинского) дискурса	340
О. В. Ровная (Челябинск, Россия). Актуализация социокультурного аспекта в лингвометодике	344
Я. Н. Ронжина (Пермь, Россия). Транссемиотические процессы в семиопространстве	348
М. Д. Рыжикова (Симферополь, Россия). Лингвистические особенности реализации стратегии похвалы в англоязычном туристическом дискурсе	352
О. В. Рыкова (Челябинск, Россия). Взаимодействие понятий «концепт» и «дискурс» на примере вербализации концепта «терроризм»	356
М. А. Самкова (Челябинск, Россия). Симметричность и дискурсивность как свойства текста	359
Н. А. Седова (Омск, Россия). Метафора как средство языковой интерпретации образа человека и его частей в художественном дискурсе	362
И. А. Семина (Москва, Россия). Масштабирование как одна из дискурсивных функций французских широкозначных антропонимов	366
Ю. М. Сергеева (Москва, Россия). О способах выражения персонального дейксиса в художественном тексте	371
З. П. Табакова (Петропавловск, Казахстан). Семантическая структура концепта <i>память</i> в поэтическом тексте	375
Н. Д. Тибиныко (Челябинск, Россия). Классификации интертекстуальных включений	381
Е. А. Титова (Челябинск, Россия). Благозвучие и неблагозвучие как средства прагматического воздействия в поэтическом тексте	384
О. В. Томберг (Екатеринбург, Россия). Гендерная асимметрия имагосферы англосаксонской поэтической лингвокультуры	387
Т. Б. Троицкая (Рязань, Россия). Дискурсивные стратегии немецкоязычных PR-текстов	390
А. Б. Туманова, Б. У. Джолдасбекова (Алматы, Казахстан). Репрезентация национальной идеи Казахстана в гуманитарном дискурсе лидера нации	394
В. М. Хантакова (Иркутск, Россия). Роль синонимического повтора в создании напряжения в тексте / дискурсе	398
З. З. Чанышева (Уфа, Россия). Средства оформления ложной информации в дискурсе конфликта	402
О. В. Шефер (Челябинск, Россия). Средства отражения корпоративной философии в брендовом дискурсе компании Knauf	407
Н. А. Шехтман (Оренбург, Россия). Роль пресуппозиций в интерпретации текста	411
В. А. Шушарина (Челябинск, Россия). Коммуникативная стратегия дискредитации в российском политическом дискурсе	414

Секция «Проблемы современной лингводидактики»

Ю. В. Альметев (Челябинск, Россия). Нарративный анализ и графический роман как методы исследования	418

Ю. В. Баканова (Челябинск, Россия). Основные направления формирования профессиональной мотивации при обучении военно-профессиональному дискурсу	421
Е. Н. Басовская (Москва, Россия). Внимание, советизмы! (Семантический, стилистический, лингводидактический аспект)	424
И. А. Бобыкина (Челябинск, Россия). Стратегические задачи высшего образования для новых реалий России	428
Е. В. Бодрова (Челябинск, Россия). Формирование иноязычной коммуникативной компетенции в системе непрерывного образования	433
Е. Г. Долгова (Саранск, Россия). Роль преподавателя русского языка как иностранного в обучении иностранных студентов	436
Т. Е. Змёва (Москва, Россия). Обучение иностранному языку в неязыковом вузе: дидактический потенциал юмористических текстов	439
Т. С. Кириллова, В. Н. Насирова (Астрахань, Россия). Социальный характер термина	442
Е. Г. Кошкина, Е. А. Успенская (Москва, Россия). Творческий компонент в содержании контроля как условие профессиональной подготовки будущих специалистов (на примере заданий олимпиады по немецкому языку для студентов)	445
Л. Н. Лубожева (Челябинск, Россия). Инновационные образовательные технологии изучения иностранного языка в вузе	454
И. А. Майер (Красноярск, Россия). Элективный курс по страноведению как средство развития социокультурной компетенции учащихся при обучении иностранному языку в классах филологического профиля	457
К. А. Маркарян (Капан, Армения). Стилистическая аспектизация процесса обучения иностранному языку как важное условие в формировании профессионально-коммуникативной компетенции	461
И. Н. Мелихова (Челябинск, Россия). Современный учебник иностранного языка	464
Е. А. Мингажева (Глухова) (Челябинск, Россия). Интерактивный брифинг как одна из форм контроля овладения коммуникативной иноязычной компетенцией обучающихся в вузе посредством самообразования	467
Е. В. Миронова (Трехгорный, Россия). Внеаудиторное чтение как вид самостоятельной учебной деятельности студентов в техническом вузе	470
А. И. Ольховская (Москва, Россия). К вопросу о средствах обучения лексике русского языка как иностранного	474
Н. В. Папка (Пятигорск, Россия). Особенности прикладного характера немецкого языка как второго иностранного в преподавании межкультурной коммуникации в сфере туризма	479
Л. Д. Пономарёва (Магнитогорск, Россия). Текст в системе речетворческого развития обучающихся: методический аспект	482
Н. В. Селиванова (Москва, Россия). Вузовский электронный учебник в помощь «малым» иностранным языкам	485
А. С. Скоробогатова (Челябинск, Россия). О понимании явления одаренности в разных странах	488
О. В. Суслова (Челябинск, Россия). Развитие умений социального взаимодействия при обучении иностранному языку в вузе	491
А. В. Шадикова (Тюмень, Россия). Этимологическая интерпретация шотландских топонимов	494
Л. Ф. Шайхлисламова (Москва, Россия). Игра как активный метод обучения иностранному языку в высшей школе	497
Сведения об авторах	536

Научное издание

**СЛОВО, ВЫСКАЗЫВАНИЕ, ТЕКСТ
В КОГНИТИВНОМ, ПРАГМАТИЧЕСКОМ
И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ**

Материалы
VIII Международной научной конференции

*Челябинск
20-22 апреля 2016 года*

Верстка *А. А. Селютин*

*Подписано в печать 07.04.16.
Формат 60х84 1/8. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 64,9. Уч.-изд. л. 65,1.
Тираж 500 экз. Заказ 357*

Издательство «Энциклопедия».
454084, Челябинск, проспект Победы, 160.

Отпечатано в типографии
«Два комсомольца» с готового макета.
Челябинск, 454084, Комсомольский пр., 2.